„Помощь голодающимъ".

Научно-Литературный

сборникъ.

Съ приложеніемъ фототипій и цинкографій.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ".
1892

1912
2 III 7
П.

Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатня **А. А. Левенсонъ.**

МОСКВА, Петровка, домъ Левенсонъ.

БИБЛИОТЕКА
[illegible]

Осенью нынѣшняго года, въ Москвѣ, въ кружкѣ литераторовъ возникла мысль объ оказаніи помощи голодающимъ посредствомъ изданія Сборника изъ беллетристическихъ и научныхъ статей, а также, по мѣрѣ возможности, и рисунковъ. Осуществленію этой мысли изъявили готовность содѣйствовать издатели „Русскихъ Вѣдомостей“, принятіемъ на себя всѣхъ расходовъ по изданію Сборника, въ количествѣ 6100 экземпляровъ, съ тѣмъ, чтобы весь валовой сборъ отъ продажи Сборника поступилъ полностью въ пользу нуждающагося населенія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей. Завѣдываніе редакціей Сборника было предложено Д. Н. Анучину, который и принялъ на себя все дальнѣйшее веденіе этого дѣла.

Мысль о помощи голодающимъ, возникшая указаннымъ путемъ, была встрѣчена съ горячимъ сочувствіемъ въ средѣ писателей и художниковъ. Она вызвала такое большое число предложеній, въ формѣ безвозмездныхъ статей и рисунковъ, что для редакціи оказалось невозможнымъ воспользоваться всѣмъ предложеннымъ матерьяломъ. Пришлось, къ сожалѣнію, отклонить цѣлый рядъ статей, отчасти уже написанныхъ и доставленныхъ, отчасти — обѣщанныхъ и заявленныхъ; точно также пришлось отклонить нѣкоторые рисунки — по ихъ позднему предложенію. Но, даже и при этихъ ограниченіяхъ, размѣры Сборника значительно превысили первоначально предположенные тридцать печатныхъ листовъ.

Такъ какъ статьи доставлялись въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, то въ распредѣленіи ихъ,—принимая во вниманіе необходимость выпуска сборника къ извѣстному сроку, — нельзя было провести какого-либо опредѣленнаго порядка и плана: статьи поступали въ наборъ по мѣрѣ ихъ полученія, безъ отношенія къ ихъ категоріямъ; редакція старалась только, по мѣрѣ возможности, разнообразить содержаніе, вставляя между беллетристическими произведеніями научныя статьи и помѣщая рядомъ съ произведеніями современныхъ писателей—неизвѣстные отрывки и письма литературныхъ дѣятелей прошлаго времени.

Въ заключеніе, редакція считаетъ своимъ долгомъ указать на то содѣйствіе, которое она встрѣтила при печатаніи Сборника въ Писчебумажномъ Товариществѣ М. Г. Кувшинова, сдѣлавшемъ скидку на бумагѣ, въ суммѣ болѣе 200 руб., и въ фототипіяхъ Шереръ, Набгольцъ и К° и—Р. Тиле, взявшихъ менѣе 2 коп. за каждый, исполненный ими, фототипическій оттискъ. Подробный отчетъ о стоимости изданія Сборника, равно какъ и о имѣющихъ быть полученными, отъ продажи его, суммахъ будетъ своевременно опубликованъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

Завѣдывавшій редакціей Сборника „Помощь Голодающимъ“

Д. Анучинъ.

Москва
14 декабря 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

В. Г. Короленко: „Рѣка играетъ“. (Эскизы изъ дорожнаго альбома) 1

Н. К. Михайловскій: Декамеронъ 26

Д. Н. Маминъ: Лебедь Хантыгая. (Легенда) 44

Д. С. Мережковскій: Конецъ вѣка. (Очерки современнаго Парижа). Поэма 53

И. И. Янжулъ: Сосѣдскія гильдіи. (Новый путь къ соціальной реформѣ) 65

А. В. Себрякова: Два стихотворенія. 90

Котъ-Мурлыка (Н. П. Вагнеръ): Къ Христовой заутрени. (Сельская картинка) 93

Изъ Гейне. Три стихотворенія. Пер. *П. В. Трунина* 102

С. Н. Филипповъ: Два вечера. (Разсказъ). 104

В. И. Герье: Св. Елисавета, ландграфиня Тюрингенская. . . . 115

Н. М. Астыревъ: Во-время. (Разсказъ) 139

П. Д. Боборыкинъ: Цѣна жизни. (Лекція, читанная въ пользу голодающихъ) 165

К. Д. Бальмонтъ: Два стихотворенія 187

Альфонсъ Додэ: Провинціальный клубъ. (Переводъ съ рукописи, доставленной для Сборника) 188

И. М. Сѣченовъ: Предметная мысль и дѣйствительность. . . . 193

В. И. Немировичъ-Данченко: Сонъ пустыни. (Сказка). 210

А. П. Чеховъ: Бѣглые на Сахалинѣ. 227

Прологъ къ „Горе отъ ума“ **А. С. Грибоѣдова**. Сообщилъ *Н. М. Городецкій*. 249

Отзывъ **П. А. Катенина** о „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина. Сообщилъ *А. И. Станкевичъ*. 253

Письмо **Е. А. Баратынскаго** къ Плетневу. Сообщилъ *Я. К. Гротъ*. 259

О крестовыхъ походахъ. Статья **Т. Н. Грановскаго**. Сообщилъ *М. П. Щепкинъ*. 261

Стр.

Буква. (И. Ф. Василевскій): Сытый. (Очеркъ) 265
И. Е. Забѣлинъ: Двѣ грамотки. 271
В. Л. Величко: Изъ восточныхъ мотивовъ. (Три стихотворенія) . 279
И. Н. Потапенко: Письмо. (Этюдъ) 282
И. И. Мечниковъ: Борьба за существованіе частей животнаго организма. 309
Н. М. Минскій: Стихотвореніе. 323
К. С. Баранцевичъ: Послѣдніе листья. (Разсказъ) 324
А. Ленцевичъ: Въ небесахъ. (Стихотвореніе) 330
Н. Н. Златовратскій: Старыя тѣни. (Эпизоды изъ повѣсти „Дѣти освобожденія“). 331
М. М. Ковалевскій: Какими мѣрами итальянскія республики боролись съ голодомъ и нуждою 352
Г. А. Мачтетъ: Утро въ Малодумовкѣ. (Эскизъ). 370
Письмо **Ѳ. М. Достоевскаго** къ Н. Д. Фонъ-Визиной. 389
К. М. Станюковичъ: Вдали отъ береговъ. (Картинки морской жизни) 394
В. А. Гольцевъ: Благотворительность и предусмотрительность. . 410
К. М. Фофановъ: Пусть очи не видятъ. Стихотвореніе 419
Н. А. Котляревскій: Нѣсколько отрывковъ изъ неизданной переписки Бѣлинскаго. (По матеріаламъ, сообщеннымъ *А. Н. Пыпинымъ*). 420
Два письма **В. Г. Бѣлинскаго** и одно письмо **В. П. Боткина.** Сообщилъ *Г. А. Джаншіевъ*. 440
А. В. Орлова: Воспоминанія о М. В. Бѣлинской. (Съ приложеніемъ стихотвореній *В. И. Красова*). 447
А. Н. Веселовскій: У Вольтера 453
В. Л. Величко: Заглохшій прудъ. Стихотвореніе. 462
Изъ переписки **Н. В. Гоголя:** Письмо Гоголя къ Ѳ. Н. Бѣляеву. Сообщилъ *П. И. Бартеневъ*. (Съ приложеніемъ отвѣтнаго письма Бѣляева, сообщеннаго *В. И. Шенрокомъ*) 464
Письма Гоголя къ М.А. и К. М. Базили. (Сообщилъ *А. К. Базили*). 466
Изъ писемъ къ Гоголю **А. О. Смирновой.** (Сообщилъ *В. И. Шенрокъ*). 470
Г. И. Успенскій: Изъ памятной книжки 480
А. И. Воейковъ: Климатъ и народное хозяйство 485
К. Д. Бальмонтъ: Стихотвореніе 499
А. Н. Плещеевъ: Стихотвореніе. 500
Н. И. Стороженко: Юношеская любовь Гёте. 501
Изъ переписки людей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. а) Изъ писемъ **Герцена, Огарева и Грановскаго.** Сообщилъ *Е. Ѳ. Коршъ*. 517
б) Изъ переписки А. Н. Афанасьева. (Письмо **В. И. Даля** и два письма **П. П. Пекарскаго**). Сообщилъ *Е. И. Якушкинъ*. . . 530
Н. С. Тихонравовъ: Литературныя мелочи неурожайнаго года(1786). 535

Стр.

Вл. С. Соловьевъ: Личная нравственность и общее дѣло. . . . 557

Жюль Лемэтръ: Бретонская легенда (Переводъ съ рукописи, доставленной для Сборника). 565

А. М. Жемчужниковъ: Всѣмъ хлѣба. Стихотвореніе 567

Гр. Л. Н. Толстой: О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая 569

— Сказка 587

Заглавная виньетка — „Помощь голодающимъ“, рисунокъ *В. Е. Маковскаго*, фототипія Р. Тиле, въ Москвѣ.

„Голодный голоднаго разумѣетъ“, рисунокъ *К. А. Трутовскаго*, фототипія Р. Тиле, въ Москвѣ.

„На льдинѣ“, рисунокъ *В. М. Васнецова*, фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, въ Москвѣ.

Пейзажъ, рисунокъ *А. А. Киселева*, цинкографія П. О. Яблонскаго, въ Петербургѣ.

„Крючникъ“, рисунокъ *С. В. Иванова*, цинкографія П. О. Яблонскаго, въ Петербургѣ.

„Плохи дѣла!“, рисунокъ *В. Е. Маковскаго*, фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, въ Москвѣ.

„Затопило!“, рисунокъ *Н. А. Мартынова*, цинкографія П. О. Яблонскаго, въ Петербургѣ.

Автографъ В. Г. Бѣлинскаго; первая страница его письма къ М. В. Орловой, фототипія Р. Тиле, въ Москвѣ.

Виньетка (къ стихотворенію К. Д. Бальмонта). Рисунокъ *Г. Ѳ. Ярцева*, автотипія П. О. Яблонскаго, въ Петербургѣ.

Фридерика Бріонъ, юношеская любовь Гёте. Съ литогр. портрета, фототипія Р. Тиле, въ Москвѣ.

„Солдатка“, рисунокъ *И. Е. Рѣпина*, цинкографія П. О. Яблонскаго, въ Петербургѣ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
24	15 сверху	„третьеводнишнія“	„третьегоднишнія“.
96	5 —	„кокыляютъ“	„ковыляютъ.“
250	14 снизу	„1825-го года“	„1823-го года“.
391	15 —	„въ 1835 г.“.	„въ 1853 г.“.
398	20 —	„Падре.... падре...“	„Пàи... пàи...“
—	19—18 —	„А какая такая падра?“	„А какой такой пая“?

442 и 443. Нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній отмѣчены одинаковыми значками.

Дозволено цензурою. Фототипія Р. Тиле, Москва.

„Голодный голоднаго разумѣетъ“.

Съ рисунка К. А. Трутовскаго.

„РѢКА ИГРАЕТЪ“.

(Эскизы изъ дорожнаго альбома).

I.

Проснувшись, я долго не могъ сообразить, гдѣ я...

Надо мной разстилалось голубое небо, по которому тихо плыло и таяло сверкающее бѣлое облако. Закинувъ нѣсколько голову, я могъ видѣть въ вышинѣ темную деревянную церковку, наивно глядѣвшую на меня изъ-за зеленыхъ деревьевъ, съ высокой кручи. Вправо, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня, стоялъ какой-то незнакомый шалашъ, влѣво сѣрый неуклюжій столбъ, съ широкой досчатой крышей, съ кружкой и съ доской, на которой было написано:

„Пожертвуйте проходящіи
на колоколо господне“.

А у самыхъ моихъ ногъ плескалась рѣка...

Этотъ-то плескъ и разбудилъ меня отъ сладкаго сна. Давно уже онъ прорывался къ сонному сознанію безпокоящимъ шопотомъ, точно ласкающій, но вмѣстѣ безпощадный голосъ, который подымаетъ на зарѣ для неизбѣжнаго, труднаго дня. А вставать такъ не хочется...

Я опять закрылъ глаза, чтобы отдать себѣ, не двигаясь, отчетъ въ томъ, какъ это я очутился здѣсь, подъ открытымъ небомъ, на берегу плещущей рѣчки, въ сосѣдствѣ этого шалаша и этого столба съ простодушнымъ обращеніемъ къ проходящимъ...

Понемногу въ умѣ моемъ возстановились предшествующія обстоятельства. Предъидущія сутки я провелъ на „Святомъ озерѣ“, у невидимаго града Китежа, толкаясь межъ народомъ, слушая гнусавое пѣніе нищихъ-слѣпцовъ, останавливаясь у импровизированныхъ алтарей, подъ развѣсистыми деревьями, гдѣ безпоповцы,

скитники и скитницы разныхъ толковъ пѣли свои службы, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ, въ густыхъ кучкахъ народа, кипѣли страстные религіозные споры. Ночь я провелъ всю на ногахъ, сжатый въ густой толпѣ, у старой часовни. Мнѣ вспомнились утомленныя лица миссіонера и двухъ священниковъ, кучи книгъ на аналоѣ, огни восковыхъ свѣчей, при помощи которыхъ споривше разыскивали нужные тексты въ толстыхъ фоліантахъ, возбужденныя лица раскольниковъ и православныхъ, встрѣчавшихъ многоголосымъ говоромъ каждое удачное возраженіе. Вспомнилась старая часовня, съ раскрытыми дверями, въ которыя виднѣлись желтые огоньки у иконъ, межъ тѣмъ какъ по синему небу ясная луна тихо плыла—и надъ часовней, и надъ темными, спокойно шептавшимися деревьями. На зарѣ я съ трудомъ протолкался изъ толпы на свѣжій воздухъ и, усталый, съ головой, отяжелѣвшей отъ безплодной схоластики этихъ споровъ, съ сердцемъ, сжимавшимся отъ безотчетной тоски и разочарованія,—поплелся полевыми дорогами по направленію къ синей полосѣ приветлужскихъ лѣсовъ, вслѣдъ за вереницами расходившихся богомольцевъ. Тяжелыя, нерадостныя впечатлѣнія уносилъ я отъ береговъ Святаго озера, отъ невидимаго, но страстно взыскуемаго народомъ града... Точно въ душномъ склепѣ, при тускломъ свѣтѣ угасающей лампадки провелъ я всю эту безсонную ночь, прислушиваясь, какъ гдѣ-то за стѣной кто-то читаетъ мѣрнымъ голосомъ заупокойныя молитвы надъ заснувшею навѣки, нѣкогда живою народною мыслью...

Солнце встало уже надъ лѣсами и водами Ветлуги, когда я, пройдя около 15 верстъ лѣсными тропами, вышелъ къ рѣкѣ и тотчасъ же свалился на песокъ, точно мертвый отъ усталости и вынесенныхъ съ озера суровыхъ впечатлѣній...

Вспомнивъ, что я уже далеко отъ нихъ, я бодро отряхнулся отъ остатковъ дремоты и привсталъ на своемъ песчаномъ ложѣ...

II.

Дружескій шепотъ рѣки оказалъ мнѣ настоящую услугу. Когда, часа три назадъ, я укладывался на берегу, въ ожиданіи ветлужскаго парохода,—вода была далеко, за старой лодкой, которая лежала на берегу кверху днищемъ; теперь ее уже взмывало и покачивало приливомъ. Вся рѣка торопилась куда-то, пѣнилась по всей своей ширинѣ и приплескивала почти къ самымъ моимъ ногамъ. Еще полчаса,—будь мой сонъ еще нѣсколько крѣпче,—и я очутился бы въ водѣ, какъ и эта опрокинутая лодка.

Ветлуга, очевидно, взыграла. Нѣсколько дней назадъ шли сильные дожди; теперь изъ лѣсныхъ дебрей выкатился паводокъ, и вотъ рѣка вздулась, заливая свои веселые, зеленые берега. Рѣзвыя струи бѣжали, толкались, кружились, свертывались воронками, развивались опять и опять бѣжали дальше, отчего по всей рѣкѣ, въ перегонку, неслись клочья желтовато-бѣлой пѣны. По берегамъ зеленый лопухъ, схваченный водою, тянулся изъ нея, тревожно размахивая не потонувшими еще верхушками, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ, на большей глубинѣ, и лопухъ, и мать-мачиха, и вся зеленая братія стояла уже безропотно и тихо... Молодой ивнякъ, съ зелеными нависшими вѣтвями, — вздрагивалъ отъ ударовъ зыби...

На томъ берегу весело кудрявилась ракита, молодой дубнячокъ и ветлы. За ними темныя ели рисовались зубчатой чертой; далѣе высились красивые осокори и величавыя сосны. Въ одномъ мѣстѣ, на вырубкѣ бѣлѣли клади досокъ, свѣжія бревна и срубы, а въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ торчала изъ воды верхушка затонувшихъ перевозныхъ мостковъ... И весь этотъ мирный пейзажъ на моихъ глазахъ какъ будто оживалъ, переполняясь шорохомъ, плескомъ и звономъ буйной рѣки. Плескались шаловливыя струи на стрежнѣ, звенѣла зыбь, ударяя въ борта старой лодки, а шорохъ стоялъ по всей рѣкѣ отъ лопавшихся то и дѣло пушистыхъ клочьевъ пѣны, или, какъ ее называютъ на Ветлугѣ,—рѣчнаго „цвѣту“.

И казалось мнѣ, что все это когда-то я уже видѣлъ, что все это такое родное, близкое, знакомое... И рѣка съ кудрявыми берегами, и простая сельская церковка надъ кручей, и шалашъ, и даже приглашеніе къ пожертвованію на „колоколо господне“, такими наивными каракулями глядѣвшее со столба...

Все это ужь было когда-то,
Но только не помню когда..,—

невольно вспомнились мнѣ слова поэта...

III.

— Гляжу я, братецъ, — вовсе тебя заплескиватъ... рѣка-те. Этто домой ходилъ. Иду назадъ, а самъ думаю: чай проходящаго-то у меня поняла ужь Ветлуга. Крѣпко-же спалъ ты, добрый человѣкъ...

Говоритъ сидящій у шалаша, на скамеечкѣ, мужикъ среднихъ лѣтъ, и звуки его голоса тоже мнѣ какъ-то пріятно знакомы. Голосъ басистый, грудной, немного осипшій, будто съ сильнаго

похмѣлья, но въ немъ слышатся ноты такія-же непосредственныя и наивныя, какъ эта рѣка, и эта церковка, и этотъ столбъ и на столбѣ надпись...

— И чего только дѣлаетъ, гляди-ко-ся, чего только дѣлаетъ Ветлуга-те наша... Ахъ ты! Бѣды вѣдь это, право бѣды...

Это перевозчикъ Тюлинъ. Онъ сидитъ у своего шалаша, понуривъ голову и какъ-то весь опустившись. Одѣтъ онъ въ ситцевой грязной рубахѣ и синихъ пестрядинныхъ портахъ. На босу ногу надѣты старые отопки. Лицо моложавое, почти безъ бороды и усовъ, съ выразительными чертами, на которыхъ очень ясно выдѣляется особая ветлужская складка, а теперь, кромѣ того, видна сосредоточенная угрюмость добродушнаго, но душевно угнетеннаго человѣка...

— Унесетъ лодку-те...—говоритъ онъ, не двигаясь и взглядомъ знатока изучая положеніе дѣла.—Безпремѣнно утащитъ!

— А тебѣ-бы,—говорю я,—вытащить надо.

— Коли не надо. Не миновать, что не вытащить. Вишь чего дѣлаетъ, вишь, вишь... Н-ну!

Лодка вздрагиваетъ, приподнимается, дѣлаетъ какое-то судорожное движеніе и опять безпомощно ложится попрежнему.

— Тю-ю-ю-ли-и́нъ! — доносится съ другого берега призывный кличъ какого-то путника. На вырубкѣ, у съѣзда къ рѣкѣ виднѣется маленькая-маленькая лошаденка, и маленькій мужикъ, спустившись къ самой водѣ, отчаянно машетъ руками и вопитъ тончайшей фистулой:

— Тю-ю-ю-ли-и́-нъ...

Тюлинъ все съ тѣмъ-же мрачнымъ видомъ смотритъ на вздрагивающую лодку и качаетъ головой.

— Вишь,—вишь ты! Опять! А вечо́ръ еще, глико-ся, дальше мостковъ была вода-те... Погляди, за ночь чего еще надѣлаетъ. Бѣды озорная рѣчушка. Это учнетъ играть, и учнетъ тебѣ играть, братецъ ты мой...

— Тю-ю-ю-ли-и́-нъ, лѣш-ша-аи́, звенитъ и обрывается на томъ берегу голосъ путника, но на Тюлина этотъ призывъ не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Точно этотъ отчаянный вопль—такая-же обычная принадлежность рѣки, какъ игривые всплески зыби, шелестъ деревьевъ и шорохъ рѣчнаго „цвѣту“.

— Тебя вѣдь это зовутъ,—говорю я Тюлину.

— Зовутъ,—отвѣчаетъ онъ невозмутимо, тѣмъ-же философски объективнымъ тономъ, какимъ говорилъ о лодкѣ и о проказахъ рѣки. Иванко, а Иванко! Иванко-о-о!

Иванко, свѣтловолосый парнишка лѣтъ десяти, копаетъ червей подъ крутояромъ и такъ-же мало обращаетъ вниманія на зовъ отца, какъ тотъ на вопли мужика съ того берега.

Въ это время по крутой тропинкѣ отъ церкви спускается баба, съ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ кричитъ, завернутый съ головой въ тряпки. Другой — дѣвочка, лѣтъ пяти — бѣжитъ рядомъ, хватаясь за платье. Лицо у бабы озабоченное и сердитое. Тюлинъ становится сразу какъ то еще угрюмѣе и серьезнѣе.

— Баба идетъ,—говоритъ онъ мнѣ, глядя въ другую сторону.

— Ну?—говоритъ баба злобно, подходя вплоть къ Тюлину и глядя на него презрительнымъ и сердитымъ взглядомъ. Отношенія, очевидно, опредѣлились уже давно: для меня ясно, что безпечный Тюлинъ и озабоченная усталая баба съ двумя дѣтьми—двѣ воюющія стороны.

— Чё еще нукаешь? Что тебѣ, бабѣ, нужно? — спрашиваетъ Тюлинъ.

— Чё-инò! Спрашиватъ еще! Лодку давай! Чай черезъ рѣку ходу-то нѣту мнѣ, а то бы не стала съ тобой, съ путаникомъ, и баять...

— Ну-ну!—съ негодованіемъ возражаетъ перевозчикъ.—Что ты кака сильна пришла. Разговариваешь...

— А что мнѣ не разговаривать! Залилъ шары-те. Чего только міръ смотритъ, пьяницы-те наши, давно-бы тебя, нѣгодя пьянаго, съ перевозу шугнуть надо. Давай, слышь, лодку-те.

— Лодку? Э-вонъ парень тебя перемахнетъ. Иванко, а Иванко, слышь! Иванко-ò. А вотъ я сейчасъ вицей его, подлеца, вытяну. Слышь, проходящій!..

Тюлинъ поворачивается ко мнѣ.

— Ну-ко ты мнѣ, проходящій, вицю дай, хар-ро-шую.

И онъ, съ тяжелымъ усиліемъ, дѣлаетъ видъ, что хочетъ приподняться. Иванко мгновенно кидается въ лодку и хватаетъ весла.

— Двѣ копѣйки съ нее. Дѣвку такъ! — командуетъ Тюлинъ лѣниво и опять обращается ко мнѣ:

— Бѣда моя: голову всеё разломило.

— Тю-ю-ли-и-нъ,—стонетъ опять противуположный берегъ.—Перево-о-òзъ!..

— Тятька, а тятька! Паромъ кричатъ-вить,—говоритъ Иванко, у котораго, очевидно, явилась надежда на освобожденіе отъ обязанности везти бабу.

— Слышу. Давно ужь зѣваетъ,—спокойно констатируетъ Тюлинъ.—Сговорись тамъ. Можетъ, еще и не надо ему... Можетъ, еще и не поѣдетъ...

— Отчего-бы такое—голову ломитъ? — обращается онъ опять ко мнѣ, тономъ самаго трогательнаго довѣрія.

Угадать причину не трудно: отъ бѣдняги Тюлина водкой несетъ, точно изъ полуштофа, и даже до меня, на разстояніи двухъ

саженъ, то и дѣло доносятся острыя струйки перегару, смѣшиваясь съ запахомъ рѣки и береговой зелени.

— Кабы выпилъ я,—говоритъ Тюлинъ въ раздумьи,—а то не пилъ.

Голова его опускается еще ниже.

— Давно не пью я... Положимъ, вчера выпилъ...

И опять Тюлинъ погружается въ глубокое раздумье.

— Кабы много... Положимъ, довольно я выпилъ вчера... Такъ вѣдь сегодня не пилъ!

— Такъ это у тебя, видно, съ похмѣлья,—пробую я навести его догадливость на настоящую дорогу.

Тюлинъ смотритъ на меня долго, серьезно и чрезвычайно вдумчиво. Догадка, очевидно, показалась ему не лишенной основанія.

— Развѣ либо отъ этого. Нонъче немного-же выпилъ я.

Пока, такимъ образомъ, Тюлинъ медленнымъ, мучительнымъ, но зато вѣрнымъ путемъ подходилъ къ истинной причинѣ своихъ страданій,—мужикъ на той сторонѣ окончательно лишился голоса.

— Тю-ю-ю...—чуть слышно летѣло оттуда, изъ-за шороха рѣчныхъ струекъ.

— Развѣ либо отъ этого. Это ты, братецъ, должно быть, вѣрно сказалъ. Пью я винище это, лакаю, братецъ, лакаю...

IV.

Между тѣмъ, тщетно вопившій мужикъ смолкаетъ и, оставивъ лошадь съ телѣгой на томъ берегу, переправляется къ намъ, вмѣстѣ съ Иванкомъ, для личныхъ переговоровъ. Къ удивленію моему онъ самымъ благодушнымъ образомъ здоровается съ Тюлинымъ и садится рядомъ на скамейку. Онъ значительно старше Тюлина, у него сѣрая борода, голубые, выцвѣтшіе, какъ и у Тюлина, глаза, на головѣ грешневикъ, а на лицѣ, гдѣ-то около губъ ютится та-же ветлужская складка.

— Страдаешь?—спрашиваетъ онъ у перевозчика.

— Голову, братецъ, всеё разломило. И отчего-бы?

— Винища поменьше пей.

— Развѣ либо отъ этого. Вотъ и проходящій тоже баетъ.

— А лодку у тея, гляди, унесетъ.

— Какъ не унести. Просто таки и унесетъ.

Оба смотрятъ нѣсколько времени, какъ вздрагиваетъ, точно раненая, опрокинутая лодка.

— Давай паромъ што-ли. Ѣхать надо.

— Да тебѣ надо-ли еще ѣхать-то? Чай въ Красиху пьянствовать.

— А ты ужъ накрасился.

— Выпито. Голову всеё разломило, бѣды! А ты, можетъ, лучше не ѣздій!...

— Чудакъ! Чай у меня дочь тамъ выдана. Звали къ празднику. И баба со мной.

— Ну, баба, такъ стало быть не миновать, ѣхать видно. Э-эхъ. Шестовъ нѣтъ!

— Какъ нѣтъ? Чё хлопаешь зря? Эвона шесты-те!

— Коротки. Двадцати четвертей надо. Чать видишь: приплескиватъ Ветлуга-те.

— А ты что же, чудакъ, шестовъ не запасъ, коли видишь что приплескиватъ. Иванко,—сгоняй за шестами-те, парень.

— Сходилъ-бы самъ,—говоритъ Тюлинъ.—Тяжелы вѣдь.

— Ты сходи, твое дѣло.

— Не мнѣ ѣхать, тебѣ!

И оба мужика, да и Иванко третій спокойно остаются на мѣстахъ.

— Ну-ко я его, подлеца, вицей вытяну,—опять произноситъ Тюлинъ, дѣлая новый опытъ примѣрнаго вставанія. Проходящій, да-ко-ты мнѣ вицю...

Иванко съ громкимъ, гнусавымъ ревомъ снимается съ мѣста и бѣжитъ трусцой на гору, къ селу.

— Не донесетъ,—говоритъ мужикъ.

— Тяжелы вѣдь!—подтверждаетъ Тюлинъ.

— А ты бы добѣжалъ хоть встрѣчу-те,—совѣтуетъ мужикъ, глядя на усилія муравья Иванка, появляющагося на верху угора съ длинными шестами.

— И то хотѣлъ сказать тебѣ: добѣги-ко-сь.

Оба сидятъ и глядятъ.

— Естигнѣ-ѣ-ѣй! Лѣшай!—слышится съ той стороны пронзительный и желчный бабій голосъ.

— Баба кричитъ,—говоритъ мужикъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Тюлинъ сохраняетъ равнодушіе: баба далеко.

— А какъ у меня меринъ сорвется, да мальченку съ бабой ушибетъ,—говоритъ Естигнѣй.

— А рѣзва лошадь-то?

— Бѣды.

— Ну, такъ очень просто можетъ ушибить. Да ты-бы, послушай, тово... назадъ-бы. Что тебѣ ѣхать-то. Какá надобность?

— Ахъ, чудакъ! Да нѣшто не видишь: съ бабой собрался. Какъ можно, что не ѣхать.

Иванко, выбиваясь изъ силъ, приволакиваетъ наконецъ шесты и со слезами кидаетъ ихъ на берегъ. Все готово. Тюлину приходится приниматься за работу.

— Эй, проходящій,—обращается онъ ко мнѣ какъ-то ободрительно. Ну-ко, послушай, и ты съ нами на паромъ! А то, видишь вотъ. Больно ужъ рѣка-те рѣзва.

Мы всѣ взошли на скрыпучій, досчатый паромъ; Тюлинъ—послѣдній. Повидимому, онъ размышлялъ нѣсколько секундъ, поддаваясь соблазну: ужъ не достаточно-ли народу и безъ него. Однако, все-таки взошелъ, шлепая по водѣ, потомъ, съ глубокою грустью посмотрѣлъ на колья, за которые были зачалены чалки, и сказалъ съ кроткой укоризной, обращенной ко всѣмъ, кромѣ, конечно, его самого:

— Э-эхъ! Чалки-те, чалки никто и не отвязалъ. Н-ну!

— Да вѣдь ты, Тюлинъ, послѣдній взошелъ на паромъ. Тебѣ бы и надо отвязать,—протестую я.

Онъ не отвѣчаетъ, косвенно признавая, быть можетъ, всю справедливость этого замѣчанія, и такъ-же лѣниво, съ тою же безпросвѣтною скорбью спускается въ воду, чтобы отвязать чалки.

Паромъ заскрыпѣлъ, закачался и поплылъ отъ берега. Перевозный шалашъ, опрокинутая лодка, холмикъ съ церковью мгновенно, будто подхваченные невѣдомою силою,—уносятся отъ насъ; а мысокъ съ зеленою, подмытою ивой летитъ намъ навстрѣчу. Тюлинъ поглядѣлъ на мелькающій берегъ, почесалъ густую шапку своихъ волосъ и пересталъ пихаться шестомъ.

— Несетъ, видь.

— Несетъ,—отвѣтилъ мужикъ съ натугой, налегая на чегень правымъ плечомъ.

— Пылко несетъ.

— Да ты что сталъ? Что не пхаешься?

— Поди пхнись. Съ лѣваго те борту не маячитъ.

— Ну?

— То-то и ну!

Мужикъ ожесточенно сунулъ свой шестъ и чуть не бултыхнулся въ воду: его чегень тоже не досталъ до дна. Естигнѣй остановился и сказалъ выразительно:

— Подлецъ ты, Тюлинъ!

— Самъ такой! Што лаешься?

— За што тебѣ деньги плочены. Подлая фигура!

— Поговори!

— Пошто длинныхъ шестовъ не завелъ?

— Заведёны.

— Дакъ што нѣту ихъ?

— Дома. Нѣшто мальченко приволокетъ двадцати-то-четвертей...

— Говорю: подлой ты человѣкъ.

— Ну-ну! Не скажешь-ли еще чего? Поговори со мной.

Спокойствіе Тюлина, видимо, смиряетъ возмущеннаго Естигнѣича. Онъ снимаетъ грешневикъ и скребетъ голову.

— Куда-жъ мы теперича? Къ Козьмѣ-Демьяну (въ Козьмодемьянскъ) сплывемъ, аль ужь какъ?

V.

Дѣйствительно, рѣзвое теченіе, будто шутя и насмѣхаясь надъ нашимъ паромомъ,—уноситъ неуклюжее сооруженіе все дальше и дальше. Кругомъ, обгоняя насъ, бѣгутъ, лопаются и пузырятся хлопья цвѣту. Передъ глазами мелькаетъ мысокъ съ подмытой ивой и остается назади. Назади, далеко осталась вырубка съ новенькой избушкой изъ свѣжаго лѣсу, съ маленькой телѣгой, которая теперь стала еще меньше, и съ бабой, которая стоитъ на самомъ берегу, кричитъ что-то и машетъ руками.

— Куда-жъ мы теперича. Эхъ, бѣды, право бѣды,—безнадежно, глядя на бабу, говоритъ Естигнѣй.

Положеніе, дѣйствительно, довольно критическое. Весла только гнутся и визжатъ въ уключинахъ, не оказывая на ходъ парома ни малѣйшаго вліянія. Шестъ въ рукахъ у Тюлина уходитъ въ глубь, не маяча, т. е. не доставая дна.

Тюлинъ, не обращая вниманія на причитанія Естигнѣя, серьезно смотритъ на рѣку. Для него опасность—всѣхъ больше, потому что придется непремѣнно подымать паромъ противъ теченія. Онъ, видимо, подтянулся, его взглядъ становится разумнѣе, тверже.

— Иванко, держи по плёсу!—командуетъ онъ сыну.

Мальчишка на этотъ разъ быстро исполняетъ приказъ.

— Садись въ греби, Естигнѣй.

— Да у тея еще есть-ли греби-то?—сомнѣвается тотъ.

— Поговори со мной!

На этотъ разъ слова Тюлина звучатъ такъ твердо, что Естигнѣй покорно лѣзетъ съ помоста и прилаживается къ весламъ, которыя оказываются лежащими на днѣ.

— Проходящій, лѣзь и ты... въ тую-жъ фигуру.

Я сажусь „въ тую-жъ фигуру“, т. е. къ правому веслу. Команда нашего судна, такимъ образомъ, готова. Иванко, на лицѣ котораго

совершенно исчезло выраженіе нѣсколько гнусавой безпечности, смотритъ на отца заискрившимися, внимательными глазами. Тюлинъ суетъ шестъ въ воду и ободряетъ сына: „держи, Иванко, не зѣвай мотри“. На мое предложеніе—замѣнить мальчика у руля—онъ совершенно не обращаетъ вниманія. Очевидно, они полагаются другъ на друга.

Паромъ начинаетъ какъ-то вздрагивать... Вдругъ шестъ Тюлина касается дна. Небольшой „огрудокъ“ даетъ возможность „пихаться“ на разстояніи десятка саженъ.

— Вались на перевалъ, Иванко, вали-ись на перевалъ,—быстро командуетъ Тюлинъ, ложась плечомъ на круглую головку шеста.

Иванко, упираясь ногами, тянетъ руль на себя. Паромъ дѣлаетъ оборотъ, но вдругъ рулевое весло взмахиваетъ въ воздухѣ и Иванко падаетъ на дно. Судно „рыскнуло“, но черезъ секунду Иванко, со страхомъ глядя на отца, опять сидитъ на мѣстѣ.

— Крѣпи!—командуетъ Тюлинъ.

Иванко завязываетъ руль бичевкой, паромъ окончательно „ложится въ перевалъ“, мы налегаемъ на весла. Тюлинъ могучимъ толчкомъ подаетъ паромъ на перерѣзъ, и черезъ нѣсколько мгновеній мы ясно чувствуемъ ослабѣвшій напоръ воды. Паромъ „ходко“ подается кверху.

Глаза Иванка сверкаютъ отъ восторга, Естигнѣй смотритъ на Тюлина съ видимымъ уваженіемъ:

Эхъ, паринь,—говоритъ онъ, мотая головой,—кабы на тебя да не винище... Цѣны-бы не было. Винище тебя омманываетъ...

Но глаза Тюлина опять потухли и весь онъ размякъ.

— Греби, греби... Загребай, проходящій, поглубже, не спи!—говоритъ онъ лѣниво, а самъ вяло тычетъ шестомъ, съ разстановкой и съ прежнимъ уныло-апатичнымъ видомъ. По ходу парома мы чувствуемъ, что теперь его шестъ мало помогаетъ нашимъ весламъ. Критическая минута, когда Тюлинъ былъ на высотѣ своего признаннаго перевозническаго таланта, миновала, и искра въ глазахъ Тюлина угасла вмѣстѣ съ опасностью.

Около двухъ часовъ поднимались мы все-таки кверху, а если-бы Тюлинъ не воспользовался послѣднимъ „огрудкомъ“,—паромъ унесло-бы на прямой плесъ и его не достать-бы оттуда въ двои сутки. Такъ какъ пристать въ обычномъ мѣстѣ было невозможно—мостки давно затопило,—то Тюлинъ пристаетъ къ глинистому крутояру, зачаливая за ветлы. Начинается спускъ телѣги. Мы съ Естигнѣемъ хлопочемъ около этого дѣла, Тюлинъ равнодушно смотритъ на наши хлопоты, а баба, давно истратившая на вѣтеръ всѣ негодующія слова,—сидитъ, не двигаясь, на возу, точно окаменѣлая, и старается не смотрѣть на насъ, какъ будто всѣ мы

опостылѣли ей до самой послѣдней крайности. Она точно застыла въ своемъ злобномъ презрѣніи къ „негодямъ-мужикамъ“ и даже не даетъ себѣ труда сойти съ ребенкомъ съ телѣги.

Лошадь пугается, закидываетъ уши и пятится назадъ.

— Ну-ко, ну-ко, хлесни ее, рѣзвую, по заду,—совѣтуетъ Тюлинъ, нѣсколько оживляясь.

Горячая лошадь подбираетъ задъ и прыгаетъ съ берега. Минута треска, стукотни и грохота, какъ будто все проваливается сквозь землю. Что-то стукнуло, что-то застонало, что-то треснуло, лошадь чуть не сорвалась въ рѣку, изломавъ тонкую загородку,— но наконецъ возъ установленъ на качающемся и дрожащемъ паромѣ.

— Что, цѣла?—спрашиваетъ Тюлинъ у Естигнѣя, озабоченно разсматривающаго телѣгу.

— Цѣла!—съ радостнымъ изумленіемъ отвѣчаетъ тотъ. Баба сидитъ, какъ изваяніе.

— Ну?—недоумѣваетъ и Тюлинъ.—А думалъ я: безпремѣнно бы ей надо сломаться.

— И то... вишь, какà крутоярина.

— Чё ино! Самая такà круча, что ей-бы сломаться надо. Э-эхъ! А чалки-те опять никто не отвязалъ,—кончаетъ Тюлинъ съ той-же унылой укоризной и лѣниво ступаетъ на берегъ, чтобы отвязать чалку. Ну, загребывай, проходящій, загребывай, не спи!

Черезъ полчаса тяжелой работы веслами, криковъ—„навались“, „ложись въ перевалъ“ и „крѣпи“, мы наконецъ подходимъ къ шалашу. Съ меня потъ льетъ, отъ непривычки, градомъ.

— Проси съ Тюлина косушку,—говоритъ, полушутя, Естигнѣй.

Но Тюлинъ, видимо, не расположенъ къ шуткамъ. Долговременное пребываніе на берегу безлюдной рѣки, продолжительныя унылыя размышленія о причинахъ никогда не прекращающейся тяжелой похмѣльной хворости,—все это, очевидно, располагаетъ къ серьезному взгляду на вещи. Поэтому онъ уставился въ меня своими стеклянными глазами, въ которыхъ начинаетъ медленно проблескивать что-то въ родѣ глубокаго размышленія,—и сказалъ радушно:

— Причалимъ,—поднесу... И не одну, слышь, поднесу,—добавляетъ онъ конфиденціально, понижая голосъ, причемъ въ лицѣ его явственно проступаетъ если не удовольствіе, то, во всякомъ случаѣ, мгновенное забвеніе тяжелыхъ похмѣльныхъ страданій...

А съ горы, по неудобной дорогѣ, уже сползаютъ два воза.

— Ѣдутъ,—скорбно говоритъ перевозчикъ.

— Да еще, можетъ быть, не поѣдутъ,—утѣшаю я,—можетъ быть, у нихъ неважное дѣло.

Я иронизирую, но Тюлинъ не понимаетъ иронiи, быть можетъ потому, что самъ онъ весь проникнутъ какимъ-то особеннымъ безсознательнымъ юморомъ. Онъ какъ будто раздѣляетъ его съ этими простодушными кудрявыми березками, съ этими корявыми ветлами, съ взыгравшей рѣкой, съ деревянной церковкой на пригоркѣ, съ надписью на столбѣ, со всей этой наивной ветлужской природой, которая все улыбается мнѣ своей милой, простодушной и какъ будто давно знакомой улыбкой...

Какъ-бы то ни было, но на мое насмѣшливое замѣчанiе Тюлинъ отвѣчаетъ совершенно серьезно:

— Ежели безъ товару... само-собой обождутъ. Неужто повезу... голову всеё разломило.

VI.

Парохода все нѣтъ. Говорятъ, за часъ до прихода онъ будетъ еще „кричать“ гдѣ то, на одной изъ вышележащихъ пристаней, но когда, часа черезъ три, пошатавшись по селу и напившись чаю, я подхожу опять къ берегу,—объ немъ ничего не извѣстно. Рѣка продолжаетъ играть и даже разыгралась совсѣмъ не на шутку, Тюлинъ тащится къ своему шалашу по колѣни въ водѣ, лѣниво шлепая босыми ногами по зеленой потопшей травѣ; онъ весь мокрый, широкiе штаны липнутъ къ его ногамъ, мѣшая идти; сзади, на чалкѣ тащится за Тюлинымъ давешняя старая лодка, которую, согласно предсказанiю знатока-перевозчика,— унесло-таки теченiемъ.

— Что, Тюлинъ, здоровъ-ли?

— Слава Богу. Не крѣпко чтой-то. Давай, на ту сторону поѣдемъ.

— Зачѣмъ?

— Вишь, склёка вышла. Плоты Ивахински рѣка разметывать хочетъ.

— Тебѣ-то что-же?—Развѣ забота?

— А гляди-ко, Ивахинъ четвертуху волокетъ. Да что четвертуха! Тутъ, братъ, и полуведромъ поступишься...

Къ берегу торопливой походкой приближался со стороны села мужчина лѣтъ сорока-пяти, въ костюмѣ деревенскаго торговца, съ острыми безпокойными глазами. Вѣтеръ развѣвалъ полы его чуйки, въ рукѣ сверкала посудина съ водкой. Подойдя къ намъ, онъ прямо обратился къ Тюлину:

— Что,—приплескиватъ?

— Бѣда,—отвѣтилъ Тюлинъ.—Чай самъ видишь.

— А плотишки у меня поняла ужь?

— Подхватывать, да еще не подъ-силу. А гляди, подыметъ. Лодку у меня даве слизнула,—въ силу, въ силу бѣгомъ догналъ за переплескомъ...

— Ну?

— То-то. Вишь вымокъ весь до нитки.

— Ахъ ты!—отчаянно сказалъ купецъ, ударивъ себя по бедру свободной рукой. Не оглянешься,—плоты у меня размечетъ. Что убытку-то, что убытку. Ну, и подлецъ народъ у насъ живетъ,—обратился онъ ко мнѣ.

— Чего бы я напрасно лаялъ православныхъ,—заступился за своихъ Тюлинъ.—Чай, у васъ ряда была...

— Была.

— На песокъ возить?

— То-то, на песокъ.

— Ну-къ—на пескѣ и есть, не въ другимъ мѣстѣ.

— Да вѣдь, подлецы вы этакіе,—рѣка песокъ-то ужь покрываетъ..

— Какъ не покрыть. Покроетъ. Къ утру, что-есть, слѣду не оставитъ.

— Вотъ, видишь! А имъ-бы подлецамъ только пѣсни горланить. Ишь орутъ,—горюшка мало, что хозяину убытокъ...

— Оба смолкли. Съ того берега, съ вырубки, отъ новаго домика неслись нестройныя пѣсни. Это артель васюхинцевъ куражилась надъ мелкимъ лѣсоторговцемъ-хозяиномъ. Вчера у нихъ былъ разсчетъ, причемъ Ивахинъ обсчиталъ ихъ рублей на двадцать. Сегодня Ветлуга заступилась за своихъ дѣтокъ и взыграла на руку артели. Теперь хозяинъ униженно кланялся, а артель не ломила шапокъ и куражилась.

— Ни за сто рублевъ! Узнаешь, какъ жить съ артелью! Мы тя научимъ...

Рѣка прибывала, Ивахинъ струсилъ. Кинувшись въ село, онъ наскоро добылъ четверть и поклонился артели. Онъ не ставилъ при этомъ никакихъ условій, не упоминалъ о плотахъ, а только кланялся и умолялъ, чтобы артель не попомнила на немъ своей обиды и согласилась испить „даровую“.

— Да ты, такой-сякой, не финти,—говорили артельщики.—Не заманишь!

— Ни за сто рублевъ не пойдемъ въ рѣку.

— Пущай она, матушка, порѣзвится, да поиграетъ на своей волюшкѣ.

— Пущай покидаетъ бревнушки, пущай поразмечетъ. Поди, собирай!

Но четверть все-таки выпили и завели пѣсни. Голоса неслись изъ-за рѣки нестройные, дикіе, разудалые, и къ нимъ примѣшивался плескъ и говоръ буйной рѣки.

Важно поютъ,—сказалъ Тюлинъ съ восторгомъ и завистью.

Ивахину, кажется, пѣсня нравилась меньше. Онъ слушалъ безпокойно, и глаза его смотрѣли растерянно и тоскливо. Пѣсня шумѣла бурей и, казалось, не обѣщала ничего хорошаго.

— Много-ли не додалъ вчера?—спросилъ Тюлинъ просто.

Ивахинъ почесался и, не отрывая безпокойнаго взгляда съ того мѣста, откуда неслись нестройные звуки,—отвѣтилъ такъ-же просто:

— Двѣ десятки.

— Много же, мотри! Какъ-бы, слушай, бока не намяли.

По лицу Ивахина было видно, что предположеніе не кажется ему невѣроятнымъ.

— Хошь-бы плоты-те повыволокли,—сказалъ онъ съ глубокой тоской.

— Чать выволокутъ,—успокоилъ Тюлинъ.

— Поговори имъ, —заискивающе сказалъ торговецъ.—Молъ-болѣ не приплескивать, назадь-молъ къ ночи пойдетъ.

Тюлинъ отвѣтилъ не сразу; взглядъ его приковался къ посудинѣ и, помолча, онъ сказалъ сластолюбиво:

— Другую четверть волокёшь?

Другую.

— Споишь и третью. Перевезти, что-ль?

— Вези!

Лодка была на серединѣ, когда ее замѣтили съ того берега. Пѣсня сразу грянула еще сильнѣе, еще нестройнѣе, отражаясь отъ зеленой стѣны крупнаго лѣса, къ которому вплоть подошла вырубка. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, пѣсня прекратилась, и съ вырубки слышался только громкій и такой же нестройный говоръ. Вскорѣ Ивахинъ опять стрѣлой летѣлъ къ нашему берегу и опять устремился съ новой посудиной на ту сторону. Лицо у него было злое, но все-таки въ глазахъ проглядывала радость.

Къ закату солнца вся артель „убилась“ за Ивахинскими плотами. Подъ звуки унылой дубинушки бревна выкатывали на берегъ и руками втаскивали на подъемы. Скоро весь ивахинскій лѣсъ высился въ клади на крутоярѣ, недоступный для шаловливой рѣки.

Потомъ опять загремѣла пѣсня. Мокрые, усталые артельщики допивали послѣднюю четверть. Ивахинъ, потный, злой, но все-таки еще болѣе довольный,—переправился въ послѣдній разъ на нашу сторону и умчался къ селу; вѣтеръ размахивалъ полами его

сибирки, а въ обѣихъ рукахъ были посудины, на этотъ разъ пустыя.

Тюлинъ, еще болѣе унылый, — провожалъ его долгимъ взглядомъ.

— Ну что, побили?—спросилъ я у него.

Онъ перевелъ взглядъ на меня и спросилъ:

— Кого?

— Да Ивахина.

— Нѣ... что его бить...

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Тюлина, и въ моемъ умѣ блеснула внезапная и неожиданная догадка: физіономія Тюлина припухла, а подъ глазомъ стоялъ фонарь, очевидно новѣйшаго происхожденія.

— Тюлинъ, голубчикъ!

— Ну, что?

— Отчего у тебя синякъ?

— Синякъ... Да отчего ему быть, синяку?

— Да вѣдь тебя, Тюлинъ, должно быть, били.

— Кто меня билъ?

— Артельщики.

Тюлинъ задумчиво посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и сказалъ:

— Развѣ-либо отъ этого... Да, слышь, и били-то не очень шибко.

Пауза, взглядъ на меня и во взглядѣ мелькающая догадка.

— Развѣ-либо не Парѳенъ-ли это меня саданулъ?...

— Пожалуй, что и Парѳенъ,—опять помогаю я медленному процессу новаго приближенія къ истинѣ.

— Безпремѣнно Парѳенъ. Такъ, скажу тебѣ, лукавый мужичишко... Завсегда наровитъ человѣка испортить!...

Вопросъ оказался достаточно разъясненнымъ. Мнѣ, правда, очень хотѣлось еще разузнать, какимъ образомъ гнѣвъ артели такъ неожиданно измѣнилъ свое направленіе, и артельная гроза, вмѣсто Ивахина, обрушилась на совершенно нейтральную тюлинскую физіогномію,—но въ это время съ другого берега опять послышался призывъ:

— Тю-ю-юли-йнъ!...

Тюлинъ не повернулъ даже головы и лѣниво направился къ шалашу, сказавъ мнѣ на ходу:

— Кличутъ. Смахать-бы тебѣ... а? Живымъ-бы духомъ.

Но вдругъ онъ насторожился, повернулся—и ожилъ. На берегу, несмотря на сумерки, можно было разглядѣть красныя рубахи. Это артельщики звали Тюлина и, кажется, самымъ заманчивымъ образомъ махали руками...

— Зовутъ, вѣдь,—радостно сказалъ онъ, вопросительно глядя на меня.

— Разумѣется, зовутъ. Опять побьютъ, пожалуй...

— Нѣ... што-ты, Богъ съ тобой. Не можетъ быть! Угостить меня артели желательно, вотъ что!

И Тюлинъ съ удивительной живостью кинулся къ берегу. Связавъ зачѣмъ-то двѣ лодки,—носъ къ кормѣ, — онъ сѣлъ въ переднюю и быстро отпихнулся отъ берега, не оставивъ на этой сторонѣ ни одной...

VII.

Я понялъ эту невинную хитрость, когда услышалъ въ сумеркахъ скрипъ воза, съѣзжавшаго съ горы. Возъ неторопливо подъѣхалъ къ рѣкѣ. Лошадь фыркнула нѣсколько разъ и, откинувъ уши, уставилась съ удивленнымъ видомъ на измѣнившуюся до неузнаваемости смиренницу - Ветлугу.

Отъ воза отдѣлился мужикъ, подошелъ къ самой водѣ, посмотрѣлъ, почесался и обратился ко мнѣ:

— Перевозчикъ гдѣ?

— Вонъ,—указалъ я на свѣтлую полоску, взрѣзавшую темную поверхность рѣки уже на серединѣ.

Онъ вглядѣлся туда, опять помоталъ головой, прислушался къ пѣснямъ васюхинцевъ и сталъ поворачивать возъ.

— И подлый-же мужичокъ здѣшній перевозчикъ живетъ,— сказалъ онъ, впрочемъ довольно спокойно.—Гляди, вѣдь и лодки всѣ уволокъ,—всю ночь его теперь оттеда не достанешь.

Отведя лошадь, онъ подошелъ ко мнѣ и поклонился.

— Проходящіе будете?

— Проходящій.

— Не съ озера-ли?

— Съ озера.

— Такъ. Много, теперича, народу идетъ. Завтра, что-есть, и то еще пойдутъ... Эхъ, какъ рѣка-то пылитъ, бѣда. Ежели, теперь, намъ съ вами на паромъ... Да нѣтъ, не управиться... Ночевать видно. А вы не къ пароходу-ли?

— Къ пароходу.

— Ну, на зарѣ, раньше не будетъ. Ночевать, видно, и вамъ.

Онъ поставилъ за шалашомъ телѣгу и пустилъ на береговой откосъ стреноженную лошадь. Черезъ нѣсколько минутъ за шалашомъ закурился дымокъ...

Тюлинъ, очевидно, пріучилъ свою публику къ терпѣнію.

Солнце давно спряталось за горами и лѣсами, надъ Ветлугой опустились сумерки, синіе, теплые, тихіе. Нашъ огонекъ разгорался, дымъ подымался прямо кверху. Было какъ-то даже странно это спокойствіе воздуха, наряду съ торопливымъ и буйнымъ движеніемъ на рѣкѣ, которая все продолжала приплескивать. Съ того берега все неслись пѣсни, и мнѣ казалось, что я различаю фистулу Тюлина въ общей разноголосицѣ. На одномъ изъ недальнихъ холмовъ, одинъ за другимъ вспыхивали огни сосѣдней деревеньки. Днемъ я не замѣчалъ ее, такъ ея сѣрыя избы и темныя крыши сливались съ общими тонами пейзажа... Теперь она выступила красивой стойкой огоньковъ на темной верхушкѣ холма, и кой-гдѣ четыреугольники крышъ вырѣзались въ синевѣ неба.

Это деревня Соловьиха. Мой новый знакомый, отъ нечего дѣлать, разсказалъ мнѣ нѣкоторыя небезъинтересныя черты изъ жизни ея обитателей. Народъ въ Соловьихѣ живетъ предпріимчивый и гордый, въ окрестностяхъ они слывутъ „воришканами“. Случилось разъ моему новому знакомому остановиться въ Благовѣщеніе у дьячка. Дѣло зимой, къ вечеру. Сидятъ за столомъ. Вдругъ кто-то стукъ-стукъ въ оконце. Выглянулъ дьячокъ: стоитъ за окномъ Иванъ Семеновъ, сосѣдъ старичокъ, и на ночлегъ просится. „Да что-ты, чай тебѣ до дому всего съ версту“?—Съ верстумолъ—съ версту, да мимо Соловьихи идти. Какъ бы опять къ проруби не свели.

Оказалось, что между этимъ старичкомъ и соловьихинцами установились совершенно своеобразныя отношенія. Какъ только старикъ разживется деньгами, такъ непремѣнно напьется на селѣ, а какъ напьется, такъ и начнетъ хвастать: имѣю у себя „катеньку“ въ карманѣ. Пойдетъ послѣ этого домой,—его соловьихинцы и переймутъ на рѣкѣ, да прямо къ проруби.

— Хошь въ пролубь?

Ну, разумѣется, не хочетъ. Они и не неволятъ,—отдай только имъ „катеньку“. Онъ отдаетъ,—дѣлать нечего. Они опять:

— Хошь въ пролубь?

— Не желаю, братцы.

— Такъ никому, гляди, не бай. Не скажешь, что-ли?

— Не скажу!

— Заклянись!

— Чтобъ мнѣ, говоритъ, на симъ мѣстѣ провалиться, коли скажу единой душѣ.

И не говоритъ. Сколько разъ этакъ его ловили,—надоѣло ему, пересталъ вечеромъ мимо Соловьихи ходить, особливо, когда выпивши, а не сказалъ никому. Водили, говоритъ, къ пролуби соловьихинцы, а кто именно,—ни за что не скажетъ...

Послѣ этого разсказа я съ особымъ любопытствомъ взглянулъ на деревеньку „воришкановъ“. Ну гдѣ, думалось мнѣ, кромѣ Ветлуги, — встрѣтите вы такую непосредственность и простоту пріемовъ, и такое благородное довѣріе къ чужому слову, и такую простодушную увѣренность въ возможности „провалиться на симъ мѣстѣ“, въ случаѣ нарушенія клятвы... Мой новый знакомый, самъ „ветлугай“, увѣрялъ, что другой этакой деревни нѣтъ нигдѣ больше по всей рѣкѣ. Въ Марьинѣ промышляли года три назадъ „красноярками“,—ну, это дѣло другое. А положите въ незапертой избѣ деньги и уходите на сутки,—никто не тронетъ.

— Какъ же, все-таки, соловьихинцы?

— Такой у нихъ, позвольте сказать,—обычай...

Ну, гдѣ еще,—думалось мнѣ опять,—найдется такая терпимость къ чужимъ обычаямъ?—И огоньки Соловьихи мигали мнѣ привѣтливо и простодушно: „нигдѣ, нигдѣ“...

— Вотъ и у Тюлина,—сказалъ я, улыбаясь,—тоже обычай!

— Вѣрно! Подлецъ—мужичокъ, будь онъ проклятъ! А и то надо сказать: дѣло свое знаетъ. Вотъ подойдетъ осень или опять весна: тутъ онъ себя покажетъ... Другому бы ни за что въ водополь съ перевозомъ не управиться. Для этого случаю больше и держимъ...

— Миръ бесѣдѣ!

— Милости просимъ.

Къ нашему огоньку, съ берестяными кошелками за спиной, съ посошками въ рукахъ,—подошли два странника. Одинъ изъ нихъ, скинувъ котомку, внимательно поглядѣлъ на меня и сказалъ:

— Этого мы человѣка видѣли.

— Немудрено,—отвѣтилъ я.

— На Люндѣ были?

— Былъ.

— Тамъ и видѣли. По усердію, или обѣтъ былъ даденъ Владычицѣ?

— А вы?

— Мы къ празднику ходили, стало-быть къ сродникамъ.

— Что-жъ, садитесь къ огоньку.

— Да намъ бы на перевозъ... до дому недалече. Къ утру и дошелъ бы я.

— Да, на перевозъ!..—вмѣшался мой знакомый.—Тюлинъ послѣднюю ладью уволокъ. На паромѣ развѣ?..

— Гдѣ!.. Больно рѣка взыграла.

— Да и шестовъ длинныхъ нѣтъ.

Другой изъ новоприбывшихъ подошелъ усталымъ шагомъ къ берегу и тотчасъ же надъ рѣкой раздалось громко, протяжно:

— Тю-ю-ли-инъ. Лодку дава-а-ай!

Окликъ покатился по рѣкѣ, будто подхваченный быстрымъ теченіемъ. Игривая рѣка, казалось, несетъ его съ собой, перекидывая съ одной стороны на другую, межъ заснувшими во мглѣ березами. Отголоски убѣгали куда-то въ вечернюю даль и замирали тихо, задумчиво, даже грустно... такъ грустно, что, прислушавшись, странникъ не рѣшился въ другой разъ потревожить это отдаленное вечернее эхо...

— Шабашъ!—сказалъ онъ и, махнувъ рукой, вернулся къ нашему огоньку.

— А парню-то и до дому рукой подать,—сказалъ первый изъ моихъ знакомыхъ:—и всего-то версты четыре—изъ Песошной! Слыхали про песочинцевъ?—спросилъ онъ, съ лукавой усмѣшкой.

— Нѣтъ, я въ здѣшнихъ мѣстахъ не бывалъ.

— У нихъ, у песочинцевъ, тоже опять свой нравъ. Что ни городъ, то, говорятъ люди, норовъ, что ни деревня, то обычай. Соловьихинцы, — я вотъ разсказывалъ, — любятъ такъ, что чужое взять, а ужь песочинцы—тѣ свое беречь мастера. Эт-то, годовъ можетъ пять назадъ,—пошли семеро песочинцевъ въ Благовѣщеніе желѣзо чинить. Лемеха—тамъ, сошники, серпы и прочее деревенское орудіе. Ну, починили, ѣдутъ назадъ къ рѣкѣ и сумы съ желѣзомъ въ рукахъ несутъ. А рѣка, какъ вотъ и теперь же, приплескиватъ сильно, играетъ, да еще вѣтеръ по рѣкѣ ходитъ, волну раскачалъ. А лодка-то, извѣстно, верткая. А что, братцы вы моё,—говоритъ одинъ:—какъ лодку у насъ кувырнетъ, вѣдь желѣзо-то, пожалуй, утопнетъ. Давай, робяты, кошели къ себѣ привяжемъ, кабы желѣзо не потопить.—И то-молъ дѣло! Такъ и сдѣлали. Къ рѣкѣ шли, желѣзо въ рукахъ несли, въ лодку садиться, давай на себя навязывать. Выѣхали на середину, рѣка лодку-те и начни заливать, лодка и опрокинься. Ну, желѣзо-то крѣпко къ спинамъ привязано, — не потерялось. Такъ, вмѣстѣ съ желѣзомъ хозяева ко дну и пошли.... Всѣ семеро!.. Что, парень, аль неправду я баю?

Песочинецъ не возражалъ, и при свѣтѣ огонька на всѣхъ трехъ лицахъ моихъ собесѣдниковъ лежала одна и та же добродушно-насмѣшливая улыбка, съ особенной ветлужской складкой, живо напомнившей мнѣ Тюлина.

— Ну, а вы-то откуда?—спросилъ я у старика, который видѣлъ меня на Люндѣ.

— А я, господинъ, — самъ по себѣ. Безъ роду-племени, бездомной человѣкъ, солдатская кость.

— А все-таки родомъ съ Ветлуги?.

— Съ нее матушки. Не одну путину сгонялъ по ней смолоду. Да и послѣ царской службы вотъ ужь пятнадцатый годъ на ней околачиваюсь.

Солдатскаго въ этомъ старикѣ было очень мало: только развѣ нѣкоторая спокойная увѣренность рѣчи, да еще старый засаленный картузъ, съ какими-то едва замѣтными кантами и большимъ надорваннымъ козыремъ. Изъ-подъ козыря глядѣли и искрились порой сѣрые глаза, около усовъ ютилась чуть замѣтная улыбка. Голосъ у стараго былъ очень пріятный, грудной, съ „перекатцемъ", выдававшимъ прежняго лихого пѣсенника, но теперь уже значительно осипшимъ отъ старости, отъ рѣчной сырости, а можетъ и отъ „винища". Какъ бы то ни было, слушать этотъ голосъ съ юмористической ноткой и глядѣть на ветлужскую усмѣшку стараго солдата было очень пріятно, и я вспомнилъ теперь, что, дѣйствительно, мы встрѣчались съ нимъ на озерѣ. Въ разгаръ самаго горячаго спора на тему: „съ татемъ, съ разбойникомъ, кольми паче съ еретикомъ не общайся",—когда обѣ стороны засыпали другъ-друга текстами и разными тонкостями начетчической діалектики,—этотъ старичокъ, съ надорваннымъ козыремъ и искрящимися глазами, вынырнувъ внезапно въ самой серединѣ,—испортилъ всю бесѣду, разсказавъ очень просто и безъ всякихъ текстовъ простой житейскій случай. Разсказъ произвелъ на большинство сильное отрезвляющее впечатлѣніе; начетчики отнеслись къ нему съ явнымъ пренебреженіемъ. Какъ бы то ни было, бесѣда была совершенно испорчена, и толпа разошлась, унося, быть можетъ, не одно проснувшееся сомнѣніе...

— Помилуйте, бабій разговоръ, просторѣчіе!—сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ одинъ изъ начетчиковъ.—Нѣшто это отъ Писанія.

Да это кто такой, не Ефимъ-ли?—спросилъ другой, подошедшій къ концу разговора.

— Онъ.

— Пустой мужичонко, ветлугай. Въ работникахъ у насъ живалъ. Да что онъ хочетъ?

Ефимъ-ветлугай только улыбался своей особенной улыбкой, неизвѣстно къ чему относящейся: къ предмету разговора, къ слушателямъ или, быть можетъ, къ самому ему, пустому мужичонку, бездомнику, солдатской косточкѣ... Какъ бы то ни было,—мнѣ казалось, что въ разсказѣ ветлугая я слышалъ первое еще на Свѣтлоярѣ живое слово.

Теперь мы опять завели разговоръ на ту-же тему: о Люндѣ, о Свѣтлоярѣ и Китежѣ, объ уреневцахъ. Среди многочисленныхъ и разновѣрныхъ группъ, собирающихся на Свѣтлоярѣ, приносящихъ туда каждая свои книги, свои напѣвы и свою вѣру,—въ особенности выдѣляются уреневскіе начетчики, устраивающіе каждый годъ свой импровизированный алтарь подъ однимъ и тѣмъ-же

старымъ дубомъ, на склонѣ холма. Въ то время какъ около австрійскаго священника, въ полуманатейкѣ и съ длинными косицами, едва-едва набирается десятокъ молящихся,—около уреневскаго дуба стоитъ тѣсная большая толпа. Меня поразили суровыя, надменныя лица этихъ начетчиковъ. Тутъ были женщины, въ темныхъ скитскихъ платьяхъ, какой-то очень длинный субъектъ съ рѣзкими чертами, молодой мальчишка съ сумой нищаго, съ лицомъ, покрытымъ оспой, лохматый юродивый... Они читали и пѣли поочереди, однообразными, гнусавыми голосами, совершенно притомъ не обращая вниманія на все окружающее. Между тѣмъ какъ представители другихъ толковъ охотно вступали въ споры,—уреневцы держались свысока, пренебрежительно и на вопросы совсѣмъ не отвѣчали. Казалось, для нихъ во всемъ мірѣ не существовало уже ничего, заслуживающаго хотя-бы малѣйшаго снисхожденія,—и вся святость сосредоточилась на этомъ небольшомъ островкѣ, занятомъ ихъ тѣсно сомкнувшимися „стриженными гуменцами“ и оглашаемомъ ихъ унылыми напѣвами.

— Очень ужь высоко сами себя держатъ, — говорилъ Ефимъ. Народъ, нечего сказать, просужій, трезвый народъ, а только нашему брату у нихъ неловко.

— Почему это?

— Тоскливо. Наша вѣра, прямо сказать,—много веселѣе.

Молчавшій до сихъ поръ песочинецъ при этихъ словахъ улыбнулся какъ-то весело и сказалъ:

— Бывалъ вѣдь я у нихъ. Больно, братцы, чудно!

— А что?

— Да такъ. Этто, нанялся я у нихъ зимусь къ одному: брусу изъ лѣсу выволокчи. Пріѣхали мы съ молодымъ хозяиномъ на моей лошадѣ ночью. На-утро проснулся я, а темно еще, дѣло зимнее. Гляжу: старуха свѣтецъ засвѣчаетъ, потомъ молитьця хочетъ образамъ. Образа-те хорошіе, украшѣнные. Ну, думаю, и мнѣ пора, помолюсь, дай-ка, и я, да лошадь пойду снаряжать. Лѣзу тихонько съ полатей, сталъ за ей, давай себѣ креститьця. Какъ тутъ она и обернись. Увидѣла меня, и руками замахала; „Ты, говоритъ, что это дѣлашь?“—А что молъ,—молитьця было похотѣлъ?—„Погоди“, говоритъ.—Чего годить, самая пора.—„Погоди молъ, послѣ“. Ну, послѣ, дакъ и послѣ, опять я полѣзъ на полати. Отмолилась она, свѣчки погасила, убрала; гляжу опять: малое время погодя, старче съ печки лѣзетъ, свою икону тащитъ на божницю, свою и свѣчку зажигатъ. Я опять съ полатей. Думаю: теперь и мнѣ можно. Только нацѣлился лобъ перекрестить,—старичишка меня за руку лапъ! „Ты што это?“ Да я, молъ, было молитьця цѣлился.—„Погоди, говоритъ,—не годится тебѣ“. Вотъ

оказія! Опять видно на полати лѣзть. Ну, чего будетъ! Тутъ опять молодица слѣзатъ, да съ молодымъ хозяиномъ въ боковушкѣ свѣчку затеплили. У тѣхъ иконъ нѣту,—одно распятьё. Я живымъ духомъ къ нимъ, опять себѣ нацѣливаюсь. Давай, думаю, хоть на распятьё помолюсь.

— Ну? допустили, что-ль? — спросилъ одинъ изъ заинтересованныхъ слушателей, видя, что разсказчикъ остановился.

— Нѣ! Што вы думаете, — и тутъ не допустили! Отмолились сами, потомъ зовутъ: теперь, говоритъ, иди, молись себѣ. Взошелъ я въ боковушку, а тамъ голыя стѣны. Они и распятьё-то убрали. Ахъ ты, шутъ васъ задави. Что мнѣ тутъ съ вами грѣшить, думаю себѣ. Не надо! Я лучше, коли такъ, дорогой поѣду, на солнушко Господне помолюсь.

— Три вѣры въ однымъ дому!—замѣтилъ солдатъ.

— Три и есть. Обѣдать время пришло. Ну, посадили и меня, добраго молодця, чесь-честью. Опять старики съ дочкой вмѣстѣ, намъ съ молодымъ хозяиномъ на особицю, да еще, слышь, обоимъ чашки-те розныя. Тутъ ужь мнѣ за бѣду стало. Ахъ вы, говорю, такіе не эдакіе. Вы не то што меня бракуете, вы и своего-то мужика бракуете. „А потому“, старуха баетъ,—„и бракуемъ, што онъ по Русѣ ходитъ, съ вашимъ братомъ, со всякимъ поганымъ народомъ нахлѣбается“... Вотъ и поди ты, какъ они объ насъ понимаютъ.

— Д-да,—подтвердилъ хозяинъ воза, лежавшій уже съ руками, заложенными за голову.—Вишь ты, какѣ грозны живутъ... А сами-те, безстыдники! Тепериче у насъ, поблизу, въ деревнѣ два брата; одинъ, стало быть, въ солдаты ушелъ, другой его бабу къ себѣ взялъ. Это невѣстку-то, стало-быть, да еще чижолую. Другой со службы вернулся, тоже долго не думалъ: родну-те сестру прежней жены къ себѣ. Да слышь: два брата на двухъ сестрахъ женаты, да мальчонкѣ-то солдатъ и дядей роднымъ, да чуть-ли и тятькой не приходится. Такъ вотъ этимъ не брезгуютъ. Охо-хо-хо... Не спать-ли пора?...

Водворилось ненадолго молчаніе.

— Смѣшиця по Русѣ пошла, — раздался черезъ минуту простодушный голосъ песочинца.

— Давно ужь это,—сказалъ, укладываясь, солдатъ.—Не со вчерашняго дни.

— Чё не давно? Вотъ теперича молокана опять...

— Ну, эти иная статья, другого роду. Спи-ложись, пустого не бай!

Но песочинецъ, объятый размышленіемъ о „смѣшицѣ“, которая пошла „по святой Русѣ“, долго еще не могъ улечься. Онъ

сидѣлъ, ковырялъ вѣткой въ огнѣ и, увидя, что я тоже еще не сплю, кивнулъ лукаво въ сторону Ефима и произнесъ:

— Особа-статья, говоритъ.—Чего не особа статья! Самъ съ ими водитця, богамъ нашимъ молитьця не сталъ, молоко по пятницамъ жретъ. Самъ видывалъ, а то-бы и баять не надо...

И онъ тоже сталъ прилаживаться на песочкѣ.

VIII.

Я поднялся и посмотрѣлъ кругомъ.

Рѣка скрылась въ темной синевѣ вечера. Луна еще не подымалась, звѣзды тихо, задумчиво мигали надъ Ветлугой. Берега стояли во мглѣ, неясные, таинственные, какъ будто прислушиваясь къ немолчному шороху все прибывающей рѣки. Поверхность ея была темна, не видно было даже „цвѣту“, только кой-гдѣ мерцали, растягивались и тотчасъ исчезали на бѣгущихъ струяхъ дрожащія отраженія звѣздъ, да порой игривая волна вскакивала на берегъ и бѣжала къ намъ, сверкая въ темнотѣ пѣной, точно животное, которое рѣзвится, пробѣгая мимо человѣка...

Артель все еще бушевала на другомъ берегу, но пѣсни, видимо, угасали, какъ нашъ костеръ, въ который никто не подбрасывалъ больше хворосту. Голосовъ становилось все меньше и меньше: очевидно, не одна уже удалая головушка полегла на вырубкѣ и въ кустарникахъ. Порой какой-нибудь дикій голосина выносился удалѣе и громче, но ему не удавалось уже воспламенить остальныхъ, и пѣсня гасла.

Я тоже улегся рядомъ со спящими ветлугаями, любуясь звѣзднымъ небомъ, начинавшимъ загораться золотыми отблесками подымавшейся за холмами луны. А съ горы, тихо поскрипывая, спускался опять запоздалый возъ, подходили пѣшеходы и, постоявъ на берегу, или безнадежно выкрикнувъ раза два лодку,—безропотно присоединялись къ нашему табору, задержанному военною хитростью перевозчика Тюлина.

Огни въ деревушкѣ на холмѣ давно погасли одинъ за другимъ. Столбъ съ надписью то выдѣлялся, окрашенный огнемъ костра, то утопалъ въ темнотѣ.

Вдали, за рѣкой, запѣвалъ соловей.

. . . . . .

— Перево-озъ!

— Перевозъ, перевозъ, перррево-о-озъ!

— Эй перевоз-чикъ, живѣй—э-эй.

— Го-го-го-го-о-о!..

Громкіе крики, раздавшіеся шумно, внезапно, рѣзко и звонко, точно труба на зарѣ, разбудили меня и весь нашъ таборъ, пріютившійся у огонька. Крики наполняли, казалось, землю и небо, отдаваясь въ мирно-спавшихъ лощинахъ и заводяхъ Ветлуги. Ночные странники просыпались и протирали глаза; песочинецъ, котораго вчера такъ сконфузилъ его собственный скромный окликъ заснувшей рѣки,—теперь глядѣлъ съ какимъ-то испугомъ и спрашивалъ:

— Что такое? Съ нами крестная сила... что такое?

Начинало свѣтать, рѣка туманилась, нашъ костеръ потухъ. Въ сумеркахъ по берегу виднѣлись странныя группы какихъ-то людей. Одни стояли вокругъ насъ, другіе кричали у самой воды перевозчика. Невдалекѣ стояла телѣга, запряженная круглою сытою лошадью, спокойно ждавшей перевоза.

Я тотчасъ-же узналъ уреневцевъ... Тутъ были и третьеводнишнія скитницы въ темныхъ одеждахъ, и длинный субъектъ съ мрачнымъ лицомъ, и рябой нищій, и лохматый „юродъ“ и еще какія-то личности въ томъ-же родѣ.

Теперь они стояли вокругъ нашего, лежащаго въ повалку, табора, глядя на насъ съ безцеремоннымъ любопытствомъ и явнымъ пренебреженіемъ. Мои спутники какъ-то сконфуженно пожимались и, въ свою очередь, глядѣли на новоприбывшихъ не безъ робости. Мнѣ почему-то вдругъ вспомнились англійскіе пуритане и индепенденты временъ Кромвеля. Вѣроятно, эти „святоши“ такъ-же надменно смотрѣли на простодушныхъ грѣшниковъ своей страны, а тѣ отвѣчали имъ такими-же сконфуженными и безотвѣтными взглядами...

— Эй вы, ветлугаи, водохлѣбы. Гдѣ перевозчикъ?

— Перевозъ, перевозъ, перре-во-озъ!

Можно было подумать, что цѣлая армія вторглась въ мирныя владѣнія безпечнаго перевозчика. Голоса уреневцевъ гремѣли и раскатывались надъ рѣкой, которая теперь, казалось, быстро и сконфуженно убѣгала отъ погрома, вся опять бѣлая отъ цвѣту. Эхо долго и далеко перекатывало эти крики.

— Ну-ка, — думалось мнѣ, — устоитъ-ли и теперь тюлинскій стоицизмъ?

Къ моему удивленію, взглянувъ на-рѣку, я увидѣлъ въ утренней мглѣ лодочку Тюлина уже на серединѣ. Очевидно, философъ-перевозчикъ тоже находился подъ обаяніемъ грозныхъ уреневскихъ богатырей и теперь гребъ изо всѣхъ силъ. Когда онъ присталъ къ берегу, то на лицѣ его виднѣлась сугубая угнетенность и похмѣльная скорбь; это не помѣшало ему, однако, быстро побѣжать на гору за длинными шестами.

Нашъ таборъ тоже зашевелился. Хозяева ночевавшихъ возовъ вели за чолки лошадей и торопливо запрягали, боясь, очевидно, что уренсвцы не станутъ дожидаться, и они опять останутся на жертву тюлинскаго самовластія...

Черезъ полчаса нагруженный паромъ отвалилъ отъ берега.

У потухшаго костра мы остались вдвоемъ съ Ефимомъ, который разгребалъ пальцами золу, чтобы закурить уголькомъ носогрѣйку.

— А вы что-же не переправились заодно?

— Ну ихъ, не люблю,—отвѣтилъ онъ, раскуривая.—Мнѣ не къ спѣху,—пойду себѣ по росѣ... А вотъ вамъ такъ, пожалуй, пора собираться. Слышите: пароходъ сверху бѣжитъ.

Черезъ минуту и я могъ уже различить гулкіе удары пароходныхъ колесъ, а черезъ четверть часа надъ мысомъ появился бѣлый флагъ, и „Николай“ плавно выбѣжалъ на плёсо, мигая блѣднѣющими на разсвѣтѣ огнями и ведя зачаленную сбоку большую баржу...

Солдатъ услужливо подалъ меня въ тюлинской лодочкѣ на бортъ парохода, и тотчасъ-же его лодочка вынырнула изъ-за кормы, направляясь къ тому берегу, гдѣ грузный паромъ высаживалъ уреневцевъ.

Солнце давно золотило верхушки приветлужскихъ лѣсовъ, а я, безсонный, сидѣлъ на верхней палубѣ и любовался все новыми и новыми уголками, которые съ каждымъ поворотомъ щедро открывала передо мною красавица-рѣка, еще окутанная кой-гдѣ синеватою мглою...

И я думалъ: отчего-же это такъ тяжело было мнѣ тамъ, на озерѣ, среди книжныхъ народныхъ разговоровъ, среди „умственныхъ“ мужиковъ и начетчиковъ, и такъ легко, такъ родственно на этой тихой рѣкѣ, съ этимъ стихійнымъ, безалабернымъ, распущеннымъ и вѣчно страждущимъ отъ похмѣльнаго недуга перевозчикомъ Тюлинымъ. Откуда это чувство тяготы и разочарованія съ одной стороны и такого облегченія съ другой. Отчего на меня, тоже книжнаго человѣка,—отъ *тѣхъ* вѣетъ такимъ холодомъ, такой отчужденностію, а этотъ кажется такимъ близкимъ и такъ хорошо знакомымъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ,—

Все это ужь было когда-то,
Но только не помню когда...

Милый Тюлинъ, милая, веселая, шаловливая, взыгравшая Ветлуга! Гдѣ-же это и когда я видѣлъ васъ раньше?..

Влад. Короленко.

ДЕКАМЕРОНЪ.

I.

Давно извѣстно, что habent sua fatalibelli. Но едва ли благоразумно на этомъ успокоиваться и едва ли справедливо представлять все дѣло литературы судьбѣ. Сослуживъ службу своему времени, литературное произведеніе либо тотчасъ же сдается въ архивъ, въ который заглянетъ-ли, нѣтъ-ли когда-нибудь будущій историкъ, либо даетъ живую пищу уму и сердцу многихъ поколѣній и даже многихъ народовъ.

Нѣтъ! Весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ.
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ...

Очень и очень немногимъ дано счастіе, выраженное въ этихъ гордыхъ словахъ, и допустимъ, что въ этомъ отношеніи судьба есть синонимъ справедливости, что истинно великія произведенія живутъ вѣка и составляютъ достояніе «всякаго языка», а на быстрое забвеніе осуждены лишь ничтожества. Миръ праху ихъ! Но, останавливаясь лишь на судьбахъ звѣздъ первой величины литературнаго неба и принимая, во избѣжаніе пререканій, мѣриломъ или признакомъ ихъ величія ихъ живучесть, нельзя все-таки не изумляться разнообразію этихъ судебъ.

Есть во всемірной и вѣковѣчной литературѣ „Гамлетъ“ и есть „Декамеронъ“. Произведенія эти слишкомъ разнородны во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы кому-нибудь могло придти въ голову заняться сравненіемъ ихъ: трагическія перипетіи жизни мрачнаго датскаго принца и скабрезно-веселыя, хотя переплетенныя печалью, арабески Боккаччіо—несоизмѣримы. Но сопоставленіе ихъ возможно

Сопоставленіе это уже сдѣлано всеобщимъ голосованіемъ потомства, фактически признавшаго оба произведенія безсмертными и всемірными: оба живутъ вѣка, оба переводятся на всѣ языки. Ежели кто нибудь изъ традиціоннаго уваженія къ интересному датскому принцу оскорбится даже сопоставленіемъ его съ „Декамерономъ“ въ смыслѣ безсмертія и всемірности, то я напомню, что „Декамеронъ“ уже съ честью выдержалъ пробу: онъ почти на два съ половиною вѣка старше Гамлета; онъ не утонулъ въ водѣ благочестивыхъ исправленій и не сгорѣлъ въ огнѣ костровъ Савонароллы. Во всякомъ случаѣ, десятки и сотни поколѣній, сотни тысячъ и милліоны людей „всякаго языка“ не устаютъ читать какъ трагедію англичанина XVI вѣка, такъ и сборникъ разсказовъ итальянца XIV вѣка. Въ этомъ смыслѣ судьба, повидимому, уравняла ихъ. Но какая вмѣстѣ съ тѣмъ огромная разница!

Остановимся на насъ русскихъ: Гамлетъ есть одинъ изъ нашихъ любимцевъ. Въ литературѣ нашей имѣется множество частію оригинальныхъ, частію переводныхъ статей, замѣтокъ, объясненій, комментаріевъ, относящихся къ Гамлету, сопоставленій его интересной фигуры съ героями произведеній нашихъ собственныхъ беллетристовъ и т. д. Мысли о меланхолическомъ датскомъ принцѣ часто переплетаются съ размышленіями и о непосредственныхъ явленіяхъ русской жизни, и хотя имя его приэтомъ очень часто призывается совершенно всуе, но такъ или иначе, а Гамлетъ постоянно вливается въ составъ нашей духовной пищи. Интересъ, возбужденный имъ, не есть интересъ фабулы, сказки. Средній образованный русскій человѣкъ не просто читаетъ „Гамлета“, а думаетъ объ немъ и можетъ дать себѣ болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: почему это произведеніе безсмертно и всемірно. А „Декамеронъ“?

Хотя въ силу совершенно постороннихъ обстоятельствъ полный переводъ „Декамерона“ мы получаемъ только въ текущемъ 1891 году, но отдѣльные разсказы изъ него печатались у насъ уже давно; во всѣхъ изложеніяхъ исторіи всемірной литературы имѣются болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ его содержаніи и характерѣ; наконецъ, при значительномъ распространеніи у насъ знанія, если не итальянскаго, то французскаго и нѣмецкаго языковъ, на которыхъ существуетъ нѣсколько переводовъ „Декамерона“, онъ извѣстенъ или долженъ бы быть извѣстенъ большинству образованныхъ русскихъ людей. Между тѣмъ, я едва ли ошибусь, если скажу, что убѣжденія средняго русскаго образованнаго человѣка относительно „Декамерона“ исчерпываются двумя пунктами: 1) это—классическое произведеніе, произведеніе всемірнаго значенія, 2) это—сборникъ занимательныхъ и, главнымъ образомъ,

непристойныхъ разсказовъ. Но вѣдь не непристойность же вѣнчается лаврами безсмертія, иначе нашъ Барковъ былъ бы безсмертнѣйшимъ изъ писателей, а слава Лермонтова основывалась бы на „Уланшѣ“ и „Петергофскомъ праздникѣ“. Ясно, что между безсмертіемъ „Декамерона“ и его непристойностью долженъ быть построенъ какой-то мостъ, который соединилъ бы эти два, на первый взглядъ трудно соединимыя или совсѣмъ несоединимыя его стороны. Какія же права Боккачіо и въ частности „Декамерона“ на присутствіе въ числѣ безсмертныхъ и всемірныхъ? Если мы обратимся за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ свѣдущимъ людямъ, къ историкамъ литературы, то получимъ слѣдующія указанія. Прежде всего, „Декамеронъ“ отнюдь не сплошь скабрезенъ. На ряду съ легкомысленно-веселыми разсказами въ извѣстномъ вкусѣ—въ немъ есть новеллы, изображающія идеально-чистую, самоотверженную любовь и скорбную сторону жизни. Въ этомъ, пожалуй, всякій самъ можетъ убѣдиться, не ожидая спеціальныхъ указаній свѣдущихъ лицъ. Затѣмъ, свѣдущіе люди объяснятъ, что Боккачіо своимъ «Декамерономъ» поднялъ средневѣковую беллетристику на новую, высшую ступень, и что онъ, въ смыслѣ стиля, ввелъ новую, оригинальную струю въ итальянскую прозу. Далѣе намъ разскажутъ о роли Боккачіо, какъ одного изъ самыхъ видныхъ предшественниковъ эпохи Возрожденія, и укажутъ, какъ на одну изъ страницъ борьбы съ средневѣковымъ мракомъ, рядомъ съ его интересомъ къ классикамъ, на его насмѣшки надъ католическимъ духовенствомъ, облекающіяся подчасъ въ дѣйствительно непристойную форму, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно отражающія нравы этой среды. Какъ бы однако обстоятельно и доказательно ни были изложены всѣ эти заслуги Боккачіо историками литературы, это изложеніе не превратитъ „Декамерона“ въ такой же живой и животворящій источникъ мыслей и чувствъ, какимъ является для насъ „Гамлетъ“. Вышеупомянутыя заслуги Боккачіо, при всей своей значительности, особенно очевидной для спеціалистовъ-историковъ, не приближаютъ его къ намъ, не устанавливаютъ непосредственнаго нашего съ нимъ общенія. Благо тому, конечно, кто можетъ наслаждаться и поучаться видѣніями далекой исторической перспективы, но для огромнаго большинства читателей не существуютъ красоты итальянскаго стиля XIV вѣка, мало интересны первые шаги европейской „новеллистики“ а эпоха Возрожденія представляетъ нѣчто, можетъ быть, прекрасное, но слишкомъ уже далекое. Какъ бы ни было все это прискорбно съ точки зрѣнія спеціалистовъ исторіи литературы, но таковы факты, съ которыми приходится считаться. Историческія справки сами по себѣ могутъ объяснить только историческую заслугу извѣстнаго писа-

теля или произведенія,—заслугу, если позволительно такъ выразиться, удобренія почвы для послѣдующихъ ростковъ жизни. Такихъ удобрителей почвы, часто очень почтенныхъ и обладающихъ весьма значительными достоинствами, потомство либо совсѣмъ забываетъ, либо питаетъ къ нимъ холодное, абстрактное уваженіе, совмѣстимое даже съ извѣстною насмѣшливою фразою: sacrés ils sont, car personne n'y touche. Но „Декамеронъ“ находится очевидно въ иномъ положеніи. Его пять съ половиной вѣковъ читаетъ „всякъ языкъ“. Неужели же онъ читается только ради его внѣшней занимательности вообще и занимательности непристойной въ частности? Неужели онъ только въ этомъ смыслѣ способенъ быть живымъ собесѣдникомъ своихъ безчисленныхъ читателей и въ томъ числѣ русскихъ читателей 1891 года? Весьма вѣроятно, что большинство читателей думаетъ именно такъ, вслѣдствіе чего всемірная слава „Декамерона“ является чѣмъ то двусмысленнымъ. Кое-кого изъ лицемѣровъ, какихъ много всегда и вездѣ, а у насъ въ настоящее время тѣмъ паче, полный переводъ „Декамерона“ вѣроятно даже смутилъ. Съ одной стороны во всѣхъ элементарныхъ курсахъ исторіи европейской литературы и во всѣхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ итальянской ли литературѣ, къ эпохѣ ли Возрожденія, репутація „Декамерона“, какъ произведенія классическаго, установлена безповоротно, а съ другой стороны—неприлично, хотя и забавно. До такой степени явно неприлично, что никто, конечно, не дастъ „Декамерона“ своему несовершеннолѣтнему сыну или знакомой молодой дѣвушкѣ, но ни у кого также не найдется узкой и послѣдовательной смѣлости Савонароллы, жегшаго „Декамерона“ вмѣстѣ съ другими произведеніями нечестиваго искусства. Я думаю однако, что для искреннаго и вдумчиваго читателя слава „Декамерона“ можетъ найти себѣ оправданіе въ немъ самомъ, независимо отъ историческихъ заслугъ Боккаціо съ одной стороны и отъ скабрезно-сказочной занимательности съ другой.

II.

Въ 1348 г. Флоренцію постигло страшное народное бѣдствіе—чума. Чума свирѣпствовала и въ окрестностяхъ. Но,—говоритъ Боккаціо, — „оставляя подгородную область, можно ли сказать больше того, что, по суровости неба, а быть можетъ и по людскому жестокосердію, между мартомъ и іюлемъ, частію отъ силы чумного недуга, частію потому, что вслѣдствіе страха, обуявшаго здоровыхъ, уходъ за больными былъ дурной и ихъ нужды

не удовлетворялись; въ стѣнахъ города Флоренціи умерло, какъ полагаютъ, около ста тысячъ человѣкъ". Въ виду ужасовъ столькихъ смертей и страданій, семь молодыхъ дамъ и три молодые человѣка порѣшили удалиться за городъ въ безопасное мѣсто и тамъ переждать чуму, проводя время въ невинныхъ удовольствіяхъ: танцахъ, пѣніи и занимательныхъ бесѣдахъ. Сказано—сдѣлано, причемъ главнымъ развлеченіемъ этого маленькаго общества послужили „новеллы", по-очередно разсказанныя каждымъ изъ членовъ кружка. Въ десять дней было разсказано сто новеллъ, по десяти на каждый день.

Таковы рамки „Декамерона". Сообразно этому, „Декамеронъ" рѣзко распадается на двѣ, очень впрочемъ неравныя части: описаніе чумы, имѣющее характеръ настоящаго историческаго документа, какимъ оно и признается, и описаніе пріятнаго времяпровожденія маленькаго общества, удалившагося отъ чумы. Смѣлая фантазія соединить эти двѣ группы столь противоположныхъ картинъ имѣетъ въ глазахъ Боккаччіо эстетическое оправданіе. Онъ начинаетъ свое повѣствованіе такъ: „Всякій разъ, прелестныя дамы, какъ, я, размысливъ, подумаю, насколько вы отъ природы сострадательны, я прихожу къ убѣжденію, что вступленіе къ этому труду покажется вамъ тягостнымъ и грустнымъ,—ибо такимъ именно является начертанное въ челѣ его печальное воспоминаніе о прошлой чумной смертности, скорбной для всѣхъ, кто ее видѣлъ или иначе позналъ. Я не хочу этимъ отвратить васъ отъ дальнѣйшаго чтенія, какъ будто и далѣе вамъ придется идти среди стенаній и слезъ: ужасное начало будетъ вамъ тѣмъ же, чѣмъ для путниковъ неприступная, крутая гора, за которой лежитъ прекрасная, чудная поляна, тѣмъ болѣе нравящаяся имъ, чѣмъ болѣе было труда при восхожденіи и спускѣ. Какъ за крайнею радостью слѣдуетъ печаль, такъ бѣдствія кончаются съ наступленіемъ веселья: за краткой грустью (говорю: краткой, ибо она содержится въ немногихъ словахъ) послѣдуютъ вскорѣ утѣха и удовольствіе, которыя я вамъ напередъ обѣщаю и которыхъ послѣ такого начала никто бы и не ожидалъ, еслибы его не предупредили".

Дѣйствительно, во всемірной литературѣ найдется не много такихъ поразительныхъ художественныхъ эффектовъ, какъ этотъ переходъ отъ ужасовъ народнаго бѣдствія къ пріятному времяпровожденію маленькой кучки въ десять человѣкъ. Мрачныя краски вдругъ смѣняются яркими, и этотъ обрывъ тѣмъ поразительнѣе, что Боккаччіо отнюдь не имѣетъ въ виду укорить горсточку счастливцевъ. Всѣ семь дамъ „разумны и родовиты, красивы, добрыхъ нравовъ и сдержанно-привѣтливы". Трое спутниковъ ихъ „благоразумные и достойные юноши", и „годные для гораздо боль-

шаго дѣла, чѣмъ это". Въ описаніи чумы упоминается, между прочимъ, что „въ ходу были смѣхъ и шутка и общее веселье,— обычай, отлично усвоенный, въ видахъ здоровья, женщинами, отложившими большею частію приличное имъ чувство сострадания". Но этотъ упрекъ не относится къ маленькому обществу „Декамерона". Старшая изъ удалившихся за городъ дамъ, Пампинея, та именно, которая является иниціаторшей предпріятія, мотивируетъ свое предложеніе частію физическими опасностями, а частію нравственными. Она говоритъ о „людяхъ, когда-то осужденныхъ властью общественныхъ законовъ на изгнаніе за ихъ проступки, которые неистово мечутся по городу, точно издѣваясь надъ законами, ибо они знаютъ, что ихъ искоренители умерли либо больны"; о „подонкахъ нашего города, подъ названіемъ беккиновъ, которые упиваются нашею кровью, ѣздятъ и бродятъ повсюду на мученіе насъ, въ безстыдныхъ пѣсняхъ укоряя насъ въ нашей бѣдѣ". „Иные", продолжаетъ она, „не разбирая между приличнымъ и недозволеннымъ, руководясь лишь вождѣленіемъ, одни или въ обществѣ, днемъ и ночью, совершаютъ то, что приноситъ имъ наибольшее удовольствіе. И не только свободные люди, но и монастырскіе заключенники, убѣдивъ себя, что имъ прилично и пристало то же, что и другимъ, нарушивъ обѣтъ послушанія и отдавшись плотскимъ удовольствіямъ, сдѣлались распущенными и безнравственными, надѣясь такимъ образомъ избѣжать смерти". Пампинея рекомендуетъ „избѣгать паче смерти недостойныхъ примѣровъ" и заключаетъ свою рѣчь такъ: „Намъ не менѣе пристало достойно отсюда удалиться, чѣмъ многимъ другимъ оставаться здѣсь, недостойнымъ образомъ проводя время".

Такимъ образомъ, сохраненіе нравственнаго достоинства является однимъ изъ главныхъ мотивовъ удаленія кружка „Декамерона" отъ арены всеобщаго бѣдствія. Времяпровожденіе его не имѣетъ ничего общаго съ „пиромъ во время чумы", изображеннымъ въ Пушкинскомъ отрывкѣ. Напротивъ, именно отъ соблазнительнаго и возмутительнаго зрѣлища подобныхъ пировъ и удалились участники „Декамерона". Боккачіо частію самъ, частію устами дѣйствующихъ лицъ особенно подчеркиваетъ благоразуміе и благонравіе кружка. Можно, разумѣется, утверждать, что въ этомъ вполнѣ благоразумномъ и благонравномъ поведеніи, среди аромата цвѣтовъ, звуковъ музыки и пріятныхъ разговоровъ, по крайней мѣрѣ не меньше, если не больше эгоизма, чѣмъ въ отчаянномъ безпутствѣ оставшихся во Флоренціи. Но ясно, что не это имѣлъ въ виду Боккачіо.

Говорятъ иногда, что въ своемъ описаніи флорентинской чумы 1348 г. Боккачіо подражалъ Ѳукидидову описанію аттической мо-

ровой язвы 430—425 гг. Не берусь судить объ этомъ, но, во всякомъ случаѣ, въ обоихъ описаніяхъ бросается въ глаза одна общая черта или, вѣрнѣе, отсутствіе одной черты, весьма характерной для психологіи массъ во время подобныхъ бѣдствій. Ѳукидидъ говоритъ между прочимъ: „Что казалось пріятнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ выгоднымъ, то слыло прекраснымъ и полезнымъ. Страхъ передъ богами или передъ закономъ человѣческимъ не удерживалъ никого, потому что людямъ казалось все равно: чтить ли боговъ или нѣтъ, такъ какъ они видѣли, что всѣ гибли одинаковымъ образомъ“. Боккачіо, съ своей стороны, разсказываетъ, какъ мы видѣли, о людяхъ, которые, „руководясь лишь вождѣленіемъ, одни или въ обществѣ, днемъ и ночью, совершали то, что приносило имъ наибольшее удовольствіе“. И въ другомъ мѣстѣ: „При такомъ удрученномъ и бѣдственномъ состояніи нашего города почтенный авторитетъ какъ божескихъ, такъ и человѣческихъ законовъ почти упалъ и исчезъ“.

И Ѳукидидъ, и Боккачіо почти одними и тѣми же словами говорятъ объ отчаянной разнузданности плоти, грубѣйшія требованія которой вытѣснили собою всѣ нормы добра и зла, всѣ „божескіе и человѣческіе законы“. Быть можетъ, въ Аѳинахъ 500-хъ годовъ до Р. Х. и во Флоренціи 1348 г. психологія смятенныхъ бѣдствіемъ массъ, дѣйствительно, исчерпывались этою чертою или она была настолько преобладающею, что Ѳукидидъ и Боккачіо не замѣтили, либо не сочли нужнымъ записать факты иного рода. Но въ другихъ подобныхъ случаяхъ, рядомъ съ разнузданностью, мы видимъ, напротивъ, изможденіе плоти. Въ XV и XVI столѣтіяхъ значительная часть тогдашней Руси, а именно обширныя области Псковская и Новгородская не разъ подвергались тяжелымъ бѣдствіямъ: неурожаю, голоду, повальному мору, истреблявшему десятки тысячъ людей, такъ что трупы валялись непогребенными. А такъ какъ къ этимъ физическимъ бѣдствіямъ прибавлялись еще всякаго рода гражданскія неурядицы, то доходило дѣло и до ожиданія конца міра. Обезумѣвшій отъ бѣдъ народъ, какъ и въ случаяхъ Ѳукидида и Боккачіо, предавался пьянству, всякому распутству и грабежу, но также бѣжалъ въ монастыри и пустыни спасать душу изможденіемъ плоти и покаяніемъ во грѣхахъ.

Какъ ни рѣзко-противоположны эти два настроенія, но они имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ въ отчаяніи и растерянности массъ и нерѣдко сливаются въ одно страшное теченіе. Чума, описанная Боккачіо, посѣтила не одну Флоренцію: она обошла тогда почти всю западную Европу, вездѣ разсѣевая смерть и отчаяніе и вызывая многія необыкновенныя явленія общественнаго характера. Гезеръ въ своей „Исторіи повальныхъ болѣзней“, ука-

завъ на недостаточность мѣръ, принимавшихся противъ бѣдствія, продолжаетъ: „Народъ, оставленный такимъ образомъ безъ помощи своими властями, при безсиліи врачебнаго искусства, естественно долженъ былъ самъ придумать средство, чтобы помочь себѣ. И то, къ чему онъ прибѣгнулъ, вполнѣ соотвѣтствовало духу XIV столѣтія: съ одной стороны, толпы кающихся грѣшниковъ подвергали себя кровавымъ бичеваніямъ, а съ другой стороны, началось кровавое преслѣдованіе мнимыхъ виновниковъ бѣды—евреевъ". Въ процессіяхъ самобичевателей, какъ и въ тяготѣніи къ монастырю и пустынѣ у насъ, мы видимъ струю, не указанную или не замѣченную Боккачіо, или случайно отсутствовавшую въ районѣ его наблюденія. Эта струя, столь же непріятная для Боккачіо, какъ и описанная имъ разнузданность, пробилась въ „Декамеронѣ" инымъ путемъ и въ иной формѣ. Мы это сейчасъ увидимъ, а теперь постараемся пополнить пробѣлъ въ исторіи общественныхъ послѣдствій чумы.

Всякое крупное общественное бѣдствіе вызываетъ не только извѣстную работу чувства, въ формѣ ли сочувствія къ бѣдствующимъ или эгоистическаго страха за себя, и не только напряженіе воли въ направленіи помощи бѣдствующимъ или бѣгства отъ опасности, но и работу мысли. Знаменитое лиссабонское землетрясеніе 1755 г., въ пять минутъ погубившее 20000 человѣкъ подъ развалинами цвѣтущаго города, многихъ заставило призадуматься. Между прочимъ, для потомства сохранились думы Гёте (тогда шестилѣтняго ребенка), Канта и Вольтера. Шестилѣтній Гёте, какъ онъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ, былъ одолѣваемъ скептическими мыслями по тому поводу, что „подверглись гибели безъ разбора добрые и злые". Зрѣлый философскій умъ Канта вывелъ изъ этой гибели, что нельзя „смотрѣть на подобные случаи, какъ на божественную кару, а на несчастныхъ страдальцевъ, какъ на цѣль божьей мести за грѣхи", и что вообще „если въ природѣ совершается нѣчто невыгодное для человѣка, то это не должно быть объясняемо карою, местью, угрозой". Вольтеръ написалъ извѣстную „Poème sur le désastre de Lisbonne", въ которой, между прочимъ, спрашивалъ:

Lisbonne qui n'est plus, eut elle plus de vices
Que Londres, que Paris, plongés dans les délices?
Lisbonne est abimée et l'on danse à Paris.

Но работа мысли, доступная такимъ людямъ, какъ Гёте, Кантъ и Вольтеръ, недоступна взволнованнымъ бѣдствіями массамъ, духовную пищу которыхъ въ обыкновенное, спокойное время составляетъ суевѣріе. Даже чисто стихійныя бѣдствія, каковы земле-

трясенія, губительныя бури, грозы и т. п., въ которыхъ ни прямо, ни косвенно не участвуетъ человѣческая дѣятельность, пріурочиваются смятенными массами къ идеямъ грѣха и наказанія или угрозы. Такъ, въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ бурный разгулъ Волги - матушки указываетъ на присутствіе тяжкаго грѣшника среди добрыхъ молодцевъ, плывущихъ по рѣкѣ. Тѣмъ болѣе при бѣдствіяхъ, которыя могли бы быть предотвращены или смягчены руками человѣка. Таковы—неурожаи, голодовки, повальныя болѣзни, пожары, смуты отъ нашествія иноплеменниковъ или отъ внутреннихъ непорядковъ. Здѣсь взволнованныя массы по праву ищутъ виновниковъ, грѣшниковъ, но отнюдь не всегда тамъ, гдѣ они дѣйствительно находятся. Если бѣдствіе очень велико и захватываетъ большой районъ, не встрѣчая удовлетворительныхъ мѣръ противодѣйствія, то, по прошествіи извѣстнаго времени, разрозненныя и разнообразныя проявленія отчаянія сливаются въ одно бурное, чрезвычайно сложное море мыслей, чувствъ и поступковъ. Возникаетъ самообвиненіе и сокрушеніе о грѣхахъ, вызвавшихъ бѣдствіе, какъ кару или угрозу; и хотя это самообвиненіе, повидимому, столь искренно и глубоко, что можетъ доходить, какъ мы видѣли, до самобичеванія въ буквальномъ смыслѣ слова, но это не мѣшаетъ въ то же время страстно обвинять другихъ,—отдѣльныхъ ли лицъ или цѣлыя группы, національныя, сословныя, вѣроисповѣдныя. При этомъ легковѣріе массъ, доведенныхъ до отчаянія, не имѣетъ, кажется, предѣловъ.

Въ началѣ XI вѣка, когда Ростовскую область посѣтилъ страшный голодъ, явились какіе то два ярославца, которые, переходя съ мѣста на мѣсто, распускали слухъ, что въ голодѣ виноваты бабы: онѣ, дескать, въ снопахъ себѣ прячутъ съѣстные припасы. Какъ ни дика была эта выдумка, даже для XI вѣка, но она имѣла успѣхъ. Обезумѣвшіе отъ горя и нужды люди приводили къ плутамъ - ярославцамъ своихъ женъ, матерей, дочерей. Плуты надрѣзывали у женщинъ плечи и, ловко высыпая при этомъ изъ рукавовъ рожь, утверждали, что получали ее изъ-подъ женской кожи. Грубый фокусъ подтверждалъ фантастически нелѣпую выдумку, и отсюда происходили большія смуты, которыми злоумышленники пользовались даже для открытаго грабежа. Знаменитая сцена убійства Верещагина въ „Войнѣ и мирѣ“, превосходная въ другихъ отношеніяхъ, даетъ лишь слабое понятіе о томъ, что значитъ указать взволнованной бѣдствіемъ толпѣ виновника бѣдствія. Что же касается евреевъ, избіеніе которыхъ сплеталось съ процессіями самобичевателей, то они издревле были козлищами отпущенія въ минуты всеобщихъ бѣдствій. Много страницъ средневѣковой исторіи забрызгано еврейскою кровью, въ большинствѣ

случаевъ, конечно, совершенно невинною. Чума XIV столѣтія, описанная Боккачіо, но потрясшая не только Флоренцію, а всю западную Европу, была тѣмъ губительнѣе, что обрушилась на населеніе, въ конецъ обезсиленное гражданскимъ безправіемъ, невѣжествомъ и бѣдностью. Въ числѣ факторовъ этой бѣдности извѣстную роль играло и еврейское ростовщичество, но, не говоря уже о томъ, что не всѣ же евреи занимались ростовщичествомъ, самое обращеніе бѣдноты къ ростовщикамъ свидѣтельствуетъ о глубокомъ хозяйственномъ разстройствѣ. Весь средневѣковый строй, помимо евреевъ, держалъ народъ въ мракѣ нищеты, рабства и невѣжества. Но еврей былъ замѣтнѣе, въ качествѣ инородца и иновѣрца, чужого по облику и по всему складу жизни; на него издревле угрожающе указывали исторически воспитанные предразсудки и религіозная нетерпимость, этотъ естественный продуктъ невѣжества. Не разъ поэтому случалось, что самобичеватели, проникнутые религіознымъ энтузіазмомъ, переходили отъ своей кровавой покаянной практики непосредственно къ столь же кровавымъ насиліямъ надъ евреями, видя въ этомъ даже богоугодное дѣло.

Было бы, однако, большою ошибкою думать, что во всѣхъ этихъ явленіяхъ дѣйствуетъ лишь безкорыстная sancta simplicitas. Темные люди, напуганные бѣдствіемъ, искренно каются въ грѣхахъ и казнятъ себя за нихъ; они же напряженно ищутъ другихъ грѣшниковъ или виновниковъ и казнятъ ихъ. Какъ ни ужасны бываютъ удары, появляющіеся на этомъ общемъ фонѣ, самый этотъ фонъ могъ бы быть чистъ и безупреченъ. Не такъ бываетъ въ дѣйствительности. Крупное общественное бѣдствіе естественно вызываетъ потоки дѣятельной любви къ ближнему и самоотверженія, но въ то же время разнуздываетъ и злыя страсти, болѣе или менѣе сдерживаемыя при нормальномъ состояніи общества. Корыстолюбіе, властолюбіе, сластолюбіе никогда не отказываются ловить рыбу въ мутной водѣ. Къ тому же часто бываетъ, что въ то самое время, какъ благородный Прометей, прикованный къ скалѣ, терзается коршунами, его глупый братъ Эпиметей вскрываетъ ящикъ Пандоры, изъ котораго разомъ разлетаются на волю всѣ бѣды. Горе устаетъ плакать, жизнь устаетъ бороться со смертью, источники любви и самоотверженія изсякаютъ, неудовлетворенныя потребности и разнузданныя страсти разрываютъ установленныя вѣками границы добра и зла. Эту то страшную картину и рисуетъ Боккачіо во вступленіи къ „Декамерону“.

III.

Какъ ни рѣзка разница между описаніемъ флорентинской чумы и остальною большею частію „Декамерона“, она объединяется не только художественнымъ эффектомъ контраста, а и внутреннимъ содержаніемъ.

Распространенное мнѣніе о непристойности „Декамерона“ имѣетъ, конечно, свои основанія, но требуетъ большихъ поправокъ и оговорокъ. Прежде всего, даже не всѣ новеллы „Декамерона“ имѣютъ сюжетами взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ. Достаточно обратить вниманіе на третью новеллу перваго дня, послужившую толчкомъ для „Натана Мудраго“ Лессинга. На коварный вопросъ султана Саладина о томъ, которая изъ трехъ религій—мусульманской, іудейской и христіанской — есть истинная, еврей Мельхиседекъ отвѣчаетъ притчей. Въ нѣкоторомъ семействѣ изъ рода въ родъ переходило драгоцѣнное кольцо, владѣлецъ котораго считался вмѣстѣ съ тѣмъ старшимъ изъ наличныхъ членовъ семейства. Кольцо попало, наконецъ, къ человѣку, у котораго было три сына, равно любимыхъ и равно достойныхъ. Не желая отдать предпочтеніе одному изъ нихъ и тѣмъ самымъ обидѣть остальныхъ двухъ, отецъ тайно заказалъ еще два точно такія же кольца и оставилъ такимъ образомъ въ наслѣдство каждому по кольцу, среди которыхъ невозможно было узнать первоначальное, истинное: каждый изъ сыновей считалъ себя обладателемъ истиннаго.

Притча Мельхиседека отстаиваетъ въ остроумной формѣ серьезную и, къ сожалѣнію, отнюдь не устарѣлую мысль о необходимости свободы совѣсти и терпимости. Эта серьезность вовсе не неумѣстна среди другихъ новеллъ „Декамерона“, хотя большинство ихъ дѣйствительно занято любовными исторіями, а нѣкоторыя сверхъ того совершенно неудобны для чтенія вслухъ въ дамскомъ обществѣ. Если читатель вдумается даже въ наиболѣе выразительныя въ этомъ неудобномъ смыслѣ новеллы, то увидитъ, въ связи съ остальнымъ содержаніемъ „Декамерона“, серьезную и опять-таки отнюдь не устарѣлую мысль. Что касается излишней, по понятіямъ нынѣшняго времени, вольности разсказовъ, то русскій переводчикъ „Декамерона“ справедливо говоритъ: „Въ торжественной оправѣ стиля, рядомъ съ новеллами героическаго характера, откровенныя картинки быта выглядываютъ наивно, вызывая веселье и смѣхъ заявленіемъ извѣстнаго, иногда нескромнаго факта, не пряча его, но и не анализируя любовно, всего менѣе зазывая воображеніе за тотъ флеръ, который предательски набрасываетъ на него неумѣстный протоколизмъ современнаго французскаго

романа. Сравненіе съ нимъ сниметъ съ „Декамерона“ роковую репутацію безнравственности,—репутацію, сложившуюся отчасти вслѣдствіе смѣшенія нравственнаго съ пристойнымъ. Въ первомъ отношеніи мы недалеко ушли отъ „Декамерона“: тѣ же необойденные вопросы и та же неясность рѣшеній волнуютъ и насъ, только усиленные накопившимся матеріаломъ рефлексіи. Въ смыслѣ пристойности мы усовершенствовали декорумъ до ханжества, все окутывающаго и все позволяющаго разглядывать. Въ этомъ Боккачіо неповиненъ, онъ не бередитъ воображенія: здоровый протоколистъ жизни, онъ даетъ одинаковое мѣсто на солнцѣ и движеніямъ чувственности, и проявленіямъ той человѣчности, въ которой полагалъ источникъ истиннаго благородства.

Сравненіе „Декамерона“ съ современнымъ французскимъ романомъ съ точки зрѣнія морали, конечно, окажется въ пользу перваго, именно въ силу его откровенности и простоты. Въ „Декамеронѣ“ нѣтъ и слѣдовъ того своеобразнаго раздражающаго аромата, которымъ щеголяютъ Зола, Монпассанъ и проч. Онъ именно наивенъ и, если хотите, грубъ. На трехъ, пяти страницахъ, а то и меньше, онъ начинаетъ и кончаетъ разсказъ, пикантныя подробности котораго французскій романистъ заставилъ бы своихъ читателей смаковать на протяженіи цѣлаго тома. Правда, онъ, ни мало не смущаясь, разсказываетъ приэтомъ такія вещи, которыя французскій романистъ искусно газируетъ, предоставляя работу воспроизведенія собственной фантазіи читателя. Но въ этомъ то и состоитъ преимущество Боккачіо. Можно съ увѣренностью сказать, что самая пряная изъ новеллъ „Декамерона“ возбудитъ въ читателѣ съ эмоціональной стороны только смѣхъ, ни мало не задѣвъ его чувственности, чего отнюдь нельзя сказать о соблазнительно-серьезномъ, прямолинейномъ тонѣ современнаго французскаго романа. Самыя фабулы новеллъ Боккачіо, иногда очень замысловатыя во внѣшнихъ подробностяхъ, очень просты въ своей психологической сущности. О такихъ грязно-пикантныхъ осложненіяхъ, какъ связь отца съ дочерью, мачихи съ пасынкомъ и т. п., или противоестественные пороки, достаточно явно сквозящіе изъ-подъ газовой накидки современнаго французскаго романа, въ „Декамеронѣ“ нѣтъ и помину. Что же касается пищи для ума, то „Декамеронъ“ ее несомнѣнно даетъ всѣмъ желающимъ получить, притомъ пищу, опять таки гораздо болѣе ясную, здоровую и осязательную, чѣмъ двусмысленная тенденціозность будто бы обличительнаго французскаго романа. И, какъ ни страннымъ можетъ показаться такое утвержденіе съ перваго взгляда, пища эта находится въ тѣсной идейной связи съ тою, которая дается описаніемъ флорентинской чумы.

Тѣ два противоположныя, но имѣющія одинъ общій источникъ, теченія, о которыхъ было говорено выше,—разпузданность и изможденіе плоти,—получая особенно рѣзкое выраженіе въ массахъ, взволнованныхъ общественнымъ бѣдствіемъ, существуютъ и въ обыкновенное, спокойное время. Это двѣ крайнія точки, среди которыхъ люди, болѣе или менѣе приближаясь то къ одной изъ нихъ, то къ другой, будутъ биться до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ непорядокъ въ удовлетвореніи потребностей.

Повидимому, человѣческія потребности могутъ быть расположены въ извѣстную систему, которая должна установить, во-первыхъ, ихъ взаимную связь, а во-вторыхъ—степень ихъ неотложности. Нельзя думать, чтобы система эта представила прямолинейный порядокъ. Графически ее скорѣе можно изобразить въ видѣ дерева съ чрезвычайно сложными, запутанными развѣтвленіями и сплетеніями вѣтвей. Но нѣкоторыя общія положенія можно все таки уловить въ этой крайне-сложной сѣти.

Первая, самая общая и самая элементарная потребность есть потребность дыханія, безъ удовлетворенія которой жизнь возможна лишь самое короткое время. Процессъ дыханія, процессъ удовлетворенія этой первой потребности вызываетъ новую потребность—питанія, безъ удовлетворенія которой человѣкъ можетъ существовать уже несравненно дольше, но она все-таки обща всѣмъ людямъ всѣхъ возрастовъ. Потребность половой любви, зачатки которой въ низшихъ животныхъ непосредственно примыкаютъ къ удовлетворенію потребности питанія и, можетъ быть, заканчиваютъ собою всю гамму потребностей, въ высшихъ и особенно въ человѣкѣ даетъ себя знать лишь въ извѣстномъ возрастѣ; въ извѣстномъ же возрастѣ она потухаетъ, а въ сравнительно длинный періодъ ея существованія удовлетвореніе ея можетъ быть отложено на весьма значительные сроки. Животная половая страсть даетъ толчокъ потребности духовнаго общенія, каковая однако у многихъ не пробуждается всю жизнь. Есть и другія высшія потребности, которыя фактически могутъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, втеченіе всей ихъ жизни, оставаться въ зачаточномъ состояніи, но которыя тѣмъ не менѣе составляютъ неоспоримое достояніе человѣческаго типа. Таковы, напримѣръ, потребности художественнаго наслажденія, теоретическаго знанія, нравственнаго суда.

Жизнь можно разсматривать, какъ въ высшей степени сложный процессъ возникновенія и удовлетворенія потребностей. Но жизнь можетъ быть нормальная и ненормальная. Нормальная жизнь состоитъ въ возникновеніи и удовлетвореніи потребностей въ порядкѣ ихъ естественной неотложности. Во всѣхъ подробностяхъ порядокъ этотъ намъ неизвѣстенъ или, вѣрнѣе сказать,

пока не изслѣдованъ, потому что задача эта не труднѣе многихъ, уже разрѣшенныхъ человѣческимъ умомъ. Можно однако и теперь, представляя себѣ лишь общій обликъ этой неустанной работы жизни, сказать, что для правильнаго удовлетворенія высшихъ потребностей должны быть предварительно удовлетворены низшія, наиболѣе элементарныя и общія. Кажущіяся исключенія, какъ это и всегда бываетъ, лишь подтверждаютъ общее правило. Египетскіе или халдейскіе пастухи могли удовлетворять свою потребность теоретическаго знанія и изучать расположеніе небесныхъ свѣтилъ, ночуя чуть не подъ открытымъ небомъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и мы могли заниматься астрономіей, минуя или еле удовлетворяя потребности одежды и крова. Египтянъ и халдеевъ природа сама позаботилась до извѣстной степени оградить отъ этихъ потребностей: онѣ для нихъ, можно сказать, не существовали, такъ что подобные примѣры не колеблютъ общаго правила. Если же мнѣ укажутъ примѣры людей, живущихъ, положимъ, впроголодь и, тѣмъ не менѣе, удовлетворяющихъ высшимъ потребностямъ знанія или любви къ ближнему, то я скажу, что, при всей ихъ моральной возвышенности, это явленія ненормальныя. Это выше нормы, но не норма. Мы можемъ сами стремиться на эту высоту, но не смѣемъ требовать ея отъ другихъ. Притомъ же отъ проголоди до настоящаго голода все-таки еще далеко, и было бы во всякомъ случаѣ безуміемъ не только требовать, а и ожидать, чтобы терзаемый голодомъ человѣкъ стремился къ удовлетворенію высшей потребности знанія или нравственнаго суда и твердо помнилъ границы добра и зла. Моралисты всѣхъ временъ и народовъ очень часто предлагаютъ человѣчеству оборвать естественную гамму потребностей и, подавивъ въ себѣ низшія, культивировать лишь высшія. Это все равно, какъ еслибы мы ожидали, что растеніе принесетъ цвѣты и плоды, когда у него подрѣзаны корни. Дѣло не въ томъ, чтобы человѣкъ пересталъ быть животнымъ,—это невозможно, а въ томъ, чтобы онъ не останавливался на ступени животнаго,—это должно. Низшая потребность, будучи удовлетворена, сама собой стремится вызвать новую, высшую, но разныя обстоятельства часто пріостанавливаютъ этотъ свободный подъемъ вверхъ, отъ земли къ небу, отъ животнаго къ человѣчному, гуманному. И какъ запруженная рѣка на далекія пространства затопляетъ окрестности около мѣста запруды, такъ низшая потребность, которой загороженъ свободный переходъ въ высшую, затопляетъ собою всего человѣка. Получается или чисто животное существованіе или нѣчто еще худшее, чего и въ животномъ мірѣ не бываетъ, — переудовлетвореніе потребности, пресыщеніе. Отсюда муки Тантала, который видитъ кругомъ себя воду и не можетъ

утолить жажду. Отсюда мрачный взглядъ на жизнь и проклятія ей, хотя она ни въ чемъ не виновата. Отсюда, далѣе, усилія отдѣлаться отъ потребности, не приносящей ничего, кромѣ мученій, и наказать аскетической практикой бунтующую плоть, изсушить, избить ее. Но это далеко не всегда удается; изъ-подъ погасшаго, повидимому, пепла нерѣдко съ тѣмъ большею силою вспыхиваетъ пламя. Исторія и психіатрія знаютъ эти бурные переходы отъ крайняго изможденія плоти къ столь-же крайней разнузданности ея и опять обратно. Къ тому же двусмысленному результату другіе люди приходятъ другимъ путемъ, болѣе простымъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ, проще, если даже элементарныя низшія потребности не удовлетворяются или плохо удовлетворяются, несмотря на всѣ усилія. Натурально желаніе заглушить эти элементарныя потребности, и къ этому рѣшенію въ особенности легко придти при мистическомъ освѣщеніи, очень въ подобныхъ случаяхъ обыкновенномъ. Но натурально также, что эти заглушенныя потребности вновь вспыхиваютъ при первомъ удобномъ случаѣ и удовлетворяютъ себя уже безъ всякаго удержу и нормы.

Самые послѣдовательные изъ тирановъ своей плоти, индусскіе, доходятъ до попытокъ отречься даже отъ дыханія. Но обыкновенно дѣло не идетъ такъ далеко. Главнымъ и наиболѣе частымъ нападкамъ моралистовъ этого направленія подвергается потребность любви или „половая страсть“. Самое радикальное рѣшеніе вопроса принадлежитъ, какъ извѣстно, скопцамъ, а затѣмъ мы знаемъ много ученій, не столь послѣдовательныхъ, но такъ или иначе предлагающихъ мужчинамъ и женщинамъ отказаться отъ дурной привычки любить другъ-друга. Отрицается бракъ въ самой его строгой формѣ, а такъ какъ учителя обыкновенно мужчины, то женщины объявляются источникомъ соблазна, „сосудомъ діавольскимъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ жизни изгоняется все свѣтлое, яркое, всякій широкій размахъ мысли и чувства. Таково именно было время, въ которое привелось жить Боккачіо, и онъ, одинъ изъ провозвѣстниковъ эпохи Возрожденія, возсталъ противъ этого тѣлеснаго и духовнаго траура.

Надо имѣть въ виду, что трауръ этотъ налагался господствовавшими тогда ученіями на человѣчество отнюдь не ради обездоленныхъ, отнюдь не во имя любви къ ближнему. Правда, любовь къ ближнему была у всѣхъ на устахъ, но это былъ лишь мертвенно-холодный догматъ, который въ дѣйствительной жизни очень часто либо ничего не обуздывалъ, либо искусно подмѣнивался такъ называемымъ самосовершенствованіемъ. Оффиціально любовь къ ближнему провозглашалась высшею добродѣтелью, но на самомъ дѣлѣ настоящею добродѣтелью признавалась борьба съ

плотью, съ низшими потребностями, во имя будто бы высшихъ. Все плотское, земное представлялось грѣховнымъ, отъ котораго надлежало оторваться, чтобы духъ свободно воспарилъ къ небу. Но это именно и было ожиданіемъ цвѣтовъ и плодовъ отъ растенія съ подрѣзанными корнями. Религія омертвѣла въ колебаніяхъ между суевѣріемъ и лицемѣріемъ; научная и философская мысль на каждомъ шагу упиралась, какъ въ глухой переулокъ, въ текстъ, не подлежавшій критикѣ; искусство зачахло въ мертвыхъ сюжетахъ и мертвыхъ формахъ; нравственность свелась къ аскетической практикѣ; общественная жизнь вдоль и поперекъ перегородилась заборами національными, сословными, профессіональными. И мрачные люди ходили по этому сырому, тусклому, странно пересѣченному полю и могильнымъ голосомъ говорили: убивайте плоть,— въ ней грѣхи!

„Декамеронъ“ имѣетъ цѣлью не то, чтобы логически доказать заблужденіе или лживость и лицемѣріе этихъ мрачныхъ людей, а оппонировать имъ образами и картинами, и во всякомъ случаѣ вступиться за униженное и поруганное человѣческое естество. Дѣлаетъ онъ это главнымъ образомъ на той же почвѣ любовныхъ отношеній, которыя составляли особенный предметъ проклятій мрачныхъ тирановъ естества. Вчитываясь въ самыя откровенныя и грубыя новеллы „Декамерона“, вы увидите, что онѣ написаны отнюдь не только для забавы, хотя авторъ вовсе не скрываетъ своего намѣренія забавляться и забавлять. Но рядомъ съ забавой или подъ ея прикрытіемъ вы увидите серьезную мысль. Главная тема забавныхъ и не совсѣмъ пристойныхъ новеллъ состоитъ въ непреоборимости естества и, слѣдовательно, въ тщетѣ усилій мрачныхъ людей изсушить самый источникъ жизни. При этомъ особенное удовольствіе доставляетъ Боккачіо разсказывать про веселые грѣхи самыхъ оффиціальныхъ представителей мрачнаго взгляда. Онъ очень не любитъ этотъ сортъ людей, не безъ основанія заподозривая ихъ въ лживости и лицемѣріи. Изъ той реабилитаціи естества, которой посвященъ „Декамеронъ“, совсѣмъ однако не слѣдуетъ, чтобы онъ проповѣдывалъ или какъ нибудь разукрашивалъ распущенность нравовъ. Выше было уже сказано, что его фабулы чрезвычайно просты и, несмотря на слишкомъ откровенную форму, могутъ служить образцами цѣломудрія, по сравненію съ тѣмъ смакованіемъ и съ тѣми ухищреніями, которыя присущи современному роману. Было также сказано, что рядомъ съ новеллами рискованнаго характера въ „Декамеронѣ“ есть совершенно иныя, которыя русскій переводчикъ называетъ „ироическими“ и которыя, можетъ быть, правильнѣе было бы назвать трогательными. Это разсказы о высокой, идеальной любви, ради

которой приносятся всякаго рода жертвы. Если первая изъ этихъ группъ разсказовъ имѣетъ въ виду показать непреоборимость элементарныхъ требованій природы, то вторая указываетъ, что человѣкъ можетъ и долженъ, не отказываясь отъ этихъ требованій, одухотворить и облагородить ихъ. Я не хочу удлинять эту замѣтку пересказомъ образчиковъ новеллъ того и другого характера. Читатель ихъ самъ безъ труда найдетъ, если будетъ читать „Декамеронъ“ такъ-же, какъ его писалъ Боккачіо, то-есть пожалуй и для веселаго времяпровожденія, но не только для него. Боккачіо не могъ бы сказать подобно Рабле:

Amis lecteurs, qui ce livre lisez,
Despouillez vous de toute affection...
. . . . . .
Mieux est de ris que de larmes escrire,
Pour ce que rire est le propre de l'homme.

Боккачіо сильно стоялъ за то, что смѣхъ, веселье, наслажденіе свойственны человѣку и сами по себѣ ни мало его не унижаютъ. Но въ „Декамеронѣ“ не только есть надъ чѣмъ посмѣяться, а есть и чѣмъ растрогаться. Сверхъ того, и это самое важное, въ немъ есть серьезная мысль, которая собственно и дѣлаетъ его достойнымъ собесѣдникомъ даже отдаленнаго потомства.

Но Боккачіо есть все-таки человѣкъ своего времени, пятисотлѣтній старикъ, для котораго, понятно, не существуетъ многое, что волнуетъ нашу мысль и наше чувство даже въ предѣлахъ вопросовъ, имъ затронутыхъ. Теоріямъ мрачныхъ тирановъ естества онъ противопоставляетъ сначала картину всеобщаго бѣдствія. Всякое такое бѣдствіе либо сопровождается неудовлетвореніемъ коренныхъ потребностей человѣческой природы, либо именно въ немъ и состоитъ; и вотъ результатъ: полная разнузданность. Затѣмъ Боккачіо уводитъ семь прекрасныхъ во всѣхъ отношеніяхъ дамъ и троихъ столь же прекрасныхъ молодыхъ людей въ прекрасныя загородныя мѣста и тамъ заставляетъ ихъ вести спокойныя, забавныя или трогательныя бесѣды на ту же тему объ неудовлетворенныхъ потребностяхъ. Въ противоположность мрачнымъ теоріямъ, онъ думаетъ, что человѣкъ состоитъ не изъ двухъ половинъ, находящихся въ постоянной борьбѣ между собой, а что онъ есть нѣчто единое и цѣльное; что, не удовлетворивъ законныхъ требованій тѣла, нельзя думать о правильномъ удовлетвореніи требованій духа; что наоборотъ, жизнь человѣческая только тогда расцвѣтетъ всею возможною для нея полнотою и блескомъ, когда низшія потребности, получивъ удовлетвореніе, будутъ свободно переходить

въ высшія. Несмотря на очевидную и полную противоположность этого жизнерадостнаго взгляда мрачнымъ теоріямъ, провозглашающимъ плоть источникомъ и вмѣстилищемъ грѣха, Боккаціо стоитъ, такъ сказать, на одной плоскости съ ними. Какъ тиранъ естества удаляется куда нибудь въ дебри и пустыни, въ какую нибудь келью подъ елью, и тамъ, вдали отъ міра съ его зломъ, занимается самосовершенствованіемъ, путемъ изможденія плоти,—такъ и маленькое общество „Декамерона“ удаляется отъ зла, порожденнаго общимъ бѣдствіемъ, въ своего рода пустыню и тамъ занимается самосовершенствованіемъ по другому образцу. И та, и другая сторона рекомендуютъ слѣдовать ихъ личному примѣру. И для той, и для другой не существуетъ общественное рѣшеніе вопроса о неудовлетворенныхъ потребностяхъ. А между тѣмъ, можно съ увѣренностью сказать, что этотъ сложный и грозный вопросъ индивидуальными усиліями не рѣшится.

Ник. Михайловскій.

18-го октября.

ЛЕБЕДЬ ХАНТЫГАЯ

Легенда.

I.

— Гдѣ хакимъ *) Бай-Сугды? Гдѣ лебедь Хантыгая?—спрашивалъ Бурунъ-Ханъ своихъ придворныхъ. — Отчего мои глаза не видятъ славу и гордость моего государства? Гдѣ онъ, слеза радости, улыбка утѣшенія, свѣтъ совѣсти—гдѣ хакимъ Бай-Сугды, лебедь Хантыгая?

Мурзы, беки, шейхи, тайши и князьки, присутствовавшіе въ палаткѣ Бурунъ-Хана, опустили головы и не смѣли взглянуть на своего повелителя, точно они всѣ чувствовали себя виноватыми. Въ сущности, они просто боялись огорчить Бурунъ-хана печальнымъ извѣстіемъ и вызвать его неудовольствіе.

— Отчего вы всѣ молчите?—спрашивалъ Бурунъ-Ханъ, грозно сдвигая сѣдыя брови.—Отчего никто изъ васъ не хочетъ сказать правды?.. Впрочемъ, это смѣшно требовать правды отъ людей, которые хотятъ замѣнить мнѣ и мои глаза, и мои уши, и мои руки, чтобы лучше пользоваться моей слѣпотой, глухотой и бездѣятельностью... Одинъ хакимъ Бай-Сугды говорилъ мнѣ правду, а я не вижу его.

Еще ниже наклонились старыя и молодыя головы мурзъ, бековъ, тайшей и князьковъ, и опять никто не посмѣлъ проронить ни одного слова. Тогда смѣло выступила впередъ красавица Джеть, любимая дочь Бурунъ-Хана, и, преклонивъ одно колѣно, сказала:

— Отецъ мой, прости мнѣ мою смѣлость, что я рѣшилась сказать тебѣ то, о чемъ молчатъ другіе...

Сѣдыя ханскія брови распрямились, морщины на ханскомъ лбу исчезли, грозные ханскіе глаза глянули весело: развѣ най-

---

*) Хакимъ—ученый, учитель.

дется такой человѣкъ, который можетъ разсердиться на красавицу Джетъ?

— Говори, Джетъ, моя газель.

— Отецъ, хакимъ Бай-Сугды уже давно совсѣмъ измѣнился, такъ что ты его не узнаешь... Онъ больше ужь не складываетъ своихъ чудныхъ пѣсенъ, которыя распѣваетъ весь Хантыгай. Да... Хакимъ Бай-Сугды заперся въ своей палаткѣ и никуда не выходитъ. Вотъ уже полгода, какъ онъ заскучалъ, а его жены проплакали свои глаза... Кто-то попортилъ солнце Хантыгая, и оно скрылось за тучу.

Ханъ опять нахмурился и велѣлъ привести хакима Бай-Сугды, а красавица Джетъ помѣстилась за шелковой занавѣской. Когда старый хакимъ, съ длинной сѣдой бородой, вошелъ въ палатку, дѣвушка тихо заиграла на золотой арфѣ и запѣла самую лучшую пѣсню, какую только когда-нибудь сложилъ Бай-Сугды:

Алой розой смѣхъ твой запертъ,
Соловьиной пѣсни трепетъ
На груди твоей таится...

Никто въ цѣломъ Хантыгаѣ не умѣлъ пѣть лучше Джетъ, и всѣ лица повеселѣли, а Бурунъ-Ханъ посмотрѣлъ на хакима съ улыбкой. Улыбнулись и мурзы, и беки, и шейхи, и тайши, и князьки, какъ живое зеркало Бурунъ-Хана. Одинъ хакимъ Бай-Сугды стоялъ передъ ханомъ, опустивъ глаза, и на сѣдыхъ рѣсницахъ у него повисли слезы.

— Хакимъ Бай-Сугды, лебедь Хантыгая, что сдѣлалось съ тобой?—спросилъ Бурунъ-Ханъ.—Никто тебя не видитъ... Можетъ быть, у тебя есть какое-нибудь горе? Можетъ быть, износилось твое платье? Можетъ быть, твои стада постигло несчастіе? Можетъ быть, наконецъ, ты недоволенъ мной?..

Поднялъ голову хакимъ Бай-Сугды и сказалъ:

— Всемъ я доволенъ, Бурунъ-Ханъ, и все у меня есть, даже больше, чѣмъ нужно одному человѣку... Я, какъ пылинка въ солнечномъ лучѣ, купаюсь въ твоей милости.

— Можетъ быть, похолодѣло твое сердце, хакимъ Бай-Сугды, и нужна новая пара газельихъ глазъ, чтобы воскресить въ немъ молодую радость?..

— О, Бурунъ-Ханъ, у меня семь женъ, семь красавицъ, и мнѣ достаточно молодыхъ радостей, — съ горькой усмѣшкой отвѣтилъ сѣдой хакимъ.

— Что же тебѣ нужно, Бай-Сугды? Проси все, и я все сдѣлаю для тебя... Ты выше меня, потому что я сейчасъ ханъ, а завтра меня съѣдятъ черви, а ты умрешь—послѣ тебя останутся

живыя чудныя пѣсни... Хановъ много, а хакимъ Бай-Сугды—одинъ.

— Бурунъ-Ханъ, у меня есть къ тебѣ просьба: пусть красавица Джетъ не поетъ больше моихъ пѣсенъ... И пусть другія дѣвушки ихъ позабудутъ. Когда птица поетъ беззаботно, сидя на вѣткѣ, она не предчувствуетъ близкой зимы, не видитъ коршуна, который ее схватитъ. Моя зима пришла, а мой коршунъ уже летаетъ надъ моей головой, и я чувствую, какъ вѣютъ его крылья...

— Неужели ты, мудрѣйшій изъ людей, испугался смерти?

— Нѣтъ, ханъ, не смерти я боюсь, а того, зачѣмъ я жилъ такъ долго... Мое сладкое безумство пѣло пѣсни, а ненасытное сердце искало новыхъ радостей. Но теперь нѣтъ больше пѣсенъ... Давно углубился я въ ученыя книги, въ это море мудрости, и чѣмъ дальше углубляюсь въ нихъ, тѣмъ сильнѣе чувствую, сколько зла я надѣлалъ своими пѣснями. Я обманывалъ ихъ сладкимъ голосомъ и молодыхъ, и старыхъ людей, я сулилъ имъ никогда не существовавшія радости, я усыплялъ душу запахомъ розъ, а вся наша жизнь только колеблющаяся тѣнь промелькнувшей въ воздухѣ птицы... Горя, несчастій, нужды и болѣзней цѣлыя моря, а я утѣшалъ и себя, и другихъ одной каплей сладкой отравы. Мои пѣсни теперь нагоняютъ на меня тоску. Бурунъ-Ханъ, чѣмъ больше читаю я мудрыя книги, тѣмъ сильнѣе вижу собственное безумство... Отпусти меня, ханъ! Я пойду въ другія государства и найду великихъ подвижниковъ, которые цѣлую жизнь провели въ созерцаніи и размышленіяхъ: у нихъ истина жизни, которой я хочу поучиться. Вотъ, моя вторая просьба...

Задумался Бурунъ-Ханъ: жаль ему стало пѣвца Бай-Сугды, славу и гордость Хантыгая. Что же останется, когда улетитъ этотъ лебедь? Но хакимъ Бай-Сугды такъ сильно измѣнился, и путешествіе будетъ для него лучшимъ лекарствомъ.

— Хорошо, хакимъ Бай-Сугды, пусть будетъ по твоему,—согласился Бурунъ-Ханъ.—Иди, куда хочешь, но только возвращайся, а пока ты путешествуешь—въ Хантыгаѣ не будутъ пѣть твоихъ пѣсенъ. Иди, отыщи истину и принеси ее намъ...

II.

Ханство Хантыгай было очень большое, но въ немъ хакимъ Бай-Сугды не зналъ никого, кто-бы былъ его ученѣе. Онъ быстро собрался въ путь, нагрузилъ трехъ верблюдовъ всемъ необходимымъ для долгаго путешествія, взялъ десять человѣкъ слугъ и отправился въ сосѣднее ханство Чубарайгыръ, гдѣ жилъ знаменитый хакимъ Тююзакъ.

Цѣлыхъ три недѣли шелъ караванъ до границы. Хантыгай и Чубарайгыръ много лѣтъ воевали между собой, разрушали города, пустошили населенныя мѣстности, убивали тысячи людей и тысячи людей уводили въ плѣнъ. Счастье было измѣнчиво, а война прекращалась только тогда, когда войска изнемогали, запасы истощались и общая нищета заставляла мириться на время. Ханы увѣряли другъ-друга въ дружбѣ, а сами потихоньку готовились къ войнѣ, чтобы напасть врасплохъ. Поэтому, когда караванъ хакима Бай-Сугды показался на границѣ, то оберегавшая ее стража сейчасъ же схватила верблюдовъ, а самого Бай-Сугды объявила плѣнникомъ чубарайгырскаго хана Майчака. Плѣнника представили прямо къ хану, но когда Майчакъ узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и зачѣмъ хакимъ Бай-Сугды заѣхалъ въ его государство, то предложилъ ему богатые дары и отпустилъ.

— Твои пѣсни, хакимъ, открываютъ тебѣ вездѣ счастливый путь,—сказалъ ханъ Майчакъ, счастливый, что видѣлъ знаменитаго пѣвца. — Еслибы у меня былъ твой даръ, я бросилъ бы свое ханство. Богъ тебя да благословитъ. На обратномъ пути не забудь навѣстить меня.

Отправился хакимъ Бай-Сугды дальше. Ему нужно было проѣхать опасную Голодную степь, гдѣ торговые караваны подвергаются нападенію степныхъ разбойниковъ. Такъ случилось и съ нимъ. На третій день пути караванъ хакима былъ окруженъ разбойниками. Они перевязали слугъ и принялись развязывать тюки. Хакимъ Бай-Сугды не сопротивлялся, а спокойно смотрѣлъ на ихъ работу. Это удивило разбойниковъ.

— Развѣ тебѣ не жаль своего добра?—спросили они.—Кто ты такой?...

— Я хакимъ Бай-Сугды изъ Хантыгая...

— Лебедь Хантыгая?..

У разбойниковъ опустились руки. Они навьючили снова верблюдовъ, развязали слугъ и, не воспользовавшись ничѣмъ, отпустили знаменитаго пѣвца.

— Мы грабимъ только купцовъ и богатыхъ людей,—объяснили они въ смущеніи.—Будетъ проклятъ тотъ человѣкъ, который вырветъ хоть одно перо изъ бѣлаго крыла лебедя Хантыгая... Твои пѣсни открываютъ тебѣ счастливый путь.

Когда караванъ тронулся въ путь, одинъ изъ разбойниковъ запѣлъ:

Алой розой смѣхъ твой запертъ,
Соловьиной пѣсни трепетъ
На груди твоей таится...

Опять та-же пѣсня, и опять она огорчила хакима Бай-Сугды до глубины души, напоминая ему о его прошломъ безуміи, преслѣдовавшемъ его всюду, какъ бѣжитъ тѣнь за человѣкомъ.

— О, это мое проклятіе!—думалъ хакимъ Бай-Сугды, закрывая глаза.—Моя пѣсня преслѣдуетъ меня черной тѣнью.

За Голодной степью начинались дикія горы, въ которыхъ жилъ Тюзакъ. Съ величайшимъ трудомъ достигъ караванъ до глубокой горной долины, гдѣ жилъ славный хакимъ. Жилищемъ ему служила пещера, выкопанная въ горѣ. Путешественники нашли отшельника на берегу горнаго ключа: здѣсь онъ предавался созерцанію. Хакимъ Бай-Сугды подошелъ къ нему и поклонился.

— Хакимъ Тюзакъ, я пришелъ къ тебѣ издалека, чтобы научиться, напиться отъ ключа твоей мудрости...

Тюзакъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на пришельца своими столѣтними глазами и строго проговорилъ:

— Мудрость не возятъ на верблюдахъ... Мудрость не нуждается въ пышной одеждѣ. Ты только напрасно потерялъ свое время...

Два дня провелъ Бай-Сугды у Тюзака въ душевной бесѣдѣ. Онъ разсказалъ отшельнику всю свою жизнь: какъ онъ былъ молодымъ и бѣднымъ байгушемъ и какъ прославился на весь Хантыгай даромъ пѣсенъ; какъ осыпалъ его богатствомъ и почестями Бурунъ-Ханъ, какъ онъ самъ возгордился своими пѣснями, которыя распѣвалъ весь Хантыгай, и какъ онъ въ концѣ-концовъ задумался, зачѣмъ онъ прожилъ свою жизнь и какъ ошибся, принимая за счастье его обманчивую тѣнь. Столѣтній Тюзакъ, съ пожелтѣвшими отъ старости волосами, выслушалъ его внимательно и сказалъ:

— Вся твоя бѣда въ томъ, Бай-Сугды, что ты свое счастье искалъ въ чемъ-нибудь внѣшнемъ. Ты радъ-бы былъ захватить всѣ стада Хантыгая, все золото, все платье, всѣхъ красивыхъ женщинъ... Но, вѣдь, ты не поѣдешь на десяти лошадяхъ разомъ, не надѣнешь десять халатовъ, не съѣшь и не выпьешь за десятерыхъ. Твое богатство тебя давило, какъ ярмо... Вотъ и теперь, зачѣмъ тебѣ эти верблюды, слуги, тюки съ имуществомъ? Не легче-ли тебѣ идти одному и думать только о себѣ?

— Ты правъ, Тюзакъ,—согласился Бай-Сугды.—Жаль, что я раньше не подумалъ объ этомъ.

Онъ раздѣлилъ свое имущество между слугами и отпустилъ ихъ домой.

— Бай-Сугды, ты сдѣлалъ еще не все,— сказалъ Тюзакъ:— ступай въ ханство Шибэ, тамъ живетъ мудрѣйшій изъ хакимовъ, Урумчи-Олой... Онъ тебя научитъ всему.

Отъ ханства Хантыгая до ханства Чубарайгыра хакимъ Бай-Сугды ѣхалъ три недѣли, отъ хана Майчака до хакима Тююзака онъ ѣхалъ тоже три недѣли, а отъ хакима Тююзака до хакима Урумчи-Олой онъ уже шелъ пѣшкомъ цѣлыхъ три мѣсяца. На немъ оставалась самая простая одежда изъ верблюжьей шерсти, какую носили бѣдные пастухи, а за плечами въ тяжелой котомкѣ онъ несъ необходимые припасы для своего пропитанія. Дорога была трудная, горами, лѣсами, съ трудными переправами, но Бай-Сугды все шелъ впередъ, счастливый уже тѣмъ, что, благодаря Тююзаку, освободился отъ лишней тяжести. Въ самомъ дѣлѣ, для чего ему эти верблюды, слуги и тюки, когда одному человѣку такъ немного нужно?

Хакимъ Урумчи-Олой, старецъ ста двадцати лѣтъ, жилъ подъ открытымъ небомъ. Онъ такъ обросъ волосами, что долженъ былъ приподнять свои нависшія, тяжелыя отъ старости, брови, чтобы взглянуть на гостя. Длинная борода спускалась до колѣнъ. Сквозь рубища выглядывало желтое худое тѣло.

— Богъ да благословитъ мудрѣйшаго изъ хакимовъ! — привѣтствовалъ его Бай-Сугды, кланяясь до земли.

Онъ разсказалъ Урумчи-Олой про себя все, какъ и Тююзаку, и еще прибавилъ, что кромѣ богатства его угнетала страстная любовь къ женщинамъ. Да, Бай-Сугды не могъ пропустить ни одного хорошаго личика, и лучшія свои пѣсни слагалъ для обольстительныхъ черныхъ глазъ. У него было семь красавицъ женъ, которыхъ онъ любилъ, когда онѣ были молодыми. Что лучше цвѣта женской молодости, дѣвичьей красоты и покорной ласки темныхъ глазъ?.. Теперь онъ старъ, но и сейчасъ женская красота зажигаетъ въ немъ молодой огонь страстныхъ желаній. Эта жажда томила его цѣлую жизнь и не получила удовлетворенія.

— Что ты ѣлъ, Бай-Сугды?—сурово спросилъ Урумчи-Олой, опуская брови.

— Я ѣлъ все, что только могъ достать...

— Огонь преступныхъ желаній въ насъ отъ пищи... Не ѣшь мяса, не употребляй пряностей и вина, и онъ потухнетъ самъ собой. Нужно изнурять свое тѣло трудомъ, постомъ и созерцаніемъ, и только тогда ты приблизишься къ истинѣ. Человѣкъ, поѣвшій свиньи, самъ дѣлается свиньей, а отвѣдавшій крови дѣлается кровожаднымъ... Одинъ мужчина не можетъ любить семь женщинъ, если онъ будетъ жить такъ, какъ я сказалъ. Что такое женщина? Это обманъ... Онъ проходитъ вмѣстѣ съ первой ночью. Посмотри на старую женщину, куда дѣвалась ея красота и то, чему ты слагалъ свои пѣсни. Но я еще не достигъ совершенства,

Бай-Сугды... Иди въ ханство Катунъ, тамъ на большой рѣкѣ спасается великій хакимъ Эрьгуудзль. Отъ него все узнаешь...

Горько заплакалъ хакимъ Бай-Сугды. И Тююзакъ и Урумчи-Олой сказали ему правду, заглянувъ на дно его сердца. О, сколько неправды, зла и похотей онъ носилъ въ себѣ цѣлую жизнь и разжигалъ своими пѣснями въ другихъ... Бай-Сугды бросилъ свою котомку въ пропасть, гдѣ по нѣчамъ выли шакалы, а самъ пошелъ впередъ пѣшкомъ и босой, съ одной палкой въ рукѣ.

III.

Отъ Урумчи-Олой до Эрьгуудзль хакимъ Бай-Сугды шелъ три года. Сколько опасностей онъ перенесъ, сколько труда... Пришлось идти черезъ каменистыя горы и страшнымъ лѣсомъ. Одежда давно износилась и висѣла лохмотьями, сквозь которыя сквозило пожелтѣвшее высохшее тѣло, а ноги были покрыты глубокими ранами. Но все перетерпѣлъ хакимъ Бай-Сугды, чтобы достигнуть совершеннаго изъ людей и услышать отъ него слово послѣдней мудрости. Питался онъ дикими плодами, кореньями и травой, какъ дикій звѣрь, и успѣлъ позабыть, какой вкусъ у мяса, сладкихъ винъ и сладкихъ плодовъ. Нѣсколько разъ онъ лежалъ больной въ лѣсу одинъ и со смиреніемъ ждалъ своего смертнаго часа, но Богу было угодно, чтобы его подвигъ наградился успѣхомъ. Это было въ концѣ третьяго года, когда уже стояла весна и все кругомъ цвѣло и ликовало. Хакимъ Эрьгуудзль жилъ на берегу громадной рѣки Чэчэ, и хакимъ Бай-Сугды заплакалъ отъ радости, когда увидѣлъ издали ея свѣтлыя воды, покоившіяся въ зеленыхъ берегахъ. Мѣсто было самое красивое, какое только можно себѣ представить.

— Богъ да благословитъ хакимъ Эрьгуудзль! — сказалъ хакимъ Бай-Сугды, приближаясь къ шалашу изъ пальмовыхъ листьевъ.

Ему навстрѣчу вышелъ свѣжій еще старикъ, съ красивымъ лицомъ, въ чистой одеждѣ и съ крѣпкимъ тѣломъ. Именно такого старика хакимъ Бай-Сугды не ожидалъ встрѣтить.

— Ты усталъ? Ты хочешь ѣсть? Ты истомился жаждой? Ты нуждаешься въ одеждѣ?—спрашивалъ Эрьгуудзль, ласково улыбаясь.—Вотъ рѣка Чэчэ, ступай напейся и умойся...

— Я хакимъ Бай-Сугды, изъ Хантыгая, —говорилъ Бай-Сугды въ смущеніи.—Мое прозваніе: лебедь Хантыгая...

— Такъ это ты, тотъ самый Бай-Сугды, который сложилъ пѣсню:

Алой розой смѣхъ твой запертъ...

О, я радъ тебя видѣть, лебедь Хантыгая, и позволь мнѣ омыть твои израненныя ноги, одѣть тебя въ новое платье и поцѣловать, какъ дорогого гостя. Твои чудныя пѣсни долетѣли и до меня, какъ залетаютъ рѣдкія птицы въ далекія страны.

Они пришли къ рѣкѣ, и хакимъ Бай-Сугды съ жадностью припалъ къ свѣтлой прохладной влагѣ. Эрьгуудзль смотрѣлъ на него и улыбался. Когда Бай-Сугды утолилъ жажду и поднялся на ноги, Эрьгуудзль съ удивленіемъ его спросилъ:

—Что-же ты, лебедь Хантыгая? Вѣдь тебя томила смертная жажда, а ты не выпилъ даже этой рѣки.

Бай-Сугды подумалъ, что хакимъ шутитъ и отвѣтилъ:

— Всѣ мы, когда томитъ насъ жажда, думаемъ, что цѣлое море воды не утолитъ ея...

Хакимъ Эрьгуудзль ласково засмѣялся и указалъ на дикую козу, которая на берегу рѣки общипывала молодой кустъ.

— Какъ ты думаешь, лебедь Хантыгая, выростетъ это дерево, если коза каждый день будетъ приходить и ощипывать самые свѣжіе листочки?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, оно засохнетъ..,

Хакимъ Эрьгуудзль опять засмѣялся, а хакимъ Бай-Сугды задумался.

Такъ они прожили три дня. Хакимъ Бай-Сугды успѣлъ отдохнуть, освѣжился и перемѣнилъ свое рубище на чистую одежду. Онъ нарочно ничего не говорилъ о цѣли своего путешествія, ожидая перваго слова отъ Эрьгуудзля, а хакимъ дѣлалъ такой видъ, что точно давно ожидалъ Бай-Сугды и радъ его видѣть, какъ брата. Только на четвертый день Эрьгуудзль заговорилъ:

— Лебедь Хантыгая, тебѣ можно сейчасъ отправиться домой: ты отдохнулъ, подкрѣпилъ себя пищей и прикрылъ тѣло новой одеждой... Мнѣ не хотѣлось огорчать тебя, что ты напрасно потерялъ столько времени и перенесъ столько трудовъ и опасностей: тебя привела сюда твоя гордость и желаніе быть лучше другихъ. Иди домой и пой твои пѣсни... Каждая слеза, осушенная твоей пѣсней, и каждая улыбка радости, вызванная ею,—такое счастье, о которомъ не смѣютъ мечтать и ханы. Да, тебя привела сюда твоя гордость, которой ты и самъ не замѣчалъ... Она помрачила твое свѣтлое око, и міръ тебѣ показался темнымъ. Ты надѣялся на свой умъ, но это самый лукавый изъ слугъ, который старается подать тебѣ то, чего ты еще не успѣлъ пожелать... Счастье наше въ одномъ днѣ, а правда жизни въ своей совѣсти. Вѣдь жизнь такъ проста, хакимъ Бай-Сугды, и ея смыслъ совсѣмъ не въ томъ, что ты будешь ѣсть, или во что будешь одѣваться. Голодный и

голый человѣкъ не сдѣлается справедливѣе оттого только, что онъ голъ и голоденъ.

— Все это я понимаю, хакимъ Эрьгуудзль, и согласенъ съ тобой, — отвѣчалъ Бай-Сугды: — но какъ-же спать спокойно, когда вся наша жизнь ничто передъ смертью... Никакая добродѣтель, никакой умъ, слава и красота не спасаютъ отъ уничтоженія.

Хакимъ Эрьгуудзль весело разсмѣялся.

— Лебедь Хантыгая, ты боишься того, чего не существуетъ... Смерть—это когда ты думаешь только объ одномъ себѣ, и ея нѣтъ, когда ты думаешь о другихъ. Какъ это просто, лебедь Хантыгая!... Созрѣвшій плодъ падаетъ на землю — развѣ это смерть?...

И просвѣтлѣла душа Бай-Сугды отъ этихъ простыхъ словъ, и понялъ онъ то, чего не досказалъ хакимъ Эрьгуудзль: испугала его своя старческая слабость, затемнившая на время свѣтъ сердца...

Черезъ десять лѣтъ вернулся лебедь Хантыгая домой, и пронеслись по всему ханству его новыя пѣсни, какъ прилетѣвшія весной птицы: онъ пѣлъ о счастьи трудящихся, о счастьи добрыхъ и любящихъ, о счастьи простыхъ... Эхомъ повторяли эти пѣсни и пастухи въ степи, и пахарь за плугомъ, и молодая дѣвушка за прялкой, и старики, согрѣвавшіе свое холодѣвшее тѣло около огня.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

19 октября 91 г.
Петербургъ.

КОНЕЦЪ ВѢКА.

(Очерки современнаго Парижа).

I.

Евангельская притча.

О, что̀-бы въ будущемъ, предчувствіемъ грозя,
Ни ожидало насъ,—несчастнымъ быть нельзя
При солнцѣ утреннемъ, весною, городъ вѣчный,
Когда теряешься въ толпѣ твоей безпечной!
Посмотришь на бульваръ, гдѣ каждый солнцу радъ,
И распустившихся каштановъ ароматъ
Вдохнешь, услышишь смѣхъ, и говоръ беззаботный,
И женское лицо съ улыбкой мимолетной
Увидишь издали, и снова, жизнь любя,
Невольно радостнымъ почувствуешь себя,
И горько вспоминать о сѣверной отчизнѣ...
Какой здѣсь блескъ кругомъ, какая радость жизни!
Когда передо мной весельемъ ты гремишь,
На солнцѣ утреннемъ сіяющій Парижъ,
Я счастливъ за тебя, и чуждаго народа
Волнуетъ душу мнѣ и радуетъ свобода.
Какая бы печаль ни мучила, грозя—
Здѣсь, въ этомъ городѣ, несчастнымъ быть нельзя.
Но поздно вечеромъ въ мой уголокъ безмолвный
Я съ шумной улицы вернусь, раздумья полный.
Тогда Евангелье читаю въ тишинѣ,
Межъ тѣмъ какъ изъ окна доносится ко мнѣ,
Парижъ недремлющій, твой шумъ многоголосый.
Надъ книгой вѣчною забытые вопросы

Опять встаютъ въ душѣ: земная жизнь людей
Полна величія, но есть ли правда въ ней?
Я постигаю вновь твой смыслъ необычайный,
О притча древняя, исполненная тайной:

На нивѣ богача былъ урожай хлѣбовъ.
Онъ думалъ: „некуда собрать моихъ плодовъ.
„Какъ приготовить домъ къ такому урожаю?
„А вотъ что сдѣлаю: всѣ житницы сломаю,
„Большія выстрою и соберу туда
„Мой хлѣбъ, мое добро, и я скажу тогда
„Душѣ моей: душа! простись на вѣкъ съ тревогой!
„Покойся,—у тебя лежитъ имѣнья много,
„На годы многіе: гони заботы прочь,
„Ѣшь, пей и веселись!...“—„Безумецъ, въ эту ночь
„Отнимутъ жизнь твою!“—сказалъ Господь.—„Несчастный,
„Кому достанутся твой домъ и трудъ напрасный?“

Столица роскоши, на праздникѣ твоемъ
Я вижу иногда рабочаго съ лицомъ,
Исполненнымъ нѣмой, загадочною думой.
Проходитъ онъ, какъ тѣнь, безмолвный и угрюмый,
Со взоромъ пристальнымъ завистливыхъ очей...
О, гость непрошенный на пирѣ богачей,
Мнѣ страшно при тебѣ за этотъ праздникъ вѣчный,
За легкую толпу, за смѣхъ ея безпечный,
За яркія кафе и величавый рядъ
Твоихъ, о Новый Римъ, блистательныхъ громадъ!
Ты, какъ богачъ, сказалъ: „у насъ имѣнья много,
Ѣшь, пей и веселись!“ И ты забылъ про Бога.
Но скорбь великая ростетъ въ душѣ у всѣхъ...
Надолго-ль этотъ пиръ, надолго-ль этотъ смѣхъ?
Какимъ путемъ, куда идешь ты, вѣкъ желѣзный?
Иль больше цѣли нѣтъ, и ты висишь надъ бездной?

II.

„Grille - d'- Egout“.

Сюда идетъ тайкомъ скучающій любовникъ,
Художникъ и туристъ, писатель и чиновникъ:
„Garçon, un bok!“ И пьютъ, и курятъ за пять су,
Любуются въ монокль на томную красу

Полуночныхъ сильфидъ, внимая шансонеткѣ,
Гдѣ блещетъ стихъ, порой язвительный и мѣткій...
Но вотъ, въ дыму сигаръ, межъ черныхъ сюртуковъ,
И тысячи зеркалъ, и газовыхъ рожковъ,
При звукахъ музыки и радостнаго гула,
Она, воздушная, какъ бабочка, вспорхнула.
Тебя безъ жалости я вспомнить не могу,
О бѣдное дитя Парижа „Grille—d'-Egout!“
Изъ кружевъ юбка, слой бѣлилъ на шеѣ голой
И рыжій цвѣтъ волосъ поддѣльныхъ, взоръ тяжелый
И странное лицо, въ которомъ жизни нѣтъ,
Какъ маска, мертвое, похожее на бредъ...
Межъ тѣмъ, когда, смѣясь, она въ отвагѣ бурной
Помчалась, до колѣнъ открывъ чулокъ ажурный,
И ногу стройную высоко подняла,
Наперекоръ всему—въ ней грація была
Демократической и уличной вакханки,
Въ ней то, что „*fin de siècle*“ назвали парижанки,
Въ ней узнаетъ толпа свою родную дочь.
„Я нравлюсь, отъ меня вы не уйдете прочь!“—
Такъ говорило всѣмъ ея лицо—„смотрите,
Вотъ, что вы любите, и вотъ, чего хотите!“
Почтенный господинъ,—вполнѣ провинціалъ
По скромному лицу,—смотрѣлъ на этотъ балъ.
Къ нему подпрыгнула она легко и смѣло,
Красивой ножкою цилиндръ его задѣла
И шляпу сбросила: удерживая гнѣвъ,
Онъ долженъ былъ принять обиду, покраснѣвъ.
А взоръ у „Grille—d'-Egout“ весельемъ дѣтскимъ блещетъ,
И ей родной Парижъ въ восторгѣ рукоплещетъ!

III.

Ренанъ.

Но въ томъ же городѣ и въ тотъ же скорбный вѣкъ
Въ тиши работаетъ великій человѣкъ:
Я вижу кабинетъ въ спокойномъ полумракѣ
И древней надписи невѣдомые знаки;
Я вижу, какъ Ренанъ надъ грудой старыхъ книгъ,
Обдумывая мысль завѣтную, поникъ
Съ улыбкой тонкою, скептической и нѣжной,
Надъ сказкою любви иль вѣры безмятежной;

За правдой гонится сквозь тьму временъ и пыль
Сухихъ пергаментовъ; таинственная быль
По слову мудреца, поэзіей плѣняя,
Возстанетъ предъ людьми изъ гроба, какъ живая.
И вѣтренный Парижъ откликнется на все:
Я знаю—онъ пойметъ открытіе твое,
Ученый и поэтъ,—вы трудитесь недаромъ,—
Парижъ, гдѣ „Grille-d'-Egout“ привѣтствовали съ жаромъ...
Я противъ воли все готовъ ему простить
За то, что геніевъ умѣетъ онъ любить!

IV.

Новое искусство.

Пѣвецъ Америки, таинственный и нѣжный,
Съ тѣхъ поръ, какъ прокричалъ твой Воронъ безнадежный
Однажды полночью унылой: „never more!“
Тотъ крикъ не умолкалъ въ твоей душѣ; съ тѣхъ поръ
За Ворономъ твоимъ, за вѣстникомъ печали
Поэты „never more“, какъ эхо повторяли;
И сумрачный Бодлэръ, тебѣ по музѣ братъ,
На горестный напѣвъ откликнуться былъ радъ;
Зловѣщей прелестью, какъ древняя Медуза,
Веселыхъ парижанъ пугала эта муза.
За то ея рѣчей неотразимый ядъ,
За то ея цвѣтовъ смертельный ароматъ
Надолго отравилъ больное поколѣнье.
Толпа мечтателей признала въ опьяненьи
Тебя вождемъ, Бодлэръ... Романтиковъ былыхъ
Отвага буйная напоминала въ нихъ...

А все-таки порой завидуешь ихъ волѣ:
Живутъ, работаютъ на безграничномъ полѣ,
И мыслятъ, и никто не можетъ запретить,
Что хочется писать, что хочется любить.
Они—безбожники, философы, буддисты,
Ученики Золя, „толстовцы“, пессимисты,
Тамъ тысячи кружковъ, религій, партій, школъ,
Тамъ всякій думаетъ, что истину нашелъ.
Не вѣдая преградъ, свободно ищетъ геній
И новой красоты, и новыхъ откровеній.
И человѣчеству художники свой трудъ
Во славу Франціи дарить не устаютъ.

Открыты всѣ пути: ненужно лицемѣрить
И лгать передъ толпой. Они дерзаютъ вѣрить
Въ нашъ прозаичный вѣкъ, что святы ихъ мечты,
Исканье истины и жажда красоты.
У нихъ въ созданіяхъ, у нихъ въ душѣ—свобода:
Привѣтъ художникамъ великаго народа!

V.

Салонъ 1891 года.

Съ такими думами по выставкамъ брожу,
На тысячи картинъ, на статуи гляжу.
Чтобъ въ будничный мірокъ мы глубже заглянули
Одинъ, изобразивъ двѣ мѣдныя кастрюли
Да пару луковицъ, положенныхъ на столъ,
Новѣйшій реализмъ до крайности довелъ,
А близъ него другой, художникъ идеальный,
Стремится къ прелести легендъ первоначальной.
Въ картинѣ сказочный туманный полусвѣтъ,
Деревья странныя, какихъ въ природѣ нѣтъ.
На зло теоріямъ сухимъ и позитивнымъ,
Онъ хочетъ быть простымъ, онъ хочетъ быть наивнымъ.
А рядомъ, въ золотѣ распущенныхъ кудрей,
Съ улыбкой дерзкою Венера нашихъ дней,
Наемщица любви—передъ толпой раздѣта.
О Фрины модныя, царицы полусвѣта,—
Въ ней ваша красота и вашъ апоѳеозъ!..
На той-же выставкѣ задумчивый Христосъ—
Въ скептической толпѣ, въ гостяхъ у Жюль Симона,
Межъ современныхъ лицъ Парижскаго салона,
Печально говоритъ въ картинѣ у Бэро
Про вѣчную любовь, про вѣчное добро.
Въ искусствѣ нашихъ дней ты побѣждаешь снова,
О Галилеянинъ!.. На проповѣдь Толстого
Сердца откликнулись: повсюду ликъ Христа—
Въ картинахъ, въ мраморѣ. Плѣняетъ красота
Его загадочной, простой и вѣчной книги:
Исканье жадное невѣдомыхъ религій—
Опять въ душѣ у всѣхъ. Въ нашъ скорбный, темный вѣкъ,
Быть можетъ, вновь къ любви вернется человѣкъ
Для разрѣшенія великаго вопроса
О счастьи на землѣ... На полотнѣ Рошгросса

Твое паденіе, твой блескъ изображенъ
Въ предсмертной оргіи, о древній Вавилонъ:

Заря. Ужъ гости спятъ. Порой дыханье слышно
Иль бредъ. Разлитое вино на ткани пышной...
Курильницъ гаснущихъ тяжелый ароматъ...
Съ холоднымъ блескомъ дня багровый лучъ лампадъ
Смѣшался у рабынь на смуглой, голой кожѣ.
Вотъ пьяный жрецъ уснулъ съ красавицей на ложѣ.
Усталость мертвая... желаній больше нѣтъ...
И эта оргія мучительна, какъ бредъ...
Не спитъ одинъ лишь царь, и въ ужасѣ на тронѣ
Онъ видитъ тамъ, вдали, пожаръ на небосклонѣ,
Онъ слышитъ грозные, тяжелые шаги
Мидійскихъ воиновъ: „о горе намъ!.. Враги!...“
Онъ молитъ, онъ грозитъ: никто ему не внемлетъ,
И золотой чертогъ въ роскошной нѣгѣ дремлетъ...

Имѣющій глаза да видитъ! Опьяненъ
Величіемъ Парижъ, какъ древній Вавилонъ.
О пусть войдутъ враги, прогонятъ сонъ похмѣлья,
Съ прекрасныхъ тѣлъ сорвутъ цвѣты и ожерелья,
И разольютъ вино, и опрокинутъ столъ!
Спи, спи, пока твой часъ послѣдній не пришелъ!..
Безумцы, въ ужасѣ проснетесь вы, и вѣрьте,—
Вамъ солнца первый лучъ подобенъ будетъ смерти.
Нашъ дряхлый вѣкъ погибъ. Заря и мечъ враговъ
Разгонитъ оргію наложницъ и рабовъ....

Но духъ людей—великъ, но геній—безконеченъ:
Парижъ, воскреснувъ вновь, какъ солнце, будетъ вѣченъ!

VI.

Liberté, Fraternité, Egalité.

Въ нашъ вѣкъ практическій условна даже честь:
Въ Gil-Blas'-ѣ напримѣръ вы можете прочесть
Рекламы каждый день о молодой дѣвицѣ
Иль о скучающей вдовѣ на той страницѣ,
Гдѣ о наемѣ дачъ вы только что прочли:
„J'ai dix-neuf ans, je suis bien faite et très jolie.“
Всѣмъ предлагаетъ даръ она любви свободной,
Кто заплатитъ готовъ ея портнихѣ модной.

Межъ тысячей каретъ я вижу тамъ, вдали,
На шумной улицѣ идетъ старикъ въ пыли,
Съ рекламой на спинѣ, но мостовой горячей.
Онъ служитъ для толпы афишею ходячей.
На старческомъ лицѣ ни мысли, ни души.
Онъ ходитъ такъ всю жизнь за бѣдные гроши,
Чтобы прочесть о томъ въ блистательной рекламѣ
Извѣстье важное удобно было дамѣ,
Что можно въ „Bon—Marché“ купить за пустяки
Для ножекъ розовыхъ ажурные чулки.
А надъ красавицей и надъ живой афишей,
На мраморной доскѣ, надъ выступомъ иль нишей,
Я громкія слова читаю: Liberté,
Egalité и—звукъ пустой!— Fraternité.
На сценѣ крохотной актеръ въ кафешантанѣ,
Кривляся предъ толпой въ безсмысленномъ канканѣ,
Плѣшивый, худенькій, въ истертый фракъ одѣтъ,
Онъ хриплымъ голосомъ выкрикивалъ куплетъ.
Я слышалъ смѣхъ въ толпѣ, но ничего смѣшного
Не находилъ въ чертахъ лица его больного...
Бывало, въ темный вѣкъ, когда въ Россіи кнутъ
Свистѣлъ надъ спинами рабовъ, дворовый шутъ
Смѣшилъ господъ и дамъ, скучающихъ въ бесѣдѣ,
О сплетняхъ городскихъ, на праздничномъ обѣдѣ:
Такой-же рабъ толпы въ нашъ просвѣщенный вѣкъ
Въ свободномъ городѣ—свободный человѣкъ!...
Когда, поднявъ свой мечъ, склонялся гладіаторъ
Надъ раненымъ бойцомъ и ждалъ, чтобъ императоръ
Рукою подалъ знакъ къ убійству, и нога
Стояла на груди упавшаго врага,
И крови требовалъ народъ съ восторгомъ дикимъ,—
Ты все-же, древній Римъ, былъ грознымъ и великимъ.
Но къ этимъ зрѣлищамъ мы не вернемся вновь
И, Боже насъ храни, пролить людскую кровь:
Намъ только нравятся невинныя забавы.
Мы не язычники, давно смягчились нравы...
А все-таки шутовъ мы любимъ и у всѣхъ
Сегодняшній актеръ недаромъ вызвалъ смѣхъ.
Въ жестокости толпы ужъ больше нѣтъ величья,—
За то соблюдены законы и приличья!

Названье модное. За Аркой Тріумфальной
Надъ Елисейскими Полями свѣтъ печальный
Зари давно померкъ, и лишь послѣдній лучъ
Чуть брежжетъ вдалекѣ изъ-за ненастныхъ тучъ;
Надъ потемнѣвшими громадами столицы
Сверкаютъ и дрожатъ вечернія зарницы.
Какъ башня Эйффеля воздушна и легка!
Я вижу, сквозь неё мелькаютъ облака,
И свѣтитъ блѣдный лучъ на горизонтѣ мрачномъ,
Въ узорѣ проволокъ туманномъ и прозрачномъ,
Какъ будто тамъ, вдали, вдали, меяъ облаковъ
Уже глядитъ на насъ, печаленъ и суровъ,
Двадцатый вѣкъ... Чего онъ хочетъ, что онъ скажетъ,
Какую вѣру дастъ, какой намъ путь укажетъ?..

Не знаю, почему, но въ этотъ душный зной,
Во мракѣ, окруженъ безчисленной толпой,
Бѣгущей, какъ потокъ, волною говорливой
За наслажденьями, за властью и наживой,
Я вспомнилъ о тебѣ, родимая земля,
Я вспомнилъ тихія, унылыя поля
И съ бѣлой церковью убогое селенье,
Прохладу на зарѣ и жаворонковъ пѣнье.
Я вспомнилъ пахаря знакомыя черты,
Смиренья полныя и дѣтской доброты.
Играетъ вѣтерокъ сѣдыми волосами.
Какъ древній патріархъ, одинъ подъ небесами,
За плугомъ онъ идетъ съ лошадкою своей,
Потерянный въ нѣмой безбрежности полей.
Какая дума въ немъ, какая сила дремлетъ?
Меня предчувствіе великаго объемлетъ
Въ столицѣ міра, здѣсь, гдѣ скорбный, дряхлый вѣкъ
Кончаетъ дни свои среди роскошныхъ нѣгъ...
Когда проснешься ты, о труженикъ суровый,
. . . . . .
Кто сниметъ съ устъ твоихъ безмолвія печать?...
. . . . . .

IX.

Петербургъ.

Но какъ ни тяжело, мы все-таки въ Парижѣ—
Къ чему-то свѣтлому и радостному ближе:

Здѣсь легче дышется, здѣсь люди цѣнятъ трудъ,
Участвуютъ въ борьбѣ, страдаютъ и живутъ.
А тамъ, у насъ... Ужель, я возвращусь въ холодный,
Туманный Петербургъ, гдѣ въ болтовнѣ безплодной
И консерваторы, и либералы—всѣ
Мы только кружимся, какъ бѣлка въ колесѣ?
Журфиксъ чиновниковъ, томительный и длинный,
О симфоническомъ собраніи въ гостиной
За чаемъ разговоръ интеллигентныхъ дамъ,
Съ безцѣльной клеветой и сплетней пополамъ
Бѣжалъ въ Америку кассиръ провинціальный...
Извѣстье, что одинъ профессоръ либеральный,
Почтенный старичокъ, со службы удаленъ,
Потомъ исторія двухъ разведенныхъ женъ,—
И гости наконецъ всѣ темы истощили...
Что дѣлать?.. Тишина нѣмая,—какъ въ могилѣ...
Но слава Богу: вотъ—желанный мигъ,—повелъ
Хозяинъ въ кабинетъ, гдѣ ожидаетъ столъ
Съ колодой картъ, и всѣ опять—въ родной стихіи:
Винтъ—современный богъ скучающей Россіи!
Какой огонь въ очахъ, какой восторгъ у всѣхъ,
Какъ вспыхнулъ разговоръ, и шуточки, и смѣхъ!..
И старый генералъ, и робкая дѣвица,
Всѣ полы, возрасты, характеры и лица,
Всѣ убѣжденія сливаются въ одномъ
Порывѣ искреннемъ за карточнымъ столомъ.
Въ игрѣ убита ночь, а на разсвѣтѣ нуженъ
Усталымъ игрокамъ для подкрѣпленья ужинъ.
Теперь у нихъ въ душѣ—такая пустота,
Что, право, ни одна грѣховная мечта,
Вольнолюбивая, къ нимъ залетѣть не можетъ:
Печаль за родину ихъ сна не потревожитъ.
И мнится, въ городѣ все вымерло навѣкъ,
И только падаетъ въ туманѣ мокрый снѣгъ.
По грязнымъ улицамъ, по мертвому безлюдью
Порой со шпорами и съ выпяченной грудью
На Охтенскій пожаръ промчится брандмаіоръ,
Вперивъ въ нѣмую даль начальническій взоръ...
Тоска!.. Ужель опять вернусь въ твое болото,
О Петербургъ, о жизнь, объятая дремотой,
Какъ въ лужахъ мертвая стоячая вода,—
Безъ воли, безъ любви, безъ мысли, безъ труда!

X.

Родина.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

И все-таки тебя, родная, на чужбинѣ
Люблю, какъ никогда я не любилъ донынѣ.
Я только здѣсь, народъ, въ чужой землѣ постигъ,
Какъ, несмотря на все, ты—молодъ и великъ,—
Когда припоминалъ я Волгу, степь нѣмую
И пѣсенъ Пушкина мелодію родную,
И вѣковыхъ лѣсовъ величественный шумъ,
И тихую печаль малороссійскихъ думъ.
Я передъ будущимъ твоимъ благоговѣю
И все-таки горжусь я родиной моею.
За всѣ страданія еще сильнѣй любя,
Что-бъ ни было, о Русь, я вѣрую въ тебя!

Д. Мережковскій

1891 г.
Парижъ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, въ Москвѣ.

На льдинѣ.

Съ рис. В. М. Васнецова.

СОСѢДСКІЯ ГИЛЬДІИ *).

Gutta lapidem cavat.

Новый путь къ соціальной реформѣ.

Кто не слыхалъ о знаменитой филантропической попыткѣ нашихъ дней въ Лондонѣ, извѣстной подъ именемъ „Toynbee Hall“ или „Университетскаго Поселенія въ Восточномъ Лондонѣ?“ Группа университетской молодежи изъ достаточныхъ классовъ общества, движимая любовью къ народу и состраданіемъ къ бѣдному люду, пришла къ убѣжденію въ необходимости помочь ему путемъ разнообразнаго содѣйствія его культурѣ. Одна изъ главныхъ трудностей жизни для бѣдныхъ въ городахъ, по ихъ мнѣнію, заключается въ томъ, что они имѣютъ слишкомъ мало друзей и помощниковъ, которые пожелали бы изслѣдовать и облегчить ихъ затрудненія; что они имѣютъ чрезвычайно мало точекъ соприкосновенія съ идеалами нашего вѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и, вообще, бѣдный людъ не имѣетъ своими сосѣдями людей воспитанныхъ и образованныхъ. Поэтому, наилучшимъ средствомъ они сочли основать поселеніе образованныхъ людей между бѣдняками, имѣя въ виду, путемъ учрежденія „Toynbee Hall“, направить человѣческую симпатію, энергію и общественное мнѣніе всѣхъ образованныхъ людей на помощь наличнымъ условіямъ городской жизни для массы бѣднаго народа **).

Это гуманитарное теченіе въ Англіи, какъ извѣстно, выразилось даже не въ одномъ только основаніи „Toynbee Hall“, а нѣсколькихъ, подобныхъ имъ по цѣлямъ, учрежденій: такъ: „Народ-

*) Слово «гильдія» употребляется здѣсь не въ русскомъ своемъ смыслѣ «торговаго званія» или «пошлины», а въ старомъ англійскомъ, и является синонимомъ «братства» или «товарищества».

**) См. *Вѣстн. Европы* за 1890 г. Февраль, стран. 620 и далѣе.

ный Дворецъ", „Университетское Поселеніе" на Oxford Street, „Женское Университетское Поселеніе" въ Южномъ Лондонѣ,—и, наконецъ, движеніе перешло черезъ Атлантическій Океанъ въ Америку. Но дѣло въ томъ, что людей науки, подобныхъ основателямъ „Toynbee Hall", преданныхъ интересамъ народа, конечно, мало; рабочіе-же классы Англіи и Америки насчитываются многими милліонами, и, притомъ, далеко не вездѣ они такъ бѣдны и невѣжественны, какъ жители Восточнаго Лондона. Очевидно, поднять ихъ культурное положеніе и улучшить соціальный бытъ необходимо, первоначально, другими, менѣе сложными путями и цѣной меньшихъ матеріальныхъ затратъ, нежели какихъ стоило возведеніе „Народнаго Дворца" и содержаніе „Toynbee Hall". Какой-же можетъ быть этотъ новый способъ поднять культуру рабочихъ классовъ и содѣйствовать улучшенію ихъ жизни? Само собою разумѣется, что въ виду высказанныхъ соображеній остается, не ограничиваясь рѣдкой и случайной помощью лицъ, подобныхъ самоотверженнымъ резидентамъ „Toynbee Hall", поискать средствъ въ рядахъ самого народа,—и вотъ образецъ именно такой филантропической попытки представляетъ собой новое движеніе, за которое ратуетъ современный англійскій ученый Стантонъ Койтъ (Stanton Coit).

Молодой докторъ философіи и профессоръ этики, Койтъ, еще въ началѣ основанія „Toynbee Hall", т. е. въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ, заинтересовался его задачами, сдѣлался его членомъ и пробылъ въ „Университетскомъ Поселеніи" нѣсколько мѣсяцевъ, тщательно изучая методы и пути знакомства съ народомъ и помощи ему. Онъ, именно, первый изъ новыхъ дѣятелей въ 1887 году переплылъ океанъ и сдѣлалъ въ Нью-Іоркѣ практическую попытку, подъ именемъ „Сосѣдской Гильдіи" или „братства", приложить принципы, которымъ онъ научился въ „Toynbee Hall", къ улучшенію быта народа. Главныя задачи этого народнаго учрежденія сводились къ тому, чтобы „содѣйствовать и развивать взаимную помощь и дружественное чувство, очищать и улучшать народный вкусъ и привычки, возбуждать противодѣйствіе ко всѣмъ формамъ и видамъ несправедливости и содѣйствовать преданности дѣлу общаго блага".

Несмотря на неблагопріятныя условія для дѣла, ибо первая „Сосѣдская Гильдія" (братство) была основана Койтомъ въ бѣднѣйшемъ и несчастномъ кварталѣ Нью-Іорка, съ населеніемъ крайне мало культурнымъ, изъ новыхъ европейскихъ эмигрантовъ и весьма смѣшанной національности,—предпріятіе это, тѣмъ не менѣе, имѣло значительный успѣхъ, какъ сообщаетъ Чарльзъ Стоверъ (Charles Stover) въ своемъ приложеніи къ біографіи Ар-

нольда Тойнби, написанной Монтэгью *). Положеніе мѣстности замѣтно измѣнилось къ лучшему, учрежденіе вызвало общее сочувствіе и привлекло новыхъ помощниковъ обоего пола, преимущественно изъ лицъ университетскаго образованія. Девизомъ дѣятельности сдѣлалось такое положеніе: „Порядокъ — нашъ базисъ (основаніе); улучшеніе—наша цѣль и дружба—нашъ принципъ". Поставивши дѣло на ноги въ Нью-Іоркѣ и убѣдившись, что, благодаря труду его помощниковъ, подобныя учрежденія начинаютъ появляться и въ другихъ городахъ Америки (Бруклинъ, Филадельфія и проч.), Койтъ возвратился въ Англію и, на этотъ разъ, уже въ Сѣверномъ Лондонѣ учредилъ новое „Университетское Поселеніе" и завелъ первую „Сосѣдскую Гильдію" по образцу Нью-Іоркской. Въ настоящее время, считая свою попытку на помощь народу достаточно оправданною практическимъ опытомъ, Стантонъ Койтъ издаетъ книжку, въ которой и знакомитъ публику какъ съ результатомъ этихъ попытокъ, такъ и съ общими основаніями своего соціальнаго плана. Такимъ образомъ, на основаніи печатнаго труда самого автора нынѣ получается возможность познакомиться съ сущностью его программы и содержаніемъ его практическихъ попытокъ въ Англіи и Америкѣ **).

Во всѣхъ соціальныхъ проэктахъ и фантазіяхъ всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ знаменитой „Утопіи" Томаса Мора и кончая новѣйшимъ соціальнымъ романомъ Беллами (а, отчасти, касаясь и послѣдняго проекта „генерала" Арміи Спасенія, Бутса), замѣчается одинъ и тотъ-же крупный недостатокъ: пренебреженіе къ дѣйствительнымъ условіямъ практической жизни, которое выражается въ томъ, что всѣ вышеуказанные авторы стремятся осуществить свои планы соціальнаго переустройства, весьма далекіе отъ его настоящихъ формъ, среди людей, между тѣмъ, съ ихъ теперешними страстями и желаніями, съ ихъ недружелюбіемъ другъ къ другу и эгоистическимъ мотивомъ экономической дѣятельности нашихъ дней. Въ мѣха новые они вливаютъ вино старое и что-же мудренаго, если отсюда получается неудовлетворительный исходъ всѣхъ подобныхъ попытокъ измѣнить анамаліи теперешняго народнаго быта въ Западной Европѣ и, Америкѣ и, вообще, если не удается улучшить экономическій бытъ людей!? Очевидно, какова ни была-бы сущность тѣхъ коренныхъ перемѣнъ, которыя желательны въ общественномъ устройствѣ

*) John's Hopkins' University Studies. Arnold Toynbee. By *F. C. Montague* стр. 65 и далѣе.

**) *Neighbourhood Guilds.* An Instrument of Social Reform. By *Stanton Coit*, Ph. D. London 1891.

и экономическомъ положеніи, всякой серьезной реформѣ этого рода должна предшествовать и одинаково серьезная подготовка къ ней рабочихъ классовъ, въ смыслѣ постепеннаго (ибо никакія важныя перемѣны быстро не дѣлаются) умственнаго и нравственнаго усовершенствованія народа и, вообще, поднятія его культуры. Другими словами, осуществленію какой-бы то ни было крупной соціальной реформы должна предшествовать сознательная организація умственной и нравственной жизни народа, ради всецѣлаго улучшенія человѣческой участи. Безъ такой предварительной подготовки невозможно то просвѣщеніе большой массы народа и та степень его знакомства съ экономическими цѣлями и задачами, которыми чревато будущее. Поэтому означенная организація и является вопіющей нуждой нашихъ дней. „Вслѣдствіе ея отсутствія", говоритъ Койтъ, „всѣ наши идеалы и планы являются какими-то холодными, абстрактными, какъ-бы безкровными или, по меньшей мѣрѣ, совершенно безсильными существами; они подобны духу безъ тѣла; они не могутъ быть ни видимы, ни чувствуемы, ни слышимы; они не имѣютъ ни рукъ, ни ни ногъ, ни глазъ, ни языка..." Если эта первая ступень организаціи массъ будетъ пройдена, вторая стадія просвѣщенія народа въ соціальныхъ принципахъ можетъ быть уже легко достигнута, и тогда осуществленіе на землѣ болѣе справедливаго порядка будетъ недалеко и получится въ результатѣ безъ всякаго насилія. Такой-то общей организаціи жизни народа и предназначены содѣйствовать „Сосѣдскія Гильдіи", эти новыя учрежденія, предлагаемыя авторомъ.

Авторъ не считаетъ нужнымъ исповѣдывать свои убѣжденія и выкладывать въ подробностяхъ свой соціальный идеалъ. Онъ стоитъ на почвѣ существующаго порядка и достигнутыхъ реформъ, не желая заниматься гаданіемъ или строить воздушные замки о прекрасномъ будущемъ. „Что касается до спеціальныхъ мѣръ общественнаго переустройства", говоритъ онъ, „то я просто ограничусь выраженіемъ моего искренняго убѣжденія, что какія-бы конечныя и глубоко захватывающія реформы въ будущемъ ни произошли, — будетъ-ли, напримѣръ, система заработной платы просто измѣнена или замѣнена новымъ лучшимъ методомъ производства и распредѣленія,—но, во всякомъ случаѣ прогрессъ, въ данномъ направленіи, можетъ совершиться лишь путемъ организаціи всѣхъ рабочихъ, мужчинъ, какъ и женщинъ, въ рабочіе союзы, путемъ пониженія часовъ работы, путемъ размноженія „дружественныхъ обществъ" (friendly societies), путемъ значительнаго оздоровленія и улучшенія семейнаго и домашняго быта рабочихъ, путемъ ихъ лучшаго воспитанія и путемъ, наконецъ,

увеличенной свободы времени и облагороженныхъ для народа удовольствій".

Такимъ образомъ, основная посылка автора сводится къ нуждѣ предварительной подготовки людей, прежде, нежели возможно будетъ серьезно думать и осуществлять значительныя перемѣны въ общихъ условіяхъ народнаго труда и быта; объ этомъ забылъ Беллами и даже мало придавалъ значенія Бутсъ, стараясь построить будущее неизвѣстное зданіе соціальнаго порядка, испробовавши на практикѣ между тѣмъ лишь немногія частности своего слишкомъ обширнаго плана. Стантонъ Койтъ ограничилъ свою дѣятельность болѣе скромной задачей, но за то онъ испыталъ свои средства вполнѣ и даже нѣсколько разъ: пять лѣтъ тому назадъ, какъ мы говорили, онъ учредилъ „Сосѣдскую Гильдію", сперва въ Нью-Іоркѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Америки, и, въ два съ половиною года, уже завелъ и довелъ до полнаго процвѣтанія подобное-же учрежденіе въ Англіи.

Спрашивается, что-же такое представляютъ собою эти „Сосѣдскія Гильдіи", по опредѣленію ихъ творца? Подъ именемъ „Сосѣдскихъ Гильдій" Койтъ разумѣетъ сообщество ближайшихъ сосѣдей, живущихъ на одной и той-же улицѣ города или на немногихъ сосѣднихъ, вступившихъ въ соглашеніе *посемейно*, на общія издержки, проводить сообща все свое свободное время, организовать ради той-же цѣли нѣсколько клубовъ, смотря по полу и возрасту, и содѣйствовать общими усиліями своему образованію и развлеченію. Серія подобныхъ-то гильдій, распространившись на одинъ большой городъ или на всю страну въ будущемъ, переработаетъ за большее или меньшее время соціальный духъ народа и подготовитъ осуществленіе тѣхъ экономическихъ, семейныхъ и другихъ реформъ, потребность которыхъ вызывается соціальнымъ идеаломъ. Прежде всего „Сосѣдскія Гильдіи" являются ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ распространеніемъ или развитіемъ *семейной идеи кооперации*. Какъ въ семьѣ всѣ возрасты и полы соприкасаются умственно и нравственно, отнюдь не ограничивая совокупности усилій лишь достиженіемъ какой-нибудь одной спеціальной цѣли (напр. экономической, воспитательной, гигіенической и проч.), а стремясь къ достиженію ихъ всѣхъ вмѣстѣ,—точно такъ-же и въ „Сосѣдской Гильдіи" преслѣдуются всѣ тѣ-же семейныя цѣли, вмѣстѣ или заразъ, и каждый членъ получаетъ удовлетвореніе своихъ нуждъ, имъ соотвѣтствующее.

Такое соединеніе цѣлей является, по мнѣнію автора, и въ подражаніе семьѣ, безусловно необходимымъ, въ виду односторонности и, отсюда, часто зловредности для общихъ задачъ развитія

и усовершенствованія рабочаго класса иныхъ спеціальныхъ сообществъ и соединеній, столь распространенныхъ теперь между рабочими Западной Европы. Для примѣра, онъ приводитъ рядъ подобныхъ попытокъ, произведенныхъ съ самыми благодѣтельными цѣлями и, между тѣмъ, не давшихъ никакихъ полезныхъ результатовъ. Напримѣръ, образованный филантропъ (вѣроятно изъ членовъ Toynbee Hall), желая привлечь къ себѣ рабочую молодежь въ Восточномъ Лондонѣ, устраиваетъ для [illegible]ребятъ безплатное обученіе боксированію, предполагая этимъ сблизиться съ рабочими и получить нравственное вліяніе. Въ результатѣ—уличные мальчишки начинаютъ отлично драться на кулачкахъ, нѣкоторые даже дѣлаются профессіональными бойцами (боксерами), но отнюдь не желаютъ учиться чему-либо иному, болѣе полезному, и лишь нравственно грубѣютъ, вмѣсто того, чтобы развиваться въ обществѣ своихъ образованныхъ учителей. Не менѣе односторонними и даже вредными по его мнѣнію слѣдуетъ считать иногда, въ интересахъ общаго развитія народа, и вліяніе такъ называемыхъ соціалъ-демократическихъ и тому подобныхъ новыхъ обществъ, которыя, яко-бы въ альтруистическомъ смыслѣ, оставляютъ его нравственную сторону совершенно незатронутой и некультивированной. И, дѣйствительно, если ярый, можетъ быть, послѣдователь, на словахъ, Маркса или Лассаля колотитъ свою жену или пропиваетъ заработокъ своихъ дѣтей, работающихъ на фабрикѣ, то какой-же толкъ получится для блага народа отъ такого, якобы, развитія!? Всякое сообщество рабочихъ поэтому, дабы сдѣлаться здоровымъ центромъ соціальнаго развитія, должно отнюдь не замыкаться въ узенькую партійную ячейку, а интересоваться всѣмъ внѣшнимъ міромъ и его нуждами. Нравственное усовершенствованіе должно имѣть такое-же точно право на вниманіе, какъ физическая или умственная культура сочленовъ или распространеніе новыхъ экономическихъ воззрѣній.

По высказаннымъ соображеніямъ, „Сосѣдскія Гильдіи“ въ ихъ соціальныхъ задачахъ отнюдь не задаются или не ограничиваютъ свою дѣятельность спасеніемъ лицъ, впавшихъ въ порокъ, преступленіе или крайнюю нищету, какъ напр. схема „генерала“ Бутса. Отнюдь не чуждаясь и не устраняясь отъ заботъ объ этихъ послѣднихъ, „Сосѣдскія Гильдіи“ имѣютъ однако въ виду весь классъ народа, живущій заработкомъ, и не только съ цѣлью предупреждать его отъ упомянутыхъ выше бѣдствій, но и доставить „сочленамъ“ путемъ общенія возможность тысячи выгодъ, которыхъ въ настоящее время, благодаря ограниченнымъ средствамъ, своими одиночными усиліями они получить не въ состояніи. Наивысшая цѣль, которая постоянно должна

имѣться въ виду, заключается въ наивозможномъ усовершенствованіи каждаго индивида, какъ работника въ обществѣ,—въ нравственности, добрыхъ привычкахъ, улучшеніи качества его труда, усвоеніи гражданскихъ добродѣтелей и увеличеніи, вообще, его умственной силы. Затѣмъ, во-вторыхъ, вышеуказанная цѣль „братствъ“ или „гильдій“ состоитъ въ наивозможно-полномъ доступѣ и пользованіи для рабочихъ всѣми спеціальными и промышленными выгодами нашего времени.

Такимъ образомъ, косвенно, въ задачи „Гильдіи“, конечно, входитъ и спасеніе павшихъ, хотя тутъ очевидна необходимость, можетъ быть, мѣръ предупрежденія еще въ болѣе сильной степени, нежели спасеніе павшихъ. Между тѣмъ, разумѣется, „Сосѣдскія Гильдіи“, стремясь осуществить идеалы совершенства и культуры въ рабочихъ классахъ, высшіе сравнительно съ существующими, между наиболѣе достаточными его слоями, тѣмъ самымъ, конечно, не говоря о прямой помощи, должны предупреждать и уменьшать число впавшихъ въ порокъ и нищету. На этомъ-же основаніи, „Сосѣдскія Гильдіи“, въ противоположность схемѣ Бутса, отнюдь не думаютъ основывать Магдалинскіе пріюты для падшихъ женщинъ, но такихъ дѣвушекъ изъ своего сосѣдства посылаютъ въ уже существующія учрежденія этого рода, или, при ограниченности мѣста въ нихъ, стараются оказать вліяніе на устройство новыхъ подобныхъ убѣжищъ, не занимаясь сами этимъ дѣломъ. Точно то-же касается до освобождаемыхъ отъ тюрьмы, до банковъ и другихъ затѣй, предполагаемыхъ въ извѣстной книгѣ Бутса „Въ Трущобахъ Англіи“. „Сосѣдскія Гильдіи“ пользуются во всѣхъ этихъ случаяхъ лишь существующими уже учрежденіями, или пропагандируютъ ихъ увеличеніе спеціальными для того обществами. Сами „Гильдіи“, какъ правило, пытаются удовлетворить лишь такимъ экономическимъ потребностямъ сочленовъ, которыя инымъ способами удовлетворенія не получаютъ. Напр., „Сосѣдскія Гильдіи“ устраиваютъ убѣжища для молодыхъ людей, которые не живутъ почему-либо съ родителями или не имѣютъ ихъ, и такое-же другое убѣжище для женскаго пола. „Гильдіи“ заводятъ кооперативный складъ каменнаго угля, чтобы избѣгнуть въ этомъ важномъ хозяйственномъ продуктѣ, наиболѣе дешевомъ въ августѣ и дорогомъ въ холодные мѣсяцы, лишнихъ переплатъ лавочникамъ и посредникамъ. Съ той-же цѣлью удешевленія пропитанія и сбереженія домашняго женскаго труда, въ значительной долѣ пропадающаго нынѣ даромъ, „Сосѣдскія Гильдіи“ заводятъ кооперативныя кухни, и, можетъ быть, также и нѣкоторые другіе склады предметовъ потребленія, закупаемыхъ оптомъ на товарищескихъ началахъ. Наконецъ, каждая „Гильдія“

обязательно пріобрѣтаетъ или нанимаетъ для потребностей своихъ сочленовъ дачу или сельскій домъ, куда поочереди переселяются „сосѣди“ съ семьями, для пользованія чистымъ воздухомъ и сельскою жизнью въ видахъ здоровья.

Поставивши главнымъ способомъ для достиженія своихъ задачъ общеніе между „сосѣдями“, „Сосѣдскія Гильдіи“, основанныя Койтомъ въ Америкѣ и Англіи, имѣютъ, кромѣ пяти или шести клубовъ каждая, еще такія учрежденія: библіотеки и кабинеты для чтенія, воскресные безплатные концерты и публичныя лекціи, субботніе семейные танцовальные вечера, хоровое общество и отъ пятнадцати до двадцати классовъ по разнымъ отраслямъ техническихъ знаній и общелитературнаго образованія. Но, собираясь часто вмѣстѣ и входя въ тѣсное знакомство и общеніе, „сосѣди“, помимо постояннаго обмѣна мыслями и знаніями, могутъ оказывать другъ-другу разнообразныя услуги и одолженія, немыслимыя для людей, живущихъ при теперешнемъ ихъ взаимномъ разобщеніи: такъ, они вліяютъ другъ на друга въ смыслѣ поступленія въ рабочіе союзы и кассы взаимопомощи, отыскиваютъ потерявшимъ работу мѣста, устраиваютъ больныхъ въ госпитали, пріискиваютъ себѣ общаго ходатая по судебнымъ дѣламъ и, вообще, оказываютъ другъ-другу разнообразное содѣйствіе, тысячи, можетъ быть и мелкихъ, но въ сложности весьма значительныхъ товарищескихъ услугъ, которыя болѣе тѣсными узами привязываютъ людей другъ къ другу и возвышаютъ бодрость духа. Бѣдный рабочій, привыкшій обыкновенно надѣяться и разсчитывать только на свои руки, уже болѣе не чувствуетъ себя одинокимъ на свѣтѣ, предоставленнымъ на волю судьбы существомъ, а ничто именно такъ не давитъ душу бѣдняка, какъ сознаніе своего одиночества въ житейской борьбѣ и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ! Онъ имѣетъ теперь „Гильдію Сосѣдей“, которая его всегда поддержитъ, а также не покинетъ, въ случаѣ нужды, и его семью. Койтъ передаетъ за нѣсколько лѣтъ практики цѣлый рядъ трогательныхъ случаевъ подобной взаимной помощи и заботливости другъ о другѣ членовъ этихъ новыхъ рабочихъ цеховъ. Такъ, одинъ изъ „сосѣдей“, фабричный рабочій (въ Нью-Іоркской „Гильдіи“) былъ убитъ на подъемной машинѣ; подкупленные хозяиномъ свидѣтели показали, что будто-бы потерпѣвшій несчастіе былъ въ то время пьянъ и погибъ виной собственной неосторожности,—и судъ, на основаніи этого показанія, освободилъ фабриканта отъ вознагражденія семьи потерпѣвшаго. „Сосѣдская Гильдія“, какъ одинъ человѣкъ, возстала за честь и интересъ своего покойнаго сочлена. Она добилась новаго судебнаго слѣдствія и изобличила лжесвидѣтелей. Въ результатѣ

честь потерпѣвшаго была возстановлена, а его осиротѣвшая семья получила обезпеченіе.

Другой случай: одинъ изъ молодыхъ сочленовъ той-же самой „Гильдіи“ опасно заболѣлъ тифомъ. „Сосѣди“ немедленно въ складчину пригласили къ нему наилучшихъ врачей города, а „сосѣдки“ доставляли ему въ теченіе долгой болѣзни портвейнъ, мясной чай (beef-tea), лакомства и цвѣты и заботливый уходъ за одинокимъ человѣкомъ. Мало того, передъ выходомъ съ одра болѣзни, „Гильдія“ устроила въ его пользу вечеринку, и собранныя съ нея десять фунт. стерл. почти покрыли ему все потерянное на заработкѣ въ теченіе болѣзни. Далѣе, въ то время, какъ одинокій работникъ остается часто безъ дѣла и голодаетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, по словамъ Койта, члены его „Гильдій“ рѣдко остаются безъ мѣста болѣе четырехъ или пяти дней: всѣ „сосѣди“ и „сосѣдки“ энергично принимаются за поиски для него занятія, и нуждающій скоро пристаетъ къ желанной пристани. Но выросшій духъ дружелюбія и филантропіи быстро сказывается, конечно, разнообразнымъ способомъ и на лицахъ, прямо постороннихъ для „Гильдіи“, „не сосѣдяхъ“: вообще пріобрѣтается привычка заботиться о всѣхъ нуждающихся. Трогательный образчикъ представляютъ собой дѣвушки—члены Лондонской „Гильдіи“ въ Кентишъ-Таунѣ, которыя каждое Рождество устраиваютъ елку и обдариваютъ подарками шестьдесятъ бѣдныхъ дѣтей, для чего заранѣе отказываютъ себѣ въ тратахъ и работаютъ по ночамъ, окончивши свой, и безъ того не легкій, трудъ въ мастерскихъ и на фабрикахъ, чтобы пріобрѣсти средства, необходимыя для утѣхи и пользы чужихъ имъ дѣтей!... „Какой печальной ироніей судьбы“, замѣчаетъ справедливо авторъ, „является въ соціальной жизни бѣдняковъ то явленіе, что они соединяются и сообщаются вмѣстѣ почти исключительно для того, чтобы достать необходимыя средства на похороны и помощь больнымъ (т. е. ради учрежденія и дѣятельности похоронныхъ и больничныхъ кассъ), или, наконецъ, когда лишены заработка и голодаютъ!! Но насколько та же самая помощь была-бы болѣе деликатна и менѣе назойлива въ подобныхъ „братствахъ“, гдѣ сосѣди связаны вмѣстѣ тысячами разнообразныхъ узъ, и не въ одномъ горѣ, но и въ весельѣ, въ игрѣ и пѣніи, въ преслѣдованіи интеллектуальныхъ цѣлей жизни, въ наслажденіи искусствомъ, литературой, музыкой, бесѣдой и природой! Страшно становится, что людей лишь связываетъ, кажется, одно несчастіе, и какъ будто люди, которые вмѣстѣ думаютъ, поучаются и смѣются, преслѣдуя идеальныя цѣли, не могутъ войти въ горе другъ друга и утереть взаимно слезы?!..“

„Сосѣдскія Гильдіи“ различаются отъ какихъ угодно учреж-

деній иного рода, существующихъ для блага массы народа, уже своимъ основаніемъ. Всякое иное учрежденіе, напр., „рабочіе союзы“, „дружественныя общества“, „рабочіе клубы“ и проч. отвлекаютъ человѣка отъ семьи, тогда какъ, наоборотъ, „Сосѣдскія Гильдіи“ привязываютъ его къ семьѣ. *Семья является*, по словамъ Конта, какъ бы *истинной моральной ячейкой общества*, и „Сосѣдскія Гильдіи“ именно построены на этомъ семейномъ принципѣ. Всѣ цѣли „Гильдіи“ включаютъ непремѣнно всѣхъ членовъ семьи, одинаково и равно: если семья напр. состоитъ изъ семи человѣкъ, то всѣ семь, во первыхъ, могутъ производить прямо благое вліяніе другъ на друга и, затѣмъ, во вторыхъ, косвенно каждый на шесть другихъ сочленовъ семьи. „Гильдіи“, какъ было ранѣе упомянуто, имѣютъ свои клубы (въ Лондонѣ — по 5-ти, а въ Нью-Іоркѣ—по 6-ти) для лицъ разнаго возраста и обоего пола, но они не имѣютъ ничего общаго съ обычными рабочими клубами Англіи и Америки, не связанными съ семьей. Въ обыкновенномъ рабочемъ клубѣ для молодыхъ людей, напр., мальчикъ получаетъ всецѣло превратныя понятія и привычки общительности; онъ скоро пріучается смотрѣть, какъ на своихъ товарищей лишь на однихъ мужчинъ, и у него вырабатывается пренебрежительный свысока взглядъ на лицъ другого пола.— Понятно, что когда современемъ онъ женится, для него явится непривычной сама идея товарищества и бесѣда съ женщиной, какъ съ равной; это невольно будетъ толкать его по дорогѣ въ кабакъ... Еще менѣе того, съ точки зрѣнія Стантона Конта, можно одобрить для дѣвушекъ, имѣющихъ семейства, спеціальные женскіе клубы, существующіе въ большомъ числѣ въ Лондонѣ, и гдѣ материнское вліяніе совершенно отсутствуетъ. Такія учрежденія, по его мнѣнію, годны и имѣютъ цѣну, исключительно, лишь для дѣвицъ одинокихъ или лишенныхъ семейства. Совершенно въ иномъ видѣ представляются тѣ же клубы, устраиваемые въ „Сосѣдскихъ Гильдіяхъ“ для мальчиковъ и дѣвочекъ, молодыхъ женщинъ, молодыхъ людей и, наконецъ, взрослыхъ членовъ. Всѣ эти клубы, которые собираются поочередно въ разные дни въ одномъ и томъ-же помѣщеніи, представляютъ собою какъ бы различныя отдѣленія одного семейнаго учрежденія и оказываютъ, въ видѣ благороднаго соперничества для хорошихъ цѣлей, нисколько не разъединяя, доброе другъ на друга воздѣйствіе. Члены одной и той-же семьи, лишь посѣщая въ свои дни недѣли свой собственный клубъ, не выходятъ изъ семьи, проводятъ время съ братьями и сестрами, находя въ то же время и другихъ товарищей и товарокъ своего возраста и вкусовъ. Наконецъ, въ два главныхъ, свободныхъ для рабочихъ людей, дня въ недѣлю,—суб-

боту и воскресенье,—имѣютъ мѣсто общія удовольствія для всѣхъ семействъ „сосѣдства“ въ полномъ составѣ: по субботамъ—танцы, а по воскресеньямъ—музыка и иногда любительскія драматическія представленія, лекціи и чтенія. Такимъ образомъ, члены семьи, не разъединяясь другъ отъ друга, обнаруживаютъ благодѣтельное взаимное вліяніе на смягченіе нравовъ, улучшеніе внѣшнихъ привычекъ, вкусовъ и, наконецъ, на общее образованіе.

Но, помимо полезнаго и образовательнаго вліянія разныхъ семействъ и лицъ обоего пола другъ на друга на этихъ „сосѣдскихъ“ собраніяхъ, большое значеніе Койтъ приписываетъ также и сближенію въ своихъ „Гильдіяхъ“ лицъ разныхъ положеній и отчасти даже сословій. Представители различныхъ категорій труда, часто раздѣленные предразсудками и даже взаимною непріязнію, сходятся здѣсь вмѣстѣ для цѣлей общенія: фабричный рабочій—съ лавочникомъ, ремесленникъ—съ мелкимъ капиталистомъ или писцомъ,—всѣ они обмѣниваются мыслями, по человѣчески веселятся, классныя предубѣжденія незамѣтно сглаживаются, и на ихъ мѣстѣ развивается высокое чувство симпатіи человѣка къ человѣку безъ различія и безъ обращенія вниманія на тотъ ярлыкъ, который, путемъ житейской рутины, къ каждому человѣку приклеенъ, сообразно ли его занятіямъ, или происхожденію, или случаю... На этомъ же основаніи, благодѣтельное вліяніе „Сосѣдской Гильдіи“ несравненно выше такъ называемыхъ „политическихъ клубовъ“, развитыхъ въ Англіи между всѣми классами общества. Прежде, чѣмъ считаться либераломъ, консерваторомъ или радикаломъ, каждый членъ общества является человѣкомъ и, какъ таковой, нуждается не въ отчужденіи, а скорѣе въ сближеніи и обмѣнѣ мысли, и возможномъ соглашеніи съ людьми другихъ партій, отъ которыхъ политическій клубъ между тѣмъ его отрываетъ. Онъ видитъ тамъ исключительно однихъ единомышленниковъ,—что одно уже дѣлаетъ его одностороннимъ. „Сосѣдская Гильдія“ не знаетъ политическихъ дѣленій и соединяетъ вмѣстѣ въ добромъ единеніи людей всѣхъ политическихъ партій и всѣхъ оттѣнковъ.

Но, чаще всего, въ массѣ англійскаго народа яблокомъ раздора и несогласій до сихъ поръ являются вопросы религіи. Поэтому, однимъ изъ основныхъ принциповъ „Гильдіи“ принятъ, какъ выражается Койтъ, „нейтралитетъ въ религіи“, т. е. обязательство избѣгать всякихъ религіозныхъ преній и споровъ. Въ силу этого положенія, обратно съ „Арміей Спасенія“ Бутса, Койтъ не ведетъ никакой религіозной пропаганды, и „Гильдія“ принимаетъ въ сочлены всѣхъ сосѣдей безъ различія вѣроисповѣданій. Поступившій въ члены „Гильдіи“ сосѣдъ также поступаетъ

непремѣнно въ одинъ изъ клубовъ, при ней устроенныхъ, но эти клубы не преслѣдуютъ ни партійныхъ, ни политическихъ, ни религіозныхъ цѣлей, а лишь взаимное общеніе, развлеченіе и образованіе, сообразно возрасту и полу, не отчуждаясь въ то же время ни отъ своей семьи, ни отъ сосѣдскихъ семействъ различныхъ занятій, партій и вѣроисповѣданій.

Нормальное число клубовъ при „Гильдіи"—шесть, по три на каждый полъ, и необходимость ихъ обусловливается общностью вкусовъ и интересовъ, до извѣстной степени, между лицами одного возраста и пола. Мальчики, напр., отъ 12 до 17 лѣтъ, составляющіе первый клубъ, имѣютъ столько общихъ потребностей въ играхъ, въ любви къ природѣ, въ расположеніи къ чтенію извѣстнаго рода книгъ, что весьма естественно выдѣлить ихъ въ особую группу подъ именемъ клуба и, не оставляя совершенно безъ руководства и помощи, допустить значительную долю самоуправленія и распоряженія своимъ свободнымъ временемъ, сообразно вкусамъ и наклонностямъ каждаго, и какъ подготовку къ будущей самодѣятельности. Дѣвочки въ томъ же возрастѣ, естественно, склонны къ сближенію съ своими подругами и къ занятіямъ и развлеченіямъ нѣсколько другого рода. Онѣ привыкаютъ симпатизировать другъ другу, знакомятся съ семейными нуждами и разнообразіемъ личныхъ вкусовъ и пріучаются, при помощи почтенной матроны изъ „сосѣдокъ", къ разнымъ женскимъ работамъ и рукодѣліямъ, чередуя ихъ съ какими-нибудь невинными забавами и развлеченіями. Второй и третій клубы, опять отдѣльно для мужчинъ и женщинъ, для взрослыхъ дѣвушекъ старше 17-ти лѣтъ, молодыхъ женщинъ—и молодыхъ людей. Остальные два клуба (въ Нью-Іоркской „Гильдіи", и лишь одинъ общій—въ Лондонской) предназначены для взрослыхъ членовъ, т. е., большею частью, отцовъ и матерей семействъ. Любопытной чертой при этомъ является, въ интересахъ развитія большей дружбы и общенія между членами каждаго клуба, недопущеніе перехода изъ одного клуба въ другой съ теченіемъ времени, а ежегодное поднятіе пріемнаго термина на одинъ годъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, клубъ мальчиковъ въ періодъ пяти лѣтъ превратится, напр., въ клубъ молодыхъ людей, а клубъ дѣвочекъ—въ клубъ молодыхъ женщинъ, почему для вновь поступающей молодежи, конечно, устраиваются новые клубы. Каждый клубъ, поочереди, пользуется всецѣло помѣщеніемъ, нанимаемымъ „Гильдіей" и состоящимъ изъ восьми комнатъ съ однимъ большимъ заломъ, одинъ разъ въ недѣлю, при чемъ остаются въ общемъ пользованіи лишь читальня и, по мѣрѣ надобности, классная комната. Затѣмъ, два раза въ недѣлю, какъ было упомянуто, въ разные

часы всѣ клубы и семьи сливаются вмѣстѣ. Такимъ образомъ, при этомъ распорядкѣ, означенное распредѣленіе на клубы не только не вредитъ общенію, но способствуетъ ему, вырабатывая, въ то же время, извѣстный esprit de corps, благородное соревнованіе въ различныхъ отношеніяхъ между клубами другъ съ другомъ, особенно между юнымъ поколѣніемъ. Мальчики, напр., всегда стараются не отстать ни въ чемъ отъ клуба дѣвочекъ, а скорѣй перещеголять его въ порядкѣ, экономическомъ веденіи дѣла, разнообразіи развлеченій и проч.

Принципы здороваго веселья и невиннаго развлеченія для народа являются наиболѣе пріятными и желательными спутниками филантропіи, о чемъ, къ сожалѣнію, нерѣдко педантически забываютъ. Очень часто, справедливо замѣчаетъ Койтъ, встрѣчается взглядъ на веселое времяпровожденіе или забаву, какъ на пустяки, и, во всякомъ случаѣ, какъ на нѣчто не серьезное, сравнительно напр. съ какой-нибудь торжественно-скучной лекціей или длиннѣйшимъ диспутомъ по научному вопросу, по морали и даже политикѣ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, нравственное воздѣйствіе одного только веселья на душу трудящихся людей, если оно лишь проявляется активно, самостоятельно и невинно, нѣтъ сомнѣнія, гораздо глубже, нежели какія угодно скучныя пренія и дидактическія поученія! Многіе позывы и стремленія ко злу у человѣка уничтожаются въ корнѣ весельемъ, ибо, кто веселъ, тотъ доволенъ, а кто доволенъ, тотъ невольно дѣлается добрѣе и доступнѣе голосу разсудка, совѣсти и доброжелательства къ людямъ, въ одно и то же время. Пьянство, порокъ, меланхолія, а часто даже нездоровье, суть тѣ спеціальные враги, съ которыми „Сосѣдскія Гильдіи“ пробуютъ бороться, взявши, какъ оружіе, между прочимъ, человѣческое общеніе и веселіе.

Какъ правило, всѣ эти развлеченія устраиваются самими сочленами по своему вкусу и иниціативѣ. Друзья народа, въ родѣ Койта и иныхъ членовъ „*Toynbee Hall*“, или вообще образованныхъ людей, лишь помогаютъ своими совѣтами и указаніями, или даютъ направленіе и помощь, не вмѣшиваясь лично во весь распорядокъ, и только при этомъ условіи веселье бываетъ непринужденно и забава имѣетъ желанный успѣхъ. Такимъ путемъ при „Гильдіяхъ“ образуются: хоровое общество, драматическіе классы, гимнастическое общество, музыкальный кружокъ, — и всѣ они другъ передъ другомъ соперничаютъ въ доставленіи своему „сосѣдству“ новыхъ и здоровыхъ развлеченій. Танцовальные вечера по субботамъ, на которые собираются всѣ семьи, являются, впрочемъ, наиболѣе популярнымъ и любимѣйшимъ средствомъ, чтобы соединить и привлечь весь наличный персоналъ „Гильдіи“. По наблюденіямъ

за много лѣтъ, эти субботніе вечера, которые совпадаютъ притомъ, въ англійскихъ рабочихъ классахъ, съ получкой заработной платы, являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и счастливѣйшимъ средствомъ отвлеченія мужского населенія отъ питейныхъ домовъ. Въ настоящее время, когда большая часть дня рабочаго человѣка проходитъ въ упорномъ трудѣ, его вечера, хоть отчасти, необходимо должны быть посвящены развлеченію. Въ концѣ недѣли, въ субботу, когда у рабочаго водятся деньги въ карманѣ, а тѣло утомлено физическимъ напряженіемъ за цѣлую недѣлю, питейное заведеніе, съ его завсегдатаями и обстановкой, или дешевый кафе-шантанъ имѣютъ для англійскаго рабочаго притягательную силу. Вотъ тутъ-то именно семейный танцовальный вечеръ, устраиваемый „Гильдіей“, и получаетъ значеніе серьезной и глубоко захватывающей моральной реформы. Танцы, вмѣстѣ съ хорошей музыкой въ ярко освѣщенной залѣ, на глазахъ у своихъ родственниковъ и близкихъ, являются единственнымъ развлеченіемъ, которое можетъ отвлечь даже наиболѣе грубыхъ, неразвитыхъ и испорченныхъ людей отъ притоновъ невоздержанія и порока. Многіе молодые люди, по словамъ Койта, бывшіе прежде частыми посѣтителями кафе-шантановъ (*Music Halls*), сдѣлавшись членами „Сосѣдской Гильдіи“, не возвращались въ нихъ по нѣскольку лѣтъ. Весьма нерѣдко, въ антрактахъ между вальсомъ и лансье, любители изъ „сосѣдей“ или друзья изъ образованныхъ классовъ даютъ импровизованные концерты; раздаются звуки Бетховена, Моцарта или Баха, и рабочій, не лишенный музыкальнаго слуха, невольно заслушается незнакомой для него по кафе-шантану мелодіи. Еженедѣльнаго повторенія подобныхъ концертовъ въ продолженіи полугода уже достаточно, чтобы измѣнить у многихъ самый вкусъ къ музыкѣ и сдѣлать его болѣе требовательнымъ. То, что здѣсь касается до музыки, замѣчается и относительно привычекъ, языка, манеръ и общаго развитія рабочихъ людей, пробывшихъболѣе или менѣе продолжительное время членами, „Сосѣдской Гильдіи“.

Самая лучшая народная школа—а онѣ въ настоящее время обязательны въ Англіи и Америкѣ—даетъ, къ сожалѣнію, преимущественно образованіе, а не воспитаніе. Тысячи вопросовъ, касающихся нравственности и гражданскихъ обязанностей не получаютъ въ школѣ отвѣта и разрѣшаются позднѣе, въ жизни, по большей части лишь случаемъ, инстинктомъ или постороннимъ вліяніемъ, — почему и особенно важно, чтобы первые шаги въ жизни молодыхъ людей рабочаго класса совершались, какъ это имѣетъ мѣсто именно въ „Гильдіяхъ“, въ сообществѣ болѣе зрѣлыхъ, опытныхъ и развитыхъ людей. Послѣдніе могутъ направить молодаго человѣка на добрый путь, могутъ пристыдить и

могутъ одобрить. „Хорошій совѣтъ — дороже денегъ“, говоритъ пословица, — и вотъ посѣщая собранія „Гильдіи“, молодой человѣкъ или молодая дѣвушка скорѣе всего, именно, и могутъ найти такой случай получить добрый совѣтъ. Что можетъ быть, напр., неблагоразумнѣе того легкомыслія и невѣжества, съ которымъ рабочія дѣвушки въ Англіи выбираютъ себѣ мужей? Никто имъ, часто, не разскажетъ объ ужасахъ брачной жизни, напр., съ пьяницей; никто не предостережетъ ихъ отъ любви къ какому нибудь франту за внѣшній лоскъ, которымъ онъ щеголяетъ, ничѣмъ не обнаруживая своихъ внутреннихъ качествъ; никто имъ не объяснитъ и не растолкуетъ, какими чертами характера и началами поведенія онѣ должны руководствоваться при выборѣ своего будущаго мужа. Многія глупенькія дѣвушки готовы себѣ воображать всю свою брачную жизнь чуть-ли не какъ сплошной праздникъ и періодъ ухаживанія, и никто имъ не объяснитъ, что брачная жизнь въ дѣйствительности является нравственнымъ и умственнымъ товариществомъ чрезвычайной серьезности, и, имѣя на своемъ пути терній больше, нежели розъ, заслуживаетъ продолжительнаго обдумыванія, прежде нежели сдѣлать послѣдній и рѣшительный шагъ. Точно также многіе утверждаютъ, что женщины изъ рабочаго класса падаютъ, обыкновенно, въ силу бѣдности и лишеній; но положеніе это справедливо лишь отчасти: ежедневный опытъ убѣждаетъ, что тысячи женщинъ падаютъ не отъ однихъ лишеній, а отъ желанія иногда имѣть болѣе красивое платье, видѣнное на подругѣ, пріобрѣсть страусовое перо на шляпку или новыя сережки для ушей, и виной часто во всѣхъ этихъ случаяхъ, является, конечно, не существующая на свѣтѣ система заработной платы, а лишь невѣжество и безпомощность молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ и оставленіе ихъ безъ добраго руководительства и совѣта влеченію тщеславія и на жертву искушенію. Школа не можетъ въ данномъ случаѣ ей чѣмъ-либо помочь и дать дѣвушкѣ наставленіе или покровительство; часто не можетъ этого сдѣлать и бѣдная семья, къ которой она принадлежитъ. Но за то „Сосѣдская Гильдія“ можетъ и даже должна доставить въ свое время нравственное вразумленіе и предупрежденіе всѣмъ своимъ сочленамъ. Пожилыя „сосѣдки“, дамы-покровительницы рабочихъ классовъ, которыхъ въ Англіи явилось въ послѣднее время не мало, вслѣдъ за движеніемъ университетскихъ питомцевъ Toynbee Hall,—всѣ эти лица и даже просто благоразумные голоса изъ товарокъ, съ которыми онѣ безпрестанно встрѣчаются на собраніяхъ „Гильдіи“, могутъ, разумѣется, остановить и спасти лаской и добрымъ словомъ, во время сказаннымъ, не одну жертву отъ легкомысленнаго шага или сердечнаго увлеченія.

Выяснивши себѣ всю важность и роль „Сосѣдскихъ Гильдій“ въ жизни рабочихъ классовъ, перейдемъ къ практической сторонѣ вопроса, ихъ первоначальному устройству и организаціи. Въ этомъ случаѣ Койтъ сообщаетъ, отчасти, результаты уже добытаго опыта въ Америкѣ и Англіи, добавляя его нѣкоторыми общими разсужденіями, извлеченными, впрочемъ, частію также и изъ житейской практики. Первый вопросъ, разумѣется, заключается въ томъ, кто и на какія средства устраиваетъ эти „сосѣдскія общества“, носящія средне-вѣковое названіе „Гильдій“. Во всѣхъ, до сихъ поръ бывшихъ, случаяхъ ихъ устройства, иниціаторомъ и, первое время, ихъ вожакомъ является обыкновенно самъ Койтъ или кто-нибудь изъ лицъ университетской молодежи, въ родѣ резидентовъ Toynbee Hall. Leighton Hall, какъ называется зданіе „Сосѣдскаго братства“ въ сѣверномъ Лондонѣ, наполовину даже занято помѣщеніемъ „Университетскаго Поселенія“. Но это послѣднее обстоятельство, т.-е. прямое участіе образованныхъ людей, Койтъ, впрочемъ, отнюдь не считаетъ необходимымъ условіемъ для данной цѣли: какъ дѣло новое, конечно, „Гильдіи“ должны были быть впервые испытаны и поставлены на ноги ихъ творцомъ, но затѣмъ, въ настоящемъ, какъ и въ будущемъ, рабочіе сами могутъ взять въ свои руки дальнѣйшее распространеніе „Гильдій“. Уже сдѣланный опытъ достаточенъ, чтобы познакомить ихъ съ рутиной всего дѣла, довольно несложнаго. Благомыслящіе люди образованнаго класса, желающіе принести посильную пользу народу, разумѣется, найдутъ для себя и здѣсь полезное дѣло, какъ въ видѣ помощи матеріальными средствами, такъ и личнымъ участіемъ; но ихъ вліяніе несущественно, и основная мысль автора, повидимому, заключается въ томъ, что будущее этихъ учрежденій всецѣло находится въ рукахъ самихъ рабочихъ, и „Гильдіи“ должны плодиться и множиться, благодаря ихъ собственнымъ стараніямъ. Что касается до нужныхъ матеріальныхъ средствъ, то „Гильдіи“ основываются и ведутся на началахъ взаимопомощи, на собственныя средства рабочихъ, — принципъ, столь популярный въ Англіи и такъ мало еще развитой, сравнительно, на континентѣ Европы. Въ то-же время, однако, онъ не отказывается и отъ мысли общественныхъ пожертвованій, въ видѣ займовъ, ради добрыхъ цѣлей этихъ учрежденій, вычисляя примѣрный расходъ на основаніе и веденіе одной „Гильдіи“ на десять лѣтъ, въ размѣрѣ 2000 фунтовъ стерл. Вотъ бюджетъ Лондонской „Гильдіи“ въ Leighton Hall, въ Кентишъ-Таунѣ: пріобрѣтеніе зданія для собранія (въ шесть комнатъ съ одной большой залой) обошлось въ 750 фунт., съ разсрочкой, обычной въ Англіи, на 51 годъ, при чемъ 250 фунт. добыты займомъ, а остальная

цифра, 500 — залогомъ купленнаго дома; затѣмъ потребовалась еще сотня фунтовъ на улучшеніе и приспособленіе зданія къ цѣлямъ общества, и другіе сто — на основаніе библіотеки и меблировку. Около 400 фунтовъ, наконецъ, добытыхъ путемъ складчины, затрачены на основаніе кооперативнаго склада угля и нѣкоторыя другія подобныя учрежденія. При „Гильдіи“ состоятъ два рабочихъ на постоянномъ жалованьѣ, которые обходятся „сосѣдству“ около полутораста фунтовъ въ годъ. Само собою разумѣется, что каждая новая „Гильдія“ должна приспособляться къ средствамъ своихъ членовъ и можетъ начинать дѣло гораздо скромнѣе, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, въ наемномъ помѣщеніи и, вообще, съ меньшими затратами, чѣмъ это сдѣлалъ Leighton Hall. Теперь: доходы общества или „Гильдіи“ заключаются въ членскихъ взносахъ каждаго изъ шести клубовъ, его составляющихъ, и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сборовъ по спеціальнымъ поводамъ на различныя общественныя учрежденія „сосѣдства“; два дѣтскіе клуба, по 50-ти членовъ каждый, мальчиковъ и дѣвочекъ, оплачиваются взносами по 2 пенса (около 7 коп.) съ человѣка въ недѣлю, что составитъ вмѣстѣ за годъ 43 фун. 6 шилл. 8 пенс.; четыре клуба по 70 членовъ каждый, для взрослыхъ, считая по 3 пенса (10-ть съ небольшимъ коп.) еженедѣльнаго взноса, доставляютъ всего 130 фунт. въ годъ. Затѣмъ: увеселенія разнаго рода за особую скромную плату даютъ, примѣрно, 46 фунт. въ годъ, — такъ что, всего вмѣстѣ, „Гильдія“ получитъ свыше 269-ти фунт. въ годъ, — что вполнѣ обезпечиваетъ всѣ необходимѣйшія траты этого оригинальнаго товарищества.

Первое правило, соблюденіе котораго Койтъ считаетъ необходимымъ какъ при основаніи, такъ и при веденіи „Гильдіи“, состоитъ въ томъ, чтобы никакой клубъ, входящій въ составъ „Гильдіи“, не заключалъ въ себѣ членовъ больше, чѣмъ сколько ихъ можетъ свободно, т.-е. безъ стѣсненія, помѣститься и усѣсться въ кружокъ, въ самой большой комнатѣ зданія „Гильдіи“. Другими словами, слѣдовательно, необходимо число членовъ клуба и всей „Гильдіи“ приспособлять къ размѣрамъ помѣщенія, находящагося въ пользованіи товарищества. Правило это является необходимымъ именно въ видахъ главной задачи „Сосѣдской Гильдіи“,—хорошаго знакомства и сближенія другъ съ другомъ. Каждое новое лицо, которое входитъ въ него, должно имѣть возможность, въ теченіе, положимъ, мѣсяца, узнать всѣхъ членовъ лично и по имени, а это было-бы невозможно при слишкомъ большой многочисленности членовъ. Съ другой стороны, черезъ-чуръ тѣсное помѣщеніе отравило-бы удовольствіе и сдѣлало-бы немыслимымъ близкое знакомство съ значительнымъ количествомъ

членовъ. Слишкомъ большой клубъ уничтожаетъ возможность личной интимности сочленовъ, и, вмѣсто группы друзей или какъ-бы увеличеннаго семейства, какимъ онъ долженъ быть по мысли основателя „Сосѣдской Гильдіи“, онъ превратится въ самостоятельное учрежденіе, каковы всѣ существующіе обычные клубы и общества, безъ серьезнаго вліянія и моральнаго воздѣйствія членовъ другъ на друга. Поэтому, Койтъ полагаетъ, что ни одинъ изъ клубовъ, входящихъ въ составъ „Гильдіи“, не долженъ вначалѣ, по крайней мѣрѣ съ полгода, имѣть членовъ больше двадцати человѣкъ, и только постепенно, шагъ за шагомъ, съ теченіемъ времени, приспособливаясь къ помѣщенію, можетъ довести это число до семидесяти человѣкъ—самое большее.

Съ этой-же точки зрѣнія Койтъ считаетъ даже ошибкой слишкомъ обширные размѣры и число членовъ знаменитаго „Народнаго Дворца“, основаннаго по мысли Вальтера Безанта. Существенное его отличіе отъ „Сосѣдскихъ Гильдій“ состоитъ именно, прежде всего, въ размѣрахъ, — благодаря чему, никакая „Гильдія“, по мысли Койта, не должна вмѣщать въ себѣ болѣе ста семействъ, тогда какъ „Народный Дворецъ“ единовременно посѣщается цѣлыми тысячами народа, черезъ что члены лишаются возможности не только взаимнаго сближенія и вліянія, но даже простого знакомства. Кромѣ того, величина „Народнаго Дворца“ обусловливаетъ и другое существенное неудобство, важное въ соціальныхъ цѣляхъ: въ то время, какъ „Сосѣдская Гильдія“ создаетъ всѣ удовольствія, такъ сказать, *изъ себя*, т.-е. всѣ пѣвцы, актеры, частію и музыканты, однимъ словомъ, всѣ развлеченія создаются и выполняются, большею частью, самими сочленами, такъ что каждый изъ сосѣдей можетъ, въ томъ или иномъ отношеніи, приложить свой трудъ, стараніе или искусство для общаго удовольствія или выгоды,—въ „Народномъ Дворцѣ“ играютъ лишь настоящіе, профессіональные музыканты и актеры, и сочлены составляютъ только обыкновенную пассивную публику, благодаря чему проистекаютъ два важныхъ послѣдствія: „Народный Дворецъ“ никогда не будетъ имѣть того семейнаго характера, гдѣ каждый рабочій чувствуетъ себя какъ дома, привыкая дорожить и любить все, его тамъ окружающее; съ другой стороны, скрытыя и часто богато одаренныя натуры изъ народа, предназначенныя природой, можетъ быть, сдѣлаться великими музыкантами или актерами, останутся въ „Народномъ Дворцѣ“ въ безъизвѣстности, а въ „Сосѣдской Гильдіи“ получатъ, очень возможно, надлежащую оцѣнку и даже помощь къ дальнѣйшему усовершенствованію. Наконецъ, размѣры „Народнаго Дворца“ дѣлаютъ необходимымъ для него, благодаря крупнымъ капиталамъ, вложен-

нымъ въ его устройство, и инымъ причинамъ, то единоличное управленіе, которое въ немъ имѣетъ мѣсто; между тѣмъ, „Сосѣдская Гильдія“ отличается привлекательнымъ для народа, такъ сказать, демократическимъ характеромъ: всякій, кто платитъ взносъ, какого бы онъ возраста и пола ни былъ (а это дѣлаютъ всѣ члены клубовъ), имѣетъ равное право на голосъ.

Какъ приступить, спрашивается, къ учрежденію новой „Гильдіи“ и въ какомъ порядкѣ? Лучшій способъ для того, какъ утверждаетъ по опыту Койтъ, начать съ привлеченія къ дѣлу молодыхъ людей: если сначала привлечь женщинъ, то мужчины могутъ за ними не пойти; точно такъ-же, если начать съ дѣтей, которыхъ весьма было-бы легко завлечь удовольствіями и развлеченіями, которыя имъ можетъ доставить клубъ, то за ними, пожалуй, не пойдутъ взрослые; тогда какъ, гдѣ находятся молодые люди, туда охотно пойдутъ и молодыя дѣвушки, а эти послѣднія потянутъ за собой младшихъ братьевъ и сестеръ, и своихъ родителей. Послѣдняя часть семейства, и самая важнѣйшая,— родители и старшіе возрастомъ, — составляютъ, говоритъ Койтъ, наиболѣе неподвижный и неподатливый элементъ на всякія новинки. Поэтому, старшихъ возрастомъ членовъ труднѣе всего привлечь къ участію въ „Сосѣдскихъ Гильдіяхъ“; обыкновенно родители начинаютъ посѣщать собранія „Гильдіи“ ради того, чтобы присутствовать при развлеченіяхъ своей молодежи, въ родѣ концертовъ, дебютовъ, драматическихъ представленій и проч. Чаще всего, чтобы проломить ледъ и заставить родителей сдѣлаться членами „Сосѣдской Гильдіи“, необходимо употребить какое нибудь серьезное средство, въ родѣ, напр., могущихъ заинтересовать лекцій. Въ „Гильдіи“ Leighton Hall въ Сѣверномъ Лондонѣ роль такого great attraction для старшихъ возрастовъ сосѣдей является „Этическое Общество“, правильно засѣдающее въ настоящее время два раза въ мѣсяцъ, по пятницамъ вечеромъ, ведущее дебаты по разнымъ моральнымъ вопросамъ, и затѣмъ два же раза въ мѣсяцъ присутствующее in corpore на лекціяхъ этики, читаемыхъ самимъ Койтомъ. Сфера подобныхъ вопросовъ до такой степени завлекательна, по его свидѣтельству, для англійскихъ пожилыхъ рабочихъ, что немедленно-же послѣ перваго публичнаго засѣданія общества, восемнадцать человѣкъ подали заявленіе о своемъ желаніи примкнуть къ обществу и поступить въ члены „Гильдіи“.

Другой привлекательной, нѣтъ сомнѣнія, для рабочихъ стороной въ „Сосѣдскихъ Гильдіяхъ“ является принципъ самоуправленія, на которомъ покоится все веденіе дѣла клубовъ, ихъ составляющихъ, и общихъ дѣлъ цѣлой „Гильдіи“. Здѣсь совер-

шенно отсутствуетъ „безусловное повиновеніе“, положенное въ основаніе схемы „генерала“ Бутса. Коллегіальное начало замѣняетъ единоличное и всѣ вопросы рѣшаются сообща, большинствомъ голосовъ. Это начало свободы, распоряженія своими собственными дѣлами, привычное каждому англичанину и американцу, настолько характеризуетъ и веденіе дѣлъ „Гильдіи“, что даже малѣйшее личное вмѣшательство Койта въ нѣкоторыхъ спорныхъ случаяхъ, какъ основателя „Гильдіи“, вызывало со стороны членовъ протестъ. Разумная гармонія и единство общей воли, по его словамъ, замѣняетъ въ „Гильдіи“ единовластнаго распорядителя и солдатскую дисциплину, рекомендуемую „генераломъ“ Бутсомъ.

Основываясь на высказанныхъ преимуществахъ своего плана подготовки народа къ будущей соціальной реформѣ, ихъ авторъ считаетъ не только легкимъ и удобнымъ основаніе „Сосѣдскихъ Гильдій“, но весьма возможнымъ и превращеніе въ „Гильдіи“ многихъ уже готовыхъ учрежденій, каковы, напр., рабочіе клубы мужскіе и женскіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ первые, такъ и вторые дѣлаютъ исключеніе для особъ другого пола, допуская ихъ иногда къ себѣ: такъ, напр., въ мужскихъ рабочихъ клубахъ входъ женщинамъ дозволяется на лекціи — по четвергамъ и на утренніе концерты — по воскресеньямъ, а иногда также женщины допускаются и къ постоянному пользованію общими читальными комнатами. Точно также, клубы рабочихъ дѣвушекъ, которые чрезвычайно размножились въ Англіи и Америкѣ въ послѣднее время, по словамъ нѣкоторыхъ дамъ-филантропокъ, участвовавшихъ въ ихъ устройствѣ, далеко не развиваются съ той быстротой, съ какой это было-бы желательно въ интересахъ рабочихъ женщинъ, — благодаря именно тому, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вечеринокъ, въ эти клубы не допускаются мужчины — ихъ братья и возлюбленные. Остается сдѣлать одинъ шагъ, — слить такіе клубы вмѣстѣ и допустить въ добавленіе къ нимъ и клубы дѣтей, — и тогда всѣ семьи получатъ возможность соединиться вмѣстѣ въ „Сосѣдскія Гильдіи“, расширивши только нѣсколько программу своей дѣятельности.

Трудно, конечно, не видѣвши лично, убѣдиться, насколько великъ моральный успѣхъ, уже достигнутый предпріятіемъ Стантонъ Койта, благодаря соединенію рабочихъ въ эти оригинальныя „Гильдіи“. По словамъ Чарльза Стовера, посѣтившаго „Сосѣдскую Гильдію“ въ Нью-Іоркѣ, главная заслуга ихъ сводится къ тому, чтобы содѣйствовать и развивать взаимную помощь и дружественное чувство, очищать и улучшать народный вкусъ и привычки. Особенно благопріятное впечатлѣніе на него произвели, во время посѣщенія „Гильдіи“, дѣтскій садъ и два клуба дѣву-

шекъ (старшаго и младшаго возрастовъ), занятыхъ, по преимуществу, разными домашними работами и рукодѣльями, пригодными имъ въ будущемъ. Ихъ развлеченія и, особенно, субботнія собранія вызываютъ съ его стороны самые восторженные отзывы и защиту противъ всѣхъ крайнихъ пуристовъ, которые, не желая подобныхъ собраній молодежи двухъ половъ, возстаютъ противъ соціальнаго значенія такихъ невинныхъ развлеченій, каковы танцы *). Самъ Койтъ приводитъ рядъ разнообразныхъ и достаточно убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу глубокаго дѣйствія, которое производятъ уже устроенныя „Гильдіи“ на жизнь и нравственный складъ рабочихъ. Образцомъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ энтузіазмъ, съ которымъ многіе сочлены, напр., проработавши цѣлый день въ своихъ фабрикахъ и мастерскихъ, тѣмъ не менѣе, находятъ возможнымъ трудиться далеко за полночь въ помѣщеніи „Сосѣдской Гильдіи“, ради ея интересовъ: напр., дабы заработать что-нибудь для увеличенія ея библіотеки, или приспособить ея помѣщеніе къ будущему празднику, или выучиться какому-нибудь новому искусству, напр. музыкѣ, и выступить передъ „сосѣдями“ въ ближайшемъ годичномъ собраніи. О помощи своимъ сосѣдямъ и, вообще, о развитіи чувства благотворительности, состраданія и взаимопомощи—уже говорилось, и приводились факты раньше. Койтъ сообщаетъ даже наглядное доказательство, до какой глубокой степени „Сосѣдскія Гильдіи“ начинаютъ играть роль для участниковъ, являясь серьезнымъ регуляторомъ всей ихъ дѣятельности. Немногіе бывшіе случаи исключенія членовъ изъ „Гильдіи“ за неблаговидные поступки приводили ихъ въ такое отчаяніе и такъ пагубно отражались на всей остальной жизни, что это наказаніе нынѣ уже болѣе почти не встрѣчается, даже въ крайнихъ случаяхъ. Достаточно исключить члена или воспретить ему входъ въ общее собраніе на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, чтобы окончательно отучить его отъ повторенія сдѣланной погрѣшности. По крайней мѣрѣ, такихъ случаевъ не бывало. Опытъ всѣхъ устроенныхъ „Гильдій“, по словамъ Койта, доказалъ, что похвала и одобреніе, какъ и порицаніе, выражаемое въ отчужденіи, могутъ сдѣлаться для рабочаго самымъ строгимъ мотивомъ его дѣйствія и поведенія, и моральная дисциплина, добытая такимъ путемъ „Сосѣдскими Гильдіями“, служитъ наилучшимъ аттестатомъ ихъ успѣшности и пользы для блага народа.

„Почти всякая реформа“, говоритъ Стантонъ Койтъ, въ заклю-

*) John's Hopkins' University Studies. Arnold Toynbee by F. C. Montague. — The eibourghood Guild in New-York. By *Charles B. Stover, A. B.*

ченіи своей книги о „Сосѣдскихъ Гильдіяхъ“, единовременно являющейся и отчетомъ и планомъ,—„реформа, которая начинается въ малыхъ размѣрахъ и постепенно распространяется умноженіемъ изъ нѣсколькихъ центровъ (какъ въ данномъ случаѣ), непремѣнно должна встрѣчать критику и утвержденіе, что такое предпріятіе является лишь каплей въ морѣ. Конечно, лица, которыя привыкли обозрѣвать всю сумму несправедливостей и нищеты, наполняющихъ міръ, не имѣя терпѣнія, въ то-же время, подчиниться медленному способу исторической эволюціи, — требуютъ совершенія реформы однимъ гигантскимъ шагомъ; такія лица не удовлетворяются скромною дѣятельностью „ Сосѣдскихъ Гильдій“. Но этимъ людямъ слѣдуетъ напомнить поговорку: энтузіазмъ годится лишь для великихъ дѣяній; *въ малыхъ же дѣлахъ достаточно добросовѣстности*“. Своимъ презрѣніемъ къ добросовѣстности въ малыхъ дѣлахъ многіе современные энтузіасты, именно, и потерпѣли крушеніе, обезкураживая другихъ въ великомъ дѣлѣ подготовки къ соціальной реформѣ...“

Какъ извѣстно, широкое филантропическое движеніе, имѣющее мѣсто въ современной Англіи, началось лишь какихъ-нибудь десять лѣтъ назадъ и, между тѣмъ, уже выразилось въ цѣломъ рядѣ учрежденій, предназначенныхъ, такъ или иначе, для одной цѣли,—экономическаго, умственнаго и нравственнаго поднятія и улучшенія быта массы народа. Сначала движеніе возникло въ восьмидесятыхъ годахъ въ старыхъ университетахъ, Оксфордѣ и Кембриджѣ, и вылилось наружу въ формѣ основанія „Университетскаго Поселенія“ въ Восточномъ Лондонѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя основанъ тамъ-же „Народный Дворецъ“. Въ прошломъ году, наконецъ, появилась знаменитая книга „генерала“ Бутса—„Въ трущобахъ Англіи“, имѣвшая чрезвычайный успѣхъ, и вслѣдъ за ней посыпались пожертвованія со всѣхъ сторонъ, и схема Бутса находится теперь уже въ періодѣ осуществленія. Но, несмотря на весь трудъ, уже сдѣланный въ этомъ направленіи, несмотря даже на пожертвованія въ нѣсколько милліоновъ рублей, общественная энергія и частная иниціатива въ Англіи, повидимому, не только не ослабѣваютъ, но, наоборотъ, crescendo ростутъ: число работниковъ на служеніе народу увеличивается, а новые планы и программы реформъ осуществляются и примѣняются на практикѣ единовременно со старыми. Англичане разсуждаютъ, повидимому, такъ: было бы у человѣка лишь доброе намѣреніе и желаніе принести посильную пользу народу, не нарушая прямо ничьихъ интересовъ, а затѣмъ, пусть въ предѣлахъ закона каждый

пробуетъ на свободѣ свой планъ и ждетъ спокойно результатовъ!...

Спрашивается, какое-же значеніе для поставленной имъ цѣли можетъ имѣть изложенный планъ Стантона Койта въ интересахъ соціальной реформы? „Народный Дворецъ“, какъ извѣстно, обучаетъ и развлекаетъ народъ, но, благодаря своему многолюдству, онъ едва-ли въ состояніи, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени, развивать и воспитывать народъ въ добрыхъ привычкахъ и дружелюбіи, существенныхъ для успѣха всякой будущей реформы. Выше его стоитъ самоотверженная дѣятельность университетской молодежи, поселившейся въ Toynbee Hall. Они не только преслѣдуютъ обѣ цѣли „Народнаго Дворца“, но также и воспитываютъ народъ путемъ личнаго участія и воздѣйствія, стараясь привить къ бѣдной массѣ рабочаго класса добрыя привычки и улучшить нравы. Схема „генерала“ Бутса, какъ извѣстно, имѣетъ въ виду не столько весь рабочій классъ въ цѣломъ, сколько впавшихъ въ крайнюю нищету, порокъ и преступленіе. „Генералъ“ обѣщается англійскому обществу за извѣстную помощь, избавить его отъ всѣхъ подонковъ трущобъ и создать на ихъ мѣстѣ лишь одинъ трезвый, нравственный и трудящійся рабочій классъ. Наконецъ, Койтъ въ „Сосѣдскихъ Гильдіяхъ“ обѣщаетъ дѣлать то-же самое, т. е. обучать и воспитывать народъ, но не въ трущобахъ, а между обыкновенными рабочими; при этомъ, въ отличіе отъ предшествовавшихъ учрежденій, ведущихъ свое дѣло, главнымъ образомъ, на счетъ собранныхъ и пожертвованныхъ разными лицами суммъ, Койтъ кладетъ самопомощь въ основаніе „Сосѣдскихъ Гильдій“ и стремится соединить желаніе помочь рабочимъ съ развитіемъ у нихъ самодѣятельности, самоуправленія и чувства собственнаго уваженія. Кромѣ того, во всѣхъ предшествовавшихъ учрежденіяхъ каждый разсматривался и получалъ ту или иную помощь индивидуально, тогда какъ въ „Сосѣдской Гильдіи“ семья становится объектомъ воздѣйствія, и всѣ ея члены, входя въ различные клубы, составляющіе „Гильдію“, сохраняютъ, однако, полное между собою единеніе.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, „Сосѣдскія Гильдіи“, сравнительно съ другими вышеупомянованными учрежденіями, имѣютъ нѣкоторыя свои выгоды и преимущества. Во-первыхъ, „Сосѣдскія Гильдіи“ являются хотя и медленнымъ, но болѣе легкимъ и общедоступнымъ средствомъ для нѣкотораго поднятія культуры рабочихъ и ихъ воспитанія. Необходимо лишь въ началѣ, какъ это имѣло мѣсто и въ попыткахъ Койта, содѣйствіе образованныхъ людей, а затѣмъ въ будущемъ возможно ожидать и дальнѣйшаго развитія „Гильдій“ или „братствъ“, одного отъ другого, путемъ

послѣдовательной подготовки для того самихъ рабочихъ. Вторымъ преимуществомъ ихъ нужно считать, безъ сомнѣнія, семейный характеръ этихъ учрежденій. Всѣ члены семьи заинтересованы въ основаніи „Гильдіи“ и ея существованіи,—а это, разумѣется, должно служить лишнимъ стимуломъ къ ихъ распространенію. Трудно, конечно, предсказать будущее этого оригинальнаго вида соціальныхъ учрежденій, придуманнаго и уже испытаннаго на практикѣ, хотя еще и не достаточно, можетъ быть, для рѣшительнаго сужденія. Слѣдуетъ ждать дальнѣйшихъ попытокъ и болѣе широкаго успѣха, чтобы опредѣлить съ большею точностью его возможныя послѣдствія. Несомнѣнно, однако, намъ кажется, что и въ своемъ настоящемъ видѣ и при медленномъ даже, обратно съ ожиданіями Койта, распространеніи, „Сосѣдскія Гильдіи“ должны принести свою значительную долю пользы англійскому народу уже однимъ ослабленіемъ въ немъ рѣзкаго духа индивидуализма и раздѣленія интересовъ отдѣльныхъ членовъ семьи. Въ самомъ дѣлѣ, современный экономическій строй ведетъ къ тому, что каждый членъ рабочей семьи въ Англіи является самостоятельнымъ источникомъ заработка, такъ какъ масса лицъ рабочаго класса обоего пола, начиная съ ранняго дѣтства и до глубокой старости, работаетъ и, слѣдовательно, проводитъ половину жизни внѣ дома и внѣ семьи. Современная индустріальная система не только въ значительной степени колеблетъ, но даже разрушаетъ, можно сказать, въ рабочихъ классахъ самую семью. Мать, работая гдѣ-нибудь на фабрикѣ, не кормитъ и не видитъ своихъ дѣтей, не готовитъ пищи своему мужу, не имѣя собственнаго очага и, можетъ быть, даже отучилась владѣть иглой настолько, чтобы починить прорѣху на собственномъ платьѣ или сшить рубашку своему малолѣткѣ, отданному на содержаніе и прокормленіе какой-нибудь Скублинской!.. Дѣти, въ свою очередь, при этой системѣ почти не видятъ своихъ родителей и, рано порывая съ ними матерьяльныя связи, порываютъ и нравственныя. Достигши извѣстнаго возраста, по существующимъ въ Англіи обычаямъ, они становятся членами различныхъ клубовъ, рабочихъ союзовъ и еще болѣе проводятъ все время врозь съ своими братьями и сестрами, равно какъ и родителями, и взаимное отчужденіе ихъ другъ отъ друга и расчлененіе семьи дѣлаетъ дальнѣйшіе шаги съ самыми вредными для всѣхъ послѣдствіями.

Важное значеніе „Сосѣдскихъ Гильдій“, по моему мнѣнію, именно и сводится къ тому, что это новое учрежденіе, въ своемъ стремленіи къ соціальной реформѣ, не только единовременно борется, до нѣкоторой степени, противъ указаннаго зла, стараясь, хотя въ свободное отъ работы время, связать всю семью рабочаго

вмѣстѣ, но и соединить и сблизить ее также съ семьями сосѣдей большею частью, такихъ же тружениковъ. Этимъ единовременно ослабляется столь привычный индивидуализмъ и усиливается вѣра и сознаніе въ важность и необходимость соединенія или кооперації силъ. Можетъ быть, въ пробужденіи у англійскихъ рабочихъ этого сознанія лежитъ и залогъ возможнаго успѣха, съ тѣми или иными видоизмѣненіями въ будущемъ, и самихъ „Сосѣдскихъ Гильдій!“

Иванъ Янжулъ.

22 октября
1891 г.
Москва.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ.

Полночь. Избы кровлей бѣлой
Блещутъ сквозь сѣдую мглу.
Въ темной хатѣ закоптѣлой,
На печи и на полу
Плачутъ дѣти, забываясь
Лишь на мигъ тревожнымъ сномъ.
Однозвучно заливаясь,
Стонетъ вьюга подъ окномъ.

Мать не спитъ и молча слышитъ
Тихій плачъ дѣтей всю ночь;
Вся она страданьемъ дышетъ,
Но безсильна имъ помочь.
Тяжелѣе бремя горя
Ей въ бездѣйствіи ночномъ.
Безотраднымъ думамъ вторя,
Плачетъ вьюга подъ окномъ.

Много скорби испытали
Малолѣтки и вдова,
Да сосѣди помогали,—
Кто дастъ хлѣба, кто дрова.
А теперь, перебиваясь,
И они живутъ съ трудомъ...
Вьюга, плачемъ надрываясь,
Стелетъ саванъ подъ окномъ.
Вдругъ, въ безмолвьи бурной ночи
Слышенъ дѣтскій голосокъ.

— Мама! ѣсть хочу, нѣтъ мочи,
Дай мнѣ хоть воды глотокъ.
Жадно пьетъ малютка бѣдный...
Мать молчитъ; изъ глазъ ручьемъ
Слезы льютъ щекою блѣдной...
Вьюга воетъ подъ окномъ.

ПѢСНЬ.

Пѣснь родная, задушевная,
Что взываешь ты въ тиши,
Словно жалоба плачевная
Изстрадавшейся души?
Что ты пташкою весеннею
Не витаешь въ небесахъ?
Непогодушкой осеннею
Бьется въ сердце, вся въ слезахъ.

— Я надъ нивами безплодными
Пролетала чередой,
Надъ селеньями холодными,
Омраченными нуждой.
Слыша рѣчи заунывныя
Горемъ сломленныхъ людей,
Плачъ и жалобы призывныя
Голодающихъ дѣтей.

Время-ль радостными трелями
Заливаться соловьемъ!...
Надъ пустыми колыбелями,
Надъ остывшимъ очагомъ
Плачутъ матери безсильныя,
Смерть въ отчаяньи зовутъ...
Быстро холмики могильные
Все тѣснѣй, тѣснѣй ростутъ:

И все шире разстилается
Безотрадный этотъ видъ.
Сердце кровью обливается,
Мысль безпомощно молчитъ.

Нѣтъ, мнѣ пѣснею побѣдною
Не подняться къ небесамъ,
Я могу лишь рѣчью блѣдною
Вторить скорбнымъ голосамъ.

Я полна теперь страданія,
Горькой мукою дышу,
Вамъ съ родныхъ полей рыданія
Вашихъ братьевъ приношу.
Отзвукъ я народной горести,
Съ плачемъ въ сердце къ вамъ стучусь,
Пробуждать сердца и совѣсти
Спящихъ въ праздности стремлюсь...

А. Себрякова.

КЪ ХРИСТОВОЙ ЗАУТРЕНИ

(*Сельская картинка*).

Въ большемъ селѣ все въ движеніи, все готовится. Наступаетъ великъ день, великъ часъ—Воскресенья Христова.

Бабушка Мавра Парменовна снаряжаетъ своихъ внучатъ.

Здоровая, бодрая старушка, постоянно радостная и привѣтливая, толстая, румяная, всегда и всѣмъ довольная—и радостью, и горемъ, и все встрѣчающая свѣтлымъ сердцемъ и крестомъ животворящимъ, и простыми, но великими тремя словами: все отъ Бога!

Схоронила она уже три года свою невѣстку, красавицу Машу. Умерла она и оставила бабушкѣ маленькую внучку. Да еще оставила паренька Лёшу восьми лѣтъ и дѣвочку Машу шести лѣтъ. И вотъ ихъ то теперь снаряжаетъ и собираетъ въ церковь—къ заутрени бабушка Мавра Парменовна. Снаряжаетъ она ихъ вмѣстѣ съ бобылкой Домной—немощной, убогой, что живетъ въ семьѣ у бабушки незаправской работницей, а больше Христа ради.

Сынъ Дмитрій Лексѣичъ ушелъ куда-то. Должно быть—къ заутрени. Только одинъ и есть, какъ перстъ, сынъ у бабушки: степенный, разумный, да покорный. И красавецъ же онъ писаный. Все равно, какъ на образахъ изображаютъ лики угодниковъ Господнихъ. Всегда молчаливый, богомольный, безотвѣтный. Жилъ онъ съ своей Машей душа въ душу. Онъ красивъ, а Маша еще лучше. Онъ тихій, порядливый, она еще тише и порядливѣе. Цѣлый день работаетъ безъ устали. То обрядитъ, другое обладитъ и все молча. Только порой по временамъ привяжется къ ней сухой кашель, и сталъ этотъ кашель весной пуще одолѣвать ее; а была она въ тѣ поры тяжела и еле-перемогалась. Принесла она своему милому Митѣ хорошенькую дочку и на третій день отдала Богу душу.—Бабушка плакала, сокрушалась и только однимъ успокоивалась: перекрестится большимъ крестомъ и скажетъ: „все отъ Бога! Слава Ему!“

Тяжело было Дмитрію на первыхъ порахъ. Сталъ онъ задумываться, да заговариваться. Пошелъ было въ кабакъ горе топить, но бросилъ. Стыдно стало памяти своей Маши-обрядницы, да и маленькой живой Маши тоже какъ будто стыдно. Свыкся онъ съ горемъ. Чуть не каждый день ходитъ на могилку къ Машѣ, молится со слезами и горе стихаетъ: „все отъ Бога!“.

Былъ онъ самъ-третей въ семьѣ и одинъ остался, какъ перстъ, а родитель копилъ своимъ дѣтямъ всякаго добра. Разумный старикъ былъ. Осталось послѣ него всего вдоволь.

Двухъ работниковъ держалъ Митрій Лексѣичъ, а то нельзя бы было и управиться: было у него пять коней, да три коровушки, да овецъ головъ тридцать. Все на дворѣ у него крѣпко и хозяйственно. И изба—домина порядочная. Комнатки веселыми ситцевыми обойчиками выклеены. Въ задней комнаткѣ лежаночка, а на ней четыре самоварчика, малъ-мала меньше, цѣлымъ строемъ стоятъ и всѣ какъ зеркальные, сіяютъ и свѣтятся. И шкапъ большой лаковый, весь посудой установленъ и ложечками серебряными утыканъ, блеститъ и свѣтится.

Собираетъ бабушка дѣтокъ, кутаетъ. Надѣла Лёшѣ шубейку лисью, нарядную, манчестеромъ крытую. Ровно купецъ изъ нея глядитъ онъ своими большими голубыми глазами. Надѣла и на Машу шубу бѣличью съ хвостиками.

— „Это, бабушка, ровно царскій мѣхъ“, говоритъ Маша.

— „Ты, сама, ровно царевна“, говоритъ бабушка и цѣлуетъ внучку милую. Закутала ее большимъ шерстянымъ платкомъ краснымъ, клѣтчатымъ. Надѣла Лёшѣ шапку смушкову. Сама шалью накинулась и повела дѣтокъ, обоихъ за ручки взяла.

— Мотри, Домнушка, ты не бросай младенца-то!—наказываетъ она работницѣ.—Не уходи изъ горницы-то.

— Зачѣмъ уходить?—говоритъ Домнушка.

Морозно на улицѣ. Небо вызвѣздилось. Ярко Стожары горятъ. Млечный путь — дорожка Божья — по всему небу скрозь проведенъ.

— Бабушка,—говоритъ Маша,—это вѣдь ангельская дорожка? По ней ангелы ходятъ?

— Ангелы Божьи, касаточка. Это путь Господень для ангеловъ, для угодниковъ Божьихъ.

— А звѣздочки — это окошечки Божьи? Скрозь нихъ ангелы на землю глядятъ?

— Глядятъ, моя лапушка... очами ангельскими.

— Отчего же они все мигаютъ?

— Не могутъ горя людскаго стерпѣть. Тягостно оно для нихъ, красавица моя.... Охъ! Много на землѣ горя тяжкаго!

И смотрятъ и Маша и Леша на небо. И кажется имъ, что это не окошечки, а глазки ангельскіе смотрятъ на землю и мигаютъ...

— Какже, бабушка,—допытывается внучка,—если имъ тяжело смотрѣть, почему же они все глядятъ, глядятъ и мигаютъ?

— На все Божья воля, моя разумница. Такъ Господь повелѣлъ. Горе земное, какъ роса Божья: солнышкомъ пригрѣетъ и горе высушитъ.... Глядятъ ангельскія очи — мигнутъ и горя нѣтъ... Вся жизнь наша скоротечная, земная — одинъ мигъ передъ Господомъ...

И бабушка остановилась, выпустила ручку Маши изъ правой руки и перекрестилась большимъ крестомъ, глядя на небо, ярко блестѣвшее звѣздами, а легонькій вѣтерокъ чуть-чуть подувалъ съ юга, но не холодилъ, а словно ласкалъ и бодрилъ каждаго человѣка.

Спустились дѣтки съ бабушкой къ озеру. Большое озеро. На немъ Маша и Леша катались на салазкахъ, но теперь ледъ почернѣлъ и кататься стало опасно.

Спускаются дѣтки съ горки, а впереди въ ночномъ мракѣ мерцаютъ все огоньки... огоньки.

— Это, бабушка, глазки земные мигаютъ? говоритъ Маша, показывая на огоньки.

— Земные, радостная, земные. Это наше горе земное къ Богу просится... У ангеловъ небесныхъ и свѣтъ небесный, а у насъ земной, свѣтиленка моя, у насъ лучинка, да керосинка или сальная свѣчка маканая.

На противоположномъ берегу выступаетъ изъ мрака зарево вокругъ церкви. Горятъ плошки и костры. Горитъ ярко храмъ Божій. И бабушка и дѣтки, завидя его, крестятся. Свѣтлое чувство безсознательной радости, праздничнаго торжества обхватываетъ сердце ихъ. Бабушка идетъ скорѣе и внучки тоже прибавили шагу.

Выдернулъ свою рученку Лёша.

— Пусти, бабушка, я самъ пойду... Ты больно тихо идешь.

— Нѣтъ! Нѣтъ, радостный... Я скорѣй пойду... Дай мнѣ свою лапочку!—и она овладѣваетъ рукой внука... Какъ можно самому идти!? Видишь, какъ скользко. Все нырки, да колдобинки. Какъ разъ падешь и шубку испачкаешь и самъ ушибешься.

А изъ переулочка чуть не бѣгомъ спускается съ пригорочка Климъ Простецъ. Сбѣжалъ, скатился, чуть-чуть не сбилъ съ ногъ и бабушку и дѣтокъ. Испугалась бабушка,

— О! непутящій!—вскрикиваетъ она.—Куда тебя лѣшій несетъ? Очумѣлъ! Не видишь, что дѣтки идутъ.

— Никакъ не совладашь... Склизко! Мавра Парменовна... Склизко!.. Господь морозцу далъ... Великъ день, святъ день...

— А ты видно къ великому-то дню до свѣту всталъ, да въ кабакѣ побывалъ... Куда тебя несетъ?

— Въ церковь, Мавра Парменовна, въ церковь. Христовъ день, великъ день...

Кокыляютъ дѣтки съ бабушкой, и Климъ Простецъ туда же за ними плетется, пошатывается.

— Въ свѣтлый, святой день не удержался, душа пропащая,— коритъ его бабушка,—налилъ глаза и пойдешь пьяный въ храмъ Христовъ,

— Нѣтъ, не обезсудьте... Мавра Парменовна, человѣкъ подъ Богомъ, человѣкъ претерпѣваетъ... Съ горя, Мавра Парменовна.

— Съ горя-то и пить... Эхъ! ты! безпутный!

— А почему же такъ... безпутный! Зачѣмъ, зачѣмъ обсуждать? Грѣшишь!.. А ты пожалѣй человѣка. Пожалѣй, родимая!

— Чего тебя жалѣть—самъ себя не жалѣешь.

— А ты пожалѣй человѣка Божьяго... Христосъ милостивый! Пожалѣй!.. Подай ради спасенія души копѣечку. Ради праздника Христова... Великъ день, святъ день...

— Какже такъ, сейчасъ тебѣ припасла копѣекъ... Въ кабакъ тащить... Тебѣ подашь—согрѣшишь.

— Напрасно... Вотъ и совсѣмъ напрасно!.. Я то-нись на свѣчку прошу... ради праздника Христова... А судитъ всѣхъ Богъ единъ... Христосъ милостивый!

— Кто это впереди-то идетъ?—говоритъ бабушка, не слушая Клима.—Никакъ Вакулъ Семенычъ съ прикащикомъ.

— Онъ! Онъ самый... — вмѣшивается Климъ Простецъ. — Къ праздничку идетъ.

— Это Вакулъ Семенычъ,—говоритъ Лёша, пойдемъ скорѣй, бабушка.

Вакулъ Семенычъ еще съ отцомъ Дмитрія Алексѣича хлѣбъ соль важивалъ, и внучки его знаютъ. Почти каждый праздникъ даритъ онъ имъ по игрушкѣ. А Маша его крестная дочка.

Идетъ Вакулъ Семенычъ, толстый да красный. Борода большущая, сѣдая. Шуба на немъ богатая, лисья. Совсѣмъ купецъ, только не городской, а деревенскій—хлѣбный торговецъ.

— А! Мавра Парменовна! —говоритъ Вакулъ Семенычъ, обернувшись, увидѣвъ ее и дѣтокъ.—Какъ живете-можете? Къ заутрени? Доброе дѣло, Христово дѣло... Идемте вмѣстѣ... Вмѣстѣ веселѣй, дайте мнѣ, я дочку поведу. Давай ручку, Маша, давай крестному.

— Я съ бабушкой пойду,—говоритъ Лёша.

— Только, чай, рано мы идемъ, домекаю я.

— Раньше придемъ, впередъ пройдемъ,—говоритъ Мавра Парменовна.

— Я всегда впередъ пройду. Хе! хе!хе!—говоритъ Вакулъ Семенычъ.—Мнѣ дадутъ мѣсто... А почему? Потому что чтутъ меня... Почитаютъ... Живу я передъ Господомъ, въ трудѣ хлѣбъ снѣдаю... Наживаю праведно...

— Вакулъ Семенычъ!—кланяется ему Климъ Простецъ.—Праведный человѣкъ!..

— Чего тебѣ, Божій человѣкъ?.. А! это ты, Климушка! Для праздничка-то ты уже тово — согрѣшилъ... Рано, братъ, рано... Нехорошо!.. Некрасиво!

— Вакулъ Семенычъ!.. Для праздника Христова... Праведный человѣкъ, копѣечку!..

— На что тебѣ? Вѣдь, въ кабакъ потащишь.

— На свѣчку для праздника Христова.

И Климъ всхлипнулъ и вдругъ повалился въ ноги Вакулъ Семенычу.

— Встань! встань!—приказывалъ Вакулъ Семенычъ.—Что безобразничаешь, юродствуешь...

— Вакулъ Семенычъ!.. Праведный человѣкъ! Ты вѣдь въ почетѣ, въ богатствѣ... Вѣ какъ!.. Сотвори милостынку... Дай убогому копѣечку, для праздника Христова... на свѣчечку.

— Встань! Тебѣ говорю, — прикрикнулъ грозно Вакулъ Семенычъ.—Не безобразничай!.. Максимъ, — обратился онъ къ прикащику,—дай ему копѣйку, видишь, какой несуразный.

Максимъ побренчалъ пятаками въ карманѣ, нашелъ одной рукой копѣечку и подалъ ее Климу. Тотъ, все еще стоя на колѣняхъ, встряхнулъ ее на рукѣ.

— Только копѣечку!?.. А больше то что-жь?.. И онъ опять встряхнулъ копѣйку на ладони.

— Чего-жъ тебѣ?—спросилъ Вакулъ Семенычъ.—Вѣдь ты ради Христа просилъ, ну и прими Христа ради!

— Прими самъ её Христа ради!.. И онъ бросилъ копѣйку, которая звонко звякнула на обледенѣлой дорогѣ, въ чистомъ, морозномъ воздухѣ.—Подавись ты ей, скавалыжная душа!—И онъ поднялся съ колѣнъ.

— Чего-жъ ты лаешься? — обернулся къ нему Вакулъ Семенычъ.—Пьяные твои глаза!

— Не хочу я брать отъ тебя копѣйки! Не хочу! Мавра Парменовна и дѣтки Божьи, не ходите съ нимъ!.. У-у! Злобственникъ! Послѣдній мѣшокъ муки стащилъ я къ нему по осени. Послѣдній!!.. Онъ, аспидъ, отпустилъ за него шестьдесятъ восемь копѣекъ... На!—говоритъ—Христа ради!.. Пузанъ богопротивный! Черево свое на нашей крови вспоилъ, вскормилъ... Пей нашу кровь, пей! Христоненавистникъ окаянный!

Вакулъ Семенычъ подступилъ къ нему.

— Слушай!—сказалъ онъ громкимъ, грознымъ шепотомъ.—Не безобразничай! Сейчасъ Максима пошлю за урядникомъ, за Иванъ Яковлевичемъ.

— Что же?! Бери меня, на, бери, кровопійца!.. Рази я боюсь твоего Иванъ Яковлича. Боюсь я его что-ль? Чего его мнѣ бояться!.. На! на! бей!.. Рази!

И онъ тресъ себя за охмыстанный воротъ кафтана и тянулъ его къ Вакулъ Семенычу.

Вакулъ Семенычъ быстро отвернулся и зашагалъ по дорогѣ, догоняя бабушку и дѣтокъ.

— Ругатель безобразный!—прошепталъ онъ, теряясь отъ безсильной злобы.

— Вотъ,—сказалъ онъ, догоняя Мавру Парменовну,—изволили видѣть!? Вотъ дѣлай имъ благодѣянія, подавай имъ... А они, безшабашные, тебя же изругаютъ... болваны, идолы!

А между тѣмъ, Климъ Простецъ постоялъ, почесалъ затылокъ, посмотрѣлъ вслѣдъ уходившимъ. Его озлобленіе быстро стихло, какъ оно стихаетъ у дѣтей. Онъ вспомнилъ о брошенной имъ копѣйкѣ и началъ шарить по дорогѣ. Онъ искалъ долго, ругая Вакула Семеныча на всѣ корки. Наконецъ нашелъ, перекрестился и отправился въ церковь.

Между тѣмъ, Вакулъ Семенычъ продолжалъ свою рѣчь.

— Нѣтъ ничего безобразнѣе, Мавра Парменовна, людской дикости, необразованности! Вѣдь для чего копишь деньгу?!... Извѣстно... Для ихъ же пользы... Что же? Развѣ я не богоугодствую?,. На Рождество на школу пожертвовалъ сто рублей... Вотъ и теперь, сейчасъ въ пазухѣ триста „патретовъ“ къ празднику Христову... Отцу протопопу на благолѣпіе храма... Вѣдь кажинный человѣкъ, Мавра Парменовна, полагаю, для этого и проживаетъ въ семъ мірѣ, чтобы скопить капиталъ и затѣмъ изъ сего капитала устроять... Помните притчу объ управителѣ премудромъ?... Такъ самъ Христосъ училъ насъ неразумныхъ... и народъ говоритъ: на Бога уповай, а самъ не плошай!.. Онъ остановился и пристально посмотрѣлъ вдаль.—Кто это впереди-то? Ровно столбъ стоитъ?—вдругъ прибавилъ онъ, вглядываясь вдаль.—Максимъ, кто это?.. У тебя глаза-то помоложе...

— А это, должно быть, Листархъ, сынъ отца протопопа, Листархъ Иванычъ.

— Аристархъ! Аристархъ!—медленно проговорилъ Вакулъ Семенычъ,—вотъ еще тоже безобразникъ!.. Прохода мнѣ не даетъ. Давно бы я, на мѣстѣ отца-протопопа, въ солдаты его спустилъ... Нѣтъ! Какъ можно, одинъ сынъ! А какой онъ сынъ!?. Академію

не кончилъ... Въ дьяконы не идетъ... Хорошее мѣсто отецъ выпросилъ у преосвященнаго,—нѣтъ, слышь, не пойду... Своя воля милѣй... Вотъ теперь существуетъ вродѣ поднадзорнаго.

И всѣ подошли къ Аристарху.

— А,—заговорилъ онъ,—деревенскій Родшильдъ! Наше нижайшее!.. И онъ снялъ шапку и низко поклонился... Я смотрю издали, что это такое: ровно куль муки катится... нѣтъ, человѣкъ!.. Такъ вѣдь и кажется, что внутри ничего нѣтъ кромѣ муки.

— Это у тебя слюноголоваго ничего нѣтъ въ башкѣ то кромѣ непотребства,—огрызнулся Вакулъ Семенычъ.

— Что-же въ храмъ Господень изволите шествовать? Помолиться о грѣхахъ?.. Мое почтеніе, Мавра Парменовна, добродѣющая душа, богоугодная. Здравствуйте, дѣтки божіи, ихъ же есть царство небесное... Научите, просвѣтите, какъ намъ безъ грѣха пребывать.

— Не грѣши, такъ и будешь безъ грѣха!—замѣтилъ Вакулъ Семенычъ.

— Совершенно вѣрно изволили усмотрѣть: есть ноги, такъ и ходи, а нѣтъ, такъ и не ходи. Совершенно просто и преестественно... Вотъ вы, Вакулъ Семенычъ, совершенно честнымъ пребываете, деньгу трудомъ наживаете и никого изъ человѣчества не притѣсняете.

— Правда, правда, истинная правда!—Правильно нажитое богатство отъ Бога идетъ.—Наживу, значитъ, капиталъ соберу, а на капиталъ и школу, и больницу, и богадѣльню и даже церковь сооружу. Все могу! И онъ махнулъ своей жирной пятерней по воздуху. Всякого бѣдняка прiючу и устрою.

— Истинная правда, Вакулъ Семенычъ, вы, такъ сказать, общественный конденсаторъ. Только счастья то человѣческаго не можете искупить,—говоритъ Аристархъ,—вотъ вѣдь въ чемъ штучка.

— А я те скажу, въ чемъ счастье. Въ чемъ счастье?—вскидывается на него вдругъ Вакулъ Семенычъ.—Живи правильно, въ свое удовольствіе,—вотъ счастье, вотъ тебѣ и весь сказъ.

— А кто-жъ мнѣ праведное-то житье укажетъ, скажи ты мнѣ на милость?—спрашиваетъ Аристархъ.

— Кто?—Угодники, Христосъ! Что въ Писаніи сказано?..

— Ну, Христа-то и угодниковъ вы оставьте въ покоѣ, Вакулъ Семенычъ... Это—особь статья!.. А вы вотъ что разсудите теперь, еслибъ не было всей этой чепухи...

— Какой чепухи!

— А той, что мы сами изобрѣли, мы, люди земные. А было бы все просто; не нужно ни Орамузда—ни Аримана, ни блага—ни зла, ни одесную—ни ошую, ничего не нужно. Вы понимаете?

Такъ вѣдь дѣло то было бы просто, совсѣмъ просто, естественно. И жили бы мы, какъ слѣдуетъ по простотѣ, какъ приличествуетъ намъ, земнымъ существамъ... А то земля то насъ тянетъ къ землѣ... А мы фантазируемъ...

Вакулъ Семенычъ остановился и всѣ остановились.

— Да, какъ же это?—спросилъ онъ.—Я тебя что-то не разумѣю...

— Вотъ то-то и есть, что просто то и понять мудрено. Вы разсудите одно...

Но въ это самое время вышелъ изъ переулка и началъ спускаться къ озеру Митрій Алексѣичъ.

— А, Митя, откуда ты?—обрадовалась Мавра Парменовна.

— Я по дѣлу одному-съ,—сказалъ онъ, снявъ шапку, и поздоровался со всѣми.

— Я съ тятей, я съ тятей пойду, — говоритъ Леша. Вырываетъ руку и протягиваетъ ее Дмитрію Алексѣечу.

— Нѣтъ, нѣтъ,—проговорилъ тихо Дмитрій Алексѣичъ,—иди одинъ: мнѣ неколи, неколи.

И вся компанія идетъ молча нѣсколько шаговъ.

— Вотъ-съ, Митрій Лексѣичъ,—говоритъ Аристархъ,—вы какъ на это изволите смотрѣть относительно правильной жизни. Слѣдуетъ ли сберегать богатства праведныя, дабы своимъ талаломъ нажить и затѣмъ принести Богу все, что накоплено.

Но на это ничего не отвѣтилъ Митрій Алексѣичъ.

Онъ молча шелъ, опустивъ голову, и, какъ будто, покачивался.

— Митрій Алексѣичъ, а, Митрій Алексѣичъ,—приставалъ Аристархъ,—какъ вы разсудите? Вѣдь „въ сей юдоли злобы и печали“ много бѣдствій претерпѣваетъ человѣкъ; коль бы ихъ не было, такъ не было бы и „міровой скорби“... Такъ вотъ-съ, чтобы его извлечь изъ горнила страданій, слѣдуетъ каждому запасаться, трудиться, добывать, пріумножать, чтобы были всѣ довольны, всѣ, а лѣнтяевъ и пьяницъ отстранять. Вонъ, какъ осенью пчелы отстраняютъ трутней отъ меду... И, вообще, всѣмъ слѣдуетъ наиболѣе пещись о земномъ, и о небесномъ не думать и не гадать...

Дмитрій Алексѣичъ вдругъ остановился и всѣ остановились.

Онъ снялъ шапку и потеръ себѣ лобъ.

— Что съ тобой, Митя?—спросила Мавра Парменовна.

Митя шатался, дрожалъ и вдругъ заговорилъ какимъ то глухимъ, задавленнымъ голосомъ.

— Люди божьи!.. Братья о Христѣ!.. Вразумите... укажите, что со мной дѣлается, приключается... Молюсь! крещусь! отмолить не могу... Матушка родимая!—вскричалъ онъ и вдругъ упалъ въ ноги Маврѣ Парменовнѣ.

Маша тихо вскрикнула и, захныкавъ, ухватилась за шубу бабушки.

- Матушка!—просилъ Дмитрій Алексѣичъ.—Пусти ты меня... уйду я! Уйду!!.. Нѣтъ мнѣ здѣсь спокою, зоветъ душа моя... Уйду въ пустыню Божью, вымолю спокой душѣ... Шелъ я, грѣшный, къ заутрени... увели меня далеко, далеко мысли мои... Иду я теперь съ вами и думаю, что же я, молъ, въ храмъ Божій пойду?!.. Христосъ воскресе!.. Знаю, вѣрю, да нѣтъ мнѣ спокою, много-грѣшному!

— А вы вотъ помолитесь,—прервалъ его Аристархъ,—авось люди Божьи будутъ меньше страдать, и вамъ самимъ будетъ легче... Вѣдь „все отъ Бога!“ Не такъ ли, Мавра Парменовна?

Дмитрій Алексѣичъ вдругъ поднялся съ колѣнъ.

— Слушай! Слушай!—бросился онъ къ Аристарху.—Братъ ли ты мнѣ или не братъ... Слушай! Нѣтъ счастья человѣку не пострадавшему, нѣтъ... Іовъ страдалъ... Христосъ страдалъ... Страдали святые великомученики... Въ страданьи душа человѣчья вскипаетъ, въ слезахъ омывается... Къ небу, къ Господу поднимаютъ её страданія... Его святой столпъ искупленія поднимается изъ горнила скорби, и все благое воскресаетъ къ вѣчной жизни, любви и благости.

И въ это самое мгновеніе торжественный, радостный звонъ гулко, властительно ударилъ въ ночномъ воздухѣ... И все, казалось, встрепенулось, ожило, загудѣло, заговорило.

И всѣ, и даже Аристархъ, пережрестились и, забывъ все, бойко, торопливо двинулись туда, куда звалъ ихъ этотъ великій, ликующій, побѣдный звонъ: Христосъ воскресе!.. Христосъ воскресе!

Котъ Мурлыка.

4-го Апр. 1889 г.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Пѣсня о червонцахъ.

Ахъ, червонцы золотые,
Гдѣ вы спрятаны, родные?

Иль у золотыхъ вы рыбокъ,
Что шаля въ ручьѣ гуляютъ,
То на дно—то вверхъ всплываютъ?
Иль у золотыхъ цвѣточковъ
Тѣхъ, что утренней порою
Блещутъ по лугу росою?

Иль у птичекъ златокрылыхъ,
Что летаютъ въ небѣ стаей,
Въ синемъ воздухѣ блистая?
Иль у звѣздочекъ небесныхъ,
Что своей златой красою
Блещутъ намъ ночной порою?

Ахъ, червонцы золотые!
Не въ волнахъ ручья прозрачныхъ.
Не въ росѣ луговъ вы злачныхъ—
И въ небесныхъ высотахъ
Васъ напрасно ищутъ взоры:
Держутъ васъ въ своихъ рукахъ
Кредиторы, кредиторы!

Лаская меня и лобзая,
Въ минуту, когда я любимъ,
Обвей, задуши, обнимая
Всемъ тѣломъ роскошнымъ твоимъ.

И съ силою всею младою
Былъ обнятъ, обвитъ, задушенъ
Прелестнѣйшей въ мірѣ змѣею
Счастливѣйшій Лаокоонъ.

Чуть не каждый день вижу во снѣ я тебя,
Ты встрѣчаешь меня улыбаясь,
И съ рыданіемъ громкимъ къ ногамъ твоимъ я
Со слезами, другъ милый, бросаюсь.

И съ улыбкою горькой глядишь ты, своей
Бѣлокурой головкой качая,
И жемчужныя слезы изъ милыхъ очей
Чуть замѣтно бѣгутъ, упадая.

И какое то слово ты шепчешь тайкомъ,
Кипарисную вѣтвь подавая...
Просыпаюсь — и вѣтвь исчезаетъ со сномъ,
А то слово—не помню, не знаю.

Пер. **П. Трунинъ.**

ДВА ВЕЧЕРА.

— Не понимаю, чего мы дома сидимъ въ такую ночь? Пойдемте гулять, Боринька!

Боринька недовольно сморщился, услыхавъ свое имя, которымъ звали его, когда онъ еще былъ ребенкомъ, и сердито посмотрѣлъ на Катерину Степановну...

Въ тѣ времена, почти тридцать лѣтъ назадъ, я не прощалъ фамиліарности по отношенію къ моей особѣ и даже въ полуимени могъ усмотрѣть обиду и неуваженіе къ моему придвигающемуся совершеннолѣтію, положимъ—церковному, но все же совершеннолѣтію. Тогда я былъ очень солиденъ, ходилъ степенно, говорилъ преимущественно о серьезныхъ матеріяхъ и то не иначе, какъ самымъ низкимъ басомъ, и вообще требовалъ болѣе почтительнаго отношенія ко мнѣ не только отъ простыхъ знакомыхъ, но и отъ своихъ близкихъ родныхъ. Еще бы! Черезъ какіе нибудь нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ должно было стукнуть восемнадцать лѣтъ, и я уже чувствовалъ себя настоящимъ мужчиной. Разумѣется, мнѣ не могло понравиться, когда ко мнѣ обращались, какъ къ мальчику, какъ тогда, когда я еще бѣгалъ въ кумачевой рубашкѣ и поярковой щляпѣ съ павлиньими перьями. Тѣмъ болѣе это мнѣ было непріятно слышать отъ Катерины Степановны, что ей и самой въ ту пору едва ли было болѣе шестнадцати лѣтъ; къ тому же мы недавно лишь познакомились, и это былъ всего второй вечеръ, который я проводилъ у нихъ въ домѣ. Я внутренно негодовалъ и не столько, конечно, за названіе меня Боринькой, сколько, вообще, на ту безцеремонность обращенія, которую проявляла съ самаго начала нашего знакомства такая юная барышня, хохотавшая и надъ моей солидностью, и надъ сиплымъ баскомъ, которымъ я говорилъ. Я сознавалъ, что подобное обращеніе съ настоящимъ мужчиной со стороны дѣвушки по меньшей мѣрѣ не хорошо и ужасно его дискредитируетъ. Поэтому злился, придумывалъ язви-

тельныя фразы, но ничего не могъ выдумать и только покашливалъ внушительно и громко, стараясь хоть этимъ поддерживать мое развѣнчиваемое достоинство мужчины.

— Вы слышали, Боринька? Или вы оглохли сегодня?—крикнула мнѣ Катерина Степановна и такъ дернула мою руку, что я чуть не скатился съ ступенекъ терассы, гдѣ мы съ ней сидѣли.

Я едва удержался на мѣстѣ, а когда услыхалъ здѣсь за спиной ея звонкій хохотъ, который каждой нотой, какъ иглами, вонзался въ меня, раздражая мое самолюбіе, и безъ того достаточно уязвленное всѣмъ обращеніемъ Катерины Степановны, то совершенно вышелъ изъ себя. Кровь бросилась мнѣ въ голову, кулаки сжались, и я дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но стараясь казаться спокойнымъ, отчеканилъ:

— Катерина Степановна, такъ какъ я не имѣю чести считать себя въ числѣ тѣхъ близкихъ вамъ людей, которыхъ... которыхъ вы называете ласкательными именами, и вообще...

— Что? что?—закричала она, еще пуще хохоча своимъ смѣхомъ, казавшимся мнѣ въ эту минуту просто отвратительнымъ.— Какъ вы это? Какъ?.. „Катерина Степановна! Такъ какъ я не имѣю чести“...

И она, ставши въ позу, съ искрящимися глазами, подражая моему басу, повторила только что произнесенныя негодующія слова, и опять залилась, но уже такъ громко, что ея смѣхъ полетѣлъ и въ открытую дверь комнатъ, и въ садъ, и тамъ отдался тоненькими переливами въ тихихъ аллеяхъ.

Это было ужъ слишкомъ. Я даже не разсердился, а прямо-таки былъ пораженъ, уничтоженъ, доведенъ чуть ли не до слезъ, и въ то же время мнѣ было неловко, стыдно чего то, въ особенности, когда тотчасъ же послышался голосъ самой Воропаевой, кричавшей намъ изъ-за карточнаго стола, гдѣ она играла въ пикетъ:

— Катя, что такое у васъ? Надъ чѣмъ такой смѣхъ?

— Ничего, мама, ничего... Это Боринька... Борисъ Николаичъ...

— Что такое? Это интересно, c'est bien intéressant,—пропѣла Анна Васильевна Воропаева, выплывая черезъ минуту изъ комнатъ въ сопровожденіи своего неизмѣннаго партнера, отставнаго полковника Стружкина.—Мосьё Борисъ, вѣроятно, разсказываетъ очень смѣшное? Разскажите же намъ, мосьё Борисъ...

— Да-съ, повѣдайте намъ, молодой человѣкъ,—прибавилъ полковникъ такимъ басомъ, передъ которымъ моя юношеская октава могла оказаться нѣжнѣе голоса ангеловъ.

Господи, какъ я ненавидѣлъ въ это мгновеніе маленькаго полковника, вытиравшаго клѣтчатымъ платкомъ свой сизый носъ и уставившагося на меня оловянными круглыми глазами! И его, и

эту толстую Воропаеву съ ея постояннымъ пѣніемъ и французскими словами... Я окончательно растерялся, покраснѣлъ до волосъ, у меня отъ стыда даже руки сдѣлались влажными и я умоляюще взглянулъ на Катерину Степановну.

— Нечего разсказывать, — неожиданно выручила она меня и крикнула:—мама, мы гулять!

— Куда? — всполошилась Анна Васильевна. — Поздно ужъ, Катя...

— Совсѣмъ не поздно. Такой чудный вечеръ... Мы съ Борисъ Николаичемъ... Идемте, Боринька!

— Постой, постой. Вѣдь, надо хоть тальму...

— Ахъ, мама, ты вѣчно съ предосторожностями!

Но мадамъ Воропаева настояла все-таки на своемъ. Она послала полковника за тальмой и даже мнѣ предложила что нибудь накинуть на плечи изъ оставшагося послѣ покойнаго Степана Андреевича платья.

— Но, мама, куда же оно ему годится?—протестовала за меня дочь.—Вѣдь, папа былъ вдвое выше его.

Съ своей стороны, я тоже, конечно, поспѣшилъ отказаться, заявивъ, что не привыкъ къ нѣжностямъ такого сорта, да и вообще не понимаю простуды, въ особенности въ подобные вечера.

— Вечеръ прекрасный, — подтвердилъ и полковникъ, вышедшій на терассу съ шелковой накидкой и еще какимъ то платкомъ. — Вотъ-съ, молодой человѣкъ, будьте кавалеромъ, — нагрузилъ онъ меня тѣмъ и другимъ.

Я принялъ вещи и, такъ какъ всѣ настоящіе мужчины всегда что-нибудь носятъ за своими дамами, не безъ нѣкотораго горделиваго чувства двинулся за Катериной Степановной, небрежно волоча на одной рукѣ ея тальму. Послѣднее мнѣ казалось очень красивымъ и даже мирило съ сознаніемъ компрометирующаго положенія, въ которомъ я только что находился; правда, мирясь лишь до извѣстной степени, потому что я все еще дулся, хотя наружно и не показывалъ этого. Я шелъ за Катериной Степановной развалистой походкой, насвистывая какой-то мотивъ, равнодушно глядя по сторонамъ, гдѣ все было залито яркимъ сіяніемъ весенней луны.

— Пріятнаго гулянья, ого-го-го! — вдругъ раздался за нами громовый раскатъ, заставившій насъ вздрогнуть и оглянуться. На темномъ фонѣ терассы вырѣзалась коротенькая фигурка полковника въ бѣломъ разстегнутомъ кителѣ и пропала скорѣе, нежели замеръ послѣдній отзвукъ его трубнаго баса. Мы уже вошли въ аллеи Воропаевскаго сада, и домъ и терасса скрылись изъ глазъ.

Подъ деревьями было тихо, ароматно и душно. Садъ не спалъ

еще въ эту счастливую майскую ночь. Онъ что то шепталъ, нѣжно и ласково, точно боялся нарушить очарованіе тишины и задумчиваго сіянія. Свѣтлая сѣтка двигалась по его дорожкамъ, вздрагивала на бѣлыхъ стволахъ березы, серебрила верхушки темныхъ кустарниковъ, стоявшихъ недвижно, и тоже словно боявшихся даже малѣйшимъ движеніемъ листьевъ спугнуть эту робкую сѣтку изъ серебра... Пахло свѣжей землей, молодой зеленью, сладкимъ ароматомъ цвѣтущей сирени... Соловей оборвалъ свою громкую трель и самъ, вѣроятно, заслушался вдохновенною тишью волшебно-прекраснаго вечера... Надъ нами плылъ полный мѣсяцъ, и чѣмъ-то бездоннымъ, безмѣрнымъ казалось необъятное небо, все просвѣтленное и счастливое въ эти торжественные часы...

— Слушайте, Боринька... Ахъ, да не дуйтесь, пожалуйста, что за тоска!... Слушайте: отчего соловей пересталъ?—обернулась ко мнѣ моя спутница.

На этотъ разъ Катерина Степановна была не права: дуться я уже пересталъ и на лицѣ у меня появилось глупо-счастливое выраженіе,—я его даже чувствовалъ,—совсѣмъ не шедшее къ тому равнодушію, которое я старался выказывать къ окружающей красотѣ.

Не знаю, что я хотѣлъ ей отвѣтить, но не успѣлъ даже рта раскрыть, какъ соловьиная трель прокатилась надъ садомъ. Дерзкая пѣсня сразу нарушила очарованное затишье, наполнила всѣ уголки, каждый кустикъ, коснулась росистой травы и полетѣла наверхъ, къ свѣтлому небу, навстрѣчу торжествующему потоку блеска и красоты, который рвался оттуда на землю. И чудное дѣло: эта пѣсня отдалась и во мнѣ самомъ, словно во мнѣ она загремѣла. Я вдругъ повеселѣлъ, точно ждалъ этихъ звуковъ, чтобы стряхнуть съ себя все, что еще за минуту сидѣло во мнѣ, прибитое какъ гвоздемъ. Я будто переродился: куда испарилась моя степенность, куда пропалъ и солидный басокъ въ тотъ моментъ?

— Катерина Степановна, знаете что?—крикнулъ я.

— Что?—оглянулась она.

— Хорошо, чудно здѣсь, но на рѣкѣ теперь еще лучше! Ѣдемъ на лодкѣ.

— Милый! Боринька! Да вѣдь это же прелесть, пре-е-лесть!—радостно отозвалась Катерина Степановна, схватила меня подъ-руку и мы бѣгомъ побѣжали внизъ по аллеѣ, къ оградѣ, откуда можно можно было перелѣзть на дорожку и спуститься къ рѣкѣ.

Мы бѣжали, а насъ догоняла соловьиная пѣсня, намъ кивали вѣтки кустарниковъ, свѣтилъ мѣсяцъ, благоухала сирень. И все это было наше: свѣтило, пахло и пѣло, казалось, только для насъ!..

Что случилось со мною? Знаю лишь, что во мнѣ прорвалась

преграда—какъ въ циркахъ прорываются колеса, чрезъ которыя прыгаютъ наѣздницы—и, вѣроятно, не толще она была этого обруча изъ папиросной бумаги, если прорвалась такъ легко. Я не зналъ уже удержу. Все, что зовется юностью, ребячествомъ, въ мигъ поднялось во мнѣ и закружило, завертѣло меня.

Мы два раза упали, пока выбѣжали на дорогу изъ сада. Здѣсь уже не мѣшали деревья и ничто не заслоняло простора. Передъ нами былъ берегъ, невысокій, прорѣзанный оврагами, куда со всѣхъ сторонъ, какъ ручьи, бѣжали узенькія, точно тесемочки, тропинки, бѣлѣвшія подъ мѣсячнымъ свѣтомъ. Надъ землей поднимался легкій туманъ, отъ рѣки вѣяло холодкомъ, доносилось снизу, изъ камышей, лягушечье кваканье. На другомъ берегу темнѣла Глуховская слободка, вся потонувшая въ фруктовыхъ садахъ. Нѣсколько переднихъ домовъ ея были ярко освѣщены луной, кой-гдѣ мелькали красныя звѣздочки огоньковъ, да длинный позолоченный шпицъ Рождественской колокольни искрился и горѣлъ въ тихомъ воздухѣ...

— Лодку!—крикнулъ я, еще не добѣжавъ до плота, гдѣ обыкновенно стояли лодки и полоскалось бѣлье.—Лодку, Антонъ, и живѣе!

Отвѣта однако не получилось. Лодочникъ спалъ или его не было вовсе.

— Анто-онъ!—повторилъ я, что было голосу, приложивъ обѣ ладони къ губамъ для усиленія звука.

Крикъ полетѣлъ черезъ рѣку, окунулся въ водѣ и, словно вынурнувъ изъ нея, замеръ на томъ берегу, въ слободкѣ. Возмущенныя лягушки съ испугомъ скакнули въ воду, въ камышахъ что то зашуршало и опять все затихло, погрузилось въ безмолвіе... Это былъ непріятный сюрпризъ, котораго оба мы не ожидали совсѣмъ.

— Что-жъ теперь дѣлать?—сокрушенно проговорила Катерина Степановна.

— Да онъ, можетъ, спитъ,—усомнился я насчетъ лодочника и опять, но уже скорѣе для очищенія совѣсти, крикнулъ:—Анто-онъ!

Новое молчаніе встрѣтило мой призывъ, и столь жадно желанный лодочникъ не отзывался попрежнему. Куда онъ пропалъ? Не могло случиться, чтобы Антонъ ушелъ уже спать, потому что у плота не стояло ни одной лодки. Онѣ, значитъ, были разобраны, въ нихъ катались счастливые люди. А намъ приходилось стоять у рѣки, видѣть, какъ она плескалась у самыхъ ногъ, представлять себѣ то удовольствіе, которое она могла намъ доставить... Мы совсѣмъ пріуныли.

— Пойдемте домой,—печально рѣшила Катерина Степановна,

не дѣлая сама однако ни шагу.—Вѣдь этакій, право, этотъ Антонъ вашъ... Анто-онъ!.. звонко закричала она и расхохоталась чему-то.

Была ли она счастливѣе меня, или женскій голосъ дальше летитъ, нежели нашъ, только, когда потухла въ воздухѣ послѣдняя его нота, откуда то издалека донеслось къ намъ отвѣтное: „здѣ-ѣсь!„ Съ того берега, отъ слободки отчалила лодка и плавно двигалась черезъ рѣку, изчезая ненадолго въ тѣни и снова вырѣзываясь на свѣтлой поверхности, куда падало лунное серебро... Теперь уже безъ труда можно было разглядѣть лодочника Антона.

— Скорѣе,—не удержался я.

— Чаво? — не разслышалъ онъ, поворачивая лодку къ плоту.

— Ахъ, да скорѣе же!..

— Куда ты запропастился? — въ одинъ голосъ встрѣтили мы старика, едва ботикъ толкнулся о плотъ.

— Ничаво не запропастился, а старосту Василь Федотыча отвозилъ, — отвѣчалъ Антонъ и спросилъ:—вамъ, то-есть, что же требуется?

— Лодку давай.

— Невозможно! Лодки таперича ни одной нѣту, потому всѣ разобраны.

— Какъ такъ разобраны, а эта?

— Эту никакъ невозможно, потому дежурная... Невозможно.

— Да кому теперь ѣхать въ Глуховскую?—взмолился я, на всѣ лады убѣждая старика дать намъ лодку.

— Законъ,—подтвердилъ отставной солдатъ.

И на этотъ разъ Катерина Степановна болѣе успѣла, нежели я. Антонъ ей уступилъ, только пояснилъ при этомъ:

— Оно, можетъ, и дѣйствительно никто не придетъ, а все же—законъ! Потому мы должны соблюдать...

Лодка, мягко покачиваясь, отошла отъ плота и двинулась по рѣкѣ. Буравка,—какъ звалась наша рѣчка за ея грязный цвѣтъ, вѣроятно,—молчаливо плескалась за бортомъ. Мѣстами она казалась матово-черной, густой и непроницаемой, какъ чернила. А тамъ, гдѣ отражался въ ней лунный свѣтъ, она ярко сверкала, переливаясь мелкими искорками или блестящими ниточками. Круглый мѣсяцъ глядѣлся въ воду и, точно большой свѣтящійся шаръ, лежалъ на ея поверхности, лѣниво колыхаемый зыбью... Правый берегъ выросталъ невысокой стѣной, которая иногда обрывалась, и оттуда смутно сѣрѣли неглубокія впадины глинистыхъ балокъ. Лѣвый, песчаный — ушелъ въ низину, весь освѣщенный луной, будто бѣлая чистая скатерть разостлана была по землѣ, а на немъ Глуховская слободка мирно покоилась среди темныхъ са-

довъ, славныхъ своими черными сливами... Въ ней уже кончился длинный трудовой день, вмѣстѣ съ нимъ кончилась и слободская жизнь, и теперь только лѣнивое тявканье какой-то безсонной собаки, время отъ времени, нарушало общій покой...

— Поѣдемте къ Ѳедькиной рощѣ,—предлагалъ я, спустя немного, Катеринѣ Степановнѣ, стараясь избѣгать густыхъ камышей. Туда то и дѣло сворачивала лодка по винѣ моей спутницы, управлявшей рулемъ.

— Далеко это, Боринька. Впрочемъ...

— Правѣе, правѣе! Мы опять на траву...

— Да, Господи! Я, кажется, и безъ того все направо.

— Катерина Степановна!—возмутился я, и мгновенно вокругъ насъ раздалось зловѣщее шуршанье, все на минуту потемнѣло, и лодка врѣзалась въ береговой илъ.

Мы остановились.

— Это все вы!—негодовалъ я на Катерину Степановну, тщетно стараясь оттолкнуться.

— Нѣтъ вы,—доказывала она.—Вы же говорили направо...

— Да развѣ я вижу? Вѣдь, мнѣ не видать, я думаю, сзади... Теперь вотъ извольте, хоть вылѣзай!..

Вылѣзть и пришлось. Я почти по колѣна увязъ въ жидкой грязи, перепугалъ всѣхъ лягушекъ и только съ большими усиліями столкнулъ глубоко засѣвшую лодку. Катерина Степановна хохотала, къ моему великому неудовольствію, точно не она и виновата была!..

— Борисъ Николаичъ!

— Что?

Пригоршня воды брызнула мнѣ въ лицо, разлетѣвшись блестящими каплями, точно мелкими искорками. За нею послѣдовала другая, еще и еще... Я не оставался въ долгу. Пошла перестрѣлка. Лодка качалась въ разныя стороны, почти черпая боками воду и все ближе двигаясь къ камышамъ, въ которыхъ мы чуть не застряли четверть часа назадъ. Но мы уже не обращали на это вниманія.

— Стойте! Погодите! Это нечестно,—кричала Катерина Степановна, закрывая лицо.—Вѣдь, я же руками.

Я дѣйствительно уже очень увлекся: снялъ свой картузъ, зачерпнулъ воду и всю окатилъ бѣдную дѣвушку.

— Ну, что это? Вся теперь мокрая... Вотъ, погодите, вамъ мама задастъ...

Боже, какъ жарко было въ эти минуты! Просто, хоть въ рѣку бросайся... Но какъ хорошо, весело было, каждый фибръ, каждая жилка трепетали радостнымъ смѣхомъ, необъяснимой силой, ко-

торая такъ и рвалась наружу, такъ и подбрасывала всего, что, казалось, не усидѣлъ бы на мѣстѣ... И кругомъ все точно проникнуто было этимъ радостнымъ трепетаніемъ, сіяющей мощью. Все—и земля, и воздухъ, и это свѣтлое необъятное небо... И оно будто просвѣтлѣло еще торжественнѣе, стало еще необъятнѣе... Кроткое сіяніе струилось на землю, проникало въ душу и ее наполняло какой-то непередаваемой кротостью...

Мы невольно затихли и уже нѣсколько минутъ сидѣли молча, вѣроятно, одинаково тронутые прелестью ночи. Какъ-то не говорилось: отъ этого ли, или слишкомъ ужъ много мы надурачились въ короткое время. Лодка чуть двигалась по рѣкѣ, я едва прикасался къ весламъ, и то скорѣе машинально. Не хотѣлось двинуться, вымолвить слова, чтобъ не нарушить затишья природы. Въ себя хотѣлось уйти, погрузиться въ душу свою, гдѣ также была тишина, столько же доброты, свѣта и блеска, какъ и тамъ, наверху, надъ нашими головами...

На колокольнѣ Успенскаго дѣвичьяго монастыря начали бить часы. Первый ударъ прозвучалъ дрожащею, робкой волной. За нимъ другой—третій... Сколько пробило, я не считалъ. Но точно что-то святое, благоговѣйное пронеслось въ воздухѣ и—такъ и осталось.

— Ахъ, Боринька, мнѣ грустно, мнѣ плакать хочется, — внезапно услыхалъ я голосъ Катерины Степановны, и мнѣ показалось, что она собиралась заплакать.—Отчего это, Боринька?

Я посмотрѣлъ на ея поблѣднѣвшее личико, гдѣ уже не было прежняго оживленія и веселости. Ея глаза были печальны и глубоки, даже влажны, или это не обсохли еще капли воды, которою мы брызгали другъ на друга недавно. Волоса растрепались, одна прядка полузакрыла лобъ. Она сидѣла, откинувшись, обхвативъ рукою верхушку руля, и на нее прямо падалъ свѣтъ мѣсяца.

— Грустно?—переспросилъ я, не зная, что ей отвѣтить. И самъ чувствовалъ, что и мнѣ грустно, но грусть эта была какая-то особая: сладкая, грѣющая и нѣжная, которую я не промѣнялъ бы въ это мгновеніе ни на какую веселость.

— Знаете, не то чтобы грустно, а будто... Ну, я не знаю, какъ это?.. Ну, вотъ точно жаль мнѣ чего-то.... или.... Ахъ, вѣдь вы же понимаете, Боринька!..

Конечно, я это понималъ. Да и чего я не понималъ въ эти минуты!.. Все казалось мнѣ такимъ яснымъ, понятнымъ, простымъ, и все было такъ хорошо, радостно, счастливо и свѣтло. Даже грусть, даже жалость, про которыя говорила Катерина Степановна...

Лодка все подвигалась. Буравка лѣниво струилась за нею. Мѣсяцъ попрежнему колыхался въ водѣ свѣтящимся большимъ шаромъ. Съ берега иногда вдругъ доносилась къ намъ сыроватая

струйка и мягко, пріятно обдувала лицо, точно лаская... А я что то говорилъ, говорилъ серьезно, самъ проникаясь своими словами, вздрагивая и холодѣя подъ наплывомъ какого-то чувства, которое трепетало во мнѣ и все разросталось.

Въ то же время мнѣ было ужасно пріятно видѣть передъ собой мою слушательницу и сознавать, что это я, своими словами, тѣмъ, что сейчасъ говорю, заставилъ блестѣть ея большіе глаза, смотрѣвшіе теперь на меня внимательно и печально. Да, это сдѣлалъ я, и мнѣ становилось все веселѣе... А то, что трепетало и поднималось во мнѣ, выросло уже во что-то большое, рвавшееся наружу. Я былъ счастливъ и даже... гордъ!

— Борисъ Николаичъ,—точно очнувшись, прервала меня Катерина Степановна.

Мнѣ показалось, что она не поняла какихъ-нибудь моихъ разсужденій, и я быстро подумалъ: какихъ бы это такихъ?

— Борисъ Николаичъ, — повторила она.—Вы вотъ давеча говорили, что дружны съ Баршевымъ. Онъ хорошій?

Право, еслибы въ эту минуту перевернулась лодка, я бы изумился не болѣе. Значитъ, вовсе не слова мои были непонятны, а просто она думала о другомъ и никакихъ моихъ разсужденій не слыхала. Я мгновенно обидѣлся и недовольно спросилъ:

— То-есть, какъ это хорошій? Какъ понимать?

— Ну, то-есть честный онъ, добрый и вообще... хорошій?

Баршевъ былъ губернаторскій чиновникъ „для порученій", лѣтъ на семь старше меня. Онъ считался у насъ первымъ франтомъ, и въ него были влюблены всѣ губернскія барышни. Это мнѣ сію же секунду и пришло въ голову и какъ то непріятно и больно кольнуло. Во мнѣ шевельнулась ревность, заговорило оскорбленное самолюбіе проповѣдника, котораго не только не слушали, но и не хотѣли слушать...

— Честность, Катерина Степановна,—понятіе, собственно, слишкомъ неопредѣленное. А что касается доброты... Вѣдь, и ваша старая Агафья тоже добрая, однако ваша же матушка...

— Что вы хотите этимъ сказать? — серьезно и даже будто съ угрозой спросила дѣвушка.

Я немного замялся, пробуя увернуться.

— Да чтожъ добрый? Ну, положимъ, и добрый...

— Ну?—сказала она тѣмъ же тономъ.

Въ это мгновеніе впереди насъ, за изгибомъ рѣки, которые постоянно дѣлала капризная Буравка, послышалось что то, напоминавшее пѣніе нѣсколькихъ голосовъ. Мы оба сразу примолкли. Я даже весла оставилъ, и они безпомощно погрузились въ воду, которая булькала и плескалась вокругъ нашей лодки. Я

сталъ прислушиваться. За уступомъ берега кто то былъ, вѣроятно—цѣлая компанія катающихся людей. Они что то пѣли, но словъ разобрать было невозможно. Доносился только самый мотивъ какой то знакомой пѣсни. Пѣніе было стройное, чувствовались молодые голоса, мужскіе и женскіе, окрыленные собственною молодостью и обаятельной красотой свѣтлаго вечера...

— Что же мы стали?—спросила Катерина Степановна.

Я сильно взмахнулъ веслами и лодка точно рванулась впередъ.

— Кто-бъ это былъ?.. Должно быть, ихъ много,—проговорила дѣвушка, натягивая веревку руля.

Вмѣсто отвѣта, изъ-за поворота, навстрѣчу намъ, выдвинулась лодка, переполненная людьми. За нею другая и третья. Черезъ минуту мы уже поровнялись съ ними и въ тотъ же моментъ узнали другъ-друга. Пѣсня оборвалась.

— Катерина Степановна! Борисъ Николаичъ! Боринька!—закричали намъ веселые голоса.

Въ лодкахъ сидѣли все наши знакомые. И Любочка Бѣлоярцева, и Ольга Семеновна, и Баршевъ, и Константинъ Иванычъ... Всѣ, рѣшительно всѣ были намъ знакомы... Такъ вотъ кто чуть не лишилъ насъ катанья, кто занялъ всѣ лодки у стараго лодочника Антона!

— Катерина Степановна, садитесь къ намъ!—различилъ я голосъ моего товарища, Баршева, и самого его увидалъ у руля второй лодки.

Она тотчасъ же сдѣлала было движеніе, словно хотѣла выскочить изъ лодки, но взглянула на меня и потупилась.

— Вы видите, я не одна, Баршевъ!—крикнула она въ отвѣтъ и снова кинула на меня стыдливый и недовольный взглядъ.

— Тогда ѣдемте вмѣстѣ. Боря, повертывай лодку!

Я повернулъ за ними, и мы скоро выровнялись въ одну линію. — Оборвавшаяся такъ неожиданно пѣсня вспыхивала опять понемногу, робко, сначала отдѣльными голосами,—и вдругъ грянула смѣлой, сильной волной, далеко прокатившись вдоль по рѣкѣ...

На Катерину Степановну я смотрѣлъ лишь украдкой и видѣлъ, что глаза ея такъ и сіяли счастьемъ и какимъ то блаженнымъ свѣтомъ. Въ ней произошла перемѣна, и я чутьемъ угадывалъ и эту перемѣну и отчего она въ ней произошла. И мнѣ стало немножко больно и обидно чего-то, но такъ, слегка, мимолетно, какъ отъ щекотанья докучливой мухи, когда она коснется лица... Чувствовалъ я, что Катерина Степановна была очень довольна въ эти минуты. Впрочемъ, и я былъ доволенъ...

— Борисъ Николаичъ, да пойте же! Вѣдь, это чудная пѣсня!—

бросила она мнѣ наскоро, стараясь поспѣть за остальными пѣвцами.

И я своимъ сиплымъ баскомъ тоже запѣлъ эту чудную пѣсню,— въ то время, когда другая уже давно звучала во мнѣ, и еще громче, счастливѣе, радостнѣе, нежели въ этомъ посеребренномъ луною затишьѣ.

И вотъ, спустя почти тридцать лѣтъ, я опять въ родномъ городкѣ, на берегу маленькой, капризной рѣчушки. Домъ Воропаевыхъ перешелъ въ другія руки, и сама Анна Васильевна давно уже умерла. За нею послѣдовалъ ея неизмѣнный партнеръ. Гдѣ теперь ея дочь, Катерина Степановна, я не знаю...

Я побывалъ въ знакомомъ саду, прошелся по берегу Буравки, даже ѣздилъ на лодкѣ. Былъ майскій вечеръ, такой же тихій и свѣтлый, какъ и тогда, и такъ же задумчивъ былъ старый садъ, такъ же пѣлъ соловей въ его темныхъ кустахъ, и нѣжно благоухала цвѣтущая сирень. На рѣкѣ меня перегнала лодка. Въ ней сидѣла толпа молодежи, кричавшей, смѣявшейся, пѣвшей... Все было то же, какъ и тогда.

Но напрасно я прислушивался къ соловьиной трели, напрасно заглядывалъ въ свою душу, ища въ ней отзыва весенней пѣсни и этимъ молодымъ голосамъ, которые громко и смѣло неслись впереди меня по рѣкѣ. Въ моей душѣ лишь поднималась усталость и горечь, ѣдкое одинокое чувство, ненужность, тоска... И когда я услыхалъ съ колокольни Успенскаго дѣвичьяго монастыря удары часовъ,—они прозвучали похоронным звономъ моей прожитой молодости и молодости тѣхъ, кто пѣлъ, смѣялся и радовался тогда, въ тотъ свѣтлый вечеръ счастливаго мая...

Сергѣй Филипповъ.

СВ. ЕЛИСАВЕТА,

Ландграфиня Тюрингенская.

Въ дни народныхъ бѣдствій взоры невольно обращаются къ прошлому, къ памяти тѣхъ, кто, при подобныхъ условіяхъ, умѣли быть благодѣтелями и утѣхою страждущихъ. Среди страданій и бѣдствій сильнѣе пробуждаются благородные задатки человѣческой природы, и на этой почвѣ роскошнѣе развиваются тѣ избранныя натуры, которыя служатъ образцами не только современникамъ, но и позднѣйшимъ поколѣніямъ, благодаря которымъ исторія человѣчества становится великою школою человѣколюбія. Такимъ „свѣточемъ, пылающимъ любовью и сіяющимъ другимъ въ образецъ", была, говоря словами ея латинскаго житія, святая Елисавета, ландграфиня Тюрингенская.

Къ началу XIII вѣка, по сѣверному склону горныхъ хребтовъ, отдѣляющихъ сѣверную Германію отъ южной, сложилось могущественное владѣніе ландграфовъ Тюрингенскихъ. Власть ландграфа Германа простиралась надъ Тюрингеномъ, надъ Гессеномъ и Остерландомъ въ Саксоніи. Дворъ его помѣщался, по обычаю того времени, въ крѣпкомъ замкѣ, Вартбургѣ, на вершинѣ высокой, поросшей лѣсомъ, горы, у подножія которой разстилался городокъ Эйзенахъ. Въ то время, послѣ смерти самаго могущественнаго изъ Гогенштауфеновъ, Генриха VI, въ Германіи происходило продолжительное междоусобіе между Гогенштауфенами и Вельфами, которымъ пользовались феодальные князья для расширенія своихъ владѣтельныхъ правъ. Честолюбивый ландграфъ Германъ также вмѣшался въ эту смуту и переходилъ отъ одного соперника къ другому, подвергая разоренію свои владѣнія. Но лучшаго успѣха и бо́льшей славы достигъ онъ совсѣмъ инымъ путемъ. Это была эпоха высшаго процвѣтанія въ Германіи средневѣковой

рыцарской поэзіи, которая въ эпосѣ и въ лирикѣ воспѣвала и прославляла любовь и внушенные ею подвиги. Ландграфъ Германъ покровительствовалъ поэтамъ, пѣвцамъ любви (Minnesänger). Онъ умѣлъ цѣнить блескъ, который они придаютъ двору, и охотно зазывалъ ихъ въ свой пышный и гостепріимный замокъ, гдѣ не переводилось веселье и не смолкали музыка и пѣсня. Здѣсь по долгу гостили знаменитый авторъ „Парциваля“ Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, и искусный какъ въ нѣжной лирикѣ, такъ и въ бойкой сатирѣ Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде; здѣсь Гербортъ, по заказу ландграфа, сочинялъ свой эпосъ о Троянской войнѣ и зять самого ландграфа, герцогъ Генрихъ Ангальтскій, своими пѣснями платилъ дань любви.

Ландграфъ былъ два раза женатъ: отъ первой жены у него была дочь, вышедшая замужъ за маркграфа Мышенскаго (Meissen), отъ котораго произошла нынѣ царствующая династія Саксонскихъ королей и великихъ герцоговъ, съ ихъ отпрысками въ Португаліи и Англіи. У второй жены, Софьи, дочери герцога Баварскаго, родилось нѣсколько сыновей и дочерей.

Отецъ рано позаботился о томъ, чтобы пріискать для своего старшаго сына Лудвига — тогда 11-лѣтняго — невѣсту, которая могла бы внести новый блескъ въ ландграфскую семью.

Его выборъ палъ на королевскій домъ Венгріи. Тамъ царствовалъ въ это время король Андрей II, предпринявшій крестовый походъ въ исполненіе отцовскаго обѣта и получившій поэтому прозвище Іерусалимскаго; онъ былъ женатъ на Гертрудѣ изъ дома графовъ Андексъ-Меранъ, который, послѣ императорскаго, былъ самымъ могущественнымъ въ южной Германіи. Родовой замокъ графовъ Андексъ лежалъ на сѣверномъ склонѣ Тирольскихъ Альпъ, въ южной Баваріи; но кромѣ него владѣнія герцога Бертольда, отца Гертруды, простирались надъ Каринтіей, Истріей и Далмаціей. Одна изъ сестеръ Гертруды, Агнеса, была замужемъ за королемъ Франціи, Филиппомъ Августомъ; другая, Ядвига, за герцогомъ Силезіи, была впослѣдствіи признана святою.

У Андрея Венгерскаго и его жены Гертруды родилась, въ 1207 году, дочь Елисавета; чтобы свататься за нее, прибыло въ Пресбургъ, гдѣ находился Венгерскій дворъ, многочисленное посольство изъ Тюрингена, и родители отпустили съ нимъ свою четырехлѣтнюю дочь, снабдивъ ее богатымъ приданымъ.

Сватовство, вѣроятно, состоялось при посредничествѣ брата королевы Гертруды, который былъ епископомъ въ Бамбергѣ, по сосѣдству съ Тюрингеномъ, но легенда объяснила инымъ, болѣе чудеснымъ способомъ, почему вниманіе Тюрингенскаго двора было обращено на малолѣтнюю Елисавету Венгерскую.

Память о частомъ пребываніи миннезенгеровъ въ Вартбургѣ пережила ландграфа Германа, и слава ихъ поэтическихъ и музыкальныхъ подвиговъ разросталась въ потомствѣ. Подъ вліяніемъ такого преданія сложилась легенда о состязаніи поэтовъ на Вартбургѣ, которое было воспѣто въ особой поэмѣ. Согласно съ духомъ вѣка, состязаніе поэтовъ было облечено въ формы рыцарскаго турнира съ роковымъ исходомъ. Предметомъ соперничества было восхваленіе государей: Вартбургскіе поэты превозносили ландграфа, пришлый поэтъ, Генрихъ фонъ Офтердингенъ—Австрійскаго герцога. Побѣжденный долженъ былъ поплатиться жизнью за свое высокомѣрное притязаніе затмить соперниковъ своимъ превосходствомъ. Но такъ какъ исходъ состязанія оставался подъ сомнѣніемъ, то было рѣшено отправить Офтердингена въ Венгрію къ знаменитому мудрецу и кудеснику Клингсору и пригласить его для рѣшенія спора въ Вартбургъ. Это миѳическое лицо, повидимому, заимствовано изъ поэмы „Парциваля“, гдѣ упоминается о волхвѣ Клиншорѣ. Венгерскій мудрецъ, по легендѣ, прибылъ въ Эйзенахъ. Въ вечеръ своего прибытія, окруженный большою толпою рыцарей и придворныхъ, вглядываясь въ звѣздное небо, онъ воскликнулъ: „Я вижу прекрасную звѣзду, которая поднимается надъ Венгріей и оттуда свѣтитъ всему міру. Объявляю вамъ, что въ эту ночь, у моего господина, короля Венгерскаго, родилась дочь, которая будетъ нарѣчена Елисаветой и выйдетъ замужъ за сына здѣшняго государя; она станетъ святою, и святость ея послужитъ на радость и утѣшеніе всему христіанскому міру.

Маленькая Елисавета росла въ Вартбургѣ вмѣстѣ съ сестрою своего жениха Агнесой и нѣсколькими дѣвочками изъ простого званія, изъ которыхъ одна, по имени Гута, оставалась при ней почти до конца ея жизни. Ея показаніямъ и показаніямъ другихъ „спальныхъ дѣвушекъ“ (ancillae) Елисаветы мы обязаны нашимъ главнымъ источникомъ для исторіи ея жизни, памятникомъ безъискусственной простоты и искренности.

Выросшая среди пышнаго и распущеннаго двора, Елисавета рано обнаружила самостоятельную и серьезную набожность. Играя съ своими сверстницами, она старалась завести ихъ въ часовню замка, чтобы тамъ помолиться, а если часовня оказывалась заперта, она цѣловала порогъ и дверь. Она придумывала такія игры, чтобы имѣть случай дѣлать земные поклоны. Отъ своихъ дѣтскихъ выигрышей она давала десятую часть бѣднымъ дѣвочкамъ и нерѣдко дѣлала имъ подарки съ условіемъ, чтобы онѣ читали „Отче Нашъ“ или „Богородицу“.

Ея набожность скоро стала отражаться на ея образѣ жизни. Она начала ограничивать себя въ своихъ удовольствіяхъ, чтобы

упражнять свою волю „въ томъ, что угодно Богу“. Въ танцахъ она дозволяла себѣ только одинъ кругъ вальса, говоря подругамъ, что остальные она приноситъ въ жертву Богу. Она считала неумѣстнымъ стоять въ церкви разряженной и не позволяла себѣ надѣвать перчатокъ во время обѣдни.

Такъ постепенно обрисовался разладъ между набожной и скромной дѣвочкой и будущей родней ея, въ особенности гордой и склонной къ величію ландграфиней Софьей. Скоро весь дворъ горячо принялся раздувать этотъ разладъ. Всѣ, кто дорожилъ старинной пышностью и веселіемъ на Вартбургѣ, стали опасаться, что подъ вліяніемъ Елисаветы при молодомъ дворѣ опустѣютъ залы замка, и въ нихъ водворится монастырское благочестіе и тишина. Елисаветѣ было 9 лѣтъ, когда умеръ ландграфъ Германъ, и власть перешла къ 16-лѣтнему Лудвигу. Отъ него зависѣла теперь судьба ребенка, заброшеннаго на чужбину. Поэтому какъ тѣ, кому не нравилось благочестіе Елисаветы, такъ и всѣ, кто изъ личныхъ видовъ желали овладѣть молодымъ ландграфомъ, — дружно старались о томъ, чтобы разстроить его бракъ съ Елисаветой; ему говорили, что для него не годится такая жена, что приданое ея слишкомъ скудно, что ее нужно отослать назадъ къ отцу. Товарищи ландграфа, молодые рыцари, искавшіе въ юношескомъ разгулѣ того, что воспѣвали миннезенгеры, не разъ искушали своего юнаго государя женской красотой, не стѣсняясь даже присутствіемъ его молодой невѣсты.

По мѣрѣ того, какъ при дворѣ распространялась увѣренность, что бракъ не состоится, Елисавета сдѣлалась предметомъ открытой вражды и оскорбленій. Друзья Елисаветы встревожились, въ особенности рыцарь Вальтеръ фонъ-Варгула, стоявшій во главѣ посольства и обѣщавшій въ Пресбургѣ ея отцу быть всегда ея заступникомъ. Онъ воспользовался случаемъ, когда былъ наединѣ съ ландграфомъ, и спросилъ его: „Господинъ мой, какія ваши намѣренія относительно дочери короля Венгерскаго? Хотите ли вы на ней жениться или отправить ее назадъ къ ея отцу?» Тогда юноша указалъ рукою на Изенштейнъ, который высоко поднимался надъ другими вершинами Тюрингенвальда и сказалъ: „Видишь ли ты эту высокую гору предъ нами? Еслибы она была вся изъ золота, отъ нѣдръ своихъ до самой вершины, я бы скорѣе отъ нея отказался, чѣмъ отъ брака съ Елисаветой. Пусть другіе толкуютъ вздоръ, я люблю ее и не разстанусь съ ней“. И рыцарь снова спросилъ: „Господинъ мой, могу ли я ей передать ваши слова?“ Ландграфъ отвѣтилъ: „скажи ей все и, въ знакъ истины, передай ей это“. При этихъ словахъ онъ вынулъ ручное зеркало, на спинкѣ котораго было изображено распятіе Христа. Когда рыцарь принесъ

Елисаветѣ подарокъ, она осторожно приняла изъ его рукъ зеркало, очень обрадовалась изображенію и, къ досадѣ своихъ противниковъ, съ миловидной улыбкой пересказала случившееся своимъ подругамъ.

Когда ей минуло 14 лѣтъ, а жениху 20, молодой ландграфъ сдержалъ свое слово и обвѣнчался съ нею. Не смотря на свою молодость и рано постигшую его смерть, ландграфъ Лудвигъ успѣлъ сложиться въ цѣльный характеръ, представляя собою одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ образовъ средневѣковой исторіи. Это—тотъ же самый типъ, который въ слѣдующемъ поколѣніи полнѣе осуществилъ собою Лудовикъ Святой: цѣломудренная и глубоко-совѣстливая натура, набожный и всегда готовый обнажить мечъ, когда этого требовалъ долгъ государя и христіанина, нѣжный мужъ и неутомимый рыцарь, часто покидавшій семью по дѣламъ своего княжества и по призыву своего императора,—милосердный и миролюбивый, но въ то же время твердый по отношенію къ несправедливымъ притязаніямъ даже церковныхъ властей и, вообще, необыкновенно чуткій къ принципу справедливости. Какъ у Лудовика Святого, мы замѣчаемъ у Лудвига Тюрингенскаго, котораго народъ также призналъ святымъ, — въ эпоху высокаго расцвѣта рыцарской, дворянской чести,—опередившую свой вѣкъ заботу о защитѣ простолюдина и о возмѣщеніи обиженнымъ, нанесенныхъ имъ, убытковъ.

При такомъ мужѣ свободно развились задатки, лежавшіе въ благородной натурѣ Елисаветы. Одинаково съ нею настроенный, онъ не мѣшалъ ни ея набожности, ни ея смиренію въ жизни, ни милосердію и состраданію къ бѣднымъ и больнымъ, а только старался иногда сдерживать проявленія ея набожности, изъ опасенія за ея здоровье. Она попрежнему вставала ночью съ постели для молитвы и иногда такъ утомлялась, что засыпала на коврѣ около постели.

Она сохранила привычку своего дѣтскаго возраста снимать съ себя, на время обѣдни, всѣ драгоцѣнныя украшенія: кольца, браслеты и ожерелья; даже головной женскій уборъ она снимала передъ вознесеніемъ даровъ. Послѣ родовъ, когда по обычаю мать торжественно посѣщала церковь въ лучшемъ своемъ нарядѣ, окруженная родными и знакомыми, ландграфиня сходила съ замка пѣшкомъ, въ простомъ шерстяномъ платьѣ, босыми ногами, по крутой, каменистой тропинкѣ, неся свѣчу, съ новорожденнымъ на своихъ рукахъ, котораго она приносила къ алтарю. По возвращеніи домой, она отдавала платье, въ которомъ ходила въ церковь, какой-нибудь бѣдной матери. И, вообще, во время крестныхъ ходовъ „по мѣстамъ страданія Христа“, она шла въ такомъ же одѣ-

яніи и, слушая проповѣдь, становилась среди самаго бѣднаго люда. Въ минуты подъема своего религіознаго чувства, она какъ будто особенно живо ощущала потребность сближаться съ бѣдными и теряться въ ихъ толпѣ. Но на самомъ дѣлѣ ее никогда не покидала мысль о бѣдныхъ и страждущихъ. Она своими руками и съ помощью своихъдѣвушекъ пряла шерсть, отдавала ее ткать и сама шила бѣднымъ одежду; она крестила въ бѣдныхъ семьяхъ, чтобы въ качествѣ кумы сближаться съ ними и оказывать имъ пособіе. Она готовила саваны для покойниковъ, сама прикасалась къ нимъ и хоронила ихъ. Она бывала недовольна, когда богатые хоронили своихъ покойниковъ въ новыхъ и дорогихъ платьяхъ, и настаивала на томъ, чтобы ихъ хоронили въ поношенной одеждѣ, а новое платье отдавали бѣднымъ. Особенно охотно молодая мать посѣщала роженицъ, и если къ ней приходили просить что-нибудь для бѣдной роженицы, она разузнавала, гдѣ она живетъ, и какъ бы ни было далеко разстояніе, какъ бы ни была утомительна дорога, она лично отправлялась къ больной, чтобы видомъ ея еще болѣе расшевелить свое состраданіе. Она входила въ самыя бѣдныя хижины, не гнушаясь грязи, которую тамъ заставала, приносила больнымъ все нужное и утѣшала ихъ словами, соединяя такимъ образомъ — какъ выразился современный ей монахъ — тройную заслугу: личный трудъ, состраданіе и щедрый даръ.

И другихъ больныхъ навѣщала Елисавета, ухаживая за ними и входя въ ихъ нужды съ самымъ участливымъ вниманіемъ; такъ, узнавъ, что одного изъ нихъ мучатъ долги, которыхъ онъ не въ состояніи заплатить, она уплатила ихъ. Все болѣе и болѣе становилась ландграфиня сестрою милосердія и не остановилась передъ самымъ тяжелымъ подвигомъ въ этомъ отношеніи—передъ уходомъ за прокаженными и такими больными, которыхъ всѣ страшились и избѣгали.

Елисавета старалась совершать подобныя дѣла тайкомъ отъ другихъ. Однажды къ ней пришелъ нищій съ отвратительными ранами на головѣ и скомканными запекшеюся кровью волосами. Елисавета отвела его въ отдаленное помѣщеніе замка, своими руками обмыла больнаго и остригла его; ея дѣвушки накрыли ее, какъ она держала у себя на колѣнахъ страшную на видъ голову; увидѣвъ ихъ—она улыбнулась.

Неожиданное и обширное поприще для благотворительности открылось передъ Елисаветой въ 1226 году, когда неурожай и сильный голодъ обрушились на ея владѣніе. Лудвигъ былъ въ отсутствіи: онъ находился далеко, въ Италіи, вызванный туда Императоромъ Фридрихомъ II. Власть и отвѣтственность перешли въ руки 19-лѣтней ландграфини, и она энергически приняла всѣ

нужныя мѣры. Весь хлѣбъ, находившійся въ амбарахъ ея мужа, она назначила для раздачи бѣднымъ и сама распоряжалась этой раздачей, лично выдавая сотнямъ людей, сколько было нужно для ежедневнаго пропитанія. Для больныхъ же, которые не могли взбираться къ замку за подаяніемъ, она устроила подъ горою, въ большемъ домѣ, пріютъ и, не смотря на крутой спускъ и подъемъ, ежедневно ихъ посѣщала и снабжала всѣмъ необходимымъ. И хотя, вообще, она не могла выносить спертаго, нечистаго воздуха, въ этомъ пріютѣ охотно оставалась даже въ жаркую лѣтнюю пору, и въ то время, какъ приходившія съ нею служительницы тяготились и роптали, бодро и весело ходила за больными. Чтобы содержать ихъ, она распродала свои драгоцѣнности и тутъ же помѣстила множество бѣдныхъ дѣтей, съ которыми такъ ласково обходилась, что они называли ее матерью и выбѣгали къ ней навстрѣчу, шумно ее обступая; она же въ особенности была нѣжна съ золотушными и уродливыми, гладила ихъ по головкѣ и прижимала къ себѣ. Она покупала имъ и игрушки, и горшечки, и кольца, и въ памяти разскащицы живо запечатлѣлся случай, какъ однажды Елисавета, возвращаясь верхомъ изъ города съ большимъ узломъ игрушекъ, уронила его, и игрушки выпали и покатились со скалы.

Такъ прокормила она голодающихъ до новаго урожая, и когда настало время для полевой работы, она здоровымъ раздала рубашки и башмаки и дала имъ косы; всѣмъ прочимъ она давала также на прощанье что-нибудь, и когда у нея вышли деньги, то женщинамъ стала раздавать дорогія ткани и шелковыя ленты, приказывая имъ, чтобы онѣ не наряжались въ нихъ, а продали и усердно работали, согласно съ словомъ Св. Писанія. Щедрость Елисаветы вызвала при дворѣ не только большое неудовольствіе, но и страхъ отвѣтственности передъ ландграфомъ. Когда, лѣтомъ слѣдующаго года, Лудвигъ возвратился изъ Италіи, и на Вартбургѣ узнали о его приближеніи, его ключникъ и маршалъ выѣхали къ нему навстрѣчу и поспѣшили ему сообщить, что, несмотря на ихъ противодѣйствіе, Елисавета опустошила всѣ амбары и раздала всю его казну, которую онъ оставилъ имъ на храненіе. Ландграфъ нахмурился и спросилъ: „Здорова ли моя жена? Вотъ все, что я хочу знать, до остальнаго мнѣ нѣтъ дѣла“. Потомъ онъ прибавилъ: „Я желаю, чтобы вы предоставили моей Елисаветѣ давать милостыню, какъ ей угодно, и скорѣе помогали бы ей, чѣмъ мѣшали. Пусть она мнѣ лишь оставитъ Вартбургъ, Эйзенахъ и Наумбургъ; все остальное Господь намъ вернетъ, когда на то будетъ Его воля. Милостыня насъ никогда не разоритъ“. И онъ продолжалъ путь навстрѣчу Елисаветѣ; свиданіе ихъ послѣ долгой разлуки было самое нѣжное: „Милая сестра“, сказалъ онъ, прижи-

мая ее къ сердцу—они съ дѣтства привыкли называть другъ-друга братомъ и сестрою—„что сталось съ твоими бѣдными въ этотъ дурной годъ“? Она отвѣтила тихо: „Я дала Богу то, что ему принадлежитъ, а онъ оставилъ намъ то, что принадлежитъ тебѣ и мнѣ“.

Самоотверженное служеніе страждущимъ не нарушало семейнаго счастья Елисаветы. Въ 1222 году, по возвращеніи изъ Венгріи, куда она ѣздила съ мужемъ и большою свитою посѣтить отца,—у нея родился сынъ Германъ; два года спустя—дочь Гертруда, сдѣлавшаяся впослѣдствіи герцогиней Брабантской и родоначальницей нынѣшней династіи великихъ герцоговъ Гессенскихъ. Третья дочь Елисаветы родилась уже по смерти отца. Елисавета посвящала себя служенію страждущимъ не вслѣдствіе крушенія собственной жизни, и не вслѣдствіе наклонности меланхолическаго темперамента. Всѣ, знавшіе ее близко, упоминаютъ объ одномъ ея свойствѣ, очевидно, ихъ особенно поражавшемъ. Она могла плакать, сохраняя свое обычное, миловидное выраженіе лица: ручьи слезъ катились по ея щекамъ, не образуя ни одной морщины, не стягивая судорожно лица. Сама она шутливо отзывалась о людяхъ, угрюмо и часто плакавшихъ, что они „имѣютъ видъ, какъ будто хотятъ отпугать Бога: пусть они приносятъ свою жертву весело и радостно“. Такъ, въ роли сестры милосердія и подъ наружностью аскетки, она сохраняла любящее и счастливое женское сердце.

На благочестіи Елисаветы отражался аскетическій идеалъ вѣка: посѣщавшихъ ее свѣтскихъ дамъ она поучала религіозной бесѣдой и умоляла ихъ въ чемъ-нибудь себѣ отказывать въ мірѣ, отказываться отъ танцевъ, отъ узкихъ модныхъ рукавовъ, отъ шелковыхъ поясовъ и т. п. Она нерѣдко сама посылала имъ въ подарокъ другіе, болѣе пристойные рукава; она брала съ нихъ обѣщаніе не выходить замужъ въ случаѣ смерти мужа. Сама она дала такой же обѣтъ и была къ себѣ не менѣе требовательна и взыскательна. Однажды, въ церкви св. Георгія въ Эйзенахѣ, во время обѣдни, ея взоръ палъ на стоявшаго около нея мужа; она залюбовалась его юношеской красотою и, полная счастья и любви, на мгновеніе забыла о томъ, что ее окружало. Но, быстро опомнившись, она почувствовала такое раскаяніе и смущеніе, что, когда священникъ вынесъ дары, она увидѣла предъ собою Спасителя съ его окровавленными ранами. Въ полномъ отчаяніи она пала ницъ лицемъ, замаливая свой грѣхъ. Обѣдня кончилась, всѣ начали расходиться, а она все оставалась въ томъ же положеніи. Въ этотъ день въ замкѣ было много званыхъ гостей и большой для нихъ приготовленъ пиръ. Замѣтивъ ея отсутствіе, ландграфъ самъ вернулся за ней въ церковь и, увидѣвъ ее въ томъ же положеніи, наклонился

къ ней съ словами: „Милая сестра, почему ты не идешь къ столу и почему заставляешь насъ такъ долго ждать“? Она приподняла голову, молча взглянула на него, и онъ увидалъ ея, раскраснѣвшіеся отъ слезъ, глаза. Тогда онъ сталъ рядомъ съ ней на колѣни и, узнавъ отъ нея причину ея тревоги, молился и плакалъ вмѣстѣ съ ней. Чрезъ нѣсколько времени онъ поднялся съ словами: „Будемъ уповать на Господа, я стану помогать тебѣ каяться и сдѣлаться еще благочестивѣе, чѣмъ ты была.“ Но видя, что она слишкомъ огорчена, чтобы показаться гостямъ, онъ утеръ свои слезы и пошелъ въ замокъ, а она продолжала замаливать свой грѣхъ.

Этотъ случай, обнаруживающій всю деликатность ея натуры, чрезвычайно важенъ для пониманія ея внутренней жизни. Онъ доказываетъ, что она любила, что аскетизмъ тогда еще не раскололъ на двое ея сердца, не внесъ въ него того разлада, которымъ онъ сокрушилъ столько любящихъ сердецъ. Въ отсутствіи мужа она проводила ночи въ молитвѣ, въ колѣнопреклоненіяхъ и самобичеваніи; она снимала съ себя нарядное платье и головной уборъ, и принимала внѣшній обликъ вдовъ или инокинь. Но когда она узнавала о приближеніи мужа, она снова наряжалась, говоря дѣвушкамъ: не изъ высокомѣрія плоти дѣлаю я это, но Бога ради; я хочу благопристойно украсить себя, чтобъ не быть поводомъ грѣха для моего мужа, еслибы я перестала ему нравиться; пусть одну меня онъ любитъ супружескою любовью, для того чтобы предъ Тѣмъ, Кто освятилъ брачный законъ, мы вмѣстѣ сподобились награды вѣчной жизни“.

Мысль о мужѣ была для нея нераздѣльна съ ея мечтами о счастьи. Сознаніе богатства и власти ее подчасъ тяготило, и ея воображеніе рисовало ей картины счастливой, богоугодной жизни, вдали отъ роскоши и пышности. Но эта идиллія была для нея немыслима безъ мужа. „Господинъ“, сказала она ему однажды, „я часто думала о томъ, какой мы могли бы вести образъ жизни, чтобы быть угодными Богу“.—„Какая же была бы эта жизнь“? спросилъ ландграфъ. — „Я желала бы, отвѣтила она, чтобы у насъ было имѣньице, которое можно распахивать однимъ плугомъ, и 200 овецъ; тогда ты могъ бы своими руками пахать поле, а я ходила бы за овцами“ Ландграфъ разсмѣялся: „Еслибы у насъ было имѣнье, требующее плуга, и 200 овецъ, мы были бы не бѣдны, а богаты“.

Не трудно догадаться, почему Елисаветѣ, въ ея скромныхъ мечтаніяхъ, захотѣлось имѣть 200 овецъ: ея любимымъ занятіемъ было пряденіе шерсти, которая шла на одѣяніе бѣднымъ.

Такія мечтанія свидѣтельствуютъ о любви и безмятежномъ счастьи, которому, казалось, не было предѣловъ. Но, какъ морозная вьюга подкашиваетъ нѣжное растеніе, занесенное изъ иного, луч-

шаго климата, такъ суровый идеализмъ XIII вѣка сломилъ эти два прекрасныхъ существа, другъ для друга созданныхъ; его—воинственное одушевленіе, поднимавшее тысячи на завоеваніе гроба Господняго; ее—монашескій фанатизмъ. видѣвшій въ человѣческомъ сердцѣ лишь свѣчу, которая должна одиноко сгорать на алтарѣ Господнемъ.

II.

Аскетизмъ, которому средневѣковая церковь обязана своимъ напряженнымъ стремленіемъ къ идеалу и совершенству, въ дни Елисаветы подвергся коренному измѣненію. Съ самаго начала, перенесенный изъ Египетскихъ пустынь въ лѣса и горы средневѣковой Европы, онъ началъ постепенно утрачивать свой враждебный міру характеръ. И хотя отрѣченіе отъ міра остается лозунгомъ монашества, самые высокіе его представители, несмотря на внутреннюю борьбу и личный разладъ, соединяютъ съ нимъ противоположный принципъ воздѣйствія на міръ. Эта сторона окончательно восторжествовала въ лицѣ Франциска изъ Ассизи. Для него самоспасеніе, основанное на самомъ строгомъ исполненіи монашескихъ обѣтовъ, лишь приготовленіе къ тому, чтобы, слѣдуя примѣру Христа, разносить его слово любви въ мірѣ. Потому-то Францисканецъ долженъ былъ отрѣчься отъ всякой собственности, даже монастырской, и, какъ нищій, жить ежедневнымъ подаяніемъ, чтобы, не имѣя никакихъ земныхъ заботъ, всегда вращаться среди людей. Призваніе монаха измѣнилось; вмѣсто того, чтобы уходить въ пустыню, онъ долженъ былъ идти въ народъ; изъ отшельника онъ становился миссіонеромъ. Но призваніе монаха, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнилось и по духу; любвеобильное сердце Франциска внесло въ него новое содержаніе: одушевляющимъ монаха принципомъ должна была быть впредь не вражда къ міру, а любовь къ человѣку.

Личность Елисаветы удивительно гармонируетъ съ историческимъ образомъ учредителя францисканскаго ордена. Это—то-же врожденное деликатной натурѣ смиреніе, то-же инстинктивное состраданіе, готовое на всякую жертву безъ предѣла, та-же безмятежная веселость души сквозь слезы и страданія. Но на убѣжденіяхъ и настроеніи Елисаветы, очевидно, отразилось и непосредственное вліяніе современнаго ей Францисканства.

Этотъ орденъ былъ основанъ въ годъ рожденія Елисаветы; въ годъ ея замужества Францисканцы утвердились въ Германіи. Въ Эйзенахѣ возникъ одинъ изъ первыхъ ихъ монастырей. Францисканскіе историки повѣствуютъ даже о личныхъ сношеніяхъ

Елисаветы съ самимъ Франциском, передавая, что онъ прислалъ ей, для поощренія, свою ветхую рясу,—извѣстіе мало согласное съ завѣдомою скромностью Франциска. Разсказываютъ также, что сама Елисавета выстроила Францисканскій монастырь въ Эйзенахѣ и взяла себѣ въ духовники брата Родингера, одного изъ первыхъ Францисканцевъ Германіи. Несомнѣнно только то, что жизненный идеалъ Францисканцевъ — евангельская нищета — глубоко запалъ въ ея душу, и что она зачислилась въ такъ называемый „третій орденъ". Францискъ, учредивъ свой орденъ для мужчинъ, устроилъ потомъ, въ духѣ своего ордена, общежитіе для женщинъ, названное именемъ Св. Клары, ихъ первой настоятельницы: но такъ какъ многіе изъ мірянъ желали стремиться къ евангельскому совершенству, не покидая семействъ и жизненнаго долга, то Францискъ далъ имъ особый уставъ, освобождавшій ихъ отъ строго-монашескихъ обѣтовъ. Этотъ „третій орденъ" сдѣлался посредствующимъ звѣномъ между міромъ и францисканскимъ спиритуализмомъ, и широко распространился по всѣмъ странамъ Европы. Въ него вступила и Елисавета.

Къ этому времени ея жизни нужно отнести то, что разсказывали ея дѣвушки: когда она была еще въ полной славѣ мірской, она очень любила бѣдность и съ своими дѣвушками часто бесѣдовала о нищенствѣ; одѣваясь предъ ними во дворцѣ въ худое платье и покрывая голову свою плохимъ платкомъ, она говорила имъ: „Вотъ, какъ я буду ходить, когда стану нищенствовать и—Бога ради—буду терпѣть бѣдность". Однако, молодой женщинѣ не долго было суждено лелѣять въ себѣ францисканскій идеалъ и руководиться уставомъ, столь гармонировавшимъ съ ея кроткой и любящей до самозабвенія натурою.

Одновременно съ Францисканствомъ, аскетизмъ пустилъ на почвѣ католической церкви другой могучій отпрыскъ, по духу ему противоположный, по цѣли—его дополнявшій. То былъ Доминиканскій орденъ.

Подобно тому, какъ Францискъ, въ своемъ наивномъ, свѣтломъ воззрѣніи на міръ, является сыномъ своего народа, такъ Доминикъ отражаетъ въ себѣ мрачный духъ тогдашней Испаніи, озабочённой и поглощенной борьбой съ магометанствомъ. И Доминикъ потребовалъ отъ своихъ послѣдователей нищей жизни и, вмѣсто отшельничества, служенія христіанскому народу. Но если, по завѣту Франциска, его ученики должны были, въ своей общественной миссіи, проводить евангельское слово любви, то главнымъ назначеніемъ Доминиканцевъ было охранять ученіе церкви и поддерживать чистоту *вѣры*. Это былъ поэтому орденъ *проповѣдниковъ*. Къ этому присоединилось слѣдующее: орденъ Доминиканцевъ воз-

никъ въ южной Франціи, въ борьбѣ съ Альбигойцами и Валдейцами, и сила ихъ проповѣди была поэтому прежде всего направлена противъ ереси. А когда ересь въ этой области была сломлена, вооруженной силою созванныхъ противъ нея крестоносцевъ, то Доминиканцамъ было поручено зорко искоренять скрытые остатки ереси, и они создали Инквизицію.

Подобно Францисканцамъ, и Доминиканцы быстро распространились по сосѣднимъ областямъ, а также и въ Германіи, и одному изъ самыхъ ревностныхъ между ними, Конраду изъ Марбурга, еще Иннокентій III поручилъ преслѣдованіе, появившихся въ его отечествѣ, послѣдователей провансальскихъ ересей: и уже въ 1214 году запылали первые костры въ прирейнскихъ областяхъ.

Конрадъ былъ человѣкъ не дюжинный и выдавался многими личными достоинствами: онъ былъ безкорыстенъ и неустрашимъ въ исполненіи своего дѣла; онъ стоялъ высоко по своему богословскому образованію, умѣлъ импонировать людямъ и внушать имъ къ себѣ уваженіе и довѣріе. Ландграфъ Лудвигъ поручилъ ему, между прочимъ, на время своего отсутствія въ крестовомъ походѣ, исключительное право назначенія на духовныя должности, на всемъ протяженіи его владѣній. Конрадъ былъ убѣжденнымъ представителемъ одного изъ полюсовъ средневѣковой жизни, того направленія, которое ставило интересъ церкви выше всѣхъ человѣческихъ соображеній. Характерно для себя говорилъ онъ ландграфу, что убить 60 человѣкъ меньшій грѣхъ, чѣмъ одну церковь предоставить недостойному священнику. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ деспотическимъ и безпощаднымъ характерамъ, которые охотно становятся подъ знамя какого-нибудь великаго принципа, чтобъ во имя его давать ходъ инстинктамъ своей жестокой натуры. Для Конрада такимъ знаменемъ было католическое правовѣріе.

Руководясь своимъ врожденнымъ фанатизмомъ, Конрадъ сразу довелъ инквизиторскіе пріемы до крайняго ихъ развитія. Онъ держался правила—безусловно вѣрить всѣмъ доносамъ и обвиненіямъ, и ставить подсудимыхъ передъ необходимостью признаться и покаяться, или дать присягу въ полной невиновности, что обыкновенно, такъ или иначе, приводило ихъ на костеръ; защитника онъ привлекалъ какъ пособника и въ тотъ же день произносилъ свой приговоръ. При такой поспѣшности и такомъ ослѣпленіи ревности, онъ, при всей своей честности, сдѣлался скоро орудіемъ негодяевъ; ему приходилось сожигать людей по доносу родственниковъ, озлобленныхъ тѣмъ, что ихъ обошли завѣщаніемъ.

Своимъ чрезмѣрнымъ усердіемъ Конрадъ повредилъ собственному дѣлу; онъ сдѣлался жертвою своихъ жертвъ,—участь, рѣдко

постигавшая фанатиковъ и инквизиторовъ, и съ его смертью прекратилась инквизиція въ Германіи.

Этотъ человѣкъ сдѣлался въ 1225 году духовникомъ молодой ландграфини, можетъ быть по рекомендаціи папы, какъ гласитъ источникъ, впрочемъ не современный. Вліяніе такого духовника не могло не отразиться на жизни Елисаветы, и оно ясно просвѣчиваетъ сквозь скудныя извѣстія нашихъ источниковъ. Объ его деспотическомъ обращеніи съ нею можно судить по слѣдующему случаю: однажды магистръ Конрадъ извѣстилъ ландграфиню, что будетъ проповѣдовать въ такой-то церкви; но вслѣдствіе посѣщенія Вартбурга маркграфиней Мышенской, ея родственницей, Елисавета не отправилась слушать проповѣдь. Конрадъ тотчасъ прислалъ ей сказать, что онъ отказывается быть ея духовникомъ. Смущенная ландграфиня, на слѣдующій же день, стала смиренно умолять Конрада о прощеніи „обиды“, и когда онъ заупрямился, сдѣлала ему земной поклонъ. Конрадъ уступилъ, но по его приказанію ея дѣвушки, которымъ онъ приписалъ вину, обнаженныя до сорочки, были больно высѣчены розгами. Это извѣстіе находится въ ихъ собственныхъ показаніяхъ.

На самую ландграфиню духовникъ тогда руки еще не простиралъ. Но Елисавета сама подвергала себя бичеванію, которое въ этомъ вѣкѣ стало входить въ обычай; по свидѣтельству дѣвушекъ, она прежде дѣлала это въ Великій постъ, но съ того времени, какъ поступила подъ начало магистра Конрада, часто заставляла своихъ дѣвушекъ бичевать себя по ночамъ. Она дѣлала это, чтобы искупить счастье своей семейной жизни. Какъ видно, духовникъ вторгался и въ эту область, хотя ландграфъ поставилъ формальнымъ условіемъ при его приглашеніи, чтобы онъ отъ этого воздерживался.

За то ландграфъ предоставилъ ему полную свободу руководить совѣстью Елисаветы во всемъ остальномъ. Какъ широко онъ пользовался этимъ правомъ, и какъ добросовѣстно Елисавета ему подчинялась, видно изъ того, что онъ предписалъ ей питаться только тѣми припасами, которые доставлялись съ извѣстныхъ имѣній ея мужа и не прикасаться до другихъ.

Къ сожалѣнію, по нашимъ источникамъ нельзя выяснить, чѣмъ руководился Конрадъ, дѣлая различіе между законнымъ и незаконнымъ *добромъ* мужа; возможно, что это касалось поборовъ съ церковныхъ земель или съ бенефицій, нѣкогда принадлежавшихъ церкви. Но за то источники подробно изображаютъ, какія затрудненія отсюда возникали для Елисаветы. Часто она сидѣла за столомъ, рядомъ съ мужемъ, не прикасаясь до кушаній или дѣлая видъ, въ присутствіи вассаловъ и министеріаловъ, будто она кро-

шитъ или разрѣзаетъ пищу, въ дѣйствительности же вставала голодная изъ-за стола. Иногда самъ мужъ шопотомъ обращалъ на то ея вниманіе, если подавались за столъ кушанья, доставленныя изъ запретныхъ имѣній. Часто Елисаветѣ приходилось терпѣть большой недостатокъ въ пищѣ, или питаться одними лепешками, печеными на меду; она охотно довольствовалась бы и простымъ хлѣбомъ, еслибы была увѣрена въ его качествѣ.

Между тѣмъ катастрофа, сокрушившая жизнь Елисаветы, приближалась. Съ тѣхъ поръ какъ Іерусалимъ, около ста лѣтъ находившійся во владѣніи христіанъ, снова палъ подъ власть Ислама, папы не переставали призывать государей и народы Европы къ новому крестовому походу. Одна за другой, христіанскія рати отправлялись на Востокъ, но ни одна не проникла до самаго Іерусалима: силы ихъ разбивались и тратились то въ Сиріи, то въ Египтѣ, гдѣ взята была Дамієтта, то—въ Константинополѣ.

Въ 1215 году и молодой наслѣдникъ Гогенштауфеновъ, Фридрихъ II, далъ обѣтъ крестоваго похода, но борьба съ Оттономъ IV, захватившимъ корону Германіи, и другія дѣла мѣшали ему исполнить обѣтъ: нѣсколько разъ уже былъ назначенъ имъ срокъ похода, нѣсколько разъ Фридрихъ отправлялъ на Востокъ отдѣльные отряды, но въ общій походъ онъ никакъ не могъ собраться. Папа Гонорій все настойчивѣе торопилъ Фридриха и грозилъ отлученіемъ отъ Церкви. Наконецъ, въ 1226 году, Фридрихъ созвалъ сеймъ въ Кремонѣ, и тамъ сборнымъ мѣстомъ былъ назначенъ Бриндизи, а срокомъ для сбора—лѣто слѣдующаго года.

Въ Кремонѣ присутствовалъ и ландграфъ Лудвигъ, и тамъ, вѣроятно, у него назрѣла мысль принять участіе въ крестовомъ походѣ. Епископъ Гилдесгеймскій, которому онъ повѣдалъ о своемъ намѣреніи, поддержалъ его въ этомъ, и ему онъ далъ обѣтъ взять на себя крестъ. Но—не такъ какъ другіе, которые, давши обѣтъ, нашивали на свое платье крестъ и щеголяли имъ иногда многіе годы,—ландграфъ Лудвигъ скрылъ свое намѣреніе. Елисавета была беременна третьимъ ребенкомъ, и ландграфъ, боясь встревожить ее, носилъ крестъ въ своей дорожной сумѣ. Однажды они сидѣли вдвоемъ, и Елисавета, снявъ съ него поясъ, открыла суму и — увидала въ ней знаменье крестоваго похода: она обомлѣла отъ ужаса и лишилась чувствъ. Долго успокоивалъ ее и уговаривалъ ландграфъ съ своею обычною кротостью, стараясь дѣйствовать на ея чувство долга: „Вѣдь не захочешь ты помѣшать мнѣ“, говорилъ онъ ей, „сдѣлать въ угоду Богу то, что я былъ бы обязанъ сдѣлать для свѣтскаго государя, для императора и имперіи, еслибы они этого отъ меня потребовали“. Послѣ долгаго молчанія, вся въ слезахъ, она сказала ему умоляющимъ

голосомъ: „Милый братъ, если это не противъ Бога, то останься со мною“; но онъ снова просилъ: „Разрѣши мнѣ идти въ походъ, ибо это обѣтъ, данный мною Богу“. Тогда она, призывая на него благословеніе Бога и всякое благополучіе, отпустила его: „Противъ воли Божіей я не желаю тебя удерживать; я принесла Богу въ жертву тебя и сама себя“. Они условились между собой принести также Богу въ жертву и своего послѣдняго ребенка: если то будетъ мальчикъ, отдать его въ любимый монастырь Лудвига, въ Рейнгардсбруннъ, а если дѣвочка —въ монастырь Алтенбургъ близъ Вецлара въ Гессенѣ.

Самый тяжелый шагъ для ландграфа былъ сдѣланъ; теперь онъ открыто и дѣятельно принялся за приготовленіе къ походу. Онъ оповѣстилъ своихъ вассаловъ, что беретъ на себя всѣ издержки пути и не наложитъ на страну особаго налога, такъ какъ хочетъ эту жертву Богу принести изъ собственныхъ средствъ. Чтобы возбудить религіозное чувство, онъ приказалъ поставить въ Эйзенахѣ мистерію страданій Христа: драма произвела такое сильное впечатлѣніе, что пришлось повторить представленіе. Затѣмъ онъ созвалъ сеймъ въ Крейцбургѣ и сказалъ собравшимся чинамъ рѣчь, которую его капланъ сохранилъ для насъ цѣликомъ. Онъ напомнилъ имъ, какія тяготы имъ доставляла безпрестанная война при его отцѣ, и какой глубокій миръ Господь ниспослалъ имъ теперь; онъ сравнилъ свое время съ временемъ Соломона, наступившимъ послѣ тревогъ при царѣ Давидѣ; въ благодарность за это онъ хочетъ идти на Востокъ, чтобы утѣшить угнетенный христіанскій народъ и защитить его отъ враговъ имени Божьяго. Онъ просилъ всѣхъ хранить безъ него нерушимый миръ, а господъ обращаться похристіански съ бѣднымъ народомъ.

Одновременно онъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія по своимъ частнымъ и семейнымъ дѣламъ; въ особенности приказывалъ онъ своимъ братьямъ, Генриху и Конраду, а также придворнымъ чинамъ, беречь дорогую ему Елисавету. Собираясь въ путь, ландграфъ ходилъ на поклонъ по церквамъ и монастырямъ Эйзенаха и его окрестностей. Въ особенности трогательно было прощаніе съ Рейнгардсбрунномъ. Послѣ обѣдни ландграфъ сталъ рядомъ со священникомъ и, по мѣрѣ того какъ монахи подходили подъ окропленіе святой водою, онъ каждаго обнималъ и цѣловалъ на прощаніе. Даже дѣтей, обучавшихся въ монастырѣ, онъ поднималъ на руки и цѣловалъ. Всѣ плакали во время этого теплаго, продолжительнаго прощанія, и громкія рыданія раздавались въ обширной церкви.

День Іоанна Крестителя былъ назначенъ для выступленія. Со всѣхъ концовъ страны собрался народъ, чтобы поглядѣть на вы-

ступавшихъ крестоносцевъ и проститься съ ними. Ландграфъ простился здѣсь съ своимъ народомъ и съ трудомъ высвободился изъ толпы, тѣснившейся вокругъ, чтобы увидѣть его въ послѣдній разъ; здѣсь же онъ простился и съ своими дѣтьми, которыя со слезами держались за его доспѣхи.

Въ Шмалькальденѣ, близъ южной границы Тюрингена, былъ назначенъ послѣдній сборный пунктъ. Здѣсь должны были произойти самые тяжелые для ландграфа проводы. Сильно взволнованный, онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ мать и жену, соединяя ихъ въ общей къ нему любви; мать онъ утѣшалъ словами, что оставляетъ ей, вмѣсто себя, ея двухъ другихъ сыновей, но что могъ онъ сказать въ утѣшеніе Елисаветѣ?

Она не имѣла духу съ нимъ проститься и проводила его за предѣлы ихъ владѣній на цѣлый день пути. И еще одинъ день проѣхала она верхомъ, рядомъ съ нимъ. Въ эти послѣднія минуты ею все болѣе и болѣе овладѣвала мысль—не разставаться съ нимъ вовсе и проводить его до самой Палестины. Но этого нельзя было допустить и, по настоянію преданнаго имъ Валтера фонъ-Варгула, они разстались.

Между тѣмъ, обширная равнина на Адріатическомъ морѣ, около Бриндизи, гдѣ такъ часто располагались лагеремъ побѣдоносные римскіе легіоны, готовясь къ отплытію для покоренія Востока, — стала наполняться полчищами крестоносцевъ. Кромѣ Франціи, на этотъ разъ занятой завоеваніемъ Альбигойскаго юга, крестоносцы прибывали изо всѣхъ странъ, особенно изъ Германіи, Италіи и Англіи. 16 августа прибылъ и ландграфъ съ своею ратью. Все тѣснѣе и тѣснѣе толпились крестоносцы: изъ Англіи пришло болѣе 4000 человѣкъ, большею частью бѣдняки, которые пробирались Христа-ради въ Христову землю, разсчитывая на подаяніе другихъ. Императоръ не ожидалъ такого прилива людей; жизненныхъ припасовъ и кораблей оказалось недостаточное количество, посадка на корабли затянулась—и среди густаго скопища людей разразилась тифозная эпидемія. Болѣзнь поразила самого императора и ландграфа Лудвига; тѣмъ не менѣе, оба сѣли на свои корабли и отплыли въ море. Но въ теченіе трехъ дней состояніе обоихъ такъ ухудшилось, что пришлось вернуться. Корабли ихъ причалили къ Отранто и здѣсь, 11 сентября, молодой ландграфъ скончался.

Печальная вѣсть въ октябрѣ дошла до Вартбурга. Не поправившись еще отъ родовъ дочери, Елисавета сидѣла у себя, блѣдная и больная, когда ей пришли сказать, что ея мужъ умеръ; судорожно сжавъ руки и наклонивъ голову къ колѣнамъ, она воскликнула: „Умеръ,—умеръ для меня и міръ со всѣмъ, что въ немъ

прельщаетъ". Затѣмъ, вскочивъ, она, громко рыдая, долго блуждала по комнатамъ, въ отчаяніи хватаясь за стѣны.

Окружающіе поспѣшили придать этому искреннему отклику душевнаго горя значеніе самой горькой и реальной дѣйствительности. Если еще при мужѣ набожность и милосердіе Елисаветы возбуждали при дворѣ неудовольствіе противъ нея и вражду, то теперь это чувство могло открыто обнаружиться и искать себѣ удовлетворенія, ибо тотъ, кому поручена была защита Елисаветы и ея дѣтей, самъ сдѣлался ея гонителемъ или орудіемъ ея враговъ. Хотя преданная Елисаветѣ Изентруда выгораживаетъ ея зятя Генриха, оправдывая его юношескимъ возрастомъ, и обвиняетъ во всемъ „нѣкоторыхъ вассаловъ" покойнаго ландграфа,— нельзя не возложить главной отвѣтственности именно на него, ибо этотъ Генрихъ, по прозвищу Распе, не только принялъ участіе въ гоненіяхъ противъ Елисаветы, но очевидно захватилъ власть, принадлежавшую по праву его племяннику, и сталъ на его мѣсто ландграфомъ. На его сторонѣ былъ и младшій братъ, Конрадъ, въ это время необузданный юноша, зачисленный въ орденъ Тевтонскихъ рыцарей. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, этотъ Конрадъ сдѣлался горячимъ поклонникомъ умершей Елисаветы и всѣхъ больше хлопоталъ объ ея канонизаціи въ Римѣ. До насъ дошли подробныя извѣстія о томъ, какое несмѣтное количество свѣчей Конрадъ потратилъ въ Римѣ на украшеніе собора св. Петра и на раздачу громадной толпѣ, присутствовавшей при канонизаціи; какъ онъ въ этотъ день угостилъ обѣдомъ 300 монаховъ; „сосѣднимъ же монастырямъ, отшельникамъ и разнымъ женскимъ общинамъ разослалъ, въ большомъ количествѣ, хлѣба, вина, рыбы и молочныхъ припасовъ, а многимъ тысячамъ бѣдныхъ и всякому объ этомъ проснвшему, ради почтенія той, которая была такъ щедра къ бѣднымъ, выдалъ вдоволь хлѣба, мяса, вина и денегъ". Но въ то время Конрадъ равнодушно смотрѣлъ на то, какъ его невѣсткѣ отказывали въ самой малой долѣ того, что онъ потомъ расточалъ въ память ея.

Елисавета не нашла помощи ни въ семьѣ—кромѣ безсильнаго заступничества тещи—ни среди вассаловъ мужа, ни среди жителей города, ею такъ часто облагодѣтельствованныхъ. Она была изгнана изъ замка Вартбургъ и лишена всѣхъ владѣній, составлявшихъ ея приданое, т. е. назначенныхъ ей мужемъ, по германскому обычаю, въ приданое. Вошедши въ Эйзенахъ, она нигдѣ не могла найти иного пріюта, какъ на дворѣ бѣдной харчевни, въ чуланѣ, въ которомъ хранилась посуда и находились поросята харчевника. Терпя напрасно гоненіе отъ людей своего мужа, лишенная своего имущества, она была вынуждена удалить

дѣтей и отдать ихъ, ради пропитанія, въ чужія руки; немногое, что у нея оставалось, она, отказывая самой себѣ, раздавала бѣднымъ, но ни бѣдственное ея положеніе, ни кротость, съ которой она его переносила, не спасали ее отъ оскорбленій. Случилось однажды, что старуха, часто отъ нея получавшая милостыню и лѣкарства, встрѣтивъ Елисавету, на пути въ церковь, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ для перехода черезъ глубокую грязь были положены камни, не захотѣла ей уступить дороги и столкнула ее; Елисавета поднялась съ улыбкой и замыла свое платье.

Къ этому времени наши источники относятъ первыя религіозныя видѣнія Елисаветы, о содержаніи которыхъ она, впрочемъ, скромно умалчивала, не смотря на распросы приближенныхъ: очевидный признакъ усилившейся религіозной экзальтаціи, которая обнаруживается въ дальнѣйшей жизни Елисаветы.

Наконецъ, о бѣдственномъ положеніи Елисаветы узнала ея тетка, игуменья большаго монастыря Кицингенъ, въ Франконіи. Она послала за нею и отвезла ее къ ея дядѣ, епископу Бамбергскому, который ее принялъ радушно. Но тутъ стала грозить ей другая бѣда: епископъ, желая обезпечить ее, вздумалъ было свою двадцатилѣтнюю племянницу выдать вторично замужъ. Намѣреніе епископа было тѣмъ болѣе для нея страшно, что онъ имѣлъ власть освободить ее отъ даннаго ею обѣта. Бывшія при ней дѣвушки, давшія тотъ же обѣтъ, зная крутой нравъ епископа, со слезами и печалью выражали ей свои опасенія, но Елисавета высказывала твердое упованіе на Бога и, ободряя ихъ, заявляла, что она воспротивится дядѣ всею силой своего духа и слова, въ крайнемъ же случаѣ такъ обезобразитъ лицо свое, что никто не захочетъ на ней жениться. Епископъ, между тѣмъ, приказалъ отвезти ее въ замокъ Ботенштейнъ, гдѣ она должна была оставаться до помолвки; но тутъ скоро ее избавила отъ страшной для нея неволи память того, кого она такъ любила при жизни.

Умирая, ландграфъ Лудвигъ приказалъ своимъ приближеннымъ отвезти его тѣло на родину и похоронить въ его любимомъ аббатствѣ. Вернувшись изъ Палестины, его вѣрные вассалы исполнили волю своего господина и съ его тѣломъ прибыли въ Бамбергъ, на пути въ Тюрингенъ. Епископъ послалъ гонца за Елисаветой, а самъ встрѣтилъ, въ торжественной процессіи, тѣло умершаго на крестовомъ походѣ ландграфа. Встрѣтившись съ останками мужа, Елисавета, обливаясь слезами, снова переживала любовь къ нему, во всей ея силѣ, и всю горечь разлуки, и оба эти чувства слились у нея въ одномъ религіозномъ аккордѣ. Въ ея молитвѣ высказалось глубокое сожалѣніе объ утраченномъ счастіи: она готова была бы отдать весь міръ, чтобы воскресить

жизнь любимаго мужа, готова была бы вѣчно нищенствовать вмѣстѣ съ нимъ; но въ то же время она выразила такую покорность волѣ Божіей, что противъ нея не хотѣла, цѣною одного волоса съ своей головы, воскресить покойнаго.

Прибывшіе изъ Палестины вассалы просили епископа отпустить съ ними Елисавету, обѣщая, что они возстановятъ ее во всѣхъ ея правахъ, и на этомъ условіи епископъ согласился на ихъ просьбу. Дѣйствительно, во время торжественнаго и всѣхъ глубоко тронувшаго погребенія ландграфа въ Рейнгардсбруннѣ, Вальтеръ фонъ-Варгула мужественно выступилъ защитникомъ Елисаветы. Произошло соглашеніе, въ силу котораго маленькій Германъ получилъ въ удѣлъ третью часть отцовскихъ владѣній— Гессенъ; Елисавета же была снова водворена въ Вартбургѣ и возстановлена въ своихъ правахъ.

Но затѣмъ въ Вартбургѣ снова начались было притѣсненія, которыя были улажены на этотъ разъ Конрадомъ Марбургскимъ, при участіи, повидимому, самого папы Григорія IX. Результатомъ этого соглашенія было то, что Елисавета навсегда покинула Вартбургъ и переселилась въ предоставленный ей городъ Марбургъ въ Гессенѣ.

Такимъ образомъ, Елисавета попала подъ непосредственное начало своего духовника, и для нея начался новый и самый тяжелый періодъ ея жизни.

Желаніе Елисаветы заключалось собственно въ томъ, чтобы, раздавши все свое имущество, поступить въ монастырь или нищенствовать, по обычаю Францисканцевъ. Но, не смотря на ея слезныя мольбы, Конрадъ не разрѣшилъ ей ни того, ни другого. По принятому Францисканцами и Доминиканцами обычаю, Елисавета дала обѣтъ полнаго *послушанія* Конраду (santa ubbedienza Францисканцевъ), и онъ такимъ способомъ сдѣлался безусловнымъ руководителемъ ея совѣсти. Онъ согласился лишь на то, что дозволилъ ей и ея дѣвушкамъ, весною 1229 г., въ Францисканской церкви, въ Эйзенахѣ, торжественно облечься въ сѣрую рясу сестеръ Францисканскаго ордена, т. е. публично заявить предъ міромъ свое намѣреніе безвозвратно отречься отъ міра.

Переѣхавъ въ Марбургъ, Елисавета сначала поселилась въ одной изъ окрестныхъ деревень, въ развалившемся домикѣ, около уцѣлѣвшей печи, кое-какъ прикрывъ свое жилище сучьями отъ солнца и непогоды. Потомъ, когда былъ отстроенъ въ Марбургѣ предназначенный для нея домъ, изъ глины, съ деревяннымъ переплетомъ, какъ еще и доселѣ строятъ крестьянскіе дома въ той мѣстности, она переселилась въ городъ. Здѣсь она всецѣло отдалась подвигамъ милосердія и благотворительности. Она выстроила го-

спиталь на часть, выданныхъ ей въ счетъ ея приданаго, двухъ тысячъ марокъ и на деньги, вырученныя продажею драгоцѣнностей и шитыхъ золотомъ-шелковыхъ тканей, оставшихся отъ ея отцовскаго приданаго.

Въ этомъ госпиталѣ она взяла на себя роль не только сестры милосердія, но и служанки. Она сама стлала постель больнымъ и укрывала ихъ, мыла ихъ бѣлье, давала лѣкарство, утѣшала и наставляла, превосходя всѣхъ другихъ служанокъ смиреніемъ и добротою съ больными, наиболѣе тяжелыми для ухода. Остававшіяся въ ея распоряженіи средства она тратила на милостыню, сама посѣщая бѣдныхъ, входя во всѣ мелочи ихъ жизни, осматривая постель, заботясь объ ихъ одеждѣ и доставляя имъ хлѣбъ и мясо. Однажды она заразъ получила изъ своихъ денегъ 500 марокъ; она велѣла оповѣстить объ этомъ бѣдныхъ на 12 миль кругомъ, и когда они собрались въ назначенный день, велѣла имъ сѣсть рядами на землю и не переходить съ мѣста; затѣмъ, съ своими дѣвушками, обходила ряды и цѣлый день раздавала милостыню. Когда стало вечерѣть, и полная луна взошла на небо, нищіе начали расходиться по домамъ; слабые же и старые расположились ночевать вдоль сосѣднихъ заборовъ. Узнавъ объ этомъ, Елисавета велѣла вынести имъ хлѣба и другихъ припасовъ и, вдобавокъ, раздать имъ еще по 6 пфениговъ. Затѣмъ приказала развести огни, и когда воздухъ огласился пѣснями облагодѣтельствованныхъ людей, сказала своимъ дѣвушкамъ: „Не правда ли, что надо веселить людей“ (laetos facere homines), и она радовалась съ веселившимися.

Сама она съ своими дѣвушками старалась кормиться собственнымъ трудомъ. Ей присылали изъ одного женскаго монастыря шерсть, которую она пряла, получая за работу деньги. На эти деньги она дѣлала приношенія церкви. Она неутомимо предавалась своей работѣ даже во время болѣзни, такъ что дѣвушки отнимали у нея прялку; тогда она занималась наматываніемъ шерсти. Питались онѣ овощами, которыя часто, по недостатку или нарочно, готовились безъ соли; Елисавета сама ихъ варила и когда случалось, что горшокъ пригоралъ, или кушанье пахло дымомъ, смиренно выслушивала дѣлаемые ей упреки. Съ своими дѣвушками она обращалась какъ съ сестрами, требовала, чтобы онѣ называли ее не госпожей, а запросто—Елисаветою, сажала ихъ рядомъ съ собою и заставляла ѣсть съ одного блюда, не смотря на ихъ опасеніе, что онѣ слишкомъ зазнаются.

При всѣхъ лишеніяхъ, которымъ она себя добровольно подвергала въ пищѣ и одеждѣ, Елисавета была однако чужда того аскетизма, который видѣлъ совершенство въ умерщвленіи тѣла.

Она была въ этомъ отношеніи такъ осторожна, что призывала врача и просила дать ей совѣтъ: не слишкомъ ли она во многомъ себѣ отказываетъ и не подвергаетъ ли она себя опасности заболѣть, такъ какъ, по ея словамъ, она могла этимъ изъять себя изъ подъ покорности Божіей волѣ, и тогда, за чрезмѣрное воздержаніе, ей пришлось бы отвѣчать предъ Богомъ. Вообще, Елисавета, несмотря на свою молодость и крайнюю набожность, во многомъ стояла выше религіозныхъ понятій своихъ современниковъ. Когда ей однажды, въ одномъ монастырѣ, содержавшемъ себя подаяніемъ, показали изваянія, роскошно позолоченныя, она сказала тѣснившимся вокругъ нея монахамъ: „лучше бы вы эти деньги потратили на содержаніе ваше, чѣмъ на стѣны, такъ какъ эти изображенія вы должны носить въ сердцѣ вашемъ“. А когда ей кто-то сталъ говорить о прекрасно написанномъ образѣ, совѣтуя его пріобрѣсти, она отвѣтила, что не нуждается въ этомъ образѣ, ибо онъ у нея въ сердцѣ.

Такова была Елисавета, предоставленная собственной своей прекрасной натурѣ. Легко, безъ усилій, по влеченію благородной души, она достигла высокаго самоотверженія. Но великій принципъ самоотреченія на пользу міра былъ въ то время немыслимъ безъ *презрѣнія* къ міру. И это презрѣніе къ міру было навязано Елисаветѣ ея духовнымъ руководителемъ. „Когда, читаемъ мы, магистръ Конрадъ внушилъ (persuaserat) Елисаветѣ презрѣніе къ міру, она стала молить Господа, во-первыхъ, о томъ, чтобы онъ помогъ ей презрѣть всѣ земныя блага, во-вторыхъ, чтобы онъ отнялъ у нея чрезмѣрную любовь къ дѣтямъ, въ-третьихъ, чтобы научилъ ее пренебреженію къ обидамъ и оскорбленіямъ“. Таковыхъ Елисаветѣ приходилось не мало терпѣть. Одни выказывали ей пренебреженіе за ея бѣдный образъ жизни и за ея милосердіе, глумились надъ ней и называли глупой и сумасшедшей. Другіе ставили ей въ укоръ ея ровное, покорное настроеніе духа и упрекали въ томъ, что она слишкомъ скоро позабыла о своемъ мужѣ. Со всѣмъ этимъ и еще съ худшимъ Елисавета, какъ мы увидимъ, примирялась: она удалила также отъ себя дѣтей, которыхъ сначала привезла съ собою въ Марбургъ, и раздала ихъ на воспитаніе въ чужія руки. Достигнувъ того, чего отъ нея требовали, она была въ состояніи сказать своимъ дѣвушкамъ, что Господь услышалъ ея молитву, и она теперь не только признаетъ мірскія блага прахомъ и радуется осужденію и клеветѣ людской, „но и къ дѣтямъ относится (curo), какъ ко всякому ближнему“. При такомъ ея настроеніи можно придать вѣру и извѣстію, будто бы она выражала сожалѣніе, что вышла замужъ.

Но этого было недостаточно для фанатика, занявшагося духов-

нымъ воспитаніемъ Елисаветы. Для того, чтобы она прошла всю школу святости, какъ онъ ее понималъ, нужно было подвергать ее испытанію, нужно было „во всемъ сломить ея волю“, нужно было, чтобы принципъ безусловнаго послушанія торжествовалъ надъ всякимъ свободнымъ біеніемъ сердца.

„Чтобы сильнѣе ее огорчить“, Конрадъ удалилъ отъ нея всѣхъ, кого она любила, и наконецъ ея любимицу, Изентруду, которую она отпустила съ большимъ горемъ и многими слезами. Послѣднею была удалена Гута, которая состояла при ней съ дѣтства. „Магистръ Конрадъ доброй памяти“, разсказываетъ сама Изентруда, „сдѣлалъ это съ добрымъ намѣреніемъ, боясь, что мы станемъ говорить съ ней о прежнемъ ея житьѣ въ мірской славѣ“. Когда Изентруда и Гута приходили иногда ее навѣщать, она не смѣла дать имъ что нибудь поѣсть или даже говорить съ ними безъ разрѣшенія. Всѣ свидѣтельства единогласно повѣствуютъ о томъ, какъ Елисавета *боялась* Конрада.

Елисавета какъ будто бы оправдывалась въ томъ, что выбрала его своимъ духовникомъ, говоря, что могла бы поступить на послушаніе къ могущественному епископу или аббату, но избрала Конрада потому, что онъ ничѣмъ не владѣлъ и „для того, чтобы не имѣть въ жизни никакого утѣшенія“. Она говорила, что очень боится его, „но вмѣсто Бога“, т. е. что этотъ страхъ служитъ ей школою для страха Божіяго: „если я такъ боюсь человѣка смертнаго, то какъ я должна страшиться Бога всемогущаго, который есть Господь и Судія всѣмъ“.

Вмѣсто вѣрныхъ и лично преданныхъ дѣвушекъ Конрадъ приставилъ къ Елисаветѣ двухъ „строгихъ“ женщинъ, отъ которыхъ она терпѣла много притѣсненій, и которыя, кромѣ того, поступали съ ней коварно, часто донося Конраду на нарушеніе ею обѣта послушанія ему.

Дѣло въ томъ, что Конрадъ ограничивалъ ее въ ея благотворительности: онъ, напримѣръ, запретилъ ей подавать заразъ болѣе одного пфенига; а когда она стала давать большую милостыню въ нѣсколько пріемовъ, то онъ приказалъ ей дѣлать подаяніе не деньгами, а хлѣбомъ, и наконецъ потребовалъ, чтобы она раздавала не цѣлые хлѣбы, но ломтями. Точно также онъ запретилъ ей омывать прокаженныхъ и подобныхъ больныхъ, а также трогать и цѣловать ихъ. Эти распоряженія можно оправдывать, какъ это пытается дѣлать Изентруда, заботой Конрада о здоровьи Елисаветы или желаніемъ остановить ея чрезмѣрную щедрость. Но пріемы, къ которымъ прибѣгалъ Конрадъ, доказываютъ, что имъ руководила совсѣмъ иная забота, ибо за нарушеніе своихъ приказаній онъ подвергалъ Елисавету не только брани, но побоямъ

и пощечинамъ, которыя ей были желанны въ память страданій Господнихъ. Руководительство Конрада постепенно извратилось въ мелочную тиранію, которую она терпѣливо сносила.

Ради вящшаго испытанія, Конрадъ поступалъ съ Елисаветой даже коварно, подобно приставленнымъ къ ней шпіонамъ. Елисавета помѣстила свою младшую дочь, какъ она условилась съ мужемъ, въ монастырь Алтенбургъ, по сосѣдству съ Марбургомъ. Однажды Конрадъ, отправившись въ Алтенбургъ, прислалъ сказать Елисаветѣ, чтобы она туда пріѣзжала на совѣщаніе о помѣщеніи ея самой въ монастырь. Между тѣмъ монахини Алтенбургскаго монастыря, посѣщеніе котораго было строго запрещено интердиктомъ, узнавъ о пріѣздѣ Елисаветы, просили Конрада, чтобы онъ ей разрѣшилъ войти къ нимъ. Конрадъ отвѣтилъ: „пусть войдетъ, если хочетъ“. Елисавета поняла это, какъ разрѣшеніе, и воспользовалась имъ. Послѣ этого Конрадъ объявилъ Елисаветѣ, что она подверглась отлученію отъ церкви, и приказалъ ей, какъ и Ирменгардѣ, которая оставалась снаружи и только открыла ей дверь монастыря, лечь на земь, а монаху Герарду долго бить ихъ длиннымъ и толстымъ прутомъ; самъ же въ это время распѣвалъ: „Помилуй меня, Господи“. Ирменгарда прибавила къ этому своему разсказу, что, по прошествіи трехъ недѣль и больше, на тѣлѣ Елисаветы оставались слѣды побоевъ: такъ сильно она была избита. И еще говорила Ирменгарда, что послѣ того, какъ Елисавета подверглась этому наказанію, она слышала отъ нея слѣдующія слова: „Намъ слѣдуетъ кротко переносить все это, ибо мы, какъ былинки, растущія на берегу рѣки; когда рѣка разливается, былинки склоняются къ землѣ и, не вредя имъ, вода черезъ нихъ проходитъ; когда же половодье минуетъ, былинки поднимаются и веселѣе прежняго растутъ и крѣпнутъ. Такъ и мы должны смиряться и сгибаться, а потомъ весело и радостно подниматься духомъ“.

Такъ два года съ лишнимъ переносила Елисавета эти испытанія, терпѣливо и радостно, „какъ будто не подвергаясь ни малѣйшей печали“.—Незадолго до смерти, бывшая при ней дѣвушка услышала ея пѣніе, и на ея разспросы умирающая ей сообщила, что между ея постелью и стѣной какая-то птичка такъ сладко пѣла, что она должна была ей вторить. Тихо скончалась Елисавета 24-хъ лѣтъ, 19 ноября 1231 года. Два года спустя умеръ и ея мучитель, успѣвъ еще своимъ посланіемъ къ папѣ, до насъ дошедшимъ, съ восхваленіемъ Елисаветы, положить начало ея канонизаціи.

Могила Елисаветы быстро поросла густымъ цвѣтомъ чудесныхъ и поэтическихъ легендъ. Изъ нихъ одна особенно извѣстна и характерна.

Однажды Елисавета набрала на Вартбургѣ большой узелъ съѣстныхъ припасовъ, собираясь ихъ отнести бѣднымъ. Спускаясь по узкой тропинкѣ, она встрѣтилась лицомъ къ лицу съ мужемъ. Ландграфъ спросилъ, что она несетъ. Смущенная мыслью, что ландграфъ будетъ недоволенъ ея безконечной щедростью, она замялась; ландграфъ развернулъ узелъ и увидѣлъ, что онъ полонъ самыхъ красивыхъ и благоухающихъ розъ. Понявъ знаменіе, онъ молча взялъ одну изъ розъ и унесъ ее къ себѣ, и она, не увядая, продолжала благоухать.

Эта неувядающая роза есть символъ самой Елисаветы и вѣчно-живой красоты ея историческаго образа. Нравы и идеалы людей могутъ измѣняться, но всегда для нихъ сохранитъ свою прелесть этотъ чистый, свѣтлый обликъ, полный смиренія, милосердія и любви.

В. Герье.

ВО-ВРЕМЯ!

Разсказъ.

I.

На одной изъ отдаленныхъ улицъ губернскаго города Владычeнска стоитъ старое, каменное, двухъ-этажное зданіе, съ обвалившеюся мѣстами штукатуркой, съ многочисленными заплатами на окнахъ, которыя глядятъ на улицу хмуро и непривѣтливо. Нижнія стекла замазаны краской, когда-то бѣлой, теперь уже изжелта-сѣрой; кое-гдѣ слой этой несносной краски соскобленъ, и къ дырочкѣ иногда приставляется дѣтскій глазокъ и украдкой взглядываетъ на огороды, тянущіеся по другую сторону улицы, на прихотливо изогнутую ленту рѣки за огородами и на необозримую площадь полей и луговъ зарѣчной стороны.

Если какой-нибудь любознательный пріѣзжій случайно забредетъ въ этотъ отдаленный кварталъ, то онъ съ любопытствомъ останавливается передъ этимъ хмурымъ зданіемъ и читаетъ полинявшую вывѣску надъ параднымъ подъѣздомъ: „Пріютъ дамскаго Владычeнскаго попечительства о бѣдныхъ сиротахъ, имени поч. гражд. И. А. Недоумова“. Тотъ, кто заинтересовался бы этимъ учрежденіемъ, могъ бы, послѣ тщательныхъ разслѣдованій, дознаться, что лѣтъ двадцать назадъ, съ мѣстнымъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Недоумовымъ случилась нѣкая катастрофа, и что, для устраненія ея непріятныхъ послѣдствій, онъ поспѣшилъ заявить, куда слѣдуетъ, о пожертвованіи стараго фабричнаго зданія, пустовавшаго за прекращеніемъ производства, и тридцати тысячъ рублей на благотворительныя цѣли. Тогдашняя помпадурша, достаточно изучившая пріемы филантропіи въ одномъ петербургскомъ комитетѣ и смертельно скучавшая въ сонномъ Владычeнскѣ, съ радостью ухватилась за благодарное

дѣло устройства дамскаго попечительства. И самъ помпадуръ, видамъ котораго затѣя его супруги отнюдь не противорѣчила, принялъ въ ней живое участіе, благодаря чему капиталъ, пожертвованный Недоумовымъ, увеличился почти вдвое и, кромѣ того, изысканы были нѣкоторые постоянные источники дохода. Зданіе было ремонтировано, надворныя строенія приспособлены для разныхъ службъ; при дѣятельномъ участіи квартальныхъ надзирателей и становыхъ приставовъ собрано было, по улицамъ города и ближайшимъ деревнямъ, десятка три бѣдныхъ сиротъ; пріютъ освятили, провозгласили многолѣтіе всѣмъ участникамъ благаго дѣла, съѣли завтракъ, спрыснули „благое дѣло“ шампанскимъ и дали телеграммы объ этомъ событіи въ столичные города. Вскорѣ послѣ этого, другой коммерсантъ, Недоносковъ, также почувствовалъ склонность къ огражденію своей репутаціи болѣе существеннымъ образомъ,—и на дворѣ пріюта явилось новое деревянное зданіе съ вывѣской: „Пріютская больница имени“ и т. д.

Тихо и скромно прошелъ довольно длинный рядъ лѣтъ. Дѣятельная помпадурша уже давно засѣдала въ трехъ или четырехъ петербургскихъ благотворительныхъ комитетахъ и обществахъ; граждане Недоумовъ и Недоносовъ поумирали; Владыченское попечительство изрѣдка только освѣжалось новой предсѣдательшей казенной палаты или вице-губернаторшей, но никогда не насчитывало болѣе восьми—десяти дамъ-членшъ. А такъ какъ нынѣшняя помпадурша мало интересовалась унаслѣдованными ею отъ предшественницъ формами благотворенія и стремилась создать что-нибудь вполнѣ „свое“, то штукатурка въ пріютскомъ зданіи обвалилась, цѣльныя стекла замѣнялись мозаичными, золотыя буквы на вывѣскѣ совсѣмъ облиняли, число призрѣваемыхъ съ тридцати спустилось до восемнадцати, одѣвали ихъ и кормили много „проще“, сравнительно съ прежними годами, и всѣ прочія перемѣны въ пріютской жизни были въ такомъ же духѣ. Пріютъ, начинавшій линять снаружи, сталъ страдать и внутреннимъ худосочіемъ, и дѣти, отдаваемыя въ мастерство, „за достиженіемъ узаконеннаго возраста“, считали день своего выхода изъ пріюта величайшимъ праздникомъ.

Въ послѣднее время медицинскою частью въ пріютѣ завѣдуетъ Аркадій Ивановичъ Кольцовъ, докторъ, только еще создающій себѣ титулы „глубокоуважаемаго“ и „почтеннѣйшаго“. Должность пріютскаго врача была завиднымъ кускомъ для владыченскихъ врачей, потому что доставляла мало хлопотъ и много выгодъ: заглянуть изрѣдка въ больничку, разъ въ мѣсяцъ подписать книги, перекинуться двумя-тремя любезными словами съ начальницей, во время бѣглаго осмотра призрѣваемыхъ,—вотъ и всѣ хлопоты;

а выгоды заключались въ знакомствѣ съ сливками общества, въ расширеніи частной практики, а иногда—послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы—въ полученіи чина или ордена. Но недавно Аркадію Ивановичу была нанесена небольшая непріятность новымъ инспекторомъ врачебной управы, которому показалось, что Аркадій Ивановичъ недостаточно уступчиво и почтительно игралъ съ нимъ въ винтъ; вскорѣ послѣ этого инспекторъ посѣтилъ пріютскую больницу и обратилъ вниманіе Аркадія Ивановича на нерасторопность и неряшливую внѣшность фельдшера военнаго званія, получавшаго пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, на запущенность аптечки, на отсутствіе плевальницъ при кроватяхъ и на нѣкоторыя другія, столь же знаменательныя упущенія, что находилось, по мнѣнію инспектора, въ прямой зависимости отъ недостаточнаго надзора со стороны врача. Аркадій Ивановичъ, обидѣвшій инспектора за винтомъ безъ всякаго злаго умысла и стремившійся упрочить добрыя отношенія между ними, обѣщалъ принять самыя радикальныя мѣры для устраненія замѣченныхъ начальствомъ упущеній. Но обѣщать было легче, чѣмъ исполнить: не ѣздить же, въ самомъ дѣлѣ, въ эту дыру каждый день,—вѣдь этакъ и съ частной практикой придется распрощаться!.. Ну его къ черту и этотъ пріютъ, въ такомъ случаѣ!

Аркадій Иванычъ совсѣмъ ужъ было остановился на выборѣ меньшаго изъ двухъ золъ, какъ вдругъ оказался прекрасный выходъ изъ его затруднительнаго положенія. Въ перерывѣ между двумя робберами, одинъ изъ его партнеровъ, пріѣзжій изъ уѣзда помѣщикъ, разсказалъ ему, что встрѣтилъ на улицѣ, бывшаго когда-то въ томъ уѣздѣ, земскаго врача Полоткова, который почти что спился, дошелъ повидимому до крайней нищеты и никакого заработка найти не можетъ. Аркадій Ивановичъ подумалъ: нельзя ли этого жалкаго коллегу опредѣлить фельдшеромъ въ пріютъ? Выгоды для него отъ такого добраго дѣла были очевидны; значитъ—надо дѣйствовать быстро и энергично. Черезъ два дня все было готово.

Одиннадцать дѣвочекъ и семь мальчиковъ, въ возрастѣ отъ пяти до двѣнадцати лѣтъ, стояли въ два ряда въ пріютской залѣ и пугливо смотрѣли на приближавшуюся къ нимъ группу начальства. Мальчики были въ курточкахъ и панталонахъ изъ сѣраго сукна, дѣвочки—въ синихъ холщевыхъ платьяхъ, съ бѣлыми косынками и фартуками; обувь у многихъ, требовала тщательнаго ремонта, за то головы у всѣхъ были мастерски обстрижены подъ гребенку.

— Вотъ они, питомцы славы... или, нѣтъ, вѣрнѣе: достославные питомцы достославной Настасьи Игнатьевны, хе, хе!..—говорилъ Аркадій Ивановичъ, весело потирая руки.

Начальница пріюта, рыхлая дама пятидесяти лѣтъ, съ черной кружевной наколкой на сѣдѣющихъ волосахъ и въ черномъ платьѣ, подозрительно посмотрѣла на доктора, не зная — благодарить ли за комплиментъ или обидѣться по поводу вольности? Лучше всего—отвѣтить неопредѣленно:

— Ну ужъ, Аркадій Иванычъ, вы всегда такое скажете, что ужъ...

— Ха, ха!.. Да почтеннѣйшая Настасья Игнатьевна начинаетъ цитатами говорить,—слышите, коллега?.. Только не помню, откуда! Можетъ быть, вы напомните, драгоцѣнная Лизавета Васильевна?— обратился докторъ къ надзирательницѣ.

Эта особа, въ контрастъ начальницѣ, была высокаго роста и худа, какъ только можетъ быть худа дѣвица въ тридцать два года, у которой постоянно разливается желчь. Лизавета Васильевна исполняла свои обязанности съ чувствомъ, близкимъ къ отвращенію; несносныхъ дѣтей, постоянно ее раздражавшихъ, ненавидѣла и сто разъ на дню восклицала: „Господи, да скоро-ли я вырвусь изъ этого ада кромѣшнаго“? Но такъ какъ молитвы ея не приносили видимыхъ результатовъ, и она уже нѣсколько лѣтъ возилась съ „паршивцами“,—эпитетъ, которымъ она награждала питомцевъ въ раздраженномъ состояніи духа,—то желчь разливалась у ней все чаще и чаще, а необходимымъ слѣдствіемъ этихъ припадковъ было учащеніе дней діэты питомцевъ и удвоенное количество шлепковъ линейкой, перепадавшихъ на ихъ долю. Настасья Игнатьевна не любила никакихъ волненій и потому не вмѣшивалась ни въ систему воспитанія, практиковавшуюся Лизаветой Васильевной, ни въ ея распоряженія относительно обѣденнаго меню провинившихся питомцевъ. Даже напротивъ: блюдя финансовые интересы пріюта, начальница съ благосклонностью внимала сообщенію, что, вмѣсто восемнадцати мясныхъ порцій, на кухнѣ изготовляется только десять. Изъ понятнаго чувства благодарности къ своей наставницѣ, питомцы не называли ее въ своихъ разговорахъ иначе, какъ „ехидной“, тогда какъ начальница была извѣстна у нихъ подъ болѣе мягкимъ именемъ „квашни“.

Начальство останавливается передъ фронтомъ питомцевъ и молча созерцаетъ ихъ сумрачныя или испуганныя лица. Ангелоподобныхъ дѣтокъ, такъ радующихъ сердца культурныхъ родителей, здѣсь напрасно было бы искать: это все дѣти нищеты или разгула, а красота—очень пугливая богиня, и въ дѣйствительности, въ противоположность завѣреніямъ сентиментальныхъ поэтовъ, рѣдко заглядываетъ въ конуры, гдѣ гнѣздятся эти два исчадія адовы.

— Лизавета Васильевна, смотрите: у этого противнаго Хомуто-

ва куртка опять разорвана! Что же это такое, наконецъ?.. А Сидорова совсѣмъ не умѣетъ держаться въ присутствіи начальниковъ... Ты какъ это стоишь, а?. Гдѣ у тебя руки, я спрашиваю?..

Лизавета Васильевна кидается къ Хомутову и осматриваетъ его курточку. Увы, какъ онъ ни старается прижать локоть къ тѣлу, но изъ-подъ мышки выглядываетъ-таки предательская прорѣха!.. „Ехидна“ стукаетъ, для памяти, раза два своимъ сухимъ пальцемъ по головѣ преступника, шипитъ у него надъ ухомъ: „безъ обѣда сегодня!“ и перебѣгаетъ къ Сидоровой, у которой выхватываетъ руки изъ-подъ фартука. Восьмилѣтняя дѣвочка зажмуриваетъ отъ страха глаза, десятилѣтній мальчикъ враждебно смотритъ на костлявую спину наставницы: его зеленоватые глаза съузились, челюсти сжались, щеки поблѣднѣли. Признаки глубокаго душевнаго волненія въ душѣ мальчика были замѣчены однимъ изъ группы начальствующихъ, державшимъ себя, однако поодаль отъ прочихъ. Это былъ невысокаго роста человѣкъ, неопредѣленнаго возраста, — ему можно было дать и тридцать, и сорокъ,—съ жидкими прядями бѣлокурыхъ волосъ на головѣ и съ мочальной бородкой клиномъ; глаза его смотрѣли тускло и апатично, черты лица носили на себѣ слѣды—не то болѣзни, не то душевнаго недуга; нижняя губа выдвигалась впередъ и прижимала верхнюю. Потертый черный сюртукъ, застегнутый доверху, довольно удачно скрывалъ недостатокъ крахмальнаго бѣлья, но сильно обитые задки триковыхъ клѣтчатыхъ панталонъ явно выдавали несовершенное состояніе гардероба доктора Полоткова.

Онъ подошелъ къ мальчику и продолжительно посмотрѣлъ на него; тотъ вскинулъ-было на незнакомое лицо глазами, но тотчасъ же опять потупился. Полотковъ привычными жестами ощупалъ у мальчика мускулы, посмотрѣлъ окраску нижняго вѣка, потомъ сталъ задумчиво перебирать пальцами по гладко-остриженной головѣ мальчика, съежившагося подъ рукой молчаливаго незнакомца.

— Что, коллега, не френологіей ли занимаетесь?.. Недурной, вѣдь, кандидатъ въ арестантскія роты, ха ха?...

Полотковъ, не поднимая головы, бросилъ быстрый взглядъ на коллегу и увидалъ изъ всей его фигуры только нижнюю ея половину, ограниченную на срединѣ живота золотой цѣпью съ брелоками, которые колыхались отъ здороваго докторскаго смѣха.

— Нѣтъ, наблюдаю симптомы истощенія...

Настасья Игнатьевна услыхала разговоръ коллегъ и испугалась: не о сыпной ли болѣзни какой-нибудь идетъ у нихъ рѣчь?. А изъ всѣхъ болѣзной, бывающихъ и могущихъ быть у питомцевъ, Настасья Игнатьевна боится почему то только тѣхъ, которыя сопровождаются сыпями.

— Не сыпь-ли, послушайте?.. Вы нашли что-нибудь?. обращается она къ Полоткову, затрудняясь назвать его докторомъ (вѣдь, онъ у нихъ фельдшеромъ!) и уже забывъ его имя и отчество.

— Нѣтъ, не сыпь, а хроническое голоданіе, — отвѣчаетъ тотъ совсѣмъ неделикатно.

— Ахъ, какъ я испугалась: я думала — сыпь!.. А голоданіе — это пустяки: у меня питомцы не голодаютъ! Имъ отпускаются порціи по таблицамъ, которыя еще двадцать лѣтъ назадъ были утверждены попечительствомъ; и никогда голоданій не было!

— Порціи—порціями; да часто ли они ихъ получаютъ? Кажется, и сегодня онъ безъ обѣда оставленъ за курточку. Вотъ, посмотрите сюда...

По мѣрѣ того, какъ говорилъ новый „фельдшеръ", губы начальницы сжимались все плотнѣе, а голова поднималась все выше; а когда этотъ безтактный человѣкъ сталъ оттягивать глазныя вѣки у мальчика и предложилъ ей посмотрѣть ихъ, то она окончательно возмутилась.

— Что касается педагогическихъ мѣропріятій, то я просила бы господина Полоткова не вмѣшиваться въ нихъ. Вы, вѣдь, объяснили, Аркадій Иванычъ, господину Полоткову его обязанности? Содержать аптеку въ исправности, ухаживать за больными въ лазаретѣ, оказывать здѣсь по моему (она сильно подчеркнула слово „моему") приглашенію помощь...

— Обо всемъ этомъ мы, почтеннѣйшая Настасья Игнатьевна, уже условились съ коллегой. Онъ отнюдь не вмѣшивается въ вашу педагогію, но, на первый разъ, счелъ своей обязанностью... Я тоже, если припомните, нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ вами на ту же тему...

Послѣдняя фраза была сказана Аркадіемъ Ивановичемъ спеціально для коллеги, потому что—еслибъ дѣло повести на чистоту—онъ самъ уже не помнитъ, бесѣдовалъ ли онъ когда-нибудь на эту тему; можетъ быть, при случаѣ, между двумя шуточками, и вставилъ для очистки совѣсти словечко, но это было такъ давно, такъ давно!..

Настасья Игнатьевна сочла за лучшее окончить разговоръ безаппелляціоннымъ оборотомъ рѣчи:

— Я благодарна за внимательность и приму въ соображеніе... Ну-съ, Лизавета Васильевна, ведите ихъ въ классъ. У васъ теперь рукодѣлье? Не портьте даромъ матеріалъ!..

Дѣти, въ парахъ, прошли мимо начальницы, которая двухъ или трехъ изъ нихъ милостиво потрепала по щекѣ или по затылку; дѣвочка старше другихъ, послѣдняя изъ тѣхъ, которыя удостои-

лись начальнической ласки, схватила осчастливившую ее пухлую руку и громко чмокнула два раза.

— Вотъ эта, Ильина, у меня хорошая питомица: и учится недурно, и скромна, и очень религіозна. Что, Ильина, плохо я васъ кормлю?

— Помилуйте, благодѣтельница, да мы за васъ Бога вѣчно молить должны, а не то, что недовольными быть!..

— Ну, вотъ видите, господинъ... Полотковъ?.. Идите, идите, Лизавета Васильевна! А вы, Аркадій Иванычъ, загляните ко мнѣ на минутку!..

— Спѣшу! Но если на минутку,—извольте!

Полотковъ остался одинъ, не зная, ждать ли ему чего-то или идти къ себѣ. „А ну ихъ къ чорту!“—внезапно вспылилъ онъ и повернулся къ выходу. Въ эту минуту ему бросилась въ глаза аккуратно сложенная бумажка, лежавшая на полу, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дикій, злой и голодный мальчикъ, котораго ребра такъ легко было пересчитать черезъ куртку.

Онъ поднялъ и развернулъ бумажку; дѣтскимъ, неправильнымъ почеркомъ на ней было написано карандашемъ девять разъ: „Господи убѣй ихъ или чтопъ я умѣръ“, а въ началѣ и въ концѣ столбца этихъ моленій было нарисовано по кресту. Полотковъ машинально прочиталъ всѣ девять моленій, потомъ криво усмѣхнулся, сунулъ бумажку въ боковой карманъ сюртука и, понуривъ голову, вышелъ изъ пріютской залы.

Въ его комнатѣ, рядомъ съ аптекой, было пусто и неуютно. Плохое байковое одѣяло, подушка въ ситцевой наволочкѣ и маленькій холщевый чемоданъ, обшарпанный уголъ котораго торчалъ изъ-подъ кровати, составляли, повидимому, все имущество доктора. Хозяинъ этой неуютной конуры сидѣлъ на кровати, согнувшись и упершись локтемъ о колѣни, глаза его были безцѣльно устремлены на некрашенный полъ, давно и тщетно требовавшій ремонта.

Дверь въ аптеку шумно отворилась, и послышались быстрые шаги; Полотковъ вопросительно поднялъ голову.

— Можно?

И, не дожидаясь отвѣта, въ комнату влетѣлъ сіявшій всей своей фигурой Аркадій Ивановичъ. Онъ былъ въ пальто, съ цилиндромъ и тростью въ рукахъ.

— Извините, милѣйшій мой коллега, что я—не раздѣваясь!.. На минутку: — и безъ того ужасно опоздалъ! Вы такъ скоро исчезли оттуда, что мнѣ за вами въ догонку пришлось бѣжать...

Аркадій Ивановичъ бѣгло освидѣтельствовалъ состояніе одного изъ четырехъ стульевъ и легко присѣлъ на него, положивъ на

столъ трость, съ рѣзной ручкой слоновой кости, и умышленно не обращая вниманія на нелюбезность хозяина.

— Хотѣлъ перекинуться съ вами двумя словечками, коллега. Эта Настасья-квашня—препорядочная дура, между нами будь сказано. Она меня звала—знаете, для чего?.. Говоритъ, боится, какъ бы вы не стали подъ нее подкапываться, да разныя каверзы строить!.. Я, конечно, ее разувѣрилъ, насколько могъ, но, тѣмъ не менѣе, будьте осторожны, батенька!

Тутъ Аркадій Ивановичъ взглянулъ съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ на хмураго человѣка, подумавъ: а что, если ты, братъ, взаправду, и подъ меня начнешь каверзы подводить?

— Въ чемъ же моя осторожность должна, по вашему мнѣнію, выражаться?—спросилъ Полотковъ, все такъ же сумрачно глядя на гостя.

— Да вотъ, напримѣръ, не вмѣшиваться во внутренніе распорядки пріютскіе. Тамъ, знаете, много дряни разной происходитъ,—да развѣ мы съ вами исправимъ что-нибудь?!.. Только себѣ напортимъ, батенька,—повѣрьте мнѣ, человѣку опытному!

Полотковъ зло и насмѣшливо улыбнулся: этотъ фертикъ считаетъ себя болѣе опытнымъ! Но Аркадій Ивановичъ не видалъ его улыбки, потому что занялся добываніемъ папиросы изъ серебряной папиросницы; потомъ протянулъ папиросницу Полоткову, но тотъ отказался, тряхнувъ отрицательно головой.

— На свѣтѣ, батюшка мой, не проживешь, если не научишься ладить съ людьми,—продолжалъ Аркадій Ивановичъ, выпустивъ изящную струйку дыма.—Возьмемъ хоть вопросъ о питаніи этихъ малолѣтнихъ золоторотцевъ: вы думаете, я не вижу, что оно могло бы быть и должно быть лучше?... Прекрасно вижу-съ, на то вѣдь я и докторъ, и не безъ практики, ха, ха!.. Но, позвольте васъ спросить,—что же я могу тутъ сдѣлать?.. Начать ссориться съ „квашней“?.. На нее то бы наплевать, но за ней стоитъ попечительство, а во главѣ он-наго стоитъ „сама-съ“!.. И всѣ распоряженія „квашни“ попечительствомъ одобрялись въ теченіе многихъ лѣтъ; а теперь я долженъ, значитъ, доказывать, что всѣ эти бабы—дуры набитыя, и что онѣ, который уже годъ, истощаютъ дѣтей?.. Что онѣ поставляютъ въ мастерскія и ремесленныя заведенія полубольныхъ, недоученныхъ, неразвитыхъ поросятъ, изъ которыхъ тамъ пятьдесятъ на сто погибаютъ?.. Нѣтъ, батюшка, благодарю покорно: у этихъ дуръ мужья-то все именитые люди, съ ними стукаться лбами—слуга покорный!.. Лучше-съ я начихаю на весь этотъ пріютъ!.. Такъ вотъ какъ-съ, коллега, поняли теперь, въ чемъ штука?

Полотковъ продолжалъ пристально смотрѣть на оратора, не

подавая ему репликъ, но тотъ бодро несся впередъ, въ увѣренности, что аргументы его неотразимы.

— Итакъ, коллега, пока что, пока теченіе не вынесетъ вашу ладью на болѣе широкій плесъ, мы уговоримся съ вами сидѣть смирно, тихо, какъ подобаетъ умнымъ и практичнымъ людямъ. На этомъ и покончимъ нашъ консиліумъ, а?...

Полотковъ пожалъ плечами, предоставляя собесѣднику истолковать этотъ жестъ, какъ ему угодно; тотъ счелъ его за согласіе, въ формѣ признанія безсмыслія борьбы съ прочно сложившимися устоями общественной жизни.

— Денегъ вамъ не нужно-ли, коллега? Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь: вы хоть и взяли десять рублей, но я вполнѣ понимаю, что въ вашемъ положеніи...

— Нѣтъ, не нужно!

Аркадій Ивановичъ взглянулъ на часы, заторопился и, схвативъ сверху, за тыльную сторону, лѣвую руку Полоткова, слегка потрясъ ее, не отрывая отъ колѣна, на которомъ она лежала.

— Ну, въ такомъ случаѣ—прощайте!... Лечу, лечу, но не на крыльяхъ любви, а долга, ха, ха!..

Оставшись одинъ, Полотковъ вскочилъ, съ остервѣненіемъ плюнулъ и сталъ бѣгать изъ угла въ уголъ по своей коморкѣ.

II.

Стемнѣло. На крылечко флигеля, въ которомъ помѣщалась пріютская аптечка, взошелъ человѣкъ въ рыжемъ драповомъ пальто и тепломъ картузѣ. Позвонивъ раза два, посѣтитель нерѣшительно потянулъ дверь: она оказалась незапертой. Въ передней было темно; на лѣво, въ лазаретной, слабо бѣлѣлись покрывала и подушки на трехъ кроватяхъ; гдѣ то меланхолично стучалъ маятникъ. Посѣтитель чиркнулъ спичкой и вошелъ въ слѣдующую комнату, которая оказалась аптекой; въ глубинѣ ея была еще дверь.

— Есть здѣсь кто? Порфирій Гавриловичъ, докторъ, здѣсь?

Не получивъ ни откуда отвѣта, посѣтитель вошелъ въ послѣднюю комнату, прислушался и опять зажегъ спичку: на кровати лежалъ человѣкъ и слегка сопѣлъ полуоткрытымъ ртомъ. Тогда посѣтитель перевелъ духъ, оглянулся и зажегъ свѣчку, замѣченную на окнѣ; потомъ присѣлъ къ столу, съ любопытствомъ и жалостью вглядываясь въ лицо доктора.

Вѣроятно, у гостя было много выдержки, потому что прошелъ часъ, другой, а въ положеніи дѣйствующихъ лицъ ничего не измѣнилось: одинъ сопѣлъ, лежа на кровати, другой сидѣлъ,

ожидая пробужденія перваго. Наконецъ, тотъ пошевелился и зачмокалъ ссохшимися губами.

— Порфирій Гаврилычъ, а Порфирій Гаврилычъ!—окликнулъ сидѣвшій.

Докторъ открылъ глаза и сейчасъ же опять зажмурилъ ихъ, ослѣпленный свѣтомъ стеариноваго огарка. Посѣтитель подошелъ къ нему и потрясъ его за плечо; докторъ раскрылъ глаза пошире, и взглядъ ихъ упалъ прямо на лицо посѣтителя. Докторъ безмолвно вглядывался въ это круглое, добродушное и бѣлобрысое лицо.

— Не узнаете?... Это я, Львовъ, учитель изъ Синявина.

Мыслительные аппараты въ докторскомъ мозгу мучительно заработали, стараясь преодолѣть тяжесть похмѣлья и разогнать мракъ тупого, животнаго состоянія; наконецъ, среди этого мрака блеснулъ лучъ сознанія.

— Львовъ? Николай Николаичъ?.. Божья коровка, какими судьбами?

— Я, я самый! Часа два ужъ жду...

— Пока пьяная рожа проспится?.. Да, батюшка, сознаюся, что пьяная рожа! А все-жъ лучше, чѣмъ въ божьихъ коровкахъ состоять!.. Однако, здравствуйте!

Докторъ всталъ, слабо пожалъ руку Львову и сталъ набивать папиросу плохо слушавшимися пальцами. Потомъ опять сѣлъ на кровать, подальше отъ свѣта.

— Да, вотъ онъ я! Хорошъ?.. Докторъ—на фельдшерскомъ положеніи, пьетъ безъ просыпу, ну, и все прочее сему вполнѣ соотвѣтствуетъ! (Онъ указалъ на обстановку). Великолѣпно, а? Что другая „божья коровка“ сказала-бы, добродѣтельнѣйшая Софья Николаевна, а?

— Сестра велѣла вамъ кланяться. Она...

— Ну, конечно — кланяться! Нельзя же не велѣть кланяться: Зачѣмъ человѣка обижать, хотя никакого до него дѣла нѣтъ!.. Узнаю олицетвореніе кротости и великодушія... Ну, а вы сюда зачѣмъ?

— Экспромптомъ собрался: дѣльце маленькое есть, да и вообще—осмотрѣться. У насъ вѣдь Покровъ четыре дня—не меньше прогуляютъ, да еще воскресенье; ну, ребятишки все равно манкировать будутъ. Я и махнулъ съ попутчикомъ: даромъ подвезъ Иванъ Ипатычъ, знаете?..

— Какъ не знать! Первостепенный мошенникъ! Отъ него бы корки хлѣба принимать не слѣдовало, а не то что... Ну, коровка, я ужъ выпью одну, а то никакъ раскачаться не могу. А вы — ни-ни?..

Докторъ взялъ бутылку, на днѣ которой оставалось съ рюмку, выпилъ, отломилъ кусочекъ пеклеванника и старательно пожевалъ его. Гость молча потрясъ головой и слѣдилъ за всѣми его движеніями.

— Ну, ну, спасайтесь! А съ Иваномъ Ипатычемъ дружбу водить можно?

— Да развѣ я дружбу вожу?..—отвѣтилъ нѣсколько взволнованно учитель.—Но онъ дѣлаетъ много для школы. Вотъ, нынче лѣтомъ парты новыя сдѣлалъ, рублей шестьдесятъ ему стало: это вѣдь нужно принимать во вниманіе при оцѣнкѣ его личности?.. А если я его начну игнорировать, то онъ эксплуатировать массы будетъ продолжать попрежнему, а активнаго отношенія къ школѣ ужъ не станетъ проявлять...

— Коровка—такъ коровка и есть!.. Два года не видались, а все такой же неунывающій россіянинъ! Сколько разъ на эту тему было говорено и со вторымъ экземпляромъ вашимъ, мягкосердной Софьей Львовной!.. Ну, да уши выше лба не ростутъ!—Эхъ, нектаръ-то весь!.. Подождите-ка минутку, я сейчасъ...

Докторъ полѣзъ въ карманъ брюкъ, досталъ двѣ серебряныхъ монеты и съ пустой бутылкой къ рукахъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Сидоръ, Сидо-оръ! — слышались нѣкоторое время его призывы на дворѣ. Онъ вернулся уже безъ посуды въ рукѣ и весело улыбаясь.

— Личарда тутъ у меня есть: онъ — водовозъ, онъ же дворникъ, онъ же и сторожъ лазаретный,—на всѣ руки за пять рублей въ мѣсяцъ! И притомъ—философъ! „Охота вамъ пить“, говоритъ: „все равно, не одолѣть всей, что наготовлено, по себѣ знаю!“..

Наступило молчаніе; каждый изъ собесѣдниковъ думалъ свою думу; докторъ, вѣроятно, не веселую, потому что съ усиліемъ встряхнулся и спросилъ первое, что пришло на умъ.

— А какъ же вы о моемъ здѣсь пребываніи узнали?

— Слухъ у насъ былъ, что вы въ губернію переѣхали, а здѣсь—языкъ до Кіева доведетъ.

Разговоръ опять прервался, и тягостное молчаніе продолжалось до прихода Сидора съ нектаромъ. Докторъ тотчасъ же выпилъ „одну“ и оживился. Стали вспоминать прошлое, общихъ знакомыхъ. Еще раза два „по одной,“ — и докторъ вполнѣ овладѣлъ разговоромъ. Онъ такъ давно ни съ кѣмъ не говорилъ по душѣ, что быстро перешелъ на личную почву. Про другого онъ непремѣнно сказалъ-бы, что тотъ „дошелъ до градуса сердечныхъ изліяній“.

— Было время, батюшка, было, когда и я относился—вотъ какъ вы теперь—благодушно ко всему сущему; было да прошло! Когда курсъ кончилъ, всей душой на службу страждущему человѣчеству стремился, всѣ эти соціальныя и еще какія тамъ теоріи въ принципѣ отвергалъ; былъ увѣренъ, что все дѣло—въ доброй волѣ, что большое дѣло можетъ дѣлаться въ тиши, мирнымъ путемъ, исполненіемъ своего долга. Конечно, и народу, лаптю поклонялся: какъ-же—нельзя было безъ этого!.. А оказалось, что и въ народѣ этомъ многопрославленномъ подлецъ на подлецѣ сидитъ и подлецомъ подгоняетъ!..

— Нѣтъ, какъ-же это можно!.. Не одна-же абсолютная подлость господствуетъ въ мірѣ, иначе бы свѣтъ рухнулъ!..—началъ возражать Львовъ, но докторъ его перебилъ.

— И рухнетъ!.. На чемъ онъ держаться будетъ? На какихъ общественныхъ группахъ, я васъ спрашиваю? На почтеннѣйшей интеллигенціи? Ха, плевать я на нее хотѣлъ, вотъ что-съ! Знаете, почему я изъ Кучумовскаго уѣзда вылетѣлъ? Потому что не ѣздилъ лечить госпожу предводительшу отъ ея вѣчной мигрени, да и съ ангеломъ не догадался ее поздравить!.. А знаете, почему меня изгнали изъ Челищевскаго земства, вотъ, въ послѣдній разъ? Потому что управа цѣлый мѣсяцъ не высылала въ аптеку моего участка медикаментовъ, а я по этому случаю прекратилъ пріемы и объявилъ, что возобновлю ихъ только по присылкѣ лѣкарствъ. Воспользовались случаемъ: „манкируетъ своими обязанностями“—и уволили!.. А мнѣ что-же приказали бы вы: ѣздить по пунктамъ, да водичкой лечить, да тихохонько ждать-пождать, когда лѣкарства пришлютъ?.. Нѣтъ-съ, я въ „коровки“ не записывался еще, да никогда и не запишусь!..

Докторъ стукнулъ рюмкой о столъ такъ энергично, что она переломилась. Онъ бросилъ отломанную ножку въ уголъ, а изъ уцѣлѣвшей половинки выпилъ еще „одну“. Тѣмъ временемъ Львовъ говорилъ о невозможности обобщать единичные факты, о томъ, что печальныя исключенія вездѣ бываютъ...

— А прославленный господами Успенскими и Златовратскими народъ? Да вѣдь это...

— Позвольте, Порфирій Гаврилычъ, — гдѣ-же, напримѣръ, Глѣбъ Успенскій...

Но докторъ говорилъ уже для себя, а не для собесѣдника. Весь смыслъ его существованія заключался въ послѣднее время въ отрицаніи возможности дѣлать хоть какое-нибудь хорошее дѣло при современныхъ условіяхъ; отказаться отъ этого пункта значило бы отнять смыслъ у жизни. Эта мрачная философія была несомнѣнно оригинальной, а не заимствованной, была выводомъ

изъ тяжелаго жизненнаго опыта; но, дойдя до пункта о невозможности и проч., философія доктора остановилась и стала топтаться на мѣстѣ, не имѣя силъ проложить себѣ дальнѣйшій путь по законамъ логическаго мышленія. Онъ не на фактахъ строилъ выводы, а къ однажды воспринятымъ положеніямъ подбиралъ,— иной разъ худо, иной хорошо, — факты изъ своего обширнаго арсенала. Уже будучи студентомъ, онъ не любилъ вопросовъ общаго характера, не умѣлъ съ ними справляться; разъ запавшая ему въ голову идея о возможности для каждаго быть полезнымъ членомъ современнаго общества—плѣнила его всецѣло, и онъ отмахивался отъ всякихъ соображеній, которыя могли бы поколебать эту идею. Сложность нѣкоторыхъ жизненныхъ явленій была ему непонятна, а отсутствіе общаго міросозерцанія придавало его столкновеніямъ съ жесткой дѣйствительностью болѣзненный характеръ. Онъ не умѣлъ чутьемъ угадывать факторовъ, невидимыхъ его невооруженному глазу; онъ всегда искалъ причину только среди заранѣе извѣстныхъ ему данныхъ. И вотъ, изъ Полоткова быстро выработался неуживчивый брюзга, на все ворчавшій и всѣхъ подозрѣвавшій въ подлостяхъ и мерзостяхъ. Прожить съ такимъ характеромъ въ деревнѣ, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, и не нажить себѣ кучи явныхъ и тайныхъ враговъ—было мудрено, и Полотковъ на каждомъ новомъ мѣстѣ вскорѣ же оказывался въ гнуснѣйшемъ положеніи: противъ него были сильные міра сего, которыхъ онъ постоянно безпокоилъ одинаково стремительнымъ образомъ по важнымъ предметамъ и по пустякамъ; его ругали на всѣ корки фельдшера, которыхъ онъ третировалъ по поводу ихъ большихъ и маленькихъ слабостей; землевладѣльцы, отъ которыхъ онъ сторонился, писали на него жалобы и отношенія въ управу и въ другія инстанціи; крестьянъ онъ ругательски ругалъ за ихъ невѣжество, эгоизмъ, инертность. Вѣчный разладъ съ самимъ собой, постоянныя дрязги и ссоры съ обывателями и начальствомъ всѣхъ сортовъ отравляли ему жизнь; развинченные нервы требовали реакціи, а самая доступная въ деревнѣ „реакція“ представлялась въ формѣ полуштофа. А когда дѣло дошло до этого, то игра доктора Полоткова оказалась безповоротно проигранной: онъ самъ далъ противъ себя страшное оружіе всѣмъ, кому такъ или иначе досадилъ. И вотъ, онъ, хорошій врачъ и—по принятой въ общежитіи мѣркѣ—честный человѣкъ дошелъ до такого состоянія, о которомъ Аркадій Ивановичъ, въ разговорѣ съ Настасьей Игнатьевной, брезгливо восклицалъ: „не понимаю, какъ можно допустить себя до такого паденія!“

Больнѣе прочихъ были для доктора обиды, которыя наноси-

лись ему народомъ, тѣмъ самымъ народомъ, ради котораго онъ принялъ на себя эту муку мученическую, должность земскаго врача въ неблагоустроенномъ земствѣ. Этотъ народъ никакъ не хотѣлъ признать его за „своего“ и упорно продолжалъ видѣть въ немъ барина и чиновника. Даже „простота“ не послужила Полоткову впрокъ: хорошему впечатлѣнію мѣшали излишняя страстность и нетерпимость доктора. Въ томъ обычномъ фактѣ, что мужикъ позвалъ его не въ первый-же день трудныхъ родовъ жены, а только на пятый, когда жертва невѣжества была уже въ когтяхъ смерти, Полотковъ видѣлъ проявленіе злой воли, бѣшено ругался и стращалъ прокуроромъ; неисполненіе карантинныхъ мѣръ крестьянами, во время эпидеміи, влекло за собой, по требованію Полоткова, вмѣшательство полиціи; непонятливость и упрямость бабъ возмущали его, и онъ чуть не билъ ихъ. И его „душевные разговоры съ народомъ“ во время ночевокъ по деревнямъ, сопровождавшіеся значительными выпивками, въ которыхъ принимали участіе на докторскій счетъ всѣ, кто хотѣлъ, кончались обыкновенно руганью доктора по поводу холопства и угодничества, которыя проявляли плебеи по отношенію къ щедрому, „простому“ барину. Такъ было съ нимъ всегда и вездѣ: онъ не умѣлъ находить нужной нотки въ разговорѣ, не умѣлъ во-время сказать ласковое слово, считая это ненужными сентиментами, и всегда оставался одинъ. И теперь, каждый разъ, какъ онъ касался темы о народѣ, онъ волновался и ругался отъ ярости, стараясь этимъ подавить чувство глубокой тоски, зарождавшейся въ немъ при воспоминаніи о семи годахъ,—нѣтъ, о всей его жизни, безполезно загубленной, чадно догорающей...

Былъ, впрочемъ, одинъ періодъ въ этой жизни, когда докторъ могъ не безъ основанія сказать, что встрѣтилъ друзей: это было—когда онъ занималъ должность врача въ Синявинѣ, гдѣ учителемъ былъ Львовъ, и гдѣ при Львовѣ жила сестра, только что окончившая духовное училище дѣвушка. Эти два человѣка начали ужъ было отгадывать въ Полотковѣ, подъ нелѣпой оболочкой, болѣзненно-страдающее, чуткое и честное сердце; и—кто знаетъ—еслибъ не судьба-злодѣйка, то жизнь его пошла-бы, можетъ быть, иначе. Онъ ужъ старался быть трезвымъ въ присутствіи Софьи Николавны, становившейся ему день ото дня дороже,—но тутъ у него вышла обычная исторія съ однимъ лицомъ, имѣвшимъ значительный вѣсъ на уѣздныхъ вѣсахъ,—и Полотковъ долженъ былъ оставить Синявино, въ тотъ моментъ, когда отношенія его къ милой дѣвушкѣ не вполнѣ еще окрѣпли. Тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ рискованную попытку, увидѣлъ, что поторопился, обидѣлся, озлился на себя, — и съ этихъ поръ его жалкій конецъ

сдѣлался только вопросомъ времени. Прошло два года—и онъ приближался уже скорыми шагами къ этому концу. Въ припадкахъ смертной тоски между двумя пьяными періодами, Полотковъ иногда все еще видѣлъ передъ собой образъ дѣвушки съ золотистыми волосами, съ голубыми, ясными глазами и душевной, сочувствующей всему страждущему, улыбкой на губахъ; изрѣдка, въ едва-уловимой связи съ этимъ образомъ, Полотковъ видѣлъ, въ окружавшемъ его мракѣ, какой-то слабый лучъ надежды, умилялся и даже плакалъ отъ жалости надъ собой; но свѣтъ вскорѣ меркнулъ, и докторъ впадалъ въ мрачное состояніе духа, билъ винную посуду и лѣзъ драться къ собесѣдникамъ, если они при этихъ случаяхъ бывали.

Учителю Львову онъ очень обрадовался, но нѣсколько стѣснялся его вначалѣ: вѣдь Львовъ—ея братъ!.. Бывало, онъ обидно вышучивалъ незлобливость Львова, его пристрастіе къ книжнымъ выраженіямъ, его готовность дѣлать самыя крохотныя дѣла, его мягкость съ людьми, завѣдомо враждебными его излюбленнымъ идеямъ, —и за все это прозвалъ его „божьей коровкой“; но теперь докторъ готовъ былъ расцѣловать эту „коровку“, еслибъ не стыдился такихъ изліяній. Отчего онъ, однако, не говоритъ ни слова о ней? Можетъ быть, она поручила передать еще что нибудь, кромѣ поклона?.. Да не здѣсь-ли и она, въ городѣ?.. Мучитель! Почему же онъ ничего не скажетъ? Ждетъ, чтобы началъ онъ, Полотковъ? Ну, нѣтъ, это напрасно! Ему не въ первый разъ приходится выдерживать характеръ!.. И онъ намѣренно говорилъ обо всемъ, но не о ней. Неисчерпаемой темой служилъ все тотъ же народъ. Львовъ видѣлъ въ народѣ однѣ хорошія стороны, закрывая глаза на дурныя, или подъискивая для нихъ убѣдительныя объясненія, которыя, съ его точки зрѣнія, были вмѣстѣ съ тѣмъ и извиненіями; Полотковъ находилъ болѣзненное удовольствіе открывать какіе-нибудь новые мрачные моменты въ жизни этого чудища. Онъ и изъ газетъ какъ-то привыкъ запоминать сообщенія только о звѣрскихъ убійствахъ, истязаніяхъ дѣтей, поджогахъ, неосмысленныхъ рѣшеніяхъ сходовъ, и т. п.; факты же противоположнаго характера онъ пропускалъ мимо ушей.

И на этотъ разъ онъ съ болѣзненнымъ наслажденіемъ, съ истерическими вскрикиваніями и смѣхомъ громоздилъ одинъ отрицательный фактъ на другой. „Народъ“ выходилъ у него сборищемъ полудикихъ людей, изъ-за копѣечнаго разсчета готовымъ на всякую гадость, разучившимся или никогда не знавшимъ безкорыстной любви къ ближнему, чурающимся всего новаго, прогрессивнаго... Львовъ, задѣтый за живое, отвѣчалъ указаніемъ на противоположные характеры въ народныхъ массахъ; иногда онъ пы-

тался сдерживать себя, не спорить: „все равно безъ толку слова тратить!“ Но очень ужъ обидно было молчать.

— Зачѣмъ вы въ себѣ злость растравляете, Порфирій Гавриловичъ?.. Вѣдь, вы не хуже моего знаете, что клевещете на нихъ, что они ни въ чемъ, слышите—ни въ чемъ не виноваты! Посмотрите на рядъ ужасовъ, который называется ихъ жизнью: гдѣ тутъ было развиться альтруизму?. Надо еще удивляться, какъ въ нихъ еще не совсѣмъ потухла искра Божія!.. Долгъ интеллигенціи— не брюжжать, какъ дѣлаете вы, а спѣшить къ нимъ на помощь!..

— Трогательно, ха, ха!.. Только вотъ насчетъ интеллигенціи-то, кажется, лучше отложить попеченіе! Покойнѣе будетъ не надѣяться попустому!.. Много-ль такихъ-то будетъ, какъ вы, напримѣръ, или... какъ Софья Николаевна?..

— Ну, ужъ, какіе мы...

— Нѣтъ, чего ужъ скромничать! Такую-то вотъ интеллигенцію, какъ вы, которая не носится съ собой, какъ съ писанной торбой, а дѣлаетъ, что можетъ и какъ можетъ,—эту я еще признаю. Но васъ очень мало!.. Вотъ, „лопни мои глазоньки“—какъ говорятъ любезные пейзане—что вы и теперь въ губернію пріѣхали по какому-нибудь альтруистическому побужденію, ха, ха... Вѣдь, такъ?

— Что-жъ, еслибы и такъ...

— Значитъ, въ самую точку попалъ! А по какому дѣлу--не секретъ?

„Теперь то ужъ онъ не увернется и скажетъ про нее“,— подумалъ докторъ.

— Деревушка у насъ одна выгорѣла, вся до-чиста. И вотъ— мѣсяцъ уже прошелъ, а страховки изъ губернской управы все не высылаютъ. Я и надумалъ навести справки, какъ и что: вѣдь зима скоро, а многіе еще строиться не начинали. Притомъ— нужда ужасная, бѣдность непокрытая: все сгорѣло, и хлѣбъ весь, который ужъ съ полей свезенъ былъ... Думалъ тоже, не соберу ли здѣсь пожертвованій сколько-нибудь...

— Ну, и съ носомъ, ха, ха?..

— Нѣтъ, зачѣмъ же: иные даютъ. Нѣкоторые, правда, не совсѣмъ, знаете, отзывчивы, по крайней мѣрѣ—не въ желательной степени... Вотъ, напримѣръ, сегодня я былъ у одного здѣшняго доктора: мнѣ про него говорилъ нашъ синявинскій, что онъ считался когда-то добромъ малымъ; вмѣстѣ учились... Ну, живетъ недурно: кабинетъ и все, какъ слѣдуетъ. Принялъ вѣжливо, посадилъ: „очень бы радъ, говоритъ, пособить меньшому брату, но, къ сожалѣнію, я сейчасъ не при деньгахъ... И далъ... очень немного.

— Сколько же?

— Да... рубль. Впрочемъ, онъ, можетъ быть, дѣйствительно не при деньгахъ...

— И вы ему, подлецу, не бросили его рубль назадъ, прямо ему въ морду?.. И вы еще пытаетесь оправдывать его?..—вспылилъ Полотковъ.

— Какое-же я имѣлъ право?..

— Нѣтъ, это не человѣкъ, а рохля какая-то! Кровь у васъ, или вода въ жилахъ?.. Право? Да право всякаго порядочнаго человѣка плевать на такихъ подлецовъ,—вотъ, какое право!..

— А кто же это такой?—спросилъ докторъ, помолчавъ.

— Врядъ ли вы его знаете... Кольцовъ нѣкто,—сказалъ Львовъ не совсѣмъ охотно.

— Кольцовъ? Аркадій Иванычъ?.. Ну, признаюсь: знаю его съ сегодняшняго утра за негодяя, но чтобы онъ такимъ форменнымъ былъ негодяемъ...

Полотковъ не находилъ словъ, чтобы достаточно образно излить свое негодованіе, и забѣгалъ по комнатѣ, четыре шага впередъ и четыре назадъ. Еслибъ у него были деньги, онъ сію же минуту далъ бы изъ послѣднихъ пятьдесятъ, сто рублей!.. Бывали такіе случаи: однажды онъ ѣздилъ въ городъ, въ управу, за жалованьемъ, и, вмѣсто семидесяти пяти, привезъ—десять: ему встрѣтился тогда длинный обозъ переселенцевъ, голодныхъ, жалкихъ... „Въ этихъ погорѣльцахъ принимаетъ участіе, конечно, и дѣвушка съ голубыми глазами: пусть же она видѣла бы, что какъ ни опустился онъ, а какому нибудь Аркадію Ивановичу до него и рукой не достать! Но, позоръ: кромѣ нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ—ничего за душой!“..

Скрипя зубами отъ злости и стыда, Полотковъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ и озирался, какъ бы надѣясь найти что-нибудь цѣнное среди этого грошеваго хлама, составлявшаго его имущество. И вдругъ его взглядъ упалъ на какой-то блестящій предметъ, скромно пріютившійся въ тѣни, на угловомъ столикѣ. Этотъ предметъ—не его... Ба, что за дѣло? Отчего не наказать подлеца?.. А притомъ—какъ она обрадуется этому крупному кушу!..

— Вотъ, на-те въ пользу вашихъ погорѣльцевъ! Продайте!

Львовъ съ изумленіемъ вертѣлъ въ рукахъ серебряный портсигаръ, изрѣдка взглядывая на доктора. Да и какъ не изумиться: совершенная нищета кругомъ, и вдругъ — вещь рублей въ двадцать!..

— Я, право, не знаю, Порфирій Гаврилычъ...

— Ха, не знаете, откуда у меня портсигаръ? Цѣлыхъ штановъ нѣтъ, а портсигаръ есть?.. Много есть вещей на свѣтѣ, другъ Го-

раціо... Чего спрашивать? Берите, коль даютъ: вѣдь не для себя берете, а для невинно-страждущихъ, ха, ха!.. Вотъ, и Софья Николаевна изумится... Она, поди, тоже охаетъ надъ вашими погорѣльцами?

Львовъ зналъ кое-что о неудачномъ романѣ Полоткова и поэтому избѣгалъ разговора о сестрѣ; но теперь приходилось отвѣчать на прямо-поставленный вопросъ.

— Соня, вѣдь, не живетъ уже въ Синявинѣ, Порфирій Гаврилычъ,—развѣ вы не знаете?

— Вотъ какъ?.. Гдѣ-жъ она?

— Она—въ Лужникахъ.. съ мужемъ.

Полотковъ затаилъ дыханіе. Какъ, съ мужемъ?... Значитъ, все кончено? Значитъ, ничего не осталось ему, ничего больше, рѣшительно ничего?..

— Съ мужемъ?..—выговорилъ онъ съ трудомъ.

— Да... Петровъ, учитель тамъ. Онъ овдовѣлъ въ прошломъ году. Трое дѣтей, старшему пять лѣтъ. Больной, едва-едва самъ скрипитъ. Ну, она и вышла за него... Дѣтямъ теперь хорошо, да и ему она помогаетъ по школѣ...

Полотковъ держался за стулъ и отвернулъ лицо въ уголъ. Прошла тягостно-длинная минута. Львовъ чрезвычайно старательно завертывалъ портсигаръ въ обрывокъ газеты.

— Изъ добродѣтели, значитъ, изъ состраданія пожертвовала собой!.. О-охъ, ха, ха!.. Да вы-то чего же смотрѣли, идіотъ вы этакій?.. Дѣвушка губитъ себя, а онъ...

— Послушайте, Порфирій Гаврилычъ, зачѣмъ же ругаться?.. Надо знать. Она сама, вѣдь, выбрала... И притомъ ей живется не худо. Петровъ хорошій человѣкъ и не надышется на нее, дѣтишки ее страсть какъ любятъ.

— Да... вотъ какъ!.. Ну, что-жъ, совѣтъ да любовь, ха, ха!

Смѣхъ вышелъ совсѣмъ не натуральнымъ, жалобнымъ. Докторъ налилъ рюмку, расплескавъ много вина по столу: его руки дрожали, какъ въ сильномъ пароксизмѣ лихорадки; водку онъ проглотилъ съ трудомъ, потому что горло сжимала судорога. Львовъ сообразилъ, что онъ теперь, вѣроятно, лишній: жалкій, несчастный человѣкъ тяготится, должно быть, его присутствіемъ.

— Я уйду теперь, дорогой Порфирій Гаврилычъ. Уже поздно, и мнѣ пора. А завтра къ вамъ зайти можно будетъ? Вечеркомъ, да?

— Заходите!—прошепталъ докторъ, не глядя на него, и едва коснулся протянутой на прощанье руки.

Львовъ ушелъ въ твердомъ намѣреніи зайти непремѣнно завтра же, чтобы побесѣдовать съ докторомъ, когда онъ проспится, и нѣсколько умиротворить его мятущуюся душу; но зайдти ему

не удалось, потому что весь день прошелъ въ бѣготнѣ по дѣлу о страховой преміи и сбору пожертвованій, а вечеромъ ему пришлось уѣхать съ попутчикомъ, внезапно собравшимся домой.

А Полотковъ хотѣлъ было выпить, по уходѣ гостя, еще одну, но разбитая рюмка вдругъ вылетѣла у него изъ рукъ, его голова упала на столъ, пальцы вцѣпились въ волосы, и громкія рыданія, съ истерическими подвизгиваніями и вскрикиваніями, разогнали гнетущую тишину пріютскаго флигеля.

III.

— Порхвирій Гаврилычъ, самоварчикъ наставлять, что-ль? Вѣдь, десятый часъ?..

Что это—новый день?.. Опять новыя муки замирающей жизни, судорожныя движенія агоніи? Вотъ бы такъ вѣчно лежать въ забытьи, не чувствуя хода времени, не сознавая того мѣста, гдѣ лежишь! Что-жъ, пойти въ сосѣднюю комнату, — тамъ сколько угодно хорошихъ и вѣрныхъ средствъ: одно усиліе воли — и небытіе!.. До сихъ поръ онъ серьезно не думалъ никогда объ этихъ средствахъ, какъ ни тяжелы бывали иныя минуты; въ тридцать лѣтъ запасъ его жизненныхъ силъ не былъ еще растраченъ весь, какъ онъ ни моталъ ихъ направо и налѣво. Но теперь, кажется, конецъ: не для чего больше тянуть эту канитель, пора поставить точку!..

Самоваръ на столѣ фыркаетъ. На дворѣ туманъ затянулъ и небо, и землю одной общей, мутной пеленой. Окна пріютскаго зданія едва вырисовываются чрезъ эту пелену и хмуро, непривѣтливо смотрятъ на Полоткова, какъ бы недоумѣвая, зачѣмъ онъ жилъ, зачѣмъ онъ еще живетъ?.. Всегда былъ одинъ, теперь, передъ самымъ концомъ — одинъ, и лежать даже будетъ одинъ, особо отъ другихъ—подкидышемъ. Кстати же онъ подкидышъ и есть: его вскормили двое бездѣтныхъ старичковъ. Зачѣмъ они не оставили его тогда, въ тотъ ноябрьскій вечеръ, полежать еще часъ-другой на крыльцѣ ихъ дома,—ему не было бы нужды пить теперь горькую, „послѣднюю?“...

И внезапно его охватила давно уже не испытанная жажда ласки и привѣта. „Соня, Соня!“—крикнулъ онъ громко, протягивая руки къ пріютскому зданію, но тотчасъ же устыдился, сдѣлалъ надъ собой усиліе и сѣлъ пить безвкусный чай.

Это какъ будто вчера все происходило,—такъ живо онъ помнитъ каждое слово.

— Софья Николаевна! А, знаете,—меня вчера уволили: получилъ ужъ бумагу. Итакъ—адьё пур тужур!

— Боже мой, Боже мой, какое несчастье! Какъ же это такъ, Порфирій Гавриловичъ?

— Что-жъ, значитъ—не угоденъ здѣсь! Ступай опять мыкаться по свѣту!..

— Бѣдный, милый Порфирій Гавриловичъ, какъ мнѣ васъ жаль! Нѣтъ, деревенская жизнь не по васъ! Очень боюсь,—трудно вамъ будетъ на новомъ мѣстѣ.

— Прямѣе, Софья Николаевна: вы думаете, я совсѣмъ пропаду?

Она промолчала и усердно шила.

— А, вѣдь, вы могли бы уберечь меня отъ этого, Софья Николаевна: вы, и больше никто! Понимаете?

— Клянусь вамъ, я такъ бы хотѣла быть вашей сестрой, вашимъ другомъ, Порфирій Григорьевичъ! Вы, вѣдь, совсѣмъ одинъ, никого въ свѣтѣ у васъ нѣтъ близкихъ, — поэтому вы жизнь и людей такъ мало цѣните и любите! И вотъ, вы теперь должны опять уѣзжать отъ насъ!

— Сестрой?.. И больше—ничѣмъ?

— Нѣтъ, Порфирій Гавриловичъ. Я не увѣрена въ васъ, я васъ такъ мало еще знаю.

Тутъ имъ помѣшали, чему она была рада, какъ ему показалось. Съ нимъ случился тогда припадокъ безпричинной, безпредметной злобы, какъ это нерѣдко бываетъ, и онъ, сухо простившись съ единственнымъ въ мірѣ человѣкомъ, который былъ ему дорогъ, ушелъ, давъ обѣщаніе еще разъ зайти, на ея настойчивое приглашеніе. Но дома онъ наскоро сложился, написалъ сосѣднему врачу о своемъ внезапномъ отъѣздѣ, и на другой день, рано утромъ, уѣхалъ изъ Синявина... навсегда. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? О, зачѣмъ?.. Что она хотѣла ему сказать, зачѣмъ звала къ себѣ такъ ласково и такъ настойчиво?..

„Самъ виноватъ, самъ! Некого больше винить!“—шепталъ онъ, скосивъ лицо отъ мучительной душевной боли. И вотъ теперь—совсѣмъ одинъ!... Неужели нѣтъ никого, такъ-таки ни одного живаго существа, которое взглянуло бы на него въ послѣднюю минуту ласково, сказало бы ему тепло и дружески: „прощай, спи покойно!“ Никого—и ничего, кромѣ вотъ этого.

Онъ съ ненавистью на лицѣ взялъ бутылку и прямо изъ горлышка глотнулъ раза два. Потомъ тоскливо взглянулъ въ окно. Предъ нимъ попрежнему высилось мрачное, осклизлое и облѣзлое пріютское зданіе. Вотъ тамъ—сколько кандидатовъ на такое же, какъ и его, жалкое и безцѣльное существованіе? Сколько несчастныхъ уже выплюнула эта старая развалина на арену жизни и сколькихъ еще приготовитъ она къ этой каторгѣ?.. Тотъ мальчикъ, что такъ пронзительно-зло уже теперь смотритъ на людей,

знакомыхъ и незнакомыхъ, на своихъ „благодѣтелей“ и на новыя лица,—развѣ это не кандидатъ на мученическое мѣсто, которое опрастываетъ онъ, Полотковъ?.. Бѣдный мальчикъ! И вдобавокъ—ты будешь еще жить въ холодѣ и въ голодѣ! Умри лучше теперь отъ невольнаго истощенія жизненныхъ силъ, но не дожидайся до минуты, котда тебѣ придется самому взять ножницы изъ рукъ Парки и перерѣзать свою нить!.. Бѣдный мальчикъ, товарищъ по несчастью: не проститься ли имъ, одному—уже уходящему, другому—только готовящемуся занять это проклятое мѣсто, которое освобождается?

— Право, пойду!

Онъ вошелъ въ пріютъ по черному ходу и остановился въ темномъ корридорчикѣ, не зная, куда повернуть. Одна изъ дверей распахнулась, и изъ нея выглянула Лизавета Васильевна.

— Кто это, кто? Что вамъ нужно?.. Ахъ, докторъ, да это вы? Вотъ, не ожидала!.. Какъ это вы сюда попали?

Я въ пріютъ... Хотѣлъ изслѣдовать еще разъ этого мальчика, Хомутова. Да не знаю, какъ пройти...

— Охота вамъ, право!. А я ужъ думала, не визитъ-ли вы думаете сдѣлать сослуживицѣ. Только отъ васъ не скоро дождешься такой любезности, хи, хи?.. Вы—плохой кавалеръ!

Онъ уже былъ готовъ бѣжать отъ этой засыхающей дѣвы, кокетливо улыбавшейся и плавно вращавшей головой, въ знакъ задѣтаго за живое самолюбія.

— Ну, хорошо: я любезнѣе васъ, и сейчасъ вамъ покажу Степку. Только — предупреждаю: онъ злой и скверный мальчишка, такъ что вы напрасно о немъ хлопочете. А потомъ вы не откажетесь, надѣюсь, выпить чашку кофе у меня, и съ коньячкомъ, хи, хи?.. Пройдите вотъ сюда; я сейчасъ...

Черезъ минуту мальчикъ уже подходилъ къ доктору, пассивно повинуясь рукѣ, которая лежала у него на плечѣ. Обладательница этой руки послала доктору обворожительную улыбку, шепнула: „итакъ, я жду васъ“! и граціозно выбѣжала изъ комнаты.

— Тебя какъ звать, мальчикъ?.. Слышишь, а?

— Степанъ Хомутовъ.

— Тебѣ нездоровится? Ты здѣсь скучаешь?

Мальчикъ молчитъ и угрюмо смотритъ себѣ подъ ноги.

— Отчего жъ ты не отвѣчаешь, а?.. Тебя здѣсь обижаютъ, бьютъ?.. Ты, можетъ быть, боишься, что и я тебя буду бить?

— Какъ же тронь: я те и сдачи дамъ!.. Нализался съ утра и куражится!..

Полотковъ опѣшилъ. Потомъ сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы

взять мальчика и привлечь его къ себѣ, помирить его съ собой, доказать ему, что онъ, хотя и пьянъ, но не изъ числа тѣхъ, которые бьютъ дѣтей. Степка ничего въ этомъ не понималъ: гдѣ ему было вдаваться въ психологическіе анализы!.. Онъ видѣлъ только, что докторъ протягиваетъ къ нему руку, и зналъ по многочисленнымъ опытамъ, что за этимъ слѣдуетъ, обыкновенно, встряска за волосы, дерганье за ухо или колотушка по головѣ. И этотъ пьяный фершалъ туда-же!.. Какъ же,—такъ онъ и дался ему!

Докторъ почувствовалъ довольно сильный ударъ по протянутой рукѣ, маленькая злая рожица показала ему языкъ, послышалось непечатное ругательство — и комната опустѣла: Степка убѣжалъ. Кровь бросилась въ голову доктора, и въ вискахъ у него застучало: это не была злоба на мальчика, это былъ стыдъ неудачной попытки сыграть роль мягкаго и любвеобильнаго человѣка.

— Ахъ, докторъ, вы—одни? Уже кончили?.. Ну, пойдемте-же... Какой вы, право... бука!

Лизавета Васильевна задорно играла глазами. Правда, ей тридцать три; но — принимая во вниманіе нынѣшнее положеніе Полоткова — отчего не попробовать?... Ей такъ хочется замужъ, хоть за кого-нибудь!.. А съ нимъ-то она сумѣла бы справиться,— онъ у нея въ недѣлю бы сталъ шелковымъ, и всѣ бы эти глупости бросилъ! Пошла бы практика, она—докторша, у нихъ по субботамъ пріемы...

Онъ оглядѣлъ ее, какъ товаръ. Еслибы она была хоть чуточку получше, можетъ быть—онъ и пошелъ къ ней!.. А такая, какъ она есть,—она противна ему.

— Убирайтесь вы къ чорту, гадина этакая.

Лизавета Васильевна, вся блѣдная, но съ красными пятнами на скулахъ, съ бѣшенствомъ смотритъ на хлопнувшую за докторомъ дверь.

— А... Такъ ты вотъ какъ, вотъ какъ?.. Ну погоди же, погоди, пьяный скотъ!

..... Что это: все еще жизнь, или уже начало конца, агонія?.. Въ головѣ хаосъ, мыслей никакихъ нѣтъ, ничего нѣтъ кругомъ въ цѣломъ мірѣ, только вотъ столъ, на немъ бутылка, да вотъ еще сломаная рюмка валяется тутъ же, на боку. Ни сознанія времени, ни сознанія пространства. И вдругъ гдѣ то, кажется— надъ самымъ ухомъ, веселый, сытый голосъ.

— Ай, ай, коллега, коллега: что это вы опять?.. Такъ нельзя! Надо взять себя въ руки, обуздать свою жажду... водки, ха, ха!.. А то, вѣдь, намъ и поссориться придется! Впрочемъ, на первый разъ, какъ говорятъ, прощается. ха ха!.. Я у васъ гдѣ то тутъ забылъ свой портсигаришко, а?

Измятая, грязная фигура невѣрнымъ движеніемъ поднимается, стулъ падаетъ, потомъ бутылка съ размаха летитъ мимо только что улыбавшагося лица, теперь поблѣднѣвшаго, и съ хрюскомъ разлетается въ мелкія дребезги, ударившись о стѣну.

— Вонъ!..—рычитъ озвѣрѣвшій человѣкъ.—Убью!..

Оглянувшись въ послѣдній разъ, Аркадій Ивановичъ вскакиваетъ въ пролетку и переводитъ духъ.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое!.. Его надо завтра же выгнать!.. Пошелъ скорѣй!—кричитъ онъ извощику и укрываетъ колѣни пледомъ; а губы его продолжаютъ еще трястись отъ проходящаго испуга и развивающейся злости.

IV.

Одиннадцатый часъ вечера; пріютъ спитъ, потому что встаетъ рано. Изъ-подъ сѣраго потертаго одѣяла на одной кровати осторожно поднимается фигурка, слабо освѣщаемая полузавернутой лампой. Все тихо въ этой отдаленной части города, ни одинъ звукъ не нарушаетъ тишины ночи.

У мальчика нервная дрожь, зубы его стучатъ, но движенія точны и заранѣе обдуманны. Онъ быстро одѣвается и, взявъ сапоги подъ мышку, осторожно крадется изъ спальни, мимо кровати служанки Аграфены, крѣпко уснувшей послѣ семнадцати-часовой суеты. Вотъ темный корридоръ; вотъ и дверь въ комнату ехидны. Ай, скрипнула половица!... Нѣтъ, ничего,—все тихо. Тутъ должна быть винтовая лѣстница въ нижній этажъ... Круто,—какъ-бы не загремѣть!.. Ничего, покуда все ладно. Вотъ они—чуланы и отхожее мѣсто: онъ выбралъ этотъ пунктъ не даромъ; здѣсь вокругъ все доски, сухія старыя доски. Бумага, обшарпанный сухой вѣникъ, коробокъ спичекъ, утянутый сегодня у кривой Аграфены, которая забыла его подлѣ лампы,—все это уже здѣсь, припасено заранѣе.

Какъ онъ ихъ ненавидитъ всѣхъ!.. За то — какую же онъ съ ними сыграетъ теперь штуку, ха, ха! А самъ убѣжитъ въ деревню, къ теткѣ Ѳедосьѣ. Онъ давно тамъ не былъ, съ тѣхъ поръ какъ съ матерью ушелъ въ городъ. Мать умерла, онъ ходилъ по улицамъ, просилъ Христа-ради, какъ его научили, а ѣлъ и спалъ у старой корги Матвѣвны, вмѣстѣ съ тремя другими товарищами. А потомъ его схватили, привезли сюда и вотъ уже почти полгода изо дня въ день тиранятъ, голодомъ морятъ... Сегодня, послѣ того какъ онъ сыгралъ такую канальскую штуку съ пьянымъ фельшаромъ, „ехидна“ его очень сильно прибила, какъ никогда; а за что? За здорово-живешь! Вѣрно, тотъ, ея разголубчикъ, ей

нажаловался!.. А она то лебезитъ передъ нимъ, думаетъ околпачить; и въ угоду ему будетъ теперь постоянно бить Степку, да морить на хлѣбѣ и на водѣ. Нѣтъ, дудки: не на таковскаго напали! Будетъ ужъ, покуражились!.. Только вотъ дорогу онъ не знаетъ въ Медвѣдевку; ну, да покажутъ добрые люди!.. Эхъ, визгнула дверь проклятущая!..

. . . . . .

— Батюшка дохтуръ, проснитесь, ой, проснитесь! У насъ пожаръ, слышите—пожа-аръ!..

Отъ сильнаго толчка голова доктора скатилась съ локтя и ударилась о край стола.

Это было довольно чувствительно; притомъ рѣзкій голосъ Аграфены надъ самымъ ухомъ, необычный вой и плачъ нѣсколькихъ дѣтей въ аптекѣ... Все это, взятое вмѣстѣ, было такъ ново, что докторъ открылъ опухшіе, безсмысленно глядѣвшіе, стеклянистые глаза. Въ окно комнаты билъ отблескъ сильнаго пламени, по двору бѣгали темные силуэты людей, эффектно выдѣлявшіеся на кроваво-красномъ фонѣ пріютскаго зданія.

— Посмотрите за ребятами, батюшка-дохтуръ! А я побѣгу!..

Полотковъ тупо смотрѣлъ черезъ окно на быстро крутившіеся клубы багроваго дыма, на отдѣльные, еще тонкіе языки пламени, пробивавшіеся чрезъ стѣны и крышу узкой двухъ-этажной пристройки и украдкой лизавшіе сырую каменную стѣну пріюта. Въ головѣ доктора царилъ полный хаосъ: онъ едва-ли отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, сонъ-ли все это, или сама дѣйствительность? Только плачъ и пискъ дѣтей, еще болѣе усилившіеся по уходѣ Аграфены, привели его нѣсколько въ себя. Онъ, пошатываясь, пришелъ въ аптеку: тамъ сбились въ кучу, въ одномъ углу, малыши и отчаянно ревѣли. Болѣе взрослые съ любопытствомъ и съ радостью на лицѣ глядѣли изъ оконъ на рѣдкое или совсѣмъ невиданное ими зрѣлище, а двое или трое уже рискнули отворить наружную дверь и теперь боролись съ желаніемъ ринуться на поле сраженія. При входѣ доктора плачъ мелкоты нѣсколько ослабѣлъ.

— Вы что?.. А?—только и нашелся онъ имъ сказать.

Дѣти смотрѣли на него — одни со страхомъ, другіе съ любопытствомъ. Одна дѣвочка лѣтъ семи такъ обрадовалась его приходу, что подошла къ нему вплотную и сказала сквозь всхлипыванія: „дяденька, боюсь, ой-боюсь!“.

— Чего-жъ ты, а? Боишься?.. говорилъ докторъ, запинаясь на трудныхъ согласныхъ.

— Боюсь,—сгоримъ!..

— Всѣ боитесь, а?.. Всѣ?..

Слово „всѣ“, употребленное докторомъ нечаянно, натолкнуло его на новую идею.

— Всѣ?.. Всѣ здѣсь вы, а?

— Кажется, всѣ, господинъ докторъ, — бойко отвѣтила любимица начальницы. — Одного только Степки Хомутова не видать. Я его ужъ кликала, кликала!..—прилгала она на всякій случай.

— Степки?.. Какого Степки, а?

— Степки... того самого, который, по глупости своей, столько невѣжества къ вамъ оказалъ. Мы всѣ сгрудились, побѣгли за Аграфеной сюда, а я сейчасъ и замѣтила, что Степки нѣтъ. Безпремѣнно онъ убёгъ—давно собирался!. Пожалуй, я вамъ скажу,— не онъ ли и поджогъ-то?..—прибавила любимица таинственно и знаменательно.

— Это вѣрно, что Степка!.. Я видѣлъ утромъ, какъ онъ вѣникъ волокъ куда-то!.. вмѣшался мальчикъ изъ старшихъ.

— Цыцъ, паршивцы, молчать! Я васъ!..—крикнулъ докторъ.— Степка?.. Я вамъ покажу на Степку валить!.. Молчать!—крикнулъ онъ еще разъ и вышелъ на дворъ.

Пристройка разгоралась, какъ свѣчка, и пламя проникало уже внутрь нижняго этажа пріюта. Народъ понемногу собирался, и нѣкоторые смѣльчаки уже лѣзли на борьбу съ огнемъ съ голыми руками и съ жалкими ведерками воды. Крики и вопли людей носились, какъ стая ночныхъ птицъ, надъ ярко-освѣщеннымъ пріютскимъ дворомъ. Гдѣ-то били въ набатъ; гдѣ-то пронзительно визжала женщина, по голосу—Лизавета Васильевна, покрывая своими воплями трескъ горящаго зданія и галдѣнье суетившагося народа. Докторъ. покачиваясь, пошелъ къ черному ходу въ пріютъ; въ дверяхъ на него наткнулся Сидоръ съ туалетнымъ зеркаломъ и узломъ въ рукахъ.

— Берегись, ей!.. Да это вы, баринъ? Куда вы?..

— Мм... туда. Посмотрѣть хочу.

— Что вы, батюшка!.. Дымъ тамъ, страсти,—не устоишь никакъ! Вернитесь; чего лѣзть на грѣхъ не въ своемъ видѣ?..

— Пусти, идолъ!

Онъ увернулся отъ Сидора и вбѣжалъ въ сѣни. Лѣстница на верхъ была ярко освѣщена чрезъ окно отблесками пламени, шипѣвшаго снаружи, но корридоръ казался тѣмъ болѣе темнымъ. Вдобавокъ, здѣсь было очень дымно. Какой-то человѣкъ пробѣжалъ мимо доктора съ ношей на плечахъ и больно толкнулъ его чѣмъ-то твердымъ.

— Мальчика не видать здѣсь, Степки, а?..

Но человѣкъ не отвѣтилъ и бросился къ лѣстницѣ; докторъ пошелъ невѣрными шагами впередъ, ощупывая стѣны. Онъ ни-

чего не думалъ, ничего не соображалъ, и только громко, какъ бы по инерціи, кричалъ: „Степка, а Степка, гдѣ-ты?..“ Вотъ и конецъ корридора, дверь. Онъ распахнулъ ее настежь. Большой клубъ дыма сразу охватилъ его: корридоръ сталъ вытяжной трубой, дымъ такъ и валилъ по немъ, поднимаясь по винтовой лѣстницѣ изъ нижняго этажа, гдѣ уже загорались окна и двери. Полотковъ, съ равнодушіемъ пьянаго человѣка къ опасности, пошелъ навстрѣчу дыма. Вдругъ полъ завертѣлся у него подъ ногами онъ пошатнулся... „Степа!“ раздалось въ послѣдній разъ. Еще невѣрный шагъ въ сторону, лѣвая нога его не встрѣчаетъ опоры, подавленный вопль—и тѣло доктора тяжело покатилось по ступенямъ винтовой лѣстницы. Онъ раза два глотнулъ полной грудью ѣдкій, удушливый дымъ—и успокоился. Набѣжавшій народъ и жалкая пожарная команда кое-какъ справились съ пламенемъ: пожаръ ограничился пристройкой, да внутренностью одной пріютской комнаты. Кто-то наткнулся на тѣло человѣка, лежавшаго съ разбитой въ кровь головой на нижнихъ ступеняхъ лѣстницы: человѣкъ ужъ не дышалъ, а только хрипѣлъ. Его снесли въ пріютскій лазаретъ; тамъ онъ, не приходя въ сознаніе, черезъ нѣсколько минутъ „покончилъ съ канителью“ и „поставилъ точку“;

А Степка тѣмъ временемъ бѣжалъ по вязкому городскому выгону и съ ужасомъ оглядывался на желто-красный столбъ дыма и искръ, все выше и выше подымавшійся къ темному небу... Степка, конечно, до Медвѣдевки не дошелъ, былъ своевременно пойманъ и помѣщенъ на жительство въ острогъ, гдѣ ему гораздо веселѣе, чѣмъ въ пріютѣ дамскаго Владыченскаго попечительства.

Доктора Полоткова хоронили съ почестями, какъ общественнаго дѣятеля, погибшаго геройской смертью. Аркадій Ивановичъ сказалъ приличную этому „возвышающему душу случаю“ рѣчь на могилѣ „доблестнаго дорогого товарища“. Онъ заключилъ свое теплое слово фразой: „этотъ многовыстрадавшій человѣкъ умеръ лучше, чѣмъ жилъ“, и вызвалъ ею нѣсколько комплиментовъ своему ораторскому таланту со стороны губернскихъ дамъ.

Затѣмъ... Затѣмъ для доктора Полоткова наступилъ періодъ вѣчнаго успокоенія и забвенія.

Н. Астыревъ.

ЦѢНА ЖИЗНИ.

(Лекція, читанная въ пользу голодающихъ).

Цѣна жизни! Въ такихъ именно словахъ выяснился передо мною замыселъ этой бесѣды. И не спроста. Жизнь стоитъ, повидимому, очень низко во всемъ культурномъ человѣчествѣ. Посмотрите-ли вы туда, вдаль, на чужой Западъ, или оглянитесь вокругъ себя, на родинѣ: вездѣ услужливая хроника и безпощадная статистика подсказываютъ вамъ цѣлыми рядами полицейскихъ протоколовъ и цифровыхъ итоговъ — какъ низко стали цѣнить высшее благо на землѣ, въ какой усиленно-возростающей прогрессіи тѣснятся въ лѣтописи современнаго общества покушенія на собственное бытіе... Не первый годъ раздаются и въ нашей печати встревоженные голоса. Припомню, въ особенности, одну недавнюю статью, гдѣ собраны были цѣлые десятки русскихъ самоубійствъ, и нѣкоторыя поражаютъ легкостью, съ какой люди рѣшались покончить съ собой, или звѣрскимъ упорствомъ при самомъ выполненіи послѣдняго акта воли. Одинъ случай до сихъ поръ не выходитъ у меня изъ памяти.

Какой-то нестарый мужчина, кажется чиновникъ, женатый, вовсе не въ припадкѣ бѣлой горячки или въ органическомъ душевномъ разстройствѣ, — встаетъ съ постели и наноситъ себѣ, при спавшей, вначалѣ, женѣ, ударъ ножемъ въ животъ, ранитъ себя недостаточно, приставляетъ ножъ къ стѣнѣ, наваливается на него всѣмъ туловищемъ и потомъ рветъ своими руками вывалившіяся внутренности...

Извините за эту картину. Она приводитъ васъ въ содроганіе, неправда-ли?.. Но случай не единичный. Въ способахъ самоистребленія замѣчается, всё чаще и чаще, почти изувѣрская ожесточенность и ничѣмъ не сдержанная порывистость. Стрѣляются, топятся, вѣшаются, отравляются старики, юноши, дѣти, образованные

и безграмотные люди, гимназисты, офицеры, медики, студенты, купчихи, барыни, мѣщанки, актрисы, курсистки, артельщики, фабричные, наконецъ—крестьяне, землепашцы, люди изъ той несокрушимой народной массы, которая вѣками училась выносливости и мужеству, умѣла смиряться передъ судьбой, никогда не теряла своихъ вѣрованій, считала и считаетъ своевольное наложеніе на себя рукъ тяжкимъ грѣхомъ и позоромъ для памяти добраго „хрестьянина“, т. е. сына Христовой Церкви.

Нужно-ли мнѣ напирать еще на это?.. Вы знаете факты не хуже меня. И развѣ не позволительно бояться, какъ-бы это повѣтріе, охватывающее въ особенности болѣе образованные слои общества, не разлилось и въ простомъ народѣ, въ безчисленныхъ пахаряхъ и кормильцахъ страны нашей? Въ настоящую годину кто-же больше его испытанъ!... Гдѣ, на всемъ материкѣ Европы найдете вы теперь хоть одну сельскую общину, обреченную на голодовку до будущаго урожая, а у насъ такія общины числятся тысячами, ихъ члены милліонами и даже десятками милліоновъ.

Когда-же, какъ не теперь — а съ каждымъ днемъ нужда будетъ всё расти — бояться повальныхъ самоубійствъ въ крестьянствѣ? Но врядъ-ли многіе изъ тѣхъ, [кто меня слушаетъ въ эту минуту, считаетъ такую заразу самоистребленія возможной. Почему? Потому что народъ, не смотря на его тяготы, скудость жизненныхъ утѣхъ, суровость заботъ и многихъ подневольныхъ денежныхъ затратъ,—не однимъ только тупымъ квіэтизмомъ и стаднымъ подчиненіемъ, но и своимъ безхитростнымъ міропониманіемъ держится поверхъ всякихъ невзгодъ и тягостей существованія.

Это не фраза, господа: у него есть міропониманіе, у него есть и личная, и общественная совѣсть. И то и другое лежатъ въ основѣ его помысловъ и поступковъ. Я сейчасъ упомянулъ и о самоубійствахъ въ крестьянствѣ. Они попадаются и будутъ еще попадаться, здѣсь и тамъ. Но мы можемъ, почти безошибочно, сказать, что, помимо случаевъ сильнаго хмѣля, психопатическихъ состояній, буйныхъ аффектовъ любовной страсти,—легкость мотивовъ, какая замѣчается теперь и въ нѣкоторыхъ самоубійцахъ изъ народа, вызвана всего чаще городскимъ бытомъ, заразой безпринципія и распущенностью, проникающей въ мужицкую душу вмѣстѣ съ подонками столичной жизни. Кто-же станетъ спорить съ тѣмъ, что трудовой людъ дичаетъ въ безработицѣ, нищенствѣ и бродяжничествѣ большихъ городовъ. Крестьянинъ-землепашецъ, членъ общины, отецъ большой семьи, имѣющій вдобавокъ часто и прочный отхожій промыселъ, и пропойца Хитроваго рынка—не одинъ и тотъ-же человѣкъ; а оба будутъ значиться *крестьянами* въ полицейскомъ протоколѣ и репортерской замѣткѣ о свѣжемъ самоубійствѣ.

Не слѣдуетъ создавать себѣ фетиша изъ народа и ставить его во всѣхъ смыслахъ выше культурнаго слоя общества,—этого сектантскаго ученія я не держусь,—но нельзя не указывать на примѣръ народа во всемъ, что прямо относится къ вопросу о жизни, ея цѣнѣ, душевной и тѣлесной бодрости, нужной для того, чтобы ее претерпѣвать. Кто умѣетъ жить, тотъ умѣетъ и умирать. А кто умѣетъ хорошо умирать?

Въ одной французской книжкѣ, составленной изъ житейскихъ выводовъ знатока сельской жизни, нашелъ я такое изреченіе: „хорошо умираютъ священникъ, солдатъ и крестьянинъ“. И это записано деревенскимъ кюрѐ, сурово обличающимъ нехристіанскія свойства французскаго землепашца, взятаго въ массѣ. Наши крестьяне умѣютъ еще лучше умирать. Въ Парижѣ русскіе простолюдины встрѣчали самую страшную смерть—отъ водобоязни—съ подъемомъ духа, смиреніемъ и мужествомъ, вызывавшими изумленіе французовъ.

Но не будемъ создавать себѣ фетишей! Не въ одномъ „кухонномъ мужикѣ“ — спасеніе, не въ немъ одномъ найдется норма жизни, выносливость, а когда нужно и геройство передъ высшими испытаніями и передъ роковымъ концомъ бытія... Каждый, въ комъ живетъ вѣрность идеалу, кому есть что̀ защищать, есть чему служить,—выкажетъ настоящее мужество, сознательное, поднимающее человѣка выше толпы, въ которой покорность судьбѣ граничитъ иногда съ тупымъ фатализмомъ.

Геройски умираютъ не одни малограмотные солдаты,—и образованные офицеры, въ порывахъ храбрости или спокойно ожидая, какъ упадетъ граната и осколкомъ раздавитъ грудь или оторветъ ноги.. И люди науки съ одинаковой неустрашимостью идутъ на встрѣчу опасности, дѣлаютъ въ своихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ смертоносные опыты, восходятъ на вершины, гдѣ ихъ ждетъ гибель отъ неосторожнаго шага...

Самые обыкновенные люди, иногда пустые и безнравственные, подчиняясь—если не чувству долга, то стаднымъ предразсудкамъ и условнымъ взглядамъ на честь, выходятъ на дуэль часто изъза вздора, становятся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дула пистолета.

И всѣ они поступаютъ такъ не оттого, что имъ постыла жизнь. Всѣ они держатся за нее—крестьяне, солдаты, офицеры, изслѣдователи природы, бреттёры, свѣтскіе франты...

Стало быть, дѣло сводится гораздо больше къ тому, какъ смотрѣть на жизнь, какіе устои имѣть въ своей душѣ для того, чтобы выносить ея тягости, чѣмъ къ самымъ этимъ тягостямъ... Мы знаемъ, что трудовая масса—особенно у насъ, гдѣ крестьянство обречено на неустанную и суровую борьбу съ нуждой—про-

ходитъ, изъ года въ годъ, черезъ множество лишеній и бѣдъ, гораздо несноснѣе тѣхъ, изъ-за которыхъ въ городахъ люди разныхъ положеній кидаются на самоубійство, какъ на ближайшій и вѣрный исходъ своей невзгодѣ.

Не является-ли это доказательствомъ не столько захватовъ послѣдовательнаго пессимизма, сколько неустойчивости нравственнаго „я“ въ современномъ обществѣ? Самоубійства, съ продуманной безнадежностью выводовъ, составляютъ ничтожное меньшинство, въ сравненіи съ порывистыми рѣшеніями воли подъ прямымъ воздѣйствіемъ страстей.

Въ культурномъ человѣчествѣ, въ самомъ развитомъ его слоѣ замѣчается съ нѣкоторыхъ поръ болѣзненный процессъ раздуванія своего „я“ до чудовищныхъ размѣровъ. На Западѣ эта „ячность“—(выражаюсь терминомъ нашихъ гегельянцевъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ)—въ передовыхъ странахъ, въ самыхъ крупныхъ центрахъ западной жизни, разливается по такъ называемому „руководящему классу“... Подъ шумихой политической борьбы, подъ позолотой и драпировкой эстетическихъ наслажденій и утонченностью общежитія, умъ и чутье человѣка, съ нравственнымъ складомъ души, видитъ, какъ личность бьется только изъ-за насыщенія своихъ аппетитовъ: славолюбія, тщеславія, чувственности и матерьяльнаго захвата. Но едва-ли не высшая похоть культурнаго человѣка, воображающаго, что онъ и ему подобные—„соль земли“, это—услажденіе собственнаго „я“ на самый утонченный ладъ; и этотъ необузданный *культъ* своего „я“,—какого не знали ни эпикурейцы древности, ни задѣтые рефлексіей герои беллетристики сороковыхъ годовъ, — чрезвычайно характеренъ для времени, переживаемаго нами.

Знакома-ли вамъ, напр., книжка одного изъ представителей такого культа, еще недавно безвѣстнаго парижскаго „homme de lettres“, теперь уже замѣтнаго депутата и писателя, входящаго въ моду?...

Книжка называется „Un homme libre“. Имя автора—Морисъ Баррѣсъ. Когда появился этотъ томикъ въ желтой оберткѣ, я указывалъ на него и русской публикѣ. Нашлись французскіе критики, взглянувшіе на эту книжку, какъ на мистификацію, но далеко не всѣ. Авторъ вызвалъ откликъ своему „эготизму“—употребляю его терминъ. Иные поглядѣли и серьезно на то, что Морисъ Барресъ проповѣдуетъ о „свободномъ человѣкѣ.“

Въ чемъ же состоитъ эта проповѣдь? Въ совершенномъ отрѣшеніи отъ всего, что не собственное *я*, что не можетъ вести къ возбужденію въ душѣ состояній экстаза, путемъ самоанализа и проникновенія въ тайники своего *я*, доведеннаго до крайнихъ

граней мозгового восторга. Рекомендуются такія руководства къ производству экстатическихъ состояній души, какъ сочиненія Игнатія Лойолы или видѣнія св. Терезы; правда, безъ всякой опредѣленной религіозной догматики въ строго католическомъ духѣ, но съ оттѣнкомъ безпредметнаго мистицизма.

Основа этой доктрины такова: только въ безконечномъ самовозгораніи души, въ ея восторгахъ и высшихъ ощущеніяхъ, какого-бы то ни было сорта, заключается суть жизни. Весь міръ лишь матеріалъ для такого культа своего „я“, въ томъ числѣ и все человѣчество, его судьбы, страданія, идеи, вѣковой трудъ, завоеванія творческаго генія въ наукѣ и въ области прекраснаго. Все это—ничто, если оно не служитъ для созданія себѣ безконечныхъ опытовъ надъ своей экстатической душей.

А въ дальнѣйшихъ писаніяхъ этотъ отпрыскъ французскаго культурнаго общества выставляетъ себя и духовнымъ врачемъ поколѣнія скептиковъ и индифферентистовъ, снѣдаемыхъ недугамъ „неваренія души“, если вы мнѣ позволите такой терминъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Морисъ Барресъ выпустилъ крошечную книжечку съ громкимъ заглавіемъ—„Три станціи психо-терапіи“, прямо указывающимъ на задачу: лѣчить душевный разладъ своихъ современниковъ. Въ одной изъ „станцій“ мы находимъ чествованіе памяти Маріи Башкирцовой, той самой русслой барышни, около которой, нѣсколько лѣтъ назадъ, парижская пресса надѣлала столько шуму, особенно по поводу посмертнаго напечатанія части ея „журнала“.—Морисъ Барресъ возводитъ эту славолюбивую и довольно талантливую дѣвицу, гонявшуюся за всякаго рода рекламой, въ высокій типъ всеобъемлющей міровой души, предназначенной къ выполненію программы экстатическаго *эготизма*, при чемъ полусерьезно, полушутовски называетъ ее „Notre Dame de Sleeping-car“ т. е. *мадонной спальнаго вагона*, намекая на ея бродячую жизнь по различнымъ моднымъ курортамъ, отъ Карльсбада до Ниццы... Указаніе на Башкирцову—весьма характерно. Эта космополитическая диллетантка самоуслаждала себя всѣмъ, отъ чтенія страницъ изъ Канта и Фихте до всякихъ опытовъ надъ своей даровитостью, продолжая экзальтировать свою личность на всевозможные лады. И она была несомнѣнно то, что французы называютъ „fin de siècle“. Бѣшеная погоня за услажденіемъ своего „я“ дѣлала ее, дѣйствительно, типической представительницей того поколѣнія, которое Морисъ Барресъ хочетъ лѣчить спеціальной терапіей, гдѣ Игнатій Лойола преподастъ вѣрнѣйшія средства дрессировать себя, для возбужденія въ себѣ экстазовъ. А на-дняхъ, тотъ же вѣроучитель эготизма выступилъ съ новой защитой „Культа своего я“, гдѣ онъ, уже безъ всякихъ

аллегорій и недомолвокъ, провозглашаетъ „я“, *Le Moi*, единственнымъ божествомъ, которому современный человѣкъ долженъ служить, безпощадно защищая его отъ „варваровъ“, а *варвары*, по опредѣленію Баррѣса—всѣ, кто не такъ настроенъ, какъ мы, поклоняющіеся своему *я*.

На иной взглядъ такіе продукты общественной психологіи—слишкомъ ничтожны и нейдутъ дальше курьезовъ. Но развѣ и другія теченія—окрашенныя-ли въ отчаянный пессимизмъ или въ исканіе правды на землѣ,—не знаменуютъ того-же культа своего „я“, возню съ собой, или родъ аскетическаго эпикурейства, въ силу котораго человѣкъ становится „мѣрою всѣхъ вещей“, не въ высоко-философскомъ смыслѣ изреченія Сократа, а какъ маньякъ изувѣрской морали, ведущей яко-бы къ достиженію возможнаго счастія на землѣ?

Личное счастіе: вотъ позывъ, питающій всѣ виды возмущенія жизнью, вотъ спекуляція, понижающая на всемірной биржѣ цѣну человѣческаго бытія! Она рождаетъ взрывы и крахи, паденіе всякихъ цѣнностей, какое такъ часто слѣдуетъ за жадной игрой на повышеніе.

Всѣмъ хочется райскихъ золотыхъ яблоковъ, и никто не желаетъ мириться съ относительностью всего, что существуетъ на землѣ, съ той немудрой истиной, что человѣкъ—только одно изъ стадій творческаго процесса вселенной, а потому мало способенъ, да и врядъ-ли призванъ безусловно-вѣрно рѣшать:—какой истинный смыслъ заключается въ міровой жизни, имѣетъ-ли она какой-бы то ни было смыслъ по нашимъ человѣческимъ понятіямъ, а затѣмъ, стоитъ-ли вообще жить—сколько-бы то ни было лѣтъ, и въ какихъ-бы то ни было условіяхъ?.. Всякій пессимизмъ,—не исключая и метафизическихъ доктринъ съ Шопенгауэромъ во главѣ,—говоритъ о жаждѣ наслажденій, о желаніи безсмертія, о требованіяхъ, какія нашъ умъ, устроенный по извѣстному типу, дерзко предъявляетъ вселенной. По логикѣ нѣкоторыхъ умовъ и выходитъ, что нелѣпо родиться и нѣсколько десятковъ лѣтъ трепаться по свѣту, чтобы кончить превращеніемъ своего „я“ въ безформенное химическое соединеніе—или, выражаясь ходячей метафорой: „стать достояніемъ могильныхъ червей“.

Религія является съ своимъ толкованіемъ міра, по которому все въ нёмъ существуетъ для воздаянія человѣку за его добрыя или злыя дѣла; религіозныя вѣрованія и держатъ милліоны людей, всякихъ странъ и культуръ, въ подчиненіи извѣстнымъ нравственнымъ основамъ и космическимъ представленіямъ. Кто вѣритъ, у того есть готовые отвѣты на все, и тотъ не можетъ быть пессимистомъ, по крайней мѣрѣ по принципу. Мы находимъ само-

убійцъ и въ числѣ вѣрующихъ; они попадаются каждый день и у насъ, и въ остальныхъ культурныхъ странахъ; но это показываетъ только, что ихъ организмъ не выдержалъ борьбы, или былъ надорванъ какимъ-нибудь недугомъ. Можно навѣрное сказать, что большинство самоубійцъ прямо-непослѣдовательны съ самими собою, со своими вѣрованіями, и въ минуту прощанія съ жизнью они не отрицаютъ вовсе ея смысла, а только признаютъ свою несостоятельность передъ натискомъ личной судьбы.

Я хочу говорить о принципіальныхъ отрицателяхъ смысла жизни. Источникъ ихъ протестовъ—всегда и у всѣхъ—крайній субъективизмъ, привычка все мѣрять на свой сомнительный человѣческій аршинъ, или жажда безконечныхъ услажденій своей личности, вмѣстѣ съ требованіемъ безсмертія на землѣ. Но теоретическаго обоснованія этихъ самыхъ протестовъ ищутъ они въ произвольной работѣ своего ума. Они стремятся доказать, что въ мірѣ дѣйствуютъ такія-то, а не иныя силы, что эти силы ведутъ къ всеобщему уничтоженію, къ сведенію всего—къ нулю. Таково, какъ вамъ извѣстно, въ общихъ чертахъ, и ученіе Шопенгауэра. Изобрѣтенная имъ міровая воля — продуктъ его метафизической фантазіи. Сила таланта—тутъ не при чемъ. Провѣрка такихъ построеній можетъ идти только отъ положительнаго знанія, а у него нѣтъ критеріевъ, чтобы подтвердить вѣрность такого міропониманія.

Удивительное дѣло! Даже люди, какъ этотъ нѣмецкій филистеръ, ужасно державшійся за жизнь, брюзга-холостякъ и остроумецъ франкфуртскаго отельнаго табль д'ота, мечтавшій о крайнемъ долголѣтіи и преисполненный всякихъ себялюбивыхъ побужденій, высоко одаренный и проницательный,—даже люди такого ума не останавливались въ сочиненіи своихъ философскихъ фантасмагорій простымъ соображеніемъ, что намъ смертнымъ нельзя предписывать вселенной законовъ своей логики и морали. Стоитъ только взглянуть на жизнь животныхъ—и близкихъ къ намъ, и очень отдаленныхъ, чтобы наглядно убѣдиться въ безплодіи и жалкой притязательности такихъ замашекъ. Муравьи живутъ государствами; они созидаютъ города, имѣютъ кодексъ постановленій и обычаевъ, выказываютъ политическую мудрость, любовь къ отчизнѣ, мужество, трудолюбіе, преданность общему благу,—какой нѣтъ въ большинствѣ самыхъ культурныхъ народовъ Европы и Америки. Такую-же или почти такую развитость, или склонность къ разумному общежитію—знаемъ мы у осъ, пчелъ, разныхъ породъ птицъ, у бобровъ, у многихъ видовъ обезьянъ.

Представимъ-же себѣ, что каждая такая порода животныхъ, въ лицѣ своихъ одаренныхъ членовъ, додумается до извѣстныхъ взглядовъ на цѣну жизни. Почемъ мы знаемъ, что онѣ и не до-

думались? Муравьи такъ умны, что безъ общихъ выводовъ, безъ сознательныхъ устоевъ жизни—какъ мы ихъ разумѣемъ—немыслима ни одна подробность ихъ быта. Да развѣ и недовольство жизнью—достояніе одного человѣка? Въ новѣйшее время приводились случаи самоубійствъ у птицъ и высшихъ млекопитающихъ. На развитіи чувствъ, общихъ съ человѣкомъ, нечего и настаивать. Кто-же не знакомъ съ проявленіями страсти, нѣжной привязанности, высокой преданности родителей къ птенцамъ и дѣтенышамъ у птицъ и млекопитающихъ, кто станетъ спорить съ тѣмъ, что собака—вся соткана изъ симпатичныхъ порывовъ, и ея влеченіе къ человѣку неизмѣримо чище и благороднѣе, чѣмъ высокомѣрное и корыстное отношеніе такъ называемаго „царя вселенной" къ прекрасному полу? Не даромъ и Шопенгауэръ такъ высоко ставитъ нравственныя качества этого четвероногаго.

Предположимъ теперь, что у муравьевъ, птицъ, собакъ или обезьянъ есть свой взглядъ на жизнь и на вселенную. Если ничего такого и нѣтъ въ дѣйствительности, то мы могли-бы, съ нашей развитостью, съ нашимъ знаніемъ—мысленно создать такое міропониманіе. Предѣлы его, во всякомъ случаѣ, мы въ состояніи опредѣлить. И чѣмъ-же такое птичье или обезьянье міропониманіе было-бы, по существу, менѣе вѣрно, чѣмъ наше, еслибъ данная порода животныхъ основывала свой взглядъ на смыслъ и цѣну жизни только на своихъ потребностяхъ и желаніяхъ? Развѣ количественно,а ужъ никакъ не качественно.

Натуралисты наблюдали у животныхъ случаи произвольнаго самоуничтоженія и подтверждаютъ то, что у высшихъ породъ есть чувство смерти, страхъ и тоска; но все-таки вся неизмѣримая масса животныхъ—отъ полипа до чимпанзе—живетъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ своими инстинктами, т. е. съ кореннымъ побужденіями, безъ которыхъ существованіе ихъ немыслимо. Оттого-то они неизмѣримо и счастливѣе большинства людей. Имъ некогда предаваться рефлексіи. Они слишкомъ ярко чувствуютъ и энергически борятся за жизнь, чтобы задавать себѣ гамлетовскіе вопросы или искусственно раздувать свое „я" всякими психопатическими юродствами.

Но намъ нечего кичиться передъ ними умѣньемъ рѣшать задачи бытія. Мы на вѣки-вѣковъ останемся съ той-же малой способностью безусловно понять тайну всемірной жизни, какъ и пчелы, живущія въ такомъ общественномъ устройствѣ, какое врядъ-ли дадутъ намъ новѣйшіе реформаторы, мечтающіе о водвореніи рая на землѣ.

Вотъ эта человѣческая неспособность и подрываетъ всякій пессимизмъ, какъ доктрину. Вы можете быть недовольны своей жизнью

или судьбою всего культурнаго человѣчества, но у васъ нѣтъ и никогда не будетъ полнаго отвѣта на то—что такое все сущее, идетъ-ли оно куда-нибудь или вертится въ заколдованномъ кругѣ.

Слова: „безсмысленный, нелѣпый, безплодный, нелогичный“,— ограниченныя человѣческія слова. Они говорятъ только о нашей претензіи быть вѣнцомъ созданія, о ничѣмъ недоказанной гипотезѣ, что нигдѣ во вселенной нѣтъ существъ, представляющихъ высшій типъ организаціи. Что можетъ руководить насъ на этомъ пути? Наука, точное знаніе—и ничто больше. Наука—первая дала намъ плодотворныя указанія на единство силъ въ природѣ и на безконечность развитія органическихъ существъ. Какой-же есть научно-осмысленный поводъ рѣшать, что человѣкъ — послѣднее слово всего сущаго? Ни одинъ ученый, не омраченный субъективнымъ вѣрованіемъ, не станетъ это утверждать. Не только количественно, но и качественно живыя существа, на другихъ небесныхъ тѣлахъ, могутъ отличаться отъ насъ, обладать такими духовными силами и физіологическими функціями, о которыхъ мы не имѣемъ, до сихъ поръ, и смутнаго представленія.

Но и эти высшія созданія, если они только существуютъ, навѣрно не додумались до конечныхъ причинъ бытія и также заблуждаются въ своихъ приговорахъ о жизни и ея смыслѣ, какъ ошибаются и самые одаренные изъ философствующихъ пессимистовъ.

Негодуемъ мы противъ судьбы или покоряемся ей — жизнь пойдетъ своимъ чередомъ, и ея круговоротъ будетъ совершаться помимо всякихъ предсказаній въ шопенгауэровскомъ вкусѣ. И только одно научное отношеніе къ проявленіямъ бытія—на всѣхъ его ступеняхъ — и можетъ освободить человѣчество отъ безплодныхъ вторженій его личныхъ запросовъ и требованій. Какой-же человѣкъ науки будетъ изучать что-бы то ни было, руководясь лишь мѣриломъ субъективныхъ, чисто-людскихъ соображеній о пріятномъ или непріятномъ, о цѣлесообразности или пользѣ, о красотѣ или безобразіи данныхъ явленій? Лягушка, червь, змѣя, цвѣтокъ или уродливый звѣрь—для него все одинаково важно, потому что онъ отрѣшился отъ претензіи считать только то важнымъ и интереснымъ, что любезно или противно человѣку, а себя центромъ вселенной, которая должна быть безцѣльна или стремиться къ превращенію въ ничто, потому что досужему метафизику такъ сдается въ его расходившейся нѣмецкой діалектикѣ.

Знаніе есть главный цѣлитель всѣхъ нашихъ душевныхъ недомоганій; оно одно ставитъ человѣка выше его личности съ ея ограниченными и себялюбивыми протестами, тревогами и проклятіями.

Но противъ него-то мы и видимъ теперь или тайные подкопы, или открытый бунтъ. Новѣйшіе спасители человѣчества выступаютъ противъ „научной науки“ и ставятъ на ея мѣсто проповѣдь, не имѣющую санкціи ни въ положительныхъ догматахъ, ни въ положительныхъ выводахъ знанія, — проповѣдь, то и дѣло мѣняющуюся съ личнымъ настроеніемъ вѣроучителей. Я не стану здѣсь выступать ex officio противникомъ и обличителемъ доктринъ аскетическаго эпикуреизма. Для меня важно только указать на то, что всѣ такія проповѣди—едва ли не сродни проявленіямъ все того-же культа собственнаго „я“, весьма похожи на психо-терапію, предлагаемую авторомъ книжки Un homme libre. Мы видимъ въ нихъ замаскированный страхъ смерти, побѣгъ изъ разумной жизни, руководимой знаніемъ и научнымъ мышленіемъ, въ область безграничнаго субъективизма, гдѣ возбужденная человѣческая совѣсть создаетъ себѣ ограниченный и — въ сущности — крайне себялюбивый кодексъ произвольныхъ предписаній, съ перспективой такого-же произвольнаго уничтоженія на землѣ человѣческаго рода.

Что проповѣдуетъ французскій эготистъ Морисъ Барресъ съ товарищами? Пребываніе въ экстатическихъ состояніяхъ души, которая сама въ себѣ должна находить высшій смыслъ и красу въ жизни, питаясь исключительно самоуслажденіемъ. Погибай все, только-бы новѣйшіе свѣтскіе ученики Игнатія Лойолы и Св. Терезы могли предаваться психо-эстетическимъ экспериментамъ надъ своимъ „я“. А развѣ въ ученіяхъ мистико-моральнаго пошиба, подъ ихъ евангельской проповѣдью любви къ ближнему— не заключается то же отрѣшеніе отъ всего, что не ихъ разсудочное упражненіе въ добродѣтели, по извѣстному рецепту, съ отрицаніемъ всего, что трудъ и геній человѣчества, въ нѣсколько тысячелѣтій—создали плодотворнаго и двигательнаго, находящагося въ полномъ соотвѣтствіи съ законами вселенной, которые только одно положительное знаніе и можетъ изслѣдовать и установлять?

Мы переживаемъ кризисъ, конечно временный, но печальный и врядъ-ли послѣдній,—возстанія личнаго міропониманія, протестовъ мятущейся души, не отрезвленной научнымъ мышленіемъ, противъ всего, что не ея запоздалые запросы, что не ея необузданная жажда самоуслажденія или мертвящаго квіэтизма.

Съ глубокой древности чувство кичилось передъ разумомъ. Во имя нравственныхъ идеаловъ или подъ эгидою догматическихъ вѣрованій выставляли его единственнымъ источникомъ истины. Но неужели всей исторіи человѣчества мало, чтобы доказать, какой это шаткій регуляторъ жизни, какъ, предаваясь порывамъ чувства, т.-е. темперамента, съ его фантазіей и суевѣріемъ, съ

игрой прирожденныхъ, часто животныхъ инстинктовъ,—человѣчество только усиливало тяготу своего существованія, превращало землю въ настоящую юдоль скорби.

Поглядите, что выдѣлываетъ аффективная сторона человѣка. Нашъ народъ постигла большая бѣда. Мы—его соотчичи, и намъ естественно сочуьствовать и помогать голодающимъ... Многіе изъ насъ держали въ рукахъ и отвѣдывали тѣ безформенные куски черной массы, иногда окаменѣлой, иногда совсѣмъ непропеченной, съ грязной и вонючей слизью внутри краюшекъ, зная, что это единственная пища десятковъ тысячъ крестьянскаго люда, что и этой смѣси отрубей, лебеды, коры и мякины можетъ не хватить къ суровымъ морозамъ, когда не будетъ ни отрубей, ни соломы, ни лузги, ни выжимокъ, ничего, когда весь скотъ издохнетъ или будетъ проданъ живодерамъ, когда кормить его будетъ буквально нечѣмъ.

Что мудренаго, что въ русскихъ городахъ классъ сытыхъ и не безчувственныхъ людей дрогнулъ отъ состраданія и готовъ отдавать свои излишки.

Но мы читаемъ въ депешахъ, что и въ чужой странѣ начинается движеніе въ пользу русскихъ голодающихъ. Гдѣ? У кого? У французовъ. Чему-же удивляться? Вѣдь это — дружественная нація. Она шумно демонстрируетъ передъ всѣмъ свѣтомъ свою пріязнь къ намъ.

А давно-ли, не прошло еще сорока лѣтъ, эти самые два народа истребляли другъ-друга съ упорствомъ и безпощадностью. Груды труповъ! Страшныя вылазки! Потопленіе флота! Дымящіяся развалины грозной русской твердыни... Рѣзня въ траншеяхъ и подземныхъ проходахъ. Десятки тысячъ тѣхъ самыхъ мужиковъ—ихъ отцовъ и дѣдовъ — тѣхъ, что теперь изнываютъ отъ голодовки, были пущены въ рѣзню—неумѣлые, съ дрянными ружьями—и, въ порывѣ дикой отваги, превратившись въ звѣрей, кидались въ топоры на венсенскихъ стрѣлковъ и зуавовъ, устрашая своимъ натискомъ, и валились цѣлыми ротами подъ пулями дальнострѣльныхъ, образцовыхъ ружей.

И все это было! Во имя чего? За какую высокую идею легли сотни тысячъ людей пяти національностей, истреблено на милліарды всякихъ цѣнныхъ продуктовъ вѣковой культуры, тяжкаго труда милліоновъ народа у насъ и на Западѣ? А потомъ говорятъ: „это было недоразумѣніе, ошибка, непониманіе интересовъ; между нами и французами и тогда жила тайная симпатія!“

Развѣ это оправданіе? И неужели утѣшаться только тѣмъ, что ужасная бойня, ослабившая насъ, какъ державу, вызвала внутри страны запросы, которые повели къ реформамъ, отрезвила насъ, заставила спохватиться?

А рядомъ съ гуломъ овацій, по адресу русскихъ, по ту сторону Альповъ,—другая, уже прямо родственная французамъ нація, взбудоражена задоромъ, и негодующіе протесты раздаются по всей Италіи: французовъ-пилигримовъ бьютъ, толпы впадаютъ въ неистовство, патріотическія газеты и рвутъ и мечутъ изъ-за ничтожнаго повода, науськивая всю страну на сосѣднюю націю,—ту самую, что, тридцать съ небольшимъ лѣтъ назадъ, побратавшись съ итальянцами подъ стѣнами Севастополя, помогла имъ освободить свою отчизну отъ чужого гнета, стать единой, подняться на степень крупной державы.

Вотъ вамъ факты! Вся лѣтопись человѣчества полна ими. И все это увлеченіе такъ называемымъ чувствомъ достоинства, все это немыслимо—безъ участія аффективной стороны человѣка. Разумъ только заднимъ числомъ вступаетъ въ свои права, и въ его свѣтѣ цѣлые народы, съ ихъ руководителями, сознаются, что они кидались, какъ звѣри, въ схватку безплодно и нелѣпо, подчиняясь инстинктамъ своихъ дикихъ предковъ.

Неужели не гуманнѣе, не болѣе отвѣчаетъ предписаніямъ самой высокой морали—разумная терпимость, пониманіе своей общечеловѣческой солидарности, то, что мы видимъ въ международныхъ отношеніяхъ рабочаго класса, въ лицѣ его передоваго слоя. Итальянская толпа кидается съ кулаками на французовъ за то, что какой-то пилигримъ неосторожно написалъ: „да здравствуетъ папа“, а нѣмецкіе рабочіе, на конгрессѣ въ Эрфуртѣ, заканчивали засѣданіе марсельезой... Не одинъ разсчетъ руководилъ ими, не одна ненависть къ хозяевамъ-капиталистамъ, а также идея всеобщаго разоруженія, идея мірового союза трудовыхъ массъ, не знающихъ расовой вражды и грубо-эгоистическаго соперничества.

Сектантскія ученія любви и радикальнаго опрощенія жизни—проповѣдь свою основываютъ, въ сущности, на выводахъ практическаго разсудка. Ихъ вѣроучители поняли, что на исключительныхъ стремленіяхъ сердца, какъ бы они ни были благородны и возвышенны, нельзя построить прочной доктрины и практики праведной жизни. Они сами-бы охотно замѣнили вездѣ слово „любовь“ словомъ „разумъ“. Но ихъ разумъ—только узкій разсудокъ, служащій отыскиванію ограниченныхъ нормъ жизни, въ которыхъ человѣческій духъ перестанетъ будто-бы колобродить и найдетъ тихую пристань, убѣдившись, что нельзя иначе жить, съ меньшими страданіями, съ болѣе толковымъ служеніемъ ближнему. Они выступаютъ противниками безплодной, по ихъ толкованію, науки и осыпаютъ анафемой всѣ ея завоеванія, какъ суетныя и развращающія, а того не замѣчаютъ, что ихъ будто-бы самоотверженная

и человѣколюбивая мораль держится только разсудочной работой ума и воли, добивающихся личнаго довольства на землѣ. Дальше они не идутъ и не могутъ идти.

Но предположимъ, что они — добьются своего, если не для всего человѣчества, то для отдѣльныхъ группъ ихъ послѣдователей. Душевная гармонія возможна для нихъ лишь подъ условіемъ — разъ навсегда признать непреложность своего символа вѣры и незыблемость правилъ и запретовъ, которыми опутана будетъ ихъ личная и общественная жизнь.

Развѣ это будетъ, въ самомъ дѣлѣ, гарантіей того, чтобы смыслъ и цѣна человѣческаго бытія на-вѣки представлялись, даже адептамъ такихъ ученій,—плѣнительными или, по крайней мѣрѣ, не подлежащими разъѣдающей критикѣ?.. Мы знаемъ, что вѣроучители сами доходятъ въ своихъ соображеніяхъ до безнадежнаго нигилизма, додумываются до цѣлесообразности прекращенія рода человѣческаго! Это-ли еще не пессимизмъ, только въ бѣломъ хитонѣ сектанта и со словами всемірной любви на устахъ... Иначе и не можетъ быть. Подкладка тутъ все та же: самомнѣніе возмутившагося противъ достижимой истины темперамента, не руководимаго сознаніемъ неразумности всякихъ абсолютныхъ рѣшеній вопроса о судьбахъ вселенной путемъ субъективныхъ наитій, и ограниченности нашихъ познавательныхъ силъ, при всей безконечности ихъ развитія.

Сдѣлаемъ еще уступку такимъ толкователямъ смысла и цѣны жизни и допустимъ, что въ средѣ ихъ послѣдователей, даже если они и кончатъ самоистребленіемъ, т.-е. послушаются все того-же нѣмецкаго пессимиста,—никогда не будетъ еретиковъ и отщепенцевъ. Что-же представитъ собою это „согласіе“, выражаясь языкомъ нашихъ раскольниковъ? Ограниченіе душевной жизни человѣка одной утилитарно-нравственной практикой, чисто-разсудочнаго характера, гдѣ самое чувство будетъ втиснуто въ разъ навсегда установленныя рамки.

Мораль врядъ-ли подлежитъ дальнѣйшему развитію въ смыслѣ своихъ основныхъ догматовъ. Она не можетъ идти дальше альтруизма, понимаемаго болѣе или менѣе широко. Потому ей положенъ предѣлъ, что она имѣетъ дѣло исключительно съ человѣческой совѣстью, что она прикована къ нашему ограниченному *я*. Сколько-бы вѣковъ родъ людской ни сидѣлъ надъ разработкой своей морали—даже отвлеченнаго характера—онъ додумается только до новыхъ перестановокъ и комбинацій, но не пойдетъ дальше предписанія: „полюби ближняго, какъ самого себя, или больше самого себя“.

Безконечность жизни духа въ человѣкѣ можетъ быть питаема

не своимъ *я*, а созерцаніемъ и изученіемъ всего мірозданія, въ силу творческой способности, заложенной въ наше мозговое устройство. Никакіе запреты, никакія изувѣрскія предписанія не удержатъ разумъ отъ безкорыстной работы проникновенія въ тайны природы и общемірової жизни. Настанетъ такой моментъ и для всякаго мыслящаго послѣдователя любого морально-разсудочнаго или интуитивно-сердечнаго ученія, когда онъ скажетъ: „Прекрасно. Мы живемъ добродѣтельно, бросили всякую суету образованности, ограничили себя до аскетизма, сократили до возможныхъ предѣловъ всѣ страданія, связанныя съ эгоистической цивилизаціей. Но неужели такъ и будетъ во вѣки-вѣковъ? Мы не выбьемся изъ круга своего прѣснаго довольства? Неужели все въ мірѣ сводится къ жизни одной породы животныхъ, и внѣ ея нѣтъ ничего, или ничто не достойно усилій нашего ума и нашей воли, не заключаетъ въ себѣ высокой прелести, не вознаграждаетъ за недуги и утраты, за непрочность нашего единичнаго бытія, за которымъ ждетъ неизбѣжный конецъ и разложеніе могилы? Быть этого не можетъ! Это скопчество души сродни тому, которое должно считаться идеаломъ для нашего тѣла, если мы хотимъ быть послѣдовательны и смотрѣть на влеченіе половъ, какъ на источникъ всякой скверны“.

И если этотъ мыслящій сектантъ не дастъ хода работѣ своего разума, не обратится, съ помощью науки, къ безконечному изслѣдованію всего сущаго,—онъ кончитъ чувствомъ тяготы и пресыщенія; самая его добродѣтель явится передъ нимъ, какъ перевернутое эпикурейство, одностороннее и фарисейское. Онъ дойдетъ фатально до такого вывода:

„Неужели стоитъ жить для того только, чтобы поддерживать въ группѣ людей или даже во всемъ человѣчествѣ извѣстное statu quo ограниченнаго довольства, путемъ душевнаго оскопленія? Конечно нѣтъ“!

И онъ пойдетъ и повѣсится на первой осинѣ; а смыслъ и цѣна жизни вовсе не будутъ подняты оттого лишь, что данное согласіе, къ которому принадлежалъ этотъ самоубійца, проживетъ еще сто или тысячу лѣтъ, вѣрное своимъ постановленіямъ и запретамъ.

Вотъ мы и подошли къ неизбѣжному вопросу: гдѣ-же исходъ, въ чемъ мѣрило высшаго смысла жизни, дающаго каждому разумному существу мужество—проходить по своей земной стезѣ безъ колебаній, забывая про личные запросы счастія, мирясь съ печальнымъ концомъ всякихъ человѣческихъ дѣлъ и упованій?

Отвѣтъ—въ чудѣ вселенной. Для насъ она чудо! И проникновеніе въ него есть высшая задача человѣческаго генія, задача безконечная, даже если и суждено человѣческому роду погиб-

путь, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ живой жизни на нашей планетѣ.

Не примите словъ моихъ за мистическую тираду. Да и мистицизмъ, поднявшій голову въ послѣднее время, что онъ представляетъ собою? Вѣковое стремленіе человѣка проникнуть въ тайну бытія. Но это стремленіе, вмѣсто того, чтобы войдти въ фазу научнаго мышленія, послѣднюю и высшую, остается въ тенетахъ того самаго міропониманія, которое заставляло человѣка одухотворять каждое явленіе природы, создавать себѣ фетишей изъ каждой глыбы камня, изъ каждаго дерева или животнаго.

Мистики, воображая, что въ ихъ душѣ—совсѣмъ другіе источники правды, чѣмъ у людей знанія и научнаго мышленія, только подтверждаютъ ту истину, что бытіе есть тайна, привлекающая человѣка выше всякихъ благъ земныхъ, находящаяся въ вѣчной связи со всѣми законами природы; они доказываютъ только, что стремленіе человѣка къ познанію есть самое драгоцѣнное его достояніе.

Мистику — будь то спиритъ или приверженецъ любаго религіознаго толка—сладко цѣпляться за связь своего „я“ съ тайной бытія, находиться, если возможно, въ прямомъ общеніи съ міромъ духовъ. Но зачѣмъ ему эти духи? Для подтвержденія идеи второй, лучшей жизни, если онъ дальше этого нейдетъ, или для доказательства безсмертія всего сущаго, если онъ—менѣе „скорбенъ главой“ или менѣе держится за свою алчность къ единоличной жизни, а идетъ дальше въ своемъ мышленіи.

Идея безконечности дается, прежде всего, знаніемъ. Наука догматически не проповѣдуетъ безсмертія всего сущаго, но она не полагаетъ границъ ему. Она одна установляетъ, въ прямомъ соотвѣтствіи со всѣмъ, что намъ извѣстно положительнаго о себѣ, нашей планетѣ и міровзданіи, — истинную связь нашего мыслящаго „я“ съ жизнью вселенной, потому что здѣсь, на землѣ, только мозгъ нашъ въ состояніи осмысливать свои воспріятія въ тѣхъ размѣрахъ, которые порождены эмпирическимъ опытомъ и философскими обобщеніями.

Но бѣда въ томъ, что люди, въ массѣ, не могутъ перескакивать прямо отъ первобытнаго фетишизма къ научному пониманію существующаго. Вездѣ еще находимъ мы двойственность понятій, дуализмъ, ведущій людей къ грубому самообману. И малограмотный мистикъ, и ученый метафизикъ—не далеко ушли одинъ отъ другаго — только на одну ступень. Оба они принимаютъ функціи за органы, говорятъ о душѣ и разумѣ, какъ о самостоятельныхъ сущностяхъ, забывая, что ничто изъ этихъ общихъ понятій не живетъ самостоятельно, что они—продукты дѣятельности извѣст-

ной части нашего организма, призванной къ разнымъ видамъ такъ называемой душевной жизни.

Метафизикъ, все равно, что наивный мистикъ, превративъ свои собственныя отвлеченности въ сущности, играетъ ими и доходитъ до чудовищно-произвольныхъ выводовъ, которые и выдаетъ за откровенія безповоротной истины.

Представьте себѣ, что мы додумались бы до такого вывода о смерти, какъ единственномъ источникѣ блага и освободительницѣ міра отъ его теперешняго безобразнаго бытія: „Смерть говоритъ: Ты—т. е. человѣческій родъ—продуктъ акта, какому не слѣдовало бы быть, потому ты долженъ потухнуть, умереть". Развѣ это не безуміе? Развѣ можно идти дальше въ произвольномъ рѣшеніи судебъ вселенной? Есть-ли у человѣческаго ума, даже вооруженнаго всѣми средствами науки, возможность рѣшить, что жизни, какую мы находимъ на землѣ и внѣ земли, не слѣдовало и являться на свѣтъ? А между тѣмъ это не юмористическая поддѣлка подъ изрѣченіе какого-нибудь необузданнаго метафизика, а подлинныя слова автора книги „Міръ, какъ воля и представленіе", Артура Шопенгауэра, звучащія по нѣмецки такъ: „Der Tod sagt: Du bist das Produkt eines Aktes, der nicht hätte sein sollen, darum musst du auslöschen, sterben *)".

Пускай мистики и метафизики блуждаютъ въ дебряхъ, создаваемыхъ ихъ воображеніемъ,—даже работа ихъ головъ показываетъ, что родъ людской, въ лицѣ болѣе одаренныхъ и чуткихъ членовъ своихъ, не переставалъ, и никогда не перестанетъ—стремиться къ уразумѣнію сущаго. Эта работа составляетъ для всѣхъ, кто ей предается, высшую привлекательность земнаго бытія. Безъ исканія истины развитая человѣческая душа—немыслима. Никакія тягости жизни не мѣшаютъ человѣку—когда онъ войдетъ въ извѣстный періодъ развитія — предаваться этому виду дѣятельности.

Нашъ простой народъ, на котораго иные скептики указываютъ, какъ на черстваго практика, ничего не знающаго, кромѣ разсчета и выгоды, ежечаснаго удовлетворенія своихъ нуждъ,—народъ этотъ повсемѣстно, и въ нуждѣ, и въ довольствѣ, живетъ мозгомъ, ищетъ правды, питаетъ свой умъ, какъ умѣетъ. Для многихъ крестьянъ сладость жизни не въ томъ только, что они сыты, одѣты и пьяны, а и въ стремленіи къ отысканію истины, въ расширеніи своего умственнаго кругозора,

Тутъ дѣло не въ томъ, что считается истиной, а въ томъ—

*) „Die Welt als Wille und Vorstellung". Dritter Band, стр. 58, Leipzig 1888.

какъ цѣна жизни держится за какую-нибудь, хотя бы на нашъ взглядъ безплодную, казуистику или жалкое изувѣрство.

И кто изъ этихъ наивныхъ искателей правды и свѣта живетъ для своей души—какъ онъ это понимаетъ—тотъ не станетъ клясть земное бытіе за его обманъ и тщету, съ неизбѣжнымъ концомъ. Для него выше его личной судьбы стоитъ *нѣчто*, передъ чѣмъ онъ смиряется, что притягиваетъ его своей тайной, что сулитъ ему достиженіе истины.

И сливкамъ современнаго общества нѣтъ другого пути, если оно не хочетъ погрязнуть въ хищный эготизмъ или безплодное отрицаніе какого-бы то ни было смысла въ судьбахъ человѣка, его планеты и всего міросданія.

Великое чудо природы призываетъ всѣхъ насъ къ безконечной собирательной работѣ. Въ ней спасеніе — не воображаемое, а реальное и достижимое. Она только и даетъ откликъ на всѣ коренныя стремленія нашей души.

Идея безконечности замѣнитъ тягостный и себялюбивый миражъ личнаго безсмертія на землѣ, которое и моралисты-вѣроучители сулятъ нашему „я“, въ видѣ дѣлъ, совершенныхъ по непреложнымъ правиламъ добродѣтельной жизни. И метафизики—вплоть до того-же Шопенгауэра, проповѣдующіе смерть, какъ искупителя,—и тѣ говорятъ, что одинъ лишь видимый міръ подлежитъ уничтоженію, а что настоящая дѣйствительность, недоступная чувствамъ, вѣчна и неразрушима.

Но у нихъ нѣтъ никакихъ средствъ доказать намъ эту истину а у научнаго мышленія есть, и будутъ все возрастать,—средства проникать въ чудо бытія, медленно, но прочно и безповоротно. Всѣ пріобрѣтенія науки держатся одно за другое. Дефицитовъ она не знаетъ. Всякій законъ, открываемый геніемъ человѣка,—остается на вѣки вѣковъ закономъ, пока держится теперешній міръ, а внѣ его мы—какъ конкретныя существа—немыслимы.

Всѣмъ извѣстны возгласы противниковъ науки и міропониманія, доставляемаго ея выводами:

„Работа ума“, вопятъ они, „даже и геніальнаго—мертва, если въ человѣкѣ нѣтъ любви, если онъ не живетъ исключительно для своихъ ближнихъ. Умъ подсказываетъ одну лишь гордыню и равнодушіе. Онъ—источникъ зла; спасеніе не въ немъ, а въ отрицаніи жизни для себя“.

Кто доказалъ фактами, а не фразами ненавистниковъ науки, что высокое развитіе познавательныхъ силъ нашего духа ведетъ только къ хищничеству, разврату и высокомѣрному равнодушію? Я не знаю такихъ фактовъ, а, напротивъ, вся исторія человѣчества кричитъ мнѣ о томъ, что людямъ не прекратить ни войнъ, ни

междоусобныхъ смутъ, ни сословной розни, ни безъисходной нищеты, ни тысячи бѣдствій, исходящихъ отъ игры неразумныхъ, полуживотныхъ инстинктовъ, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ руководиться терпимостью и всепрощеніемъ—этими неизбѣжными слѣдствіями изъ посылокъ трезваго знанія.

Пускай твердятъ намъ о бездушіи законовъ природы, о дарвиновской борьбѣ за жизнь, освященной бисмарковскимъ принципомъ крови и желѣза, санкціей всемірнаго фатума. Все это жалкія слова! Разумъ человѣка не отказывается отъ своихъ завоеваній. Душа, разъ выработавъ начала солидарности и любви, найдетъ въ наукѣ главный оплотъ терпимости и всепрощенія.

Кто кладетъ всѣ свои силы на то, чтобы уменьшить страданія человѣчества—и притомъ безкорыстно и самоотверженно? Люди науки. Кто давнымъ-давно проповѣдуетъ гуманность и прощеніе, доказываетъ, какъ жестоки и безумны приговоры судей и моралистовъ? Люди науки.

Грубый матеріализмъ отжилъ свое время. Теперь пытливость человѣческаго мозга проникаетъ въ сферы, бывшія еще недавно совсѣмъ закрытыми, допускаетъ возможность другихъ типовъ мірового творчества, выше человѣческаго организма. Не сумашедшіе и не спириты только предполагаютъ дѣйствительность, гдѣ пространство и все съ нимъ сопряженное—опредѣляется не тремя, а четырьмя измѣреніями. Психическія явленія изслѣдуются, какъ вамъ извѣстно, въ разныхъ, до того неслыханныхъ смыслахъ—и все ведетъ къ открытію новыхъ, неизвѣданныхъ силъ.

Величественный синтезъ ожидаетъ человѣчество, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ. Если это мечты, то мечты съ реальными предпосылками, а не съ бредомъ горячешной головы или сектантскаго разсудка.

Можно-ли предположить, что такая будущность приведетъ только къ повсемѣстному паденію цѣны жизни? Не одно себялюбивое услажденіе своей интеллигенціи будетъ удѣломъ человѣчества. Эготисты, во вкусѣ парижскаго психотерапевта, Мориса Барреса, ищутъ только тонкаго мозгового саморазвитія; но для кого? Для своего ненасытно-чувственнаго или диллетантскаго „я“, не сливая души съ тѣми задачами альтруизма и солидарности, которыя неминуемо вытекаютъ изъ преклоненія человѣческой личности передъ чудомъ вселенной, изъ разумнаго смиренія и глубокой жалости ко всему, кто страдаетъ, кто обездоленъ на этой землѣ.

Жалость къ человѣку—удѣлъ и метафизиковъ, рѣшающихъ вопросы міроваго бытія въ своихъ философскихъ поэмахъ. И эта жалость истекаетъ изъ подъема духа на высоты, хотя-бы и вы-

мышленныя. Съ той пирамиды произвольнаго міропониманія, которую франкфуртскій табль д'отный остроумецъ воздвигъ своимъ діалектическимъ воображеніемъ, — онъ не могъ не жалѣть о несчастномъ родѣ людскомъ, обреченномъ, по его выводамъ, на безплодное и неосмысленное кипѣніе въ котлѣ органическаго, реальнаго зла и страданія.

Но не всѣ метафизики пессимисты. Не забудемъ, что двѣсти лѣтъ передъ Шопенгауэромъ, человѣкъ изъ племени, ненавистнаго ему, какъ истому нѣмецкому филистеру, — соорудилъ свою пирамиду цѣльнаго, геометрически правильнаго міропониманія, гдѣ Богъ и природа — едины, и человѣку стоитъ только углубиться и познать эту истину, чтобы преисполниться той самой божественной любви, какою держится весь видимый и невидимый міръ. Это былъ, выражаясь жаргономъ современныхъ патріотовъ, „презрѣнный жидъ“,—амстердамскій ничтожный отщепенецъ отъ еврейскаго кагала, промышлявшій полировкой оптическихъ стеколъ и питавшійся на нѣсколько копѣекъ въ день. Но какъ его личность и цѣна его жизни стоятъ высоко, — если ихъ сравнить съ нравственными свойствами и земной каррьерой богатенькаго, купеческаго сынка, родившагося въ Данцигѣ и десятки лѣтъ изливавшаго свою желчь и озлобленіе на весь міръ за то, что нѣмецкіе университеты во-время не оцѣнили его философской монографіи.

Имя презрѣннаго жида, какъ вы догадываетесь,—Спиноза. Кто же больше его имѣетъ права считаться метафизикомъ? А въ чьемъ-же нравственномъ ученіи больше любви къ ближнему, пониманія немощей человѣческихъ и—поверхъ всего—больше мудраго преклоненія передъ чудомъ вселенной, такого безусловнаго признанія разумности всего сущаго, его божественнаго начала, которое и привело Спинозу къ установленію того, что человѣкъ можетъ и долженъ считать блаженствомъ на землѣ, своей *благодатью*, употребляя догматическій терминъ? „Богъ, человѣкъ и блаженство“ — такъ, какъ вы припомните, называется и трактатъ его, служащій преддверіемъ къ его знаменитой „Этикѣ“.

И живи этотъ „презрѣнный жидъ“ не въ семнадцатомъ, а въ девятнадцатомъ вѣкѣ, онъ, безъ всякаго—по крайней мѣрѣ для меня — сомнѣнія, былъ-бы не создателемъ метафизическаго пантеизма, а такимъ-же геніальнымъ творцомъ научно-философскаго синтеза. Его умъ былъ и тогда воспитанъ на непреложныхъ истинахъ математики. Онъ и самые тонкіе изгибы души человѣка хотѣлъ всегда излагать *геометрическимъ способомъ*, „more geometrico“ Среди насъ, послѣ двухсотлѣтней работы человѣчества надъ тайнами природы, онъ не позволилъ-бы себѣ дуалистическихъ положеній, которыхъ научному уму не пристало признавать апріорно,

а иначе ихъ доказывать и нельзя. Но его великая идея о всемірномъ единствѣ, о любви, связующей все живое,—сіяла-бы такяже ярко и подсказала-бы ему еще болѣе убѣдительные и вдохновенные призывы къ нравственному добру и къ достиженію возможной гармоніи духа на землѣ, которая и есть *блаженство*, какъ онъ его разумѣлъ.

Просвѣтительная любовь къ ближнему, всемірная круговая порука гуманности и сочувствія—только и могутъ незыблимо опираться, что на выводахъ научнаго мышленія и міропониманія. Но и другая сила души нашей—чувство красоты—вѣчный источникъ высокихъ наслажденій человѣка. Чувство это—такъ докладываютъ намъ и опытные психологи—такое-же безкорыстное, какъ и отыскиваніе истины. Оно безкорыстнѣе даже моральныхъ побужденій. Подъ каждымъ позывомъ къ добру, подъ всякимъ взрывомъ сочувствія къ ближнему—есть всегда затаенное чувство страха за себя, ожиданіе бѣды, грусть отъ сознанія непрочности нашихъ радостей и достояній. Прекрасное—источникъ идей и представленій, поднимающихъ насъ выше всякихъ житейскихъ заботъ, какъ-бы онѣ ни были великодушны. Въ пониманіи красоты, какъ оно сложилось въ культурномъ человѣчествѣ,—залогъ и доказательство безконечнаго душевнаго роста. Красота, какъ и истина,—не держится за одну земную долю человѣка, онѣ связаны съ жизнью вселенной, относятся ко всему видимому и къ тому невидимому, что творческія силы души только предполагаютъ и къ чему стремятся.

Оставимъ тревожныхъ проповѣдниковъ утилитарнаго и тенденціознаго искусства, съ ихъ постоянными припѣвами объ этическихъ и соціальныхъ задачахъ искусства, хотя они и симпатичны. Красота стоитъ въ ряду остальныхъ проявленій вѣчнаго бытія. Она живетъ и озаряетъ. Берите изъ нея, что вамъ нужно. Чѣмъ вы сами будете развитѣе, добрѣе, великодушнѣе, способнѣе на всякій порывъ любви и служенія обществу, тѣмъ созданія вашего искусства будутъ выше и совершеннѣе. Свѣтъ, электричество, тяготѣніе—не заботятся о томъ, какое употребленіе мы изъ нихъ сдѣлаемъ. Мы съумѣли понять ихъ, опредѣлить, заставить служить нашимъ цѣлямъ. Но они не подлежатъ подчиненію нашимъ нуждамъ—сами по себѣ. Они все тѣ-же—вѣчные, неизмѣнные, грозные и благодатные, смотря по тому, какъ мы подойдемъ къ нимъ и въ какой моментъ.

Такъ и вѣчное чувство красоты и чудодѣйственная сила творчества, заложенная въ мозгу человѣка!...

И неужели „я“ зауряднаго человѣка, раздираемое на части часто вздорными или безумными терзаніями души, выше безсмерт-

ныхъ произведеній искусства? Неужели безконечныя духовныя услады, какія самыя геніальныя творенія даруютъ цѣлымъ сотнямъ генерацій, не искупаютъ десятковъ и даже сотенъ неудачныхъ жизней тѣхъ самыхъ, яко-бы разумныхъ, двуногихъ, которые сотнями тысячъ кидаются въ свалку, какъ безсмысленные звѣри, изъ-за вспышекъ національнаго тщеславія или изъ-за того, чтобы нажиться путемъ контрибуцій и захватовъ?

Надо кончать... И конечные выводы будутъ такіе:

Каждое ученіе, руководящее людьми, всякая проповѣдь или попытка практической доктрины сводятся къ тому или иному признанію чего-то стоящаго выше нашего личнаго счастія, нашего земнаго благополучія.

Религія—въ разныхъ ея стадіяхъ — говоритъ: „Терпи—и тебѣ воздастся. Земная жизнь—призракъ или арена испытаній твоей добродѣтели". Сектантская мораль, желающая создать безсмертіе на землѣ, указываетъ на исполненіе опредѣленныхъ, нравственно-разсудочныхъ правилъ, силясь этимъ путемъ освободить человѣка отъ всякихъ лишнихъ заботъ и наносныхъ страданій. Но она также ставитъ въ принципѣ истину и добро — выше себялюбивыхъ радостей человѣка. Метафизика—во всѣхъ своихъ многоразличныхъ системахъ и этическихъ выводахъ—занимается міромъ и его судьбами; человѣку же думаетъ давать отвѣты на его высшіе запросы, на тѣ, которые вытекаютъ изъ его потребности въ познаніи истины, а не на его аппетиты, не на чувство самосохраненія. Наконецъ наука, вступившая, для передовыхъ умовъ, въ свой побѣдоносный періодъ, въ безпредѣльное познаваніе сущаго,—освѣщаетъ разумъ, даетъ направленіе сердцу, расширяетъ область прекраснаго творчества, укрѣпляетъ въ насъ чувство нашей основной связи со всѣмъ мірозданіемъ, проникаетъ насъ не рабскимъ малодушіемъ, а мужествомъ, проникаетъ чувствомъ смиренія передъ чуднымъ ходомъ міроваго бытія.

Но окончательно эта побѣдоносная роль научнаго міропониманія далеко еще не наступила. Напротивъ, мы переживаемъ время печальнаго, хотя и неизбѣжнаго броженія и шатанія. Безпрестанно видимъ мы доказательства того, какъ еще мало разумъ, освѣщенный знаніемъ, царитъ въ нашемъ обществѣ. Оттого-то и цѣна жизни падаетъ—временно, я въ это вѣрю,—падаетъ не въ глазахъ мыслителя и моралиста, а въ глазахъ мятущейся толпы.

Самоубійства устрашаютъ насъ больше, чѣмъ бы слѣдовало! Кто не выдерживаетъ тягости жизни, тотъ производитъ, по-своему, разсчетъ съ нею. И мудрецы поканчивали съ собою, когда считали физическія или душевныя страданія ненужными. Но они не утверждали,—даже и въ древности, когда точной науки почти

еще не было,—что реальна только смерть, а жизнь призрачна и безсмысленна. И вѣщіе люди чуяли это во всѣ времена. Одинъ изъ нихъ, національный и великій нашъ поэтъ, родившійся здѣсь, въ Москвѣ, около вѣка назадъ, услаждающій насъ и понынѣ человѣчностью помысловъ, красотой образовъ, и музыкой стиха, воскликнулъ когда-то въ порывѣ творческаго провидѣнія:

„.....да здравствуетъ разумъ!“
„.....да скроется тьма!“

П. Боборыкинъ.

MARIE.

(*Сонетъ изъ Альфреда Мюссэ*).

Какъ чашечка прекраснаго цвѣтка
Весной въ травѣ блистаетъ, раскрываясь,
И теплому дыханью вѣтерка
Таинственно и нѣжно улыбаясь;
И легкій, весь дрожащій стебелекъ
Желаніемъ и радостью трепещетъ,
И, съ вѣтеркомъ цѣлуяся, цвѣтокъ
Прекраснѣй и таинственнѣе блещетъ,—
Такъ точно ты, вся—нѣга, вся—мечта,
Полуоткрывъ прелестныя уста
И взоръ поднявъ, мнѣ пѣсню напѣваешь,
И свѣтлою, дрожащею душой,
Объятою гармоніей святой,
Какъ будто къ небу улетаешь!

* * *

(*Съ норвежскаго*).

О, нѣтъ, не даромъ ты страдалъ,
Какъ левъ израненный, метался,
Не даромъ правды ты искалъ
И жадно къ свѣту порывался!
Въ твоей душѣ огонь горитъ,
Огонь священный Прометея!
Иди смѣлѣй! Онъ, пламенѣя,
Тебѣ дорогу озаритъ!
Лелѣй въ груди негодованье,
Бичуй порокъ, на зло возстань,
Всѣ одряхлѣвшія преданья
Зови скорѣй на бой и брань!
Гони неправду правды свѣтомъ,
Гони изъ храма торгашей,
И міру, съ ласковымъ привѣтомъ,
Свѣти, о новый Прометей!

К. Бальмонтъ.

Провинціальный клубъ *).

Послѣ обѣда, эти добрые люди сочли своей обязанностью показать мнѣ ихъ клубъ (cercle). Это былъ все тотъ же вѣчный маленькій провинціальный серкль, съ амфиладой изъ четырехъ комнатъ, въ первомъ этажѣ стараго зданія, съ видомъ на площадь, съ большими потускнѣвшими зеркалами, съ паркетомъ безъ ковровъ, и кое-гдѣ на каминахъ,—гдѣ валялись парижскія газеты отъ позавчерашняго числа,—съ массивными бронзовыми лампами, единственными въ городѣ, которыя не тушились послѣ девяти часовъ. Когда я вошелъ, народу было еще очень мало. Нѣсколько стариковъ храпѣли, уткнувъ носъ въ газету, или играли молча въ вистъ, и—при зеленомъ освѣщеніи абажуровъ, эти, наклоненныя одна къ другой, лысины и кучки сложенныхъ въ ихъ корзиночкахъ фишекъ выказывали одинъ и тотъ-же матовый тонъ старой, полированной, слоновой кости. Съ улицы доносились звуки рожка, игравшаго зорю, и шаги гуляющихъ, расходившихся въ разныя стороны по узкимъ переулкамъ этого горнаго городка, подымающимся нерѣдко крутыми всходами или даже извивающимися настоящею лѣстницею.

Раздалось нѣсколько ударовъ въ наружную дверь, и на лѣстницу серкля шумно поднялась толпа молодежи, только что освободившаяся отъ семейнаго ужина и прогулки. Я увидѣлъ десятка два здоровыхъ провинціаловъ въ самыхъ свѣжихъ перчаткахъ, съ широко вырѣзанными жилетами, открытыми воротничками и попытками прически à la russe, придававшими всѣмъ имъ самый комичный видъ большихъ размалеванныхъ куколъ. Точно какъ будто я присутствовалъ на представленіи какой-нибудь самой па-

*) Этотъ очеркъ доставленъ въ редакцію сборника въ оригиналѣ, т. е. на французскомъ языкѣ. Мы воспроизводимъ его въ русскомъ переводѣ.

Прим. ред.

рижской пьесы Мейльяка или Дюма-сына, разыгрываемой любителями въ какомъ нибудь провинціальномъ захолустьѣ. Всѣ эти дѣланныя, приторно-вялыя и разочарованныя манеры, весь этотъ высшій шикъ настоящихъ парижскихъ хлыщей, — я ихъ встрѣтилъ здѣсь, въ двухъ стахъ льё отъ Парижа, еще преувеличенными благодаря неумѣлости актеровъ. Стоило поглядѣть на этихъ толстыхъ малыхъ, обращавшихся другъ къ другу съ томнымъ вопросомъ: „ну, какъ живется, милѣйшій“, растягивавшихся на диванахъ въ искусственныхъ позахъ, потягивавшихся передъ зеркалами и то и дѣло отчеканивавшихъ своимъ грубымъ акцентомъ: „омерзительно“ „убійственно“ и т. п. Любопытно, что они называли свое собраніе *клобъ*, произнося какъ истые южане, *клабъ*. Только и слышалось: „прислуга *клаба*“... „правила *клаба*“...

Я спрашивалъ себя, какимъ образомъ могли появиться здѣсь эти парижскія безсмыслицы и пустить корни въ этомъ свѣжемъ, здоровомъ, горномъ воздухѣ, какъ вдругъ передо мной показалась красивая, блѣдная, вся въ завиткахъ, голова маленькаго герцога М***, члена Жокей-клуба, Яхтъ-клуба, конюшни Деламара и многихъ другихъ подобныхъ ученыхъ обществъ. Этотъ юный дворянинъ, прославившійся на бульварахъ своими сумасбродствами, только что спустилъ въ нѣсколько мѣсяцевъ предпослѣдній милліонъ своего отцовскаго наслѣдства, когда испуганные попечители послали его провѣтриться въ этотъ потерянный уголокъ Севеннъ. Я понялъ тогда и томныя манеры молодежи, и эти вырѣзанные жилеты, и парижскія выраженія: передо мной находился теперь ихъ образецъ...

Едва показавшись, членъ Жокей-клуба былъ окруженъ и осыпанъ привѣтствіями. Повторяли его слова, подражали его жестамъ, позамъ настолько, что эта блѣдная фигурка фата, тощая, болѣзненная, и, тѣмъ не менѣе, не лишенная извѣстнаго достоинства, казалось, отражалась кругомъ въ грубыхъ деревенскихъ зеркалахъ, преувеличивавшихъ ея черты.

Въ этотъ вечеръ,—безъ сомнѣнія, чтобы сдѣлать мнѣ честь,—молодой герцогъ говорилъ много о театрѣ, литературѣ, съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ и невѣжествомъ, обращаясь за панибрата съ славными именами и фамильярно третируя лучшія произведенія,—называя Эмиля Ожье „этотъ господинъ“ и Дюма—сына „маленькій Дюма“. По поводу всего онъ высказывалъ самыя неопредѣленныя идеи, расплывавшіяся въ общихъ фразахъ, въ которыхъ выраженія въ родѣ: *штука, какъ ее, знаете...* — замѣняли ненаходимыя слова и заступали мѣсто точекъ, которыми такъ злоупотребляютъ драматическіе авторы, не умѣющіе писать. Вообще, этотъ джентльменъ никогда, повидимому, не давалъ себѣ труда

думать, но онъ соприкасался съ разными слоями общества, и изъ каждаго выносилъ впечатлѣнія и сужденія, которыя онъ держалъ всегда наготовѣ и которыя составляли такую же часть его самого, какъ и завитые кудри, окаймлявшіе его изящный лобъ. Что онъ зналъ основательно, это—науку о гербахъ, ливреяхъ, кокоткахъ, скаковыхъ лошадяхъ, и, въ этомъ отношеніи, молодые провинціалы, для которыхъ онъ игралъ роль наставника, усвоили себѣ почти такія же познанія, какъ и онъ.

Вечеръ кое какъ тянулся благодаря болтовнѣ этого меланхолическаго конюха. Къ десяти часамъ, когда старики разошлись и карточные столы освободились, молодежь, въ свою очередь, усѣлась за карты. Это стало правиломъ со времени прибытія сюда герцога. Я помѣстился въ тѣни, въ углу дивана, откуда могъ хорошо видѣть игроковъ при низкомъ, ослабленномъ свѣтѣ лампъ. Членъ Жокей-клуба царилъ за срединой стола, гордый, невозмутимый, держа свои карты съ совершенной граціей и мало безпокоясь о выигрышѣ или проигрышѣ. Это отбросокъ высшаго свѣта былъ все-таки самымъ богатымъ здѣсь, да и видалъ онъ не мало на своемъ вѣку. Но они, эти бѣдные малые! Какое мужество требовалось для нихъ, чтобы оставаться хладнокровными! По мѣрѣ того, какъ партія разгоралась, я слѣдилъ съ любопытствомъ за выраженіемъ лицъ, за нервными движеніями въ углахъ ртовъ, за блѣдностью, содраганіями, внезапнымъ подступомъ слезъ, и за толстыми, короткими пальцами, судорожно прижимавшими карты. Чтобы скрыть свое волненіе, тѣ, кто проигрывал, прибѣгали къ выраженіямъ въ родѣ: „je m'emballe“ или „je m'embête“, но произнесенныя съ этимъ ужаснымъ южнымъ акцентомъ, всегда выразительнымъ и неотразимымъ, эти парижскія восклицанія не имѣли уже того оттѣнка аристократической небрежности, какъ на губахъ маленькаго герцога.

Между игроками одинъ особенно интересовалъ меня,—рослый малый, еще очень юный, но выросшій не по лѣтамъ,—добрая большая голова бородатаго ребенка, наивная, неразвитая, примитивная, несмотря на завивку a la Demidoff, и на которой всѣ впечатлѣнія читались, какъ въ раскрытой книгѣ. Этотъ молодецъ проигрывалъ все время. Два или три раза—я видѣлъ—онъ подымался изъ-за стола и быстро уходилъ; потомъ, черезъ нѣсколько минутъ, возвращался, тежело дыша, и, крайне блѣдный, снова садился на свое мѣсто. И я думалъ: „Ну, ты, навѣрное, разсказалъ какую-нибудь исторію твоей мамашѣ и сестрамъ, чтобы раздобыться деньгами“. Дѣйствительно, всякій разъ онъ являлся съ карманами, полными денегъ, и принимался за игру съ яростью. Но счастье рѣшительно вооружилось противъ него; онъ проигры-

валъ и проигрывалъ. Я отгадывалъ, какъ онъ корчится, дрожитъ, не имѣя уже силъ показывать равнодушную физіономію. Съ каждой выходившей картой его ногти такъ впивались въ сукно стола, что жалко было смотрѣть.

Мало-по-малу, однако, гипнотизированный этой провинціальной атмосферой скуки и бездѣлья и утомленный дорогою, я сталъ терять изъ вида игорный столъ, который началъ расплываться передо мною въ своихъ очертаніяхъ, какъ неясное, блѣдное, свѣтовое видѣніе, и кончилъ тѣмъ, что задремалъ подъ этотъ шопотъ голосовъ и шелестъ картъ. Я былъ внезапно разбуженъ шумомъ возбужденныхъ голосовъ, громко раздававшихся по пустымъ заламъ. Всѣ уже разошлись, и въ залѣ оставались только членъ Жокей-клуба и тотъ толстый малый, о которомъ я только что говорилъ, оба — за игорнымъ столомъ. Партія была серьёзная, экартэ по десяти луидоровъ, и достаточно было видѣть отчаяніе, исказившее это доброе, толстое лицо бульдога, чтобы понять, что провинціалъ продолжаетъ проигрывать. „Реваншъ!“— кричалъ онъ, время отъ времени, съ гнѣвомъ. Другой, совершенно спокойный, понтировалъ, и съ каждымъ новымъ ударомъ мнѣ казалось, что злая и презрительная, едва уловимая улыбка морщила его аристократическую губу. Я услыхалъ затѣмъ возгласъ: „бита“!, потомъ сильный ударъ кулакомъ по столу; партія была кончена, несчастный проигралъ все.

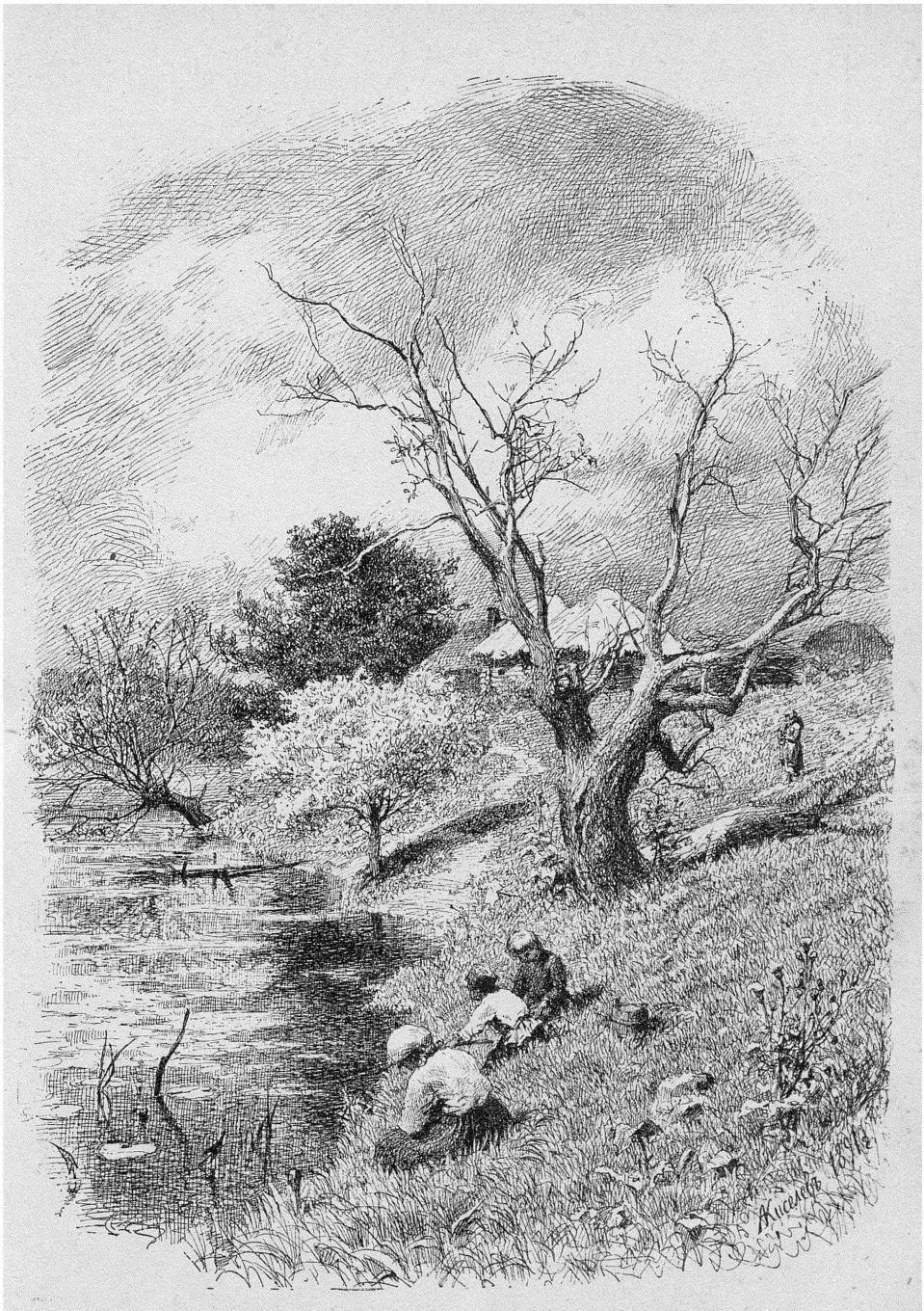
Онъ простоялъ нѣсколько мгновеній пораженный, глядя на свои карты и не произнося ни слова—въ своемъ сюртукѣ, поднявшемся кверху и въ своей смятой, взмокнувшей сорочкѣ, какъ будто онъ только что вышелъ изъ свалки. Потомъ, вдругъ, увидѣвъ, что герцогъ собралъ раскатившіеся по скатерти золотые, онъ вскочилъ съ страшнымъ крикомъ: „Мои деньги!.. Ради Бога! Я требую моихъ денегъ“, и тотчасъ-же, какъ ребенокъ,—какимъ онъ и былъ еще,—началъ рыдать, умолять: „Отдайте мнѣ, отдайте!“ О, клянусь вамъ, въ эту минуту онъ уже не шепелявилъ, — къ нему вернулся его природный голосъ, и въ тонѣ звучало отчаяніе, какъ бываетъ у очень сильныхъ людей, у которыхъ слезы появляются съ трудомъ и становятся истиннымъ страданіемъ. Холодный, ироническій, его партнеръ смотрѣлъ на него, не двигая бровями и тасуя карты. Тогда онъ, жалкій, бросился на колѣни, на этотъ грязный, покрытый плевками и окурками, паркетъ, и тихо, дрожащимъ голосомъ, шепталъ: „Эти деньги не мои... Я ихъ взялъ у насъ, въ конторѣ... Мой отецъ оставилъ мнѣ ихъ, чтобы уплатить завтра по векселю“... Стыдъ душилъ его; онъ не могъ болѣе говорить...

При первомъ словѣ объ украденныхъ деньгахъ, герцогъ ото-

двинулъ свой стулъ и быстро вскочилъ. Легкое оживленіе показалось на его блѣдныхъ щекахъ. Голова его приняла гордое выраженіе, весьма къ ней идущее. Быстрымъ движеніемъ онъ выложилъ изъ своихъ кармановъ деньги на столъ, и, сбросивъ съ себя также, на минуту, отвратительную маску фата, онъ сказалъ отчетливо и не безъ волненія: „Такъ возьми ихъ, скотина... Развѣ ты думаешь, что я игралъ серьёзно?“

О, я готовъ былъ обнять его, этого хлыща!

Альфонсъ Додэ.



Съ рисунка А. А. Киселева.

Предметная мысль и дѣйствительность.

1. Въ статьѣ „Впечатлѣнія и дѣйствительность“ *), разбирая, вопросъ, имѣютъ ли какое-нибудь сходство, и какое именно, наши впечатлѣнія отъ внѣшняго міра съ дѣйствительностью, я старался показать, что такое сходство можетъ быть доказано лишь для нѣкоторыхъ сторонъ зрительныхъ и осязательныхъ впечатлѣній, именно для *линейныхъ очертаній, распредѣленія* и *перемѣщеній* предметовъ въ пространствѣ. Другими словами, сходство было найдено лишь для отдѣльныхъ чертъ, выхваченныхъ изъ цѣльнаго впечатлѣнія. Теперь я поведу тотъ же вопросъ дальше и буду говорить вообще о тѣхъ связяхъ или отношеніяхъ между звеньями (или фазами) цѣльнаго впечатлѣнія, которыми опредѣляется его внутренній смыслъ,—о тѣхъ связяхъ, благодаря которымъ, цѣльное впечатлѣніе превращается въ чувственную мысль и, будучи облечено въ слово, даетъ общеизвѣстныя трехчленныя предложенія, состоящія изъ подлежащаго, сказуемаго и связки. Дѣло вотъ въ чемъ. Различаю ли я одинъ предметъ отъ другого, или какое-нибудь качество въ предметѣ; узнаю ли предметъ, какъ уже видѣнный ранѣе; нахожу ли въ немъ перемѣну противъ прежняго; вижу ли одинъ предметъ въ покоѣ, а другой въ движеніи, одинъ справа, другой слѣва и т. д.,—всё это сложныя впечатлѣнія, равнозначныя мысли, потому что каждое изъ нихъ можетъ быть выражено общеизвѣстнымъ трехчленнымъ предложеніемъ. Подлежащимъ и сказуемымъ могутъ быть два предмета, или предметъ и его качество, или наконецъ два качества; а связка всегда выражаетъ отношеніе между сопоставляемыми другъ съ другомъ предметами (т. е. подлежащимъ и сказуемымъ). Слѣдовательно, задача наша должна собственно состоять въ рѣшеніи вопроса, въ какомъ отношеніи къ дѣйствительности стоятъ всѣ

*) „Вѣстникъ Европы“ 1890, май.

три элемента мысли: предметы, признаки и ихъ взаимныя отношенія. Первые два элемента рисуются въ нашемъ сознаніи такъ ярко, что нѣтъ и не было въ сущности человѣка, который сомнѣвался бы въ томъ, что имъ соотвѣтствуетъ „нѣчто“ реальное въ дѣйствительности; но связь и отношенія, связующія предметы въ мысль, кажутся очень часто столь неуловимыми, столь невещественными, что многими считаются продуктами человѣческаго ума. Поэтому главный нашъ вопросъ получаетъ слѣдующій видъ: *въ какой мѣрѣ чувствуемыя нами связи и отношенія между внѣшними предметами представляютъ сколокъ съ дѣйствительности, и насколько они суть продукты чувственной организаціи человѣка и навязаны умомъ его внѣшнему міру.*

Рѣшеніе этихъ вопросовъ въ ту или другую сторону не можетъ не представлять глубокаго интереса для всякаго образованнаго и мыслящаго человѣка, потому что съ этимъ рѣшеніемъ связанъ, какъ увидимъ нижe, вопросъ о роли человѣческаго ума въ дѣлѣ познаванія внѣшняго міра.

Какъ же однако приступить къ выполненію столь широкой задачи? Какъ обнять въ краткомъ очеркѣ всю сумму предметныхъ связей, входящихъ въ составъ предметныхъ мыслей?—А обнять ихъ слѣдуетъ всѣ, потому что вопросъ поставленъ нами въ самомъ общемъ смыслѣ.

По счастію, трудности этого перваго шага устранены давнымъ давно, такъ что на мою долю выпадаетъ лишь задача представить готовые уже результаты въ наиболѣе простой и понятной формѣ.

Гдѣ бы человѣкъ ни находился, онъ всегда окруженъ группами предметовъ. Одни изъ нихъ неподвижны, другіе временами приходятъ въ движеніе, третьи, оставаясь на мѣстѣ, представляютъ болѣе или менѣе продолжительныя перемѣны въ состояніи и пр. При этомъ человѣкъ ясно различаетъ раздѣльность предметовъ, и такое умѣнье называютъ способностью *обособлять предметы въ пространствѣ*; умѣнье же различать перемѣны въ положеніи и состояніи тѣлъ—способностью *обособлять явленія въ пространствѣ и времени.* Та и другая способность пріобрѣтаются человѣкомъ въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, и съ этого начинается собственно сознательное знакомство человѣка съ внѣшнимъ міромъ.

Затѣмъ идетъ различеніе въ предметахъ всѣхъ, вообще доступныхъ чувствамъ, признаковъ, и, между прочимъ, такихъ *постоянныхъ* и *характерныхъ* примѣтъ, по которымъ предметы *узнаются*, какъ таковые, и вмѣстѣ *отличаются* другъ отъ друга. Когда ребенокъ рисуетъ дерево, домикъ съ дымомъ изъ трубы, собаку и

пр., въ его сознаніи названные предметы не только обособлены другъ отъ друга, но и занесены въ реэстры памяти въ видѣ характерныхъ для предмета контуровъ.

Покажите ребенку въ этомъ же возрастѣ на дубъ, березу, иву и пр. и заставьте его нарисовать ихъ; онъ вамъ нарисуетъ одну и ту же форму и скажетъ, что это „дерево“. Значитъ, въ умѣ ребенка уже произошло *сравненіе предметовъ по сходству*.

Кто не знаетъ наконецъ, что дѣтей уже въ раннемъ возрастѣ волнуютъ вопросы, какъ, зачѣмъ и почему происходитъ та или другая изъ видимыхъ ими или описываемыхъ имъ на словахъ явленій?

Въ обыденной жизни все это считается проблесками развивающагося дѣтскаго ума, а для человѣка, знакомаго съ исторіей развитія предметной мысли изъ впечатлѣній, въ этихъ проблескахъ заключены уже всѣ вообще элементы предметнаго мышленія, т. е. всѣ вообще мыслимыя человѣкомъ категоріи связей и отношеній между предметами внѣшняго міра. Доказать это не трудно. Для этого стоитъ только сличить по пунктамъ приведенный перечень элементарныхъ умственныхъ актовъ ребенка съ тѣми умственными пріемами, которые пускаетъ въ ходъ наука о природѣ, т. е. естествознаніе, изучая внѣшній міръ со всѣми его предметными связями и отношеніями.

Насколько эта наука занимается по сіе время и будетъ заниматься впредь строеніемъ, составомъ и свойствами тѣлъ, равно какъ опредѣленіемъ факторовъ явленій, она повторяетъ въ сущности тотъ же рядъ умственныхъ операцій, которыя соотвѣтствуютъ дѣтскому различенію признаковъ въ предметахъ и явленіяхъ. Разница только въ средствахъ: ребенокъ довольствуется тѣмъ, что непосредственно даетъ ему природное чувство, а человѣкъ науки пускаетъ въ ходъ цѣлый арсеналъ искусственныхъ средствъ анализа.

Насколько, далѣе, описательныя науки классифицируютъ свои предметы въ группы или системы, настолько онѣ повторяютъ умственныя операціи, соотвѣтствующія отнесенію умомъ ребенка — березы, осины и дуба въ группу „дерево“.

Кто не знаетъ, наконецъ, что изученіе природныхъ явленій сводится въ концѣ-концовъ на изученіе взаимодѣйствія составляющихъ ихъ факторовъ? Но вѣдь и эта категорія умственныхъ сопоставленій не новость, потому что она служитъ отвѣтомъ на вопросы: какой? почему?—которые родятся въ дѣтской головѣ.

Значитъ, перечень нашъ, несмотря на его краткость, дѣйствительно обнимаетъ собою всѣ общіе случаи происхожденія мыслимыхъ нами связей и отношеній между предметами внѣшняго міра.

При этомъ условіи предстоящая намъ задача сводится къ слѣдующему:

Для каждаго изъ перечисленныхъ выше актовъ, именно, обособленія продметовъ, различенія въ нихъ признаковъ, узнаванія по примѣтамъ, сравненія по сходству и ставленія въ причинную зависимость—необходимо опредѣлить роль обоихъ перемѣнныхъ факторовъ въ дѣлѣ развитія (расчлененія) сложныхъ впечатлѣній и превращенія ихъ въ предметную мысль, т. е. роль измѣнчиваго внѣшняго воздѣйствія и развивающагося подъ вліяніемъ упражненія, органа воспріятія или органа чувствъ. Еслибы при этомъ оказалось, что, на всѣхъ ступеняхъ развитія впечатлѣнія въ чувственную мысль, воспринимающій органъ не творитъ, а только заимствуетъ изъ дѣйствительности тѣ элементы сложныхъ впечатлѣній, которые зовутся въ словесномъ образѣ мыслей связкой, то задача наша была бы разрѣшена въ утвердительномъ смыслѣ.

Начнемъ же съ актовъ обособленія неподвижныхъ предметовъ въ пространствѣ.

2. Обособленіе это, какъ всякій знаетъ, предполагаетъ для всякаго, доступнаго чувствамъ, земнаго предмета замкнутую въ себя границу. Для чувства это собственно единственный критерій обособленности.—Море никто не называетъ „предметомъ“; воздухъ есть „тѣло“ только для ученыхъ; свѣтъ, запахъ и звукъ считаются лишь свойствами тѣлъ. Наоборотъ, песчинка, облако, солнце—и для сознанія простолюдина суть обособленные предметы.

Но границы тѣлъ узнаются, какъ мы видѣли въ статьѣ „Впечатлѣнія и дѣйствительность“, только зрѣніемъ и осязаніемъ, значитъ *пространственное обособленіе земныхъ предметовъ есть результатъ исключительно зрительныхъ или осязательныхъ* (или обоихъ вмѣстѣ) *актовъ, и насколько послѣдніе передаютъ контуры предметовъ сходно съ дѣйствительностью* (см. прежнюю статью „Впечатлѣнія и дѣйствительность“), *настолько чувственное обособленіе соотвѣтствуетъ реальному.*

Другими словами, *чувствуемая и мыслимая нами раздѣльность предметовъ въ пространствѣ навязана нашему уму извнѣ.*

Что касается до обособленія явленій (перемѣнъ въ состояніи и положеніи тѣлъ) въ пространствѣ и времени, то я разберу два типическіе случая: движеніе и звучаніе.

Съ воспріятіемъ движенія предметовъ глазомъ мы уже знакомы изъ статьи „Впечатлѣнія и дѣйствительность“ и знаемъ, что воспринимающій органъ, слѣдя за движущимся тѣломъ, воспроизводитъ и чувствуетъ движеніе, со всѣми его особенностями (направленіемъ и скоростями), настолько вѣрно, что въ общемъ чувствуемое и реальное совпадаютъ другъ съ другомъ. Насколько глазъ

привыкъ различать въ движеніи, помимо его направленія, скорость, всего лучше показываетъ слѣдующій зрительный обманъ, котораго нельзя побѣдить никакимъ разсужденіемъ. Если смотрѣть подъ микроскопомъ теченіе крови по самымъ мелкимъ сосудамъ у живого животнаго, то передвиженіе кровяныхъ тѣлецъ кажется очень быстрымъ, не смотря на то, что въ дѣйствительности оно происходитъ крайне медленно: въ одну секунду кровяной шарикъ передвигается меньше чѣмъ на толщину маленькой булавочной головки.—Обманъ происходитъ оттого, что микроскопъ, не измѣняя времени перемѣщенія крови, удлиняетъ въ нѣсколько разъ путь ея перемѣщенія.

Но если чувствуемое нами движеніе вызывается всегда реальнымъ движеніемъ *)—а это фактъ несомнѣнный,—и оба они сходны другъ съ другомъ, то *всѣ чувствуемыя нами перемѣщенія предметовъ въ пространствѣ суть реальности, и всѣ атрибуты движенія навязаны нашему уму извнѣ.*

Измѣрителемъ пути и времени перемѣщенія служитъ во всѣхъ случаяхъ упражненное мышечное чувство, сопровождающее передвиженія глазъ **). Но у человѣка есть еще другой измѣритель времени, это—слухъ. Для длинныхъ промежутковъ времени онъ, какъ измѣритель, правда, не годится, но за то короткіе передаетъ съ изумительной точностью. Чтобы умѣть танцовать подъ музыку въ тактъ, или держать въ пѣніи и въ игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ извѣстный тэмпъ, нуженъ, какъ говорится, слухъ; и это справедливо въ томъ отношеніи, что движенія танцевъ, пѣнія и игры на инструментахъ заучиваются и производятся подъ контролемъ слуха. Всякій человѣкъ „со слухомъ“, имѣвшій дѣло съ метрономомъ, знаетъ, съ какою тонкостью опредѣляетъ ухо правильность такта, т. е. равенство маленькихъ промежутковъ времени. Научные же опыты показываютъ, что слухъ ошибается при этомъ не болѣе какъ въ сотыхъ доляхъ секунды. Если прибавить къ этому, что ухо крайне чувствительно къ колебаніямъ звука по силѣ и высотѣ, то становится сразу понятнымъ, что слуховой органъ есть аппаратъ, приспособленный преимущественно для воспринятія колеблющихся въ короткіе промежутки времени, по силѣ, высотѣ и продолжительности, звуковыхъ явленій. Еслибы міръ былъ наполненъ звуками, тянущимися безъ измѣ-

---

*) Фиктивныя перемѣщенія предметовъ хотя и бываютъ, но они происходятъ при такихъ извращеніяхъ нормальныхъ условій видѣнія, которыя не опровергаютъ, а подтверждаютъ высказанное положеніе.

**) Оттого въ обыденной жизни выразителемъ самаго короткаго срока служитъ у русскаго *миг*, а у нѣмца *взглядъ* (Augenblick).

неній часы, то слухъ, при его теперешнемъ устройствѣ, былъ бы плохимъ органомъ. Но вѣдь на дѣлѣ этого, повидимому, нѣтъ.— Даже въ воѣ бури, въ шумѣ лѣса и въ ревѣ моря, не говоря уже о звукахъ, производимыхъ животными, ухо слышитъ болѣе или менѣе быстрыя колебанія и переходы. Поэтому для нашего слуха *обособленное звуковое явленіе* есть тотъ звуковой *minimum*, которымъ характеризуется звучаніе даннаго предмета – шипѣніе змѣи, жужжаніе насѣкомаго, стукъ мельничнаго колеса, крикъ птицы, мелодія грома или шума моря, артикулированные звуки человѣческой рѣчи и пр. и пр.

Противъ этого опредѣленія спорить, я думаю, никто не будетъ, но вслѣдъ затѣмъ мнѣ всякій скажетъ: такая обособленность дѣйствительно есть, но она лежитъ, можетъ быть, исключительно въ психической сферѣ человѣка, потому что для глухо-нѣмаго внѣшній міръ нѣмъ. Значитъ, чувствуемой обособленности звуковъ можетъ не соотвѣтствовать никакой обособленности внѣшнихъ причинъ звуковыхъ явленій.—Можетъ быть, звуковыя движенія въ мірѣ дѣйствительно тянутся часы безъ измѣненій, а чувствуемые нами переходы и колебанія звуковъ суть продукты организаціи слухового органа.

Съ тѣхъ поръ, какъ устроенъ телефонъ и фонографъ, вопросъ этотъ разрѣшенъ вполнѣ. На этихъ инструментахъ мы видимъ воочію способность пластинокъ колебаться, такъ сказать, въ унисонъ съ самыми сложными звуковыми движеніями, до человѣческой рѣчи включительно. Съ другой стороны, мы знаемъ, что у насъ въ ухѣ есть такая же пластинка, что она колеблется при звукахъ и воспроизводитъ внѣшнее движеніе въ видѣ звука несравненно лучше, чѣмъ пластинка въ фонографѣ Эдисона. Какъ ни ухищряется этотъ геніальный механикъ усовершенствовать свой фонографъ, но барабанная перепонка человѣческаго уха, съ ея косточками, остается для него пока еще недостижимымъ идеаломъ. Какъ ни поразительно пѣніе Патти, зарегистрованное и воспроизведенное фонографомъ, но оно все-таки не то, что пѣніе, слышимое прямо ухомъ.

Итакъ, хотя мы не знаемъ, какимъ образомъ изъ движенія родится ощущеніе звука, но строгіе научные опыты показываютъ, что всякому чувствуемому нами колебанію или переходу звука, по силѣ, высотѣ и продолжительности, соотвѣтствуетъ совершенно опредѣленное видоизмѣненіе звукового движенія въ дѣйствительности. Звукъ и свѣтъ, какъ ощущенія, суть продукты организаціи человѣка; но корни видимыхъ нами формъ и движеній, равно какъ слышимыхъ нами модуляцій звуковъ, лежатъ внѣ насъ въ дѣйствительности. Глазъ относится къ формамъ и дви-

женіямъ, какъ фотографическая пластинка, способная воспринимать съ ясностью не только неподвижные, но и перемѣщающіеся образы; оттого здѣсь сходство между чувствуемымъ и реальнымъ настолько же осязательно, какъ между лицомъ человѣка и его фотографической карточкой. Сходство же между звукомъ и производящимъ его внѣшнимъ движеніемъ, хотя и касается всѣхъ сторонъ послѣдняго, какъ періодическаго колебанія, именно продолжительности движенія, силы и частоты колебаній, но не есть сходство въ строгомъ смыслѣ слова, а есть лишь *параллельность* или *соотвѣтствіе*.—Слышимый звукъ можетъ быть сходенъ только съ звукомъ же, не съ движеніемъ, тогда какъ въ зрительной области видимая форма походитъ на дѣйствительную.

Какъ бы то ни было, слухъ есть хотя и условный воспроизводитель извѣстнаго рода внѣшнихъ движеній (переводящій ихъ на языкъ звуковъ), но изъ всѣхъ, устроенныхъ доселѣ человѣкомъ, инструментовъ, регистрирующихъ звуковыя колебенія, онъ оказывается самымъ тонкимъ и вѣрнымъ. Правда, сфера звуковыхъ движеній въ природѣ должна быть несравненно шире сферы слышимыхъ человѣкомъ звуковъ *); слѣдовательно, слухъ передаетъ дѣйствительность далеко не полно, но это обстоятельство дѣлаетъ его снарядомъ, ограниченнымъ по сферѣ, а не по тонкости и вѣрности воспроизведенія. Глазъ тоже не видитъ предметовъ микроскопической величины, но это не мѣшаетъ ему быть, въ предѣлахъ своего дѣйствія, самымъ тонкимъ регистраторомъ формъ.

Итакъ, *чувствуемой звуковой обособленности соотвѣтствуетъ обособленность реальная*. Все то, что мы называемъ модуляціей звуковъ, имѣетъ корни внѣ насъ, и чувствованіе идетъ параллельно внѣшнему движенію. Начало звука совпадаетъ съ началомъ движенія, конецъ—съ концомъ, переходъ звуковъ по высотѣ, силѣ и продолжительности—съ числомъ, величиною размаховъ и продолжительностью звукового движенія.

3. Вопросъ о различеніи признаковъ въ предметахъ всего удобнѣе начать съ примѣра. Апельсинъ характеризуется для насъ извнѣ слѣдующими признаками: шарообразной формой, бороздчатой поверхностью, оранжевымъ цвѣтомъ, извѣстной величиной, извѣстнымъ вѣсомъ и наконецъ опредѣленнымъ запахомъ. Въ основѣ *раздѣльности* этихъ признаковъ лежитъ *раздѣльность* реакцій воспринимающихъ органовъ, именно глаза (форма, цвѣтъ, ве-

*) Предѣлы слышанія для музыкальныхъ тоновъ лежатъ между 16—40000 колебаній въ 1″. Кромѣ того, микрофонъ показываетъ, что мы не слышимъ множества тихихъ шумовъ (напр. шумъ ползанья мухи), о которыхъ, до изобрѣтенія этого «слухового микроскопа», не имѣли даже понятія.

личина и свойства поверхности), осязующей руки (форма, величина, свойство поверхности), мышечнаго чувства (вѣсъ) и органа обонянія. Но это не все. Еслибы раздѣльность всѣхъ реакцій воспріятія чувствовалась нами столь же рѣзко, какъ раздѣльность признаковъ, то нашъ вопросъ былъ бы разрѣшенъ давнымъ давно-даже для простолюдина, а этого нѣтъ. Различеніе признаковъ считается *умственнымъ разъединеніемъ* ихъ, или во всякомъ случаѣ психическимъ процессомъ; и это объясненіе справедливо въ такой же мѣрѣ, какъ объясненіе раздѣльностью реакцій, только въ психическомъ процессѣ разъединенія нѣтъ ничего умственнаго: оно происходитъ въ безсознательныхъ тайникахъ памяти. Дѣло въ слѣдующемъ. Еслибы всѣ вещи въ мірѣ обратились въ апельсины, то возможно, что человѣкъ никогда не дошелъ бы до различенія всѣхъ признаковъ этого плода. Но такъ какъ ему приходится встрѣчаться съ круглыми формами самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, величинъ и вѣса, равно какъ съ запахомъ отъ предметовъ иныхъ формъ и цвѣта, и такъ какъ, въ тайникахъ памяти, впечатлѣнія, какъ бы разнородны они ни были, всегда сравниваются по сходству (или, что тоже, по сходнымъ реакціямъ воспріятія), то изъ этихъ сравненій и вытекаетъ обособленіе другъ отъ друга формъ цвѣта, величины, запаха и пр.

Какое бы изъ обоихъ объясненій (въ сущности они тождественны) мы ни приняли, во всякомъ случаѣ оказывается, что въ разъединеніи признаковъ играетъ существенную роль организація чувствующихъ снарядовъ. Поэтому утверждать вообще, что раздѣльности чувствуемой соотвѣтствуетъ раздѣльность реальная, и что обѣ идутъ всегда параллельно,—невозможно. Исключеніе составляютъ лишь тѣ признаки, которые познаются изъ передвиженій воспринимающаго органа при реакціяхъ воспріятія, именно очертанія предмета, величина, топографія составляющихъ его частей и перемѣщенія предмета въ пространствѣ. Эти признаки столько же раздѣльны въ дѣйствительности, какъ въ чувствованіи, и обѣ раздѣльности параллельны. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, пусть подумаетъ читатель, отличаетъ ли онъ по чувству разныя движенія собственной руки, или одинаковыя движенія правой и лѣвой, и вѣритъ ли реальной раздѣльности обѣихъ рукъ съ ихъ движеніями вверхъ, внизъ и т. п. Другое и послѣднее исключеніе составляетъ, какъ мы видѣли, модуляція звуковъ. Зная физическую подкладку звучанія, мы можемъ обособить въ каждомъ предметѣ причину, почему онъ издаетъ звуки, тогда какъ, напр., въ сахарѣ мы не знаемъ ни связи, ни раздѣльности между реальными подкладками его бѣлаго цвѣта и сладкаго вкуса.

И такъ, *пока различеніе признаковъ касается анализа предметовъ*

и явленій въ пространствѣ и времени, показанія органовъ чувствъ (зрѣнія, осязанія и слуха) *параллельны дѣйствительности.* За этими же предѣлами параллельность существуетъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, притомъ всегда условная. Такъ, при одинаковыхъ условіяхъ внѣшняго воздѣйствія, желтому, зеленому и красному цвѣтамъ въ предметахъ соотвѣтствуютъ нѣкоторыя, неизвѣстныя по природѣ, но, тѣмъ не менѣе, реальныя различія; если окрашенность предмета постоянна, то и ея реальная подкладка составляетъ необходимую принадлежность предмета; если какой-нибудь предметъ, будучи нѣкоторое время темнымъ, вдругъ заблисталъ, то перемѣнѣ въ чувствованіи соотвѣтствуетъ перемѣна въ состояніи тѣла дѣйствительная; различію двухъ вещей на вкусъ, горькому и сладкому, соотвѣтствуетъ разница дѣйствительная и пр. Словомъ, здѣсь отношеніе между предметомъ и его признакомъ, какъ условнымъ знакомъ, то же самое, что между предметомъ и его именемъ. Будучи разъ навсегда пріурочено къ предмету, имя замѣняетъ собою даже самый предметъ.

4. Прежде чѣмъ идти дальше, я покажу на двухъ примѣрахъ, какимъ образомъ изъ разъединенія признаковъ въ предметѣ вытекаетъ предметная мысль. Всего проще и яснѣе будетъ случай зрительнаго разъединенія топографическихъ особенностей такихъ сложныхъ предметовъ, какъ ландшафтъ и человѣческое тѣло.

Какъ въ сущности описываются особенности ландшафта?

Слѣва отъ зрителя стоитъ гора; *подъ* горой вьется лентой рѣчка; вдалекѣ перекинутъ черезъ нее мостъ; *ближе* моста, *вправо* отъ рѣчки, пасется стадо; еще *правѣе*—село съ церковью, и *въ сторонѣ* отъ него—какое-то зданіе съ *очень высокой* колонной, вѣроятно трубой, потому что *надъ* ней вьется дымъ.

Въ чемъ заключаются топографическія особенности стоящаго предъ нами образа человѣка?

Верхнюю часть составляетъ голова, съ ея лбомъ, глазами, носомъ и ртомъ, потомъ слѣдуетъ шея, руки, туловище, ноги и—ниже всего—ступни ногъ.

Такъ описываетъ обѣ картины взрослый человѣкъ, примѣшивая по временамъ къ топографіи сравненія: „вьется, какъ лента“, „мостъ перекинутъ“; но топографію чувствуетъ правильно и ребенокъ, если онъ умѣетъ обводить контуры предметовъ глазами и выучился различать чувствомъ движенія своихъ собственныхъ глазъ вверхъ, внизъ, вправо и влѣво.

Какъ же это дѣлается?

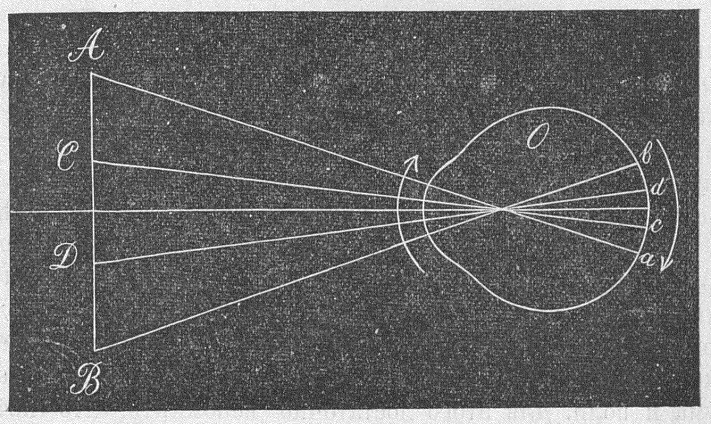
Въ дѣло замѣшано особенное устройство глазной сѣтчатки, заставляющее человѣка двигать глазами, съ цѣлью видѣть предметы не только въ общихъ очертаніяхъ, но и детально.

Если раскрыть книгу и устремить совершенно неподвижно оба глаза на середину какого-нибудь слова, состоящаго напримѣръ изъ 10 буквъ, то ясно видѣть и прочитать можно не больше 5 буквъ; и это потому, что образъ ихъ занимаетъ тогда на сѣтчаткѣ всё пространство яснаго видѣнія формъ, называемое желтымъ пятномъ,—пространство величиною немного болѣе булавочной головки. Однако, рядомъ съ этимъ, глаза видятъ всю печатную страницу и только не могутъ различать деталей. Съ далекими ландшафтами въ сущности та же исторія, только теперь предметъ въ нѣсколько саженъ (напр. церковь, домъ, мостъ и пр.) можетъ дать образъ, умѣщающійся на протяженіи желтаго пятна. По этой причинѣ ясно видимыя детали близкихъ предметовъ занимаютъ доли вершковъ, а подробности далекаго ландшафта—сажени или десятки саженъ. Простолюдинъ, конечно, не знаетъ такого свойства своихъ глазъ, а между тѣмъ оно побуждаетъ и его, и всѣхъ людей вообще (и даже животныхъ) двигать глазами по предмету, если образъ его на сѣтчаткѣ заходитъ за предѣлы желтаго пятна. Эти передвиженія и называютъ въ общежитіи подробнымъ разглядываніемъ предмета.

Въ первую минуту можетъ казаться, что это важный недостатокъ глаза. Отчего бы не быть сѣтчаткѣ устроенной на всемъ протяженіи на подобіе желтаго пятна? Тогда бы стала ненужной вся работа разглядыванія, съ вытекающей отсюда потерей времени. Однако, такое совершенство было бы въ сущности большимъ несчастіемъ для человѣка: видя всѣ части предмета съ одинаковою подробностью, онъ не имѣлъ бы поводовъ двигать глазами и лишился бы черезъ то единственнаго и притомъ вѣрнаго орудія распознаванія топографическихъ отношеній между частями зрительной картины. Человѣкъ едва-ли могъ бы тогда додуматься зрительно до распредѣленія предметовъ и ихъ частей въ пространствѣ. Теперь же, благодаря постоянной практикѣ движеній глазами при смотрѣніи, онъ выучивается различать по мышечному чувству, другъ отъ друга, передвиженія глазъ вверхъ и внизъ, вправо и влѣво; и какъ только они различены, то вмѣстѣ съ этимъ различены чувственно тѣ топографическія отношенія между частями предмета, которыя на словахъ мы обозначаемъ терминами: верхъ, низъ, правая и лѣвая сторона. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, всѣ, конечно, знали, что внѣшніе предметы рисуются на сѣтчаткѣ въ извращенномъ видѣ, но не могли понять, отчего же мы видимъ предметы прямо, не головой внизъ. Теперь недоумѣній на этотъ счетъ нѣтъ.

Верхомъ мы называемъ ту часть предмета, для прикасанія къ которой поднимаемъ руку вверхъ и для яснаго видѣнія которой

поднимаемъ глаза въ томъ же направленіи. Но глазныя яблоки, имѣя шарообразную форму, двигаются въ своихъ гнѣздахъ, какъ шары около центровъ. Поэтому въ то время, какъ передняя поверхность глаза двигается вверхъ, задняя, съ прикрѣпленной къ ней сѣтчаткой, опускается внизъ. Теперь представимъ себѣ, что передъ глазомъ *O* стоитъ предметъ *AB*, образъ котораго *ab* на сѣтчаткѣ не умѣщается на желтомъ пятнѣ *cd*. Чтобы видѣть ясно точку *A*, нужно поставить глазъ такъ, чтобы середина желтаго пятна пришлась въ точку *a*, т. е. чтобы желтое пятно встало



противъ точки *A*. Но для этого человѣкъ долженъ опустить заднюю поверхность глазного яблока съ сѣтчаткой внизъ, а переднюю поднять вверхъ. Опусканія задней половины мы не видимъ, а подниманіе передней чувствуемъ на себѣ и видимъ на другихъ. Отъ котораго же изъ этихъ направленій заимствовать имя движенію, какъ не отъ видимаго передвиженія передней поверхности?—Клички даются вѣдь обыкновенно только тому, что мы видимъ или чувствуемъ. Оттого и говорятъ, что, смотря на *A*, мы смотримъ вверхъ, смотря на *B*—внизъ.

Итакъ, насколько топографическій анализъ зрительныхъ картинъ можетъ быть сведенъ на рядъ попарныхъ сопоставленій предметовъ по ихъ положенію, всѣ три элемента предметной мысли даны различнымъ движеніемъ глазъ наблюдателя: обведеніе контуровъ даетъ подлежащее и сказуемое, а переходъ глазъ съ одного предмета на другой—связку или отношеніе между ними.

5. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ запоминанія контура бываетъ достаточно не только для обособленія предмета, но и для *узнаванія* его, какъ такового, и для другихъ. Но обыкновенно постоянную и характерную примѣту составляютъ не одинъ, а нѣсколько при-

знаковъ вмѣстѣ. Такъ, въ апельсинѣ мы насчитали выше 6 признаковъ, и изъ нихъ внѣшнюю характерную примѣту составляютъ только 3: форма, цвѣтъ и запахъ. Слѣдовательно, *узнаваніе* предполагаетъ умѣнье выдѣлять изъ общей суммы признаковъ нѣкоторые, наиболѣе характерные, и запоминать такую группу. Уже разъединеніе признаковъ вообще считается психической операціей, тѣмъ болѣе—выдѣленіе характерныхъ примѣтъ. Легко понять въ самомъ дѣлѣ, что примѣта становится характерной для всякой данной вещи лишь въ томъ случаѣ, если она въ другихъ вещахъ выражена слабо, или совсѣмъ отсутствуетъ, или выражена на иной ладъ. Слѣдовательно, узнаваніе предметовъ, совпадающее съ различеніемъ ихъ другъ отъ друга, предполагаетъ явно рядъ сравненій, актовъ несомнѣнно психическихъ. Къ тому же выводу приводитъ и слѣдующее соображеніе. Для чувства предметъ есть вся сумма признаковъ, а на практикѣ изъ суммы выдѣляется часть и становится на мѣсто цѣлаго. Съ виду это умственная уловка, имѣющая, повидимому, въ психической организаціи человѣка то самое основаніе, которое побуждаетъ его обозначать предметы краткими условными знаками, т. е. именами. Наблюденія, и сравнительно очень простыя, показываютъ однако, что вся подразумѣваемая здѣсь переработка сырыхъ впечатлѣній происходитъ въ тайникахъ памяти, внѣ сознанія, слѣдовательно, безъ всякаго участія ума и воли. Для этого достаточно вспомнить, что внѣшніе предметы узнаются даже животными.

Если судить о памяти по эффектамъ ея работы, то нельзя сомнѣваться, что въ основаніи ея лежитъ механизмъ, но механизмъ едва ли не самый изумительный въ мірѣ. Подобно фонографу Эдисона она записываетъ, сохраняетъ и воспроизводитъ внѣшнія воздѣйствія, но оставляетъ неизмѣримо далеко за собою всѣ чудеса этого инструмента. Въ самомъ дѣлѣ, фонографъ отвѣчаетъ только на звуковыя явленія и записываетъ только данный индивидуальный случай. Память же вноситъ въ свои реэстры всѣ вообще воздѣйствія на всѣ пять органовъ чувствъ (занося туда же всѣ колебанія мышечнаго чувства) и записываетъ не одинъ данный рядъ впечатлѣній, а милліоны ихъ. При этомъ она оттѣняетъ болѣе яркими чертами постоянные, т. е. наичаще повторяющіеся, признаки однородныхъ впечатлѣній, отдѣляя ихъ такимъ образомъ для сознанія отъ признаковъ второстепенныхъ, и наконецъ, распредѣляетъ всѣ вообще признаки въ разныя рубрики—по принадлежности къ предмету, по сходству и пр. Вотъ эта-то таинственная работа, начинающаяся въ раннемъ дѣтствѣ и длящаяся всю жизнь, и составляетъ то, что называютъ переработкой сырого впечатлѣнія въ идейномъ направленіи. И какъ ни сложна эта

работа, какъ ни велика перетасовка составныхъ частей впечатлѣній, тѣмъ не менѣе, память сохраняетъ запечатлѣнные въ ней образы и звуки настолько неизмѣнно, насколько воспоминаніе о событіи сходно съ самымъ событіемъ, насколько человѣкъ узнаетъ образы и звуки, какъ уже видѣнные и слышанные.

Въ этомъ бѣгломъ перечнѣ свойствъ памяти нѣтъ ничего, что не было бы давнымъ-давно извѣстно всякому образованному человѣку, а между тѣмъ въ немъ есть уже всё, чѣмъ объясняютъ актъ *узнаванія* предметовъ по характернымъ примѣтамъ.

Человѣкъ съ ранняго дѣтства и всю жизнь окруженъ группами предметовъ и получаетъ постоянно ряды впечатлѣній. При этомъ признаки не только ложатся въ памяти рядомъ, но сопоставляются другъ съ другомъ отъ звѣна къ звѣну, по сходству: форма съ формой, цвѣтъ съ цвѣтомъ и т. д. Порукой въ справедливости этого служитъ непосредственное чувствованіе контрастовъ между предметами по формѣ (высокій и низкій, широкій и узкій), величинѣ, яркости красокъ и пр. Въ началѣ, пока ребенокъ не выучился смотрѣть, слушать и, вообще, справляться съ своими органами чувствъ, расположеніе членовъ въ рядахъ вѣроятно случайное и непрочное; но мало-по-малу въ этомъ хаосѣ водворяется порядокъ: когда предметы уже обособлены, признаки располагаются уже не въ безразличный послѣдовательный рядъ, а собираются въ группы, по принадлежности къ предметамъ. Въ ряду происходятъ чувствуемые нами перерывы, но сравненіе сосѣднихъ группъ продолжается попрежнему. Чѣмъ чаще повторяются такія вліянія отъ даннаго собранія предметовъ, тѣмъ ярче и прочнѣе запоминаются въ каждомъ предметѣ признаки наиболѣе постоянные, наиболѣе яркіе и наиболѣе рѣзко контрастирующіе съ однородными признаками другихъ предметовъ. Это и суть характерныя примѣты. Въ памяти они записаны рядомъ съ прочими признаками предмета, но записаны прочнѣе, ярче и воспроизводятся легче другихъ. Воспроизводятся же они въ сознаніи всего легче при всякой новой встрѣчѣ съ предметомъ, для котораго служатъ примѣтой. Что происходитъ внутри насъ при такихъ встрѣчахъ, мы не знаемъ: процессъ слишкомъ летучъ (онъ измѣренъ Дондерсомъ и длится тысячныя доли секунды),—но нужно думать, что происходитъ нѣчто въ родѣ сравненія реальнаго впечатлѣнія съ воспроизведеннымъ и констатированія ихъ тождества.—Иду я, напр., по очень важному дѣлу, къ человѣку, котораго привыкъ видѣть въ бородѣ, и вдругъ вижу его обритымъ. Можно биться объ закладъ, что, несмотря на важность приведшаго меня дѣла, первая моя мысль, при взглядѣ на нужнаго человѣка, будетъ касаться не дѣла, а его бороды. Узналъ я

этого человѣка по другимъ характернымъ примѣтамъ, но въ числѣ ихъ была въ моей памяти и борода.

Итакъ, хотя акты узнаванія предметовъ представляютъ результаты очень сложной переработки повторяющихся внѣшнихъ воздѣйствій, но *въ нихъ нѣтъ никакихъ признаковъ извращенія реальныхъ впечатлѣній.* Обособленіе нѣкоторыхъ признаковъ въ примѣту не есть плодъ намѣреннаго умственнаго анализа, а результатъ безсознательно-дѣйствующаго механизма памяти. Для животныхъ съ быстрымъ бѣгомъ узнаваніе предметовъ по летучимъ намекамъ составляетъ необходимость, да и въ жизненной практикѣ человѣка оно имѣетъ громадное значеніе, въ смыслѣ экономіи времени. Читая глазами, т. е., узнавая слова по первымъ буквамъ, можно прочитать въ вечеръ цѣлую книгу, а при громкомъ чтеніи такой-же книги не прочитаешь и половины.

6. Теперь, согласно принятому нами порядку изложенія, слѣдуетъ говорить о сравненіи предметовъ между собою. Но о сравненіи, какъ процессѣ, было уже говорено достаточно: мы знаемъ, что это актъ памяти, происходящій внѣ сознанія и воли; поэтому я коснусь здѣсь лишь другихъ сторонъ предмета.

Если въ цѣломъ память можно назвать едва-ли не самымъ изумительнымъ механизмомъ въ мірѣ, то въ частности способность ея сравнивать встрѣчное съ запоминаемымъ, независимо отъ времени и пространства, слѣдуетъ назвать самымъ драгоцѣннымъ умственнымъ сокровищемъ человѣка. Благодаря этой способности, въ его сознаніи сопоставляется другъ съ другомъ не только пережитое въ дѣтствѣ, молодости и старости,—не только то, что онъ видѣлъ въ Америкѣ и здѣсь въ Москвѣ, но также факты настоящаго съ фактами изъ жизни древнихъ народовъ. Такимъ образомъ, благодаря памяти, съ ея сравненіями, современный человѣкъ, не выходя изъ тѣсныхъ рамокъ земного бытія, становится такъ сказать участникомъ вселенской жизни. Чему, какъ не сходству, обязаны мы тѣмъ, что понимаемъ жизнь древнихъ или географически удаленныхъ отъ насъ людей? Память создаетъ не только настоящее и прошлое, но также будущее. А какое громадное значеніе имѣетъ сравненіе по сходству въ естественныхъ наукахъ!—Современная физика обязана именно ему своими наиболѣе блистательными страницами; она-же придаетъ смыслъ и прелесть наукѣ о формахъ животнаго тѣла. Да и можетъ-ли быть иначе, если для сравнительной памяти открытъ горизонтъ, не ограниченный временемъ и пространствомъ. Сравнивать можно чуть не все на свѣтѣ, и въ общежитіи пользуются этимъ въ очень широкихъ размѣрахъ. Съ чѣмъ только не сравниваютъ, наприм., людей:—съ звѣздой изъ надземнаго міра, съ

камнемъ и деревомъ (по безчувствію), съ алмазомъ и жемчугомъ, съ червякомъ—по контрасту съ стихійными силами, съ змѣей—по ехидству, съ голубемъ—по чистотѣ и со многими четвероногими—по менѣе лестнымъ качествамъ. Сравниваются, повидимому, вещи совсѣмъ несоизмѣримыя, а между тѣмъ въ нихъ оказывается не только смыслъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и правда.

Сравненіе осмысленно, если утверждаемое въ трехчленномъ предложеніи сходство кажется нашему чувству таковымъ. Оно осмысленно, если говорятъ, напримѣръ, что человѣкъ на длинныхъ ногахъ, съ длиннымъ носомъ похожъ на журавля, и не будетъ имѣть смысла, если ту-же форму сравнить съ черепахой. Но откуда-же берется убѣжденіе, что сходство не только кажущееся, но въ самомъ дѣлѣ вѣрное?

Потому, что аксіома, лежащая въ основѣ житейскаго и научнаго познаванія внѣшняго міра, гласитъ слѣдующее:

Каковы-бы ни были внѣшніе предметы сами по себѣ, независимо отъ нашего сознанія,—пусть наши впечатлѣнія отъ нихъ будутъ лишь условными знаками,—во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковъ соотвѣтствуетъ сходство и различіе дѣйствительное.

Другими словами:

Сходства и различія, находимыя человѣкомъ между чувствуемыми имъ предметами, суть сходства и различія дѣйствительныя.

7. Послѣднюю категорію умственныхъ сопоставленій представляетъ ставленіе предметовъ, или точнѣе факторовъ явленій, въ причинную зависимость. Разобрать этотъ вопросъ всего удобнѣе на примѣрѣ.

Идетъ человѣкъ по улицѣ, получаетъ ударъ камнемъ и видитъ, что камень брошенъ уличнымъ мальчишкой. Разборъ дѣла выясняетъ, что мальчикъ—баловникъ, не разъ замѣченный въ проказахъ, растетъ безъ призора, почти на улицѣ, да и родители его люди не важные, грубые, безпорядочные. Такимъ разборомъ создается канва для сцѣпленія цѣлаго ряда фактовъ причинной зависимостью. Главная причина всему—свойства родителей; эффектъ ея—уличная жизнь мальчика съ ея дурными примѣрами; эффектъ этотъ есть въ то же время причина, почему мальчикъ считаетъ для себя пріятнымъ или нужнымъ бросить камень въ прохожаго; такой замыселъ, составляя эффектъ второй причины, есть причина бросанія камня; а послѣднее, какъ причина, имѣетъ послѣдствіемъ ударъ. Для жизненнаго обихода, особенно когда въ явленіи или какомъ-нибудь дѣйствіи замѣшанъ, какъ дѣятель, человѣкъ, такое объясненіе болѣе или менѣе достаточно, хотя и здѣсь оказывается, что разницы между причиной и эффектомъ

въ сущности нѣтъ. Но когда ту же схему переносятъ на явленія, гдѣ всѣ дѣйствующіе факторы равнозначны, то обособленіе одного изъ нихъ въ дѣйствующую причину, другого въ подчиненнаго ей фактора, и обособленіе эффекта отъ причины становится непозволительнымъ. Поднятый камень падаетъ, напр., на землю. По теоріи причинности главный факторъ есть земля съ ея притяженіемъ, а камень не дѣятеленъ: онъ участвуетъ въ явленіи только пассивно, своею тяжестью, т. е. падаетъ быстрѣе пера. А, между тѣмъ, это неправда. Камень также притягиваетъ къ себѣ землю, какъ земля камень, но настолько слабо, что земля не летитъ ему замѣтнымъ образомъ навстрѣчу. Тутъ не причинная связь, а взаимодѣйствіе факторовъ — ничтожнаго и громаднаго. Про огонь говорятъ, что онъ причина пожара,—опять неправда, здѣсь взаимодѣйствіе между огнемъ и горючимъ матеріаломъ: дерево горитъ, а камень нѣтъ. Вода представляетъ иногда разрушительную стихію, дѣйствуя, какъ говорится, напоромъ, т. е. массою и скоростью; но предметы сопротивляются ея ломанію и, если разрушаются, то это значитъ, что напоръ сильнѣе противодѣйствія. То же самое съ разрушительнымъ дѣйствіемъ пушечнаго ядра: дерево его не выдерживаетъ, а стальная броня достаточной толщины побѣждаетъ ядро, останавливая его полетъ и измѣняя форму.

Родившись изъ сопоставленія дѣйствующаго человѣка съ дѣлами его рукъ, причемъ неодушевленному матеріалу, на которое направлено дѣйствіе, приписывалась несправедливо чисто-пассивная роль,—схема причинной связи была перенесена на взаимодѣйствіе неодушевленныхъ предметовъ и утвердилась не только въ обиходномъ объясненіи явленій и языкѣ, но царствовала даже въ наукѣ о природѣ, пока здѣсь не утвердилась, какъ незыблемая аксіома, мысль, что въ природѣ нѣтъ дѣйствія безъ противодѣйствія. Господствуя въ наукѣ, схема, конечно, служила ей въ дѣлѣ разработки и разъясненія явленій, но не своей выдуманной и фальшивой, а соотвѣтствующей дѣйствительности стороной. Сторона же эта заключается въ томъ, что во всякомъ явленіи, какъ актѣ, тянущемся во времени, есть начало, послѣдовательныя фазы и конецъ. Ихъ обыкновенно и изучаютъ въ этомъ натуральномъ порядкѣ *), стараясь опредѣлить опытомъ условія появленія и послѣдованія отдѣльныхъ фазъ явленій, а потомъ разыскиваютъ факторовъ, смотрятъ, какъ видоизмѣняется ихъ взаимодѣйствіе въ послѣдовательныя фазы. „Причина“ и „эффектъ“ были только

*) Насколько необходимость такого порядка сознается даже въ обиходной жизни, всего лучше показываетъ слѣдующая поговорка: «кто мѣшаетъ конецъ и начало, у того въ головѣ мочала».

удобными словами для обозначенія фазисовъ явленій, но не могли, сами по себѣ, дать ничего изученію. Ихъ употребляютъ и доселѣ, но только какъ удобныя клички, къ которымъ всѣ привыкли въ жизненномъ обиходѣ.

Въ предметномъ мірѣ нѣтъ никакой причинной связи между факторами явленій, а есть лишь взаимодѣйствіе, совершающееся всегда въ пространствѣ и времени. Въ большинствѣ случаевъ взаимодѣйствіе недоступно прямо чувству, такъ что на долю послѣдняго выпадаетъ лишь вѣрная передача натуральной картины явленій (въ пространствѣ и времени) и видоизмѣненій ея при искусственныхъ условіяхъ научнаго опыта. Но объ этой роли мы говорили уже выше, и знаемъ, что показанія высшихъ органовъ чувствъ, въ этихъ предѣлахъ, параллельны дѣйствительности.

Итакъ, *всѣмъ элементамъ предметной мысли, насколько она касается чувствуемыхъ нами предметныхъ связей и отношеній въ пространствѣ и времени, соотвѣтствуетъ дѣйствительность.*—Предметный міръ существовалъ и будетъ существовать, по отношенію къ каждому человѣку, раньше его мысли; слѣдовательно, первичнымъ факторомъ въ развитіи послѣдней всегда былъ и будетъ для насъ внѣшній міръ съ его предметными связями и отношеніями. Но это не значитъ, что мысль, заимствуя свои элементы изъ дѣйствительности, только отражаетъ ихъ, какъ зеркало; зеркальность есть лишь одно изъ драгоцѣнныхъ свойствъ памяти, уживающееся рядомъ съ ея столь же, если не болѣе, драгоцѣнной способностью разлагать перемѣнныя чувствованія на части и сочетать во-едино факты, раздѣленные временемъ и пространствомъ.—При встрѣчахъ человѣка съ внѣшнимъ міромъ, послѣдній даетъ ему лишь единичные случаи связей и отношеній предметовъ въ пространствѣ и времени; природа есть, такъ сказать, собраніе индивидуумовъ, въ ней нѣтъ обобщеній, тогда какъ память начинаетъ работу обобщенія уже съ первыхъ признаковъ ея появленія у ребенка.

И. Сѣченовъ.

2 ноября 1891 г. Москва.

СОНЪ ПУСТЫНИ.

Сказка.

I.

Зной и блескъ... Поблѣднѣвшее отъ ужаса небо тяжкимъ игомъ лежитъ надъ желтыми песками. Далеко-далеко отсюда оно чаруетъ глазъ чудною лазурью, съ легкими и нѣжными облачками, свѣтлыми, какъ крылья ангеловъ. Здѣсь—ни синевы ни облака... Какой то опаловый свѣтъ вверху, но такой, что вѣчная пустыня подъ нимъ смѣжила свои ослѣпленныя очи и замерла, и только безпорядочно, тяжело грезитъ миражами... Между небомъ и ею—ничего... Жизнь ушла прочь,—нѣтъ и смерти, потому что и умирать здѣсь нечему. Горячій воздухъ недвиженъ. Безпощадное солнце пристально и строго смотритъ на сожженную землю: не осталось ли среди этого пекла хоть слабаго дыханія?.. Нѣтъ... въ сыпучихъ буграхъ не шуршитъ змѣя, не шевелится фаланга... Ничье крыло не всколыхнетъ надъ песками затаившагося пространства... Тишина такая, какъ будто звукъ никогда еще здѣсь не рождался. На склонахъ песчаныхъ холмовъ — спятъ сѣрыя тѣни... Ни днемъ, ни ночью пустыня не шелохнется ни одною своею складкой... Еще по ея окраинамъ робко и покорно, слабыми-слабыми пульсами бьется жизнь. У полузанесенныхъ пальмъ, чахлыхъ, стремящихся прочь своими безсильно склонившимися вершинами,— чернѣютъ низенькіе шатры суроваго бербера, курится сизый дымокъ отъ зажженнаго у входа верблюжьяго помета, слышится печальная пѣсня, такая печальная, что уста, ее спѣвшія, кажется, ужъ никогда не улыбнутся.. Звуки ея падаютъ слезами въ жаждущіе и ненасытные пески. Дальше отъ нихъ отодвигаются берберскіе шатры, ниже клонятся засыхающія пальмы... Пѣсня, какъ и крыло птицы, ужъ не смѣетъ подняться надъ ея золотыми буграми... Голосъ человѣка—къ землѣ приникъ, по ней стелется, точно зарыться въ нее хочетъ... А пустыня все идетъ,

все идетъ. Недвижная внутри, она живетъ на своихъ рубежахъ, даже не живетъ, а безсознательно убиваетъ все, что лежитъ за ними... Ближе къ ней еще видны львиные слѣды. Могучіе звѣри, останавливаясь на ея границѣ, всматриваются порою въ ея зной и блескъ, и въ слѣпомъ страхѣ бѣгутъ прочь отъ ея великой мистической тайны. Льва называютъ царемъ пустыни—почему? Онъ не смѣетъ проникать за огненное кольцо ея рубежей! Изъ-подъ песчаныхъ бугровъ видны порою кости... Сюда вторгались—смѣлые люди. Это царство ужаса—они хотѣли завоевать человѣчеству и гибли за нѣсколько переходовъ отъ оставленной позади границы..... Солнце выбѣлило ихъ остатки, перемѣшавъ ихъ съ длинными остовами верблюдовъ.... Какъ загадочныя руны на пескѣ, они безмолвно говорятъ „стой—ни шагу далѣе!“...

У себя, въ серединѣ, забылась, замерла пустыня... Забылась, замерла и въ зноѣ и блескѣ тяжело грезитъ миражами... Надъ ея громаднымъ, горячимъ лицомъ съ смежившимися глазами марево за маревомъ. Въ полнеба, — гигантскія какъ она, вѣчно смѣняющіяся... Они — не движеніе потому, что воздухъ мертвò стоитъ, измученный жарою; ни одна струйка песка не шевельнется, ни одна тѣнь не проскользнетъ по золотистому простору, а фата-моргана гонитъ въ это страшное царство свои обманчивые призраки.. Мерещутся пустынѣ синія, синія воды... Чудныя текучія воды, безбрежныя какъ она, глубокія... Въ ихъ лазурномъ свѣтѣ мелькаютъ крыльями веселыхъ чаекъ паруса... Плывутъ куда-то далеко-далеко оперенные ими корабли и тонутъ тамъ, гдѣ задумчивыя небеса сливаются съ таинственными морями... И вдругъ гаснетъ лазурный свѣтъ, блѣднѣютъ голубыя моря, линяютъ паруса, таютъ въ опаловомъ блескѣ... И опять—безпощадное солнце жжетъ пустыню... Часы идутъ за часами и новая греза рождается надъ нею. Проступаютъ какіе-то силуеты, ростутъ и опредѣляются... Выше и выше — шире и шире... Съ недвижныхъ небесъ, одинъ за другимъ, тысячами движутся сюда важные, медлительные верблюды... Конца имъ нѣтъ. Изъ опаловой бездны—идутъ еще и еще. Межъ ихъ горбами, сонно покачиваясь, сидятъ невѣдомые странники въ пестрыхъ одеждахъ. Кое-гдѣ надъ горбами—ставки. Изъ-подъ шелка алыхъ и желтыхъ занавѣсокъ, изъ-за темныхъ тафилетскихъ ковровъ—не видать женщинъ, прикрытыхъ отъ зноя и чуждаго глаза... Торжественно и мѣрно колышутся султаны изъ страусовыхъ перьевъ надъ яркими убѣжищами красавицъ... Рядомъ, уходя сухими ногами въ сыпучій песокъ, бредутъ черные рабы... Нѣкоторые падаютъ, но верблюды движутся мимо, и никто не спѣшитъ на помощь обреченнымъ. Мгновеніе—и нѣтъ грезы, и все опять въ забытьи,—но воспаленный умъ пустыни еще рабо-

таетъ, и надъ ней, въ невиданномъ блескѣ, выдвигаются, пропадая въ небесахъ, какіе-то дворцы подъ куполами, дворцы въ сквозныхъ аркахъ и галлереяхъ, съ манящею голубою тѣнью подъ ними. Бѣлыя колонны опираются на нѣжный мраморъ террасъ, отъ кровель надъ ними раскинуты полосатые навѣсы... Кругомъ ревнивыя пальмы прижались къ стѣнамъ сказочныхъ палатъ. А позади горы... Бѣлыя вершины ихъ плаваютъ надъ моремъ сизаго тумана, сѣрые утесы взрѣзали вѣчные снѣга, и солнце зажигаетъ ихъ острыя иглы... Выше и выше утесы. Кажется, земля вся стремится къ небу и жаждетъ коснуться его каменными перстами своихъ скалъ. Но греза пустыни ослабѣла, прежде чѣмъ сложится хотя въ минутную дѣйствительность,—и снова надъ гигантскимъ лицомъ первой только одно пристальное, безпощадное солнце, недвижный воздухъ и нестерпимый зной и блескъ. Теперь уже до самаго вечера пустыня пролежитъ въ забытьи, не грезя маревами...

Но не всегда она такова... Въ груди великана—точно забьется сердце, приподымутся отяжелѣвшія вѣки и начинается стихійная битва неба и земли. Взоръ ея встрѣчается съ гнѣвнымъ, багровымъ окомъ солнца,—въ ужасѣ передъ нимъ кровавымъ заревомъ подергиваются небеса, на горизонтъ сбѣгаются мѣдно-красныя, горящія ненасытною злобою тучи и, какъ звѣрь передъ прыжкомъ, притаясь, ждутъ... Тишина; все замерло, все никнетъ, и вдругъ оттуда, изъ-за этихъ враждебныхъ тучъ, разомъ проносится по всему безграничному простору чье то дыханіе... Дыханіе устъ—равныхъ океану; дыханіе, которое могло бы погнать передъ собою блуждающія кометы ночи.... Точно этого только и ждало безпощадное, кровавое солнце и проснувшаяся пустыня... Взоры ихъ скрещиваются молніями. Но онѣ не разгоняютъ мрака, внезапно окутывающаго все кругомъ. А дыханіе устъ, равныхъ океану, растетъ и растетъ. Оно сбросило прочь взвившуюся до зенита завѣсу густыхъ песковъ, какъ паутину, и погнало ихъ передъ собою горячими, сухими валами, цѣлою бурею, цѣлымъ ураганомъ волнъ. Какъ будто кто-то могучій хочетъ очи солнца и очи пустыни заслонить другъ отъ друга, чтобы вся земля не погибла въ ихъ роковой, всесожигающей встрѣчѣ. Далеко за предѣлы несется это дыханіе, и горе тому, кто окажется на его пути... Жгучія песчаныя волны зыблются въ своемъ бѣшеномъ стремленіи надъ широко раскрытыми очами пустыни, а онѣ все смотрятъ и смотрятъ; мѣдно-красныя тучи заслоняютъ, точно щитъ, разгорѣвшееся кровавою ненавистью солнце, и оно, не смыкая, глядитъ прямо въ лицо ей, и новые ураганы песку и новыя громады тучъ гонитъ дыханіе устъ, равныхъ океану; молніи скрещиваются и отражаются какъ искры

отъ ударовъ мечей, и вдругъ, среди стихійнаго шума—страшный, изъ глубокихъ нѣдръ срывающійся на весь этотъ безграничный просторъ, раздается мучительный крикъ побѣжденной земли... Тише и тише дыханіе могучихъ устъ... Волны песку ложатся на сомкнувшіяся вѣки ея, мѣдно-красныя тучи исчезаютъ на горизонтѣ.

И опять зной и блескъ.

И опять поблѣднѣвшее небо тяжкимъ игомъ лежитъ надъ желтымъ просторомъ, и безпощадное солнце пристально смотритъ на неподвижнаго врага...

Вновь въ забытьи грезитъ великая пустыня кошмаромъ яркихъ, безпорядочно смѣняющихся миражей.

II.

Солнце устало жечь... Тихо склоняется къ рубежу, гдѣ между горячими песками и раскаленнымъ небомъ мерещится огнистая линія ихъ встрѣчи... Опаловая бездна вверху голубѣетъ, синева приливаетъ къ ней все гуще, точно румянецъ къ блѣднымъ щекамъ оправляющагося отъ испуга человѣка.... Склоны холмовъ, обращенные къ западу, горятъ ровнымъ желтымъ полымемъ, тѣни противоположныхъ скатовъ обозначаются рѣзче, темнѣютъ, дѣлаются сизыми, какъ крыло дикой птицы. И чѣмъ ближе солнце къ закату, тѣмъ шире раздвигаются предѣлы пустыни. За ея буграми выступаютъ другіе, и всѣ въ огнистомъ заревѣ, всѣ въ сизыхъ тѣняхъ. Причудливые, крутые, точно безбрежный океанъ, по всемогущему слову замершій среди бури... Еще дальше, на самомъ горизонтѣ, вдругъ вырѣзались островершинныя, скалистыя горы. Днемъ ихъ не было видно, теперь онѣ всю даль облегли сторожевою, грозною цѣпью... Сѣрые утесы, лиловыя тѣни между ними... Сѣрые утесы розовѣютъ, — точно въ ихъ каменномъ тѣлѣ прорѣзались тысячи жилъ, и кровь побѣжала по нимъ всеоживляющими струями. Гуще и гуще отблески заката... Уже вспыхнули острыя иглы скалъ, полымя внизъ льется по нимъ на горные отвѣсы. Они теперь кажутся страшно близкими, точно идутъ, надвигаются на пустыню, будто ихъ движеніе гонитъ по ней песчаные бугры и валы... И она преображается, ея золотая, съ сизыми тѣнями, парча горитъ всѣми отсвѣтами зари. Словно все это необъятное пространство, отъ каменныхъ горъ до утопающаго въ багровомъ горизонтѣ солнца, охватило однимъ пожаромъ. Онъ зыблется, этотъ пожаръ, надъ горячею пустыней, онъ огненными вол-

нами, въ радужныхъ переливахъ бѣжитъ по ней, а солнце все ниже и ниже, — налившимся кровью окомъ смотритъ въ послѣднія мгновенія на лицо своего врага. Не откроетъ ли онъ отяжелѣвшихъ вѣкъ. Алѣетъ небо... Уже нѣтъ на немъ голубыхъ тоновъ, оно опрокинулось раскаленною чашею красной мѣди; только на востокѣ, за розовыми горами, что-то мерещится таинственное, мистическое, какъ призрачная тѣнь, брошенная передъ собою кѣмъ-то болѣе могучимъ, чѣмъ солнце, и идущимъ ему на смѣну... Блѣднѣютъ пески, красная мѣдь неба тускнѣетъ; разгорѣвшаяся пустыня, остывая, будто подергивается легкимъ налетомъ золы... Солнце утонуло. Все потухло, и лишь причудливый рубчикъ островерхихъ горъ еще розовѣетъ... Слабѣе и слабѣе... Прощальный румянецъ дня быстро убѣгаетъ снизу вверхъ отъ склоновъ къ скаламъ, отъ скалъ къ ихъ вершинамъ, — и вдругъ мракъ, и въ мракѣ только онѣ еще мерещатся рубиновыми звѣздами... Но и эти погасли,—и точно ждало счастливаго мгновенія лицо пустыни, — оно открыло свои утомленныя вѣки. Прямо въ широко-отверстые глаза ея блеснули безчисленныя и привѣтливыя созвѣздія загадочными сочетаніями и символами... Неотступно смотритъ въ нихъ пустыня, точно прочесть ихъ желаетъ. Вѣка проходятъ за вѣками, время гонитъ тысячелѣтія за тысячелѣтіями, какъ сухой песокъ въ безконечность, а смысла этихъ небесныхъ рунъ еще не разгадала пустыня. Вѣчною загадкою блистаютъ онѣ надъ нею, храня дивную тайну мірозданія...

Ярче вѣчныя руны ночнаго неба... Мало-по-малу мракъ свѣтлѣетъ и изъ-за тѣхъ-же островерхихъ, сторожевыхъ горъ медленно плыветъ на небеса мечтательная царица задумчивой ночи—луна... Передъ нею отходятъ въ глубину блѣднѣющія созвѣздія, за нею ея серебристый покровъ скользитъ надъ пустыней. Въ очахъ послѣдней отражается ея голубая улыбка, голубая улыбка луны... Подъ нею, точно обрадованные, вновь выступаютъ песчаные холмы въ безчисленныхъ складкахъ и тоже серебрятся,—луна и на нихъ бросила свою сквозную фату... Сладко пустынѣ подъ этою улыбкою луны. Такъ сладко, что она, успокоенная, засыпаетъ съ открытыми глазами и видитъ чудные, чудные сны... Видитъ то, что было на ней тысячи лѣтъ назадъ, когда солнце еще не сожгло ее своими палящими ласками, ласками, смѣнившимися такою ужасною враждой... Видитъ, какъ вновь вѣка за вѣками идутъ надъ нею—въ яркихъ образахъ, гармоничныхъ звукахъ, въ безконечномъ разнообразіи силуэтовъ, профилей, народовъ, событій... Тихо-тихо сползаютъ пески съ ея бугровъ, и изъ-подъ нихъ медленно выдвигаются все выше и выше, стройнѣй и стройнѣй бы-

лые города, вѣнчанные чудными храмами и дворцами, куполами и башнями... Тихо сползаютъ пески, прочь откатываются, какъ темный покровъ надъ священнымъ лицомъ божества...

Спитъ пустыня и видитъ сонъ...

III.

Чудный сонъ, радостный, свѣтлый... Песковъ уже нѣтъ: они далеко залегли на рубежѣ этого полусказочнаго царства. Пурпуромъ и золотомъ отражается солнце въ спокойныхъ водахъ великой рѣки... Стройныя пальмы глядятся въ нихъ, чуть колыша подъ ароматнымъ вѣтромъ свои сквозныя короны... Мраморныя террасы дворцовъ сходятъ къ самымъ струямъ, и тѣ, съ нѣжнымъ влюбленнымъ лепетомъ, лобзаютъ ихъ дѣвственно бѣлыя подножія. Террасы надъ террасами, колонны надъ колоннами, золоченыя кровли, гигантскіе купола и гордыя башни, смѣло уходящія въ синеву неба своими тонкими зубцами... Всюду шелковые наметы и навѣсы... Золотыя кисти ихъ чуть колеблются; тонко рисуются въ прозрачномъ воздухѣ поддерживающіе ихъ серебряные жезлы... Выше и выше палаты громоздятся надъ палатами; надъ ними царственные профили храмовъ обернулись лицомъ къ восходящему солнцу. Величавы арки этихъ храмовъ; тысячи символовъ изображены на стѣнахъ. Изъ драгоцѣнныхъ курильницъ синеватый дымъ расплывается въ безмолвіи капищъ, и посреди — мѣдные, ярко сверкающіе помосты ждутъ жертвенной крови... Чудные сады сплелись темными сводами у этихъ храмовъ... Громадные и широкіе листья, словно зеленыя ладони, подставили солнцу, прося у него благословенія. Яркіе и пышные цвѣты одѣлись въ лучшія краски, какія когда-либо знала природа. Они напоили прохладный воздухъ кругомъ несравненнымъ благоуханіемъ. Подъ шатрами широко раскинувшихся деревьевъ зароптали алмазныя струи фонтановъ. Въ глубинѣ аллей поднялись на пьедесталы задумчивыя темныя статуи. На рѣкѣ, у каменныхъ пристаней вдругъ зашелестили пестрыми флагами тысячи судовъ. Кормы ихъ изукрасились пурпуромъ, серебромъ и золотомъ; спереди, прямо въ даль заглядѣлись священные лики боговъ-хранителей, и на ярко-красныхъ парусахъ выдѣлились символы благополучія. Тонкія мачты съ паутиною снастей едва едва рисовались въ чистомъ воздухѣ счастливаго утра,—и солнце, казалось, радовалось всему здѣсь и все ласкало своими лучами... Но далеко, далеко отъ пышныхъ дворцовъ, отъ храмовъ, по карнизамъ которыхъ, въ загадочныхъ сочетаніяхъ, изумрудными вязями пере-

плетались великія изрѣченія боговъ, отъ тяжелыхъ крѣпостныхъ стѣнъ и башенъ,—раскинулись неразличимымъ маревомъ, какими-то перепутанными лабиринтами, тѣсныя и скудныя лачуги бѣдняковъ. Тутъ все никло къ землѣ, тутъ сѣрыя кровли едва подымались надъ сѣрою почвой, тутъ рваныя дерюги навѣсовъ покоились на разщепившихся жердяхъ, а входы казались норами, вырытами въ пескѣ фалангами. Тутъ не было садовъ. Рѣдко, рѣдко чахлая былинка трепалась на припекѣ, невѣдомо какъ уцѣпившись корнями за какую-нибудь щель .. Двѣ, три пальмы печально выбѣгали отсюда, точно имъ хотѣлось въ недосягаемую высь уйдти отъ вѣчнаго зрѣлища нищеты и муки, свившихъ себѣ жалкія гнѣзда подъ ними...

Спитъ пустыня подъ голубою улыбкою и все ярче и ярче видитъ сонъ...

Безмолвенъ этотъ чудный міръ, но серебряные лучи царицы ночи скоро населятъ его своими призраками. Лучи проникаютъ—сіяющими посланцами неба—въ тьму могильныхъ склеповъ, подъ толщи тяжелыхъ песковъ, въ невѣдомые саркофаги... Какъ въ далекомъ Египтѣ, при волшебныхъ звукахъ Изидиной систры, тихо подымались изъ тайниковъ пирамидъ старыя муміи и, сбросивъ свои золотыя маски, распутавъ пропитанныя смолистыми ароматами пелены, выходили снова на землю зловѣщими тѣнями,—такъ и здѣсь, въ незнамой никѣмъ живымъ пустынѣ, вдругъ воскресли цари и жрецы, проснулись воины, и земледѣльцы открыли свои отягченныя тысячелѣтіями вѣки. Скелеты, давно обратившіеся въ прахъ, одѣлись тѣломъ и выступили на улицы своихъ городовъ, въ пышныя залы дворцовъ, въ тишину храмовъ и въ жалкую суету внезапно населившихся лачугъ. Города смерти ,послали свои призраки въ этотъ, живший только въ волшебныхъ снахъ пустыни, дивный міръ былого... И разомъ загремѣли по устланнымъ мраморными плитами улицамъ тяжелыя колесницы, сверкая серебромъ и лазурью украшеній, засновали суетливые продавцы, все покрывая пронзительными криками, послышалась мѣрная поступь закованныхъ въ желѣзныя брони или одѣтыхъ въ сквозныя золоченыя кольчуги воиновъ, зашелестѣли въ воздухѣ перья ихъ шлемовъ и заблистали широкія лезвія мечей. Солнце заискрилось на остріяхъ копій.. Таинственные корридоры и залы храмовъ наполнились длинными процессіями одѣтыхъ въ бѣлое жрецовъ. Торжественные напѣвы ихъ и печальные звуки арфъ стройно, волнами поднялись къ высокимъ плафонамъ... Кое-гдѣ на мѣдныхъ помостахъ жертвенниковъ уже корчилось тѣло раба, и широкою струей алая кровь его сбѣгала внизъ на сіенитовую облицовку пола. Священные танцы медленно и красиво развивались гир-

ляндами чудныхъ красавицъ, и все также равнодушно смотрѣли на всю эту дивную пышность незрячія, изумрудныя очи золотыхъ боговъ...

А дальше за городомъ, за его сѣрыми стѣнами — какъ кучи муравьевъ—возятся жалкіе рабы надъ громадными массами камня. Владыко пожелалъ создать, по примѣру фараоновъ, царственный некрополь—и бичи свищутъ, впиваясь желѣзными крючьями въ живое тѣло. Исходя послѣдними силами, тысячи невольниковъ тащатъ скалы, исторгнутыя изъ далекихъ горъ. Здѣсь эти камни подымутся новыми горами въ воздушную синь. Трещатъ и рвутся веревки, размыкаются цѣпи, десятки рабовъ падаютъ мертвыми подъ бичами. Срываясь, камни давятъ сотни невольниковъ, и кровь ихъ хлещетъ изъ-подъ утеса, какъ виноградный сокъ изъ-подъ давиленъ. Но тысячи новыхъ рабовъ бѣгутъ на смѣну и хватаются за тѣ же цѣпи и веревки, чтобы умереть, приблизивъ скалу еще на нѣсколько шаговъ къ мѣсту, гдѣ ее подымутъ на высоту и поставятъ на цоколь другія тысячи несчастныхъ... И когда воздвиглись наконецъ эти некрополи, когда на нихъ гордые владыки поставили свои изображенія, вдовы и сироты убитыхъ рабовъ пришли поклониться истуканамъ. Камень въ щеляхъ и трещинахъ, въ скважинахъ и мѣстахъ спайки оставался краснымъ, и люди говорили, что это кровь строителей проступаетъ сквозь его тѣло.

У дворцовъ, на серебряныхъ цѣпяхъ зарычали могучіе львы, на мраморныхъ террасахъ, стѣною стала закованная въ желѣзо стража, дворы и залы наполнили важные сатрапы. Въ ихъ золотѣ и пурпурѣ, въ блескѣ запястій, въ лучистомъ сверканіи подвѣсокъ изъ дорогихъ камней, въ вѣнцахъ, опрысканные ароматами, съ заплетенными волосами и бородами — они оставались такими же невольниками, какъ и обнаженные работники некрополей. Законовъ не было, ихъ замѣняла воля владыки. Цѣлый міръ ему казался помостомъ, созданнымъ богами для того, чтобы по немъ ступала его нога, всякое дыханіе земной персти—чтобы служить ему. Воиновъ онъ называлъ своими руками, сатраповъ—очами и ушами. Все его солнечное царство—въ блескѣ и пышности—было тѣломъ, гдѣ смѣло биться только одно сердце, чувствовала одна душа и мыслилъ одинъ мозгъ. И это сердце, душа и мозгъ—заключались въ немъ. Даже боговъ на небесахъ онъ считалъ равными себѣ и называлъ ихъ братьями, думая, что дѣлаетъ имъ великую честь, придавалъ ихъ изображеніямъ черты своего лица... Ни доблести, ни великодушія, ни женскаго цѣломудрія—не могло существовать рядомъ съ его волей. Онъ давилъ все собою, какъ гранитныя и мраморныя массы храма давятъ землю, на которую онѣ поставлены.

Онъ все дальше и дальше посылалъ воиновъ—завоевывать новыя области, и ему скоро стало казаться, что цѣлый міръ тѣсенъ ему. Онъ грозилъ звѣздамъ небеснымъ и по волѣ своей исключалъ ихъ изъ цикла божествъ, которымъ поклонялся его народъ. Онъ билъ волны океана бичами, разсѣкалъ горы, жегъ полымемъ землю, когда пышные уборы ея весны не нравились его обезумѣвшему взору.... Онъ вѣрилъ только кровожаднымъ божествамъ. Онъ воздвигъ идола изъ сплава мѣди, серебра и желѣза, громаднаго, пасть котораго была шире и выше арокъ его дворца, и, послѣ перваго же набѣга на сосѣдніе народы, привелъ тысячи плѣнныхъ. Внутри, цѣлыми лѣсами драгоцѣннаго дерева, ароматнаго и легко горѣвшаго, онъ раскалилъ этого идола, и всѣхъ плѣнныхъ, въ золотѣ ихъ уборовъ, съ женщинами, дѣтьми, жрецами, слабыми старцами и полными жизни юношами, приковавъ на одну безконечную цѣпь, погналъ ударами бичей, огнемъ факеловъ, въ первую-же темную ночь, къ красной, полымемъ горѣвшей, пасти ужаснаго истукана, и сбросилъ ихъ въ его пылающія нѣдра, подъ громкое пѣніе волхвовъ, подъ струнный звонъ священныхъ арфъ, подъ бѣшеные крики опьянѣвшаго отъ восторга народа... Это такъ понравилось ему, а значитъ и богамъ, что гекатомбы стали повторяться, когда у него собиралось достаточно рабовъ и плѣнныхъ... Раскаленный до красна истуканъ безумцамъ сталъ казаться—въ темной ночи — свѣтильникомъ вѣры, и скоро матери стали приносить своихъ дѣтей, чтобы жрецы кидали ихъ въ огненную пасть кровожаднаго бога.

Спитъ пустыня подъ голубою улыбкою ночи, спитъ съ отверстыми глазами, и все ярче и ярче раскидывается надъ нею, въ бездонную пропасть прошлаго, чудный сонъ... Но чѣмъ дальше, тѣмъ въ ея очахъ все сильнѣй отражается ужасъ...] По лицу ея бѣгутъ блѣдныя тѣни...

Между рабами попадались истинные сыны Божіи, — первые провозвѣстники Христа. Они говорили своимъ братьямъ о великихъ завѣтахъ кротости, добра и правды, будили въ нихъ спящую душу, учили любви. Проповѣдь ихъ была смиренна, они не призывали къ насилію, не питали въ сердцѣ злобы. „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ“, вотъ что говорили они людямъ. Забывая свои страданія, они приходили на помощь къ другимъ и исполосованными плечами заслоняли братій отъ удара. Ихъ слушали, порою припадали къ ихъ ногамъ и, рыдая, цѣловали ихъ, но потомъ, точно опомнившись, связывали имъ руки и приводили къ жрецамъ. Тѣ жгли ихъ или прибивали подъ солнце къ стѣнамъ храмовъ или распинали на крестахъ. Хищныя птицы заживо рвали имъ тѣло острыми клювами,

раздирали его когтями, выклевывали подернутые мукою глаза... Черныя хищныя птицы садились на плеча и на головы распятыхъ и съ веселымъ клекотомъ радовались щедрости, уготовавшей имъ обильную трапезу... Слова любви забывались, но зрѣлище казней долго оставалось въ памяти, и о праведникахъ изъ рода въ родъ передавались сказанія, какъ о величайшихъ злодѣяхъ. И такъ шли вѣка за вѣками. Одни поколѣнія смѣняли другія, но въ темныя ночи попрежнему, надъ обвитымъ сумракомъ городомъ, краснымъ блескомъ горѣлъ раскаленный истуканъ кровожаднаго бога, и тихіе стоны раздавались со стѣнъ капища, на которыхъ, прибитые гвоздями, терпѣли свои великія муки—изверги, осмѣлившіеся блѣднѣвшими устами проповѣдывать человѣчеству страшную ересь любви и всепрощенія...

И солнце стало жечь нечестивую землю... Пески далекихъ пустынь надвигались на каменное великолѣпіе царственныхъ градовъ. Но отъ солнца заслонились златотканными навѣсами и узорочными кровлями, а на пути песковъ тѣ же невольники воздвигали гранитныя стѣны. Поэты и жрецы славили кровожадныхъ боговъ. Молитвы вторыхъ, какъ и пѣсни первыхъ— не родились рабами. Рабовъ надо было гнать бичами, а тѣ продавались, какъ женщины на крытыхъ рынкахъ. Пѣсня, въ которой народъ, какъ въ кіотѣ завѣта, хранилъ вѣчную память своего сердца, изъ рода въ родъ передавалъ слезы труда, развратилась и выбѣжала нарумяненная, гремя подвѣсками и фальшивыми уборами, на улицу. Ее—эту еще недавно цѣломудренную богиню—сталъ брать каждый, кто могъ заплатить, а обнищавшій народъ пересталъ пѣть, онъ только стоналъ... Поэты стали подлѣе палачей... Палачи убивали тѣло, поэты — сердце и душу. О величайшихъ мерзостяхъ Содома и Гоморры они говорили потомству, какъ о великомъ и прекрасномъ... Господь, поставившій поэтовъ герольдами своего суда на рубежѣ прошлаго и будущаго, отвратилъ лицо отъ этой блудницы... Пѣсня служила сладострастію, какъ опьяняющее и насыщенное тайными ароматами вино, какъ пляска обнаженныхъ рабынь, какъ отравляющее дыханіе цвѣтовъ зла...

Спитъ пустыня подъ голубою улыбкою, но ея отверстые глаза уже готовы сомкнуться, Мертвенныя тѣни бѣгутъ по ея лицу.— О эти воспоминанія! Палящій взоръ солнца лучше ихъ! А сонъ все идетъ и идетъ, и въ немъ длинный свитокъ прошлаго развертывается надъ нею!

Отъ зноя и небеснаго огня заслонились. Стѣнами, точно щитомъ, прикрылись отъ песковъ. Отъ правды только уйдти не могли. Она пришла оттуда, откуда ее и не ждалъ никто....

IV.

За причудливыя горы, стороживпіія пустыню, уже закатилась луна, окутанная серебристою фатою. На свѣтломъ дискѣ ея вырѣзались было столпообразныя вершины..... Еще минуту изъ-за нихъ мерещилось, на потемнѣвшихъ небесахъ, таинственное сіяніе, какъ послѣдній привѣтъ Изиды, и точно тихій звонъ систры прозвучалъ оттуда... Земля бы погрузилась во мракъ— еслибы не разгорались еще ярче мистическіе символы — созвѣздія. Свитокъ еще былъ далеко отъ конца — и сонъ продолжался, и увидѣла великая пустыня, какъ изъ-за этихъ горъ, изъ-за ихъ темныхъ ущелій, гдѣ были поставлены, казавшіяся несокрушимыми, твердыни,—вдругъ побѣжали назадъ къ царственному городу ихъ желѣзныя дружины. Смятеніе, какъ кругъ по водѣ, расходилось все шире и шире.... На одномъ изъ торжествъ, поэтъ-магъ, задумавшій плѣнить слухъ пирующихъ такою изящною и льстивою одой, до какой еще ни разу не доростала содомская подлость его товарищей, вдругъ почувствовалъ, что въ его грудь вселился нѣкій духъ, что уста уже не принадлежатъ ему, магу, что его мыслью и словомъ владѣетъ непобѣдимая сила. Онъ хотѣлъ бѣжать, но ноги его не слушались. Онъ былъ точно пригвожденъ къ окрашенной пурпуромъ колоннѣ, по которой вверхъ ползли золотыя лозы съ изумрудными гроздьями... По данному ему знаку, онъ хотѣлъ пѣть—но, вмѣсто того, на всю эту блиставшую палату крикнулъ:

„Да совершится проклятіе, да совершится проклятіе, да совершится проклятіе!....“

Къ нему бросились съ обнаженными мечами, но „духъ“, вселившійся въ него, выходя, убилъ слабое тѣло. На челѣ мага нашли таинственный знакъ, какъ будто отъ огненнаго, его коснувшагося перста.... И въ то-же мгновеніе, изъ чистыхъ безоблачныхъ небесъ раздались три громовые удара, и три молніи ударили одновременно въ куполъ пиршественной палаты, въ раскаленный храмъ кровожаднаго бога и въ золоченую статую перваго владыки, поставленную имъ нѣкогда надъ своимъ некрополемъ... На гранитныхъ основаніяхъ потрясліись вѣковѣчныя зданія, пошатнулись громады, созданныя на зло тысячелѣтіямъ,—испуганная стража не успѣла очнуться, какъ у террасъ показались трепетавшіе воины... Они принесли страшную вѣсть... Съ невѣдомаго доселѣ Сѣвера, изъ тѣхъ загадочныхъ далей, гдѣ маги и жрецы обозначали послѣднюю грань міра, за которою жили только призраки и смутныя, преображавшіяся изъ однѣхъ формъ въ другія,

видѣнія—шли безчисленныя рати. Великое ли „ничто“ рождало ихъ, воплотились ли призраки въ живыя тѣла, — только эти невѣдомыя, молчаливыя и грозныя воинства двигались и двигались. Съ высоты горъ, съ темени утесовъ, вперяя свои взоры въ безконечность—стража видѣла, что этимъ „тьмамъ-темъ“ нѣтъ предѣла. Онѣ наступали какъ тучи, обложившія небо сплошь, безъ просвѣтовъ, какъ волны наводненія, прорвавшаго плотины, стремились впередъ и заливали все, не оставляя острововъ.... Воины различали ближайшихъ. Видъ ихъ страшенъ и дикъ. Въ рыжихъ волосахъ торчали перья невѣдомыхъ птицъ, въ рукахъ—сѣкиры, за плечами, надъ шкурами какихъ-то звѣрей, колчаны со стрѣлами. Груди и ноги ихъ были обнажены..... За ними шли женщины—тоже съ сѣкирами, а дальше опять ратныя дружины, и такъ до тѣхъ самыхъ рубежей, гдѣ земля, казалось, сливалась съ небесами. Гулъ двигавшагося „народа призраковъ“ былъ похожъ на голоса нѣсколькихъ бурь, слившихся въ одну, на грозный ревъ гонимаго ураганами моря.... У первыхъ твердынь, башни которыхъ, казалось, поддерживали голубыя небеса своими зубцами, а стѣны превосходили толщами первозданные утесы,—невѣдомые люди даже не остановились: ихъ могучая рѣка разомкнулась, обошла ихъ, заключила въ свои кипѣвшія воды—и, нѣсколько спустя, стража издали видѣла, что безъ осады, безъ боя, безъ штурма—ни стѣнъ, ни башенъ, ничего не осталось... На мѣстѣ грозныхъ крѣпостей были какіе-то пустыри, въ родѣ токовъ для пшеницы, по которымъ рабъ-земледѣлецъ гонитъ своихъ коней.... Въ слѣпомъ ужасѣ, воины бросили защиту ущелій, подступы къ дорогамъ, стѣны, оборонявшія ихъ, и бѣжали....

Малодушныхъ кинули въ пасть кровожаднаго бога....

Яркое полымя вырвалось оттуда и краснымъ языкомъ своимъ лизнуло кровли города и его стѣны. Маги сочли это дурнымъ предзнаменованіемъ, но молчали. Голосъ правды не долженъ былъ звучать здѣсь. Правда боялась свѣта и жила во мракѣ.

Владыка выслалъ на стѣны воиновъ. Онъ приказалъ открыть палаты, гдѣ было сложено всякаго рода оружіе, призвать всѣхъ, кто могъ поднять его и раздать имъ... Навстрѣчу „тьмамъ темъ“ невѣдомыхъ дружинъ вышли „тьмы-темъ“ отсюда. Пѣвцы уже заготовляли побѣдныя пѣсни, жрецы—свои серебряныя трубы для будущаго торжества. Въ раскаленную пасть кровожаднаго бога бросали безъ конца горючихъ веществъ, смолистыхъ деревьевъ, благоуханныхъ маслъ, камеди и ладона... Его ждала такая жертва, какой до сихъ поръ еще и не бывало. Владыко далъ обѣтъ всѣхъ плѣнныхъ, хотя бы ихъ и счесть нельзя было, сжечь въ нѣдрахъ этого истукана. Но дымъ отъ него все-таки не подымался

къ небесамъ; онъ, въ безвѣтріи, шапкой разстилался надъ городомъ. И опять маги поняли дурное предзнаменованіе, но въ страхѣ молчали...

Вооруженныя толпы вышли, но когда спустились съ горъ невѣдомые люди, когда гулъ ихъ нашествія донесся сюда, народъ бѣжалъ, какъ безсмысленное стадо... Были храбрые. Они кричали что-то объ отечествѣ, но этого слова—не понимали. Какое „отечество“ могло быть у рабовъ. „Отечество“ понятно только свободнымъ людямъ, и лишь свободные люди могли защищать и защитили бы его, или умерли бы, нанося удары... У нихъ не было земли, которую надо было бы отстаивать. Не было семьи, потому что дѣвушекъ ихъ брали въ гаремы владыки и его вельможъ, а мальчиковъ кастрировали и выводили на рынки евнухами. Не было„ вѣры“, потому что ихъ кровожадный богъ только каралъ, а не миловалъ, его боялись, но не любили; не его ли защищать съ его раскалившеюся пастью, гдѣ каждый потерялъ сожженными или сестру или брата, или отца или сына...

У рабовъ не оказалось „отечества“ и у страны защитниковъ. Свобода одна могла создать послѣднихъ, но здѣсь это слово даже не значилось въ языкѣ. Самъ владыко не былъ „свободенъ“. Онъ трепеталъ передъ своими дѣтьми, видя порою ихъ сумрачные и жадные взгляды. Онъ дрожалъ передъ сатрапами далекихъ провинцій, зная, какъ они ополчались на его предковъ, убивали ихъ и сами садились на ихъ троны.

И вотъ когда „народъ“ — и не народъ, а малодушное стадо его рабовъ—бѣжало, тогда владыко взошелъ на кровлю, золотую кровлю своего дворца, посмотрѣлъ на сѣверъ и увидѣлъ, что тамъ все стало темно отъ приближающихся враговъ. Сквозь черную пелену саранчи, когда она летитъ по небу, могутъ пробиться хоть изрѣдка лучи солнца, сквозь эту лавину нельзя было различить ничего. Ничего—кромѣ Смерти, великой Смерти, шествовавшей передъ несмѣтными полчищами. И тѣнь этой Смерти владыко почуялъ надъ своей душою, холодную тѣнь,— при одномъ приближеніи которой далеко убѣгала надежда... И вотъ, подхваченный ураганомъ, имя которому отчаяніе, онъ въ первый разъ обратился съ укоромъ къ раскаленному кровожадному богу...

— Не я ли питалъ тебя тысячами жертвъ, не я ли въ огненныя нѣдра твои кидалъ красивыхъ дѣвушекъ, невинныхъ дѣтей, уста коихъ еще не вѣдали лжи, сильныхъ рабовъ, ворочавшихъ, какъ волы, громадные камни?.. Не я ли отдавалъ ихъ тебѣ въ богатѣйшихъ одеждахъ, въ блистательныхъ уборахъ? Безчисленныя сокровища я приносилъ тебѣ. И ты оставляешь

меня! Внемли-же гласу печали того, кто былъ тебѣ самъ и сыномъ, и рабомъ! О, возсѣдающій на огненномъ престолѣ великій богъ, ты, которому имя — Гнѣвъ, испепели ихъ, дерзающихъ на твоего служителя. Ты, невѣдающій пощады, дыханіемъ пламенныхъ устъ твоихъ повели громамъ и молніямъ поразить ихъ, землѣ потрястись на основахъ, разсѣсться и поглотить ихъ, водамъ выступить изъ береговъ и затопить ихъ, пока они идутъ по этой равнинѣ, бывшей подножіемъ храма твоего. Снизойди въ несравненной ярости твоей.... О, богъ гнѣва — услышь меня, услышь меня!..

И онъ простиралъ руку къ идолу, и онъ падалъ ницъ передъ его громаднымъ ликомъ, возвышавшимся надъ самыми высокими башнями и куполами страны.... Но истуканъ оставался истуканомъ. Также краснѣла раскаленная мѣдь его надувшихся щекъ, мѣдь его глупо-выпученныхъ глазъ, тотъ-же дымъ клубился изъ его зловѣщей пасти... Этотъ богъ былъ всемогущъ въ уничтоженіи, но безсиленъ въ помощи!..

И владыко понялъ и опустилъ покрывало на смятенное лицо свое; долго онъ лежалъ на золотой кровлѣ дворца, распростершись въ немощи... И ему чудилось, что онъ слышитъ тихій звукъ систры... Онъ зналъ, что далеко-далеко Египтяне поклонялись Изидѣ, что у нихъ приближеніе смерти знаменуется таинственнымъ пѣніемъ этихъ струнъ...

И когда первыя дружины невѣдомаго врага ворвались въ улицы города, владыка сошелъ внизъ.

Палаты его пусты, дворецъ оставленъ, на сторожевыхъ мѣстахъ ни единаго часового, ворота отперты, сокровища расхищены. Рабы не умѣли защищаться, но умѣли красть... Въ смертной тоскѣ онъ бродилъ по заламъ пиршествъ, по заламъ пріема своихъ сатраповъ, по заламъ, гдѣ ему приносили дани, по гаремамъ, гдѣ еще недавно въ ожиданіи его ласки томились тысячи красавицъ. Попрежнему сладострастно ропщутъ фонтаны, мягко свѣтятся подъ нѣжнымъ свѣтомъ тканные серебромъ и жемчугами ковры и покровы, чудные цвѣты дышутъ своимъ дивнымъ благоуханіемъ, но ни одинъ рабъ, ни одна рабыня не идутъ на зовъ его смятенной души, на крики, вырывающіеся изъ его измученной груди....

И онъ вернулся назадъ — и сѣлъ на сверкавшій алмазами, рубинами и изумрудами тронъ. Онъ вспомнилъ, что еще вчера этотъ тронъ назывался солнцемъ, а онъ, владыка—богомъ солнца!..

Ему не долго пришлось ждать...

Чу... Какой-то странный шумъ... Топотъ безчисленныхъ босыхъ ногъ по мрамору его террасъ, дикіе, хриплые звуки невѣ-

домаго языка, точно хищный клекотъ громадныхъ птицъ, стукъ оружія по яшмѣ и серпентину его залы...

Нѣсколько дикарей вбѣжали сюда и остановились въ дверяхъ, ослѣпленные....

Ярко подъ лучами заходившаго солнца горѣлъ величавый тронъ.. Радужными звѣздами сіяли его алмазы, кровавымъ блескомъ отливали рубины, дивною прелестью сверкали священные изумруды... Издали отъ воротъ дворца доносилось сюда рычаніе встревоженныхъ львовъ. Здѣсь стояла торжественная тишина. Въ этомъ ослѣпительномъ маревѣ едва различался нѣкто, сидѣвшій посреди его въ пурпурѣ, съ вѣнцомъ на головѣ и съ гордыми, безстрастными глазами.

„Не богъ ли?“ подумалъ одинъ дикарь и распростерся передъ нимъ...

„Если богъ—то онъ будетъ живъ!“ сообразилъ другой, поднялъ тяжелую сѣкиру и однимъ ударомъ ея раскололъ черепъ „бога“.

Кровь брызнула и алыми ручьями затмила лучившіеся алмазы.

Наводненіе дикарей обошло городъ, залило его и двигалось дальше...

Позади оставались руины.

V.

Въ вѣчномъ молчаніи пустыни, на поблѣднѣвшихъ предразсвѣтныхъ небесахъ, созвѣздія уже почти завершили свой мистическій кругъ.. На югѣ, на самомъ горизонтѣ засіяла голубая звѣзда надъ челомъ Ангела, полагающаго предѣлъ ночи и возвѣщающаго приближеніе дня... А отверстыя очи пустыни—все не смыкались... Длинный свитокъ прошлаго приходилъ къ концу, и сонъ ея изъ бездны вѣчности вызывалъ послѣдніе миражи...

Руины, руины, руины...

Въ обломкахъ дворцы и башни, грудами безпорядочнаго камня легли храмы и капища, длинными грядами рухнули гордыя стѣны... Вѣка шли за вѣками,— давно истлѣли и развѣялись прахомъ народы, погибшіе подъ сѣкирами и стрѣлами... Вооруженное рабство исчезло передъ обнаженною и дикою свободой. Вихремъ она прошла по лицу этой земли, краснымъ пламеннымъ языкомъ слизало съ нея неправду, насиліе, зло, прокатилась дальше громами, оперенными молніями. Куда исчезли эти дикари,—пустыня не знаетъ. Пришли, сокрушили и исчезли. Исчезли туда, дальше, къ волнамъ неугомоннаго океана, къ горамъ, на вершинахъ которыхъ лежатъ ледники, блистающіе вѣчнымъ союзомъ земли

и неба, — холодные, дѣвственно-чистые алтари, гдѣ встрѣчаются своимъ таинственнымъ поцѣлуемъ яркій день съ синей ночью.

Руины... Руины... Руины .. Долго еще изъ ихъ печальныхъ массъ подымались одинокія колонны, уцѣлѣвшіе углы башенъ, остовы храмовъ и ихъ порталы величавые, колоссальные, словно скрижали, поднятые къ самымъ небесамъ, каменными руками могучихъ капищъ... Долго эти скрижали свидѣтельствовали передъ невѣдомыми богами о воцарившейся здѣсь мерзости запустѣнія. Долго— пока еще стояли стѣны, защищавшія ихъ вдали отъ напора жадныхъ песковъ,—но и для стѣнъ этихъ насталъ часъ смерти. Онѣ кое-гдѣ рухнули, и въ свѣжія бреши ринулся длинными мысами песокъ.... Скоро — легли послѣдніе остатки стѣнъ, и песокъ ворвался въ безмолвное кладбище мертваго народа... Мертваго до того, что самое имя его осталось невѣдомо.

Точно обрадованные, что нѣтъ имъ болѣе оплота, сорвались съ своихъ цѣпей бѣшеныя бури... Океаны песка стремились передъ ними, повинуясь ихъ властному дыханію... Одни падали— другіе налетали снова... Они засыпали лощины, глубокія ущелья, долины... Они волнами ложились повсюду, и надъ ними выступали только руины дворцовъ и храмовъ, созидавшихся нѣкогда на высотахъ... Но и для этихъ скоро долженъ былъ наступить часъ погребенія... Великіе могильщики развалинъ, песчаные ураганы, все больше и больше кутали ихъ своими горячими пеленами... А пустыня безмолвствовала...

Она молчитъ и теперь... Безбрежная, печальная, грезящая миражами...

Послѣднія начертанія дивнаго свитка прошлаго—слились съ розовымъ сіяніемъ разсвѣта...

Какъ *тогда*, такъ и теперь песокъ все выше и выше вздымается желтѣющими волнами... Со всѣхъ сторонъ надвинулся покровъ его и мало-по-малу заволакиваетъ послѣднія вершины руинъ. По мѣрѣ того, какъ ихъ остается все меньше и меньше,—смыкаются, усталые за ночь, очи пустыни и, когда капители древнихъ колоннъ и остовы величавыхъ храмовъ ушли подъ эти золотистыя волны, пустыня уже смѣжила вѣки, и недвижное лицо ея замерло, ожидая своего вѣчнаго врага, безпощаднаго, жгучаго солнца... Вотъ оно огнистымъ жезломъ своимъ коснулось утесовъ на вершинахъ горъ, у рубежа ея... Какъ жертвенное пламя загорѣлись скалы, и точно кровь закланныхъ на нихъ — розовые отсвѣты полились по склонамъ, отвоевывая ихъ у мрака ночи... Поблѣднѣли созвѣздія, и неразгаданные символы ихъ утонули въ недосягаемыхъ безднахъ неба.... Оно поголубѣло, заалѣло на востокѣ, обдало пески густымъ румянцемъ зари, и—не успѣлъ еще этотъ

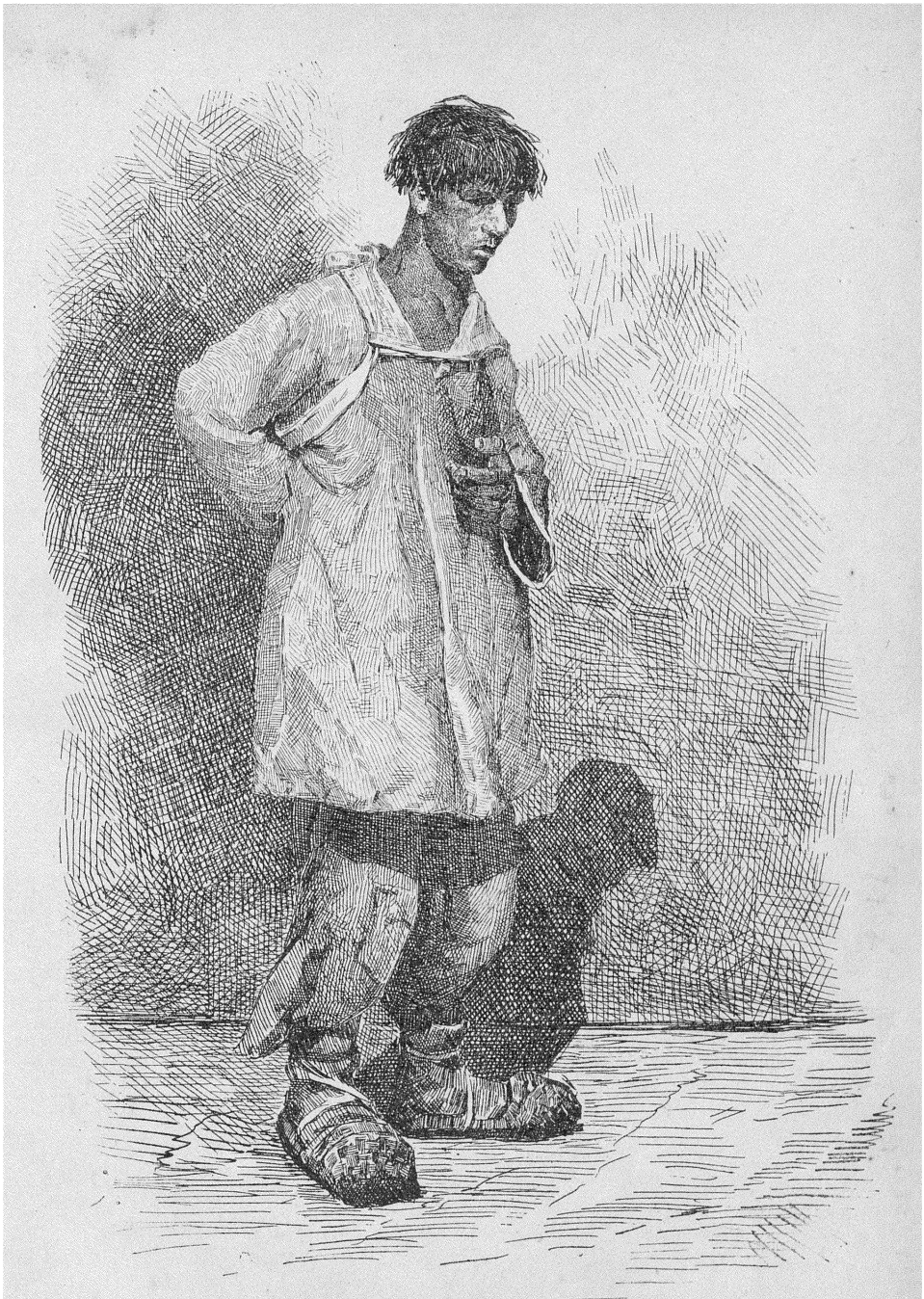
румянецъ отогнать спавшіе въ складкахъ холмовъ тѣни ночи—какъ страшное въ всесожигающемъ могуществѣ, царственное въ ослѣпительномъ блескѣ, спокойное въ увѣренности своей вѣчной побѣды — надъ страдальческимъ великимъ лицомъ пустыни поднялось солнце...—Поднялось—и устремило пламенный взглядъ свой въ ея сомкнутыя очи...

И зной, и блескъ...

Поблѣднѣвшее отъ ужаса небо тяжкимъ игомъ лежитъ надъ желтыми песками.

Безмолствуетъ пустыня и тяжело, безпорядочно грезитъ миражами.

Василій Немировичъ-Данченко.



Крючникъ.

Съ рис. С. В. Иванова.

БѢГЛЫЕ НА САХАЛИНѢ.

Какъ на одно изъ главныхъ и особенно важныхъ преимуществъ Сахалина, извѣстный Комитетъ 1868 г. указывалъ на его островное положеніе, не допускающее побѣговъ. На островѣ, отдѣляемомъ отъ материка бурнымъ моремъ, казалось, не трудно было создать большую морскую тюрьму по плану „кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда“ и осуществить римскую ссылку на островъ, гдѣ о побѣгѣ можно было бы только мечтать. На дѣлѣ же, съ самаго начала сахалинской практики, островъ оказался какъ-бы островомъ — quasi insula. Проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка, въ зимніе мѣсяцы замерзаетъ совершенно, и та вода, которая лѣтомъ играетъ роль тюремной стѣны, зимою является ровнымъ и гладкимъ полемъ для всякаго, желающаго пройти его пѣшкомъ, или переѣхать на собакахъ. Не надеженъ проливъ также и лѣтомъ: въ самомъ узкомъ мѣстѣ, между мысами Погоби и Лазарева, онъ не шире шести-семи верстъ, а въ тихую, ясную погоду бываетъ можно переплыть на плохой лодкѣ и сто верстъ. Даже тамъ, гдѣ проливъ широкъ, сахалинцы видятъ материковый берегъ довольно ясно; туманная полоса земли съ причудливыми горными пиками изо-дня въ день манитъ къ себѣ и искушаетъ ссыльнаго, обѣщая ему свободу и родину. Комитетъ, кромѣ этихъ физическихъ условій, не предвидѣлъ еще, или упустилъ изъ виду, побѣги не на материкъ, а во внутрь острова, причиняющіе хлопотъ не меньше, чѣмъ побѣги на материкъ, и, такимъ образомъ, указанное преимущество Сахалина далеко не имѣетъ той цѣны, какую предполагалъ въ немъ Комитетъ.

Но оно все-таки остается преимуществомъ. Изъ Сахалина бѣжать очень трудно. Я не имѣю цифровыхъ данныхъ, да и нѣтъ этихъ данныхъ, но всякій, побывавшій на островѣ и знакомый съ истиннымъ положеніемъ дѣла, хотя бы сами бродяги, на которыхъ въ этомъ отношеніи можно положиться, какъ на спеціа-

листовъ, заявляютъ откровенно, что бѣжать изъ Сахалина гораздо труднѣе, чѣмъ, напримѣръ, изъ Карійской или Нерчинской каторги. При совершенной распущенности и всякихъ послабленіяхъ, какія имѣли мѣсто при старой администраціи, сахалинскія тюрьмы все-таки оставались полными, и арестанты бѣгали не такъ часто, какъ, быть можетъ, хотѣли того смотрители тюремъ, для которыхъ побѣги были одною изъ самыхъ доходныхъ статей. Нынѣшніе чиновники сознаются, что еслибы не страхъ передъ препятствіями, какія представляетъ для побѣговъ природа, то, при разбросанности каторжныхъ работъ и слабости надзора, на островѣ оставались бы только тѣ, кому нравится здѣсь жить, то есть никто.

Но среди препятствій, удерживающихъ людей отъ побѣговъ, не такъ страшны морскія волны, какъ путь къ морю. Переплыть море не трудно, не страшно и утонуть въ немъ, но трудно и страшно подходить къ нему. Непроходимая сахалинская тайга, горы, постоянная сырость, туманы, голодъ, безлюдье, а зимою страшные морозы и метели—вотъ истинные друзья надзора Въ сахалинской тайгѣ, гдѣ на каждомъ шагу приходится преодолѣвать горы валежнаго лѣса, жесткій, путающійся въ ногахъ богульникъ, или бамбукъ, тонуть по поясъ въ болотахъ и ручьяхъ, отмахиваться отъ ужасной мошки,—даже вольные сытые ходоки дѣлаютъ не больше 8 верстъ въ сутки, человѣкъ же, истощенный тюрьмой, питающійся въ тайгѣ гнилушками съ солью и не знающій, гдѣ сѣверъ, а гдѣ югъ, не дѣлаетъ въ общемъ и 3—5 верстъ. Къ тому же онъ вынужденъ идти не прямой дорогою къ цѣли, а далеко въ обходъ, чтобы не попасть на кордонъ. Проходитъ въ бѣгахъ недѣля-другая, рѣдко мѣсяцъ, и онъ, изнуренный голодомъ, поносами и лихорадкой, искусанный мошкой, съ избитыми, опухшими ногами, мокрый, грязный, оборванный, погибаетъ гдѣ-нибудь въ тайгѣ, или же черезъ силу плетется назадъ и проситъ у Бога, какъ великаго счастья, встрѣчи съ человѣкомъ, который доставилъ бы его обратно въ тюрьму.

Причиною, побуждающею преступника искать спасенія въ бѣгахъ, а не въ трудѣ и не въ покаяніи, служитъ главнымъ образомъ не засыпающее въ немъ сознаніе жизни. Если онъ не философъ, которому вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ живется одинаково хорошо, то не хотѣть бѣжать онъ не можетъ и не долженъ.

Прежде всего ссыльнаго гонитъ изъ Сахалина его страстная любовь къ родинѣ. Войдете ли вы въ тюрьму, въ избу, въ кирпичный сарай, въ угольную яму—вездѣ говорятъ только о Россіи. Послушать каторжныхъ, то какое счастье, какая радость жить у себя на родинѣ! О Сахалинѣ, о здѣшней землѣ, людяхъ, деревь-

яхъ, климатѣ говорятъ съ презрительнымъ смѣхомъ, отвращеніемъ и досадой, а въ Россіи все прекрасно и упоительно; самая смѣлая мысль не можетъ допустить, чтобы въ Россіи могли быть несчастные люди, такъ какъ жить гдѣ-нибудь въ Тульской или Курской губерніи, видѣть каждый день избы, дышать русскимъ воздухомъ само по себѣ есть уже высшее счастье. Пошли, Боже, нужду, болѣзни, слѣпоту, нѣмоту и срамъ отъ людей, но только приведи помереть дома. Одна каторжная старушка, служившая мнѣ, восторгалась моими чемоданами, книгами, одѣяломъ и потому только, что все это не сахалинское, а изъ нашей стороны; когда ко мнѣ приходили въ гости священники, она не шла подъ благословеніе и смотрѣла на нихъ съ усмѣшкой, потому что на Сахалинѣ не могутъ быть настоящіе священники. Когда мнѣ случалось говорить съ кавказцами о Кавказѣ, а съ хохлами о вишняхъ, арбузахъ, или о томъ, что не задолго до поѣздки на Сахалинъ я былъ въ Сорочинцахъ и Гадячѣ, то, глядя на влажные, грустные, блестящіе глаза, и слушая вздохи, я переставалъ видѣть разницу между insula и quasi-insula, и для меня было ясно, что еслибы Сахалинъ находился даже въ тысячѣ миляхъ отъ материка, то и тогда бы бѣглые пускались въ море на плотахъ и дырявыхъ шлюпкахъ.

Тоска по родинѣ выражается въ формѣ постоянныхъ воспоминаній, унылыхъ и трогательныхъ, сопровождаемыхъ горькими слезами, или въ формѣ несбыточныхъ надеждъ, поражающихъ часто своею нелѣпостью и похожихъ на сумасшествіе, или же въ формѣ ясно выраженнаго, несомнѣннаго умопомѣшательства. Послѣдняго я не нашелъ въ больничной отчетности, изъ разговоровъ же съ коллегами я узналъ только, что сумасшедшіе въ Александровскомъ округѣ, до сентября 1890 г., содержались въ одной палатѣ съ сифилитиками, и потому подлинно не знаю, какихъ размѣровъ достигаетъ на Сахалинѣ носталгія, и какой процентъ бѣговъ слѣдуетъ отнести прямо къ болѣзни. Процентъ же этотъ долженъ быть не малъ *).

Когда время и привычка притупляютъ въ ссыльномъ любовь къ родинѣ, изъ Сахалина гонитъ его неутолимая жажда свободы. Пока онъ молодъ и крѣпокъ, онъ старается убѣжать возможно подальше, въ Сибирь или въ Россію; его ловятъ, судятъ, отправляютъ назадъ на каторгу, но это не страшно: въ медлен-

---

*) Въ нашемъ Владивостокѣ, среди чиновниковъ и моряковъ нерѣдко наблюдаются случаи умопомѣшательства отъ тоски по родинѣ; я самъ видѣлъ тамъ двухъ сумасшедшихъ чиновниковъ—юриста и капельмейстера. Если эти случаи не рѣдки въ средѣ свободныхъ и хорошо обставленныхъ людей, то на Сахалинѣ, по аналогіи, они должны быть очень часты.

номъ, пѣшеэтапномъ хожденіи по Сибири, въ частой перемѣнѣ тюремъ, конвойныхъ и товарищей, и въ дорожныхъ приключеніяхъ есть какая то своя особенная бродяжеская поэзія и все-таки больше похожаго на свободу, чѣмъ на Сахалинѣ. Ослабѣвши съ годами, потерявъ вѣру въ свои ноги, онъ бѣжитъ на Амуръ, а если это нельзя, то хоть въ тайгу, или на гору, только бы подальше отъ тюрьмы, чтобы не видѣть постылыхъ стѣнъ и людей, не слышать бряцанья оковъ и каторжныхъ разговоровъ. А когда онъ совсѣмъ уже состарился и бѣжать ему трудно, то онъ придумываетъ что-нибудь похожее на бѣгство. Въ Корсаковскомъ посту живетъ ссыльно-каторжный Алтуховъ, старикъ лѣтъ 60, или больше, который обыкновенно беретъ кусокъ хлѣба, запираетъ свою избу и въ полуверстѣ отъ поста садится на гору, и смотритъ на тайгу, на море и на небо; посидѣвъ такъ дня три, онъ возвращается домой, беретъ провизію и опять идетъ на гору, и такъ безъ конца. Прежде его сѣкли, теперь же надъ его побѣгами только смѣются. Одни бѣгутъ въ разсчетѣ погулять на свободѣ мѣсяцъ, недѣлю, другимъ бываетъ достаточно и одного дня. Хоть день да мой. Тоска по свободной жизни выражается часто въ мучительной острой формѣ, припадками, когда человѣкъ, одержимый ею, долженъ выбирать одно изъ двухъ: побѣгъ, или самоубійство. Она овладѣваетъ нѣкоторыми субъектами періодически и въ этомъ отношеніи напоминаетъ запой; разсказываютъ даже, будто она является въ извѣстное время года или мѣсяца, такъ что благонадежные каторжные, чувствуя приближеніе припадка, всякій разъ предупреждаютъ о своемъ побѣгѣ начальство. Обыкновенно наказываютъ плетями и розгами всѣхъ бѣгуновъ безъ разбора, но ужъ одно то, что часто побѣги отъ начала до конца поражаютъ своею совершенной несообразностью и безсмыслицей, что часто благоразумные, скромные и семейные люди убѣгаютъ безъ одежи, безъ хлѣба, безъ цѣли, безъ плана, съ увѣренностью, что ихъ непремѣнно поймаютъ, съ рискомъ потерять здоровье, довѣріе начальства, свою относительную свободу и даже жалованье, съ рискомъ замерзнуть или быть застрѣленнымъ,—уже одна эта несообразность должна бы подсказывать сахалинскимъ врачамъ, отъ которыхъ зависитъ наказать или не наказать, что во многихъ случаяхъ они имѣютъ дѣло не съ преступленіемъ, а съ болѣзнью, и что во многихъ случаяхъ глубокомысленное выслушиваніе сердца и легкихъ для того, чтобы удостовѣрить, что пойманный можетъ вынести 60 или 100 плетей, есть только ненужная, фальшивая и дутая процедура.

Кромѣ тоски по родинѣ и свободѣ, къ общимъ причинамъ побѣговъ слѣдуетъ отнести также пожизненность наказанія. У насъ,

какъ извѣстно, каторжныя работы сопряжены съ поселеніемъ въ Сибири навсегда; приговоренный къ каторгѣ удаляется изъ нормальной человѣческой среды безъ надежды когда-либо вернуться въ нее, и такимъ образомъ какъ бы умираетъ для того общества, въ которомъ онъ родился и выросъ. Смертная казнь употребляется у насъ только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, но все еще господствуетъ въ нашемъ уголовномъ кодексѣ: ея главнѣйшій признакъ — пожизненность составляетъ то общее, безъ чего всѣ ступени нашей лѣстницы наказаній не имѣли бы прочной связи и опредѣленнаго характера. Сознаніе преступника, что въ немъ прежній гражданинъ умеръ на вѣки и что никакія его личныя усилія, даже подвиги и святость не могутъ воскресить его прежняго состоянія,—это та-же самая смертная казнь, но только облеченная въ другую, менѣе отвратительную для человѣческаго чувства форму. Каторжные такъ и говорятъ про себя:—„Мертвые съ погоста не возвращаются“. Полная безнадежность каторжника вернуть прошлое и достигнуть когда-либо лучшаго положенія, его горе и отчаяніе создаютъ потребность: уйти, перемѣнить судьбу—хуже не будетъ! Онъ уходитъ, и товарищи говорятъ про него:—„Онъ пошелъ мѣнять судьбу“. Если ему не посчастливилось и его поймали, то это называется такъ: не пофортунило, не пофортовало. При пожизненности каторги и ссылки побѣги и бродяжество составляютъ неизбѣжное и необходимое зло и служатъ даже какъ бы предохранительнымъ клапаномъ. Еслибы была какая нибудь возможность отнять у каторжнаго надежду на побѣгъ, какъ на единственный способъ вернуться съ погоста, то его отчаяніе, не находя выхода, проявляло бы себя какъ нибудь иначе и, конечно, въ болѣе жестокой и ужасной формѣ, чѣмъ побѣгъ.

Есть еще одна общая причина побѣговъ—это традиція, выросшая на сибирской почвѣ и теперь отживающая. Заключается она въ вѣрѣ въ легкость, безнаказанность и почти законность побѣговъ, хотя въ дѣйствительности они не легки, караются жестоко и считаются важнымъ уголовнымъ преступленіемъ. Эта вѣра, которая представляется теперь такой легкомысленной и странной, воспитывалась въ людяхъ поколѣніями, и начало ея теряется въ туманѣ того добраго стараго времени, когда бѣжать было очень легко, и побѣги поощрялись самимъ начальствомъ. Начальникъ завода или смотритель тюрьмы почиталъ для себя за наказаніе свыше, если почему либо отъ него не бѣгали каторжные, и радовался, когда они уходили цѣлыми толпами; не показывая ихъ въ бѣгахъ, онъ могъ пользоваться ихъ пайкомъ такъ долго, какъ это было ему угодно и удобно. Если передъ первымъ октября—временемъ, когда выдается зимняя одежда—убѣгало 30—40 человѣкъ, то это

значило, что 30 — 40 полушубковъ поступало въ пользу смотрителя. По словамъ г. Ядринцева, начальникъ завода при пріемѣ каждой новой партіи обыкновенно выкрикивалъ: — „Кто хочетъ оставаться, получай одежду, а кто въ бѣга, тому незачѣмъ!“ Начальство своимъ авторитетомъ какъ бы узаконивало побѣги, и въ его духѣ воспитывалось все сибирское населеніе, которое и въ настоящее время побѣгъ не считаетъ грѣхомъ, а бѣглыхъ—большими грѣшниками. Сами каторжные разсказываютъ о своихъ побѣгахъ не иначе, какъ со смѣхомъ или съ сожалѣніемъ, что побѣгъ не удался, и ждать отъ нихъ раскаянія или угрызеній совѣсти было бы напрасно. Изъ всѣхъ бѣгавшихъ каторжниковъ, съ которыми я разговаривалъ, только одинъ больной старикъ, прикованный къ тачкѣ за многократные побѣги, съ горечью упрекнулъ себя за то, что бѣгалъ, но при этомъ называлъ свои побѣги не преступленіемъ, а глупостью.—„Когда помоложе былъ, дѣлалъ глупости, а теперь страдать долженъ“.

Частныя причины побѣговъ многочисленны. Укажу на недовольство тюремными порядками, на дурную пищу въ тюрьмѣ, жестокость кого-либо изъ начальства, лѣность, неспособность къ работѣ, болѣзни, слабость воли, склонность къ подражанію... Бываютъ побѣги изъ любви къ приключеніямъ. Случалось, что каторжные цѣлыми партіями убѣгали для того только, чтобы „погулять“ по острову, и гулянье сопровождалось убійствами и всякими мерзостями, наводившими панику и озлоблявшими населеніе до крайности. Звѣрское убійство дворянина Канабеева и аинскихъ семействъ въ 1885 году, и затѣмъ казнь девяти бѣглокаторжныхъ памятны на Сахалинѣ еще до сихъ поръ. Разскажу про побѣгъ ради мести. Бѣгло-каторжнаго Клименко ранилъ при поимкѣ и конвоировалъ въ Александровскую тюрьму рядовой Бѣловъ. Клименко выздоровѣлъ, бѣжалъ вновь и на этотъ разъ съ единственною цѣлью—отмстить Бѣлову. Онъ пошелъ прямо на кордонъ и тамъ его задержали. —„Веди своего крестника“,—сказали Бѣлову товарищи,—„твое счастье“. Тотъ повелъ. Дорогою конвоиръ и арестантъ разговорились: тары-бары... Осень, вѣтеръ, холодно... Остановились покурить. Когда Бѣловъ поднялъ воротникъ, чтобы закурить трубку, Клименко выхватилъ у него ружье и убилъ его на повалъ, потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся въ Александровскій постъ, гдѣ былъ задержанъ и вскорѣ затѣмъ повѣшенъ.

А вотъ и любовь. Ссыльно-каторжный Артемъ—фамиліи его не помню—молодой человѣкъ лѣтъ 20, служилъ въ Най-бучи сторожемъ при казенномъ домѣ. Онъ былъ влюбленъ въ аинку, жившую въ одной изъ юртъ на рѣкѣ Найбѣ и, говорятъ, пользо-

вался взаимностью. Его заподозрили какъ-то въ кражѣ и въ наказаніе рѣшили перевести въ Корсаковскій постъ, въ тюрьму, то есть за 90 верстъ отъ аинки. Онъ со слезами умолялъ, чтобы его оставили въ Най-бучи, но его все-таки перевели. Тогда онъ сталъ бѣгать изъ поста въ Най-бучи, для свиданія съ возлюбленной, и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока его не подстрѣлили въ ногу.

Побѣги бываютъ также и предметомъ аферы. Вотъ одинъ изъ видовъ аферы, соединяющій въ себѣ жадность къ деньгамъ съ самымъ гнуснымъ предательствомъ. Старый, посѣдѣвшій въ бѣгахъ и приключеніяхъ бродяга высматриваетъ въ толпѣ новичковъ кого побогаче и сманиваетъ его бѣжать вмѣстѣ. У новичковъ почти всегда бываютъ деньги. Уговорить не трудно; новичокъ бѣжитъ, а бродяга въ тайгѣ убиваетъ его и возвращается назадъ въ тюрьму съ деньгами, и такъ какъ на всю эту финансовую операцію требуется не больше одного—двухъ дней, то онъ записывается въ графѣ „отлучившихся“ и отдѣлывается только розгами или выговоромъ. Другой видъ аферы, болѣе распространенный, чѣмъ первый, разсчитанъ на тѣ три рубля, которые выдаетъ казна поимщику за каждаго пойманнаго бѣглаго. Предварительно уговорившись съ рядовымъ или съ гилякомъ, нѣсколько человѣкъ каторжныхъ бѣгутъ изъ тюрьмы и, въ условленномъ мѣстѣ, гдѣ нибудь въ тайгѣ или на берегу моря, встрѣчаются со своимъ конвоиромъ; тотъ ведетъ ихъ назадъ въ тюрьму, выдаетъ за пойманныхъ и получаетъ по три рубля за каждаго, потомъ, конечно, происходитъ дѣлежъ. Бываетъ смѣшно смотрѣть, когда маленькій, тщедушный гилякъ, вооруженный одною только палкой, приводитъ сразу 6—7 плечистыхъ, внушительнаго вида бродягъ. При мнѣ однажды рядовой Л., тоже не отличающійся крѣпкимъ сложеніемъ, привелъ сразу 11 человѣкъ.

Такъ какъ составъ убѣгающихъ и возвращаемыхъ партій всякій разъ бываетъ крайне разнообразенъ, а статистика бѣглыхъ существуетъ пока только въ зачаткѣ, то опредѣлить, какіе каторжные бѣгаютъ чаще и какіе рѣже, не легко. Выяснилось пока только, что чаще всего бѣгутъ тѣ, для которыхъ наиболѣе чувствительна разница въ климатахъ Сахалина и ихъ родины. Сюда относятся прежде всего уроженцы Кавказа, Крыма, Бессарабіи и Малороссіи. Случается видѣть списки убѣжавшихъ или возвращенныхъ, иногда человѣкъ въ 50—60, гдѣ нѣтъ ни одной русской фамиліи, а одни только Оглы, Сулеймановы и Гасановы. Не подлежитъ также сомнѣнію, что безсрочные и долгосрочные бѣгаютъ чаще, чѣмъ каторжные третьяго разряда, и живущіе въ тюрьмѣ чаще, чѣмъ живущіе внѣ ея. Молодые и новички, испытывающіе тоску по родинѣ въ ея острой формѣ, составляютъ наибольшій

контингентъ бѣглыхъ. Женщины бѣгаютъ несравненно рѣже, чѣмъ мужчины, и это объясняется трудностями, какими обставленъ для женщины побѣгъ, и отчасти тѣмъ, что на каторгѣ она скоро обзаводится прочными привязанностями. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ она уже черезъ годъ по прибытіи на Сахалинъ имѣетъ ребенка. Семейное состояніе удерживаетъ отъ побѣга, но случается, что убѣгаютъ и семейные. Помню, въ селеніи Мало-Тымовѣ убѣжалъ бахмутскій цыганъ Кучеренко, оставивъ жену и дѣтей, которыя пришли за нимъ на Сахалинъ добровольно. Это похоже на черную неблагодарность, но весьма вѣроятно, что побѣги совершаются съ вѣдома и согласія семействъ. По крайней мѣрѣ, жена Кучеренко, съ которой я говорилъ, не сердилась на мужа. Законные супруги бѣгаютъ рѣже, чѣмъ незаконные. Бабы—каторжныя, когда я обходилъ избы, на мой вопросъ, гдѣ сожитель, часто мнѣ отвѣчали:—„А кто-жъ его знаетъ? Поди, сыщи“...

На ряду съ каторжными изъ простого званія бѣгаютъ и привилегированные. Перелистывая въ Корсаковскомъ Полицейскомъ Управленіи алфавитъ, я нашелъ бывшаго дворянина, который не только бѣгалъ, но былъ еще судимъ за убійство, совершенное во время побѣга, и принялъ 80 или 90 плетей. Извѣстный Лагіевъ, присланный за убійство ректора Тифлисской семинаріи и бывшій въ Корсаковскомъ посту учителемъ, бѣжалъ въ Пасхальную ночь 1890 г. вмѣстѣ съ каторжнымъ Никольскимъ, сыномъ священника, и съ тремя какими-то бродягами. Вскорѣ послѣ этого побѣга, разнесся слухъ, что будто кто-то видѣлъ трехъ бродягъ въ „цивильномъ“ платьѣ, пробиравшихся берегомъ къ Муравьевскому посту, но ужъ Лагіева и Никольскаго съ ними не было. Если этотъ слухъ справедливъ, то, очевидно, бродяги подговорили молодого Лагіева и его товарища бѣжать вмѣстѣ и дорогой убили ихъ, чтобы воспользоваться ихъ деньгами и платьемъ. Сынъ протоіерея К., присланный за убійство, бѣжалъ въ Россію, убилъ тамъ вновь и былъ возвращенъ на Сахалинъ. Какъ-то рано утромъ я его видѣлъ въ толпѣ каторжныхъ около рудника: необыкновенно тощій, сутулый, съ тусклыми глазами, въ старомъ лѣтнемъ пальто и въ порванныхъ брюкахъ на выпускъ, заспанный и дрожа отъ утренняго холода, онъ подошелъ къ смотрителю и ко мнѣ и, снявши картузикъ, обнаживъ свою плѣшивую голову, сталъ просить о чемъ-то...

Для того, чтобы судить, въ какое время года чаще всего совершаются побѣги, я воспользуюсь немногими цифрами, какія успѣлъ найти и записать. Въ 1877, 1878, 1885, 1887, 1888 и 1889 г. убѣжало 1501 ссыльно-каторжныхъ. Это число распредѣ-

ляется по мѣсяцамъ такъ: январь 117, февраль 64, мартъ 20, апрѣль 20, май 147, іюнь 290, іюль 283, августъ 231, сентябрь 150, октябрь 44, ноябрь 35 и декабрь 100. Больше всего бѣгутъ въ іюнѣ и въ іюлѣ, когда наступаютъ теплые длинные дни и свѣтлыя ночи, и начинаются дорожныя и хозяйственныя работы внѣ тюрьмы. Затѣмъ, по количеству бѣглыхъ, слѣдуютъ августъ и сентябрь,—мѣсяцы, когда созрѣваетъ въ тайгѣ ягода, а у поселенцевъ картофель, и идетъ въ рѣкахъ періодическая рыба; старые опытные бродяги рекомендуютъ для побѣговъ именно это время: съ голоду не умрешь, и мошка одолѣваетъ не такъ сильно, какъ весной и въ началѣ лѣта. Въ октябрѣ и въ ноябрѣ число побѣговъ значительно понижается; это потому, что наступили холода, и каторжные, которымъ не удалось бѣжать лѣтомъ и въ сентябрѣ, отложили свой побѣгъ до будущаго года. Въ декабрѣ и въ январѣ оно повышается до 100 и 117. Такое повышеніе для мѣсяцевъ, когда сахалинскіе морозы достигаютъ своего максимума, кажется страннымъ, но не надо забывать, что въ это время Татарскій проливъ покрывается крѣпкимъ льдомъ, и на немъ устанавливается сообщеніе; въ это же время сильно тоскуетъ по родинѣ партія новичковъ, прибывшая изъ Россіи въ осенній рейсъ, и уже начинаютъ скучать и томиться тѣ, которые отложили побѣгъ до лѣта. Во время сильныхъ морозовъ и метелей, вентиляціи въ тюрьмѣ почти не существуетъ; каторжные сидятъ безвыходно въ камерахъ и безъ всякаго дѣла, „гомозятся“ въ туманѣ отъ испареній и табачнаго дыма, и никогда тюрьма не внушаетъ такого отвращенія и желанія бѣжать, какъ именно въ эти мѣсяцы. Послѣ января опять наступаетъ пониженіе; въ мартѣ и въ апрѣлѣ почти совсѣмъ не бѣгутъ: нѣтъ расчета, весна близко... Но какъ только вскрылось море, и старый бродяга понюхалъ воздухъ и почуялъ тайгу, количество побѣговъ рѣзко повышается до 147. Итакъ, если начертить кривую побѣговъ, то высшія ея точки будутъ относиться къ лѣтнимъ мѣсяцамъ и началу осени, и затѣмъ ко времени, когда бываютъ наиболѣе сильные морозы. Стало быть, благопріятствующими моментами для совершенія побѣговъ служитъ теплая погода, работы внѣ тюрьмы, возможность добыть пищу и море, покрытое льдомъ, когда Сахалинъ перестаетъ быть островомъ. Мартъ и апрѣль самые хорошіе мѣсяцы для надзора; моментами, задерживающими побѣги, являются вскрытіе рѣкъ, невозможность добыть дорогою пищи ни въ тайгѣ, ни у поселенцевъ, которые къ веснѣ уже не имѣютъ хлѣба, и близость теплой погоды. Лѣтнимъ и зимнимъ повышеніямъ благопріятствуютъ также прибытія новыхъ партій въ весенній и осенній рейсы.

Въ 1877 г. бѣжавшіе составляли 14,7% средняго годоваго состава каторжныхъ, въ 1889 же году 8%. Такая разница, чуть-ли не въ половину, объясняется не улучшеніемъ надзора за послѣднія 12 лѣтъ, какъ хотѣлось бы думать, а тѣмъ, что южный Корсаковскій округъ, гдѣ вообще побѣги незначительны, въ 1877 г. не шёлъ въ счетъ, а въ 1889 г. далъ только 1,5%. Изъ Александровской тюрьмы, болѣе богатой средствами надзора, чѣмъ прочія сахалинскія тюрьмы, въ 1889 г. бѣжало 15,33% ея средняго годового состава, т. е. больше, чѣмъ въ 1877 г. Изъ Дуйской и Воеводской тюремъ, гдѣ ходятъ часовые съ ружьями, бѣжало въ 1889 г. 6,4%, а изъ тюремъ Тымовскаго округа 9%. Такія цифры, какъ 15,33%, 9% и 6,4%, слѣдуетъ признать очень большими; онѣ относятся только къ одному отчетному году, но если взять всѣ предыдущіе годы и всю массу каторжныхъ, бѣгавшихъ въ разное время, то отношеніе ихъ къ общему составу выразится не менѣе, какъ въ 60%, то есть, что изъ каждыхъ пяти человѣкъ, которыхъ вы видите въ тюрьмѣ или на улицѣ, навѣрное трое уже бѣгали на своемъ вѣку. Изъ разговоровъ съ каторжными я вынесъ такое впечатлѣніе: почти всѣ бѣгали. Рѣдко кто впродолженіе своей каторжной жизни хотя разъ или два не устраивалъ себѣ каникулъ. Помнится, когда я подходилъ на катерѣ къ пароходу, чтобы ѣхать изъ сѣвернаго Сахалина въ южный, отъ парохода отчаливала баржа, биткомъ набитая бѣглыми, мрачными и хохочущими; у одного изъ нихъ совсѣмъ не было ногъ—отморозилъ. Ихъ возвращали изъ Николаевска. Когда я, глядя на эту кишащую народомъ баржу, вообразилъ тѣхъ, которые еще не пойманы на материкѣ, и тѣхъ, которые гуляютъ по острову, и мысленно сложилъ всѣхъ вмѣстѣ, то у меня получился процентъ, заставившій меня сильно усумниться въ откровенности сахалинскихъ писарей.

Средства и способы, какими пользуется сахалинская каторга для совершенія побѣговъ, въ громадномъ большинствѣ такъ же обыкновенны и просты, какъ самъ каторжный. Карьера бѣглаго и бродяги чаще всего начинается еще въ пароходномъ трюмѣ, или въ амурской баржѣ, гдѣ молодого сманиваетъ бѣжать бывалый; по пути старики, уже бѣгавшіе съ каторги, знакомятъ молодыхъ съ географическимъ положеніемъ острова, съ сахалинскими порядками и съ условіями надзора, и съ тѣми лишеніями и благами, какія сулитъ побѣгъ изъ Сахалина. Еслибы въ русскихъ пересыльныхъ тюрьмахъ и затѣмъ въ пароходныхъ трюмахъ бродягъ держали отдѣльно отъ новичковъ, то послѣдніе, быть можетъ, не торопились бы такъ съ побѣгомъ. Новички убѣгаютъ обыкновенно вскорѣ и даже немедленно по сдачѣ ихъ съ парохода, и эту ихъ поспѣшность можно объяснить только вліяніемъ

бродягъ. Въ 1879 г., въ первые же дни по прибытіи, бѣжало сразу 60 человѣкъ, перебивъ караульныхъ солдатъ.

Для того, чтобы бѣжать, совсѣмъ нѣтъ надобности въ тѣхъ приготовленіяхъ и предосторожностяхъ, какія описаны въ прекрасномъ разсказѣ г. Короленко „Соколинецъ". Побѣги строго запрещены и уже не поощряются начальствомъ, но условія мѣстной тюремной жизни, надзора и каторжныхъ работъ, совершенно независимыя отъ сахалинской администраціи, и самый характеръ мѣстности таковы, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ помѣшать побѣгу или остановить его почти невозможно. Все располагаетъ къ легкому побѣгу и какъ бы говоритъ: бѣги, сдѣлай милость! Если сегодня не удалось уйти изъ тюрьмы черезъ открытыя ворота, то завтра можно будетъ бѣжать изъ тайги, когда выйдутъ на работу 20—30 человѣкъ подъ надзоромъ одного только рядового; кто не бѣжалъ изъ тайги, тотъ подождетъ мѣсяцъ-другой, когда отдадутъ его къ какому нибудь чиновнику въ прислуги, или къ поселенцу въ работники. Вся трудность и хитрость побѣга заключается въ томъ, чтобы выйти изъ тюрьмы за ворота, или во время дорожныхъ работъ отойти въ сторону, какъ бы за дѣломъ, и нырнуть въ кусты. Всякія предосторожности, обманъ начальства, взломы, подкопы и т. п. нужны только тому меньшинству, которое сидитъ въ кандальныхъ, въ карцерахъ и въ Воеводской тюрьмѣ и, пожалуй, для тѣхъ еще, кто работаетъ въ рудникѣ, гдѣ почти по всему побережью отъ Воеводской тюрьмы до Дуэ стоятъ и ходятъ солдаты съ ружьями. Здѣсь начало побѣга сопряжено съ опасностью, но все-таки благопріятные случаи для побѣга представляются почти ежедневно. Прибѣгаютъ къ переодѣваньямъ и всякимъ фокусамъ, часто совершенно не нужнымъ, и искатели приключеній, натуры, въ родѣ Золотой Ручки, которая переодѣвалась въ солдатскій костюмъ и все-таки была задержана.

Продолжительность времени между началомъ побѣга и его обнаруженіемъ не имѣетъ никакого практическаго значенія. Какъ бы рано или поздно ни узнали о побѣгѣ, все равно, погони не посылаютъ. Устраиваютъ облаву и посылаютъ солдатъ на поиски только въ томъ случаѣ, если бѣжитъ важный преступникъ, упорный, неисправимый бродяга, въ родѣ извѣстнаго Паклина или Блохи, и если существуютъ догадки объ его мѣстопребываніи, или направленіи, по которому онъ бѣжалъ. Бродяга, имѣющій основаніе бояться погони, предоставляетъ солдатамъ искать себя по тайгѣ, а самъ сидитъ въ чьей-нибудь избѣ, неподалеку отъ тюрьмы, и выжидаетъ время, когда разговоры о немъ затихнутъ, и его побѣгъ перестанетъ быть злобою дня. Обыкновенный же, не заявив-

шій себя никакими подвигами каторжный уходитъ, не боясь, что на него устроятъ облаву. Побѣгъ его въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль или даже мѣсяцевъ можетъ пройти вовсе незамѣченнымъ. Очень возможно, что въ то время, когда онъ сидитъ съ товарищами въ тайгѣ около костра и ѣстъ похлебку изъ черемши, въ тюрьмѣ пекутъ хлѣбъ на его долю и командируютъ его на работы. Бываютъ же вѣдь противоположные случаи, когда показываются въ бѣгахъ тѣ, которые вовсе не бѣгали, ходятъ на работы и ежедневно получаютъ пищу изъ тюремнаго котла.

Большею частью бѣглые пробираются къ сѣверу, къ узкому мѣсту пролива, что между мысами Погоби и Лазарева, или нѣсколько сѣвернѣе; здѣсь безлюдье, легко укрыться отъ кордона, и можно достать у кочующихъ гиляковъ лодку, или самимъ сдѣлать плотъ и переправиться на ту сторону, а если уже зима, то, чтобы перейти черезъ проливъ, достаточно бываетъ, при хорошей погодѣ, двухъ-трехъ часовъ. Чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ меньше опасности умереть съ голоду на самомъ материкѣ или замерзнуть на немъ, такъ какъ у устья Амура много гиляцкихъ деревушекъ, не далеко городъ Николаевъ, а затѣмъ Маріинскъ, Софійскъ и казацкія станицы, гдѣ на зиму можно наняться въ работники и гдѣ, какъ говорятъ на Сахалинѣ, даже среди чиновниковъ попадаются такіе люди, которые даютъ несчастнымъ пріютъ и укрываютъ ихъ. Случается, что бѣглые, не зная, гдѣ сѣверъ, начинаютъ кружить и попадаютъ обратно въ Тымовскій или Александровскій округъ. Однажды бѣглые украли въ Дуэ компасъ, чтобы съ его помощью отыскать сѣверъ и обойти кордонъ у мыса Погоби, и компасъ привелъ ихъ какъ разъ къ кордону. Мнѣ разсказывали, что въ послѣднее время каторжные, чтобы не идти по охраняемому западному побережью, начинаютъ уже пробовать другой путь, а именно на востокъ къ Ныйскому заливу, оттуда по берегу Охотскаго моря, на сѣверъ, къ мысу Маріи и Елизаветы, и затѣмъ къ югу, чтобы переплыть проливъ противъ мыса Пронге. Разсказывали, что такой путь выбралъ между прочимъ извѣстный Богдановъ, который бѣжалъ не задолго до моего пріѣзда. Но это едва ли вѣроятно. Правда, на всемъ протяженіи р. Тыми есть гиляцкая тропинка, и попадаются юрты, но круговой путь отъ Ныйскаго залива до такой степени длиненъ и труденъ, что почти невозможенъ. Надо вспомнить, сколько лишеній претерпѣлъ Поляковъ, спускась отъ Ныйскаго залива къ югу, чтобы оцѣнить весь рискъ путешествія отъ этого залива къ сѣверу.

О бѣдствіяхъ, съ какими всегда бываетъ сопряжено путешествіе по тайгѣ и тундрѣ, я уже говорилъ, хотя и тутъ опытъ и привычка закаляютъ человѣка и отнимаютъ у него всякую чувстви-

тельность къ сырости и ягоднику. Я замѣтилъ, что гиляки, привыкшіе съ рожденія къ тайгѣ и тундрѣ, ходятъ съ своими семьями и собаками по тайгѣ даже тамъ, гдѣ уже проведены настоящія шоссейныя дороги. Идутъ около самой дороги по болоту, спотыкаясь о валежникъ, а на ровную и сухую дорогу не обращаютъ даже вниманія. Это не страхъ передъ новшествомъ и не упрямство, а просто сила привычки. Бѣглые, особенно рецидивисты, скоро привыкаютъ къ тайгѣ и тундрѣ; ихъ ноги приспособляются къ механическимъ препятствіямъ, и нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что нѣкоторые бѣглые даже спятъ на ходу. Одолѣваютъ же ихъ главнымъ образомъ голодъ и холодъ, къ которымъ нельзя привыкнуть, и незнакомство съ мѣстностью. Мнѣ говорили, что дольше всѣхъ могутъ находиться въ бѣгахъ китайскіе бродяги „хунхузы“, которыхъ присылаютъ на Сахалинъ изъ Приморской области, такъ какъ по цѣлымъ мѣсяцамъ они могутъ питаться одними только кореньями и травами.

Переправа черезъ проливъ чаще всего производится на гиляцкихъ лодкахъ. Лодку вымѣниваютъ на халатъ или ружье, или крадутъ, или отнимаютъ. На сѣверѣ бѣглый держитъ себя съ гиляками развязнѣе, и гиляки тутъ сговорчивѣе; до тюрьмы очень далеко, и потому три рубля, которые гилякъ могъ бы получить за бѣглаго, здѣсь не имѣютъ своей соблазнительной силы. Если нѣтъ лодки, то бѣглые устраиваютъ плотъ.

Бываетъ нерѣдко, что каторжные не предпринимаютъ вовсе путешествія къ сѣверу, а пытаются переплыть проливъ гдѣ-нибудь по близости тюрьмы. Для этого нужны исключительная смѣлость, особенно счастливый случай, а главное—многократный предварительный опытъ, научившій, какъ труденъ, рискованъ и часто безполезенъ путь къ сѣверу черезъ тайгу. Убѣгающіе изъ Воеводской и Дуйской тюремъ, чаще всего извѣстные тяжкіе преступники, пускаются въ море, немедля, въ первый же или во второй день побѣга. Тутъ ужъ никакихъ соображеній насчетъ бурь и опасностей, а одинъ только животный страхъ погони и жажда свободы: хоть утонуть, да на волѣ. Обыкновенно они спускаются верстъ на 5—10 южнѣе Дуэ, къ Агнево, устраиваютъ тутъ плотъ и спѣшатъ уплыть на немъ къ туманному берегу, отдѣленному отъ нихъ 60—70 милями бурнаго холоднаго моря. При мнѣ изъ Воеводской тюрьмы бѣжалъ такимъ образомъ прикованный теперь къ тачкѣ бродяга Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, съ двумя товарищами, но съ берега увидѣли и послали за нимъ въ догонку катеръ. Дня черезъ два—три послѣ этого побѣга, очень смѣлаго, обѣщавшаго свободу или смерть, я видѣлъ, какъ этого Мыльникова привязывали къ кобылѣ и потомъ наказывали плетями.

29-го іюня 1886 года, съ военнаго судна „Тунгусъ“, не доходя 20 миль до Дуэ, замѣтили на поверхности моря черную точку; когда подошли поближе, то увидѣли слѣдующее: на четырехъ связанныхъ бревнахъ, сидя на возвышеніяхъ изъ древесной коры, плыли куда то два человѣка; около нихъ на плоту были ведро съ прѣсной водой, полтора каравая хлѣба, топоръ, около пуда муки, немножко рису, двѣ стеариновыя свѣчи, кусокъ мыла и два кирпича чаю. Когда ихъ взяли на бортъ и спросили, кто они, то оказалось, что это арестанты Дуйской тюрьмы, бѣжавшіе 17 іюня (значитъ, бывшіе въ бѣгахъ 12 дней) и что плывутъ они—„вонъ туда, въ Россію“. Часа черезъ два поднялся сильный штормъ и пароходъ не могъ пристать къ Сахалину. Спрашивается, что случилось бы въ такую погоду съ бѣглыми, если бы ихъ не приняли на судно *)?

Уплываютъ также на баржахъ-шаландахъ, которыя употребляются при нагрузкѣ и выгрузкѣ пароходовъ, и на сѣноплавкахъ, но море всякій разъ безжалостно разбиваетъ эти баржи и выкидываетъ ихъ на берегъ. Былъ одинъ случай, когда каторжные бѣжали на катерѣ, принадлежащемъ горному вѣдомству. Въ іюнѣ 1887 года, на Дуйскомъ рейдѣ нагружался углемъ пароходъ „Тира“. По обыкновенію уголь доставлялся къ борту на баржахъ, которыя водилъ на буксирѣ паровой катеръ. Къ вечеру засвѣжѣлъ вѣтеръ и начался штормъ. При малѣйшемъ волненіи близость сахалинскихъ береговъ становится уже для судовъ крайне опасною, и „Тира“, будучи не въ состояніи держаться на якоряхъ, ушла въ де-Кастри. Баржи вытащили на берегъ около Дуэ, а катеръ ушелъ въ Александровскій постъ и укрылся тамъ въ рѣчкѣ. Ночью, когда погода нѣсколько утихла, катерная прислуга, состоявшая изъ каторжныхъ, предъявила надзирателю подложную телеграмму изъ Дуэ, въ которой было приказаніе катеру немедленно отправиться въ море для спасенія баржъ съ людьми, будто бы оторванныхъ штормомъ отъ берега. Не подозрѣвая обмана, надзиратель выпустилъ катеръ изъ пристани. Но вмѣсто того, чтобы идти на югъ къ Дуэ, катеръ пошелъ на сѣверъ. На немъ было семь мужчинъ и три женщины. Къ утру погода измѣнилась къ худшему. Около мыса Хоэ штормъ залилъ въ катерѣ машину и судьба бѣглецовъ была рѣшена: девять человѣкъ утонули и были выброшены на берегъ, и спасся на доскѣ только одинъ, бывшій на катерѣ рулевымъ. Этотъ единственный спасшійся, по фамиліи Кузнецовъ, служитъ теперь на рудникѣ въ Александровскомъ посту, у инженера. Онъ

*) Объ этомъ случаѣ см. «Владивостокъ» 1886, № 31.

мнѣ подавалъ чай. Это крѣпкій, смуглый, довольно красивый мужчина лѣтъ сорока, повидимому, гордый и дикій; онъ напомнилъ мнѣ Тома Айртона изъ „Дѣтей капитана Гранта“.

Случается, что каторжные убѣгаютъ на тѣхъ же самыхъ судахъ, которыя они грузятъ. Мнѣ разсказывали, что будто какіе то чины горнаго вѣдомства, которыхъ давно уже нѣтъ на Сахалинѣ, просто ради потѣхи помогли бѣжать одному каторжному изъ привилегированныхъ, для чего даже одѣли его въ шинель со свѣтлыми пуговицами. Этотъ каторжный побывалъ въ Россіи, убилъ тамъ извощика и живетъ теперь на Сахалинѣ. Его я видѣлъ, но насколько вѣренъ разсказъ про шинель, я не знаю. Въ 1883 году, на пароходѣ „Тріумфъ“, бѣжалъ каторжный Францъ Кицъ, зарывшись въ угольную яму. Въ кучѣ угля просидѣлъ онъ пять дней. Когда его нашли и вытащили изъ ямы, то онъ на всѣ вопросы отвѣчалъ только одно:—„Дайте воды, я не пилъ пять дней“.

Попавъ, такъ или иначе, на материкъ, бѣглые держатъ путь къ западу, питаясь Христовымъ именемъ, нанимаясь, гдѣ можно, въ работники и воруя все, что плохо лежитъ. Крадутъ они скотъ, овощи, платье и все, что можно съѣсть, продать, или надѣть на себя, и не брезгуютъ даже такими, повидимому, пустяками, какъ маленькія жестяныя доски на сибирскихъ телеграфныхъ столбахъ, на которыхъ обозначены версты; они отрываютъ эти жестянки и дѣлаютъ изъ нихъ котелки. Холодный и малонаселенный Амуръ не пользуется ихъ расположеніемъ, въ Забайкальи трудно ладить съ казаками, но за то Иркутская, Томская и Тобольская губерніи— тутъ рѣки текутъ млекомъ. Въ Пермской губ. ихъ ловятъ, судятъ и отсылаютъ назадъ со страшными статейными списками, но многіе, какъ извѣстно читателямъ по судебнымъ процессамъ, доходятъ и до московскаго Хитрова рынка и даже до родной деревни. Въ селеніи Палевѣ я видѣлъ хлѣбопека Горячаго, простоватаго, откровеннаго и, повидимому, очень добраго человѣка, который, стосковавшись по женѣ и дѣтямъ, бѣгалъ въ Россію; онъ весело разсказывалъ мнѣ, какъ онъ дошелъ до своей деревни, повидался съ женою и дѣтками, видѣлъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и какъ опять былъ посланъ на Сахалинъ, гдѣ кончаетъ уже второй срокъ; послѣ свиданія съ женой и дѣтьми, во время котораго было пролито много слезъ радости, онъ „принялъ“ сорокъ плетей. Въ Дуэ я разговаривалъ съ однимъ отчаяннымъ картежникомъ, у котораго, по его словамъ, при видѣ картъ по рукамъ всякій разъ, бѣгаетъ электричество; изъ Дуэ онъ дошелъ до Одессы, игралъ тамъ въ карты, вытащилъ у полиціймейстера часы, былъ возвращенъ и теперь гуляетъ босикомъ по унылымъ дуйскимъ улицамъ, отбывъ 31 годъ каторги.

Говорятъ, и въ печати между прочимъ высказывалось предположеніе, что бѣглыхъ каторжныхъ принимаютъ на свои суда американскіе китобои и увозятъ ихъ въ Америку [1]). Это, конечно, возможно, но я не слыхалъ ни объ одномъ такомъ случаѣ. Американскіе китобои, промышляющіе въ Охотскомъ морѣ, рѣдко подходятъ къ Сахалину, и еще рѣже случается, чтобы они подходили именно въ то время, когда на пустынномъ восточномъ берегу находятся бѣглые. Каторжные и поселенцы видѣли до сихъ поръ американцевъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда китобойныя парусныя суда терпѣли у сахалинскихъ береговъ крушеніе. По словамъ г. Курбскаго (Голосъ 1875, № 312) въ Indian-Territory, на правой сторонѣ Миссисипи, живутъ цѣлыя партіи вачеро́ изъ сахалинскихъ каторжниковъ. Эти вачеро́, если они существуютъ на самомъ дѣлѣ, пробрались въ Америку не на китобойныхъ судахъ, а вѣроятно—черезъ Японію. Во всякомъ случаѣ побѣги не въ Россію, а за границу, хотя и рѣдко, но бываютъ, и это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еще въ двадцатыхъ годахъ наши каторжные бѣгали изъ Охотскаго солеваренаго завода въ „теплые“, т. е Сандвичевы острова [2]).

А вотъ кстати интересный случай. Въ 1885 г. въ японскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что близъ Саппоро потерпѣли крушеніе девять какихъ-то иностранцевъ. Власти послали въ Саппоро чиновниковъ, чтобы оказать имъ помощь. Иностранцы, какъ умѣли, знаками и словами объяснили посланнымъ, что они германцы, что шкуна ихъ потерпѣла крушеніе, и спаслись они на маленькой лодкѣ. Затѣмъ ихъ перевели изъ Саппоро въ Хокодате. Здѣсь съ ними заговаривали по англійски и по русски, но ни того, ни другого языка они не понимали и отвѣчали только „жерманъ, жерманъ“. Кое-какъ узнали, кто изъ нихъ капитанъ судна, и когда этому капитану предложили атласъ и попросили его указать мѣсто крушенія, то онъ долго перелистывалъ его и не нашелъ Саппоро. Отвѣты вообще были не ясны. Тогда въ Хокодате стоялъ нашъ клиперъ „Крейсеръ“. Генералъ-губернаторъ обратился къ командиру съ просьбой—дать переводчика нѣмецкаго языка. Командиръ послалъ одного изъ офицеровъ. Тотъ съѣздилъ на берегъ и, вернувшись, доложилъ командиру, что въ числѣ иностранцевъ есть нѣмцы и поляки изъ Познани. Командиръ усумнился въ этомъ и послалъ старшаго офицера. Подозрѣвая, что это сахалинскіе каторжные, которые дѣлали недавно нападеніе на Крильонскій маякъ и бѣжали, старшій офи-

[1]) «Американскіе китобои принимали бѣглыхъ изъ Ботанибея», говоритъ г. Нерчинскій Старожилъ,—«будутъ принимать бѣглыхъ и на Сахалинѣ». Москов. Вѣд. 1875, № 67.

[2]) Э..... въ, «Ссыльно каторжные въ Охотскѣ». Русская Старина, томъ XXII.

церъ пустился на хитрости; онъ выстроилъ ихъ въ шеренгу и и скомандовалъ по русски:—„налѣво кругомъ маршъ“! Одинъ изъ иностранцевъ не выдержалъ своей роли и по привычкѣ видѣть передъ собою начальство, немедленно исполнилъ команду. И тотчасъ, конечно, обнаружилось, къ какой націи принадлежали эти хитроумные Одиссеи [1]).

Страхъ передъ бѣгло-каторжными и непомѣрно тяжелое наказаніе, налагаемое за побѣги, находятъ себѣ объясненіе въ тѣхъ чрезвычайныхъ безпорядкахъ, какіе вносятъ бѣглые въ общественную жизнь. О томъ, что каторжные, убѣгая, какъ-бы смѣются надъ правосудіемъ и расшатываютъ тюремную дисциплину, мы говорить не будемъ; когда каторжный, голодный и больной, плетется по тайгѣ и потомъ, когда его ловятъ и судятъ, онъ меньше всего думаетъ о правосудіи и дисциплинѣ. Главная опасность, какую представляютъ для общества побѣги, заключается въ томъ, во-первыхъ, что они развиваютъ и поддерживаютъ бродяжество и, во-вторыхъ, ставятъ самого бѣгло-каторжнаго въ такое нелегальное положеніе, въ которомъ онъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ не совершать новыхъ преступленій. Наибольшій контингентъ рецидивистовъ составляютъ бѣглые. Самыя страшныя и дерзкія преступленія на Сахалинѣ до сихъ поръ были совершаемы бѣглыми. Ничья прихоть и ничье безумство не причиняли поселенскому хозяйству такъ много вреда, какъ озорничество бѣглыхъ. Когда изъ воеводской тюрьмы или кандальной бѣжитъ какая нибудь каторжная знаменитость, то молва объ этомъ наводитъ страхъ не только на сахалинское населеніе, но даже на материкъ. Разсказываютъ, что когда однажды бѣжалъ Блоха, то слухъ объ этомъ навелъ на жителей г. Николаевска такой страхъ, что Николаевскій исправникъ вынужденъ былъ справиться по телеграфу: правда-ли, что бѣжалъ Блоха? [2]).

Борьба съ побѣгами распадается на предупрежденіе ихъ и на борьбу съ ними послѣ того, какъ они уже совершены. Въ настоящее время для предупрежденія побѣговъ употребляются мѣры

---

[1]) См. объ этомъ «Владивостокъ» 1885, №№ 33 и 38.

[2]) Этотъ Блоха знаменитъ своими побѣгами и тѣмъ, что перерѣзалъ много [illegible] семействъ. Въ послѣднее время онъ содержался въ кандальной въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Когда Генералъ-губернаторъ обходилъ съ Начальникомъ острова кандальныя, то послѣдній приказалъ снять съ Блохи ручныя кандалы и при этомъ взялъ съ него честное слово, что онъ ужъ больше не будетъ бѣгать. Интересно, что этотъ Блоха слыветъ за *честнаго*. Когда его наказываютъ розгами или плетьми, то онъ [illegible] проситъ пощады, а наоборотъ поощряетъ экзекуцію.—«За дѣло меня, ваше высокоблагородіе», кричитъ онъ, «за дѣло! Такъ мнѣ и надо!» Очень возможно, что онъ сдержитъ свое слово. Каторжнымъ нравится репутація честнаго.

двоякаго рода: репрессивныя мѣры, направленныя главнымъ образомъ на физическую сторону преступника, и мѣры, по своему характеру, совершенно противуположныя первымъ. Опытъ показалъ, что репрессивныя мѣры, начиная съ десяти тысячъ верстъ, отдѣляющихъ каторжника отъ его родины, и кончая кандалами, которыя мѣшаютъ ему двигаться, значительно понижаютъ количество побѣговъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ Сахалина, окруженнаго водою и покрытаго неудобопроходимой тайгой, бѣгаютъ рѣже, чѣмъ изъ Карійской или Нерчинской каторги, и изъ запертыхъ на замокъ кандальныхъ или изъ Воеводской тюрьмы, около которой всегда ходятъ часовые, бѣгаютъ вдвое меньше, чѣмъ изъ Александровской тюрьмы, гдѣ ворота открыты настежъ. Эти мѣры уменьшаютъ число побѣговъ, но только до извѣстнаго предѣла, и репрессія, доведенная до своего идеальнаго совершенства, все-таки не исключала бы возможности побѣговъ. Есть какой то предѣлъ, дальше котораго репрессивныя мѣры уже перестаютъ быть дѣйствительными. Какъ извѣстно, каторжный продолжаетъ бѣжать даже въ то время, когда въ него прицѣливается часовой; его не удерживаетъ отъ побѣга также ни штормъ, ни увѣренность, что онъ утонетъ. И есть предѣлъ, перейдя который, репрессивныя мѣры уже сами становятся причиною побѣговъ. Такъ, напримѣръ, устрашающее наказаніе за побѣги, состоящее изъ прибавки нѣсколькихъ лѣтъ каторги къ старому сроку, увеличиваетъ число безсрочныхъ и долгосрочныхъ, и тѣмъ самымъ увеличиваетъ и число побѣговъ.

Репрессивныя мѣры несправедливы, такъ какъ неизбѣжно усиливаютъ наказаніе и ложатся гнетомъ на населеніе, не повинное въ бѣгахъ. Онѣ также сильно расходятся съ идеалами нашего законодательства, которое въ наказаніи видитъ прежде всего средство къ исправленію; когда вся энергія и изобрѣтательность тюремщика изо дня въ день уходитъ только на то, чтобы поставить арестанта въ такія сложныя физическія условія, которыя сдѣлали бы невозможнымъ побѣгъ, то тутъ ужъ не до исправленія, и можетъ быть разговоръ только о превращеніи арестанта въ звѣря, а тюрьмы въ звѣринецъ. Репрессивныя мѣры не имѣютъ будущности уже и потому, что онѣ крайне непрактичны: заключеніе въ крѣпко устроенной тюрьмѣ, кандалы, всякаго рода карцеры, темныя и тачки дѣлаютъ почти невозможными работу, обращеніе съ инструментами и передвиженіе, а каторжныя работы, во всѣхъ ихъ видахъ, въ свою очередь, исключаютъ тюрьму и все, что такъ или иначе затрудняетъ движеніе.

Всякое улучшеніе въ жизни арестанта, будетъ ли то лишній кусокъ хлѣба или надежда на лучшее будущее, тоже значительно

понижаетъ количество побѣговъ. Приведу примѣръ: въ 1885 г. бѣжало 25 поселенцевъ, а въ 1887 г., послѣ урожая 1886 г., только 7. Поселенцы бѣгаютъ гораздо рѣже, чѣмъ каторжные, а крестьяне изъ ссыльныхъ почти совсѣмъ не бѣгаютъ. Самый меньшій процентъ побѣговъ даетъ Корсаковская тюрьма, и это не потому только, что Южный Сахалинъ болѣе удаленъ отъ материка, чѣмъ Сѣверный; здѣсь удерживаютъ отъ побѣговъ такія причины, какъ преобладаніе среди арестантовъ краткосрочныхъ, хорошіе урожаи, сравнительная мягкость климата, отсутствіе тѣхъ тяжкихъ условій, какими на Сѣверномъ Сахалинѣ обставлено полученіе крестьянскихъ правъ, и увѣренность, что по отбытіи каторги арестанту не понадобится ради куска хлѣба идти опять въ рудникъ. Чѣмъ легче живется арестанту, тѣмъ меньше опасности, что онъ убѣжитъ. На этомъ соображеніи основаны мѣры другого рода, противоположныя репрессивнымъ. Сюда относятся: улучшеніе тюремныхъ порядковъ, постройка церквей, обезпеченіе семействъ ссыльныхъ, школы для дѣтей, заработки для поселенцевъ, учрежденіе больницъ и. т. п. Но всѣ эти мѣры также предѣльны; онѣ только понижаютъ количество побѣговъ, но не исключаютъ ихъ возможности. Часто случается, что рядомъ съ нищими и бродягами убѣгаютъ люди семейные, обезпеченные, умственно-развитые и освобожденные отъ тяжелыхъ работъ. Очевидно, слѣдуетъ признать, что такихъ предупредительныхъ мѣръ, которыя, даже въ ихъ предполагаемомъ идеальномъ состояніи, сводили бы количество побѣговъ до нуля, у насъ нѣтъ и не предвидится, и что такимъ образомъ до настоящаго времени побѣги были неизбѣжнымъ и непредотвратимымъ зломъ. Всѣ предупредительныя мѣры оказывались до сихъ поръ не состоятельными не потому, что онѣ дурны, а потому что онѣ были направляемы всякій разъ противъ частныхъ причинъ побѣговъ, оставляя совершенно въ сторонѣ общія причины. Конечно, бороться съ любовью къ родинѣ и свободѣ было бы странно; пытаться такъ или иначе побороть въ каторжномъ эту любовь значило бы пытаться окончательно испортить арестанта и не уважать въ немъ того, что мы такъ любимъ и уважаемъ въ самихъ себѣ. Но борьба съ другою общею причиною—съ пожизненностью—могла бы дать самые блестящіе результаты. Еслибы, положимъ, объявили, что всякій каторжный, при отличномъ поведеніи и трудолюбіи, черезъ 25—30 лѣтъ получитъ свободу и утраченныя по суду права, и увидитъ опять родину, то побѣги потеряли бы свое теперешнее значеніе — общественнаго зла, а бродяжество изчезло бы совершенно. Въ этомъ нѣтъ преувеличенія. Но бороться съ пожизненностью значило бы посягать на ссыльную систему, на существованіе самого Сахалина.

Когда побѣгъ уже совершенъ, то стараются поймать бѣглаго. Главная забота поимщиковъ на Сахалинѣ состоитъ въ томъ, чтобы не позволить бѣглому переправиться на материкъ. Въ этомъ отношеніи самую серьезную помощь оказываетъ западная береговая линія, составляющая тотъ Рубиконъ, который не миновать всякому, желающему перебраться на ту сторону. Но эта линія слишкомъ длинна; протяженіе ея отъ мыса Крильонъ до мыса Елизаветы равняется тысячѣ верстъ съ лишнимъ. Она не ровна и изобилуетъ безчисленными мысами и выступами въ море, такъ что можно въ полуверстѣ отъ пикета не только спрятаться, но даже разложить костеръ, безъ риска быть замѣченнымъ. Чтобы охранять ее, какъ слѣдуетъ, нужны нѣсколько тысячъ солдатъ, береговыя поселенія и хорошая полиція, которая предупреждала бы пристанодержательство въ поселеніяхъ. Въ настоящее время, кое-какъ, за недостаткомъ средствъ и людей, охраняется только небольшая часть этой линіи, отъ Дуэ до мыса Погоби, именно та часть, которая наиболѣе нуждается въ охранѣ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ на нѣкоторыхъ мысахъ побережья были организованы пикеты изъ 4—5 солдатъ въ каждомъ. Пикетовъ этихъ было много, но ихъ безполезность и несообразность сказались съ самаго начала. Обыкновенно происходило такъ, что пойманныхъ конвоировали 3—4 солдата, а въ пикетѣ оставались только одинъ или два; приходили бѣглые и отбирали у нихъ ружья, шинели, хлѣбъ. Когда бѣглые приходили къ берегу большими партіями, то каторжные и солдаты мѣнялись ролями: первые преслѣдовали, а вторые убѣгали. Осенью 1879 года, пикетъ, стоявшій на мысѣ Погоби, былъ разгромленъ бѣглыми, и остались въ живыхъ только тѣ солдаты, которымъ удалось убѣжать. Не былъ возможенъ никакой контроль надъ пикетами, солдаты дѣлали, что хотѣли, и даже были слухи, что бѣглые иногда откупались отъ нихъ.

Въ 1882 г. рѣшено было заселить самые большіе мысы между Дуэ и Погоби благонадежными, преимущественно семейными поселенцами. Проектъ этотъ уже приведенъ въ исполненіе, и на Сахалинѣ теперь существуетъ семь береговыхъ поселеній. Въ этихъ поселеніяхъ, во всѣхъ вмѣстѣ, если не считать Арковскаго кордона, не наберется и ста жителей. Живутъ въ нихъ поселенцы, семейные каторжные, административные ссыльные, а съ ними и солдаты, которые составляютъ изъ себя кордоны, замѣняющіе прежніе пикеты. Кордоны разставляютъ по берегу секретныхъ часовыхъ.

Дорогъ къ береговымъ поселеніямъ еще нѣтъ, и не скоро онѣ будутъ, сообщеніе возможно только пѣшкомъ по берегу, во время отлива, а зимою на собакахъ; а потому какъ поимка бѣглыхъ,

такъ и доставка ихъ въ постъ обставлены страшными трудностями. Утомленіе и изнуреніе солдатъ при поимкѣ и доставкѣ достигаютъ крайнихъ предѣловъ. Одежда и обувь ихъ отъ постоянныхъ шныряній по кустамъ и отъ спанья, гдѣ попало, скоро обращаются въ лохмотья. Бывали случаи, когда оборванныхъ солдатъ принимали за бѣглыхъ и стрѣляли по нимъ. Бѣглый видитъ въ своемъ поимщикѣ и конвоирѣ врага и помѣху, солдатъ же страшно озлобленъ противъ бѣглаго, превращающаго его службу въ каторгу. Предоставляю читателю судить, что отъ этого происходитъ. Убійство рядового Бѣлова каторжнымъ Клименко не единичный случай. Когда я пріѣхалъ на Сахалинъ, то засталъ еще свѣжіе разговоры о недавнемъ убійствѣ рядового Хромятыхъ.

Съ самаго учрежденія каторги на Сахалинѣ гилякамъ приходилось много терпѣть отъ бѣглыхъ, такъ что они изъ чувства самозащиты вынуждены были убивать ихъ, или ловить при случаѣ и доставлять въ тюрьму. Это подало администраціи несчастную мысль привлечь инородцевъ къ болѣе широкому участію въ поимкѣ бѣглыхъ. Говорятъ, что въ 1883 г. прибрежнымъ гилякамъ было роздано оружіе и было объявлено денежное вознагражденіе за живого и мертваго. Такое санкціонированіе охоты на людей, пагубное для гиляковъ и не достойное даже самой плохой администраціи, продолжалось, говорятъ, только до 1884 г., когда раздача оружія была прекращена. Гиляки обыкновенно выслѣживаютъ бѣглаго, какъ звѣря, и идутъ на него не въ одиночку, а всегда толпой. Его они окружаютъ на почтительномъ разстояніи и кричатъ ему, чтобы онъ раздѣлся: къ голому не опасно подойти близко; потомъ его связываютъ и ведутъ въ тюрьму. Поселенцы называютъ каторжныхъ „братьями“, но въ послѣднее время и они стали заниматься ловлей бѣглыхъ. Въ 1889 г. поселенецъ Гончаровъ задержалъ пятерыхъ бѣглыхъ кавказцевъ. Начальникъ Острова, усматривая въ этомъ „весьма рѣдкій случай содѣйствія тюремной администраціи въ поимкѣ бѣглыхъ со стороны поселенцевъ“, въ своемъ приказѣ отъ 5 сентября 1889 г., приказалъ выдать Гончарову 10 рублей, въ поощреніе и для примѣра другимъ. Крестьянинъ изъ ссыльныхъ, Василій Смирновъ, проживающій въ селеніи Владиміровкѣ, разсказывалъ мнѣ, что, охотясь въ тайгѣ на соболей, онъ кстати охотится и на бѣглыхъ. Увидѣвъ бродягъ, онъ взводитъ курки, прицѣливается и кричитъ имъ, чтобы они раздѣлись и связали другъ-друга.

За каждаго пойманнаго и доставленнаго въ тюрьму бѣглаго, какъ я уже говорилъ, рядовые, гиляки и всѣ вообще занимающіеся ловлею получаютъ отъ казны три рубля. Нѣтъ сомнѣнія, что денежное вознагражденіе, соблазнительное для голоднаго че-

ловѣка, помогаетъ дѣлу и увеличиваетъ число „пойманныхъ, найденныхъ мертвыми и убитыхъ“, но помощь эта, конечно, совсѣмъ не окупаетъ того вреда, какой неминуемо должны причинять населенію острова дурные инстинкты, возбуждаемые въ немъ этими трехрублевками. Кто вынужденъ, какъ солдатъ или ограбленный поселенецъ, ловить бѣглыхъ, тотъ поймаетъ и безъ трехъ рублей, а кто ловитъ не изъ сознанія необходимости и не по долгу службы, а изъ личной корысти, для того ловля составляетъ гнусный промыселъ, и эти три рубля являются поблажкою самаго низменнаго свойства.

По имѣющимся у меня даннымъ, изъ 1501 бѣжавшихъ поймано и добровольно вернулось 1010 каторжныхъ; найдено мертвыми и убито при преслѣдованіи 40; безъ вѣсти пропало 451 человѣкъ. Стало быть, изъ всего количества бѣгающихъ Сахалинъ теряетъ одну треть, несмотря на свое островное положеніе. Въ „Вѣдомостяхъ о движеніи списочнаго состава ссыльно-каторжныхъ“, откуда я бралъ цифры, добровольно вернувшіеся и пойманные показаны въ одномъ числѣ, и потому трудно судить, какое число относится на долю поимщиковъ; найденные мертвыми и убитые при преслѣдованіи также не показаны отдѣльно, и потому неизвѣстно, какой процентъ бѣглыхъ погибаетъ отъ солдатскихъ пуль.

По степени наказуемости наше законодательство различаетъ побѣгъ и отлучку, побѣгъ въ Сибири и внѣ Сибири, а также побѣги первый, второй, третій, четвертый и послѣдующіе. Для каторжнаго признается отлучкою, а не побѣгомъ, если онъ бываетъ пойманъ ранѣе трехъ дней, или же добровольно возвращается ранѣе семи дней со времени начала побѣга. Для поселенца эти сроки увеличены въ первомъ случаѣ до семи и во второмъ до четырнадцати дней. Побѣгъ внѣ Сибири считается болѣе важнымъ преступленіемъ и карается строже, чѣмъ побѣгъ въ Сибири; бѣглый одинаково вреденъ какъ для Россіи, такъ и для Сибири, послѣдняя даже больше страдаетъ отъ бѣглыхъ, но такое различіе очевидно построено на соображеніи, что для побѣга въ Россію требуется отъ преступника гораздо большаго напряженія злой воли, чѣмъ для побѣга въ Сибири. Самое слабое наказаніе, какое полагается каторжному за побѣгъ, это—сорокъ плетей и продолженіе срока каторжныхъ работъ на четыре года, а самое сильное—сто плетей, безсрочная каторга, прикованіе къ телѣжкѣ на три года и содержаніе въ разрядѣ испытуемыхъ двадцать лѣтъ *).

Антонъ Чеховъ.

*) См. ст. 445 и 446 Устава о ссыльныхъ, изд. 1890 г.

ПРОЛОГЪ

къ «Горе отъ ума» *А. С. Грибоѣдова.*

Отъ Редакціи: Рукопись этой, непзвѣстной до сихъ поръ, сцены—была доставлена въ редакцію Сборника Н. М. Городецкимъ, при слѣдующемъ письмѣ: „Въ періодъ моего студенчества, въ началѣ 60-хъ годовъ, я познакомился съ семействомъ гг. Каневскихъ, въ библіотекѣ которыхъ, въ числѣ нѣсколькихъ старыхъ книгъ, мнѣ удалось увидать довольно старый рукописный экземпляръ „Горе отъ ума" съ *прологомъ*, никогда не появлявшимся въ печати. При случайной, черезъ 25 лѣтъ, встрѣчѣ съ г-жой К. я вспомнилъ объ имѣвшемся у нея спискѣ „Горе отъ ума", но, къ сожалѣнію, услыхалъ, что она совершенно не помнитъ, куда дѣвалась помянутая рукопись. Разсказавъ, между прочимъ, о своей неудачѣ бывшей въ дружескихъ съ г-жой К. отношеніяхъ, моей близкой родственницѣ, А. М. Разумовой, я услыхалъ отъ нея, что одинъ листокъ рукописи, именно тотъ, на которомъ написанъ былъ „прологъ", сохранился у нея, вложеннымъ въ печатный экземпляръ Грибоѣдовской комедіи. Р. не могла припомнить, какъ къ ней въ библіотеку попалъ только одинъ этотъ листокъ и не могла дать никакихъ указаній, у кого могла быть вся рукопись. Она передала въ мое распоряженіе сохранившійся у нея, пожелтѣвшій отъ времени листокъ, который я, въ свою очередь, передаю для Сборника въ пользу голодающихъ. Къ моему сожалѣнію, не смотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удалось узнать—когда, кѣмъ и съ какого экземпляра былъ переписанъ списокъ, имѣвшійся у К., и я не могъ найти неоспоримыхъ доказательствъ того, что помѣщенный въ рукописи „прологъ" принадлежитъ перу творца „Горе отъ ума". Одно, что придаетъ вѣроятность этому, заключается въ томъ, что судя по бумагѣ и черниламъ рукописи (уже въ началѣ 60-хъ годовъ бывшей довольно старой), можно не безъ серьезнаго основанія предположить, что спи-

сокъ былъ переписанъ еще при жизни поэта, когда едва ли могло кому-либо придти въ голову совершать поддѣлку. Самый характеръ стиховъ „пролога“, мѣстами неотдѣланныхъ, скорѣе даетъ поводъ предположить, что „прологъ“ былъ дѣйствительно написанъ Грибоѣдовымъ и потомъ отвергнутъ поэтомъ, какъ мало дополняющій содержаніе комедіи“.

Къ этимъ словамъ Н. М. Городецкаго едва ли что можно прибавить. Въ пользу подлинности „Пролога“ говоритъ еще то обстоятельство, что Грибоѣдовъ, какъ извѣстно, нѣсколько разъ передѣлывалъ свою комедію, и что подлиннаго текста ея, руки самого Грибоѣдова, пока неизвѣстно. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что первый набросокъ своей комедіи Грибоѣдовъ сдѣлалъ еще въ 1811—12 гг., когда ему было 16—17 лѣтъ. Затѣмъ извѣстно, что нѣсколько сценъ были написаны имъ въ 1816 году, когда онъ читалъ ихъ своему пріятелю, С. Н Бѣгичеву. Сцены эти остаются неизвѣстными; по словамъ Бѣгичева, въ нихъ была, между прочимъ, обрисована жена Фамусова, сентиментальная модница и аристократка. Что „Горе отъ ума“ долго не выходило изъ стадіи отдѣльныхъ набросковъ и сценъ, видно и изъ свидѣтельства князя Д. О. Бебутова, который, разсказывая о своей встрѣчѣ съ Грибоѣдовымъ, по дорогѣ изъ Моздока въ Тифлисъ, въ ноябрѣ 1819-го года, говоритъ, между прочимъ, что А. С. читалъ ему „много своихъ стиховъ, въ томъ числѣ и изъ комедіи „Горе отъ ума“, которая была еще только набросана“. По словамъ Булгарина, „Горе отъ ума“ была начата Грибоѣдовымъ въ 1821 году, въ Персіи, и окончена въ 1822 году, въ Тифлисѣ, но относительно начала мы только что видѣли, что оно должно быть отнесено къ болѣе раннему времени, а относительно окончанія—А. Н. Веселовскій выразилъ мнѣніе, что въ Тифлисѣ были написаны лишь два первыхъ дѣйствія комедіи, да и тѣ, повидимому, были передѣланы потомъ въ Москвѣ, весною 1825-го года; остальные же два акта были написаны лѣтомъ того-же года, когда Грибоѣдовъ жилъ въ имѣніи Бѣгичева, въ селѣ Дмитріевскомъ. Лѣтомъ 1824-го года комедія была совершенно закончена, и авторъ читалъ ее у многихъ знакомыхъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что было нѣсколько редакцій “Горе отъ ума“, что̀ подтверждается и сохранившимися рукописями. Въ лучшемъ новѣйшемъ изданіи сочиненій Грибоѣдова, подъ ред. Шляпкина, помѣщены два текста комедіи—позднѣйшій и первоначальный, причемъ послѣдній отличается многими лишними строками, впослѣдствіи сокращенными или измѣненными авторомъ. Очень возможно, что въ еще болѣе ранней редакціи комедіи предшествовалъ „Прологъ“, оставшійся недоконченнымъ и впослѣдствіи отброшенный, отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе его излишности, а отчасти и неудобства въ сценическомъ отношеніи. За-

мѣтимъ здѣсь кстати, что Грибоѣдовъ написалъ еще „Прологъ Фауста“ (вольный переводъ „Введенія къ Фаусту“ Гёте) и имѣлъ въ виду написать прологъ „Юность вѣщаго“, отъ котораго сохранился только набросокъ. — Листокъ (малаго почтоваго формата) на которомъ написанъ «Прологъ» къ „Горе отъ ума“, весь пожелтѣлъ отъ времени, также какъ и чернила, и выказываетъ многія пятна. Мы печатаемъ эту сцену съ сохраненіемъ орѳографіи рукописи.

ПРОЛОГЪ.

Чацкій и **Лиза**.

Чацкій.

Я ѣду, и сейчасъ: заѣхалъ я проститься...

Лиза.

Какъ такъ? Вы ѣдите? Надолго-ли? Куда?

Чацкій.

Подальше изъ Москвы; быть можетъ, навсегда

Лиза.

Раздумали жениться?

Чацкій.

На комъ!

Лиза.

На нашей барышнѣ-съ?!. она...

Чацкій.

Какая ты плутовка!
Пусть скажетъ мнѣ сама,
Что милъ я ей, желаетъ, чувствуетъ, готова
Составить счастіе мое...

Лиза.

Сказать-то ей неловко
Самой такое слово!..

Чацкій

Вѣдь для невѣсты нѣтъ отрады никакой,
Когда ведутъ ее немилою рукой
Къ вѣнцу. . . . . Къ тому-же—
Въ какомъ есть надобность ей мужѣ?

Лиза.

О комъ-же барышня твердитъ, какъ не о Васъ!

Чацкій.

Какъ? Обо мнѣ?!. Я думаю, что каждый часъ
Она толкуетъ о знакомыхъ,
О суженныхъ и о влюбленныхъ,
Объ острыхъ по уму, о милыхъ на паркетѣ,
О фракѣ щегольскомъ, о форменномъ колетѣ.

Лиза (*прерывая*).

Помилуйте: Она Васъ любитъ, обожаетъ:
Весь вѣкъ желаетъ съ Вами проводить.

Чацкій.

Такъ что-жъ она молчитъ о томъ, скрываетъ?
Вѣдь я не чуждый ей,—
И не злодѣй;...
Родные наши всѣ другъ-друга не чуждались,—
Быть можетъ, упрекнуть за то, что мы разстались,
Среди взаимныхъ чувствъ борьбы,
Не сочетавъ счастливѣйшей судьбы. .
. . . . . .
Дней на пятокъ
Я остаюсь въ Москвѣ... Здѣсь буду въ четвертокъ
На будущей недѣлѣ,—
И всѣ слова ея повѣрю я на дѣлѣ...
О, сердце жалкое; о, какъ оно страдаетъ!
(*уходитъ*).

Лиза.

Да, да: ужъ барышня комедію сыграетъ...
И съ вашимъ сердцемъ и съ умомъ:
Они, давно уже, вдвоемъ!!!

Отзывъ П. А. Катенина о „Борисѣ Годуновѣ“—Пушкина.

Печатаемое ниже письмо нашего извѣстнаго писателя и критика, ревностнаго приверженца „классическаго“ направленія въ литературѣ, П. А. Катенина къ неизвѣстному лицу, относится къ тому времени, когда онъ, молодой еще человѣкъ, привыкшій къ шумной, блестящей столичной жизни, постоянно вращавшійся въ театральномъ и литературномъ мірѣ, внезапно былъ высланъ въ глухую деревушку Костромской губерніи. Ближайшимъ поводомъ къ этой ссылкѣ было, по словамъ П. А. Каратыгина, то обстоятельство, что Катенинъ осмѣлился шикать въ театрѣ [1]) артисткѣ К. С. Семеновой, находившейся тогда подъ покровительствомъ петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, но это былъ, по мнѣнію того-же Каратыгина, лишь удобный предлогъ, а настоящая причина заключалась въ томъ, что Катенина подозрѣвали въ принадлежности къ тайному политическому обществу [2]). Какъ бы ни было, но Катенинъ почти 10 лѣтъ прожилъ безвыѣздно въ своемъ имѣніи „въ лѣсу, въ дичи, въ глуши, въ одиночествѣ, въ скукѣ“ и, конечно, это отразилось на его характерѣ, на его настроеніи духа, ибо одною приверженностью къ „классикамъ“ нельзя объяснить тѣхъ рѣзкихъ отзывовъ о Дельвигѣ и о Пушкинѣ, которые встрѣчаются въ письмѣ. Насколько мнѣ извѣстно, отзывъ Катенина о Борисѣ Годуновѣ не былъ еще нигдѣ напечатанъ, хотя представляетъ несомнѣнный историко-литературный интересъ. Печатается онъ здѣсь вполнѣ, съ сохраненіемъ правописанія автора и его пунктуаціи. Что-же касается объяснительныхъ примѣчаній, то я ограничился лишь однимъ необходимымъ.

Алексѣй Станкевичъ.

---

[1]) На представленіи 7 ноября 1822 г. *Примѣчаніе редакціи.*

[2]) Подробную біографію Катенина и оцѣнку его, какъ литературнаго дѣятеля, читатель найдетъ въ статьѣ г. Е. Пѣтухова: «Павелъ Александровичъ Катенинъ». Историческій Вѣстникъ за 1888 г., сентябрь, стр. 553—575.

„Ты требуешь обстоятельнаго отзыва о *Годуновѣ:* не смѣю ослушаться. Самое лучшее въ немъ слогъ; погрѣшности, небрежности, обмолвки водятся тамъ и сямъ, но ихъ стоило-бы только пріятелю (кабы у Пушкина былъ толковый) карандашемъ замѣтить, а ему въ одно утро выправить. Къ слову, твоего карандаша я не нашелъ нигдѣ, и не вижу заимствованія изъ *Андромахи* [1]), а съ Убійцей [2]) сходно положеніе Борисово, но вотъ и все,—не хочу клепать. Во многихъ подробностяхъ есть умъ безъ сомнѣнья, но цѣлое не обнято; я ужъ не говорю въ драматическомъ смыслѣ. оно не драма отнюдь, а кусокъ исторіи, разбитый на мелкіе куски въ разговорахъ; и въ этомъ отношеніи слишкомъ многаго недостаетъ. Слѣдовало сначала Бориса показать во всемъ величіи; его избранье, клятва въ церкви сорочкой дѣлиться съ народомъ, общій восторгъ, бѣгство татаръ, убоявшихся одного вида русской рати, богатые запасы—и ничто не тронуто; напротивъ, первое появленье Царя сухо, а второе шесть лѣтъ спустя уже тоскливое: въ лѣтописяхъ болѣе поэзіи. Патріархъ разсказываетъ чудо, сотворенное новымъ угодникомъ Углицкимъ, и курсивомъ напечатано: Годуновъ нѣсколько разъ утирается платкомъ: нѣмецкая глупость, мы должны видѣть смуту государя-преступника изъ его словъ, или изъ словъ свидѣтелей, коли самъ онъ молчитъ, а не изъ пантомимы въ скобкахъ печатной книги. Наставленья умирающаго сыну длинны и lieux communs [3]); важнѣйшее дѣло: препорученье молодаго наслѣдника усердію духовенства, бояръ, воеводъ etc., взятіе съ нихъ обѣщанія клятвеннаго; а это-то и скомкано. Женскій крикъ, когда рѣжутъ,—мерзость, зачѣмъ ему быть слышнымъ? Въ тишинѣ совершенное злодѣйство еще страшнѣе и не гадко. Самозванецъ не имѣетъ рѣшительной физіономіи; опять лучшая, по исторіи, сцена, гдѣ онъ, больной, на духу солгалъ и выдалъ себя за Димитрія, пропущена; пособія, полученныя въ Польшѣ, не показаны, все темно, все недостаточно; признанье Маринѣ въ саду—глупость безъ обиняковъ. Если Пушкинъ полагалъ, что нельзя было ей не знать всей правды, ни Отрепьеву ее обмануть (что и вѣроятно), сцену

---

[1]) Андромаха, трагедія Катенина. Въ первый разъ представлена въ Петербургѣ 3 февраля 1827 г. и въ томъ-же году издана особою книгою. Посвящая ее П. П. Скуратову, авторъ говоритъ, что онъ работалъ надъ своею трагедіею, съ большими перерывами, съ 1809 по 1818 г. По окончаніи же онъ лишь еще чрезъ 8 лѣтъ рѣшился опубликовать ее.

[2]) Убійца, баллада Катенина. Основная мысль ея та, что рано иль поздно преступленіе обнаружится, и преступникъ понесетъ заслуженное наказаніе. Мнѣ кажется, это произведеніе Катенина должно считать такимъ-же переложеніемъ на русскіе нравы баллады Шамиссо «Die Sonne bringt es an den Tag» какъ и «Ольгу» Бюргеровской «Lenore», а не оригинальнымъ произведеніемъ.

[3]) Общія мѣста.

должно было вести совсѣмъ иначе, хитрѣе: Маринѣ вывѣдывать, Самозванцу таиться; наконецъ, она бы умомъ своимъ вынудила его личину сбросить, но, какъ властолюбивая женщина, дала слово молчать, буде онъ обѣщаетъ всѣмъ, что есть святаго, на ней жениться, сдѣлавшись Царемъ: и къ исторіи ближе и къ натурѣ человѣческой, а какъ оно у Пушкина, ни на что не похоже. Курбскаго хотѣлъ онъ выставить юнымъ героемъ съ чистой душой; но хорошо-ли такъ радостно восклицать: отчизна: я твой etc., входя въ нее съ войной, готовясь мечомъ и огнемъ ее опустошить? Дѣло слезамъ подобное и тутъ Самозванецъ лучше чувствуетъ: этого терпѣть нельзя. Важная измѣна Басманова не приготовлена, не изложена, похожа какъ-бы на женскую причуду. Словомъ, все недостаточно, многаго нѣтъ, а что и есть, такъ esquissé [1]), что надобно напередъ исторію прочесть, а кто давно не читалъ и позабылъ, драмою сытъ не будетъ: большой порокъ, ибо всякое сочиненіе должно быть само-собой удовлетворительно, эдакое обѣщаетъ нѣчто дополнительное къ историческимъ сказаніямъ, и слова не держитъ. Комическая примѣсь не дурна, но опять скажу: бѣдна; народъ, сперва обожающій Бориса, понемногу охладѣвшій, перекинувшійся на сторону врага его, большая картина для мастера, но гдѣ-же она? Сцена иностранцевъ меня разсмѣшила, но это шалость: не забудь, что вся соль ея существуетъ только для такого читателя, кто знаетъ всѣ три языка. Вообще, по напечатанному для образчика въ журналѣ разговору Пимена и Григорія [2]) я ожидалъ (конечно не трагедіи, которой и въ поминѣ нѣтъ), а чего-то если не для изящнаго чувства, по крайней мѣрѣ, для холоднаго разсудка болѣе значительнаго, нежели, что вышло; надѣялся на твореніе зрѣлое, а теперь оно мнѣ кажется ученическимъ опытомъ: мало достоинствъ, большой красоты ни одной, плана никакого, даже недосмотры: Царь не знаетъ ничего о самозванцѣ до вѣсти Шуйскаго, что онъ уже у Сигизмунда, и тутъ учреждаетъ заставы; а мы ихъ видимъ учрежденныя до побѣга Гришки, NB по указу Царя. Есть смѣлые намеки на обязанность господъ держать дурныхъ слугъ и наушниковъ правительства: les bleux.

Отъ Бахтина [3]) давно не получаю писемъ. Литературная Газета прошлогодняя прислана ко мнѣ не вся, а до 69 №, послѣднихъ же трехъ еще нѣтъ, стало и окончанія моей статьи о театрѣ; между тѣмъ, два первые №№ нынѣшняго года пришли; въ нихъ объявленіе о Сѣверныхъ Цвѣтахъ и азбучный списокъ стихотвор-

---

[1]) Слегка очерчено.

[2]) Въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 года № 1, стр. 1—10.

[3]) Пріятель Катенина и почитатель его таланта, издавшій его сочиненія въ 1832 г.

цевъ, но меня нѣтъ, стало и *Генія* въ нихъ нѣтъ; еще объявленіе издателя Дельвига о *Борисѣ Годуновѣ* и, какъ водится, безъ меня не обошлось. Не называя по имени, выходка на тѣхъ, кто судитъ по правиламъ, пора де намъ увѣриться, что человѣкъ, какъ-бы ученъ ни былъ, коли нѣтъ въ немъ поэтическаго таланта, ничего необыкновеннаго не напишетъ. Сколько и русскихъ вѣрили въ правила, и что-же они написали, чтобы можно читать послѣ Расина, который не единствами [1]) будетъ вѣкъ читаться, а чѣмъ-то другимъ, чего и недостаетъ ученымъ его подражателямъ. Я спрашиваю тебя; à quel propos [2]) Расинъ и пр.? Что безъ таланта прекрасно не напишешь est trop vrai [3]), также какъ на хилыхъ ногахъ вдаль не уйдешь; но отъ этого еще не запретили указывать дорогу, чтобъ знали всѣ ходоки, куда идти. И такъ *я ученый;* покуда и то живетъ; но кто-же увѣрилъ ихъ, что и безъ поэтическаго таланта? того гляжу они не потрудились прочесть, а рѣшаютъ: и какой вопросъ? самый скользкій; ученость вещь осязаемая, они въ ней морщась принуждены сознаться, а талантъ кто какъ посудитъ; академія della Crusca не признавала его въ Тассѣ, большая половина въ публикѣ и всѣ журналисты въ Расинѣ, между тѣмъ какъ Петрарка и Волтеръ были вознесены до облаковъ; однимъ-ли приговоромъ можно его тому дать, у другого отнять? весьма много дерзкой опрометчивости и невѣжественнаго самонадѣянья dans tous ces Messieurs [4]); и хороша благодарность за мою статью, которая хоть по учености (comme ils appellent cela) [5]) отличается въ ихъ газетѣ. Хороша и логика фразы: пора намъ [6]) etc. Какъ будто у насъ много ученыхъ, и ихъ уважаютъ болѣе другихъ: напротивъ всѣ одно кричатъ о свободныхъ геніяхъ, а

---

[1]) Т.-е. не только соблюденіе извѣстныхъ трехъ единствъ составляетъ достоинство его пьесъ, но и кой-что другое.

[2]) Причемъ.

[3]) Слишкомъ вѣрно.

[4]) У всѣхъ этихъ господъ.

[5]) Какъ они называютъ.

[6]) Считаю не лишнимъ привести здѣсь изъ этой статьи тѣ строки, къ которымъ относятся упреки Катенина: «Каждое оригинальное произведеніе имѣетъ свои законы, которые нужно замѣтить и объявить, но единственно для того, чтобы юноши, учащіеся поэзіи, и люди, не живо чувствующіе, легче могли понять всѣ красоты изящнаго творенія. Воображать-же чтобы законы какой нибудь поэмы, трагедіи и проч. были непремѣнными мѣрилами пьесъ, послѣ нихъ написанныхъ, и смѣшно и недостойно человѣка мыслящаго. Пора убѣдиться намъ, что человѣкъ, какъ-бы ученъ ни былъ, сколько-бы правилъ ни зналъ, но не имѣющій поэтическаго таланта, ничего необыкновеннаго не напишетъ. Сколько французовъ, сколько Русскихъ слѣпо вѣрили въ правила Французской Драматургіи; и что-же они написали? Ничего, чтобы можно было читать послѣ Расина, который не по тремъ единствамъ читается и перечитывается и будетъ читаться, а по чему-то иному, чего къ несчастью и не достаетъ ученымъ его подражателямъ». См. Литературная газета за 1831 г., т. III, № 1., стр. 8.

пора-бы намъ (правду сказать) начать учиться: меньше-бы стали врать. Разсказъ о прозрѣніи пастуха точно хорошъ, онъ и бесѣда инока лѣтописца съ Григоріемъ, по моему мнѣнію, только и возвышаютъ книгу надъ Баррикадами 1830 года, брошюркой не знаю чьей, гдѣ въ лицахъ послѣдняя революція парижская, и которая вѣроятно въ три дня написана; о Пушкинѣ-же превозглашаютъ, что онъ шесть лѣтъ пересматривалъ.—Ты велишь мнѣ быть здоровымъ и покойнымъ: увы! мой другъ, ни того, ни другаго нѣтъ, что почти видно изъ слога и почерка письма; тѣло и душа болятъ оба, не знаю, долго-ли мнѣ жить, и какъ вѣкъ доживать, но теперешнее житье не въ мочь, оно должно сморить меня непремѣнно, и сморить самой грустной, тяжкой, отчаянной смертью: не хочу говорить и перо бросаю. — Я надоѣлъ тебѣ со своимъ Lebrun, вижу, чувствую и каюсь, но покаянье (comme bien vous savez) [1]) не то что исправленье; хорошіе христіане, какъ я, каются каждый годъ въ Мартѣ либо Апрѣлѣ мѣсяцѣ, и продолжаютъ творить попрежнему, какъ-бы ни въ чемъ не бывало, коль скоро ихъ нужда или выгода того требуютъ; моя нужда въ ономъ Пиндарѣ, и я замолчу покуда изъ благопристойности, а все стану его поджидать. Клопштокъ тугъ, 17 пѣсней сбриты съ рукъ, но еще 3 крѣпятся: и Нѣмцы смѣли хвалить! дай мнѣ добраться до нихъ, je leur ferai voir du pays [2]). Но какъ мы глупы, повторяя ихъ бредни! и сами не знаемъ, изъ чего бьемся: такъ, спроста, сдуру; тѣ хоть для того врали, чтобы покуда завладѣть первымъ мѣстомъ, мы же и подумать не смѣемъ о немъ, а все-таки горячимся за честь романтизма, то есть дѣтства въ искусствѣ. Возвращаюсь къ *Борису Годунову*, желаю спросить: что отъ него пользы бѣлому свѣту? qu'est ce qu'il prouve [3])? На театръ онъ нейдетъ, поэмой его назвать нельзя, ни романомъ, ни исторіей въ лицахъ, ничѣмъ; для котораго изъ чувствъ человѣческихъ онъ имѣетъ цѣну или достоинство? Кому будетъ охота его читать, когда пройдетъ первое любопытство? я его сегодня перечелъ въ третій разъ, и уже многое пропускалъ, а кончилъ, да подумалъ: О.—Возвращаю его тебѣ, чтобы ты могъ удовлетворить имъ нетерпѣливыя желанія сосѣдей охотниковъ. Сдѣлай милость почаще пиши; хоть нельзя жаловаться и теперь что рѣдко, но въ этомъ случаѣ лишнее въ самую пору. Пришелъ-ли садовникъ мой? Станешь-ли переводить статью

---

[1]) Какъ тебѣ хорошо извѣстно,

[2]) Я имъ надѣлаю хлопотъ.

[3]) Что онъ доказываетъ?

о театрѣ [1])? право не худо-бы ее доставить въ Парижъ, коли случай есть, но ты знаешь всю Москву, а тамъ увидимъ. Ты мнѣ не отвѣчалъ насчетъ выписки изъ Rev. Encycl. Какъ она тебѣ кажется? Пишу вздоръ и въ головѣ вздоръ, только совсѣмъ другой, мерзкая проза жизни. Прощай, милый, прости всю нескладицу, голова вертится, крѣплюсь и едва смогаю.

Весь твой

Павелъ Катенинъ.

Февр. 1-го, 1831.

Шаево [2]).

---

[1]) Повидимому, рѣчь идетъ о статьяхъ Катенина о театрѣ, помѣщенныхъ въ Литературной газетѣ за 1830 г., т. II.

[2]) Имѣніе Катенина, Костромской губ., Кологривскаго уѣзда.

Письмо Баратынскаго къ Плетневу *).

1831.

(*Съ примѣчаніями Я. К. Грота*).

Отъ Редакціи: Печатаемое письмо Баратынскаго прислано намъ г. вице-президентомъ Академіи наукъ, Я. К. Гротомъ, съ его примѣчаніями, и при письмѣ такого содержанія: «Для сборника въ пользу голодающихъ посылаю Вамъ письмо Баратынскаго (Евг. Абр.), которое, какъ мнѣ кажется, не лишено интереса, перенося насъ въ дружескій кружокъ лучшихъ литераторовъ давно прошедшей эпохи. Отъ души желаю успѣха вашему прекрасному предпріятію".

„Когда я получилъ письмо твое, милый Плетневъ, я укладывался въ долгую дорогу, отъ того и не отвѣчалъ тебѣ въ то-же время. Теперь пишу къ тебѣ не изъ Москвы, а изъ деревни въ 20 верстахъ отъ Казани. Я сталъ отъ тебя дальше разстояніемъ,

*) Подлинное письмо сохранилось въ бумагахъ П. А. Плетнева. На немъ нѣтъ помѣты года и числа, но изъ содержанія видно, что оно писано подъ впечатлѣніемъ недавной смерти барона Дельвига, скончавшагося 14 января 1831 года. Баратынскій намѣревался написать біографію покойнаго друга. Получивъ отъ Плетнева извѣстіе объ этой утратѣ, Пушкинъ писалъ къ нему: „Баратынскій боленъ съ огорченія", а въ слѣдующемъ письмѣ говорилъ: „Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли?.. Я хорошо знаю его (т. е. Дельвига) первую молодость, но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами. Отвѣчай мнѣ на это." Вотъ что отвѣчалъ Плетневъ: „Написать исторію и характеристику поэзіи Дельвига—дѣло столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Барат. не вызвался на это, я бы тебя сталъ просить о томъ же, или даже самъ на то посягнулъ бы. Теперь займусь составленіемъ матеріаловъ и перешлю ихъ сперва къ тебѣ на цензуру, а ты передай ему съ своими зачерками и вставками." Позднѣе Пушкинъ, готовясь издать альманахъ въ память Дельвига, опять писалъ Плетневу: „Отъ тебя стиховъ не дождешься; еслибъ ты собралъ, да написалъ что-нибудь о Дельвигѣ! то-то было-бъ хорошо!" Но Плетневъ отвѣчалъ: „Написать о Дельвигѣ желаю, но не обѣщаю. Все зависѣть будетъ отъ случая." (Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, т. III, стр 361—376).

но не дальше сердцемъ. Письмо твое взволновало мнѣ душу. Оно дышетъ разувѣренностію и унынiемъ *). Съ горькимъ угрызенiемъ думаю, что самъ я нѣсколько способствовалъ привести тебя къ этому печальному расположенiю духа. Довольный въ душѣ моей живымъ дружескимъ воспоминанiемъ о тебѣ, я не заботился въ немъ увѣрять тебя и, казалось, забылъ о старомъ другѣ. Мнѣ страшно подумать, что, вспомнивъ обо мнѣ, ты самъ себѣ говорилъ: вотъ какъ нечувствительны, какъ неблагодарны люди! Между тѣмъ, я былъ виноватъ въ одной лѣности, отлагающей до другова дня сегодняшнее дѣло. Потеря Дельвига для насъ незамѣняема. Ежели мы когда-нибудь и увидимся, ежели еще въ одну субботу сядемъ вмѣстѣ за твой столъ — Боже мой! какъ мы будемъ еще одиноки! Милый мой, потеря Дельвига намъ показала, что такое невозвратно прошедшее, которое мы угадывали печальнымъ вдохновенiемъ, что такое опустѣлый міръ, про который мы говорили, не зная точнаго значенiя нашихъ выраженiй. Я еще не принимался за жизнь Дельвига. Смерть его еще слишкомъ свѣжа въ моемъ сердцѣ. Нужны не одни сѣтованiя, нужны мысли; а я еще не въ силахъ привести ихъ въ порядокъ. Поговоримъ о тебѣ. Неужели ты вовсе оставилъ литературу? Знаю, что поэзiя не заключается въ мертвой буквѣ, что молча можно быть поэтомъ; но мнѣ жаль, что ты оставилъ искусство, которое лучше всякой философiи утѣшаетъ насъ въ печаляхъ жизни. Выразить чувство, значитъ разрѣшить его, значитъ овладѣть имъ. Вотъ почему самые мрачные поэты могутъ сохранить бодрость духа. Примись опять за перо, милый Плетневъ, не измѣняй своему назначенiю. Совершимъ съ твердостiю нашъ жизненный подвигъ. Дарованiе есть порученiе. Должно исполнить его, не смотря ни на какiя препятствiя, а главное изъ нихъ унылость. Прощай, мой милый, я сталъ проповѣдникомъ. Слушай мои увѣщанiя, а я буду слушать твои. Благодарю тебя за похвалы „Наложницѣ“: онѣ меня утѣшили въ неблагорасположенiи другихъ моихъ критиковъ. Обнимаю тебя отъ всей души. Пиши ко мнѣ, когда найдешь досужное время. Поклонись Пушкину. Адресъ мой: такому-то въ Казань.

Е. Баратынскiй.

*) Въ письмѣ къ Пушкину отъ 19 iюля 1831 г. Плетневъ говорилъ, что смерть Дельвига и Молчанова сдѣлали изъ него „какого-то автомата. Не знаю, что будетъ впереди“, прибавлялъ онъ, „а теперь я ко всему охладѣлъ“. (Тамъ же отр. 374).

О крестовыхъ походахъ.

Не вдаваясь въ исчисленіе всѣхъ такъ называемыхъ причинъ и послѣдствій великаго событія, котораго значеніе мнѣ теперь надлежитъ опредѣлить, я постараюсь показать, въ какомъ состояніи находилась Западная Европа въ исходѣ XI и въ началѣ XII-го вѣка, то есть предъ началомъ и по окончаніи крестовыхъ походовъ. Полагаю, что такимъ образомъ легче всего можно раскрыть историческій смыслъ этихъ движеній.

Идея государственнаго единства была чужда XI-му вѣку, если не въ теоріи, то, по крайней мѣрѣ, въ осуществленіи своемъ. Тогдашнее общество состояло изъ разнородныхъ, другъ-другу враждебныхъ и упрямо самостоятельныхъ элементовъ. Церковь, феодальная аристократія и—только что вышедшія на сцену исторіи, городскія общины—требовали въ своей исключительности не только совершенно независимаго, отдѣльнаго бытія, но даже посягали, каждый въ свою пользу, на самостоятельность другихъ общественныхъ элементовъ. Примиреніе этихъ эгоистическихъ требованій, прекращеніе страшной борьбы, наконецъ подчиненіе этого смутнаго, анархическаго быта одному началу или закону—таково было стремленіе, высказавшееся въ великой распрѣ между папою и императоромъ, между Западною Церковью и феодальнымъ государствомъ. У Григорія VII и Генриха IV была въ виду одна и та-же цѣль, но они шли къ ней разными путями. Трудность достиженія этой цѣли обнаружилась скоро. Когда прошелъ первый жаръ борьбы, когда разсѣялись надежды партій, которыя её завязали, тогда начались крестовые походы. Время для нихъ настало. Нѣсколько десятилѣтій прежде или послѣ, проповѣдь Петра пустынника и увѣщанія папы Урбана не могли бы обнаружить такого сильнаго вліянія.

Осуществленіе того отвлеченнаго, основаннаго не на самой природѣ общества, а на искусственныхъ соображеніяхъ, политическаго

быта, о которомъ мечтали, каждый по своему, феодальный владѣтель, клерикъ и горожанинъ XI-го вѣка, было невозможно въ Европѣ. Здѣсь существовало слишкомъ много историческихъ условій, слѣдовъ прошедшаго, при которыхъ ни одна изъ господствовавшихъ тогда политическихъ формъ не могла развиться во всей полнотѣ и чистотѣ своей. Окончательному развитію феодальнаго государства мѣшали теократическія притязанія папъ. Города еще молодые, еще робкіе въ своихъ требованіяхъ, приставали то къ той, то къ другой сторонѣ, не отдаваясь совершенно впрочемъ ни той, ни другой, и стремясь къ самостоятельности, которую, конечно, не хотѣли за ними признать ни императоръ, ни папа. Но исходъ борьбы былъ сомнителенъ. Первыя двадцать лѣтъ не привели ни къ какому результату, утомили боровшихся и поколебали у всѣхъ надежду на успѣхъ скорый и рѣшительный. Таково было состояніе умовъ, когда явился Петръ пустынникъ. Онъ указалъ Западной Европѣ на край, гдѣ жилъ и страдалъ Спаситель, гдѣ еще были видны слѣды его земнаго странствованія. Этотъ край надлежало освободить отъ невѣрныхъ. Во всѣхъ классахъ европейскаго общества поднялись, вмѣстѣ съ религіознымъ воодушевленіемъ, иныя темныя надежды. Тамъ, на освященной жизнію Спасителя почвѣ, думала создать Церковь, по идеалу своему, теократическое государство; тамъ, въ землѣ той, завоеванной у враговъ христіанства, надѣялся феодальный баронъ утвердить незыблемо права свои, не стѣсняясь, какъ въ Европѣ, возраженіями другихъ, если не равныхъ, то и не подчиненныхъ ему членовъ общества. Наконецъ, сюда же шли—горожанинъ, въ надеждѣ жизни твердой, болѣе обезпеченной противъ притѣсненій феодализма, и бѣдный рабъ (villanus), мечтавшій найти свободу у гроба Того, Который умеръ за всѣхъ. Не надобно забывать также, что въ это время поприще для великихъ феодальныхъ предпріятій въ Европѣ уже замкнулось покореніемъ Англіи Норманами. Младшіе сыновья ленныхъ владѣльцевъ, бездомные рыцари, которымъ въ наслѣдіе отъ отца шло только вооруженіе и конь, пошли на Востокъ добывать себѣ новые лены. Въ Европѣ имъ не было мѣста и надеждъ.

Въ лекціяхъ Гизо (Histoire de la civilisation en Europe) и исторіи Франціи Мишлѣ прекрасно показаны первые результаты столкновенія міра христіанскаго съ міромъ ислама. Я не буду повторять того, что уже столько разъ сказано. Крестовые походы или, лучше сказать, Крестовый походъ продолжался двѣсти лѣтъ, и въ это время, которое можно назвать „періодомъ стремленій къ идеаламъ“,—лице Европы измѣнилось. Императоръ и папа кончили вѣковую тяжбу свою; силы того и другого были истощены,

значеніе потрясено. Оба отказались отъ недостижимой цѣли. Политическіе идеалы средняго вѣка не осуществились въ Европѣ. не осуществились они и въ Палестинѣ. Въ королевствѣ Іерусалимскомъ боролись тѣ-же элементы, которые не уживались въ Европѣ. Попытка основать тамъ политическое общество на отвлеченныхъ, не изъ дѣйствительности взятыхъ схемахъ—не удалась.

Въ началѣ XIV вѣка венеціанецъ Марино Сануто написалъ книгу. подъ названіемъ „Secreto fidelium crucis“, въ которой онъ предлагаетъ новые планы къ завоеванію Палестины, но у него въ виду не одинъ гробъ Спасителя. не идеальное устройство новыхъ обществъ, которымъ нѣтъ мѣста въ Европѣ, — онъ показываетъ торговыя выгоды, которыя можно извлечь изъ обладанія землями, лежащими у Средиземнаго моря. Эта книга обличаетъ совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи. Средній вѣкъ оканчивается: онъ потерялъ вѣру въ свои идеалы, въ возможность тѣхъ учрежденій, которыя составляютъ его характеристическую особенность.

Т. Грановскій.

Примѣчаніе редакціи. Предлагаемая статья Т. Н. Грановскаго была доставлена въ редакцію Сборника М. П. Щепкинымъ, въ подлинникѣ. писанномъ самимъ Грановскимъ и за его подписью. Эта рукопись поступила къ г. Щепкину, вмѣстѣ съ другими бумагами Грановскаго. послѣ его смерти, такъ какъ тогда имѣлось въ виду издать лекціи покойнаго профессора, подъ редакціей его преемника, Кудрявцева. Но послѣдовавшая затѣмъ смерть послѣдняго положила конецъ доброму начинанію. Для какой собственно цѣли и когда была написана Грановскимъ эта статья, ни г. Щепкинъ, ни близко знавшій Грановскаго А. В. Станкевичъ разъяснить редакціи не были въ состояніи. М. П. Щепкинъ высказалъ предположеніе, что она была, вѣроятно, составлена для помѣщенія въ какомъ-нибудь небольшомъ журналѣ, можетъ быть въ „Библіотекѣ для воспитанія“, въ которой Грановскій принималъ участіе, по товарищескимъ отношеніямъ съ ея издателемъ-редакторомъ, покойнымъ П. Г. Рѣдкинымъ. Г. Станкевичъ, съ своей стороны, думаетъ, что это скорѣе лекція или конспектъ лекціи, основываясь при этомъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. „Въ 1843 году Грановскій читалъ публичный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Чтенія вызывали разные толки и упреки, особенно въ средѣ тогдашнихъ славянофиловъ. Грановскаго обвиняли въ пристрастіи къ Европѣ и во враждѣ къ русскому національному развитію. Онъ отвѣчалъ отчасти на обвиненія при самыхъ чтеніяхъ своего курса. Послѣ третьяго чтенія Грановскій писалъ Кетчеру въ Петербургъ: ...„Остервенѣніе славянъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ: они ругаютъ меня

не за то, что я говорю, а за то, о чемъ я умалчиваю. Я читаю исторію Запада, а они говорятъ: зачѣмъ онъ не говоритъ о Россіи... Впрочемъ, я *напечатаю* свои лекціи по окончаніи курса, дабы не было глупыхъ толковъ.“ Можетъ быть, статья, о которой идетъ рѣчь, относится къ части начатой Грановскимъ редакціи своихъ чтеній. При самыхъ чтеніяхъ у него бывалъ только конспектъ. Подпись Грановскаго дѣлаетъ однако такое предположеніе сомнительнымъ. Вѣроятнѣе, можетъ быть, другое объясненіе: студенты, плохо записывавшіе лекціи Грановскаго, иногда просили у него поправокъ или конспекта. Не есть-ли эта замѣтка—одинъ изъ такихъ конспектовъ? Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ то, что листокъ писанъ бѣгло, съ небольшими поправками, тогда какъ все писанное Грановскимъ для печати было съ сильными помарками“.

Если, такимъ образомъ, лица, знавшіе Грановскаго и имѣвшіе въ своихъ рукахъ его бумаги и письма, не могутъ сказать ничего положительнаго о томъ, когда и съ какою цѣлью была написана помѣщенная нами статья, то мы, понятно, еще менѣе можемъ разъяснить поводъ ея составленія. Что Грановскій печаталъ иногда небольшія статьи въ „Библіотекѣ для воспитанія“ и въ „Живописной энциклопедіи“, именно за 1847 годъ,—это доказываютъ его „Сочиненія“, въ которыхъ перепечатано пять такихъ статей. Можетъ быть, и статья „О крестовыхъ походахъ“ предназначалась для одного изъ подобныхъ изданій, но почему-нибудь не была отдана и осталась ненапечатанной. Подпись автора какъ бы указываетъ на такое назначеніе статьи. Но, съ другой стороны, слишкомъ малые ея размѣры и въ особенности выраженія въ ея началѣ: „мнѣ теперь надлежитъ опредѣлить“ и „я постараюсь показать“—свидѣтельствуютъ скорѣе въ пользу того, что это была лекція, и что цѣлью ея было разъяснить слушателямъ, въ болѣе точныхъ выраженіяхъ, историческій смыслъ тѣхъ „движеній“, которыя извѣстны подъ именемъ „крестовыхъ походовъ“.

Дозволено цензурою. Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°, въ Москвѣ.

„Плохи дѣла!“.

Съ рисунка В. Е. Маковскаго.

СЫТЫЙ.

(Очеркъ).

Круглолицый, съ легкою просѣдью, брюнетъ, проснувшись довольно поздно, сладко потянулся во всю длину бодраго и свѣжаго, отлично сложеннаго тѣла. Одна нога высунулась у него изъ-подъ англійскаго плюшеваго одѣяла и вдругъ, почему-то, сосредоточила на себѣ вниманіе своего владѣльца.

„Какъ это странно", подумалъ Иванъ Петровичъ Колесовъ. „Вѣдь вотъ, эта нога—моя. А я ее не знаю. Совсѣмъ не знаю. Просто, никогда не приходило въ голову разсмотрѣть ее внимательно. И это вѣдь общее явленіе... какъ бы сказать?.. общее явленіе изъ области маленькихъ психологическихъ курьезовъ. Можно быть увѣреннымъ, что очень многіе, закрывъ глаза, ни за что не могутъ себѣ представить вполнѣ точное изображеніе своей собственной ноги. А между тѣмъ, у каждой вѣдь ноги есть свой типъ, своя индивидуальность"...

Нога высунулась еще болѣе изъ-подъ одѣяла и уперлась пальцами въ блестяще-лакированную спинку внушительной барской кровати. Колесовъ остался доволенъ общимъ и частнымъ разсмотрѣніемъ своей круглой, бѣлой ноги и, присѣвъ, нажалъ никелированную кнопку звонка.

Слуга ему подалъ атласный халатъ съ широкими отворотами и проводилъ барина до сосѣдняго со спальнею алькова. Въ одномъ изъ угловъ длинной продолговатой комнаты, сплошь выкрашенной по стѣнамъ сѣрою масляною краскою, виднѣлась мраморная ванна съ двумя безукоризненно начищенными кранами. Въ другомъ углу стоялъ высокій объемистый шкафъ съ гидропатическими приспособленіями самой послѣдней моды. Вода била въ немъ тоненькими пощипывающими струйками справа и слѣва, спереди и сзади, сверху и снизу. Струйки даже фигурно какъ-то скрещивались между собою и пересѣкались. Колесовъ, быстро раздѣвшись, исчезъ въ шкафу. Усовершенствованная гидропатія зашумѣла, засвистала и въ точности исполнила все, что отъ нея требовалось, чтобы всесторонне облитый холодною водою

человѣкъ имѣлъ право, по законамъ гидропатической науки, сначала пересѣсть въ горячую ванну, а потомъ, будучи спеленаннымъ нѣсколькими шерстяными одѣялами, лечь на длинной кушеткѣ и умереть на время, принявъ видъ египетской муміи въ бѣломъ колпакѣ.

Черезъ полчаса, Колесовъ, уже въ утреннемъ костюмѣ, въ черной вязаной куркѣ съ шелковыми рукавами, въ черныхъ же чулкахъ и туфляхъ, сидѣлъ у камина, на лѣниво и мѣрно покачивавшемся креслѣ, и пилъ какао съ бѣлыми и очень нѣжными булочками домашняго приготовленія. Эти булочки онъ полюбилъ давно, еще въ Парижѣ, и достаточно повозился съ петербургскими поварами, пока послѣдній изъ нихъ не овладѣлъ наконецъ профессіональнымъ секретомъ булочника изъ Chaussée d'Antin. Иванъ Петровичъ не могъ поэтому смотрѣть на свои булочки иначе, какъ съ любовью. Немножко смѣшило Колесова это отношеніе его къ булочкамъ, но онъ цѣнилъ въ немъ чувство своей искренности.

Освѣженный и взвинченный въ водяномъ шкапу организмъ испытывалъ отличное „самочувствіе“. Сердце работало сильно, ровно, мягкая теплота скользила по жиламъ, хотѣлось ѣсть, двигаться, жить. Любительски потянутая струйка ароматичной сигары нейтрализировала во рту нѣсколько приторную сладость тягучаго какао и славно защекотала въ носу. На столѣ, возлѣ серебрянаго чайнаго прибора, лежала сырая еще газета, только разставшаяся съ потною отъ мороза сумкою почтальона. Колесовъ развернулъ ее, опрокинувшись на спинку кресла. Глаза его равнодушно прошли по заголовкамъ болѣе крупныхъ редакціонныхъ статей, размѣщенныхъ на первой страницѣ. Всѣ онѣ говорили о голодѣ, о способахъ и мѣрахъ для борьбы съ нимъ. Тяжелымъ народнымъ горемъ, сомнѣніемъ и безпомощностію вѣяло отъ нихъ. Колесовъ не отрицалъ, что голодъ есть бѣдствіе, но однако-же находилъ, что газеты могли бы быть нѣсколько болѣе интересными и разнообразными. Выхвативъ наудачу, подъ рядъ пять-шесть строкъ текста и замѣтивъ, что рѣчь въ нихъ идетъ о томъ, чтобы приготовлять хлѣбъ изъ картофеля или картофель изъ хлѣба, онъ перевернулъ газетный листъ, внимательно прочелъ иностранныя телеграммы и, наскоро пробѣжавъ хронику, остановился на биржевой табличкѣ. Въ ней онъ замѣтилъ, что золотая рента еще поднялась, а рыбинскія акціи, противъ вчерашняго, еще внизъ упали. Онъ вспомнилъ при этомъ, что недавно предлагалъ ихъ ему одинъ знакомый маклеръ и, складывая газету, воскликнулъ:

— Вотъ вѣдь какой поганый жидишка!

Медленно и старательно одѣвшись, вспрыснувъ себя англійскими духами изъ пульверизатора и заказавъ къ двумъ часамъ

завтракъ, Колесовъ плавно юркнулъ въ легкую ильковую шубу и направился пѣшкомъ изъ Сергіевской, гдѣ онъ жилъ, по набережной Невы, мимо Зимняго Дворца, въ адмиралтейство. Тамъ онъ ежедневно поручалъ себя воздѣйствію пассивной „машинной гимнастики“. Большой залъ, со сводами, производилъ впечатлѣніе ткацкой фабрики или токарно-слесарнаго заведенія. Это было характернѣйшее учрежденіе „конца вѣка,“ физически-разслабленнаго и прямо сливающаго молодость со старостію. Могучая сила мертвыхъ двигателей на всякіе лады трепала здѣсь современныхъ недѣлимыхъ. Десятки ременныхъ приводовъ безшумно скользили вокругъ стальныхъ колесъ, сообщая жизнь и движеніе массѣ самыхъ причудливыхъ, рѣдкихъ и невиданныхъ машинъ и аппаратовъ. Каждая снасть представляла собою шедевръ большого остроумія и маленькой изобрѣтательности. Людей разгибали и сгибали, растягивали, поколачивали, повертывали, подбрасывали вверхъ, опускали внизъ, ставили ногами къ потолку, бокомъ, наклонно, разминали и подправляли по частямъ и въ общемъ. Когда эта удивительная фабрика была,—по утрамъ, съ десяти часовъ до пяти,—въ полномъ ходу, поражая сторонняго зрителя сложностію, всесторонностью и связностью своихъ дробныхъ, правильно расчлененныхъ дѣйствій, то казалось, что время для нея не терпитъ, что она подъ неустойкой обязалась ежедневно вытряхивать изъ посѣщающаго ее человѣчества точно-опредѣленное количество дряблости, вялости, ипохондріи и прострацiи. Заключительная гимнастическая операція была самою энергическою и наиболѣе „освѣжающею“. Посѣтитель садился верхомъ на механическую лошадь, на „машинную кобылу“, и она сразуже неслась, на мѣстѣ стоя, вскачь. Всадникъ, высвободившись отъ бѣшеныхъ прыжковъ коня безъ головы, обыкновенно стоялъ нѣкоторое время совсѣмъ растерянным, ошалѣвшимъ, ничего не понимающимъ. Колесовъ не особенно любилъ гимнастическаго коня и находилъ его дѣйствіе нѣсколько утрированнымъ, но, слѣдуя всегда и во всемъ указаніямъ и внушеніямъ установленнаго режима, позволялъ себѣ только немного сокращать время своего пребыванія на слишкомъ безпокойной машинѣ.

Послѣ гимнастическаго сеанса, рысакъ свѣтло-желтой масти, бѣлогривый, молодой и нервный, доставлялъ своего барина домой. На высокомъ, рѣзномъ, съ мраморною доскою, буфетѣ, уже стояла, не особенно богатая относительно разнообразія, но аппетитно приготовленная закуска,—грибки, анчоусы, салями, рокфоръ,—послѣ которой подавался легкій французскій завтракъ. Онъ состоялъ обыкновенно изъ трехъ, по утру Колесовымъ обдуманныхъ и старательно между собою соглашенныхъ, блюдъ. Если въ одинъ

день избирались, положимъ, омлетъ съ зеленью, баранья котлета и груша съ гроздью винограда, то въ другой — слѣдовали чашка чистаго бульона съ гренками, окровавленный кусокъ пухлаго бифштекса и сладкій пирогъ съ вареньемъ. Вино Колесовъ пилъ крымское, хорошей марки, выдержанное и мягкое. Отъ французскихъ винъ онъ давно уже, послѣ продолжительныхъ преній въ клубѣ, весьма невыгодныхъ для бордосскихъ погребовъ, наотрѣзъ отказался. Кофе подавался на пылающемъ спирту, и Колесовъ разливалъ его самъ. Угощая знакомыхъ, онъ всегда повторялъ свою любимую фразу, вычитанную имъ у какого-то французскаго романиста: „кофе долженъ быть черенъ, какъ ночь, горячъ, какъ адъ и сладокъ, какъ любовь“. Въ маленькую фарфоровую чашечку подсыпывалась затѣмъ щепотка ванили и опрокидывался наперстокъ финь-шампань.

Для заключенія завтрака, обязательно слѣдовала гигіеническая дремка: коротенькая и легкая. Колесовъ предавался ей, усѣвшись съ ногами на длинной кушеткѣ и примостивъ голову къ сафьянной подушкѣ высокаго изголовья. Засыпать онъ любилъ съ довольно-игривыми мыслями, вращавшимися чаще всего вокругъ и около плѣнительнаго образа Катерины Петровны Баулиной. Это была дочь дьякона съ Петербургской стороны, вышедшая замужъ за департаментскаго столоначальника и нашедшая свою дальнѣйшую карьеру подъ арками Перинной линіи Гостинаго двора. Тамъ ее однажды встрѣтилъ Колесовъ, приволокнулся и вскорѣ выказалъ и доказалъ ей чрезвычайную банальность домашняго очага, охраняемаго ею для департаментскаго столоначальника. Катерина Петровна сразу поняла, что она создана для болѣе „культорной“ среды и обстановки и переѣхала на самостоятельную, очень уютную квартирку въ Стремянной улицѣ. Колесову нравились въ ней мелкіе, бѣлые зубы и цвѣтущее здоровье. Глаза у Баулиной были глупенькіе, но миленькіе и, притомъ, съ какимъ то поперемѣннымъ зоологическимъ блескомъ и потуханіемъ. Баулина выучилась хорошо одѣваться, даже пристрастилась къ устрицамъ и стоила не особенно дорого, нѣсколько надоѣдая Колесову только своими мѣщанскими поцѣлуями и жалобами на озорство кухарокъ.

Въ четыре часа Иванъ Петровичъ выпивалъ изъ обведеннаго плетушкою сифона большой бокалъ содовой воды и вторично уходилъ изъ дому. На этотъ разъ онъ направлялся обыкновенно по Литейной и внизъ по Невскому. По пути онъ исполнялъ разныя свои маленькія дѣла: заходилъ въ банкъ или къ нотаріусу для выдачи какой-нибудь довѣренности; къ портному, къ Фейку за сигарами, въ Милютины ряды за закусками или во французскій

книжный магазинъ за новыми, интересовавшими его, книгами. Съ нѣкоторыхъ поръ Колесовъ пристрастился къ литературѣ новѣйшихъ французскихъ „Маговъ“. Онъ зналъ ихъ всѣхъ наперечетъ: и Жозефина, и Пеладана, и Эмиля Мишле, и Марка Папю (Papus) и Станислава де-Гвайта (de Guaita). Особенно высоко цѣнилъ онъ послѣдняго за его „Essais de sciences maudites“ — смѣлый и капитальный трактатъ о таинственныхъ наукахъ. Въ книжномъ магазинѣ Колесовъ охотно вступалъ въ библіофильскіе разговоры съ конторщикомъ-французомъ и пріятно удивлялся, когда послѣдній сообщалъ ему, что литературныя произведенія „Маговъ“ находятъ очень большой спросъ въ средѣ серьезно-настроенной свѣтской интеллигенціи.

Къ шести часамъ, Колесовъ уже поднимался по лѣстницѣ своего клуба, гдѣ онъ часто обѣдалъ. Это было замкнутое аристократическое собраніе англійскаго типа: безъ дамъ и со всякими удобствами для гг. членовъ, принадлежавшихъ къ военной, дипломатической и жуирствующей молодежи. Завсегдатаи клуба писали въ немъ письма, переговаривались по телефону, получали свою корреспонденцію, завтракали, обѣдали, дѣлились интимными новостями Петербургской хроники и даже нерѣдко ночевали. Верхній этажъ клуба представлялъ собою настоящую гостинницу, небольшую, но первоклассную. Весь онъ состоялъ изъ ряда хорошенькихъ комнатокъ, приспособленныхъ для комфортабельнаго отдыха и ночлега. Въ нижнемъ этажѣ клуба, между прочимъ, находилась и обширная читальня, съ богатымъ выборомъ періодическихъ изданій, на половину русскихъ, на половину французскихъ и англійскихъ. Въ читальнѣ была своя секретная особенность, которою гордились члены клуба передъ близкими знакомыми. Она заключалась въ капитальномъ дубовомъ книжномъ шкапѣ, зеркальныя стекла котораго были стыдливо закрыты извнутри коричневымъ шелкомъ. Шкапъ былъ всегда запертъ, и ключъ отъ него гдѣ-нибудь на сторонкѣ передавался изъ рукъ въ руки. Въ шкапу помѣщалась маленькая библіотека, носившая кличку „Rococo“. Она состояла изъ сотни изданій, богато переплетенныхъ. У курьезной библіотеки была своя курьезная исторія. Формировалась она долго, но какъ то сама собою. Дѣло въ томъ, что каждый членъ клуба, возвращаясь изъ заграницы, долженъ былъ привести, въ карманѣ своего пальто, какое-нибудь новое „легкое“, даже очень „легкое“ изданіе, съ рисунками или безъ рисунковъ... Колесовъ заучилъ на память весь каталогъ коллекціи „Rococo“ и, оцѣнивая ее критически, признавалъ наиболѣе замѣчательнымъ ея кладомъ „Les Moeurs secrets du XVIII siècle“.

Клубный обѣдъ всегда проходилъ оживленно и занимательно.

Полуцѣловые представители разныхъ профессій и званій, удовлетворивъ первый аппетитъ за круглымъ столомъ съ закусками, чувствовали себя послѣ супа очень хорошо, охотно говорили сами и дружелюбно слушали другихъ. Вѣчно молодой отставной губернаторъ Чуркинъ изо дня въ день оповѣщалъ о новыхъ перемѣнахъ въ кругу высшихъ назначеній, перемѣнахъ, которыя никогда не сбывались. Первый секретарь Ингерманландскаго посольства выгружалъ за табльдотомъ массу забавныхъ анекдотовъ, переплетая ихъ съ политическими извѣстіями, вычитанными въ утреннихъ номерахъ „Figaro“ и „Times“. Офицеры всегда были au courant свѣтскихъ новостей. Не волнуясь, спорили и бесѣдовали о балетѣ, о подозрительномъ направленіи нѣмецкой политики, о нѣкоторой утомительности для глазъ электрическаго освѣщенія, о безцвѣтности и скудости предстоящаго Петербургскаго сезона. Такъ приближался обѣдъ,—незамѣтно и плавно,—къ ликерамъ, сырамъ и къ послѣобѣденному сну, на убаюкивающихъ матрацахъ верхняго этажа.

Въ десятомъ часу ломберные столы уже горѣли огнями. Клубисты, выспавшись и вымывшись, осушали бокалы съ содовой или сельтерской водою и садились за винтъ по копѣйкѣ, за пикетъ или за какую-нибудь новую, очень простенькую и азартную игорку, недавно придуманную, но, тѣмъ не менѣе, обличавшую свое прямое родство съ баккара или штоссомъ. Солидный и уравновѣшенный Колесовъ не любилъ острыхъ и сильныхъ ощущеній и предпочиталъ „классическій винтъ“. Сыгравъ три роббера, онъ смотрѣлъ на часы, всегда стараясь уходить изъ клуба до полуночи, хотя-бы за нѣсколько минутъ. Лошадь ждала его у подъѣзда и, въ исходѣ перваго часа, Колесовъ, слегка зѣвая, вновь направлялся въ уборную, заканчивая свой день такъ-же, какъ и начиналъ его: подъ острыми уколами фигурныхъ струекъ гидропатическаго шкафа. Не могъ онъ существовать безъ этого шкафа, хотя ближайшій другъ его, — даже и родственникъ, Рожновъ, крупный и дѣловитый калужскій помѣщикъ, гостя у него въ Петербургѣ, всегда говорилъ ему, не то шутя, не то въ серьезъ:

— Эхъ Ваня, Ваня, бытье-то твое, какъ я посмотрю на тебя прямо, совсѣмъ особенное. Живешь ты вѣдь не въ людяхъ, а вотъ въ этомъ шкапу, и если блуждаютъ еще въ тебѣ какія-либо впечатлѣнія и разсужденія, такъ вѣдь только потому,—сознайся дружокъ!—что каждый день въ полдень трясетъ тебя до одурѣнія „машинная кобыла“.

Колесовъ не обижался на эти слова. Онъ любилъ остроты.

ДВѢ ГРАМОТКИ.

Двѣ предлагаемыя *грамотки* (такъ назывались въ старину обыкновенныя письма), писанныя въ концѣ XVII стол. любящими женами къ своимъ дорогимъ мужьямъ, находившимся по дѣламъ службы въ разлукѣ съ своими подругами, представляютъ не малый интересъ для характеристики домашнихъ отношеній между мужемъ и женою, о чемъ наша старина вообще очень мало даетъ прямыхъ свидѣтельствъ.

Намъ больше всего извѣстны только *правила* этихъ отношеній, какъ должно быть по Домострою, или общія мѣста поученій и наставленій и различныхъ сказаній о житіяхъ, гдѣ всѣ лица, какъ и ихъ отношенія, представляются полными отвлеченностями, которыя не даютъ уму и воображенію ничего реальнаго, живаго, и, какъ всѣ отвлеченности, скоро и безъ слѣда изчезаютъ изъ нашихъ созерцаній о минувшемъ бытѣ. Вотъ, по какой причинѣ такъ трудно возсоздавать въ живыхъ образахъ улетѣвшую отъ насъ навсегда древнюю жизнь. Это очень хорошо знаютъ художники во всѣхъ родахъ художественнаго творчества, гдѣ воспроизводится что-либо археологическое бытовое, а тѣмъ болѣе историческое. Въ историческихъ романахъ и драмахъ, въ историческихъ картинахъ и скульптурахъ намъ надобно видѣть и, такъ сказать, осязать живое лицо древняго человѣка. Но какъ его изобразить, если мы вовсе не вѣдаемъ того круга и склада понятій и мыслей, того расположенія и направленія его чувствъ, которыми онъ, необходимо, въ значительной степени отличался отъ современныхъ намъ людей. А между тѣмъ, вся, даже и внѣшняя обстановка древнихъ людей вполнѣ зависѣла отъ устройства или отъ извѣстной связи ихъ душевныхъ качествъ, умственныхъ и нравственныхъ. Каждый вѣкъ кладетъ свою бытовую печать на человѣка, и потому на сценѣ или въ исторической картинѣ и скульптурѣ самая поза, въ какой должна стоять фигура человѣка, долж-

на неотмѣнно выражать характеръ умственныхъ и нравственныхъ стремленій и направленій вѣка. Каждый изъ насъ согласится, что и герои, и простые люди того времени, въ своихъ тѣлесныхъ движеніяхъ и стояніяхъ, не походили на современныхъ намъ актеровъ или оперныхъ пѣвцовъ, какъ по большой части изображаютъ ихъ въ историческихъ картинахъ; что, напримѣръ, лица старинныхъ нашихъ бояръ и вообще верхняго сословія, которое вѣдь исключительно было военнымъ, не походили на лица теперешнихъ дебелыхъ лавочниковъ, неимѣющихъ никакой (какъ должно бы быть у бояръ) воинской искры въ лицѣ и мыслящихъ только о благополучной торговлѣ. А лица бояръ въ написанныхъ историческихъ и археологическихъ картинахъ выражаютъ именно только таковыя благополучныя мысли или одну простую сытость благополучнаго тѣла. Вообще, вмѣсто натуры боярина, намъ даютъ натуру какого либо современнаго бородатаго торговца или какой либо подобный типъ, забывая о томъ, что и всякое спеціальное занятіе человѣка всегда кладетъ на его лицо свои особыя черты, а потому въ картинѣ васъ поражаетъ иногда боярскій костюмъ и боярская обстановка съ лицомъ красиваго дворника. Ни дальніе трудные походы, ни мудрое или немудрое, но—управленіе приказами, ни властвованіе вообще надъ людьми, такъ свойственное боярскому чину, не находятъ мѣста на боярскихъ лицахъ, изображаемыхъ нашими историческими картинами. Между тѣмъ, лице съ его игрою мыслей и чувствъ своего характера, своего вѣка и своего историческаго событія представляетъ самое существо исторической картины. Только на лицахъ, то-есть въ чертахъ ихъ мысли и чувства, въ движеніи страстей возможно изображать историческіе, какъ и бытовые моменты угаснувшей жизни. А чтобы изобразить правдиво древнее лице, надо прежде изучить душевное устройство древняго человѣка, надо узнать во всей подробности его внутренній міръ, такъ ли онъ мыслилъ, такъ ли онъ чувствовалъ, какъ теперешніе люди;—по человѣчески, въ основахъ, конечно одинаково, но подъ вліяніемъ порядковъ своего вѣка различно во многихъ подробностяхъ, что необходимо и составляетъ характеристику людей своего времени. Матеріалы, потребные для такого изученія, у насъ крайне скудны. Безпрерывные пожары въ теченіе вѣковъ и позднѣйшее равнодушіе къ участи родныхъ памятниковъ истребили безслѣдно очень многое, очень дорогое для нашей исторіи и, между прочимъ, именно тотъ родъ памятниковъ, который явственнѣе и вѣрнѣе всего воскрешалъ бы старую дѣйствительность, то есть домашніе семейные архивы, гдѣ не только письма, но и расходныя тетради даютъ иногда драгоцѣннѣйшія указанія по этому предмету.

Но, конечно, ничто такъ не обрисовываетъ внутренній міръ че-

ловѣка, какъ его откровенное искреннее письмо, не стѣсненное никакими сторонними соображеніями и побужденіями. Это животрепещущій и правдивѣйшій матеріалъ и для художника, и для историка, раскрывающій именно внутренній міръ человѣка, а за нимъ и внутренній міръ цѣлаго общества,—матеріалъ, мало дающій фактическихъ свѣдѣній, но всегда воспитывающій вѣрное представленіе о прожитой жизни, о существѣ людскихъ поступковъ, о характерѣ людскихъ отношеній,—воспитывающій вѣрное представленіе о живой жизни, о живыхъ людяхъ.

Отъ древности, какъ мы упомянули, у насъ очень мало сохранилось этого матеріала, а потому будемъ дорожить и тѣми крохами въ этомъ отношеніи, какія, время отъ времени, все еще встрѣчаются въ старинныхъ бумагахъ. Съ этою цѣлью мы и предлагаемъ нижеслѣдующія два частныхъ письма добрыхъ женъ къ своимъ мужьямъ.

Первая *грамотка* полна упрековъ въ холодности мужа и изображаетъ довольно подчиненное положеніе жены, которая жалуется, что ея слезы для мужа—вода, а ея слова ему не годны, о чемъ она его ни проситъ, во всемъ получаетъ отказъ, что мужъ вообще не милостивъ къ ней, хотя никакой вины она за собою не знаетъ. Однако, проситъ сдѣлать кое-какія покупки для дочери и ей купить башмачки и чеботки, однако такіе, какіе помыслитъ купить самъ мужъ. Все это обнаруживаетъ достаточную холодность семейныхъ отношеній и полную зависимость жены отъ велѣній мужа.

Вторая *грамотка*, напротивъ того, исполнена самой нѣжной заботливости о мужѣ и представляетъ даже черты нѣкоторой сентиментальности, свойственной карамзинскому времени. Сердечный другъ находился на службѣ въ новозавоеванномъ Азовѣ, куда и послана была грамотка. Супруга усердно проситъ, чтобы мужъ не печалился—о чемъ собственно, не говоритъ: о разлукѣ ли, о тяжелой службѣ, или о какомъ служебномъ или домашнемъ дѣлѣ, — проситъ, чтобы онъ какъ можно берегъ свое здоровье; чтобы писалъ о томъ, что у нихъ дѣлается въ Азовѣ, смирно-ли тамъ, нѣтъ ли какихъ подходовъ отъ непріятелей. Жалуется, что мужъ объ этомъ ничего не пишетъ, сомнѣвается, все ли онъ въ добромъ здоровьѣ, и тутъ же разсказываетъ, какъ на Москвѣ во дворѣ у нея горенка разваливается и можетъ отъ паденія весь садъ переломать; очень заботится о садѣ, какъ тоже о любимомъ предметѣ, а затѣмъ опять проситъ, чтобы мужъ не печалился, чтобы умилился надъ нею и надъ дѣтьми, поберегъ свое здоровье. Въ началѣ грамотки она утѣшаетъ мужа ихъ дѣтьми, двумя дочками, изъ которыхъ одна, еще ребенокъ, Парашенька, особенно радуетъ ее. „А у насъ только и радости что Парашенька!“ вос-

клицаетъ супруга, увѣдомляя, что всѣ онѣ живутъ въ добромъ здоровьѣ, и потомъ снова повторяетъ, „а Парашенька у меня дѣвочка изрядная, дай Господи... какъ станемъ тебя кликать (называть), и она также кличетъ, и намъ всего дороже“... Нѣжная мать проситъ мужа, чтобы къ другой дочкѣ, возрастной и уже грамотной, къ Катюшкѣ, онъ писалъ бы хоть небольшія грамотки уставомъ, то есть, крупнымъ прямымъ письмомъ, дабы она могла свободно читать.

„Послала я къ тебѣ, другъ мой“, пишетъ добрая супруга далѣе, „*связочку* *); изволь носить на здоровье и связывать головушку, а я ту связочку цѣлый день носила и послала къ тебѣ другъ мой, изволь носить на здоровье“. Посылая связочку, какъ завѣтъ и залогъ собственной мысли о любимомъ другѣ, для чего и носила ее цѣлый день на своей головѣ, любящая супруга проситъ мужа прислать и ей камчатный лоскуточекъ отъ воротка его стараго ношенаго кафтана, съ такою же мыслію горячей любви, что будетъ этотъ лоскуточекъ носить, конечно тоже на шеѣ, будетъ его носить и—будто видѣться съ дорогимъ супругомъ, будто чувствовать его присутствіе.

Вслѣдъ за тѣмъ, она пишетъ о московскихъ друзьяхъ или родственникахъ, увѣдомляя мужа объ ихъ здоровьѣ, и гдѣ кто живетъ, а также и о кончинѣ одной княжны, быть можетъ родственницы, что была у ней и на погребеніи, и проситъ мужа о томъ не печалиться: „У насъ и у самихъ,“ говоритъ она, „Михайлушки не стало, да не пособить!“

Посреди сердечныхъ пожеланій добраго здоровья и сообщеній о домашнихъ дѣлахъ, добрая жена описываетъ и дѣловыя обстоятельства, какъ и что происходило въ Воронежѣ, по случаю отправки ею домовыхъ запасовъ въ Азовъ, для необходимаго продовольствія мужу. Подъ эти запасы, по государеву указу, велѣно было дать будару—грузовую лодку въ родѣ барки. Но на мѣстѣ, въ Воронежѣ оказалось, что такой будары нѣтъ; какія находились на берегу, были гнилы и худы, а ожидать ихъ починки не приходилось. Былъ Государевъ указъ, чтобы и гребцовъ дали, но распорядитель судами отвѣтилъ, что гребцовъ у него нѣтъ, гребите сами. Послѣ всего, будара была нанята и съ гребцами, и съ кормщикомъ у Донскихъ казаковъ. Здѣсь любопытно то обстоятель-

*) *Связка, перевязка*,—женскій, особенно дѣвичій старинный головной уборъ, состоявшій изъ тесьмы или нешерокой ленты, у богатыхъ украшенной золотнымъ или серебрянымъ шитьемъ, или жемчугомъ и каменьями. Мужчины также носили подобныя связки для того, чтобы содержать длинные волоса въ порядкѣ, чтобы они не падали на глаза. Ремесленники, во время работы, и теперь употребляютъ такія связки ременчатыя.

ство, что изъ Москвы писали Государевы грамоты, а на мѣстѣ распорядители и не думали ихъ исполнять. И это происходило не съ простымъ рядовымъ человѣкомъ, а съ Думнымъ Дворяниномъ, вторымъ воеводою въ Азовѣ.

Грамотка оканчивается просьбою доброй и любящей хозяйки, чтобы мужъ писалъ о людяхъ (о слугахъ), всѣ ли въ добромъ они здоровьѣ, и жалуется, что къ женамъ они грамотокъ не присылаютъ, а потому ихъ жены плачутъ. „Изволь, другъ мой, ихъ грамотки съ своими печатать," заключаетъ заботливая домодержица, предполагая, вѣроятно, что грамотки не доходятъ почему-либо.

Все это письмо, можно сказать, дышетъ семейною любовью и раскрываетъ передъ нами весьма характерныя черты семейныхъ отношеній, рисующія намъ старый бытъ въ болѣе привлекательномъ видѣ, чѣмъ тѣ сказанія о немъ, на основаніи которыхъ создались наши представленія о грубомъ и жестокомъ варварствѣ этого быта.

Кто такой былъ этотъ Иванъ Семеновичъ, изъ письма не видно. По всему вѣроятію, это былъ Думный Дворянинъ Иванъ Семеновичъ Ларіоновъ, назначенный на службу въ Азовъ, въ товарищахъ съ бояриномъ кн. А. П. Прозоровскимъ, 4 марта 1697 г. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ Петра Великаго и въ 1689 г. завѣдывалъ описаніемъ и продажею животовъ (пожитковъ) опальнаго любимца царевны Софьи, кн. Василія Вас. Голицына *).

Изъ письма мы узнаемъ также, что изъ Азова въ Москву грамотки приходили на девятнатцатый день, а въ Азовъ изъ Москвы на шестнадцатый день.

1.

Государю моему Тимоѳею Семіеновичу женишка твоя Катушка челомъ бьетъ. Подай Господь Богъ тебѣ, Государю моему, многолѣтно здравствовать на многіе впреть идущія лѣты. Пожалуй Государь мой Тимоѳей Семіеновичъ, пиши ко мнѣ про свое здоровіе. Не жалуешь Государь, не пишиши. Если бы Трофимъ не заѣхалъ, и по сю пору бы отъ тебя, Государя, ко мнѣ вѣсти не было. Я у тебя Государя милости просила со слезами, и тебѣ Государю моему и слезы мои мѣста воды. Я, Государь, вины не знаю своей предъ тобою, за што гнѣвъ твой ко мнѣ. Сказывалъ мнѣ Трофимъ кое какіе слова. и я то и сама вѣдаю, што немилость твоя ко мнѣ. Если бы милость твоя ко мнѣ, и все бы не такъ было. Да изволилъ ты Государь Тимоѳей Семіеновичь писать, что

*) Дворцовые Разряды. IV, 497, 1043.

купить Дашуткѣ и мнѣ, и я и писать къ тебѣ не смѣю, потому что мои слова тебѣ Государю не годны, о чемъ я у тебя милости ни просила и мнѣ обо всемъ отказъ. Дашутка била челомъ купить шелчку алова да серебра (волоченаго); а мнѣ прикажи купить башмачки да и чеботни (какіе тебѣ по мысли станутъ). Да послала я къ тебѣ, Государю своему, поясъ церковной, прикажи Государь дѣлать. Да Дашутка у тебя, Государя, милости проситъ, пожалуй, прикажи отписать граматку о Даріи къ бабушкѣ, къ Маврѣ Микитишнѣ. А про меня, Государь мой, изволишь милостію своею напаметовать, и я по сю грамотку жива и съ Дашуткою, а впредь воля Всещедрова Владыки. А потомъ тебѣ, Государю своему, челомъ бью и съ Дашуткою.

(Писано на столбцѣ, который свернутъ пакетомъ съ надписью: „Государю моему Тимоѳею Семіеновичу“. Письмо собственноручное съ безграмотнымъ правописаніемъ, которое здѣсь не сохранено, для удобства въ чтеніи. Принадлежитъ нашему собранію).

2.

Государю моему и другу сердешному Ивану Семеновичу женишка твоя Дашка премного челомъ бьетъ. Здравствуй другъ мой Иванъ Семеновичь на множество лѣтъ въ милости Божіи, а ко мнѣ, другъ, изволь писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ, чего я о твоемъ благоздравіи по вся часы слышати со усердіемъ желаю. А пожалуешъ, другъ мой, изволишь о мнѣ вѣдать, и я на Москвѣ съ Катюшкою и съ Парашенкою Іюня по 9-е число въ добромъ здоровьѣ. Ей, ей, все въ добромъ здоровьѣ. А у насъ только и радости, что Парашенка. Челомъ бью другъ мой, Иванъ Семеновичъ, на милости твоей, что жалуешъ, изволишь ко мнѣ писать о своемъ многолѣтнемъ здоровьѣ. И я, слыша о твоемъ здоровьѣ, о Бозѣ радуюся и хвалу Богу воздаю, дай Господи Боже и впредь тебѣ, другу моему, въ добромъ здравіи пребыть и отъ Бога все желаемое получить, и со мною въ добромъ здравіи и въ радости видитца. А Парашенка у меня дѣвочка изрядная; дай Господи . . . . . .и какъ станемъ тебя кликать, и она также кличетъ; и намъ всего дороже . . . . . Прошу у тебя другъ мой Иванъ Семеновичь милости: Господа ради, другъ мой, не печалься, во всемъ уповай на милость Божію и пожалѣй меня и дѣтокъ своихъ. А у насъ только и радости, что ты, другъ мой! Бога ради не печалься. А чаять Петровъ день кончая (пробѣлъ и нѣсколько строкъ отъ сгнившей бумаги неясны) . . . . . приказаны будары (грузовыя лодки), которыя на Воронежѣ, Семену Грибоѣдову; а есть ли

Кузьмы Титова ждать съ запасомъ на Воронежѣ, ждать будетъ долго; а которыя будары на Воронежѣ есть, изъ-подъ Азова взогнаты, и тѣ всѣ на сухомъ берегу худы и гнилы, и по се число не чинены. А въ грамотѣ Великаго Государя, какова послана изъ Пушкарскаго Приказу на Воронежъ къ Кузмѣ Титову о бударахъ, написано, велѣно дать боярину, князю Алексѣю Петровичу Прозоровскому, будара, а намъ будара съ дьяками. изъ тѣхъ, которыя взогнаты изъ подъ Азова вверхъ Дономъ на Воронежъ. Большаго полку боярина и воеводы Алексѣя Семеновича Шеина и боярина князя Алексѣя Петровича человѣкъ его, Семенъ Куровъ и Лазоревъ, грамоту Великаго Государя Семену Грибоѣдову подали; и онъ указалъ на старыя будары, которыя на сухомъ берегу не починены и згнили; и о гребцахъ грамоты Великаго Государя подали-къ Семену Грибоѣдову, и онъ сказалъ: „у меня, скать, гребцовъ нѣтъ, гребите и сами". И Лазоревъ вкупился въ будару у Донскихъ Козаковъ и совсѣмъ въ будару угрузились, а дано вкупу 8 р., ихъ гребцы и кормщикъ. А хотя-бъ будары и дали старыя и гнилыя, и въ тѣхъ бударахъ ѣхать опасно, и на починку-бъ денегъ много надобно, а гребцовъ-бы нанять-же; а чаять съ Воронежа вскорѣ...

А что прислана грамотка іюня въ 8-й день, а въ Азовѣ писана Маія 20-го числа, и писано немного. И язъ о томъ гораздо печальна, все-ли ты, другъ мой, въ добромъ здоровьѣ, и смирно-ли у васъ, и нѣтъ-ли какихъ подходовъ отъ непріятелей, и ты, другъ мой, о томъ ко мнѣ никогда не отпишешь, что у васъ дѣлается. А горенка и задпія сѣни гораздо худы, нынѣшнимъ лѣтомъ едва простоитъ-ли, а естьли повалятся—садъ весь переломаетъ; а въ горенку нынѣ и дѣвки не ходятъ, и ходить дѣтямъ по сѣнямъ опасно. А прошлаго году починивали, присыланъ былъ съ Юрьева Ванька Деменьтьевъ. И нынѣ вся горенка и съ сѣнми отошла отъ полаты и поклонилась вся назадъ. А какъ горенка и сѣни обвалятца,—садъ весь переломаетъ. Да пожалуй, другъ мой сердешный, Иванъ Семеновичъ, не печался, побереги своего здоровья, умились надо мною, надъ такою бѣдною безродною и надъ дѣтьми; а я безродная и безпомошная,—пожалѣй своего здоровья. Да пиши, другъ мой, и Катюшкѣ грамотки уставомъ, хотя небольшее. Да послала я къ тебѣ, другъ мой, *связочку*, изволь носить на здоровье и связывать головушку, а я тое связочку цѣлой день носила, и къ тебѣ, другъ мой, послала: изволь носить на здоровье. А я ей, ей въ добромъ здоровьѣ. А которыя у тебя, другъ мой, есть въ Азовѣ кафтаны старыя изношеныя и ты, другъ мой, пришли ко мнѣ, отпоровъ отъ воротка, лоскуточикъ камочки, и я тое камочку стану до тебя, другъ мой, стану

носить—будто съ тобою видитца. А Дмитрій Федоровичъ и Матрена Ивановна и Марфа Дмитревна, далъ Богъ, здоровы, а живутъ въ подмосковной; а князь Василей Григорьевичь въ деревнѣ, а княгиня Ирина Ивановна на Москвѣ и съ свекровью. А княжны Стефаниды Васильевны не стало, и я у ней на погребенье была, и о томъ пожалуй, другъ мой, не печалься, у насъ и у самихъ Михайлушка не стало, да не пособить. Потомъ тебѣ, другъ мой, премного челомъ бью. Да пожалуй, другъ мой, изволь писать объ людяхъ, все-ли въ добромъ здоровьѣ, а къ женамъ грамотки не присылываютъ, и онѣ плачутъ; изволь, другъ мой, ихъ грамотки съ своими печатать.

(Писано дьячьимъ почеркомъ, на столбцѣ, который былъ свернутъ пакетомъ и запечатанъ красно-сургучною печатью. На пакетѣ надписано: „Государю моему Ивану Семеновичю“. Помѣта получателя: „Іюня въ 25 день въ суботу пришла“. Принадлежитъ нашему собранію.—Обѣ грамотки достаточно ветхи и нѣкоторыя слова совсѣмъ утрачены отъ гнилости бумаги).

Ив. Забѣлинъ.

Изъ восточныхъ мотивовъ.

I.

„*Очень просто*“.

Съ дикихъ горъ, твердынь свободы,
Въ гости къ жителю равнинъ
Прибылъ разъ вольнолюбивый,
Гордый вольностью лезгинъ

И очамъ его орлинымъ
Не понравилась Нуха *);
Совращать онъ сталъ знакомца
На опасный путь грѣха:

— „Ну, порядки! Ханъ вашъ,—просто
„Кровожадный, лютый звѣрь!
„Двадцать лѣтъ, какъ вы боитесь
„Показать ему на дверь!...

„Онъ слуга, намѣстникъ шаха:
„Пусть-бы шахъ его прогналъ!—
„А не то,—у васъ, надѣюсь,
„Есть у каждаго кинжалъ!“....

Но прервалъ хозяинъ:—„Полно!
„Слишкомъ пылокъ ты, мой другъ
„Ханъ, положимъ, вѣшать любитъ,—
„Но страшнѣй намъ шайка слугъ!

*) Нуха—бывшая столица нѣкогда грознаго Шекинскаго ханства.

„Слуги хана—мы-же сами,
„Корень зла не въ немъ, а въ насъ
„Хану рай открыть кинжаломъ
„Мы могли-бы хоть сейчасъ!

„Ну,—и что-жъ за перемѣна?!...
„Развѣ та, что ханъ другой
„Сталъ-бы, для разнообразья,
„Вѣшать книзу головой!!!“....

Многоженство.

Разъ, на раутѣ блестящемъ
У персидскаго посла,
Опрометчивая дама
Рѣчь такую повела:

— „Excellence! pardon... скажите,
„Неужели по сей часъ
„Многоженство,—этотъ ужасъ
„Принятъ въ Персіи у васъ?!“

Не смутился персіанинъ,
Дипломатъ большой руки:
Лишь въ восточныхъ черныхъ глазкахъ
Засверкали огоньки.

— „Да“, сказалъ онъ, „многоженство.
„Этотъ ужасъ,—на бѣду,
„Совершенно какъ въ... Европѣ,
„И у насъ въ большомъ ходу;

„Но условно многоженство
„Разрѣшаетъ намъ законъ:
„Прокормить своихъ должны мы,
„А чужихъ не трогать женъ...

„Ну... а здѣсь мужья, насколько
„Я обычаи постигъ,
„Многихъ женъ имѣютъ тайно
„И... не очень кормятъ ихъ!...“

Чудакъ.

Шейхъ, мой другъ степенный, чтимый
Всѣми, кто съ нимъ былъ знакомъ,
Жить въ Ширазъ переселился
И прослылъ тамъ чудакомъ.

Домъ снаружи онъ раскрасилъ
Въ необычные цвѣта,
А ужъ самъ принарядился—
Заглядѣнье для шута!

Не бесѣда, а кривлянье,
Не походка, а прыжки!...
— „Нѣтъ! онъ просто сумасшедшій!
Говорили земляки.

Самъ смутился я, однажды,
Заглянувъ къ нему въ Ширазъ —
И, въ отвѣтъ на изумленье
Широко раскрытыхъ глазъ,

На лицѣ моемъ разлитый
Видя сдержанный вопросъ,
Онъ съ улыбкой чуть-замѣтной
Преспокойно произнесъ:

— „Хочешь ты узнать причину
„Этихъ странностей, причудъ?
„Очень просто: надоѣло
„Мнѣ терпѣть отъ пересудъ:

„Пересуды-жъ неизбѣжны...
„Приготовивъ пищу имъ,
„Это я толпѣ въ угоду
„Сталъ юродивымъ такимъ:

„Пусть она глядитъ пытливо
„На нарядъ, на домъ смѣшной, —
„А не въ душу! Пусть не знаетъ,
„Что творится *за стѣной!...*“

Василій Величко.

ПИСЬМО

(Этюдъ).

Павелъ Геннадіевичъ Коптевъ вернулся домой изъ Технологическаго Института усталый, съ тяжелой головой. Въ качествѣ юнаго студента, онъ рьяно набросился на науку, не пропуская ни одной лекціи своего курса, а въ свободные часы посѣщалъ аудиторіи другихъ курсовъ. Все его интересовало, всякое знаніе онъ принималъ бережно и складывалъ въ своемъ мозгу благоговѣйно, какъ святыню.

Онъ пришелъ домой и съ наслажденіемъ растянулся на диванѣ, въ ожиданіи, когда ему подадутъ обѣдъ. Комната была довольно просторна, въ три окна, съ приличной мебелью, даже съ трюмо, которое, впрочемъ, ему за пять мѣсяцевъ ни разу не понадобилось. Его студенческій мундиръ былъ безъ изъяновъ, въ комнатѣ—на этажеркѣ и на столѣ—было много книгъ. Однимъ словомъ, Коптевъ былъ студентъ обезпеченный, и ему не приходилось бѣгать по урокамъ и искать переписки.

Высокій, тонкій, съ блѣднымъ безбородымъ лицомъ, съ едва пробивавшимися темными усиками, съ большими круглыми глазами, онъ на всѣхъ производилъ впечатлѣніе юноши мягкаго, добраго, склоннаго къ мечтательности, но къ людямъ относился недовѣрчиво и туго сходился съ товарищами.

Онъ лежалъ такъ недолго. Вспомнивъ, что у него въ карманѣ есть письмо, которое онъ получилъ какъ разъ передъ самымъ выходомъ изъ Института, онъ привсталъ, зажегъ лампу, стоявшую на подоконникѣ, и переставилъ ее на столъ, потомъ вынулъ изъ кармана конвертъ, уже распечатанный, развернулъ четко, крупными буквами, написанный листъ почтовой бумаги и погрузился въ чтеніе. Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Милый и дорогой мой сынъ, Павелъ! Именемъ Господа Нашего Іисуса Христа благословляю тебя и всѣ твои добрыя дѣла

и начинанія. Давно я не писалъ тебѣ, и потому не писалъ, что сердце у меня болѣло. Многое высказать тебѣ хочу, сынъ мой дорогой, многое, что таю въ душѣ сколько уже лѣтъ. Но ты былъ малъ и могъ не понять, а теперь ты, слава Богу, юноша и студентъ, и сумѣешь понять отца.

Отъ самыхъ малыхъ лѣтъ ты былъ единственнымъ и дорогимъ моимъ сыномъ, и я тебя любилъ всѣмъ сердцемъ, какъ драгоцѣнное сокровище, дарованное мнѣ Богомъ. И ты былъ ко мнѣ радушенъ и ласковъ, шелъ ко мнѣ съ довѣріемъ, смотрѣлъ въ глаза съ любовію, слушался моихъ совѣтовъ и всячески радовалъ меня. Но когда я отвёзъ тебя въ гимназію въ нашемъ уѣздномъ городѣ, ты ко мнѣ перемѣнился. Ты сталъ задумчивъ и на всѣ мои ласки отвѣчалъ холоднымъ повиновеніемъ, болѣе отъ сознанія сыновняго долга, чѣмъ отъ сердечнаго чувства. Это меня печалило и заставляло сердце мое болѣть. Ты писалъ мнѣ письма, но они были кратки, какъ-бы обязательны. Ни одно изъ нихъ не шепнуло мнѣ о томъ, что сынъ мой единственный любитъ меня, скучаетъ по мнѣ. Охъ, ты не можешь вообразить, Павелъ, какъ тяжелы были для меня эти письма! Какъ послѣ ихъ полученія я много дней ходилъ, какъ тѣнь, не въ силахъ будучи вникать въ дѣла, и даже на молитву становился съ тягостными мыслями, и молитва меня не облегчала. А матери ты писалъ другія письма, исполненныя нѣжности и любви, и я читалъ эти письма и говорю тебѣ прямо: я страдалъ отъ нихъ, я ревновалъ тебя, моего любимаго сына, къ матери, и — страшно вспомнить, сынъ мой,—бывали минуты, что я питалъ къ ней ненавистное чувство ради этихъ писемъ. Вотъ, какой грѣхъ незамолимый!

Сколько разъ я хотѣлъ броситься къ тебѣ на шею и сказать со слезами: сынъ мой дорогой, прости отца! Но ты былъ малъ, ты могъ понять это неправильно, и я страдалъ, тая въ душѣ моей великую скорбь.

И многіе годы прошли, годы моихъ душевныхъ страданій, тайныхъ и оттого сугубо тяжкихъ. Но вотъ теперь многое измѣнилось, и я рѣшился написать тебѣ это письмо съ изліяніемъ всей моей скорбящей души.

Дорогой Павлуша! Я не скрываю отъ себя причины. Тотъ случай, что произошелъ по причинѣ пустоумія выгнаннаго дьякона Евпла (не будемъ поминать его зломъ, ибо душа его отошла уже въ вѣчность!), тотъ случай памятенъ мнѣ, я сознаю свою вину, я раскаялся много разъ. Со многими опытными людьми я бесѣдовалъ о немъ, со странниками и другими благочестивыми людьми, ѣздилъ даже въ Кіевъ и совѣтовался съ однимъ славнымъ проповѣдникомъ - старцемъ... Многими вздохами и слезами я очи-

стилъ свою душу. А ты все холоденъ ко мнѣ. Неужели-же, сынъ мой, злоба еще донынѣ, за много лѣтъ, не остынула въ твоемъ сердцѣ? Твои письма изъ Санктъ-Петербурга такія же холодныя, какъ и прежнія; не вижу въ нихъ любви, сколько ни ищу... Не вижу, и оттого страдаю и плачу.

Возьми ты мое положеніе, Павлуша, и вникни! Я — одинъ на свѣтѣ. Мать твоя, Валерія Игнатьевна, оставила меня, голубушка наша, и отошла въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни воздыханія. Случалось, что ссорились мы съ нею, но все-же ладили и примирялись. А теперь я совсѣмъ одинокъ въ жизни. Становлюсь старъ, дряхлѣю. Думаю о душѣ моей грѣшной. Только станешь на ноги, передамъ тебѣ все добро, моимъ кровнымъ трудомъ пріобрѣтенное,—все для тебя, сынъ мой, все для тебя!—Возьму себѣ малую часть денегъ и отправлюсь на Афонъ-гору спасать свою душу и молиться за тебя. Но я и теперь молюсь: Господи, смягчи сердце Павлуши! Возврати ему младенческую любовь ко мнѣ...

Сынъ мой, прости меня! Забудь обиду! Согрѣй мое старческое сердце ласкою! Укрази своею любовью мои остатніе дни! Вѣдь сказано: любите враговъ своихъ. А я не врагъ твой, а отецъ родной.

Это письмо вылилось изъ моего наболѣвшаго сердца. Вѣрь, что оно искренно. Обнимаю тебя горячо, и цѣлую безсчетное число разъ, и благословляю тебя именемъ Божіимъ.

Любящій тебя отецъ Геннадій Коптевъ".

Павелъ Геннадіевичъ сложилъ письмо, всталъ и задумчиво заходилъ по комнатѣ. Картины давно минувшаго одна за другой мелькали въ его головѣ, освѣщенныя яркими золотыми лучами южнаго солнца. Это не были воспоминанія, въ которыхъ послѣдовательно одинъ къ другому укладывались-бы пережитые факты. Тутъ было все: и то, что онъ пережилъ, и то, что видѣлъ и слышалъ, однимъ словомъ, это были тѣ неуловимые тонкіе штрихи, изъ которыхъ составляются впечатлѣнія дѣтства, и про которые никто не можетъ сказать, какъ и когда попали они въ душу и оставили въ ней неизгладимый слѣдъ.

I

По четвергамъ въ уѣздномъ городѣ съ давнихъ временъ бывали базарные дни. Бывали они еще и по воскресеньямъ, но Геннадій Абрамовичъ ѣздилъ только по четвергамъ, ибо, какъ благочестивый человѣкъ, полагалъ, что седьмой день недѣли долженъ быть весь, полностію, посвященъ Богу.

Онъ проснулся часа въ четыре утра. Было уже совсѣмъ свѣтло,

и на востокѣ, по ту сторону древняго запущеннаго пруда, который давно уже превратился въ болото, поросшее куширемъ и рѣденькими кустиками молодого камыша, — обозначилась яркорумяная полоса. Тамъ сейчасъ появится багровый кругъ; онъ, подымаясь всё выше и выше, окрасится въ золотистый цвѣтъ, пуститъ изъ себя теплые лучи, которые, какъ тонкія стрѣлы, полетятъ во всѣ концы земли и поплывутъ себѣ по небу.

Геннадій Абрамовичъ вышелъ во дворъ въ коротенькой нитяной фуфайкѣ коричневаго цвѣта, въ высокихъ сапогахъ и въ круглой шапочкѣ на головѣ. Шапочка эта подымалась вверхъ короткимъ конусомъ, на ней блестѣли парчевыя украшенія въ видѣ кружковъ и крестиковъ и, вообще, если она и не походила вполнѣ на скуфью, то во всякомъ случаѣ отъ нея вѣяло чѣмъ-то монашескимъ. Это и понятно, потому что шапочку подарилъ Геннадію Абрамовичу афонскій монахъ, который мимоѣздомъ провелъ у него два дня, оставивъ ему кромѣ шапочки еще цѣлую кучу душеспасительныхъ брошюръ, поучительныхъ картинъ и флаконъ „ригаля“, пахучаго афонскаго масла, излѣчивающаго отъ всѣхъ болѣзней. Геннадій Абрамовичъ успѣлъ уже совершить утреннюю молитву. Въ его кабинетѣ, гдѣ онъ и спалъ на кушеткѣ, обитой французскимъ ситцемъ, было много иконъ, теплилась вѣчная лампадка и всегда слегка припахивало дымкомъ курительныхъ свѣчекъ. Тутъ стоялъ аналой съ большой книгой въ бархатномъ переплетѣ, а передъ нимъ былъ разостланъ узенькій коротенькій коврикъ для колѣнопреклоненія и поклоновъ. Картины, висѣвшія на стѣнахъ, изображали эпизоды изъ жизни святыхъ: старецъ Серафимъ, умирающій колѣнопреклоненный на молитвѣ передъ образомъ,—Іоаннъ Дамаскинъ, вдохновенно слагающій свои пѣснопѣнія среди лѣсовъ, птицъ и звѣрей,—маленькій царь Давидъ, побѣждающій огромнаго Голіафа,—Іевфай, приносящій въ жертву свою собственную дочь.

Вся эта обстановка могла-бы свидѣтельствовать объ исключительномъ благочестіи Геннадія Абрамовича и о совершенномъ отреченіи его отъ мірской суеты, если бы здѣсь не было ясеневаго, довольно неуклюжаго письменнаго стола, а на столѣ не лежали-бы толстыя конторскія, даже прошнурованныя книги, массивные счеты, чернильница съ песочницей и нѣсколько раскрытыхъ мѣшковъ съ пробами зерна.

— Запрягай, что-ли, Тимоша!—сказалъ Геннадій Абрамовичъ, обратившись къ человѣку, несшему черезъ обширный дворъ объемистую охабку сѣна—свѣжаго, зеленаго, еще пахнущаго полемъ.

Тимоша въ отвѣтъ издалъ какой-то неясный звукъ, весь ушедшій въ сѣно, которое закрывало ему ротъ, носъ и правый глазъ,

такъ что лица его совсѣмъ не было видно. Геннадій Абрамовичъ узналъ, что это Тимоша, а не Дмитрій, по спинѣ, которая у Тимоши была короткая и сутуловатая, а у молодаго парня Дмитрія — ровная, статная, однимъ словомъ, молодая спина.

Сѣрый мохнатый песъ пожелалъ Геннадію Абрамовичу добраго утра, солидно постучавъ хвостомъ по землѣ, но не вставая съ мѣста. Авдотья прошла изъ погреба въ коровникъ, неся въ лѣвой рукѣ доёнку, а въ правой кусокъ ржанаго хлѣба. Это означало, что она будетъ доить привилегированную „нѣмку", которая безъ этой взятки никого къ себѣ не подпускала. Голуби слетали съ голубятни и искали зеренъ среди двора, но такъ какъ „птицы" еще не кормили, то они улетали обратно разочарованные.

Геннадій Абрамовичъ посмотрѣлъ на небо, потомъ на виднѣвшійся изъ-за сарая зеленѣющій садикъ, съ наслажденіемъ вдохнулъ въ себя много свѣжаго утренняго воздуха и сказалъ тихо, для себя самого:

— Дивна премудрость Божія! Экое славное утро!—и сейчасъ-же прибавилъ громко по адресу Тимоши, который вмѣстѣ съ охабкой сѣна скрылся въ конюшнѣ: — Живѣе управляйся, а то какъ разъ къ разъѣзду прибудемъ!.. Ну, ужъ, истинно ты лѣнивый рабъ, Тимоша!

Изъ конюшни донесся неясный гулъ. Очевидно, это былъ Тимошинъ отвѣтъ, а вслѣдъ за этимъ появился и самъ Тимоша, но уже безъ сѣна, а съ поводомъ въ рукахъ; за нимъ, неторопливо стуча копытами по деревянному мостику конюшни, неохотно двигались пара крупныхъ коней — гнѣдой и сѣрый. Вся эта группа направилась къ стоявшему неподалеку экипажу, окрашенному въ зелёный цвѣтъ и представлявшему нѣчто среднее между мужицкой телѣгой и городскимъ фаэтономъ. Имя ему было — бричка.

Убѣдившись, что Тимоша не такой уже въ самомъ дѣлѣ лѣнивый рабъ, чтобъ на него совсѣмъ нельзя было положиться, Геннадій Абрамовичъ вернулся въ сѣни, неспѣша открылъ стоявшій тамъ, старинный заскорузлый шкафъ, взялъ маленькій глиняный кувшинчикъ, вмѣстимостью стакана съ три, и опять вышелъ во дворъ. Но на этотъ разъ онъ не остановился, а пошелъ въ тотъ самый коровникъ, куда раньше направилась Авдотья.

— Помогай Богъ, Авдотья!—сказалъ онъ, съ удовольствіемъ осматривая семерыхъ коровъ, стоявшихъ въ разныхъ концахъ коровника и медленно, задумчиво ворочавшихъ челюстями.

— Спасибо!—привѣтливо отвѣтила миловидная Авдотья, сидѣвшая на корточкахъ почти подъ самой коровой.

— А ну-ка!

Онъ передалъ ей кувшинчикъ; Авдотья тутъ-же надоила въ него молока до краевъ и возвратила ему. Геннадій Абрамовичъ взялъ кувшинъ въ лѣвую руку, а правой перекрестилъ его три раза, потомъ самъ перекрестился и затѣмъ уже поднесъ его къ устамъ. Онъ пилъ не торопясь, а когда выпилъ, подержалъ пустой кувшинъ передъ собой, затѣмъ повернулъ его вверхъ дномъ и вылилъ остатокъ на навозную землю.

— Вотъ это дѣло!—сказалъ онъ:—я говорю, что мнѣ не надо никакого чаю! Зачѣмъ чаи, когда Богъ даетъ молочко? Не такъ-ли?

Авдотья ничего не отвѣтила. Подобная сцена повторялась всякое утро, и каждый разъ Геннадій Абрамовичъ проводилъ параллель между чаемъ и молокомъ, отдавая предпочтеніе послѣднему. Онъ прибавилъ: — Сегодня рыбаки принесутъ рыбу. Такъ ежели будутъ караси, ты зажарь ихъ въ сметанѣ!.. Да хорошенько, чтобъ зарумянились!..

На дворѣ уже тарахтѣла бричка. Тимоша подкатилъ подъ крыльцо. Геннадій Абрамовичъ заторопился. Насколько величественъ онъ былъ, когда шелъ медленно и солидно, настолько смѣшно было глядѣть, когда онъ съ кувшиномъ въ рукѣ почти бѣжалъ черезъ дворъ. Какъ всѣ благочестивые міряне, онъ былъ довольно толстъ. Нитяная фуфайка, плотно прилегавшая къ его тѣлу, обрисовывала изрядное брюшко, жирные бока и выпуклую грудь, походившую на женскую. Длинная борода съ легкой просѣдью колыхалась изъ стороны въ сторону или вдругъ дѣлилась на двое, а концы ея развѣвались гдѣ-то на затылкѣ, вслѣдствіе чего лицо его дѣлалось короткимъ и смѣшнымъ. Не слѣдовало Геннадію Абрамовичу торопиться; все его величественное благолѣпіе разомъ исчезало, и изъ почтеннаго, извѣстнаго своимъ благочестіемъ человѣка, онъ превращался вдругъ въ обыкновеннаго арендатора двухсотъ десятинъ земли, принадлежавшихъ помѣщику Лабунскому.

Въ сѣняхъ онъ сбавилъ шагу, а когда вошелъ въ кабинетъ, его движенія опять приняли скромно-благочестивый характеръ, борода заняла свойственную ей позицію, а молочно-блѣдное лицо глядѣло сосредоточенно и солидно. Онъ открылъ шкафъ, досталъ оттуда темносѣрый пиджакъ и одѣлъ его; снялъ шапочку и бережно положилъ ее на полку. Волосы на головѣ были у него почти совсѣмъ сѣдые, рѣдкіе, смазанные миндальнымъ масломъ и приглаженные слѣва направо, отъ пробора надъ виском.

Затѣмъ онъ взялъ со стола массивные серебряные часы того стариннаго фасона, который носитъ названіе „цибули“, и опустилъ ихъ въ глубокій карманъ брюкъ; свернулъ мѣшечки съ пробой зерна и уложилъ ихъ въ карманы пиджака; взялъ въ углу корот-

кую сучковатую палку. Исполнивъ все это, онъ подошелъ къ аналою, сталъ на коврикъ, трижды перекрестился и, поклонившись въ поясъ, поцѣловалъ крестъ, изображенный изъ серебра на переплетѣ молитвенника.

Но это еще не всё, что нужно было сдѣлать Геннадію Абрамовичу для того, чтобы съ спокойной душою выѣхать со двора. Онъ вышелъ изъ кабинета и на цыпочкахъ прошелъ въ спальню. Здѣсь было совсѣмъ темно; плотно прикрытыя ставни не пропускали ни одного луча свѣта.

Валя, а—Валя!—почти шепотомъ произнесъ онъ въ темнотѣ.

— Гм... у-у!..—глухо протянулъ сонный женскій голосъ, и вслѣдъ за этимъ послышался лёгкій скрипъ кровати. Кто-то повернулся съ бока на бокъ.

— Нѣтъ, ты спи себѣ!.. Я ѣду въ городъ, сегодня базарный день... Хочу къ житу прицѣниться... А ты въ монастырь собиралась... Поѣдешь?

— Умм... не хо-очется!..

Валя, повидимому, потянулась и заснула.

— Нѣтъ, ты поѣзжай!.. Оно какъ-то неловко! Мать-игуменія обидится... Поѣзжай! Ты вели гнѣдого запречь въ бѣду... Ну, поклонись матери-игуменіи и скажи, что прошу ея молитвъ. А самъ не могу быть! Храни тебя Богъ... Спи себѣ!..

Валя опять потянулась и зѣвнула.—Ну, ладно... А ты купи голову сахару... У насъ сахару нѣтъ!..

— Фу-ты, Господи, что это онъ такъ скоро идетъ, словно его съ борщомъ ѣдятъ!.. Это удивительно!

— Ну, вотъ! Я его поѣла, что-ли? Идетъ, какъ идетъ... Еще сахаромъ попрекать будешь!..

— Зачѣмъ-же сердиться?—мягко возразилъ Геннадій Абрамовичъ:—сердиться никогда не слѣдуетъ. Я не попрекаю, а такъ себѣ сказалъ... А сердиться грѣхъ... И въ Писаніи сказано...

— Э, пошелъ своё писаніе отчитывать... Самъ-же затѣялъ, а потомъ писаніе... Говорю—сахару нѣтъ, ну и дѣлу конецъ... Что тутъ писаніе? Въ писаніи ничего про сахаръ-то не сказано, я думаю...

— Спи, спи себѣ, пожалуйста!.. Что ни слово, то грѣхъ...

И Геннадій Абрамовичъ, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ грѣховъ, т. е. словъ Валеріи Игнатьевны, открылъ дверь въ слѣдующую комнату и тихонько вошелъ туда. Здѣсь былъ полумракъ. Можно было разглядѣть печку съ невысокой лежанкой, столикъ съ полъ-десяткомъ изорванныхъ и истрёпанныхъ книгъ, коротенькую желѣзную кровать, на которой, свободно раскинувъ руки и ноги, животомъ внизъ, спалъ мальчикъ, съ низко и до бѣла остри-

женной головой. Длиннѣйшая бѣлая рубаха задралась къ самой шеѣ, и вся спина и ноги были на виду, а клѣтчатое одѣяло лежало на полу. Лице все зарылось въ подушку. Геннадій Абрамовичъ осторожно нагнулся и поднялъ одѣяло. Онъ неодобрительно покачалъ головой и прошепталъ:

— Ишь, какъ спитъ непристойно! Вся нагота настежь открыта.

Онъ прикрылъ одѣяломъ наготу мальчика, трижды перекрестилъ его и вышелъ въ слѣдующую дверь, которая вела въ переднюю, а отсюда—въ сѣни. Тимоша уже натянулъ возжи. Его старое корявое лицо съ короткой, круглой, сѣдой и необыкновенно густой бородой смотрѣло уныло. Гдѣ ужъ въ шестьдесятъ лѣтъ ѣздить по базарамъ и исполнять кучерскія обязанности? Онъ ощущалъ на своей спинѣ каждый позвонокъ и могъ мысленно пересчитать ихъ, потому что каждый болѣлъ по-своему. Дмитра молодого дома оставляютъ, воображая, что онъ тутъ работаетъ. Какой тамъ?! Заберется въ кухню и любезничаетъ съ благочестивой Авдотьеи...

Геннадій Абрамовичъ сѣлъ въ бричку и сказалъ:—трогай, Тимоша!—самъ перекрестился и послалъ крестъ лошадямъ. Тимоша тронулъ. Въ дверяхъ кухни стояла Авдотья.—Гляди, не забудь, Авдотья, карасиковъ зажарить!—крикнулъ ей Геннадій Абрамовичъ, и шустрые „хозяйственные“ кони быстро повезли его въ городъ.

II.

Павлуша проснулся и сѣлъ на кровати съ возбужденнымъ лицомъ, съ удивленными глазами. Глаза у него были большіе, круглые, какъ у матери, носъ плоскій, какъ у отца, щеки полныя, въ общемъ лицо некрасивое, но милое — беззлобное, неглупое и чаще серьезное, чѣмъ веселое.

Возбужденъ онъ былъ потому, что солнце крѣпко прижгло ему затылокъ, а удивило его то, что онъ, очевидно, проспалъ. Съ вечера онъ нарочно полуоткрылъ одну половинку ставни, чтобъ проснуться пораньше и уцѣпиться съ отцомъ въ городъ. Онъ любилъ городъ, особенно — базаръ съ его оживленіемъ, съ движущимися возами, на которыхъ есть всё отъ молока до вилъ и серпа, съ снующими озабоченными фигурами, съ перекрёстными разговорами, когда одинъ землякъ кричитъ другому во все горло за сто шаговъ, не обращая вниманія на то, что другимъ землякамъ нѣтъ до него дѣла; но другіе кричатъ точно такъ же, и въ воздухѣ стоитъ невообразимый гвалтъ. И отецъ обѣщалъ взять его съ собою, но, видно, пожалѣлъ будить. Это очень грустно.

Павлуша лѣниво снялъ длинную рубашку и сталъ одѣваться въ дневной костюмъ. Онъ одѣвался неторопливо, потому что у него, проспавшаго городъ, не было еще никакой опредѣленной цѣли въ жизни на нынѣшній день.

Онъ заглянулъ въ сосѣднюю комнату. Она была полна яркаго солнечнаго свѣта; широкая орѣховая кровать была убрана, закрыта голубымъ шелковымъ одѣяломъ, поверхъ котораго было симметрично сложено множество подушекъ—бѣлыхъ, съ красными просвѣтами по краямъ. Валерія Игнатьевна давно уже встала и пошла возиться по хозяйству.

Золотые лучи солнца, радостно игравшіе и переливавшіеся въ яркихъ цвѣтахъ одѣяла и подушекъ, видъ двора, открывавшійся въ окнѣ, съ разноцвѣтными голубями, ежеминутно одинъ за другимъ слетавшими на землю съ своего высокаго терема, задорные прыжки длиннохвостой мохнатки, вздумавшей, отъ скуки или отъ избытка силъ, добродушно попугать глупыхъ куръ, которыя, разставивъ свои безсильныя крылья, испуганно мчались по двору, — всё это разогнало унынie, водворившееся, было, въ душѣ Павлуши. У него явилась цѣль, это—солнце, ясный прозрачный воздухъ, желаніе бѣжать въ садъ, въ степь, кувыркаться, валяться въ травѣ, лазить по деревьямъ, гоняться за мотыльками, болтаться въ рѣкѣ, въ ея теплой, словно подогрѣтой водѣ. Онъ уже торопливо застегивалъ пуговицы, обувалъ ноги въ сапоги, мылся, наскоро молился, и, выполнивъ все это, распахнулъ въ спальнѣ окно и выпрыгнулъ въ него; ходъ черезъ двери, сѣни и крыльцо казался ему слишкомъ длиннымъ.

Когда онъ очутился во дворѣ, всѣ остатки прежняго унынія исчезли, онъ почувствовалъ себя совершенно бодрымъ, здоровымъ и голоднымъ. Онъ побѣжалъ къ погребу, надѣясь застать тамъ Валерію Игнатьевну. По его разсчетамъ, она теперь солила огурцы. Но, подбѣжавъ къ погребу, онъ убѣдился, что растворена только первая досчатая дверь, вторая-же—рѣшетчатая, служившая для пропуска воздуха, была заперта большимъ замкомъ. Онъ побѣжалъ въ кладовую, гдѣ Валерія Игнатьевна могла складывать въ кадушку вяленую рыбу. Но и кладовая была наглухо заперта. Онъ обѣгалъ всѣ мѣста, гдѣ только могла быть мать: засѣку, птичникъ, палисадникъ съ огородомъ,—пронесся вихремъ черезъ гостиную, столовую и кабинетъ и, наконецъ, догадался заглянуть въ маленькій сарайчикъ, гдѣ обыкновенно стоялъ, съ задранными вверхъ подъ крышу оглоблями, своеобразный экипажъ на двухъ колёсахъ, носившій названіе „бѣды“. Сарайчикъ былъ пустъ, изъ чего Павлуша основательно заключилъ, что Валерія Игнатьевна тоже куда-то уѣхала.

Онъ почувствовалъ себя глубоко-оскорблённымъ, и былъ даже склоненъ подозрѣвать въ этомъ умышленное вѣроломство. И отецъ, и мать нарочно уѣхали тихонько, чтобъ не взять его; они боялись, что онъ будетъ мѣшать имъ, надоѣдать. И ему представилось, какъ они оба ходили чуть слышно около его комнаты, какъ даже экипажи старались не шумѣть, выкатываясь изъ двора, и лошади выходили на цыпочкахъ, а Тимоша говорилъ имъ шопотомъ, наклоняясь къ ихъ ушамъ: „Но, дѣтки, только тише, чтобы панычъ не слышалъ“...

Павлуша топнулъ ногой и съ глазами, полными слезъ, направился въ кухню. Авдотья стояла надъ лоханью, въ которой лежала свѣжая рыба и ползали раки. Караси и окуни медленно дышали, приподымая щеки, изъ-подъ которыхъ мелькали блѣдно-розовыя кружевныя жабры. Раки, путаясь въ приставшей къ нимъ рѣчной травѣ, норовили выбраться изъ лохани и расползтись по глиняному полу кухни. Авдотья осторожно брала ихъ двумя пальцами за спины и бросала въ стоявшій тутъ-же чугунный котелокъ.

— А, вотъ и панычъ!—радушно сказала Авдотья:—заспались же вы сегодня, панычекъ!—Павлуша любилъ Авдотью за то, что она была всегда такая привѣтливая, веселая и красивая.

— Куда уѣхала мамаша?—спросилъ Павлуша, до того глубоко оскорблённый, что не замѣтилъ даже ползающихъ раковъ.

— Мамаша поѣхали въ монастырь, къ игуменіи... Игуменія сегодня ангела справляютъ...

Павлуша весело разсмѣялся, глядя на то, какъ два рака сцѣпились на самомъ борту лохани и оба свалились на дно. Собственно говоря, онъ не этому смѣялся, а просто ему стало весело, когда онъ узналъ, что мать поѣхала въ монастырь. Онъ терпѣть не могъ бывать въ монастырѣ, и всегда, когда его брали туда, считалъ это наказаніемъ. Прежде всего ему не нравилось, что надо было цѣловать бѣлую пухлую руку матери-игумены. Рука эта имѣла такой видъ, словно на ней отъ ожога вскочилъ большой пузырь. Кромѣ того, мать-Ѳеопистія всякій разъ привлекала его къ себѣ и цѣловала въ лобъ, и губы ея оставляли на лбу мокрый слѣдъ. Но это-бы еще ничего. Вслѣдъ за этимъ его тащила къ себѣ казначейша, мать-Проскудія, и начинала такъ усерно гладить его по головѣ своей костлявой рукой, что у него послѣ этого два дня болѣла кожа на головѣ. Потомъ за него принимались послушницы, таскали его по кельямъ, и всѣ повторяли, что онъ „ахъ, какой хорошенькій мальчикъ“. Все это Павлушѣ не нравилось, и онъ теперь очень былъ радъ, что его оставили дома.

Однако, онъ вспомнилъ, что голоденъ, и попросилъ у Авдотьи

на этотъ счетъ разъясненій. Оказалось, что его ожидалъ чай, сливки, здобная булка и свѣжее масло. Принявъ въ себя всего этого столько, сколько полагается здоровому мальчику, хорошо поспавшему ночь и живущему на свѣжемъ воздухѣ, Павлуша вырвался со двора и помчался въ поле.

Авдотья приготовила чанъ для раковъ, уложила ихъ туда и прикрыла тяжелой крышкой, очистила карасей, посолила ихъ и уложила на сковороду. Она разсчитала, что варить и жарить можно будетъ начать часа черезъ четыре, чтобъ все было готово къ пріѣзду хозяевъ. Конечно, будь Валерія Игнатьевна дома, для Авдотьи нашлось-бы работы по горло, но теперь она вышла изъ кухни и направилась прямо къ половнику. Въ половникѣ было прохладно, а главное—мягко на половѣ, какъ на пуховикахъ. По странному стеченію обстоятельствъ, едва она открыла низенькую дверь, какъ разглядѣла растянувшуюся на половѣ длинную фигуру молодого работника Дмитра. Но это не помѣшало ей захлопнуть за собою дверь и, среди почти совершенной темноты, промолвить тихонько, шутливымъ голосомъ:

— Да тутъ, кажись, домовой?

— Эге, онъ самый и есть!—послышался въ отвѣтъ сдержанный басовой голосъ Дмитра.

Они оба засмѣялись и начали говорить уже шепотомъ. Въ половникѣ раздавались нѣжныя слова: „сердце мое“, „ясочка моя“, „мой голубь сизый“ и множество другихъ, еще болѣе нѣжныхъ, и еслибъ во дворъ въѣхала цѣлая шайка воровъ и растаскала все имущество Геннадія Абрамовича, то Дмитру и Авдотьѣ не было-бы до этого никакого дѣла. Одинъ только мохнатка могъ-бы исполнить обязанности сторожа, но и тотъ, почуявъ, что его любимецъ—Павлуша убѣжалъ въ поле, поднялъ хвостъ и подралъ во всю прыть разыскивать своего юнаго хозяина.

III.

Часовъ въ десять утра, т. е. какъ разъ тогда, когда домъ Геннадія Абрамовича былъ въ беззащитномъ положеніи, къ воротамъ подъѣхала повозка, запряженная прескверной лошаденкой. Лошаденка была какая-то короткая, худая, со всѣми болѣзнями и пороками, однимъ словомъ такая, которой давнымъ-давно слѣдовало-бы околѣть, но она, тѣмъ не менѣе, жила. На повозкѣ была горка сѣна, а на сѣнѣ, ничѣмъ не накрытомъ, сидѣлъ, повернувшись всѣмъ корпусомъ направо и свѣсивъ длинныя ноги на воздухъ, страннаго вида человѣкъ. Самый опытный этнографъ,

безъ сомнѣнія, затруднился-бы—по внѣшнему виду—опредѣлить, къ какой расѣ слѣдуетъ отнести это существо. Онъ былъ длиненъ и худъ до той послѣдней степени, какая возможна для человѣка, но не смотря на это, на лицѣ его не было слѣдовъ ни истощенія, ни унынія. Напротивъ, онъ весело смотрѣлъ по сторонамъ и, казалось, подсмѣивался надъ міромъ Божіимъ. Его смуглое лицо густо обросло кудрявыми короткими волосами, изъ-подъ шляпы, нѣкогда черной, а теперь походившей на какое-то сплошное сальное пятно, свѣшивались на затылокъ, на виски и на лобъ прямыя, какъ пряди нерасчесаннаго льна, косы, мокрыя отъ пота и грязныя отъ пыли. На немъ была какая-то широкая одежда, походившая на рясу, но спереди она была разстегнута, какъ и ситцевая рубашка подъ нею, и всякій могъ свободно видѣть волосатую грудь путешественника и подпрыгивавшій на ней серебряный крестикъ на красной тесемкѣ.

Повозка остановилась у воротъ, сѣдокъ сошелъ на землю и, въ полной увѣренности, что лошадь безъ достаточнаго понуканія не сдѣлаетъ шагу ни впередъ, ни назадъ, оставилъ ее на произволъ судьбы и пошелъ во дворъ. Теперь, когда онъ шелъ по землѣ, слегка наклонивъ свой тонкій станъ впередъ и въ то-же время на бокъ, можно было почти съ увѣренностію сказать, что онъ имѣетъ какое-то отношеніе къ духовному званію. Длинная одежда его не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ рясой. Матеріалъ, изъ котораго она была сшита, въ свое время былъ чернымъ люстриномъ, но теперь это давно уже была тряпка, спереди сохранившая еще черный цвѣтъ, а на спинѣ совсѣмъ выгорѣвшая и порыжѣвшая. Сапоги у него были искривлены, а кафтана, какъ полагалось-бы духовному лицу, совсѣмъ не было. Короче сказать, это былъ дьяконъ, отецъ Евплъ, дьяконъ, котораго знали не только всѣ окрестные мужики и бабы, но и всѣ деревенскія собаки, пропускавшія его мимо себя безъ всякаго возмущенія. Онъ былъ не служащій. Когда-то о. Евплъ считался хорошимъ дьякономъ, отлично служилъ и снискалъ даже особое благоволеніе консисторіи за то, что устроилъ въ своемъ селѣ церковный хоръ. Но, лѣтъ шесть тому назадъ, у него умерла жена, онъ запилъ до того, что его отставили отъ должности, обѣднѣлъ и махнулъ на все рукой. Въ селѣ у него была хата, которую онъ называлъ „хижиной дяди Тома“, мужики по старой памяти прокармливали его, чѣмъ Богъ послалъ, и онъ не ропталъ на судьбу.

Геннадій Абрамовичъ не долюбливалъ о. Евпла за то, что въ немъ отсутствовало благочестіе, но принималъ его потому, что у него былъ принципъ, чтобы „принимать сирыхъ и странныхъ“. Въ былое время они были пріятелями, но потомъ, когда о. Евплъ

измѣнился, Геннадій Абрамовичъ сказалъ про него: „Пустота“! и сталъ обращаться съ нимъ сухо; но дьяконъ этого не хотѣлъ замѣчать, заѣзжалъ къ нему запросто, требовалъ ѣды и питья и велъ себя, какъ дома, тѣмъ болѣе, что Валерія Игнатьевна любила его, какъ человѣка, съ которымъ всегда было весело.

— Гм... Ни хозяина, ни собаки не видно!—сказалъ о. Евплъ, окинувъ взоромъ весь дворъ и не встрѣтивъ никого, кромѣ нѣсколькихъ куръ и индюка.—Это плохой знакъ.

Онъ вошелъ въ сѣни, потомъ въ гостиную, заглянулъ и во всѣ остальныя комнаты, но не нашелъ ни души. Но такъ какъ знойная дорога утомила и распарила его, то онъ сѣлъ въ кресло и сталъ отдыхать, обмахиваясь, вмѣсто вѣера, полой своей рясы, и тою-же самою полою вытирая потъ съ лица. Въ то-же время онъ оглядывалъ стѣны комнатъ, на которыхъ и въ самомъ дѣлѣ было, что посмотрѣть. Правда, онъ тысячу разъ все это уже видѣлъ,—и эти семь длинныхъ столбцовъ славянскаго текста въ черной рамкѣ подъ стекломъ, озаглавленные: „како надлежитъ душу спасать“, и это изображеніе въ лицахъ семи смертныхъ грѣховъ, витающихъ надъ одромъ умирающаго грѣшника, и это огромное всячески напачканное пятно, съ парящимъ надъ нимъ голубемъ, съ подписью внизу: „хаосъ“, и многое множество другихъ аллегорій, имѣвшихъ назначеніе придавать благолѣпный видъ жилищу Геннадія Абрамовича. Но вотъ это ужъ что-то новое и до того занимательное, что дьяконъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ самой стѣнѣ. Тутъ онъ широко раскрылъ глаза и вытянулъ кверху шею. На картинѣ изображалось чудовище съ раскрытою пастью. Утроба его была необыкновенныхъ размѣровъ и занимала большую часть всей картины. Къ пасти вела снизу широкая дорога, по которой шли цѣлыя толпы людей, всевозможныхъ званій и видовъ, большею частью расфранченные, въ цилиндрахъ, съ палочками, генералы, люди со звѣздами, а дамы—декольтированныя, подъ ручку съ кавалерами, иные ѣхали въ каретахъ и верхомъ; все это попадало въ пасть чудовища и обрушивалось прямо въ его утробу, а тамъ кувыркалось, морщилось, ломая руки, и вообще мучилось, поджигаемое языками пламени. Подъ этимъ мѣстомъ была подпись: „широкій путь сводяй въ пагубу“. На самомъ верху картины, въ правомъ углу былъ изображенъ садъ, всего три дерева, на которыхъ сидѣли райскія птицы съ длинными хвостами, а изъ сада вела узенькая дорожка, по которой шли всего на всего пять монаховъ и столько-же монашекъ, и только одинъ мірянинъ, да и тотъ совсѣмъ захудалый, оборванный и съ сумой, очевидно—нищій. Тутъ была подпись: „узкій путь вводяй во спасеніе“. Дьяконъ долго глядѣлъ, потомъ

покачалъ головой, сходилъ въ кабинетъ, принесъ оттуда красный карандашъ, подставилъ себѣ стулъ, добрался до картины и начерталъ большими, неровными, словно пьяными буквами что-то, должно быть, удивительно мѣткое, потому что его тонкія губы въ это время кривились въ улыбку, а брови кому-то подмигивали.

Посидѣвъ еще съ четверть часа, онъ убѣдился, что не дождется хозяевъ, вышелъ и сѣлъ на повозку, попрежнему свѣсивъ ноги на воздухъ, и погналъ свою клячу. Ему нужно было сдѣлать еще верстъ десять до села, гдѣ была его хата.

IV.

Павлуша съ мохнаткой, оба сильно проголодавшіеся, прибѣжали во дворъ, надѣлали шуму и спугнули Авдотью съ Дмитромъ, которые стремглавъ вылетѣли изъ половника, вообразивъ, что пріѣхалъ самъ Геннадій Абрамовичъ; перехвативъ кой-чего съѣстнаго, что попалось подъ руки, — Павлуша опустошилъ кувшинъ простокваши, а мохнатка удовольствовался ломтемъ хлѣба,— они опять удрали въ поле. По виду они очень подходили другъ къ другу. Оба казались слишкомъ широкими и неуклюжими: мохнатка потому, что у него была шерсть длинная, волнистая, и въ неё попутно вцѣплялось множество всякой дряни — сѣна, соломы, репяховъ, Павлуша—потому, что, не смотря на свои восемь лѣтъ, онъ былъ одѣтъ въ длинные, довольно тяжелые сапоги, жакетку и длинный пиджакъ, благодаря чему представлялъ маленькую копію Геннадія Абрамовича.

Встревоженные Дмитро и Авдотья принялись за работу. И была таки пора. Солнце давно уже прошло полуденную линію. Въ монастырѣ, кресты котораго виднѣлись отсюда, благовѣстили къ вечернѣ.

А вонъ на дорогѣ показалась и „бѣда“, на которой ѣхала и сама правила лошадью Валерія Игнатьевна. На кочковатыхъ мѣстахъ „бѣда“, вмѣсто того чтобы подпрыгивать, присѣдала, такъ какъ Валерія Игнатьевна вѣсила пудовъ восемь и своей тяжестью пригибала рессоры. „Бѣда“ въѣхала во дворъ, Авдотья и Дмитро оба прибѣжали на помощь, которая была необходима, такъ какъ ящикъ бѣды былъ водруженъ на парѣ очень высокихъ колесъ, а приступки никакой не было, и приходилось восьмипудовую Валерію Игнатьевну снимать, какъ поклажу.

Когда Валерія Игнатьевна ступила на твердую почву, рессоры, почувствовавъ освобожденіе отъ тяжести, сразу выпрямились и ящикъ со звономъ и трескомъ подпрыгнулъ. Оказалось, однакожь,

что Валерія Игнатьевна вовсе не такая ужь толстая особа, какъ можно было подумать. Она была высокаго роста и широкой кости, лицо смугло-блѣдное, но еще и теперь, не смотря на то, что ей уже пошелъ пятый десятокъ, красивое.

Она освѣдомилась о томъ, пріѣхалъ-ли Геннадій Абрамовичъ, гдѣ Павлуша, хорошо-ли его покормили, и получивъ на всё удовлетворительные отвѣты, отправилась въ спальню и легла „отдыхать“. Въ головѣ у нея немного шумѣло отъ монастырской наливки семи сортовъ и отъ монашескихъ сплетенъ.

Часъ спустя пріѣхалъ Геннадій Абрамовичъ. Онъ былъ необыкновенно добродушно настроенъ. Цѣна на рожь стояла прекрасная, его пробы оказались великолѣпными, и онъ выгодно запродалъ всю свою рожь. Поэтому онъ, какъ только пріѣхалъ, сейчасъ-же прошелъ въ кабинетъ и, ставъ на коврикъ передъ аналоемъ, опустился на колѣни и возблагодарилъ Бога за удачу. Затѣмъ онъ снялъ пиджакъ и жилетку, надѣлъ на голову монашескую шапочку и сталъ совершенно такимъ, какимъ былъ утромъ. Павлуша прибѣжалъ домой, ворвался прямо въ кабинетъ и бросился къ отцу.

Они обожали другъ-друга. Геннадій Абрамовичъ любилъ своего сына, во-первыхъ, за то, что онъ былъ у него единственный и при томъ явился сюрпризомъ послѣ восемнадцати лѣтъ бездѣтнаго супружества. Въ этомъ онъ видѣлъ особый указующій перстъ, и его благочестивый умъ проводилъ аналогію между нимъ и библейскимъ старцемъ Захаріей. Во-вторыхъ — за то, что Павлуша былъ мальчикъ, а не дѣвочка, въ третьихъ—за то, что онъ покорно выслушивалъ всѣ его поученія, ходилъ исправно въ церковь и, вообще, обѣщалъ съ будущемъ поддержать не только родъ, но и благочестіе этого рода. Въ четвертыхъ—Павлуша былъ мальчикъ способный, скоро научился читать и писать, въ настоящее время уже превозмогалъ четвертое дѣйствіе ариѳметики, и Геннадій Абрамовичъ, рѣшившійся будущей зимою свести его въ гимназію, мечталъ о томъ, что сынъ его будетъ государственнымъ человѣкомъ. Наконецъ, въ пятыхъ, — но въ этомъ Геннадій Абрамовичъ никогда прямо себѣ не признавался,—Павлуша во всѣхъ случаяхъ супружескихъ препирательствъ явно сочувствовалъ ему, Геннадію Абрамовичу, считая его обиженной стороной.

Павлуша-же любилъ отца за то, что тотъ баловалъ его, да, кромѣ того, отецъ казался ему во всемъ необыкновенно разсудительнымъ, мягкимъ и правдивымъ. Случалось, что отецъ, строго преслѣдовавшій всякое отступленіе отъ благочестія, наказывалъ его, лишая обѣда или дергая его за ухо. Павлуша плакалъ, но въ глубинѣ души считалъ это справедливымъ, и авторитетъ отца

въ его глазахъ отъ этого только становился сильнѣе. Въ душѣ своей онъ былъ убѣжденъ, что отецъ его самый лучшій человѣкъ во всемъ свѣтѣ, и что было-бы совершенно справедливо, еслибы всѣ люди подражали ему.

— А! ну, здравствуй, Павелъ!—привѣтствовалъ его Геннадій Абрамовичъ?—Кормили тебя? а? А я объ тебѣ думалъ и привезъ тебѣ гостинецъ... Поди-ка, тамъ въ бричкѣ отыщется... Богъ благословилъ меня удачей, вотъ я и раскошелился...

Павлуша побѣжалъ во дворъ. Около брички стояли Дмитро, Авдотья и Тимоша; послѣдній держалъ въ рукахъ какой-то блестящій предметъ и съ важностью демонстрировалъ его передъ Дмитромъ и Авдотьею, которые глядѣли, разинувъ рты.

— Пушка!?—радостно взвизгнулъ Павлуша, выхвативъ пушку изъ рукъ Тимоши, и побѣжалъ въ кабинетъ цѣловать отца. Пушка была мѣдная, совсѣмъ какъ настоящая пушка: её можно было заряжать горохомъ и стрѣлять изъ нея воронъ.

— Это тебѣ за то, что ты слушаешься отца, ходишь въ церковь и хорошо учишься! — сказалъ поучительно Геннадій Абрамовичъ.—А вотъ когда поступишь въ гимназію и будешь первымъ ученикомъ, я куплю тебѣ карманные часы, серебряные, съ двумя крышками, и серебряную цѣпь на шею!.. Да!..

Павлуша тутъ-же рѣшилъ, что непремѣнно будетъ первымъ ученикомъ. Часы съ цѣпочкой, это была мечта его жизни.

Поднялась съ постели и Валерія Игнатьевна, накрыли столъ въ гостиной, потому что въ столовой было душно, и сѣли обѣдать. Геннадій Абрамовичъ кратко, но въ то-же время подробно (онъ умѣлъ такъ говорить) разсказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ городѣ. Новаго архіерея въ губернію ждутъ; говорятъ — благочестивый старецъ. Ходятъ слухи о войнѣ, хлѣбъ въ цѣнѣ подымается. Говорятъ, что къ осени будетъ большой спросъ на горохъ, надо обратить на это вниманіе и попридержать прошлогодній.

— Смотри, Павлуша, не выстрѣляй мнѣ весь горохъ изъ своей пушки! пошутилъ мимоходомъ Геннадій Абрамовичъ.

Павлуша прыгнулъ отъ удовольствія. Валерія Игнатьевна принялась разсказывать монастырскія сплетни. Мать Феопистія жалуется на мать Проскудію. Изводитъ её: третьяго дня прислала ей обѣдъ безъ сладкаго. Доходы, говоритъ, плохи... А Проскудія говоритъ про Феопистію, что она черезъ-чуръ ужъ сластёна, очень ужь привержена къ лакомству и т. д.

— Охъ!—сказалъ Геннадій Абрамовичъ съ благочестивымъ вздохомъ:—видно и въ монастыряхъ орудуетъ лукавый! Сколько грѣха!

Сколько грѣха! Нѣтъ, только развѣ на Афонъ-горѣ можно убѣжать отъ соблазна?... Тамъ-то дѣйствительно живутъ...

— Ну, тоже и на Афонѣ всякіе есть!—возразила Валерія Игнатьевна, не очень-то долюбливавшая афонскихъ монаховъ.

— Нѣтъ, Валя, ты такъ не говори!.. Тамъ есть старцы, которые истинно себя истязуютъ ради спасенія души!..

— Есть и такіе, а есть и другіе!...

Геннадій Абрамовичъ покраснѣлъ, но сдержалъ себя. Онъ вообще очень рѣдко позволялъ себѣ выходить изъ терпѣнія, потому что считалъ это грѣхомъ.

— Вѣдь, вотъ какой у тебя языкъ, Валерія. Онъ тебя прямо въ адъ поведетъ! Ей-ей! А я вѣрю, что на Афонѣ — благодать. И вотъ только доведу сына до разума, прикончу всѣ дѣла мірскія, да и махну туда! Надо о душѣ подумать!...

— Эхъ, Геннадій Абрамовичъ! Не тебѣ говорить, а не мнѣ слушать!—съ выразительнымъ укоромъ промолвила Валерія Игнатьевна. — Куда тебѣ на Афонъ? На Афонѣ-то нужно смиреніе да постъ, а ты привыкъ командовать, да карасикомъ, поросеночкомъ баловаться... Гдѣ ужъ! Это ты черезъ силу смиреніемъ себя душишь, а нравъ у тебя крутой и горячій... Ужъ, кажись, я знаю, не даромъ двадцать пять лѣтъ съ тобой прожила...

Глаза Геннадія Абрамовича блеснули, но сейчасъ-же потухли. Онъ опять сдержалъ себя и смиренно вздохнулъ.

— Нѣтъ, неисправима ты, Валерія, неисправима!—сказалъ онъ тономъ глубокаго сожалѣнія.

Павлуша слушалъ эту бесѣду и всей душей былъ на сторонѣ отца. Какъ онъ сдержанъ, мягокъ, благороденъ! Какъ умѣетъ прощать обиду! Зачѣмъ мамаша постоянно противорѣчитъ ему? Зачѣмъ она говоритъ, будто онъ въ дѣйствительности не такой смиренный, какимъ кажется? Развѣ это уже не смиреніе, что онъ ничего ей не возразилъ, а только вздохнулъ? Онъ смотрѣлъ на отца, и взглядъ его прямо и открыто говорилъ о его чувствѣ, а Геннадій Абрамовичъ понималъ это и отвѣтилъ ему ласковымъ, благодарнымъ взглядомъ. Кажется, поняла это и Валерія Игнатьевна, потому что ея густыя черныя брови сдвинулись, и въ томъ взглядѣ, который она молчаливо послала сыну, было что-то похожее на укоръ.

Геннадій Абрамовичъ приступилъ уже къ послѣднему кусочку карася, на который онъ возлагалъ большія надежды. Это былъ хвостъ, самыя перья, пропитанныя сметаной, поджаренныя до того, что должны были хрустѣть на зубахъ. Кусочекъ былъ оставленъ на закуску. Но въ то самое время, какъ Геннадій Абрамовичъ взялся за него, онъ нашелъ нужнымъ еще разъ вздохнуть

по поводу несправедливыхъ нападокъ Валеріи Игнатьевны и съ этой цѣлью возвелъ очи горѣ. Вдругъ молитвенное выраженіе его глазъ смѣнилось любопытствомъ, потомъ изумленіемъ. Онъ бросилъ карасиный хвостъ на тарелку, быстро поднялся и подбѣжалъ къ картинѣ, изображавшей страннаго звѣря съ разинутой пастью.

— Это что значитъ?—произнесъ онъ встревоженнымъ голосомъ.—Кто трогалъ картину? Утромъ этого не было!..

Ни Валерія Игнатьевна, ни Павлуша ни слова не отвѣтили на этотъ вопросъ.

— Ты не знаешь, Валерія?

— Не знаю.

— И ты, Павелъ, не знаешь?

— Нѣтъ!..—отвѣтилъ Павлуша.

— Да нѣтъ, погоди... Тамъ что-то написано! Тамъ буквы! Только я плохо вижу... Дай-ка стулъ!

Павлуша ловко пододвинулъ къ нему стулъ. Геннадій Абрамовичъ тяжело взобрался на него и, осторожно снявъ съ крючка картину, сошелъ на полъ и положилъ ее на столъ.

— Принеси мнѣ очки!—сказалъ онъ Павлушѣ, и тотъ явственно слышалъ, что въ голосѣ его звенитъ какая-то зловѣщая нотка. Онъ сбѣгалъ въ кабинетъ и принесъ очки въ кожаномъ футлярѣ. Геннадій Абрамовичъ надѣлъ ихъ и началъ молча слѣдить глазами за большими красными буквами. По мѣрѣ того, какъ онъ прочитывалъ слово за словомъ, лицо его краснѣло, а брови все суровѣе нависали надъ глазами.

— Кто это написалъ?—гнѣвно спросилъ онъ Павлушу.

— Я не знаю, папаша...—робко отвѣтилъ мальчикъ.

— Ты не знаешь? Читай!

Павлуша наклонился надъ картиной и прочиталъ довольно бойко: „Да не такъ уже страшенъ чортъ, якъ его малюютъ, а иной благочестивый человѣкъ страшнѣе черта“...

— Что?

—...„Страшнѣе черта“—невиннымъ тономъ повторилъ Павлуша.

— Гм!.. Ты понимаешь, что это значитъ?—спросилъ Геннадій Абрамовичъ, не спуская съ него строго испытующаго взгляда.

— Я... понимаю!—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Павлуша.

— Еще-бы не понять! Это вполнѣ справедливо!.. Истинно такъ бываетъ! Это не въ бровь, а прямо въ глазъ!—ядовито замѣтила Валерія Игнатьевна.

— Валерія, помолчи! Я говорю, а не ты!—отрывисто и грубо отрѣзалъ Геннадій Абрамовичъ.

Павлуша смотрѣлъ на него широко-раскрытыми глазами и не

узналъ его. Никогда еще онъ не видалъ на лицѣ его такого гнѣва и не слышалъ такого тона.

— Говори сію минуту, кто это написалъ! Говори, а не то хуже будетъ!.. Кощунство, это кощунство!

— Я не... не я написалъ, папаша!..

Слезы уже дрожали въ голосѣ Павлуши.

— Ага! я—не я... Такъ кто-же? Никого не было въ домѣ... Дмитро не грамотенъ, Авдотья читаетъ по складамъ, но не пишетъ... Кто-же?

— Н... не зна-а-ю!..

Павлуша уже плакалъ.

Позвали Дмитро и Авдотью.

— Приходилъ кто-нибудь къ намъ? Пріѣзжалъ?—спросилъ ихъ Геннадій Абрамовичъ.

— Нѣтъ, ни одной души не было!..—въ одинъ голосъ отвѣчали Дмитро и Авдотья.

— Ни одной души? Слышишь, Павлуша, ни одной души! Можете уходить! — Дмитро и Авдотья ушли, ничего не понимая. Сперва они думали, что какъ-нибудь открылось ихъ таинственное пребываніе въ половникѣ, но ихъ тревожное сомнѣніе разсѣялось.

— Ну, и слѣдовательно, это ты написалъ!—опять обратился Геннадій Абрамовичъ къ Павлушѣ.

— Я не писалъ!—сквозь слезы говорилъ Павлуша.

— Ты написалъ, ты! Это и почеркъ дѣтскій, неровный!.. Ты, ты, ты!.. А, такъ вотъ оно что! Ты, значитъ, себѣ на умѣ... Къ отцу ластишься, а самъ про него вотъ что думаешь... Дрянной мальчишка, дрянной, непотребный... Я этого не прощу...

— Да что ты, Геннадій Абрамовичъ, присталъ къ мальчику?—вступилась Валерія Игнатьевна.—Ты да ты... Видишь, онъ плачетъ... Да онъ и не можетъ такое длинное написать!..

— Молчи! Змѣя!.. Можетъ, ты и подговорила его!.. Хулу на отца!.. Не даромъ защищаешь!..

— Вотъ оно смиреніе-то и проявилось! Тоже еще на Афонъ собирается... Такія слова...

— Ахъ, уйди ты отъ грѣха, Валерія! Уйди отъ грѣха!

Геннадій Абрамовичъ замахалъ обѣими руками. Нѣтъ, совсѣмъ не былъ онъ похожъ на обычнаго, величественно смиреннаго Геннадія Абрамовича. Совсѣмъ не былъ похожъ. Павлуша смотрѣлъ на него, какъ на чужого человѣка, и сердце у него сжималось, и онъ самъ не зналъ отчего.

— И уйду!—сказала Валерія Игнатьевна.—Уйду! А ты все-таки фарисей! Вотъ оно и проявилось!

Она вышла изъ гостиной и хлопнула дверью. Геннадій Абрамовичъ схватился обѣими руками за голову и опустился въ кресло.

V.

— Въ своемъ домѣ враги! Въ своемъ собственномъ домѣ!..— бормоталъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Гдѣ тутъ душу спасти? Гдѣ тутъ уберечься отъ гнѣва? О, Господи, Господи! Укрѣпи меня!

Павлуша оставался недвижимъ, какъ былъ у стола, на которомъ лежала злосчастная картина. Сердце у него ныло, словно на глазахъ у него погибало для него навсегда что-то дорогое. Геннадій Абрамовичъ бормоталъ какія-то невнятныя слова, потомъ сталъ шептать молитву и креститься и, наконецъ, совсѣмъ замолкъ. Минуты двѣ сидѣлъ онъ молча, опустивъ голову и задумавшись.

— Поди сюда, Павлуша! — наконецъ сказалъ онъ, голосомъ усталымъ и громкимъ.

Павлуша нерѣшительно шевельнулся, но не сошелъ съ мѣста.

— Подойди-же, сдѣлай милость!—повторилъ Геннадій Абрамовичъ прежнимъ-же голосомъ.—Отецъ проситъ, а ты нейдешь!

Павлуша робко подошелъ къ нему. Онъ взялъ мальчика за плечи и посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Видишь, я погорячился... Это грѣхъ, дѣйствительно грѣхъ... Не слѣдуетъ горячиться, ибо въ смиренныхъ сердцахъ Богъ почиваетъ... Но ты скажи мнѣ истину. Не лги отцу твоему... Мнѣ ничего не надо, только, чтобъ правда была... Ну, ты написалъ?...

— Не я, папаша!..—чуть слышно отвѣтилъ Павлуша.

— Ахъ, какой ты!... Не ожидалъ!... Не ожидалъ, чтобы мой сынъ былъ такъ наклоненъ къ лжи.... Но это діаволъ тебѣ шепчетъ... Онъ, врагъ рода человѣческаго, всегда шепчетъ: солги, солги!.. А ты не слушай!

— Я не писалъ!—твердо сказалъ Павлуша.

— Гм... Не писалъ ты! Такъ вѣдь больше-жъ некому! Какой-ты странный, Павлуша! Ты видишь, что отецъ у тебя добрый и никакого зла тебѣ не хочетъ сдѣлать. Была вспышка, но онъ побѣдилъ ее... И ничего онъ отъ тебя не хочетъ, только чтобы ты признался... Ну?

Павлуша молчалъ. Рѣчи отца, такъ настойчиво добивавшагося отъ него признанія, терзали его, онѣ причиняли ему боль. Зачѣмъ онъ такъ добивается этого? Это было ему совсѣмъ непонятно. Онъ хотѣлъ только одного,—чтобы поскорѣе это кончилось, чтобы его выпустили на волю, и онъ убѣжалъ-бы на токъ, зарылся-

бы тамъ глубоко-глубоко въ свѣжее сѣно и лежалъ-бы недвижно, обнявшись съ своимъ другомъ—мохнаткой.

— Ну, такъ вотъ-же тебѣ послѣднее мое слово,—сдержанно, но очень твердо сказалъ Геннадій Абрамовичъ:—я знаю, что это ты написалъ, больше некому... Но я хочу видѣть, что ты сознаешь свою вину. И вотъ тебѣ: если ты будешь запираться, я тебя накажу, потому что это двойной грѣхъ. А если ты признаешься, вотъ тебѣ мое вѣрное слово, слово отца,—никакого тебѣ наказанія не будетъ... Ну? сознаешься?

Павлуша весь дрожалъ. Передъ нимъ стояла сложная задача. Восемь лѣтъ прожилъ онъ на свѣтѣ и не помнитъ, чтобы когда-нибудь умышленно и обдуманно солгалъ. Отецъ всегда говорилъ ему, что это нехорошо, грѣхъ. Теперь самъ-же отецъ хочетъ, чтобы онъ солгалъ. Но главное, есть такой вѣрный способъ, чтобы его оставили въ покоѣ и отпустили на волю. Онъ колебался, волновался, мучился и, можетъ быть, и самъ не замѣтилъ, какъ губы его прошептали:

— Сознаюсь.

— Что?—порывисто спросилъ Геннадій Абрамовичъ, быстро откинувшись отъ него:—Что? Я не слышу!.. Ты написалъ?

— Написалъ!..

Тутъ произошло что-то неожиданное и непонятное. Геннадій Абрамовичъ вскочилъ съ мѣста, бросился на мальчика, схватилъ его обѣими руками и поднялъ на воздухъ.

— Написалъ!—кричалъ онъ глухимъ, задавленнымъ голосомъ:— Ты написалъ!.. Хулу на отца!.. Щенокъ! Щенокъ подлый!.. Неблагодарный!.. А вотъ я тебя! Я тебя!.. Онъ поставилъ Павлушу на полъ, крѣпко схватилъ его двумя пальцами за ухо и поволокъ его, блѣднаго, трепещущаго, въ кабинетъ. Позади ихъ растворилась дверь изъ спальни, и на порогѣ показалась Валерія Игнатьевна съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ. Она съ выраженіемъ безконечнаго укора покачала головой и промолвила:

— И тебѣ не стыдно, Геннадій? Обманомъ выманилъ у дитяти слово! Ахъ, ты....

— Молчи-и, ядовитая!...

— Нѣтъ, не смѣй, не смѣй, пусти! Я не дамъ дитя мое наказать!...

— Пошла!

Дверь кабинета захлопнулась и щелкнула задвижка.

Они стояли вдвоемъ другъ противъ друга, а за дверью, въ гостиной раздавались всхлипыванья. Павлуша не плакалъ и не молилъ. Сердце его было охвачено какой-то тупой безчувственностью. Онъ скорѣе дивился всему, что передъ нимъ происходитъ,

чѣмъ страшился наказанія, которое несомнѣнно его ждало. Это ему казалось противоестественнымъ, чтобы отецъ его, правдивый, благочестивый, извѣстный своею честностью, — отецъ такимъ сквернымъ способомъ выманилъ у него признаніе и нарушилъ слово... А между тѣмъ, это почти совершилось. И какъ неказистъ онъ былъ теперь въ своей подвернувшейся кверху фуфайкѣ, изъ подъ которой выглядывала складка ситцевой рубахи, съ разстегнутымъ воротомъ, съ растрепавшимися волосами, съ скомканной бородой, съ глазами, налитыми кровью, съ выступившими синими жилами на блѣдномъ лбу и дрожащими сухими губами. Какъ онъ не походилъ на Геннадія Абрамовича, который былъ образцомъ выдержки, мягкости, благодушія, всепрощенія. Задѣли въ немъ живую струну, и вотъ она зазвучала, и какъ скверно, отвратительно зазвучала....

— Раздѣвайся!—грубо крикнулъ Геннадій Абрамовичъ.

Павлуша покорно сталъ разстегиваться. Геннадій Абрамовичъ суетливо оглядѣлъ всѣ углы комнаты, какъ-бы ища орудія для казни, но ничего не нашелъ подходящаго. Но вотъ онъ бросился къ угольнику и схватилъ лежавшія на немъ черныя, обтянутыя шелкомъ, четки и принялся за Павлушу.

Разъ, другой, третій... Павлуша молчитъ. Онъ только прижимаетъ челюсть къ челюсти и скрежещетъ зубами. Ощущаетъ-ли онъ боль? Этого онъ не знаетъ, но каждый ударъ вливаетъ въ него какое-то холодное чувство злобы, и словно все отдаляетъ, отдаляетъ и отдаляетъ отъ этого человѣка, еще полчаса тому назадъ бывшаго для него самымъ милымъ, дорогимъ, любимымъ, первымъ человѣкомъ на свѣтѣ, единственнымъ, которому онъ вѣрилъ съ дѣтскимъ простодушіемъ. Сколько еще было ударовъ? Онъ этого никогда не могъ припомнить. Онъ не заплакалъ, ни разу не вскрикнулъ, а когда Геннадій Абрамовичъ прекратилъ наказаніе, онъ также молча, глядя въ полъ, одѣлся. Руки его дрожали, а на лицѣ и во всемъ тѣлѣ онъ ощущалъ холодъ. Его била лихорадка.

— Ну, теперь ступай къ своей матери... Пускай она тебя погладитъ по головкѣ!—сказалъ сухимъ деревяннымъ голосомъ Геннадій Абрамовичъ и отперъ дверь. Не успѣлъ Павлуша показаться въ гостиной, какъ къ нему бросилась плачущая Валерія Игнатьевна, охватила его обѣими руками и, прижимая къ своей груди, унесла его въ спальню...

VI.

Въ домѣ Геннадія Абрамовича произошла перемѣна, которую посторонній глазъ, пожалуй, и не замѣтилъ-бы. Повидимому, все оставалось попрежнему. Геннадій Абрамовичъ вставалъ такъ же рано, надѣвалъ свою монашескую шапочку и нитяную фуфайку, выходилъ во дворъ, шелъ въ коровникъ съ своимъ неизмѣннымъ кувшиномъ въ рукѣ, пилъ молоко и разговаривалъ съ Авдотьей, Тимошей, Дмитромъ и съ другими, приходившими къ нему, людьми, своимъ обычнымъ тономъ—сдержаннымъ, мягкимъ, любезнымъ. Какъ и прежде, онъ по утрамъ заходилъ въ комнату Павлуши, поправлялъ ему одѣяло, крестилъ его. Онъ уже простилъ обиду, ибо истинный христіанинъ не долженъ помнить зла. Затѣмъ онъ садился въ „бѣду“ и ѣхалъ въ поле, гдѣ происходили горячія работы, а къ обѣду возвращался. Роковыя красныя буквы на картинѣ были тщательно вытерты резинкой, и картина повѣшена на мѣсто. Валерія Игнатьевна съ прежнимъ стараніемъ занималась соленьемъ и вареньемъ, кормила птицъ и собирала куриныя яйца по всѣмъ укромнымъ мѣстамъ. Павлуша убѣгалъ въ поле, а мохнатка сопровождалъ его. Тимоша молчаливо копался въ домашней работѣ, а Дмитро находилъ достаточно случаевъ заглянуть въ кухню и сдѣлать комплиментъ благочестивой Авдотьѣ. Словомъ, все шло, какъ слѣдуетъ. Но можно было замѣтить, что пушка, блестящая мѣдная пушка, подаренная Павлушѣ Геннадіемъ Абрамовичемъ, обладавшая почти всѣми качествами настоящей пушки, стояла въ гостиной подъ диваномъ, и Павлуша ни разу не прикоснулся къ ней. Неизвѣстно почему, она стала ему ненавистна. Можно было также замѣтить, что Павлуша не бѣжалъ по утрамъ въ кабинетъ радостно желать отцу добраго утра, вяло и неохотно подходилъ къ его рукѣ, когда случайно встрѣчалъ за чаемъ, и когда уже нельзя было безъ этого обойтись; за то теперь Павлушу часто можно было видѣть около матери, гдѣ-нибудь въ кладовой или въ птичникѣ, и можно было наблюдать, что онъ съ нею былъ нѣженъ, хотя и молчаливъ. За обѣдомъ онъ сидѣлъ, опустивъ взоры въ тарелку, и ѣлъ мало, молчалъ и никогда не улыбался. Замѣчалъли эти маленькія перемѣны Геннадій Абрамовичъ, неизвѣстно, но онъ велъ себя такъ, какъ будто ничего не видалъ, да ничего особеннаго и не случилось.

Однажды—это было дней черезъ десять послѣ событія—какъ разъ въ то время, когда въ домѣ Геннадія Абрамовича кончали обѣдъ, къ воротамъ подъѣхала повозка.

— Это отецъ Евплъ!—сказала Валерія Игнатьевна, взглянувъ въ окно.

— Вотъ, ужь не знаю, для чего онъ къ намъ ѣздитъ, этотъ кощунственный дьяконъ!—замѣтилъ Геннадій Абрамовичъ.—Ничего у него въ головѣ нѣтъ; одна пустота!..

— Не правда это. О. Евплъ человѣкъ остраго ума!—возразила Валерія Игнатьевна.

— Пустота и больше ничего!—повторилъ Геннадій Абрамовичъ.

Дьяконъ въ это время уже стучалъ ногами въ сѣняхъ. Дверь отворилась, и онъ показался на порогѣ.

— Благочестивому хозяину и нечестивой хозяйкѣ—поклонъ!—сказалъ дьяконъ и съ пресерьезнымъ видомъ поклонился имъ въ поясъ.

— Ну, вотъ, пошелъ уже балаганить! Охъ, пустота, пустота! Здравствуйте, о. Евплъ!

— Садитесь съ нами! Закусите! Водочки выпейте!—привѣтливо пригласила его Валерія Игнатьевна. Она всегда пріятно оживлялась при видѣ дьякона.

— Водочки? Отлично! Закусить? Божественно! На все это я даю мое согласіе! Онъ сѣлъ за столъ, выпилъ водки и сталъ съ аппетитомъ закусывать.—Славно я приноровился: всякій разъ къ обѣду попадаю! А что-же вы меня не обругаете, благочестивый хозяинъ?

— За что такое?

— Какъ за что? А за надпись...

— За...

Геннадій Абрамовичъ хотѣлъ-было спросить, за какую надпись, но, увидавъ, что дьяконъ ищетъ глазами на стѣнѣ картины, мигомъ понялъ все. Онъ мертвенно поблѣднѣлъ и запнулся на первомъ слогѣ. Что-то стало у него въ горлѣ. Онъ началъ дѣлать бровями и всѣмъ своимъ лицомъ какіе-то выразительные знаки дьякону, чтобы тотъ молчалъ, но дьяконъ, нашедшій наконецъ мѣстоположеніе картины, ничего не видѣлъ, ротъ его широко раскрылся и онъ спросилъ со смѣхомъ:

— Такъ и не ругаете? а? И гдѣ вы достали такое сокровище? Какой-нибудь Афанасій-монахъ завезъ, а? Ишь-ты какое чудовище, а пасть... Ой-ой-ой! Того и гляди, слопаетъ тебя...

— А давно вы, о. Евплъ, не видали Григорія Остаповича?—дрожащимъ отъ волненія голосомъ, какъ-то особенно громко спросилъ Геннадій Абрамовичъ. Онъ видѣлъ, что на блѣдномъ лицѣ Павлуши выразилось вниманіе. Мальчикъ прислушивался.

— Григорія Остаповича?—спросилъ немного удивленный дья-

конъ, потому что Григорій Остаповичъ въ сущности не могъ интересовать Геннадія Абрамовича.

— А бѣсъ съ нимъ!.. Такъ я говорю: того и гляди, слопаетъ... Только не такъ-же...

— Павлушка, сходи въ кабинетъ... Принеси мою зубочистку!— еще громче прежняго сказалъ Геннадій Абрамовичъ, но Павлуша не двинулся съ мѣста, какъ будто это до него не относилось, а на лицѣ его было напечатлено крайне-напряженное вниманіе.

— Только не такъ-же страшенъ чертъ...—продолжалъ свою линію дьяконъ, но сейчасъ-же остановился, потому что произошло нѣчто для него совсѣмъ непонятное. Разомъ вскочили съ своихъ мѣстъ Павлуша и Геннадій Абрамовичъ.

— Молчите, молчите!..—говорилъ Геннадій Абрамовичъ умоляющимъ голосомъ,—ради Бога!..

Павлуша-же не промолвилъ ни слова, но такъ посмотрѣлъ на отца, что ,у того сердце замерло и на мгновеніе остановилось. Павлуша вышелъ въ сѣни, какъ казалось, твердой поступью, но ему стоило это большихъ усилій. Слезы душили его, но онъ не хотѣлъ расплакаться при отцѣ. Ни за что! Выйдя изъ сѣней, онъ опрометью побѣжалъ на токъ, повалился на сѣно и зарыдалъ.

Валерія Игнатьевна, съ тревогой въ сердцѣ, вышла, прошла сторонкой къ току и долго издали слѣдила за тѣмъ, что дѣлаетъ Павлуша.

— Что-же вы это со мной сдѣлали, отецъ Евплъ?—голосомъ отчаянья сказалъ Геннадій Абрамовичъ, тяжело опустившись на прежнее мѣсто и подпирая голову руками.—Хоть-бы уже молчали, а то... Господи, какой грѣхъ! Что я надѣлалъ? Что я надѣлалъ!

Дьяконъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Ничего не разумѣю! Ни вотъ на столечко?

Онъ показалъ на ноготь мизинца.

— Да какъ-же, Боже мой! Вѣдь я его обвинилъ, Павлушу! Я его заставилъ признаться, обѣщалъ не наказывать, онъ и признался, взялъ на себя вину, а я не выдержалъ, вскипѣлъ и наказалъ его, больно наказалъ, посѣкъ... Какой грѣхъ, какой грѣхъ!..

Геннадій Абрамовичъ былъ глубоко встревоженъ, растерялся и никакъ не могъ прійти въ себя. Дьяконъ задумался и потомъ сказалъ:

— Да, вамъ надлежитъ устыдиться, благочестивый человѣкъ! Благочестіе-то ваше скиксовано!.. Не хорошо! Не благородно!

Геннадій Абрамовичъ до того былъ подавленъ, что даже оставилъ безъ замѣчанія эту отповѣдь дьякона.

О. Евплъ выпилъ еще рюмку водки и уѣхалъ. Геннадій Абрамовичъ ушелъ въ кабинетъ, заперся тамъ и не выходилъ весь вечеръ до глубокой ночи. Валерія Игнатьевна нѣсколько разъ на цыпочкахъ подходила къ двери и слышала, какъ онъ глубоко вздыхалъ и билъ поклоны.

На другой день рано утромъ Геннадій Абрамовичъ уѣхалъ въ городъ и вернулся къ завтраку, привезя съ собой полную бричку игрушекъ для Павлуши. Тутъ были—и корабликъ съ парусами, и повозка, въ которую можно было запрягать мохнатку, и офицерская шашка, и множество другихъ вещицъ.

Геннадій Абрамовичъ тихонько сказалъ Валеріи Игнатьевнѣ: Отдай все это Павлушѣ... Скажи, что я сожалѣю о томъ... Знаешь?..

Павлуша вышелъ къ бричкѣ, лѣниво пересмотрѣлъ всѣ вещи, но не почувствовалъ къ нимъ никакого влеченія. Онѣ были положены въ кладовкѣ, куда перенесли и пушку.

Геннадій Абрамовичъ былъ глубоко огорченъ, но не сказалъ ни слова. Онъ какъ то весь притихъ, ходилъ медленно и говорилъ въ полъ-голоса. Огорченіе снѣдало его. Онъ ясно чувствовалъ, что между нимъ и Павлушей образовалось разстояніе, и это ему было больно, потому что онъ горячо любилъ своего единственнаго сына. Но не могъ-же онъ въ самомъ дѣлѣ просить у сына прощенія... Этого въ Писаніи нигдѣ не было сказано.

Заходилъ къ нимъ нѣкій странникъ, старый человѣкъ, бывавшій въ Іерусалимѣ. Геннадій Абрамовичъ усадилъ его въ кабинетѣ, заперъ двери и сказалъ:

— Вотъ что, отче: грѣхъ у меня на душѣ... Посовѣтуй... Ты опытенъ...

И онъ разсказалъ страннику все, какъ было, разсказалъ, ничего не тая, какъ на исповѣди. Странникъ подумалъ, пожевалъ губами и сказалъ глубокомысленно:

— Экое дѣло! Оно хотя и сказано: любяй сына, раны ему наноситъ... У Сираха Премудраго это есть... Но однако-жъ, все-же не хорошо... Нѣтъ, не хорошо!.. Такъ-то, человѣче добрый!..

Черезъ мѣсяцъ Павлушу отвезли въ уѣздный городъ и помѣстили въ пансіонъ при гимназіи. Геннадій Абрамовичъ осѣнилъ его большимъ серебрянымъ крестомъ, лежавшимъ у него на угольникѣ. Павлуша поцѣловалъ крестъ, поцѣловалъ отца въ губы и не проронилъ ни одной слезы. За то глаза его были красны и влажны, когда онъ, передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ бричку рядомъ съ отцомъ, прощался съ мохнаткой, который, словно чуя долгую разлуку, трогательно положилъ свои грязныя переднія лапы на плечи мальчику и лизалъ его лицо своимъ горячимъ языкомъ.

Павелъ Геннадіевичъ не замѣтилъ, какъ ему подали обѣдъ. Въ то время, какъ онъ шагалъ по комнатѣ, лицо его отражало всѣ оттѣнки переживаемыхъ ощущеній, то ясныхъ и свѣтлыхъ, какъ тотъ золотой лучъ южнаго солнца, который въ далекую пору дѣтства такъ нѣжилъ и грѣлъ его, то скорбныхъ и холодныхъ. Онъ взялъ письмо и еще разъ прочиталъ его, долго, задумчиво простоялъ надъ нимъ—и вдругъ лицо его просвѣтлѣло, въ большихъ темныхъ глазахъ загорѣлся тихій ровный огонекъ, на губахъ появилась милая дружеская улыбка.

Онъ присѣлъ къ письменному столу, взялъ бумагу и перо и написалъ быстрымъ росчеркомъ, какъ человѣкъ, у котораго мысль и чувство уже выяснились и вылились въ опредѣленную форму:

„Дорогой папаша, письмо ваше тронуло меня до глубины души. Я только что много думалъ о моемъ дѣтствѣ, о васъ и о томъ маленькомъ огорченіи, которое произвело на мою дѣтскую душу такое глубокое впечатлѣніе. И мнѣ стало стыдно за то, что я принималъ ничтожную обиду за великое горе, и что она заслоняла отъ меня всѣ проявленія вашей горячей любви ко мнѣ. Это—дѣтскій эгоизмъ. Но я уже не ребенокъ и вижу жизнь, и начинаю понимать её. Сколько дѣйствительно великихъ обидъ, несчастья, горя испытываютъ вокругъ насъ люди, и они живутъ, работаютъ и любятъ другъ-друга, потому что жизнь научаетъ прощать. Простите и вы мнѣ мой глубокій эгоизмъ, мое злопамятство, которое я сейчасъ вырвалъ съ корнемъ изъ своего сердца. Сердечно обнимаю, цѣлую и люблю васъ. Вашъ сынъ Павелъ Коптевъ“.

Онъ торопливо запечаталъ конвертъ и самолично отнесъ его въ почтовый ящикъ.

И. Потапенко.

Борьба за существованіе частей животнаго организма.

Грозная картина борьбы съ нуждой, которая такъ неожиданно предстала передъ нами, сосредоточиваетъ на себѣ всеобщее вниманіе. Но въ то время, какъ всѣ соединяютъ свои усилія, чтобы по возможности помочь бѣдѣ, быть можетъ, не лишено интереса и изученіе всѣхъ сторонъ обширнаго вопроса о борьбѣ животнаго организма за свое существованіе.

Если, съ одной стороны, въ высшей степени важно изученіе условій, вызывающихъ усиленную борьбу, такъ какъ только такимъ образомъ можно изыскать средства для ея предупрежденія; то, съ другой стороны, не менѣе интересно и изслѣдованіе явленій, которыя совершаются въ борящемся организмѣ.

I.

Значительная роль борьбы за существованіе въ жизни вообще, и въ явленіяхъ органическаго развитія въ частности, была предусмотрѣна давно. Хотя *Ламаркъ*, строя въ началѣ нашего столѣтія свое ученіе о происхожденіи видовъ, и не выдвинулъ на первый планъ этого фактора, тѣмъ не менѣе, въ его теоріи первенствующее значеніе имѣютъ измѣненія, вызванныя сильнѣйшими потребностями организма. Въ примѣрѣ жираффа, который такъ часто цитируется, *Ламаркъ* старался объяснить развитіе длинной шеи и длинныхъ ногъ этого животнаго стремленіемъ его предковъ срывать листья съ высокихъ деревьевъ. Побужденіемъ же къ этому стремленію послужила крайняя необходимость въ пріисканіи пищи, въ виду частыхъ засухъ африканскаго климата, уничтожавшихъ весь подножный кормъ. Какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ примѣрахъ, разсмотрѣнныхъ *Ламаркомъ*, первымъ стимуломъ является нужда, вызывающая активное стремленіе къ ея удовле-

творенію. Продолжительное упражненіе, направленное къ этой цѣли, обусловливаетъ усиленное развитіе и появленіе новыхъ органовъ. Въ результатѣ получаются значительныя измѣненія организма, ведущія къ образованію новыхъ видовъ.

Эта часть ученія *Ламарка* встрѣтила живой отголосокъ въ философіи *Шопенгауэра*. Возведя волю въ міровой принципъ, франкфуртскій мыслитель старался объяснить измѣненіе организма дѣйствіемъ воли, направленной къ достиженію потребностей. Подъ вліяніемъ воли, у жирафа вытянулись шея и ноги, у летучихъ мышей развилась летательная перепонка и, вообще, образовались и усовершенствовались многіе органы.

Но, рядомъ съ такимъ активнымъ принципомъ, у *Ламарка* было намѣчено и противоположное начало, обусловливающее исчезновеніе или недоразвитіе органовъ. Въ то время, какъ усиленное употребленіе увеличиваетъ шею, ноги и другія части, ослабленное пользованіе органами уменьшаетъ ихъ. Такимъ образомъ, у многихъ подземныхъ животныхъ глаза атрофировались вслѣдствіе продолжительнаго неупотребленія, т. е. чисто пассивнымъ образомъ.

Хотя *Дарвинъ* доказалъ невозможность приложенія принциповъ *Ламарка* къ объясненію всей суммы явленій происхожденія и измѣняемости видовъ, тѣмъ не менѣе, отвелъ почетное мѣсто употребленію и неупотребленію органовъ, какъ двигателямъ въ дѣлѣ развитія органическихъ формъ. На ряду съ этими факторами онъ выдвинулъ другой—естественный подборъ, т. е. фактъ сохраненія особей, снабженныхъ наиболѣе приспособленными прирожденными особенностями. Этотъ подборъ тѣмъ болѣе могущественъ, чѣмъ сильнѣе борьба за существованіе и сопряженная съ нею нужда.

Съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на происхожденіе видовъ, вездѣ мы получаемъ измѣняемость въ отвѣтъ на нужду, проявляющуюся въ вѣчной и, по временамъ, крайней борьбѣ за существованіе. Не имѣя здѣсь возможности входить въ подробности ученія *Дарвина*, мы должны отмѣтить однакоже, что онъ вездѣ строго проводитъ границу между двумя основными факторами—естественнымъ подборомъ и усиленнымъ или ослабленнымъ употребленіемъ органовъ. Естественный подборъ удерживаетъ измѣненія, почему либо выгодныя для организма, тогда какъ Ламарковскій принципъ можетъ оказывать дѣйствіе и помимо всякаго вопроса о пользѣ для даннаго существа. Вотъ почему *Дарвинъ*, прилагая свою теорію къ частнымъ случаямъ, постоянно ставитъ вопросъ о выгодѣ, какъ о необходимомъ признакѣ проявленія естественнаго подбора. Такъ, говоря о слѣпотѣ подземныхъ обитателей, онъ признаетъ, что потеря глазъ могла быть

выгодна въ тѣхъ случаяхъ, когда животныя подвергались частымъ воспаленіямъ глазъ, при жизни въ своихъ подземныхъ ходахъ. Органъ, сдѣлавшійся безполезнымъ, вслѣдствіе отсутствія свѣта, оказывался такимъ образомъ вреднымъ, по причинѣ легкости, съ которой онъ воспалялся, причиняя тѣмъ опасность для цѣлаго организма. Устраненіе подобнаго органа должно было въ значительной мѣрѣ обусловиться дѣйствіемъ естественнаго подбора. Вообще же, „такъ какъ трудно представить себѣ, какимъ образомъ глаза, сдѣлавшись безполезными органами, могли бы причинить прямой вредъ животнымъ, живущимъ въ темнотѣ, я приписываю ихъ потерю—говоритъ *Дарвинъ*—дѣйствію неупотребленія“. (Происхожденіе видовъ, гл. 5).

Какъ извѣстно, ученые раздѣлились на два лагеря въ объясненіи явленій происхожденія видовъ. Одни выдвинули на первый планъ Дарвиновскій принципъ подбора, другіе же остались вѣрны Ламарковскому ученію о непосредственномъ дѣйствіи употребленія и неупотребленія органовъ. Всѣ же признали въ большей или меньшей степени участіе обоихъ факторовъ. Для того же, чтобъ составить себѣ болѣе опредѣленное представленіе объ участіи каждаго изъ нихъ и, вообще, чтобы глубже проникнуть въ область явленій измѣняемости органическихъ формъ, оказалось необходимымъ присмотрѣться ближе къ тому, что при этомъ совершается въ нѣдрахъ организма.

II.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, одинъ молодой и, притомъ, весьма талантливый нѣмецкій ученый, *Вильгельмъ Ру*, представилъ очень интересную попытку уловить ближе условія, при которыхъ совершается измѣненіе органовъ, т. е. увеличеніе ихъ съ одной стороны и ослабленіе—съ другой.

Такъ какъ явленія, слѣдующія за усиленнымъ или ослабленнымъ употребленіемъ органовъ, всего проще, казалось, объяснить дѣйствіемъ увеличеннаго или уменьшеннаго притока крови, то *Ру* остановился, прежде всего, на этомъ предположеніи. Легко однако же доказать, что это условіе играетъ въ дѣлѣ измѣненія органовъ лишь второстепенное значеніе. Уже давно было замѣчено, что усиленный притокъ крови, вызванный искусственно въ ухѣ кролика, притокъ, длящійся иногда недѣлю, не вызываетъ ни малѣйшаго увеличенія органа. *Ру* зналъ одного врача, у котораго, въ теченіе семи лѣтъ, всѣ сосуды конечныхъ суставовъ обоихъ мизинцевъ были значительно расширены, несмотря на то,

кожа оставалась совершенно нормальной, и никакого увеличенія суставовъ не произошло. Съ другой стороны, въ случаяхъ ненормальнаго разростанія частей тѣла, въ нихъ не замѣчалось расширенія сосудовъ, большаго противъ обыкновеннаго. Продолжительное сжиманіе артерій, питающихъ такія увеличенныя въ размѣрѣ части тѣла, никогда не вело къ уменьшенію послѣднихъ.

Ясно поэтому, что въ дѣлѣ увеличеннаго роста органовъ первенствующее значеніе играетъ не усиленный притокъ крови. Явленіе это происходитъ вслѣдствіе увеличенной дѣятельности мельчайшихъ составныхъ частей, т. е. такъ называемыхъ клѣточекъ, входящихъ въ составъ даннаго органа. Если мы имѣемъ случай увеличенія мускула, вслѣдствіе усиленнаго упражненія, то это происходитъ не отъ избытка притекающей крови, а отъ дѣятельности специфическихъ составныхъ частей мускула, т. е. отъ физіологическаго отправленія клѣточекъ, слагающихъ этотъ органъ.

Измѣненіе взгляда на этотъ процессъ усиленнаго развитія органа совершенно подобно тому, которое произошло во взглядѣ на сущность воспаленія. Такъ какъ при этомъ обыкновенно замѣчается усиленный притокъ крови въ воспаленной части, то долгое время думали, что суть воспаленія и заключается именно въ этомъ приливѣ. Но впослѣдствіи должны были убѣдиться въ томъ, что приливъ можетъ существовать долгое время безъ всякаго воспаленія и не сопровождается образованіемъ выпота, такъ что сущность процесса и здѣсь оказалась не въ переполненіи кровью, а въ какой-то специфической дѣятельности клѣточныхъ составныхъ частей воспаленнаго органа.

Изученіе главнаго процесса измѣняемости организмовъ привело такимъ образомъ къ необходимости взглянуть ближе на отправленія клѣтокъ, этихъ микроскопическихъ составныхъ частей огромнаго большинства живыхъ существъ.

Желая рѣшить эту задачу, *Ру* пришелъ къ тому общему выводу, что безчисленное множество клѣточекъ, слагающихъ организмъ, находятся между собою въ безпрерывной борьбѣ изъ-за пищи и мѣста. Какъ растенія, засѣянныя слишкомъ густо и въ то же время прикованныя къ мѣсту, вредятъ другъ-другу своимъ сосѣдствомъ, такъ и сосѣднія клѣтки борятся изъ-за соковъ, притекающихъ къ нимъ. Тѣ растенія и тѣ клѣтки, которыя, въ силу своихъ индивидуальныхъ свойствъ, захватываютъ большее количество питательнаго матеріала, оказываются тѣмъ самымъ побѣдителями надъ ихъ болѣе слабыми собратьями. Въ результатѣ этой междуусобной борьбы составныхъ частей одного и того же индивидуума получается усиленіе послѣдняго, такъ какъ въ концѣ-концовъ въ немъ остаются только самыя сильныя въ

борьбѣ клѣточки. Чѣмъ упорнѣе была эта клѣточная конкуренція, тѣмъ сильнѣе оставшіяся побѣдителями составныя части и тѣмъ болѣе пригоденъ индивидуумъ, образованный такими сильными клѣтками, къ борьбѣ за существованіе съ другими индивидуумами того же вида.

На вопросъ, чѣмъ именно отличаются клѣточки, остающіяся побѣдительницами въ организмѣ, *Ру* отвѣчаетъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. По его мнѣнію, клѣтки, наиболѣе раздражительныя вообще, въ то же время и всего болѣе способны къ притягиванію питательныхъ соковъ, а слѣдовательно, и къ побѣдѣ надъ своими менѣе раздражительными сосѣдями. Самая же эта усиленная раздражительность, обусловливающая побѣду и переживаніе, въ то же время ведетъ и къ увеличенію различныхъ специфическихъ отправленій клѣточекъ.

Такимъ образомъ, борьба за существованіе между мельчайшими составными частями организма является необходимымъ условіемъ успѣшности, болѣе кидающейся въ глаза, борьбы между особями, а слѣдовательно—и измѣняемости органическихъ существъ вообще.

III.

Попытка *Ру* вполнѣ законна въ томъ отношеніи, что она доказываетъ необходимость углубиться въ изученіе тончайшихъ процессовъ, совершающихся въ клѣточкахъ, каждый разъ какъ мы захотимъ уяснить явленія измѣняемости органовъ и цѣлыхъ существъ. Собственно говоря, этотъ выводъ давно долженъ былъ представиться неизбѣжнымъ. Если для пониманія отправленія какого-нибудь органа немыслимо обойтись безъ изученія дѣятельности его микроскопическихъ составныхъ частей, то то же самое должно быть приложено и къ вопросу объ усиленномъ или ослабленномъ развитіи органовъ, и ихъ измѣняемости вообще.

За десять лѣтъ, прошедшихъ со времени напечатанія книги *Ру*, наука о микроскопическихъ составныхъ частяхъ тѣла значительно подвинулась впередъ, вслѣдствіе чего весь вопросъ о междоусобной борьбѣ клѣточекъ долженъ быть подвергнутъ новому пересмотру. Воспользуемся же сдѣланными за послѣдніе годы открытіями, чтобы облегчить пониманіе явленій измѣняемости въ органическомъ мірѣ.

Такъ какъ мы безсильны въ дѣлѣ изученія измѣненій органическихъ формъ, совершавшихся въ теченіе длиннаго ряда поколѣній, то мы поневолѣ должны обратиться къ явленіямъ, которыя совершаются ежечасно на нашихъ глазахъ, сопровождаясь

очень рѣзкими и быстрыми измѣненіями наружной формы и внутренней организаціи.

Мы не знаемъ, путемъ какихъ измѣненій произошли первыя мухи и бабочки, морскія звѣзды и лягушки, а также и множество другихъ животныхъ, но за то намъ извѣстны сложныя явленія, посредствомъ которыхъ развиваются эти существа въ наши дни. Мухи и бабочки, прежде чѣмъ явиться въ ихъ окончательномъ видѣ, живутъ долгое время въ формѣ малоподвижныхъ безкрылыхъ личинокъ и гусеницъ; тяжеловѣсныя, переполненныя известью, морскія звѣзды являются въ началѣ въ видѣ прозрачныхъ многорукихъ личинокъ, съ большою легкостью плавающихъ на поверхности моря; лягушки, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, происходятъ изъ головастиковъ, своимъ хвостомъ и отсутствіемъ ногъ болѣе напоминающихъ рыбъ, чѣмъ гадовъ. Превращенія всѣхъ этихъ животныхъ, также какъ и образованіе видовъ, сопровождаются развитіемъ новыхъ и исчезновеніемъ старыхъ органовъ, только эти превращенія совершаются въ теченіе всего нѣсколькихъ дней, тогда какъ превращеніе видовъ требуетъ неизмѣримо болѣе долгое время. Но какъ въ послѣднемъ явленіи, такъ и въ превращеніи, борьба за существованіе между клѣточками организма играетъ очень важную роль, и образованіе новыхъ органовъ возможно только вслѣдствіе побѣды сильныхъ клѣтокъ надъ болѣе слабыми. Многочисленныя изслѣдованія новѣйшаго времени раскрыли передъ нами механизмъ этой борьбы, который совершается гораздо проще, чѣмъ это можно было думать, и чѣмъ это представлялось по теоріи *Ру*.

Въ организмѣ огромнѣйшаго большинства животныхъ находится множество клѣточекъ, которыя совершенно похожи на самыхъ простѣйшихъ корненожекъ, амёбъ, и которыя, подобно послѣднимъ, способны съѣдать различныя твердыя тѣла, въ томъ числѣ и самыя различныя породы клѣтокъ. Эти-то амёбообразныя пожирающія клѣтки, или, какъ ихъ называютъ для краткости,—*фагоциты*, поѣдаютъ въ организмѣ всѣ части, которыя почему-либо ослабѣли, не трогая въ то-же время частей, обладающихъ полной жизнеспособностью. Вотъ какъ происходятъ эти явленія въ тѣлѣ личинки морской звѣзды, во время превращенія ея въ самую звѣзду. Между тѣмъ, какъ молодые зачатки, состоящіе изъ группъ мало обособленныхъ клѣтокъ, растутъ спокойно, не тревожимые фагоцитами, послѣдніе набрасываются на собственно личиночные органы и въ короткое время пожираютъ ихъ цѣликомъ, или оставляя только небольшія ихъ части. Борьба, происходящая между клѣточками личинки, совершается, главнымъ образомъ, между различными частями органовъ и фагоцитами. Молодыя клѣточки

остаются при этомъ побѣдителями, тогда какъ старыя становятся жертвою фагоцитовъ. Въ результатѣ получается чрезвычайно быстрая смѣна органовъ, и личинка превращается въ совершенно непохожую на нее звѣзду, при чемъ измѣняется какъ наружная форма, такъ и образъ жизни животнаго.

Явленія, описанныя по отношенію къ морской звѣздѣ, могутъ служить прототипомъ рѣзкихъ превращеній въ животномъ мірѣ вообще. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи исторія обыкновенной мухи, столь хорошо разрабованная нашимъ знаменитымъ соотечественникомъ, *А. О. Ковалевскимъ*, и голландскимъ ученымъ *ванъ-Рессомъ*. Большинство органовъ и слагающихъ ихъ клѣточекъ у червеобразныхъ личинокъ мухи становятся жертвою фагоцитовъ, которые забираются внутрь мускульныхъ волоконъ, слюнныхъ железъ и др. органовъ, и пожираютъ все ихъ содержимое. превращая большую часть тѣла такой превращающейся личинки въ густую массу, напоминающую сливки или гной. Въ то же время множество молодыхъ клѣточекъ, пощаженныхъ фагоцитами, начинаютъ образовывать изъ себя новые мускулы и новыя железы, такъ что организмъ почти цѣликомъ строится вновь и совершенно перерождается. Эти новые органы, развившіеся такимъ образомъ, несмотря на сосѣдство прожорливыхъ фагоцитовъ, обладаютъ значительной устойчивостью и силой, представляя собою счастливыхъ избранниковъ въ этомъ естественномъ подборѣ, происшедшемъ въ нѣдрахъ организма. Неудивительно поэтому, что мухи вообще болѣе живучи, чѣмъ многіе ихъ родичи (напримѣръ, комары), ткани которыхъ не претерпѣваютъ такого глубокаго обновленія во время превращенія.

Доказательствомъ того, что эта борьба между клѣточками и фагоцитами не представляетъ частнаго случая, а составляетъ явленіе общаго характера, распространенное и у низшихъ, и у высшихъ (позвоночныхъ) животныхъ, можетъ служить исторія превращенія лягушекъ, представляющая вообще много поучительнаго.

Въ то время, когда головастикъ еще бодро плаваетъ при помощи своего широкаго хвоста, въ тканяхъ его замѣчаются уже признаки глубокихъ измѣненій. Многіе мускулы оказываются пронизанными фагоцитами, которые постепенно съѣдаютъ все сократительное вещество и превращаютъ мышцу въ собраніе подвижныхъ клѣтокъ, переполненныхъ остатками съѣденныхъ волоконъ. Это пожираніе фагоцитами распространяется на всѣ мускулы хвоста, переходитъ затѣмъ на нервы, кожу и скелетъ (спинную струну), такъ что все содержимое хвоста превращается въ родъ кашицы, состоящей изъ переполненныхъ пищей фагоцитовъ. Эти послѣдніе, обладая амѣбовидными движеніями, медленно подви-

гаются вдоль хвоста и въ концѣ-концовъ уходятъ, унося съѣденные ими остатки тканей въ общую полость тѣла молодой лягушки. Исчезновеніе или атрофія хвоста совершается, такимъ образомъ, благодаря дѣятельности фагоцитовъ, которымъ могутъ противостоять лишь наиболѣе жизнеспособные элементы организма. Кромѣ хвоста, поѣданію еще подвержены жабры и нѣкоторыя другія части головастика, между тѣмъ какъ ноги, легкія и цѣлый рядъ другихъ органовъ продолжаютъ безпрепятственно свое дальнѣйшее развитіе.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ быстро протекающей исторіи превращенія, сопровождающейся уничтоженіемъ однихъ и возникновеніемъ другихъ признаковъ, междоусобная борьба клѣтокъ играетъ огромное значеніе, причемъ эта борьба, главнымъ образомъ, сводится къ сопротивленію пожирающей дѣятельности фагоцитовъ. Весьма вѣроятно, что подобные же процессы совершались и въ болѣе продолжительномъ рядѣ явленій, обусловившихъ происхожденіе видовъ.

IV.

Дѣятельность фагоцитовъ при превращеніи стараются иногда представить просто, какъ уничтоженіе клѣтокъ и органовъ, сдѣлавшихся „ненужными“ для организма, внося такимъ образомъ телеологію въ объясненіе этого явленія. Для того, чтобы составить себѣ о немъ болѣе правильное понятіе, необходимо обратиться къ другимъ случаямъ, когда проявляется дѣйствіе этихъ прожорливыхъ клѣтокъ. А проявляется оно на каждомъ шагу. Въ селезенкѣ и печени человѣка и высшихъ животныхъ можно во всякое время найти множество фагоцитовъ, переполненныхъ разными съѣденными ими тѣлами и, въ особенности, красными и бѣлыми кровяными шариками. Эти клѣточки претерпѣваютъ внутри фагоцитовъ цѣлый рядъ измѣненій, въ результатѣ которыхъ онѣ растворяются, перевариваются фагоцитами. Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ борьбу между клѣточками, совершающуюся безпрерывно, а не ограниченную только критическимъ періодомъ превращенія. Упомянутые органы, въ особенности же селезенка, служатъ, такъ сказать, кровоочистителемъ организма, освобождая его отъ ослабѣвшихъ кровяныхъ шариковъ, мѣсто которыхъ замѣняется вновь образовавшимися, болѣе сильными клѣточками. Въ результатѣ этой дѣятельности получается усиленіе крови, этой основной ткани организма человѣка и другихъ позвоночныхъ.

Но не одна только кровь имѣетъ своего сторожа, который обе-

регаетъ ее отъ слабыхъ клѣтокъ. Въ тѣлѣ человѣка и большей части животныхъ имѣется еще цѣлый рядъ подобныхъ сторожей, которые всегда являются въ видѣ различнаго рода фагоцитовъ. Изъ дѣятельныхъ органовъ особенно важную роль играютъ произвольно сокращающіеся мускулы, состоящіе изъ довольно сложныхъ поперечнополосатыхъ мышечныхъ волоконъ. Въ этихъ послѣднихъ можно отличать собственно сократительное вещество, состоящее изъ мельчайшихъ призмъ, и промежуточную плазму, въ которой заключены многочисленныя ядра, аттрибутъ всякой настоящей клѣтки. Сократительное вещество выполняетъ роль органа движенія, тогда какъ промежуточная безформенная плазма съ ея ядрами является блюстителемъ правильной дѣятельности сократительныхъ призмъ. Если послѣднія почему-либо оказываются недостаточно сильными, то промежуточная плазма съѣдаетъ ихъ, давая тѣмъ возможность для образованія новыхъ мышечныхъ волоконъ. Всякое поперечнополосатое волокно заключаетъ такимъ образомъ своего фагоцита, который находится тутъ же, вблизи самого сократительнаго вещества. Проявляя свою прожорливость, такой мускульный фагоцитъ разростается, причемъ увеличивается какъ число, такъ и размѣръ заключенныхъ въ немъ ядеръ.

Уничтоженіе (атрофія) мускульныхъ волоконъ хвоста головастика, во время его превращенія въ лягушку, совершается именно при помощи такихъ мускульныхъ фагоцитовъ. Сократительное вещество окружается безформенной промежуточной плазмою, которая распадается на цѣлый рядъ фагоцитовъ, уходящихъ въ полость тѣла и принимающихъ видъ лимфатическихъ подвижныхъ клѣтокъ.

Такія-же явленія совершаются и въ мускульныхъ волокнахъ, сократительное вещество которыхъ было какимъ-нибудь образомъ повреждено. По изслѣдованіямъ д-ра *Судакевича* поперечно-полосатыя волокна, задѣтыя или пробуравленныя молодыми трихинами, представляютъ очень интересный и рѣзко выраженный примѣръ мускульнаго фагоцитоза. Подъ вліяніемъ раздражителя безформенная мускульная плазма разростается, ядро ея увеличивается въ числѣ и объемѣ, и образованные такимъ образомъ фагоциты перевариваютъ сократительное вещество и противодѣйствуютъ трихинамъ. Послѣднія защищаются посредствомъ выдѣленія твердой капсулы, но нерѣдко паразиты и погибаютъ подъ вліяніемъ фагоцитовъ. Эти послѣдніе, состоя изъ большой массы плазмы, со множествомъ заключенныхъ въ нихъ ядеръ, представляютъ намъ большія, часто очень сложныя клѣтки, извѣстныя подъ названіемъ „гигантскихъ клѣтокъ“ или просто „гигантовъ“.

Подобные-же фагоцитарные процессы совершаются въ попе-

речно-полосатыхъ мускулахъ и во время болѣзней, сопровождающихся исчезновеніемъ сократительнаго вещества, въ т. назыв. мышечныхъ атрофіяхъ. Давно описанныя при этомъ явленія увеличенія и размноженія ядеръ и образованія гигантовъ—ясно указываютъ на фагоцитарную дѣятельность.

Нервная ткань имѣетъ своихъ фагоцитовъ, блюстителей за правильной дѣятельностью нервныхъ клѣтокъ и волоконъ. Это легче всего доказывается на волокнахъ, подверженныхъ какому-нибудь разрушительному процессу. Въ мѣстахъ, претерпѣвшихъ насиліе, оболочка нервнаго волокна разростается, число и размѣръ ядеръ увеличиваются, вслѣдствіе чего являются гигантскія клѣтки, совершенно похожія на тѣ, которыя мы видѣли въ мускулахъ. Эти нервные фагоциты, какъ и мускульные, поглощаютъ содержимое поврежденнаго нервнаго волокна. Новѣйшія изслѣдованія *фонъ-Бюнгнера* не составляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ правильности подобнаго толкованія явленій.

Весьма вѣроятно, что особенная, снабженная множествомъ звѣздчатыхъ клѣтокъ, ткань, извѣстная подъ названіемъ *неврогліи*, выполняетъ фагоцитарную роль въ нервныхъ центрахъ и, оберегая ихъ отъ нападенія, въ то-же время уничтожаетъ слабыя клѣтки этого въ высшей степени важнаго органа. Въ этомъ отношеніи остается, правда, еще очень многое изслѣдовать, но уже фактъ, что за каждой потерей нервнаго вещества всегда слѣдуетъ мѣстное разростаніе неврогліи, ясно указываетъ на роль этой послѣдней.

Въ жировой ткани наблюдаются подобныя-же фагоцитарныя явленія, сопровождающіяся разростаніемъ ядеръ и окружающей ихъ плазмы. И,—что для насъ особенно важно,—эти явленія наступаютъ въ жировой ткани во время голоданія, что указываетъ на необыкновенную силу и выносливость фагоцитовъ въ организмѣ.

Профессоръ *Подвысоцкій* описалъ печеночныхъ фагоцитовъ, поѣдающихъ участки отмершей ткани.

Даже такая плотная ткань, какъ кость, и та имѣетъ своихъ фагоцитовъ, являющихся въ формѣ т. наз. костераздробителей—*остеокластовъ*, т. е. гигантскихъ клѣтокъ съ большимъ количествомъ плазмы и ядеръ.

Кромѣ всей этой массы спеціальныхъ фагоцитовъ есть еще множество общихъ фагоцитовъ, плавающихъ въ крови въ видѣ бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ и направляющихся во всѣ мѣста, гдѣ можетъ обнаружиться фагоцитарная дѣятельность. Во многихъ случаяхъ, когда мѣстныхъ фагоцитовъ бываетъ недостаточно, на поле борьбы являются бѣлыя кровяныя тѣльца, чтобы усилить фагоцитарную защиту.

Мы видимъ, такимъ образомъ, въ животномъ организмѣ, этомъ сложномъ сообществѣ разнообразныхъ клѣточекъ, родъ государства въ государствѣ. Множество повсюду разсѣянныхъ фагоцитовъ удерживаетъ значительную степень независимости и самостоятельности, направляя свою дѣятельность на истребленіе всѣхъ слабыхъ членовъ общей колоніи. Если уничтоженныя такимъ образомъ клѣточки могутъ быть легко замѣнены новыми, то въ результатѣ борьбы получается значительное усиленіе всего организма. Мы уже видѣли, что тѣло мухи, обновляемое въ фагоцитарной борьбѣ, выходитъ изъ нея въ концѣ-концовъ болѣе крѣпкимъ и стойкимъ. Сходные примѣры можно подмѣтить и въ человѣческой жизни.

Всѣмъ извѣстны случаи, когда послѣ продолжительной болѣзни, особенно послѣ брюшнаго тифа, организмъ совершенно обновляется, и выздоровѣвшій становится сильнѣе, здоровѣе и крѣпче, чѣмъ до болѣзни. При этомъ совершилось тоже своего рода превращеніе, вродѣ того, которому подвергаются мухи, лягушки и многія другія животныя.

Это усиленіе послѣ болѣзни можетъ быть объяснено результатомъ борьбы клѣтокъ съ фагоцитами. Послѣдніе, возбуждаемые жаромъ, столь продолжительнымъ во время тифа, усиливаются въ своей дѣятельности, тогда какъ другія ткани, напр. мускульная и нервная, наоборотъ, болѣе или менѣе значительно ослабѣваютъ. Фагоциты нападаютъ на эти ткани, причемъ возникаетъ жестокая борьба между первыми и послѣдними. Какъ доказалъ профессоръ *Л. Поповъ*, бѣлыя кровяныя тѣльца могутъ залѣзать внутрь нервныхъ клѣтокъ, причемъ послѣднія, разумѣется, разрушаются. Въ мускулахъ, во время тифознаго процесса, тоже происходитъ цѣлый рядъ фагоцитарныхъ явленій, причемъ многія волокна съѣдаются окончательно. Если, во время этой борьбы, фагоциты уничтожаютъ необходимѣйшіе элементы, которые не могутъ или не успѣваютъ быть возстановлены, то организмъ погибаетъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ своими фагоцитами. Если, наоборотъ, эти сторожа, устраняя все слабое, не нарушаютъ цѣлости организма, и если уничтоженныя клѣтки замѣняются новыми, болѣе свѣжими и болѣе сильными, то въ результатѣ борьбы получается благотворное обновленіе.

V.

Какимъ же образомъ дѣйствуютъ фагоциты и ихъ противники во взаимной борьбѣ за существованіе?

Долгое время казалось очень страннымъ, почти мистическимъ,

чтобы подвижные фагоциты (бѣлыя кровяныя тѣльца) могли прямо направляться туда, гдѣ для нихъ имѣется добыча, отстоящая иногда далеко отъ ихъ мѣстонахожденія. Но многочисленныя изслѣдованія послѣдняго времени доказали, что фагоциты обладаютъ чутьемъ, или, т. назыв., *химіотаксіей*. Они различаютъ составъ окружающей ихъ жидкости и, смотря по качеству послѣдней, направляются къ ней или уходятъ отъ нея въ сторону. Руководясь своей чувствительностью для направленія движеній, фагоциты пользуются ею-же для поѣданія различныхъ тѣлъ. Извѣстно, что вещества, выходящія изъ разрушенныхъ тканей, привлекаютъ фагоцитовъ, жадно захватывающихъ погибшія клѣтки. Съ другой стороны, еще неизвѣстно, почему эти фагоциты, не смотря на ихъ близость къ здоровымъ тканямъ и на отсутствіе у клѣтокъ этихъ тканей явныхъ орудій защиты, не съѣдаютъ множества этихъ клѣтокъ. Быть можетъ, послѣднія выдѣляютъ какія нибудь вещества, отгоняющія фагоцитовъ и, вообще, мѣшающія имъ дѣйствовать. Если клѣтка вполнѣ сильна и нормальна, то она выдѣляетъ подобное защищающее ее вещество, и фагоцитъ оставляетъ ее нетронутой. Едва же только она перестаетъ окружать себя подобной защитой, будучи больна или ослаблена, фагоцитъ набрасывается на нее и съѣдаетъ. Такимъ или какимъ-нибудь инымъ способомъ, но клѣтки должны обезпечивать себя противъ нападенія фагоцитовъ, слѣдовательно, бороться съ ними за свое существованіе. Только тогда онѣ могутъ удержаться и произвести новую ткань или органъ, если онѣ оказались побѣдителями въ этой борьбѣ.

Эти процессы борьбы, столь распространенные какъ во время превращенія животныхъ, такъ и при всѣхъ явленіяхъ исчезновенія и новообразованія частей въ организмѣ, въ его обыденной жизни, должны были, разумѣется, совершаться и при тѣхъ измѣненіяхъ организаціи, которыя влекли за собой появленіе новыхъ видовъ.

Примѣнимъ добытыя нами свѣдѣнія къ вопросу объ исчезновеніи органовъ отъ неупотребленія. Ослабѣвъ въ своей дѣятельности, ткани и клѣтки такихъ органовъ могутъ легко потерять способность защищаться отъ нападенія фагоцитовъ и, слѣдовательно, будутъ поѣдаться ими. Глазъ, не возбуждаемый свѣтомъ, вслѣдствіе переселенія животнаго въ темную пещеру, будетъ состоять изъ клѣтокъ, общій тонъ которыхъ будетъ ослабленъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ и защитительное выдѣленіе этихъ клѣтокъ или иная самозащита уменьшатся и ослабѣютъ. Въ результатѣ получится поѣданіе подобныхъ клѣтокъ фагоцитами и большая или меньшая атрофія органа. То же самое можетъ случиться

съ недѣятельнымъ мускуломъ, нервомъ и, вообще, какимъ-бы то ни было органомъ [1]).

Съ другой стороны, и образованіе новой части подъ вліяніемъ усиленнаго употребленія можетъ быть поставлено въ связь съ усилившейся защитой отъ нападеній фагоцитовъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что фагоцитарная дѣятельность проявляется и въ тѣлѣ зародыша, уничтожая множество молодыхъ клѣтокъ и составленныхъ изъ нихъ зачатковъ различныхъ частей. Чуть только послѣднія недостаточно сильны, чтобы защитить себя отъ фагоцитовъ, эти прожорливыя клѣтки съѣдаютъ и зачатки, несмотря на ихъ молодой возрастъ.

Въ суммѣ фагоцитовъ мы видимъ цѣлую систему регуляторовъ, являющихся блюстителями силы организма и участвующихъ въ исчезновеніи и образованіи органовъ, т. е. въ главнѣйшихъ явленіяхъ измѣняемости.

Не облегчитъ-ли намъ болѣе близкое знакомство съ этими явленіями борьбы внутри организма рѣшеніе общаго вопроса о механизмѣ измѣняемости видовъ, объ участіи въ немъ естественнаго подбора или непосредственной приспособляемости въ смыслѣ ученія *Ламарка*?

Такъ какъ признакомъ подбора является всегда ***полезность*** данной особенности, то мы прежде всего должны спросить себя, представляетъ ли фагоцитарная система полезное пріобрѣтеніе для организма?

Съ точки зрѣнія интересовъ индивидуума оно бываетъ очень полезно, но подчасъ можетъ принести и значительный вредъ. Въ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ ослабѣвшей тканью, которая могла бы еще дѣйствовать, а со временемъ и оправиться, она можетъ погибнуть безвозвратно, если будетъ уничтожена фагоцитами. Подобные примѣры должны быть частью при заболѣваніяхъ центральной нервной системы, клѣточки которой легко подвергаются отравамъ и ослабѣваютъ, и въ то же время не могутъ возстановляться и замѣняться другими. Нападеніе на такія клѣтки со стороны фагоцитовъ можетъ причинить неизлѣчимыя болѣзни и смерть.

Въ этихъ случаяхъ вредные для индивидуума фагоциты могутъ быть полезны съ точки зрѣнія интересовъ и благополучія

---

[1]) Въ этомъ очеркѣ вопросъ о борьбѣ фагоцитовъ противъ микробовъ оставленъ совершенно въ сторонѣ, чтобы не усложнять избранной мною темы.

цѣлаго вида, такъ какъ содѣйствуютъ естественному подбору между особями, устраняя слабѣйшихъ и сохраняя сильнѣйшихъ въ борьбѣ. Но и въ этой полезности, очевидно, нѣтъ ничего напередъ предусмотрѣннаго, телеологическаго. Легко представить себѣ такой случай повальнаго уничтоженія важныхъ для жизни частей, при которомъ можетъ пострадать цѣлая расса или видъ, хотя мы и не можемъ указать на примѣръ подобнаго явленія, въ виду естественной недостаточности нашихъ свѣдѣній.

Съ другой стороны, очевидно, что фагоцитарная система на каждомъ шагу проявляетъ свою полезность и поэтому можетъ быть признана выработанной естественнымъ подборомъ. Даже уничтоженіе частей, вслѣдствіе неупотребленія органовъ, имѣетъ свою полезную сторону, такъ какъ при этомъ фагоциты получаютъ пищу и къ тому же находятъ случай совершенствовать свою дѣятельность.

Легко поэтому допустить, что и измѣняемость, согласно принципу *Ламарка*, входитъ въ общую категорію явленій подбора и вовсе не должна быть противопоставляема послѣднему.

Фагоцитарная система, очень полезная въ общемъ, содѣйствующая усиленію организма и поэтому усовершенствованная естественнымъ подборомъ, сама однако же не достигла еще послѣдней степени развитія. Ея дальнѣйшіе успѣхи могутъ быть лучше всего достигнуты при помощи искусства. Съ той минуты, какъ человѣческое сознаніе проникло въ сущность и подробности фагоцитарной дѣятельности, оно можетъ взять на себя дальнѣйшее руководство ею. Изученіе вліяній, усиливающихъ или ослабляющихъ фагоцитовъ, должно повести къ пользованію послѣдними съ цѣлью увеличенія блага и уменьшенія вреда, причиняемаго этими клѣтками. Извѣстно, что тепло и продукты жизнедѣятельности нѣкоторыхъ микробовъ усиливаютъ, а холодъ, хининъ, абринъ и нѣкоторыя другія вещества ослабляютъ дѣятельность фагоцитовъ. Наука, пользуясь всѣми этими данными и разрабатывая ихъ дальше, можетъ пополнить и исправить несовершенства, оставленныя естественнымъ подборомъ.

На этомъ примѣрѣ, какъ и на многихъ другихъ, становится очевиднымъ, что человѣческое сознаніе является призмой, въ которой естественный подборъ преломляется, превращаясь въ подборъ искусственный, руководимый положительной наукою.

Ил. Мечниковъ.

Парижъ, 6 (18) ноября, 1891 г.

* *
*

Въ засуху я видалъ, какъ мимо чахлой пашни
Проносится гряда бездождныхъ облаковъ.
На пыльныхъ небесахъ они, бѣлѣй снѣговъ,
Лежатъ весь день, тѣснясь, какъ рухнувшія башни,
А въ предвечерній часъ лишь вѣтеръ потянулъ,
Начнется надъ землей ихъ праздное движенье.
Вотъ виденъ молній блескъ и слышенъ дальній гулъ,
И кажется тогда: еще одно мгновенье,
И загудитъ гроза, и покачнется лѣсъ.
Но тучи, не дойдя до темени небесъ,
Вдругъ, силой тайною задержанныя, станутъ—
И стороной плывутъ отъ жаждущихъ полей.
И колосъ, свѣжестью минутною обманутъ,
Къ землѣ пылающей склоняется грустнѣй,
Межъ тѣмъ какъ, заревомъ полнеба освѣщая,
Вдали горитъ заря, засуху предвѣщая.

Какъ тучи безъ дождя, великія мечты
Надъ нами много разъ безслѣдно зажигались,
Недолго были мы жрецами красоты
И къ свѣту знанія недолго порывались.
Восторгъ довѣрчивый равно будила въ насъ
И проповѣдь борьбы, и проповѣдь смиренья.
Но тучи мимо шли, огонь воздушный гасъ,
И тщетно до сихъ поръ мы жаждемъ обновленья.
И вотъ я слышу вновь раскаты вѣщихъ словъ,
Но знаю: то опять раздался гласъ въ пустынѣ.
Сверкая и гремя, какъ столько разъ донынѣ,
Опять идетъ гряда бездождныхъ облаковъ...

Н. Минскій.

ПОСЛѢДНІЕ ЛИСТЬЯ.

Въ концѣ широкой аллеи запущеннаго помѣщичьяго парка, у пруда, на скамейкѣ, сидѣли двѣ женщины, — молодая и постарше. Было четыре часа октябрьскаго солнечнаго дня. Желтые листья усыпали дорожки парка, и словно ковромъ разостлались на небольшой полянкѣ, окруженной деревьями. Самый прудъ, сплошь затянутый зеленоватой тиной, у береговъ тоже былъ покрытъ листьями. Полуразрушенная пристань изъ сѣраго камня, съ расколотыми ступеньками и съ искалѣченными львами по обѣимъ сторонамъ спуска, одиноко возвышалась въ кустахъ облетѣвшаго кратегуса и была видна издали. Въ паркѣ было тихо; не слышно было ни птичьяго писка, ни карканья воронъ, все вокругъ какъ будто умирало, озаренное косыми лучами заходившаго солнца,—и ощущеніе тихой, безпредметной грусти возбуждало въ человѣкѣ это глухое, запущенное мѣсто...

— Я не понимаю, голубчикъ Вѣруша, что такъ тревожитъ тебя!—заговорила женщина помоложе, бросая разсѣянный взглядъ на прудъ и тотчасъ же переводя его на собесѣдницу.

— Ну, конечно!—кивнула старшая, — тебѣ не понять мое состояніе... И слава Богу!--прибавила она тихо.

Младшая съ участіемъ смотрѣла на нее.

— Развѣ ты несчастлива, Вѣруша? Почему?

— Ахъ, Оля! Кто же тебѣ говоритъ...

— Да вотъ, сейчасъ...

— Это все не то!—поморщилась Вѣра,—не то, не то! Я хотѣла сказать, что ты, можетъ быть, потому и счастливѣе меня, что жизнь твоя наполнена... Нѣтъ хуже одиночества! Испытываешь ли ты ту страшную пустоту, въ которой я вязну, то чувство неудовлетворенности...

Младшая смотрѣла на нее широко-раскрытыми глазами. Было что-то новое, тяжелое и рѣзкое въ выраженіи лица сестры.

Ея высокая, сухая фигура, во всемъ черномъ, какъ бы вся трепетала отъ какой-то внутренней, съ трудомъ скрываемой дрожи, тонко очерченныя брови хмурились и вздрагивали, глаза свѣтились сухимъ блескомъ и на блѣдныхъ поблекшихъ щекахъ то выступалъ, то снова пропадалъ палевый румянецъ.

— Я не понимаю...—робко пробормотала Ольга.

— Ну, конечно, конечно!—рѣзко прервала сестра.—Ты не можешь *этого* понять... Жизнь твоя нормальна... У тебя мужъ, котораго ты любишь, дѣти, въ которыхъ ты души не чаешь, хозяйство, въ которое ты вся погружена. Въ хлопотахъ и заботахъ жизнь проходитъ незамѣтно, легко... Что мнѣ остается? Носиться съ *собою*, копаться въ *своей* душѣ... А ты думаешь, это легко?

— А твоя школа?

— Школа?—странно, какъ-то искоса взглянула на нее Вѣра,—школа... да, конечно...

— Ты хочешь сказать, что и школа тоже не *то*, однако мы прожили все лѣто и я не слышала жалобъ!—замѣтила Ольга.

— Развѣ я жаловалась? Ты сама вызвала...

— Но ты была весела!

— Можетъ быть! Можетъ быть потому, что ты была подлѣ, дѣти... Они развеселятъ кого угодно!

— Нѣтъ, Варюша, голубчикъ, ты это просто напустила на себя... Ну, что же, поѣдемъ тогда съ нами! Сергѣй такъ уважаетъ, любитъ тебя, цѣнитъ твой умъ.

Блѣдныя щеки сестры вспыхнули румянцемъ. Желтый листъ, медленно кружась въ воздухѣ, упалъ къ ней на плечо. Она взяла его за стебелекъ и принялась разсматривать.

— Да, я знаю!—прошептала она.

И опять, въ этихъ словахъ было что-то до такой степени странное и новое, что сестра съ тревогой заглянула ей въ лицо. Но та вдругъ подняла голову и остановила на Ольгѣ холодный взглядъ.

— Я знаю, что онъ цѣнитъ мой умъ, и не онъ одинъ... А все-таки отъ этого не легче. Еслибы его вовсе не было, а было бы только то, что доступно каждому...

— Кто же виноватъ, Вѣруша, если ты сама не хотѣла...

— Выйдти замужъ? Ахъ, не говори, пожалуйста! Кажется, это вопросъ рѣшенный!

— Да, потому что ты слишкомъ требовательна, ты желаешь чего-то такого, чего не найти на свѣтѣ...

— Можетъ быть! Не виновата же я, что родилась такою.

— Нужно брать отъ жизни, что она даетъ, Вѣруша.

— Старая, избитая сентенція. Ты и берешь!

— О, мнѣ она даетъ слишкомъ много, чего я даже не заслужила.

— Ну, а мнѣ не даетъ и половины! При чемъ тутъ замужество? Неужели ты думаешь, что еслибы я вышла замужъ, то тѣмъ все бы и кончилось?.. Какой вздоръ? Жизнь даетъ всѣмъ одно и то же, но одни, какъ ты, напримѣръ, довольны своей частью, какъ бы мала она ни была, и, мало того, что счастливы сами, но умѣютъ дѣлать счастливыми и окружающихъ, а иные и сами себѣ портятъ жизнь, и другимъ становятся въ тягость!..

— Вѣруша, это—меланхолія!

— Нѣтъ, Оля, философія.

— Ну, философія, только мрачная, меланхолическая! И знаешь, откуда это у тебя? Отъ парка, отъ всей этой картины увядающей природы... Кому ты въ тягость? Что за вздоръ?!

— Да хоть тебѣ, напримѣръ!

— Мнѣ?—удивилась сестра.

— Конечно! Завтра ты уѣзжаешь... Всѣ мысли твои о томъ, какъ-то дома, какъ ты поѣдешь, какъ-бы не простудить дѣтей, а я заставляю тебя слушать свои непонятныя жалобы. Скучно!

— Пустяки, Вѣруша, пустяки!—горячо воскликнула сестра,— я всегда рада, когда ты дѣлишься со мною, что у тебя на душѣ. Но это такъ рѣдко бываетъ и все больше такія печальныя темы... А все-таки лучше, чѣмъ когда ты молчишь по цѣлымъ днямъ и сидишь за своими книгами! Иногда такъ хочется подойти, поговорить... нельзя!

— Милая моя! Ну, спасибо тебѣ!

Вѣра наклонилась къ сестрѣ, какъ бы желая ее поцѣловать, но вдругъ откинула назадъ голову. Что-то похожее на ужасъ отразилось на ея лицѣ.

— Кто это идетъ? Вонъ тамъ?—прошептала она.

— Это—Архипъ. А сзади дѣти... Вонъ Соня бѣжитъ и Павлуша... Соня, Соня, сюда! Мы здѣсь!—крикнула Ольга.

Къ нимъ подбѣжала дѣвочка лѣтъ семи и бросилась въ колѣни матери.

— Какъ ты запыхалась, Соня! Не годится такъ бѣгать!—замѣтила мать.

— А онъ меня догонялъ! Чуть, чуть не догналъ! Вонъ онъ! говорила Соня, указывая на приближавшуюся фигуру брата.

Онъ тоже подошелъ къ матери, и обнялъ ее. Та погладила его по головѣ и поцѣловала. Глаза сына засіяли восторгомъ и тихимъ же взглядомъ отвѣтила ему мать. Дѣти ласкались къ ней, она разглаживала имъ волосы, любовалась ими.

Вѣра сидѣла, опустивъ голову. Брови ея были нахмурены.

— Какъ онъ похожъ на Сергѣя, не правда-ли?—спросила Ольга.

— Гм! Не знаю, мнѣ не кажется!

— Какъ! А глаза? Посмотри, совсѣмъ, совсѣмъ голубые!

Вѣра еще ниже опустила голову.

— Потомъ эта манера улыбаться...

— Ну ужъ, какія тонкости! Не всякому замѣтны!—отвѣчала Вѣра.

— Но я то ихъ вижу! Нѣтъ, не говори! Вылитый отецъ! Ну, дѣточки, ступайте, бѣгайте.

— А мы скоро, мама, будемъ укладываться?—спросила Соня.

— Скоро, скоро!

— Тогда я тоже пойду укладывать свои куклы.

— А я лошадь!—сказалъ Павлуша. Мы возьмемъ съ собой лошадь?

— Возьмемъ, возьмемъ! Идите, собирайтесь!

Дѣти взялись за руки и побѣжали прямо черезъ поляну, къ дому. Мать долго смотрѣла имъ вслѣдъ, потомъ счастливо вздохнула и съ нѣжной улыбкой припала къ плечу сестры.

— Вѣруша, милая, поѣдемъ къ намъ!

Сестра покачала головой.

— Тебѣ просто необходимы развлеченія. Вѣдь это ужасъ, что здѣсь зимою!.. А вотъ будетъ санный путь, и пріѣзжай. У насъ хоть не Богъ знаетъ что, а все-таки городъ. Станемъ ѣздить по знакомымъ, въ клубъ! Вѣруша, пріѣзжай, право, голубка! Мы тебя развеселимъ!..

— А школа? Вѣдь, ты же сама говорила...

— Ну, что школа! Двѣ, три недѣли не составятъ разсчета! Пріѣдешь, да?

— Ничего мнѣ не нужно, никуда я не поѣду!—отвѣчала Вѣра.

— Ну, развѣ это не меланхолія,—твое теперешнее настроеніе?

— И пускай!.. Однако, становится сыро... Можемъ простудиться...

— Да, нужно! У меня столько уборки!.. А ты?

— Я еще погуляю! За меня не бойся!

Ольга поднялась со скамейки и пошла по аллеѣ той особенной, замедленной и важной походкой, какая бываетъ у беременныхъ. Вѣра смотрѣла ей вслѣдъ.

— Ахъ, представь!—воскликнула сестра, возвращаясь.—У меня пропала карточка Сергѣя! Помнишь, которую онъ прислалъ весною... Обшарила весь камодъ, сундуки, всѣ углы,—нѣтъ и нѣтъ. Я ужъ думала, не попалась-ли она въ руки Сони.

— Ну, на что она ей!

— Не знаю! Поищу еще! Ты скоро придешь, тогда я распоряжусь насчетъ чая?

— Хорошо!

— Когда сестра скрылась за деревьями, Вѣра встала, сжала пальцы рукъ такъ, что тѣ хрустнули, и съ выраженіемъ тоски и отчаянія пошла впередъ, въ глубину парка. Она шла медленно, опустивъ голову. Послѣдніе, опавшіе листья цѣплялись за ея платье, шуршали подъ ногами. Солнце закатилось, и западная часть неба была окрашена въ ярко-желтый цвѣтъ. Надъ голыми верхушками деревьевъ, съ печальнымъ карканьемъ, потянула стая воронъ. Отъ сырой земли и листьевъ несло запахомъ плѣсени. Въ воздухѣ похолодѣло.

Вѣра вдругъ остановилась, вынула изъ кармана фотографическую карточку мужчины лѣтъ 35-ти и долго смотрѣла на нее.

Вотъ онъ, мужъ ея сестры, ея Сергѣй... Онъ стоитъ въ небрежной позѣ, опираясь на каминъ, его красивые, каріе глаза стотрятъ, какъ живые. Милый, дорогой! Знаешь ли ты, какой горячей любовью къ тебѣ бьется это бѣдное сердце старой дѣвы? Слышишь ли ты, какъ она шепчетъ твое имя? Видишь ли, какъ она цѣлуетъ твое изображеніе. Дорогой, дорогой! Ты, который, не зная того, заставилъ биться это замолкшее сердце, ты—лучшій изъ лучшихъ на свѣтѣ!.. О, какъ жжетъ эта любовь къ тебѣ, какую она причиняетъ жгучую, невыносимую боль... Любить. — кого? Мужа любимой сестры! Любить. — и не смѣть сказать объ этомъ открыто, и таить, таить глубоко въ душѣ! Невысказанная, не обласканная любовь.—это любовь къ покойнику! Да вѣдь отъ одной этой мысли можно съ ума сойти!

„Что дѣлать! Боже мой, что дѣлать?—шептала Вѣра, ломая тонкіе, блѣдные пальцы.

— Терпѣть!—подсказалъ ей внутренній голосъ, никому, ни единой душѣ не открывай свою святыню,—даже самой себѣ! Задави, растопчи свое чувство, вырви его изъ сердца! Этотъ человѣкъ,—для тебя покойникъ! Глубоко, глубоко въ душѣ сохрани о немъ память, и плачь, если можешь!

Крупныя слезы, одна за другой, катились изъ глазъ Вѣры; щемящая тоска охватила ея душу.

Но вдругъ она гордо подняла голову и отерла слезы.

— Это рѣшено и кончено!—сказала она самой себѣ,—я уничтожу, уничтожу это или... Она увидѣла себя на самомъ берегу пруда. Чуть замѣтный, бѣловатый туманъ спускался на его поверхность. Широко разросшіяся ивы мочили въ водѣ свои голые прутья.

Вѣра долго стояла и смотрѣла на прудъ, и холодъ осенней воды какъ бы сообщился ея членамъ,—мурашки озноба пробѣжали по ея спинѣ.

Она снова вынула карточку и медленно, какъ бы наслаждаясь душевными муками, начала разрывать ее на клочки и кидать въ воду. „Послѣдніе листья,—послѣднія воспоминанія о немъ! Никогда, никогда больше не увижу я тебя, дорогой мой! Ты для меня покойникъ! Уйдти въ себя, въ свои книги, въ школу, еще сильнѣе полюбить бѣдныхъ, деревенскихъ ребятишекъ... Вотъ что надо! Вотъ задача моей жизни! Помоги, Господи, исполнить ее!..“ Вѣра быстро шла къ дому. Вотъ онъ, близокъ... Сквозь голые стволы деревьевъ и сучья кустарниковъ, черезъ влажныя отъ холода и казавшіяся матовыми окна свѣтился огонь лампы, и вокругъ обѣденнаго стола, съ кипѣвшимъ на немъ самоваромъ, мелькали силуэты дѣтей и Ольги.

Вѣра вошла въ комнату спокойная и сдержанная, какъ всегда...

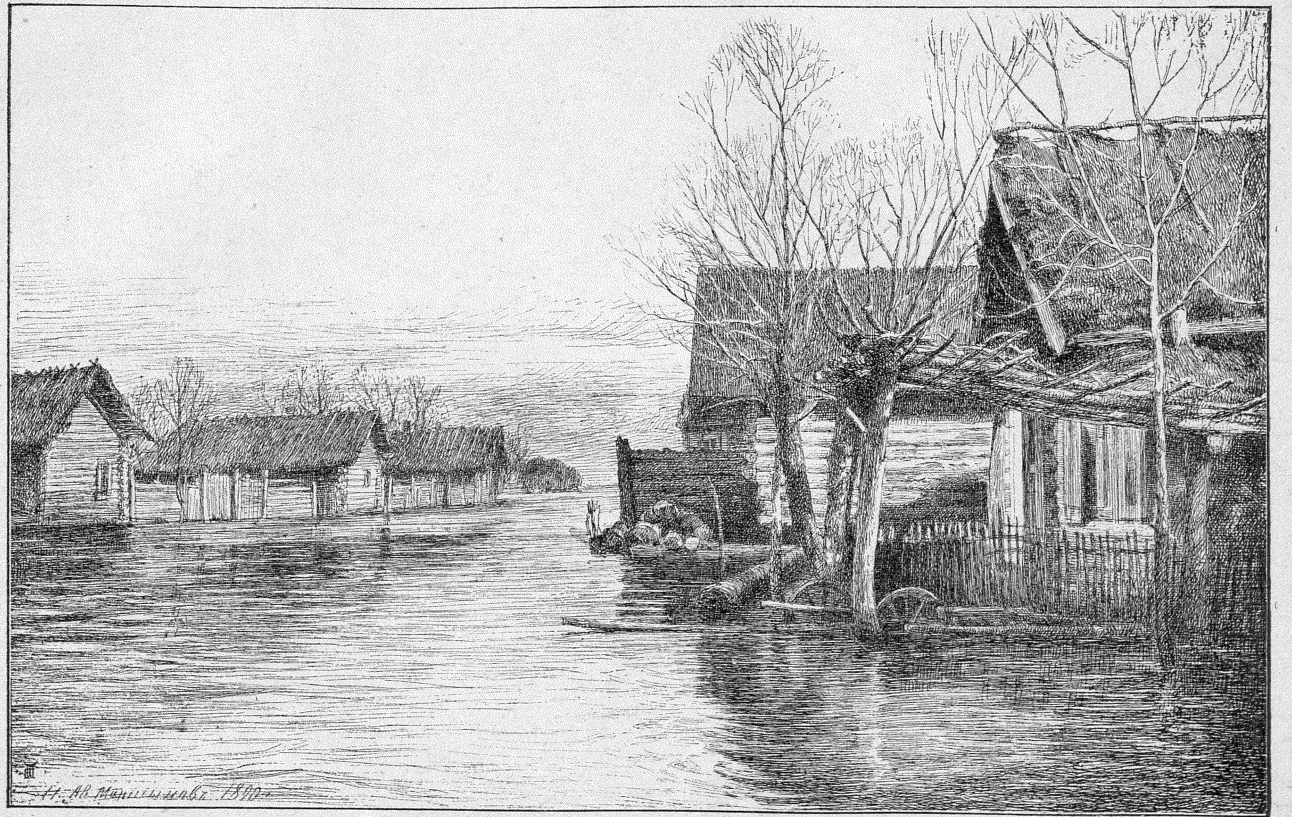
К. Баранцевичъ.

Ноябрь 1891 г.

Въ небесахъ.

Догорѣло... Засни, мой истерзанный братъ,—
Если сонъ охранитъ отъ тревоги.
Ночь сошла съ высоты .. По ночамъ лишь не спятъ
На вершинѣ царящіе боги.
Разостлавши по міру безмолвную тѣнь,
До разсвѣта они межъ собою
Говорятъ и смѣются; ихъ царственный день
Не рождаетъ потребность покоя.
Золотистыя волны небесныхъ лучей
Яркимъ сводомъ сплелись надъ богами.
Ихъ чертоги горятъ міріадой огней,
Ихъ одежды обвиты цвѣтами...
Въ эту ночь на вершинѣ лазурныхъ небесъ
Ароматомъ полна атмосфера:
Тамъ богинямъ украдкой киваетъ Зевесъ,
Чуть косясь на ревнивую Геру;
Тамъ зоветъ Афродиту красавецъ Арей,
Щеголяя узорнымъ доспѣхомъ,
И малютка Эротъ наклонился надъ ней,
Заливаясь восторженнымъ смѣхомъ,
А съ далекой земли разлился фиміамъ
И струится столбомъ величавымъ...
О, кому-жъ, какъ не имъ, властелинамъ-богамъ,
Наслаждаться божественнымъ правомъ!..

Ал. Ленцевичъ.



В а т о п и л о!

Съ рис. Н. А. Мартынова.

СТАРЫЯ ТѢНИ.

(*Эпизоды изъ повѣсти „Дѣти освобожденія“*).

«...То—мое дѣтство, самое раннее, зеленое дѣтство проносится передо мною и, какъ блѣдная зорька, гонитъ съ души тусклый сумракъ душевныхъ смутъ... Но отчего-жъ, отчего-жъ такъ дороги мнѣ эти дѣтскія раннія зори»?

I.

...Я уже говорилъ, что въ минуты тяжкихъ душевныхъ смутъ особенно любилъ навѣщать меня мой „маленькій дѣдушка“, приводя съ собой изъ тьмы забвенія ряды такихъ-же, какъ онъ, маленькихъ и ничтожныхъ существованій. Мое дѣтство и отрочество, кажется, неразрывно связаны съ этими маленькими существованіями. Особенно вспоминаются мнѣ тѣ странные таинственные образы, которые вдругъ являлись неизвѣстно откуда—и въ нашемъ „старомъ домѣ“ въ провинціальномъ городѣ, и въ старой сельской почернѣлой избѣ моего дѣда, и также исчезали неизвѣстно куда. Это были какія-то блуждающія тѣни, пугавшія наше дѣтское воображеніе, — тѣмъ болѣе, что моя старая бабка, которую я не могу иначе вообразить себѣ, какъ въ огромномъ повойникѣ, съ нависшими бровями и грознымъ сковородникомъ въ рукѣ, сильно ихъ недолюбливала и называла „шатунами“, „шатущими людьми“ и „людишками“. Не смотря однако на существованіе моей старой суровой бабки, которая являлась передо мной всегда какъ бы воплощеніемъ того суроваго времени,—эти «шатущіе людишки», казалось мнѣ, всё больше и больше плодились на русской землѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всё больше доставалось отъ суровой бабки и моей мечтательной матушкѣ, и „уличному пустомелѣ“,—маленькому дѣдушкѣ, которые привѣчали этихъ людишекъ и къ которымъ, казалось, льнули они, какъ мотыльки къ свѣту.

Смутно проходятъ передо мною эти странные, таинственные образы, которыхъ такъ много создавало то невозвратно-минувшее время. Вспоминается высокая, сколоченная изъ толстыхъ бревенъ, старая, закоптѣлая, но крѣпкая дѣдушкина изба. Въ ней тепло, но на волѣ морозъ къ вечеру всё крѣпчаетъ. Вотъ уже половина стеколъ покрылась пушистымъ инеемъ; по угламъ то тамъ, то здѣсь постукиваетъ и потрескиваетъ. Дѣдушка сидитъ у сальной свѣчи и торопится заплатить кускомъ кожи пробитый валеный сапогъ. Матушка истово и нѣвуче читаетъ, неторопливо выговаривая слова, стихотворныя переложенія псалмовъ,—и мнѣ очень нравится, какъ звучно и складно льются слова одно за другимъ, но я плохо понимаю ихъ смыслъ. Мы съ сестренкой уже прикорнули подъ теплымъ овчиннымъ тулупомъ—и молча витаемъ въ какомъ-то легкомысленномъ сказочномъ мірѣ, для котораго нѣтъ ни времени, ни пространства: изъ фантастическихъ странъ восточной Шахерезады быстро переносишься то на теплые, мягкіе берега Іордана, то въ суровое царство фараоновъ,—то вдругъ уже вертишься въ вихрѣ веселаго, яркаго свѣта, среди моря торжественныхъ звуковъ музыки, въ блескѣ новаго легкомысленнаго міра европейскихъ столицъ, куда такъ чарующе манитъ и зоветъ все молодое, бодрое, свѣжее, что раньше насъ успѣло уже выбраться и выбиться изъ суровыхъ и темныхъ обиталищъ крѣпостныхъ деревень... Хотя мы съ сестрой ничего не говоримъ другъ-другу, но я совершенно увѣренъ, что она носится своей мыслью тамъ-же, гдѣ и я; мнѣ стоитъ только спросить её: „а помнишь, вчера мама читала письмо дяди Саши изъ Петербурга“? чтобы быть увѣрену, что юная фантазія тотчасъ-же унесетъ ее, какъ и меня, далеко далеко отъ этихъ—хотя и теплыхъ, но тусклыхъ и темныхъ стѣнъ дѣдушкиной избы...

И вдругъ—слышится тяжелый скрипъ по помосту; стукнуло кольцо у калитки; кто-то откашлялся за дверью. Мы всѣ прислушиваемся; робко и неувѣренно отворяется дверь—и, заволокнутая холоднымъ паромъ, на порогѣ появляется незнакомая, высокая, худая фигура: длинный овчинный подрясникъ, занесенный снѣгомъ, толстая и высокая, набитая хлопками, скуфья на головѣ, въ рукахъ—длинный посохъ; на спинѣ—подбитый телячьей шкурой мѣшокъ; худое, длинное, съ провалившимися щеками, мокрое лицо, съ жидкими клочьями сѣдоватой бородки, и черные, боязливо бѣгающіе подъ длинными бровями глаза.

— Миръ и благословеніе дому вашему!—отчетливо выговариваетъ пришедшій, стоя у порога, и не трогается съ мѣста.

— Благодарствуемъ,—говоритъ дѣдушка,—куда странствуете?—Маша, принеси-ка отъ бабки коровашекъ... для странника, молъ.

— Не призналъ, отецъ?—спрашиваетъ между тѣмъ странникъ, все еще не отходя отъ порога.

— Нѣтъ, нѣтъ... Али знакомы?—говоритъ дѣдушка, ища очки:— Кто-же будете?

Странникъ пугливо окидываетъ комнату своими черными, пронизывающими насквозь, глазами и тихо говоритъ:

— Презрѣнный рабъ божій, рабъ человѣческій... дворовый человѣкъ Александръ... вѣчный жидовинъ, Агасферъ треклятый...

— О! Александръ!.. Признаю, признаю,—говоритъ дѣдушка.— Обогрѣться, переночевать, поди, хочешь; изусталъ чай?.. Мѣсто будетъ... Садись, Александръ, садись, странникъ божій...

— Дозволяешь, отецъ?—все еще спрашиваетъ странникъ, робко опять озираясь кругомъ.

— Не бойся, не бойся... Входи съ Богомъ, располагайся...

И вотъ странникъ медленно и неувѣренно начинаетъ снимать съ себя мѣшокъ и съ тяжелымъ вздохомъ садится на скамью.

— Что-жъ, Александръ, — али все не нашелъ успокоенія душѣ своей?—спрашиваетъ дѣдушка.

Но странникъ сидитъ, молча опустивъ голову.

Потомъ слышно, какъ снова глубокій вздохъ вырывается изъ его груди. Потомъ онъ заговорилъ истово, неторопливо, опустивъ внизъ глаза, какъ будто стыдясь смотрѣть на насъ.

— Прошелъ всѣ предѣлы... вездѣ былъ... всѣ обители посѣтилъ... былъ и на полдняхъ, и на полунощь... на знойномъ Афонѣ и въ хладныхъ Соловецкихъ обителяхъ... Вездѣ, отецъ... Искалъ неустанно грядущаго града, и нѣтъ пріюта презрѣнному рабу!.. Исхолодалъ, отецъ, изголодалъ... И въ лѣто, и въ зиму, какъ тать, скрываюсь отъ свѣта и брожу въ нощи... Прихожу въ грады—и изгоняютъ, стучусь у обителей — и не принимаютъ отверженнаго... Не вижу ни кровныхъ своихъ, ни сродственниковъ, ни жены, ни дѣтей, въ неволѣ пребывающихъ... И да будешь проклятъ ты, рабъ презрѣнный, что возмнилъ о свободѣ и покинулъ кровь свою, и отженился ближнихъ своихъ!.. Нѣтъ тебѣ угла въ пространномъ мірѣ Моемъ и не будетъ успокоенія душѣ твоей!.. Захочешь возвратиться въ домъ господина твоего—и отрекутся, страха ради іудейска, дѣти твои отъ тебя, и ближніе, и предастъ тебя поруганію и истязанію господинъ твой... Убоишься вернуться въ неволю—и будешь скитаться, какъ воръ, и пріютъ твой будетъ логовище звѣрей...

И вдругъ странникъ съ глухимъ шумомъ падаетъ на колѣна и начинаетъ молиться. Долго слышатся, среди полнаго молчанія, только одни глухіе вздохи странника, да рѣдкія покрякиванія дѣдушки.

И матушка, и я, и сестренка давно уже впились глазами въ это худое, словно отлитое изъ бронзы, тусклое и костистое лицо, на которомъ такъ ярко лежали слѣды безконечныхъ скитаній и безмѣрной скорби.

Странникъ поднялся, выпрямился и все еще не спускалъ глазъ съ образа. По щекамъ его текли крупныя слезы, въ то время какъ черные глаза блестѣли въ одно и то же время злымъ отчаяніемъ и суровой вѣрой.

— Отецъ!..—вдругъ заговорилъ онъ, подымая къ образу руку.—Тамъ... тамъ взыщемъ грядущаго града!.. Тамъ единственно!.. Тамъ—не отринутъ...

— Да, не отчаявайся, Александръ... Богъ тебя поддержитъ,—говоритъ дѣдушка.—Нѣтъ той слезы, Александръ, чтобы пролилась тщетно и не была услышана у престола Всевышняго!.. И волосъ не упадетъ даромъ съ головы человѣческой... Ищи — и всегда обрящешь... Толцыте—и отверзятся врата правды... Сядь, Александръ, подкрѣпись, чѣмъ Богъ послалъ...

И странникъ, нѣсколько успокоенный какъ будто, опять садится на лавку; но теперь голова его поднята и блестящіе глаза его смотрятъ куда-то вдаль, какъ будто пронзаютъ стѣны нашей избы; и свѣтится въ нихъ какая-то странная борьба, какъ будто не знаютъ еще они, на чемъ остановить свой выборъ: на небѣ или на землѣ...

— Ну, Александръ, разскажи намъ про міръ божій. Вамъ, странникамъ, многое открыто... Поди сюда, присядь здѣсь.

Странникъ садится у стола—и я вижу, какъ матушка, съ загорѣвшимися таинственнымъ любопытствомъ глазами, уже подвигается къ нему, поставивъ на столъ руки и склонивъ на нихъ голову, и своимъ обычнымъ мечтательнымъ взглядомъ впивается въ лицо странника.

И странникъ начинаетъ говорить... Но мое дѣтское воображеніе, запечатлѣвъ въ себѣ его туманно-суровый образъ, уже не сохраняетъ ничего больше, и его рѣчи вспоминаются мнѣ только какъ шумъ бурнаго, но смутнаго потока, несущагося черезъ безграничныя степи... А по этимъ степямъ, гонимая вѣтромъ, быстро шагаетъ высокая, суровая фигура, тщетно ищущая, гдѣ преклонить главу сыну человѣческому...

И мнѣ представляется, что еще не успѣлъ кончить странникъ свои разсказы, которые такъ длинны, кажется, что длятся цѣлую ночь, и день, и еще ночь, какъ уже за нимъ появляется въ дверяхъ нашей избы новое странное и поражающее наше дѣтское воображеніе существо.

Прежде всего виденъ только одинъ огромный старый наголь-

ный тулупъ, перепоясанный кушакомъ, и большія старыя валенки,—но совершенно невозможно опредѣлить ни пола, ни возраста, ни званія того, кто скрывается въ нѣдрахъ этого огромнаго тулупа, вверху котораго едва виднѣется голова, такъ плотно окутанная заиндѣвѣлой шалью, что изъ-за нея не видно даже глазъ. Но вотъ странный тулупъ быстро и нервно дѣлаетъ на отмашь три поклона передъ образомъ, затѣмъ два въ углы избы и также быстро начинаетъ развертывать съ головы шаль,— и мало-по-малу сначала показывается жиденькая, бѣлесоватая бороденка, потомъ длинный тонкій носъ, маленькіе, словно мышиные, сѣрые глазки и, наконецъ, изъ-подъ бараньей шапки освобождается большая лысина, кое-гдѣ опушенная всклокоченными косичками бѣловато-рыжихъ волосъ. А когда разомъ и неожиданно свалился въ уголъ наконецъ и тулупъ,—передъ нами вдругъ объявился самый обыкновенный, самый „ничтожный“ изъ „людишекъ“, какіе только живутъ на свѣтѣ, по мнѣнію моей бабки: старый крѣпостной мужичишка, въ заплатанной и изодранной сѣрой свиткѣ. Едва только мужичекъ этотъ почувствовалъ себя на свободѣ отъ угнетавшей его тяжести огромной овчины, какъ вдругъ онъ весь озабоченно оживился, умильно улыбнулся всѣмъ намъ, поклонился еще и еще разъ въ оба угла и, быстро засѣменивъ передъ дѣдушкой короткими ногами, также умильно выкрикнулъ: „Преподобный!... Отецъ!.. Пріюти!... Подкрѣпи!.. Обнадежь!..“

— Ахъ, Филимонъ, Филимонъ!.. Да не ужь это опять ты?..— говоритъ мой „маленькій дѣдушка“ въ видимомъ волненіи, стараясь найти свою табакерку...

— Я, преподобный... Не обезсудь,—выговариваетъ мужичекъ до того тихо, что, кажется, боится собственнаго голоса.

— Ахъ, Филимонъ!—качаетъ почему-то сокрушенно головой дѣдушка и торопится успокоить себя понюшкой табаку:—Доколѣ-же ты не успокоишься?.. Другъ, есть ли въ тебѣ мѣсто живо?

И намъ казалось, что въ мужичкѣ, дѣйствительно, не было живого мѣста: ни мускуловъ, ни мяса, ни крови,—только однѣ крѣпкія и несокрушимыя кости, обтянутыя темнобурой кожей.

Мужичекъ на слова дѣдушки еще умильнѣе улыбнулся, еще меньше, казалось, сдѣлались его сѣрые глазки,—и вдругъ онъ опять весь оживился, заволновался, задвигался всѣми своими костистыми членами и, охваченный какой-то необычайной заботой, сталъ что-то искать за пазухой своей рваной чуйки.

Вотъ онъ вытащилъ оттуда что-то завернутое въ темный платокъ; бережно, дрожащими корявыми пальцами развернулъ его— и, обернувшись пугливо по сторонамъ, съ заботливымъ взглядомъ

положилъ передъ дѣдушкой какія-то старыя, замасленныя бумаги и опять поклонился ему въ поясъ.

— Преподобный... Докука!..

— Ахъ, Филимонъ! Ахъ, Филимонъ!.. вздыхаетъ дѣдушка, снова сокрушенно качая головой:—и зачѣмъ испытуешь Господа-Бога?.. Себя не жалѣешь, пожалѣй кровныхъ... Умирись духомъ... Будетъ!.. Будетъ, Филимонъ!.. Послужилъ, другъ... Господь видитъ, Господь взвѣсилъ и взмѣрилъ... Онъ не потребуетъ изможенія до конца... Не испытуй судьбу!..

— Преподобный... Иду!.. Забота въ людяхъ... Надо идти!..

— Куда идешь, безумецъ?.. Вздохни... Залечи хоть язвы старыя... Дай поджить...

— Отецъ... залечились... Не обезсудь!.. Иду... до высшихъ предѣловъ!..

И мужичекъ опять умильно смотритъ въ лицо дѣдушки — и кажется намъ, что дѣдушка никакъ не можетъ спокойно выдержать этого умильнаго взгляда,

И вотъ дѣдушка встаетъ, взглядъ его дѣлается суровъ и серьёзенъ, и онъ строго говоритъ:

— Филимонъ!.. Пожалѣй меня. . Съ меня Богъ взыщетъ за тебя... съ меня,—попустителя и помощника!..

— Отецъ... не жалѣй!.. Постучусь еще... Стукъ! Стукъ! Стукъ!.. А можетъ, Господь дастъ... Вотъ такъ, легонько, отецъ: стукъ, стукъ, стукъ!.. „Кто, спросятъ, тамъ?“—Всё молъ мы, безсмѣнные, стучимъ... Всё мы...

— А который разъ ходишь стучать?

— Осьмой, отецъ... Осьмой, ежели до высшихъ предѣловъ... Шесть разовъ этапомъ гнали... Шесть—шкуру спущали...

— Филимонушка, много ли-жь съ тебя останется?.. Пожалѣй!.. Меня, прошу, пожалѣй, мою душу: за что я пособничаю твоей мукѣ-погибели?..

Мужичокъ еще разъ умильно улыбнулся въ самое лицо дѣдушки и вдругъ быстро повалился ему въ ноги.

— Преподобный... не жалѣй!..

И такъ же быстро поднявшись, онъ нервно и возбужденно задвигалъ и замахалъ своими сухими, какъ скалки, руками, забѣгалъ пугливо по угламъ мышиными глазками и заговорилъ, заговорилъ неудержимо, словно сразу пролилось изъ него дождемъ всё, что долго, бережно и опасливо несъ онъ сюда цѣлые дни и цѣлые десятки верстъ... Это былъ одинъ, казалось, нескончаемый, напряженный шопотъ, какъ отдаленный шумъ воды на мельницѣ, прерываемый какими-то неожиданными выкриками, отъ которыхъ трепетало наше дѣтское сердце... Я помню, что отъ этого напря-

женнаго шопота костистаго мужичка у меня голова сжималась, какъ въ тискахъ, страшно стучала и билась кровь въ виски до того, что мнѣ хотѣлось разрыдаться и выбѣжать вонъ изъ избы, и бѣжать, бѣжать куда-то далеко отъ этого страшнаго шопота, не смотря ни на морозъ, ни на глубокіе сугробы, ни на ночныя вьюги, сурово гудѣвшія вкругъ нашей избы... И еслибы еще хотя на минуту продолжился этотъ ужасный шопотъ, истерзавшій мои нервы, я вырвался бы изъ-подъ теплой шубы и, дѣйствительно, убѣжалъ бы, какъ въ горячечномъ бреду. Но мой „маленькій дѣдушка“ подошелъ къ намъ и погладилъ задумчиво наши головы. Зачѣмъ? Онъ, казалось, и самъ не замѣчалъ этого. А можетъ быть, онъ невольно хотѣлъ, какъ будто, спросить нашего согласія на что-то. И онъ сказалъ, прерывая мужичка:

— Филимонъ!.. Въ послѣдній разъ... такъ и быть... Чую, что въ послѣдній разъ... Быть концу!.. Нельзя!.. Надо быть концу!.. Великъ Господь въ своемъ долготерпѣніи—точно... но и страшенъ во гнѣвѣ своемъ!..

Мужичекъ просіялъ весь и вдругъ какъ-то сразу прекратилъ свой шепотъ.

— О чемъ писать?—спросилъ дѣдушки.

— Отецъ, пиши всю правду... Говори прямо обо всемъ. Ничего не скрывай... И насъ не милуй: казни Іудину кровь!... Іудина кровь надъ народомъ лютовать стала!.. Главное, чтобы по правдѣ, отецъ, обо всѣмъ...

И мужичекъ торжественно поднималъ къ верху руки.

— Пиши!.. Терпѣли, претерпимъ еще. Не убоюсь ни новой тюрьмы, ни новыхъ кандаловъ... Преподобный, не жалѣй!.. Пиши!..

И долго-долго, въ безмолвной тишинѣ зимней ночи, сквозь тревожный сонъ, видится намъ и костистый мужичекъ, съ своей умильной улыбкой и какой-то дѣтски-наивной рѣшимостью и вѣрой, освѣщающей всё его маленькое лицо,—и нашъ „маленькій дѣдушка“, вдругъ сдѣлавшійся такимъ серьёзнымъ и строгимъ и, съ суровымъ сознаніемъ какого-то великаго долга, истово и неторопливо выводившій на бумагѣ четкія полууставныя буквы...

— Пиши, пиши, отецъ!.. Есть правда!.. Правда будетъ!..—всё еще слышится намъ голосъ костистаго мужичка,—и чѣмъ дальше слѣдитъ онъ за перомъ дѣдушки, тѣмъ, кажется, лицо его всё свѣтлѣетъ больше и больше.

Мы почему-то радуемся и за мужичка, и за дѣдушку, но въ то-же время насъ томитъ какое-то тайное чувство страха и боязни, — потому что кажется намъ, что вотъ сейчасъ войдетъ изъ стряпной половины наша суровая бабка, сердито окинетъ подо-

зрительнымъ взглядомъ всѣхъ насъ, „непутныхъ“ и „шатущихъ людишекъ“ и крикнетъ:

„Что за людишки опять набрались? Откуда Богъ привелъ?.... Не берутъ, должно, ни казни, ни угрозы шатущихъ... Чего нашли другъ въ другѣ, что льнете, какъ мухи къ меду?... Ну, эта хошь полоумная зародилась,—мотаетъ головой бабка на матушку,—а ты что, старый?... Ой, дьяконъ! Не сдобровать тебѣ, не сдобровать!.. Попомни мое слово... Дождешься ты себѣ за этихъ людишекъ награды“!...

Но „людишки“, на первое время какъ-бы дѣйствительно смущенные и оробѣвшіе отъ грознаго окрика суровой бабки,—однако не только не изчезаютъ, но какъ будто выростаетъ ихъ еще больше...

Вотъ я вижу, что уже около дѣдушки, выводящаго передъ сальнымъ огаркомъ полууставныя буквы, сидитъ уже не одинъ костистый мужичекъ Филимонъ, а вмѣстѣ съ нимъ и наша слѣпая деревенская печальница и самая близкая дѣдушкина подруга Фимушка, и суровый бѣглый человѣкъ Александръ, и еще два-три какихъ-то новыхъ таинственныхъ, „маленькихъ и ничтожныхъ существованія“, которыхъ, однако, я очень смутно различаю,—и всѣ, съ внимательно-устремленными взорами, слушаютъ сидящую передъ нами Аннушку,—слушаютъ до того напряженно и внимательно, какъ будто не слова, а нектаръ и чудное благоуханіе льется изъ ея устъ . . . . . .

. . . . . .

II.

Аннушка! Какъ передать мнѣ вамъ этотъ дивный въ своей простотѣ образъ, который давно уже заполонилъ наши юныя сердца, который не разъ послѣ, въ тяжкія минуты духовнаго изнеможенія и надорванной энергіи,—вдругъ яркой звѣздочкой выплывалъ передъ нами изъ-за сумрака сѣрыхъ тучъ и о чемъ-то говорилъ намъ съ высоты небесной, и какъ будто манилъ къ себѣ, въ надзвѣздную высь, своимъ мягкимъ, ровнымъ блескомъ...

Мы мало ее знали: это была тоже одна изъ блуждающихъ тѣней, которыя разъ-другой проносились мимо насъ, какъ видѣнія,—и исчезали, казалось, безслѣдно; но это такъ казалось намъ, пока легкомысленный угаръ молодой жизни еще туманилъ наши духовныя очи, и мы съ дѣтской надменностію полагали, что между нами и прошлымъ нѣтъ уже никакой связи, что все благодатное, что было въ насъ, родилось вмѣстѣ съ нами и изъ самихъ насъ...

Я разскажу лучше все, что мы знали объ Аннушкѣ.

Однажды, когда „нашъ ополченецъ“ гостилъ по обыкновенію у насъ, въ нашемъ старомъ провинціальномъ трехъ-оконномъ домикѣ, сокращая скучные зимніе вечера своего одинокаго деревенскаго существованія, онъ, сидя на диванѣ и покуривая Жуковъ изъ длиннаго чубука, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, вдругъ сказалъ, обращаясь къ матушкѣ:

— А знаете-ли, вѣдь въ молодости я чуть было не женился на своей крѣпостной дѣвушкѣ?...

Онъ таинственно улыбнулся и усиленно сталъ сопѣть трубкой.

— Да,—продолжалъ онъ:—И навѣрное-бы женился и сдѣлалъ-бы свою крѣпостную дѣвку барыней, еслибы судьба такъ-же охотно исполняла всѣ глупости, которыя намъ взбредутъ въ голову, какъ мы сами.

Мы были еще такъ юны, что подобное сообщеніе нашего ополченца,—имѣвшее для него повидимому большое значеніе и которое онъ не безъ труда рѣшился сдѣлать, — не особенно насъ заинтересовало-бы, еслибъ онъ не началъ дальше разсказывать о какой-то черноглазой дѣвочкѣ, смуглой, какъ цыганенокъ, которую его мать взяла къ себѣ „въ горницы“ изъ дальней деревни и которую всѣ у нихъ прозвали „галченкомъ.“ Это обстоятельство заставило меня и сестренку бросить вырѣзываніе транспарантовъ и внимательно выслушать весь разсказъ ополченца, хотя мы понимали въ немъ далеко не все.

— Н-да, удивительная вещь,—говорилъ задумчиво нашъ ополченецъ, прерывая свою рѣчь долгими попыхиваніями въ чубукъ:—не то удивительно, что я хотѣлъ жениться... Это—глупости, вздоръ!.. А то, что вотъ она... этотъ „галченокъ“... засѣла гдѣ-то тамъ... въ подоплекѣ... въ глубинѣ юнкерско-дворянской подоплеки... и свербитъ тамъ... Да, по временамъ...

И ополченецъ опять началъ сопѣть въ чубукъ и при этомъ долго и внимательно, съ таинственной улыбкой, смотрѣлъ на мою сестренку.

— Вотъ,—сказалъ онъ, указывая на нее чубукомъ:—вотъ, помню, такая-же была... Мнѣ было лѣтъ четырнадцать, а я все еще жилъ дома, былъ сорванецъ-мальчишка и балбесъ.. Одинъ былъ у маменьки; была раньше сестренка, да умерла лѣтъ десяти; мать долго и очень объ ней тосковала... Помню, однажды, когда матушка вернулась изъ поѣздки въ одну изъ нашихъ деревенекъ, на югѣ,—я замѣтилъ въ людской новаго человѣчка, маленькаго, худенькаго, черномазенькаго, съ черными глазами, запрятавшагося въ уголъ за печкой... „Вотъ нашли еще сокровище!“ сказала наша ключница:—„настоящій галченокъ и зовутъ-то, слышь, Галькой... Полюбуйтесь! Хохлушка, слышь, а можетъ

арапка"... Галченокъ!.. И мнѣ, и всѣмъ въ людской это очень понравилось... Съ тѣхъ поръ галченокъ сталъ галченкомъ, и на другой же день принялся было, грязный и босой, какъ и всѣ другіе дворовые галчата, прыгать на заднемъ дворѣ,—какъ вдругъ матушка вспомнила о галченкѣ, приказала вымыть, причесать, одѣть Гальку и представить къ ней „въ горницы"... Священнику, который ходилъ къ намъ давать мнѣ уроки, приказано было учить Гальку грамотѣ... Матушка стала ее держать при себѣ цѣлые дни, занималась съ ней сама, учила ее вышивать и даже баловала лакомствами... Иногда она, смотря на нее, тихо плакала... Но такъ продолжалось не долго; матушка вдругъ ее забывала... Глядишь, а ужь галченокъ снова толкается въ людской, на кухнѣ, бѣгаетъ на посылкахъ у ключницы, перетираетъ тарелки, ходитъ въ рваномъ затрапезномъ платьишкѣ, нечесаный и немытый; опять урывками играетъ съ дворовыми ребятишками на заднемъ дворѣ... А тамъ опять—смирно и робко галченокъ по цѣлымъ днямъ сидитъ въ комнатѣ матушки, четко выговаривая тоненькимъ голоскомъ склады, сложивъ подъ столомъ ручонки, и только бойко прыгаютъ по буквамъ ея черные глаза... Ну, да... все это, какъ видите, въ порядкѣ вещей... Гм!..—вдругъ почему-то заволновался нашъ ополченецъ и, поставивъ въ уголъ трубку, онъ протянулъ руки къ моей сестренкѣ и тихонько привлекъ ее къ себѣ.

— Да, вотъ галченокъ былъ такой-же тогда!.. Я хорошо помню... Вотъ и глаза,—говорилъ онъ, какъ-то особенно любовно смотря въ лицо сестры.—Ну, послѣ я его забылъ .. Меня увезли въ Москву... Вообще... изъ стараго ничего не осталось... Новые интересы, новая жизнь... Все было забыто... Да... все... А потомъ... потомъ, знаете, какъ это бываетъ: вдругъ, все сразу, неожиданно и хлынетъ...

Ополченецъ помолчалъ, забился въ самый уголъ дивана и, какъ мнѣ показалось, весь съёжился, смутился, пересталъ смотрѣть на насъ, робко опустилъ глаза и, вообще, совсѣмъ не сталъ походить на браваго ополченца.

— Да, все было забыто, повторилъ онъ: — Ну, сначала корпусъ... Былъ и въ лицеѣ... И за-границу ѣздилъ... Прошло, вѣроятно, лѣтъ десять... Наѣзжалъ и въ деревню,—но все это такъ... мимоходомъ... Другіе интересы, другая жизнь... А это все... старое, что тутъ осталось,—такъ мелькало только... мимо... Одно мельканіе было... Вотъ однажды получаю письмо отъ матушки, что она очень больна... Пріѣхалъ... Кругомъ, конечно, заботы... Врачъ дежуритъ... Дворня ходитъ на цыпочкахъ... Проходилъ день за днемъ... Матушка моя будто стала поправляться...

Вхожу къ ней какъ-то вечеромъ... Около нея сидитъ дѣвушка съ Евангеліемъ въ рукахъ и читаетъ... Дѣвушка показалась мнѣ очень скромной, съ маленькимъ, смуглымъ, худощавымъ лицомъ... да и вся она была не столько худая, сколько именно маленькая: и носъ у нея, съ горбинкой, тоже былъ маленькій, руки маленькія, только глаза были большіе, какъ крупныя вишни, да толстая черная коса... И я вдругъ вспомнилъ „галченка“...

Я сталъ всматриваться въ нее, чтобы припомнить хорошенько сходство, но тутъ почему-то мнѣ пришла въ голову мысль, что она, вѣроятно, вотъ уже за-мужемъ за кѣмъ-нибудь изъ лакеевъ или кучеровъ... И мнѣ стало не интересно... Ну, да, потому что все это такъ... въ порядкѣ вещей...

— Ну, матушка, однако, не поправилась: черезъ недѣлю она умерла... Надо было привести дѣла въ порядокъ... Впрочемъ, все это долженъ былъ приготовить мой дворецкій... А я больше, грустный и меланхолическій, ходилъ по саду, по берегу рѣки, и думалъ, что это и есть самое хорошее дѣло... Забрелъ я какъ-то однажды въ самый глухой уголъ сада, уже въ сумерки—и слышу, что кто-то очень близко отъ меня тихонько всхлипываетъ. Гляжу, прямо передо мной, на скамьѣ сидитъ дѣвушка, закрывъ лицо фартукомъ.

— О чемъ ты плачешь?—спросилъ я, но еще не узналъ—кто эта дѣвушка. Она вздрогнула, опустила фартукъ, быстро поднялась и стала смотрѣть мнѣ боязливо въ лицо: я замѣтилъ, какъ блестѣли отъ слезъ ея черные глаза...

— Ты—Аннушка, да?.. О чемъ ты плакала?—спрашивалъ я.— Можешь ты мнѣ сказать искренно?..

— Мнѣ... мнѣ тоска... бываетъ... Мнѣ хочется тоже... умереть,—прошептала она такъ тихо, что я едва разслышалъ ея голосъ.

Но я никогда еще не слыхалъ такихъ словъ... отъ дворни. Да, въ романахъ читалъ, но тамъ—другіе люди... свои...

— Сядь,—сказалъ я:—сядь, Бога ради...

Она присѣла на самый краешекъ скамьи.

— Отчего-жъ ты тоскуешь?... Можетъ быть, не хорошо живетъ съ тобой мужъ?..

— Я—дѣвушка...

Это меня нѣсколько изумило, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было почему-то пріятно.

— Отчего-жь ты до сихъ поръ не вышла замужъ? Никто не любилъ?...

— Я была при вашей мамашѣ... все время... Она меня любила... очень любила и никуда не отпускала... А у меня часто

бываетъ такъ... тоска... Еще когда я моложе была, ко мнѣ по ночамъ все приходили то дѣдушка, то бабушка... И все корили за что-то... Я все плакала... Я просилась у мамаши—отпустить меня къ своимъ... А онѣ говорятъ: „ни за что!.. Лучше убей меня!.. Вотъ умру—ступай“... Мнѣ ихъ жалко было .. Они меня всему научили... Я имъ книжки читала... Всѣ книжки, какія у васъ въ шкафу были, всѣ почти перечитала .. А которыя и не одинъ разъ... А только на вашу мамашу тоже другой разъ находило... и она не любила тогда меня... прогоняла отъ себя. . А на меня тогда еще пуще тоска... Собиралась убѣжать, уйти—да не смогла... Простите меня... Это во мнѣ, говорятъ, кровь говорила... Родная кровь.

И она опять заплакала.

Я старался успокоить ее, но въ то же время я не хотѣлъ ее и смущать еще больше,—и ушелъ. Я проходилъ всю ночь до разсвѣта по мокрому лугу... Что-то во мнѣ тогда вдругъ заговорило, поднялось, смутное, неопредѣленное, что-то воскресло старое, все это, забытое... „Всѣ лучшіе годы, всю молодость... не отпускала!.. Собиралась бѣжать—и не смогла, жалко было“... всѣ эти отрывочныя слова дѣвушки тысячу разъ вертѣлись въ моей головѣ, — и она стояла передо мною, какъ живая: такая маленькая, худенькая, а въ глазахъ ея было столько тоски и слезъ...

Мнѣ казалось, что послѣ безсонной ночи, я пришелъ къ какому-то важному рѣшенію—и заснулъ. На другой день я позвалъ къ себѣ стараго дворецкаго и, какъ бы мимоходомъ, разспросилъ объ Аннушкѣ. Вся дворня смотрѣла на нее, какъ на странную дѣвушку, немножко будто „попорченную“... „Барыня-покойница очень пріючали ее при себѣ—точно“, говорилъ дворецкій: „иной разъ, слышно, такъ говорили: кабы ты, слышь, моя дочь была... Да нѣтъ, говорятъ, нѣтъ... Уйди, говорятъ, уйди прочь отъ меня!.. И прогонятъ. А то отъ себя не отпущаютъ: всему ее обучили, и книжки все себѣ заставляли читать... Ну, а она, другой разъ, выбѣжитъ къ дѣвкамъ (извѣстно, молодость!.. тоже—въ охотку), побѣгаетъ съ ними въ горѣлки, пѣсенъ попоетъ... А тамъ, глядишь, найдетъ на нее—гдѣ-нибудь въ уголкѣ по ночамъ плачетъ и все Богу молится“...

Къ изумленію своего дворецкаго я вдругъ объявилъ ему, что на этотъ годъ я останусь съ ними, а можетъ быть и навсегда.

— Я забылъ васъ совсѣмъ!.. Да, совсѣмъ забылъ!—прибавилъ я, чувствуя, что голосъ у меня дрожитъ. Но мой добрый старикъ-дворецкій, повидимому, не оцѣнилъ этого и, не осмѣливаясь высказать свое недоумѣніе, проговорилъ, почесавъ за ухомъ: „слушаемъ-съ“!..

Да, я рѣшилъ „вспомнить ихъ всѣхъ“... Я справился у ключницѣ объ Аннушкѣ,—что она, не тоскуетъ-ли... Ключница подозрительно взглянула на меня и сказала: „что ей, сударь, дѣлать: извѣстно о барынѣ-покойницѣ тоскуетъ“... Я все думалъ, что-бы мнѣ для нея сдѣлать — и ничего не могъ придумать... Я позвалъ ее и сказалъ, чтобы она мнѣ что-нибудь прочитала... такъ-же, какъ матушкѣ. Я далъ ей новую, только что появившуюся тогда замѣчательную повѣсть, которую привезъ съ собой. Она скромно сѣла за столъ и стала читать. Лицо ея было серьезно; худыя, смуглыя, съ пробивающимся румянцемъ, щеки, опущенныя рѣсницы, пѣвучій тонкій голосъ—напоминали мнѣ тѣхъ молодыхъ крылошанокъ, которыхъ я любилъ такъ смотрѣть и слушать въ московскихъ монастыряхъ... Она читала—и, повидимому, начала все больше увлекаться сама чтеніемъ. Она читала долго, не смотря на меня. Я не мѣшалъ ей. Я смотрѣлъ на нее — и не могъ отвести глазъ. Потомъ какъ-то она подняла на меня свои темные глаза — и покраснѣла. Я чувствовалъ, что самъ покраснѣлъ и смутился... Вечеромъ я опять просилъ ее читать. Она принялась охотно—и мы кончили повѣсть. Но она все время не подняла на меня глазъ. Такъ продолжалось день и другой, и третій... Я просилъ ее читать мнѣ, какъ матери. Она не отказывалась и аккуратно исполняла свой „урокъ“. Да и могла-ли она подумать отказаться, она, крѣпостная дѣвушка?. Но я не думалъ объ этомъ. Мнѣ было пріятно слышать ея нѣжный, молодой голосъ, слѣдить за переливами стыдливой крови на ея смуглыхъ щекахъ и ловить робкій взглядъ ея темныхъ глазъ, которые она изрѣдка подымала отъ книги. И я думалъ: „какъ мнѣ хорошо здѣсь, при ней... Я останусь здѣсь... Что-же: мнѣ стоитъ только протянуть ей руку—и я спасу ее и сразу искуплю грѣхъ моей матери противъ нея“... Я чувствовалъ, что становился великодушенъ и нѣженъ.

Однимъ утромъ, когда я только что всталъ, вдругъ отворилась тихо дверь и на порогѣ робко остановилась Аннушка. Она не смотрѣла на меня, но я чувствовалъ, что въ глазахъ ея стояли слезы... А мнѣ почему-то было пріятно, что она сама вошла ко мнѣ.

— Что, Аннушка?—спросилъ я.

— Я къ вамъ,—стала она говорить такъ тихо, что едва можно ее разслышать:—я пришла... просить васъ, Петръ Григорьичъ... Отпустите меня... на волю... Прошу, ради Господа... Я и барыню просила... Да не пустила: говоритъ, умру—тогда... Пустите... Я вѣдь не для себя... Я въ монастырь уйду... Только на родину схожу... Ежели не вѣрите, я клятвенно передъ образомъ побожусь... Ежели я обману, что для себя это я,—по этапу тогда меня вытребуйте... Да вѣдь я и не нужна вамъ, Петръ Григорьичъ...

Для мамаши была нужна... А для васъ я къ чему годна?.. Петръ Григорьичъ, Богъ вамъ воздастъ за меня сторицею,—потому что не для себя я... Я вотъ только на родину схожу... Отпустите,—тихо прошептала она,—ради мамаши, ради памяти...

Я, понятно, былъ изумленъ и смущенъ.

— Что съ тобой, Аннушка!.. Зачѣмъ это ты... хочешь похоронить себя въ такихъ молодыхъ годахъ?—заговорилъ я: — Вѣдь ты ужъ и такъ... вѣдь, мать моя тебя и безъ того держала, какъ въ монастырѣ... Она молодость твою загубила... Нѣтъ, нѣтъ!.. Это ты хочешь меня наказать... Ты хочешь, чтобы я тебя въ конецъ загубилъ... Проси, что хочешь... другое... я готовъ... Вотъ я останусь здѣсь... Я постараюсь устроить твою жизнь... Выпишу сюда твоихъ стариковъ... Можетъ быть, ты полюбишь... кого-нибудь... Будешь счастлива...

И вдругъ Аннушка покачнулась, какъ былинка отъ вѣтра, и упала мнѣ въ ноги.

— Петръ Григорьичъ, не погубите,—шептала она глухо, сквозь слезы:—Отпустите... Тоска мнѣ... Ради памяти маменьки... Я не для баловства... Клятвенно говорю вамъ... Ежели что: по этапу...

— Хорошо, хорошо,—быстро сказалъ я, испугавшись, что она будетъ продолжать какія-то страшныя слова.

Она вышла. А я почувствовалъ, какъ у меня заныло сердце... да такъ и засѣло вотъ что-то съ тѣхъ поръ въ дворянской подоплекѣ... И свербитъ...“

Ополченецъ замолчалъ и взялся за трубку. Матушка, какъ мы замѣтили, была взволнована, но долго молчала, прежде чѣмъ спросила его:—„И она ушла? И вы съ тѣхъ поръ не видали ее больше?“..

— Нѣтъ, не видалъ... Но справлялся, разспрашивалъ... Говорили: что съ нея взять? Извѣстно, чудная была—такой и осталась. Слышно, живетъ, что птица, что божія птаха. Летаетъ съ мѣста на мѣсто: то тамъ объявится, то здѣсь. Гдѣ облюбуетъ мѣстечко въ деревнѣ, совьетъ гнѣздышко — поживетъ, а тамъ опять—вспорхнула и полетѣла... Вообще, я замѣтилъ, что когда разсказывали объ ней наши дворовые, то старались теперь говорить какъ-то нѣжнѣе, любовнѣе... Разсказывали, что она часто ходитъ по городамъ, по богатымъ, собираетъ деньги на что-то. Но на что —наши не знали, но были увѣрены, „что деньги эти ни къ чему ей, какъ на божье дѣло... Потому что старики у нея умерли, совсѣмъ одиночка, какъ перекати-поле“-.. Однажды, когда я уѣзжалъ, говорили, что Аннушка заходила къ намъ, просила мнѣ поклонъ передать и чтобы я не думалъ, что она меня обманула: что она въ монастырѣ была не долго, только ей не показа-

лось тамъ, что если она теперь и живетъ на-міру, на народѣ, то все равно, что черничка, что ей самой ничего не нужно... Просила слезно меня въ этомъ увѣрить... Что она давно думала побывать у насъ, что тосковала очень, да и то думала: что вотъ я такой добрый — вольную ей дамъ, а она будетъ людямъ, съ которыми свой дѣвичій вѣкъ изжила, глаза мозолить своей вольностью... Грѣхъ, слышь, это... А что она меня очень помнитъ и часто молится за меня, чтобы Богъ открылъ мнѣ сердце... Къ чему она это говорила—не знаютъ: многое она говорила, что птица щебечетъ... Ночевала ночку, а тамъ и опять улетѣла... „Что-жъ“, замѣтилъ мой старый дворецкій: —„отъ нея вѣдь вреда нѣту, Петръ Григорьевичъ, а больше какъ бы утѣшеніе простому народу... Я такъ думаю“!.. —„И я тоже думаю, Прохоръ Петровичъ“, сказалъ я... Ну, вотъ и все, что я объ ней зналъ, и никогда ее не видалъ уже... Но это впрочемъ не значитъ, чтобъ я могъ ее забыть!.. Гм... Это не такъ легко, пожалуй, какъ дать „вольную“...

— Да, знаете-ли,—прибавилъ ополченецъ и тихо засмѣялся:— вѣдь я вотъ часто во снѣ леталъ за этой „божьей птахой“?. Да, дворянская фантазія разыгрывалась: то будто я ввожу ее въ московскій свѣтъ, и мы кружимся съ нею въ вальсѣ... И всѣ на насъ смотрятъ... То будто она Жанна д'Аркъ (а я знаю, она должна была про нее читать съ матушкой), а я будто рыцарь Ліонель, стою передъ нею на колѣняхъ на полѣ битвы... (Ополченецъ засмѣялся уже громкимъ и какимъ-то несвойственнымъ ему смѣхомъ). . Да, а вотъ какъ она теперь въ дѣйствительности-то,—мы это не знаемъ, и фантазіи у насъ на это не хватитъ...

Ополченецъ окончательно задумчиво замолчалъ, пуская густые клубы дыма, и какъ-то особенно выразительно и долго смотрѣлъ тогда на мою черноглазую сестренку. А матушка встала, подошла къ окну и долго смотрѣла куда-то въ невѣдомую даль полными слезъ глазами. Мы съ сестренкой совсѣмъ присмирѣли и тоже почему-то загрустили. Намъ всегда какъ-то становилось грустно и жутко, когда матушка впадала въ это мечтательно-грустное настроеніе.

Намъ все думалось тогда, что вдругъ мама уйдетъ отъ насъ. Если вы припомните, что матушка наша тоже была „мечтательница“ и когда-то въ дѣвушкахъ „бѣжала“, наканунѣ свадьбы своей, съ одною молодою черничкой къ „святымъ мѣстамъ“,—то будетъ понятно впечатлѣніе, какое произвелъ на всѣхъ насъ разсказъ нашего ополченца, хотя, повторяю, въ то время мы понимали въ немъ далеко не все. Передъ нами носился только въ смутномъ очертаніи какой-то очень милый и грустный образъ маленькой черноглазой дѣвушки, съ большой черной косой и смуг-

лыми щеками, которую похитила отъ ея папы и мамы какая-то злая волшебница, и съ тѣхъ поръ она дни и ночи принуждена была читать у кровати больной и капризной барыни. Потомъ, когда барыня умерла, ее выпустили изъ клѣтки и вотъ она, какъ вольная пташка, думалось намъ, летаетъ теперь по такимъ-же деревенькамъ, въ какой жилъ нашъ „маленькій дѣдушка“.

. . . . . .

III.

Въ какой послѣдовательности случилось все это,—скоро или долго спустя,—не знаю, но хорошо помню, какъ однажды, когда мы съ матушкой по обыкновенію пріѣхали лѣтомъ гостить въ село къ нашему „маленькому дѣдушкѣ“,—матушка намъ сказала, что на утро мы поѣдемъ въ лѣсъ, „въ пустынь“,—прибавила она, чтобы, вѣроятно, яснѣе опредѣлить цѣль нашей поѣздки Матушка нерѣдко предпринимала съ нами такія поѣздки по монастырямъ, скитамъ и пустынямъ, вѣчно ища отвѣтовъ на безпокойные, неудовлетворенные запросы своей души. А мнѣ и сестренкѣ, среди скудости впечатлѣній нашей глухой провинціальной жизни,—такія поѣздки были истинными свѣтлыми праздниками и чрезвычайно намъ нравились: вѣдь, столько было вѣчно-живой и свѣтлой поэзіи въ сочной, яркой зелени лѣсовъ, черезъ которые приходилось намъ проѣзжать, и въ мягкомъ, ласкающемъ воздухѣ тихихъ большихъ рѣкъ, переправляясь черезъ которыя на утлыхъ паромахъ переживешь такъ много разнообразныхъ ощущеній! Впрочемъ, эти поѣздки для насъ съ матушкой рѣдко проходили безнаказанно. Во-первыхъ, недолюбливалъ ихъ и самъ батюшка, скорѣе просто изъ зависти, такъ какъ ему приходилось въ одиночку тянуть свою крѣпостную чиновничью лямку, оставаясь на цѣлую недѣлю съ одной кривой Акулиной,—главнымъ же врагомъ этихъ нашихъ романтическихъ поѣздокъ была бабка, которая приходила отъ нихъ всякій разъ въ негодованіе, обзывая матушку и „полоумной“, и „транжиркой“, которая совсѣмъ расточитъ все хозяйство и пуститъ мужа по-міру. Матушка, обыкновенно, на все это вздыхала, жаловалась на свою мученическую жизнь, проливала потоки слезъ,—и тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ, всегда дѣлала по своему: неожиданно подъѣзжала подвода, и мы уѣзжали. Такъ было и теперь. Бабка весь вечеръ ворчала, и въ особенности доставалось отъ нея какой-то „шатущей бабенкѣ“, которая неизвѣстно откуда еще съ утра забралась къ матушкѣ и все о чемъ-то съ ней шепталась: очевидно, она и была главной „смутьянкой“

и виновницей нашей поѣздки. Къ ночи бабка совсѣмъ расходилась и окончательно запретила дѣдушкѣ давать намъ лошадь—„шататься не вѣсть по какимъ мѣстамъ, не знаемо—зачѣмъ!“ Дѣдушка покряхтѣлъ и усиленно понюхалъ табаку, матушка горько поплакалась на свою судьбу,—но когда только что чуть-чуть начало разсвѣтать, матушка разбудила насъ, наскоро и тихомолкомъ собрала и велѣла выходить къ задворкамъ. Скоро подъѣхала лошадь, которою правила „шатущая бабенка“,—а дѣдушка на-скоро затискивалъ въ роспуски два наполненныхъ чѣмъ-то мѣшка. Мы „духомъ“ усѣлись, покрестились и торопливо по росѣ тронулись въ путь, сопровождаемые успокоительными знаками нашего „маленькаго дѣдушки“.

Ѣхали мы, помнится мнѣ, очень долго, все больше и больше забираясь въ самую лѣсную глушь. Помнится, намъ съ сестренкой уже становилось жутко въ узкой просѣкѣ, между высокими, нескончаемыми стѣнами вѣковѣчныхъ сосенъ, цѣплявшихся за насъ старыми, мшистыми вѣтвями. При каждомъ шорохѣ, раздававшемся въ лѣсу, мы боязливо бросались и прижимались къ матушкѣ. „Э, малыши, что боитесь? Нечего бояться,—и здѣсь божіи люди живутъ. А гдѣ люди живутъ,—тамъ и Христосъ живетъ. Чего бояться?“—утѣшала насъ „шатущая бабенка“, замѣнявшая намъ теперь кучера. Дѣйствительно, скоро и какъ-то совсѣмъ неожиданно, вдругъ въ лѣсной прогалинѣ, на зеленомъ отлогомъ спускѣ къ заросшей камышемъ рѣчкѣ, высыпала передъ нами небольшая деревенька. „Здѣсь“?.. спросила матушка. „Здѣсь, здѣсь“, отвѣчала почему-то шепотомъ баба и тотчасъ-же свернула съ дороги и поѣхала задами:—Вотъ сейчасъ тутъ и изба моя... И *она* у меня... Я вѣдь бобылка, съ дочкой только живу, убогая у меня дочка—глухо-нѣмая съ рожденія...Такъ и жили вдвоемъ, а вотъ какъ *она* поселилась у насъ, ровно просвѣтлѣло все, народъ около насъ сталъ ютиться: старички, странники заходятъ всякіе, безродные, больные которые... Такъ будто другъ-другомъ и держимся, и веселѣе, и въ Бога-то батюшку будто больше вѣруешь... Вѣдь намъ, милая, на кого надѣяться? Никто къ намъ, милая, не снизойдетъ... А ежели Господь и пошлетъ къ тебѣ добрую душу съ утѣшеніемъ, то и то оберегаешься, все тихомолкомъ“...

Лошадь остановилась на задворкахъ двойной старинной избы. Баба торопливо вскинула себѣ на спину мѣшки и, шепотомъ пригласивъ насъ за собой, повела подъ темный навѣсъ двора.

— Вотъ сюда, сюда входите,—говорила баба все болѣе и болѣе таинственнымъ шопотомъ.

И этотъ странный шопотъ, и напряженныя впечатлѣнія дре-

мучаго лѣса, и вообще вся таинственность нашей поѣздки,—все это такъ и запечатлѣлось въ нашей душѣ, въ смутныхъ образахъ тѣхъ-же пугающихъ тѣней, какія тревожили наше дѣтское воображеніе въ избѣ нашего „маленькаго дѣдушки".

Мнѣ припоминается большая темная изба, освѣщенная блѣдноватымъ свѣтомъ спускающихся сумерекъ. Вдоль стѣны, гдѣ должна быть печь, висѣлъ пологъ; за нимъ была постель. На постели лежало что-то длинное и худое, чего мы не могли еще разобрать, но отъ чего изъ-за полога распространялся по избѣ тяжелый, смердящій запахъ трупа. Близъ полога у изголовья сидѣла маленькая, худая, смуглая женщина, съ большими темными глазами, повязанная чернымъ, съ бѣлыми горошинами, платкомъ; рядомъ съ ней по лавкамъ сидѣли какія-то дѣвушки въ синихъ сарафанахъ, старухи, два-три старика. Привезшая насъ баба ходила хлопотливо по избѣ и продолжала со всѣми говорить шопотомъ.

Но мы напряженно и съ какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ смотрѣли на смердящій пологъ и сидящую близъ него женщину, въ рукахъ у которой была книга.

— Мама! Это—Аннушка?—вдругъ спросила моя сестренка.—А тутъ... за пологомъ... тутъ старая барыня умираетъ?..

Маленькая женщина удивленно посмотрѣла на насъ своими темными глазами и, казалось, хотѣла подойти къ намъ. Но въ это время пологъ раздвинулся чьими-то длинными и сухими, какъ тонкія палки, руками—и на кровати поднялась жидкая и сухая фигура темно-коричневаго цвѣта, едва прикрытая синей изгребной рубахой. Это былъ мальчикъ лѣтъ 15—16, съ изъѣденнымъ оспой лицомъ и бѣлыми испорченными оспой-же глазами, блестѣвшими какимъ-то страннымъ, восторженнымъ и лихорадочнымъ взглядомъ.

Онъ вдругъ закивалъ намъ черной кудрявой головой, выразительно улыбаясь сверкающими бѣлыми глазами, и сказалъ, показывая на сидѣвшую около него женщину: „Вы къ ней?.. Я знаю, что къ ней... Послушайте... Да, да, послушайте ее! Ничего... Она вѣдь для всѣхъ разсказываетъ, у кого къ тому желаніе есть...

И мальчикъ, радостно улыбнувшись, опять легъ навзничъ, устремивъ въ потолокъ свои сверкающіе глаза.

— Это вотъ тотъ самый паренекъ... сусѣдскаго мужичка,— говорила шепотомъ матушкѣ хозяйка-бобылка: —Смердитъ, поди?.. Да, да... Точно, ежели съ непривычки... Вотъ мы притерпѣлись — ничего... Что дѣлать?.. Божье дѣло... Вотъ ужь семой годокъ, какъ у отца все на печи лежалъ... Былъ прежде паренекъ справный, годковъ до девяти,—отцу ужь помогалъ... А тутъ ѣхалъ какъ-то изъ ночного, лошадь спшибла—упалъ, да съ того и при-

кинулось: хуже да хуже... Да вотъ семой годокъ съ одра не сходилъ,—ни тебѣ, солнышка, ни тебѣ людей, ни травку, ни скотинку—ничего не видывалъ... Такъ и лежалъ одинъ въ избѣ... Всѣ на работу уйдутъ, у всѣхъ заботы,—гдѣ имъ заняться: и лежитъ одинъ одинешенекъ, да въ темный уголъ смотритъ...

Маленькая женщина съ добрыми темными глазами поднялась и, подойдя ко мнѣ съ сестрой,стала гладить насъ по волосамъ.

— Хорошо, что пріѣхали... Хорошо,—заговорила она чистымъ, звонкимъ, пѣвучимъ голосомъ:—Посмотрите, какъ живутъ здѣсь бѣдные-то .. Доброе дѣло, сударыня, что съ собой ихъ берете... Какъ знать, что имъ впередъ уготовано... Можетъ, придетъ время—вдругъ сердце имъ и откроется,.. и вспомнится имъ обо всемъ, что видѣли, да слышали... Я вѣдь по себѣ знаю... Вонъ какая востроглазая!... Я вотъ такая-же была,—говорила она, любовно и весело смотря на мою сестренку: — выростешь — не забудь меня...

Вдругъ худой мальчикъ опять поднялся на кровати, замахалъ намъ руками и головой и заговорилъ:

— Семь лѣтъ... не видалъ божьяго солнышка... теплаго вѣтерка не чуялъ... Птичьяго гласа не слыхивалъ... цвѣточковъ, травушки зеленой не видывалъ... Одна тьма вокругъ стояла,—говорилъ мальчикъ, порывисто, задыхаясь, нервно и торопливо:—А теперь... теперь всё вижу и знаю!.. Теперь она мнѣ солнышко красное, мѣсяцъ свѣтлый, звѣзды яркія!.. Теперь я вездѣ—моря-океаны переплыву, жаркія и холодныя страны пройду... Вотъ Авраамъ патріархъ странствуетъ въ шатрахъ своихъ, со стадами... Вотъ Моисей пророкъ народъ свой избранный изводитъ изъ плѣна Фараонова... Вотъ младой юноша царь Давидъ... И самъ Христосъ на Голгофѣ... И великіе мученики, за насъ бѣдныхъ кровь пролившіе... И что я вижу: времена и пространства... и несмѣтное полчище людей проходитъ... И были для всѣхъ времена тяжкія, изживали казни лютыя... И всё проходило!.. Нарождались мужи великіе, приходили къ бѣдному народу, провѣщали могучіе глаголы—и погибала неправда великая!.. Что я теперь вижу, что я теперь вижу, слѣпецъ прозрѣвшій!..

Въ испугѣ смотрѣли мы, не спуская глазъ, на мальчика: онъ весь былъ какъ въ лихорадкѣ, коричневое лицо его передергивалось всё, онъ постоянно поднималъ кверху руки и восторженно сіявшіе глаза.

— Петя, лягъ... Лягъ, болѣзный, умирись... Не хорошо тебѣ такъ... Вотъ поправишься, окрѣпнешь... Вотъ тогда ужъ...—говорила маленькая женщина, заботливо укладывая мальчика.

— Безпокоится очень,—говорила бобылка:—того гляди не вы-

живетъ... Оченно ужъ его всё сразу освѣтило... А паренекъ-то добрый, до всего чуткій...

— Почитай имъ!.. Разскажи имъ!..—вдругъ тихо сказалъ мальчикъ маленькой женщинѣ:—пусть послушаютъ...

И когда мальчикъ нѣсколько успокоился, маленькая женщина начала разсказывать...

Но утомленные-ли дорогой, или всѣми этими странными, напряженными и необычными впечатлѣніями, мы съ сестренкой, прикорнувъ въ противоположномъ углу, скоро заснули подъ пѣвучій, размѣренный разсказъ маленькой женщины,—и для насъ всё смѣшалось съ міромъ фантастическихъ сновидѣній и потонуло въ нихъ...

. . . . . .

И чудится мнѣ опять старая дѣдушкина изба, зимній морозный вечеръ и таинственныя блуждающія тѣни, которыя одна за другой собираются робко „обогрѣться“ въ гостепріимной дѣдушкиной храминѣ. Вотъ тутъ и мрачный дворовый человѣкъ Александръ, и костистый мужичекъ Филимонъ, и самъ мой маленькій дѣдушка, и его пріятельница слѣпая Фимушка, и моя мечтательная матушка, и батюшка съ ополченцемъ и еще какія-то маленькія и ничтожныя существованія, и бобылка, у которой мы были въ лѣсу, и худой убогій Петя съ восторженными бѣлыми глазами,—и сама Аннушка, и будто она все говоритъ и говоритъ долго-долго своимъ пѣвучимъ, размѣреннымъ складомъ. Говоритъ она о великихъ пророкахъ и ходатаяхъ народныхъ, о подвижникахъ и мученикахъ за правду, и обо всемъ, что сохранила ей память... Часто въ ея разсказахъ правда перепутывалась съ вымысломъ, перепутывались событія,—но одно только горѣло въ нихъ непреходящимъ свѣтомъ—правда любви, самоотреченія и подвига за униженныхъ и обремененныхъ.

И вотъ, когда разсказываетъ она что-то изъ событій близкихъ къ нашему времени,—чудится мнѣ, какъ мрачный Александръ поднимается и, сверкая своими пронизывающими глазами, говоритъ:

— Стой, женщина, останови лукавыя уста!.. Кого хочешь обольстить рѣчами сладкими? Зачѣмъ обманомъ хочешь напоить душу, дабы потомъ ввергнуть ее въ пасть отчаянія?.. Зачѣмъ?..

— Александръ, не отчаявайся!.. Вѣрь—говоритъ дѣдушка,—но Александръ продолжаетъ сверкать своими острыми глазами на Аннушку.

— Вѣрь!.. Чему вѣрить?.. Нѣтъ теперь защитниковъ бѣдныхъ и сирыхъ, нѣтъ подвижниковъ правды!.. То были древліе люди,—и не посылаетъ Господь болѣе къ людямъ спасителей... Все померкло во мракѣ грѣха и суеты!.. Рабу презрѣнному нѣтъ надежды,

кромѣ петли Іуды!.. И вотъ конецъ ему, Агасферу треклятому... Отецъ!—вдругъ съ какой-то ди коймольбой, чудится мнѣ, обращается онъ къ моему дѣду:—отецъ, скажи, укрѣпи: неужели не ложь говоритъ устами обольстительными этой женщины?.. Неужели и въ наши дни Господь можетъ говорить черезъ избранныхъ, въ защиту сирыхъ и бѣдныхъ, въ поношеніе и обличеніе міра зла и неправды?.. Отецъ!.. Спаси—или... одинъ конецъ ему, Агасферу треклятому!..

— Александръ, не отчаявайся... Слушай эту женщину, и сердце твое откроется кроткой вѣрѣ, и міръ, и радость, и надежду обрѣтетъ душа твоя...

— Говори, умница, разсказывай, разсказывай намъ, слѣпымъ и темнымъ! — говоритъ вдругъ и костистый мужичекъ:—Вѣрно это: быть правдѣ, быть!.. Стучись, умница, стучись—и вскроется правда!..

Н. Златовратскій.

Какими мѣрами итальянскія республики боролись съ голодомъ и нуждою.

Читателямъ Тэна, по всей вѣроятности, памятны тѣ блестящія страницы, въ которыхъ этотъ послѣдній изъ эпигоновъ теоріи laissez faire, laissez passer—нападаетъ на якобинцевъ за попытку искусственно регулировать цѣны на хлѣбъ. Но извѣстно-ли имъ также, что пресловутый законъ о „максимумѣ“ столѣтіями раньше былъ общимъ явленіемъ на Западѣ, и что, расходясь между собою въ пониманіи прочихъ правъ и обязанностей подданныхъ и правителей, монархіи и республики, аристократіи и демократіи,—сходились въ признаніи за гражданиномъ „права на жизнь“ а за государствомъ—обязанности предупреждать возможность голодной смерти.

Людямъ XIII и XIV столѣтія такъ же трудно было бы понять то, что мы разумѣемъ подъ свободой хлѣбной торговли, какъ намъ усвоить себѣ представленіе, что земледѣльцы, мельники и булочники—слуги общественные, обязанные подъ присягой отправлять свои промыслы къ общей пользѣ всѣхъ гражданъ, и, соотвѣтственно этому, жертвовать личными выгодами для блага общественнаго. А что такъ именно смотрѣли на нихъ средневѣковыя правительства, въ этомъ легко убѣдиться изъ чтенія любаго изъ тѣхъ законодательныхъ памятниковъ, въ которыхъ люди этого времени соединяли воедино свои старинные обычаи и новѣйшія по времени мѣропріятія, вышедшія изъ рукъ ихъ представительныхъ собраній, парламентовъ, штатовъ, сеймовъ, большихъ и малыхъ городскихъ совѣтовъ.

Кому изъ лицъ, знакомыхъ съ исторіей англійской жизни, напримѣръ, неизвѣстны тѣ суровыя кары, какими Плантагенеты, снисходя къ ходатайству „лордовъ“ и „общинъ королевства“, или, что тоже—парламента, не разъ грозили всѣмъ такъ называемымъ „forestallers and regrattors“, т. е. лицамъ, закупающимъ хлѣбъ и другіе при-

пасы, когда они дешевы, для того чтобы перепродать ихъ впослѣдствіи по возвышенной цѣнѣ?

Слово „скупщикъ“ въ такой степени отождествилось въ глазахъ англійскаго простолюдина съ представленіемъ о своего рода „міроѣдѣ“, что когда, въ XVI столѣтіи, зажиточные горожане стали снимать въ аренду цѣлыя помѣстья и упразднять тѣмъ самымъ мелкое оброчное владѣніе крестьянъ, народъ, желая предать ихъ позору, окрестилъ ихъ „скупщиками“ (forestallers of estates).

Средневѣковое понятіе объ общественномъ служеніи, какое, такъ или иначе, принимаютъ на себя всѣ участники сельско-хозяйственнаго производства, было еще такъ живо въ это время, что никто иной, какъ Генрихъ VIII, счелъ нужнымъ издать законы противъ „пожирающихъ мелкія аренды скупщиковъ“ (lease mongers).

Подобно англійскимъ статутамъ, французскіе „ордонансы“ изобилуютъ мѣропріятіями, цѣлью которыхъ является регулированіе хлѣбной торговли. Съ конца XIII столѣтія, въ виду повторяющихся довольно часто неурожаевъ, центральное правительство и городскія муниципіи не разъ считаютъ своимъ долгомъ установить максимумъ хлѣбныхъ цѣнъ, запретить вывозъ его за границу и строгими наказаніями предупредить возможность спекуляцій со стороны скупщиковъ.

Но нигдѣ мѣры къ регулированію торговли хлѣбомъ и другими припасами не представляются намъ въ такомъ богатствѣ и разнообразіи, какъ въ городскихъ республикахъ Италіи. Съ XIII столѣтія рядъ городскихъ и деревенскихъ статутовъ опредѣляетъ малѣйшія частности сельско-хозяйственнаго производства, цѣнность земледѣльческаго труда, размѣръ заработковъ, дозволяемыхъ мельникамъ и булочникамъ, качество заготовляемой ими муки и хлѣба, порядокъ ихъ продажи на рынкѣ, количество хлѣбныхъ запасовъ, какіе вправѣ дѣлать каждый для собственнаго продовольствія и содержанія семьи, количество хлѣба, отпускаемаго содержателямъ гостинницъ и постоялыхъ дворовъ и т. п.

Если мы зададимся вопросомъ о томъ, гдѣ слѣдуетъ искать прототипъ всѣхъ этихъ „легальныхъ максимумовъ“, то намъ трудно будетъ отказаться отъ мысли объ историческомъ преемствѣ, какое въ этомъ отношеніи существуетъ между городскими статутами Италіи и административной практикой Римской Имперіи. Многимъ памятно еще, какое впечатлѣніе произвело, лѣтъ тридцать назадъ, открытіе знаменитаго закона о максимумѣ временъ Діоклетіана, закона, опредѣлявшаго не только цѣны на хлѣбъ, но и легальный размѣръ заработной платы. Впечатлѣніе было тѣмъ

сильнѣе, что, при внимательномъ изученіи этого единственнаго въ своемъ родѣ памятника, оказалось, что свободный трудъ въ IV вѣкѣ оплачивался несравненно лучше, нежели въ наше время, и что поэтому матеріальное благосостояніе рабочаго не только не улучшилось, но скорѣе ухудшилось съ прогрессомъ исторіи. Правда, что новѣйшіе изслѣдователи нашли нѣсколько преувеличеннымъ первоначально сдѣланный разсчетъ,—правда также, что Деоклетіановъ законъ о максимумѣ рисуетъ намъ экономическое положеніе лишь части рабочаго класса имперіи, притомъ далеко не главной, такъ какъ большинство оставалось еще въ рабствѣ, на иждивеніи владѣльцевъ. Но, какъ бы то ни было, открытіе римскаго закона о максимумѣ имѣетъ значеніе цѣлаго событія для дальнѣйшихъ судебъ экономической исторіи, такъ какъ въ немъ въ такой же мѣрѣ можно видѣть прецедентъ для средневѣковаго законодательства о максимумѣ, въ какой въ римскихъ „коллегіяхъ“ можно открыть прототипъ средневѣковыхъ гильдій и цеховъ, а въ римской „виллѣ“—ближайшій источникъ характерныхъ особенностей средневѣковаго помѣстья.

Посредствующими звѣньями между римскимъ закономъ о максимумѣ и постановленіями городскихъ статутовъ Италіи по тому же предмету являются попытки регулировать цѣны предметовъ первой необходимости, древнѣйшая изъ которыхъ связана съ именемъ Карла Великаго, тогда какъ позднѣйшія должны быть отнесены къ X и XI столѣтіямъ, т. е. подходятъ къ той эпохѣ, съ которой можетъ быть начато изученіе мѣропріятій, принятыхъ италіянскими республиками къ регулированію торговли хлѣбомъ.

Изъ обнародованныхъ доселѣ итальянскихъ „кутюмовъ“, статуты Ниццы, Генуи, Пизы и Пистойи должны быть признаны древнѣйшими. Они восходятъ ко второй половинѣ XII столѣтія. На разстояніи немногихъ десятилѣтій слѣдуетъ редакція миланскихъ „Consuetudini“, статутовъ Бресчіи и доселѣ неизданныхъ статутовъ Тревизо. Къ серединѣ XIII вѣка надо отнести кодификацію обычнаго права Болоньи и Падуи, а также Венеціи, Вероны, Винченцы, Мантуи, Новарры, Верчелли, Комо, Лукки и Сіены. Флоренція до начала XV столѣтія не имѣетъ еще полнаго статута, но главнѣйшіе ея чиновники, и въ частности „podesta“, или верховный управитель городской коммуны, и „capitano del popolo“, иначе говоря, верховный представитель организованнаго въ гильдіи и цехи простонародья, обязаны слѣдовать каждый своему особому статуту. Древнѣйшія редакціи этихъ, такъ сказать, частныхъ статутовъ, восходятъ до 1321—24 года. Въ нихъ можно уже найти общія и главныя черты „хлѣбной политики республики“ и зародыши то-

го, справедливо пользующаго всемірной извѣстностью, „хлѣбнаго магистрата“, какимъ является такъ называемый „Or San Michele“.

Такимъ образомъ, не выходя за предѣлы XIII и начала XIV столѣтія, т. е. эпохи полнаго расцвѣта народной демократіи въ Италіи, мы, на основаніи вышеперечисленныхъ источниковъ, можемъ представить довольно полную картину тѣхъ мѣропріятій, какими городскія республики боролись съ возможностью наступленія голода и чрезмѣрнымъ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе припасы.

При слабомъ развитіи международнаго обмѣна, частыхъ войнахъ съ сосѣдями и незначительности подвѣдомственной городу территоріи, республиканскія правительства Италіи поставлены были въ необходимость направить всѣ свои заботы къ обезпеченію народнаго продовольствія. Страшными являлись для нихъ не одни неурожайные годы. Достаточно было сосѣду истребить посѣвы „наѣздомъ“, или, какъ тогда говорили—„кавалькатой“, или изгнаннымъ изъ родины членамъ враждебной большинству партіи прервать сношенія города съ окружающими его селами,—и населенію пришлось бы вымереть отъ голода, еслибы общественные магазины заблаговременно не были снабжены богатыми запасами пшеницы, ржи, ячменя и рису. Эти запасы получаемы были частью извнѣ, главнымъ же образомъ они поставлялись жителями городскаго округа и графства.

Приморскія республики, какъ Пиза, Генуя и Венеція, однѣ имѣли возможность извлекать издалека, всего чаще изъ Сициліи, Калабріи и Далмаціи, отчасти также изъ Корсики и Сардиніи, нужный имъ для продовольствія хлѣбъ. Доставка его, впрочемъ, не разъ затрудняема была африканскими пиратами и каперами воюющихъ съ городомъ державъ. Во время нескончаемыхъ войнъ Генуи съ Пизой и обѣихъ съ Венеціей, разсчеты на обезпеченіе народнаго продовольствія при посредствѣ морской торговли не разъ оказывались призрачными, и Венеціи, напримѣръ, приходилось вступать въ особыя соглашенія съ сосѣднимъ патріархатомъ Аквилейскимъ, насчетъ отпуска ей ежегодно, по существующимъ цѣнамъ, опредѣленнаго количества хлѣба, или выговаривать себѣ, въ договорахъ съ Падуей и Тревизо, право вывозить въ случаѣ нужды столько-то старіевъ пшеницы изъ ихъ предѣловъ. Большинство республикъ не имѣли даже и этой возможности, будучи отрѣзаны отъ моря враждебными имъ державами и считая враговъ даже въ средѣ своихъ ближайшихъ сосѣдей. Такъ, напр., Миланъ, почти неизмѣнно преданный интересамъ гвельфской партіи, одинаково мало могъ разсчитывать на братскую помощь какъ со стороны своего вѣковаго врага, Лоди, такъ и со стороны

постоянныхъ союзниковъ Имперіи: Павіи и Вероны. Не въ лучшихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи стояла и Флоренція, эта глава гвельфской лиги, ежечасно тѣснимая поэтому съ одной стороны Пистоей, съ другой Сіеной, которыя, въ союзѣ съ Гогенштауфенами, тщетно ищутъ, въ теченіе всей первой половины XIII столѣтія, защиты и опоры противъ своего безпокойнаго и счастливаго соперника.

Поставленныя, такимъ образомъ, самыми условіями своего существованія въ необходимость разсчитывать исключительно на самихъ себя, республики Италіи сочли нужнымъ принять рядъ мѣръ къ обезпеченію производительности земледѣлія и поступленія урожаевъ всецѣло на удовлетвореніе потребностей собственныхъ гражданъ. Нигдѣ, какъ въ статутахъ Италіи, мы не находимъ такихъ подробныхъ предписаній о порядкѣ обработки полей и о времени производства сельско-хозяйственныхъ работъ. Нигдѣ также нарушеніе этихъ предписаній не карается такъ жестоко, нигдѣ земледѣльцу въ такой степени не вмѣняется въ обязанность занятіе сельскимъ хозяйствомъ, и не отрѣзываются пути къ переходу къ другимъ промысламъ. „Поселяне (rustici)“, жалуются статуты Болоньи, „бросили обработку нѣкоторыхъ земель, ссылаясь на то, что эти земли опустошены набѣгами гибеллиновъ. Поставить имъ на видъ, что они отнюдь не вправѣ этого дѣлать, и что всякій, кто позволитъ себѣ покинуть снятый имъ у собственника участокъ, будетъ подлежать штрафу въ пользу города, помимо возмѣщенія убытковъ владѣльцу“ [1]).

Констатируя фактъ быстраго возростанія числа заброшенныхъ надѣловъ кутюмы Фріуля видятъ причину тому въ обычаѣ крестьянъ искать заработковъ въ другихъ промыслахъ и въ частности—въ охотѣ. Отсюда безусловное ея запрещеніе крестьянамъ и обложеніе виновныхъ въ нарушеніи этого запрета каждый разъ штрафами въ одну марку золотомъ.

Чтобы предотвратить возможность такого перехода крестьянъ къ другимъ промысламъ и неизбѣжнаго отсюда упадка земледѣлія, нѣкоторые города, и во главѣ ихъ Пиза, добровольно отказываются отъ исконнаго права присоединять къ гражданству всякаго, кто безпрепятственно прожилъ въ городѣ годъ и день.

„Ни одинъ поселянинъ (rusticus)“, читаемъ мы въ текстѣ Пизанскаго Кутюма, редакція котораго относится къ 1233-му году, „впредь не долженъ получать гражданства ни отъ консула, ни отъ подесты, но попрежнему обязанъ отправлять всѣ падающія на него сельско-хозяйственныя службы въ пользу владѣльца“.

---

[1]) *Frati.* Statuta comunis Bononie a 1250, Liber XI.

И не одна Пиза приноситъ такимъ образомъ въ жертву интересамъ сельскаго хозяйства и обезпеченію народнаго продовольствія присущее всѣмъ городскимъ республикамъ стремленіе къ расширенію сферы гражданской свободы. Въ одномъ направленіи съ ней дѣйствуетъ и Болонья, не менѣе ея проникнутая идеями римскаго права, истолкователями которыхъ является ея, знаменитая на всемъ Западѣ, юридическая школа. Въ статутѣ 1250 года мы еще находимъ мѣры, направленныя противъ пріема въ гражданство покинувшихъ помѣстья крестьянъ; еще идетъ рѣчь о томъ, что крестьяне, удалившіеся изъ помѣстій, не въ правѣ получать въ городѣ право гражданства. Законодатель раскрываетъ предъ нами причины, побудившія его къ принятію такой мѣры, говоря объ опустѣніи деревень, оставленіи земель безъ обработки и наплыва въ городъ ищущихъ „правъ буржуазіи“ крѣпостныхъ. Но это, можно сказать, послѣдняя въ Италіи попытка задержать путемъ закона проявившійся въ селахъ запросъ на свободу. Не позже, какъ въ 1256 году, Болонья принимаетъ на себя издержки по выкупной операціи. Она уплачиваетъ владѣльцамъ по десяти и восьми фунтовъ золотомъ за каждаго взрослаго крестьянина и крестьянку, и такимъ образомъ отпускаетъ на волю болѣе пяти тысячъ восьми сотъ семействъ крѣпостныхъ людей, такъ называемыхъ servi. Имена этихъ семей занесены въ уцѣлѣвшій до нашихъ дней списокъ, который современники уже окрестили характернымъ прозвищемъ „Рая“ (Il Paradiso). Города Тосканы не замедлили послѣдовать примѣру, данному имъ Болоньей, отмѣнивъ у себя крѣпостничество, и запретивъ продажу и покупку даже оброчныхъ крестьянъ [1]).

Въ XIII-мъ вѣкѣ, какъ установлено Каппони, крѣпостничество уступаетъ въ Тосканѣ мѣсто свободному половничеству (mezzerio). Этотъ видъ аренднаго хозяйства продолжаетъ держаться во всей средней Италіи и по настоящее время. Почти одновременно съ Тосканскими республиками вводятъ у себя половничество города Романьи, Эмиліи и Ломбардіи. Рѣчь о немъ идетъ не только въ статутахъ Болоньи, но и въ законодательныхъ актахъ Модены, Милана и Мантуи, которымъ половники извѣстны—то подъ наименованіемъ „tezolani“, то подъ прозвищемъ „laboratores de medio“ [2]). Одновременно половничество становится общераспростра-

---

[1]) „Fideles et censitos“, по выраженію флорентинскаго закона 1289 г. См. Delizie degli eruditi toscani, T. IX, Documenti № XVII, стр. 300.

[2]) См. *Gloria.* Dell'agricultura nel Padovano. Въ картуларіяхъ Венеціанскихъ монастырей постоянно идетъ рѣчь о платежѣ арендаторомъ трети урожая и половины производимаго имъ вина.

неннымъ явленіемъ на протяженіи Веронской и Тревизской марки, въ Падуанскомъ округѣ и въ незначительныхъ еще въ то время континентальныхъ владѣніяхъ Венеціи, въ ея, такъ называемой, „Terra ferma“. Обычными условіями аренды является затрата фермеромъ собственнаго капитала на обработку земли, обсѣмененіе полей и разведеніе виноградниковъ. Улучшенія, сдѣланныя съёмщикомъ, идутъ въ пользу собственника, но фермеръ вправѣ требовать возмѣщенія ему издержекъ. Собственникъ получаетъ всего чаще треть урожая и половину ежегодно приготовляемаго вина. Условія сдѣлки излагаются на бумагѣ и получаютъ отъ этой письменной записи римское наименованіе „ливелловъ“. Самъ арендаторъ обозначается другимъ, столь же обычнымъ нѣкогда въ Имперіи, терминомъ „колона“. Каждый разъ, когда сдѣлка принимаетъ характеръ вѣчно-наслѣдственной аренды, — слово колонъ замѣняется выраженіемъ „эмфитеотъ“,[1])—опять терминъ, вошедшій во всеобщее употребленіе еще со временъ Ѳеодосіева Кодекса. Такимъ образомъ, съ паденіемъ крѣпостныхъ отношеній оживаютъ, повидимому, снова римскіе земельные порядки, и это сходство бросается тѣмъ яснѣе въ глаза, что озабоченныя попрежнему тѣмъ, чтобы „земля не пустѣла и хозяйство не оскудѣвало“, городскія республики, подобно римскимъ императорамъ, только нѣсколько иными мѣрами, пытаются прикрѣпить свободнаго земледѣльца къ снятой имъ у собственника фермѣ. Съ этою цѣлью онѣ запрещаютъ ему добровольный уходъ изъ помѣстья. Онъ вправѣ отказаться отъ дальнѣйшаго выполненія арендаго контракта и сдать ферму въ руки собственника только чрезъ двѣ недѣли послѣ праздника Петра и Павла, т. е. по окончаніи уборки [2]). Въ свою очередь, положеніе его, какъ фермера, ни мало не измѣняется съ переходомъ помѣстья изъ однѣхъ рукъ въ другія, въ порядкѣ ли законнаго наслѣдія или въ силу покупки.

Городскіе статуты зорко слѣдятъ за своевременностью слѣдуемыхъ съ арендатора поступленій въ пользу собственника. Малѣйшее замедленіе въ исполненіи хозяйственныхъ работъ или въ доставленіи на дворъ помѣщика причитающейся ему части урожаевъ имѣетъ неминуемымъ послѣдствіемъ наложеніе высокихъ штрафовъ на фермера, штрафовъ, нерѣдко принимающихъ характеръ настоящей конфискаціи. Такъ, напр., въ томъ случаѣ, если фермеръ приступитъ къ уборкѣ винограда ранѣе установленнаго обычаемъ срока (середины сентября), онъ лишается слѣдуемой ему

---

[1]) Stat. Bononiae, 1250, Lib. V § 1. De emphiteosis.

[2]) См. на этотъ счетъ постановленія Болоньи, Модены, Мантуи и др.

части, т. е. обыкновенно половины всего выдѣланнаго вина. Статуты предписываютъ также, сколько разъ земля должна быть поднята плугомъ, ранѣе поступленія ея подъ посѣвъ, и налагаютъ на фермера обязанность полоть поле и освобождать его отъ растущихъ на немъ сорныхъ травъ. Статуты Болоньи, въ частности, требуютъ, чтобы земля была поднята плугомъ четыре раза, что, повидимому, въ XIII вѣкѣ было общей практикой въ Италіи, и чему одновременно мы не находимъ примѣра, по крайней мѣрѣ на широкомъ районѣ, ни въ Англіи, ни во Франціи.

Все это законодатель предписываетъ не столько въ интересахъ собственника земли, сколько въ интересахъ всего городскаго гражданства, такъ какъ собранный съ полей хлѣбъ долженъ всецѣло поступить въ городъ, и лица, непосредственно участвовавшія въ сельско-хозяйственномъ производствѣ, не вправѣ удержать въ своихъ рукахъ больше того, что нужно имъ для производства новаго посѣва и на прожитокъ. Статуты Болоньи весьма категорически высказываются на этотъ счетъ. Для предупрежденія возможности всякихъ спекуляцій, предметомъ которыхъ былъ бы хлѣбъ, они требуютъ поставленія въ городъ всего годоваго урожая. Продажа хлѣба не можетъ быть производима иначе, какъ публично на рынкѣ, подъ контролемъ общественныхъ властей. Этимъ, полагаетъ законодатель, можно избѣжать какъ скрытаго вывоза его за-границу, такъ и искусственнаго повышенія цѣны его скупщиками-спекулянтами.

Никому не позволяется по той-же причинѣ покупать болѣе четырехъ корзинъ пшеницы, и то лишь на разстояніи двухъ недѣль, такъ какъ, по разсчету составителей статута, этого количества вполнѣ достаточно для прокормленія цѣлой семьи въ теченіе названнаго срока. Ячмень и овесъ, идущіе въ пищу лошадямъ, разрѣшается покупать, сколько кому нужно, съ той оговоркой однако, что содержатели постоялыхъ дворовъ не должны закупать еженедѣльно болѣе десяти корзинъ,—все это подъ страхомъ штрафа, доходящаго до сравнительно высокой цифры, пятнадцати фунтовъ болонской монеты. Любопытно отмѣтить ту подробность, что недовѣріе къ производителямъ хлѣба, — собственникамъ и фермерамъ, законодатель доводитъ до того, что не разрѣшаетъ имъ, прежде поставки хлѣба на рынки, удержать за собою нужное имъ для продовольствія количество, а требуетъ, чтобы по доставкѣ всего урожая въ городъ, или точнѣе—въ города и замки Болонскаго графства, собственники и арендаторы вернули затѣмъ, съ рынка, дозволенное имъ закономъ число корзинъ.

Не одна Болонья придерживалась такой стѣснительной для сво-

боды — „хлѣбной политики“. Она была общимъ явленіемъ, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивая соотвѣтствующія постановленія статутовъ Новары, Милана, Пармы, Мантуи и т. д. Такъ, статуты Пармы (1316—1325 гг.) разрѣшаютъ каждому гражданину не болѣе шести старіевъ пшеницы, двѣнадцать овса и одинъ старій того, что они называютъ овошами (т. е. всякаго рода суррогатовъ хлѣба).

Статуты Комо 1281 года полагаютъ на каждаго въ годъ три такъ называемыя „Sommae frumenti“ и запрещаютъ закупать хлѣбъ тому, кто уже запасся этимъ количествомъ.

Статуты Мантуи считаютъ нужнымъ опредѣлить легальнымъ порядкомъ, сколько хлѣбнаго зерна должно быть отпущено на посѣвы. Это количество, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое необходимо для продовольствія, каждый вправѣ выдѣлить изъ суммы всего произведеннаго имъ хлѣба и удержать за собою; весь остатокъ обязательно поступаетъ на рынокъ.

Всѣ и каждый изъ городскихъ статутовъ грозятъ суровыми карами тому, кто позволитъ себѣ покупку хлѣба съ цѣлью перепродажи его по возвышенной цѣнѣ,—всѣхъ такъ наз. incantatores blavae. Но кого, спрашивается, слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ названіемъ. Пармскій статутъ даетъ скупщикамъ слѣдующее опредѣленіе:

Скупщикомъ, полагаетъ онъ, надо признать каждаго, кто, имѣя нужное ему для прокорма количество хлѣба, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ покупать его на сторонѣ. Всякій, кто устроитъ у себя ссыпку хлѣба, соорудитъ на своей землѣ хлѣбный магазинъ, тѣмъ самымъ становится скупщикомъ, и соотвѣтственно — подлежитъ тѣмъ карамъ, какія установлены для нихъ закономъ. Чтобы парализовать въ самомъ началѣ дѣятельность скупщиковъ, итальянскіе статуты запрещаютъ имъ доступъ къ рынку и въ то-же время сосредоточиваютъ всю торговлю хлѣбомъ—нигдѣ болѣе, какъ на рынкѣ. Рынокъ открывается обыкновенно утромъ, не ранѣе девяти часовъ. Отсюда слѣдующее предписаніе: кто ранѣе девятаго часа совершитъ какую-нибудь сдѣлку по продажѣ или покупкѣ хлѣба, тѣмъ самымъ становится виновникомъ въ нарушеніи законовъ противъ скупщиковъ. Кто поспѣшитъ навстрѣчу поселянамъ, везущимъ хлѣбъ въ городъ, и купитъ у нихъ то или другое его количество, признается скупщикомъ, тѣмъ болѣе тотъ, кто вздумаетъ купить у кого-либо хлѣбъ на корню. Булочники и мельники особенно возбуждаютъ къ себѣ подозрительность законодателя. Строжайшимъ образомъ запрещается имъ дѣлать ссыпки хлѣба или муки иначе, какъ въ подлежащихъ ежемѣсячному осмотру кладовыхъ, а также принимать или отпу-

скать муку безъ вѣса. Всѣмъ и каждому безъ различія вмѣняется въ обязанность разрѣшать у себя домашній обыскъ чиновникамъ, командированнымъ для разслѣдованія, не хранитъ-ли кто на дому больше хлѣба, чѣмъ нужно ему на прожитокъ и посѣвъ.— О суровости наказаній, которымъ подлежатъ скупщики, можемъ судить по тому, что законъ грозитъ имъ не только конфискаціей всего количества хлѣба, превышающаго ихъ личныя потребности, но еще налагаетъ на нихъ штрафъ, половина котораго идетъ въ пользу доносчика. Въ обязанность каждому вмѣняется доводить до свѣдѣнія правительства о лицахъ, виновныхъ въ нарушеніи законовъ противъ скупщиковъ. Нѣкоторые статуты, и въ числѣ ихъ Болонскій, идутъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что включаютъ въ текстъ присяги, приносимой подданными вновь прибывшему въ городъ губернатору или подестѣ, обѣщаніе „шпіонства“ за всѣми, кто такъ или иначе нарушаетъ законы, регулирующіе торговлю хлѣбомъ.

Небольшое сравнительное число итальянскихъ республикъ, и въ числѣ ихъ Мантуя и Болонья, не считаютъ возможнымъ обезпечить народное продовольствіе иначе, какъ сосредоточивши всецѣло въ своихъ рукахъ монополію хлѣбной торговли. Статуты Мантуи 1303 года упоминаютъ еще о принадлежащемъ городу ссыпномъ магазинѣ, изъ котораго производится продажа хлѣба самимъ правительствомъ, а статуты Болоньи 1250 г. еще ведутъ рѣчь объ обязанности подеста завѣдывать общественными мельницами и хлѣбопекарнями. Но тѣ и другіе не устраняютъ вполнѣ частной предпріимчивости, дозволяя производство помола и хлѣбопеченіе каждому, кто снабженъ будетъ на то полномочіями отъ города. Въ строгомъ смыслѣ слова, безусловной монополіи въ дѣлѣ народнаго продовольствія придерживались лишь немногія общины, отрѣзанныя отъ сосѣдей моремъ и располагающія ничтожными, сравнительно, запасами туземнаго хлѣба.

Закупаемый городской общиной хлѣбъ поступалъ въ общественные магазины, и изъ нихъ отпускаемъ былъ, по установленной властями цѣнѣ, мельникамъ и булочникамъ. Особенно славились этими магазинами Венеція и Флоренція. Въ Венеціи хлѣбный складъ помѣщался на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ воздвигается королевскій дворецъ; одной стороной онъ примыкалъ къ площади Св. Марка, другой—къ выходу большого канала въ Лагуну. Изъ магазина производимъ былъ городскими властями отпускъ муки булочникамъ. Лица, поставленные во главѣ хлѣбнаго магазина, носили наименованіе „Господъ, поставленныхъ надъ пшеницей“ (Domini de super frumentum). Подобно другимъ чиновникамъ, они подлежали избранію и отправляли свои обя-

занности не дольше года. Въ кругъ ихъ вѣдомства входило составленіе, за мѣсяцъ до выхода ихъ въ отставку, подробной описи всѣхъ, имѣвшихся въ наличности, хлѣбныхъ запасовъ. Отчетъ ихъ поступалъ въ руки дожа и его совѣтниковъ. По разсмотрѣніи въ такъ наз. кварантіи (quarantia), своего рода тѣсномъ совѣтѣ, дожъ дѣлалъ докладъ о немъ въ верховномъ законодательномъ учрежденіи республики, въ Большомъ совѣтѣ или Consilio Majore, дабы—значится въ текстѣ сдѣланнаго на этотъ счетъ постановленія — Большому Совѣту извѣстно было состояніе продовольственныхъ средствъ республики.

„Господа, поставленные надъ пшеницей", завѣдывали не однимъ только пріемомъ и отпускомъ ея изъ хлѣбнаго магазина. Они обязаны были также удостовѣряться, путемъ личнаго осмотра, въ томъ, что въ пекарняхъ хлѣбъ изготовляется не изъ иной муки, какъ той, какая поступила къ нимъ изъ общественнаго склада. Если въ результатѣ разслѣдованія оказывалось, что булочники позволили себѣ произвести примѣсь посторонней муки или какихъ либо суррогатовъ пшеницы, они подлежали штрафу, размѣръ котораго зависѣлъ всецѣло отъ выбора налагавшихъ его властей.

Въ Венеціи, какъ мы сейчасъ видѣли, завѣдываніе народнымъ продовольствіемъ сосредоточивалось въ рукахъ особыхъ избирательныхъ чиновниковъ. То же было и въ другихъ городахъ Италіи: въ Миланѣ, Мантуѣ, Пармѣ, Моденѣ, Болоньѣ, Падуѣ, Тревизо и т. д., гдѣ всего чаще губернаторъ или подеста ввѣрялъ особому „судьѣ припасовъ" завѣдываніе всѣмъ тѣмъ, что относится къ хлѣбной торговлѣ.

Судья устанавливалъ время отъ времени „максимумъ хлѣбныхъ цѣнъ", производилъ съ помощью назначаемыхъ имъ приставовъ розыскъ о томъ, не утаилъ-ли кто у себя часть имѣвшаго поступить въ продажу хлѣба, контролировалъ порядокъ его продажи на рынкѣ, принималъ частные доносы противъ всѣхъ скупщиковъ и перепродавцевъ хлѣба, производилъ слѣдствія и постановлялъ приговоры, то суммарно, то въ судебномъ порядкѣ, смотря по большей или меньшей важности разбираемаго случая и цѣнности иска. Надзоръ за мельниками и булочниками осуществляемъ былъ то судьею припасовъ, то особыми избранными, должности которыхъ нерѣдко замѣщаемы были францисканцами.

Нигдѣ однако организація народнаго продовольствія не получила такой выработанности и законченности, какъ во Флоренціи. Происхожденіе ея такъ называемаго „Магистрата изобилія" или въ просторѣчіи Or Son Michele, восходитъ къ послѣдней четверти XIII-го вѣка.

Въ протоколахъ Большого Совѣта Республики, иначе говоря Со-

вѣта Трёхсотъ, мы, подъ 14 іюля 1288-го года, находимъ слѣдующую отмѣтку: „Сегодня произведены были выборы чиновниковъ для завѣдыванія хлѣбной торговлей (officiales bladi); избрано по одному отъ каждаго изъ шести кварталовъ города". Затѣмъ протоколы приводятъ имена лицъ, на которыхъ палъ выборъ: большинство ихъ простолюдины, двое дворяне, одинъ нотаріусъ. О функціяхъ „Магистрата изобилія", въ древнѣйшій періодъ его исторіи, мы находимъ немало подробностей въ отчетѣ о государственномъ строѣ Флоренціи, въ періодъ отъ 1280 по 1292-ой годъ, составленномъ не позже первой половины XV-го вѣка.

Семь Консуловъ, или, какъ ихъ тогда называли, Capitudini старѣйшихъ семи гильдій, обозначаемыхъ терминомъ arti maggiori, въ сообществѣ пріоровъ, т. е. избранныхъ изъ среды тѣхъ-же гильдій для верховнаго управленія республикой, сосредоточивали въ своихъ рукахъ право выбора его членовъ.

Составленный попрежнему изъ шести лицъ, магистратъ изобилія назначалъ своего нотаріуса для завѣдыванія письмоводствомъ, записи поступленій и отпуска хлѣба, а также тѣхъ рѣшеній, поводъ къ которымъ давало нарушеніе издаваемыхъ магистратомъ приказовъ.—Личный персоналъ чиновниковъ республики былъ, какъ извѣстно, весьма подвиженъ. Каждые два мѣсяца производимы были новые выборы, что, очевидно, было послѣдствіемъ того ложнаго представленія, будто политическая свобода лежитъ не въ гарантіи личныхъ правъ, а въ раздѣлѣ политической власти. Замѣтимъ мимоходомъ, что и въ этомъ отношеніи средневѣковые города Италіи были прямыми преемниками античныхъ республикъ, продолжали жить ихъ политическими принципами и идеалами. Общей участи не избѣгли и члены продовольственнаго магистрата. Персоналъ его мѣнялся каждые два мѣсяца: одни изъ членовъ его входили, другіе выходили со службы. Функціи магистрата, въ первыя 30 лѣтъ его существованія, были уже довольно разнообразны. Первой ихъ заботой должно было быть обезпеченіе жителямъ Флоренціи возможности избѣжать голода путемъ заблаговременной закупки хлѣба, какъ въ предѣлахъ республики, такъ и у сосѣдей. Въ случаѣ неурожаевъ, а послѣдніе были далеко нерѣдки, по крайней мѣрѣ въ первой четверти XIV-го столѣтія, officiales bladi или — abundantiae входили въ сношенія съ отдѣльными городами Тосканы и Романьи и выхлопатывали у нихъ разрѣшеніе вывозить хлѣбъ изъ ихъ предѣловъ. Пока продолжалось военное соперничество Флоренціи съ Сіеной и ея союзницей Пистоей, Лукка и Болонья едва-ли не были единственными мѣстностями, откуда Флоренціи удавалось извлечь сколько нибудь значительные запасы хлѣба. Но послѣ по-

раженія въ битвѣ подъ Монте-Аперто, Сіена должна была смириться и—въ числѣ другихъ обязательствъ—связать себя обѣщаніемъ дозволять впредь вывозъ хлѣба изъ ея владѣній во владѣнія счастливой соперницы. Чтобы заинтересовать иноземныхъ купцовъ и побудить ихъ къ доставкѣ хлѣба значительными партіями во флорентинскіе склады, „магистратъ изобилія“ обезпечивалъ имъ полученіе извѣстной преміи. Двѣнадцать динаріевъ уплачиваемы были сверхъ условленной цѣны отъ каждаго старія пшеницы всякому, кто доставлялъ его извнѣ. Мало этого, иноземнымъ купцамъ обѣщена была не только защита ихъ личности и имущества во время путешествія и стоянки въ городѣ, но они объявлены были свободными отъ всякаго рода законныхъ репрессалій, а также отъ задержанія за долги, сдѣланные ими у флорентинцевъ. Эта привилегія длилась цѣлыхъ шесть дней со времени ихъ прибытія въ предѣлы республики.

Не ранѣе 1324-го года, т. е. эпохи составленія статута о правахъ и обязанностяхъ капитана дель пополо, своего рода народнаго трибуна, мы находимъ во Флоренціи письменную запись тѣхъ законовъ, которые регулировали дѣятельность магистрата изобилія.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ, на основаніи этого статута, организація народнаго продовольствія Флоренціи въ первой четверти XIV столѣтія. Попрежнему шесть избранныхъ чиновниковъ образуютъ изъ себя такъ называемый магистратъ изобилія, но въ порядкѣ ихъ избранія послѣдовала та перемѣна, что къ выбору, наравнѣ съ пріорами и консулами старшихъ гильдій, допущенъ и новый чиновникъ республики, „знаменосецъ правосудія“ (Gonfaloniere del popolo). Заботливости чиновниковъ народнаго продовольствія предоставлено снабженіе республики не только нужнымъ ей количествомъ пшеницы, ржи, ячменя, овса и вообще хлѣбныхъ злаковъ, но и овощами, подъ которыми въ частности разумѣется рисъ,—каштанами, птицею, яицами, сыромъ, виномъ и оливковымъ масломъ. Всѣ торгующіе продуктами этого рода поставлены подъ прямое начальство чиновниковъ изобилія. Жалобы, поводъ къ которымъ даютъ неправильности и отступленія отъ регламентовъ, опредѣляющихъ порядокъ продажи названныхъ припасовъ, разсматриваются членами продовольственнаго магистрата, то суммарно, помимо соблюденія какихъ бы то ни было процессуальныхъ формъ, то въ судебномъ порядкѣ, каждый разъ смотря по тому, переходитъ ли цѣнность иска цифру 100 динаріевъ или нѣтъ. На постановленныя магистратомъ рѣшенія можетъ быть подана аппеляція, точь въ точь какъ на приговоръ любого гражданскаго судьи, но лишь тогда, когда сумма иска была выше двадцати пяти фунтовъ. Помимо нотаріуса магистратъ назначаетъ своего рода

приставовъ или разсыльныхъ. Обязанности ихъ—чисто исполнительнаго характера и осуществляются всего чаще на рынкѣ, гдѣ ихъ легко узнать по присвоенному имъ костюму, необходимую принадлежность котораго составляетъ бѣлая шерстяная шапочка.

Окончательную выработку законодательство о народномъ продовольствіи получаетъ во Флоренціи не ранѣе второй половины XIV столѣтія. Флорентинскій Статутъ, составленный въ двадцатыхъ годахъ слѣдующаго столѣтія, въ эпоху оживленія Савонароллой республиканскихъ порядковъ, рисуетъ намъ организацію магистрата изобилія въ томъ видѣ, какой этотъ институтъ имѣлъ въ періодъ времени, непосредственно предшествовавшій развитію принципата или такъ называемой „тираніи“. Въ это время въ составъ учрежденія входило уже восемь человѣкъ, четверо изъ нихъ назначаемы были прежнимъ порядкомъ, остальные избирались: двое—семью старшими гильдіями, и такое же число—четырнадцатью младшими, допущенными, какъ извѣстно, съ середины XIV вѣка къ раздѣлу власти съ высшей буржуазіей. Флорентинскій статутъ подробно останавливается на обязанности „officialium abundantiae“ закупать хлѣбъ извнѣ, входить на этотъ счетъ въ соглашеніе съ частными лицами, компаніями, общинами, правительствами и опредѣлять своего рода дипломатическихъ агентовъ (для веденія переговоровъ съ правительствами тѣхъ державъ, изъ которыхъ желателенъ вывозъ хлѣба). Чиновники изобилія вправѣ назначать представителей, во всемъ заступающихъ ихъ мѣсто, синдиковъ, и обезпечивать имущество города исправностью слѣдуемыхъ отъ нихъ платежей. Упомянемъ еще о постановленіи, свидѣтельствующемъ, что въ это *время*, т. е. во второй половинѣ XIV в., Флоренція недалека была отъ мысли присвоить государству монополію хлѣбопеченія. Чиновники изобилія, значится буквально въ текстѣ статута, уполномочены открывать хлѣбопекарни всюду, гдѣ найдутъ это удобнымъ. Они назначаютъ для завѣдыванія ими булочниковъ по собственному выбору. Законодатель указываетъ на мотивы, побудившіе его къ принятію такой мѣры, говоря, что, благодаря ей, хлѣбъ впредь будетъ хорошъ, такъ какъ входящая въ составъ его мука подвергнута будетъ надлежащему броженію; въ то же время издержки продовольствія подвергнутся значительному сокращенію. Наравнѣ съ булочниками поставлены подъ контроль чиновниковъ изобилія мельники, въ томъ смыслѣ, что надзоръ за величиною взимаемаго ими вознагражденія за помолъ и качествомъ послѣдняго долженъ сосредоточиться въ высшей инстанціи, въ рукахъ продовольственной коммиссіи, а въ низшей—въ рукахъ назначеннаго единоличнаго чиновника, провизора (provisor molendinorum). Помимо нотаріуса и

провизора, чиновники изобилія выбираютъ еще своего казначея—„camerarius“. При поступленіи на должность казначей вноситъ обезпеченіе въ десять тысячъ флориновъ. Обязанность его производить платежи и принимать поступленія. Чиновники изобилія держатъ свои сессіи въ пріобрѣтенномъ на средства города дворцѣ и имѣютъ свои склады для ссыпки поступающаго изъ заграницы хлѣба.

Надѣленные широкими полномочіями, они въ то же время поставлены подъ самый строгій контроль: имъ не дозволяется дѣлать иныхъ затратъ, кромѣ тѣхъ, какія разрѣшены имъ собраніемъ пріоровъ, знаменосцами отдѣльныхъ гильдій и двѣнадцатью, такъ называемыми, добрыми людьми (boni homines), поставленными во главѣ финансоваго управленія республики.

Всѣ дѣйствія чиновниковъ изобилія подлежатъ разслѣдованію со стороны особыхъ избранныхъ контролеровъ, назначеніе которыхъ принадлежитъ пріорамъ. За 3 мѣсяца до окончанія срока службы, чиновники изобилія извѣщаютъ губернатора, такъ наз. подеста, о готовности своей передать на разсмотрѣніе контролирующей ихъ дѣйствія коммиссіи книги поступленія и расходовъ. Въ случаѣ, если окажутся какія-либо недостачи по счетамъ, обязанность возмѣщенія падаетъ на виновнаго въ нихъ чиновника. Наконецъ, всякое превышеніе власти, всякое присвоеніе не подлежащихъ имъ по закону функцій наказуется штрафомъ въ пятьдесятъ флориновъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ войти въ бо̀льшія подробности насчетъ дѣятельности флорентинскихъ «чиновниковъ изобилія» и того значенія, какое для исторіи цѣнъ и для всей, вообще, экономической исторіи Италіи имѣютъ ихъ протоколы. Мы ограничимся сообщеніемъ, что устанавливаемый ими легальный максимумъ всегда сообразовался съ фактическимъ отношеніемъ хлѣбнаго спроса и предложенія. Ежемѣсячно, а иногда и чаще измѣняема была ими скала цѣнъ на пшеницу, рожь, ячмень, овесъ и т. д.

Нельзя, поэтому, примѣнить вполнѣ къ „хлѣбной политикѣ Флорентинской республики“ всѣ тѣ возраженія, какія экономисты не безъ основанія выдвигаютъ противъ попытокъ нормировать рыночныя цѣны путями закона. И въ этомъ лежитъ глубокая черта различія между легальными таксами, установленными на хлѣбъ въ разное время европейскими правительствами и въ послѣдній разъ французскимъ конвентомъ, и мѣрами, принятыми для регулированія хлѣбныхъ цѣнъ Флорентинской республикой. Плантагенеты „Валуа“, и, подобно имъ, дѣятели 1793 года стремились къ искусственному удержанію низкаго уровня хлѣбныхъ цѣнъ, несмотря наобезцѣни-

ваніе денежныхъ знаковъ и въ частности ассигнаціи, и обусловленной тѣмъ мнимой дороговизны не однихъ жизненныхъ припасовъ, но всякаго рода товаровъ вообще. Флорентинская же республика сообразовалась съ тѣми измѣненіями, какія въ цѣнахъ на хлѣбъ вызывало поперемѣнное увеличеніе спроса и предложенія. Если правительство и вліяло не разъ на пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, то благодаря той конкурренціи, какую его хлѣбные магазины оказывали частнымъ производителямъ. Его мѣропріятія были направлены почти исключительно противъ скупщиковъ; другими словами, вели борьбу противъ искусственнаго возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ при посредствѣ присваиваемой отдѣльными лицами монополіи, а не противъ всего класса производителей хлѣба. Они карали „кулаковъ“ и „міроѣдовъ“, а не приносили въ жертву городскимъ рабочимъ ихъ сельскихъ собратій, крестьянъ. То же въ равной степени можетъ быть сказано о другихъ итальянскихъ правительствахъ. Въ Миланѣ, напримѣръ, гдѣ такса на хлѣбъ устанавливаема была, какъ мы сказали выше, „судьею съѣстныхъ припасовъ“ (judex victualium, скала цѣнъ на пшеницу, рожь, ячмень и т. д. мѣнялась сообразно спросу и предложенію, на что указываетъ и текстъ закона, говорящій объ опредѣленіи цѣны на хлѣбъ „per tempora“, т. е. отъ времени до времени.

Но если итальянскія правительства не насиловали, подобно другимъ, хлѣбнаго рынка, своими мѣропріятіями, то, съ другой стороны, они оберегали интересы потребителей, защищая ихъ отъ хищничества мельниковъ и булочниковъ. Съ этою цѣлью одни города, какъ напримѣръ Мантуя и Болонья, заводили общественныя мельницы и общественныя хлѣбопекарни, а другіе, отказываясь отъ подобнаго рода монополіи, въ то же время считали нужнымъ регулировать заработки мельниковъ и булочниковъ. Средствомъ къ этому являлось установленіе своего рода пропорціональныхъ таксъ; я называю ихъ пропорціональными, потому что въ нихъ цѣна печенаго хлѣба ставилась каждый разъ въ зависимость отъ той, какую пшеница, рожь, ячмень и т. д. имѣли одновременно на рынкѣ.

Обязанностью чиновника или чиновниковъ народнаго продовольствія признается—зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы вынутый изъ печи хлѣбъ не уклонялся отъ положеннаго закономъ вѣса. Четверть унціи съ каждаго хлѣба отчисляются на пропекъ; за все же недостающее сверхъ этого количества булочникъ признается отвѣтственнымъ; изготовленный имъ хлѣбъ конфискуется и поступаетъ въ пользу бѣдныхъ; собственникъ же муки имѣетъ право на вознагражденіе.

Что касается до мельниковъ, то они вознаграждаются путемъ

отчисленія въ ихъ пользу извѣстной, закономъ положенной, части поступившаго въ перемолъ зерна. Нерѣдко также допускается переводъ этой части на деньги, такъ, напр., въ Пизанскомъ статутѣ 1337 г.

Хотя законодательство, регулирующее порядокъ хлѣбной торговли, возникло въ Италіи еще въ XIII и XIV вв., т.-е. въ эпоху господства городскихъ республикъ.—во многихъ мѣстностяхъ ея, и въ томъ числѣ въ Миланѣ и Мантуѣ, оно продолжало держаться почти до нашихъ дней. Итальянскіе экономисты прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія дѣлали его нерѣдко предметомъ своихъ нападокъ. Проникнутые идеями свободной торговли и теоріи laissez faire, они не желали видѣть въ немъ ничего, кромѣ продукта невѣжества, въ которомъ жили предки, и непониманія ими законовъ политической экономіи. Нельзя отрицать того, что въ общемъ законодательство это весьма стѣснительно. Своими нескончаемыми предписаніями и запретами оно тормозитъ частную предпріимчивость. Интересы сельскихъ обывателей, обязанныхъ доставить въ городъ весь производимый ими хлѣбъ, несомнѣнно принесены ими въ жертву благополучію городскихъ классовъ. Многія мѣропріятія съ трудомъ осуществимы на практикѣ и даютъ возможность ежечаснаго обхода ихъ хитростью и подкупомъ. Итальянскій экономистъ Gioja справедливо указываетъ, напримѣръ, на то, что на практикѣ производители хлѣба постоянно обходили приказъ о доставленіи его полностью въ городъ и оставленіи въ деревнѣ лишь нужнаго для посѣва количества. Одна и та же партія хлѣба ввозилась и вывозилась изъ города, говоритъ онъ, подъ различными этикетами, то какъ собственность одного, то какъ собственность другаго владѣльца. Нерѣдко также хлѣбъ вывозился въ недозволенномъ количествѣ —подъ прикрытіемъ сѣна. Еще чаще съ помощью подкупа, сельскимъ хозяевамъ удавалось получить отъ городскихъ стражей свидѣтельство ввоза ими гораздо большаго, противъ настоящаго, количества хлѣба, а это давало имъ, въ свою очередь, возможность удерживать остатокъ въ собственныхъ складахъ и пускать впослѣдствіи его въ продажу по увеличенной цѣнѣ [1]).

Но, соглашаясь съ тѣмъ, что въ нормальныхъ условіяхъ жизни многія стороны только что указаннаго законодательства не вызываютъ къ себѣ иного отношенія, кромѣ отрицательнаго, нельзя въ то-же время не сказать, что въ неурожайные годы оно какъ нельзя лучше разсчитано на то, чтобы уменьшить бѣдствія голода и обезпечить массы населенія пріобрѣтеніемъ средства

---

[1]) *Melchiore Gioja*, Sul commercio de commestibili. Avignone, 1830.

къ жизни по возможно малой цѣнѣ. Въ виду этого, мы и сочли полезнымъ напомнить о немъ въ настоящую минуту. Какъ велики бы ни были правительственныя и частныя пожертвованія, но имъ едва ли удастся уменьшить размѣры постигшаго насъ голода, если одновременно не будутъ приняты мѣры противъ хищничества тѣхъ, кто въ народномъ бѣдствіи видитъ источникъ собственнаго обогащенія.

Максимъ Ковалевскій.

Флоренція, $^{16}/_{4}$ Ноября 1891 года.

УТРО ВЪ МАЛОДУМОВКѢ.

Эскизъ.

Вадимъ Петровичъ проснулся довольно рано... Тяжелыя гардины на окнахъ, заботливо спущенныя нѣжной рукой мамаши, пропускали мало свѣта, и въ кабинетѣ стоялъ сѣрый полумракъ, въ которомъ глазъ съ большимъ трудомъ могъ различать неясные, расплывчатые силуэты разной мебели, какъ бы тонувшей въ этомъ полумракѣ... Полусонный, плохо соображая еще, забывъ, гдѣ онъ, Вадимъ Петровичъ съ удивленіемъ началъ всматриваться въ незнакомую обстановку, изумляясь въ то же время царившей кругомъ тишинѣ. Ему чудился его студенческій номеръ въ столицѣ, гдѣ приходилось всегда просыпаться подъ грохотъ экипажей на мостовой и суетливый топотъ корридорной прислуги... Но, вдругъ, онъ какъ-то сразу вспомнилъ, что столица осталась далеко, что теперь онъ въ своей Малодумовкѣ, у теплаго крыла любимой и любящей матери, которая такъ тепло поцѣловала его вчера, уходя спать; что университетъ оконченъ и бѣжать ему на лекціи не нужно; что, наконецъ, онъ самъ себѣ хозяинъ теперь и пріѣхалъ сюда работать,—„дѣлать дѣло“, какъ говорилъ онъ всегда.—Все разомъ вспомнилъ и, потянувшись, сладко зѣвнувъ, онъ улыбнулся той хорошей, жизнерадостной улыбкой, какой только и могутъ улыбаться здоровые, молодые люди въ 23 года и, вдобавокъ, въ его положеніи...

— Да, да, дѣлать дѣло, — подумалъ онъ вслухъ, не переставая весело улыбаться, — служить всѣмъ, внося въ жизнь идею права... Наконецъ-то, наконецъ!..

Онъ потянулся еще и продолжалъ все такъ же весело улыбаться; вставать ему не хотѣлось... Въ полумракѣ, въ мягкой и теплой постели, такъ хорошо вспоминалось все, и такъ сладко думалось о будущемъ; къ тому же, въ царившей кругомъ тишинѣ

не слышалось еще и признака жизни... Можно было, значитъ, полежать, понѣжиться и кое о чемъ подумать... Первая мысль была, конечно, о нѣжно-любимой матери, которая все такъ хорошо устроила за годъ хозяйничанья въ его Малодумовкѣ,—всегда забывала себя за сыномъ, столько вынесла горя, заботъ, нужды и труда ради него,—пока не умеръ дядя, оставившій ему наслѣдство...—Добрая мама!—подумалъ онъ съ глубокой нѣжностью.—Святая женщина,—въ такіе молодые годы осталась вдовой и всю себя похоронила ради сына! — Многія-ли женщины способны на это?—продолжалъ размышлять Вадимъ Петровичъ.—А какъ преслѣдовалъ, какъ ненавидѣлъ ее этотъ дядя!...—Тутъ ему какъ-то невольно пришли на умъ первые стихи Онѣгина:—„Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ, когда не въ шутку занемогъ..“, но онъ сейчасъ же разсердился на себя за это...

— Фу, какой циникъ этотъ Онѣгинъ!—подумалъ онъ вслухъ, насупился и сталъ думать о „дѣлѣ“.

Вадимъ Петровичъ никогда ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся, особенно блестящихъ надеждъ не подавалъ, — онъ былъ средній студентъ,—но за то въ средѣ товарищей всегда слылъ за добраго малаго, честнаго, прямого, искренняго, а профессора признавали въ немъ добросовѣстнаго и умѣлаго работника... Такимъ онъ и былъ и никѣмъ другимъ казаться не хотѣлъ. Широкихъ цѣлей онъ тоже какъ будто никогда не ставилъ себѣ, а хотѣлъ только работать съ сознаніемъ приносимой пользы, хотѣлъ видѣть вокругъ себя одну только правду и добросовѣстный трудъ, да вносить уваженіе къ законности и праву. Говоря о дѣлѣ на пользу другихъ, онъ, конечно, разумѣлъ народъ, крестьянскій людъ, темный, невѣжественный, нуждавшійся въ культурной опекѣ, въ хорошемъ и честномъ руководителѣ-другѣ, причемъ на ученость свою смотрѣлъ, какъ на долгъ тому же народу, уплатить который онъ могъ только честной работой... Онъ любилъ этотъ народъ, хотя и зналъ его только въ лицѣ столичныхъ „Ванекъ“, да прислуги, такъ какъ жилъ до сихъ поръ безвыѣздно въ столицѣ,—любилъ, потому что имѣлъ любящее и доброе сердце, потому что любви этой учили его и книги любимыхъ авторовъ, и бесѣды съ любимыми наставниками. Эта абстрактная, хотя несомнѣнно искренняя, любовь не мѣшала ему, однако, подмѣчать лукавство и часто даже недобросовѣстность, проявляемыя народомъ-Ванькой, — прислушиваться къ ропоту матери на лживость и вороватость прислуги-народа, а затѣмъ, за время ея управленія Малодумовкой,—и на самый народъ, крестьянскій людъ, и при томъ искренно возмущаться.—Ссылка на бѣдность, нищету, трудность положенія, къ которой часто прибѣгали другіе, не служила въ

его глазахъ оправданіемъ;—онъ зналъ, что въ культурныхъ странахъ, гдѣ народъ мало обезпеченъ землей, существуютъ и добросовѣстность въ исполненіи своихъ обязательствъ, и строгое уваженіе къ чужой собственности, и законность, и сознаніе права... Все дѣло въ темнотѣ, невѣжествѣ, въ томъ, что никто не трудился внести все это въ темную среду,—думалъ онъ всегда. — вотъ въ чемъ!—Не надуваемъ же мы, культурные люди, другъ-друга, не обманываемъ, считаемъ долгомъ работать добросовѣстно, а народу мирволимъ въ этомъ, — на то, молъ, онъ и народъ, и ссылаемся при этомъ на любовь къ нему!—говорилъ онъ запальчиво въ спорахъ.—Странная любовь,—признаюсь, такой любви я не понимаю!.. Если я люблю его,—то постараюсь воспитать въ немъ все то, чѣмъ я выше и нравственнѣе его.

— Ну, и исполать тебѣ!—съ іроніей возражали ему.—Воспитай Ваньку, чтобы онъ стыдился „на чаёкъ“ просить, выѣздивъ грошъ подъ дождемъ за сутки.

— Я бы не просилъ, еслибы и грошъ выѣздилъ, и подъ дождемъ!—горячо возражалъ Вадимъ Петровичъ.—Съ голоду умеръ бы скорѣй!..

— Ну, это еще бабушка ворожила, что бы ты сдѣлалъ...

— Ни за что!

Все это вспоминалъ и передумывалъ теперь Вадимъ Петровичъ, потягиваясь въ своей постели, въ полумракѣ кабинета и раздумывая о „дѣлѣ“.—Его дѣло было для него ясно и казалось легкимъ: быть порядочнымъ самому, честнымъ, трудящимся, уважать законъ и пріучить къ тому же другихъ... Пріучить, строго требуя!—думалъ онъ, пока его думы не перебилъ легкій стукъ въ закрытую дверь. Вадимъ Петровичъ быстро вскочилъ на этотъ стукъ.

— Это ты, мама?— спросилъ онъ, становясь на разостланную у постели медвѣжью шкуру.

— Я...—раздался за дверью красивый грудной голосъ Софьи Ивановны.

— Поздно, дорогая?

— Нѣтъ,—но ты просилъ разбудить тебя пораньше...

И, всегда склонная къ нѣкоторой восторженности и той граціозной шаловливости, отдающей легкимъ кокетствомъ, что всегда бываетъ присуще избалованной красивой женщинѣ, Софья Ивановна, страстная любительница звучныхъ стиховъ, которыми она зачитывалась еще въ институтѣ,—сейчасъ же продекламировала нараспѣвъ:

Я пришла къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,

Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало...

— Вставай, вставай, мой мальчикъ!—шалила она за дверью.— Несмотря на свои 43 года, она была еще очень моложава, и шалунья-институтка въ ней не умирала.

— Я сейчасъ, сейчасъ!—торопился Вадимъ Петровичъ.—Сейчасъ, моя мама! Замечтался немного...

— Замечтался?! О комъ это?!—продолжала шалить она, подчеркивая многозначительно вопросъ.

— Такъ... о многомъ! — фыркая уже въ умывальникѣ, отвѣтилъ Вадимъ Петровичъ.—Вспоминалъ университетскіе споры...

— То-то!..—погрозила она шутливо.—Ну, кончай скорѣй и выходи на террасу пить свой первый чай здѣсь... Сегодня роскошное утро... Adieu, мой мальчикъ!

Шаля, она поцѣловала кончики выхоленькихъ пальчиковъ и, сдѣлавъ довольно легкій для своихъ лѣтъ пируэтъ, выскочила на террасу „птичкой“, какъ звали ее когда-то поклонники. Щурясь немного на солнце, вся она дышала весельемъ и радостью въ своемъ изящномъ утреннемъ пеньюарѣ. Тѣмъ не менѣе, зоркій, хозяйскій глазъ ея сейчасъ же уловилъ за деревьями дюжую фигуру кучера Софрона, старавшагося какъ-то крадучись, бокомъ, незамѣтно прошмыгнуть въ калитку.

— Ты зачѣмъ ходилъ въ садъ?- подозрительно окликнула она Софрона, взволнованная, забывъ сейчасъ же и шалости и стихи.— Зачѣмъ ты здѣсь?..

— Тута... къ садовнику! — неопредѣленно мычалъ Софронъ, не поворачиваясь и придвигаясь къ калиткѣ. Но Софья Ивановна уже разглядѣла оттопыренный карманъ.

— Стой, стой!—закипятилась она.—Что у тебя въ карманѣ?! Яблоки!? Стой же! Говори, что въ карманѣ?

— Ничаво, барыня... Вотъ не сойдти!..—мычалъ сконфуженно Софронъ, останавливаясь.—Чтобъ съ этого самаго мѣста, значитъ...

— Ладно, ладно,—клянись! Меня не надуешь!—совсѣмъ раскипятилась Софья Ивановна.—Когда она сердилась, лицо ея старѣло, и у блѣднѣвшихъ губъ ложились некрасивыя складки.— Меня не надуешь,—знаю я васъ, воровъ и пьяницъ! Выкладывай сюда, что укралъ!.. Маланькѣ, небось, своей тащилъ!?

— Только три, барыня,—падаль подобралъ!—мычалъ сконфуженно Софронъ, дипломатически замалчивая довольно щекотливый вопросъ о горничной Маланьѣ. — Только три... Вотъ, не сойдтить,—три...

— Все равно,—выкладывай. Меня не проведете,—я все вижу! Дамъ я тебѣ воровать!.. И еще—ранетъ! Золотистый ранетъ!—

какъ бы въ испугѣ закричала Софья Ивановна, когда Софронъ выложилъ не три, а пять яблокъ.—Съ лучшаго дерева укралъ!.. Ей-Богу, они меня въ чахотку вгонятъ, эти мерзавцы!.. Полтина штрафу!

Она топала своими маленькими ножками, которыми когда-то такъ плѣнялись кавалеристы, товарищи покойнаго мужа,—прическа ея растрепалась, лицо стало злымъ и некрасивымъ и, такъ недавно еще полная веселья, теперь она дрожала вся отъ неостывавшаго раздраженья. Вадимъ Петровичъ засталъ ее еще полною гнѣва.

— Ну, можно ли такъ волноваться, моя милая, моя дорогая мама!—ласково говорилъ онъ, цѣлуя ея дрожавшія ручки и усаживая въ кресло.—Успокойся... Всего какихъ-нибудь пять яблокъ,—стоитъ-ли?.

Софроново воровство возмутило его тоже, но онъ жалѣлъ взволнованную мать.

— Стоитъ-ли... Пять яблокъ!—съ сердцемъ подхватила все еще раздраженная Софья Ивановна.—Ахъ, Вадимъ,—ты ничего не понимаешь въ хозяйствѣ!.. Сегодня яблоки, завтра огурцы, послѣ завтра сѣно, тамъ другое, третье, четвертое и въ концѣ-концовъ все растащутъ... Теперь у нихъ плохой урожай, и они тащутъ все, что ни попадется... Ахъ, ты и представить себѣ не можешь, какая мука съ этимъ народомъ... Знаешь,—они такъ прямо и говорятъ: баринъ, молъ, не пропадетъ... У него тащить можно, на то онъ и баринъ... Вотъ какъ!..

Но мало-по-малу она успокоилась и принялась готовить чай. Нѣжная ласка любимаго сына, пріѣзда котораго она ждала такъ долго, котораго видѣла теперь такимъ добрымъ, здоровымъ, ласковымъ, покрыла собой все непріятное, и очень скоро оба, и мать, и сынъ, попрежнему весело улыбались другъ-другу.

Утро выдалось дѣйствительно роскошное... Стояла осень, свѣтлая, сухая, теплая, какая рѣдко выпадаетъ на долю этой полосы. Ласковое солнце радостно и нѣжно свѣтило съ чистаго лазурнаго неба, и не жгучіе, а теплые лучи его прорывались сквозь садовую листву, уже пестрѣвшую яркими осенними цвѣтами, ложились на сыроватыя клумбы, террассу и бѣлыя стѣны пятнами мягкаго, слегка темнаго свѣта... Этотъ свѣтъ не рѣзалъ глазъ, не жегъ, не безпокоилъ,—напротивъ, онъ какъ-то особенно хорошо и живительно дѣйствовалъ на душу, наполняя все окрестъ тихою радостью,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось въ то утро Вадиму Петровичу. Чистый, прозрачный воздухъ, напоенный слегка прѣлымъ запахомъ увядшей травы и опавшаго листа, весь пропитанный пріятной свѣжестью не то слабаго утренника, не то обиль-

ной росы, бодрилъ, живилъ и точно вызывалъ на работу. Доносившееся кругомъ чириканье воробьевъ, мычанье стада, даже карканье гдѣ-то на ветлѣ усѣвшейся вороны, а въ особенности рѣзкая и отчетливая дробь молотьбы на гумнахъ какъ-бы подчеркивали такое общее настроеніе и, подчеркивая, усиливали его. И хотя вездѣ и на все уже осень положила свои густыя краски какой-то легкой, скрытой меланхоліи, въ человѣкѣ, наоборотъ, онѣ отражались бодростью и подъемомъ энергіи... Даже фабрика за рѣкой какъ-то хорошо выдѣлялась своей яркой черепичной кровлей, а Вадимъ Петровичъ вообще не жаловалъ фабрикъ, развращающихъ, какъ онъ говорилъ, земледѣльца. Но въ это утро все выглядѣло для него иначе,—дѣловито и ясно, точно улыбаясь. Онъ самъ всему готовъ былъ улыбаться, а доброе, молодое сердце, такъ и горѣвшее жаждой полезнаго дѣла и энергіей, весело откликалось на общій, слышавшійся ему отовсюду, призывъ.

— Какъ хороша въ самомъ дѣлѣ жизнь,—думалъ онъ, прихлебывая полуостывшій чай съ густыми сливками,—ну, и зачѣмъ, право, портятъ ее себѣ люди?!. Право, кажется, неразумныя птицы живутъ лучше и не портятъ себѣ настроенія ложью и другими гадостями,—онъ вспомнилъ Софрона и его пять ранетъ.— А тутъ и разумъ, и воля, и сознаніе, и развитое чувство... а вотъ-же!..—Онъ поднялъ голову, оглянулся и сейчасъ-же поймалъ заботливый взглядъ матери, которымъ та какъ будто спрашивала его,—хорошо-ли ему въ его Малодумовкѣ.

— Хорошо, мама!—сказалъ онъ, улыбаясь,—очень хорошо!..—И все веселѣе, все счастливѣе улыбаясь, онъ потянулся въ креслѣ, закинувъ за голову руки, какъ потягиваются счастливыя, избалованныя дѣти.

— И спасибо тебѣ за все, за все, за все!.. Я просто удивляюсь твоей энергіи, твоему умѣнью все устроить, все привести въ порядокъ... Въ такое короткое время ты и хозяйство повела, и перезнакомилась со всѣми и связи нужныя пріобрѣла... Молиться на тебя нужно...

Онъ схватилъ ея бѣлыя руки и, наклонившись черезъ столъ, осыпалъ ихъ поцѣлуями... Софья Ивановна совсѣмъ сіяла... Въ этомъ сіяніи сквозило и удовлетворенное самолюбіе, и гордость, и счастье любимой и любящей матери... Немного тщеславная, она, какъ и всѣ тщеславные люди,—почувствовала потребность еще усилить впечатлѣніе и въ отвѣтъ стала жалобно разсказывать, какъ ей приходилось трудно...

— Ты и представить себѣ не можешь, Вадимъ, какъ трудно съ этимъ народомъ,—говорила она, не то печально, не то съ

укоромъ, качая красивой головкой.—Воръ на ворѣ, пьяница на пьяницѣ,—лѣнтяи такіе, что и сказать нельзя,—полная распущенность... Деньги берутъ, а отрабатывать не хотятъ... Никакого уваженія къ обязанностямъ и договорамъ... Чуть не доглядишь,—все растащатъ: то въ садъ заберутся, то потравы, — просто, ужасъ, въ гробъ свести могутъ... Управы на нихъ нѣтъ,—никакого закона не признаютъ...

Но замѣтивъ, что эффектъ вышелъ не тотъ, на какой она разсчитывала, что счастливый сынъ началъ хмуриться, и лицо его стало печальнымъ, она спохватилась и, перемѣнивъ тонъ, заговорила опять весело.

— Не печалься,—говорила она, смѣясь,—не хмурься, касатикъ мой... Все-таки я справляюсь,—видишь!.. Ну, не хмурься-же,—гляди весело... Хочешь, я тебя порадую и хорошей вѣсточкой... Я что-то устроила...

Она кокетливо склонила на бокъ головку и, самодовольно улыбаясь, загадочно смотрѣла въ повеселѣвшіе опять глаза сына.

— Хочешь?! А?!.

И, наклонившись черезъ столъ, она стала разсказывать ему шопотомъ, чтобы не разслышала шнырявшая прислуга,—тономъ, въ которомъ ясно дрожало скрытое самодовольство и увѣренность въ эффектѣ, какъ ловко удалось ей понизить оцѣнку имѣнія при вычисленіи наслѣдственнаго налога.

— Ужъ такъ билась, такъ билась!,. И къ этому ѣздила, и къ тому... Насилу... насилу, а все-таки устроила!.. заключила она, точно бы самодовольно говоря:—вотъ я какая ловкая!..

— То-есть?—спросилъ сынъ, сдвигая опять брови, но не разставаясь уже съ улыбкой.—Что ты хочешь сказать, мама?

Софью Ивановну, такъ увѣренно разсчитывавшую на эффектъ, передернуло отъ недогадливости сына, и нервно, спѣша, она зашептала еще тише:

— Ахъ, Вадимъ, какой ты еще ребенокъ.—Какъ ты этого не понимаешь? При оцѣнкѣ пропущены арендныя статьи... мельница... новыя постройки... Серебро тоже въ счетъ не пошло... Налогъ вышелъ очень небольшой...

— Мама!—перебилъ ее вдругъ искренній и серьезный возгласъ сына, полный не то изумленія, не то укора.—Мама! Развѣ такъ можно дѣлать?

Софья Ивановна въ удивленіи открыла глаза.

— А почему же? Такъ всѣ дѣлаютъ...

— Тѣмъ хуже,—горячо возразилъ сынъ,—точно холодной водой обдавая пораженную мать,—тѣмъ хуже; ну, а я совсѣмъ не хочу... Вѣдь это надувательство, мама, казнокрадство!..

На щекахъ его выступилъ румянецъ... Софья Ивановна почувствовала себя глубоко обиженной.

— Ахъ, другъ мой, казна и такъ богата! — нервно, недовольнымъ тономъ возражала она ему, причемъ у губъ ея опять показались некрасивыя складки.—Нѣсколько лишнихъ нашихъ рублей для нея ничего не составятъ!

— Мама!—Вадимъ Петровичъ даже вскочилъ съ кресла.—Дорогая моя, но, вѣдь, такъ разсуждать можетъ каждый, и у казны тогда не будетъ и гроша!.. Какъ ты не понимаешь, что такое отношеніе твое къ казнѣ совершенно тождественно съ отношеніемъ къ тебѣ тѣхъ мужиковъ, которые, какъ-ты сама говорила возмущаясь,—не считаютъ за грѣхъ обокрасть барина, потому что баринъ не пропадетъ... Вѣдь, пойми,—это то же самое...

— Это двѣ большія разницы, Вадимъ!—Въ часы особенно сильнаго раздраженія Софья Ивановна, вообще, позволяла себѣ грамматическія вольности, а слова сына уязвили ее до боли.—Громадныя разницы! Казна всегда свое выручитъ, не тѣмъ, такъ другимъ, а наше положеніе совсѣмъ другое... „Казенное не пропадаетъ“,—знаешь поговорку, а у насъ все растащить могутъ... Поди тогда, жалуйся, взыскивай съ мужиковъ, когда съ нихъ и взыскать нечего! Да, развѣ мы первые,—всѣ такъ дѣлаютъ! Спроси станового, спроси предводителя...

— Тѣмъ хуже, повторяю, а я такъ поступать не хочу!—твердо возразилъ Вадимъ Петровичъ.—Никакой разницы, дорогая,—продолжалъ онъ, смягчая тонъ и стараясь быть ласковымъ,—я не вижу, и ты мнѣ не указала... Тащить ли у барина, обманывать ли казну, все равно—воровство, что ни говори, а намъ непростительнѣе оно, чѣмъ имъ, мы богаче ихъ... Есть законъ, и мы первые обязаны добросовѣстно выполнять его требованія, мама!

— Съ закономъ, другъ мой, часто и безъ хлѣба остаться можно!—вставила она съ довольно ядовитой улыбкой.

— Мама!..—сынъ разставилъ даже руки отъ изумленія.

— Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь!—спохватилась Софья Ивановна, которой отъ обиды хотѣлось и плакать, и сердиться, и позвить.—Дѣлай, какъ знаешь,—твое имѣнье, ты хозяинъ!.. Но по моему, да и всякій тебѣ скажетъ то же,—это похоже на донъ-кихотство!..

Она сердилась и, чтобы не выдать себя еще больше, стала перемывать чашки, опустивъ голову.—Внутреннее чувство гдѣ то глубоко, глубоко даже подсказывало ей, что сынъ, какъ будто, и правъ, но признаться себѣ въ этомъ ей не хотѣлось, —она была не такова, чтобы вообще когда-нибудь признать себя неправой. Напротивъ, Софью Ивановну еще больше сердилъ этотъ внутрен-

ній голосъ, правота сына точно обижала ее, унижала, точно бы снимала съ пьедестала,—самолюбива она была очень.

И скажи это все не Вадимъ, котораго она до сихъ поръ еще называла „мальчикомъ“, и не ей, привыкшей къ поклоненію, восторгамъ отъ ея ума, умѣнья вести хозяйство,—а кому нибудь другому, она, пожалуй, пришла бы въ восторгъ, назвала бы такой взглядъ „trés noble“. Но теперь ее терзала обида, да и жаль было денегъ...

— Право же, другъ мой, это донъ-кихотство!—съ волненіемъ повторила она послѣ нѣкотораго молчанія.

Сынъ не отвѣтилъ, потому что вошла старая няня Тихоновна, и разговоръ такимъ образомъ прекратился самъ собою... Да онъ и не зналъ бы, что отвѣтить. Вадимъ Петровичъ сидѣлъ весь красный, растерянный, изумленный этими странными взглядами матери, на которые онъ никогда не разсчитывалъ, которыхъ не предполагалъ никогда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему было неловко какъ то за эту размолвку въ первое утро, было жаль любимую мать, какъ и стыдно за все, высказанное ею... Приходу Тихоновны онъ искренно обрадовался: она могла разсѣять это первое налетѣвшее облачко.

— Что няня?—спросилъ онъ, стараясь попрежнему казаться веселымъ.—Съ чѣмъ Богъ принесъ?

— Ключи, вотъ, барынѣ принесла?—отвѣтила старуха, обдавая его влюбленнымъ взглядомъ, отъ котораго засвѣтилось все ея сморщеное лицо.—Ключи, милый!.. Да, вотъ, на счетъ Петра, барыня,—повернулась она къ Софьѣ Ивановнѣ.—Нанялся, слышь...

— На фабрику?—почти взвизгнула съ негодованіемъ Софья Ивановна, точно обрадовавшись, что можетъ дать волю кипѣвшему раздраженію.—Да? Вотъ, негодяй...

— На фабрику, барыня,—съ сожалѣніемъ отвѣтила преданная няня.

Софья Ивановна гнѣвно швырнула ключи.

— Ахъ, эта фабрика,—она совсѣмъ разоритъ насъ!—кипятилась она, раздражаясь все больше и больше. — И Петръ... какъ онъ смѣлъ?.. Право-же противъ этого нужно принять мѣры...

— А что,—заботливо освѣдомился сынъ,—онъ твой работникъ, мама?

— Нѣтъ, но я почти наняла его уже... Онъ хотѣлъ пятью рублями больше за зиму, я и рѣшила сперва подумать немного...

— Тогда онъ имѣлъ право пойти на фабрику, — довольно робко вставилъ Вадимъ Петровичъ, удивляясь ея гнѣву, но Софья Ивановна не могла уже сдерживать себя.

— Право?..—иронически и нервно подхватила она. — Ахъ, эти права!.. Это хорошо говорить о правахъ въ университетѣ,—а въ

жизни совсѣмъ другое дѣло, Вадимъ!.. Какой ты еще ребенокъ! А наши права—ничего, что-ли?! Намъ безъ работниковъ оставаться, самимъ пахать, что-ли? Ты не знаешь, какъ съ этими правами трудно вести хозяйство...

— Зачѣмъ-же ты пожалѣла пять рублей? — только и нашелся сказать на это совсѣмъ ошеломленный Вадимъ Петровичъ.

— Ахъ, Вадимъ, не мучь хоть ты меня!.. Всѣ вы сегодня точно сговорились! — чуть не плакала Софья Ивановна. — Пять рублей, говоришь ты, пожалѣла?.. Да эта проклятая фабрика и безъ того цѣны подняла на руки, пропади она! И такъ работники вдвое дороже стали, а про капризы и говорить нечего! То хлѣбъ, вишь, недопеченъ имъ, то говядина тухлая, то масло горчитъ,—нивѣсть, какіе господа, подумаешь,—а у самихъ въ избахъ капусты не хватаетъ, жрать нечего!

Она задохнулась отъ быстрой взволнованной рѣчи, доходившей почти до крика. На глазахъ у нея дрожали слезинки, — но все-таки она чувствовала себя легче, выговорившись... Гнѣвъ ея утихалъ уже, и она закончила гораздо легче.

— Посуди же, милый, каково наше положеніе, — всѣ бѣгутъ отъ насъ на фабрику, у которой денегъ много... Даже дѣти...

— Дѣти?—переспросилъ Вадимъ Петровичъ, которому страшно было жаль мать, хотя онъ и считалъ ее безусловно неправой. — Дѣти? Ну, это дѣйствительно возмутительно, противъ этого я приму мѣры: законъ прямо запрещаетъ работу малолѣтнихъ на фабрикахъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Вадимъ, — опять поспѣшила Софья Ивановна, хотя и гораздо легче, — оставь, пожалуйста, свой законъ въ покоѣ... Это еще и хорошо, что фабрика беретъ дѣтей... Неужели ты хочешь, чтобы мы совсѣмъ остались безъ рабочихъ, когда будутъ брать однихъ взрослыхъ? Ради Бога, не мѣшайся съ своимъ закономъ, и такъ работникъ стоитъ въ день сорокъ копѣекъ... Ну, поцѣлуй меня, поцѣлуй... Мнѣ нужно въ кухню...

Вадимъ Петровичъ горячо поцѣловалъ мать, но въ головѣ его спуталось, подернулось туманомъ; даже ясное утро, казалось, стало не такимъ яснымъ. Какое то недоумѣніе охватило его душу, гдѣ щемящей болью зашевелилось незнакомое доселѣ сомнѣніе,— все-ли, молъ, такъ легко и ясно, какъ казалось оно въ полумракѣ кабинета, гдѣ такъ стройно слагалъ онъ жизненную схему... Онъ, мечтавшій распространять въ непроглядную тьму лучи правды и свѣта изъ этой уютной, тонувшей въ зелени усадьбы, какъ то невольно долженъ былъ спросить себя теперь: много-ли въ ней самой этихъ правды и свѣта?..

Вадимъ Петровичъ шелъ деревней... Онъ вышелъ пройтись,

подышать воздухомъ, въ надеждѣ разобраться въ хаосѣ неожиданныхъ впечатлѣній, но жгучій вопросъ этотъ сверлилъ его все сильнѣе... Отвѣчать на него мѣшалъ ему, казалось, видъ встрѣченной нищеты, отъ которой болью сжималось его доброе сердце,— видъ покосившихся избенокъ и полунагихъ дѣтей на улицѣ, — чего онъ никогда не видѣлъ и не зналъ. Правда, онъ читалъ объ этой нищетѣ, но читать не то же, что видѣть... Онъ чувствовалъ на себѣ любопытные взгляды встрѣчныхъ, низко-кланявшихся крестьянъ, самъ отвѣчалъ на эти поклоны,—и. странное дѣло, ему точно неловко дѣлалось теперь и отъ этихъ взглядовъ, и этихъ низкихъ поклоновъ, по крайней мѣрѣ, онъ краснѣлъ и спѣшилъ. Казалось,эту краску и неловкость вызывала все та же нищета, которая и изумляла его, и мучила, и подгоняла убѣжать отъ нея скорѣй, и укоряла въ то же время, точно, такъ или иначе, онъ былъ причастенъ ей... Вадимъ Петровичъ вспомнилъ, что совсѣмъ аналогичное почти испыталъ онъ разъ, зайдя въ своей изящной шубкѣ къ поблѣднѣвшему отъ голода товарищу, который нѣсколько дней сряду питался однимъ хлѣбомъ.—Удивительная нищета,—шепталъ онъ про себя, все ускоряя шагъ, — невозможная нищета!.. Но, странное дѣло, какъ же это нѣмецъ умѣетъ хорошо устроиться на самомъ крошечномъ кускѣ... Вотъ, что значитъ культура!.. Культуры надо, культуры, культуры, знанія! — успокаивалъ онъ защемившее сердце.

У изгороди, при выходѣ въ поля, онъ столкнулся съ рыжебородымъ мужикомъ, который шелъ съ двѣнадцати-лѣтнимъ сыномъ. Мужикъ привѣтливо снялъ старую шапку и низко ему поклонился.

— Здравствуй, баринъ. Съ пріѣздомъ!—сказалъ онъ такъ радостно и привѣтливо, что у Вадима Петровича какъ будто отлегло на душѣ.

— Чай обрадовалась маменька-то?

— Здравствуй, спасибо! — отвѣтилъ Вадимъ Петровичъ, обрадовавшись живой ласковой рѣчи. — Спасибо! А это сынъ твой?

— Сынъ будетъ,—Митькой звать... Вотъ, двѣнадцать уже пошло, парнемъ сталъ, отцу подмогой, — весело говорилъ мужикъ, любовно гладя Митькину русую голову.

— Славный мальчуганъ. Славный! — отвѣчалъ въ тонъ повеселѣвшій сразу Вадимъ Петровичъ.—Въ школу ведешь его?..

— Нѣтъ, не въ школу,—какая намъ, баринъ, мужикамъ школа? На фабрику веду, въ работники,—вотъ, наша школа...

— На фабрику?!

— А что-жъ, пора будетъ... Что хлѣбъ-то даромъ ѣсть?..

— А законъ? Развѣ ты не знаешь, что законъ запрещаетъ ра-

боту малолѣтнихъ? — съ легкимъ укоромъ сказалъ Вадимъ Петровичъ.

Мужикъ осклабился широкой улыбкой.

— Эхъ, баринъ, что законъ? Нешто законъ насъ кормить будетъ?

Вадимъ Петровичъ вспыхнулъ, какъ маковъ цвѣтъ, вспомнивъ, что то же самое почти сказала ему и мать, когда онъ говорилъ о долгѣ каждаго соблюдать законъ. Онъ почувствовалъ снова неловко и растерялся до того, что потерялъ нить мысли, но его выручилъ мужикъ.

— Все-таки пятакъ домой приносить будетъ за день,—сказалъ онъ, точно въ оправданье.

— Пятакъ,—на фабричныхъ харчахъ? — почти машинально спросилъ Вадимъ Петровичъ, все еще не зная, что ему говорить, и чувствуя, какъ прежняя боль защемила его сердце,

— Нѣтъ, зачѣмъ на фабричныхъ?—На своихъ харчахъ...

— Какая-жъ тутъ выгода,—пятакъ? Одни харчи дороже...

— Вѣстимо дороже, баринъ,—отвѣтилъ мужикъ.—Что-жъ подѣлаешь, и пятакъ — деньги, коли нѣтъ ихъ... Харчъ ему все равно должонъ идтить, нельзя не кормить, а тутъ парень и пятакъ домой принесетъ,—вотъ, какая выгода, баринъ.

Вадимъ Петровичъ понялъ выгоду пятака, но отъ того, что онъ понялъ наконецъ, увеличился, казалось, въ головѣ его хаосъ, а въ душѣ—щемившая боль.

— За этотъ пятакъ фабрика выжметъ изъ него всѣ соки... На фабрикѣ вредно дѣтямъ,—попытался онъ еще разбить эту страшную, казалось, логику пятака.

— Чѣмъ вредно?—говорилъ мужикъ.—А нешто въ морозъ, али въ дождь оно лучше будетъ въ полѣ мужику? На фабрикѣ покрайности въ теплѣ будетъ парень. Я вотъ самъ теперь фабричный; приторговывала твоя, баринъ, маменька въ работники на зиму, да денегъ пожалѣла... Давала мало, — пяти рублевъ пожалѣла...

— Ты, значитъ, Петръ?—самъ не зная почему, покраснѣлъ снова Вадимъ Петровичъ.

— Петръ... Слыхалъ развѣ, баринъ?

Вадимъ Петровичъ давно уже брелъ полями, не зная, куда ему дѣваться и отъ щемившей боли, и отъ этой логики пятака, которая не давала ему покоя, подкапываясь подъ всѣ его темы, и отъ мучительно жгучихъ вопросовъ, что сами собой, одинъ за другимъ, какъ-то выплывали изъ томившаго его хаоса мыслей, затуманившаго прежнюю ясность. Такъ вотъ, каковъ этотъ Петръ, котораго мать назвала негодяемъ, на котораго такъ сердилась?—

думалось ему, и еще сильнѣе путались мысли оттого, что и мать, и этотъ Петръ, котораго такъ сильно жалѣлъ онъ теперь, говорили ему, казалось, одно и то же, но каждый по-своему, за себя, съ разныхъ, противоположныхъ другъ-другу, положеній... Вотъ она, логика жизни!—съ изумленіемъ, граничившимъ почти съ испугомъ, говорилъ онъ самъ себѣ.—Ничего не понимаю! Два антипода, двѣ живыхъ антитезы, интересы которыхъ почти прямо противоположны другъ-другу,—а думаютъ и даже говорятъ одинаково... И этотъ Петръ также скажетъ: оставь свой законъ въ покоѣ, какъ сказала это мать, когда онъ возмутился работой дѣтей, и тоже изъ *своей* выгоды, какъ мать говорила *изъ своей*. Выгоды сходятся и расходятся всецѣло: матери нуженъ дешевый Петръ, и потому она противъ закона,—Петру нужны лишніе пять рублей и пятакъ, потому онъ тоже противъ... А между тѣмъ...

Навстрѣчу ему показался довольно высокій, худощавый человѣкъ... По платью, по всему облику, по длиннымъ сѣдоватымъ волосамъ, закинутымъ назадъ, Вадимъ Петровичъ догадался, что предъ нимъ директоръ фабрики, инженеръ, о которомъ онъ много слышалъ въ столицѣ, къ которому самъ направлялся теперь, чтобы отвести въ разговорѣ душу... Его называли умнымъ, онъ игралъ когда-то видную роль, а зачѣмъ, когда многое измѣнилось,—говорили—запилъ сначала, а потомъ ушелъ въ глушь и заперся въ Малодумовской фабрикѣ. Вчера еще, только пріѣхавъ, Вадимъ Петровичъ спросилъ о немъ у матери, но та въ отвѣтъ сдѣлала только кислую гримаску, не объясняя ничего подробно, а разспросить хорошо ему не удалось пока... Онъ обрадовался этой встрѣчѣ, которую точно нарочно послала ему судьба; подошелъ и назвалъ себя.

— Очень радъ познакомиться,—сказалъ тотъ, оглянувъ его быстрымъ, какъ молнія, неуловимымъ взглядомъ живыхъ, блестѣвшихъ изъ-подъ нависшихъ бровей, глазъ, не вынимая изо рта длиннаго янтарнаго мундштука.—Очень радъ... Въ глуши, знаете, новый человѣкъ всегда кладъ... Владѣнія свои осматриваете?

— Гуляю...

— И я вотъ тоже. Привыкъ... Ну, что у васъ въ столицѣ? — задалъ онъ стереотипный вопросъ, на который Вадимъ Петровичъ отвѣтилъ, какъ водится, общимъ мѣстомъ, выражающимъ всегда одно и то же—что все, молъ, какъ слѣдуетъ.

— Такъ!—улыбнулся добродушно тотъ въ свои густые усы.—Ну, а тутъ какъ? Здоровье Софьи Ивановны?

Merci!—отвѣтилъ Вадимъ Петровичъ,—мама здорова. Но вотъ, послушайте!—и онъ передалъ ему свой разговоръ съ Петромъ.

Они шли рядомъ. Инженеръ съ большимъ вниманіемъ, казалось, слушалъ, что говорилъ ему новый знакомый, волнуясь и немного спѣша, и только изрѣдка вскидывалъ на него свои быстрые глаза. Въ углахъ его губъ засвѣтилась ласковая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто немного насмѣшливая улыбка, когда Вадимъ Петровичъ особенно заволновался.

— Все это такъ,—отвѣтилъ онъ ровнымъ, серьезнымъ тономъ, когда тотъ кончилъ.—Я, знаете, завѣдую только техникой производства и въ дѣла конторы не мѣшаюсь... Наймомъ завѣдуетъ самъ старикъ, купецъ Сомовъ, и онъ, нужно сказать вамъ, далеко не дурной человѣкъ, — вотъ сынъ его молодой — другое дѣло... На фабрикѣ дѣйствительно работаютъ малолѣтніе, но я на это смотрю сквозь пальцы...

— Почему?..—удивился Вадимъ Петровичъ.

— А вспомните, что вамъ этотъ Петръ сказалъ... Потому что людямъ нуженъ пятакъ...

— Но не работай мальчики, фабрика взяла-бы взрослыхъ...

— И ваша мамаша еще больше негодовала бы на фабрику,— улыбнулся тотъ въ усы шутливо.—Передайте ей поклонъ, пожалуйста!

Вадимъ Петровичъ вспыхнулъ, его кольнуло больно. Онъ не зналъ, что ему дѣлать,—и обидно было, и подкупала какъ-то простая манера и непринужденность инженера.

— Вы говорите такъ, потому что вы не помѣщикъ!—только и нашелся онъ, стараясь оправдать мать.

— Нѣтъ, я помѣщикъ, но не въ этомъ дѣло,—спокойно продолжалъ тотъ.—Вы извините меня: я вообще неправъ... Еслибы не дешевая работа малолѣтнихъ, фабрика непремѣнно завела-бы машины, которыхъ у насъ пока нѣтъ почти, и число взрослыхъ,— подчеркнулъ онъ,—значительно сократилось бы... повѣрьте мнѣ,— а врядъ ли отъ этого Петру-то стало-бы лучше; вотъ, вамъ, мамашѣ вашей—другое дѣло... Грустная это вещь, а между тѣмъ это такъ... Это старикъ Сомовъ противится еще машинамъ, — я вамъ говорю, что онъ не дурной человѣкъ и посвоему жалѣетъ народъ,—а молодой давно вопитъ уже: машины!.. Ему только и снятся машины, которыя сократятъ расходы производства на добрую половину, если не больше.

Вадимъ Петровичъ слушалъ со вниманіемъ, но мысли его путались еще сильнѣе.. Онъ понималъ, казалось, и не понималъ въ то же время... Чувствовалъ онъ только ясно, что нѣчто громадное и сильное какъ бы надвигается массою на всѣ его схемы, которыя онъ строилъ въ полумракѣ кабинета, и вотъ-вотъ повалитъ ихъ...

— Вы помѣщикъ?—быстро спросилъ онъ, лишь бы перемѣнить больную тему и уйти отъ хаоса.—Отчего-жъ вы не хозяйничаете сами?

— А спросите у Софьи Ивановны, сладко-ли это?—снова улыбнулся тотъ.

Вадима Петровича снова кольнуло, но онъ сдержался и отвѣтилъ спокойно:

— Да, она жалуется, но...

— Но что?—повернулся инженеръ... Я не хочу заводить дрязгъ по всѣмъ судебнымъ дистанціямъ и предпочитаю сдавать въ аренду...

— Неужели такъ обязательны дрязги? — искренно возмутился Вадимъ Петровичъ.—Вѣдь, вотъ же на западѣ, нѣмецъ...

— Нѣмецъ?—подхватилъ инженеръ.—Въ данномъ случаѣ нѣмецъ намъ не указъ...

— Какъ?.,

— А такъ! Нѣмецъ одно, — нашъ Петръ другое... Тамъ по своему складывалась жизнь, отражаясь своимъ складомъ на человѣкѣ, у насъ по своему... Я не самобытникъ, но вспомните, какъ складывалась наша мужицкая Русь... Ее складывалъ не рыцарь или бюргеръ, — а распахивалъ оратаюшко... Вырубалъ, подсѣкалъ и распахивалъ черной сошкой... Могло ли это не отразиться своеобразно на человѣкѣ? Расчищая, вырубая лѣса, распахивая, какъ привыкъ онъ глядѣть на каждый клочекъ земли Божьей?.. Конечно, алчными глазами... Не такъ ли?

Вадимъ Петровичъ ничего не отвѣтилъ,—тема для него была совсѣмъ новая.

— Конечно, не иначе... Такимъ образомъ, такой взглядъ и выработался у насъ исторически въ національный инстинктъ или предразсудокъ, — смотрите, какъ хотите. Во всякомъ случаѣ, съ нимъ приходится считаться,—спросите мамашу. Вотъ почему я и предпочитаю аренду, благо крестьяне берутъ охотно...

— Вы предпочитаете получать ренту и ничего не дѣлать?— хотѣлъ кольнуть Вадимъ Петровичъ.

— Да, ничего не дѣлать... не судиться, не кипятиться, а жить мирно,—отпарировилъ тотъ.

Вадимъ Петровичъ вспомнилъ мать и покраснѣлъ.

— Не заботиться объ улучшеніи культуры?—

— Э... батенька, какія наши заботы? — Да развѣ я спеціалистъ?! Они куда лучше нашего заботятся, было бы надъ чѣмъ только, да навозъ былъ бы... Одни практическія знанія ихъ чего стоютъ! — улыбаясь, говорилъ инженеръ... Что эта культура для Петра, которому и пятакъ деньги? Скажите?...

Время перевалило за-полдень, когда Вадимъ Петровичъ, съ цѣлой бурей въ душѣ, приближался къ своей усадьбѣ... Его схемы совсѣмъ затянуло туманомъ, онѣ свалились въ безпорядочную кучу, и эта куча еще усилила томившій его хаосъ... Дома его ждала тоже буря. Софья Ивановна, блѣдная, растрепанная, то и дѣло крича и хлопая дверями, бѣгала то въ кухню, то изъ кухни. Увидѣвъ сына, она крѣпко схватила его за руку и, еле-переводя духъ отъ волненія, потащила за собой въ кухню.

— Вотъ!.. Ты все — права, законъ, а вотъ, на, полюбуйся,— посмотри, какія права! Вотъ!—Нѣтъ, пойдемъ, пойдемъ,—посмотри!— закричала Софья Ивановна сильнѣе, замѣтивъ, что сынъ какъ будто упирается.—Посмотри самъ, полюбуйся!

Въ кухнѣ, кромѣ прислуги, почтительно вытянувшейся при входѣ господъ, стоялъ еще Степанъ, отецъ четырнадцати-лѣтней горничной Насти, которую Софья Ивановна взяла „на выучку“, безъ жалованья пока, за платье и харчи. Настя стояла возлѣ отца и тихо плакала.

— Видишь!—продолжала Софья Ивановна, кипятясь и почти не помня себя отъ раздраженья.—Обида ему,—дочь беретъ! Я ее учила, хорошую горничную изъ нея готовила, кормила, обшивала, — а ему, видишь-ли, обида! Жалованье ей требуетъ!.. Жалованье такой ничего не умѣющей дѣвченкѣ, а!?

— Мы ничего, баринъ! — заговорилъ Степанъ, обращаясь къ Вадиму Петровичу, который стоялъ точно на угольяхъ, — мы довольны, а только обида,—какъ дѣвушка, значитъ, восемь мѣсяцевъ служитъ и никакого полученія...

— Никакого полученія!—совсѣмъ взвизгнула отъ гнѣва Софья Ивановна.—Да прокормить то ее что стоитъ, а?!

— Прокормить?—заступился Степанъ... Харчи она и дома имѣла, барыня... Чай тоже ѣдимъ дома...

Софья Ивановна гнѣвно захохотала.

— Дома! Ха, ха, ха,— знаю я вашу домашнюю ѣду... Толокно да мякина, а у меня развѣ такой харчъ? А?—такой?

— Оно, конешно, господскій харчъ не нашъ,—обидѣлся Степанъ,—что и говорить... Однако, слава Господу, и мы пока голоду не знаемъ...

— Врешь!—визжала до хрипа Софья Ивановна.—Врешь! Съ голоду пухнете!.. Да!—А науку ты ни во что не считаешь? А? А платье, тоже ничего? Два сарафана, розовый да сѣрый—ничего? А платокъ,—тоже ничего? Бери ее... бери, мерзавку!—совсѣмъ хрипѣла уже Софья Ивановна, не помня себя отъ бѣшенства.—Я сама теперь не хочу ее держать!.. Только розовый сарафанъ и платокъ пусть оставитъ! Не дамъ, не дамъ...

Она задыхалась и закашляла... Настя заплакала сильнѣе и судорожно прижала къ груди небольшой свертокъ съ розовымъ сарафаномъ и платкомъ, Степанъ что-то бормоталъ о томъ-же сарафанѣ и платкѣ, но Вадимъ Петровичъ ничего уже не слышалъ и не видѣлъ,—онъ опрометью кинулся вонъ...

. . . . . .

Онъ снова въ своемъ кабинетѣ... Вотъ и диванъ, на которомъ онъ такъ сладко мечталъ въ полумракѣ, когда такъ ясно и плавно таяли его мысли, такъ логично и стройно слагались разсудкомъ схемы... Вадимъ Петровичъ подошелъ къ окну и горячимъ лбомъ уставился въ холодное стекло... Лазурное небо затянули уже сѣрыя, холодныя облака, и мелкій осенній дождикъ моросилъ въ потемнѣвшемъ, какъ будто, воздухѣ... Даль стала сѣрой и тоскливой... Ему чудилось, что тѣ-же сѣрыя облака заползли и въ его душу, что тамъ тоже теперь моросилъ такой-же безпросвѣтный дождикъ... Такъ-же тоскливо и сѣро... Такъ-же неясно, туманно, смутно, какъ спутаны въ небѣ эти сѣрыя кучевыя облака... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ что то зарождалось и зрѣло, что-то новое, совсѣмъ не похожее на разсудочныя схемы, на холодныя, неумолимыя построенія... Нѣтъ, это новое, назрѣвавшее не было холодно, не было неумомимо,—оно грѣло и ласкало, какъ любовь и жалость... Оно властно прорывалось сквозь туманъ, наполнявшій и душу, и голову и, прорываясь, согрѣвая, разгоняло и тоску, и сумракъ... Онъ ясно чувствовалъ, какъ росло оно и зрѣло—это новое, теплое, ласковое, какъ охватывало его все сильнѣе. Все выше и выше поднималось оно, неудержимо,—и вдругъ зашептало ему, наконецъ, что-то такое скорбное, что замершее, казалось, сердце затрепетало отъ боли... Онъ разслышалъ и скорбный голосъ Петра, и горькій плачъ, рыдавшей о сарафанѣ, маленькой Насти...

И, вдругъ, у него самого потекли теплыя, добрыя слезы...

Григорій Мачтетъ.

Письмо Ѳ. М. Достоевскаго къ Н. Д. Фонъ-Визиной.

Наконецъ, добрѣйшая Н. Д., я пишу вамъ уже выйдя изъ прежняго мѣста. Послѣдній разъ, какъ я писалъ вамъ, я былъ боленъ и душою и тѣломъ. Тоска меня ѣла, и я думаю, что написалъ (зачеркнуто: „вамъ“) пребезтолковое посьмо. Эта долгая, тяжелая физически и нравственно, безцвѣтная жизнь, сломила меня. Мнѣ всегда грустно писать въ подобныя минуты письма; а навязывать въ такое время свою тоску другимъ, хотя-бы очень расположеннымъ къ намъ, я думаю, малодушіе. Это письмо я посылаю по оказіи, и радъ-радёхонскъ, что могу этотъ разъ поговорить съ вами (зачеркнуто: „затѣмъ“); тѣмъ болѣе, что я назначенъ въ Семипалатинскъ въ 7-й батальонъ, и потому уже не знаю, какимъ образомъ можно будетъ писать къ вамъ, и получать отъ васъ письма. Вы еще давно писали мнѣ о моемъ братѣ. Тогда я уже приготовилъ и письмо къ вамъ и къ брату (зачеркнуто: „въ вашемъ же письмѣ“). Но остерегся посылать, да кажется хорошо сдѣлалъ. Я читалъ всѣ ваши адрессы въ письмѣ къ С. (зачеркнуто: „О.“) Д. и возьму ихъ, на всякой случай. Они можетъ быть и надежны, но послѣднее письмо ваше дошло вскрытое и потому надо сильно остерегаться. Лучше-же, если вы захотите мнѣ сдѣлать счастье писать ко мнѣ, то адресуйтесь къ моему брату въ Петербургѣ, или можетъ быть (не навѣрно только) онъ самъ лично увидитъ васъ, или, наконецъ, пришлетъ къ вамъ довѣреннаго человѣка. Братъ мой теперь торгуетъ, и потому, я думаю, адрессъ его найти не трудно, напр., въ публикаціяхъ. Я самъ адресса его не знаю. Впрочемъ, и вамъ не совѣтую полагаться на почту. Но такъ какъ, надо полагать, между Москвой и Петербургомъ ѣздятъ-же вамъ знакомыя лица, то лучше всего доставить ему письмо ко мнѣ по такой оказіи. Такимъ образомъ, я буду имѣть дѣло только съ братомъ, и лучше всего въ подобныхъ случаяхъ имѣть одно сношеніе, чѣмъ два. Оно безопаснѣе.

Впрочемъ, если найдете совершенно безвредную возможность писать ко мнѣ другимъ путемъ, то конечно и это будетъ прекрасно, даже лучше, затѣмъ, что я еще самъ не знаю, какимъ образомъ буду я писать къ брату. Я потому только такъ располагаю на него, что ужъ съ нимъ-то непремѣнно завяжу переписку. Къ тому же вы живете въ Марьинѣ, а это обыкновенный путь изъ Москвы въ нашу деревушку въ Тульской губерніи. Я разъ 20 проѣзжалъ этой дорогой взадъ и впередъ, и потому могу представить себѣ ясно мѣсто вашего убѣжища, или лучше сказать вашего новаго заключенія. Съ какимъ удовольствіемъ я читаю письма ваши, драгоцѣннѣйшая Н. Д! Вы превосходно пишете ихъ, или, лучше сказать, письма ваши идутъ прямо изъ вашего добраго, человѣколюбиваго сердца, легко и безъ натяжки. Есть натуры замкнутыя и желчныя, которыя рѣдко застаютъ у себя добрую минуту экспансив-(н)ости. Я знаю такихъ. И между тѣмъ это вовсе недурные люди, даже очень напротивъ.

Не знаю, но по вашему письму я (зачеркнуто: „вижу) угадываю, что вы съ грустію нашли опять родину. Я понимаю это; я нѣсколько разъ думалъ, что если вернусь когда нибудь на родину, то встрѣчу въ моихъ впечатлѣніяхъ болѣе страданія, чѣмъ отрады. Я не жилъ вашею жизнію, и не знаю многаго въ ней, какъ и всякій человѣкъ въ жизни другого, но человѣческое чувство въ насъ всеобще, и кажется при возвратѣ на родину, всякому изгнаннику приходится переживать вновь, въ сознаніи и воспоминаніи, все свое прошедшее горе. Это похоже на вѣсы, на которыхъ свѣсишь и узнаешь точно настоящій вѣсъ всего того, что выстрадалъ, перенесъ, потерялъ и что у насъ отняли добрые люди. Но дай вамъ Богъ еще долгихъ дней! Я слышалъ отъ многихъ что вы очень религіозны Н. Д. Не потому что вы религіозны (зачеркнуто: „говорю“ „скажу вамъ“), но потому что самъ (зачеркнуто: „чувствую“) пережилъ и прочувствовалъ это, скажу вамъ, что въ такія минуты жаждешь какъ „трава изсохшая“, вѣры, и находишь ее, собственно потому, что въ несчастьи яснѣетъ истина. Я скажу вамъ про себя, что я—дитя вѣка, дитя невѣрія и сомнѣнія до сихъ поръ и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Какихъ страшныхъ мученій стоило и стоитъ мнѣ теперь эта жажда вѣрить, которая тѣмъ сильнѣе въ душѣ моей, чѣмъ болѣе во мнѣ доводовъ противныхъ. И однако же Богъ посылаетъ мнѣ иногда минуты, въ которыя я совершенно спокоенъ; въ эти минуты я люблю, и нахожу что другими любимъ, и въ такія то минуты я сложилъ себѣ символъ вѣры, въ которомъ все для меня ясно и свято. Этотъ символъ очень простъ, вотъ онъ: вѣрить что нѣтъ ничего прекраснѣе, глубже, симпа(ти)чнѣе, разум-

нѣе, мужественнѣе и совершеннѣе Христа, и не только нѣтъ, но съ ревнивою любовью говорю себѣ что и не можетъ быть. Мало того еслибъ кто мнѣ доказалъ, что Христосъ внѣ истины, и *дѣйствительно* было-бы что истина внѣ Христа, то мнѣ лучше хотѣлось бы оставаться со Христомъ, нежели съ истиной.

Но объ этомъ лучше перестать говорить. Впрочемъ не знаю почему нѣкоторые предметы разговора, совершенно изгнаны изъ употребленія въ обществѣ, а если и заговорятъ какъ нибудь, то другихъ какъ будто коробитъ? Но мимо объ этомъ. Я слышалъ вы куда-то хотите ѣхать на югъ? Дай вамъ Богъ выпросить позволеніе. Но когда-же, скажите пожалуйста, когда-же мы будемъ совсѣмъ свободны, или по крайней мѣрѣ, такъ какъ другіе люди? Ужъ не тогда-ли когда совсѣмъ не надо будетъ свободы? Что касается до меня, то я желаю лучше всего, или ужъ ничего. Въ солдатской шинели я такой-же плѣнникъ, какъ и прежде. И какъ я радъ, что въ душѣ моей нахожу еще надолго терпѣнія, что благъ земныхъ не желаю, (зачеркнуто: „быть богатымъ“) и что мнѣ надо только книгъ, (зачеркнуто: „позволеніе“) возможности писать, и быть каждодневно нѣсколько часовъ одному. О послѣднемъ я очень безпокоюсь. Вотъ уже очень скоро пять лѣтъ какъ я подъ конвоемъ или въ толпѣ людей, и ни одного часу не былъ одинъ. Быть одному это потребность нормальная, какъ пить и ѣсть, иначе въ насильственномъ этомъ комунизмѣ сдѣлаешься человѣконенавистникомъ. Общество людей сдѣлается ядомъ и заразой, и вотъ отъ этого-то нестерпимаго мученія я терпѣлъ болѣе всего въ эти четыре года. Были и у меня такія минуты, когда я ненавидѣлъ всякого встрѣчнаго, праваго и виноватаго, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на воровъ, которые крали у меня мою жизнь безнаказанно. Самое несносное несчастіе, это когда дѣлаешься самъ несправедливъ, золъ, гадокъ, сознаешь все это, упрекаешь себя даже—и не можешь себя пересилить. Я это испыталъ. Я увѣренъ что Богъ васъ избавилъ отъ этого. Я думаю въ васъ, какъ въ женщинѣ, гораздо болѣе было силы переносить и прощать.

Напишите мнѣ что нибудь Н. Д. Я ѣду въ глушь, въ Азію, и ужъ тамъ-то, въ Семипалатинскѣ кажется совершенно оставитъ меня все прошлое, всѣ впечатлѣнія и воспоминанія мои, потому что послѣдніе люди, которыхъ я любилъ и которые были передо мной, какъ тѣнь моего прошедшаго, должны будутъ разстаться со мной. Ужасно я сживчивъ, тотчасъ срастусь съ тѣмъ, чѣмъ окружатъ меня, и съ болью потомъ отрываюсь отъ этого. Живите Н. Д. живите счастливѣе и дольше! Когда мы увидимся, тогда вновь познакомимся, и можетъ быть еще много счастливыхъ дней

будетъ на каждомъ изъ насъ. Я въ какомъ-то ожиданіи чего-то; я, какъ будто, все еще боленъ теперь, и кажется мнѣ что со мной въ скоромъ, очень скоромъ времени, должно случиться что нибудь рѣшительное, что я приближаюсь къ кризису всей моей жизни, что я какъ-будто созрѣлъ для чего-то, и что будетъ что-нибудь, можетъ-быть тихое и ясное, можетъ-быть грозное, но во всякомъ случаѣ неизбѣжное. Иначе жизнь моя будетъ жизнь манкированная. А можетъ быть это все больныя бредни мои! Прощайте, прощайте, Н. Д. или лучше сказать до свиданія, будемъ вѣрить, что до свиданія!

Вашъ Д.

Приписано сбоку на послѣдней страницѣ:

„Ради Господа Бога, простите меня за то, что я пишу вамъ такія неопрятныя и перемаранныя письма! Но ей-Богу не могу не перечеркивать. Не сердитесь-же пожалуйста“.

Примѣчаніе редакціи. Приведенное письмо Ѳ. М. Достоевскаго получено отъ г. Черногубова, который нашелъ его въ случайно доставшихся ему бумагахъ, принадлежавшихъ декабристу М. А. Фонъ-Визину. Письмо писано на синеватой почтовой бумагѣ, формата in 4^0, перегнутой вчетверо для вложенія въ конвертъ. Оно занимаетъ четыре страницы листа и имѣетъ на послѣдней страницѣ еще приписку (въ двѣ строки) сбоку. Писано довольно убористо, почеркомъ болѣе мелкимъ, чѣмъ какой замѣчается въ опубликованныхъ автографахъ Достоевскаго, можетъ быть потому, что въ данномъ случаѣ имѣлось въ виду выгадать болѣе мѣста. При ближайшемъ сличеніи манеры письма и способа изображенія отдѣльныхъ буквъ почеркъ оказывается однако сходнымъ. Письмо напечатано нами въ точной копіи, съ сохраненіемъ подлиннаго правописанія и знаковъ препинанія, а также съ указаніемъ зачеркнутыхъ (полныхъ) словъ. Подпись въ концѣ письма представляетъ только букву Д, съ слѣдующей за ней *о*, а далѣе идетъ довольно сложный росчеркъ. Повидимому, авторъ имѣлъ опасенія подписаться явственно (какъ это онъ дѣлалъ послѣ), въ виду его тогдашняго положенія, какъ арестанта.

Письмо писано къ особѣ женскаго пола, Н. Д., и такъ какъ оно найдено въ бумагахъ, оставшихся послѣ декабриста Фонъ-Визина, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно писано къ женѣ послѣдняго, Натальѣ Дмитріевнѣ Фонъ-Визиной. На это указываютъ и другія подробности письма, напримѣръ относительно религіозности Н. Д., ея пребыванія въ Марьинѣ (подъ Москвой,—имѣнье Фонъ-Визина) и т. д.

Даты на письмѣ нѣтъ, но такъ какъ въ немъ говорится о безъ

малаго пяти годахъ пребыванія подъ конвоемъ и о назначеніи въ 7-ой батальонъ, въ Семипалатинскъ, то приблизительную дату опредѣлить не трудно. Достоевскій былъ арестованъ 23 Апрѣля 1849 и пробылъ затѣмъ восемь мѣсяцевъ въ крѣпости и четыре года въ каторжныхъ работахъ, т. е. по январь 1854 г. Это подтверждается его письмомъ къ брату, Андрею Михайловичу, отъ 6-го ноября 1854 года, въ которомъ онъ писалъ: „Вотъ уже скоро 10 мѣсяцевъ, какъ я вышелъ изъ каторги и началъ мою новую жизнь". Вскорѣ по окончаніи срока каторги, Ѳ. М. былъ зачисленъ рядовымъ въ сибирскій линейный № 7 баталіонъ, именно, какъ было означено въ его билетѣ,—1854 года. марта 2-го. Въ концѣ того же марта онъ уже былъ въ Семипалатинскѣ, какъ это видно изъ его письма къ брату Михаилу Михайловичу, отъ 30 іюля 1854 г., въ которомъ онъ сообщаетъ, между прочимъ: „Пріѣхалъ я сюда въ мартѣ мѣсяцѣ". Такимъ образомъ, письмо къ Н. Д. Фонъ-Визиной могло быть написано только въ началѣ марта 1854 г.

Н. Д. Фонъ-Визина, урожденная Апухтина, смолоду отличалась красотою и религіозностью. Будучи 14 лѣтъ, она, переодѣвшись крестьянскимъ мальчикомъ, бѣжала разъ ночью изъ дому и поступила послушникомъ въ мужской монастырь, подъ именемъ Назарія. Её, разумѣется, вернули, и вскорѣ послѣ того выдали за мужъ за ея двоюроднаго дядю, Михаила Александровича Фонъ-Визина, человѣка состоятельнаго, бывшаго потомъ командиромъ Егерскаго полка, и затѣмъ генераломъ. Какъ членъ тайнаго общества, М. А. былъ судимъ, вмѣстѣ съ прочими декабристами, и сосланъ на каторгу, въ Читу. Черезъ годъ къ нему пріѣхала и Н. Д., оставивъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей у брата мужа, Ивана Александровича Фонъ-Визина. Въ 1838 г. Фонъ-Визины были переведены въ Тобольскъ, гдѣ жили въ то время и другіе декабристы. По ходатайству родственниковъ, въ 1835 г. Фонъ-Визинамъ было разрѣшено вернуться въ Россію и жить въ ихъ подмосковномъ, Марьинѣ, около Бронницъ, гдѣ М. А. скоро умеръ, а Н. Д. вышла затѣмъ вторично за мужъ за декабриста И. И. Пущина и снова овдовѣла въ 1859 году.—По своему уму, добротѣ, энергіи и религіозности Н. Д. пользовалась большимъ уваженіемъ среди декабристовъ, съ многими изъ которыхъ она находилась въ сношеніяхъ и перепискѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это была экзальтированная натура, наклонная къ мистицизму, вѣрившая въ „магнетическія сношенія", имѣвшая „видѣнія", принимавшая на свое попеченіе „души, посвященныя Богу" (между прочимъ, одного діакона и одного священника, съ которыми вела переписку на *ты*) и вызвавшая даже подозрѣніе у мѣстныхъ властей въ основаніи особой секты, причемъ её сравнивали то съ Татариновой, то съ мадамъ Крюденеръ.

Достоевскій познакомился съ Натальей Дмитріевной въ началѣ

1850 г., въ Тобольскѣ, когда онъ находился съ товарищами въ острогѣ, на пересыльномъ дворѣ. По его словамъ (въ „Дневникѣ Писателя", 1873 г.): „жены декабристовъ умолили смотрителя острога и устроили въ квартирѣ его тайное свиданіе съ нами.... Свиданіе продолжалось часъ. Онѣ благословили насъ въ новый путь, перекрестили и каждаго одарили евангеліемъ—единственная книга, позволенная въ острогѣ". Достоевскій не назвалъ фамилій этихъ женщинъ, но, по словамъ его товарища по несчастію, П. Л. Ястржембскаго, это были: Муравьева, Анненкова съ дочерью и Фонъ-Визина, причемъ онѣ доставили „каторжникамъ" не только евангеліе, но также—изысканный обѣдъ съ винами. Прибывъ въ Омскъ, Ѳ. М., какъ каторжникъ, сталъ какъ-бы отрѣзаннымъ отъ міра или, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, за-живо похороненнымъ и закрытымъ въ гробу, не имѣя ни отъ кого ни вѣсточки. Судя по „Запискамъ изъ Мертваго Дома", переписка Ѳ. М. возобновилась только къ концу каторги, но объ этой перепискѣ извѣстно очень мало, и опубликованныя письма къ братьямъ, напримѣръ, начинаются только съ лѣта 1854 года, т.-е. когда Достоевскій былъ уже въ Семипалатинскѣ. Но что онъ находился въ перепискѣ и ранѣе, явствуетъ изъ помѣщеннаго нами письма, въ которомъ упоминается и о предшествовавшихъ письмахъ, писанныхъ имъ Н. Д. и полученныхъ отъ нея. Возможно однако, что онъ переписывался въ это время только съ Н. Д.; даже о братѣ своемъ онъ отзывается въ письмѣ, что не знаетъ его адреса, и что только надѣется завязать съ нимъ переписку. Такимъ образомъ, Н. Д. является лицомъ, которое сносилось съ Достоевскимъ въ то тяжелое время, когда онъ былъ отрѣзанъ и отъ родныхъ, и отъ знакомыхъ, и притомъ писала ему такія письма, которыя Д. называетъ „превосходными", „идущими прямо отъ сердца", и которыя—признается онъ—доставляли ему высокое удовольствіе, наполняли сердце его радостью. Съ другой стороны, сношенія Достоевскаго съ Фонъ-Визиной не прекратились и послѣ оставленія послѣднею Сибири, какъ то доказываетъ помѣщенное нами письмо, служащее отвѣтомъ на увѣдомленіе Н. Д. объ ея прибытіи въ Марьино и объ испытанныхъ ею при этомъ впечатлѣніяхъ. Но продолжалась ли эта переписка послѣ переселенія Достоевскаго въ Семипалатинскъ, когда Ѳ. М. завелъ сношенія съ братьями и другими петербургскими и сибирскими знакомыми, остается неизвѣстнымъ. Возможно, что съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ положенія и послѣдующимъ развитіемъ литературной дѣятельности Достоевскаго, знакомство съ Фонъ-Визиной утратило для него прежнее значеніе, если не прекратилось совершенно.

Содержаніе помѣщеннаго нами письма интересно въ томъ отношеніи, что это, повидимому, одно изъ самыхъ искреннихъ и значительныхъ писемъ Достоевскаго, того періода. Нѣкоторыя частности его подтверждаются (хотя и съ меньшею выразительностью) послѣдующими

письмами къ братьямъ, какъ напримѣръ о перенесенныхъ, за время каторги, страданіяхъ, о мученіи всегда быть подъ конвоемъ безъ возможности уединиться и т. д., но есть и такія откровенныя признанія, которыя являются новыми и существенно интересными для пониманія психологіи Достоевскаго, какъ напримѣръ о „добрыхъ людяхъ“, которымъ онъ былъ обязанъ своими страданіями, о минутахъ ненависти ко всѣмъ встрѣчнымъ, о борьбѣ между сомнѣніемъ и вѣрой, о способности сживаться съ людьми, о предчувствіи грядущаго кризиса въ жизни и т. д.

ВДАЛИ ОТЪ БЕРЕГОВЪ.

(Картинки морской жизни).

Посвящается Манѣ.

I.

Порто-Гранде, довольно скверный португальскій городокъ и складочная угольная станція, находится на С. Винцентѣ, одномъ изъ группы оголенныхъ, скалистыхъ острововъ Зеленаго Мыса, которые лежатъ въ области пассата, на большомъ морскомъ трактѣ судовъ, идущихъ изъ Европы въ Бразилію и Аргентину, на мысъ Доброй Надежды и въ Австралію. Прежде, до постройки Суэзскаго канала, Порто-Гранде служилъ перепутьемъ и для кораблей, ходившихъ въ Индію, Китай и Японію.

Вотъ этотъ-то маленькій городокъ, пріютившійся на пескѣ у подножія голыхъ горъ, въ глубинѣ бухты, и сверкавшій подъ лучами палящаго тропическаго солнца своими бѣлыми, напоминающими хохлацкія мазанки, домишками,—городокъ, населенный неграми-христіанами да нѣсколькими десятками разноплеменныхъ европейцевъ, отечество которыхъ тамъ, гдѣ нажива,—былъ нашей послѣдней стоянкой передъ длиннымъ и долгимъ переходомъ въ нѣсколько тысячъ миль.

Мы пополнили нашъ восьмидневный запасъ угля, налили цистерны привезенной съ сосѣдняго острова водой (порто-грандская была скверная), чтобъ по возможности меньше пить въ плаваніи опрѣсненной океанской воды, очень безвкусной, и набрали всякой живности столько, сколько возможно было взять, не загромождая очень палубы.

Наканунѣ ухода, палуба нашего щегольскаго клипера, къ ужасу старшаго офицера, представляла собою необычный видъ, нѣсколько напоминавшій деревню, и сильно оскорблявшій его „морской глазъ“.

Пять рослыхъ крупныхъ быковъ, только что поднятыхъ на таляхъ *), одинъ за другимъ, съ качавшейся у борта шаланды, и водворенныхъ въ стойлѣ, устроенномъ на бакѣ, очевидно, еще не успѣли придти въ себя послѣ воздушнаго подъема и продолжали выражать свое неудовольствіе безпокойнымъ мычаніемъ, не смотря на ласковыя шутки и подачки матросовъ, которые уже успѣли дать клички всѣмъ пяти животнымъ. Тутъ-же, въ загородкѣ, топтались бараны, безпечно пощипывая припасенную для нихъ траву. Немного подальше, въ сооруженномъ нашимъ старикомъ-плотникомъ ящикѣ-хлѣвѣ, хрюкали свиньи, а въ большихъ, принайтовленныхъ у ростръ, клѣткахъ гоготали, крякали и кудахтали гуси, утки и куры. Повсюду были развѣшаны овощи, зелень и связки недозрѣлыхъ банановъ, около которыхъ вертѣлась „Сонька“, маленькая забавная мартышка, купленная на Мадерѣ однимъ изъ мичмановъ, и съ перваго-же дня сдѣлавшаяся любимицей матросовъ.

Этотъ деревенскій видъ клипера возмущалъ старшаго офицера. Онъ хмурилъ брови, ворчалъ, что „загадили“ судно, и приказывалъ боцману смотрѣть, чтобы чаще вычищали палубу и чтобы вездѣ были подстилки.

Всѣ остальные офицеры, не чувствовавшіе ни малѣйшаго желанія, ради военно-морскаго великолѣпія клипера, пробавляться на длинномъ переходѣ одними консервами да солониной, напротивъ, оглядывали палубу веселыми взглядами. Да и самъ старшій офицеръ, въ качествѣ обязательнаго ревнителя умопомрачающей чистоты, кажется, больше кокетничалъ, преувеличивая свое негодованіе, тѣмъ болѣе, что и онъ любилъ-таки покушать.

Но за то какое удовольствіе испытывали матросы! Присутствіе скотины и птицы, напомнивши здѣсь, далеко отъ родины, деревенскую обстановку и запахъ роднаго гнѣзда, дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ. Почти въ каждомъ матросѣ, не смотря даже на долгую службу, пробуждается мужикъ, не забывшій деревни и чувствующій надъ собой власть земли. Четыре матроса, назначенные ходить, по выраженію боцмана, за „пассажирами“, съ видимой, чисто-крестьянской любовью принялись за это дѣло, которое было гораздо ближе ихъ душѣ, чѣмъ чуждая русскому крестьянину морская служба.

И на бакѣ, среди матросовъ, говоръ, шутки и смѣхъ.

— А ты не ори, Васька! Нельзя, братъ.... военное судно!—смѣется матросъ, подавая бѣлому, съ темными мѣтинами, быку размоченный въ водѣ черный сухарь.

---

*) Тали—веревки значительной толщины.

Испуганное животное продолжаетъ мычать въ унисонъ съ другими.

— Чернаго хлѣбушка-то у васъ и званія нѣтъ... А ты попробуй, скусно! Нечего горло драть...

— Тоже скотина, а, не бойсь, понимаетъ, зачѣмъ его къ намъ привезли!—замѣчаетъ кто-то.

— Чуетъ, что на убой!

— То-то онъ и кричитъ. По мѣсту по своему родному тоскуетъ!—увѣренно произнесъ, выдвигаясь изъ толпы къ стойлу, низенькій, рябоватый матросъ, недавній вологодскій мужикъ.

— Въ окіянъ, Арапка, пойдемъ!—шутитъ подбѣжавшій вѣстовой, обращаясь къ черному, самому большому быку.—Поди, укачаетъ?

— Привыкнетъ.

— А и здоровые же, братцы, быки!—восторженно продолжаетъ рябоватый матросъ-вологжанинъ.—Арапку бы въ соху. Важный работникъ!—прибавляетъ онъ, любуясь своимъ знающимъ мужицкимъ глазомъ красивымъ животнымъ, которое мрачно озирало незнакомыхъ людей и, по временамъ, яростно помавало головой съ большими загнутыми рогами, снова негодуя на веревку, которая держала его на привязи.

— Сердитый... Смотри, братцы, пырнетъ!—смѣются матросы.

У баковаго орудія, среди небольшой кучки матросовъ, стоитъ матросскій любимецъ и гость, порто-грандскій негръ Паоло. Онъ улыбается, скаля зубы ослѣпительной бѣлизны, и что-то говоритъ, коверкая англійскія слова въ перемежку съ португальскими и ласково глядя своими большими, черными на выкатѣ, глазами. Паоло пріѣхалъ изъ города на утлой лодченкѣ, чтобы проститься и еще разъ поблагодарить своихъ, нежданно обрѣтенныхъ друзей за любовь, ласку и гостепріимство. Десятокъ апельсиновъ и связка банановъ были его прощальнымъ гостинцемъ.

Этотъ Паоло, юноша лѣтъ семнадцати, съ необыкновенно кроткимъ выраженіемъ чернаго лоснящагося лица, въ день нашего прихода въ Порто-Гранде явился на клиперъ въ самыхъ невозможныхъ лохмотьяхъ и вмѣстѣ съ другими любопытными неграми любовался щегольскимъ убранствомъ клипера, восхищаясь ярко-сверкавшею на солнцѣ мѣдью, орудіями, машиной. Онъ съ перваго-же раза понравился матросамъ своимъ добродушнымъ видомъ и дѣтски-кроткой улыбкой и возбудилъ къ себѣ участіе своимъ тряпьемъ. Матросы порѣшили, что „Павла“ горемычный бѣднякъ

(онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ такимъ), и, когда просвистали обѣдать, одна изъ артелей очистила ему мѣсто у бака съ жирными матросскими щами. Его пригласили знаками сѣсть въ артель, дали ему ложку и кто-то сказалъ:

— Маширъ, братъ!

Удивленный этимъ приглашеніемъ, негръ сперва стѣснялся, но вскорѣ сталъ вмѣстѣ съ матросами хлебать щи изъ бака съ видимымъ наслажденіемъ проголодавшагося человѣка. Когда щи были опростаны и принялись за мясное крошево, негръ опять. было, постѣснился ѣсть, и матросы снова его заставили и весело глядѣли, какъ онъ уписывалъ за обѣ щеки и мясо, а затѣмъ и кашу.

— Ѣшь, Павла, на здоровье. Ѣшь, съ Богомъ!—любезно приговаривали матросы, угощая гостя. Харчъ, братецъ, бонъ. Понимаешь? Гутъ...

— Не бойсь, понялъ... Ишь ухмыляется, черномазый... сытъ! То же, братцы, и здѣсь бѣднота у нихъ.

— Хлѣбушка не родится... Камень!

— И жрутъ же они, сказываютъ, всякую нечисть... Ни крысой, ни собачиной—ничѣмъ не брезгуютъ... Одно слово: арапы!

— А будутъ какіе: нехристи? — полюбопытствовалъ молодой матросикъ.

— Хрещеные... Польской вѣры.

— Ишь ты!—почему то удивился матросикъ.

Послѣ обѣда одинъ изъ матросовъ принесъ старенькую рубашку и далъ ее негру. Примѣръ подѣйствовалъ заразительно, и скоро Паоло надарили цѣлый гардеробъ. Одинъ отдалъ штаны, другой портянки, третій старые, выслужившіе уже срокъ башмаки, четвертый—еще рубаху...

Паоло совсѣмъ ошалѣлъ.

— Бери, Павла! Одѣнься, братъ... Твоя одёжа... того!—смѣялись матросы.

Надо было видѣть радость молодого негра, когда онъ раздѣлся и, бросивъ свое отчаянное тряпье за бортъ, одѣлъ ситцевую рубашку, штаны, башмаки и старую матросскую фуражку и взглянулъ на себя въ зеркальце, принесенное кѣмъ то изъ матросовъ. Онъ чуть не прыгалъ отъ восторга и выражалъ свою благодарность и словами, и краснорѣчивыми пантомимами.

— Не за что, не за что, Павла!—ласково говорили матросы и, улыбаясь, хлопали негра по спинѣ.

— Одѣли дьявола?..—проговорилъ, останавливаясь на ходу, старый боцманъ.—Не бойсь, радъ, чортова рожа.

Лицо боцмана на видъ сурово; негръ труситъ и, словно виноватый, показываетъ на матросовъ: „дескать это они подарили“.

— Бери, идолъ!—продолжаетъ боцманъ и, въ свою очередь, кладетъ ему на ладонь махорки. Покури россійскаго табачку!

Съ этого дня Паоло каждое утро являлся на клиперъ и проводилъ на немъ цѣлые дни; его всегда звали обѣдать, поили чаемъ, и вечеромъ онъ уѣзжалъ, увозя съ собой сухари, которыми надѣляли его матросы. Онъ плелъ имъ корзины изъ какой то травы, примостившись у боковой пушки, помогалъ грузить уголь и послѣ обѣда, отдохнувъ вмѣстѣ съ командой часъ, другой, плясалъ и пѣлъ свои пѣсни, монотонныя и заунывныя, напоминающія наши,—однимъ словомъ, старался какъ нибудь да отблагодарить за ласку и гостепріимство. И въ теченіе пятидневной нашей стоянки въ Порто-Гранде матросы такъ привыкли къ Паоло, что очень удивились, не видя его на клиперѣ наканунѣ ухода. Нѣкоторые даже подумали: „не стянулъ ли негръ чего-нибудь“?

— Вотъ онъ, Павла, ѣдетъ!—весело крикнулъ кто-то, увидавъ подъ вечеръ лодченку негра.—Ишь... гостинецъ везетъ!

Противъ обыкновенія, Паоло пробылъ на клиперѣ часъ и сталъ собираться. Передъ этимъ онъ быстро и оживленно что то говорилъ на своемъ гортанномъ языкѣ и съ тревожнымъ видомъ указывалъ рукой на берегъ.

— Домой, Павла, торопишься? Цу хаусъ?—спрашиваетъ марсовой Ивановъ, видимо очень довольный, что умѣетъ говорить „по ихнему“.

— Падре... падре... Но гудъ... торопливо поясняетъ Паоло.

— Не ладно что-то у Павлы, видно, дома .. А какая такая „падра“?.. Пойми, что онъ лопочетъ?

Подошедшій фельдшеръ, пользовавшійся у матросовъ репутаціей человѣка, умѣющаго говорить „по всякому“, и дѣйствительно знавшій нѣсколько десятковъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ словъ, которыми дѣйствовалъ съ увѣренностью и необычайной отвагой, послѣ объясненія съ негромъ и, повидимому, не вполнѣ яснаго для обоихъ,—авторитетно говоритъ:

— Отецъ у него заболѣлъ. Лежитъ, въ лихорадкѣ!—прибавляетъ уже онъ свое собственное соображеніе и уходитъ.

— Вотъ оно что. То-то Павла не пріѣзжалъ!

Между тѣмъ Паоло снова горячо заговорилъ на своемъ языкѣ и, прикладывая руку къ сердцу, показывалъ другой на свое платье.

Его большіе черные глаза были влажны отъ слезъ.

— Благодаритъ, значитъ...

— Ну прощай, Павла!

— Дай тебѣ Богъ!

— Будь здоровъ, Павла!

И матросы привѣтно жали ему руку.

Паоло обошелъ чуть-ли не всѣхъ, бывшихъ на верху, матросовъ, прощался, что-то говорилъ, видимо взволнованный, и, быстро спустившись по черному трапу къ своей шлюбченкѣ, отвязалъ ее, прыгнулъ, поставилъ опытной, привычной рукой парусокъ и понесся къ городу.

— Адью, адью, Павла!—кричали ему съ бака.

„Павла“ часто кивалъ своей черной, какъ смоль, курчавой головой и махалъ шапкой, подаренной матросами.

— Душевный парень!—произнесъ кто то.

И всѣ хвалили „Павлу“ и смотрѣли, какъ маленькая его лодченка, совсѣмъ накренившись, быстро удалялась отъ клипера, ныряя на океанской зыби.

Раннимъ, чуднымъ утромъ слѣдующаго дня, когда солнце только что выплыло надъ горизонтомъ, заливая его ослѣпительнымъ блескомъ золотистаго огня, мы снялись съ якоря и, поставивъ всѣ паруса, съ мягкимъ, вѣявшимъ прохладой, пассатомъ вышли изъ Порто-Грандской бухты на широкій просторъ океана, чтобъ идти въ долгое плаваніе: прямо въ Зондскій проливъ, на островъ Яву, не заходя ни въ Ріо-Жанейро, ни на мысъ Доброй Надежды, если только на клиперѣ будетъ все благополучно.

Черезъ нѣсколько времени островъ С. Винцентъ окутался туманной дымкой, затѣмъ обратился въ сѣрое безформенное пятно и, наконецъ, совсѣмъ скрылся отъ нашихъ глазъ, и съ тѣхъ поръ ужь долго, долго не пришлось намъ видѣть „берега“.

II.

Послѣ чуднаго плаванія въ тропикахъ съ благодатнымъ сѣверовосточнымъ пассатомъ, который несъ клиперъ подъ всѣми парусами узловъ по семи, восьми въ часъ, мы встрѣтили у экватора проливные тропическіе дожди и пробѣжали штилевую экваторіальную полосу, страшную для парусныхъ судовъ,—подъ парами.

Переходъ черезъ экваторъ былъ отпразднованъ, согласно старинному морскому обычаю, традиціоннымъ обливаніемъ тѣхъ, кто въ первый разъ попадалъ въ нолевую широту. Облиты были, впрочемъ, только матросы за исключеніемъ десяти человѣкъ, уже ходившихъ въ „кругосвѣтку“ и, такъ сказать, „крещеныхъ“. Капитанъ и офицеры откупились отъ удовольствія быть окаченными широкой струей пожарнаго бранспойта бочкой рома, потребованной для всей команды старикомъ Нептуномъ.

Въ вывороченномъ тулупѣ, съ длинной сѣдой бородой изъ бѣлой пакли, съ картонной короной на головѣ и съ трезубцемъ въ рукѣ, владыко морей, въ лицѣ бойкаго матроса изъ кантонистовъ и лучшаго на клиперѣ „царя Максимиліана“, важно возсѣдалъ на пушечномъ станкѣ, представлявшемъ колесницу, везомый четырьми, испачканными черной краской, матросами. Предполагалось, что это морскіе кони. Нѣсколько полуголыхъ матросовъ, раскрашенныхъ сурикомъ и охрой, съ бумажными вѣнками на головахъ и въ туникахъ изъ простынь, составлявшихъ свиту, изображали собой, вѣроятно, наядъ, тритоновъ и нереидъ, а одинъ матросъ, загримированный бабой,—надо полагать, намекалъ на Амфитриду.

Колесница съ бака подъѣхала на шканцы и остановилась противъ мостика, на которомъ стояли капитанъ и офицеры. Тогда Нептунъ сошелъ съ пушечнаго станка, театрально отставилъ впередъ босую ногу и, стукнувъ трезубцемъ, спросилъ:

— Какой державы вы люди? Откуда и куда идете и много-ли васъ на суднѣ офицеровъ и команды?

Капитанъ отвѣчалъ:

— Мы русской державы люди. Идемъ изъ Кронштадта на дальній Востокъ. Насъ восемнадцать офицеровъ и сто шестьдесятъ человѣкъ команды.

Нептунъ нѣсколько трусилъ играть свою роль передъ такими зрителями его сценическаго искусства. Это вѣдь не то, что представлять на бакѣ передъ своей публикой. И онъ продолжалъ скороговоркой, словно-бы стараясь поскорѣй отвѣтить вытверженный урокъ:

— Россійскіе, значитъ, люди. Наслышаны и мы о нихъ въ подводномъ нашемъ царствѣ и готовы имъ помочь. Угодно-ли вамъ, господинъ капитанъ россійскаго корабля, попутныхъ вѣтровъ? Отвѣтствуйте!

Разумѣется, капитанъ пожелалъ попутныхъ вѣтровъ.

Тогда Нептунъ предложилъ на выборъ: крещеніе водой или выкупъ бочкой рома.

— Какъ будетъ угодно,—прибавилъ онъ.

— Развѣ Нептунъ пьетъ?—спросилъ, улыбаясь, капитанъ.

Эта реплика не входила въ программу представленія. Актеръ на мгновеніе опѣшилъ и, забывъ свое достоинство владыки морей, по-матросски отвѣчалъ:

— Точно такъ, вашескобродіе! Выпиваетъ по малости!

Сдѣлка состоялась къ полному удовольствію и актеровъ, и зрителей. И Нептунъ, снова входя въ роль, произнесъ:

— Жалую васъ, славные россійскіе люди, попутнымъ вѣтромъ и благополучнымъ плаваніемъ. Быть по сему. Ура!

Крикъ этотъ былъ подхваченъ всей командой.

И, вновь ударивъ трезубцемъ по палубѣ, Нептунъ сѣлъ на колесницу. Процессія отправилась на бакъ. Затѣмъ, при общемъ смѣхѣ, началось окачиваніе изъ бранспойта, послѣ чего вынесена была ендова рома, и всѣ матросы получили, за счетъ капитана, по чаркѣ.

Вечеромъ, когда спалъ томительный зной, и далекая высь почернѣвшаго бархатнаго неба зажглась миріадами яркихъ звѣздъ, запѣлъ хоръ пѣсенниковъ. И пѣсни, то заунывныя, то веселыя, разносились среди штилѣвшаго океана, который лѣниво шевелился своей громадной зыбью, раскачивая клиперъ.

Дня черезъ два послѣ перехода черезъ экваторъ, мы встрѣтили юго-восточный пассатъ, поставили паруса, прошли южные тропики и спускались все ниже и ниже къ югу, чтобы воспользоваться господствующимъ въ южныхъ широтахъ вѣтромъ и съ этимъ „попутнякомъ“ подняться въ индѣйскій океанъ.

Пришлось сказать „прости“ безмятежному плаванію въ тропикахъ атлантическаго океана, снять лѣтнее платье и облачиться въ сукно. Относительная близость южнаго полюса давала себя знать холоднымъ рѣзкимъ вѣтромъ и изрѣдка встрѣчавшимися льдинами. Снова начались безпокойныя вахты, снова приходилось быть всегда „на чеку“. Часто налетали грозные шквалы, вѣтеръ свѣжѣлъ до степени шторма, и громадные валы разбивались о бока нашего маленькаго клипера, разсыпаясь серебристой пылью своихъ сѣдыхъ верхушекъ.

Наконецъ мы вошли въ индѣйскій океанъ.

Вступили мы въ этотъ грозный океанъ урагановъ, наводящій трепетъ на самыхъ закаленныхъ и посѣдѣвшихъ въ морѣ моряковъ и поглощающій самое большее количество жертвъ, не безъ нѣкоторой торжественности. Суевѣрные моряки-купцы, вступая въ этотъ коварный океанъ, бросаютъ, какъ говорятъ, золотыя монеты для его умилостивленія, а мы отслужили молебенъ.

Изнывавшій отъ бездѣлья и большую часть времени спавшій въ своей маленькой душной каюткѣ, отецъ Дамаскинъ, іеромонахъ съ Коневскаго монастыря, облачился въ епитрахиль, и въ палубѣ, передъ образомъ, едва стоя на ногахъ вслѣдствіе изрядной качки, стремительно бросавшей клиперъ,—блѣдный, съ вспухшимъ отъ спанья лицомъ, торопливо молилъ Создателя о благополучномъ плаваніи.

Въ палубѣ плотной стѣной стояли матросы, не бывшіе на вахтѣ, разставивъ врозь свои крѣпкія цѣпкія ноги и балансируя на нихъ. Распоряженіе капитана о молебнѣ, видимо, отвѣчало ихъ душевной потребности. Лица ихъ были сосредоточены и се-

ріозны. Засмоленныя, жилистыя и мозольныя руки то и дѣло подымались и, складываясь въ персты, осѣняли себя истовымъ крестнымъ знаменіемъ.

А изъ-за приподнятаго машиннаго люка слышно было, какъ на верху „ревѣло“. Индѣйскій океанъ съ перваго же дня встрѣтилъ насъ не любезно: очень свѣжимъ порывистымъ вѣтромъ, который развелъ большое волненіе.

Молебенъ оконченъ. Матросы благоговѣйно подходили къ кресту и отходили съ видомъ удовлетворенія. Образной *) помогъ батюшкѣ снять облаченіе, погасилъ лампаду и убралъ евангеліе и крестъ. Всѣ разошлись и принялись за свои обычныя дѣла, а отецъ Дамаскинъ опять скрылся въ свою каюту.

— Спишь—меньше грѣшишь!—постоянно говорилъ онъ.

— Заболѣете, батя!—пугали его, бывало, мичмана.

— Все въ руцѣ Божіей! — неизмѣнно отвѣчалъ своимъ низкимъ баскомъ о. Дамаскинъ.

— Такъ-то такъ, а все провѣтриваться надо. Спросите-ка у доктора.

— Пустое!—упорствовалъ батюшка и, не зная, что съ собой дѣлать, заваливался спать, выползая изъ своей каюты и появляясь въ каютъ-компаніи только во время чая, обѣда и ужина.

Въ каютъ-компаніи батюшка постоянно молчалъ. Изрѣдка лишь, послѣ усиленнаго угощенія мичмановъ, онъ оживлялся и разсказывалъ пикантныя иногда подробности о своей монастырской жизни.

Отчаянная скука одолѣвала бѣднаго о. Дамаскина. Мѣщанинъ по происхожденію, выучившійся грамотѣ въ кельѣ монастыря, онъ, разумѣется, не читалъ „свѣтскихъ“ книгъ, бывшихъ у насъ въ библіотекѣ, и ни въ одномъ изъ посѣщенныхъ нами портовъ не съѣзжалъ на берегъ, находя, что и „не любопытно“ и что въ портахъ одинъ лишь „соблазнъ дьявола“. Красоты тропической природы—да, повидимому, и всякой—были ему чужды, и лучшимъ мѣстомъ на свѣтѣ онъ считалъ свой Коневецъ. Тамъ онъ „жилъ“. Тамъ, по его словамъ, онъ трудился, занимаясь огородами, а здѣсь онъ тосковалъ, среди чуждой обстановки, безъ всякаго дѣла. Онъ былъ охотникъ выпить, но въ обществѣ офицеровъ стѣснялся и рѣдко-рѣдко сдавался на предложеніе чокнуться стаканомъ краснаго вина, но, кажется, изрядно „заливалъ“ у себя, по фельдфебельски, въ каютѣ *).

---

*) Образной—матросъ, завѣдующій образомъ и исполняющій обязанности дьячка.

*) Такіе монахи на судахъ бывали въ прежнія, отдаленныя времена. Теперь, говорятъ, на суда дальняго плаванія назначаются образованные монахи, изъ кончившихъ духовную академію.

III.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ мы ушли изъ Порто-Гранде и плывемъ, ни разу не видавши даже издали береговъ, а плыть еще далеко! Не менѣе трехъ недѣль, если только не будетъ никакихъ непріятныхъ случайностей (вродѣ противныхъ вѣтровъ или штормовъ), столь обычныхъ на морѣ. Еще не скоро увидимъ мы берегъ, всѣми столь желанный берегъ!

И за все это время ничего кромѣ неба да океана, то нѣжныхъ и ласковыхъ, то мрачныхъ и грозныхъ, которые составляютъ одинъ и тотъ же фонъ картины, окаймленной со всѣхъ сторонъ далекимъ горизонтомъ. Подчасъ чувствуется гнетущее одиночество среди этой пустоты океана. Изрѣдка лишь увидишь на широкой водяной дорогѣ бѣлѣющій парусъ встрѣчнаго или попутнаго судна, мимо пронесется „купецъ“, поднявъ при встрѣчѣ свой флагъ, и снова пусто кругомъ. Только высоко рѣютъ въ воздухѣ вѣстники далекой земли: альбатросы и глупыши, да порой низко летаютъ надъ волнами, словно скользя по нимъ, маленькія штормовки, предсказывающія, по словамъ моряковъ, бурю.

Въ центрѣ видимаго горизонта несется по индѣйскому океану нашъ стройный, трехмачтовый клиперъ „Отважный“ подъ гротомъ, фокомъ *) и марселями **) въ два рифа, узловъ по десяти, по одиннадцати въ часъ, легко убѣгая отъ попутной волны. Слегка накренившись, покачиваясь и вздрагивая отъ быстраго хода, онъ легко и свободно вскакиваетъ на волну, разрѣзая ея сѣдую верхушку своимъ острымъ носомъ. Брызги воды попадаютъ на бакъ, обдавая водяной пылью двухъ, одѣтыхъ въ кожаны, съ зюйдвестками на головахъ, матросовъ, которые смотрятъ впередъ, обязанные тотчасъ же крикнуть, если что-либо замѣтятъ. Вѣтеръ ихъ продуваетъ, и вода пробирается за спины. Они добросовѣстно смотрятъ впередъ и, нетерпѣливо ожидая смѣны, перекидываются разговоромъ насчетъ проклятой службы.

Съ высоты бирюзоваго неба, по которому бѣгутъ перистыя облака, смотритъ яркое солнце, прячется по временамъ за узорчатыя, бѣлоснѣжныя тучки и снова показывается, заливая блескомъ холмистую водяную поверхность. Барометръ стоитъ хорошо, и капитанъ рѣже выходитъ на верхъ. Вѣтеръ дуетъ ровный и свѣжій, и радуетъ моряковъ. Суточное плаваніе, значитъ, будетъ хорошее и подвинетъ насъ впередъ миль на 250.

---

*) Нижніе паруса.

**) Верхніе паруса.

Тридцать пять дней въ морѣ! Это начинаетъ уже надоѣдать русскимъ людямъ, не привыкшимъ къ морю и сдѣлавшимся моряками только потому, что малы ростомъ *). Среди матросовъ замѣтно нетерпѣніе. Всѣмъ очертѣлъ длинный переходъ и хочется, какъ моряки говорятъ, „освѣжиться“ — выпить и вообще погулять на берегу. И они все чаще и чаще справляются: долго ли еще идти. Дни тянутся теперь съ томительнымъ однообразіемъ безпокойныхъ вахтъ, уборки судна и не всегда покойнаго отдыха. Того и жди, что въ палубу, словно полуумный, сбѣжитъ боцманъ и разбудитъ своимъ бѣшенымъ окрикомъ: „Пошелъ всѣ наверхъ, четвертый рифъ брать!“, прибавляя, разумѣется, къ этому призыву артистическую ругань.

Не поется по вечерамъ, какъ прежде, пѣсенъ. Не говорится сказокъ за ночными вахтами и не слышно обычныхъ оживленныхъ разговоровъ на бакѣ. Матросы видимо „заскучили“ и какъ будто апатичнѣе дѣлаютъ свое трудное и опасное матросское дѣло. Боцмана и унтеръ-офицеры отъ скуки словно „озвѣрѣли“: они чаще и съ бо́льшимъ раздраженіемъ ругаются и, не смотря на запретъ капитана, чаще дерутся, придираясь къ пустякамъ.

Берега всѣмъ хочется, берега!

„Пассажировъ“, за которыми съ такой любовью ухаживали матросы, нѣтъ ни одного. Они всѣ съѣдены. Палуба снова своей чистотой и своимъ великолѣпіемъ ласкаетъ взоръ старшаго офицера, но за то въ каютъ-компаніи сидятъ на консервахъ и часто за обѣдомъ ворчатъ на повара. Матросы давно не лакомились „свѣжинкой“. Послѣдняго быка „Ваську“ убили недѣли двѣ тому назадъ, и они ѣдятъ щи изъ консервованнаго мяса, изъ солонины и горохъ.

Всѣхъ, рѣшительно всѣхъ беретъ одурь отъ этого долгаго пребыванія въ морѣ, безъ новыхъ впечатлѣній, въ одномъ и томъ же обществѣ, съ однимъ и тѣмъ же однообразіемъ судовой жизни, и офицеровъ, пожалуй, еще сильнѣй, чѣмъ матросовъ.

Капитанъ, обреченный, ради престижа власти, суровыми правилами дисциплины на постоянное одиночество у себя на кораблѣ, еще болѣе чувствуетъ его тягость на длинномъ переходѣ. На верху онъ говоритъ съ офицерами лишь по службѣ, и только за своимъ обѣдомъ, къ которому обыкновенно, каждый день по очереди, приглашаются два офицера, онъ можетъ забыть, что онъ неограниченный властелинъ судна, и вести не служебные разговоры. Остальное время онъ одинъ, постоянно одинъ.

Обыкновенно спокойный и сдержанный, никогда не прибѣгав-

*) Въ матросы обыкновенно берутъ малорослыхъ людей.

шій къ тѣлеснымъ наказаніямъ и ни разу не осквернившій своихъ рукъ зуботычинами (такіе стыдливые капитаны появились въ шестидесятыхъ годахъ),—онъ сталъ первнѣе и нетерпѣливѣе, и на-дняхъ даже былъ виновникомъ безобразной сцены.

Это случилось во время налетѣвшаго шквала.

Стоявшій на вахтѣ, лейтенантъ Чебыкинъ, высокій, довольно красивый молодой человѣкъ, каррьеристъ, любившій лебезить передъ начальствомъ, злой съ матросами, которыхъ онъ таки частенько билъ, потихоньку отъ товарищей, спрятавшись за мачту, (въ тѣ времена открыто бить стыдились) — только что скомандовалъ: „Марса-фалы отдать!“

Но матросъ, стоявшій у гротъ-марса-фала *), хоть и слышалъ крикливый тенорокъ „пилы“ (такъ звали матросы нелюбимаго офицера), но замѣшкался и не могъ отвязать снасти отъ кнехта. У него, какъ говорятъ моряки, „заѣло“.

Шквалъ, между тѣмъ, приближался.

Капитанъ, стоявшій на мостикѣ, вышелъ изъ себя и крикнулъ:

— На марса-фалѣ! Отдавай!.. Ты, что же?.. Да ударьте этого осла, Николай Петровичъ!

Въ эту минуту марса-фалъ уже былъ отданъ.

Но офицеръ не замедлилъ исполнить въ точности сорвавшееся въ пылу приказаніе. Онъ налетѣлъ на испуганнаго матроса и съ ожесточеніемъ ударилъ его по зубамъ такъ, что полилась кровь, и, сіяющій, возвратился на мостикъ.

Капитанъ уже пришелъ въ себя и бросилъ взглядъ, полный презрѣнія, на своего исполнительнаго подчиненнаго. Видимо взволнованный, онъ спустился къ себѣ въ каюту. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ еще холоднѣе съ Чебыкинымъ и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда мы встрѣтились съ эскадрой, Чебыкина перевели на другое судно.

Въ каютъ-компаніи нѣтъ прежняго оживленія. Всѣ уже успѣли порядочно надоѣсть другъ-другу. Постоянное общеніе съ одними и тѣми же лицами, въ тѣсной общей каютѣ, отравляетъ существованіе. Каждый знаетъ вдоль и поперекъ другого, знаетъ, у кого осталась въ Россіи хорошенькая жена, у кого невѣста, кто за кѣмъ ухаживалъ въ Кронштадтѣ, знаетъ, что старшаго артиллериста, безобиднаго, маленькаго, лысаго человѣчка бьетъ супруга, а у механика жена удерживаетъ все содержаніе, оставляя мужу самые пустяки, знаетъ, кто сколько долженъ портному

*) Снасть, спускающая рею.

Задлеру, еврею, пріѣзжавшему проводить своихъ кредиторовъ въ день ухода клипера въ плаванье, кто копитъ деньги и потихоньку у себя въ каютѣ ѣстъ—чтобъ не угощать другихъ—сыръ и пьетъ портеръ.

Недостатки и слабости каждаго, терпимые въ обыкновенное время, теперь преувеличиваются и злобно ставятся на счетъ. Является желаніе покопаться въ душѣ и сказать что-нибудь обидное. Чувствуется какое-то глухое взаимное раздраженіе, и необходимы большой тактъ и умѣнье со стороны старшаго офицера, чтобъ умѣть во-время прекращать пикировки, грозящія обратиться въ ссоры,—которыми все чаще и чаще обмѣниваются между собою прежде дружно жившіе люди. Книги всѣ прочитаны. Разговоры и воспоминанія всѣ исчерпаны. Уйти другъ отъ друга некуда. Одинъ, другой спасаются отъ одуряющей скуки, занимаясь языками. Старшій офицеръ выдумываетъ себѣ дѣло, донимая матросовъ „чистотой“. Остальные рѣшительно не знаютъ, какъ убить время, свободное отъ вахтъ и служебныхъ занятій.

Полдень.

Вѣстовые накрываютъ на столъ. Офицеры собираются къ обѣду и слушаютъ лѣниво, какъ одинъ изъ офицеровъ играетъ, несмотря на качку, „Травіату“ на маленькомъ принайтовленномъ піанино.

— Бросьте, надоѣло!—говоритъ кто-то.

Въ это время торопливо входитъ старшій штурманъ Аркадій Вадимычъ, только что ловившій полдень, и садится заканчивать вычисленія. Онъ изъ такъ-называемыхъ „молодыхъ“ штурмановъ. Это не сухой, сморщенный, невзрачный и угрюмый пожилой капитанъ, какими обыкновенно бываютъ старшіе штурмана, а бойкій, франтоватый поручикъ лѣтъ за тридцать, окончившій офицерскіе классы, щеголявшій изысканностью манеръ и носившій на мизинцѣ кольцо съ бирюзой. Онъ не только не питаетъ традиціонной штурманской ненависти къ флотскимъ, но самъ смѣется надъ старыми штурманами, мечтаетъ перейти во флотъ и старается быть въ дружбѣ со всѣми въ каютъ-компаніи.

— Ну, что, какъ, гдѣ мы, Аркадій Вадимычъ?—спрашиваютъ его со всѣхъ сторонъ.

Онъ говоритъ широту и долготу, обращаясь къ старшему офицеру.

— А миль сколько?

— Двѣсти шестьдесятъ. Отличное плаваніе...

— А скоро-ли придемъ въ Батавію?—задаютъ вопросы мичмана.

— Потерпите, господа, потерпите... Скоро муссонъ получимъ, а тамъ ужь не долго!..—торопливо и любезно отвѣчаетъ Аркадій Вадимычъ и бѣжитъ къ капитану, оправляя передъ входомъ къ нему въ каюту сертучекъ и принимая дѣловой серьезный видъ.

— А вѣдь подлиза!—шепчетъ одинъ мичманъ угрюмому долговязому гардемарину, только что отдолбившему сто англійскихъсловъ.

— Не безъ того... вродѣ Чебыкина... Прохвосты!

— Онъ нынче опять своего вѣстового Ворсуньку *) отдулъ, Чебыкинъ-то!

— Скотина! Дантистъ! Онъ только клиперъ позоритъ!—негодуетъ угрюмый гардемаринъ, и его блѣдно-зеленое лицо вспыхиваетъ краской.

Чебыкинъ чувствуетъ, что говорятъ про него, но дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ, и даетъ себѣ слово сегодня-же „разнести“ угрюмаго гардемарина, который у него подъ вахтой. Онъ его не любилъ, а теперь ненавидитъ.

Всѣ садятся за столъ. На одномъ концѣ стола, „на ютѣ“, старшій офицеръ, по бокамъ его докторъ и первый лейтенантъ, далѣе старшій штурманъ, артиллеристъ, батюшка, механикъ, вахтенные начальники, а на другомъ концѣ, „на бакѣ“, мичмана и гардемарины.

Вѣстовые разносятъ тарелки съ супомъ, пока за столомъ каждый пьетъ по рюмкѣ водки. Качка хоть и порядочная, но можно ѣсть, не держа тарелокъ въ рукахъ, и крѣпкіе графины съ краснымъ виномъ устойчиво стоятъ на столѣ. Всѣ ѣдятъ въ молчаніи и словно бы чѣмъ-то не довольны. Два „Аякса“—два юнца гардемарина, еще недавно закадычные друзья, сидѣвшіе всегда рядомъ, теперь сидятъ врозь и стараются не встрѣчаться взглядами. Они на-дняхъ поссорились изъ-за пустяковъ и не говорятъ. Каждый считаетъ бывшаго друга безпримѣрнымъ эгоистомъ, недостойнымъ бывшей дружбы, но все-таки никому не жалуется, считая жалобы недостойнымъ себя дѣломъ. Курчавый круглолицый мичманъ Сережкинъ, веселый малый, всегда жизнерадостный несосвѣтимый враль и болтунъ, и тотъ присмирѣлъ, чувствуя, что его невозможное вранье не будетъ, какъ прежде, встрѣчено веселымъ хохотомъ. Однако, онъ не воздерживается и, окончивши супъ, громко обращается къ сосѣду:

— Это что нашъ переходъ... пустяки... А вотъ мнѣ дядя разсказывалъ... про свой переходъ... вотъ такъ переходъ!.. Сто шестьдесятъ пять дней шелъ, никуда не заходя... Ей Богу... Такъ половину команды пришлось за бортъ выбросить... Все отъ цынги...

Никто даже не улыбается, и Сережкинъ смолкаетъ, сконфуженный не своимъ враньемъ, а общимъ невниманіемъ.

Докторъ, было, началъ разсказывать объ Японіи, въ которой онъ былъ три года тому назадъ, но никто не подавалъ реплики.

---

*) Уменьшительное Варсонофія.

„Слышали, слышали“!—какъ будто говорили всѣ лица.

Но опъ все-таки продолжаетъ, пока кто-то не говоритъ:

— Нѣтъ-ли у васъ чего-либо поновѣе, докторъ?.. Про Японію мы давно слышали...

Докторъ обиженно умолкаетъ.

Жаркое—мясные консервы—встрѣчено кислыми минами.

— Ну-жъ и гадость!—замѣчаетъ Сережкинъ.

— А вы не ѣшьте, коли гадость!—словно ужаленный восклицаетъ лейтенантъ, бывшій очереднымъ содержателемъ каютъ-компаніи и крайне щекотливый къ замѣчаніямъ. Чѣмъ я буду васъ кормить здѣсь?.. Бекасами что-ли? Должны Бога молить, что солонину рѣдко даю...

— Молю.

— И молите....

— Но это не мѣшаетъ мнѣ говорить, что консервы гадость, а бекасы вкусная вещь.

— Что вы хотите этимъ сказать?...

— То и хочу, что сказалъ....

Готова вспыхнуть ссора. Но старшій офицеръ вмѣшивается.

— Полноте, господа.... Полноте!

А угрюмый гардемаринъ уже обдумалъ каверзу и, когда Ворсунька подаетъ ему блюдо, спрашиваетъ у него нарочно громко:

— Это кто тебѣ глазъ подбилъ?...

Ворсунька молчитъ.

Всѣ взгляды устремляются на Чебыкина. Тотъ краснѣетъ.

— Кто, говорю, глазъ подбилъ?

— Зашибся..—отвѣчаетъ наконецъ молодой чернявый вѣстовой.

Черезъ минуту угрюмый гардемаринъ продолжаетъ:

— Вѣдь вотъ капитанъ отдалъ приказъ: не драться! А есть-же дантисты!

— Не ваше дѣло объ этомъ разсуждать! — вдругъ крикнулъ Чебыкинъ, блѣднѣя отъ злости.

Полагаю, это дѣло каждаго порядочнаго человѣка. А развѣ это вы своего вѣстоваго изукрасили? Я не предполагалъ.... думалъ, боцманъ!

— Алексѣй Алексѣичъ! Потрудитесь оградить меня отъ дерзостей гардемарина Петрова!—обращается Чебыкинъ къ старшему офицеру.

Тотъ проситъ Петрова замолчать.

Послѣ пирожнаго всѣ встаютъ и расходятся по каютамъ озлобленные.

IV.

Клиперъ точно ожилъ. У всѣхъ оживленныя, веселыя лица.

— Скоро братцы придемъ!—слышатся одни и тѣ же слова среди матросовъ.

— Черезъ два дня будемъ въ Батавіи! — говорятъ въ каютъ-компаніи и всѣ смотрятъ другъ на друга безъ озлобленія. Всѣ, точно по какому то волшебству, снова становятся простыми добрыми малыми и дружными товарищами. Аяксы, конечно, примирились.

Подъ палящими отвѣсными лучами солнца клиперъ прибирается послѣ длиннаго перехода. Матросы весело скоблятъ, чистятъ, подкрашиваютъ и трутъ судно, и подъ носъ мурлыкаютъ пѣсни. Всѣ предвкушаютъ близость берега и гулянки. Уже достали якорную цѣпь, давно покоившуюся внизу, и приклепали ее.

На утро слѣдующаго дня вѣтеръ совсѣмъ стихъ, и мы развели пары. Близость экватора сказывалась нестерпимымъ зноемъ. Кочегаровъ безъ чувствъ выносили изъ машины и обливали водой. По разсчету берегъ долженъ былъ открыться къ пяти часамъ, но уже съ трехъ часовъ охотники - матросы съ марсовъ сторожили берегъ. Первому, увидавшему землю, обѣщана была денежная награда.

И въ пятомъ часу съ форъ - марса раздался веселый крикъ: „берегъ!“—крикъ, отозвавшійся во всѣхъ сердцахъ неописуемой радостью.

Къ вечеру мы входили въ Зондскій проливъ. Штиль былъ мертвый. Волшебная панорама открылась передъ нами. Справа и слѣва темнѣли острова и островки, облитые чуднымъ свѣтомъ полной луны. Вода казалась какой-то серебристой гладью, таинственной и безмолвной, по которой шелъ нашъ клиперъ, оставляя за собой блестящую фосфорическую ленту.

Къ утру картина была не менѣе красива. Мы шли точно садомъ между кудрявыхъ, зеленыхъ островковъ, залитыхъ яркимъ блескомъ солнца. Прозрачное изумрудное море точно мчало ихъ.

Наконецъ, мы вышли въ открытое мѣсто и къ сумеркамъ входили въ Батавію. Когда якорь грохнулъ въ воду, офицеры, радостные и примиренные, поздравляли другъ-друга съ приходомъ, и скоро почти всѣ уѣхали на берегъ, на который не вступали шестьдесятъ два дня.

К. Станюковичъ.

Благотворительность и предусмотрительность.

Благотворительность (*bienfaisance*) — это терминъ XVIII вѣка, это—слово, введеніе котораго въ литературу и жизнь принадлежитъ энциклопедистамъ. Морелли писалъ, что благотворительность есть первая изъ всѣхъ нравственныхъ идей [1]). Она, по мнѣнію французскаго мыслителя, совершенствуетъ способности ума посредствомъ развитія сердца. Раскройте великую *Энциклопедію* Дидро и д'Аламбера на словѣ *благотворительность* и вы найдете тамъ слѣдующія строки, вызывающія глубокое уваженіе, горячую симпатію: „Благотворительность—это добродѣтель, которая побуждаетъ насъ дѣлать добро нашему ближнему. Она—дочь благосклонности и любви къ человѣчеству“ [2]). У человѣка,—читаемъ мы далѣе,—поистинѣ есть только то, что онъ отдаетъ; то, что онъ оставляетъ у себя, портится, подвержено случайностямъ, отымается у насъ, наконецъ, смертью. Наоборотъ, что отдано, никогда не умираетъ для насъ. Это хорошо выражено у Марка Антонина, подпавшаго подъ удары судьбы: „У меня осталось только то, что я отдалъ“ (Hoc habeo, quodcunque dedi) [3]).

Мыслители прошлаго вѣка были преисполнены вѣры въ добрыя свойства человѣка. Всѣ бѣды и зло происходили, по глубокому убѣжденію французскихъ энциклопедистовъ, оттого, что мало распространено просвѣщеніе, что много накопилось и затвердѣло предразсудковъ и суевѣрій. Человѣческая природа представлялась этимъ трезвымъ мыслителямъ и наивнымъ въ то-же время мечта-

---

[1]) **Morelly**: *Code de la nature* (par Villegardelle, 1841), 115.

[2]) *Encyclopédie*, T. V.

[3]) Въ этой же статьѣ включено умное и прочувствованное стихотвореніе, изъ котораго приведу лишь двѣ строчки:

«Qui n'est que juste, est dur; qui n'est que sage, est triste:
«Dans d'autres sentimens l'héroisme consiste».

телямъ—способною къ безконечному совершенствованію. Воспитаніе, по ихъ мнѣнію, могло творить чудеса; общественныя учрежденія и законы призывались для почти мгновеннаго перерожденія людей. Казалось возможнымъ предписать добродѣтель, создать совершенное общежитіе. Морелли задачею своего труда ставитъ отыскать такое положеніе, „въ которомъ человѣкъ будетъ настолько счастливъ и настолько благотворителенъ, насколько это возможно въ этой жизни“. Н нужно замѣтить, что теоретическая проповѣдь сопровождалась у энциклопедистовъ великодушнымъ образомъ дѣйствій. Всѣ они дѣлали много добра, и дѣлали не на показъ, очень часто въ строгой тайнѣ [1]).

Подходитъ къ концу девятнадцатый вѣкъ. Раскрываемъ новую французскую *Большую энциклопедію* [2]). При словахъ *bienfaisance, bureau général des pauvres* и т. п. мы находимъ поучительныя историческія и статистическія свѣдѣнія. Восемнадцатый вѣкъ создалъ много гуманныхъ учрежденій.

Въ 1760 году было учреждено въ Парижѣ учебно-воспитательное заведеніе для глухо-нѣмыхъ (*L'Institution nationale des Sourds-Muets*). Такое же учрежденіе возникло въ 1785 году въ Бордо. Въ 1791 году основано заведеніе для молодыхъ слѣпыхъ (*L'Institution nationale des Jeunes-Aveugles*).—Но жизнь усложнялась, старинныя благотворительныя учрежденія (*bureaux de charité*) оказывались неудовлетворительными или недостаточными. Частная и духовная филантропія замѣнялась общественною и государственною. Вотъ, напримѣръ, цифры, свидѣтельствующія о томъ, какихъ громадныхъ размѣровъ достигаетъ теперь организованное призрѣніе бѣдныхъ. Въ 1879 году во Франціи существовало 13,819 бюро благотворительности, которыя оказали помощь 1,435,202 лицамъ. Въ 1883 г. число этихъ бюро возросло до 14,485, помощь была подана 1,405,552. Доходы этихъ благотворительныхъ учрежденій возросли за тотъ періодъ времени съ 70,500,000 до 77 милліоновъ слишкомъ. Для удовлетворенія все болѣе и болѣе вопіющихъ нуждъ громаднаго количества бѣдняковъ оказывалось далеко недостаточнымъ усилій частной и общественной благотворительности: она не искореняетъ зла, не устраняетъ причинъ нищеты и связанныхъ съ нею страданій. Б. Н. Чичеринъ говоритъ, что „благотворительность и хозяйственная дѣятельность въ своихъ основаніяхъ противоположны другъ-другу“ [3]). И это въ значи-

---

[1]) **Лоранъ** въ своихъ Этюдахъ по исторіи человѣчества (*Etudes sur l'histoire de l'humanité*,, XIV, 185) говоритъ про Дидро: «Mais quelle profondeur de charité dans cette âme non chrétienne»!

[2]) *La Grande Encyclopédie* t. VI.

[3]) *Собственность и Государство*, I; 284.

тельной степени справедливо, почему и нельзя не признать въ высшей степени односторонними призывы къ борьбѣ противъ повальной нищеты цѣлыхъ общественныхъ классовъ, путемъ филантропической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и общества. Кто станетъ возражать, что такая дѣятельность и глубоко симпатична, и очень полезна? Но человѣческая природа оказалась менѣе способной къ быстрому и полному усовершенствованію, о которомъ мечтали французскіе мыслители прошлаго вѣка, а нужда захватываетъ теперь цѣлой полосою многочисленные слои населенія. Не упраздняя благотворительности, на первый планъ въ настоящее время все болѣе и болѣе выдвигается предусмотрительность. Образованное общество, достигшее достижимой высоты самосознанія, ищетъ причинъ, порождающихъ нищету и другія печальныя явленія, и старается планомѣрно бороться съ ними соотвѣтствующими измѣненіями въ старыхъ учрежденіяхъ или созданіемъ учрежденій новыхъ. Не даромъ противъ того, чтобъ возлагать всѣ надежды на частную благотворительность, все настойчивѣе раздаются голоса во Франціи,—въ той странѣ, гдѣ эта система получила наибольшее развитіе,—и движеніе это уже отражается въ французскомъ законодательствѣ [1]). Печальныя послѣдствія нищеты неисчислимы, общественно-нравственная опасность, если нищета захватываетъ многихъ и многихъ, чрезвычайно велика. Есть скорбная правда въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Преступленіи и наказаніи“: „Бѣдность не порокъ, это истина. Но нищета, милостивый государь, нищета—порокъ-съ. Въ бѣдности вы еще сохраняете свое благородство врожденныхъ чувствъ, въ нищетѣ-же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняютъ, а метлой выметаютъ изъ компаніи человѣческой, чтобы тѣмъ оскорбительнѣе было; и справедливо, ибо въ нищетѣ я первый самъ готовъ оскорблять себя“.

Точныя цифры о бѣдности и нищетѣ въ Европѣ собрать очень трудно. Отъ государственнаго и общественнаго контроля ускользаетъ много актовъ личной благотворительности, а разнообразіе въ нѣкоторыхъ странахъ филантропическихъ учрежденій, дѣйствующихъ по совершенно различнымъ принципамъ, не даетъ возможности составить надлежащаго понятія и о размѣрахъ благотворительности общественной. Доступныя намъ статистическія данныя будутъ, во всякомъ случаѣ, далеко ниже дѣйствительныхъ. Я

---

[1]) См., напримѣръ, **Maze**: *La lutte contre misère.* 1883. Эта книжка посвящена учителямъ и учительницамъ, въ рукахъ которыхъ будущее дѣтей. Также **Paul Matuat**: *L'avenir des ouvriers. (La Revue liberale,* novembre 1882). Ср. **Germershausen**: *Vorschläge zur Reform der Armengesetzgebung (Zeitschrift für die g. St.,* 1883, erstes Heft).

приведу нѣсколько поучительныхъ цифръ изъ превосходнаго Словаря государственныхъ наукъ Конрада и Лексиса.

Въ 1885 году, въ Германіи (включая сюда Эльзасъ и Лотарингію) пользовались благотворительностію 1,592,386 лицъ, то есть 3,4% общаго числа населенія. Издержано съ этою цѣлью болѣе девяноста милліоновъ марокъ. Среднимъ числомъ на каждаго жителя Германіи этотъ расходъ падаетъ, стало быть, почти въ двѣ марки. Въ Италіи имущество всѣхъ 21764 благотворительныхъ обществъ (*opere pie*) исчислялось, въ 1880 году, въ 1,724,091,106 лиръ (движимаго капитала почти 58%, недвижимаго нѣсколько болѣе 42%). На этихъ учрежденіяхъ имѣются долги, за вычетомъ которыхъ собственность благотворительныхъ обществъ опредѣляется въ милліардъ пятьсотъ девять милліоновъ. Чистаго дохода движимые и недвижимые капиталы приносятъ 94,810,709 лиръ. На благотворительныя цѣли расходуется 81,495,677 лиръ (2,86 лиры на жителя).

Въ Великобританіи число лицъ, которыя прибѣгали къ общественной благотворительности, распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: въ Англіи (1881—1885, среднимъ числомъ въ годъ этого пятилѣтія)—791,701; въ Шотландіи—97,780; въ Ирландіи—110,743. Въ послѣдней странѣ нужда усилилась, въ первыхъ двухъ уменьшилась [1]). Расходы усилились, тѣмъ не менѣе, и въ Англіи: въ 1871—75 г. они достигали среднимъ числомъ 12,489,160 ф. с., въ 1881—85—15,080,168 ф. с. [2]).

Не буду умножать цифровыхъ данныхъ: и приведенныхъ достаточно для того, чтобъ убѣдиться, какіе громадные размѣры приняла на западѣ Европы общественная благотворительность. Какъ было уже замѣчено, благотворительность, въ большой или меньшей степени, исправляетъ результаты неблагопріятно дѣйствующихъ причинъ; она стремится парализовать зло и нерѣдко достигаетъ этой благородной цѣли. Но зло возрождается, и приходится вновь и вновь истощать рессурсы благотворительности. Нерѣдко бываетъ, что въ одномъ краю страны семья впадаетъ въ нищету оттого, что отецъ семейства не находитъ заработка; а въ другомъ краю, въ то же самое время, ищутъ работника. Иногда семья попадаетъ въ бѣдственное положеніе чисто случайно, по винѣ или безъ вины своего кормильца. Въ другой разъ наступаютъ общія неблагопріятныя условія, напримѣръ неурожай для земледѣлія или кризисъ для той или другой отра-

---

[1]) Въ 1871—75 въ Англіи прибѣгало къ общественной благотворительности 918,966 чел., въ Ирландіи—78,062.

[2]) Въ Шотландіи въ 1881—85 гг. 886,567, въ Ирландіи—1,268, 167.

сли промышленности. Тогда нищета захватываетъ цѣлую полосу населенія. Конечно, и при такихъ условіяхъ возможна борьба съ нуждою путемъ общественной и частной благотворительности, борьба болѣе или менѣе успѣшная; но несравненно разумнѣе и выгоднѣе замѣнить при всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ благотворительность предусмотрительностью, сборъ пожертвованій—великимъ началомъ взаимнаго страхованія. Особенно страдаютъ, конечно, отъ необезпеченности своего существованія рабочія массы. На мѣрахъ для охраны ихъ благосостоянія я и остановлюсь, но раньше скажу нѣсколько словъ о книгѣ страсбургскаго профессора Теобальда Циглера: „*Соціальный вопросъ—нравственный вопросъ*“ [1]).

Благотворительность, говоритъ Циглеръ, есть скорѣе показатель, симптомъ общественной болѣзни, чѣмъ лѣчебное отъ нея средство. Мы до сихъ поръ еще находимся подъ вліяніемъ средневѣковыхъ идей, по которымъ земная жизнь была зломъ, а во главѣ общества долженъ былъ стоять монахъ, давшій обѣтъ добровольной нищеты. Естественно, что при такомъ воззрѣніи нельзя было думать и предлагать такія мѣры, такія глубокія преобразованія, которыя были бы направлены къ уничтоженію источниковъ нищеты: нищета являлась для господствовавшаго въ средніе вѣка міропониманія счастьемъ, однимъ изъ наиболѣе важныхъ условій достиженія вѣчнаго блаженства. Католическая церковь создавала ордена нищенствующихъ монаховъ и поощряла милостыню, которая стекалась къ римскому первосвященнику и къ подчиненному ему духовенству. Съ эпохи Возрожденія, подъ вліяніемъ проповѣди гуманистовъ (Циглеръ упоминаетъ о трудѣ Людвига Вивеса *De subventione pauperum*), это воззрѣніе измѣняется; но слѣды его держатся еще до нашихъ дней. Благотворительность, продолжаетъ Циглеръ, поддерживаетъ и развиваетъ высокомѣріе и чванство и,—что еще хуже,—она превращается въ своего рода спортъ, служитъ предметомъ развлеченія для однихъ, рекламы и наживы для другихъ. Это, понятнымъ образомъ, вызываетъ негодованіе и озлобленіе со стороны многочисленной части общества. При такой постановкѣ дѣла, высокая идея гуманности, чувство чистѣйшей любви къ людямъ эксплоатируется нерѣдко и компрометируется разсчетливымъ эгоизмомъ. Циглеръ утверждаетъ, что въ этомъ отношеніи особенно грѣшатъ нѣмецкія женщины.

Слѣдуетъ-ли изъ всего этого, спрашиваетъ страсбургскій профессоръ, что надо положить конецъ благотворительности? Вовсе нѣтъ. Для добраго сердца, направляемаго разумнымъ желаніемъ

[1]) **Theobald Ziegler.** *Die sociale Frage—eine sittliche Frage.* Stuttgart. 1891.

пользы ближнему, всегда останется достаточно простора. Необходимо только, чтобъ руководящимъ началомъ была *помощь самопомощи* (Hilfe zur Selbsthilfe). Грѣшитъ каждый, кто пользуется тяжелымъ положеніемъ ближняго, кто даетъ бѣдняку гроши за такой трудъ, который заслуживаетъ вдесятеро большаго вознагражденія, кто дешево покупаетъ вещь у голоднаго, принужденнаго сбыть ее, во что бы то ни стало; а такими *грѣхами* полна наша жизнь: они составляютъ общественное зло. Когда люди попадаютъ въ подобное положеніе, когда имъ приходится или нищенствовать, или за безцѣнокъ отдавать свой трудъ, свое послѣднее имущество,—это противорѣчитъ общественной справедливости, и благотворительность тутъ безсильна; здѣсь надо дать работу, избавить человѣка и отъ нужды, и отъ униженія, достойно вознаградить его за трудъ и тѣмъ поднять экономически и нравственно.

Рядомъ съ этимъ останутся и случаи, когда немыслима *помощь для самопомощи*, когда дѣло идетъ о спасеніи жизни больного или неспособнаго къ работѣ. На обществѣ, признаетъ Циглеръ, лежитъ обязанность позаботиться о такихъ людяхъ, ихъ нельзя оставлять на произволъ случайности, которая можетъ натолкнуть или не натолкнуть на доброе дѣло частнаго благотворителя. Здѣсь, въ Страсбургѣ, пишетъ Циглеръ, можно видѣть калѣкъ, неспособныхъ къ труду и вынужденныхъ просить милостыню, чтобъ имѣть жалкій кусокъ хлѣба. Это безнравственно и жестоко. И въ устраненіи подобнаго зла заключалась добрая мысль новѣйшаго германскаго закона, устанавливающаго страхованіе престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду рабочихъ.

Къ этому законодательству я теперь и обращаюсь.

Въ 1876 году, въ Германіи было 5144 похоронныхъ кассы, число членовъ въ которыхъ доходило до 1.606.000 человѣкъ, а имущество ихъ опредѣлялось въ двадцать четыре съ половиною милліона марокъ. Въ то же время существовало 166 кассъ для инвалидовъ труда и для стариковъ (участниковъ—36,107 ч., капиталъ—три милліона); вдовьихъ кассъ было 189 (членовъ 25,580, капиталъ — 9 милліоновъ); къ этому надо присоединить 1095 смѣшанныхъ кассъ (171, 965 участниковъ, $17^1/_2$ милліоновъ капитала). Всего, слѣдовательно, 7595 кассъ съ 1.842.552 членами и съ капиталомъ въ 54 милліона марокъ.

Общественное мнѣніе и правительство Германіи долго не признавало необходимости государственнаго вмѣшательства въ вопросы страхованія рабочихъ. Но развитіе промышленности, возрастающая необезпеченность труда, умноженіе числа несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ, вслѣдствіе чего многія семьи

оставались безъ всякихъ средствъ къ существованію, — все это привело къ убѣжденію, что подобныя отношенія не могутъ регулироваться частно-правовыми нормами. Фабричное законодательство явилось отвѣтомъ на созрѣвшую потребность времени. Въ 1881 году правительство выступило уже съ проектомъ обязательнаго страхованія рабочихъ на случай несчастія, и съ этого момента германское законодательство сдѣлало весьма значительные успѣхи. Къ первой задачѣ присоединилась другая: страхованіе на случай болѣзни. Въ 1887 году правительство отдаетъ на обсужденіе общественнаго мнѣнія основныя положенія, устанавливающія страхованіе престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду. Въ 1889 году, послѣ долгихъ многосторонихъ преній, германскій парламентъ принялъ въ третьемъ чтеніи правительственный законопроектъ, потерпѣвшій въ рейхстагѣ существенныя измѣненія. Этотъ законъ обнародованъ 22 іюня 1889 года.

Не буду останавливаться на подробностяхъ этого важнаго законодательнаго акта и на движеніи законодательства о страхованіи труда въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Послѣднимъ проектомъ въ этой области управленія является проектъ министра внутреннихъ дѣлъ Французской Республики, г. Констана, имѣющій цѣлью учрежденіе общей рабочей пенсіонной кассы. Проектъ этотъ еще не обнародованъ и не внесенъ въ палату депутатовъ. Если онъ получитъ осуществленіе, то французское законодательство опередитъ въ этомъ отношеніи всѣ остальныя.

Повсюду въ Европѣ мы замѣчаемъ стремленіе предусмотрѣть будущее, по крайней мѣрѣ ближайшее, оградить интересы труда и неразлучные съ нимъ интересы нравственности отъ пагубнаго вліянія случайностей. Въ производствахъ, болѣе или менѣе опасныхъ для жизни и здоровья рабочаго, по требованіямъ государства устанавливаются различныя предосторожности. Если несчастіе все-таки произошло, и рабочій убитъ или лишенъ возможности трудиться,—его семья, по крайней мѣрѣ, застрахована отъ безъисходной нищеты. Наконецъ, каждый рабочій съ теченіемъ времени,—и время это, исторически говоря, не за горами, — можетъ получить увѣренность, что на старости лѣтъ у него будетъ пенсія, обезпечивающая удовлетвореніе его элементарныхъ нуждъ. Но для такого разъясненія вопроса необходимо, чтобы въ обществѣ накопилось много знаній и много богатства. Безъ обширныхъ запасовъ въ этихъ двухъ областяхъ, безъ широкаго развитія общественныхъ идей и запасовъ въ экономическомъ смыслѣ,—невозможна плодотворная борьба и окончательная побѣда надъ повальными бѣдствіями. Быть можетъ, ничто не доказываетъ лучше превосходства современнаго общества надъ

древнимъ, говоритъ Муанье [1]), какъ именно борьба, поднятая теперь противъ того, что называлось прежде роковою неизбѣжностію. Но противъ этихъ гигантовъ, какъ выражается Муанье, надо выступать во всеоружіи знанія.

Для дѣйствительно добраго сердца, для благороднаго личнаго почина—всегда останется широкое поле. Въ извѣстной книгѣ Максима Дюкана [2]) разсказано о чудесахъ частной благотворительности. Я передалъ содержаніе этой поучительной книги въ статьяхъ, напечатанныхъ въ *Русской Мысли* (1885, кн. V и VI). Съ тѣхъ поръ во Франціи совершено много великодушныхъ усилій для того, чтобы избавить дѣтей, женщинъ, больныхъ, стариковъ отъ ужасовъ голода и холода, отъ такихъ условій жизни, которыя подтачиваютъ и здоровье и нравственность. Въ эти годы я слѣдилъ по французскимъ газетамъ за успѣхами благотворительности и предусмотрительности во Франціи. Успѣхи эти велики. Приведу лишь нѣсколько указаній. Въ 1888 году въ Парижѣ считалось 133,649 лицъ, жившихъ общественною благотворительностью (населеніе города въ это время равнялось 2,260,000). Въ 4000 помѣщеній не было ни печки, ни камина; въ 3000 совершенно не было оконъ. Общество и правительство обратили на это заботливое вниманіе. Были построены удобныя и дешевыя помѣщенія, возникли ночлежные дома. Флоке, будучи министромъ-президентомъ, заявилъ, что частная благотворительность можетъ, конечно, пополнить пробѣлы общественнаго управленія, но необходимо не оставлять несчастныхъ на произволъ судьбы, надо сосредоточить всѣ великодушныя усилія на осуществленіи соціальнаго долга.

Первый ночлежный домъ былъ открытъ въ Парижѣ въ 1877 году. Въ 1884 году, по предложенію г. Пишона, вопросъ о такихъ домахъ (*asiles de nuit*) былъ поднятъ въ парижской городской думѣ. Ранѣе этого, въ печати, учрежденія общественныхъ убѣжищъ этого рода требовалъ Жюль Дюменилъ. Проектъ сначала встрѣтилъ не мало разнообразныхъ препятствій. Теперь городскіе ночлежные дома получили въ Парижѣ правильную постановку, увеличиваются въ числѣ и улучшаются во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ февралѣ 1889 года *Высшій совѣтъ общественнаго призрѣнія* (*Le Conseil supérieur de l'Assistance publique*) постановилъ, что общины обязаны оказывать медицинскую помощь нуждающимся больнымъ. Большое значеніе имѣютъ учрежденія національнаго Общества морскихъ лѣчебницъ для слабыхъ и золотушныхъ дѣтей. (*L'oeuvre*

[1]) *Moynier* «La Croix Rouge»

[2]) «La charité privée à Paris».

nationale des hopitaux marins pour les enfants débiles et scrofuleux) [1]. Такія лѣчебницы открыты въ Каннѣ, Берсѣ, Аркошонѣ, и др. Результаты получаются чрезвычайно удачные: въ нѣкоторыхъ изъ лѣчебницъ число вполнѣ выздоравливающихъ дѣтей подымается до 86%. Создавать новыя морскія лѣчебницы, замѣчаетъ *Temps*, по поводу рѣчи Берильона на общемъ собраніи членовъ общества,—есть дѣло патріотизма и предусмотрительности. Особенно выдается госпиталь въ департаментѣ Восточныхъ Пиринеевъ (*Le Sanatorium de Banyuls-sur-Mer*).

Въ 1890 году бюджетъ парижской администраціи общественнаго призрѣнія равнялся 37,200,000 фр. Пособіе со стороны города достигло 17,900,000 (въ послѣдній годъ имперіи Парижъ давалъ на призрѣніе 10,400,000 фр. [2]). На 1891 годъ бюджетъ общественной благотворительности въ Парижѣ былъ опредѣленъ въ 41,979,235 фр. Общій бюджетъ публичной благотворительности для всей Франціи опредѣлялся въ 184,121,099 фр.

Не буду умножать цифръ, необходимыхъ для спеціальнаго изслѣдованія, а не для статьи, которая имѣетъ въ виду подкрѣпить нѣсколькими соображеніями и данными простую, но весьма важную практически, мысль: XVIII вѣкъ оставилъ намъ въ наслѣдство *благотворительность*, XIX—доказалъ необходимость *предусмотрительности*. Противъ общественныхъ причинъ нищеты, противъ повальныхъ бѣдствій слѣдуетъ бороться средствомъ нашего столѣтія; тамъ, гдѣ надо помочь отдѣльному человѣку, попавшему въ несчастіе, гдѣ доброе слово, гдѣ ласковое участіе можетъ спасти отъ нравственнаго паденія,—тамъ остается много, безконечно много мѣста для личной иниціативы, для частной благотворительности, для безкорыстной дѣятельности тѣхъ людей, которымъ дороги и святы завѣты гуманности и христіанской любви къ ближнему.

Викторъ Гольцевъ.

---

[1]) *Le Temps*, 29 Janvier 1890 (*Supplément*). Это общество возникло въ ноябрѣ 1887 г.
[2]) *La Justice*, 13 Janvier 1890.

Пусть очи не видятъ.

Пусть очи не видятъ, не молвятъ уста;
Закрой-же мнѣ очи, уста мнѣ сомкни,
И въ землю зарой въ бездыханной тѣни,
Подъ свѣжею сѣнью живого куста.

Въ подземномъ покоѣ надзвѣздная тишь;
Забвенье обидамъ, забвенье любви,
Чуть страсти погаснутъ въ остывшей крови,
Всѣ муки забудешь, всё горе заспишь!

А то, что прекрасно, и то, что свѣтло,
Безпечнѣе станетъ цвѣсти безъ меня.
Слезами мрачу я сіяніе дня,—
Небеснаго лика святое чело!

Мой вздохъ отравляетъ дыханье цвѣтка,
И взоръ мой тепло очага леденитъ,
И въ двери счастливыхъ докучно стучитъ
Имъ чуждаго сердца сѣдая тоска!

К. Фофановъ.

1891 г. Ноябрь.

Нѣсколько отрывковъ изъ неизданной переписки Бѣлинскаго.

(*По матеріаламъ, сообщеннымъ* **А. Н. Пыпинымъ**).

Если вся жизнь Бѣлинскаго была рядомъ печальныхъ и трудныхъ лѣтъ, то первый годъ, проведенный имъ въ Петербургѣ, былъ для него годомъ самымъ тяжелымъ и безпокойнымъ.

Молодой человѣкъ (Бѣлинскому было 29 лѣтъ) впервые выходилъ на арену общественной дѣятельности, какъ самостоятельная, сложившаяся личность, впервые принималъ на себя тѣ обязанности, о которыхъ раньше онъ только мечталъ или думалъ.

Бѣлинскій покинулъ Москву съ очень грустнымъ чувствомъ. Тамъ, среди своихъ, въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, привыкъ онъ говорить и дѣйствовать; тамъ онъ былъ единицей въ цѣлой группѣ одномыслящихъ и дорогихъ ему лицъ, въ общей жизни которыхъ исчезала его личность. Тяжелое чувство отвѣтственности за высказанныя мнѣнія и за усвоенный образъ жизни, чувство, которое въ тѣ счастливые годы было такъ сильно въ молодыхъ московскихъ кружкахъ, смягчалось сознаніемъ своей умственной солидарности съ другими и облегчалось нравственной поддержкой, какую встрѣчалъ каждый членъ кружка въ своихъ пріятеляхъ. Къ тому-жъ жизнь Бѣлинскаго въ Москвѣ была небогата впечатлѣніями извнѣ, группировалась почти исключительно около отвлеченныхъ вопросовъ эстетики и философіи, и совсѣмъ не допускала въ свою среду непосвященныхъ, т. е. сѣрую многолюдную массу—настоящую представительницу тогдашней русской жизни.

Теперь друзья были далеки, московская жизнь отходила въ прошедшее, и Бѣлинскій одинъ ѣхалъ въ Петербургъ, какъ представитель, какъ довѣренный литературнаго лагеря, призванный защищать свои установившіяся убѣжденія среди новой обстановки и людей ему совершенно чуждыхъ. Прощаніе съ Москвой было

для Бѣлинскаго—прощаніемъ съ годами молодости, тревожнымъ опасеніемъ за грядущую возмужалость. Пока еще этотъ страхъ былъ скрытой и неясной тревогой, но Бѣлинскій долженъ былъ понять всю его глубину и значеніе въ первый же годъ своей петербургской жизни.

Завѣтная мечта Бѣлинскаго, казалось, приходила въ исполненіе: годы ученія кончились и годы учительства начинались, прямо безъ всякихъ годовъ странствія. Споры объ истинѣ и мечты о прекрасномъ блѣднѣли передъ все болѣе и болѣе возроставшимъ желаніемъ примѣнить ихъ къ дѣлу или по крайней мѣрѣ провѣрить ихъ на практикѣ. Философъ и эстетикъ, замкнутый въ самомъ себѣ, долженъ былъ превратиться въ дѣятеля, изъ критика-синтетика и аналитика сдѣлаться критикомъ-руководителемъ общества.

Этотъ переходъ отъ самодовольнаго созерцанія отвлеченной красоты и отъ сердечнаго успокоенія въ стройныхъ философскихъ мудрствованіяхъ къ непосредственному участію въ жизни ближняго, этотъ переходъ отъ духовнаго плѣна въ обѣтованную страну самостоятельной жизни, совершился въ развитіи Бѣлинскаго очень быстро—въ два года, и эти два года были для молодого философа тяжелымъ временемъ душевныхъ скитаній, ропота, сомнѣній въ своемъ призваніи и своей искрѣ Божіей, годами озлобленія на себя и на другихъ, и даже томленія по прежнему плѣну.

Эта многосложная драма, слѣды которой замѣтны и на критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго, открывается передъ нами, во всей ея широтѣ, въ его перепискѣ. Изъ всѣхъ московскихъ друзей, Бѣлинскій, въ первые годы своей петербургской жизни, чаще всего переписывался съ В. П. Боткинымъ, „музыкальная“ и „эстетическая“ натура котораго предрасполагала Бѣлинскаго къ полной откровенности. Бѣлинскій, дѣлясь мыслью со всѣми членами кружка, не всякому изъ нихъ довѣрилъ-бы свое сердце. Письма къ Боткину—откровенный дневникъ, въ который Бѣлинскій заносилъ подробно, наряду съ новостями дня и литературы, свои тайныя мечты и разсужденія на самыя разнообразныя темы, и личной своей жизни и жизни вообще. Лучшая и самая характерная часть этой переписки давно напечатана. Если мы теперь возвращаемся къ ней снова, то только потому, что нѣкоторыя еще не напечатанныя строки этого дневника показались намъ небезъинтересными для подтвержденія и освѣщенія уже давно и не нами высказанныхъ мыслей [1]).

---

[1]) См. А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій. Его жизнь и переписка СПБ. 1876, глава VI-ая.

Главный вопросъ, вокругъ котораго группируются всѣ разнообразныя и богатыя мысли Бѣлинскаго въ 1840—42 годахъ, это—роковой вопросъ, что дѣлать теперь, когда школа пройдена, полжизни прожито, когда располагаешь кое-какими знаніями, чувствуешь большую потребность работать и ощущаешь въ своемъ сердцѣ искренную и глубокую любовь къ людямъ? Какъ и съ какой стороны подойти къ этому страшному сфинксу, который называется жизнью—жизнью осязаемой, конкретной и грозящей гибелью каждому прохожему, не разрѣшившему ея загадки?

Въ своемъ дорожномъ чемоданѣ Бѣлинскій везъ съ собой въ Петербургъ уже начатую знаменитую статью о Бородинской годовщинѣ. Либеральная Москва привѣтствовала чиновный Петербургъ консервативно-патріотическимъ диѳирамбомъ. Въ этой статьѣ, надѣлавшей столько шуму, перессорившей друзей и поставившей въ тупикъ враговъ, высказывалась въ хитрыхъ и красивыхъ словахъ очень несложная и, кажется, спорная истина, что въ мірѣ все обстоитъ благополучно, а у насъ въ особенности. Человѣку, который привыкъ выводить благополучіе міра какъ прямое умозаключеніе изъ ощущенія своего личнаго удобства, могло показаться, при чтеніи этой статьи, что ходить такъ далеко за такой простой истиной было совершенно излишне, что и безъ всякихъ философскихъ тонкостей можно быть оптимистомъ, стоитъ лишь не упускать того, что плыветъ въ руки. Если Бѣлинскій пришелъ къ своему утѣшительному выводу труднымъ и окольнымъ путемъ отвлеченныхъ умозаключеній, то это показываетъ только, что его личная жизнь никакъ не могла натолкнуть его непосредственно на эту мысль, что онъ долженъ былъ до нея доработаться. Дѣйствительно, Бѣлинскому дался очень трудно этотъ оптимистическій взглядъ на существующее. Живя въ Москвѣ и не соприкасаясь прямо съ жизнью, зная однако изъ книгъ объ ея противорѣчіяхъ, Бѣлинскій въ книгахъ же пытался найдти такую формулу жизни, которая, признанная разумомъ, отнимала-бы у сердца всякую возможность протеста, подавляла-бы какъ „неразумное“ всякій гнѣвъ, всякое недовольство и распаденіе съ дѣйствительностью. Такая формула была Бѣлинскому *необходима*, такъ какъ по натурѣ своей онъ даже въ книгахъ не мирился съ житейской несправедливостью, съ людскимъ страданіемъ и ограниченностью. Извѣстно, что философія Гегеля дала такую формулу, признавъ себя за послѣднее слово разума, не допускающаго впредь ни дальнѣйшаго развитія, ни усовершенствованія. Что Бѣлинскій, неудовлетворенный раньше ему извѣстными философскими системами, ухватился съ отчаянія за это новое ученіе, обѣщавшее ему душевный покой,—вполнѣ понятно; понятно также, что

онъ долженъ былъ съ нимъ разстаться, какъ только столкнулся лицомъ къ лицу съ реальной жизнью. Его философскій воздушный замокъ былъ имъ построенъ въ минуты пароксизма, лихорадочно-поспѣшнаго стремленія къ душевной гармоніи и миру, и потому разсѣялся какъ туманъ, но только не подъ лучами солнца. Бѣлинскій, ознакомившись съ русской жизнью въ Петербургѣ, увидалъ, что всѣ его теоріи не находятъ себѣ и намека въ развернувшихся передъ нимъ фактахъ.

Тяжело было Бѣлинскому падать съ той высоты, на которую онъ взошелъ съ такимъ трудомъ и отвагой. Но паденіе было неизбѣжно,—неизбѣженъ былъ и гнѣвъ на свою удаль, а также и на самую высоту, которая такъ предательски съ нимъ поступила.

Бѣлинскій не сразу понялъ, что философскія обобщенія, доведенныя послѣдовательно до высшихъ ступеней, теряютъ свою жизненную силу и каменѣютъ, что они какъ горы тянутся къ небу, но въ этомъ стремленіи переступаютъ иногда за рубежъ, гдѣ шумъ лѣсовъ и рѣкъ, полей и селеній смѣняется вѣчнымъ молчаніемъ камней и снѣжной равнины.

Какъ часто въ своихъ письмахъ изъ Петербурга Бѣлинскій гнѣвается на философію, на ея безжизненныя обобщенія! „Общее“—die Allgemeinheit—становится для него пугаломъ За что онъ пожертвовалъ столько труда на познаніе этого общаго, когда самый ничтожный житейскій фактъ не находитъ себѣ въ немъ оправданія? Къ чему привели всѣ тревоги сердца и потуги мысли, если весь обѣщанный ими покой длился одно мгновеніе и исчезъ безслѣдно, оставивъ въ душѣ лишь горькій осадокъ безсилія и сознаніе своей безпомощности? Зачѣмъ, въ угоду этому общему, человѣкъ подавлялъ въ себѣ законное чувство гнѣва, смирялъ всѣ порывы, насильственно становился и смиреннымъ и спокойнымъ?

„Нѣтъ, никогда не страдалъ я такъ глубоко—силъ недостаетъ. Внутри меня что-то глубоко оскорблено“.

Оскорблено въ немъ, конечно, чувство гордаго и сильнаго человѣка. Въ эти минуты онъ — Фаустъ, который своей книжной мудростью вызываетъ великаго духа земли, хочетъ говорить съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, но ослѣпленный и уничтоженный сознаетъ, что его понятіе объ этомъ духѣ была игра его жалкаго ума и бредъ его ограниченной фантазіи. Ему — этому общему, этому Молоху, который пожралъ человѣческую личность, обезличилъ человѣка во имя какого-то неосязаемаго принципа, безжалостнаго, какъ судьба древнихъ, не должно быть мѣста на землѣ, не должно быть уголка въ сердцѣ любящаго человѣка.

Въ своемъ экстатическомъ озлобленіи на философскій фантомъ общаго Бѣлинскій становится безпощаденъ къ самому себѣ, къ

своимъ друзьямъ, ко всему своему прошлому. Его сердце такъ переполнено негодованіемъ на эту жизнь, идущую въ разрѣзъ съ его высокой общей идеей, такъ озлоблено на эту идею, не нашедшую оправданія въ жизни, что инстиктивное чувство самосохраненія, почти животнаго эгоизма на одно мгновеніе охватываетъ его душу. „Мнѣ“—пишетъ онъ—„теперь ни до кого нѣтъ дѣла, я никого не люблю, ни въ комъ не принимаю участія, потому что для меня настало такое время, когда я увидѣлъ ясно, что или мнѣ надо стать тѣмъ, чѣмъ я долженъ быть, или отказаться отъ претензіи на всякую жизнь, на всякое счастіе“.

Бѣлинскому кажется, что, отрекаясь отъ узъ любви и дружбы, онъ тѣмъ самымъ выходитъ изъ своего заколдованнаго круга и пріобрѣтаетъ вновь самостоятельность. Не была ли въ самомъ дѣлѣ виновата дружба въ томъ, что его мышленіе было направлено на это безплодное общее? Не продиктовала ли ему зависимость отъ мнѣній кружка всѣ эти логическія построенія, въ которыхъ онъ запутался, которыми онъ вооружился для борьбы съ жизнью, и которыя не выдержали и перваго напора суровой дѣйствительности? Эта злость на свою зависимость отъ кружковыхъ мнѣній нерѣдко отражается на его перепискѣ.

„Друзья мои, будемъ бояться крайностей, какъ зла: оставимъ каждаго жить, какъ онъ хочетъ, не будемъ читать другъ-другу поученій, посылать буллы, требовать отчета, но не побоимся же и замѣчать другъ-другу то, чего каждый въ себѣ не хочетъ или не можетъ замѣчать, только будемъ это дѣлать съ уваженіемъ къ личности, деликатно, съ любовью“ (1839 г. 22 ноября).

Но фактъ остается все-таки фактомъ: сознаніе, что понятіе о жизни, выработанное долгимъ трудомъ, не сошлось, не совпало съ житейской правдой, не можетъ быть смягчено ни злобой, ни жалобой. Оно требуетъ полнаго отреченія отъ старыхъ принциповъ и радикальнаго излѣченія. Въ перепискѣ Бѣлинскаго сохранились любопытныя указанія на тѣ разсужденія, какимъ предавался нашъ философъ для отрезвленія своего разсудка. Провѣряя свой умъ на каждомъ шагу и отдавая себѣ полный отчетъ въ совершавшейся въ немъ перемѣнѣ мыслей, Бѣлинскій понялъ, что разсудокъ его и трезвъ, и здоровъ, но только попалъ на ложную дорогу, повинуясь *сердцу*—„прекраснодушному“ сердцу, какъ тогда говорилось. Подъ этимъ туманнымъ терминомъ молодежь того времени разумѣла извѣстное мечтательное, болѣзненное настроеніе души, порывающееся къ чему-то неопредѣленно-высокому, которому на землѣ нѣтъ мѣста. Въ первоначальномъ своемъ значеніи „прекраснодушіе“ было ничѣмъ инымъ какъ піэтизмомъ, въ этомъ именно смыслѣ оно понято у Гёте, въ его „исповѣди пре-

красной души", откуда само слово было взято. Со временемъ оно усложнилось массою другихъ понятій и, въ конечномъ своемъ значеніи, почти равнялось тому, что мы привыкли называть рефлексіей. Какъ рефлексія, прекраснодушіе было необходимымъ моментомъ въ развитіи сознанія, и Бѣлинскій, проклиная его, какъ источникъ своего заблужденія, считалъ долгомъ оговориться:

„Есть двѣ рефлексіи—нормальная и болѣзненная. Первая есть условіе глубокой натуры; вторая—результатъ аналистическаго развитія. Что такое аналистическое развитіе? Резонерство, которое есть несвоевременное мышленіе о томъ, чего еще нѣтъ и не было въ созерцаніи. Это резонерство есть гниль сердечная, въ которой заводится червякъ, отравляющій всякое полное наслажденіе жизнью, а этотъ червякъ—болѣзненная рефлексія.

Счастіе существуетъ только для здоровыхъ натуръ, а не для такихъ огаженныхъ и осквернныхъ, каковы моя и К. А. (Конст. Аксаковъ) напримѣръ" (1839, 16 декабря).

Но Бѣлинскій не всегда строго проводилъ эту рѣзкую грань между рефлексіей и резонерствомъ, и въ первый годъ душевной и умственной ломки смотрѣлъ очень враждебно на всякій порывъ къ неизвѣстному, на всякую тоску по идеаламъ. Перебирая въ памяти весь ходъ своего развитія, Бѣлинскій видѣлъ, что въ основѣ всѣхъ его раннихъ тревогъ и настоящей неудовлетворенности лежала его неспособность отдаваться жизни со всей полнотою чувства, брать отъ нея только то, что она даетъ, и не дразнить себя надеждой на сбыточныя блага и наслажденія.

„Прекрасенъ блескъ семицвѣтной радуги, прекрасно зрѣлище сѣвернаго сіянія, но вѣдь онѣ не существуютъ въ дѣйствительности, вѣдь онѣ только обманчивыя отраженія солнца въ атмосферѣ; вѣдь дѣйствительность должна же быть мѣрою цѣны явленій духовнаго міра, какъ золото вещей матеріальныхъ? Иначе—что-же жизнь, если не сонъ и не мечта?" (1840, 30 декабря).

Бѣлинскій не хочетъ признать, что въ жизни есть мѣсто и дѣйствительности и мечтѣ, что нерѣдко дѣйствительность есть слабое отраженіе, частичное осуществленіе того, о чемъ во снѣ грезилось человѣку.

Теперь, когда онъ враждебно смотритъ на романтическое, рефлектированное отношеніе къ жизни, онъ начинаетъ завидовать всѣмъ своимъ знакомымъ, которые, какъ онъ говоритъ, обладаютъ цѣльными натурами. Онъ преклоняется передъ людьми, иногда неизмѣримо ниже его стоящими, только потому, что ихъ кругозоръ ужe и сердце ихъ довольствуется малымъ. Смѣшно читать въ перепискѣ Бѣлинскаго восхваленіе такихъ умѣренныхъ и аккуратныхъ людей, но и Ахиллесъ въ подземномъ царствѣ

завидовалъ простымъ смертнымъ, а Бѣлинскій въ то время жилъ дѣйствительно въ царствѣ печальныхъ призраковъ, и ему самому нерѣдко казалось, что онъ безучастной тѣнью скитается среди живого міра.

„А все Питеръ—спасибо ему, безъ него я теперь былъ-бы восторженнымъ дуракомъ и не зналъ-бы, что все дымъ". Но развѣ этимъ понятіемъ объ идеалѣ, какъ о „дымѣ", рѣшался вопросъ о собственномъ перевоспитаніи? И могъ-ли онъ быть рѣшенъ на почвѣ отреченія, когда вся природа Бѣлинскаго была живымъ протестомъ противъ всякаго отреченія?

Незамѣтно для самого себя Бѣлинскій попалъ въ логическій кругъ. Чтобы стать пригоднымъ къ жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворить той любви къ человѣчеству, какую Бѣлинскій въ себѣ чувствовалъ, надо было неминуемо объявить войну настоящему, и отъ успокоенія въ холодныхъ обобщеніяхъ и покорности передъ высшимъ разумомъ перейдти снова къ тревожному исканію новой, болѣе удовлетворительной истины, и къ выработкѣ новой практической программы. Чтобы въ этихъ поискахъ за истиной и въ этомъ выясненіи программы вновь не просчитаться, надо было взглянуть на жизнь попроще, обуздать свою рефлексію, подавить въ себѣ стремленіе къ неземному, слишкомъ высокому и идеальному, орудовать исключительно съ тѣмъ конкретнымъ содержаніемъ, какое даетъ конкретная жизнь, не пытаться взять отъ нея большаго, и главное не думать, не стремиться къ этому большему. Но откуда-же почерпнуть силу для этой борьбы, для этого вмѣшательства въ интересы ближняго и во имя чего-же вмѣшиваться? Конечно, во имя новой *отвлеченной* идеи, новаго метафизическаго принципа—понимаемаго хотя-бы въ смыслѣ нравственнаго *долга*, — который долженъ заступить мѣсто стараго и имѣть ту же обязанность. Жить безъ идеаловъ и высокихъ принциповъ, хотя-бы жить съ *пользой* для себя и для другихъ, было невозможно для человѣка, который хоть разъ въ жизни отвѣдалъ отъ заманчиваго плода жизни умозрительной, сознательной въ широкомъ смыслѣ, гармонической и въ мысляхъ и поступкахъ. Пусть форма этой гармоніи оказалась непригодной къ жизни, но потребность ея тѣмъ самымъ не уничтожалась. Но имѣть идеалъ въ жизни значитъ понять жизнь отвлеченно, т. е. впасть снова въ то „прекраснодушіе", ту неминуемую рефлексію, которая предшествуетъ въ человѣкѣ всякому общему, а не частичному и случайному выводу въ вопросахъ морали и познанія.

Бѣлинскій отчетливо понималъ, что онъ никогда отъ своего прекраснодушія не избавится, что рефлективное отношеніе къ жизни всегда будетъ сказываться въ его томленіи по идеаламъ.

„Кажется мнѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, если не во всѣхъ, навѣкъ остаться прекрасною душою. Лучшая сторона моя—чувство, сильное до изступленія и дикости, но безтолковое, чуждое всякой дѣйствительности. Это я глубоко сознаю въ себѣ“ (1842, 23 ноября).

Какъ-бы ни былъ Бѣлинскій близокъ къ отреченію отъ мечты о высокомъ, она никогда не покинетъ его. „Состояніе моего духа похоже на апатію. Ясный день—я счастливъ, но счастливъ животно, безъ мысли, безъ трепета любви, безъ страданія. Природа радуетъ мой организмъ, но не духъ... Судьба дала на мою долю только *бѣдныя*, но *вѣрныя* блага. Что дѣлать? Всякому своя дорога. При мысли о высшихъ благахъ грудь стѣсняется; сердце замираетъ и мною овладѣваетъ что-то похожее на бѣшеное отчаяніе. Духовныя потребности все сильнѣе и сильнѣе, но онѣ какъ огонь подъ снѣгомъ“ (1840, 13 іюня).

Ему кажется даже, что потеря этой мечты для него равносильна полному паденію.

„Есть-же такіе несчастные люди, надъ которыми отъ рожденія тяготѣетъ проклятіе, и которымъ нѣтъ удачи ни въ дѣлѣ, ни въ пустякахъ, и нѣтъ надежды на какое-либо счастіе въ жизни. Усталъ я, брате, и мысль о смерти какъ-то чаще приходитъ на умъ и какъ-то меньше прежняго леденитъ сердце, гдѣ такъ *безплодно*, такъ напрасно съ враждой боролась любовь, а умъ съ глупостью. Тургеневъ поразилъ меня нечаянно, сказавши къ слову, что Гегель гдѣ-то выразился, что дѣльный человѣкъ тотъ, кто, коли видитъ, что $2 \times 2 = 4$, такъ и ставитъ 4, а пустой (прекрасная душа) тотъ, кто хоть и видитъ, что $2 \times 2 = 4$, а все норовитъ, какъ-бы поставить 5 или 10. До сихъ поръ вся жизнь моя протекала въ томъ, что я видѣлъ и понималъ, что $2 \times 2 = 4$, а ставилъ 5. Теперь ужь не могу быть такъ глупо-малодушнымъ, но отъ этого мнѣ не легче—въ этомъ мой смертный приговоръ: ждать уже нечего, и въ душѣ распространяется холодъ, сырость и смрадъ могилы. Я держался глупостью—подпора упала—и я падаю съ нею“ (1843, 31 марта).

Это прекраснодушіе онъ считаетъ даже полезнымъ привить русской публикѣ:

„Пришла намъ съ Панаевымъ мысль перевести Вильгельма Мейстера. Наша публика въ рефлектированной поэзіи больше нуждается, чѣмъ въ художественной: послѣднюю она будетъ понимать, перешедши только черезъ первую. Объ идеяхъ безъ рефлектированной поэзіи тоже хоть не говори“ (1840, 19 марта).

Яснѣе всего этотъ круговоротъ мысли, эти противорѣчія между умомъ и сердцемъ отразились на литературныхъ мнѣніяхъ Бѣ-

линскаго. Сколько противорѣчія въ этихъ мнѣніяхъ въ промежутокъ какихъ-нибудь двухъ лѣтъ! Въ 1839 — 40 году поэзіи Шиллера отказано и въ красотѣ, и въ истинѣ; въ 1841 году Шиллеръ провозглашенъ апостоломъ человѣчества. Лермонтову обѣщана блестящая будущность, такъ какъ въ его поэзіи „нѣтъ рефлексіи", и въ этомъ-же году онъ признанъ геніемъ, какъ авторъ „Демона" и „Думы". Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ поставлены на ряду съ Гёте, и славу ихъ раздѣляетъ никто иной, какъ Гофманнъ.

Такое колебаніе въ критической оцѣнкѣ произведеній словесности было прямымъ слѣдствіемъ болѣе глубокаго колебанія нравственныхъ и умозрительныхъ принциповъ въ самомъ авторѣ; и какъ словесность была въ глазахъ Бѣлинскаго показателемъ общественной мысли и нравственности, такъ и его разсужденія о ней могутъ служить намъ показателемъ того направленія, какое принимали общественные идеалы самого критика.

Въ минуты духовной усталости, когда Бѣлинскій, разочарованный въ своихъ надеждахъ, предавалъ и жизнь и философію проклятію, считалъ все высокое дымомъ и призракомъ, для него оставалось одно убѣжище, одна область человѣческаго духа, корая не поддавалась ни логическому скептицизму, ни сердечному осужденію. Это—область искусства. Оно помирило Бѣлинскаго съ жизнью въ моментъ, когда онъ находился съ ней въ полномъ разладѣ. Искусство поддержало въ немъ падающую энергію. На этомъ обломкѣ человѣческой жизни, никогда не гибнущемъ среди общаго крушенія,—спасся и Бѣлинскій.

Какъ *отраженіе* жизни, искусство не допускало того лихорадочнаго, желчнаго отношенія къ себѣ, какое съ каждымъ годомъ развивалось въ Бѣлинскомъ по отношенію къ жизни реальной; какъ одухотворенная *общая* правда жизни, искусство, съ другой стороны, заставляло критика жить общими съ міромъ интересами, не позволяло ему забыться въ холодныхъ отвлеченностяхъ науки и мышленія, или въ слишкомъ жаркомъ, безотчетномъ преклоненіи сердца передъ тайной сверхчувственнаго міра. Все—и наука, и философія, и религія—слились для Бѣлинскаго на первое время въ искусствѣ, и ему онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Слѣдя внимательно за западной литературой, Бѣлинскій въ своемъ чтеніи столкнулся лицомъ къ лицу съ западной жизнью. Извѣстно, какіе идеалы преслѣдовала литература на Западѣ въ сороковыхъ годахъ. Французскій романтизмъ и „молодая" Германія воплотили въ образахъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи человѣчества,—моментъ, когда свободная личность человѣка отъ байронической замкнутости въ себѣ и презрительнаго отчужденія, отъ

высокаго, свободнаго эстетико-философскаго спокойствія Гёте и Шиллера, отъ религіознаго и туманнаго экстаза нѣмецкихъ романтиковъ—перешла къ прямому, свободному заявленію о своихъ правахъ, требованію признанія за собой права голоса въ вопросахъ нравственныхъ и политическихъ, а также и признанія свободной проповѣди своихъ идеаловъ.

Ключъ къ загадкѣ, мучившей Бѣлинскаго, былъ найденъ. Бѣлинскій нашелъ его въ произведеніяхъ Жоржъ-Зандъ, Беранже, Мицкевича, Луи Блана и въ статьяхъ изъ Hallische Jahrbücher.

Вотъ, въ какихъ словахъ онъ самъ описываетъ переворотъ, совершившійся въ его міровоззрѣніи.

„Боткинъ! въ немъ, въ этомъ прошедшемъ много дряни—не спорю; но забыть ее нѣтъ возможности, ибо съ нею соединено тѣсно и все лучшее, что было въ нашей жизни и что навсегда свято для насъ. Нѣтъ нужды говорить, что ни одинъ изъ насъ не можетъ похвалиться, ни упрекнуть себя бо́льшею долею дряни: количество равно съ обѣихъ сторонъ, и намъ нельзя завидовать другъ-другу или стыдится одинъ другаго....

Ты знаешь мою натуру; она вѣчно въ крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи. Я съ трудомъ и болью разстаюсь съ старою идеей, отрицаю ее до-нельзя, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита.

Итакъ, я теперь въ новой крайности, это — идея *соціализма*, которая стала для меня идеею идей, бытіемъ бытія, вопросомъ вопросовъ, альфою и омегою вѣры и знанія. Все изъ нея, для нея и къ ней. Она вопросъ и рѣшеніе вопроса. Она (для меня) поглотила и исторію, и религію, и философію. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою и всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался я на пути жизни.

Видишь-ли: мы дружились, ссорились, мирились, опять ссорились и снова мирились, враждовали между собой, неистово любили одинъ другаго, жили, влюблялись, — по теоріи, по книгѣ, непосредственно и сознательно. Вотъ, по моему мнѣнію, ложная сторона нашей жизни и нашихъ отношеній. Но должны-ли мы винить себя въ этомъ? И мы винили себя, клялись, проклинали, а лучше не было, нѣтъ и не будетъ. Любимая (и разумная) мечта наша постоянно была—возвести до дѣйствительности всю нашу жизнь, а слѣдовательно и наши взаимныя отношенія; и что-же! мечта была мечтой и останется ею; мы были призраками и умремъ призраками, но не мы виноваты въ этомъ и намъ не въ чемъ винить себя. Дѣйствительность возникаетъ на почвѣ, а почва всякой дѣйствительности—общество...

Общество живетъ извѣстной суммой извѣстныхъ убѣжденій,

въ которыхъ всѣ его члены сливаются воедино, какъ лучи солнца въ фокусѣ зажигательнаго стекла, понимаютъ другъ-друга, не говоря ни слова. Вотъ почему во Франціи, Англіи, Германіи люди, никогда не видѣвшіе другъ-друга, чуждые другъ-другу, могутъ сознавать свое родство, обниматься и плакать—одни на площади въ минуту возстанія противъ деспотизма за права человѣчества, другіе хотя въ вопросѣ о хлѣбѣ, третьи при открытіи памятника Шиллеру. Безъ цѣли нѣтъ дѣятельности, безъ интересовъ нѣтъ цѣли, а безъ дѣятельности нѣтъ жизни. Источникъ интересовъ, цѣли и дѣятельности—субстанція общественной жизни“ (1841, 8 сентября).

Въ этой исповѣди нѣтъ ни прежней ненависти, ни злобы на прошедшее, нѣтъ и страха передъ будущимъ: есть — свѣтлое и спокойное сознаніе своей цѣли, своего долга. Жизнь получила новый смыслъ и новое освѣщеніе. Передъ этой истиной нѣсколько поблѣднѣло даже и недавнее преклоненіе передъ прекраснымъ: „Мнѣ стыдно вспомнить, что нѣкогда я думалъ видѣть на головѣ моей терновый вѣнокъ страданія, тогда какъ на ней былъ просто шутовскій колпакъ съ бубенчиками. Какое страданіе, если стишонки Красова и —ѳ— были фактомъ жизни и занимали меня, какъ вопросы о жизни и смерти? Теперь иное: я не читаю стиховъ (и только перечитываю Лермонтова, все болѣе и болѣе погружаюсь въ бездонный океанъ его поэзіи) и когда случится пробѣжать стихотворенія Фета или Огарева, я говорю: „оно хорошо, но какъ-же не стыдно тратить времени и чернилъ на такіе вздоры?“ (1843, 6 февраля).

Чѣмъ дальше будетъ думать Бѣлинскій, тѣмъ все больше и больше будетъ крѣпнуть въ немъ это убѣжденіе, что обязанность человѣческой личности есть работа на пользу общества, работа мелочная, упорная и повседневная, но зато окупающаяся *осязаемымъ* добромъ, которое человѣкъ приноситъ. Только разъ, почти наканунѣ смерти, Бѣлинскій, критикуя въ частномъ разговорѣ извѣстную книгу Макса Штирнера, содрогнулся вновь передъ этимъ обреченіемъ *личности* на вѣчную и трудную работу въ пользу *общаго*.

Итакъ, только что приведенный послѣдній выводъ, купленный цѣною такихъ душевныхъ бореній, былъ въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ того-же самаго, что говорилось въ Москвѣ, — отказомъ отъ личной жизни въ пользу общей. Вѣдь тогда личность также смирялась передъ общимъ и, пожалуй, еще болѣе высокимъ *общимъ*, чѣмъ то *общество*, которое во всякомъ случаѣ есть лишь переходный, единичный моментъ въ исторіи развитія идеи человѣчества. Безправность единицы, ея гибель

была для Бѣлинскаго въ Москвѣ постулатомъ разума, и много-ли онъ выигралъ оттого, что она въ Петербургѣ стала для него постулатомъ сердца? Вся многосложная выкладка житейской теоремы привела повидимому къ тождеству, къ тому, что нуль равенъ нулю, какъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ Бѣлинскій.

Отчего-же этотъ новый нуль сталъ для него теперь дороже прежняго?

Бѣлинскій былъ не правъ въ своихъ ожесточенныхъ нападкахъ на московскую философію: у ней онъ научился многому тому, что сама жизнь едвали бы позволила ему понять и усвоить такъ горячо и и съ такой ясностью. Раннее знакомство съ философіей и постоянное стремленіе связать всѣ отдѣльныя проявленія человѣческаго духа и жизни въ одну осмысленную логическую систему—дали Бѣлинскому возможность, если не уразумѣть въ конечномъ смыслѣ тайну человѣческаго существованія, то по крайней мѣрѣ убѣдиться въ томъ, что такая тайна есть, и что она дозволяетъ мысли приблизиться къ себѣ на извѣстное разстояніе. Человѣкъ, хоть разъ въ жизни взошедшій на философскія высоты и подышавшій ихъ воздухомъ, не можетъ вернуться вновь къ блаженному состоянію не вопрошающаго и самодовольнаго покоя, не можетъ произвольно съузить вновь своего кругозора. Невозможно отстранить отъ себя вопросъ о томъ, есть-ли въ мірѣ что нибудь абсолютно истинное и абсолютно нравственное, если съ этимъ вопросомъ пришлось хоть разъ столкнуться. Изъ страны идеаловъ нѣтъ возврата, и кто во снѣ видѣлъ это царство, тотъ либо будетъ искать его на землѣ, либо предпочтетъ разстаться съ жизнью, но онъ никогда къ ея мелочности не приноровится. Когда Бѣлинскій въ раздраженіи пишетъ:

„Мы всѣ глупы, думая, что мы можемъ быть правы или виноваты: мы только получаемъ награды и наказанія, а дѣлаетъ за насъ судьба. Но главное, не смотри на вещи слишкомъ высоко, не придавай ничему слишкомъ важнаго значенія. Не должно дѣлать себѣ изъ жизни какой-то тяжелой работы, хотя и всегда должно жить, какъ живется“ (1841, 13 марта),

то мы можемъ напередъ сказать, что онъ говоритъ противъ своего убѣжденія. Не онъ ли сказалъ въ другомъ мѣстѣ:

„Я, Боткинъ, не герой, но люблю героевъ, и въ иныя минуты мнѣ кажется, что я пожертвовалъ-бы тысячью жизнями въ ознаменованіе моей безконечной любви и безконечнаго умиленія къ благородной жертвѣ долга, всегда предпочту ея безмолвное страданіе беззаконному, хотя и божественному, блаженству; но законъ-то, осуждающій на страданіе повинующагося ему, также какъ и неповинующагося, законъ-то этотъ я и ненавижу и презираю. Общее—

это палачъ человѣческой индивидуальности. Оно опутало его страшными узами: проклиная его, служишь ему невольно“ (1840, 12 августа).

Въ этихъ немногихъ словахъ заключена глубокая міровая истина, неоднократно подтвержденная апостолами человѣчества. Такое сознаніе нравственнаго долга и преклоненіе передъ нимъ, увѣренность въ немъ невидимомъ, какъ-бы видимомъ — могло явиться въ человѣкѣ только какъ результатъ строгаго философскаго мышленія. Изъ всѣхъ философскихъ обобщеній, за которыми Бѣлинскій гонялся въ Москвѣ, одно понятіе о долгѣ осталось живо въ его душѣ, оно поддержало его въ моментъ крушенія его перваго міровоззрѣнія и теперь вновь освятило въ его сердцѣ то новое „общее“, которому должны были быть принесены въ жертву его жизнь и счастіе. Нравственный долгъ является теперь главнымъ двигателемъ и рычагомъ его дѣятельности. Практическій разумъ, диктуя Бѣлинскому новую программу жизни, опирался на категорическій императивъ и нѣкоторые изъ своихъ постулатовъ, чтобы отстранить и смягчить безотрадные выводы, къ какимъ могла привести человѣка строгая критика чистаго разума, примѣненная къ явленіямъ жизни.

Какъ постулатъ практическаго разума является у Бѣлинскаго и требованіе личнаго безсмертія. Частью подъ впечатлѣніемъ смерти Станкевича, частью въ испугѣ отъ безотраднаго своего взгляда на жизнь, въ страхѣ передъ слѣпымъ фатализмомъ, Бѣлинскій пишетъ:

„Ты говоришь, что вѣришь въ свое безсмертіе, но что же оно такое? Если оно и то и другое, и все, что угодно—и стаканъ съ квасомъ, и яблоко, и лошадь,—то я поздравляю тебя съ твоею вѣрой, но не хочу ея себѣ. У меня у самого есть поползновеніе вѣрить то тому, то другому, то нѣтъ силы вѣрить, а хочется знать достовѣрно. Ты говоришь, что при извѣстіи о смерти Станкевича тебя вдругъ охватилъ вопросъ: что же стало съ нимъ? А развѣ это пустой вопросъ? Развѣ безъ его рѣшенія возможно примиреніе? Если такъ, то ты не любилъ Станкевича и еще ни разу не терялъ любимаго человѣка. Нѣтъ, я такъ не отстану отъ этого Молоха, котораго философія назвала Общимъ, и буду спрашивать у него: куда дѣлъ ты его и что съ нимъ стало? Ты говоришь—страшна потеря любимаго человѣка! А почему страшна она? Потому что она—потеря, потому что ужь нѣтъ и не будетъ больше потеряннаго. А должно-ли въ жизни быть что-либо страшное? Если смерть человѣка не страшна тебѣ, значитъ, ты не любилъ его; если ты любилъ его—она страшна тебѣ, а что страхъ—откуда онъ, изъ разумности или случайности? Ты говоришь, ради Бога

станемъ гнать отъ себя разсудочныя рефлексіи о *тамъ*, о будущей жизни, какъ понапрасну мѣшающія настоящему его силѣ и жизни. Прекрасно, но гдѣ достовѣрность того, что эти рефлексіи — разсудочныя, а не разумныя? Потомъ, я хочу прямо смотрѣть въ глаза всякому страху и ничего не гнать отъ себя, но ко всему подходить. Наконецъ: что даетъ тебѣ настоящее, которому (по старой привычкѣ) приписываешь ты и силу и жизнь? Что даетъ оно тебѣ? *дымъ фантазій?* Сражайся за него, ратуй елико возможно и не замѣчай, какъ злобно издѣвается оно надъ тобою" (1840, 5 сентября).

Смерти Бѣлинскій не боялся, но смотрѣть ей спокойно въ глаза все-таки не могъ. Какъ часто въ его письмахъ звучитъ грустная элегическая нота недобровольнаго отказа отъ жизни, какой бы пошлой и ничтожной эта жизнь ему ни представлялась:

„Судьба окурила меня ладономъ: повѣришь-ли, и теперь чудится запахъ тлѣнія и ладона. У гробовъ учусь я философіи, учусь презирать жизнь, учусь не вѣрить счастію и не бояться несчастья. Не знаю, какъ бы я приложилъ къ дѣлу это ученіе, но теперь я желаю одного счастія—умереть въ кругу друзей, съ увѣренностью, что имъ будетъ свята моя память и милы мои останки, что они съ честью предадутъ ихъ землѣ и проводятъ меня до послѣдняго жилища. И я боюсь одного только несчастія—умереть одному, вдали отъ дружнаго присутствія, и кто-бы первый изъ насъ ни смежилъ другому глаза—ты ли мнѣ, или я тебѣ—все равно, лишь бы не чужая рука смежила ихъ, и не апатическій взоръ холодно упалъ на холодный трупъ" (1842, 12 апрѣля).

Бѣлинскій слишкомъ полюбилъ свою новую идею, чтобы съ прежнимъ философскимъ спокойствіемъ смотрѣть на „разсѣяніе въ абсолютѣ".

Дѣйствительно, новый соціальный идеалъ, поставленный на мѣсто старой философской Изиды, приближалъ Бѣлинскаго къ землѣ, и, расширяя область его свободной дѣятельности, внушилъ ему весьма естественную заботу о самосохраненіи.

Поставивъ себѣ цѣлью работать надъ воспитаніемъ русскаго общества, какъ конкретнаго представителя идеи человѣчества вообще, Бѣлинскій мало-по-малу пересталъ ощущать въ своемъ сердцѣ ту гнетущую пустоту, которая мучила его при первомъ столкновеніи съ реальной жизнью. Эта возможность коснуться общественныхъ ранъ непосредственно и убѣдиться наглядно въ небезполезности своего существованія, насколько была она выше прежнихъ общихъ разсужденій о стремленіи человѣка къ высокому и о примиреніи съ жизнью на почвѣ высшихъ отвлеченій. Понятно, что при живомъ обмѣнѣ мыслей съ толпой, при живомъ

участіи въ ея страданіяхъ, Бѣлинскому казалось, что онъ началъ жить совсѣмъ иной жизнью, чѣмъ жилъ раньше. Разница была конечно громадная, но въ сущности и прежняя жизнь, и теперешняя сводились въ конечномъ обобщеніи къ одному и тому же, къ жертвоприношенію самого себя, какъ простой единицы, въ пользу чего-то болѣе сложнаго, болѣе высокаго и болѣе общаго.

Итакъ, отвлеченное непоколебимое понятіе о нравственномъ долгѣ, съ одной стороны, и живое участіе въ дѣлахъ общества, съ другой, — заставили Бѣлинскаго на этотъ разъ помириться съ мыслью о необходимости самопожертвованія, объ искупленіи, какимъ является въ мірѣ жизнь каждаго убѣжденнаго идеалиста.

Но было еще одно обстоятельство въ жизни Бѣлинскаго, которое поддерживало въ немъ эту вѣру и дѣлало ее особенно дорогой его сердцу.

Любовь, купленная цѣною тяжелыхъ утратъ и лишеній, сильнѣе и глубже любви, неосвященной страданіемъ. Страданіе само въ себѣ носитъ зародышъ любви, и всякая жертва, которую человѣкъ приноситъ другому человѣку или своей идеѣ, для него не только моментъ испытанія и страданія, но также живой родникъ, изъ котораго его любовь черпаетъ для себя и силу, и святость. Это взаимодѣйствіе любви и страданія—краеугольный камень, на которомъ покоится единственный законный оптимизмъ въ нашей жизни, именно наша увѣренность въ необходимости страданія личнаго, какъ опоры для нашей любви, которая сама по себѣ есть ничто иное, какъ отчужденіе своего *я* въ пользу внѣ насъ лежащаго міра, будетъ-ли то одно лицо или вообще судьба всего человѣчества въ его настоящемъ и грядущемъ.

Жизнь Бѣлинскаго была длиннымъ рядомъ разнообразныхъ лишеній, и любопытно, что самые тяжелые для него годы были временемъ наибольшаго развитія его идеализма, минутами, когда онъ всего болѣе любилъ свою идею. Его любовь дѣйствительно питалась страданіемъ. Бѣлинскому было не легко и въ Москвѣ, но особенно тяжело стало въ Петербургѣ. Публицистъ, готовый принести себя въ жертву обществу, терпѣлъ въ жизни однѣ неудачи, боролся съ нуждой и принуждаемъ былъ отказаться отъ всякаго личнаго счастія. Въ перепискѣ Бѣлинскаго есть много писемъ, гдѣ картина его личной жизни нарисована въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и мы, читая его туманныя критическія статьи того времени, которыя иногда такъ спокойны, такъ теплы своимъ идеализмомъ, не можемъ себѣ и представить среди какой неблагопріятной обстановки онѣ были написаны.

Мы не будемъ говорить подробно о всѣхъ лишеніяхъ, съ какими Бѣлинскому пришлось считаться; мы остановимся только

на одномъ вопросѣ, на вопросѣ о личномъ счастіи. Мы увидимъ, что и въ этомъ случаѣ Бѣлинскій остался неисправимымъ идеалистомъ.

Подъ личнымъ счастіемъ для молодого человѣка 29-ти лѣтъ разумѣлась, конечно, любовь женщины. Всѣ молодые московскіе философы приводили свое понятіе о любви въ связь со всѣми великими проблемами міра. Втѣсняя это чувство въ свои философскія системы и понимая его въ самомъ отвлеченномъ смыслѣ, они, воспитанные на германской поэзіи, представляли себѣ женщину не иначе, какъ какимъ-то эѳирнымъ существомъ, въ которомъ высокая идея любви, любви самой возвышенной, находила свое воплощеніе. Женщина была для нихъ тайной, а любовь таинствомъ, и къ этой тайнѣ молодые люди были, конечно, очень неравнодушны. Въ письмахъ Бѣлинскаго мы находимъ любопытныя указанія на сердечныя дѣла Станкевича, Боткина, самого Бѣлинскаго, а также на семью Б—хъ, откуда молодые люди въ вопросахъ любви черпали непосредственное вдохновеніе. Бѣлинскій, самая страстная изъ московскихъ натуръ, былъ на любовь особенно падокъ, и хотя Петербургъ и отрезвилъ его нѣсколько отъ романтическихъ приступовъ любовной горячки, но Бѣлинскій все же отводилъ любви одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ своей жизни. Сердясь на русскую словесность, т.-е. на свое прямое дѣло, онъ говорилъ:

„Странно устроено все на бѣломъ свѣтѣ! Любовь смѣшна и исполнена комизма по этой эгоистической сосредоточенности въ себѣ самой и разсѣянному равнодушію ко всему, что не она: но въ этомъ-то и заключается весь рай ея, все упоеніе. И если въ чемъ человѣкъ, особенно русскій человѣкъ, можетъ найдти хоть минутное счастіе, такъ это конечно въ любви, и ужъ конечно всего менѣе въ россійской словесности“ (1843, марта 31).

Страданія любви были для Бѣлинскаго самымъ острымъ страданіемъ. Еще въ Москвѣ ему пришлось испытать это на дѣлѣ. Онъ могъ, но не съумѣлъ быть счастливымъ. Чрезмѣрный идеализмъ помѣшалъ ему подойти къ женщинѣ близко, и онъ принесъ свою страсть въ жертву своимъ убѣжденіямъ.

„Разъ,—по ошибкѣ или невзначай—судьба послала было мнѣ минуту жизни и радости: прекрасная дѣвушка, возбудившая во мнѣ что-то похожее на страсть, млѣла въ моихъ объятіяхъ и звала въ свои роскошныя объятія, полныя нѣги, трепетнаго упоенія: во мнѣ кипѣла кровь и изнывала душа въ сладостной тоскѣ, а я въ это время рефлектировалъ и хлопоталъ о томъ, чтобы поступить сообразно съ выдуманною и небывалою дѣйствительностью, а главное — не отступить отъ хорошо обдуманнаго и на-

чертаннаго плана высшей жизни. На кого же жаловаться, ужъ конечно не на жизнь“ (1839, 19 декабря).

Принесши эту жертву, онъ однако на свою философію разсердился. Въ ней онъ увидалъ ту самую рефлексію, которая и безъ всякаго отношенія къ его личной жизни, стала ему, какъ мы видѣли, очень ненавистна. Фактъ этого отказа отъ любви въ угоду убѣжденію очень характеристиченъ; онъ указываетъ намъ на глубокую идеалистическую натуру Бѣлинскаго. Дѣйствительно, въ любви, какъ и въ остальномъ, Бѣлинскій, несмотря на совершившійся переломъ въ убѣжденіяхъ, остался идеалистомъ.

Любопытно прослѣдить, какъ мѣнялись его взгляды на личное счастіе въ занимающій насъ періодъ его духовнаго перерожденія.

Онъ хочетъ стать трезвымъ въ своихъ взглядахъ на женщину.

„Ты говоришь, что тебѣ необходимо женское общество—и мнѣ оно необходимо, но вотъ уже больше году, какъ я не видалъ ни одной женщины. Что-то промелькнуло было мимо меня, да и скрылось такъ скоро, что я не успѣлъ и удостовѣриться — дѣйствительно ли это женственное существо. Оно оставило впрочемъ во мнѣ какое-то странное впечатлѣніе: я о немъ или совсѣмъ забываю, какъ будто его не было и нѣтъ на свѣтѣ, а если вспоминаю, мнѣ становится такъ хорошо, а мысль о встрѣчѣ съ нимъ приводитъ меня въ такой страхъ....

Да, все равно, все это глупости, въ итогѣ которыхъ — ноль. Ахъ, Боткинъ, ты не можешь себѣ и вообразить, какъ я измѣнился. Нѣкогда ты упрекалъ меня въ недостаткѣ Entsagung: его и теперь нѣтъ, но вмѣсто его явилось презрѣніе, какое-то недовѣріе къ тѣмъ благамъ, которыхъ такъ мучительно еще недавно жаждала душа моя. Придутъ сами—ничто, попробуемъ, вѣдь надо же чѣмъ-нибудь занимать себя, живучи на бѣломъ свѣтѣ: не придутъ—чортъ съ ними, не о чемъ жалѣть, вѣдь все глупо и ничтожно, и всякій нуль равенъ нулю“ (1840, 5 сентября).

Но едва-ли видна трезвость въ этомъ взглядѣ. Въ основаніи его больше грусти, чѣмъ логики. Послѣ своей московской сердечной исторіи Бѣлинскій, вообще, грустно смотритъ на любовь.

„Я ужъ больше не мечтаю, — потребность жизни, не находя себѣ исхода и удовлетворенія, пожрала сама себя и я пустъ, какъ распитая бутылка, и въ утѣшеніе себѣ повторяю:

Любить? Но кого же? На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить не возможно.“ (1840, 3 февраля).

Въ другомъ письмѣ онъ снова пытается взглянуть на дѣло трезво, повинуясь своей новой теоріи—не предъявлять жизни неисполнимыхъ требованій.

„Чтобы наслаждаться жизнью, надо имѣть въ запасѣ нѣсколько

холодности и презрѣнія къ ней, и спѣшить на ея призывы и обольщенія, какъ ѣхать съ визитомъ къ человѣку, который очень нуженъ и важенъ для тебя со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ, и съ которымъ у тебя нѣтъ ничего общаго, котораго ты не любишь и не уважаешь за личный характеръ: и вотъ ты ѣдешь къ нему и думаешь: застану дома—хорошо, мои дѣлишки поправятся; не застану—еще лучше, избавлюсь отъ непріятности дружески бесѣдовать съ непріятнымъ для меня человѣкомъ. Одинаковая причина иногда рождаетъ различныя слѣдствія: ежели, съ одной стороны, минуты нашего бѣднаго существованія такъ кратки и подвержены надувательству, что намъ надо быть осторожными въ сколько нибудь важныхъ случаяхъ; то, съ другой стороны, жизнь наша такъ коротка и дрянна, что если мы будемъ гадать — четъ или нечетъ, то она пронесется мимо носу, а мы останемся съ четомъ или нечетомъ. Что до меня—узнай я, что дѣвушка (сколько нибудь не совсѣмъ пошлая) такъ любитъ меня, что не можетъ жить безъ меня, и будь при этомъ у меня обезпеченіе или у ней приданое—чорта-ли тутъ думать—вѣдь все равно, что одному зѣвать, что вдвоемъ. И потому, мой милый Боткинъ, смотри, какъ обстоятельства установятся, и вѣрь, что то и другое все равно: не женясь, ты ничего не выигрываешь (ибо зѣвота не есть выигрышъ) и ничего не проигрываешь (ибо не сковываешь себя); женясь, ты опять столько-же рискуешь проиграть, сколько и выиграть. Черезъ нѣсколько лѣтъ не будетъ ни насъ, ни костей нашихъ,—и кому будетъ не лѣнь и подумать о томъ, надъ чѣмъ ты теперь такъ много и крѣпко думаешь". (1841, 13 марта).

Не менѣе ясно высказывается этотъ взглядъ и въ другомъ письмѣ:

„Я теперь совершенно сознался себя, понялъ свою натуру: то и другое можетъ быть вполнѣ выражено словомъ That, которое есть моя стихія. А сознать это значитъ сознать себя заживо зарытымъ въ гробу, да еще съ связанными назадъ руками. Я не рожденъ для науки и даже для того тихаго кабинетнаго занятія любимыми предметами, которое такъ сродно твоей натурѣ. Да, я уже сказалъ себѣ: умирай—для тебя ничего нѣтъ въ жизни, жизнь во всемъ отказала тебѣ. Что до женщинъ—это тоже грустная исторія. Знаю, какъ жалокъ, какимъ ребенкомъ былъ я съ моими мечтами о сочувствіи и счастіи въ любви, съ моимъ дѣтскимъ обожествленіемъ женщины, этого весьма земного существа, но что же получилъ я въ замѣнъ утраченныхъ теперь, глупыхъ, но поэтическихъ мечтаній? Новую пустоту въ душѣ, какъ будто она и безъ того была не довольно пуста. Женщина потеряла для меня весь интересъ, способность любить утрачена, узы брака пред-

ставляются не другимъ чѣмъ, какъ узами, а одиночество терзаетъ, высасываетъ кровь капля по каплѣ. Увы!

Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой!

Осталось для меня въ женщинѣ только одно—роскошныя формы, трепетъ и млѣніе страсти, словомъ, осталась для меня только греческая женщина, а миѣна среднихъ вѣковъ скрылась навсегда. Не чувствуя въ себѣ самомъ способности не только къ вѣчной страсти, но и къ продолжительной связи съ какою-бы то ни было женщиной, я не вѣрю ужь той любви, которыя еще такъ недавно была первымъ догматомъ моего катихизиса. Авторитеты Пушкина и подобныхъ ему натуръ еще болѣе утвердили это невѣріе. Можетъ быть, я еще и могу увлечься женщиною и любить ее, но не могу видѣть въ ней ничего больше женщины — существа, по своей духовной организаніи слабаго, бѣднаго, жалкаго. Красота еще владѣетъ (въ мечтѣ) моей душою, но что такое красота? Годъ, одинъ годъ жизни *женщины*, отъ той минуты, какъ перестала быть *дѣвушкой* и почувствовала, что она *мать*“ [1840, 30 декабря].

Но вотъ что говоритъ Бѣлинскій въ концѣ 1841 года:

„Боткинъ ты любилъ—и твоя любовь кончилась ничѣмъ. Это исторія и моей любви. Станкевичъ былъ выше по натурѣ обоихъ насъ, — и та же исторія. Нѣтъ, не любить намъ и не быть намъ супругами и отцами семействъ. Есть люди, которыхъ жизнь не можетъ проявиться ни въ какую форму, потому что лишена всякаго содержанія: мы же—люди, для необъятнаго содержанія жизни которыхъ ни у общества, ни у времени нѣтъ готовыхъ формъ. Я встрѣчалъ и внѣ нашего кружка людей прекрасныхъ, которые дѣйствительнѣе насъ, но нигдѣ не встрѣчалъ людей съ такою ненасытимою жаждою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способностью самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы“ [1841, 8 сентября].

Эти послѣднія слова всего вѣрнѣе отражаютъ задушевную мысль Бѣлинскаго о личномъ своемъ счастіи. Какъ раньше, въ гнѣвѣ на безплодныя философскія обобщенія, Бѣлинскій давалъ себѣ слово не сотворять повыхъ кумировъ и брать отъ жизни только то, что она дать можетъ, такъ и въ вопросѣ о личномъ счастіи онъ хотѣлъ понизить свои требованія. Но и въ первомъ и во второмъ случаѣ онъ не смогъ этого сдѣлать. Отвлеченное божество онъ замѣнилъ божествомъ болѣе реальнымъ, но отдался ему съ прежнимъ идеалистическимъ рвеніемъ и безкорыстнымъ самопожертвованіемъ, а въ личной своей жизни онъ, какъ былъ неудовлетворенъ, такъ и остался. Онъ не испыталъ высшаго земного утѣшенія въ самые трудные годы своей жизни.

Умственный и нравственный переломъ застигъ Бѣлинскаго въ годы одиночества, когда, лишенный дружеской поддержки и личнаго счастія, онъ боролся съ нуждой за свое очень скромное существованіе.

Чѣмъ мрачнѣе однако были обстоятельства, при какихъ слагалось новое міровоззрѣніе Бѣлинскаго, тѣмъ цѣннѣе для насъ его сущность. Понять такъ широко обязанности человѣка и гражданина, и притомъ въ моментъ, наиболѣе неблагопріятный для душевнаго спокойствія и благодушнаго отношенія къ міру и ближнему, значило—подтвердить собственнымъ примѣромъ ту великую истину, что правая идея можетъ одна, независимо отъ всѣхъ условій, торжествовать въ человѣкѣ.

Передъ этимъ общимъ результатомъ двухлѣтнихъ тревогъ ума и сердца должны поблѣднѣть тѣ неизбѣжныя минуты усталости и упадка духа, когда Бѣлинскій ропталъ на свою судьбу, сомнѣвался въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, очертя голову предавался наслажденію *бѣдными*, но *вѣрными* благами жизни и грустилъ о своемъ московскомъ прошломъ.

Н. Котляревскій.

Два письма В. Г. Бѣлинскаго и одно письмо В. П. Боткина.

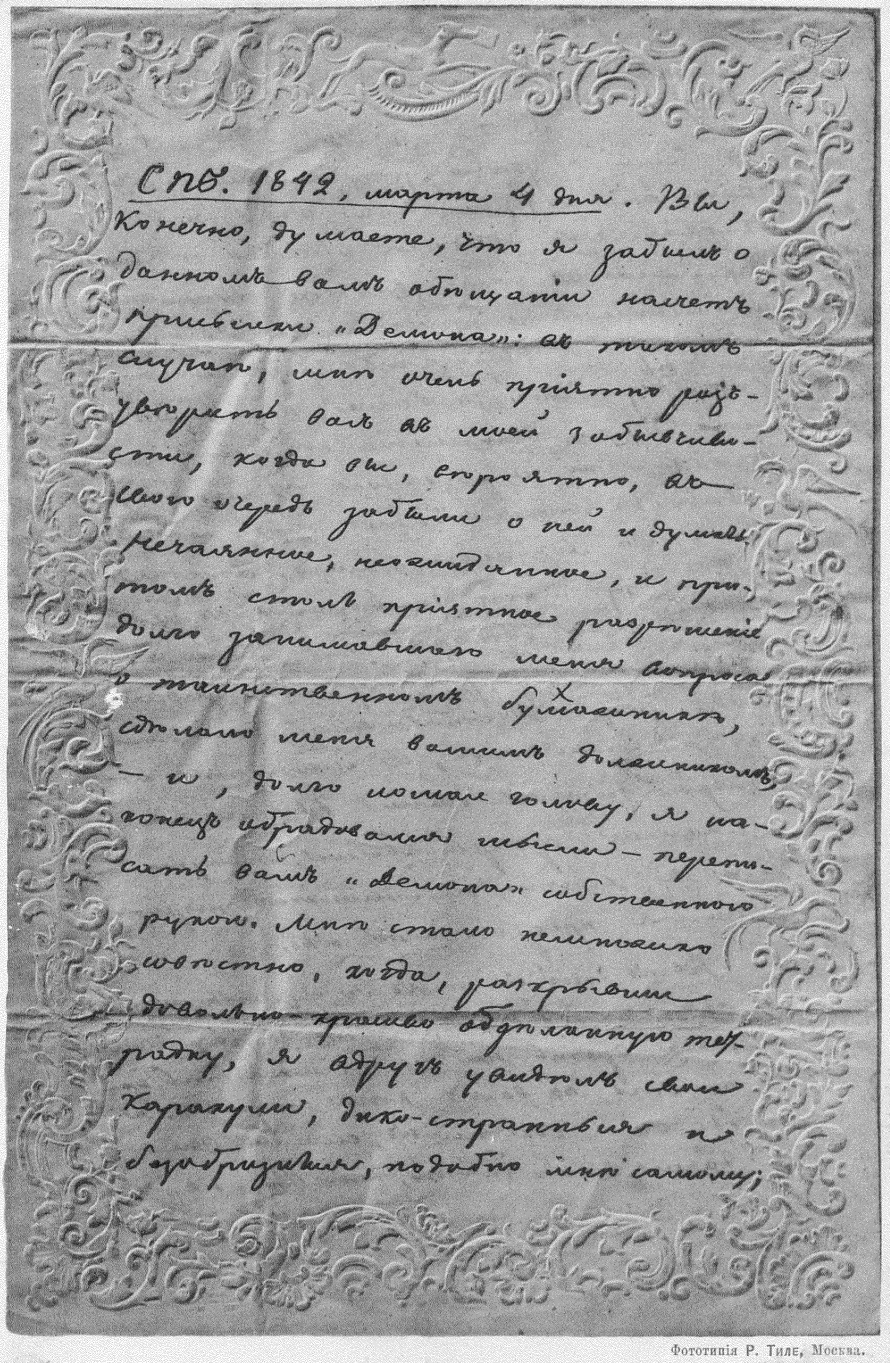
(*Сообщилъ, съ примѣчаніями, Г. А. Джаншіевъ*).

I. Письмо Бѣлинскаго къ М. В. Орловой.

СПБ. 1842, марта 4 дня. Вы, конечно, думаете, что я забылъ о данномъ вамъ обѣщаніи насчетъ присылки „Демона“: въ такомъ случаѣ, мнѣ очень пріятно разъувѣрить васъ въ моей забывчивости, когда вы, вѣроятно, въ свою очередь забыли о ней и думать. Нечаянное, неожиданное, и при томъ столь пріятное разрѣшеніе долго занимавшаго меня вопроса о таинственномъ бумажникѣ, сдѣлало меня вашимъ должникомъ,—и, долго ломая голову, я наконецъ обрадовался мысли—переписать вамъ „Демона“ собственною рукою. Мнѣ стало немножко совѣстно, когда, раскрывши довольно-красиво обдѣланную тетрадку, я вдругъ увидѣлъ свои каракули, дико-странныя и безобразныя, подобно мнѣ самому; но если я узнаю (разумѣется отъ васъ самихъ), что вы въ этихъ каракуляхъ увидѣли именно то, что должно въ нихъ увидѣть—: желаніе небольшимъ и пріятнымъ для меня трудомъ выразить вамъ мою благодарность за ваше, незаслуженное мною, вниманіе ко мнѣ,—то нисколько не раскаюсь въ томъ, что не нанялъ для переписки поэмы—хорошаго писца. Это и было причиною замедленія въ исполненіи моего обѣщанія: я лѣнился приняться за работу, одна мысль о которой доставляла мнѣ столько наслажденія, и минуты которой потомъ были для меня такими прекрасными минутами, что я, конечно, не слишкомъ торопился прекратить ихъ.

Вотъ что̀ считалъ я нужнымъ объяснить вамъ, и вотъ что̀ рѣшило меня взять на себя смѣлость написать къ Вамъ эти строки: я былъ бы очень счастливъ, если-бы вы дали мнѣ знать, что вы не считаете моей смѣлости совсѣмъ непростительною.

Но взявши на себя одну смѣлость, я не могъ удержаться и



СПб. 1842, марта 4 дня. Вы, конечно, думаете, что я забыл о данном вами обещании начать „Дельвига“: ах, нет, я очень приятно развлекаюсь вами в мои забывчивости, когда вы, вероятно, вам самим уже давно обо мне думаете, нечаянно, неожиданно, и приятное разочарование долго занимавшего меня вопроса таинственным X уничтожит, сделав меня вашим должником — и, долго помня голову, я наконец избавлюсь ее писать — перестать вам „Дельвига“ собственного рукою. Мне стало неловко известно, когда, разобравшись в давно-прошедшую тетрадку, я друг у друга свои каракули, дико-странные и безобразные, подобно мне самому;

Фототипія Р. Тиле, Москва.

Автографъ В. Г. Бѣлинскаго.

отъ другой—именно отъ желанія доставить моему лучшему другу удовольствіе вашего знакомства, котораго онъ сильно желаетъ, зная васъ черезъ меня и А. Д. Галахова. Пусть будетъ это ему отъ меня въ награду за его готовность принять на себя хлопоты полученія съ почты тетради и доставленія ея къ вамъ. Можетъ быть, я слишкомъ далеко простираю мою смѣлость, но прошу васъ позволить Василію Петровичу Боткину явиться къ Вамъ,—хоть для того, чтобы передать мнѣ, увѣрить меня, что моя дерзость не превосходитъ вашей снисходительности,—если вы не захотите передать мнѣ этого непосредственно отъ самихъ себя, и тѣмъ подарить счастливымъ днемъ человѣка, слишкомъ бѣднаго счастливыми днями.

Вашъ покорный слуга
В. Бѣлинскій

P. S. Еслибы (чего я, впрочемъ, не надѣюсь) вамъ нужно было что нибудь поручить мнѣ, по части книгъ или чего другаго,—то я почелъ-бы для себя за счастіе выполнить ваше порученіе. Въ такомъ случаѣ, лучше всего адресоваться ко мнѣ черезъ контору „Отеч. записокъ“, по адресу, который можно видѣть на оберткѣ каждаго нумера ихъ.

Примѣчаніе. Семейная жизнь Бѣлинскаго почти вовсе неизвѣстна. Но все, что извѣстно о ней, даетъ право заключить, что и въ частной жизни онъ являлся такимъ-же чистымъ, добрымъ, гуманнымъ идеалистомъ, какимъ знаетъ его публика по его литературнымъ произведеніямъ. Немного найдется мыслителей, коихъ личное поведеніе и частная жизнь въ такой-же степени согласовались бы съ проповѣдываемыми нравственными принципами, какъ это можно видѣть на Бѣлинскомъ. Не смотря на тяжелую нужду, которая преслѣдовала его всю жизнь, ни одинъ двусмысленный шагъ не омрачаетъ печальную, но чистую повѣсть его трудовой жизни.

Въ этомъ отношеніи Бѣлинскому нечего бояться „нескромныхъ разоблаченій“ друзей или враговъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе станутъ извѣстны подробности его частной и даже интимной жизни, тѣмъ привлекательнѣе будетъ дѣлаться его и безъ того столь симпатичная личность. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить печатаемыя ниже, отрывочныя, но вполнѣ правдивыя „Воспоминанія“ о Бѣлинскомъ свояченицы его, А. Е. Орловой, жившей у него въ домѣ послѣ его женитьбы въ теченіе пяти лѣтъ.

Если, вообще, семейная жизнь Бѣлинскаго мало извѣстна, то его „романъ“, исторія его любви и вовсе неизвѣстна. Печатаемое здѣсь впервые письмо его отъ 4-го марта 1842 г. къ Марьѣ Васильевнѣ

Орловой, впослѣдствіи его женѣ,—одна изъ главъ этого романа, который такъ-же чистъ, безупреченъ и благороденъ, какъ и вся его жизнь. Знакомство Бѣлинскаго съ Марьею Васильевною, классною дамою въ Московскомъ Александровскомъ Институтѣ, началось за-долго до написанія этого письма.—Личному знакомству предшествовали литературныя симпатіи. М. В., дѣвушка съ хорошимъ образованіемъ, чуткимъ сердцемъ и тонкимъ вкусомъ, была одною изъ первыхъ читательницъ и почитательницъ Бѣлинскаго. Въ 1834 г. началась литературная дѣятельность Бѣлинскаго, и уже въ 1835 г. А. Д. Галаховъ знакомитъ его съ М. В., какъ съ его поклонницею.

Печатаемое письмо написано семь лѣтъ спустя послѣ перваго знакомства. Бѣлинскій долго не рѣшался на вступленіе въ бракъ, считая послѣдній „роскошью“, доступною только людямъ со средствами. Въ теченіе этого времени Бѣлинскій поднесъ Марьѣ Васильевнѣ нѣсколько стихотвореній, которыя писалъ для него поэтъ В. И. Красовъ *) (см. ниже). Между Бѣлинскимъ и М. В. установилась тихая дружба, которой, по вѣрному наблюденію французовъ, отнюдь не вредятъ маленькіе взаимные подарки. По поводу одного такого обмѣна „сюрпризами» и написано печатаемое посланіе Бѣлинскаго.

Самый внѣшній видъ этого письма, такъ мало вяжущагося съ нашимъ обычнымъ представленіемъ о сурово-аскетической фигурѣ Бѣлинскаго, указываетъ на то, что въ это время онъ, подъ вліяніемъ охватившей его „нѣжной страсти“, переживалъ одни изъ тѣхъ счастливыхъ дней, которыми, по его собственному признанію, такъ бѣдна была его жизнь *). Письмо написано на бѣлой почтовой бумагѣ небольшого формата, теперь пожелтѣвшей отъ времени. Любопытны выдавленныя на первой страницѣ рельефныя виньетки (см. прилагаемую фототипію), которыя, повидимому, аллегорически должны были иллюстрировать содержаніе письма. Виньетка составлена изъ переплетающихся между собою гирляндъ и арабесокъ, между коими порхаютъ лебеди, а на самомъ верху страницы изображена стремглавъ бѣгущая левретка съ конвертомъ въ зубахъ *).

При этомъ былъ приложенъ не менѣе интересный отвѣтный

---

*) Вас. Ив. Красовъ (род. 1810, † 1855), поэтъ-идеалистъ, помѣщалъ свои стихотворенія въ *Отечественныхъ Запискахъ* въ началѣ 40-хъ годовъ. Красовъ сначала былъ профессоромъ русской словесности въ Кіевскомъ университетѣ, а потомъ преподавателемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Москвѣ.

*) Помѣщаемое письмо опровергаетъ, такимъ образомъ, мнѣніе г. Котляревскаго, высказанное выше, что Бѣлинскій—„не испыталъ высшаго земного утѣшенія въ самые трудные годы своей жизни“, именно въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ. Повидимому, онъ любилъ, но не вѣрилъ взаимности или сомнѣвался въ ней. *Прим. Ред.*

*) Подлинное письмо хранилось у дочери Бѣлинскаго, Ольги Виссаріоновны, по мужу Бензи, отъ которой, съ о. Корфу, осенью 1891 г. поступило ко мнѣ.

„сюрпризъ“. М. В. вышила собственноручно и доставила Бѣлинскому черезъ одну знакомую даму бумажникъ, прося не объявлять ему имени подносительницы. Но Бѣлинскій самъ догадался и въ отвѣтъ тоже пожелалъ послать собственноручную работу. Съ этою цѣлью онъ переписалъ своею рукою всю поэму „Демонъ“ *), не появлявшуюся еще въ то время въ печати. Таковъ поводъ письма.

Не смотря на всю незначительность повода, какъ изящно и даже содержательно само письмо. Ни одного двусмысленнаго намека, а между тѣмъ какъ вѣетъ отъ каждой строки пламеннымъ дыханьемъ горячей страсти **). — Глухая борьба между сильнымъ чувствомъ, ищущимъ внѣшняго исхода, и голосомъ разсудка, сдерживающимъ выраженіе его въ предѣлахъ, обязательныхъ относительно дѣвушки, которую авторъ письма не смѣетъ назвать своею женою,—составляетъ содержаніе этого короткаго, простаго, но полнаго жизни и изящнаго стиля—посланія.

Гр. Джаншіевъ.

II.

Письмо В. П. Боткина къ Бѣлинскому.

22 апрѣля 1842. Москва.

Да успокоится наконецъ твое ожиданіе и да снидетъ миръ на твою душу: сегодня былъ я въ институтѣ и видѣлъ М. В. О. *). Впечатлѣніе, произведенное ею на меня, – вообще очень пріятное. Святители! какая это была прекрасная дѣвушка! Теперь, когда уже ей вѣроятно около 30 лѣтъ,—а такіе годы страшны для дѣвушекъ,—и теперь еще сколько огня въ этихъ прекрасныхъ глазахъ, сколько прекраснаго въ ея взглядѣ, особенно когда она смотритъ изъ подлобья. Безъ всякаго чувства субъективнаго стремленія — во мнѣ есть желаніе ближе познакомиться съ нею. Она не распечатала при мнѣ твою посылку, слѣд. и не читала твоего письма; и потому я подъ предлогомъ моего отъѣзда въ СПБ. опять отправлюсь къ ней, не поручитъ-ли она, сирѣчь,

*) Манускриптъ Бѣлинскаго, переплетенный въ зеленый кожаный переплетъ съ литерами М. О., былъ присланъ мнѣ съ о. Корфу А. В. Орловой. Заключавшимися въ этой рукописи варіантами воспользовалась фирма Кушнерева для своего послѣдняго изданія сочиненій Лермонтова, а самая рукопись, по желанію г-жи Орловой, передана мною въ Румянцевскій Публичный Музей.

**) См. ниже письмо В. П. Боткина, посѣтившаго М. В. Орлову, по просьбѣ Бѣлинскаго, и дающаго въ письмѣ отчетъ о своемъ визитѣ.

*) Марью Васильевну Орлову, впослѣдствіи жену Бѣлинскаго. — Письмо Боткина представляетъ отчетъ своему другу о передачѣ его письма (помѣщеннаго ранѣе) и списка „Демона“ Марьѣ Васильевнѣ, съ замѣчаніями о личности этой особы.

что сказать тебѣ. Прекрасная дѣвушка! Жаль одного только, что тонъ ея голоса нѣсколько грубъ,—но къ нему однако-жъ скоро привыкаешь. Лучше всего то, что она совершенно проста и нисколько не натянута. Что же касается до женитьбы на дѣвушкѣ такихъ лѣтъ, — то я относительно себя это считаю возможнымъ при одномъ условіи: надобно, чтобы дѣвушка привязала меня къ себѣ своимъ нравственнымъ характеромъ, и красота внутренняя заставила бы меня забыть внѣшніе недостатки; а то во мнѣ слишкомъ много чувства пластической красоты, слишкомъ много чувственныхъ элементовъ. Я ошибался и думалъ о себѣ черезъчуръ хорошо, полагая, что добрыя качества дѣвушки заставятъ меня забыть въ ней недостатки *формы*, которыя придаютъ женщинѣ такую красоту—теперь вижу, что для этого мало добрыхъ качествъ, чувствую, что эти недостатки не могутъ быть примирены высшими, нравственными свойствами. Во мнѣ еще слишкомъ много чувства формы, еще слишкомъ часто посѣщаетъ меня стремленіе насладить глаза и осязаніе прекрасною формою, которыя однѣ, внѣ всякаго содержанія, имѣютъ для меня увлекательную прелесть, хотя въ то же время скажу, что не усумнусь (sic) ни на минуту и почту для себя величайшимъ счастіемъ жениться на Т. Б. Мнѣ интересно знакомство съ М. В. и я ожидаю отъ него много душевнаго удовольствія; я уже просилъ у нея позволенія привесть ей нѣкоторыя книги, говорилъ ей о Жоржъ Зандѣ, которую она не любитъ, но я надѣюсь ввести ее въ милость и любовь. Съ ней очень охотно говорится, и натура ея, кажется, доступна очень многому. Все, что я говорю тебѣ,—говорю въ самомъ холодномъ разсудкѣ, поэтому ты можешь видѣть, — что первое впечатлѣніе было совершенно въ пользу М. В. Ты не подумай, чтобы я считалъ М. В. лишенною высшихъ нравственныхъ качествъ, — то, что я говорилъ выше, говорилъ только о женщинахъ вообще, — напротивъ, я готовъ скорѣе заключить, что такія качества есть въ М. В., нежели то, что она лишена ихъ. Мнѣ всегда становится тяжело, когда подумаю о томъ, какое развитіе получаютъ у насъ женщины, и какъ много прекрасныхъ натуръ принуждены всю жизнь свою оставаться няньками, экономками, растеніями,—лишенными высшаго (зачеркнуто: „дара и“ и надписано—) блаженства: чувствовать и сознавать себя человѣкомъ. Пока прощай.—Стану читать теперь Le Comp. de tour de France. Какое удовольствіе доставляетъ мнѣ этотъ превосходный романъ!—Требую, чтобы изъ васъ кто нибудь прочелъ его.

На оборотной сторонѣ:

23 утро.

Мнѣ захотѣлось напомнить тебѣ эти стихи изъ Онѣгина:

— Но жалокъ тотъ, кто все предвидѣлъ,
Въ комъ не кружится голова,
Кто всѣ движенья и слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ охладилъ—
И забывалъ и запретилъ

(Ниже, женскою рукою, приписка: „письмо Боткина къ Бѣлинскому)".

III.

Письмо Бѣлинскаго къ Н. С. Селивановскому.

Николай Семеновичъ!

Находясь въ совершенной крайности, до какой только можетъ дойти неразсчетливый человѣкъ, я рѣшаюсь попытаться своего счастія около васъ. Коротко и ясно: не можете-ли вы ссудить меня довольно значительною суммою на довольно значительный срокъ? Только вслѣдствіе того инстинктуальнаго чувства, которое заставляетъ ограничивать просьбу изъ боязни отказа, прошу у васъ не менѣе *трехъ сотъ* рублей—и не менѣе, какъ на *пять* мѣсяцевъ. Если вы будете имѣть столько великодушія или столько безразсудности, чтобы повѣрить такую сумму человѣку, для котораго такая сумма хотя еще и не Богъ знаетъ что, но котораго всѣ источники заключаются въ трудѣ и потѣ лица, и котораго *завтра* токже не надежно, какъ Московская погода, то — дружеское спасибо вамъ. Если-же, по какимъ-бы то ни было причинамъ, вы не захотите или не будете въ состояніи исполнить моей просьбы, то черкните, на этой-же запискѣ, короткое *нѣтъ*. Вашъ отказъ ни мало не уменьшитъ моего къ вамъ уваженія и расположенія, ибо я думаю, что всякій человѣкъ имѣетъ полное право быть господиномъ своихъ денегъ, какъ и господиномъ своихъ поступковъ, да притомъ-же мои съ вами отношенія еще не такъ тѣсны, чтобы я имѣлъ право требовать отъ васъ подобныхъ одолженій и сердиться на васъ въ случаѣ отказа. Въ такомъ случаѣ прошу объ одномъ: не напоминать мнѣ объ этомъ дѣлѣ ни словомъ, ни взглядомъ; я буду умѣть уважить ваши причины, не зная ихъ, умѣйте-же и вы пощадить мое чувство, которое, вѣрно, вамъ будетъ понятно. Я вчера разъ десять заикался заговорить объ этомъ, но рѣшился писать, потому что *epistolia non rubescit*, а я всегда (зачеркнуто: „красн.") имѣлъ дурную привычку кра-

снѣть, когда просилъ о какомъ-нибудь одолженіи даже своего отца. Итакъ — короткое и *немедленное* да или нѣтъ? и чтобъ и въ томъ и другомъ случаѣ о дѣлѣ не было помину.

Вашъ Бѣлинскій *).

1835. Октября 27 дня.

(Ниже приписано красными чернилами и другою рукою:

„октября 27 дано
250 р. ас.“)

*) *Примѣчаніе.* Приведенное письмо написано на листкѣ (о двухъ страницахъ) малаго почтоваго формата, довольно грубаго качества и нѣсколько рыжеватыми чернилами. Возвращеніе этого письма къ Бѣлинскому указываетъ, повидимому, на отдачу долга.—Н. С. Селивановскій, сынъ извѣстнаго Московскаго типографа, былъ, по словамъ А. Н. Пыпина, человѣкъ университетскаго образованія и съ достаточными средствами, имѣлъ литературные вкусы и любилъ собирать у себя представителей Московской литературы.

Воспоминанія о Марьѣ Васильевнѣ Бѣлинской.

Въ 1835 году Марья Васильевна Орлова познакомилась у Петровыхъ съ Виссаріономъ Григорьевичемъ Бѣлинскимъ, который много разъ бывалъ у нея въ Александровскомъ институтѣ, гдѣ она служила классной дамою. Въ некрологѣ ея сказано, что институтское начальство преслѣдовало ее за знакомство съ Бѣлинскимъ, которому и запретило бывать въ институтѣ. Это невѣрно. Ничего подобнаго не было, да и не могло быть, потому что начальницей этого заведенія была тогда женщина энергичная, развитая и умная, одаренная сверхъ того очень независимымъ характеромъ. Съ перваго знакомства Марья Васильевна очень нравилась Бѣлинскому, чему доказательствомъ служатъ, между прочимъ, многія стихотворенія поэта Красова, написанныя по заказу Бѣлинскаго на ея счетъ (см. приложеніе); но о женитьбѣ, по своей бѣдности, онъ не могъ и думать.

Не смотря на замѣчательную тогдашнюю красоту, въ сестрѣ не было ни малѣйшаго кокетства и жеманства, а какая то почти царственная и строгая простота. За отсутствіе кокетства Бѣлинскій впослѣдствіи упрекалъ ее, говоря, что женщина должна быть немного кокетливой, — это придаетъ ей пикантности. — „Поздно мѣняться—мнѣ уже 30 лѣтъ“, отвѣчала она.

Черезъ А. Д. Галахова Бѣлинскій зналъ, что статьи его читаются Марьей Васильевной и цѣнятся ею высоко, а прежде онъ думалъ, что женщины не станутъ читать его.

Изъ письма Бѣлинскаго при посылкѣ „Демона“, которое вручилъ ей пріятель его, В. П. Боткинъ, а также и изъ письма Боткина о впечатлѣніи, которое сестра сдѣлала на него при свиданіи (оба письма помѣщены въ этомъ же сборникѣ), видно, что сестра, не будучи еще женой Бѣлинскаго, никоимъ образомъ не обѣщала быть Далилой, какъ это невѣрно фантазируетъ Г. Протопоповъ (въ біографіи Бѣлинскаго, изд. Павленкова).

Нисколько не похожа она была и на жену Ге не, которая не

имѣла и смутнаго понятія о геніальности своего мужа. Жена Бѣлинскаго имѣла, напротивъ, очень ясное понятіе о значеніи своего мужа, котораго любила и уважала глубоко. Только между ними никогда не было видно никакого миндальничанья; любовь ихъ была слишкомъ цѣломудренна, и оба не любили выказывать своихъ чувствъ. Бѣлинскій очень цѣнилъ литературный вкусъ и тактъ жены и подчасъ удивлялся мѣткости и вѣрности ея сужденій.

Въ 1843 году, въ бытность Бѣлинскаго въ Москвѣ, онъ пріѣхалъ навѣстить сестру въ Сокольникахъ, гдѣ она послѣ болѣзни жила на дачѣ съ своими родственниками. Здѣсь узналъ онъ, что по болѣзни она должна была оставить службу; на ея мѣсто поступила я, а она жила со мною.

Бѣлинскій сдѣлалъ ей предложеніе и въ ноябрѣ они обвѣнчались. По словамъ Панаевой, послѣ женитьбы Бѣлинскій рѣже сталъ уходить изъ дому,—его уже не давило уединеніе; когда онъ не писалъ, то часто до поздней ночи они говорили и спорили чуть не до слезъ; — сестра была очень настойчива и упорна въ своихъ мнѣніяхъ. Во время этихъ разговоровъ, я уходила къ себѣ, особенно когда родилась Ольга, которую ни днемъ, ни ночью не оставляла одну съ нянькой. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ между Бѣлинскимъ и его женой не было ни одной ссоры, а только споры безконечные. Одинъ разъ въ шутку онъ назвалъ жену Ксантипой, а себя Сократомъ, потому что сестра ворчала на него, когда онъ, выходя, забывалъ надѣть калоши или когда новый галстухъ носилъ дома, а въ старомъ шелъ въ гости.

Съ 1843 по 1846 годъ было мало писемъ Бѣлинскаго; изъ этого видно, что семейная жизнь была ему по душѣ, въ чемъ онъ не разъ признавался.—„Еслибы ты знала, говорилъ онъ женѣ, какъ тяжело и противно было мнѣ прежде возвращаться домой, точно въ тюрьму шелъ. Часто совсѣмъ больной и въ мерзѣйшую погоду плетусь куда-нибудь, чтобъ только не оставаться одному“.

Но болѣзнь, безъисходная бѣдность и срочная работа не давали ему отдохнуть.

Разъ вечеромъ Бѣлинскій сказалъ кому-то изъ пріятелей: „Еслибъ я имѣлъ власть, то запретилъ бы именнымъ указомъ подлецамъ бѣднымъ жениться: мало того, что сами гибнутъ, но и заѣдаютъ жизнь другого“. На это никто, конечно, ему ничего не возразилъ.

А. Н. Пыпинъ совершенно справедливо говоритъ, что у домашняго очага началась для Бѣлинскаго новая жизнь съ особыми интересами и тревогами. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы жена его внесла въ домъ *особыя* тревоги; — эти тревоги (болѣзнь и

безденежье) и прежде существовали, а теперь, съ увеличеніемъ семьи, не могли исчезнуть; при чемъ же тутъ жена его, которая бережливостью, порядкомъ и почти нѣмецкою аккуратностью могла поспорить съ какой угодно Пенелопой: у той были слуги и богатство, а Бѣлинская во все время ея замужества (4 $^1/_2$ года) сшила себѣ одно ситцевое и одно черное шелковое платье, да и то, когда была беременна, и ея прежнія платья ей стали не годны. Что касается до книги Протопопова, то я не могу простить ея автору одного: зачѣмъ онъ, не имѣя никакихъ данныхъ, бросилъ грязью въ жену Бѣлинскаго? Это была женщина высокаго, свѣтлаго ума; сердце ея было любящее, самоотверженное; цѣнить и любить мужа она умѣла, какъ очень рѣдкія жены. Когда вздумали перенести прахъ Бѣлинскаго въ одну могилу съ Тургеневымъ, она этому воспротивилась и написала Гаевскому: „Для васъ это увлеченіе минуты, а для меня его могила—святыня. Онъ всю жизнь былъ неудачникомъ, зачѣмъ-же теперь тревожить прахъ его?“ Согласитесь, что это показываетъ недюжинную натуру. Да на дюжинной женщинѣ Бѣлинскій бы и не женился: ему нуженъ былъ другъ, вполнѣ понимающій его, а не вертлявая кукла. Теперь, когда сестра умерла, можно было бы напечатать всѣ письма Бѣлинскаго къ женѣ и ея къ нему, но гдѣ ихъ взять? Кетчеръ не возвратилъ ни одного изъ нихъ, не смотря на усиленныя просьбы сестры и г. Иванова, его родственника. Нельзя-ли при посредствѣ газетной публикаціи добыть эту переписку? Не можетъ быть, чтобъ Кетчеръ сжегъ ее, а вѣроятно отдалъ кому-нибудь. Еслибы, по счастію, эта переписка сохранилась, тогда можно-бы было опубликовать ее и тѣмъ достойнымъ образомъ почтить память Бѣлинскаго, напомнивши о немъ въ пятидесятилѣтній юбилей его смерти, въ 1898 году.

Съ 1848 по 1890 годъ никто изъ теперешнихъ и прежнихъ литераторовъ (даже ближній другъ покойнаго — В. П. Боткинъ) не вздумали навѣстить Бѣлинскую и узнать отъ нея лично чего-либо объ ея мужѣ. Тогда многое уяснилось-бы изъ интимной жизни Бѣлинскаго и изъ характера его жены.

Портретъ, приложенный къ книгѣ Протопопова, не похожъ на Бѣлинскаго, — это сказала я лично самому художнику, который привозилъ его показывать сестрѣ. Невозможно передать черты физіономіи и выраженіе глазъ, черезъ столько лѣтъ, и притомъ лицу, никогда его не видавшему.

А. Орлова.

о. Корфу, Августъ 1891 г.

Примѣчаніе: Ближайшимъ поводомъ, вызвавшимъ вастоящія воспоминанія, послужило появленіе біографическаго очерка Бѣлинскаго, составленнаго г. Протопоповымъ для извѣстнаго Павленковскаго изданія „Жизнь замѣчательныхъ людей“. На стр. 72 этого очерка г. Протопоповъ дѣлаетъ такое замѣчаніе о семейной жизни Бѣлинскаго: „Для людей, подобныхъ Бѣлинскому, находящихся въ состояніи постояннаго возбужденія, радостнаго или горестнаго волненія—миръ и покой тихой семейной жизни былъ-бы самою лучшею обстановкою въ смыслѣ, если такъ можно выразиться, нравственной гигіены. Бѣлинскому была нужна не Далила, а Пенелопа, и притомъ такая, которая кромѣ хозяйственныхъ талантовъ и „волоокихъ“ очей имѣла-бы хоть смутное понятіе о значеніи своего Улисса и судила бы о немъ не по камердинерски. Къ сожалѣнію, этотъ существенно-важный пунктъ біографіи Бѣлинскаго остается еще не разъясненнымъ“.

Ссылаясь затѣмъ на глухой отзывъ г. Пыпина, г. Протопоповъ приходитъ къ заключенію, что „въ новой жизни Бѣлинскій нашелъ только „особыя“ тревоги, хотя и прежнихъ его тревогъ, нужныхъ и ненужныхъ, осмысленныхъ и неосмысленныхъ, было болѣе, чѣмъ достаточно для такого „скудѣльнаго сосуда“, какимъ былъ физическій организмъ Бѣлинскаго“.—А. В. Орлова, свояченица Бѣлинскаго, жившая у него въ домѣ во все время его семейной жизни, считаетъ такой отзывъ не согласнымъ съ истиною.

Гр. Д—въ.

Вотъ стихотворенія В. И. Красова, о которыхъ упоминается въ „Воспоминаніяхъ“ г-жи Орловой, какъ о писанныхъ, будто-бы „по заказу“ Бѣлинскаго. Они печатаются съ сохраненіемъ правописанія автора, которому принадлежатъ также и пропуски, указанные точками.

Къ NN.

Зачѣмъ зовешь ее: „безстрастная:
Она, какъ мраморъ холодна“.
Узнай, душа ея прекрасная
Для сильной страсти рождена:
Для слезъ любви, для упоенія,
Для нѣжной пламенной мечты,
И благодатное явленіе
Она явилась на мученіе
Въ юдоли праздной суеты.
Враждебнымъ рокомъ увлеченная,
Цвѣтокъ взлелеянный въ тиши,
Она любила, упоенная,

Всей бурной силою души:
Въ младой груди, кипящей страстію,
Сказалась тайна бытія,
Душа довѣрилася счастію,
Душа прекрасная ея.
. . . . . .
. . . . . .
О, какъ она любила пламенно,
Боготворя свой идеалъ:
И всѣ надежды пылкой младости
Несла ему всю жизнь свою
За мигъ единый полно(й) радости—
За звукъ чарующій люблю.
И всѣ свои молитвы чистыя,
Обѣты сердца своего,
За кудри русые волнистые,
За рѣчи сладкія его.
. . . . . .
Свершился страшный приговоръ.
И вотъ среди толпы ликующей,
Гдѣ все и блещетъ и кипитъ,
Она явилася горюющей
И хладнымъ мраморомъ стоитъ.
Мой другъ, пойми ея страданія,
Вглядись въ печальныя черты:
Въ нихъ нѣтъ земнаго упованія,
Въ ней нѣтъ чарующей мечты:
На нихъ слѣды тоски глубокіе,
Ночей мучительныхъ печать,
На нихъ желанія далекія—
Загробной жизни благодать.

Къ NN.

Она бѣжитъ играющихъ подругъ:
Ей грустно все, ей скученъ ихъ досугъ,
Ихъ игры рѣзвыя, ихъ пѣснь и разговоры
Про юношей, про танцы, про нарядъ:
Ея глубокіе, задумчивые взоры
О тайной страсти говорятъ.
Кто-жъ юноша? гдѣ онъ теперь? давно-ли?
О, нѣтъ, таи прекрасная, таи
Святой разсказъ младой неволи,

Мечты любимыя твои.
Таи: холодный свѣтъ
Святаго не оцѣнитъ,
Толпа мертва для чувства и страстей,
Завистливо душѣ твоей измѣнитъ
Коварная подруга юныхъ дней.
Но здѣсь одинъ знакомъ съ мятежными страстями
И тайна думъ твоихъ отъ взоровъ не ушла:
Онъ знаетъ, отчего подъ темными кудрями,
На мраморномъ челѣ забота налегла,
Онъ знаетъ, отчего ланиты погасаютъ.
Какою тайною закованы уста,
Что взоры грустные кого-то ожидаютъ,
И отчего тиха,—безмолвна красота.
Ты помнишь пѣснь любви съ завѣтною мольбою
При шумномъ говорѣ играющихъ гостей,
О, какъ страдала ты—твой взоръ блеснулъ слезою
Онъ видѣлъ всю игру взволнованныхъ страстей,
Онъ видѣлъ—и молчалъ ревнивый и мятежный:
Въ душѣ его прошла жестокая борьба,
Но онъ молилъ и пламенно и нѣжно,
Чтобъ все прекрасное дала тебѣ судьба.

Къ NN.

Не говорите ей: „ты любишь безразсудно:
Твоя печаль—безумная печаль“.
Не говорите такъ: разувѣряться трудно,
И вы ее увѣрите едва-ль:
О, какъ она любила и страдала,
Какое сердце въ даръ несла,
Какая юношу награда ожидала,
Увы! его душа её не поняла.
Я помню: бѣдная, блѣдна и молчалива,
Она приходъ любимца стерегла.
Вдругъ вспыхнула, подходитъ боязливо,
И тайна въ сердцѣ замерла.
Не говорите ей: „ты любишь безразсудно;
Твоя печаль—безумная печаль!“
Не говорите такъ: разувѣряться трудно,
И вы ее увѣрите едва-ль.

В. Красовъ.

У ВОЛЬТЕРА.

Когда по вечерамъ фойе Французской Комедіи наполняется гуломъ, движеніемъ и суетой толпы, съ высоты своихъ пьедесталовъ неподвижно-пристальными мраморными очами взираютъ на этотъ водоворотъ великіе писатели старыхъ временъ. Но искусный рѣзецъ навѣки задержалъ въ одномъ изъ этихъ взглядовъ безподобно схваченное выраженіе тонкой иронiи, которая свѣтится въ насмѣшливо-прищуренныхъ глазахъ и играетъ въ улыбкѣ. Подойдя къ изваянію, изображающему согбеннаго, хилаго старика, въ почетномъ одиночествѣ красующемуся въ глубинѣ залы, встрѣтишься глазами съ этимъ взоромъ, и потомъ никогда его не забудешь. Такъ много въ немъ ума, проницательности, насквозь видящей человѣка! Словно только что промелькнула въ сознаніи какая-то мѣткая мысль, и остроумная шутка сейчасъ сорвется съ тонкихъ губъ...

Такой мраморъ, полный жизни, возсоздаетъ всего человѣка и могъ бы объяснить его лучше многихъ комментаріевъ; онъ задержалъ его навсегда такимъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ. Правда, это не такая уже удивительная рѣдкость. Если не сила искусства, то химическія свойства почвы позволяютъ иной разъ позднему потомку съ еще большей осязательностью увидать передъ собой дѣятеля былыхъ временъ, давно сошедшаго въ могилу. Въ склепѣ митавскаго дворца спитъ вѣчнымъ сномъ Бирономъ. Щедушное тѣло ссохлось, осунулось, но устояло противъ разрушеній времени. Хищнымъ клювомъ заострился носъ; губы стиснуты, точно въ минуту упрямаго самоуправства; изъ-подъ кружевной обшивки виднѣется рука, подписавшая столько жестокихъ приговоровъ. Вы прикасаетесь къ этой рукѣ, къ надменному челу; но тяжелый сонъ смерти сковываетъ ихъ, и странное соприкосновеніе съ прошлымъ оставляетъ щемящее впечатлѣніе.

Отъ ястребинаго профиля Бирона и пергаментной безцвѣтности обтянувшей его кожи перейдите къ Гудоновой статуѣ Вольтера, съ ея живыми глазами и геніальной усмѣшкой,—и контрастъ крайнихъ противоположностей восьмнадцатаго вѣка, безсмысленнаго деспотизма и освобождающей мысли, олицетворенныхъ въ образахъ временщика и философа, оттѣнитъ въ то же время торжество искусства.

Судьба была безжалостна къ останкамъ Вольтера. Не только удивительнаго препарата, въ родѣ того, что сберегъ зачѣмъ-то тѣло фаворита Анны,—даже горсти праха не дошло до насъ. Въ глухую ли ночь 1814 года нѣсколько фанатиковъ-клерикаловъ, воспользовавшись временнымъ торжествомъ своей партіи, проникли въ Пантеонъ и опустошили гробницы своихъ заклятыхъ враговъ, Вольтера и Руссо, или во время переноса тѣла съ сельскаго кладбища, гдѣ его похоронили изъ милости, въ храмъ славы, произошелъ подмѣнъ? Никто не разъяснитъ этой тайны. Изъ праздная ли любопытства или изъ искренняго сочувствія цѣлыя поколѣнія людей спускались потомъ въ склепы Пантеона и останавливались въ почтительномъ молчаніи передъ усыпальницей Вольтера, не подозрѣвая истины. Но нѣтъ, не пуста эта почетная могила; въ наше время въ нее перенесли сердце философа, сохраненное однимъ изъ его наслѣдниковъ,—то „трепетное“ сердце, которое такъ умѣло сильно любить и сильно ненавидѣть, такъ способно было увлекаться до неумѣреннаго раздраженія и съ глубокой гуманностью скорбѣть о чужихъ страданіяхъ.

„Его сердце здѣсь, духъ же его разлитъ повсюду“ (son coeur est ici, son esprit est partout)—такъ гласила надпись въ пріемномъ салонѣ Фернэйскаго замка, придуманная преемникомъ философа. Слишкомъ черезъ сто лѣтъ она не утратила истины. Во многихъ лучшихъ стремленіяхъ нашего вѣка все еще чувствуется живительное вліяніе почина, энергически принятаго на себя Вольтеромъ; нѣмецкіе ученые въ обширныхъ трактатахъ прославляютъ его теперь, какъ реформатора уголовнаго законодательства, смѣлаго противника пытокъ и смертной казни; историкъ вѣротерпимости отводитъ ему и въ этой области почетное мѣсто. Въ такихъ заслугахъ передъ человѣчествомъ Вольтеръ не перестанетъ жить, хотя бы въ его прошломъ и было не мало ошибокъ, и изъ многочисленныхъ его произведеній иныя покрылись уже забвеніемъ. Такова вторая, иногда лучшая жизнь великаго писателя.

Хоть на нѣсколько мгновеній побывать тамъ, гдѣ долгіе годы провелъ въ напряженномъ трудѣ такой человѣкъ, взглянуть на его обстановку, перенестись на мѣстѣ въ его ощущенія и думы,—сколько въ этомъ привлекательнаго!.... Со всѣхъ концовъ Европы,

какъ въ былое время, паломники направляются туда, гдѣ въ красивомъ затишьѣ, на самомъ рубежѣ Франціи и женевской территоріи, прошла важнѣйшая часть жизни Вольтера, чуть не четверть столѣтія. Въ старину, въ Фернэ являлись на поклонъ къ самому поэту и потомъ гордились хоть мимолетнымъ сближеніемъ съ нимъ; теперь хотятъ взглянуть на вольтеровскія реликвіи. Шли, бывало, изъ Женевы пѣшкомъ, останавливаясь по временамъ, чтобы, оглянувшись, полюбоваться на снѣжную цѣпь горъ, вырѣзывающуюся на горизонтѣ; ѣзжали и въ допотопныхъ омнибусахъ. Теперь поѣзда женевской voie étroite то и дѣло выгружаютъ на главной улицѣ мѣстечка разноплеменную публику, которая съ любопытствомъ, оживленными разговорами и разспросами, радостнымъ молодымъ смѣхомъ и степенной сдержанностью сановитыхъ туристовъ ожидаетъ минуты, когда ей придется побывать „у Вольтера“.

У „Фернэйскаго старца“ сегодня много гостей. По большой дорогѣ поднимаютъ пыль грузные рыдваны и кареты женевцевъ, щегольскіе экипажи иностранныхъ магнатовъ. Свернувъ въ боковую аллею, недавно обсаженную деревьями, они поднимаются по ней къ дому, очертанія котораго слабо обрисовываются вдали при вечернемъ освѣщеніи. Не укрѣпленный ли это замокъ? Вокругъ рвы, подъемные мосты, башенки... Но весело играютъ огни въ окнахъ, у подъѣзда замѣтно большое оживленіе, и кучки народа снуютъ между барской резиденціею и продолговатой пристройкой, гдѣ готовится что-то новое и, должно быть, необыкновенно занимательное. Очевидно, остатокъ феодальной обстановки—просто анахронизмъ, ненужный для мирной культуры. Впрочемъ, еслибы врагамъ пришла безумная мысль завладѣть больнымъ старикомъ, который весь вѣкъ свой жалуется на мучительныя страданія и любитъ говорить, что онъ и „родился убитымъ“, а между тѣмъ бросаетъ свои полемическія брошюры, точно разрывные снаряды, въ непріятельскій станъ,—онъ вспомнилъ бы о наслѣдіи старыхъ графовъ de Tournay et Ferney, поднялъ бы свои мосты, залилъ рвы и съумѣлъ бы отсидѣться отъ опасности.

Сегодня у него хорошо на душѣ. На зло пуританкѣ Женевѣ, не терпящей у себя театра, вмѣшивающейся въ увеселенія, пляску и моды своихъ гражданъ, онъ не только у самыхъ воротъ ея устроилъ у себя сцену, но на ней передъ отборнымъ обществомъ долженъ выступить его парижскій гость, краса и гордость французской сцены, Лекенъ, котораго сама природа надѣлила для воплощенія трагическихъ героевъ пламенною страстностью и запа-

дающимъ въ душу голосомъ. Идетъ *Танкредъ*, написанный тутъ же, въ Фернэ. И неисправимый поклонникъ театра ликуетъ на старости лѣтъ не хуже юноши-энтузіаста.

Театральная зала наполняется. Тутъ есть и англійскіе лорды, и екатерининскіе гвардейцы, изящные парижане и демократически просто одѣтые женевцы, не устоявшіе передъ соблазномъ. Виднѣется полная здоровья и духовной силы фигура знаменитаго доктора Троншена, этого ангела-хранителя Вольтера, продлившаго ему жизнь на десятки лѣтъ, и забавная костлявая фигурка эксъ-іезуита père Adam, когда-то подобраннаго Вольтеромъ въ Эльзасѣ, съ тѣхъ поръ неразлучнаго съ нимъ и, подъ комическимъ прозвищемъ „прародителя“ (le premier homme), исполняющаго обязанности не лейбъ-духовника, а находчиваго собесѣдника и участника въ самыхъ забавныхъ затѣяхъ. Тутъ и расплнѣвшая не въ мѣру племянница хозяина дома, madame Denis, и домоправительница, и трагическая актриса, внезапно превращающаяся въ Семирамиду или Заиру,—и красивая madame Cramer, въ честь которой старый поэтъ сложилъ не одинъ мадригалъ.

Но вотъ и онъ; словно не замѣчая перемѣнъ моды, онъ одѣтъ, какъ одѣвались въ дни его молодости, и среди скромныхъ париковъ и фризуръ остальной публики его огромный, совсѣмъ готическій парикъ производитъ необыкновенно старомодное впечатлѣніе. Но изъ-подъ этого массивнаго оклада, облегающаго худое и морщинистое лицо, выглядываютъ глаза, то блестящіе огнемъ, который не поддается ни старости, ни разрушенію, то, въ спокойныя минуты, подернутые нѣжною, бархатною мягкостью выраженія.

Спектакль начинается; поэтъ слышитъ свои стихи со сцены переданными съ величайшимъ мастерствомъ, какое было тогда возможно. „Это не я написалъ, а онъ, все онъ“! восклицаетъ Вольтеръ въ упоеніи, обнимая Лекена,—и на цѣлый вечеръ онъ отдается тѣмъ восторгамъ, мыслямъ вслухъ, обращеннымъ къ зрителямъ, тѣмъ критическимъ замѣчаніямъ и колкимъ насмѣшкамъ, которыя когда то такъ нравились парижской театральной публикѣ, привыкшей все ему прощать.

Разъѣдутся гости, все затихнетъ въ домѣ, но не затихаетъ удивительная мозговая дѣятельность старика. Онъ почти не спитъ, хотя иногда по цѣлымъ днямъ нѣжится въ постели, пишетъ въ ней, читаетъ, принимаетъ просителей, а при случаѣ мастерски олицетворяетъ Мнимаго Больнаго. Ночью, когда блеснетъ у него новая важная мысль, онъ безжалостно будитъ своего секретаря, и они работаютъ среди окружающаго ихъ сна. Днемъ онъ набрасываетъ свои мысли, гдѣ придется, на игральныхъ картахъ, не-

разлучныхъ съ нимъ. Какъ же быть иначе! Сколько дѣла на рукахъ! Двигается впередъ Dictionnaire philosophique, пишутся статьи для Энциклопедіи, задумано нѣсколько пьесъ, двѣ, три брошюры должны популярно изложить среднему читателю великія открытія англійскихъ натуралистовъ, нужно возмутить европейское общественное мнѣніе разсказомъ о новомъ, безчеловѣчномъ „юридическомъ убійствѣ“, — а изъ-подъ полы готовится памфлетъ противъ педантовъ въ родѣ Фрерона, противъ враговъ науки въ родѣ Руссо, противъ кальвинистской нетерпимости женевскаго „совѣта двадцати-пяти париковъ“. Жизни мало, чтобъ выполнить все то, что настоятельно необходимо передать людямъ,—и въ вѣчныхъ его заботахъ о продленіи этой жизни тонко наблюдательный Галіани отгадывалъ не обычное чувство самосохраненія, а боязнь не досказать всего, что есть на душѣ. Онъ какъ будто говорилъ смерти: „подожди еще немного, до такой-то страницы“...

Уже давно яркій день, когда онъ выходитъ изъ дому, и, спустившись по немногимъ ступенькамъ, сходитъ въ паркъ. Онъ еще не расположенъ работать. Когда придетъ для того пора, онъ уйдетъ въ глубь парка, долго просидитъ подъ тѣнью старинной липы, и никто не посмѣетъ его потревожить. Теперь же онъ совершаетъ свою любимую утреннюю прогулку въ аллеѣ, проходящей на окраинѣ сада, по обрѣзу террасы, и совсѣмъ закрытой сверху зеленымъ сводомъ сплетающихся деревъ, обвитыхъ плющемъ. Сквозь листву пробивается лучами чудесный видъ. Изъза луговъ и рощъ, въ сѣроватой дымкѣ виднѣются дома и колокольни Женевы; озеро голубою лентой входитъ въ нее; громадныя глыбы Салэва надвинулись на него; изъ-за нихъ, совсѣмъ въ поднебесьѣ, сіяютъ бѣлые зубцы и острія снѣговой цѣпи горъ, а надъ ними Монбланъ съ его загадочными очертаніями, напоминающими профиль спящаго богатыря.

Выйдетъ онъ за ограду парка,—и съ другой стороны горизонтъ тоже опоясанъ горнымъ хребтомъ, убѣленнымъ только въ зимнюю пору, теперь-же разубраннымъ темными тонами лѣса и скалистыхъ вершинъ. Мелкіе отроги Юрскихъ горъ сползли въ долину и зеленѣющими волнами прошли по ней. Хорошій уголокъ! Для такого vieux de la Montagne, какъ онъ, лучше не найти. Въ счастливую минуту остановилъ онъ свой выборъ на немъ, послѣ попытокъ устроиться въ другихъ мѣстахъ, и фантастическаго плана совсѣмъ уйти въ Америку, вмѣстѣ съ другими представителями гонимаго свободомыслія. Здѣсь, только здѣсь нашелъ онъ независимость, отряхнулъ прахъ съ ногъ своихъ послѣ Берлинской поѣздки, этой послѣдней дани суетности, и вышелъ на настоящую дорогу.

Много разъ проходитъ онъ изъ конца въ конецъ по своей любимой charmille. Воспоминанія слетаются на каждомъ шагу. Вотъ отсюда показался однажды Сирвенъ, полный тревоги и горькихъ жалобъ, съ неподдѣльнымъ драматизмомъ разсказалъ обо всемъ, что перенесъ, о самоубійствѣ дочери, о страшномъ подозрѣніи, взведенномъ на него, объ изувѣрствѣ тулузскихъ католиковъ, о жестокости судей. Пришлось, какъ и для семьи Каласа, много и долго хлопотать, писать, тратиться, аппелировать ко всей Европѣ, и наконецъ добиться отмѣны беззаконнаго смертнаго приговора... Сколько разъ заставали его во время перерыва занятій или на прогулкѣ женевскіе рабочіе и мастеровые, тѣснимые денежною аристократіею своего родного города; онъ помогалъ имъ въ ихъ борьбѣ, звалъ переселиться къ нему въ Ферне, завелъ у себя часовое мастерство, завязалъ для него сношенія съ главными рынками Европы. Теперь этимъ людямъ все же недурно живется... Изъ-за деревьевъ парка видны крыши домовъ. Какъ мало ихъ было, когда онъ впервые пріѣхалъ сюда, чтобъ вступить во владѣніе старымъ помѣстьемъ, и когда кучка жителей встрѣтила его ружейными салютами и иллюминаціей! Теперь это городокъ, обстроенный на славу. Вмѣсто старой, развалившейся церкви онъ соорудилъ Фернэйцамъ новую, около самаго дома своего. Сколько было толковъ, когда на ней появилась надпись „Deo erexit Voltaire“ (Богу воздвигнулъ Вольтеръ), какое непріятное дѣло возбудили противъ него попы изъ-за неосторожной сломки старой капеллы! Но и это удалось побороть; самъ папа прислалъ тогда чью-то власяницу для храма, основаннаго философомъ. Пусть же не говорятъ, что Вольтеръ въ чемъ либо стѣсняетъ чужія вѣрованія!..

Клерикалы, изувѣры, — вѣдь они всюду одни и тѣ же, и въ городѣ Кальвина, и въ Римѣ,—они не могутъ ему простить его насмѣшекъ надъ суевѣріями, надъ ихъ алчностью и неразвитостью, его посягательствъ на ихъ „святѣйшія права“. Еслибъ дать ей волю, женевская консисторія сожгла бы его, точно „второго Сервета“!.. Вспоминается ему его заступничество за монастырскихъ крестьянъ сосѣдняго pays de Gex, совсѣмъ придавленныхъ крѣпостной зависимостью, отъ богатой обители. Не легко было вырвать ихъ изъ хищныхъ лапъ,—но ужъ за то онъ и пустилъ все въ ходъ; теперь они свободны и научились работать на себя.

Сколько нуждъ, сколько горя на свѣтѣ! Не по силамъ бываетъ стоять постоянно наготовѣ, чтобъ помочь, защитить, возвратить свободу. За однимъ дѣломъ встаетъ другое. Въ 1771 году былъ голодъ; какъ страдали тогда всѣ вокругъ! Не было ни хлѣба, ни умѣнья достать его. Нельзя было не вмѣшаться. Онъ кор-

милъ тогда голодающихъ у себя, въ Фернэ, раздавалъ муку приходившимъ издалека, изъ Франшъ-Контэ, послалъ надежнаго человѣка въ Сицилію за большою партіею хлѣба. Справились все-таки съ бѣдствіемъ...

Да, кажется, удачно вышло окончаніе *Кандида*, послѣднія, заключительныя слова повѣсти (какъ лихорадочно она писалась!— три дня напролетъ, безъ отдыха, запершись отъ всѣхъ): „нужно старательно воздѣлывать свой садъ“ (il faut cultiver son jardin), — каковъ бы ни былъ тотъ клочекъ земли, на которомъ приходится работать. Именно такъ нужно было выразиться, кратко и убѣдительно. И, кажется, самъ онъ не отступалъ отъ этого правила...

Но пора за работу. Сегодня многое еще нужно обдумать, написать. Дидро онъ пошлетъ одобреніе и сочувствіе новой вылазкѣ противъ клерикаловъ, Екатеринѣ замолвитъ слово за Фернэйскихъ часовщиковъ, которые такъ искусны, „что сдѣлаютъ ей башенные часы въ Святую Софію,—если только она возьметъ Константинополь“; нужно пересмотрѣть „Опытъ о нравахъ“; потомъ опять придутъ женевскіе „natifs“; ихъ, бѣдныхъ, снова притѣсняютъ. И ласковымъ взоромъ обводя все вокругъ, и уютный городокъ, и обновленный домъ съ любимыми уголками, библіотекой, театромъ, портретами и бюстами друзей, и паркъ, и поле, въ которомъ онъ такъ любитъ работать, и пестрѣющій всевозможными красками цвѣтникъ, — всѣ эти дѣла рукъ своихъ, онъ тихо направляется домой, за дѣло...

Тѣни прошлаго разсѣялись.... На одной изъ площадей Женевы, тамъ, гдѣ прежде вовсе не было никакого жилья, разводитъ пары локомотивъ, и черезъ нѣсколько минутъ, постукивая объ рельсы, влечетъ за собой нѣсколько переполненныхъ вагоновъ. Онъ бѣжитъ по улицамъ, обставленнымъ многоэтажными домами; на ихъ стѣнахъ разноцвѣтныя афиши возвѣщаютъ о нѣсколькихъ политическихъ собраніяхъ, о публичной лекціи натуралиста, о забастовкѣ кузнецовъ, о международной экскурсіи на пароходахъ. Въ большомъ и щеголеватомъ городѣ съ прекраснымъ театромъ, свѣтящимся фонтаномъ, вырывающимся со дна озера, съ шумомъ, движеніемъ, массою электрическихъ и газовыхъ огней по вечерамъ, не узнать Женевы Вольтера и Руссо, патріархальной, здоровой духомъ, но аскетически сдержанной и унылой. Поѣздъ бѣжитъ мимо дачныхъ поселеній горожанъ, мимо большого загороднаго музея, принесеннаго однимъ изъ нихъ въ даръ родинѣ, мимо таможенной сторожки, гдѣ мирно бесѣдуютъ стражи двухъ республикъ, и, перебравшись во Францію, останавливается на площади мѣстечка, носящаго теперь названіе Fernex-Voltaire.

Памятникъ Вольтеру прежде всего представляется глазамъ. По-

крывающія его надписи напоминаютъ о всемъ добрѣ, сдѣланномъ имъ для края, заботахъ во время голода, освобожденіи народа отъ тягостныхъ податей и рабства. Но съ главной улицы, напоминающей по типу французскіе городки средней руки, съ ихъ кафе, marchands de vin и крохотными отелями, скоро нужно свернуть влѣво. Насаженная Вольтеромъ аллея густо разрослась и совсѣмъ скрываетъ солнечные лучи; вдали бѣлѣютъ очертанія дома. Но онъ во многомъ измѣнился; феодальная обстановка исчезла; въ архитектурѣ едва удержался стиль прошлаго вѣка; нетронуто уцѣлѣли только комнаты самого поэта. Все та же латинская надпись на миніатюрной церкви, но нѣтъ и слѣда прежняго театра. Цвѣтникъ, какъ въ дни Вольтера, кажется цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, а надъ нимъ наклонились и шепчутся старыя липы; вотъ и старѣйшая изъ нихъ, любимица фернэйскаго отшельника.

Два небольшихъ покоя и salle d'attente у воротъ стали вольтеровскимъ музеемъ. Современное поэту смѣшалось съ тѣмъ, что возникло послѣ его смерти, въ честь ему или въ осужденіе, и его любимыя вещи съ собранными отовсюду. Во всемъ этомъ мало системы, убранство комнатъ, дышавшее его вкусомъ и привычками, нарушается позднѣйшими посторонними прибавками. Но вотъ его постель съ полинявшимъ голубоватымъ балдахиномъ; драпировка постепенно съузилась до нельзя, благодаря нескромностямъ слишкомъ усердныхъ туристовъ. Все такъ же красуется надъ постелью большой портретъ Лекена; Екатерина и madame du Chatelet смотрятъ изъ своихъ золотыхъ рамокъ съ другой стѣны. На черномъ съ позолотою ковчегѣ все еще красуется старая надпись „о сердцѣ и духѣ Вольтера“. Лавровый вѣнокъ, которымъ увѣнчанъ былъ поэтъ въ Comédie Française въ знаменательный вечеръ, превратившійся въ его апоѳеозъ, говоритъ о безсмертіи, а автографъ его послѣдняго стихотворенія—о той юношески-боевой отвагѣ, съ которой онъ способенъ былъ относиться къ загробной жизни, готовясь и тамъ воевать съ предразсудками, если только люди уносятъ ихъ съ собой въ царство тѣней:

Tandis que j'ai vécu on m'a vu hautement
Aux badauds effarés dire mon sentiment.
Je veux le dire encor dans le royaume sombre.
S'ils ont des préjugés, j'en guérirais les ombres.

Мысль невольно начинаетъ возсоздавать то, что нѣкогда *было* тутъ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Отворяется дверь и худая фигурка поэта показывается на порогѣ съ только что оконченнымъ Кандидомъ въ рукахъ; „tenez, curieuse que vous êtes, voilà pour vous,“ говоритъ онъ madame Denis, боязливо встрѣтившей его. Какъ будто сейчасъ выглянуло комическое личико père Adam; онъ пришелъ

посмотрѣть не расположенъ ли monsieur de Voltaire сыграть обычную партію въ шахматы,—или же это съ портрета на стѣнѣ взглянули маленькіе глазки „перваго человѣка“?

Любимая аллея Вольтера все такъ же уютна, закрыта зеленымъ сводомъ и располагаетъ къ уединенной прогулкѣ. Нѣсколько пролетовъ, пробитыхъ въ сросшихся кустахъ, открываютъ шире и красивѣе нравившійся ему видъ на Женеву, озеро, Альпы и бѣлый профиль Монблана. Прохлада и тѣнь старыхъ липъ встрѣчаетъ васъ на поворотѣ крытой аллеи и манитъ къ себѣ; этимъ путемъ проходилъ, бывало, старый „отшельникъ“.

Такъ все до сихъ поръ полно имъ. И здѣсь, какъ и всюду, многое измѣнилось и исчезло, новый міръ сложился на развалинахъ прошлаго, а память о томъ блестящемъ умѣ, который нѣкогда озарялъ все человѣчество, невредима, несмотря на всѣ попытки умалить и исказить ее.

Въ импровизованномъ Фернэйскомъ музеѣ есть любопытная картинка конца прошлаго вѣка, Le phénix renaissant de ses cendres. Вокругъ большого костра, на которомъ пылаютъ груды книгъ, въ дикомъ восторгѣ, хлопая длинными ушами, пляшутъ цѣлымъ хороводомъ ослы; они уже торжествуютъ побѣду, — а изъ пепла возносится къ небесамъ фениксъ.

Алексѣй Веселовскій.

Заглохшій прудъ.

Мелѣетъ, сохнетъ прудъ,—гнилой, заглохшій, сонный,
На вѣковѣчное молчанье обреченный.
И днемъ и подъ-вечеръ надъ нимъ дымится паръ,
Густой, зловредный паръ... Нѣтъ рыбки серебристой,—
Лишь гады всякіе кишатъ въ водѣ нечистой!..
На лапкахъ тоненькихъ тамъ водяной комаръ
Скользитъ размѣренно, какъ будто сталъ на лыжи;
Тамъ головастики вертлявые снуютъ,
Въ грязи лѣнивый червь нашелъ себѣ пріютъ,
Тамъ кружатся жучки,—и черненькій и рыжій,—
Лягушки жирныя вздыхаютъ и поютъ,
Глазища выпучивъ невыразимо-глупо...
Да, жизнью все кишитъ... Но только жизнью трупа!..

* * *

А этотъ мертвый прудъ когда-то былъ рѣкой,
Живой красавицей, живой и шаловливой,—
И плескъ волны звучалъ то страстію шумливой,
То счастьемъ молодымъ, то нѣжною тоской!..
Но жадный человѣкъ пришелъ, воздвигъ плотину,
Построилъ мельницу... Все смолкло... И въ тиши
Стѣной пошли рости все гуще камыши —
И замерла рѣка, и облеклася въ тину,
Какъ будто въ траурный нарядъ,
И спитъ... Лишь мельница ей призракъ пробужденья
Даруетъ иногда: кружась, заговорятъ
Колеса, жернова—и, въ радостномъ волненьѣ,
Какъ узникъ изъ тюрьмы, стоячая вода,
Вся просіявъ, бѣжитъ невѣдомо куда...

* * *

Но мигъ!—и мрачная темница вновь закрыта!—
И вновь безсиліе, и вновь нѣмая тишь!..
Какъ стража на часахъ, стоитъ кругомъ камышъ,
Стоитъ, нахмуренный, и шелеститъ сордито:
— „Замри! Я здѣсь затѣмъ, чтобъ вольный вѣтерокъ
„Къ тебѣ, невольнику, и заглянуть не могъ,
„Чтобъ водорослей цѣпь на мигъ не шевельнулась,
„Чтобъ вѣчно жизнь спала, спала и не проснулась!..“
И непробуднымъ сномъ уснулъ заглохшій прудъ, —
Добыча тлѣнія и нечисти пріютъ...

* * *

А между тѣмъ... надъ нимъ, въ вѣтвяхъ лозы прибрежной
Ты слышишь-ли... скажи: ты слышишь рокотъ нѣжный?!
Подъ кровомъ полночи, о счастьѣ, о любви
Какъ заливаются въ восторгѣ соловьи!
Надъ мертвымъ плѣнникомъ поютъ они о волѣ!..
О! безсердечные!.. Насмѣшка это, что-ли?!..
А не въ насмѣшку-ль тамъ, среди пруда,—взгляни,—
Гдѣ издали вода какъ будто-бы зеркальна,—
Тамъ отражаются небесные огни
И такъ свѣтло горятъ! Свѣтло и безпечально!..

Василій Величко.

Изъ переписки Н. В. Гоголя.

Письмо Н. В. Гоголя къ Ѳ. Н. Бѣляеву.

Получено въ Парижѣ—марта 1845 года.

Повторяю вамъ еще разъ (чтобы вы не задавали себѣ двойной работы и труда), что мнѣ литургія Василія Великаго нужна только на Латинскомъ. Если-жъ разберетъ васъ до такой степени неугомонное желаніе написать и на Греческомъ, то не пишите въ два столбца, но по-странично, т. е. на правой страницѣ Греческ., на лѣвой Латинск.; а форматъ чтобы былъ не больше сей осьмушки, на которой пишу вамъ эту записку. Попросите также священника нашего, поблагодаривъ его еще разъ за всѣ ласки, чтобы онъ списалъ для меня собственноручно стихи Филарета въ отвѣтъ Пушкину и на томъ же самомъ листочкѣ почтовой бумаги небольшую выписку изъ книги, которую я у него бралъ за день до моего отъѣзда и въ которой собраны нѣкоторыя статьи относительно богослуженія. Изъ этой книги я прошу у него выписать о фиміамѣ и кадилѣ. Заглавіе статьи, кажется, *кажденіе*, а объемъ ея—печатная страница съ хвостикомъ. Это весьма удобно можетъ быть мнѣ переслано въ письмѣ или имъ, или вами, или графомъ Толстымъ. Затѣмъ будьте здоровы.

Желающій вамъ искренно всего добраго.

Г.

На оборотѣ осьмушки листка:

„Ѳедору Николаевичу Бѣляеву.“

Примѣчаніе. Подлинникъ этого письма подаренъ мнѣ извѣстнымъ латинистомъ Ѳ. Н. Бѣляевымъ, который въ 1845 году жилъ въ Парижѣ наставникомъ въ одномъ русскомъ семействѣ, а позднѣе служилъ помощникомъ библіотекаря въ Московскомъ университетѣ.

Петръ Бартеневъ.

Отвѣтомъ на это письмо Гоголя служило слѣдующее письмо Ѳ. Н. Бѣляева, сообщенное въ Редакцію Сборника В. И. Шенрокомъ.

Милостивый Государь
Николай Васильевичъ!

Письмо Ваше я имѣлъ честь получить, но, къ сожалѣнію, уже тогда, когда меня *разобрало неугомонное желаніе* (а я прибавляю: и душевное удовольствіе) и когда я, вслѣдствіе сего, написалъ уже большую половину литургіи Василія Великаго на Греч. и на Латинск. въ два столбца. Я не сталъ переписывать вновь, признаться потому, что не хотѣлось бросать дѣла, котораго большая часть была кончена; потомъ разсудилъ, что если Вамъ угодно, то очень легко можно вставить между страницами и славянскій текстъ, стоитъ только расшить мою тетрадь и опять сшить. О форматѣ Вы пишите, чтобъ былъ не больше той осьмушки, на которой написали Ваше письмо; Вы изволите увидать на приложенной при семъ тетради, что она форматомъ своимъ дѣйствительно не больше Вашей осьмушки. Но Вы не пишите, чтобы онъ былъ и *не меньше*, а потому и это меня заставило продолжать и окончить такъ, какъ уже было начато. Впрочемъ я бы все исполнилъ по Вашему желанію, еслибъ оно было мнѣ извѣстно прежде. Извольте, я поправлю свою ошибку и напишу сызнова, только увѣдомьте меня аккуратно о томъ, что и какъ Вамъ угодно. А теперь покорнѣйше прошу принять мое усердіе въ такомъ форматѣ и въ столькихъ столбцахъ, въ какихъ оно само выразилось, по моей истинной къ Вамъ любви и сердечному почтенію. На Греч. же я переписалъ (хотя вамъ греч. м. б. и не нуженъ) какъ бы въ возмездіе за то лишеніе, которое м. б. Вы испытали, предоставивъ мнѣ исправное Римское изданіе. Но и въ немъ есть ошибочки напр., въ первомъ словѣ на первой строкѣ 82-й страницы вм. μεταβαλών напечатано: μεταβαλὸν, а м. б. найдутся и другія. За то я въ своемъ спискѣ, посылаемомъ къ Вамъ, старался всячески избѣжать ошибокъ, сличая для сего три изданія и употребляя смыслъ. Пунктуацію же я оставилъ Гоаровскую почти всю, не считая ее важнымъ дѣломъ (а признаться изъ лѣни).—Если я найду такую же книгу, то къ Вамъ не премину ее доставить, а до сихъ поръ еще не нашелъ. Священникъ нашъ типъ доброумнорусскаго человѣка, списалъ для Васъ собственноручно стихи Филарета, а выписку изъ книги посовѣстился самъ списать, говоря, что почеркъ его руки не хорошъ. Эти два рукописанія также при семъ имѣю честь приложить. Онъ искалъ и спрашивалъ въ двухъ протестантскихъ книжныхъ лавкахъ и у протестантск. пастора Литерова Катихизиса на французскомъ. Однако жъ онъ говоритъ, что не потеряетъ этой книги изъ виду, и все-таки будетъ искать, и если найдетъ, то къ Вамъ доставитъ этотъ. Нашъ священникъ, Дмитрій Степановичъ Верхжинскій, просилъ меня написать къ Вамъ, что онъ, какъ постоянный житель Парижа, все можетъ, что только можетъ, съ большимъ удовольствіемъ для Васъ исполнить и

что Вамъ будетъ угодно, только стоитъ къ нему написать, и объ этомъ онъ Васъ проситъ. Вотъ его адресъ: № *4. Rue Neuve de Berry F-g du Roule.*—Онъ бы и самъ къ Вамъ хотѣлъ писать, но говоритъ, *не знаю, къ чему придраться.*

Списанную мною Литургію Василія Великаго въ оберткѣ съ золотымъ крестомъ, стихи Филарета, выписку изъ книги о кажденіи и это письмо я передалъ графу Толстому, по Вашему назначенію, для доставленія къ Вамъ, и просилъ его не замедлить.

Затѣмъ, благодарю Васъ тысячекратно за то, что Вы меня натолкнули на мысль—обратить вниманіе на наши православныя священнодѣйствія, которыя возвышаютъ мысль, услаждаютъ сердце, умиляютъ душу и проч. и проч.

Безъ Васъ я бы не былъ дѣятельнымъ въ подобномъ чтеніи, а имѣя его только въ виду, все бы откладывалъ, по моему обыкновенію, въ дальній ящикъ,—это чтеніе есть истинная манна, манна вышенебесная! И такъ благодарю Васъ еще, желая Вамъ отъ *чистаго сердца совершеннаго здоровья и счастія* во всемъ томъ, въ чемъ только можно и должно находить истинное счастье, съ особеннымъ уваженіемъ, душевною преданностью, искреннимъ расположеніемъ и всегдашнею готовностью пребыть честь имѣю Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Ѳедоръ Бѣляевъ.

Марта 20 дня, 1845 года.
Парижъ.

Письма Гоголя къ К. М. и М. А. Базили.

(*Сообщилъ А. К. Базили*).

Письмо къ М. А. Базили.

18 февр. (1848 г.).

Вамъ незнакомою рукою пишу къ вамъ нѣсколько строчекъ Вы видите какая скверная рука и при томъ ошибка на всякомъ словѣ, а между тѣмъ строки эти пишетъ человѣкъ вамъ знакомый, васъ искренно полюбившій и въ прибавку ко всему прочему довольно извѣстный Литераторъ. Все совершенно обстоитъ благополучно. Ѣхали мы прекрасно, пріѣхали и того лучше, собираемся ѣхать къ вамъ тоже съ наслажденьемъ. Супругъ вашъ здравъ съ головы до ногъ но навьюченъ депешами донесеньями отношеньями и всякими перепиской и я обрадовавшись этому случаю рѣшился къ вамъ написать вмѣсто него сіе маранье. Прощайте. Хотѣлъ распространиться, но Константинъ Михаловичъ торопитъ. Богъ да хранитъ васъ здравыми. до свиданья

весь вашъ Н. Гоголь.

Письмо къ М. А. Базили.

Д. Васильевка. 1848, Іюнь 20.

Гдѣ вы, и что съ вами, увѣдомте меня хотя двумя словечками о себѣ, добрѣйшая моя Маргарита Александровна. Мнѣ грустно неимѣть никакихъ извѣстій ни о васъ ни о близкомъ моему сердцу вашемъ Супругѣ. Мнѣ бы не хотѣлось неповидаться съ вами обѣими хотя на нѣсколько минутъ прежде вашего отъѣзда. Не полѣнитесь прислать мнѣ маршрутъ вашъ, если онъ только уже вамъ извѣстенъ. Въ концѣ Іюля или началѣ августа я буду въ Москву. Радъ буду очень, если васъ еще застану. Здоровье мое хотя и не въ такомъ благодатномъ состояніи какъ было въ Іерусалимѣ, Байрутѣ и въ дорогѣ съ вами, но благодаря Бога все еще кое какъ держится.

Адресуйте мнѣ въ Полтаву,

весь вашъ
Н. Гоголь.

Письмо къ К. М. Базили.

(1848), Іюля 26, Васильевка.

Какъ жаль что я хорошенько не распросилъ у тебя при разставаньи нашемъ, какъ къ тебѣ адресовать. Пишу черезъ Шевырева, авось ты съ нимъ увидишься, или съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ ему и черезъ нихъ онъ доберется до тебя и вручитъ тебѣ эти строки. Я писалъ уже этимъ путемъ, то есть черезъ Шевырева, къ Маргаритѣ Александровнѣ, незнаю получила ли она или нѣтъ. А между тѣмъ я получилъ отъ нее весьма доброе письмецо за которое прошу тебя поблагодарить отъ меня, много и много. Она меня порадовала извѣстіемъ что твои дѣла слава Богу идутъ хорошо, хотя я не знаю какъ именно. Пожалуста увѣдоми двумя словами о томъ, какимъ образомъ все устроилось и какой возъимѣло оборотъ а вслѣдствіе того и какой нынѣ твой маршрутъ. Мнѣ бы очень хотѣлось съ тобой повидаться еще разъ прежде твоего отъѣзда. Я противу чаянія прожилъ въ деревнѣ гораздо долѣе чѣмъ думалъ: холера и всякіе болѣзни вокругъ, а наконецъ и моя собственная болѣзнь, отъ которой въ силу доселѣ могъ оправиться, задержали мой отъѣздъ. Въ половинѣ Августа думаю однакожъ подняться въ Москву авось дастъ Богъ въ ней увидатся. Прощай! обнимаю тебя крѣпко хоть и заочно

Твой Н. Г.

Маргаритѣ Александровнѣ душевной и братской поклонъ.

4. Письмо къ К. М. Базили.

5 іюня 1849 г.

Милый другъ Константинъ Михаловичъ!

Все собирался писать къ тебѣ какъ вдругъ поразила меня вѣсть о горѣ тебя поразившемъ. Мысль писать въ безсиліи остановилась. Я измѣрялъ предъ собою великость твоей утраты и видѣлъ что никакое слово мое, никакое участіе кого бы то ни было, кромѣ Развѣ Того, кто посѣтилъ Тебя, не въ силахъ было принесть утѣшенья. Близость твоя отъ святыхъ мѣстъ меня успокоивала много. Теперь какъ только представился случай къ отправленію письма въ Константинополь, пишу къ тебѣ. Теперь горе твое немного утихло. Теперь ты больше расположенъ внимать словамъ участья, но и теперь ничего не умѣю сказать кромѣ того что утрата твоя велика, и что по этой самой причинѣ вѣчно слѣдуетъ благодарить Бога за мгновенное владѣніе утраченнымъ даяньемъ. Воспоминанье о немъ остается намъ въ украшенье всей послѣдующей жизни. Въ немногіе дни нашего пребыванья въ Байрутѣ я искренно полюбилъ покойницу. И мнѣ казалось, что лучшей подруги тебѣ нельзя было избрать въ мірѣ. Никто кромѣ ея не могъ быть тебѣ такъ нуженъ и необходимъ въ этомъ краѣ, гдѣ не всякой европейской обитательницѣ захотѣлось бы жить. Милый другъ! Вся жизнь наша должна быть благодарность. Благодарность а не другое—что. Тогда вся жизнь наша будетъ прекрасна. Ты меня много много обяжешь если напишешь о себѣ, о состояньи души своей. Хотѣлъ бы я еще просить тебя, просить описать мнѣ послѣднія минуты *ея*. Но незнаю, будетъ ли это возможно, не наполнитъ ли это тебя грустью, не опечалитъ ли сердца! О себѣ особенно замѣчательнаго не могу покуда ничего сказать кромѣ того, что зиму провелъ довольно хорошо. Весной заболѣлъ но теперь опять поправляюсь. Голова еще не въ такомъ состояніи чтобъ свѣто (sic) заняться дѣломъ, но времени не пропускаю, отъ дѣла не бѣгаю и запасаюсь матеріалами для будущей работы. Теперь нужно быть очень умнымъ и осмотрительнымъ чтобы быть въ состояньи сказать даже и не весьма умное слово. Время безпутное и сумашедшее. То и дѣло, что щупаешь собственную голову не рѣхнулся ли самъ. Дѣлаются такіе вещи, что кружится голова особенно когда видишь какъ законные власти сами стараются себя подорвать и подкапываются подъ собственный свой фундаментъ. Разномыслiе и не согласіе во всей силѣ. Соединяются только проповѣдники *разрушенія*. Гдѣ только дѣло касается созданья и *устройства*, такъ раздоръ, не рѣшительность,

опрометчивость. И до сихъ поръ еще недогадались что слѣдуетъ призвать призвать Того кто одинъ строитель порядка!

Прощай!
Обнимаю тебя крѣпко!
Твой весь Н. Гоголь.

Примѣчаніе Редакціи. Копіи этихъ писемъ получены редакціей Сборника отъ А. К. Базили, русскаго генеральнаго консула въ Будапештѣ, причемъ, въ отвѣтъ на просьбу редакціи, К. М. сообщилъ слѣдующее:

„Покойный отецъ мой, Константинъ Михайловичъ Базили, школьный товарищъ и одинъ изъ близкихъ друзей Н. В. Гоголя, дѣйствительно, состоялъ съ нимъ въ перепискѣ, равно какъ и покойная моя мать Маргарита Александровна Базили.

На этомъ основаніи я полагаю, что въ бумагахъ его вѣроятно хранится болѣе или менѣе значительное число писемъ Н. В. Гоголя. Но, къ крайнему моему сожалѣнію, вся корреспонденція покойнаго отца, еще не разсортированная и не приведенная въ порядокъ, находится въ нашемъ домашнемъ архивѣ, въ Одессѣ. Чтобы отыскать въ ней письма Гоголя, если они тамъ имѣются, во всякомъ случаѣ потребовалось бы несравненно больше времени, чѣмъ то, какимъ Вы располагаете. У себя, въ Будапештѣ, я нашелъ только четыре письма, врученныхъ мнѣ отцомъ, какъ автографы нашего знаменитаго писателя.

Горячо сочувствуя вашему прекрасному предпріятію,—я посылаю вамъ точныя копіи съ этихъ писемъ со всѣми ошибками, поправками и описками, сдѣланными въ нихъ Гоголемъ".

Въ 1848 г. Гоголь, подъ покровительствомъ К. М. Базили, тогдашняго русскаго генеральнаго консула въ Сиріи и Палестинѣ, совершилъ путешествіе по этимъ странамъ и, по возвращеніи оттуда, состоялъ въ перепискѣ какъ съ Константиномъ Михайловичемъ, такъ и съ его супругой; эти письма здѣсь и приводятся, съ соблюденіемъ орѳографіи автора. Въ 1849 г. Маргарита Александровна умерла, и Гоголь написалъ по этому поводу письмо къ своему школьному товарищу, также здѣсь приведенное.

Изъ писемъ къ Н. В. Гоголю А. О. Смирновой.

(*Сообщилъ, съ примѣчаніями, В. И. Шенрокъ*).

Имя Александры Осиповны Смирновой (урожденной Россетъ) пользовалось громкой извѣстностью въ нашемъ литературномъ мірѣ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. О ней много писали и говорили, поэты посвящали ей стихотворенія (въ томъ числѣ такіе корифеи, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ), лучшіе умы искали удовольствія въ бесѣдѣ съ ней. Даже случайная встрѣча Смирновой съ Бѣлинскимъ и Щепкинымъ произвела на нихъ довольно сильное и благопріятное впечатлѣніе.

Александра Осиповна была очень дружна съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Вяземскимъ, Тургеневымъ и И. С. Аксаковымъ, но особенно дружна была съ Гоголемъ. Пушкину и Гоголю она оказывала даже довольно существенныя услуги, ходатайствуя о пропускѣ ихъ произведеній передъ лицомъ императорской власти. Это было возможно и легко для нея, такъ какъ императоръ Николай очень любилъ и уважалъ Александру Осиповну, цѣня въ ней личность далеко не заурядную.

Объ отношеніяхъ Гоголя къ Смирновой мы имѣли уже случай говорить подробно въ статьѣ: „Гоголь и Смирнова“ („Русск. Стар.“, 1888, IV.). Мы старались тамъ выяснить, насколько эти отношенія были интимныя и задушевныя. Позднѣе появился въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ очеркъ г-жи Черницкой, посвященный тому же вопросу, но г-жа Черницкая уже предполагала прямо страсть Гоголя къ Смирновой, продолжавшуюся съ 1829 г. и до самой смерти [1]). Такъ какъ здѣсь было бы неумѣстно входить въ подробности о данномъ вопросѣ, то мы считаемъ возможнымъ ограничиться указаніемъ, характеризующимъ взаимныя отношенія Гоголя и Смирновой; въ письмѣ Гоголя

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что это предположеніе намъ кажется ни на чемъ не основаннымъ, потому что нельзя же считать за доказательство напр. такое наивное соображеніе, что «гордая застѣнчивость не позволила Гоголю сознаться въ своемъ чувствѣ даже передъ Александрой Осиповной» Какъ-же узнала объ этой любви г-жа Черницкая?

отъ 24 февраля 1845 г. Гоголь такъ говоритъ въ немъ Александрѣ Осиповнѣ:

„Скажу вамъ только то, что всякое слово вашего письма мнѣ дорого, какъ слово родного брата (а родство это идетъ отъ самого Христа), и всякая строчка вашего письма глядитъ тѣмъ родствомъ, какимъ не глядитъ земное родство, и всѣ тѣ мѣста вашихъ писемъ, гдѣ только изливалось и гдѣ высказывается ваша прекрасная и страждущая душка, цѣлую душевнымъ поцѣлуемъ“ и проч.

Предлагаемые отрывки изъ писемъ А. О. Смирновой представляютъ извлеченіе изъ обширной коллекціи ея писемъ къ Гоголю, почти въ полномъ объемѣ напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ за 1888 и 1890 гг. Но при продолжительномъ перерывѣ въ печатаніи произошла случайная ошибка, вслѣдствіе которой часть писемъ оказалась пропущенной. Между тѣмъ, эти пропущенныя письма нисколько не уступаютъ въ интересѣ остальнымъ, и мы позволили себѣ предложить редакціи настоящаго Сборника въ пользу голодающихъ сдѣлать изъ нихъ выборъ наиболѣе цѣнныхъ и любопытныхъ мѣстъ.

В. Шенрокъ.

30 января (1845).

...Теперь поговоримъ объ васъ. Плетнева я сто лѣтъ не видала. Къ нему пріѣхалъ Гротъ. Въ книжной лавкѣ Иванова, гдѣ я взяла для васъ „Воскресное Чтеніе“ за весь прошлый годъ, купила я сочиненія Н. Гоголя. Тамъ мнѣ сказали, что ихъ продано только въ этой лавкѣ сто экземпляровъ, что Ольхинъ и Снегиревъ очень много продаютъ; въ Москву и въ губерніи потребовали много сочиненій этого автора и проч. и проч. Слѣдовательно, господа сенаторы, дѣла наши идутъ хорошо; а отчего же денегъ нѣтъ? По сему предмету надобно сдѣлать запросъ Прокоповичу, что и будетъ сдѣлано, согласно желанію автора, Плетневымъ. А межъ тѣмъ А. О. [1]), всегда готовая къ услугамъ, вышлетъ, послѣ перваго января 1000 ассиг., а деньги еще смотря по обстоятельствамъ автора. Въ этой книжной лавкѣ сказано, что сочиненія Стурдзы расходятся хорошо, новое изданіе Отцовъ еще лучше и преимущественно покупается купцами. „На сонъ грядущихъ“ Сологуба печатается вторично: знакъ что публика любитъ и фашіонабельство. Тутъ спросила А. О., прелюбопытная дама, требуютъ ли еще сочиненія господина Булгарина. Въ отвѣтъ весьма застѣнчиво получила *да*, и прибавлено, что ихъ не предлагаютъ, не выставляютъ и стараются выставлять только книги порядоч-

[1]) Т. е. сама Смирнова.

ныхъ авторовъ. Тутъ эта дама, громко вслухъ, предъ офицерами, похвалила этого притворца книгопродавца и сказала, что не будетъ книгъ брать у Иванова и всѣмъ его раскритикуетъ, если узнаетъ, что онъ, какъ Смирдинъ, подружится съ Ѳаддеемъ [1]) и съ Сенькою [2]). Вы знаете, что я люблю поврать со всякимъ...

...В(еликая) к(нягиня) Марья Николаевна спрашивала объ васъ съ благосклонностью; вспомнила вашъ визитъ въ Римѣ. Она поправилась теперь...

Въ Петербургѣ много говорятъ о назначеніи графа Воронцова на Кавказъ *намѣстникомъ*, главнокомандующимъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, съ сохраненіемъ должности генералъ-губернатора Новороссійскаго края... Воронцовъ писалъ государю, что ему 64 года, что онъ уже слабъ, и особенно глазами, что ему трудно рѣшиться принять такую огромную отвѣтственность, но что не считаетъ себя въ правѣ отказывать, пока находится на службѣ, и когда государь считаетъ его способнымъ. Онъ будетъ здѣсь 15 января, для переговора и личнаго условія съ министрами. Всѣ рады, что хотя этотъ не нѣмецъ (изъ этого вы увидите, что на нѣмцевъ болѣе, чѣмъ когда либо, огрызаются). Говорятъ, что Ермолова кто-то спросилъ въ Москвѣ: „Правда ли, что васъ назначаютъ на Кавказъ“? А онъ отвѣчалъ: „Я для Кавказа теперь постарѣлъ, а онъ помолодѣлъ для меня теперь“. Не знаю, правда ли?

Петербургъ, 1 марта, 1845 года.

Мнѣ вчера особенно по васъ всгрустнулось, любезный Николай Васильевичъ, всгрустнулось до слезъ. Я сбиралась вамъ писать, а теперь, слава Богу, отвѣчаю [3]). Ваше долгое молчаніе меня безпокоило, а третьяго дня Софья Михайловна [4]) мнѣ сказала, что вы больны и въ Парижѣ. Я легко вѣрю, что тамъ никакъ не могло вамъ сдѣлаться лучше. Сырое, грязное небо, улицы еще грязнѣе, суетливый шумъ и какая-то пустота, неизъяснимая среди этого движенія, которое называютъ жизнью... Отчего такъ свободно и легко дышется, мыслится и чувствуется на развалинахъ милаго Рима, и затѣмъ вы его покинули? Вы какъ то сжились съ нимъ. Да, тамъ иногда даже вѣетъ Малороссіей, въ тишинѣ и пространствѣ Кампаньи, особенно при захожденіи солнца. Тамъ есть что (то) успокаивающее, убаюкивающее душу, а въ Парижѣ

---

[1]) Т. е. Ѳ. В. Булгаринымъ.

[2]) Т. е. Сеньковскимъ.

[3]) Соч. Гоголя, VI (изд. Кулиша), 168.

[4]) Софья Михайловна Сологубъ, урожденная Вьельгорская.

она какъ-то недоумѣваетъ и терзается; мірскими заботами ее забрасываетъ какъ волнами; а въ наши лѣта душа жаждетъ покоя. Впрочемъ, Жуковскій вамъ могъ быть нуженъ, если точно вы намѣревались подвинуть дѣло впередъ. Можетъ быть, самый переѣздъ изъ Парижа поправилъ васъ, и вы съ новыми силами приметесь за подвигъ. Вѣдь я нахожусь въ совершенномъ незнаніи вашихъ занятій, а потому не могу никакъ дать вамъ никакого совѣта касательно вашего житья-бытья. Мнѣ чувствуется, что вамъ надобно бы пріѣхать въ Россію на лѣто. Вмѣсто этого вы хотите пить какія то воды... Но какое-то внутреннее убѣжденіе мнѣ говоритъ, что вамъ бы не худо заѣхать домой, повидаться со мною, заѣхать и въ Москву, а тамъ уже на зиму въ Италію. Мнѣ кажется, что вы своимъ пріѣздомъ сдѣлаете даже добро своимъ друзьямъ, а тутъ всегда бываетъ обоюдность, и они вамъ помогутъ. Уже наши ласки, изъявленіе участія и увѣренность за васъ—васъ ободрятъ. Мы такъ слабы и такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ [1]), что какъ бы ни уединялись и ни устраняли себя отъ человѣческаго пособія, невольно, и при твердомъ упованіи на Бога, чувствуемъ еще нужду въ участіи собрата... Если вы молитесь за меня, просите для меня того, что болѣе всего и нужно,—той любви, которой у меня нѣтъ. А я для васъ прошу бодрости духа, да дастъ вамъ Богъ бодрымъ сердцемъ и трезвеннымъ духомъ перейти всю настоящаго житія нощь. Если точно душа ваша чувствуетъ потребность увидѣть Іерусалимъ [2]), вѣрьте ея предчувствію, но, ради насъ, не оставляйте вы совсѣмъ своихъ занятій: легко и тутъ увлечься—оставить всякую полезную дѣятельность. Мнѣ какъ-то дѣлается за васъ иногда страшно: смотрите, не скройте своего таланта, то есть того, настоящаго, вамъ Богомъ даннаго не даромъ. Не оставьте намъ только первые плоды незрѣлые, или выходки сатирическія огорченнаго ума. Многіе видятъ въ васъ даже человѣка желчнаго, озлобленнаго, судя по первымъ вашимъ сочиненіямъ. Признаюсь, я улыбнулась, когда передъ мною высказали эту ересь на вашъ счетъ. Но для тѣхъ, которые васъ лично не знаютъ—понятно, что они такъ перетолковываютъ вашъ смѣхъ. Но я, зная, что у васъ въ душѣ кроется, въ правѣ желать и требовать отъ васъ продолженія трудовъ вашихъ. Вы должны показать наконецъ и любовь вашу. Любовь уже есть доброе дѣло, а—„да засвѣтятъ добрыя дѣла ваши предъ человѣки“. Не оставляйте за собою недоумѣнье или хулу: этимъ вы не искупите гордости, славолюбія, въ которомъ, вѣроятно, себя

---

[1]) См. Соч. Гоголя, VI, 63.

[2]) О желаніи Гоголя ѣхать въ Іерусалимъ см. Соч. VI, 169 и 176.

упрекаете. Вамъ дано Богомъ оружіе, и пока оно не притупится, вы стоите sur la brêche, и потому не тревожьтесь духомъ и продолжайте начатое дѣло; силы придутъ, если вы ихъ пожелаете сильно.

Пожалуйста не безпокойтесь насчетъ способовъ существованія и не спрашивайте, какимъ образомъ я все это устроиваю. Это дѣло мое, а ваше—молиться за того, кто ихъ даетъ. Вы теперь у меня на рукахъ; три раза въ годъ будете получать по 1000 рублей, а можетъ—и тысячу серебромъ просто въ годъ; мнѣ только надобно всегда знать, куда ихъ пересылать. Это все межъ нами, а вы не должны смѣть безпокоиться: насъ Богъ разсчитаетъ. Деньги у меня есть, я ихъ ни у кого не отнимаю, сама ихъ не лишаюсь.

...Страсть къ итальянцамъ выразилась наконецъ доказательствами матеріальными и увѣнчала себя въ своей пошлой глупости. Высшій кругъ, имена самыя звучныя, подписались на вѣнецъ для Рубини—золотой, съ брилліантами. Брали по 15 руб. сер. съ дома. А кто-же сбиралъ? Александръ Карамзинъ. Другіе рѣшили, что надобно увѣнчать и госпожу Віардо, которая, по мнѣнію моему и многихъ другихъ, очень посредственная пѣвица; рѣшились, по подпискѣ, и ей сдѣлать подарокъ; а второе общество, по сходному ему обезьянничеству, по подпискѣ поднесло госпожѣ Албони богатыя серьги. Одинъ чувствительный человѣкъ нашелъ, что не надобно обидѣть Тамбурини, и поднесъ ему серебряную кружку. Итогъ этихъ даровъ простирается до 12 тысячъ, а итогъ глупости вы подведете сами. Прибавляю только, что въ западныхъ губерніяхъ мрутъ съ голоду и что только заботою государя тамъ кормятъ крестьянъ...

Петербургъ, 20 марта 1845.

Любезный другъ и братъ, мнѣ и за васъ и по васъ грустно; за васъ—зная ваши страданья, по васъ—для себя. Мнѣ какъ-то чувствуется, что вамъ легче было бы, еслибы мы встрѣтились теперь, еслибы опять вы жили, какъ въ Ниццѣ, межъ нами, смотрѣли на Надежду Николаевну [1]), забавлялись ея неожиданными выходками, читали мнѣ вслухъ тѣ книги, которыхъ я забыть не могу, наконецъ позабылись бы въ семейномъ быту, хотя чужомъ, но вамъ почти родномъ. Мнѣ какъ-то чувствуется, что вамъ, вмѣсто всякихъ водъ и лѣченій, пріѣхать было ко мнѣ въ деревню [2]), гдѣ я провожу лѣто одна съ дѣтьми. Вотъ, какъ я это все въ своей голо-

---

[1]) Младшая дочь Смирновой.

[2]) Это свиданіе состоялось лишь въ 1851 г.

вушкѣ устроила. Въ тотъ день, когда рѣшится минута и часъ моего отъѣзда, я къ вамъ напишу, если точно уединеніе мое такъ же будетъ свободно, какъ въ Ниццѣ, если точно я одна съ дѣтьми поѣду въ село Спасское [1]); тогда вы отправитесь изъ Франкфурта на Петербургъ въ Москву, гдѣ останетесь два дня для свиданія съ Аксаковымъ. Экипажъ васъ будетъ ждать и васъ перевезутъ ко мнѣ, въ 70 верстахъ отъ Москвы, въ такую мирную глушь, въ такія безконечныя поля, гдѣ, кромѣ милліоновъ сѣнныхъ скирдъ, пѣсни жаворонка и деревенской церкви, вы ничего не увидите и не услышите. Отведенъ вамъ будетъ флигель, гдѣ вы одни будете царствовать. Старый Илья, который на флейтѣ игрывалъ въ оркестрѣ забытаго шута Познякова, будетъ вамъ служить. Марья Даниловна, которая слыветъ колдуньей на селѣ, постелю будетъ стлать. Луй, вамъ извѣстный парень, будетъ вамъ подавать кофе со сливками, подобными грамокловскимъ [2]) и которыя Василиса отпуститъ всегда съ преважнымъ и гордымъ видомъ. Обѣдня будетъ всякій день, потому что церковь села Константинова напротивъ, черезъ паромъ только перейти, и священникъ препорядочный человѣкъ [3]), Сосѣдей нѣтъ или почти нѣтъ. За обѣдомъ вы встрѣтите дѣтей. Марью Яковлевну [4]); которую вы любите, и меня. Душа моя прыгаетъ и веселится, когда я воображу такую радость. Еслибы вы и захотѣли повидаться кое съ кѣмъ, мы выпишемъ, кого вамъ угодно. Еслибы вдругъ вы захотѣли насъ оставить, мы васъ отошлемъ, куда угодно. Словомъ, мы такъ другъ съ другомъ поступимъ на дѣлѣ, какъ дѣлали на словахъ. Вы меня бранили—я слушала; вздумала васъ разбранить — вы меня вдвойнѣ разбранили, потому что мы уже не можемъ ни сердиться, ни считаться, кто кому обязанъ, это Божье дѣло разузнать. До сихъ поръ, я всѣмъ у васъ въ долгу всячески [5]). Знайте же вы, что и эти деньги были не мои. Онѣ точно у меня лежали, но меня просили даже выдать ихъ за мои, но теперь позволили сказать [6]), что онѣ были оставлены совсѣмъ на мое распоряженіе. Вы никогда не узнаете, откуда онѣ, а молитесь за эту особу горячо. Она чиста и прекрасна душою, но еще не утвердилась и не увѣрена въ своемъ призваніи. Меня немного удивляетъ, что вы не хотите ничего принять отъ меня. Еслибы вы были богаче меня, я никогда бы не остановилась у васъ попросить. Вы представьте себѣ,

1) Имѣніе Смирновыхъ, Московской губ., Коломенскаго уѣзда.
2) Грамокля-Вадино, имѣнье бабушки Смирновой, Лореръ, урожденной Циціановой.
3) Отвѣтъ на это см. въ Соч. Гоголя, VI. 186.
4) Овербекъ.
5) Эти слова намекаютъ на письмо Гоголя, VI, 127—134.
6) Государь Николай Павловичъ.

что я вѣдь въ самомъ дѣлѣ очень богата. Мнѣ Н. М. [1]) далъ всѣ доходы въ полное распоряженіе. Прежде я, не зная всего хода дѣлъ, сорила деньгами, а теперь я всѣмъ дорожу и знаю, какъ и когда и въ чемъ себѣ отказать. То, если вы у меня возьмете, вы уже меня невольно заставите сдѣлать доброе дѣло. Давать мнѣ всегда было легко и пріятно, но отказывать я себѣ ни въ чемъ не умѣла; а теперь я хочу этому учиться, потому что распоряжаюсь безъ всякаго контроля сотнею и болѣе тысячъ въ годъ. Но впрочемъ хорошо и то, что у меня были чужія деньги въ рукахъ. Наши души выше обязательствъ свѣтскихъ. Знайте, что я это чувствую точно такъ, какъ чувствую, что мы не можемъ поссориться никогда. Вы не съ лицевой стороны меня видали и полюбили. Хотя бы вы это не сказали мнѣ, такъ я все-таки это бы почувствовала; оттого и увѣрена, что никогда и ничто не можетъ отдалить другъ отъ друга. Итакъ, подумайте о моемъ предложеніи [2]).

Петербургъ, 11 октября, 1845 года.

Давно я не писала вамъ, любезный другъ мой, давно не благодарила васъ за письмо ваше. Отчего это такъ? Сказать ли вамъ грустную причину моего молчанія? Сбылись мои предчувствія: вся живость, легкость, всѣ силы душевныя, набранныя подъ вашимъ руководствомъ, все это меня оставило въ безпрестанной и утомительной борьбѣ съ настоящими моими данными. Весна пришла—погода ли, слѣдствіе ли моего коклюша, нравственная ли причина или стѣсненіе причинъ разныхъ и болѣе или менѣе грустныхъ, но я такъ растроена, такъ обезсилѣна, что никакъ не могу прійти въ свое прежнее состояніе. Ничего не дѣлаю, даже не читаю, плачу безпрестанно, слезы отъ малѣйшей вещи навер-

---

[1]) Супругъ А. О.—Н. М. Смирновъ.

[2]) Около этого времени (въ апрѣлѣ 1845 г.), Жуковскій писалъ къ А. О. Смирновой, между прочимъ, слѣдующее (см. «Рус. Арх.» 1871 г., стр. 1859—1860); «Здоровье Гоголя требуетъ рѣшительныхъ мѣръ, ему надобно имъ заняться исключительно, бросивъ на время перо... Я его послалъ въ Парижъ, полагая, что разсѣяніе сдѣлаетъ ему добро... Я думаю, что онъ долженъ будетъ ѣхать въ Гастейнъ. Оттуда на зиму въ Италію. Прошу васъ похлопотать или заставить похлопотать П. А. Плетнева, чтобы деньги были тоже выданы и высланы на мое имя во Франкфуртъ на М. Я буду знать, куда пересылать Гоголю. Онъ теперь на три года обезпеченъ; отъ царя милостиваго 1000 р., да отъ великаго князя 1000 фр. также; въ продолженіи трехъ лѣтъ этого будетъ достаточно и онъ можетъ серьезно предаться леченію. А я уже и отъ Орлова получилъ письмо очень любезное, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о сдѣланномъ для Гоголя, и охотно вызывается сдѣлать для него впередъ, что можетъ полезнаго». Сопоставленіе этого письма съ письмомъ Смирновой возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе—объ одной ли и той же субсидіи здѣсь говорится, и если объ одной, то Смирновой или Жуковскому Гоголь былъ ею особенно обязанъ. *Прим. Ред.*

тываются на глаза, молюсь и не нахожу успокоенія. Чувствую въ особенности такое одиночество... Нѣтъ, не далось мнѣ это счастье— имѣть даже друга въ Петербургѣ, котораго бы я могла видѣть, какъ васъ, ежедневно, съ которымъ говорила бы, если не такъ откровенно, какъ съ вами, по крайней мѣрѣ не выискивая сюжетовъ свѣтскихъ и пустыхъ...

Богу угодно было меня наказать за мои грѣхи и унизить въ собственныхъ глазахъ [1]). Вы же помолитесь обо мнѣ, потому что я страдаю отъ этого состоянія; помолитесь обо мнѣ крѣпко, потому что вы уже дошли до благодати молитвы, а мнѣ теперь совершенно нельзя молиться. Сердце не чувствуетъ успокоенія и отрады отъ молитвы; болѣзненная мысль безпрестанно отрываетъ его отъ молитвы. Старые, скверные помыслы замѣнились теперь другими, наполненными неудовлетворенной гордостью и страшнымъ опасеніемъ за будущность, которая мнѣ представляется самымъ унылымъ уединеніемъ, безъ друга и помощника. Вы избаловали мое сердце, и будьте вы при мнѣ, все пришло бы въ свой порядокъ, а Богъ вѣсть, гдѣ и когда намъ нужно свидѣться... Я пишу три дня это письмо. Завтра Свѣтлое Воскресенье. Христосъ воскресе! Обнимаю васъ, прекрасный другъ мой, могу сказать — единственный. Какъ бы мнѣ нужно было васъ увидѣть! Вы не можете себѣ этого и во снѣ представить. Ваша отъ души

А. С.

Петербургъ, 12 Мая 1845.

Грусть и тоска меня пожираютъ, любезный другъ мой... Этотъ свѣтъ, къ которому я принадлежала случайно, никогда меня не любилъ, и я обращала на него мало вниманія, но теперь мнѣ кажется, что всякій ищетъ меня обидѣть, что всѣ меня оттолкнули и что я брошена одна, совсѣмъ одна въ свѣтѣ...

Теперь я смотрю на мѣсто губернатора, какъ на спасительную пристань; по крайней мѣрѣ, тамъ откроется для меня полезная дѣятельность и другое направленіе силъ душевныхъ. Дѣла мои, притомъ, разстроены и, живя въ маленькомъ городѣ, мы можемъ ихъ поправить. Но и на этотъ счетъ нѣтъ ничего положительнаго..... Все это вамъ одному могу я сказать, мой прекрасный другъ во Христѣ. Эти мелкія страданія самолюбія едвали кто рѣшится повѣрить кому нибудь, но вы поймете ихъ, ибо

---

[1]) Вскорѣ послѣ этого А. О. заболѣла. Она, вообще, часто страдала хандрой (у нея была болѣзнь печени), впадала въ нервное состояніе и боялась смерти. Гоголь тоже страдалъ этимъ и, можетъ быть, отчасти вслѣдствіе этого, они и *понимали такъ* другъ друга.

стали уже выше ихъ и живете въ Богѣ [1]). Я далека, очень далека еще отъ этого, и потому молитесь обо мнѣ и пожелайте перемѣны во внѣшнихъ обстоятельствахъ, скораго переѣзда въ губернію, гдѣ все это забудется и гдѣ начнется новая жизнь... Прощайте, любезный другъ мой... Мнѣ нужна жизнь, какъ въ Ниццѣ, въ особенности душевная связь, какъ съ вами. Этого здѣсь не доищешься, да и Экклезіастъ сказалъ, что одного друга только можно имѣть въ жизни, и что это сокровище дается Богомъ въ награду. Насъ сдружило наше обоюдное одиночество въ свѣтѣ и сознанье, что способности наши выше того слоя, гдѣ мы родились. Талантъ вашъ вамъ еще даетъ право на всеобщее уваженіе, а я ничего не приношу въ дань тому кругу, въ которомъ я живу, какъ въ западнѣ... Не говорите Жуковскому о всемъ этомъ. Повторяю, что вамъ одному, брату и мужу я могла повѣрить тайну своего страданія... Прощайте! Молитесь обо мнѣ и пишите все-таки въ Петербургъ къ Синему мосту. Незабывайте каждый разъ своего адреса. Я желала бы познакомиться въ Москвѣ съ старикомъ Аксаковымъ [2]). Устройте мнѣ это.

Петербургъ, Мая 23, 1845.

Спѣшу пересылкою вашихъ денегъ, любезный другъ... Я порядочно пострадала все это время. Нервы мои въ сильномъ разстройствѣ... Меня такъ и тянетъ вонъ изъ Петербурга... Плетневъ мнѣ передалъ вашу записку отъ 21 мая. По всему видно, что и ваше состояніе сокрушительно. Вы для меня такъ нужны, что я даже предвидѣть не могу, какъ я безъ васъ выйду изъ своего положенія...

Вчера Плетневъ принесъ мнѣ извѣстіе, что вамъ нельзя выдавать пенсіона впередъ за годъ, а вы будете его получать по третямъ, и прошу васъ извѣщать меня по крайней мѣрѣ ежемѣсячно о перемѣнѣ вашего мѣстопребыванія. Самаринъ вернулся изъ Москвы, полный жизни и надежды, весьма довольный кругомъ своихъ пріятелей, которые, по словамъ его, работаютъ впрокъ. Не всѣ имъ отдаютъ справедливость, и даже очень умные люди сильно на нихъ нападаютъ, не говоря уже о безсмысленной толпѣ...

---

[1]) Отвѣтъ Гоголя: «Напрасно вы думаете, что я выше сталъ того, что принадлежитъ слабѣйшему человѣку, что нашелъ тайну побѣждать страданія и живу въ Богѣ. Жить въ Богѣ значитъ уже жить внѣ самого тѣла, а это невозможно на землѣ, ибо тѣло съ нами“ и проч.

[2]) На это Гоголь отвѣчалъ: «Вы спрашиваете, какъ познакомиться съ старикомъ Аксаковымъ. Пріѣхавши въ Москву, пошлите прямо за нимъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ Вамъ, скажите, что это мое желаніе.»

Сейчасъ подали мнѣ письмо Жуковскаго; тутъ и объ васъ идетъ рѣчь [1]). Мы съ вами, другъ мой, въ одномъ положеніи, какъ видно. Могу только соболѣзновать искренно и молить Бога, безъ того мы оба погибнемъ. Молитесь также горячо обо мнѣ, какъ я молюсь объ васъ. Ваша отъ души, мой прекрасный и бѣдный другъ.

6 іюля 1845 г.

Любезный другъ, вы легко представите себѣ, сколько меня огорчило ваше письмо. Писать много и долго не зачѣмъ. Я сама такъ грустна и слаба думою, что стыдно даже и говорить объ этомъ. Къ вамъ ѣхать не могу по разнымъ обстоятельствамъ, а васъ зову и вызываю—и желаніями, и молитвою къ Богу, чтобы онъ васъ вразумилъ и рѣшилъ пріѣхать въ Москву. Вамъ нужны люди и души, васъ любящія, а вы въ совершенномъ одиночествѣ, и это васъ теперь погубитъ. Оставьте вы въ сторонѣ мысль, что вамъ стыдно вернуться съ пустыми руками въ Россію; противъ недуга и безсилія, посланнаго Богомъ, нечего дѣлать, и люди, васъ искренно любящіе, поймутъ это, и никто и не вздумаетъ упрекнуть васъ [2])... И въ безсиліи своемъ я объ васъ молюсь, какъ объ лучшемъ своемъ другѣ. Да возстановитъ Онъ ваши силы тѣлесныя и дастъ помощь на дѣло, вами предпринятое... Имѣю надежду, что графиня Вьельгорская васъ вытащитъ въ Россію, и увѣрена, что возвратъ вашъ будетъ вамъ спасителенъ. Мысль одна, что вы меня, можетъ быть, спасете отъ *болѣзни умственной* [3]), уже васъ подкрѣпитъ... Н. М. ѣдетъ чрезъ шесть недѣль въ Калугу [4]). Кромѣ семейства Вьельгорскихъ не останется у меня никого. Сердце и боится, и ищетъ уединенія. Богъ да сохранитъ васъ и да научитъ, что дѣлать съ самимъ собою... Прощайте, отвѣчайте, любите, молитесь и жалѣйте о той, которой вы указали путь, но которая не могла найти способа извлечь практическое примѣненіе къ жизни.

А. С.

---

[1]) См. соч. Жуковскаго, изд. 7, VI, 524 и «Рус. Арх.» 1882, I, 218—219.

[2]) Говоря это, А. О. имѣла въ виду слѣдующія слова письма Гоголя отъ 2 апрѣля: «Пріѣздъ мой былъ бы мнѣ не въ радость: одинъ упрекъ только себѣ видѣлъ бы я во всемъ, какъ человѣкъ, посланный за дѣломъ и возвратившійся съ пустыми руками, которому стыдно даже заговорить, стыдно и лицо показать".

[3]) А. О. страдала въ это время боязнью сойти съ ума.

[4]) Н. М. Смирновъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Калугу.

ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ.

(1885 г.).

1. „Отъ совѣсти".

. . . . . .

— Они, канальи, давно меня подкарауливаютъ!

— За что-же такъ?

— Да потачки не даю! Не панибратствую, понимаю ихъ до тонкости, знаю вдоль и поперекъ. Ну, вотъ они и подкарауливаютъ. Ну, да съ меня взятки гладки. Я безъ револьвера ни шагу.

Однако!

— Да, батюшка! Нынче не-тѣ времена-съ! Сантиментальность-то эта, увы, кончилась. Нынче вотъ: зарядилъ шесть пуль—и живи. Подступись-ка ко мнѣ!

— Ну, а доходъ-то есть-ли какой-нибудь?

— Да изъ-за чего-жъ-бы я хлопоталъ-то? Разумѣется есть, и, надѣюсь, будетъ быстро увеличиваться...

Разговорившись съ обладателемъ револьвера, я узналъ отъ него, что онъ владѣетъ частію имѣнія, принадлежавшаго когда-то одному моему знакомому. Въ то время, лѣтъ 15-ть тому назадъ, имѣніе это было большое, „богатое": озера, мельницы, маслобойни, крахмальный заводъ и, вообще, было много разныхъ учрежденій по части „производства". И не смотря на такія доходныя статьи, дохода это имѣніе не только не приносило ни копѣйки, но самъ помѣщикъ былъ кругомъ въ долгу, какъ въ шелку; не ему, а онъ самъ былъ долженъ арендатору своей мельницы, арендатору своего крахмальнаго завода, и даже у буфетчика желѣзно-дорожной станціи, бывшаго „собственнаго крѣпостнаго", былъ въ неоплатномъ долгу за одно только шампанское. А теперь вотъ и клокъ этого имѣнія, урѣзанный со всѣхъ сторонъ, лишенный

всякихъ доходныхъ статей, уже приносить доходъ! Отчего-же тогда-то, когда имѣніе было большое, доходное, обильное всякими доходными статьями, владѣлецъ его съумѣлъ только разориться? Неужели оттого, что между его владѣніями и крестьянскими не было проведено саженной канавы, въ которой беззаконно шляющаяся по чужой землѣ крестьянская лошадь неминуемо должна сломать ногу, или потому, что не было револьвера?

Нѣтъ! Тотъ „баринъ“ прогорѣлъ оттого, что сконфузился или, по народному говору, разорился „отъ совѣсти“. На его глазахъ уходили прочь отъ него *его* крѣпостные, онъ своими глазами видѣлъ, какъ они вздохнули свободно, освободившись отъ него, отъ „этого самаго“ сердечнаго, добрѣйшаго человѣка, онъ видѣлъ своими глазами, какъ они устали на него работать, какъ еще дымилась отъ трудового пота рубаха на мужицкой спинѣ. Ему стыдно стало, что онъ такъ долго морилъ и томилъ этихъ людей,—и вотъ онъ, виноватый, пьетъ съ ними водку, даетъ тысячи совѣтовъ, какъ *имъ* лучше устроиться, толкуетъ *имъ* объ общинѣ, о взаимопомощи, о товариществѣ и предостерегаетъ отъ лапъ кулака. Но кулакъ также воспитанъ этимъ самымъ „бариномъ“, началъ жить на его деньги, выросъ огромнымъ бурьяннымъ кустомъ на развалинахъ его, барина, благосостоянія,—и выросъ потому, что и передъ этой, вновь нарождающейся алчной тварью, баринъ былъ также виновенъ: сколько мученій перенесли предки этого Ваньки а теперь Ивана Николаева, бывшаго дворового человѣка, нынѣ устроившагося за буфетомъ желѣзно-дорожной станціи! Сколько капризовъ, сколько тиранствъ, сколько злодѣйствъ и грѣховъ принято этими предками дворового человѣка, принято и сдѣлано ихъ руками, по приказанію предковъ барина, да и его самого, по привычкѣ и, быть можетъ, безсознательно. Вѣдь, цѣлыя поколѣнія этихъ Иванъ Иванычей жили, не имѣя своей мысли, не имѣя своей печали, не смѣя думать о собственной волѣ, довольствуясь только конникомъ въ передней. Поднимется-ли у барина рука на этого Ивана Николаева? Хватитъ-ли духу у него сокрушить нарождающагося кулачишку? Вырвать у него изъ рукъ тотъ кусокъ собственнаго своего хлѣба, до котораго онъ, наконецъ таки, добрался? Во имя чего разорилъ бы онъ и сокрушилъ этого человѣка? Во имя того, что тотъ будетъ наживаться на чужой счетъ? А самъ владѣлецъ кулачишка и всѣ предки его — на чей счетъ благоденствовали, благоденствовали столѣтія и столѣтія? Иванъ Николаевъ сторожилъ въ передней, навостривши уши, чтобы не пропустить словечка барскаго, и чтобъ со всѣхъ ногъ броситься исполнить желаемое, а когда этотъ человѣкъ только-что начинаетъ справляться, человѣкъ, обремененный ужи-

кучей ребятъ, тутъ-же толкущихся за буфетомъ, человѣкъ, который „на волѣ“ жилъ не столѣтія, а только минуты, часы,—и баринъ осмѣлится сокрушить его, не дать ему жить? Нѣтъ, сдѣлать это было рѣшительно невозможно; баринъ чувствовалъ, что у него нѣтъ силъ не должать этому Ивану Николаеву, нѣтъ возможности, проходя мимо буфета, не спросить именно шампанскаго, не задолжать по горло, не отдать мельницы за безцѣнокъ... Мало, мало этого, за все, что Иванъ Николаевъ претерпѣлъ въ теченіи столѣтій, а главное — вытерпѣлъ, живъ, крѣпокъ, юнъ жаждою жить, а противъ этой юной жадности барину нечего противоставить: онъ уже такъ много отвѣдалъ, что, по совѣсти, не смѣетъ препятствовать дѣлать то же другимъ.

Съ мужиками баринъ пилъ водку, пиво, крестилъ у нихъ, вѣнчалъ, цѣловался и обнимался. Съ кулаками „представлялъ барина“, должалъ, путался и разорялся. Умеръ онъ въ Сербіи, не знаю, отъ пули или отъ шампанскаго, но умеръ, все-таки, тамъ, гдѣ дѣлалось совѣстливое дѣло.

А вотъ теперешній не таковъ: не должаетъ, не цѣлуется, не пьетъ, не шатается и не валяется передъ всѣмъ честнымъ народомъ, а не хорошъ что-то онъ, скученъ и бездушенъ.

II. „Курлянецъ“.

Разсказывалъ я объ этихъ впечатлѣніяхъ одному старому дворовому, близкому моему сосѣду, и не одобрилъ онъ этотъ новый типъ.

— Это что ужъ такое?.. съ мужикомъ рыломъ къ рылу связаться да тягаться? это ужъ не дворянское дѣло, чтобъ силомъ жить... Въ прежнія времена баринъ съ мужикомъ не вязался, мужикъ свою часть зналъ: работай да деньги плати барину; а баринъ также свою часть зналъ—въ мужицкое дѣло не совался, а жилъ въ свое удовольствіе: плаваетъ, бывало, въ народѣ, какъ бѣлуга въ морѣ, и на спинѣ понѣжится, и бокомъ сверкнетъ, и хвостомъ вдаритъ, и перомъ поиграетъ, а мужики глядятъ да и думаютъ:—„Что-жъ ему? на то баринъ!“ Таково было ужъ, сталобыть, божецкое повелѣніе. А теперь и плавать хочется по-бѣлужьи, а простору-то нѣту; мужика-то вонъ надо ружьемъ пугать, собакой отпугивать, за бороду его приходится своими бѣлыми руками держать, чтобъ онъ уважать сталъ... Это ужъ не по-господски... Это даже нельзя сказать, что и баринъ... а такъ, курлянецъ какой-то.

Слово „курлянецъ“ было произнесено такимъ неблагосклоннымъ тономъ, что я рѣшилъ спросить старика:

— Да чѣмъ-же плохи курляндцы?

— Да все, вотъ, тоже норовятъ Бога перемудрить. Богъ-то приказываетъ нашему брату этакимъ-вотъ, примѣрно, манеромъ на свѣтѣ жить, а онъ норовитъ по своему, потому ему разсчету не выходитъ по-божьему-то поступать... Такъ даже и говоритъ: „я Бога-то попріобману какъ-нибудь“.—Ну, и ухищряется... Я, вонъ, посадилъ около дому противъ оконъ березу, и курлянецъ посадилъ. Я сажаю дерево такимъ родомъ, какъ по Божьему повелѣнію слѣдуетъ дереву на свѣтѣ жить. Дерево живетъ по деревьеву смыслу, рыба по рыбьему, а птица по птичьему. Вотъ я и дѣлаю, какъ опредѣлено: выкопалъ въ землѣ яму, опустилъ туда дерево корнемъ, засыпалъ ее землею—только и всего. Дастъ Богъ, будетъ жить, а не дастъ — засохнетъ. Оно у меня и засохло,—не далъ Богъ; земля плоха, — тоже не далъ Богъ... А у курлянца выросло. — „Отчего это у тебя дерево-то пошло, а у меня засохло? Земля-то у насъ одна“.—„А оттого, говоритъ, пошло, что я настрѣлялъ, говоритъ, воронъ, да галокъ, да воробьевъ, да и сунулъ подъ корень-то! Вотъ оно и питается мяснымъ составомъ“. Ишь, вѣдь, какъ! Ну, а я такъ думаю, это беззаконно. Дерево живи деревьимъ смысломъ, питайся землей, а это что такое? Оно и зелено, и растетъ, только что мнѣ на него и глядѣть не хорошо, потому сытѣетъ оно фальшивымъ манеромъ, не свой кормъ ѣстъ...—Или, примѣромъ сказать, взялъ онъ свинью, заперъ въ темное мѣсто, въ погребъ, держитъ ее тамъ полгода, съѣстнымъ заваливаетъ ее по-горло... —„Сала, говоритъ, мнѣ нужно, чтобы свинья наѣла пудовъ шесть“.—Ну, та и сидитъ—ни свѣту не видитъ, ни съ мѣста не двинется, пучитъ ее, а отворишь дверь, такъ того и гляди слопаетъ, потому отъ обжорства-то она совсѣмъ какъ сумасшедшая... Ну, а я такъ даже и ѣсть-то бы это сало не сталъ. Свинья тварь Господняя, и ей опредѣлено не то, чтобы ее пучило да въ сало вгоняло... Она сотворена не то, чтобы на сало или на щетину, а создана въ полномъ видѣ—животное; и рыломъ она роетъ, и хрюкаетъ, и плачетъ, и дѣтей родитъ,—все какъ должно справляетъ по указанію, какъ полная тварь... Такъ и мнѣ не показано, чтобы ее изъ полной-то твари да въ щетину, либо въ сало вгонять... Я, вонъ, толстыхъ бабъ-то люблю, а жену-то мнѣ Богъ далъ сухопарую, такъ могу-ли я ее по своему вкусу откормить? Можетъ, она и добрая оттого, что сухопарая, а какъ я по своему-то вкусу начну ее въ сало вгонять, такъ, можетъ, она и выйдетъ потомъ въ чортовомъ видѣ? Бога-то, братъ, не перемудришь! Онъ знаетъ, что дѣлаетъ... Вотъ и со старыми господами тоже самое... Далъ имъ Богъ, дозволилъ, пожили въ свое удовольствіе, погуляли безпрекословно, погрѣ-

шили, сколько Господь потерпѣлъ. Ну а потомъ, тоже самое по Божьему повелѣнію, сказано: „будетъ!“ „Было дадено, а теперь поменьше будетъ!“ Ну, стало быть, и надо жить, какъ Богъ указалъ, потише, да помягче. А вонъ не такъ нонѣшніе-то норовятъ, не хотятъ покоряться-то, вишь, норовитъ изъ ружья себѣ удовольствія добыть, да штрафомъ почтеніе выбиваетъ, да, чай, собакъ развелъ караулить домъ, чтобы прохожихъ не допускали, чтобы спокойнѣе было. А ужъ это, прямо сказать, курлянская мода, — канава, да собака, да пуля, а такъ, чтобы господскимъ обычаемъ назвать, нѣтъ, не то, и даже сходствія не имѣетъ никакого“....

Хотѣлъ было я припомнить старичку, какъ въ крестьянской семьѣ бабъ насильно замужъ отдаютъ и какъ ихъ „по Божью“ насильно за волосы таскаютъ, „чтобы почитали“, да не хотѣлось мнѣ его огорчить.

Г. Успенскій.

КЛИМАТЪ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

У насъ постоянно слышатся сѣтованія на нашъ климатъ, а въ такой несчастный годъ, какъ 1891-ый, эти сѣтованія раздаются съ удвоенной силой. „Жить нельзя при такихъ условіяхъ, всѣ работы сельскаго хозяйства втунѣ, благодаря погодѣ", говорятъ многіе.

Не стану спорить, что отдѣльнымъ хозяевамъ часто не въ пору бороться съ климатомъ и погодой, но борьба приметъ совсѣмъ иной оборотъ, когда частнымъ лицамъ помогутъ мѣстныя учрежденія и особенно правительство. При разумныхъ, дружныхъ усиліяхъ борьба возможна и успѣхъ несомнѣненъ. Для этого нужно прежде всего знаніе. Однако, защищая знаніе, я не думаю, чтобъ нужно было отложить всякія практическія мѣры до того желательнаго момента, когда наука подвинется значительно далѣе. Нѣтъ, вспоминая французскую пословицу: Le mieux est l'ennemi du bien (лучшее — врагъ хорошаго), много можно сдѣлать и при нынѣшнихъ нашихъ свѣдѣніяхъ.

Наша суровая зима и короткое лѣто, конечно, невыгодны для народнаго хозяйства; они мѣшаютъ намъ воздѣлывать растенія болѣе теплыхъ странъ и заставляютъ каждаго хозяина держать болѣе животныхъ и орудій, чѣмъ въ западной Европѣ, болѣе тратить на устройство домовъ, отопленіе и теплую одежду. Но зима имѣетъ и свои хорошія стороны, и прежде всего—наши „снѣжныя дороги". Въ странѣ малонаселенной и малопромышленной, какъ большая часть Россіи, устанавливаются на 3—6 мѣсяцевъ въ году такіе же удобные пути сообщенія, какъ хорошіе шоссе, устройство которыхъ обходится въ 15—20 тысячъ на версту. Такъ какъ зимой и люди и лошади свободны отъ земледѣльческаго труда, то у насъ провозъ на лошадяхъ зимою гораздо дешевле, чѣмъ въ западной Европѣ и Америкѣ. И это теперь, при полномъ небреженіи о санномъ пути.

Посмотримъ же, что дѣлается на нашей финляндской окрайнѣ. Тамъ, по всѣмъ дорогамъ, послѣ каждаго большаго снѣга, проѣзжаютъ треугольниками, уравнивающими санную дорогу и сбрасывающими на сторону излишекъ снѣга. Но этого мало. Наши ухабы происходятъ отъ раскатовъ саней; въ Финляндіи существуютъ обязательныя правила такого устройства саней, при которомъ они мало раскатываются. Наконецъ, въ назначенный день, весною, каждый землевладѣлецъ обязанъ навести на содержимый имъ участокъ дороги *) золу. Она нагрѣвается солнечными лучами и снѣгъ подъ нею быстро таетъ, такъ что по дорогамъ скоро устанавливается колесная ѣзда, а по сторонамъ ихъ можно еще удобно проѣхать на саняхъ. Такимъ образомъ, и тяжеловѣсные на видъ чухны умѣли устроить у себя удобныя зимнія дороги, какъ и лѣтнія, и не страдаютъ отъ тѣхъ неудобствъ, которымъ мы подчиняемся, кряхтя и охая, но не находя выхода. Въ Финляндіи санная дорога всегда такъ же удобна, какъ у насъ хорошій первопутокъ. Почему бы и намъ не поучиться у нашихъ финляндскихъ согражданъ, какъ жить по человѣчески въ нашу суровую зиму, какъ устроить себѣ дороги болѣе удобныя, чѣмъ лучшія шоссейныя. Чѣмъ далѣе на югъ и западъ, тѣмъ короче санный путь, тѣмъ менѣе можно на него расчитывать, тѣмъ меньше его значеніе. Въ Крыму, Закавказьи и средней Азіи, внѣ горъ и нагорій, санный путь уже теряетъ всякое экономическое значеніе Поэтому тамъ устройство удобныхъ колесныхъ дорогъ (шоссе) особенно важно, тѣмъ болѣе что зима тамъ—время бездорожья. Гдѣ почва глинистая или черноземная, устройство шоссе (или дешевыхъ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ) безусловно необходимо въ теплыхъ климатахъ. Иное дѣло въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ съ мало развитой промышленностью. Тамъ, помимо необходимости въ благоустроенныхъ водныхъ и желѣзныхъ путяхъ по главнымъ артеріямъ, нужны прежде всего мѣры для улучшенія саннаго пути, а затѣмъ шоссированіе или мощеніе гатей, болотистыхъ пространствъ и сыпучихъ песковъ, да устройство нѣсколькихъ мостовъ.

Лѣтомъ обыкновенныя дороги и такъ сносны, зимою есть санный путь, а въ весеннюю и осеннюю распутицу придется остановить подвозъ дешевыхъ товаровъ къ городамъ, пристанямъ и желѣзнымъ дорогамъ. Такъ взглянули на дѣло лучшія земства нашихъ земледѣльческихъ губерній: они шоссировали гати, кое-гдѣ устроили мосты, а отъ построекъ сплошныхъ шоссе воздер-

*) Дороги въ Финляндіи устраиваются и ремонтируются натуральной повинностью.

жались. Если теперь идетъ рѣчь о постройкѣ шоссе земствомъ съ пособіемъ отъ правительства въ Таврической губ., то это, такъ сказать, исключеніе, подтверждающее правило: на санный путь каждую зиму расчитывать тамъ нельзя. Точно также понятно, что Московское земство строило и строитъ сплошныя шоссе: около нашей древней столицы такое движеніе во всякое время года, что такіе дорогіе пути необходимы. Только намъ кажется, что во время саннаго пути не слѣдовало-бы брать шоссейнаго сбора, такъ какъ на шоссе путь въ это время хуже, чѣмъ на мягкой дорогѣ.

Но возвратимся къ нашимъ саннымъ дорогамъ. Удобное и дешевое средство сообщенія устанавливается у насъ тогда, когда собранъ и обмолоченъ урожай, откормлены мясной скотъ и птица, состоялся богатый уловъ рыбы въ Волгѣ и Уралѣ. Для хлѣба нужна лишь дешевизна провоза, для мяса и рыбы важно и то, что въ мороженомъ видѣ они сохраняются сколько угодно времени. Тутъ нашъ морозъ служитъ намъ службу, которую мы пока не можемъ точно оцѣнить на деньги, но которая конечно выражается десятками милліоновъ. Всѣ остальные способы сохраненія животныхъ продуктовъ впрокъ гораздо дороже, чѣмъ замораживаніе, и многіе изъ нихъ еще вредятъ питательности и удобоваримости мяса и рыбы (соленіе и копченіе). Благодаря нашимъ морозамъ, дичь изъ Архангельской губерніи, рыба изъ Бѣлаго моря, съ низовій Волги, Урала и даже съ Оби—доходятъ въ свѣжемъ видѣ въ Петербургъ, Москву, Кіевъ. Въ этомъ отношеніи, пока стоитъ зима, мы умѣемъ пользоваться своимъ климатомъ,

Но почему же и лѣтомъ не сохранять мясо и рыбу мерзлыми? Вѣдь умѣютъ же это дѣлать петербургскіе и московскіе торговцы дичью. Для этого требуются холодящія смѣси. Самая дешевая изъ нихъ смѣсь мелкаго льда съ поваренною солью, и защита дурными проводниками тепла. Требуются и приспособленія для перевозки мерзлаго мяса и рыбы въ баркахъ и вагонахъ-морозникахъ. Все это у насъ легче устроить, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ у насъ и льду не занимать стать, и соль дешевле, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ большихъ, хорошо устроенныхъ морозникахъ мясо и рыба могли бы сохраняться хоть десятки лѣтъ. Уловъ рыбы очень измѣнчивъ и, въ случаѣ большого улова весной и лѣтомъ, много ея пропадаетъ даромъ за невозможностью всю её посолить или закоптить, а въ такихъ морозникахъ рыба бы сохранилась долго и служила бы къ обезпеченію народнаго продовольствія. Почему бы не устроить такихъ запасныхъ рыбныхъ магазиновъ-морозниковъ въ мѣстахъ особенно богатыхъ рыбой, напр. на низовьяхъ Волги, Урала, сибирскихъ рѣкъ, на берегахъ Бѣлаго моря и океана въ Архангельской губерніи? Въ

значительной части Сибири, гдѣ существуетъ мерзлота (постоянно мерзлая почва, начиная съ глубины 1—2 аршина до нѣсколькихъ десятковъ саженъ), тамъ достаточно вырыть ямы, закрывая ихъ на лѣто досками, обшитыми войлокомъ и т. д. Но не въ одной Сибири возможно устроить морозники безъ холодящихъ смѣсей. Мнѣ случилось быть на винокуренномъ заводѣ Сызранскаго у. въ концѣ августа. Винокуреніе началось въ тотъ годъ очень рано, запасъ льда сталъ подбираться, и я видѣлъ подъ льдомъ мерзлую землю. Вмѣсто того, чтобъ колоть ледъ и свозить его въ погреба, на этомъ заводѣ, выровнявъ большую площадь, какъ токъ, зимою ежедневно наливали слой воды, которая замерзала, а весною клали сверху и съ боковъ густой слой соломы. Такъ шло дѣло болѣе десяти лѣтъ, и ни разу не пришлось израсходовать весь ледъ. Нижняя часть его сохранялась, а верхній слой почвы все время оставался мерзлымъ.

Не мѣшало бы намъ воспользоваться нашими морозами и въ другомъ отношеніи, для заготовки и вывоза льда въ большихъ размѣрахъ. Теперь даже въ Петербургѣ къ концу лѣта и началу осени ледъ становится дорогъ, и недавно были случаи отказа аптекъ отпускать ледъ. Иное дѣло у американцевъ, живущихъ однако въ условіяхъ менѣе благопріятныхъ для заготовки и сохраненія льда, такъ какъ даже въ сѣверныхъ атлантическихъ штатахъ и зима и лѣто теплѣе, чѣмъ въ средней Россіи. Къ тому же у нихъ и заработная плата, и извозъ гораздо дороже нашего. И однако у нихъ вода со льдомъ (ice water) потребность каждой, даже бѣдной семьи, и въ каждомъ вагонѣ стоитъ фильтръ съ ледяной водой. Изъ сѣверныхъ штатовъ везутъ ледъ цѣлыми поѣздами и кораблями въ южные штаты, Мексику, Бразилію и даже Индію, совершая путь, равный окружности земнаго шара. Въ Калькутту ежегодно приходитъ до 12 кораблей со льдомъ изъ Бостона, и во льду еще привозятъ яблоки. Отчего бы намъ изъ портовъ Чернаго моря не возить ледъ въ Индію, а изъ Владивостока—въ порты южнаго Китая, Сингапуръ и Батавію?

Но пора перейти къ злобѣ дня, неурожаю, его причинамъ и средствамъ на будущее время избавиться отъ бѣдствія, подобнаго тому, которое мы теперь испытываемъ.

Такого неурожая, какъ въ 1891 г., несомнѣнно, не было уже болѣе 50 лѣтъ, и старожилы среднихъ губерній указываютъ лишь на 1840 г., а Малороссія и Новороссія на 1833 г., какъ такіе, когда бѣдствіе могло сравниться съ нынѣшнимъ. Несомнѣнно также, что не вездѣ неурожай 1891 года произошелъ отъ той же причины; тѣмъ не менѣе главной причиной была засуха въ той или другой формѣ. Недостатокъ дождя съ августа по октябрь

1890 г. во многихъ мѣстахъ помѣшалъ сѣять озими во время, а посѣянныя или не взошли, или слабо укоренились. Мѣстами малоснѣжіе гибельно отразилось на озимяхъ; въ болѣе обширной полосѣ посѣвамъ повредилъ недостатокъ дождей весной и лѣтомъ; мѣстами, особенно въ южной части Саратовской и Самарской губерній, великолѣпные всходы яровыхъ были повреждены „суховѣями“ въ началѣ іюня, а въ части губерній Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской и т. д. суховѣи, бывшіе нѣсколько позже, также не дали осуществиться надеждамъ хотя бы и на средній урожай яровыхъ.

Спрашивается, можно ли было уменьшить размѣръ бѣдствія? Несомнѣнно можно, но для этого требовались мѣры, превышающія силы и средства отдѣльныхъ хозяевъ, особенно мелкихъ.

Какъ ни далека отъ точности наша статистика урожаевъ, но кое-что она уже выработала и доказала. Одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ этого рода — болѣе высокій урожай (въ 1891 г. даже и въ мѣстахъ особенно пострадавшихъ) на владѣльческихъ поляхъ, сравнительно съ крестьянскими. Извѣстны и главныя причины этого: болѣе глубокая пашня, своевременная обработка и посѣвъ, удобреніе. Но выяснились и другія обстоятельства, гораздо болѣе важныя для нашего народнаго хозяйства. Въ 1891 году, въ сосѣдствѣ лѣса, на плохихъ земляхъ, никогда не дающихъ большого урожая, онъ былъ больше, чѣмъ на очень плодородныхъ, но подалѣе отъ лѣса. Такихъ явленій было много, особенно въ губерніяхъ: Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Симбирской, гдѣ этотъ фактъ замѣчался и прежде въ сухіе годы. Лѣсъ умѣряетъ жаръ и сухость нашего лѣта; онъ ограждаетъ отъ вѣтровъ, слѣдовательно и отъ бича нашихъ степныхъ губерній — суховѣевъ, которые погубили такъ много хлѣбовъ въ 1891 году; наконецъ, въ лѣсу и его сосѣдствѣ снѣгъ ложится ровнѣе, не сдувается въ овраги и не таетъ такъ рано, какъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ. Все это давно извѣстно всякому хозяину-практику, и, казалось бы, должно было вести къ сохраненію лѣсовъ и, вообще, древесной растительности. Точно также извѣстно, что вблизи водъ воздухъ влажнѣе, росы чаще и обильнѣе, и хлѣба и травы менѣе страдаютъ отъ засухъ. Къ тому же, на берегу водъ (рѣчекъ, прудовъ и т. д.), даже въ самой сухой степи, безъ хлопотъ легко развести деревья. Но въ послѣднее время все болѣе выясняется другое явленіе, на которое многіе практики давно обратили вниманіе, именно то, что вблизи лѣса и вообще болѣе или менѣе густой растительности выпадаетъ болѣе дождя, чѣмъ тамъ, гдѣ растительности мало или она поблекла, и особенно надъ пространствами безъ растительности—чернымъ паромъ, скалами, сыпучими песками.

Въ нѣкоторыхъ большихъ имѣніяхъ нашей черноземной полосы имѣется очень густая сѣть дождемѣрныхъ станцій, и уже немногія наблюденія, разработанныя до сихъ поръ, дали очень любопытные результаты. Впервые такая частая сѣть наблюденій была начата въ 1883 г., въ имѣніи Скалона, Бѣломъ Колодцѣ, Волчанскаго у., Харьковской губ. Дождемѣры были установлены не только на хуторахъ, но и въ поляхъ. Иниціатива дѣла принадлежитъ управлявшему имѣніемъ И. Н. Клингену. Крупныхъ лѣсовъ въ имѣніи нѣтъ, но есть рощи, заросли вблизи прудовъ, сады. Вблизи водъ и густой растительности выпадаетъ болѣе дождя, чѣмъ на поляхъ и особенно надъ чернымъ паромъ. Такъ, за пять лѣтъ 1883—8, съ мая по сентябрь новаго стиля, въ мѣстахъ вблизи деревьевъ и водъ выпадало среднимъ числомъ 249 миллиметровъ дождя, вдали отъ нихъ, въ полѣ, 209 миллиметровъ, слѣд. всего 84%. Замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что даже не лѣсъ, а лишь небольшія рощи, сады, пруды и деревья вокругъ нихъ оказали уже такое вліяніе [1]). Еще болѣе густая сѣть станцій устроена въ Рамонскомъ, имѣніи Е. И. В., принцессы Ольденбургской, Воронежскаго у.; здѣсь имѣется 20 дождемѣровъ на пространствѣ 6000 десятинъ. Управляющій имѣньемъ И. Н. Клингенъ началъ обработывать наблюденія. По его словамъ, вліяніе растительности и водъ обнаруживается здѣсь еще яснѣе, чѣмъ въ Бѣломъ Колодцѣ, что и понятно, такъ какъ въ Рамони есть большіе лѣса.

Мнѣ пришлось побывать еще въ двухъ имѣніяхъ съ густой дождемѣрной сѣтью: Гутахъ, Богодуховскаго у., Харьковской губ., принадлежащемъ г. Кенигу и Мошногородищѣ, Черкасскаго у., Кіевской губ, г-жи Балашевой. Въ лѣсныхъ частяхъ обоихъ имѣній выпадаетъ болѣе дождя, чѣмъ въ безлѣсной; въ первомъ изъ нихъ въ отношеніи 3:2. [2]), а именно, за 8 мѣсяцевъ, на хуторѣ вблизи лѣса, выпало 450, въ безлѣсной мѣстности, 300 миллиметровъ дождя.

Слѣдовательно, въ черноземной и степной полосѣ нужно лѣсоразведеніе, такъ какъ лѣсовъ сохранилось мало. Послѣднее нужно для улучшенія климата и для предупрежденія такихъ бѣдствій, какъ въ нынѣшнемъ году. Но спрашивается, возможно ли оно? Цѣлый рядъ успѣшныхъ работъ по лѣсоразведенію въ такихъ степныхъ мѣстностяхъ, какъ южная часть Самарскаго у., южные уѣзды губ. Саратовской, Донской области, губ. Екатеринославской, Херсонской и Таврической, показываетъ, что даже тамъ оно впол-

[1]) См. мою статью «Вліяніе растительности на осадки», Журналъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства, 1888 годъ, № 10.

[2]) См. статью: «Поѣздка по Россіи въ 1891.» «Метеорологическій Вѣстникъ» 1891. № 11 и 12.

нѣ возможно, а въ губерніяхъ къ сѣверу и западу отъ нихъ еще легче.

Выработались особые пріемы *степнаго лѣсоразведенія*. Основанія его слѣдующія. Земля должна быть разрыхлена; очень полезно, чтобъ она была годъ, два или болѣе подъ посѣвомъ хлѣбовъ. Затѣмъ деревья высѣваются въ питомникахъ, и на слѣдующій годъ ранней весной пересаживаются прямо на участки и слегка поливаются при посадкѣ; затѣмъ уже поливки не бываетъ. Деревья садятся рядами, между ними земля разрыхляется конными орудіями. Тогда уже не боятся буйнаго роста степныхъ растеній (бурьяновъ), заглушающихъ молодыя деревья и отнимающихъ у нихъ почвенную влагу. Въ тѣни бурьяны не растутъ.

Въ Россіи пріемы степнаго лѣсоразведенія были впервые примѣнены въ казенномъ Велико-Анадольскомъ лѣсничествѣ, Екатеринославской губ. Позже они были упрощены и усовершенствованы особенно Донскимъ лѣсничимъ, Ѳ. Ф. Тихоновымъ, такъ что теперь всѣ расходы по разведенію лѣса и разрыхленію почвы до полнаго затѣненія пространства обходятся въ 23 руб. на десятину.

Изъ всѣхъ мѣстностей Европейской Россіи, гдѣ сѣются хлѣба въ большихъ количествахъ, лѣсоразведеніе въ полѣ или степи (вдали отъ воды) если не невозможно, то встрѣтитъ большія затрудненія развѣ въ части Уральской области, Новоузенскомъ и части Николаевскаго у., Самарской губ., части Царицынскаго у., Саратовской губ., и сѣверной части Крыма, а на десяткахъ милліоновъ десятинъ нынѣ безлѣсной мѣстности нашей черноземной и степной полосы оно легко исполнимо.

Лѣсоразведеніе на нашихъ поляхъ и степяхъ должно имѣть главной цѣлью защиту полей отъ вреднаго вліянія засухи, поэтому для этой цѣли не слѣдуетъ сажать большія, сплошныя пространства лѣса въ одной части имѣнія или крестьянскаго надѣла, а прежде всего засаживать склоны овраговъ и пески, затѣмъ разводить лѣсныя опушки вокругъ полей.

Положимъ, что мы имѣемъ участокъ квадратной формы, каждая сторона въ 310 сажень; такой участокъ будетъ заключать въ себѣ 40 десятинъ [1]). Если развести вокругъ лѣсную опушку въ 10 саженъ ширины, то она займетъ менѣе $^1/_8$ части поля, если участокъ одинъ, и еще менѣе, если мы имѣемъ рядомъ нѣсколько участковъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ лѣсная опушка послужитъ и для сосѣдняго поля. При очень обширномъ полѣ правильной формы такія опушки займутъ лишь $^1/_{15}$ пространства. Между тѣмъ, ни одна точка поля не будетъ далѣе

1) Точнѣе 96,100 квадр. саж., т. е. $40^1/_{24}$ десят.

430 сажень отъ опушки, и слѣд., когда послѣдняя разростется, она защититъ поле отъ вѣтра, будетъ способствовать равномѣрному залеганію снѣга, уменьшитъ испареніе съ поверхности растеній и водъ, наконецъ будетъ способствовать увеличенію количества выпадающаго дождя.

У насъ уже было не мало удачныхъ лѣсоразведеній въ степяхъ, но до сихъ поръ обыкновенно разводятся сплошные участки лѣса. Живыя изгороди и лѣсныя опушки въ степяхъ—большая рѣдкость. Въ 1888 году приступлено къ разведенію лѣсныхъ опушекъ по сыртамъ (возвышенностямъ) обширныхъ удѣльныхъ имѣній въ южной части Самарскаго уѣзда, причемъ главной цѣлью было огражденіе полей отъ суховѣевъ. Я осматривалъ посадки весной 1890 года: деревья росли превосходно. Эти посадки были такъ успѣшны, что теперь предполагается засадить лѣсомъ 1800 десятинъ. Мѣста для засадки лѣса выбраны очень старательно. Будущая древесная растительность должна оказать доброе вліяніе на окружающія поля и сверхъ того помѣшать расширенію овраговъ и разносу сыпучихъ песковъ.

Помимо лѣса, нужно подумать и о водѣ, о колодцахъ, простыхъ и артезіанскихъ, а особенно о запрудахъ. Если почва непроницаема или мало проницаема, то ею задерживается много воды, если проницаема, то вода держится менѣе долго, но уходитъ въ подпочву, питая родники и возвышая уровень почвенныхъ водъ. Очень полезенъ и способъ подолѣе задержать воду на поверхности почвы послѣ дождя и таянія снѣга, недавно рекомендованный инженеромъ Янковскимъ. По горизонталямъ (линіямъ одинаковаго уровня, легко опредѣляемымъ ватерпасомъ) проводятся плугомъ борозды такимъ образомъ, чтобъ образовались небольшіе валики. Они задерживаютъ воду, не давая ей быстро скатываться по склонамъ; вода впитывается въ землю и увлажняетъ ее на большую глубину. Такимъ образомъ идутъ на пользу полей даже ливни, которые безъ такихъ мѣръ бываютъ часто вредны для полей.

Еще недавно почти никто изъ хозяевъ нашей русской равнины не думалъ объ орошеніи; сады и огороды поливались лейками. Интересъ русскихъ владѣльцевъ къ вопросу орошенія несомнѣнно возросъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ явилось нѣсколько удачныхъ опытовъ, а повторяющіяся засухи доказали трудность хозяйства безъ обезпеченія даже кормовыхъ средствъ скота. Но въ средѣ лицъ, занимающихся орошеніемъ, одни (Филипенко и мѣстныя земства) ограничиваютъ задачи заливными лугами, лиманами (см. отчетъ Филипенко: Записки Технич. Общ. 1882 г.), другіе, въ томъ числѣ чины экспедиціи генерала Жи-

линскаго, почитаютъ выгоднымъ орошеніе и пшеничныхъ посѣвовъ. Этою экспедиціею, на ряду съ нѣсколькими неудачными орошеніями, устроено успѣшное орошеніе для пшеницы и кормовыхъ травъ на Валуйскомъ участкѣ, въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губ. Также можетъ похвалиться успѣхомъ инженеръ этой экспедиціи г. Рытель, устроившій орошеніе хлѣбныхъ посѣвовъ въ имѣніи г. Пшеничнаго, того же уѣзда. Изъ печатныхъ источниковъ по орошенію укажемъ еще на два сообщенія М. Н. Гѣрсеванова (Записки Тех. Общ. 1891). Здѣсь подробно описаны орошенія въ имѣніяхъ Павлова, въ Екатеринославской губ. и Жеребцова въ Донской области. Укажемъ еще на сборникъ Саратовскаго Земства 1891 г., гдѣ мы находимъ очень простое описаніе орошеній поймъ и возвышенныхъ мѣстъ, исполненныхъ г. Аристовымъ въ его имѣніи, Петровскаго уѣзда.

Но до сихъ поръ дѣло тормозится недостаткомъ знанія у отдѣльныхъ хозяевъ и неумѣніемъ ихъ сплотиться, образовать товарищество, которое бы могло выписать сообща техниковъ и мастеровъ, получить по дешевымъ цѣнамъ необходимые инструменты и другія пособія и т. д. Примѣромъ нашимъ черноземнымъ хозяевамъ могли бы послужить сельско-хозяйственныя общества Прибалтійскаго края, которые, напр., выписываютъ гуано и фосфориты, получая отъ торговцевъ большую скидку и полную гарантію отъ обмановъ.

Мы должны придти къ заключенію, что орошеніе полезно, и что нужно воспользоваться всѣми благопріятными условіями для его устройства; но на нашей равнинѣ оно никогда не можетъ развиться въ очень широкихъ размѣрахъ: классической страной орошенія и впредь останутся Кавказъ и Средняя Азія.

Лѣсоразведеніе, устройство запрудъ, искусственное орошеніе, очевидно, самые важные предметы для меліораціоннаго кредита, о которомъ теперь столько говорятъ. Кредитъ на такія работы будетъ производителенъ вдвойнѣ: уменьшая вредныя вліянія засухъ на будущее время и давая работу на мѣстѣ крестьянамъ, получившимъ ссуды на обсѣмененіе и продовольствіе въ такомъ количествѣ, что уплатить ихъ скоро немыслимо. Меліораціонныя работы дадутъ эти средства и притомъ научатъ крестьянъ такимъ пріемамъ, которыя и впредь будутъ имъ полезны.

Всѣ перечисленныя мѣры, несомнѣнно, ослабятъ вредныя вліянія засухъ, но, конечно, не уничтожатъ ихъ. Къ тому же, потребуется немалое время для исполненія всѣхъ нужныхъ работъ. Что же можно сдѣлать для уменьшенія гибельныхъ послѣдствій неурожаевъ?

Можно предложить другія мѣры для нашей цѣли. Эти мѣры,

какъ увидитъ читатель, относятся къ экономическимъ, но я упоминаю о нихъ здѣсь потому, что онѣ необходимы у насъ, вслѣдствіе нашего материковаго климата, съ его частыми засухами.

Нужно раздѣлить мѣстности Европейской Россіи, страдающія отъ засухъ, на 2 части: а) Уральская область, Новоузенскій и большая часть Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи, большая часть Царицынскаго уѣзда Саратовской губерніи, Калмыцкая степь Донской области и сѣверная часть Крыма—принадлежатъ къ самымъ сухимъ частямъ степной полосы; здѣсь неурожаи отъ засухъ всего чаще и губительнѣе, орошеніе возможно лишь въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. а разведеніе лѣсныхъ опушекъ, если и возможно, то во всякомъ случаѣ рискованнѣе и дороже, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ степной полосы, которыя находятся на сѣверъ и западъ отсюда. Несмотря на эти неблагопріятныя условія, здѣсь производятся большіе посѣвы, такъ какъ цѣлины и старыя залежи этихъ степей, въ благопріятный годъ, даютъ большіе урожаи самой лучшей пшеницы и льняного сѣмени. Хозяйство здѣсь въ высшей степени азартное: въ хорошій годъ доходъ бываетъ болѣе чѣмъ продажная стоимость земли, но слишкомъ часто всѣ труды земледѣльцевъ пропадаютъ даромъ нѣсколько лѣтъ сряду.

Такая страна, несомнѣнно, не годится для густого населенія мелкихъ и небогатыхъ земледѣльцевъ; основой хозяйства здѣсь должно быть скотоводство, подъ распашку слѣдуетъ назначать небольшія пространства, причемъ и урожай будетъ получаться болѣе правильный; наконецъ, на небольшихъ участкахъ, которые можно орошать, возможно и болѣе интенсивное хозяйство. Здѣсь, очевидно, страна крупнаго хозяйства, и если она таковою останется, то несомнѣнно, что бѣдствія отъ неурожаевъ будутъ гораздо менѣе, чѣмъ теперь. Здѣсь особенно важно предупредить гибель скота отъ недостатка корма, что можетъ быть сдѣлано двоякимъ способомъ: 1) лиманнымъ орошеніемъ, увеличивающимъ запасъ корма, и 2) сохраненіемъ сѣна въ прессованномъ видѣ, послѣ тѣхъ годовъ, когда его родилось много.

б) Остальная часть степной полосы и вся черноземная: здѣсь условія благопріятнѣе для хозяйства, снѣга и дождя выпадаетъ болѣе, разведеніе лѣсныхъ опушекъ вполнѣ возможно и не дорого, а потому возможно и уменьшеніе вреднаго вліянія засухъ. Но за то здѣсь и населеніе гуще, слѣдовательно, и вліяніе неурожая гораздо гибельнѣе, чѣмъ въ мало-населенныхъ мѣстностяхъ къ Югу и Востоку отсюда. Сельское населеніе на половинѣ этого пространства уже и теперь достигло такой же густоты, какъ во Франціи, и продолжаетъ быстро увеличиваться перевѣсомъ рожденій надъ смертностью. Выходъ изъ затрудненій уже не раз

указывался,—это страхованіе урожая. Несмотря на желательность этого дѣла, оно до сихъ поръ не только не введено нигдѣ, но и не было попытокъ къ осуществленію *полнаго* страхованія (не отъ одного только градобитія).

Конечно, страхованіе отъ лѣни или нерадѣнія хозяина немыслимо, помимо же такого нерадѣнія причины неурожая сводятся къ двумъ категоріямъ: 1) условіямъ климата и погоды и 2) опустошенію вредными насѣкомыми и, вообще, растительными и животными паразитами.

Густая сѣть метеорологическихъ станцій, въ связи съ опытными сельскохозяйственными, несомнѣнно дастъ возможность разобраться въ этихъ запутанныхъ условіяхъ и опредѣлить тѣ случаи, когда неурожай зависитъ отъ условій погоды, а также опредѣлить средній рискъ того или другаго посѣва или способа хозяйства въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Это дастъ твердое основаніе для устройства полнаго страхованія въ Россіи. Пока же возможно нѣкоторое примѣненіе страхованія, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства.

Я называю страхованіемъ уже давно принятую у насъ систему засыпки хлѣбныхъ магазиновъ съ полученіемъ изъ нихъ ссудъ на обсѣмененіе и продовольствіе въ неурожайные годы; страхованіе я вижу въ томъ, что земледѣлецъ, засыпая хлѣбъ въ урожайные годы, когда онъ имѣется въ избыткѣ и можетъ быть проданъ лишь за дешевую цѣну, тѣмъ самымъ застраховываетъ себя отъ дорогой покупки хлѣба въ неурожайный годъ.

Убытки, происходящіе отъ порчи хлѣба, расходы на ремонтъ магазиновъ, проценты на стоимость магазиновъ и хранящагося въ нихъ хлѣба можно разсматривать, какъ страховую премію, обезпечивающую отъ громадной переплаты за хлѣбъ въ неурожайные годы. Если хоть разъ въ 50 лѣтъ будутъ такіе случаи, какъ бывшіе недавно, что земледѣлецъ въ 1890 году продалъ рожь по 30 коп. за пудъ, а въ 1891 земство покупало для него рожь по 1 р. 20 коп., то, конечно, ему стоитъ въ теченіе многихъ лѣтъ нести расходы на засыпку хлѣба въ магазины и на ремонтъ послѣднихъ, лишь бы избавиться отъ покупки хлѣба на сѣмена по такимъ дорогимъ цѣнамъ. Еще важнѣе хлѣбные магазины для народнаго хозяйства. При нынѣшнемъ неудовлетворительномъ положеніи ихъ крестьяне въ неурожайный годъ получаютъ ссуду хотя и хлѣбомъ, но купленнымъ, и по разсчету на деньги, слѣдовательно, за одинъ пудъ хлѣба, полученный въ неурожайный годъ, имъ приходится отдать въ урожайный 3 или 4 пуда; точно также приходится продавать хлѣбъ наскоро для уплаты податей, а крестьянскій хлѣбъ, поступающій на рынки въ слишкомъ боль-

шомъ количествѣ и продаваемый во что бы то ни стало, понижаетъ цѣны на хлѣбъ въ Россіи въ урожайные годы къ явному ущербу нашего народнаго хозяйства. Спѣшная покупка хлѣба земствами на обсѣмененіе и продовольствіе въ неурожайные годы (напр. 1880 и 1891) поднимаетъ цѣну хлѣба въ такіе годы, когда онъ уже и безъ того дорогъ, опять-таки къ ущербу нашего народнаго хозяйства. Намъ нужно стремиться къ тому, чтобы уменьшить слишкомъ большія и быстрыя колебанія цѣнъ хлѣба, а это можетъ быть достигнуто лишь тѣмъ, чтобъ запасать хлѣбъ въ урожайные годы, когда онъ дешевъ, и пользоваться запасами въ неурожайные, когда онъ дорогъ.

Сельскіе запасные магазины далеко не единственный способъ достигнуть этого результата. Еще полезнѣе были бы ссуды подъ хлѣбъ за малые проценты въ урожайные годы съ тѣмъ, чтобы размѣръ ссуды увеличивался гораздо менѣе, чѣмъ рыночная цѣна его. Возьмемъ, напримѣръ, колебаніе цѣны ржи въ послѣдніе 4 года въ нашихъ среднихъ и восточныхъ губерніяхъ; отъ 30 к. въ 1888 до 1 р 50 коп. за пудъ въ концѣ 1891 года. При цѣнѣ ржи въ 30 коп. за пудъ было бы вполнѣ безопасно выдавать ссуду въ 80% стоимости, т. е. 24 коп. за пудъ, а при цѣнѣ 1½ руб. слѣдовало бы выдавать всего 40 или 50%, т. е. отъ 60 до 75 коп. за пудъ. Еслибы еще процентъ измѣнялся въ зависимости отъ цѣны хлѣба, отъ 4% до 8%, то понятно, что въ первомъ случаѣ въ склады поступали бы большіе запасы, а во второмъ владѣльцы хлѣба нашли бы полную выгоду въ томъ, чтобы его продать.

Вопросъ объ устройствѣ дешевыхъ и безопасныхъ хранилищъ для хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ имѣетъ огромную важность для Россіи, такъ какъ при благопріятномъ его рѣшеніи у насъ могутъ образоваться тѣ большіе запасы зерна, которые необходимы для нашего народнаго хозяйства. Очевидно, что не наши старые бревенчатые запасные магазины пригодны для этой цѣли: они обходятся дорого въ черноземной и степной полосѣ, гдѣ лѣсу немного, требуютъ большого ремонта, а хлѣбъ очень часто страдаетъ отъ мышей. Элеваторы тоже для этого не пригодны: они назначены для быстраго пропуска зерна, который очищается, сушится, выгружается и нагружается.

Что же намъ дѣлать и на чемъ остановиться?...

Во многихъ странахъ съ плотной и сухой почвой, зерно и другія сырыя произведенія хранятся совершенно безопасно и очень дешево въ земляныхъ ямахъ (силосахъ). Такъ, напримѣръ, въ Кіевѣ знаменитыя пещеры и многіе погреба вырыты въ толщахъ лёсса и эти погреба по своей сухости вполнѣ пригодны для долговременнаго храненія зерна и другихъ сырыхъ продуктовъ. Въ

городѣ Рыльскѣ и сосѣднихъ селеніяхъ храненіе зерна въ ямахъ во всеобщемъ употребленіи. Но и тамъ, гдѣ обыкновенныя земляныя ямы не годятся для храненія хлѣба, мы все-таки можемъ избавиться отъ постройки очень дорогихъ, хотя и прочныхъ, каменныхъ—и нѣсколько менѣе дорогихъ, но за то непрочныхъ, деревянныхъ амбаровъ: укажу между прочимъ на постройки изъ сырцеваго кирпича. Если въ такихъ постройкахъ очень часто живутъ люди, находя ихъ вполнѣ удобными и теплыми, то онѣ, конечно, еще болѣе пригодны для храненія зерна и другихъ сырыхъ продуктовъ. Дешевизна ихъ необычайная, а прочность вполнѣ достаточная, особенно, если ихъ снабдить асфальтовымъ поломъ и асфальтовой штукатуркой снаружи и внутри; послѣднее еще тѣмъ хорошо, что совершенно обезпечиваетъ зерно отъ мышей и крысъ. Такія строенія очень дешевы, напр. въ Симбирской губерніи квадратная сажень съ кладкою обходится въ 1 рубль, а что касается до прочности, даже въ болѣе сыромъ климатѣ, достаточно упомянуть о томъ, что домъ изъ сырцоваго кирпича, построенный въ Гатчинѣ, близъ Петербурга, въ царствованіе императора Павла, цѣлъ и невредимъ до сихъ поръ. Изготовленіе сырцоваго кирпича и постройка зданій изъ него—работа настолько простая, что ей легко научить всякаго крестьянина. Такая работа также послужитъ къ уплату долга казнѣ на обсѣмененіе и продовольствіе.

Съ точки зрѣнія народнаго хозяйства устройство удобныхъ путей сообщенія и колонизація нашихъ богатыхъ окраинъ въ полной мѣрѣ имѣютъ значеніе страхованія отъ слишкомъ быстраго колебанія цѣнъ, и въ особенности отъ ихъ возвышенія послѣ неурожая. Россія слишкомъ велика, чтобъ онъ коснулся всей ея территоріи; даже въ нынѣшній годъ, несомнѣнно самый плохой слишкомъ за 50 лѣтъ (съ 1840), этого, какъ извѣстно, не было.

Но до 1891 года желѣзныя дороги не оказывали въ этомъ отношеніи желательной помощи; мало того, онѣ способствовали вывозу хлѣба за границу даже въ неурожайные годы, и мѣшали неурожайнымъ мѣстностямъ пользоваться дешевымъ подвозомъ хлѣба. Объясняется это тѣмъ, что низкіе провозные тарифы существовали лишь по направленію къ портамъ и западной границѣ, а въ обратномъ направленіи они были очень высоки, до $^1/_{18}$ съ пуда и версты. Поэтому были возможны слѣдующія аномаліи. Въ 1888 году въ Пензенской губерніи цѣны на рожь и овесъ упали ниже 30 копѣекъ за пудъ, а въ Оренбургской и Уфимской губерніи въ то время былъ неурожай, и Пензенская губернія могла бы отправить туда свой хлѣбъ, но этому мѣшали дорогіе тарифы желѣзныхъ дорогъ. Пришлось ждать

открытія судоходства 1889 года и тогда отправить хлѣбъ по желѣзной дорогѣ до Сызрани (238 верстъ) и оттуда водой въ Уфу. Такъ было дѣло, пока неурожаи захватывали лишь небольшіе районы. Бѣдствіе нынѣшняго года повело наконецъ къ вмѣшательству правительства и къ установленію дешеваго тарифа на провозъ хлѣба ($^1/_{50}$ съ пуда и версты) и картофеля ($^1/_{100}$ съ пуда и версты) по всѣмъ направленіемъ. Такой тарифъ слѣдовало бы сохранить и впредь на пользу нашего народнаго хозяйства, не дожидаясь, для введенія его, чтобъ бѣдствіе уже наступило.

Колонизація нашихъ богатыхъ окраинъ, до 2000—3000 верстъ отъ Европейской Россіи, также можетъ сослужить службу, и въ этомъ отношеніи нужно только, чтобъ для нея отводились мѣста съ благопріятнымъ климатомъ, т. е. такія, гдѣ неурожаи не часты. Нужно также принять мѣры къ охраненію лѣсовъ и водъ на новыхъ мѣстахъ, однимъ словомъ препятствовать ухудшенію климата и другихъ природныхъ условій, которыя слишкомъ часто вносятся колонизаціею какъ у насъ [1]), такъ и въ Америкѣ.

Петербургъ
8 ноября 1891.

А. Воейковъ.

[1]) Въ статьѣ Д. Л. Иванова „Вліяніе русской колонизаціи на природу Ставропольскаго края“; въ „Извѣстіяхъ И. Р. Географическаго Общества“ 1886 мы находимъ яркую картину ухудшенія естественныхъ условій края въ послѣднія 25 лѣтъ.

* * *

Стаи птицъ... Дороги лента...
Повалившійся плетень...
Съ отуманеннаго неба
Грустно смотритъ тусклый день...
Рядъ березъ... И видъ унылый
Придорожнаго столба...
Какъ подъ гнетомъ тяжкой скорби
Покачнулася изба...
Полусвѣтъ и полусумракъ...
И невольно рвешься вдаль!..
И невольно давитъ душу
Безконечная печаль!..

К. Бальмонтъ.

* * *

Это пламенное солнце,
Солнце южной стороны,—
Это море голубое,
Вѣчный шумъ его волны,
Эти пальмы, эти розы,
Этихъ виллъ красивыхъ рядъ,
Что съ высотъ своихъ на море
Такъ привѣтливо глядятъ,
Все-то здѣсь чаруетъ взоры
Безконечной красотой...
И царитъ она всевластно,
Надъ изнѣженной толпой.
Но ликующей природы
Не разсѣять мрачныхъ думъ,
Отравляющихъ печалью
Сердце мнѣ,—гнетущихъ умъ.
Въ плескѣ волнъ и въ шумѣ листьевъ,
Въ пѣсни вѣтра въ часъ ночной
Слышу плачъ я о невзгодѣ
Стороны моей родной.

А. Плещеевъ.

Ницца. Ноябрь, 1891.

ЮНОШЕСКАЯ ЛЮБОВЬ ГЁТЕ.

Двѣ минуты блаженства... Да развѣ этого мало, господа, хотя бы и на всю жизнь человѣческую?

Достоевскій.

Въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Страсбурга по Лаутербургскому шоссе лежитъ утонувшая въ зелени деревушка Сессенгеймъ. Прежде на нее никто не обращалъ вниманія, но съ тѣхъ поръ какъ Гёте прославилъ ее въ своей Автобіографіи, извѣстной подъ именемъ „*Поэзія и Правда моей жизни*“ и въ своемъ „*Сессенгеймскомъ Пѣсенникѣ*“ (Sessenheimer Liederbuch), рѣдкій изъ любителей поэзіи, проѣзжая изъ Страсбурга въ Майнцъ, не заѣдетъ въ Сессенгеймъ, чтобъ посмотрѣть на скромную усадьбу пастора, гдѣ гостилъ великій поэтъ, помечтать подъ развѣсистымъ букомъ, гдѣ юный Гёте и дочь сессенгеймскаго пастора Бріона Фридерика обмѣнивались клятвами въ вѣчной любви, и полюбоваться прекраснымъ видомъ на рейнскіе острова, открывающимся съ любимаго мѣста Фридерики—высокаго, поросшаго лѣсомъ холма, который Гёте назвалъ отдыхомъ Фридерики (Friedrikens Ruh) — названіе до сихъ поръ оставшееся за нимъ. Хотя любовь Гёте къ Фридерикѣ составляетъ едва-ли не самый очаровательный эпизодъ Автобіографіи Гёте, но находящимся тамъ матеріаломъ нужно пользоваться съ осторожностью, во первыхъ потому, что Гёте писалъ ее въ старости, не менѣе какъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, когда онъ успѣлъ многое позабыть, и во-вторыхъ потому, что Автобіографія, какъ показываетъ самое ея заглавіе, есть произведеніе художественное, преслѣдующее кромѣ цѣлей біографическихъ и цѣли художественныя. Считая задачей искусства изо-

браженіе существующаго въ его высшихъ и поэтическихъ проявленіяхъ, Гёте умышленно измѣнилъ обстановку разсказа; ему казалось болѣе поэтичнымъ вставить знакомство съ Фридерикой въ рамку разцвѣтающей весенней природы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ первое посѣщеніе имъ Сессенгейма произошло осенью, и несомнѣнно, что до весны онъ успѣлъ побывать тамъ по крайней мѣрѣ два раза. „Въ моемъ описаніи сессенгеймскихъ событій—говорилъ впослѣдствіи Гёте Эккерману—нѣтъ ни одной черты, которая не была бы мною пережита, но за то нѣтъ ни одной, которая была бы изображена такъ, какъ она переживалась въ дѣйствительности". Имѣя это въ виду, мы будемъ пополнять и провѣрять показанія Гёте свидѣтельствомъ другихъ источниковъ, а также его собственныхъ писемъ и стихотвореній.

Весной 1770 г. Гёте, не достигшій еще 21 года, пріѣхалъ въ Страсбургъ доканчивать свое юридическое образованіе. Онъ пробылъ въ Страсбургѣ годъ съ небольшимъ (до конца августа 1771 г.), но это непродолжительное пребываніе оказало сильное вліяніе на его дальнѣйшую поэтическую дѣятельность: здѣсь онъ положилъ основы своему разностороннему образованію, здѣсь онъ сблизился съ Гердеромъ, указавшимъ истинную дорогу его творчеству, наконецъ къ страсбургскому періоду его жизни относится любовь его къ Фридерикѣ, которую онъ воспѣлъ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, по справедливости считающихся перлами нѣмецкой лирики. Поселившись въ Страсбургѣ, Гёте ходилъ обѣдать въ находившійся неподалеку отъ его квартиры табль-дотъ, который содержали дѣвицы Лаутъ. Съ свойственной ему общительностью и живостью характера онъ на другой же день перезнакомился со всѣми своими застольными товарищами... Въ числѣ ихъ былъ нѣкто докторъ Зальцманъ, старинный посѣтитель табль-дота, всегда занимавшій за обѣдомъ кресло предсѣдателя. Какъ человѣкъ солидный, образованный, онъ пользовался большимъ авторитетомъ въ средѣ посѣтителей табль-дота, которые называли его Сократомъ, повѣряли ему свои тайны, слушались его совѣтовъ. Любимымъ развлеченіемъ товарищей по табль-доту были прогулки по живописнымъ окрестностямъ Страсбурга, въ которыхъ принималъ участіе и Гёте. Осенью 1770 г. одинъ изъ нихъ, студентъ Вейландъ, предложилъ Гёте познакомить его съ семействомъ пастора Бріона, жившаго въ Сессенгеймѣ. Гёте тѣмъ охотнѣе согласился на это предложеніе, что Вейландъ много наговорилъ ему о гостепріимствѣ этой семьи и о красотѣ дочерей пастора. И вотъ, въ одинъ прекрасный осенній день молодые люди взяли верховыхъ лошадей и помчались въ Сессенгеймъ. Описаніе этой поѣздки находится въ Автобіографіи Гёте; по свѣжести чувства и мастерству изображенія его можно

сравнить развѣ съ описаніемъ путешествія Консуэло съ пятнадцатилѣтнимъ Гайдномъ въ извѣстномъ романѣ Жоржъ Санда. Любившій съ дѣтства всякаго рода сюрпризы и мистификаціи, Гёте, напередъ взявши съ товарища слово, что тотъ его не выдастъ, напялилъ на себя взятый откуда-то старомодный костюмъ, измѣнилъ прическу, словомъ загримировалъ себя такъ искусно, что Вейландъ, глядя на него, не могъ удержаться отъ смѣха. Рѣшено было, что Вейландъ представитъ своего друга, какъ бѣднаго кандидата богословія, желающаго пристроиться въ сосѣднемъ друзенгеймскомъ приходѣ. Молодые люди были приняты весьма радушно пасторомъ и его женой; вскорѣ подошли бывшіе на прогулкѣ дочери,—но дадимъ слово Гёте; пусть онъ самъ опишетъ намъ наружность меньшой дочери Фридерики, которой въ то время едва минуло восемнадцать лѣтъ. „На меня—говоритъ Гёте—она произвела впечатлѣніе свѣтлой звѣздочки, внезапно вспыхнувшей на этомъ мирномъ деревенскомъ небосклонѣ. Обѣ сестры носили нѣмецкій національный костюмъ—и эта, почти уже изгнанная въ то время изъ употребленія, одежда особенно шла къ Фридерикѣ. Это было коротенькое бѣлое платьице, доходившее какъ разъ до косточки хорошенькой ножки, узенькій бѣлый корсажъ и черный тафтяной передникъ. Въ этомъ чистенькомъ нарядѣ она казалась не то барышней, не то крестьянкой. Гибкая и легкая, точно нарядъ ее ни мало не стѣснялъ, она двигалась такъ быстро, что, казалось, милая головка, отягощенная двумя густыми косами свѣтлыхъ волосъ, не поспѣвала слѣдить за поворотами тоненькой шеи. Голубые и свѣтлые глаза ея смотрѣли ясно и весело, а маленькій носикъ дышалъ такъ легко и свободно, что, казалось, не чуялъ въ окружающей обстановкѣ рѣшительно никакихъ заботъ или непріятностей. Такимъ образомъ, мнѣ удалось съ перваго же раза увидѣть ее въ полномъ ореолѣ веселой беззаботности“. При видѣ этого милаго и простодушнаго созданія Гёте стало ужасно неловко и стыдно продолжать свою мистификацію, но Фридерика даже не замѣтила его смущенія. Она весело болтала, разсказывала Гёте о своихъ родныхъ и знакомыхъ, которыхъ очень мило представляла, потомъ сѣла за фортепьяно и попробовала спѣть одинъ изъ тогдашнихъ модныхъ романсовъ, но пѣніе почему-то не удавалось. Она сама это замѣтила и сказала Гёте съ тѣмъ веселымъ выраженіемъ, которое не покидало ее весь вечеръ: „если я дурно пою, то въ этомъ нисколько не виноватъ мой учитель; но пойдемте на воздухъ, я вамъ тамъ спою нѣсколько нашихъ эльзасскихъ пѣсенокъ; съ ними дѣло пойдетъ лучше“. За ужиномъ Гёте былъ задумчивъ: онъ не могъ отвязаться отъ мысли, что онъ гоститъ въ семьѣ Вэкфильдскаго Священника. Послѣ ужина

молодежь отправилась гулять при лунномъ свѣтѣ. Вейландъ предложилъ руку старшей сестрѣ Саломеѣ, Гёте—Фридерикѣ. Во время прогулки Фредерика показалась Гёте еще очаровательнѣе. „Въ словахъ своихъ—говоритъ онъ—отражалась она какъ въ зеркалѣ, и вся ея личность рисовалась передо мной въ такомъ прелестномъ видѣ, что я былъ рѣшительно внѣ себя". Когда Гёте и Вейландъ удалились въ отведенную имъ комнату, они проговорили чуть не до утра о дочеряхъ пастора. Проснувшись на другой день рано утромъ, Гёте пришелъ въ ужасъ отъ своего костюма. Предстать передъ Фридерикой въ этомъ шутовскомъ нарядѣ было для него немыслимымъ; онъ рѣшился уѣхать, не простившись. Поручивъ товарищу извиниться за него, Гёте осѣдлалъ свою лошадь и поскакалъ къ Друзенгейму. По дорогѣ ему пришла въ голову счастливая мысль переодѣться въ платье знакомаго трактирнаго слуги, походившаго на него ростомъ и фигурой. Задумано—сдѣлано. Перемѣнивъ прическу, облекшись въ костюмъ слуги и надѣвъ на голову шляпу съ разноцвѣтными лентами, Гёте появился около девяти часовъ утра на пасторскомъ дворѣ, держа въ правой рукѣ большой крестильный пирогъ, который ему поручили отнести женѣ пастора отъ имени одной друзенгеймской родильницы. Мистификація удалась вполнѣ. Не только пасторъ и горничная не узнали Гёте, но и Саломея пришла въ изумленіе, что Фридерика идетъ къ ней навстрѣчу подъ руку съ трактирнымъ слугой. Когда же, присмотрѣвшись ближе, она узнала въ этомъ слугѣ Гёте, то ею овладѣлъ такой припадокъ смѣха, что она не могла устоять на ногахъ и упала на траву. Гёте и Вейландъ остались до вечера въ гостепріимномъ семействѣ пастора. Въ сопровожденіи сестеръ Бріонъ они гуляли въ лѣсу, тогда примыкавшемъ къ самому Сессенгейму, отдыхали въ жасминной бесѣдкѣ, гдѣ Гёте очаровалъ своихъ слушательницъ, разсказавъ имъ сказку о Новой Мелюзинѣ, вставленную имъ впослѣдствіи въ его романъ Вильгельмъ Мейстеръ. Фридерика показала Гёте всѣ свои любимыя мѣста; они долго сидѣли подъ сѣнью развѣсистаго бука, на которомъ Гёте вырѣзалъ свое имя рядомъ съ именемъ Фридерики. Вечеромъ молодые люди уѣхали въ Страсбургъ, давъ слово въ скоромъ времени пріѣхать снова. Результатъ поѣздки въ Сессенгеймъ былъ тотъ, что Гёте вернулся въ Страсбургъ совершенно влюбленный и почувствовалъ всю трудность предаться вновь своимъ занятіямъ. Мысль его, какъ магнитъ къ сѣверу, постоянно обращалась къ Сессенгейму, гдѣ въ рамкѣ изъ зелени и цвѣтовъ ему рисовался чарующій образъ Фридерики. Нужно ли говорить, что нѣжное чувство незамѣтно овладѣло сердцемъ Фридерики, что она постоянно думала объ юномъ поэтѣ и меч-

тала о скоромъ свиданіи съ нимъ. Мечты эти поддерживались письмами Гёте, изъ которыхъ Фридерика увидала, что Гёте ее любитъ. Черезъ два или три дня послѣ своего возвращенія въ городъ, Гёте пишетъ Фридерикѣ письмо (отъ 15 октября 1770 г.), которое даже и не такая простодушная дѣвушка, какъ Фридерика, непремѣнно сочла бы объясненіемъ въ любви. „Милый, милый другъ мой! – писалъ Гёте:—первая мысль, утѣшавшая насъ всю дорогу, была мысль поскорѣе свидѣться съ вами. Какая это славная вещь—надежда снова увидѣться! Едва наше избалованное сердце начнетъ тревожиться, какъ у насъ уже готово и лѣкарство. Милое сердце—говоримъ мы ему—успокойся, ты не долго будешь разлучено съ тѣми, кого ты любишь! Никогда Страсбургъ не былъ для меня такъ пустъ, какъ теперь, хотя я и надѣюсь, что онъ сдѣлается лучше, когда изъ моей памяти понемногу изгладится воспоминаніе о весело и шаловливо-проведенномъ времени, когда я не буду чувствовать такъ живо, какъ добръ, какъ милъ мой другъ! Нѣтъ, я лучше предпочитаю, чтобы мое сердце немного погоревало—и потому буду часто писать вамъ“. Фридерика не замедлила отвѣтомъ, и съ этихъ поръ между ею и поэтомъ завязывается оживленная переписка. Кромѣ писемъ, Гёте посылалъ Фридерикѣ книги и свои стихотворенія. Такъ, извѣстно, что онъ послалъ ей Вэкфильзскаго Священника и свой переводъ нѣсколькихъ пѣсенъ Оссіана. Какъ всегда бываетъ у истинныхъ поэтовъ, чувство, охватившее душу Гёте, не замедлило отразиться на его поэтической дѣятельности. Въ Сессенгеймскомъ Пѣсенникѣ есть одно прекрасное стихотвореніе, которое, судя по его осеннему колориту, должно было возникнуть вскорѣ послѣ возвращенія Гёте изъ Сессенгейма *):

Осенній, сѣрый день на небѣ,
Полей унылыхъ мертвый видъ,
Кругомъ, куда свой взоръ ни бросишь,
Весь міръ туманами покрытъ.
О другъ мой нѣжный, Фридерика,
Когда-бы ты была со мной!
Въ твоихъ глазахъ—сіянье солнца,
Лазури неба блескъ живой!

*) Это стихотвореніе, равно какъ и всѣ слѣдующія, за исключеніемъ одного, никогда не были переведены на русскій языкъ. Мы приводимъ ихъ въ прекрасномъ переводѣ, сдѣланномъ спеціально для этой статьи нашимъ молодымъ поэтомъ К. Д. Бальмонтомъ, которому приносимъ глубокую благодарность.

Вотъ, тамъ я вырѣзалъ два имя,
Когда гуляли мы вдвоемъ.
Какъ потускнѣли эти буквы!
Какъ потускнѣлъ весь міръ кругомъ!
И лучъ отцвѣлъ благоуханный,
Какъ отцвѣли мои мечты,
И навсегда угасло солнце,
Какъ навсегда исчезла ты!

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Гёте не могъ устоять противъ желанія видѣть Фридерику. Сколько онъ пробылъ въ Сессенгеймѣ, неизвѣстно, но существуетъ преданіе, что онъ былъ очень веселъ и потѣшалъ общество своими забавными выходками. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ это посѣщеніе Гёте убѣдился въ томъ, что и Фридерика его любитъ. Въ письмѣ къ Горну, писанномъ въ декабрѣ 1770 г., Гёте говоритъ, что онъ чувствуетъ себя счастливымъ и находится въ упоеніи этимъ сладостнымъ чувствомъ. Поэтому мы думаемъ, что къ этому времени всего естественнѣе отнести небольшое стихотвореніе, проникнутое радостнымъ сознаніемъ, удовлетвореніемъ любви: „Я чувствую то, что чувствуютъ ангелы; шутя, я овладѣлъ ея сердцемъ; теперь она моя! Судьба, ты мнѣ дала это счастье; сдѣлай же такъ, чтобъ наше завтра было такое же, какъ и сегодня, и научи меня—быть ея достойнымъ!“ Въ декабрѣ Гёте получилъ отъ сестеръ Бріонъ письмо, въ которомъ онѣ его приглашали пріѣхать къ празднику, чтобы вмѣстѣ съ ними украшать ёлку. Гёте отвѣчалъ на это письмо слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Я скоро-скоро буду съ вами!
И пусть морозомъ и снѣгами
Зима насъ въ комнатѣ запрётъ—
Каминъ веселый насъ согрѣетъ
И сумракъ грёзы намъ навѣетъ,
А вѣтеръ пѣсни намъ споётъ.
Смѣясь и весело болтая
И изъ цвѣтовъ вѣнокъ сплетая,
Мы встрѣтимъ вмѣстѣ новый годъ.

Быстро, какъ очаровательный сонъ, пронеслись праздники, и въ началѣ января Гёте былъ уже въ Страсбургѣ. Переписка между нимъ и Фридерикой продолжалась попрежнему и могла только способствовать укрѣпленію ихъ отношеній. По словамъ Гёте, Фридерика и въ своихъ письмахъ, какъ и вездѣ, оставалась неизмѣнной. „Всегда она умѣла сообщить что-нибудь новое и интересное, посмѣяться надъ забавными происшествіями, умно

что-нибудь описать, надъ инымъ призадуматься. Перо ея летало и носилось такъ же свободно, какъ она сама. Я съ своей стороны писалъ ей съ такимъ же увлеченіемъ. Мысль объ ея чудныхъ качествахъ увеличивала еще болѣе мою любовь къ ней въ часъ разлуки, такъ что чѣмъ дальше шла эта переписка, тѣмъ драгоцѣннѣе она для меня становилась". Такъ какъ у Гёте, работавшаго надъ своей диссертаціей, не оставалось времени для поѣздокъ въ Сессенгеймъ, то пасторша съ дочерьми, вѣроятно побуждаемая просьбами Фридерики, рѣшилась выполнить свое давнишнее намѣреніе погостить въ Страсбургѣ у богатыхъ родственниковъ. Говоря о пребываніи своихъ сессенгеймскихъ друзей въ Страсбургѣ, Гёте употребляетъ загадочное выраженіе, что это пребываніе было для него въ своемъ родѣ испытаніемъ. Повидимому, это испытаніе состояло, вопервыхъ, въ томъ, что самолюбіе Гёте страдало отъ мысли, что въ глазахъ Страсбугскаго общества дѣвицы Бріонъ, въ своихъ простенькихъ національныхъ костюмахъ, казались деревенщиной въ сравненіи съ своими, одѣтыми по послѣдней модѣ, кузинами и, во вторыхъ, въ томъ, что имъ самимъ было неловко и не уютно, и что Гёте, догадываясь объ этомъ, болѣлъ за нихъ душой. Въ особенности, сознаніе, что она является въ сравненіи съ кузинами простой крестьянкой, мучило старшую сестру; она скучала, видимо тяготилась своимъ пребываніемъ въ городѣ и торопила отъѣздомъ. Что до Фридерики, то она хоть и чувствовала себя не въ своей тарелкѣ, но отлично съумѣла справиться и съ собой и съ своимъ положеніемъ, была рѣзва, весела, неистощима въ придумываніи всякаго рода удовольствій и развлеченій. Замѣтивъ однажды, что общество начинаетъ скучать, Фридерика, можетъ быть отчасти побуждаемая, свойственнымъ всякой женщинѣ, желаніемъ показать свое вліяніе надъ мужчиной, попросила Гёте прочесть вслухъ Гамлета, на что тотъ, конечно, изъявилъ согласіе. Вообще, по словамъ Гёте, она въ этомъ чуждомъ обществѣ, повидимому, чувствовала себя также легко и свободно, какъ птичка среди зелени; когда же Гёте вздумалъ было похвалить ее за это, она очень мило отвѣчала, что онъ былъ возлѣ нея и что слѣдовательно ей было все равно, быть-ли въ деревнѣ или въ городѣ.—Хотя это первое испытаніе для чувства Гёте прошло благополучно, и его возлюбленная нисколько не упала въ его глазахъ, тѣмъ не менѣе, когда семейство Бріонъ уѣхало, у Гёте, по его собственному выраженію, точно камень свалился съ сердца. По отъѣздѣ Фридерики, Гёте снова погрузился въ свои занятія, въ которыхъ юриспруденція чередовалась съ естественными науками и медициной. Онъ работалъ успѣшно, имѣя въ виду лучшую награду—свиданіе съ Фридерикой. Такъ прошло время до

начала апрѣля. На послѣдней лекціи, передъ Святой, профессоръ Эрманнъ посовѣтовалъ своимъ слушателямъ воспользоваться нѣсколькими свободными днями и освѣжиться путешествіемъ по окрестностямъ Страсбурга. Гёте счелъ эти слова за предписаніе свыше, взялъ верховую лошадь и въ тотъ-же день поскакалъ въ Сессенгеймъ. Какимъ чувствомъ было полно его сердце, это всего лучше видно изъ слѣдующаго стихотворенія, которое мы приводимъ въ прекрасномъ переводѣ Каткова:

Коня скорѣе—сердце бьется!
И на конѣ помчался я.
Ужъ ночь на высяхъ горъ снуется,
Въ объятьяхъ вечера земля,
И вѣтви дубъ распростирая,
Какъ исполинъ во мглѣ стоитъ.
И изъ-за листьевъ мгла густая
Глазами черными глядитъ.
Весь окруженный облаками,
Печально мѣсяцъ внизъ смотрѣлъ,
И вѣтеръ тихими крылами
Мнѣ въ уши жалобно свистѣлъ.
И стая призраковъ ходила—
Но чувства веселы мои,
Въ моей груди какая сила!
Какой огонь въ моей крови!

Гёте не успѣлъ предупредить Фридерику о своемъ пріѣздѣ, но чуткое сердце любящей дѣвушки предчувствовало это радостное событіе, такъ что когда Гёте вошелъ въ комнату, онъ явственно слышалъ, какъ Фридерика сказала на ухо сестрѣ: не правду-ли я говорила? Вотъ и онъ! На праздники въ Сессеенгеймъ съѣхалось не мало гостей. Время проводили весело, гуляли, играли въ фанты, танцовали. Вдохновенный любовью къ Фридерикѣ, Гёте былъ душой общества. „Возлѣ Фридерики“, говоритъ онъ, «я былъ безконечно счастливъ, разговорчивъ, остеръ, предупредителенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдержанъ чувствомъ любви и уваженія къ ней. Повидимому, мы принимали участіе въ общемъ весельѣ, но, въ сущности, видѣли только другъ-друга“. Прелести веселой природы, близость любимой женщины, сознаніе, что онъ любитъ,—все это вызвало въ душѣ Гёте ликующее настроеніе, которое не замедлило найти себѣ выраженіе въ поэзіи. Вотъ одно изъ Сессенгеймскихъ стихотвореній Гёте, которое можно назвать восторженнымъ гимномъ веснѣ, любви и красотѣ:

О, какъ ликуетъ
Весь міръ вокругъ!
Какъ ярко солнце!
Какъ зеленъ лугъ!

—

Цвѣты пестрѣютъ
Въ лѣсу, въ поляхъ,
И сотни пѣсенъ
Звучатъ въ кустахъ.

—

О радость! нѣга!
Восторгъ! мечта!
О небо! солнце!
О красота!

—

Любовь волшебно
Смѣется намъ.
Такъ тучка таетъ,
Прильнувъ къ горамъ.

—

Тебѣ, о другъ мой,
Мои мечты!
Какъ взоръ твой блещетъ,
Какъ любишь ты!

—

Такъ любитъ птичка
Тѣнистый лѣсъ,
Цвѣтокъ такъ любитъ
Лазурь небесъ!

На этотъ разъ Гёте прогостилъ въ Сессенгеймѣ довольно долго, отъ половины апрѣля до конца мая. Хотя онъ не дѣлалъ формальнаго предложенія Фридерикѣ, но общее мнѣніе давно считало ихъ женихомъ и невѣстой. Безусловно вѣря въ честныя намѣренія Гёте, родители Фридерики смотрѣли сквозь пальцы на ихъ прогулки вдвоемъ, на ихъ все возрастающую короткость. Кто-бы могъ подумать, глядя на влюбленнаго поэта и сіяющую счастьемъ Фридерику, что этому счастью скоро настанетъ конецъ? А между тѣмъ, этотъ печальный конецъ уже подготовлялся. Въ то время, когда Гёте въ своихъ стихотвореніяхъ воспѣвалъ блаженство раздѣленной любви, повидимому, наполнявшее все существо его, въ письмахъ къ товарищамъ по временамъ слышатся горькія ноты; онѣ показываютъ, что на чистомъ небосклонѣ его

любви то тамъ, то сямъ мелькаютъ облака, не предвѣщающія ничего добраго. Хуже всего, что эти облака идутъ изъ собственной души поэта, которая оказалась не способной отдаться вполнѣ выпавшему на его долю счастію. Состояніе моего сердца,—писалъ Гёте Зальцманну изъ Сессенгейма,—довольно странное. Прелестная мѣстность, люди меня любящіе, цѣлый вѣнокъ радостей... Развѣ сны твоего дѣтства не сбылись?—спрашивалъ я самого себя. Развѣ ты теперь не обитаешь въ саду фей, о которомъ ты мечталъ? Увы! все это такъ, мой другъ, но при всемъ томъ я чувствую, что человѣкъ не дѣлается ни на волосъ счастливѣе, когда онъ достигаетъ желаемаго. Всегда есть придатокъ, который судьба привѣшиваетъ ко всякому счастью. Милый другъ, нужно много бодрости, чтобы не впасть въ уныніе въ этомъ мірѣ". Біографы Гете потратили не мало труда и остроумія, чтобы выяснить, что разумѣлъ онъ подъ словомъ придатокъ. Дюнцеръ думаетъ, что здѣсь разумѣется неспособность Гёте къ тихому семейному счастью, которымъ должна была увѣнчаться любовь его къ Фридерикѣ; по Шефферу—это неувѣренность, что любовь къ Фридерикѣ могла наполнить собой всю жизнь геніальнаго поэта; Лейзеръ понимаетъ придатокъ въ смыслѣ сознанія противорѣчій между идеаломъ и дѣйствительностью, а Фиговъ въ смыслѣ измѣны самому себѣ и своему высокому призванію. По нашему мнѣнію ближе всѣхъ подошелъ въ данномъ случаѣ къ истинѣ біографъ Фридерики, Люціусъ, который объясняетъ жалобы Гёте на судьбу такъ, что ему необходимо было, во что-бы то ни стало, рѣшить вопросъ о женитьбѣ и сдѣлать формальное предложеніе Фридерикѣ, котораго давно ожидали ея родные и въ особенности она сама.—Это объясненіе представляется весьма вѣроятнымъ. Не нужно упускать изъ виду, что Гёте въ то время было всего двадцать два года, что онъ мечталъ о свободѣ, славѣ и всего менѣе желалъ связать себя женитьбой. Пылкій и увлекающійся, онъ относился къ вопросу любви довольно легкомысленно, влюблялся и разочаровывался по нѣсколько разъ въ годъ. Онъ искренно увлекся Фридерикой, и это увлеченіе было, можетъ быть, сильнѣе всѣхъ предыдущихъ, но, добиваясь ея любви, наслаждаясь настоящимъ мгновеніемъ, онъ едва-ли въ то время думалъ серьезно о нравственной отвѣтственности, налагаемой на мужчину возбужденнымъ имъ чувствомъ. Переходъ изъ роли обожателя въ роль жениха былъ для него не совсѣмъ пріятнымъ пробужденіемъ. Онъ зналъ, что ему предстоитъ по этому поводу выдержать сильную борьбу съ семейнымъ началомъ, потому что его отецъ, гордый франкфуртскій патрицій, никогда не согласится на бракъ многообѣщающаго сына съ дочерью бѣднаго сельскаго священника.

Но этого мало. Съ вопросомъ о женитьбѣ на Фридерикѣ стоялъ въ тѣсной связи вопросъ о средствахъ для поддержанія будущей семьи; приходилось отказаться отъ блестящихъ литературныхъ плановъ и искать себѣ выгоднаго мѣста, такъ какъ на помощь со стороны отца расчитывать было нечего... Вся эта житейская проза навела на юнаго поэта такое уныніе, что въ письмѣ къ одной пріятельницѣ, писанномъ 25 іюня 1771 г., онъ завидуетъ тому, у кого сердце свободно, и осуждаетъ любовь за то, что она лишаетъ человѣка свободы дѣйствій. Бѣдная Фридерика ничего не подозрѣвала, что происходитъ въ сердцѣ ея возлюбленнаго; она наслаждалась настоящимъ и, разъ отдавши свое сердце Гёте, не могла представить себѣ будущаго безъ него.—Чѣмъ сладостнѣе были ея надежды—тѣмъ горестнѣе разочарованіе. Защитивъ въ началѣ августа свою диссертацію, Гёте, передъ отъѣздомъ домой во Франкфуртъ, отправился въ Сессенгеймъ проститься съ Фридерикой. „Я не могъ—говоритъ онъ—отказать себѣ въ счастьѣ еще разъ видѣть ее передъ отъѣздомъ. Слезы сверкали въ ея глазахъ, когда я ей протянулъ въ послѣдній разъ руку, уже сидя верхомъ на лошади, да и у меня самого было тяжело на сердцѣ". Должно думать, что, уѣзжая, Гёте не порвалъ съ Фридерикой, но скорѣе далъ ей надежду уладить дѣло. Какъ отнеслись родители къ предполагаемой женитьбѣ сына, пришлось-ли ему выдержать сильную борьбу съ отцемъ или, не имѣя серьезнаго намѣренія жениться, онъ и не вступалъ въ борьбу,—объ этомъ источники молчатъ. Извѣстно только, что изъ Франкфурта Гёте написалъ Фридерикѣ письмо, сразу разрушившее всѣ ея надежды. Біографамъ Гёте приходится прибѣгать къ софизмамъ, чтобы оправдать въ этомъ случаѣ его поведеніе; они говорятъ, что любовь Гёте была не особенно сильна, и что поэтому съ его стороны было честнѣе разорвать съ Фридерикой теперь, чѣмъ послѣ свадьбы. Къ чести Гёте нужно сказать, что онъ не прибѣгалъ къ подобнымъ уловкамъ и безповоротно призналъ себя виновнымъ. „Отвѣтъ Фридерики"—говоритъ онъ,—„на мое прощальное письмо растерзалъ мое сердце. Тутъ только я увидѣлъ въ первый разъ, какъ тяжело было ей меня потерять, и почувствовалъ полную невозможность не только исправить сдѣланное зло, но даже его облегчить. Она стояла передъ мной, какъ живая. Постоянно я чувствовалъ, что мнѣ ея не доставало и, что всего хуже, я не могъ простить себѣ моего собственнаго несчастія. Гретхенъ у меня отняли, Аннета меня покинула; здѣсь же въ первый разъ въ жизни вина за разлуку падала на меня самого. Я нанесъ глубокую рану прекраснѣйшему сердцу — и мысль объ этомъ, при недостаткѣ освѣжающаго вліянія другой любви, отравляла мнѣ

жизнь горькимъ раскаяніемъ, дѣлая ее почти невыносимой". Описанныя здѣсь чувства нашли себѣ поэтическое выраженіе въ стихотвореніи, начинающемся словами: „So hab' Ich wirklich dich verloren?

Такъ я на-вѣкъ тебя утратилъ?
Иль ты ко мнѣ вернешься вновь?
Все слышу я твои напѣвы,
Все помню я твою любовь!
Какъ странникъ бодрый раннимъ утромъ
Напрасно въ высь небесъ глядитъ,
Когда въ волнахъ лазури ясной
Надъ нимъ пѣвецъ весны звучитъ,—
Такъ я, бродя въ лѣсахъ, въ долинахъ,
Бросая робкій взглядъ вокругъ,
Тебя зову я каждой пѣснѣй.
Вернись, вернись ко мнѣ, мой другъ!

Гёте назвалъ свои отношенія къ Фридерикѣ сессенгеймской идилліей. Увы! Это была идиллія только для него одного; для Фридерики это была настоящая жизненная драма, изъ которой она вышла съ разбитымъ сердцемъ и потрясеннымъ здоровьемъ. Разрывъ съ Гёте стоилъ ей сильнаго нервнаго разстройства, которое разрѣшилось меланхоліей. По цѣлымъ днямъ она сидѣла въ своей комнатѣ, плакала, не говорила ни слова. „Когда до меня", пишетъ Гёте въ своей Автобіографіи, „дошла вѣсть о страданіяхъ Фридерики, я, по своему старому обычаю, сталъ искать утѣшеній въ поэзіи. Мое поэтическое покаяніе проявилось съ новой силой, и съ пламенной надеждой я искалъ получить прощеніе помощью этого добровольнаго самобичеванія. Обѣ Маріи въ Гёцѣ фонъ Берлихингенѣ и въ Клавиго, равно какъ и характеръ недостойныхъ ихъ любовниковъ, были плодами тогдашняго покаяннаго расположенія моего духа". Прося Зальцмана переслать экземпляръ Гёца Фридерикѣ, Гёте прибавляетъ: „Пусть бѣдная Фридерика немного утѣшится тѣмъ, что измѣнникъ Вейслингенъ отравленъ".

Прошло около года. Фридерика уже начала понемногу оправляться отъ своей меланхоліи, хотя ея сердечная рана далеко не зажила. Весной 1772 г. въ Сессенгеймъ пріѣхалъ пріятель Гёте, молодой поэтъ Ленцъ. Слышавъ еще въ Страсбургѣ печальную исторію Фридерики, онъ при свиданіи отнесся къ ней съ самымъ искреннимъ участіемъ. Подъ нѣжными лучами этого участія растаяло сердце Фридерики, и она сама разсказала Ленцу исторію своей любви къ Гёте. Нѣжную и поэтическую натуру Ленца поразила глубина ея любви и трагическая красота ея страданія. Отъ души

Фототипія Р. Тиле, Москва.

Фридерика Бріонъ

Юношеская любовь Гёте.

жалѣя Фридерику, онъ всячески старался ободрить ее, поднять ея духъ, вдохнуть въ ея увядшее сердце надежду.—Онъ съумѣлъ увѣрить Фридерику, что хорошо знаетъ Гёте, что послѣдній не могъ поступить съ ней такъ жестоко, что тутъ кроется простое недоразумѣніе, которое нужно разъяснить, и Гёте снова будетъ у ея ногъ, въ особенности, если узнаетъ, какъ она страдаетъ. Съ этой цѣлью онъ написалъ своему собрату по Аполлону письмо, гдѣ были описаны подробно всѣ страданія Фридерики и приложилъ къ нему нѣсколько стихотвореній. Въ одномъ изъ этихъ стихотвореній находится трогательное описаніе покинутой своимъ возлюбленнымъ дѣвушки, въ которой нетрудно узнать Фридерику:

Въ унылой комнаткѣ своей
Она жила, полна страданья,
Полна о немъ воспоминанья...
Всегда стоялъ онъ передъ ней,
И только мракъ ночной спускался,
Онъ въ грёзахъ сна предъ ней являлся.
Когда же солнце вновь блеснетъ,
Она сидитъ, о немъ мечтаетъ
И косы русые сплетаетъ,
Какъ будто онъ опять придетъ.
И все поетъ и все смѣется,
Какъ будто онъ назадъ вернется!

Хотя изъ посредничества Ленца, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не вышло, но его участіе принесло свою долю пользы: онъ ободрилъ Фридерику, вселилъ въ ея душу надежду. Фридерика была глубоко благодарна Ленцу за его участіе, была съ нимъ откровенна, какъ съ братомъ, тѣмъ болѣе что Ленцъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ домѣ, который еще вѣрилъ въ Гёте и съ которымъ можно было говорить о немъ. Но тутъ вышло печальное недоразумѣніе; чѣмъ ближе узнавалъ Ленцъ Фридерику, тѣмъ она казалась ему привлекательнѣе; онъ кончилъ тѣмъ, что самъ влюбился въ нее и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ ей понравиться. Весьма возможно также, что его болѣзненному самолюбію была отрадна мысль занять въ сердце Фридерики мѣсто, которое занималъ Гёте. Плохо зная женское сердце, Ленцъ, съ свойственнымъ ему самообольщеніемъ, принялъ благодарность, которую выказывала ему Фридерика, за болѣе нѣжное чувство, и сдѣлалъ ей формальное предложеніе. Отвергнутый ею, онъ впалъ въ отчаяніе; біографы его увѣряютъ, что эта несчастная любовь положила начало психическому разстройству, которое впослѣдствіи довело его до сумасшествія. Черезъ нѣсколько лѣтъ (зимой

1777 г.) онъ снова появился въ Сессенгеймѣ, снова объяснился въ любви, рыдалъ, рвалъ на себѣ волосы, покушался на самоубійство и былъ отвезенъ въ больницу для душевно-больныхъ въ Страсбургѣ.

Все это разсказывала Гёте сама Фридерика, когда онъ посѣтилъ ее въ сентябрѣ 1772 г. Это было ихъ послѣднее свиданіе. Гёте былъ тогда важнымъ сановникомъ и другомъ веймарскаго герцога. Проѣзжая вмѣстѣ съ нимъ черезъ Страсбургъ въ Швейцарію, Гёте не могъ устоять противъ желанія увидать еще разъ Фридерику. Онъ описалъ это свиданіе въ письмѣ къ своей веймарской пріятельницѣ г-жѣ фонъ-Штейнъ. Изъ письма этого видно, что Фридерика держала себя по отношенію къ Гёте съ большимъ достоинствомъ и тактомъ, и что всѣ ея старанія были направлены къ тому, чтобы снять послѣднюю тяжесть съ души своего возлюбленнаго. „25 сентября“, пишетъ Гёте, „я сдѣлалъ экскурсію въ сторону; въ Сессенгеймѣ я посѣтилъ одну семью, съ которой я разстался восемь лѣтъ тому назадъ. Я былъ принятъ дружески и радушно.—Меньшая дочь хозяина нѣкогда любила меня больше, чѣмъ я заслуживалъ, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе тѣхъ, для которыхъ я расточалъ столько страсти и постоянства. Я принужденъ былъ оставить ее въ ту минуту, когда это могло ей стоить жизни. Она слегка коснулась этого пункта, насколько онъ имѣлъ отношеніе къ ея послѣдней болѣзни; вообще, она держала себя по отношенію ко мнѣ съ такой дружеской сердечностью, что я чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо. Я долженъ отдать ей справедливость, что она не сдѣлала ни малѣйшей попытки воскресить въ моемъ сердцѣ прежнее чувство. Она повела меня по всѣмъ бесѣдкамъ; я долженъ былъ посидѣть въ каждой, и мнѣ было хорошо. Переночевавъ въ Сессенгеймѣ, я уѣхалъ на другое утро“. Послѣдствіемъ этого свиданія было возобновленіе переписки между Гёте и Фридерикой: по крайней мѣрѣ въ дневникѣ Гёте подъ 30 марта 1780 стоитъ слѣдующая краткая замѣтка: получено доброе письмо отъ Фридерики. Это письмо заканчиваетъ собою всѣ извѣстныя намъ личныя отношенія между Фридерикой и Гёте, но встрѣча съ ней не прошла безслѣдно для творчества Гёте: образъ тоскующей и безропотной Фридерики сталъ передъ его глазами, когда онъ писалъ Гёца и Клавиго, и въ лучшихъ женскихъ характерахъ, имъ созданныхъ, напримѣръ въ Кларѣ и Гретхенъ, критики не напрасно ищутъ сходства съ Фридерикой. Замѣчательно, что одновременно съ послѣднимъ добрымъ письмомъ, писаннымъ ею къ Гёте, она получила письмо, которымъ закончились ея отношенія къ Ленцу. Письмо это, писанное изъ Россіи, куда по выздоровленіи отправился искать

счастья Ленцъ, получено 27 марта 1780. Оно чисто дружескаго характера и подписано: любящій васъ всей душой братъ Ленцъ.

Фридерика не хотѣла выходить замужъ, хотя, благодаря ея красотѣ, у ней не было недостатка въ женихахъ. Всѣмъ искателямъ ея руки она отвѣчала тоже, что отвѣтила и Ленцу: „сердце, полюбившее Гёте, никому ужъ принадлежать не можетъ“. Послѣ смерти стариковъ Бріонъ, ихъ Сессенгеймскій домъ былъ проданъ, и Фридерика вмѣстѣ съ меньшой сестрой Софьей поселилась сначала у брата Христіана, пастора въ Ротау, а послѣ смерти своей старшей сестры Саломеи, бывшей замужемъ за пасторомъ Марксомъ въ Мейссенгеймѣ, близь Кобленца, она переѣхала туда и посвятила остатокъ дней своихъ воспитанію ея единственной дочери. Закатъ ея жизни былъ такъ же прекрасенъ, какъ и начало. Она была добрымъ геніемъ всего околодка, но въ особенности ее любили дѣти. Самымъ драгоцѣннымъ сокровищемъ ея внутренняго міра было воспоминаніе объ ея первой и единственной любви. Меньшая сестра ея Софья разсказываетъ, что никогда слово укоризны не слетало съ устъ ея. Гёте продолжалъ попрежнему быть ея единственнымъ кумиромъ, и за доставленныя ей немногія счастливыя минуты она была ему благодарна всю жизнь. Когда кто нибудь изъ окружающихъ дѣлалъ иногда горькій намекъ на легкомысліе и эгоизмъ ея кумира, она скромно отвѣчала, что Гёте былъ слишкомъ великъ, и карьера его слишкомъ блестяща, чтобы они могли идти рука объ руку. Чуждая всякаго тщеславія, она не хотѣла, чтобъ потомство занималось ею и, чувствуя приближеніе смерти, сожгла всѣ имѣвшіяся у нея письма Гёте. Она умерла въ Мейссенгеймѣ на шестьдесятъ первомъ году своей жизни, оплаканная всѣми, кто только зналъ ее. Неизвѣстно, какъ встрѣтилъ извѣстіе объ ея смерти Гёте, тогда приготовлявшій къ изданію свою Автобіографію, но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что воспоминаніе о ней было всегда живо въ его сердцѣ. Секретарь Гёге, Крейтеръ, которому онъ за два года передъ этимъ диктовалъ Поэзію и Правду, разсказываетъ, что когда они дошли до эпизода съ Фридерикой, великій поэтъ часто останавливался отъ волненія, прекращалъ диктовку, глубоко вздыхалъ и потомъ снова глухимъ голосомъ продолжалъ диктовать. Фридерика похоронена на Мейссенгейскомъ кладбищѣ, на востокъ отъ церкви. Въ 1866 былъ ей воздвигнутъ по подпискѣ памятникъ, въ которомъ принимали участіе своими пожертвованіями и русскіе люди; тогда-же на ея могилу была положена мраморная плита съ слѣдующей многознаменательной надписью, сочиненной поэтомъ Эккардтомъ, въ которой въ двухъ стихахъ прекрасно выражена вся судьба несчастной счастливицы:

Ein Strahl der Dichtersonne fiel auf sie
So reich dasz er Unsterblichkeit ihr lieh.
Лучъ генія ее такъ ярко озарилъ,
Что ей безсмертье подарилъ.—

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Фридерики, Гёте издалъ въ свѣтъ свою Поэзію и Правду, гдѣ воздвигъ ей вѣчный нерукотворный памятникъ. Благодаря ему, Фридерика навсегда останется въ памяти потомства, какъ идеальная представительница того вѣчно-женственнаго начала, das ewig weibliche, которое, по выраженію Гёте, никогда не перестанетъ привлекать къ себѣ сердца людей.

Н. Стороженко.

Изъ писемъ людей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

(Сообщилъ Е. Ѳ. Коршъ).

Письмо А. И. Герцена къ Е. Ѳ. К. 1844 г.

С. Покровское. Іюня 27.

Въ Алгемэнѣ [1]) (какъ выразился чиновникъ, приходившій за запрещеннымъ N) было прописано, что какой то Гротгуссъ открылъ большое пятно на дискѣ солнца, отъ котораго будетъ происходить гнусная погода. Я вѣрю, что не только пятно, а дыра на солнцѣ; дождь льетъ, какъ изъ ведра, какъ будто для того, чтобъ оправдать клевету Мих. Сем. на счетъ болотистаго грунта—was gar kein Grund hat und geht zu Grunde.—А что если и въ самомъ дѣлѣ пятно на солнцѣ:—земля охладѣетъ, сдѣлается сыро, вѣчный туманъ наляжетъ, растенія поблѣднѣютъ, люди позеленѣютъ, въ газетахъ будутъ читать: „тогда то въ Неаполѣ свѣтилъ край солнца 20′ 19″, и притомъ теплый воздухъ доходилъ до + 1° по Реомюру". Ну что мы тогда сдѣлаемъ съ прогрессомъ? Notre bien cher chevalier [2]), что тутъ логическаго non sens нѣтъ. Случайность есть одинъ изъ моментовъ дѣйствительности, отъ котораго именно дѣйствительность безпрерывно видоизмѣняется, бѣжитъ, какъ отъ кошмара, и приближается къ свободно-необходимой сферѣ понятія — но только въ мышленіи. А такъ какъ планеты и солнце еще не примиренное существованіе и такъ далѣе, скучно, порядочный человѣкъ не станетъ заниматься глупой возможностью, и потому довольно о пятнѣ. — Имѣя досугъ отъ пятна, я почти до конца перечиталъ 1 часть Энциклопедіи Гегеля. Чортъ знаетъ, что за мощный геній. Перечиты-

[1]) Т. е. „Allgemeine Zeitung".

[2]) Кажется, пропущено слово „сознайся" или „согласись".

вая, всякій разъ убѣждаешься, что прежде узко и бѣдно понимали. Всё новое филос. движеніе внутри его. Человѣчество въ 20 лѣтъ только успѣло раскусить его и понять, какъ надобно; прежде оно его понимало какъ Рѣдкипъ, то есть, какъ ненадобно.

1-ое письмо для журнала [1]) готово—оно, кажется, не дурно, но слѣдовало бы побольше развить; времени на это много въ Москвѣ будетъ, здѣсь нѣтъ книгъ. Можетъ, и 2-е напишу скоро—да что то страшно цензуры, которая, какъ костоѣда, выѣстъ кости и оставитъ мякоть.

Когда будешь на Никольской (или пошли съ запиской), возьми пожалуйста у Глазунова тюкъ со статьями и изъ нихъ возьми одну себѣ, а другіе отошли къ намъ въ домъ или все равно оставь у себя, вмѣстѣ съ той статьей, которая отпечатана въ Москвитянинѣ; сей послѣдней пришли два экземпляра сюда (мнѣ и Елиз. Богд.).

Воля ваша, а жить одному хорошо иное время, и намъ кромѣ дождя было бы не дурно. Жаль, что нѣтъ тебя, еще двухъ, трехъ человѣкъ; но тягостно быть принужденному изъ-за васъ видѣть двѣсти, триста тысячъ людей, которыхъ не нужно, которые оскорбительны. А для чего-жъ ты не устроилъ пріѣздку сюда? Въ дурную погоду скверно, а въ хорошую мы провели бы два дня превосходно. Впрочемъ, я не отчаиваюсь. Зову, прошу и заклинаю!

Я себѣ отростилъ бороду, сначала безъ усовъ, наконецъ пересталъ и усы брить, отчего получилъ видъ человѣка, содержащагося въ домѣ умалишенныхъ.—Всѣ здоровы. Лизав. Богдановна куритъ и въ зонтикѣ (глазномъ) очень похожа на покойника Барклая-де-Толли. Мы, братъ, отъ отчаянія бросились на овощь—рѣдьку, брюкву, кочерыги и тому подобныя удобоваримыя вещи. Барклай постояннѣе и придерживается крѣпкихъ напитковъ и лихорадки. — Утромъ въ 9 часовъ приносятъ ендову молока кипящаго—это prolegomena, потомъ чай и кофей, какъ слѣдуетъ, и въ 2 часа необѣдъ (Unmittag, die Negation des Mittags), вродѣ какъ подавали у Собакевича, всё, что попало—бревно въ салѣ вареное, трава съ масломъ, телѣга картофелю, возъ грешневой каши, стадо барановъ, гряда луку, — потомъ черезъ часъ малина — простокваша — раки—чай—малина—простокваша—раки. Къ вечеру мы сыты; — и читаемъ Валтера-Скота (т. е. я читаю, а аудиторія спитъ). Наташа велѣла присовокупить, что она съ Елиз. Б. очень много занимается, читаютъ—Консидерана и консидерируютъ фаланстеръ. Ну, да это впрочемъ не оправдываетъ

---

[1]) Дѣло идетъ, очевидно, о „Письмахъ объ изученіи природы“, помѣщенныхъ въ „Отечеств. Запискахъ“ за 1845 г.

ни на грошъ. Вотъ вѣдь и забылъ въ этой смѣтѣ, что Ел. Б. ежедневно за чаемъ употребляетъ улей сотовъ (трудъ шестимѣсячный 50,000 пчелъ), запивая его пѣнничкомъ, и, чтобъ защититься, говоритъ, что это очень полезно для поправленія почерка,— я не вѣрю.

Прощай.—Я полагаю, что погода скорѣе выживетъ насъ, нежели мы думали, врядъ ли останемся до 26 августа, хотя хотѣлось бы. Дороги до того дурны, что нѣтъ никакой возможности ѣхать въ большомъ экипажѣ. (Замѣть, что это шоссе—стоившее невѣроятныхъ суммъ).

Твоя картинка, изображающая Федю и Сашу въ умильномъ положеніи, напомнила мнѣ тотъ прекрасный родъ живописи, который былъ найденъ въ Мехиканскихъ развалинахъ. За Вашу изощренную учтивость позвольте и намъ со всею семьею идти къ вамъ въ кабалу и крѣпость.

Рабишко вашъ подлый
А. Герценъ.

Что Крюковъ [1])? Кланяюсь усердно С. К. Поднеси сверхъ себя одинъ экземпляръ моей статьи и Гр. Маріи Ѳедоровнѣ. A propos, я читалъ письмо Мар. Ѳед. къ Лиз. Богд. и Наташѣ. C'est du Corchisme tout pur;—я скажу объ васъ, перефразируя фразу Морошкина: въ васъ римская душа съ византійской нераскупной этнистностію. Думаю, вы не разсердитесь на меня за эту шутку, это будетъ съ вашей стороны не хорошо, потому что навѣрное не много людей, которые такъ глубоко васъ уважаютъ и, что еще важнѣе, такъ просто любятъ, какъ я.

Примѣчаніе редакціи. На приведенномъ письмѣ нѣтъ года, но изъ содержанія очевидно, что оно было писано лѣтомъ 1844 года. По поводу упоминаемаго здѣсь „пятна на солнцѣ“, вотъ что мы находимъ въ Біографіи Т. Н. Грановскаго, сост. А. В. Станкевичемъ, М. 1869, стр. 217. „Лѣтомъ 1844 года, уѣзжая изъ Москвы къ отцу, Грановскій оставилъ жену свою на дачѣ въ семьѣ друга; лѣто было необычайно дождливое и холодное; въ Аугсбургской газетѣ появилась статья, упоминавшая о связи такого состоянія погоды съ пятномъ, замѣченнымъ на солнцѣ. По поводу такого явленія Герценъ думалъ о возможности измѣненій и переворотовъ въ солнечной системѣ: солнце когда нибудь можетъ потухнуть; слѣдствія этого холодъ, мракъ и гибель. Кто можетъ поручиться, что это невозможно?—На письмо жены, упоминавшей о мнѣ-

[1]) Профессоръ римской словесности въ Моск. Университетѣ.

ніяхъ друга. Грановскій отвѣчалъ: „Великій астрономъ, увѣряющій тебя, что пятна на солнцѣ знаменуютъ переворотъ въ солнечной системѣ, безсовѣстно пользуется правомъ математиковъ пороть дичь и не знать исторіи. Это явленіе повторялось тысячу разъ, и каждый разъ математики и чернь объясняли его по своему и выводили страшныя заключенія. А между тѣмъ солнце такъ-же грѣетъ и свѣтитъ попрежнему. Изъ холоднаго лѣта 1844 года, пятнышка на солнцѣ и статьи въ Аугсбургской газетѣ нельзя еще заключать о переворотѣ въ солнечной системѣ. Но пусть будетъ такъ, какъ они говорятъ. Пусть потухнетъ это солнце и охладится эта земля, духъ будетъ продолжать начатую имъ здѣсь работу гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какая китайская нелѣпость въ предположеніи, что вся жизнь духа связана съ органическою жизнію нашей планеты исключительно; какая хула на разумъ, какое отрицаніе всякой разумной цѣли въ бытіи космоса заключается въ этой вѣрѣ въ силу слѣпого, глупаго случая, который, чортъ знаетъ для чего, вздумалъ запачкать солнце. Такія дикія нелѣпости могутъ прійти въ голову только математику. Покажи это письмо Герцену. Онъ вѣрно будетъ со мною согласенъ, тѣмъ болѣе что онъ теперь уже, слава Богу, не знаетъ математеки“.—Очевидно, однако, что „вѣра въ силу слѣпого случая“— не была у Герцена такою, какъ это предположилъ Грановскій, со словъ своей жены, которая, повидимому, придала иной смыслъ шутливымъ разсужденіямъ автора „Писемъ объ изученіи природы“.—Замѣтимъ кстати, что въ первомъ изъ этихъ „Писемъ“ (въ „Отеч. Зап.“ 1845 г., т. XXXIX) тоже говорится о ненастномъ лѣтѣ: „Дождь льетъ день и ночь, вѣтеръ рветъ ставни, шагу нельзя сдѣлать изъ комнаты и, странное дѣло! при всемъ этомъ, я ожилъ, поправился, веселѣе вздохнулъ—нашелъ то, за чѣмъ ѣхалъ. Выйдешь подъ вечеръ на балконъ, ничто не мѣшаетъ взгляду; вдохнешь въ себя влажно-живой, насыщенный дыханіемъ лѣса и луговъ, воздухъ, прислушаешься къ дубравному шуму— и на душѣ легче, благороднѣе, свѣтится какая-то благочестивая тишина кругомъ, успокоиваетъ, примиряетъ“....

Грановскій познакомился съ Герценомъ въ 1842 г. и очень сблизился съ нимъ. Въ 1845 г. онъ писалъ Фролову: „Жаль, что ты мало знаешь Герцена. Встрѣча и близкое знакомство съ такимъ человѣкомъ доставили бы тебѣ много радости. Это одна изъ самыхъ чистыхъ, умныхъ и твердыхъ натуръ, какія мнѣ встрѣтились, несмотря на его наружное легкомысліе“ (см. Станкевичъ: „Грановскій“, стр. 216).

Съ своей стороны, Герценъ также высоко цѣнилъ своихъ московскихъ друзей, и сохранилъ о нихъ навсегда свѣтлое воспоминаніе. Въ 1859 г. онъ писалъ изъ Лондона Е. Ѳ. „Пишу къ вамъ, друзья, только для того, что-бы сказать, что я живъ, что разлука не ослабила мою любовь къ вамъ, что ваше молчаніе не стерло ничего изъ па-

мяти того свѣтлаго времени, первой и второй юности, которое мы провели вмѣстѣ"....

Изъ писемъ Н. П. Огарева къ Е. Ѳ. К.

I.

28 Іюня. (1847 г., изъ Саранскаго уѣзда).

Саго К.! Много благодарю тебя за твое письмо; я давно ждалъ отъ тебя вѣсти собственноручной и былъ радъ, когда получилъ, радъ въ полномъ смыслѣ слова. Благодарю и за газеты. Я намѣренъ сдѣлать по нимъ весьма серьезную этюду и можетъ быть статью. Мои настоящія хлопоты и занятія ни на іоту не ослабили моего пристрастія къ той сторонѣ, и мнѣ часто хотѣлось быть тамъ, а не здѣсь. Здѣсь надо имѣть страшное терпѣніе, другъ мой, чтобы выдерживать упорное неразуміе общины, которое оскорбляетъ на каждомъ шагу, и дѣлать свое дѣло по методѣ, не вовсе свойственной моему характеру, т. е. приказывать и требовать безпрекословнаго повиновенія. Сколько ни стараешься достигнуть повиновенія пріобрѣтеніемъ довѣрія, но нѣтъ! Мордовскій умъ такъ вотъ гдѣ-нибудь и прорѣжется и на минуту зарѣжетъ всякое желаніе работать. Но пока я терпѣливъ и беру на себя до конца быть терпѣливымъ. Я же, къ несчастію, особенно поставленъ въ тяжелое положеніе хлопотать съ мужиками, которыхъ здравый смыслъ развращенъ вліяніемъ многочисленной дворни со всѣми ея лакейски-аристократическими замашками, мѣстничествомъ и лѣнью, хлопотать съ этой самой дворней и заставлять дѣлать то, что хочу, стараясь обходиться по возможности безъ плантаторскихъ средствъ убѣжденія. Все, что могу сказать,—это ужасно трудно. Но необходимо. Для собственныхъ выгодъ мнѣ надо систему барщинной работы свести на систему заплатнаго труда, и это никакъ не ложится въ мужицкія головы. А вѣдь кажется не глупый народъ, да вотъ съ дѣтства нянька зашибла; ничѣмъ не вразумишь.

...Если ты убѣдишь Грановскаго написать мнѣ хотя полъ-страницы, то сдѣлаешь мнѣ величайшее одолженіе. Зачѣмъ же профессоръ оставляетъ меня въ совершенной неизвѣстности о своей судьбѣ. Я ему писалъ и дѣлалъ порученія на счетъ книгъ, журналовъ и газетъ; о послѣднихъ онъ долженъ былъ освѣдомиться у тебя, какъ выписывать, т. е. многія губернскія вѣдомости. Напиши мнѣ пожалуйста объ этомъ; я бы теперь же вы-

писалъ. Время, время! Чортъ знаетъ, какъ оно дорого, К.! Какъ много дѣла, какъ мало дѣлается, какъ много тратится на отдыхи. Нѣтъ! еще далеко я не пришелъ къ порядку жизни и это ужасно досадно. Вотъ провожу Ал. Ал., у котораго я и теперь нахожусь, и распредѣлю себѣ всѣ часы дня съ рѣшеніемъ не отступать отъ программы. Иначе пропадаютъ часы, а vita brevis. Оскорбительно brevis,—и хотя я теперь совершенно здоровъ, а все же не думаю, чтобъ долго мнѣ прожить, по крайней мѣрѣ не могу пожаловаться, чтобы не было мною предпринято всѣхъ средствъ для украшенія (sic) жизни; и чувствую теперь, что надо постараться дотянуть до 60. Иначе умру съ неудовольствіемъ.

(На боку письма желтое пятно и по нему надпись: „Сіе пятно кофейное и доказываетъ, что я пью кофій и не брѣю усовъ“).

Вчера писалъ къ Герцену и Марьѣ Ѳедоровнѣ. Извѣстія оттуда и у меня скудны. Письма коротки, мало видно изъ нихъ самихъ.—Я перечитывалъ: „Кто виноватъ“ — чтобы оживить въ памяти Герцена. Недостатки этого романа, право, только стилическіе; или я его по пристрастію ставлю слишкомъ высоко, или это не есть *только* беллетристическое произведеніе, какъ отзывались журналы. Мнѣ оно скорѣе кажется глубокой психической этюдой. А между тѣмъ, признаюсь—и къ Герцену это писалъ — Бельтовъ больное лице, сколько онъ высоко не поставленъ. Можетъ ли быть въ оны дни не больное лицо,—другой вопросъ. Я думаю, что должно быть. Зрѣлость взгляда отрицанія ради—не полная зрѣлость, ибо невольно перебрасываетъ человѣка въ романтическое отвращеніе отъ дѣятельности. Внутри насъ долженъ совершиться еще переходъ въ положительную дѣятельность при всѣхъ скорбныхъ задаткахъ отрицанія. Это необходимый переходъ, помимо котораго не добьёшься свѣтлой, гармонической жизни, которая напомнитъ Греческій міръ.

... Не знаю, какъ и когда я пріѣду, хотя страхъ хочется васъ видѣть. Никакъ прежде октября, а можетъ и въ ноябрѣ; пріѣду мѣсяца на два, не болѣе. Полагаю, что въ началѣ октября явлюсь, ибо хлѣбъ будетъ убранъ и сахарный заводъ пущенъ. Проработавъ на заводѣ недѣли двѣ—en qualité d'ouvriers, я и отправлюсь къ вамъ, а въ декабрѣ явлюсь домой работать на винокуренномъ заводѣ. Я убѣжденъ, что мнѣ надо добыть и что я добуду очень много денегъ, а такъ какъ собственноручный опытъ необходимъ для знанія каждаго дѣла, я просто хочу приняться на заводахъ за работу, переходя отъ черновой въ должность contre-maitre. Передѣлываю немного свой домъ, устраиваю лабораторію. Не пріѣдетъ ли Грановскій взглянуть на меня? Жду нетерпѣливо отъ него письма... Обдѣлалъ, кажется совсѣмъ,—пер-

вую главу стихотворной повѣсти. Какъ бы хотѣлось показать и услыхать критику, чтобы—или бросить, или съ новымъ рвеніемъ продолжать 2-ю главу...

II.

(1847 г.) 20 Августа. Акшино.

Милый К., посылаю тебѣ статью въ отвѣтъ на статью Чихачева, помѣщенную въ Земледѣл. газетѣ, и прилагаю копію со статьи Чихачева, чтобы ты зналъ, въ чемъ дѣло. Въ копіи, извини, грамматическія ошибки моего конторщика и не у мѣста написанное подстрочное примѣчаніе. Страшно глупъ мой конторщикъ! — Если ты не захочешь помѣстить въ Москов. Вѣд. мою статью, отдай ее въ Земледѣл. газету, или въ Современникъ, или въ Отечеств. Записки, или въ одинъ изъ министерскихъ журналовъ. Но мнѣ весьма хочется, чтобы она была помѣщена. Впрочемъ, даю тебѣ право поправить ее по твоему усмотрѣнію. Имя подписываю, потому что не хочется скрывать его. А если не захочешь его оставить, то подпиши мой псевдонимъ Антонъ Постегайкинъ.

На-дняхъ я пріѣхалъ изъ Нижняго, гдѣ былъ на винныхъ торгахъ и ужасно прокутился на ярмарочной жизни. Но подрядъ взялъ славный. Да не въ томъ дѣло, а вотъ въ чемъ... О ужасъ! Я возвратился не одинъ, а съ женщиной, которая, впрочемъ, мнѣ очень нравится и ведетъ себя такъ хорошо, какъ я и не ожидалъ [1]). Я думалъ, что дѣлаю глупость, и дѣлалъ ее. Но судьба сберегла меня и вышло совсѣмъ не глупость, потому что она мнѣ ни въ какихъ занятіяхъ не мѣшаетъ, а между тѣмъ мнѣ не такъ пусто и одиноко, и я занимаюсь ея воспитаніемъ съ большою любовью и нѣкоторымъ успѣхомъ. Подробности можешь узнать отъ Самарина (актера), когда онъ вернется въ Москву. Замѣтьте этого человѣка carissimi; это—мыслящая, добродушная и благородная натура, *что-бы про него ни говорили*... Что же это вы не даете о себѣ ни вѣсточки. Подтолкни же и профессора написать. Мнѣ *скорбно*, что я его могъ его видѣть. Герценъ на васъ жалуется, что вы не пишете. Право, стыдно вамъ!.. Что Фроловъ въ Москвѣ или еще нѣтъ? Поѣдетъ ли въ деревню? Заѣдетъ ли ко мнѣ? Куда къ нему писать?

---

[1]) Женщина, о которой идетъ рѣчь, была замужемъ за однимъ виконтомъ и пользовалась потомъ нѣкоторою извѣстностію въ русской литературѣ.

III.

Eugenio et Timotheo s. d.

(т.-е. Евг. Ѳ. К. и Тимоѳею Ник. Грановскому)

(1847 г.)

Вотъ всегда, когда сбираюсь написать длинное посланіе, carissimi, что-нибудь возьметъ, да и помѣшаетъ. Сегодня мѣшаютъ разныя спекуляціи (въ ограниченномъ смыслѣ слова), которыми голова занята и которыя требуютъ кой-какихъ распоряженій. Вдобавокъ, сегодня же ѣду въ Саранскъ, на ярмарку, и оттуда въ Симбирскую губ. на бумажную фабрику, которую, можетъ быть, куплю. Опять проѣзжу недѣлю. Ужасно надоѣло ѣздить. Отрываетъ и отъ настоящихъ хозяйственныхъ занятій и отъ иныхъ, все же болѣе близкихъ. А между тѣмъ для первыхъ и поѣздки необходимы. Спросите вы, имѣю-ли я успѣхъ въ хозяйствѣ, т.-е. успѣхъ въ моемъ смыслѣ? Да! имѣю, но кажется, больше въ Петербургѣ, въ мнѣніи министровъ, чѣмъ здѣсь, въ мнѣніи мужиковъ. Апатія этого народа наводитъ на меня ужасъ; его нравы отнимаютъ у меня вѣру. Вотъ вамъ признаніе. А между тѣмъ не отстану, пока не приведу въ исполненіе плана. Хуже не будетъ. — Угодно примѣры — въ доказательство того, что можно придти въ ужасъ? Извольте:

1) Работа: я нынѣшнюю осень пахалъ два раза одну и ту же пашню оттого, что мужики изъ лѣности скверно пашутъ, такъ скверно, что никогда нельзя ждать урожая. При этомъ долженъ былъ одного наказать розгами для того, чтобы привести это въ исполненіе. Вы скажете — плантаторъ! потому что дѣло идетъ о барщинной работѣ. Я вамъ отвѣчу, что мужики *свою собственную пашню пашутъ точно также скверно*, утверждая, что если Господь уродитъ, то хлѣбъ будетъ,

2) Наказаніе розгами я, впрочемъ, только разъ и употребилъ; я его почти совершенно замѣнилъ ссылкою въ заводскія работы на нѣсколько дней (смотря по проступку: кража другъ у друга наказывается всего продолжительнѣе). Когда объявилъ: отправить на сахарный заводъ, то мужикъ pflegt падать на колѣни и *просить, чтобъ его высѣкли*. А работа не удивительно трудная, ибо многіе охотно работаютъ изъ платы цѣлую зиму.

3) Нравы: намедни мужикъ, лѣтъ въ 60, разсердился на своего внука 4-хъ лѣтъ за то, что ребенокъ швырнулъ въ него щепочкой, схватилъ его и изо всей силы шваркнулъ объ землю.

4) Разсчетливость: я нанялъ землекопа копать нѣкоторыя нужныя канавы и далъ ему для обученія въ работники нѣсколько изъ моихъ молодыхъ (не тягловыхъ) мужиковъ, съ платою имъ по 15 р. въ мѣсяцъ. Они работаютъ 5 мѣсяцевъ: итого, на каждаго 75 р. (ассигн.). Я беру оброку (не воспрещая никому сходить на оброкъ) по 60 р. въ годъ. Что-же? Ихъ семьи не пошли на оброкъ, несмотря на лишнія 75 р. въ одно лѣто, и увѣряютъ, что я ихъ разоряю.

Вотъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Судите, какъ легко будетъ уговорить ихъ на другого рода сдѣлку! Одно средство, весь планъ я приведу въ исполненіе — *насильно*.

Это письмо доставитъ вамъ мой повѣренный, отправляющійся на торги. На обратномъ пути онъ зайдетъ къ вамъ. Приготовьте мнѣ къ его возвращенію, т.-е. къ 22 сентября, нѣсколько книгъ, а именно: (слѣдуетъ списокъ).

Пожалуйста, carissimi, не оставьте; при семъ прилагаю 155 р. ассигн... Отъ Герцена письмо съ береговъ моря (т.-е. изъ Гавра). Какъ самому туда захотѣлось!

Грановскій! Кажется, мнѣ слѣдуетъ высылать тебѣ деньги для студентовъ. Сколько за мной, напиши тотчасъ. У меня черезъ три недѣли будетъ изобиліе денегъ.

Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта объ учителѣ. Неужели не удастся устроить школы *) прежде весны? О время, время! a vita brevis.

IV.

Изъ края бѣдныхъ, битыхъ и забитыхъ
Я переѣхалъ въ край иной—
Голодныхъ, рубищемъ едва прикрытыхъ
На стужѣ осени сырой.
И то, что помню я, и то, что вижу нынѣ,
Не вѣетъ отдыхомъ недремлющей кручинѣ.
Я помню смрадъ курной избы,
Нечистой, крошечной и темной,
И жили тамъ мои рабы.
Стоялъ мужикъ пугливо-томный,
Возилась баба у печи

*) Огаревъ имѣлъ намѣреніе устроить въ своемъ имѣніи «народную политехническую школу», съ четырехлѣтнимъ курсомъ и воспитать, такимъ образомъ, 10 — 15 образованныхъ («отличныхъ» какъ онъ выражался) мужиковъ. Школа эта должна была, по мысли Огарева, кромѣ сообщенія разныхъ научныхъ и техническихъ свѣдѣній, способствовать искорененію въ народѣ невѣжественныхъ заблужденій и предразсудковъ. Мечта объ этой школѣ, впрочемъ, такъ и осталась мечтою.

И ставила пустыя щи.
Ребенокъ въ масляной шубенкѣ,
Крича, жевалъ ломоть сухой,
Спала свинья близъ коровенки,
Окружена своей семьей.
Стуча въ окно порой обычной,
На барщину десятскій звалъ,
Спинѣ послушной и привычной—
Безъ нужды розгой угрожалъ.
Я помню, какъ квартальный надзиратель,
Порядка русскаго блюститель и создатель,
Допрашивалъ о чемъ-то бѣдняка,
И кровь лилась подъ силой кулака,
И человѣкъ, весь въ жалкомъ безпорядкѣ,
Испуганный, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.
Я годы, годы не забылъ,
Какъ этотъ видъ противенъ былъ...
И послѣ мы—друзей въ бесѣдѣ пылкой—
О родинѣ скорбѣли за бутылкой.
И вижу я: у двери кабака,
Единаго пріюта бѣдняка,
Предъ мужемъ пьянымъ совершенно
Полу-одѣтая жена
Въ слезахъ, блѣдна, изнурена,
Стоитъ колѣнопреклоненна
И молитъ, чтобы шелъ домой,
Чтобъ ради всей щедроты неба
Сберегъ бы грошъ послѣдній свой,
Голоднымъ дѣтямъ далъ бы хлѣба
А мимо ихъ спѣшитъ народъ,
Трещатъ безъ умолку коляски,
И чувствуешь—водоворотъ,
Круженіе бѣсовской пляски...
О ты, который упрекалъ
Мой стихъ за мрачность настроенья,
За байронизмъ, и порицалъ
Меня съ серьезной точки зрѣнья,
Поди сюда, серьезный человѣкъ,
Отнюдь не вѣрующій въ бѣдство
И уважающій нашъ вѣкъ!
Взгляни на ликъ, состарившійся съ дѣтства,
На хаосъ жизни пристально взгляни
И лгать не смѣй, а прокляни

Весь этотъ родъ болѣзненный и злобный
И къ лучшему нисколько неспособный.
Крѣпко обнимаю тебя.

Примѣчаніе редакціи Н. П. Огаревъ, другъ Герцена и Грановскаго, пользовался въ 40-хъ и 50-хъ годахъ нѣкоторою извѣстностью, какъ поэтъ. Въ 1841 г. онъ уѣхалъ за границу и оставался тамъ до 1846-го. Вернувшись въ Россію, онъ поселился въ деревнѣ, занимался тамъ химіей, хозяйствомъ, фабриками, но не переставалъ писать стихи и поддерживать сношенія съ своими московскими друзьями. Крайній западникъ по убѣжденіямъ, человѣкъ даровитый, добрый, многосторонне, хотя и поверхностно, образованный, Огаревъ былъ однако изъ самыхъ непостоянныхъ, увлекающихся и капризныхъ натуръ. Грановскій очень любилъ его, и потому глубоко огорчался его увлеченіями. Въ 1844 г. онъ писалъ къ Фролову: „На что употребилъ онъ (Огаревъ) всѣ средства, которыя съ такою расточительностью дала ему природа и судьба“... Въ другомъ письмѣ Грановскій выражался еще рѣзче: „Какъ много природа и судьба дали этому человѣку и что онъ сдѣлалъ изъ этихъ даровъ! Жизнь, преданная искаціямъ мелкихъ, дешевыхъ наслажденій, припадки раскаянія, и потомъ успокоеніе себя въ сознаніи собственнаго безсилія. Такъ мириться съ совѣстію нетрудно. И сколько эгоизма въ такой жизни“. „Еще позднѣе,—замѣчаетъ А. В. Станкевичъ, — Грановскій разглядѣлъ въ своемъ другѣ ничѣмъ неоправдываемую самонадѣянность и самолюбіе, былъ недоволенъ капризами его въ личныхъ отношеніяхъ, но не переставалъ глубоко, съ болью и печалью любить его“. Другіе пріятели Огарева смотрѣли на него, какъ на избалованнаго ребенка, и получая отъ него извѣстія о разныхъ проектахъ, о задуманныхъ статьяхъ и т. п., были убѣждены, что изъ этого ничего не выйдетъ, и что чрезъ нѣкоторое время Огаревъ самъ о нихъ забудетъ и обратится къ чему нибудь другому. Возвратившись изъ-за-границы, Огаревъ рѣшилъ однако твердо освободить своихъ крестьянъ, что и привелъ въ исполненіе передъ своимъ оставленіемъ Россіи въ 1848 г. Но это освобожденіе не доставило крестьянамъ тѣхъ благъ, какія бы можно было ожидать. Огаревъ уступилъ имъ свои владѣнія (напр., у села Бѣлоомутъ на Окѣ, съ 4000 душъ) за небольшую, сравнительно, сумму, но эта сумма была внесена мѣстными кулаками, которые и извлекли изъ этой покупки значительныя выгоды, тогда какъ остальная масса стала въ зависимость отъ кулаковъ и, какъ говорятъ, скоро оказалась безъ земли, разорилась—и многіе пошли по міру.—Послѣднее письмо въ стихахъ относится уже къ болѣе позд-

нему времени; или Огаревъ напомнилъ о себѣ своему бывшему пріятелю изъ-за-границы.

Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго къ Е. Ѳ. К.—въ Петербургъ.

Начало 1854 г.

Давно уже собираюсь я писать къ тебѣ, любезный К., и все не соберусь—по простой, но совершенно удовлетворительной причинѣ. Я рѣшительно не могу самъ писать, потому что сильныя боли въ пузырѣ не позволяютъ мнѣ стоять, а сидя писать я также не могу. Чортъ знаетъ, что такое. Зондировали меня. Камня не нашли, пока. Но болѣзнь мучительная и выхода изъ нея, т. е. излѣченія, не видно. Авось лѣто, холодныя купанья и воды помогутъ мнѣ.

Скажи Д. А. Милютину, что я, не смотря на болѣзнь мою, съ радостью написалъ-бы для М. В.[1]) статью о его превосходной книгѣ, еслибы статья не была уже написана прежде, по порученію Каткова, братомъ твоимъ. Судя по тому, что мнѣ говорилъ Валентинъ, статья вышла хорошая. О послѣднихъ двухъ томахъ я напишу самъ статью. Разумѣется, не разборъ, потому что нельзя-же разбирать книгу, изъ которой самъ учишься и къ которой не имѣешь ничего прибавить. Первые 3 тома я прочелъ съ жадностью и наслажденіемъ. Вотъ книга—такъ книга. Одно замѣчаніе, да и то съ осторожностью, ибо не увѣренъ въ его справедливости, сдѣлалъ-бы я Д. А. Мнѣ кажется, что онъ слишкомъ строгъ къ эрцг. Карлу. У Гормайера (въ Lebensbilder) показаны причины, осуждавшія эрцгерцога на такое бездѣйствіе. Онъ самъ былъ жертвою вѣнскихъ интригъ и предосторожностей. Извѣстенъ-ли Гормайеръ Д. А?

Теперь перехожу къ другому, менѣе пріятному дѣлу, К.! Надѣюсь, и всѣ здѣшніе друзья твои надѣются, что послѣ гнусной, подлой выходки П—а противъ Фролова въ 1-мъ № Современника твои литературныя отношенія къ этому журналу прекратятся. Наши имена не должны являться въ этомъ журналѣ. Если ты долженъ Совр., напиши мнѣ; я тотчасъ вышлю тебѣ деньги. Надобно повернуться спиной къ П—ву или къ Фролову. Выборъ не труденъ. И чѣмъ заслужилъ Ф. такую вылазку, поднятую въ грязи Московскихъ сплетенъ и разукрашенную въ Петербургѣ?

---

[1]) Т. е. «Москов. Вѣд.», который издавалъ до 1856 г. Катковъ, а помощникомъ его былъ В. О. Коршъ. Сочиненіе Милютина было посвящено Итальянской войнѣ конца прошлаго вѣка и походамъ Суворова.

Развѣ тѣмъ, что онъ находилъ холопскимъ поведеніе И. И. съ кн. Ю—ъ. Но вѣдь онъ не одинъ такъ думалъ, да и не печаталъ того, что думалъ. Тебѣ я могу сказать откровенно: мои отношенія къ Фролову не тѣ, какъ были прежде. Я видѣлъ его нынѣшнимъ лѣтомъ не такимъ, какимъ привыкъ и хотѣлъ-бы его всегда видѣть. Но честь его не подлежитъ сомнѣнію. На ней нѣтъ пятенъ. Жизнь его безукорительно благородна. Въ тяжелыя минуты онъ каждому изъ насъ показалъ свое участіе не одними словами, а мы выдадимъ его площадному паяцу. Мои отношенія къ И. И. и его журналу кончены. Да и не совѣтовалъ-бы этому господину показываться въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ у насъ.

Здѣсь и безъ него довольно дряни. Одна картинка чего стоитъ. По городу ходитъ четверостишіе Соболевскаго:

Ахъ! Куда ни взглянешь
Все любви могила!
Мужа мамзель ....шъ
Въ яму посадила.

Мамзель здѣсь тѣмъ болѣе у мѣста, что она жалуется всѣмъ, что провела 14 лѣтъ dans un lit virginal (sic) Преувеличенія нѣтъ...

Прошу тебя убѣдительно не скрывать моего мнѣнія о П—ѣ. Я хотѣлъ было прямо писать къ нему. Но гадко!

Примѣчаніе редакціи: Такъ какъ въ этомъ письмѣ говорится о двухъ послѣднихъ томахъ сочиненія Д. А. Милютина, вышедшихъ въ 1853 г., то письмо относится, очевидно, къ 1854 г., но въ 1-мъ № „Современника“ этого года мы не могли отыскать „гнусной выходки“ противъ Фролова и нашли только весьма приличный разборъ одного изъ томовъ издававшагося Фроловымъ „Магазина“.

1854 года.

Третій день гоститъ у насъ С. К. съ дѣтьми, и мы много говорили о вашей петербургской жизни, милый К. Утѣшительнаго и отраднаго въ ея разсказахъ мало...

..... Болѣе нежели когда-либо больно мнѣ оглянуться на мое прошедшее, милый К. Глупостями своими я разстроилъ свои дѣла, которыя были-бы теперь въ самомъ блестящемъ состояніи. Если-бы не было у меня долговъ—я, ни мало не стѣсняясь, могъ-бы предложить тебѣ третью часть моего дохода...

О тебѣ носятся слухи, что ты сталъ ярымъ патріотомъ и просился въ Соловецкій монастырь, для защиты тамошнихъ святынь отъ поруганія варварами. Я, братъ, предпочитаю Дунайскую армію. Та все отступаетъ для завлеченія враговъ, и смѣло, и безопасно. Не сердись за этотъ вздоръ. Я не хочу раздражать тебя

пока, а когда пришлешь Ѳедю, мы съ тобой поговоримъ о патріотизмѣ.

1854 года (?).

..... Ты любишь Москву по воспоминаніямъ годовъ, счастливо въ ней прожитыхъ. Но развѣ она *для тебя* и *для меня* теперь такая, какая была прежде. Проживъ здѣсь мѣсяца три сряду, ты-бы безъ сомнѣнія довольно горько разочаровался. Здѣсь... скучнѣе, чѣмъ у Васъ. Помнишь нашъ кружокъ сороковыхъ годовъ? Тогда мы были молоды и сколькихъ нѣтъ болѣе между нами. Сколько жизни и ума и сердца было въ нашихъ сходкахъ, а теперь? Сказать-ли тебѣ правду? Я люблю попрежнему Кетчера, но говорить съ нимъ мнѣ едва-ли приходится разъ или два въ годъ. Не о чемъ. Онъ застылъ на извѣстныхъ понятіяхъ и во многомъ пошелъ назадъ. Изъ всѣхъ мнѣ близкихъ съ однимъ Фроловымъ есть у меня обмѣнъ мыслей. Съ другими плескъ и болѣе ничего. А жить безъ жажды и безъ веселья на душѣ — скучно. Ты жалуешься на недостатокъ умственной среды въ Петербургѣ, а развѣ она есть здѣсь? Тебѣ это не замѣтно. Ты пріѣзжаешь сюда на короткое время и не успѣешь высказать и выслушать всего, что было съ тобою и съ нами въ промежуткѣ свиданій. Попробуй, поживи здѣсь. Я счастливѣе другихъ—у меня университетъ. Но и при томъ мнѣ бываетъ нестерпимо скучно. Я, кажется, съ радостью уѣхалъ-бы куда нибудь на югъ или даже къ вамъ, на сѣверъ. Плановъ у насъ и затѣй всякаго рода много, но все это оканчивается болтовнею. Дѣло о покупкѣ журнала можетъ тебѣ служить примѣромъ и доказательствомъ. Я и напередъ зналъ развязку и говорилъ этимъ господамъ: вы поставите К. въ глупое положеніе. Спроси у нихъ. И тоже правы теперь. Фроловъ ждетъ твоего отвѣта. Твое содѣйствіе въ изданіи Магазина ему будетъ крайне полезно, да и тебѣ доставитъ болѣе денегъ, чѣмъ участіе въ журналахъ.

Изъ переписки А. Н. Афанасьева.

(*Сообщилъ Е. И. Якушкинъ*).

Письмо В. И. Даля.

Милостивый Государь, Вы не изволили сообщить мнѣ Вашего имени и отчества, поэтому не взыщите, что не умѣю чествовать Васъ по приличію.

Предложеніе Ваше принимаю съ большимъ удовольствіемъ; объяснюсь ближе.

У меня собрано сказокъ нѣсколько стопъ; конечно, тутъ много и мусора, много и повтореній. Издать я не соберусь ихъ, потому что у меня слишкомъ много другой работы (словарь). Какъ успѣю разобрать ихъ, такъ и доставлю, но прошу выслать полную насылку *) свою, съ именемъ и отчествомъ.

Почестей не нужно мнѣ ровно никакихъ, кромѣ того, что прошу Васъ упомянуть только въ общихъ словахъ, что такая-то кипа сказокъ передана Вамъ; и это для того только, что было объ нихъ много рѣчи и что вправѣ требовать или ждать отъ меня развязки этому дѣлу.

Итакъ, передаю Вамъ собраніе мое, не связывая Васъ ничѣмъ. Я не знаю, какова обстановка Ваша, сколько Вы выручаете и окупается-ли изданіе, не только будутъ-ли барыши. Только въ послѣднемъ случаѣ прошу обо мнѣ вспомнить, въ томъ отношеніи, что собраніе это, каково оно ни есть, стоило мнѣ нѣсколькихъ сотъ рублей; одни сказывали другіе писали, за все это надо было платить. Но, повторяю, если дѣло будетъ таково, что доставитъ выгоду, то Вы конечно не попеняете на меня за желаніе воротить расходы свои; если же этого не будетъ, то и у меня нѣтъ никакихъ притязаній.

При этомъ случаѣ пришло мнѣ на мысль увѣдомить Васъ, что здѣсь есть у одного человѣка собраніе *лубочныхъ* (печатанныхъ въ прежнее время досками) сказокъ и старинныхъ произведеній русскаго рѣзца на мѣди—священная исторія, Іосифъ прекрасный и пр., всего, безъ мало сотня тетрадокъ; онъ проситъ за все 25 р. сер., увѣдомте, не вздумаете-ли купить, такъ вышлите деньги и тотчасъ вышлемъ и эти сказки.

Въ моемъ собраніи много такихъ, которыя печатать нельзя; а жаль, онѣ очень забавны.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности моей.

В. Даль.

24 Октября. 1856.
Нижній.

*) По словарю Даля: *насылка* или *насылъ*— подпись на письмѣ, посылкѣ; адресъ.

Письма П. П. Пекарскаго.

I

17 Сентября, 1858 года.

Посылаю къ Вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, нѣкоторыя дополненія къ ст. о Пушкинѣ, Геннади, сдѣланныя моимъ пріятелемъ Д. Кобеко. Если вы признаете ихъ полезными, то напечатайте въ Библіограф. Записках[1]).

А мнѣ попался интересный документъ — докладъ по одному цензурному дѣлу временъ Елизаветы. Вы знаете, что у насъ объ этомъ почти ничего нѣтъ. Какъ только удосужусь, то пришлю его къ Вамъ на дальнѣйшее распоряженіе [2]). Надѣюсь также въ непродолжительномъ времени доставить Вамъ отдѣльные оттиски двухъ отрывковъ изъ моей работы объ Апраксиныхъ. [3]) Теперь я опять вожусь съ Петровскими книгами—одной переписки на бѣло и поправокъ хватитъ на полгода [4]). Поэтому никуда не хожу и ничего не знаю о здѣшнихъ новостяхъ. Извѣстно только, что цензура строга попрежнему. У меня въ одномъ мѣстѣ про Петра было сказано *ребенокъ*; Фрейгангъ [5]) поставилъ съ боку знакъ удивительный, а въ текстѣ поставилъ *отрокъ*. Итакъ, царь рѣшительно не можетъ быть ребенкомъ. Есть еще поправки, и еще болѣе безсмысленныя.

Нѣтъ-ли у Васъ въ рукописи рѣчи царя, которую сказалъ онъ въ прошедшемъ августѣ у васъ въ Москвѣ дворянству. Если есть, то нельзя-ли сообщить въ копіи *по оказіи*. Весьма-бы обязали.

Душою Вамъ преданный
П. Пекарскій.

II

16 декабря, 1860 г.
С.-Петербургъ.

Простите меня, многоуважаемый Александръ Николаевичъ, что замедлилъ отвѣтомъ на ваше посланіе: истинно вамъ скажу,

[1]) „Библіографическія Записки“, издавались А. Н. Афанасьевымъ въ 1858, 1856 и 1861 г. Составленныя Д. Ѳ. Кобеко дополненія къ статьѣ Геннади „Что написано о Пушкинѣ“ были напечатаны въ Библ. Запискахъ 1858 г. № 19.

[2]) Въ Библіографическихъ Запискахъ 1858 г. № 16 помѣщены сообщенія Пекарскаго объ исторіи печатанія стиховъ Тредьяковскаго и Опыта о человѣкѣ, Поппа, въ переводѣ Поповскаго.

[3]) Военный Сборникъ III и «Россійскій царствующій домъ Романовыхъ», тетрадь 33.

[4]) Въ это время Пекарскій доканчивалъ свой замѣчательный трудъ «Наука и Литература при Петрѣ Великомъ» (Спб. 1862 г.; раньше печатались отрывки въ журналахъ).

[5]) Цензоръ.

что такъ много работы, что и съ женой едва вижусь часа полтора въ день. Благодарю васъ за доставленіе мнѣ случая познакомиться съ Касаткинымъ [1]) (жаль, что я не знаю его имени и отчества, а надобно къ нему написать). Я приготовилъ для Библіогр. Записокъ двѣ статейки, въ которыхъ есть матеріалы для исторіи русской цензуры въ XVIII столѣтія. Одна—„Русскія книги, изданныя въ Галлѣ въ 1735 г.“, а другая „Русскій стихотворецъ изъ крѣпостныхъ въ XVIII ст. [2]). Кромѣ того, я уговорилъ своего шурина Кобеко дать мнѣ для Биб. Зап. его статью „О русскихъ псевдонимахъ въ XVIII вѣкѣ“ [3]).

У меня есть къ вамъ просьба, которую прошу васъ дружески исполнить, если возможно: у васъ въ Архивѣ есть старопечатная брошюра въ пять листовъ, вся въ стихахъ—силлабахъ, обращенныхъ къ Петру Могилѣ, подъ заглавіемъ „Евфоніа весело брмячаа,“ Кіевъ, 1633 года. Не возможно ли мнѣ будетъ ее получить въ рукописной копіи и съ описаніемъ рисунковъ—буде они есть—? Если только одинъ гербъ Могилы, то о немъ никакихъ подробностей не нужно). Неужели понадобится канючить и объ этомъ предъ сіятельнымъ? Будьте добры и помогите мнѣ въ этомъ случаѣ: во всей Россіи извѣстенъ только одинъ экземпляръ — именно вашъ архивскій [4]). Я теперь совершено погрузился въ XVII вѣкъ и польщизну и не раскаиваюсь: каждый день въ Публичной библіотекѣ мнѣ доставляетъ случай отрывать разныя неожиданности, и при томъ сколько подробностей, выхваченныхъ прямо изъ жизни! Поляки-писатели стараго времени, при всей ихъ нетерпимости и фанатизмѣ, молодцы по этой части. Само собою разумѣется, что при такомъ настроеніи духа я почти совсѣмъ оставилъ не только знакомыхъ, но и пріятелей, и до меня едва доходитъ то, что совершается въ XIX столѣтіи.

Цензура у насъ губительна, однако полегче вашей. Говорятъ, что новый цензоръ Веселаго не нашелъ съ своей стороны ничего противъ дозволенія напечатать полное собраніе сочиненій Радищева, и съ такимъ мнѣніемъ представилъ дѣло въ главный цензурный комитетъ [5]). Въ послѣднемъ нумерѣ Современника по-

---

[1]) В. И. Касаткинъ вмѣстѣ съ А. Н. Аѳанасьевымъ издавалъ «Библіографическія Записки».

[2]) Статьи эти и были напечатаны въ Библіогр. Запискахъ 1861 г. № 2 и № 3.

[3]) Библ. Записки 1861 г. № 4.

[4]) Аѳанасьевъ исполнилъ порученіе Пекарскаго и послѣдній цитуетъ изъ «Евфоніа весело брмячая» въ своей статьѣ «Представители кіевской учености въ XVII в.» (Отечеств. Записки 1862, мартъ, стр. 204). «Евфоніа» представляетъ поздравительные стихи Петру Могилѣ отъ типографщиковъ Кіевопечерской лавры.

[5]) Извѣстно, то запрещеніе съ «Путешествія» Радищева было снято особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ лишь въ 1868 г., но сдѣланная въ 1871 г. П. А. Ефремовымъ попытка издать

страдалъ очень отъ цензуры Пыпинъ (въ статьѣ о Костомаровѣ), до такой степени, что не рѣшился подписать подъ критикой своего имени. Сочиненіе Буслаева идетъ здѣсь на славу: продано уже 500 экз., что̀, если не вретъ Кожанчиковъ, удивительно: цѣна дорогая, а изслѣдованія серьезныя [1]). Я еще не взялъ 3-й книжки Чтеній Моск. общества, но слышалъ, что ее очень хвалятъ. Журналомания рѣшительно растетъ до остервѣненія: всѣ нынѣ хотятъ быть издателями журналовъ, и никто не вспоминаетъ о горестной судьбѣ нѣкоторыхъ изъ предшествовавшихъ новичковъ. У насъ здѣсь на первомъ планѣ „Вѣкъ“, но едва ли это будетъ хорошій журналъ: апатическій Дружининъ, считающій униженіемъ для редактора читать рукописи авторскія, безалаберный Безобразовъ, писавшій до сихъ поръ однѣ компиляціи,—вотъ главные дѣятели. Кавелинъ едвали будетъ писать мелкія статьи, да и роль редактора кажется не по его характеру. Впрочемъ, первый годъ для нихъ будетъ хорошъ—сотрудниковъ въ объявленіи напечатана бездна, а Дружининъ и Кавелинъ извѣстны публикѣ. Впрочемъ, все-таки видѣть странно эти два имени рядомъ: Дружининъ, казнившій въ своихъ рецензіяхъ сочиненія Марка Вовчка, и Кавелинъ — одинъ изъ первыхъ защитниковъ крестьянства. Вы, разумѣется, знаете, что скоро будетъ объявлено объ освобожденіи. Въ типографіяхъ уже сдѣланы приготовленія для печатанія положенія и манифестовъ (на одну типографію II отдѣл. госуд. канцеляріи отпущено уже для того 50 т. руб.). Помѣщики въ отчаяніи, ergo можно надѣяться, что крестьяне будутъ съ землею и съ усадьбами.

Прощайте, будьте здоровы.

П.

Ивану Федоровичу [2]) мой пріятельскій поклонъ.

Не знаю, какъ бы мнѣ сдѣлать, чтобы избавиться отъ платежа почтовыхъ денегъ за пересылку статей въ Библ. Записки,—поручить Базунову, боюсь, что пропадутъ?

полное собраніе сочиненій Радищева не имѣла успѣха.—Аѳанасьевъ служилъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д., директоромъ котораго тогда былъ кн. М. А. Оболенскій: о немъ и говоритъ Пекарскій.

[1]) «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства» Ѳ. И. Буслаева были изданы Д. Е. Кожанчиковымъ и продавались по семи рублей; изданіе ихъ помѣчено 1861 г., какъ это часто дѣлаютъ издатели.

[2]) И. Ѳ. Аммонъ, женатый на Е. Н. Аѳанасьевой, тоже служилъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д.

Литературныя мелочи неурожайнаго года (1786).

Въ началѣ 1782 года Московскій губернаторъ Архаровъ издалъ „таксу, по какимъ цѣнамъ въ Москвѣ печеные хлѣбы, решетные, мельничные, ситные, крупичатые и простые, крупичатые крендели, сайки, булки, французскіе хлѣбы, сего 1782 года января съ 10-го, впредъ до будущей расцѣнки продавать“. Распоряженіе это заканчивалось слѣдующимъ предостереженіемъ: „Если кто изъ хлѣбныхъ промышленниковъ найдется, что продавать будетъ хлѣбъ и прочее меньше вѣсомъ, или сырые, или дороже цѣною, оные, въ силу указа 1725 года января 14 дня, имѣютъ быть наказаны кошками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они торгуютъ, и тотъ сырой или маловѣсный хлѣбъ взятъ будетъ на гошпиталь“. Такса постановляла, между прочимъ, отпускать рѣшетнаго изъ ржаной муки хлѣба „на 1 копѣйку—2 фунта 55¼ золотниковъ, на 2 копѣйки—5 фун. 14½ золотниковъ“ и т. д. „Пудъ имѣетъ быть 15½ копѣекъ“ [1]). Въ 1782 году средняя цѣна ржи, въ продажѣ изъ московскихъ лавокъ, была: 1 р. 30 коп. за четверть, 17 коп. за пудъ ржаной муки [2]).

Въ 1784 году хлѣбъ уже вздорожалъ въ Петербургской губерніи. 14 марта императрица писала Шведскому королю Густаву III: „Еслибъ ваше величество пожелали узнать, что дѣлается въ нашихъ краяхъ, то вы услышали-бы, что здѣсь очень жалуются на скудость хлѣба, на рѣдкость денегъ, на трудности въ настоящемъ; старые люди хвалятъ прошлое, а молодые прыгаютъ и пляшутъ“ [3]). Въ октябрѣ того же года послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе на имя Архарова, правившаго въ то время должность генералъ-губернатора Новгородскаго и Тверскаго намѣстничествъ: „По надобности здѣсь въ хлѣбѣ не только для столицы и разныхъ

---

[1]) Гастева, Статистическое описаніе Москвы, стр. 295.

[2]) Тамъ же, стр. 296.

[3]) Я. К. Грота, Екатерина II и Густавъ III, стр. 54, 104.

мѣстъ Санктпетербургской губерніи, но и для снабдѣнія онымъ въ Выборскомъ намѣстничествѣ селеній, нужду въ томъ имѣющихъ, желаемъ, чтобъ вы, не упуская еще нынѣшняго къ водоходству способнаго времени, приказали суда, съ хлѣбомъ пловущія, выслать скорѣе въ Ладожской каналъ, дабы они во время сюда поспѣть могли... Да и вовсе неполезно, чтобъ хлѣбъ и товары зимовали по водянымъ комуникаціямъ, понеже къ перекупамъ и вреднымъ монополіямъ подаютъ поводъ“ [1]).

Въ 1785 году урожай хлѣба въ Россіи былъ вообще „худой“ [2]); во всей Пермской губерніи былъ неурожай [3]). Въ Петербургѣ, въ концѣ этого года, четверть ржи продавалась по 4 р. 50 копѣекъ [4]).

Въ слѣдующемъ году неурожай охватилъ внутреннія губерніи Россіи. Въ Москвѣ цѣна на хлѣбъ быстро поднималась: въ январѣ 1786 года, четверть ржи стоила 2 р. 20 коп., пудъ ржаной муки— 34 коп; въ іюнѣ четверть ржи продавалась уже по 3 руб. 40 коп., пудъ ржаной муки—по 47 коп.; въ декабрѣ четверть ржи стоила 4 руб., пудъ ржаной муки — 56 копѣекъ [5]). 27 марта Высочайше повелѣно было тому же Архарову, согласно представленію его: 1) Изъ числа хлѣба, въ оном представленіи означеннаго, оставить въ сельскихъ магазинахъ, въ удобнѣйшихъ мѣстахъ, третью часть для ссуды хозяйственнымъ образомъ въ потребныхъ случаяхъ, неимущимъ и прямую нужду въ семъ имѣющимъ; 2) изъ остального хлѣба учредить запасные магазины въ городахъ Твери, Вышнемъ Волочкѣ и въ Новѣгородѣ, стараясь, чтобъ таковое заведеніе служило пособіемъ въ нуждѣ, средствомъ противъ возвышенія цѣнъ, со временемъ же и облегченіемъ для продовольствія войскъ [6]). 24 августа 1786 г., Англійскій посланникъ при Русскомъ дворѣ, Фицъ-Гербертъ, доносилъ маркизу Кармартену: „Здѣсь очень озабочены извѣстіями, полученными изъ внутреннихъ областей государства (aus dem Innern des Reichs), что жатва этого года, *какъ и послѣдняго*, окажется въ высшей степени неблагопріятною,—обстоятельство тѣмъ болѣе тревожное, что цѣна хлѣба *съ каждымъ днемъ* поднимается; хотя вывозъ его на нѣкоторое время запрещенъ“ [7]). Въ Петербургѣ изысканіемъ мѣръ противъ дороговизны (въ Петербургѣ)

---

[1]) Русскій Архивъ 1864 г., стр. 891.

[2]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1860, кн. первая, отд. II, стр. 91.

[3]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. Геогр. Общества, кн. III, 470.

[4]) Растущій Виноградъ 1786, генваръ, стр. 26.

[5]) Ср. „Цѣны нынѣ состоящимъ въ Москвѣ съѣстнымъ припасамъ на торгу“ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1786 г. стр. 14, 450, 898.

[6]) Полное собраніе законовъ Р. И., томъ XXII, № 16.350.

[7]) Herrmann, Geschichte des russischen Staates. Ergänznngs-band, S. 647.

хлѣба занималась особая„ Хлѣбная Коммиссія“ [1]), состоявшая изъ графа Шувалова, графа Воронцова, генералъ-провіантмейстера Маврина и А. В. Храповицкаго. На основаніи доклада этой Коммиссіи, Императрица, 22 іюня, повелѣла Петербургскому губернатору Коновницыну, «въ отвращеніе на нынѣшнее время недостатка въ хлѣбѣ и дороговизны для здѣшней Нашей столицы, 1) запасный здѣшній магазинъ тотчасъ открыть на продажу людямъ, въ хлѣбѣ нужду имѣющимъ, съ точнымъ наблюденіемъ правилъ, тамъ установленныхъ относительно мелкой продажи, въ пресѣченіе способа перекупщикамъ доставать продаваемый хлѣбъ въ свои руки для возвышенія цѣны въ собственный ихъ прибытокъ; 2) отпускъ ржи и муки ржаной за границу отъ Санктпетербургскаго порта остановить впредь до указа, не распространяя однакожъ сего запрещенія до другаго рода хлѣба, законтрактованную же для сего отпуска рожь обратить на подкрѣпленіе запаснаго магазина, заплатя не только цѣну, за которую она законтрактована, но и сверхъ сего 10 процентовъ законтрактовавшимъ покупщикамъ на ту цѣну, по коей поставлены ими условія“. Тѣмъ же указомъ повелѣно изъ Петербургскаго запаснаго магазина продавать (впредь до дальнѣйшаго распоряженія) „муки ржаной по 45 копѣекъ за пудъ, или по 4 р. и по 5 коп. девятипудоваго вѣсу куль“ [2]). 28 іюня послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи „Государственнаго Заемнаго Банка“: этимъ учрежденіемъ имѣлось въ виду дать дворянству помощь для ободренія и умноженія земледѣлія. „Вѣдома истина (говорилось въ этомъ повелѣніи), что земледѣліе есть первый источникъ богатства, и аки сосцы, питающіе все государство, много подаетъ изобилія симъ прилежаніе къ оному; но еще больше пользуютъ большіе же самой землѣ задатки“ [3]). Открытіе дешевой продажи хлѣба бѣднымъ, изъ Петербургскаго запаснаго магазина, не облегчило голодавшій петербургскій людъ: хлѣбныхъ запасовъ оказалось такъ мало, что они были распроданы *въ два дня*. Фицъ Гербертъ доносилъ маркизу Кармартену: „Ваше лордство можете составить себѣ понятіе о безстыдныхъ злоупотребленіяхъ, которыя здѣсь практикуются, если я вамъ сообщу, что при началѣ нынѣшней дороговизны Императрица издала повелѣніе, чтобы открыты были запасные магазины и хлѣбъ изъ нихъ ежедневно отпускался бѣднымъ по опредѣленной таксѣ; вмѣсто же того оказалось, что вслѣдствіе растраты, сдѣланной офицеромъ,

---

[1]) Такъ называетъ эту коммиссію Храповицкій. Дневникъ, изд. Барсукова, стр. 18. Ср. Полное собраніе законовъ Р. И., томъ XXII, № 16,406.

[2]) II. соб. зак. № 16.406.

[3]) Тамъ же, № 16.407.

которому порученъ былъ надзоръ за этими припасами и который клалъ себѣ въ карманъ деньги, данныя ему на покупку хлѣба, количество послѣдняго въ запасномъ магазинѣ было такъ незначительно, что было исчерпано вполнѣ *въ теченіи двухъ дней*“ [1]). Этимъ офицеромъ былъ — генералъ-провіантмейстеръ Мавринъ. Дѣло происходило, впрочемъ, не совсѣмъ такъ, какъ разсказываетъ Фицъ-Гербертъ. Мавринъ дѣйствительно „*сдѣлалъ упущеніе* по Петербургскому запасному магазейну, и тѣмъ потерялъ себя у Ея Величества“ [2]): изъ запаснаго магазина онъ продавалъ хлѣбъ поставщикамъ подъ Невскимъ [3]). Въ виду „сдѣланнаго упущенія“, 23 октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „Запасному здѣшнему городовому магазину быть, на нынѣшнемъ основаніи, *подъ собственнымъ Нашимъ вѣдѣніемъ*, на случай же отсутствія Нашего, подъ вѣдѣніемъ Главнокомандующаго въ столицѣ“. Тѣмъ же указомъ управленіе магазиномъ поручено было Вице-губернатору Новосильцову, а Мавринъ уволенъ отъ управленія имъ (по прошенію), съ оставленіемъ, впрочемъ, генералъ-провіантмейстеромъ арміи [4]). Другимъ указомъ, отъ того же 23 октября, запрещенъ былъ отпускъ ржи и ржаной муки за границу отъ портовъ Петербургскаго, Онежскаго и Архангельскаго „по причинѣ неурожая хлѣба *во многихъ губерніяхъ*“ [5]). Того же числа послѣдовало Высочайшее повелѣніе „о безостановочномъ пропускѣ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ для доставленія въ Петербургъ и о дачѣ имъ пособій въ скорѣйшемъ проходѣ, не чиня нигдѣ осмотровъ и описи грузу“ [6]). Наконецъ, того же 23 октября Высочайше повелѣно Московскому Главнокомандующему Еропкину учредить за-

---

[1]) Herrmann, Geschichte des russischen Staates, Ergänzungsband, S. 648.

[2]) Слова Храповицкаго. Дневникъ, 46.

[3]) Дневникъ, 17.

[4]) Полное собраніе закон. № 16.445. Фицъ-Гербертъ писалъ: «Никто не смѣлъ принести Императрицѣ какую-либо жалобу; нашли даже средства укрыть отъ правосудія виновника столь скандалезнаго мошенничества, потому что онъ находился въ близкихъ связяхъ съ сильными людьми». Herrmann, S. 647. Подъ 19 ноября 1789 г. въ Дневникѣ Храповицкаго (стр 317) записано: «О Мавринѣ, о его закупкахъ; заемъ его 30 т. кулей изъ здѣшняго Запаснаго Магазейна, чтобъ на это не считалъ: Je veux faire tant de difficultés qu'on se casse le front de venir m'importuner». Подъ 21 ноября: «Велѣно Н. И. Салтыкову считать Маврина, и чтобы Архаровъ рапортовалъ, сколько и гдѣ провіанта зазимовало. Подрядъ Новосильцова въ Запасный Магазейнъ дешевле 44 к. у четверти». Подъ 16 іюня 1790 г.: «При чтеніи рапорта Архарова о трехъ баркахъ, на Ильменѣ потопшихъ, тирада жестокая на Савву Маврина Онъ за одно съ подрядчиками; я обманулась въ этомъ человѣкѣ». Взысканіе съ Маврина ограничивалось тѣмъ, что онъ долгое время не награждался высшимъ чиномъ, и только въ мартѣ 1791 г. за взятіе Измаила произведенъ въ генералъ-поручики и сенаторы. Дневникъ Храповицкаго, 325, 357, 359.

[5]) Полное собраніе законовъ Р. И. т. XXII, № 16.444.

[6]) Тамъ же, № 16.447.

пасный хлѣбный магазинъ въ Москвѣ [1]). 9 ноября новому управляющему Петербургскимъ запаснымъ магазиномъ Новосильцову Высочайше повелѣно допускать продажу изъ магазина хлѣба только неимущимъ (по установленной цѣнѣ) и совсѣмъ не отпускать хлѣба по требованіямъ отъ находящихся въ Петербургѣ разныхъ домовъ и командъ“ [2]). Заботы объ отвращеніи дороговизны хлѣба въ Петербургѣ прервали надолго литературные труды Екатерины II, начатые еще въ 1785 году и направленные противъ такихъ враговъ внутренняго спокойствія, которые казались ей, повидимому, опаснѣе Маврина и подобныхъ ему „обманщиковъ“ (выраженіе Фицъ-Герберта). Этими врагами были масоны и преимущественно московскіе розенкрейцеры, приверженцы Новикова, и ближайшіе сотрудники въ его литературной и общественной дѣятельности.

4-го января 1786 года представлена была комедія „Обманщикъ“ [3]), написанная Императрицею въ прошломъ, 1785 году. Она направлена противъ Каліостро и русскихъ мартинистовъ, которыхъ Екатерина считала послѣдователями этого шарлатана. Какое серьезное значеніе придавала она масонамъ, видно изъ слѣдующихъ строкъ ея письма къ барону Гримму о Каліостро (отъ 2 марта 1786 года): „C'est un franc charlatan.... C'est un vilain coquin, *qu'il faudrait pendre:* cela arrêterait *la frénésie nouvelle* de croire aux sciences occultes dont on est si fort engoué à présent en Allemagne, en Suède, et qui commençait à prendre ici, ma nous y mettons bon ordre. [4]) 11-го января печатный экземпляръ этой комедіи, поднесенный Дашковою, посланъ по приказанію Императрицы Орловскому вице-губернатору З. Я. Карнѣеву [5]), который былъ главнымъ надзирателемъ масонскихъ ложъ въ Орлѣ [6]). Публика догадывалась, кто былъ авторомъ „Обманщика“ [7]). 2 февраля того-же года представлена была новая комедія Екатерины—„Обольщенный“; она также была отправлена З. Я. Карнѣеву [8]). Если русскіе масоны не могли узнать себя въ лицѣ „Обманщика“ Калифалкжерстона, то во второй комедіи они не могли не замѣтить очень прозрачныхъ намековъ на Новикова. Британгинъ говоритъ „Обольщенному“—Радотову: „Вспомни самъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ колико ты

---

1) Тамъ же, № 16. 446. Ср. Русскій Архивъ 1872, стр. 279.
2) Тамъ же, № 16. 458.
3) Дневникъ Храповицкаго, стр. 5.
4) Сборникъ Русскаго историческаго общества. XXIII, 375.
5) Дневникъ Храповицкаго, стр. 5.
6) Сборн. Рус. истор. общ. II, 151.
7) Дневникъ Храповицкаго, стр. 6.
8) Тамъ же.

смѣялся много сестрѣ нашей двоюродной, госпожѣ Чудихиной, теперь уподобляяся предубѣжденіями точно ей.... Она имѣла свой образъ мысли, отборныя израженія.... Подобно тебѣ мало кто ее понималъ!... *Радотова мать (къ сыну)*. Пишись, буде хочешь, ея именемъ и прозваніемъ, только меня не увидишь болѣе въ своемъ домѣ, покамѣстъ шалить не перестанешь" [1]). Чудихина — одно изъ дѣйствующихъ лицъ извѣстной комедіи „О время", написанной Императрицею въ 1772 году. Чудихина — представительница стараго русскаго суевѣрія. Она увѣрена, что ее злые люди испортили съ молоду,—всего боится; носитъ съ собою отъ уроковъ „узелки"—одинъ съ четверговою солью, другой съ роснымъ ладономъ, для привороту — нашептанные корешки, крестъ на крестъ волосами перевязанные. „У меня, свѣтъ мой, (*разсказываетъ Чудихина*) въ животѣ щука: съ молоду впустила ее мнѣ, сонной, мачиха моя. Она была колдунья, и меня не любила. А въ спину засадила мнѣ собаку, и когда онѣ тамо ссорятся, такъ я чувствую.... таки точнешенько слышу, какъ щука хвостомъ хлеснетъ по собакѣ, а собака отгрызается и ворчитъ.... [2]) Приступая къ изданію „Живописца", Новиковъ приписалъ этотъ сатирическій журналъ „Неизвѣстному Сочинителю" комедіи „О время". Въ посвященіи Новиковъ горячо убѣждалъ Императрицу „взглянуть безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ наши развратные поступки". Въ вышеприведенномъ мѣстѣ комедіи „Обольщенный" Екатерина намекаетъ Новикову на это посвященіе и ставитъ главу московскихъ масоновъ на одну доску съ суевѣрными кликушами стараго времени. Мать Радотова говоритъ: „Вѣкъ чего мы боялись, *предковъ нашихъ* (что) въ ужасъ приводило, *отъ чего отплевывались*, чего слышать не хотѣли и отъ чего уши затыкали—съ тѣмъ нынѣ самовольно окружаются! И щенки уже возятся! Развращеніе вѣдь это сущее!" [3]) На Новикова мѣтятъ и и слова Вокитова: „Таиса имѣетъ понятіе толь сильное, что вдалась она нынѣ въ чтеніе *тѣхъ книгъ*, кои покупаютъ многіе по одной модѣ, *въ коихъ по истинѣ я не нахожу ни смысла точнаго*, ни разсудка здраваго.... Она же ихъ толкуетъ такъ, что удивительно!" [4]) Вѣрный другъ Новикова, С. И. Гамалѣя, также попалъ въ эту комедію [5]). Наконецъ, въ Радотовѣ отмѣчена еще черта, которая, по мнѣнію Екатерины, характеризовала русскихъ мартинистовъ—

---

[1]) Сочиненія императрицы Екатерины II, томъ I, стр. 610—611.

[2]) Тамъ же, томъ II, стр. 45—46.

[3]) Тамъ же, томъ I, стр. 607.

[4]) Сочиненія императрицы Екатерины II, томъ I, стр. 628—629.

[5]) Пыпинъ въ Вѣстникѣ Европы 1867, IV, 11.

„печальный видъ“ [1]). Радотовъ уклоняется отъ того, что его роднымъ кажется „хорошо, весело, пріятно, равномѣрно, и отъ людей и дѣлъ“ [2]); „весь домъ свой онъ приводитъ въ печаль, въ уныніе“ [3]). Эти черты могли быть нанесены на Радотова съ другого знаменитаго масона—Н. В. Репнина. Подъ 11 ч. января 1787 года Храповицкій записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Въ Великихъ Лукахъ разсматривали рапорты и вѣдомости Репнина по Псковской губерніи и были разныя объясненія. Сказано, что Репнинъ не такъ уже *задумчивъ*, прокатившись по станціямъ.... Отношеніе къ мартинистамъ“ [4]). Въ Петербургѣ обращали вниманіе на то, что Репнинъ принадлежалъ къ числу мартинистовъ. 31 марта 1786 г. (вскорѣ послѣ перваго представленія комедіи „Обольщенный“) Саксонскій министръ Сакенъ доносилъ: „Императрица въ эту зиму работала и для Русскаго театра и изготовила двѣ комедіи: первая имѣетъ заглавіе „Обманщикъ“, вторая„ Обольщенный“. Первая написана на авантюриста Каліостро, вторая на братства (Brüderschaften) мартинистовъ, которыя въ Москвѣ многочисленны. Такъ какъ къ этому обществу принадлежатъ многія знатныя лица, между которыми находится и князь Репнинъ, то князь Потемкинъ донесъ Императрицѣ, что эти такъ называемыя братства мартинистовъ питаютъ опасныя политическія намѣренія, которыя впослѣдствіи могутъ быть вредны“ [5]). Въ комедіи „Обольщенный“, благодаря намекамъ на извѣстныя личности и указанію нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности московскихъ мартинистовъ, было болѣе реальнаго содержанія, чѣмъ въ „Обманщикѣ“, въ которомъ видѣли, по справедливому замѣчанію Сакена, только осмѣяніе Каліостро. Конечно, на этомъ основаніи, въ „Дневникѣ“ Храповицкаго отмѣчено, подъ 4 февраля 1786 года: „Обольщенный“ лучше „Обманщика“ [6]). 17 февраля славолюбивая Императрица писала барону Гримму: „La comédie du Betrüger a été suivie de celle Betrogene; l'une et l'autre *ont eu un succès prodigieux et ont fait l'excellent effet de retenir et d'arrêter la fougue der Betrüger und Betrogene.* Il y a encore sur le métier Fevey, opéra comique et le Chaman de Sibérie, comédie. Tout cela sera gai au possible [7]). „Шаманъ сибирскій“ представленъ

[1]) Сочиненія императрицы Екатерины II, томъ I, стр. 666.

[2]) Тамъ же, стр. 604.

[3]) Тамъ же, стр. 611.

[4]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 22.

[5]) Herrmann, Geschichte des russischen Staates, Ergänzungs—Band, S. 633—634.

[6]) Съ этимъ отзывомъ согласны свидѣтельства „Драматическаго Словаря“ (М. 1787 г.), въ которомъ объ „Обольщенномъ“ сказано: „Публика къ сей піэсѣ имѣла большее вниманіе, и всякой разъ ея исполненія театръ отмѣнно наполнялся“ (стр. 98); объ успѣхѣ комедіи „Обманщикъ“ краснорѣчиво умалчивается (стр 97).

[7]) Сборникъ Русскаго Общества XXIII, 374.

былъ въ первый разъ въ Ермитажѣ 24 сентября. Въ изображеніи Амбанъ-Лая, сибирскаго шамана, не видно чертъ, снятыхъ съ русскихъ мартинистовъ. Въ томъ же письмѣ къ Гримму Екатерина указываетъ источникъ, изъ котораго почерпались ею свѣдѣнія о мартинистахъ: Le chaman est un théosophe qui fait toutes les charlataneries des confrères de Paracelse. Voyez l'article *Théosophe* de l'Encyclopédie et vous aurez le secret de nos comédies, de la maçonnérie et des sectes à la mode" [1]). Это признаніе Императрицы драгоцѣнно для историка русской литературы во многихъ отношеніяхъ. Въ 1786 г. Екатерина, очевидно, не знала ни сущности ученія московскихъ масоновъ, ни цѣлей и характера ихъ литературной и общественной дѣятельности; поэтому принятыя ею мѣры—противодѣйствованія имъ посредствомъ комедій и администраціи—вытекали не изъ яснаго пониманія ученія масоновъ и твердаго сознанія опасности мартинизма, а вызывались внушеніями людей, пользовавшихся ея довѣренностію и во главѣ ихъ—Потемкина [2]). Комедіи, направленныя на русскихъ мартинистовъ, она писала частію по доходившимъ до нея смутнымъ и невѣрнымъ придворнымъ слухамъ, частію на основаніи „Энциклопедіи." Ни тотъ, ни другой источникъ не могъ дать достовѣрныхъ и безпристрастныхъ данныхъ. Журналъ Новикова „Московское Изданіе" (1781 г.) объявилъ, въ предисловіи, своею цѣлью борьбу съ энциклопедистами и матеріалистами, — „философами, отъ природы великими способностями одаренными, въ воспитаніи ученостью украшенными и между людьми почтенными"; людьми „умными, просвѣщенными и почтенными", которые однако „говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольносмысленныхъ мудрецовъ." Изъ „Энциклопедіи" этихъ-то „вольносмысленныхъ мудрецовъ" Императрица почерпала свои свѣдѣнія о теософахъ и съ высоты этого философскаго воззрѣнія на мистицизмъ осмѣивала и преслѣдовала московскихъ масоновъ. Послѣдніе представлялись

[1]) Тамъ же.

[2]) Вышеприведенное свидѣтельство Сакена объясняетъ и подтверждаетъ слѣдующія слова И. В. Лопухина: „Коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представлять насъ (московскихъ масоновъ) подозрительными и для спокойства общества не безопасными. Такимъ образомъ, дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестано неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы (т. е. Павла Петровича). Записки Лопухина (Москва, 1860), стр. 18.

ей „чистыми шарлатанами“, послѣдователями „достойнаго висѣлицы“ Каліостро, практиковавшими, изъ корыстныхъ видовъ, такія же мошенничества, которыми онъ извѣстенъ былъ въ то время. Каліостро въ это время сидѣлъ въ Бастиліи по дѣлу кардинала Рогана, взявшаго у ювелировъ Бёмера и Боссанжа брилліантовое ожерелье для поднесенія королевѣ черезъ графиню Ламонтъ, но не заплатившаго ювелирамъ условленной цѣны (1.600.000 франковъ) и не доставившаго ожерелья по назначенію. Въ комедіи „Обманщикъ“ Калифалкжерстонъ выманиваетъ у добродушнаго Самблина драгоцѣнный алмазный складень, чтобы, выломавши изъ него алмазы, положить въ котелъ, въ которомъ онъ „варилъ богатства много.“ У другого дѣйствующаго лица комедіи, Додина, Калифалкжерстонъ выпросилъ перстень: извѣстно было, что Каліостро выманилъ въ Митавѣ (въ 1779 г.) у Фонъ-дер-Ховена 800 червонцевъ и драгоцѣнный брилліантовый перстень [1]).

Въ разговорѣ съ Храповицкимъ императрица „поздравляла себя, что никогда не вдавалась ни въ балоны, ни въ шарлатановъ, разумѣя Сен-Жермена и Каліостра. „Les savants aiment les ignorants.“ [2]). Приговоръ Парижскаго парламента, оправдавшій Каліостро по дѣлу объ ожерельѣ королевы (въ концѣ мая 1786 г.), привелъ Екатерину въ негодованіе. 14 іюня она говорила Храповицкому: „Кардиналъ Роганъ оправданъ, но будетъ сосланъ въ ссылку. Противоположеніе съ архіереемъ Казанскимъ, который сдѣланъ митрополитомъ; данъ указъ и крестъ нашитъ изъ собственнаго складня“ [3]). Черезъ нѣсколько дней Императрица писала Гримму: „Par la feuille apostillée de votre main et que j'ai reçue á Pella, j'ai vu que le cardinal et Cagliostro, déclarés innocents par le parlement et auxquels, comme innocents détenus depuis dix mois en prison, je croyais qu'on donnerait une satisfaction éclatante, que de ces deux innocents, dis-je, l'un a été exilé et degradé et l'autre banni; à

---

[1]) Этимъ объясняется заключительный монологъ „Обманщика“: „Обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, *не есть новый*.... но едва не беретъ ли онь по временамъ на себя виды только разные“ и т. д. См. книгу, переведенную по приказанію Императрицы. „Описаніе пребыванія въ Митавѣ извѣстнаго Каліостра на 1779 годъ... собранное Фонъ-деръ-Реке (Спб. 1787 г.),“ стр. 263. Въ той же книгѣ разсказывается: „Незадолго передъ его (Каліостро) отъѣздомъ въ Петербургъ, зашелъ разговоръ о весьма крупномъ и чистомъ жемчугѣ вдовствующей Герцогини, который Каліостро видѣлъ нѣкогда у нея на рукахъ. „Этотъ жемчугъ“, говорилъ нашъ волхвъ, „я очень знаю, потому что я въ Голландіи *для одного обанкротившагося моего друга* сплавивалъ его изъ маленькихъ и негодныхъ зернышекъ жены его“ (стр. 60). Ср. съ этимъ слова Самблина, отдавшаго Калифалкжерстону алмазы своей жены: „Калифалкжерстонъ, *дѣлая мнѣ помочь въ стѣсненныхъ моихъ обстоятельствахъ*, варилъ для меня богатства много.“ Соч. Екат. II, томъ I, стр. 591.

[2]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 8.

[3]) Тамъ-же, стр. 11.

présent je vous prie de me dire s'ils sant innocents ou coupables, car je n'en sais plus rien." [1])

Въ комедіяхъ „Обманщикъ" и „Шаманъ Сибирскій" не видно русскихъ мартинистовъ. Въ нихъ на первомъ планѣ Каліостро, не имѣвшій почти ничего общаго съ московскими масонами и презиравшійся ими. Что-же заставляло Императрицу браться за перо для обличенія „новаго раскола"? Гдѣ главные обвинительные пункты ея комедій, предъявленные прямо русскимъ масонамъ? Такихъ пунктовъ два: масонскія школы, больницы и—благотворительность во время голода. Мартинисты „шаманскую школу заводятъ" [2]), а ученіе ихъ „не сходствуетъ съ общимъ установленіемъ" [3]). „Они въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ" [4]). У Радотова въ ящикѣ „были не только деньги и его векселя, но еще складчина на многія заведенія" [5]).

Комедіи Екатерины II, направленныя противъ мартинистовъ, были литературнымъ объясненіемъ тѣхъ административныхъ мѣръ, которыя приняты были Императрицею противъ масоновъ. Рядъ этихъ мѣръ открывается указомъ Императрицы объ осмотрѣ въ Москвѣ частныхъ школъ и училищъ (7 октября) и съ небольшими перерывами продолжается въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ голоднаго 1786 года. Запрещалась продажа книгъ, „наполненныхъ извѣстнымъ расколомъ", осматривались больницы и школы, заведенныя масонами въ Москвѣ [6]).

Въ февралѣ 1786 года Ярославскій генералъ-губернаторъ Мельгуновъ (масонъ) доносилъ Императрицѣ, что „нѣкоторые частные люди положили сдѣлать благотворительное установленіе, въ помощь неимущихъ людей, на которое дали капитала 30.000 рублей и построили каменный домъ въ 18.000 рублей. Разрѣшивши построеніе въ Ярославлѣ „дома для призрѣнія и воспитанія сиротъ и неимущихъ дѣтей", Екатерина вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣла Мельгунову „наблюдать, чтобъ воспитаніе тутъ юношества про-

---

[1]) Сборникъ Русскаго историческаго Общества, XXIII, 378—379. Въ 1786 г. явились въ русскомъ переводѣ: 1) „Оправданіе графа де-Каліостро по дѣлу кардинала Рогана о покупкѣ славнаго склада во Франціи" и 2) „Возраженіе со стороны графини де-Валуа на оправданіе графа Каліостро".

[2]) Сочиненія Императрицы Екатерины II, томъ II, стр. 494, 503.

[3]) Тамъ-же, стр. 505.

[4]) Тамъ-же, стр. 651.

[5]) Тамъ-же, стр. 657.

[6]) Перечень этихъ мѣръ см. у Пекарскаго въ сочиненіи „Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII столѣтіи", стр. 195—201.

исходило по правиламъ *общимъ*, съ божіими и государственными законами согласнымъ, отдаляя все колобродное, обманомъ или невѣжествомъ выдуманное“ [1]). Различные виды частной благотворительности возбуждали въ это тяжелое время подозрѣнія Императрицы и встрѣчались неблагосклонно.

Въ іюнѣ 1786 г. кончена была Екатериною послѣдняя изъ комедій, направленныхъ на мартинистовъ, „Шаманъ Сибирскій“ [2]). 7 іюля Императрица писала Гримму: Bei uns ist das Brod theuer, das Geld sehr rar, die Zeiten schwer, die Treppen zum Himmel eng und die zur Comedie dunkel [3]). Въ первую половину 1786 года Екатериною написано было *девять* театральныхъ піесъ; теперь приходилось оставить на время литературныя занятія и отдаться борьбѣ съ голодомъ. Въ какомъ отношеніи стояла литература 1786 года къ этимъ двумъ явленіямъ,—масонству и голоду, занимавшимъ мысль Екатерины II?

Извѣстія о неурожаѣ 1786 года рѣдко проникали въ литературу. Въ этотъ бѣдственный годъ Державинъ не касался своей лиры. Тамбовскій губернаторъ, онъ заботился о заведеніи въ Тамбовѣ типографіи, „учреждалъ и губернскія газеты для извѣстія о проѣзжихъ черезъ губернію именитыхъ людей и командахъ и о цѣнахъ товаровъ, а особливо базарныхъ хлѣба, гдѣ, когда и по какой цѣнѣ продавался.“ „Сіе (замѣчаетъ Державинъ) особливо полезно было для казны при случаѣ заготовленія большаго количества провіанта; ибо провіантскимъ коммиссіонерамъ не можно было возвысить чрезвычайнымъ образомъ цѣнъ противъ тѣхъ, которыя объявлены были въ губернскихъ печатныхъ вѣдомостяхъ, сочиняемыхъ дворянскими предводителями каждаго уѣзда подъ смотрѣніемъ одного надежнаго чиновника, живущаго въ губернскомъ городѣ при губернаторѣ, который и изъ другихъ рукъ получалъ *тайныя для повѣрки свѣдѣнія*“ [4]). Державину было не до поэзіи.

Стихотворцы Державинской школы продолжали воспѣвать „безсмертную славу героевъ“ [5]), „Цвѣтущее состояніе Россіи“ [6]); но въ похвальныхъ стихахъ молодаго поколѣнія, повидимому, прорывались уже новые мотивы. Оффиціальное ежемѣсячное изданіе Главнаго народнаго училища въ Петербургѣ „Растущій Вино-

---

1) Русскій Архивъ 1865 г., стр. 944—945.

2) Дневникъ Храповицкаго, стр. 11.

3) Сборникъ Русскаго историческаго Общества, XXIII, 379.

4) Сочиненія Державина, съ прим. Я. К. Грота, VI, 581—582.

5) „Стихи“ Рубана, посвященныя кн. Потемкину. См. „Растущій Виноградъ“ 1786 г., январь, стр. 14.

6) Тамъ-же, стр. 6.

градъ“ было, можно сказать, тѣмъ литературнымъ органомъ, который объяснялъ, въ стихахъ и въ прозѣ, значеніе мѣръ, предпринятыхъ Императрицею для борьбы съ дороговизною хлѣба и — съ московскими масонами. Въ январской книжкѣ „Растущаго Винограда“ помѣщено стихотвореніе студента Фіалковскаго: „Роптаніе земледѣльца на неурожай хлѣба отъ качества земли съ отвѣтомъ“ (стр. 22—31). Земледѣлецъ ропщетъ на нынѣшнія времена“:

нынѣ колосокъ по колоску сбирай
И только вижу тамъ на гумнахъ нынѣ рай,
Гдѣ черноземомъ всѣ покрыты десятины,
На коихъ нѣтъ песку, ни извести, ни глины.

Земледѣлецъ жалуется, что вмѣсто плодородной земли больше находитъ „негодной“:

Тамъ глина лишь одна въ обиліи своемъ,
Иль камни, известный съ опокой, покрываютъ
Обширныя поля и соху препинаютъ.

Ропотъ земледѣльца завершается такъ:

„Конечно, небеса грѣхомъ мы прогнѣвили,
Что вмѣсто старыхъ дней такой намъ вѣкъ явили,
Въ которомъ только тотъ на свѣтѣ и блаженъ,
Кто деньгами карманъ имѣетъ нагруженъ.
И можетъ всѣ снести легко тѣ перемѣны,
Которыя полей является въ изцѣны;
А бѣдный человѣкъ всегда почти дрожи,
Дабы въ неурожай не умереть безъ ржи.“

Сочинитель совѣтуетъ „земледѣлу“ „обратить взоръ вниманія къ тронутой сѣверной богини“, которая „съ Палладой царствуетъ *не въ Марсовой бронѣ*“. Въ неурожаѣ виноватъ не Творецъ, виновато невѣжество земледѣла, который не знаетъ до сихъ поръ, какъ удобрять землю и возстановлять ея ослабшія силы.—Учрежденіе народныхъ училищъ клонится къ тому, чтобъ земледѣлецъ „узналъ свойство всѣхъ земель и зналъ, чѣмъ поправить глинистую землю“. Стихотвореніе оканчивается наставленіемъ, какъ удобрять глинистую почву, и объясненіемъ, что такое мергель, опока, вапъ. — Мысль о пользѣ, какую народныя училища могутъ принести земледѣлію, повторяется и въ стихотвореніи „Разговоръ Музы съ Россійскимъ земледѣльцемъ о заведеніи народныхъ училищъ“:

Узнаешь, какъ съ землей, съ лѣсами обходиться,
Гдѣ лучше можетъ хлѣбъ посѣянный родиться.... [1]).

Въ августовской книжкѣ „Растущаго Винограда“ напечатана была: 1) *Ода Екатерине Великой на учрежденіе государственнаго заемнаго банка* и 2) *Ода на случай заведенія государственнаго хозяйства.*“ Въ первой одѣ, сочиненной студентомъ Виноградовымъ, колѣнопреклоненная Россія „передъ Богинею вѣщаетъ“:

Кто подъ названіемъ закона
Благополучіе излилъ?
Кто, бѣдность избавляя стона,
Призрѣнье оной учредилъ?

Авторъ второй оды, студентъ Фіалковскій, прославляетъ Императрицу за то, что она

Подвластну землю разбираетъ,
Какой гдѣ производитъ плодъ;
На качество полей взираетъ,
Обиленъ-ли во хлѣбѣ родъ;
Поля ослабшія, негодны,
Чтобъ прекратить ихъ въ плодородны,
Свои щедроты средствомъ чтитъ,
И *частный* въ хлѣбѣ недостатокъ
Сколь можно превратить въ остатокъ
Все нужнымъ учрежденьемъ мнитъ.

Слова манифеста о цѣли учрежденія Государственнаго заемнаго банка, въ одѣ Фіалковскаго, переданы въ слѣдующихъ стихахъ, вложенныхъ въ уста Екатерины:

Россію домомъ представляю,
Семьею подданныхъ моихъ,
Въ дѣла хозяйства я вникаю
И, недостатки видя въ нихъ,
Чтобъ были много всѣ довольны,
Моихъ доходовъ милліоны
Въ заимъ дворянству и градамъ
Я щедрою даю рукою:
Тѣмъ больше силъ среди покою
Торговлѣ, ремеслу придамъ.
Дворянъ и гражданъ почитаю
Я за орудіе мое,

[1]) „Растущій Виноградъ“, 1786 г., іюль, стр. 16.

Чрезъ кое всѣмъ сынамъ вручаю
Въ заимъ имѣніе свое;
Дворянство, оное пріемля
И моему желанью внемля,
Въ добро его употребитъ:
Поля безплодныя исправитъ,
Крестьянъ изъ бѣдности возставитъ
И къ общей пользѣ обратитъ.

На такія темы писались оды питомцами Петербургскаго Главнаго Народнаго Училища.

Наконецъ, въ сентябрьской книжкѣ „Растущаго Винограда“ напечатана небольшая замѣтка (стр. 59—61) подъ заглавіемъ: „Физическая причина чувствованія голода“.

Въ литературныхъ журналахъ, не имѣвшихъ оффиціознаго характера, не было помѣщено статей, которыя бы касались прямо тогдашней дороговизны хлѣба; размѣры голода, сила народной нужды не оглашались въ печати. Въ 1785—1787 годахъ появилось, впрочемъ, нѣсколько теоретическихъ сочиненій о домоводствѣ, объ улучшеніи почвы, поднятіи земледѣлія. Важнѣйшими были: 1) *Наставленіе къ умозрительному и дѣлопроизводному земледѣлію* (Спб., 1786 г.) [1]); 2) *О земледѣльныхъ орудіяхъ, писано Иваномъ Комовымъ, съ приложеніемъ двухъ чертежныхъ листовъ* (Спб., 1785 г.) [2]) и т. п. Замѣчательно, что „Труды Вольнаго Экономическаго Общества“ не выходили въ 1786 и къ 1788 г. Кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ замѣтокъ о земледѣліи, напечатанныхъ въ „Зеркалѣ Свѣта“, въ этомъ журналѣ обращено вниманіе на пользу *кукурузы* (пшенички), которая разводилась въ то время въ Малороссіи „больше для увеселенія, нежели для пользы“, считалась травою огородною, такъ что „у самаго трудолюбиваго хозяина находилось двѣ или три гряды съ плодами оной“. Указывая способы ея употребленія въ пищу, Туманскій заключаетъ: „Нельзя не желать, чтобы хозяева къ собственной пользѣ ихъ и *отечества были принуждены* къ разведенію сего нужнаго и полезнаго

[1]) Объ этой книгѣ такъ отзывается журналъ „Зеркало Свѣта“: „Она предписываетъ подробное наставленіе ко исправленію хозяйства и можетъ послужить *самымъ лучшимъ руководствомъ обогащенію крестьянъ и помѣщиковъ*. Открывая завѣсу недоумѣнія нашихъ селянъ, подаетъ она многіе славнѣйшими писателями и Англинскими хозяевами изобрѣтенные способы къ награжденію трудовъ и отвращенію убытковъ, *доказывая ясно, что не время и не погода*, но собственное *наше незнаніе и лѣность суть причины неурожая, недостатка и дороговизны*“ (Ноябрь, 1786 года, стр. 259—260).

[2]) Комовъ ѣздилъ за границу для науки земледѣлія; въ книжкѣ описываетъ нѣсколько самыхъ нужныхъ земледѣльческихъ орудій, которыя онъ видѣлъ въ Англіи. Комовъ былъ видным сотрудникомъ въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества“.

плода, тѣмъ болѣе, что отъ онаго кромѣ прибытка и *польза во время неурожая великая*“ (Ноябрь, 1786 г., стр. 284—286). Наконецъ, въ „Зеркалѣ Свѣта“ сообщено было содержаніе объявленія, появившагося въ нѣкоторыхъ иностранныхъ вѣдомостяхъ (въ іюнѣ 1787 г.), что Дезомонъ „изобрѣлъ весьма важное средство поправлять худыя земли“. Извѣщая Россійскую публику, что Дезомонъ продаетъ это, ему одному извѣстное, средство, издатель „Зеркала Свѣта“ высказывалъ надежду, „что между благодѣтельствующими человѣчеству несомнѣнно найдутся охотники, которые устремятся извѣдать о семъ, и, узнавъ истину и пользу предлагаемаго, не упустятъ пріобрѣсти тайну средства сего для пользы отечества“ [1]).

Въ приведенныхъ одахъ и въ указанныхъ сочиненіяхъ о земледѣліи причиною голода 1786 года выставляется преимущественно, если не исключительно, невѣжество и лѣность крестьянъ [2]); указываются на будущее время способы удобренія почвы, рекомендуются улучшенныя земледѣльческія орудія; но нигдѣ не предлагается мѣръ для борьбы съ бѣдствіемъ, охватывавшимъ въ то время значительную часть Россіи: эти мѣры считались привилегіею правительства....

Смѣлѣе можно было, въ этотъ годъ, писать противъ другаго зла современности,—зла, которое держало въ напряженіи мысль и волю Екатерины въ первую половину 1786 года,—противъ масонства. Но и въ этомъ дѣлѣ распоряженіямъ и комедіямъ Императрицы вторилъ *только* офиціозный журналъ. Отзывы современной литературы о комедіяхъ: „Обманщикъ“, „Обольщенный“, „Шаманъ Сибирскій“ отличались сдержанностью и оффиціальною сухостію похвалы. Одинъ только „Растущій Виноградъ“ проявилъ такое усердіе къ прославленію и главное *къ развлененію* первыхъ двухъ комедій, какъ будто ихъ успѣхъ былъ его личнымъ дѣломъ. Въ „Растущемъ Виноградѣ“ напечатаны были двѣ статьи о происхожденіи масонства и мартинизма: 1) *Краткое описаніе жизни первѣйшаго основателя секты мартинистовъ Постелла* [3]) и 2) *Разсужденія*

---

[1]) „Зеркало Свѣта“, 1786 г., іюнь, стр. 130—131. Адресъ Дезомона (въ Парижѣ) указанъ въ приглашеніи.

[2]) Въ „Зеркалѣ Свѣта“ (1786 г., апрѣль, стр. 217) напечатано „Примѣчаніе для хозяевъ объ очищеніи хлѣба отъ заразы“. Въ этомъ наставленіи сказано: „*Прошедшіе* 1784 и 1785 годы были для поселянъ *всей почти Европы* неблагополучны по причинѣ весьма дождливой погоды осенью и великой засухи весною, что произвело въ хлѣбѣ заразительную черную пыль, именуемую *у насъ* въ низовыхъ мѣстахъ *ржою*“.

[3]) Растущій Виноградъ, 1786, мартъ, стр. 6—12. Эта статья ссылается, какъ на источникъ, на «Encyclopédie, Article: Théosophes» (стр. 46).

о началѣ вольныхъ каменьщиковъ или фармазоновъ [1]). Въ близкой связи съ этими статьями стоитъ разсужденіе: „*Древнія заблужденія, или записки касательно исторіи ума человѣческаго*“ [2]).

Спустя мѣсяцъ послѣ представленія комедіи „Обманщикъ“ въ „Растущемъ Виноградѣ“ появились, 1) „*Письмо къ сочинителю комедіи „Обманщикъ*“ (въ прозѣ) и 2) три стихотворенія подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ: „*Къ сочинителю комедіи „Обманщикъ*“ [3]). Четыре панегирическія произведенія, напечатанныя въ одной книжкѣ „Растущаго Винограда“, выражаютъ тотъ же своеобразный и невѣрный взглядъ на русскихъ мартинистовъ, который имѣла Императрица: очевидно, всѣ они написаны по внушенію свыше. Прозаическое „Письмо къ сочинителю комедіи Обманщикъ“ начинается такъ: „Ничто не можетъ быть лучше выдумано той комедіи, которою Вы насъ забавить изволили. Въ старину Мартышки были подвержены различнымъ опасностямъ и, мнѣ помнится, я гдѣ-то читалъ, что одна изъ нихъ была высѣчена кнутомъ за то, что, вырвавшись изъ дому посла Аглинскаго, вбѣжала въ церковь и на престолъ вскочила; стрѣльцы за нею по всей Москвѣ съ бердышами гонялись, и патріархъ анаѳемѣ предалъ ее немедленно. Но тогда не знали, что̀ есть Мартышка, и кнутомъ отдирали нерѣдко; а теперь найдены средства не столь жестокія, но въ дѣйствіи равныя: заблужденію предпоставляется [4]) просвѣщеніе, безумію—поруганіе. Въ Вашей комедіи находятся *предупредительные* [5]) отъ сихъ двухъ припадковъ составы; слѣдственно не надобно будетъ гоняться за Мартышками нашихъ временъ съ штыками, а еще менѣе предавать ихъ анаѳемѣ“. [6]). Въ концѣ статьи повторяется та же мысль въ такихъ выраженіяхъ: „Комедія Ваша не останется безъ замѣчанія и въ самой исторіи. Она подастъ настоящее понятіе о образѣ мыслить нашихъ временъ, и если будутъ видѣть по ней наши дурачества, то и узнаютъ тутъ же, что въ кроткое и премудрое царствованіе Екатерины театръ для исправленія предпочитался лобному мѣсту“ [6]). Прославляя кроткія мѣры императрицы по отношенію къ мартинистамъ, „Письмо“ намекаетъ на то, что кардиналъ де Роганъ, вслѣдствіе сношеній

---

[1]) Раст. Вин. 1786 г. октябрь, стр. 44—72; декабрь, стр. 62—75: 1787 г. генварь, стр. 35—45.

[2]) Рас. В. 1786, февр. стр. 91, мартъ стр. 45.

[3]) Первое стихотвореніе анонимное (стр. 43—44); подъ вторымъ (стр. 75—79) подпись: студентъ Алексѣй Фіалковскій; подъ третьимъ (стр. 83—86): «студентъ Иванъ Виноградовъ»

[4]) Въ подлинникѣ: «предоставляется».

[5]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[6]) Растущій Виноградъ, 1786 г., февраль, стр. 6.

своихъ съ Каліостро, попалъ въ Бастилію [1]). Статья толкуетъ одно выраженіе въ комедіи „Обольщенный“: „я облачился латами“,— выраженіе, которое, конечно, не совсѣмъ было понятно зрителямъ. „Письмо“ старается заподозрить благотворительныя дѣла мартинистовъ, очевидно, получившія огласку въ неурожайный годъ. Авторъ письма говоритъ: „Когда послѣдователи сего ученія слышатъ таковыя хулы, то спрашиваютъ: давно ли осуждаются ими дѣлаемыя благодѣянія. Но скажите мнѣ: гдѣ они взяли, что нравоученіе закона нашего или общежитія воспрещаетъ дѣлать *различныя бѣднымъ вспомоществованія?* Если нѣтъ, такъ какая-жъ нужда искать къ тому новыхъ побужденій? Да сверхъ того, кто собираяся говоритъ: „станемъ дѣлать добро“, тотъ или привязываетъ къ тому тщеславіе осудительное, или, что и того хуже, а часто бываетъ, свое токмо *добро* тогда разумѣетъ“. Въ этихъ строкахъ заключается едва-ли не единственное въ литературѣ 1786 г. свидѣтельство о частныхъ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ (и кѣмъ же? мартинистами!) въ неурожайный годъ.

Стихотворныя посланія „Къ сочинителю комедіи Обманщикъ“ представляютъ варіаціи прозаическаго письма, служившаго имъ какъ бы программою. Неизвѣстный авторъ перваго стиха творенія говоритъ о мартинистахъ:

Ихъ все стремленье въ томъ, чтобъ загулять въ карманъ...
Они „берутъ почти однихъ богатыхъ“. Стихотвореніе студента Виноградова оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ автору „Обманщика“:

Тебѣ единому принадлежитъ въ томъ слава,
Что низпровергнута обманщиковъ держава,
Которы завсегда золъ частныхъ суть виной
И рушатъ иногда общественный покой,
Къ прибытку съ жадными которые руками
Назваться иногда готовы и богами:
Навязанъ имъ звонокъ комедіей Твоей,
Кой объявляетъ такъ: *брегись, обманщикъ—сей* [3]),

---

[1]) Приводимъ это мѣсто статьи: «Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что и во Франціи кардиналы искали возвратиться отъ девяти къ четыремъ; но какъ они попали токмо въ четыре стѣны, то сіе, можетъ быть, послужитъ намъ въ наставленіе». По отношенію къ Новикову эта грубая острота оказалась (въ 1792 г.) пророчествомъ.

[2]) Растущій Виноградъ, 1786 г., стр. 86, февраль, стр. 86. Послѣдніе стихи намекаютъ на слѣдующія строки прозаическаго «Письма»: «Я хотя не очень ученъ, но нѣсколько знаю; тутъ отыскалъ скоро это *ослиное ушко*, которое при всякой строкѣ чувствительно». Ibid., стр. 3.

Авторъ касается и благотворительности мартинистовъ въ слѣдующемъ обращеніи къ автору комедіи:

Увѣренъ въ ономъ Ты и то Тебѣ извѣстно,
Не все, что честную имѣетъ маску, честно,
Кто увѣрительно умѣетъ обмануть,
Тотъ—вредъ людей и тотъ уже конечно плутъ [1]).

Въ стихотворномъ посланіи студента Фіалковскаго масоны выставляются мошенниками, которые хитрѣе даже — цыганъ, которые

Проворны въ деревняхъ лошадками мѣнять,
За дряхлаго коня здороваго принять;
Искусны поглядѣть за денежку на ручку
И счастья насказать, по деньгамъ смотря, кучку,
Умѣютъ за холсты нулёмъ *лъчить* старухъ,
И стариковъ за хлѣбъ обворожить вокругъ,
Проворны со двора таскать гусей, барановъ [2]).

Каліостро „таскался для того,

Чтобъ, не имѣя онъ богатства своего,
Копы могъ разжигать по таинству обмана,
И онымъ въ два попасть или болѣе кармана,
Червонцы чтобы въ нихъ мгновенно растопить
И *въ свой ихъ кошелекъ* съ крупнымъ алмазомъ слить“ [3]).

Въ той же книжкѣ „Растущаго Винограда“, въ которой напечатаны посланія къ сочинителю комедіи „Обманщикъ“, помѣщены двѣ „Епистолы“ къ тогдашнему фавориту Императрицы Александру Петровичу Ермолову (стр. 79—82 и стр. 87—90).

Изъ всѣхъ произведеній, напечатанныхъ въ „Россійскомъ Виноградѣ“ въ обличеніе мартинистовъ, важнѣйшимъ должна быть признана „Домовая записка о заразѣ новомодной ереси и о средствахъ, исцѣляющихъ отъ оной“. Эта „записка“, несомнѣнно, вышла изъ-подъ пера Екатерины II или написана подъ ея диктовку. Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только содержаніе, но и литературные пріемы „записки“, тождественные съ тѣми, которые Императрица употребляла въ своихъ сатирическихъ статьяхъ, напечатанныхъ во „Всякой Всячинѣ“ и въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“. Въ „Домовой запискѣ“ развивается тотъ же взглядъ на русскій мартинизмъ, который проводится въ комедіяхъ Екатерины II. „Запискѣ“ предпослано письмо сообщив-

[1]) Растущій Виноградъ, 1786 года, февраль, стр. 83. [2]) Тамъ же, стр. 75 — 76. [3]) Тамъ же, стр. 77.

шаго этотъ документъ въ журналъ; оно подписано псевдонимомъ *Правдубаевъ*, очень напоминающимъ старый псевдонимъ Императрицы—*Праздомысловъ* [1]). „Записка“ отдѣлена отъ іюльской книжки „Растущаго Винограда“ бѣлою страницею и напечатана съ особою нумераціею (римскими, а не арабскими цифрами): этимъ она какъ бы выдвинута изъ ряда статей постоянныхъ сотрудниковъ „Винограда“. Она начинается такъ: „Извѣстно, что проявились на Руси новые еретики Мартыны или Мартышки, какъ ихъ называютъ, не помню; а знаю то, что ересь ихъ прилипчива и множество правовѣрныхъею заразились. Я самъ, шатаясь по бѣлу свѣту, чуть не попалъ въ нее, какъ сомъ въ вершу, еслибъ не спасъ меня мой докторъ, который, не запуская болѣзни вдаль, насилу выбилъ изъ меня дурь сію разными цѣлительными средствами“. Больной „зачумѣлъ“ отъ прочтенія 38 страницъ книги „О заблужденіяхъ и истинѣ“. „Лѣченіе началось, продолжалось и кончилось слѣдующимъ порядкомъ: 16 сутокъ докторъ давалъ *прохладительное*, 18 — *мерзительное*, 6— *вразумительное*, сутки *крѣпительное* и сутки—*курительное*. Прохладительное состояло въ томъ, чтобъ пріучать меня быть съ женою, съ дѣтьми, съ пріятелями и заниматься иногда невинными забавами, отъ чего было я вовсе отсталъ, потому что страннымъ симъ *Мартынамъ* или *Мартышкамъ* жена, дѣти, сродники и друзья— сторона дѣло; а въ виду у нихъ лишь то, какъ бы заживо вскарабкаться на небо. Но какъ дѣльцо сіе весьма трудновато, то и видимъ ихъ отъ того *въ задумчивости*, удаляющихся отъ общества и отъ всѣхъ позволенныхъ увеселеній“... *Омерзительное* составлено было изъ нижеслѣдующихъ спецій: „изъ Брюкеровой философической исторіи 3 унца, и $^3/_4$ плутней Пиѳагоровыхъ, 4 унца съ половиною врак Платоновыхъ, 6 унцовъ и $^1/_4$ Аполоніуса, 10 унцовъ жидовской кабалы и двѣ полныхъ дозы сумазбродничествъ славнаго сапожника и философа Якоба Бема“. *Вразумительное* состояло въ томъ, „чтобъ читать со вниманіемъ отъ доски до доски *Обманщика и Обольщеннаго*“. Изъ этихъ комедій больной увѣрился, что „коноводцы сего раскола суть истинные Калифалкжерстоны“. *Крѣпительное* состояло въ томъ, чтобъ протвердить десять заповѣдей. Послѣднею операціею было окуриваніе: докторъ „взялъ изъ библіотеки больнаго сочиненія Шведенбурга (sic?), взялъ книгу о истинахъ и заблужденіяхъ, книгу картину естественную, взялъ также и многія другія сему подобныя еретическія книги“. „Всѣ сіи книги и тетрадь (житіе Андрея Денисова) *предалъ онъ огню* и такъ окурилъ больнаго, какъ модныя

---

[1]) Пекарскій, Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II, стр. 3—4, 41.

женщины отъ истерики окуриваются перьями". Въ перечнѣ книгъ, подлежавшихъ сожженію, находится и „рукописная тетрадь о чудесахъ Андреюшки, почтеннаго мужа, кончившаго жизнь свою въ острогѣ". Итакъ, уже въ 1786 году указывалось на существованіе какой-то связи между мартинистами и раскольниками-старообрядцами [1]). Еще въ концѣ 1785 г. Екатерина повелѣла московскому митрополиту Платону опредѣлить духовныхъ цензоровъ, которые бы испытывали всѣ книги, подобныя выходящимъ изъ типографіи Новикова, „испытывали и не допускали, чтобы тутъ вкрасться могли расколы, колобродства и всякія нелѣпыя толкованія, о коихъ нѣтъ сомнѣнія, что они не новыя, *но старыя, отъ праздности и невѣжества* возобновленныя" [2]). Въ январѣ 1786 года Сенату данъ былъ указъ „о недозволеніи печатать въ свѣтскихъ типографіяхъ книги, касающіяся вѣры [3]). Исходнымъ пунктомъ слѣдствія, которое привело Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость и разбило въ конецъ замыслы и предпріятія московскихъ мартинистовъ (въ 1792 г.), было подозрѣніе Екатерины, что въ типографіи Новикова напечатана была секретно раскольничья „Исторія о отцѣхъ и страдальцахъ Соловецкихъ". Когда появилось это сочиненіе и другія статьи, „наполненныя небывалыми происшествіями, ложными чудесами, а притомъ изрѣченіями во многихъ мѣстахъ дерзкими и какъ благочестивой нашей церкви противными, такъ государственному правленію поносительными", Императрица „имѣла причину подозрѣвать въ семъ дѣлѣ извѣстнаго Николая Новикова" и повелѣла Московскому главнокомандующему князю Прозоровскому „самаго его взять подъ присмотръ и допросить о причинѣ таковаго запрещеннаго поступка". Важнымъ пунктомъ слѣдствія Екатерина постановила и другое „обстоятельство: что какъ помянутый Новиковъ, по общему объ немъ свѣдѣнію, есть человѣкъ, не стяжавшій никакого имѣнія, ни по рожденію его, ни по наслѣдству, ниже другими извѣстными и законными средствами, а нынѣ почитается въ числѣ весьма достаточныхъ людей, наипаче же знатными зданіями и заведеніями, то откуда онъ и какимъ образомъ все то пріобрѣлъ и можетъ ли оправдать безкорыстное его въ семъ случаѣ поведеніе" [4]). Первыя мѣры Императрицы противъ мартинистовъ, литературныя и административныя, относятся къ

[1]) Отмѣтимъ, что въ февральской книжкѣ «Растущаго Винограда» (стр. 44—53) между «письмами къ Сочинителю комедіи Обманщикъ» помѣщено стихотвореніе *«Добрый совѣтъ какъ въ руку»*, направленное противъ раскольниковъ.

[2]) Лонгинова, Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 618.

[3]) Чтенія Общества исторіи и древностей россійскихъ 1867 г., кн. IV, смѣсь, стр. 49—50.

[4]) Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 74—75.

1785 и къ 1786. Съ теченіемъ времени подозрѣнія Екатерины усиливались и разразились наконецъ погромомъ 1792 года. Послѣднимъ актомъ, направленнымъ противъ Новикова въ 1786 г., былъ запросъ Еропкину: кто именно издатели періодическаго изданія „Бесѣды съ Богомъ“ [1]), на которое объявлена была Новиковымъ подписка, въ ноябрѣ этого года, и читано ли оно архіепископомъ Платономъ. 3 декабря Еропкинъ увѣдомилъ Безбородка, что книга „переводима была съ нѣмецкаго господиномъ Карамзинымъ, дедикована Московскому архіепископу и удостоилась его аппробаціи“ [2]). Московскихъ масоновъ оставили на время въ покоѣ. Но въ слѣдующемъ году, когда въ Россіи былъ почти повсемѣстный голодъ, они снова привлекли на себя вниманіе Императрицы широкою раздачею хлѣба въ Москвѣ и въ Московской губерніи. Карамзинъ свидѣтельствуетъ, что однимъ изъ обстоятельствъ, умножившимъ подозрѣнія Екатерины, было то, что Новиковъ „во время неурожая роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ: удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову г. Походяшинъ, масонъ, который имѣлъ тысячъ шестьдесятъ дохода и по любви къ благодѣяніямъ въ сей годъ разорился“ [3]).

Среди придворныхъ императрицы Екатерины II нашелся человѣкъ, который рѣшился поднять голосъ въ защиту масоновъ: это былъ графъ А. С. Строгановъ. Принадлежа къ числу масоновъ [4]), графъ А. С. Строгановъ, поддававшійся вліянію Каліостро [5]), пытался оправдать ихъ орденъ—благотворительностію, которую они оказывали бѣднымъ. Императрица сообщила графу выписку изъ своего письма къ барону Гримму отъ 11 января 1780 года [6]),—письма, въ которомъ изложенъ былъ взглядъ ея на мартинистовъ, сложившійся, несомнѣнно, подъ вліяніемъ слуховъ о дѣятельности Каліостро, который былъ тогда въ Петербургѣ. Излагая свои мысли о сообщенномъ ему отрывкѣ, графъ Строгановъ пишетъ: „Человѣкъ, дѣйствительно одушевленный любовью къ добру, дѣлаетъ добро во всѣ часы жизни, хотя бы стоялъ особнякомъ и хотя бы оставался никому не вѣдомъ. Никакія человѣческія учрежденія не въ силахъ ни ослабить, ни подкрѣпить счастливыхъ склонностей характера. Но такой чело-

---

[1]) Еще въ 1781 году Новиковъ просилъ А. Т. Болотова перевести эту книгу. Записки Болотова, III, 929.

[2]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 471—472. [3]) Неизданныя сочиненія Карамзина, стр. 224—225. Ср. Записки Болотова, IV, 193. [4]) Сборникъ Русскаго историческаго Общества, II, 148. [5]) Сочиненія Державина, съ примѣч. Я. К. Грота, I, 245. [6]) Это письмо помѣщено вполнѣ въ «Сборникѣ Русскаго историческаго Общества», XXIII, 168—169. Отрывокъ, на который возражаетъ Строгановъ, напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ 1864 г., стр. 587.

вѣкъ имѣетъ мало себѣ подобныхъ, и примѣръ его часто остается безплоднымъ, коль скоро тутъ не замѣшиваются самолюбіе и суетность. Но какія бы ни были поводы къ дѣйствіямъ полезнымъ обществу: тщеславіе, личныя выгоды, изувѣрство, слабодушіе, или прямая благонамѣренность и чистое чувство добродѣтели—во всякомъ случаѣ, сдѣланное добро остается дѣйствительнымъ добромъ для того, кому оно сдѣлано. Если хорошіе люди рѣдки, пожелаемъ, чтобы все то добро, котораго они не могутъ сдѣлать, было произведено тѣми, которые чувствуютъ необходимость питаться дымомъ похвалъ. Съ этой точки зрѣнія, общества заслуживаютъ по крайней мѣрѣ быть терпимы, какъ бы ни были смѣшны и вздорны ихъ церемоніи: должно извинять ихъ дурачества ради того добра, которое они могутъ сдѣлать". Екатерина отвѣчала на эту замѣтку коротко: „Вотъ принципъ, который открываетъ дверь всевозможнымъ нелѣпостямъ, лишь бы только они заключали въ себѣ малѣйшую крупицу добра. Посмотрите сами, куда ведетъ васъ этотъ принципъ".

Н. Тихонравовъ.

Личная нравственность и общее дѣло.

Въ концѣ Гомеровой Одиссеи съ видимымъ сочувствіемъ разсказывается, какъ этотъ типичный герой эллинизма, побѣдившій наконецъ вражду боговъ и людей и истребившій своихъ соперниковъ, возстановляетъ правду и порядокъ въ своемъ домѣ. Съ помощью своего сына онъ казнитъ тѣхъ слугъ, которые во время его двадцатилѣтняго безвѣстнаго отсутствія, когда всѣ считали его умершимъ, не противились женихамъ Пенелопы, хозяйничавшимъ въ его домѣ, и перешли на ихъ сторону.

Залу очистивъ и все приведя тамъ въ обычный порядокъ,
Выйдти оттуда они осужденнымъ рабынямъ велѣли,
Собрали ихъ на дворѣ, межъ стѣною и житною башней,
Всѣхъ ихъ въ безвыходномъ заперли мѣстѣ, оттуда спасенья
Быть не могло никакого, и сынъ Одиссеевъ сказалъ имъ:
Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
Здѣсь осрамившія, въ домѣ моемъ съ женихами слюбившись.
Кончивъ, канатъ корабля чернопосаго взялъ онъ и туго
Такъ натянулъ, укрѣпивши его на колоннахъ подъ сводомъ
Башни, чтобъ было ногой до земли имъ достать невозможно.
Тамъ, какъ дрозды длиннокрылые, или какъ голуби въ сѣти
Цѣлою стаей—летя на ночлегъ свой—попавшіе (въ тѣсныхъ
Петляхъ трепещутъ они и ночлегъ имъ становится гробомъ).
Всѣ на канатѣ онѣ голова съ головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой, и смерть ихъ постигла
Скоро: немного подергавъ ногами, всѣ разомъ утихли.
Силою вытащенъ послѣ на дворъ козоводъ былъ Мелантій;
Мѣдью нещадною вырвали ноздри, обрѣзали уши,
Руки и ноги отсѣкли ему; и потомъ, изрубивши
Въ крохи его, на съѣденіе бросили жаднымъ собакамъ.
(Одиссея, XXII, 457—477, перев. Жуковскаго).

Одиссей и Телемакъ не только не были извергами, а напротивъ представляютъ высшій идеалъ гомерической эпохи. Личная ихъ нравственность была безупречна, они были исполнены благочестія, мудрости, справедливости и всѣхъ семейныхъ добродѣтелей. Одиссей, сверхъ того, несмотря на свое мужество и твердость въ бѣдствіяхъ, имѣлъ крайне чувствительное сердце и плакалъ при всякомъ случаѣ. Это—характерная черта, сопровождающая его черезъ всю поэму. Уже при первомъ своемъ появленіи въ ней, онъ изображается плачущимъ:

Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и плакалъ;
Горемъ и вздохами душу питая, тамъ дни проводилъ онъ,
Взоръ, помраченный слезами, вперивъ на пустынное море.
(V, 82—84; также 151, 152, 156—158).

„Цѣлыя семь лѣтъ,—разсказываетъ онъ самъ:
Цѣлыя семь лѣтъ утратилъ я тамъ, и текли непрестанно
Слезы мои на одежды, мнѣ данныя нимфой безсмертной".
(VII, 259, 260).

Плакалъ онъ при мысли о далекой родинѣ и семьѣ, а также и при воспоминаніи о своихъ собственныхъ подвигахъ:

Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ
. . . . . .
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ.
. . . . . .
Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей-же своею
Сильной рукою широкопурпурную мантію взявши,
Голову ею облекъ и лицо благородное скрылъ въ ней.
Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать Феакійцамъ....
(VIII, 73, 75, 83—86).

И далѣе:

Такъ объ ахеянахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ
Былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами.
Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,
Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ,
Силясь отъ дня роковаго спасти согражданъ и семейство.
(521—525).

Плачетъ онъ, когда узнаетъ отъ Цирцеи о предстоящемъ ему, впрочемъ совершенно благополучномъ, путешествіи въ область Аида:

„Такъ говорила богиня; во мнѣ растерзалося сердце;
Горько заплакалъ я, сидя на ложѣ; мнѣ стала противна

Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложѣ, рыдалъ безутѣшно".
(X, 496—499)

Не удивительно, что Одиссей плачетъ, когда видитъ тѣнь своей матери (XI, 87), но на него такъ же трогательно дѣйствуетъ и тѣнь самаго плохаго и безпутнаго изъ его дружинниковъ, который

„Демономъ злымъ былъ погубленъ и силой вина несказанной
(XI 61).
„Младшій изъ всѣхъ на моемъ кораблѣ, Эльпеноръ, неотличный
Смѣлостью въ битвахъ, нещедро умомъ отъ боговъ одаренный,
Спать для прохлады ушелъ на площадку возвышенной кровли
Дама Цирцеи священнаго, крѣпкимъ виномъ охмѣленный.
Шумные сборы товарищей, въ путь ужь готовыхъ, услышавъ,
Вдругъ онъ вскочилъ, и отъ хмѣля забывъ, что назадъ обратиться
Долженъ былъ прежде, чтобъ съ кровли высокой сойти по ступенямъ,
Прянулъ съ просонья впередъ, сорвался, и ударясь затылкомъ
О земь, сломилъ позвоночную кость, и душа отлетѣла
Въ область Аида...
(X, 552—561)
„Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье мнѣ душу проникло".
(XI, 55.

Плачетъ онъ и при видѣ Агамемнона:

„Такъ мы, о многомъ минувшемъ бесѣдуя, другъ подлѣ друга
Грустно сидѣли, и слезы лилися по нашимъ ланитамъ".
(XI, 465—466).

Горько плачетъ Одиссей, очутившись наконецъ въ родной Итакѣ (XIII, 219—221) и еще сильнѣе—при первомъ свиданіи съ сыномъ:

Въ сердце тогда имъ обоимъ проникло желаніе плача:
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; какъ стонетъ
Соколъ иль крутокогтистый—орелъ, у которыхъ охотникъ
Выкралъ еще некрылатыхъ птенцовъ изъ роднаго гнѣзда ихъ,
Такъ, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
Громко, и въ плачѣ могло бъ ихъ застать заходящее солнце.
(XVI, 215—220).

Прослезился Одиссей и при видѣ своего стараго пса Аргуса:
. . . . . вкось на него поглядѣвши, слезу, отъ Эвмея
Скрытно, обтеръ Одиссей. . . . .
(XVII, 304—305).

Плачетъ онъ передъ убійствомъ жениховъ, обнимаясь съ божественнымъ свинопасомъ Эвмеемъ и богоравнымъ коровникомъ Филотіемъ (XXI, 225—227), и также плачетъ послѣ звѣрской расправы съ двѣнадцатью служанками и козоводомъ Мелантіемъ:

Онъ же далъ волю слезамъ; онъ рыдалъ отъ веселья и скорби,
Всѣхъ при свиданіи милыхъ домашнихъ своихъ узнавая.
(XXII, 500—501).

И двѣ послѣднія пѣсни Одиссеи не обходятся, конечно, безъ обильныхъ слезъ героя:

. . . . Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея;
Плача, приникнулъ онъ къ сердцу испытанной, вѣрной супруги.
(XXIII, 231—232).

И далѣе:

Такъ Одиссею явился отецъ, сокрушенный и дряхлый.
Онъ притаился подъ грушей, далъ волю слезамъ и, въ молчаньи
Стоя, тамъ плакалъ. . . . . (XXIV, 233—235).

Со стороны личной, субъективной чувствительности Одиссей, очевидно, нисколько не уступалъ самому психически-развитому и тонконервному человѣку нашихъ дней. Вообще, всѣ нравственныя чувства и сердечныя движенія, доступныя намъ, были также доступны гомеровымъ героямъ, и если однако лучшіе изъ нихъ со спокойною совѣстью совершали такія дѣла, которыя для насъ теперь морально-невозможны, то это происходило, конечно, не отъ недостатка у нихъ личной нравственности. Эта личная нравственность у нихъ та же самая, какъ и у насъ. Въ чемъ же тутъ разница и откуда эта перемѣна; почему добродѣтельные, мудрые и чувствительные люди гомерической эпохи считали позволительнымъ и похвальнымъ вѣшать легкомысленныхъ служанокъ, какъ дроздовъ, и крошить недостойныхъ слугъ на кормъ собакамъ, тогда какъ нынѣ такіе поступки могутъ совершаться только маніаками, или прирожденными преступниками? Разсуждая отвлеченно, можно было бы предположить, что у людей той далекой эпохи хотя были добрыя душевныя чувства и движенія, но не было добрыхъ принциповъ и правилъ, а потому и у лучшаго человѣка рядомъ съ тончайшими нравственными аффектами могли безпрепятственно проявляться порывы дикаго звѣрства, именно по причинѣ эмпирическаго характера нравственности, по причинѣ отсутствія формальнаго критерія между должнымъ и недолжнымъ. Но на самомъ дѣлѣ такого формальнаго недостатка въ античномъ міросозерцаніи мы не находимъ.

Древніе люди такъ же, какъ и мы, не только имѣли въ себѣ

фактически добрыя и злыя природныя свойства, но также различали принципіально добро отъ зла и признавали, что первому должно отдавать безусловное предпочтеніе. Въ тѣхъ же гомеровыхъ поэмахъ, поражающихъ насъ иногда своими этическими варваризмами, понятіе моральнаго долга выступаетъ съ полною ясностью. Конечно, образъ мыслей и выраженія Пенелопы и Канта не совсѣмъ совпадаютъ между собою, тѣмъ не менѣе, въ слѣдующихъ, напримѣръ, словахъ Одиссеевой жены мы встрѣчаемъ рѣшительное утвержденіе нравственнаго добра, какъ принципа вѣчнаго, необходимаго и всеобщаго:

...„Не на долго намъ жизнь достается на свѣтѣ;
Кто здѣсь и самъ безъ любви и въ поступкахъ любви не являетъ,
Тотъ ненавистенъ, пока на землѣ онъ живетъ, и желаютъ
Зла ему люди; отъ нихъ поносимъ онъ пещадно и мертвый;
Кто-жъ—безпорочный душой, и въ поступкахъ своихъ безпороченъ,—
Имя его, съ похвалой по землѣ разносимое, славятъ
Всѣ племена и народы, *всѣ* добрымъ его величаютъ“.
(XIX, 328—334),

Но если *форма* нравственнаго сознанія, именно безусловная обязательность добра и безусловная непозволительность зла, была въ умѣ древнихъ та же самая, какъ и въ нашемъ, то, можетъ быть, важная разница между ими и нами въ нравственной оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же поступковъ происходитъ отъ измѣненія въ самомъ *содержаніи* нравственнаго идеала? Что благодаря евангелію нашъ идеалъ добродѣтели и святости гораздо выше и шире гомеровскаго,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но также несомнѣнно и то, что самый совершенный этическій идеалъ, принимаемый только отвлеченно теоретически, не производитъ никакого измѣненія не только въ жизни, но и въ нравственномъ *сознаніи* людей, нисколько не возвышаетъ ихъ мѣрила для оцѣнки своихъ и чужихъ поступковъ.

Американскіе плантаторы, принадлежа къ христіанскому вѣроисповѣданію, тѣмъ самымъ стояли подъ знаменемъ самаго высокаго нравственнаго идеала; и однако они не только на дѣлѣ относились къ своимъ чорнымъ невольникамъ, вообще, не лучше, чѣмъ язычникъ Одиссей къ своимъ невѣрнымъ слугамъ, но и считали себя въ этомъ (подобно ему же) совершенно правыми; слѣдовательно, не только ихъ дѣла, но и ихъ нравственное сознаніе оставалось незатронутымъ тою высшею правдою, которую они отвлеченно-теоретически признавали.

Въ очеркахъ изъ исторіи тамбовскаго края, И. И. Дубасова, разсказывается о подвигахъ елатомскаго помѣщика К—рова, процвѣтавшаго въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Кромѣ того, что многіе крестьяне (особенно дѣти) были имъ замучены до смерти, слѣдствіемъ обнаружено, что въ имѣніи К — рова не было ни одного неизбитаго крестьянина и ни одной крѣпостной дѣвушки непоруганной. Но важны не эти „злоупотребленія“, а отношеніе къ нимъ общественной среды. На повальномъ обыскѣ въ Елатомскомъ уѣздѣ большинство дворянъ отозвалось о К—ровѣ, что онъ „истинно благородный человѣкъ“. Иные къ этому прибавляли: „К—ровъ истинный христіанинъ и исполняетъ всѣ христіанскіе обряды“. А предводитель дворянства писалъ губернатору: „весь уѣздъ встревоженъ по случаю *бѣдствій* господина К—рова“. Дѣло кончилось тѣмъ, что „истинный христіанинъ“ былъ освобожденъ отъ уголовной отвѣтственности и елатомское дворянство успокоилось. (Очерки изъ ист. тамб. края, изслѣд. И. И. Дубасова, вып. I, Тамбовъ 1890, стр. 162—167). Такимъ же сочувствіемъ въ своей средѣ пользовался другой еще болѣе знаменитый Тамбовскій помѣщикъ, кн. Ю. Н. Г—нъ, про котораго однако не безъ основанія писали шефу жандармовъ: „и сами животныя при встрѣчѣ съ Ю. Н—чемъ инстинктивно прятались, куда попало. (Тамъ-же, стр. 62).

Между героемъ Гомера и героями г. Дубасова прошло около трехъ тысячъ лѣтъ историческаго развитія, но никакой существенной и прочной перемѣны въ жизни и нравственномъ сознаніи людей не совершилось. Тѣ-же безчеловѣчныя отношенія, которыя одобрялись въ гомерическую эпоху древними эллинами, они же считались дозволительными и у американскихъ и русскихъ рабовладѣльцевъ въ первой половинѣ XIX вѣка. И если теперь эти отношенія насъ возмущаютъ, то это повышеніе этическихъ требованій произошло не въ тѣ три тысячелѣтія, а лишь въ три послѣднія *десятилѣтія* (для насъ и американцевъ, а для Западной Европы нѣсколькими десятилѣтіями раньше). Что-же случилось въ это недавнее время, что произвело въ столь короткій срокъ такую перемѣну, какой не могли совершить долгіе вѣка историческаго развитія? Явилась-ли въ наши дни какая-нибудь новая нравственная идея, новый болѣе высокій нравственный идеалъ?

Ничего такого не было и быть не могло, потому что идеала болѣе высокаго, чѣмъ тотъ, который открылся осьмнадцать вѣковъ тому назадъ, придумать нельзя. Этотъ идеалъ былъ извѣстенъ „истиннымъ христіанамъ“ американскихъ штатовъ и русскихъ губерній. Никакой новой идеи по этой части они узнать не могли: но они испытали новый фактъ. То, чего идея, ограниченная

индивидуальною сферой, личною нравственностью, не могла сдѣлать въ теченіе тысячелѣтій, она сдѣлала въ нѣсколько лѣтъ, когда воплотилась въ *государственной силѣ* и стала *общимъ дѣломъ*. При весьма различныхъ историческихъ условіяхъ и въ Америкѣ и въ Россіи *государство* рѣшило положить конецъ слишкомъ грубому нарушенію христіанской—божьей и человѣческой—правды въ общественномъ строѣ. Въ Америкѣ это было достигнуто цѣною крови, страшною междуусобною войною, у насъ—мирнымъ правительственнымъ дѣйствіемъ. Наше мудрое и гуманное правительство рѣшилось перенести основныя требованія справедливости и человѣколюбія (предполагаемыя высшимъ идеаломъ, хотя и не исчерпывающія его) изъ тѣсныхъ и шаткихъ предѣловъ субъективнаго чувства на широкую и твердую почву объективной дѣйствительности,—превратить ихъ въ общій и обязательный законъ жизни. И вотъ, мы видимъ, что этотъ внѣшній государственный актъ сразу поднимаетъ у насъ уровень внутренняго нравственнаго сознанія, т. е. дѣлаетъ то, чего не могли сдѣлать тысячелѣтія моральной проповѣди. Благодаря внѣшнему стѣсненію, звѣрскіе инстинкты изъ актуальнаго состоянія должны были перейти въ потенціальное, отъ неупражненія постепенно атрофировались и у большинства исчезли и перестали передаваться слѣдующимъ поколѣніямъ. Теперь даже люди, откровенно вздыхающіе по крѣпостномъ правѣ, дѣлаютъ искреннія оговорки относительно „злоупотребленій“, тогда какъ эти самыя злоупотребленія сорокъ лѣтъ тому назадъ признавались совмѣстными съ „истиннымъ благородствомъ“ и даже съ „истиннымъ христіанствомъ“. А между тѣмъ, нѣтъ никакого основанія думать, чтобы тогдашніе отцы были сами по себѣ хуже нынѣшнихъ сыновей.

Нравственная природа человѣка въ своихъ внутреннихъ субъективныхъ основахъ неизмѣнна. Также и относительное число добрыхъ и злыхъ людей не измѣняется: едва ли кто рѣшится утверждать, что теперь на свѣтѣ праведниковъ больше, чѣмъ было нѣсколько вѣковъ или тысячелѣтій тому назадъ. Несомнѣнно наконецъ и то, что высочайшія этическія идеи и идеалы сами по себѣ, отвлеченно взятыя, никакого прочнаго улучшенія въ жизни и нравственномъ сознаніи не производятъ. Тѣ звѣрства, которыя добродѣтельный язычникъ Гомеровой поэмы совершалъ съ одобренія своей общественной среды, совершались и черезъ три тысячи лѣтъ послѣ него рабовладѣльцами-христіанами также съ одобренія ихъ общественной среды, несмотря на происшедшее, между тѣмъ, возвышеніе индивидуально-нравственнаго идеала. А теперь подобные поступки возможны только для маніаковъ и преступниковъ. И произошелъ этотъ внезапный прогрессъ только по-

тому, что государственная сила вдохновилась нравственнымъ принципомъ и превратила его въ объективный законъ жизни.

Вотъ огромный и неопровержимый фактъ, доказывающій, какъ могуча и благотворна можетъ быть нравственность, когда она объективируется и становится общимъ дѣломъ.

Владиміръ Соловьевъ.

Бретонская легенда.

(Переводъ съ рукописи, доставленной для Сборника).

Приходъ Saint-Jean-du-Doigt получилъ это названіе оттого, что въ его церкви хранится одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ христіанскихъ реликвій: собственный палецъ св. Іоанна Крестителя, тотъ самый, которымъ, стоя на берегу Іордана, онъ указывалъ на божественнаго Искупителя человѣчества.

И понынѣ палецъ этотъ дѣлаетъ по временамъ чудеса, но столѣтія четыре или пять тому назадъ, когда вѣра была горячѣе, чудеса творились въ изобиліи, только не на пользу сильныхъ міра сего, какъ мы увидимъ изъ слѣдующаго правдиваго разсказа.

Въ то время герцогиня Анна Бретонская, страдая самою злокачественною язвою, тщетно обращалась за совѣтомъ къ знаменитѣйшимъ врачамъ Падуи и Равенны.

Ей пришло въ голову, что палецъ святаго Предтечи, конечно, можетъ исцѣлить ее, и такъ какъ ей трудно было побезпокоиться самой, она приказала священникамъ доставить мощи въ Реннъ, въ ея замокъ.

А изъ Saint-Jean-du-Doigt до замка герцогини Анны было десять дней ходьбы.

Палецъ положили въ богатую раку, которую несли служки, пѣвшіе гимны; громадная толпа вѣрующихъ слѣдовала за шествіемъ.

Въ теченіе перваго дня деревья вдоль дороги почтительно склонялись на пути процессіи, но къ вечеру они перестали склоняться, и носильщики почувствовали непреодолимую усталость, мѣшавшую имъ идти впередъ.

Заглянули они въ раку и увидали, что пальца уже тамъ не было: онъ вернулся обратно въ церковь.

Герцогиня Анна поняла, что если святому не угодно пожаловать къ ней, ей придется отправиться къ нему. И вотъ почему, несмотря на длину пути, она прибыла въ Saint Jean du-Doigt и явилась въ церковь, богато одѣтая, сопровождаемая пажами и придворными дамами. Набожно приложилась она къ мощамъ и съ увѣренностью стала ждать исцѣленія.

Но недугъ не покидалъ ее..

А между тѣмъ, она видѣла, какъ вокругъ нея ремесленники, простолюдины, бродяги, нищіе и бѣдняки обрѣтали сразу здоровье, благодаря силѣ чудодѣйственнаго пальца.

Поняла она тогда, что палецъ—другъ неимущихъ. Она надѣла платье и чепецъ крестьянки и проскользнула въ этомъ нарядѣ въ толпу паломниковъ, чтобы незамѣтно приложиться къ милосердымъ мощамъ.

И на этотъ разъ она дѣйствительно исцѣлилась, потому ли, что удалась ея хитрость, или, быть можетъ, потому, что эта самая хитрость тронула святаго тѣмъ смиреніемъ, о которомъ свидѣтельствовала.

Такова легенда, которую я слышалъ однажды вечеромъ, послѣ обѣда, отъ уважаемаго наставника моего, Ренана.

Жюль Лемэтръ.

Всѣмъ хлѣба.

Рабочій людъ едва не весь
На нашей родинѣ—безъ хлѣба.
„Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!“
Такъ онъ, голодный, молитъ небо.

О, братья! Хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!

Утробной пищей сыты мы;
Но, безъ духовнаго питанья,
Ослабли тощіе умы,
Безплодны скудныя познанья.

Хоть удается намъ порой,
Пускаясь въ хитрость и въ обманы,
Прикрыть дешевой мишурой
Неблаговидные изъяны;

Хоть, искусившись въ похвальбѣ,
Среди народовъ даже нынѣ
Мы покланяемся себѣ,
Какъ между нечистью святынѣ;

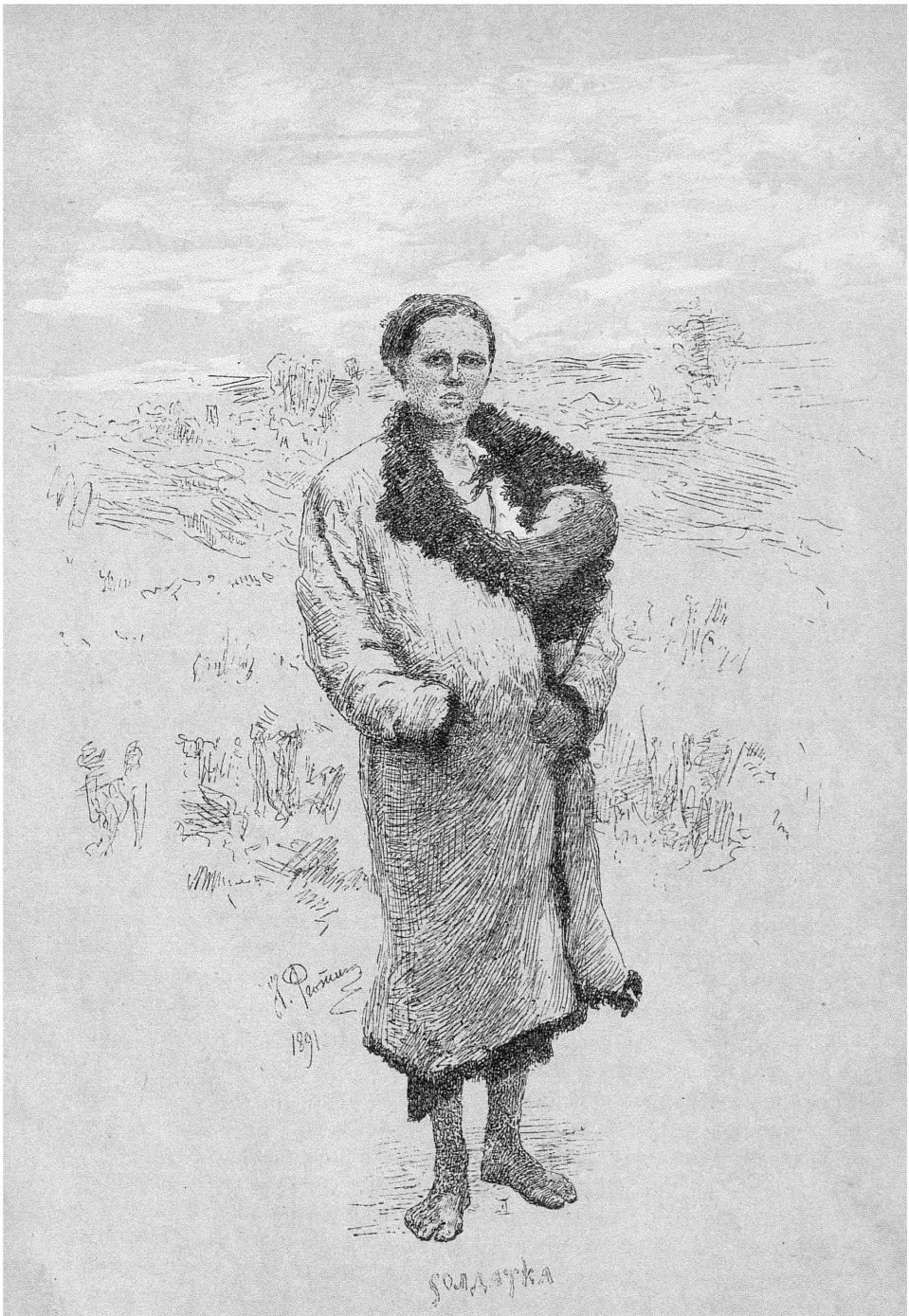
Но жизнь освѣтитъ темный путь
И правду горькую откроетъ,
Разоблачивъ когда-нибудь,
Чего гордыня наша стóитъ.

О, никогда и никому,
Кто льститъ вамъ, братья, вы не вѣрьте!
Безъ пищи умственной—уму
Грозитъ бѣда голодной смерти.

Всѣмъ хлѣба! Хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!

Алексѣй Жемчужниковъ.

2 Ноября 1891 г.



Съ рисунка И. Е. Рѣпина.

О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая.

Помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, можетъ имѣть двѣ цѣли: поддержанія крестьянскаго хозяйства и избавленія людей отъ опасности заболѣванія и даже смерти отъ недостатка и недоброкачественности пищи.

Достигаетъ-ли этихъ цѣлей помощь, оказываемая теперь въ видѣ выдачи муки отъ 20 до 30 ф. въ мѣсяцъ на ѣдока, считая или не считая работниковъ? Я думаю, что нѣтъ. И думаю я такъ по слѣдующимъ соображеніямъ: Всѣ крестьянскія семьи всей земледѣльческой Россіи можно подвести подъ три типа: 1) богатый дворъ—отъ 8—16 душъ, въ среднемъ 12 душъ семьи, отъ 3—5 работниковъ, въ среднемъ 4. Отъ 3—5 лошадей, въ среднемъ 4. И отъ 3—9 десятинъ наемной земли, въ среднемъ 6. Это богачъ. Такой мужикъ не только кормитъ свою семью своимъ хлѣбомъ, но часто нанимаетъ одного, двухъ работниковъ, скупаетъ землю у бѣдняковъ, ссужаетъ ихъ хлѣбомъ, сѣменами. Все это дѣлается, можетъ быть, и на невыгодныхъ для бѣдняковъ условіяхъ, но результатъ тотъ, что тамъ, гдѣ въ деревнѣ десять процентовъ такихъ богачей,—земля не гуляетъ, и въ нуждѣ все-таки бѣдняку есть средство добыть хлѣба, сѣмянъ, даже денегъ.

Второй типъ—это средній мужикъ, съ большимъ напряженіемъ сводящій концы съ концами при своихъ двухъ надѣлахъ и при одномъ или двухъ работникахъ, и одной, или двухъ лошадяхъ. Этотъ дворъ кормится почти своимъ хлѣбомъ. Чего не достаетъ—добываетъ членъ семьи, живущій на сторонѣ.

И третій типъ—бѣднякъ съ семьей въ 3—5 душъ съ однимъ работникомъ, часто безъ лошади. У этого никогда не хватаетъ своего хлѣба, онъ всякій годъ долженъ придумывать средства извернуться и всегда находится на волоскѣ отъ нищенства, и при малѣйшей невзгодѣ побирается.

Помощь, выдаваемая въ видѣ муки населенію неурожайныхъ мѣстъ, распредѣляется по составленнымъ имущественнымъ спискамъ крестьянскихъ семей. По этимъ спискамъ дѣлаются соображенія о томъ, сколько кому слѣдуетъ выдавать пособія; и пособіе это выдается только самымъ бѣднымъ, т. е. семьямъ 3-го типа.

Двору перваго типа—богачу и среднему крестьянину, у котораго есть еще нѣсколько четвертей овса, есть 2 лошади, корова, овцы,—не полагается никакой помощи. Но если вникнуть въ положеніе не только средняго, но и богатаго мужика, то нельзя не видѣть, что для поддержанія крестьянскаго хозяйства этимъ-то хозяевамъ болѣе всего нужна помощь.

У богатаго крестьянина, положимъ, остается еще немного ржи, есть 20 или болѣе четвертей овса, есть и 5 лошадей, и двѣ коровы, и 18 овецъ, и, потому что все это еще есть у него, ему не полагается пособія. Но сочтите его приходъ и расходъ и вы увидите, что онъ въ такой же нуждѣ, какъ и бѣднякъ. Чтобы поддержать свой заведенный кругъ съ наемной землей, ему нужно посѣять около 10 четвертей. То, что у него останется на 40, 50, даже 60 руб. хлѣба,—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ему нужно на семью въ 12 душъ. На 12 душъ ему нужно 15 пудовъ по 1 р. 50 к.—22 р. 50 к. на мѣсяцъ, 225 рублей на 10 мѣсяцевъ. Ему нужно кромѣ того 40, 50, 70 рублей на уплату аренды за наемную землю, ему нужны подати, которыя съ него требуютъ, какъ съ богача. Члены его семьи, живущіе въ людяхъ, въ нынѣшнемъ году или меньше получаютъ, чѣмъ прежде, по дорогому хлѣбу, или вовсе разсчитываются. Ему нужно рублей 350, а онъ не соберетъ и 200, а потому ему остается одно — не нанимать земли, продать сѣмянной овесъ, продать часть лошадей, на которыхъ нѣтъ цѣнъ, т. е. спуститься на степень средняго мужика и даже ниже, потому что у средняго семья меньше.

Но и среднему, если у него есть еще овесъ и лошадь или двѣ,—не даютъ помощи, или даютъ такъ мало, что онъ долженъ продать свою землю исключительнымъ богачамъ, проѣсть овесъ сѣмянной, а потомъ и лошадь. Такъ что, при томъ распредѣленіи помощи, которая существуетъ теперь,—богатый долженъ неизбѣжно спуститься на состояніе средняго, а средній на состояніе бѣднаго. А по условіямъ нынѣшняго года, за исключеніемъ особенныхъ богачей, почти всѣ должны спуститься на эту степень. Для поданія помощи какъ будто бы ожидаютъ того, чтобы крестьянинъ разорился. Въ родѣ того, какъ бы вытаскивающій утопающаго дожидался для поданія помощи того, чтобы утопающій пересталъ пускать пузыри. Выдача, какъ она производится теперь,

не достигаетъ цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, во-первыхъ, потому, что она попадаетъ преимущественно только тѣмъ людямъ,—которые уже разорены, во-вторыхъ, потому, что помощь эта, если и попадаетъ въ невполнѣ разоренные дворы, то она слишкомъ незначительна,—въ третьихъ, потому, что эта помощь даровая, не органически происходящая отъ труда, которую поэтому не цѣнятъ и рѣдко употребляютъ бережно и осмотрительно. Но мало того, что помощь эта не достигаетъ своей цѣли, она, кромѣ того, какъ всякая даровая помощь, неравномѣрно распредѣляемая, производитъ въ народѣ ничѣмъ не утоляемое неудовольствіе и раздраженіе, сначала изъ зависти другъ противъ друга, а потомъ и противъ тѣхъ, которые раздаютъ ее.

Выдача, производимая мукою, не достигая цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, не достигаетъ и второй цѣли—обезпеченія людей отъ голодныхъ болѣзней и смертей. Выдача мукою на душу не достигаетъ этого по слѣдующимъ причинамъ.

Во-первыхъ, потому, что при такой выдачѣ мукою всегда есть возможность для получившаго ее поддаться соблазну и израсходовать, пропить полученное, чего и были, хотя и рѣдкіе, случаи; во-вторыхъ, потому, что, попадая въ руки бѣдныхъ, помощь эта спасаетъ ихъ отъ голода только въ томъ случаѣ, если въ семьѣ есть еще какія-нибудь свои средства. Наибольшая выдача составляетъ 30 ф. на человѣка. И если 30 ф. муки при картофелѣ и какой-нибудь примѣси къ мукѣ для печенія хлѣба можетъ прокормить человѣка въ продолженіи мѣсяца, то—при полной бѣдности, когда не на что купить даже лебеды, чтобы подмѣшать въ хлѣбъ,—30 ф. муки съѣдаются въ видѣ чистаго хлѣба въ 15—20 дней и люди, оставаясь на 10 дней совершенно голодными, могутъ заболѣвать и даже умирать отъ недостатка пищи. Въ-третьихъ, выдача муки въ бѣдныя семьи, даже и въ такія, въ которыхъ еще есть свои средства, не достигаетъ своей цѣли обезпеченія людей отъ голодныхъ болѣзней и смертей потому, что въ семьѣ, гдѣ сильные люди легко переносятъ дурную пищу,—слабые, старые и малые заболѣваютъ отъ недостатка и недоброкачественности пищи.

Во всѣхъ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, всѣ—и богатыя и бѣдныя семьи—ѣдятъ хлѣбъ дурной съ лебедой. (Странно сказать:—теперь, въ большей части случаевъ, самые бѣдняки при полученіи хлѣба отъ земства ѣдятъ хлѣбъ чистый, тогда какъ въ богатыхъ семьяхъ ѣдятъ почти всѣ съ лебедой, съ отвратительной незрѣлой лебедой нынѣшняго года) [1].

---

[1]) То, что нынѣшній годъ лебеду вездѣ употребляютъ въ пищу, можно объяснить только преданіемъ, тѣмъ, что ее ѣдали прежде,—и пословица есть о томъ, что «не бѣда, что во ржи

И постоянно случается то, что сильные члены богатой семьи переносятъ лебедный хлѣбъ, а слабые, старые, больные прямо чахнутъ и мрутъ отъ него.

Такъ, приходитъ больная женщина изъ богатаго двора, принося въ рукѣ комокъ черной лебедной лепешки, составляющей ея главную пищу и просясь въ столовую только потому, что она больна, и то только на время своей болѣзни.

Другой примѣръ: прихожу къ мужику, который не получаетъ пособія и считается богатымъ. Ихъ двое съ женой, безъ дѣтей. Застаю ихъ за обѣдомъ. Картофельная похлебка и хлѣбъ съ лебедой. Въ квашнѣ новый хлѣбъ, еще съ большей примѣсью лебеды. Мужъ съ женой веселы и бодры, но на печи старуха, которая больна отъ лебеднаго хлѣба, и говоритъ, что лучше разъ въ день ѣсть, только бы поѣсть хорошаго хлѣбца, а то этотъ душа не принимаетъ.

Или третій примѣръ: приходитъ баба изъ богатаго двора просить о томъ, чтобы допустить въ столовую ея 13-тилѣтнюю дочь, потому что ее не кормятъ дома. Дочь эта прижита незаконно и, вслѣдствіе этого, ее не любятъ и не даютъ ей ѣсть вволю. Примѣровъ такихъ очень много, и потому выдача пособія мукою на руки не обезпечиваетъ старыхъ, слабыхъ и нелюбимыхъ членовъ семьи отъ болѣзней и умиранія, вслѣдствіе недоброкачественности и недостатка пищи.

Какъ ни больно высказать это, несмотря на ту замѣчательную энергію и даже самоотверженіе большинства земскихъ дѣятелей, дѣятельность ихъ, состоящая въ раздачѣ пособій хлѣбомъ, не достигаетъ—ни цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, ни предупрежденія возможности голодныхъ смертей и, кромѣ того, имѣетъ вредное вліяніе на народъ, раздражая его.

Но если то, что дѣлается теперь, не хорошо, то что же хорошо? Что же нужно дѣлать?

Нужны, по моему мнѣнію, двѣ вещи: для хоть не поддержанія крестьянскаго хозяйства, а противодѣйствія его окончательному разоренію,—учрежденіе работъ для всего могущаго работать населенія и—устройство во всѣхъ деревняхъ голодающихъ мѣстъ даровыхъ столовыхъ для малыхъ, старыхъ, слабыхъ и больныхъ.

Учрежденіе работъ должно быть такое, чтобы работы эти были доступны, знакомы и привычны населенію, а не такія, которыми

лебеда»,—и тѣмъ, что она родилась на ржаномъ полѣ и вымолочена вмѣстѣ съ рожью. Мнѣ кажется, что еслибы не было преданія и не была бы она въ ржаномъ полѣ, то скорѣе бы мѣшали въ хлѣбъ солому овсяную, опилки, чѣмъ это вредное вещество. А его мѣшаютъ вездѣ.

никогда не занимался или даже не видывалъ народъ, или такія, при которыхъ тѣмъ членамъ семей, которые никогда не уходили, надо уходить изъ дома, что по семейнымъ и еще другимъ условіямъ (какъ отсутствіе одежды) часто невозможно сдѣлать. Работы должны быть такія, чтобы кромѣ внѣдомашнихъ работъ, на которыя пойдутъ всѣ привыкшіе и могущіе ходить на заработки работники, домашними работами могло быть занято все населеніе голодающихъ мѣстностей—мужчины, женщины, свѣжіе старики, подростки-дѣти.

Бѣдствіе нынѣшняго года заключается не только въ недостаткѣ хлѣба, но и въ неменьшемъ совершенномъ недостаткѣ не только заработковъ, но прямо работы,—въ принужденной праздности нѣсколькихъ милліоновъ населенія. Если хлѣбъ, нужный для прокормленія населенія, есть подъ руками, т. е. можетъ быть доставленъ туда, гдѣ онъ нуженъ, за доступную цѣну, то голодающій народъ могъ бы самъ выработать себѣ этотъ хлѣбъ, будь только у него возможность работы, матеріалъ для работы и сбытъ. Если же у него не будетъ этой возможности, сотни милліоновъ будутъ безвозвратно потрачены на раздачи даровыхъ пособій, но бѣдствіе все-таки не будетъ устранено. Но дѣло не въ одной матеріальной тратѣ: праздность цѣлаго населенія, получающаго даровую пищу, имѣетъ страшное развращающее вліяніе.

Работы внѣдомашнія могутъ быть учреждены самыя разнообразныя, и на зимнее и, тѣмъ болѣе, на лѣтнее время, и дай Богъ, чтобы какъ можно скорѣе и какъ можно въ большихъ размѣрахъ были учреждены эти работы. Но, кромѣ этихъ большихъ отхожихъ работъ, предоставленіе народу возможности, не выходя изъ дома и изъ своихъ привычныхъ условій, работать свою привычную работу и сбывать ее, хотя бы по самой дешевой цѣнѣ,—есть дѣло настоятельной необходимости и огромной важности.

Въ деревняхъ неурожайныхъ мѣстъ не родились ни конопля, ни ленъ; овцы почти всѣ проданы, и у бабъ нѣтъ пряжи, нѣтъ тканья. Бабы, дѣвушки, старухи, обыкновенно занятыя, сидятъ безъ дѣла. Мало того, мужики, оставаясь дома и не имѣя денегъ для покупки лыкъ, тоже сидятъ безъ своей обычной зимней работы—плетенія лаптей. Ребята тоже болтаются безъ дѣла, такъ какъ школы большей частью закрыты. Населеніе, имѣя передъ собою только самыя мрачныя представленія о все болѣе и болѣе увеличивающейся нуждѣ, лишенное привычнаго и болѣе чѣмъ когда-либо необходимаго имъ средства разсѣянія и забвенія—работы, сидитъ цѣлыми днями, сложа руки, перебирая разные слухи и предположенія о выдаваемой и имѣющей выдаваться помощи, о богачахъ, не хотящихъ дѣлиться съ ними, а, главное, о своей

нуждѣ; „Скучаютъ, тоскуютъ, оттого больше и болѣютъ“—сказалъ мнѣ умный старикъ.

Не говоря уже объ экономическомъ значеніи работы для нынѣшняго года, нравственное значеніе ея огромно. Работа, какая-нибудь работа, которая могла бы занять всѣхъ праздныхъ нынѣшній годъ людей, составляетъ самую настоятельную необходимость.

Пока не будутъ еще устроены тѣ большія работы, о каковыхъ были разные, весьма разумные проекты, которые теперь, какъ слышно, учреждаются, и которые принесутъ огромную пользу, если только при учрежденіи ихъ примутся во вниманіе привычки и удобства населенія,—еслибы только во всѣхъ неурожайныхъ деревняхъ дать возможность всѣмъ остающимся людямъ работать привычную работу,—мужчинамъ хоть только плести лапти, а женщинамъ прясть и ткать, и дать возможность продавать и то и другое, что пріобрѣталось бы этимъ трудомъ, то и это было бы, если и не поддержкой крестьянскому хозяйству, то по крайней мѣрѣ большой задержкой въ его упадкѣ. Если допустить, что будетъ найдено помѣщеніе холсту хоть по 8 к. аршинъ (а помѣщеніе возможно въ огромныхъ количествахъ) и будутъ скупаться лапти, которые могутъ сохраняться годами, по 10 к. за пару, то заработокъ каждаго человѣка будетъ, самое меньшее, около 5 к., т. е. 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Если еще допустить, что въ каждой семьѣ, въ среднемъ, не болѣе $^1/_4$ членовъ, не могущихъ работать, то окажется, что на каждое лицо въ семьѣ будетъ заработано $^{450}/_4$, т. е. 1,12 к., т. е. значительно больше того, что теперь съ такимъ напряженіемъ, ссорами, спорами и вызывая такое всеобщее неудовольствіе—выдается отъ земства.

Таковъ бы былъ разсчетъ, еслибы работалась самая дешевая и несомнѣнно доступная и извѣстная всѣмъ деревенскимъ жителямъ работа.

Средства получились бы бо́льшія, чѣмъ тѣ, которыя теперь получаются отъ даровой или заимообразной выдачи, не было бы той неразрѣшимой трудности распредѣленія и, главное, того недовольства и раздраженія, которыя вызываются душевою выдачею.

Для достиженія этого нужно бы было только затратить не очень большія суммы на покупки матеріала для работъ—льна и лыкъ—и обезпечить помѣщеніе этихъ произведеній.

Устройствомъ такихъ работъ, доставленіемъ бабамъ прядева—и продажей вырабатываемаго ими тканья уже занимаются многіе люди, хотя еще и въ очень малыхъ размѣрахъ. Мы тоже начали это дѣло, но до сихъ поръ не получили еще выписаннаго льна, шерсти и лыкъ. Предложеніе наше крестьянамъ заняться работою—на продажу—лаптей и холста встрѣчалось вездѣ съ восторгомъ.

„Хоть три копѣйки въ день выработать, все лучше, чѣмъ безъ дѣла сидѣть“, говорили намъ.

Само собою разумѣется, что все это относится только до 5 зимнихъ мѣсяцевъ; въ остальные 4 лѣтніе мѣсяцы, до новины, работы могли бы быть гораздо болѣе производительны.

Для достиженія цѣли, если не поддержки крестьянскаго хозяйства, то хотя задержанія его разоренія есть, по моему мнѣнію, только это средство—устройство работъ.

Для достиженія же второй цѣли—спасенія людей отъ заболѣваній и смерти вслѣдствіе дурной пищи и недостатка ея, по моему мнѣнію, единственное несомнѣнное средство есть устройство въ каждой деревнѣ даровой столовой, въ которой каждый человѣкъ могъ бы насытиться, если онъ голоденъ.

Устройство такихъ столовыхъ начато нами уже болѣе мѣсяца тому назадъ и до сихъ поръ ведется съ успѣхомъ, превзошедшимъ наши ожиданія. Столовыя устроились слѣдующимъ образомъ:

Въ поѣздкѣ моей въ Епифанскій уѣздъ въ концѣ сентября я встрѣтилъ моего стараго друга, И. И. Раевскаго, которому я передалъ мое намѣреніе устроить столовыя въ голодающихъ мѣстностяхъ. Онъ пригласилъ меня поселиться у него и, не отрицая всякой другой формы помощи, не только одобрилъ мой планъ устройства столовыхъ, но взялся помогать мнѣ въ этомъ дѣлѣ и, съ свойственной ему любовью къ народу, рѣшительностью и простотой пріемовъ, тотчасъ же, еще до нашего переѣзда къ нему, началъ это дѣло, открывъ около себя шесть такихъ столовыхъ. Пріемъ, употребленный имъ, состоялъ въ томъ, что онъ, по самымъ бѣднымъ деревнямъ, предложилъ вдовамъ или самымъ бѣднымъ жителямъ кормить тѣхъ, которые будутъ ходить къ нимъ, и выдалъ имъ отъ себя нужную для того провизію. Староста же съ уполномоченными составилъ списокъ дѣтей и старыхъ людей, подлежащихъ кормленію въ столовыхъ, и въ 6 деревняхъ открылись столовыя. Столовыя эти, несмотря на то, что онѣ открыты были одними старостами и прикащикомъ Раевскаго, безъ его личнаго наблюденія, шли очень хорошо и продержались около мѣсяца. Ко времени же нашего переѣзда сюда, совпавшаго съ первой выдачей пособія отъ правительства, 5 столовыхъ закрылись, такъ какъ лица, ходившія въ нихъ, стали получать мѣсячину и потому какъ бы не нуждались въ двойной помощи. Очень скоро, однако, несмотря на выдачу пособія, нужда такъ увеличилась, что почувствовалась необходимость возобновленія закрывшихся столовыхъ и открытія новыхъ. Въ продолженіи проведенныхъ нами здѣсь 4 недѣль открыто нами 30 столовыхъ. Сначала мы открывали ихъ по собираемымъ свѣдѣніямъ о наиболѣе бѣдствующихъ

деревняхъ, теперь же, уже болѣе недѣли, съ разныхъ сторонъ намъ заявляютъ просьбы объ открытіи новыхъ столовыхъ, которыя мы уже не успѣваемъ удовлетворять.

Дѣло открытія столовыхъ состоитъ въ слѣдующемъ,—мы, по крайней мѣрѣ, поступали такъ:—узнавъ про болѣе нуждающуюся деревню, мы пріѣзжаемъ въ нее, идемъ къ старостѣ и, объявивъ о нашемъ намѣреніи, приглашаемъ кого нибудь изъ стариковъ и спрашиваемъ про имущественное состояніе дворовъ съ одного края деревни до другого. Староста, его жена, старики и еще кто-нибудь, изъ любопытства зашедшій въ избу, описываютъ намъ состояніе дворовъ. „Ну, съ лѣваго края: Максимъ Антохинъ. Какъ этотъ?“—„Этотъ плохъ. Ребята, самъ семъ. И хлѣба давно нѣтъ. Отъ этого стоитъ ходить старухѣ да мальчику.“ Записываемъ—отъ Максима Антохина двухъ. Дальше:—Ѳедоръ Абрамовъ:„ Тоже плохи. Ну все можетъ кормиться.“ Но вмѣшивается старостиха и говоритъ, что плохъ и этотъ, и стоитъ взять мальчика. Дальше идетъ старикъ, Николаевскій солдатъ. „Вовсе съ голода помираетъ“. Демьянъ Сапроновъ. „Эти прокормятся“... И такъ обсуживается вся деревня. Доказательствомъ того, съ какою правдивостью и безъ сословнаго чувства крестьяне опредѣляютъ нуждающихся, видно изъ того, что, не смотря на то, что многіе крестьяне были не допущены въ первой же деревнѣ, въ деревнѣ Татищевѣ, Рыхотской волости, въ которой мы открывали столовую, въ число несомнѣнно бѣдныхъ, которыхъ нужно принять въ столовую, были назначены крестьянами безъ малѣйшаго колебанія вдова попадья съ дѣтьми и дьячиха. Такимъ образомъ, всѣ перечисляемые дворы раздѣляются обыкновенно по показаніямъ старосты и сосѣдей на три сорта: на несомнѣнно плохіе, изъ которыхъ нѣкоторымъ лицамъ слѣдуетъ ходить въ столовую, на несомнѣнно хорошіе—такіе, которые сами прокормятся, и на такіе, въ которыхъ есть сомнѣніе. Сомнѣніе это обыкновенно разрѣшается количествомъ людей, ходящихъ въ столовую. Кормить болѣе 40 людей становится уже тяжело хозяевамъ. И потому, если число ходящихъ менѣе 40, то сомнительные принимаются, если же болѣе, то приходится отказывать. Обыкновенно нѣкоторыя лица, несомнѣнно подлежащія кормленію въ столовыхъ, оказываются пропущенными, и по мѣрѣ заявленія дѣлаются измѣненія и прибавленія. Если же набирается въ одной деревнѣ очень много несомнѣнно нуждающихся, то открывается въ той же деревнѣ другая, а иногда и третья столовая.

Въ общемъ какъ въ нашихъ столовыхъ, такъ и у сосѣдки нашей, Н. Ф., ведущей дѣло независимо отъ насъ, количество людей, кормящихся въ столовой, всегда составляетъ $^1/_3$ всѣхъ наличныхъ душъ.

Охотниковъ держать столовую, т. е. печь хлѣбы, готовить, варить, служить обѣдающимъ, за право тутъ же кормиться и топиться, очень много—почти всѣ дворы. До такой степени всѣ охотятся держать столовыя, что въ обѣихъ первыхъ деревняхъ, въ которыхъ мы открывали столовыя, старосты, оба богатые крестьяне, предлагали сдѣлать у себя столовыя. Но такъ какъ держащій столовую совершенно обезпеченъ и топливомъ, и пищей, то мы обыкновенно выбираемъ самыхъ бѣдныхъ, только бы они были въ серединѣ деревни, такъ чтобы недалеко было ходить съ обоихъ концовъ. На помѣщеніе мы не обращаемъ вниманія, такъ какъ и въ самой крошечной 6-аршинной избѣ свободно кормится отъ 30 до 40 человѣкъ.

Слѣдующее затѣмъ дѣло въ томъ, чтобы отпустить продовольствіе на каждую столовую. Дѣло это дѣлается такъ. Въ одномъ мѣстѣ, находящемся въ центрѣ столовыхъ, устраивается складъ всѣхъ нужныхъ припасовъ. Такимъ складомъ была для насъ сначала экономія Раевскаго, но при расширеніи дѣла устроены, или скорѣе избраны теперь, три другіе склада, въ имѣніяхъ зажиточныхъ помѣщиковъ, тамъ гдѣ есть и амбары, и нѣкоторые продажные предметы продовольствія.

Какъ скоро выбрано помѣщеніе столовой и переписаны лица, имѣющія приходить въ нее, — назначается день, въ который хозяева столовыхъ или очередная подвода пріѣзжаютъ за запасами. Такъ какъ теперь, при большомъ числѣ столовыхъ, хлопотно выдавать каждый день,—опредѣлены два дня въ недѣлю, вторникъ и пятница, въ которые выдается провизія.

Въ складѣ выдается хозяину столовой книжка, т. е. тетрадка, слѣдующей формы:

Заборная книжка по № столовой.

Число и мѣсяц.	У кого открыта.	Мука.	Отруб.	Карт.	Капуст.	Свекла.	Овсянк.	Дрова.	Соль.	Число ѣдоковъ.
8 ноября.	Лукерьи Которой.	4 п.	2 п.	30 к.	6 п.	2 п.	1 п.	10 п.	10 ф.	

По этой книгѣ получается провизія и записывается.

Кромѣ провизіи въ одинъ опредѣленный день изъ всѣхъ деревень, въ которыхъ есть столовыя, ѣздятъ подводы за топливомъ: сначала это былъ торфъ, теперь, такъ какъ торфа больше нѣтъ, дрова. Въ тотъ-же день, когда забрана провизія, ставятся хлѣбы, а на третій открываются столовыя. Вопросъ о посудѣ для варки,

о чашкахъ, ложкахъ, столахъ разрѣшается самими хозяевами столовыхъ. Каждый хозяинъ употребляетъ свою посуду. А чего нѣтъ, онъ достаетъ у тѣхъ, которые ходятъ къ нему. Ложки носитъ каждый свою.

Первая столовая открылась у слѣпого старика съ женой и сиротами-внуками. Когда я, въ первый день открытія этой столовой, въ 11 часовъ, пришелъ въ избу къ слѣпому, у бабы уже было все готово. Хлѣбы вышли изъ печи и лежали на столѣ и на лавкахъ. Въ истопленной и закрытой заслонкой печи стояли щи, картошки и свекольникъ.

Въ избѣ кромѣ хозяевъ были двѣ сосѣдки и одна старуха бездомная, которая тутъ-же попросилась перейти въ эту избу съ тѣмъ, чтобы здѣсь и кормиться и жить въ теплѣ. Народа еще не было. Оказалось, что дожидались насъ, не повѣщали. Мальчикъ и мужикъ вызвались повѣстить. Спрашиваю у хозяйки—какъ-же всѣ усядутся? „Да ужъ я устрою, какъ должно, будьте спокойны"—говоритъ хозяйка. Хозяйка эта—коренастая женщина лѣтъ 50, съ робкимъ и безпокойнымъ, но умнымъ взглядомъ. Она до открытія столовой побиралась и тѣмъ кормилась съ семьей. Про нее ея враги говорятъ, что она пьяница. Но, несмотря на эти наговоры, она располагаетъ къ себѣ своимъ отношеніемъ къ сиротамъ, внукамъ ея мужа, и къ самому исчахшему, чуть живому, слѣпому старику, лежащему на нарахъ. Мать этихъ сиротъ умерла годъ тому назадъ, отецъ бросилъ дѣтей, ушелъ въ Москву и тамъ завихрился. Дѣти—мальчикъ и дѣвочка—очень красивыя, особенно мальчикъ лѣтъ 8, не смотря на бѣдность, хорошо одѣты и обуты, и жмутся къ бабушкѣ и требовательны къ ней, какъ бываютъ требовательны балованныя дѣти.

„Все будетъ, какъ надо, — говоритъ хозяйка — и столъ достану. А какіе не усядутся — послѣ поѣдятъ". Хлѣбовъ, — сообщаетъ она мнѣ, — вышло 9 изъ 4 пудовъ и кромѣ того затерла квасъ. Только съ торфомъ измучилась, говоритъ она! Не горитъ. Ужъ я своей соломки понадергала съ сарая. Раскрыла сарай, а то торфъ не горѣлъ". Такъ какъ мнѣ тутъ дѣлать нечего, я иду за оврагъ, въ столовую другой деревни, боясь, что и тамъ меня дожидаются. И дѣйствительно, и здѣсь дожидали. И здѣсь то-же самое, тотъ-же запахъ горячаго хлѣба, тѣ-же ковриги по столамъ и лавкамъ, и тѣ-же чугунъ и горшки въ печи и любопытный народъ въ избѣ. Также добровольцы бѣгутъ повѣщать. Поговоривъ съ хозяйкой, которая также жалуется на то, что торфъ не горитъ, что ей пришлось исколоть корыто, что-бы испечь хлѣбушки, я иду назадъ въ первую столовую, думая, что встрѣтится какія нибудь недоразумѣнія или затрудненія, которыя надо бу-

детъ устранить. Прихожу къ слѣпому. Изба полна народа и кишитъ сдержаннымъ движеніемъ, какъ лѣтнею ночью открытая колодка пчелъ. Изъ двери валитъ паръ. Пахнетъ хлѣбомъ и щами и слышно чавканіе. Изба крошечная, темная, два крошечныя окошечка, и то съ обоихъ боковъ толсто заваленныя навозомъ снаружи. Полъ земляной, очень неровный. Такъ темно, особенно отъ народа, спинами загораживающаго окна, что сначала ничего не разглядишь. Но несмотря на эти неудобства и тѣсноту, столъ идетъ въ величайшемъ порядкѣ. Вдоль лицевой стѣны, налѣво отъ двери, два стола, вокругъ которыхъ со всѣхъ сторонъ степенно сидитъ обѣдающій народъ. Въ глубинѣ избы—отъ наружной стѣны къ печкѣ—хоры, на которыхъ уже не лежитъ, а сидитъ, обнявъ руками худыя голени, изможженный слѣпой, слушая говоръ и звуки ѣды. Направо, въ свободномъ углу передъ устьемъ печи, стоятъ хозяева и добровольныя помощницы. Всѣ они слѣдятъ за нуждами обѣдающихъ и служатъ имъ.

За столомъ, въ переднемъ углу подъ образами, Николаевскій солдатъ, потомъ деревенскій старикъ, потомъ старушка, потомъ дѣти. За вторымъ столомъ, ближе къ печи, спиной къ простѣнку, жалкаго вида попадья, кругомъ дѣти—мальчики и дѣвочки и дочь попадьи, взрослая дѣвушка. На каждомъ столѣ чашка со щами, и обѣдающіе хлѣбаютъ, закусывая теплымъ душистымъ хлѣбомъ. Чашки со щами опоражниваются. „Кушайте, кушайте“, весело и гостепріимно, подавая черезъ головы ломти хлѣба, говоритъ хозяйка. „Еще налью.... Нынче только щи, да картошки,—говоритъ она мнѣ, — свекольникъ не поспѣлъ. Къ ужину будетъ.“ Старая, чуть живая старушка, стоящая у печи, проситъ меня давать ей на домъ хлѣба, она нынче насилу дотащилась, а каждый день ходить не можетъ, а мальчикъ ея тутъ ѣстъ, такъ онъ носить будетъ. Хозяйка отрѣзаетъ ей кусокъ. Старуха бережно прячетъ его за пазуху и благодаритъ, но не уходитъ. Дьячиха, бойкая женщина, стоящая у печи и помогающая хозяйкѣ, словоохотливо и бойко благодаритъ за свою дѣвочку, которая тутъ-же ѣстъ, сидя у стѣнки, и робко проситъ, нельзя-ли и ей самой, дьячихѣ, тутъ поѣсть. „Давно уже и не пробовала хлѣбушка чистаго, намъ вѣдь это, какъ медъ, сладко“.

Получивъ разрѣшеніе, дьячиха крестится, перелѣзаетъ черезъ доску, перекинутую со скамьи на лавку. Мальчикъ сосѣдъ съ одной стороны и старушка съ другой сторонятся, и дьячиха усаживается. Хозяйка подаетъ ей хлѣбъ и ложку. Послѣ первой перемѣны щей подается картошка. Изъ солонки каждый насыпаетъ себѣ на столъ кучку соли и макаетъ въ эту соль очищенный картофель. Все это —и служеніе за столомъ, и приниманіе пищи, и размѣщеніе лю-

дей—совершается не торопливо, прилично, благолѣпно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ привычно, что какъ будто это то самое, что всегда дѣлалось, дѣлается и не можетъ иначе дѣлаться. Что-то въ родѣ природнаго явленія. Покончивъ картошки и бережно отложивъ оставшіеся кусочки хлѣба, Николаевскій солдатъ первый встаетъ и вылѣзаетъ изъ-за стола, и всѣ за нимъ встаютъ, поворачиваются къ образамъ и молятся, потомъ благодарятъ и выходятъ. Дожидавшіеся очереди неторопливо занимаютъ ихъ мѣста, и хозяйка вновь рѣжетъ хлѣбъ и наливаетъ вновь чашки щами.

Совершенно то-же самое было и во второй столовой; особеннаго было только то, что народу было очень много, до 40 человѣкъ, а изба была еще темнѣе и меньше первой. Но то-же приличіе посѣтителей, то-же спокойное и радостное, нѣсколько гордое отношеніе хозяйки къ своему дѣлу. Здѣсь хозяинъ мущина служилъ, помогая матери, и дѣло шло еще скорѣе. Такъ-же все происходило и во всѣхъ другихъ столовыхъ, устроенныхъ нами, съ тѣми-же благолѣпіемъ и естественностью. Въ нѣкоторыхъ усердныя хозяйки приготавливали три и даже четыре перемѣны: свекольникъ, щи, похлебка, картофель.

Дѣло столовыхъ дѣлается такъ же просто, какъ и многія мужицкія работы, въ которыхъ всѣ подробности, очень сложныя, предоставляются самимъ крестьянамъ. Въ извозѣ, напримѣръ, на который нанимаютъ мужиковъ, ни одинъ наниматель не заботится ни о веретьяхъ, ни о шпилькахъ, ни о пехтеряхъ и ведрахъ, и о многомъ другомъ, необходимомъ для извоза. Подразумѣвается, что все это будетъ устроено самими крестьянами: и дѣйствительно, все это всегда и вездѣ, однообразно и толково и просто устраивается самими крестьянами, не требуя никакого участія и вниманія нанимателя. Такъ точно это дѣлается и въ столовыхъ.

Всѣ подробности дѣла исполняются самими хозяевами столовыхъ и такъ твердо, обстоятельно, что для учредителя остаются только общія дѣла, касающіяся столовыхъ. Такихъ дѣлъ для учредителя столовой остается главныхъ—четыре: 1) приготовленія продовольствія въ центрѣ, изъ котораго можно отпускать его въ разныя столовыя, 2) наблюденія за тѣмъ, чтобы запасы напрасно не тратились, 3) наблюденіе за тѣмъ, чтобы не были какъ-нибудь забыты люди, наиболѣе нуждающіеся, и замѣнены такими, которые могутъ обойтись безъ даровой пищи, и 4) испытыванія и примѣненія въ столовыхъ новыхъ малоупотребительныхъ пищевыхъ средствъ, какъ горохъ, чечевица, просо, овесъ, ячмень, разнаго сорта хлѣбовъ, жмыховъ и др.

Довольно много хлопотъ доставило намъ распредѣленіе людей, получающихъ мѣсячину. Нѣкоторые изъ членовъ семьи, получа-

ющихъ недостаточное количество, допускались, нѣкоторые отдавали свою мѣсячину въ столовыя съ тѣмъ, чтобы кормиться въ нихъ. При этомъ мы руководствуемся слѣдующими соображеніями: при равномѣрной выдачѣ, какъ это дѣлается въ нашей мѣстности, 20 ф. на человѣка, мы принимаемъ преимущественно изъ большихъ семей. При недостаточной выдачѣ, каковы 20 ф. на мѣсяцъ, чѣмъ больше семья, тѣмъ больше совсѣмъ необезпеченныхъ пропитаніемъ людей.

Теорія столовыхъ поэтому такая: для того, чтобы открыть отъ десяти до двадцати столовыхъ, для прокормленія отъ трехъ—до восьми сотъ человѣкъ, необходимо въ центрѣ этой мѣстности собрать продовольственные запасы. Такимъ центромъ всегда можетъ быть зажиточная помѣщичья усадьба.

Продовольственные запасы на такое количество, положимъ 500 человѣкъ, будутъ состоять (если разсчитывать вести столовыя до новины), считая по фунту смѣси муки съ отрубями на человѣка на 300 дней, на 500 человѣкъ будетъ 15.0000 фунтовъ, или 3750 пудовъ, или 2500 п. ржи и 1200 отрубей; столько-же пудовъ картофеля, 12 саж. дровъ, 1000 пудовъ свеклы и 25 пудовъ соли. 2000 кочней капусты и 800 пудовъ овсянки. (Стоимость всего этого составляетъ по существующимъ цѣнамъ 5800 рублей, т. е., съ увеличеніемъ расхода на овсяный кисель, по *1 р. 16 к. на человѣка*). Устроивъ такой складъ, вокругъ него, на разстояніи 7—8 верстъ въ окружности, можно открывать до 20 столовыхъ, которыя будутъ запасаться въ этомъ складѣ. Открывать столовыя надо прежде всего въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ. Помѣщеніе для столовой надо выбирать у одного изъ самыхъ бѣдныхъ жителей. Посуду и все нужное для изготовленія пищи и стола надо предоставлять самимъ хозяевамъ столовой. Списокъ лицъ, подлежащихъ хожденію въ столовую, надо составлять съ помощью старосты и, если можно, зажиточныхъ крестьянъ, не посылающихъ своихъ семейныхъ въ столовую. Наблюденіе за столовыми, если бы ихъ было очень много, можетъ быть предоставлено самимъ крестьянамъ. Но, само собою разумѣется, что чѣмъ больше участія примутъ люди, открывающіе столовыя, въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ тѣснѣе будутъ ихъ отношенія какъ къ хозяевамъ, такъ и къ посѣтителямъ столовыхъ,—тѣмъ лучше будетъ идти это дѣло, тѣмъ меньше будетъ траты, меньше неудовольствій, тѣмъ лучше будетъ пища. И главное, тѣмъ радостнѣе будетъ настроеніе людей. Но смѣло можно сказать, что даже при самомъ далекомъ наблюденіи, при предоставленіи ихъ самихъ себѣ, столовыя будутъ удовлетворять потребности и, вслѣдствіе наблюденія за ними самихъ заинтересованныхъ крестьянъ, напрасной траты провизіи

будетъ никакъ не больше, чѣмъ на 10%, если только можно назвать напрасной тратой то, что люди унесутъ съ собой хлѣбъ, или отдадутъ его тѣмъ, у кого его нѣтъ. Такова теорія устройства столовыхъ и всякій, кто захочетъ приложить ее, увидитъ, какъ легко и естественно дѣлается это дѣло.

Выгоды и невыгоды столовыхъ слѣдующія:

Невыгода столовыхъ, во первыхъ, та, что продовольствіе въ нихъ обходится нѣсколько дороже, чѣмъ при выдачѣ муки на руки. Если пособія выдаются даже и по 30 фун. муки на ѣдока, то въ столовыхъ выходятъ тѣ же 30 фун. муки и сверхъ того приварокъ: картофель, свекла, соль, топливо и теперь еще овсянка. Невыгода эта, не говоря уже о томъ, что столовыя болѣе обезпечиваютъ людей, чѣмъ выдача на руки, выкупается тѣмъ, что при введеніи новыхъ, дешевыхъ и здоровыхъ пищевыхъ средствъ, какъ-то чечевицы, гороху въ разныхъ видахъ, овсянаго киселя, свеклы, кукурузной каши, подсолнечнаго и конопляного жмыховъ, — количество потребляемаго хлѣба можетъ быть уменьшаемо и сама пища улучшаема.

Другая невыгода та, что столовыя обезпечиваютъ отъ голода только нѣкоторыхъ слабыхъ членовъ семьи, а не молодыхъ и среднихъ людей, которые не посѣщаютъ столовыя, считая это для себя унизительнымъ. Такъ, при опредѣленіи тѣхъ лицъ, которыя подлежатъ кормленію въ столовыхъ, крестьяне всегда исключаютъ взрослыхъ парней и дѣвушекъ, считая это для нихъ стыднымъ. Невыгода эта выкупается тѣмъ, что именно стыдливость эта передъ пользованіемъ столовыми предотвращаетъ возможность злоупотребленія ими. Приходитъ, напримѣръ, крестьянинъ, требуя себѣ прибавки выдачи мѣсячной и утверждая, что онъ два дня не ѣлъ. Ему предлагаютъ ходить въ столовую. Онъ краснѣетъ и отказывается, а между тѣмъ, такого-же возраста крестьянинъ, оставшись безъ всякихъ средствъ и не нашедшій работы, ходитъ въ столовую. Или другой примѣръ: женщина жалуется на свое положеніе и проситъ выдачи. Ей предлагаютъ посылать свою дочь. Но дочь уже невѣста и женщина отказывается посылать её. А между тѣмъ, дочь-невѣста той самой попадьи, о которой я упоминалъ, ходитъ въ столовую.

Третья невыгода и самая большая состоитъ въ томъ, что нѣкоторые слабые, старые и малые, и раздѣтыя дѣти не могутъ ходить, особенно въ дурную погоду. Неудобство это устраняется тѣмъ, что не могущимъ ходить носятъ тѣ, которые ходятъ изъ того-же двора, или сосѣди.

Больше я не знаю невыгодъ или неудобствъ.

Выгоды-же столовыхъ слѣдующія.

Пища безъ сравненія лучше и разнообразнѣе, чѣмъ та, которая приготовляется въ семьяхъ. Есть возможность примѣнять болѣе дешевыя и здоровыя пищевыя средства. Пища пріобрѣтается по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Топливо на печеніе хлѣбовъ—сберегается. Семьи самыя бѣдныя, тѣ, у которыхъ устраиваются столовыя, совершенно обезпечиваются. Исключается возможность неравенства полученія пищи, часто встрѣчающаяся въ семьяхъ по отношенію къ нелюбимымъ членамъ; старые и дѣти получаютъ соотвѣтствующую ихъ возрасту пищу. Столовыя, вмѣсто раздраженія и зависти, вызываютъ добрыя чувства. Злоупотребленія, т. е. полученія пособій тѣми лицами, которыя менѣе нуждаются въ нихъ, можетъ быть менѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ способѣ помощи. Предѣлы злоупотребленій, могущихъ быть въ пользованіи столовыми, положены размѣрами желудка. Человѣкъ можетъ перебрать муки, сколько хочетъ, но съѣсть никто не можетъ больше очень ограниченнаго количества. И главное, самое важное преимущество столовыхъ, ради котораго одного можно и должно всѣдѣ заводить ихъ, то, что въ той деревнѣ, гдѣ есть столовая, не можетъ заболѣть и умереть человѣкъ отъ недостатка или недоброкачественности пищи, не можетъ быть того, что къ несчастью повторяется безпрестанно: старый, слабый человѣкъ, больной ребенокъ, нынче, завтра получая дурную и недостаточную пищу, гаснетъ, чахнетъ и умираетъ, если не прямо отъ голода, то отъ недостатка хорошей пищи. И это самое важное.

На-дняхъ, желая избѣжать тѣхъ разбирательствъ, которыя происходили въ прежде открытыхъ столовыхъ, о томъ, кому ходить и кому не ходить, мы, во вновь открываемой столовой, воспользовались собравшейся по ихъ дѣламъ сходкой и предложили самимъ крестьянамъ рѣшить, кому пользоваться столовыми. Первое мнѣніе, выраженное многими, было то, что это невозможно, что будутъ споры, ссоры и они никогда не сойдутся. Потомъ высказано было мнѣніе о томъ, что пусть ходитъ съ каждаго двора по человѣку. Но мнѣніе это скоро было отвергнуто. Есть дворы, гдѣ ходить некому, и есть дворы, гдѣ не одинъ, а много слабыхъ. И потому согласились принять наше предложеніе — положиться на совѣсть. „Будутъ готовить на 40 человѣкъ, а кто придетъ—милости просимъ, а съѣдятъ все—не взыщите“. Мнѣніе это одобрили. Одинъ сказалъ, что здоровый, сильный человѣкъ и самъ постыдится придти заѣдать сиротскую долю. На это однако возразилъ недовольный голосъ: и радъ бы не пошелъ, да поневолѣ пойдешь, какъ я намедни два дня не ѣлъ.

Вотъ это-то и составляетъ главное преимущество столовыхъ. Кто бы онъ ни былъ—записанный или не записанный въ крестьянскомъ

янское общество, дворовый, кантонистъ, солдатъ, Николаевскій или Александровскій, попадья, мѣщанинъ, дворянинъ, старый, малый, или здоровый мужикъ, лѣнтяй или трудолюбивый, пьяница или трезвый, но человѣкъ, который два дня не ѣлъ, получитъ мірскую пищу. Въ этомъ главная выгода столовыхъ. Тамъ, гдѣ онѣ есть, никто не только не можетъ умереть съ голоду, но никто не можетъ голодомъ быть принуждаемъ въ работѣ.

Мотивами большаго или меньшаго труда могутъ быть все, что хотите, но только не голодъ. Можно животныхъ дрессировать голодомъ и заставлять дѣлать противныя ихъ природѣ дѣла, но пора понять, что стыдно заставлять людей дѣлать не то, чего они хотятъ, а то, чего мы хотимъ посредствомъ голода. Заставлять людей дѣлать то, чего мы хотимъ, чтобы они дѣлали, посредствомъ голода,—такъ же постыдно, какъ заставлять ихъ поступать по нашей волѣ посредствомъ кнута. Пора уже намъ, христіанамъ, пережить этотъ фазисъ. Говорятъ и пишутъ о томъ, что крестьяне отказываются отъ работъ, и что тѣмъ, которые будутъ отказываться отъ работъ, надо не давать пособія. Пора бы перестать говорить такія вещи. Во-первыхъ, сидѣть безъ работы для всякаго человѣка, а въ особенности для крестьянина, привыкшаго къ работѣ, есть мученье; а во вторыхъ, не намъ, праздным людямъ, всегда живущимъ работой крестьянъ, говорить объ ихъ праздности и лѣни.

Но возможно ли вездѣ учрежденіе столовыхъ? Есть ли это мѣра общая, которая можетъ быть приложена повсюду и въ большихъ размѣрахъ? Сначала кажется, что нѣтъ, что это мѣра только частная, мѣстная, случайная, которая можетъ быть приложена только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тамъ гдѣ найдутся особенно расположенные къ такому дѣлу люди. Такъ и я думалъ сначала, когда воображалъ, что для столовой придется нанять помѣщеніе, кухарку, купить посуду, придумывать и опредѣлять—какую, когда и на сколько человѣкъ готовить пищу; но тотъ пріемъ столовыхъ, который благодаря И. И. Раевскому установился теперь, устраняетъ всѣ эти затрудненія и дѣлаетъ эту мѣру самой доступной, простой и народной.

Съ нашими небольшими силами и безъ особеннаго усилія, мы въ 4 недѣли открыли и пустили въ ходъ, въ 20 деревняхъ, 30 столовыхъ, въ которыхъ кормятся около 1500 человѣкъ. Сосѣдка же наша, Н. Ф., одна въ продолженіи мѣсяца открыла и ведетъ на тѣхъ же основаніяхъ 16 столовыхъ, въ которыхъ кормятся не менѣе 700 человѣкъ.

Открытіе столовыхъ и наблюденіе за ними не представляетъ никакихъ трудностей, содержаніе ихъ стоитъ только немного до-

роже того, что стоитъ выдача муки, если она выдается въ количествѣ 30 ф. на мѣсяцъ. (Хотя мы вѣрно еще не учитывали, но полагаемъ, что содержаніе одного человѣка въ столовыхъ обойдется ни въ какомъ случаѣ не дороже 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ).

Мѣра эта (устройство столовыхъ), не вызывая дурныхъ чувствъ въ народѣ, а напротивъ вполнѣ удовлетворяя его, достигаетъ главной цѣли, которая стоитъ теперь передъ обществомъ,—обезпеченія людей отъ возможности голодной смерти, и поэтому должна бы быть принята вездѣ. Если могутъ земцы—попечители и администрація учитывать крестьянскій достатокъ и, запасая хлѣбъ, выдавать его нуждающимся, то безъ сравненія меньше труда стоило бы тѣмъ же людямъ устраивать склады для продовольствія столовыхъ и самыя столовыя.

На-дняхъ насъ посѣтилъ калужскій житель, привезшій въ нашу мѣстность слѣдующее предложеніе: нѣкоторые помѣщики и крестьяне Калужской губерніи, богатые кормами для скота, сочувствуя положенію крестьянъ нашей мѣстности, принужденныхъ разставаться за безцѣнокъ съ своими лошадьми, которыхъ они за удесятеренную почти цѣну не купятъ весной, предложили взять къ себѣ на зиму, на кормъ, 10 вагоновъ, т. е. 80 лошадей изъ нашей мѣстности. Съ лошадьми поѣдутъ выборные изъ тѣхъ деревень, изъ которыхъ будутъ взяты лошади, сведутъ ихъ до мѣста и вернутся назадъ. Весной опять выборные поѣдутъ за лошадьми и привезутъ ихъ назадъ.

На другой день послѣ этого предложенія, въ двухъ деревняхъ, въ которыхъ оно было объявлено, заявилось охотниковъ на отправку всѣхъ 80 лошадей, и все молодыхъ и хорошихъ. Съ тѣхъ поръ, каждый день приходятъ еще и еще крестьяне, прося взять и ихъ лошадей.

Не можетъ быть болѣе сильнаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о томъ, есть ли голодъ и въ какихъ размѣрахъ. Должна же быть велика нужда, если крестьяне такъ легко разстаются съ лошадьми, довѣряя ихъ неизвѣстнымъ людямъ. Кромѣ того, предложеніе это и принятіе его для меня поразительно трогательно и поучительно. Крестьяне калужскіе, не богатые люди, для неизвѣстныхъ имъ, не виданныхъ ими братьевъ-крестьянъ, въ бѣдѣ берутъ на себя не малый и расходъ, и трудъ, и заботу,—и здѣшніе крестьяне, очевидно понимая побужденія своихъ калужскихъ братьевъ, очевидно сознавая, что въ случаѣ нужды они-бы сдѣлали то же, безъ малѣйшаго колебанія довѣряютъ неизвѣстнымъ имъ людямъ почти послѣднее достояніе,—хорошихъ молодыхъ ло-

шадей, за которыхъ даже и при теперешнихъ цѣнахъ, они все таки могли-бы взять 5, 10, 15 рублей.

Еслибы хоть сотая доля такого живого братскаго сознанія, такого единенія людей во имя Бога любви—была во всѣхъ людяхъ, какъ легко, да не только легко, но радостно перенесли бы мы этотъ голодъ, да и всѣ возможныя матеріальныя бѣды!

Левъ Толстой.

26 Ноября, 1891 г.
Бѣгичевка, Данковскаго уѣзда.

СКАЗКА.

Жилъ Емельянъ у хозяина въ работникахъ. Идетъ разъ Емельянъ по лугу на работу, глядь, прыгаетъ передъ нимъ лягушка; чуть-чуть не наступилъ на нее. Перешагнулъ черезъ нее Емельянъ. Вдругъ, слышитъ, кличетъ его кто-то сзади. Оглянулся Емельянъ, видитъ, стоитъ красавица дѣвица и говоритъ ему: „Что ты, Емельянъ, не женишься?“

— „Какъ мнѣ, дѣвица милая, жениться? Я весь тутъ, нѣтъ у меня ничего, никто за меня не пойдетъ“.

„И, говоритъ дѣвица, возьми меня замужъ“.

Полюбилася Емельяну дѣвица: „Я, говоритъ, съ радостью, да гдѣ мы жить будемъ?“

— „Есть, говоритъ дѣвица, о чемъ думать. Только бы побольше работать, да поменьше спать,—а то вездѣ и одѣты, и сыты будемъ“.

— „Ну, что-жъ, говоритъ, ладно. Женимся. Куда-жъ пойдемъ?“

— „Пойдемъ въ городъ“.

Пошелъ Емельянъ съ дѣвицей въ городъ. Свела его дѣвица въ домишко небольшой, на краю, женились и стали жить. Ѣхалъ разъ воевода за городъ. Проѣзжаетъ мимо Емельянова двора, и вышла Емельянова жена посмотрѣть воеводу. Увидалъ ее воевода и удивился: „гдѣ такая красавица родилась?“—Остановилъ воевода коня, подозвалъ жену Емельяна, сталъ ее спрашивать: —„Кто, говоритъ, ты?“ — „Мужика Емельяна жена“, говоритъ. —„Зачѣмъ ты, говоритъ, такая красавица за мужика пошла? Тебѣ бы княгиней быть“.

— „Благодарю, говоритъ, на ласковомъ словѣ. Мнѣ и за мужикомъ хорошо“.

Поговорилъ съ ней воевода и поѣхалъ дальше. Вернулся въ свои палаты. Не идетъ у него изъ головы Емельянова жена. Всю ночь не спалъ, все думалъ онъ, какъ бы ему у Емельяна жену

отнять. Не могъ придумать, какъ сдѣлать. Позвалъ своихъ слугъ, велѣлъ имъ придумать. И сказали слуги воеводѣ: „Возьми ты, говорятъ, Емельяна къ себѣ въ работники. Мы его работой замучаемъ, жена вдовой останется, тогда ее взять можно“. Сдѣлалъ такъ воевода, послалъ за Емельяномъ, чтобъ шелъ въ нему въ дворники, и у него бы въ домѣ съ женой жилъ.

Пришли послы, сказали Емельяну. Жена и говоритъ: „Что-жъ, говоритъ, иди. День работай, а ночью ко мнѣ приходи“.

Пошелъ Емельянъ. Приходитъ въ палаты; воеводинъ прикащикъ и спрашиваетъ его: „что-жъ ты одинъ пришелъ, безъ жены?“

— „Что-жъ мнѣ ее водить: у ней домъ есть“.

Задали Емельяну на воеводиномъ дворѣ работу такую, что двоимъ впору. Взялся Емельянъ за работу и не чаялъ кончить. Глядь, — раньше вечера все кончилъ. Увидалъ прикащикъ, что кончилъ, задалъ ему на завтра вчетверо. Пришелъ Емельянъ домой. А дома у него все выметено, прибрано; печка истоплена, всего напечено, наварено. Жена сидитъ за столомъ, шьетъ, мужа ждетъ. Встрѣтила жена мужа, собрала ужинать, накормила, напоила, стала его про работу спрашивать.

— „Да что, говоритъ, плохо: не по силамъ уроки задаютъ, замучаютъ они меня работой“.

— „А ты, говоритъ, не думай объ работѣ — и назадъ не оглядывайся, и впередъ не гляди, много ли сдѣлалъ и много ли осталось. Только работай. Все во время поспѣетъ“.

Легъ спать Емельянъ. На утро опять пошелъ. Взялся за работу, ни разу не оглянулся. Глядь, къ вечеру все готово, засвѣтло пришелъ домой ночевать. Стали еще и еще набавлять работу Емельяну, и все къ сроку кончаетъ Емельянъ, ходитъ домой ночевать. Прошла недѣля. Видятъ слуги воеводины, что не могутъ они черной работой донять мужика. Стали ему хитрыя работы задавать. И тѣмъ не могутъ донять. И плотнитскую, и каменную, и кровельную работу — что ни зададутъ, все сдѣлаетъ къ сроку Емельянъ, ночевать къ женѣ идетъ. Прошла другая недѣля. Позвалъ воевода своихъ слугъ и говоритъ: „Или я васъ задаромъ хлѣбомъ кормлю? Двѣ недѣли прошло, а все ничего я отъ васъ не вижу. Хотѣли вы Емельяна работой замучить, а я изъ окна вижу, какъ онъ каждый день идетъ домой, пѣсни поетъ. Или вы надо мной смѣяться вздумали?“

Стали слуги оправдываться: „Мы, говорятъ, всѣми силами старались его сперва черной работой замучить, да ничѣмъ не возьмемъ его. Всякія дѣла, какъ метлами, мететъ, и устали въ немъ нѣтъ. Стали мы ему хитрыя работы задавать, думали, у него ума не достанетъ, тоже не могли донять. Откуда что берет-

ся. До всего доходитъ, все дѣлаетъ. Не иначе, какъ либо въ немъ самомъ, либо въ женѣ его колдовство есть. Онъ намъ и самимъ надоѣлъ. Хотимъ мы ему теперь такое дѣло задать, чтобы нельзя ему сдѣлать. Придумали мы ему велѣть въ одинъ день новый соборъ построить. Призови ты Емельяна и вели ему въ одинъ день противъ твоихъ палатъ соборъ построить. А не построитъ онъ, тогда можно ему за ослушаніе голову отрубить".

Послалъ воевода за Емельяномъ: „Ну, говоритъ, вотъ тебѣ мой приказъ: построй ты мнѣ новый соборъ противъ моихъ палатъ на площади, чтобы къ завтрему къ вечеру готово было. Построишь—я тебя награжу, а не построишь—казню". Отслушалъ Емельянъ приказъ, повернулся, пошелъ домой. „Ну, думаетъ, пришелъ мой конецъ теперь". Пришелъ къ женѣ и говоритъ: „Ну, говоритъ, собирайся жена — бѣжать надо, куда попало, а то ни за что пропадешь".

— „Что-жъ, говоритъ, такъ заробѣлъ, что бѣжать хочешь?"

— „Какъ же, говоритъ, не заробѣть; велѣлъ мнѣ воевода завтра въ одинъ день новый соборъ построить. А если не построю, грозилъ голову отрубить. Одно остается — бѣжать, пока время".

Не приняла жена этихъ рѣчей. „У воеводы слугъ много, повсюду поймаютъ. Отъ него не уйдешь. А пока сила есть, слушаться надо".

— „Да какъ же слушаться, когда не по силамъ".

— „И, батюшка. Не тужи, поужинай да ложись; на утро вставай по-раньше, все успѣешь".

Легъ Емельянъ; разбудила его жена. „Ступай, говоритъ, скорѣй достраивай соборъ; вотъ тебѣ гвозди и молотокъ, тамъ тебѣ на день работы осталось".

Пошелъ Емельянъ въ городъ, приходитъ: — точно, новый соборъ посередь площади стоитъ, немного не конченъ. Сталъ додѣлывать Емельянъ, гдѣ надо,—къ вечеру все исправилъ. Проснулся воевода, посмотрѣлъ изъ палатъ, видитъ — соборъ стоитъ, Емельянъ похаживаетъ, кое-гдѣ гвозди приколачиваетъ. И не радъ воевода собору: досадно ему, что не за что Емельяна казнить, нельзя его жену отнять. Призываетъ воевода опять своихъ слугъ.

— „Исполнилъ Емельянъ и эту задачу, не за что его казнить. Мала, говоритъ, и эта ему задача. Надо что похитрѣе выдумать. Придумайте, а то я васъ прежде его разказню".

И придумали ему слуги, чтобы заказалъ онъ Емельяну рѣку сдѣлать, чтобы текла рѣка вокругъ палатъ, а по ней бы корабли плавали. Призвалъ воевода Емельяна, приказалъ ему новое дѣло.

— „Если ты, говоритъ, въ одну ночь могъ соборъ построить, такъ можешь ты и это дѣло сдѣлать. Чтобъ завтра было все по моему приказу готово. А не будетъ готово, голову отрублю".

Опечалился еще пуще Емéльянъ, пришелъ къ женѣ сумрачный.

— „Что, говоритъ жена, опечалился, или еще новое что приказали?" Разсказалъ ей Емельянъ. „Надо, говоритъ, бѣжать". А жена говоритъ: „Не убѣжишь, вездѣ поймаютъ, надо слушаться".

— „Да какъ слушаться-то?" „И, говоритъ, батюшка, ни о чемъ не тужи. Поужинай, да спать ложись. А вставай пораньше, все будетъ къ порѣ".

Легъ Емельянъ спать. По утру разбудила его жена. „Иди, говоритъ, въ городъ, все готово. Только у пристани бугорокъ остался, возьми заступъ, сровняй".

Пошелъ Емельянъ. Приходитъ въ городъ: — вокругъ палатъ рѣка, корабли плаваютъ. Подошелъ Емельянъ къ пристани, видитъ неровное мѣсто, сталъ ровнять.

Проснулся воевода, видитъ—рѣка, гдѣ не было; по рѣкѣ корабли плаваютъ, а Емельянъ бугорокъ заступомъ ровняетъ. Ужаснулся воевода и не радъ онъ рѣкѣ и кораблямъ, и досадно ему, что нельзя Емельяна казнить. Думаетъ себѣ: „нѣтъ такой задачи, чтобы онъ не сдѣлалъ,—какъ теперь быть?" Призвалъ слугъ своихъ, сталъ съ ними думать.

— „Придумайте, говоритъ, мнѣ такую задачу, чтобы не подъ силу было Емельяну. А то, что мы ни выдумали, онъ все сдѣлалъ, и нельзя мнѣ у него жены отобрать".

Думали, думали слуги и придумали. Пришли къ воеводѣ и говорятъ: „Надо Емельяна позвать и сказать: поди туда, не знай куда, и принеси ты того, не знай чего. Тутъ ужъ ему нельзя будетъ отвертѣться. Куда бы онъ ни пошелъ, ты скажешь, что онъ не туда пошелъ, куда надо, и что бы онъ ни принесъ, ты скажешь, что не то принесъ, что надо. Тогда его и казнить можно и жену отнять".

Обрадовался воевода. „Это, говоритъ, вы умно придумали". Послалъ за Емельяномъ и сказалъ ему: „Поди туда, не знай куда, принеси того, не знай чего. А не принесешь — отрублю тебѣ голову".

Пришелъ Емельянъ къ женѣ и говоритъ, что ему воевода сказалъ. Задумалась жена.

— „Ну, говоритъ, на его голову научили воеводу. Теперь умно дѣлать надо". Посидѣла, подумала жена и стала говорить мужу:

— „Идти тебѣ надо далеко,—къ нашей бабушкѣ, къ старинной мужицкой матери, — надо ея милости просить. А получишь отъ нея штуку, иди прямо къ воеводѣ, и я тамъ буду. Теперь мнѣ

ужъ ихъ рукъ не миновать. Они меня силой возьмутъ, да только не надолго. Если все сдѣлаешь, какъ бабушка велитъ, ты меня скоро выручишь".

Собрала жена мужа, дала ему сумочку и дала веретенцо. „Вотъ это, говоритъ, ей отдай. По этому узнаетъ, что ты мой мужъ". Показала жена ему дорогу. Пошелъ Емельянъ, вышелъ за городъ, видитъ—стрѣльцы учатся. Постоялъ, посмотрѣлъ Емельянъ. Поучились стрѣльцы, сѣли отдохнуть. Подошелъ къ нимъ Емельянъ и спрашиваетъ: „Не знаете-ли вы, братцы, гдѣ идти туда, не знай куда, и какъ принести того, не знай чего".

Услыхали это стрѣльцы и удивились. „Кто, говорятъ, тебя послалъ искать?"

— „Воевода", говоритъ.

— „Нѣтъ, говорятъ, не можемъ тебѣ пособить".

Посидѣлъ Емельянъ и пошелъ дальше. Шелъ, шелъ, приходитъ въ лѣсъ. Въ лѣсу избушка. Въ избушкѣ старуха сидитъ,— старая мужицкая мать, — кудельку прядетъ, сама плачетъ. Увидала старуха Емельяна, закричала на него: „Чего пришелъ?" Подалъ ей Емельянъ веретенцо и сказалъ, что его жена прислала. Сейчасъ помягчила старуха и стала спрашивать. И сталъ Емельянъ сказывать всю свою жизнь, какъ онъ на дѣвицѣ женился, какъ перешелъ въ городъ жить, какъ его въ дворники взяли, какъ онъ воеводѣ служилъ, какъ соборъ построилъ и рѣку съ кораблями сдѣлалъ, и какъ ему теперь воевода велѣлъ идти туда, не знай куда, и принести того, не знай чего.

Отслушала старуха и перестала плакать. Стала сама съ собою бормотать. „Ну, ладно, говоритъ, садись, сынокъ, поѣшь".

Поѣлъ Емельянъ, и стала старуха ему говорить: „Вотъ тебѣ, говоритъ, клубокъ, покати ты его передъ собой и иди за нимъ, куда онъ катиться будетъ. Идти тебѣ будетъ далеко, до самого моря. Придешь къ морю, увидишь городъ большой. Войди въ городъ, просись въ крайній дворъ ночевать. Тутъ ищи того, что тебѣ нужно.

— „Какъ-же я, бабушка, его узнаю?"

„А когда увидишь то, чего лучше отца и матери слушаютъ, оно то и есть, схвати и неси. Принесешь къ воеводѣ, онъ тебѣ скажетъ, что не то ты принесъ, что надо, а ты тогда скажи: „Коли не то, такъ разбить его надо", да ударь по штукѣ по этой, а потомъ снеси ее къ рѣкѣ, разбей и брось въ воду, тогда и жену вернешь".

Простился съ бабушкой, пошелъ Емельянъ, покатилъ клубокъ. Катилъ, катилъ, привелъ его клубокъ къ морю, у моря городъ большой. Съ краю высокій домъ. Попросился Емельянъ въ домъ

ночевать,—пустили. Легъ спать. Утромъ рано проснулся, слышитъ: отецъ поднялся будить сына, посылаетъ дрова нарубить. И не слушается сынъ: „рано еще, говоритъ, успѣю“. Слышитъ—мать съ печки слѣзаетъ и говоритъ:

— „Иди, сынокъ, у отца кости болятъ, развѣ ему самому идти?.. Пора“.

Только почмокалъ губами сынъ и опять заснулъ. Только заснулъ, вдругъ загремѣло, затрещало что-то на улицѣ. Вскочилъ сынъ, одѣлся, выбѣжалъ на улицу. Вскочилъ и Емельянъ, побѣжалъ за нимъ смотрѣть, что то такое, чего сынъ лучше отца-матери послушался. Выбѣжалъ Емельянъ, видитъ: ходитъ по улицѣ человѣкъ, носитъ штуку круглую, бьетъ по ней палками-она-то и гремитъ, ее-то сынъ и послушался. Подбѣжалъ Емельянъ, сталъ смотрѣть на штуку, видитъ: круглая, какъ кадушка, съ обоихъ боковъ кожей затянута. Сталъ онъ спрашивать, какъ она зовется?

— „Барабанъ“, говоритъ.

Подивился Емельянъ и сталъ просить себѣ эту штуку. Не дали ему. Пересталъ Емельянъ просить, сталъ ходить да слѣдить. Цѣлый день ходилъ, и когда легъ спать человѣкъ тотъ, схватилъ у него Емельянъ барабанъ и убѣжалъ съ нимъ. Бѣжалъ, бѣжалъ, пришелъ домой въ свой городъ. Думалъ жену повидать, а ея ужъ нѣтъ. На другой день её къ воеводѣ увели. Пошелъ Емельянъ къ воеводѣ, велѣлъ о себѣ доложить; „пришелъ, молъ, тотъ, кто ходилъ туда, не знай куда, принесъ того, не знай чего“. Доложили.

Велѣлъ воевода Емельяну завтра придти.

Сталъ просить Емельянъ, чтобы опять доложили:

„Я, говоритъ, нынче пришелъ, принесъ, что велѣно, пусть воевода ко мнѣ выйдетъ, а то я самъ войду“. Вышелъ воевода.—„Гдѣ, говоритъ, ты былъ?“

Онъ сказалъ.

— „Не тамъ, говоритъ. А что принесъ?“

Хотѣлъ показать Емельянъ, да не сталъ смотрѣть воевода.

— „Не то“, говоритъ.

— „А не то, говоритъ, такъ разбить её надо, и чортъ съ ней“.

Вышелъ Емельянъ съ барабаномъ и ударилъ по немъ. Какъ ударилъ, собралось все воинство воеводино къ Емельяну. Емельяну честь отдаютъ, отъ него приказу ждутъ.

Сталъ на своихъ стрѣльцовъ воевода изъ окна кричать, чтобы они не шли за Емельяномъ. Не слушаютъ, всѣ за Емельяномъ идутъ. Увидалъ это воевода, велѣлъ къ Емельяну жену вывести и сталъ просить, чтобы онъ ему барабанъ отдалъ.

— „Не могу, говоритъ Емельянъ: мнѣ, говоритъ, его разбить велѣно и оскребки въ рѣку бросить“. Подошелъ Емельянъ съ барабаномъ къ рѣкѣ, и стрѣльцы за нимъ пришли. Пробилъ Емельянъ у рѣки барабанъ, разломалъ въ щепки, бросилъ въ рѣку. И разбѣжались всѣ стрѣльцы. А Емельянъ взялъ жену и повелъ къ себѣ въ домъ. И съ тѣхъ поръ воевода пересталъ его тревожить, и сталъ онъ жить—поживать, добро наживать, а худо проживать.

Изъ народныхъ сказокъ, созданныхъ на Волгѣ въ отдаленныя отъ насъ времена, возстановилъ

Левъ Толстой.